This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 605.25

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND GIVEN
IN MEMORY OF

B. OSGOOD PEIRCE

Hollis Professor of Mathematics and
Natural Philosophy, 1888–1914

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. ОКТЯБРЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. На зарѣ крестьянской свободы. (Матеріалы для характеристики общества). 5—35

II. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII вѣка. Гл. IV—V. В. В. 37—63

III. Россія и Персія. (Эпизодъ изъ русско-персидской войны 1827 года). И. А. Зиновьева. 65—81

IV. Графъ М. М. Сперанскій и графъ А. А. Аракчеевъ. (По воспоминаніямъ Г. С. Батенкова). 83—92

V. „Бранка" въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 г. А. С. 93—96

VI. Андрей Андреевичъ Жерве. П. М. Майкова. 97—120

VII. Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга. Ч. II. А. А. Гирса. 121—138

VIII. Н. А. Милютинъ и редакціонныя коммиссіи. В. Е. Якушкина. 139—158

IX. Записки В. А. Инсарскаго. Ч. III. Гл. IV—VI. 159—187

X. Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. А. Н. Попова. Сообщ. П. Н. Цурниковъ. 189—200

XI. Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка. (Окончаніе). Ф. Я. Лучинскаго. 201—215

XII. Къ воспоминаніямъ объ А. А. Катенинѣ. М. Галкина-Враскаго. 217—221

XIII. Бытовыя черты конца прошлаго столѣтія. А. Слезскинскаго. 223—224

XIV. Записная книжка „Русской Старины": Кто можетъ считать себя блаженнымъ въ жизни. Сообщ. Л. С. М—чъ (стр. 36).—И. И. Дмитріевъ—П. П. Свиньину 15-го апрѣля 1829 г. (64).—Запрещеніе въ 1798 г. привоза сочиненій Вольтера и пріѣзжающимъ французамъ оставаться въ Митавѣ. Сообщ. А. В. Безродный. (82).—Два указа Александра I отъ 15-го и 17 марта 1801 г. (188).—П. А. Плетневъ — А. Г. Тройницкому. 22-го ноября 1838 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій. (216).—Рескриптъ Александра I—Д. А. Гурьеву. отъ 9-го апрѣля 1811 г. (222).

XV. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Л. В. Евдокимова. 193—208

XVI. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Николая Алексѣевича Милютина.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1897.

Библіографическій листокъ.

Исторія россійскаго флота въ царствованіе Петра Великаго. Переведъ съ неизданной англійской рукописи графъ Е. Путятинъ. СПБ. 1897 г.

Разсматриваемая нами книга, посвященная его императорскому высочеству великому князю генералъ-адмиралу Алексѣю Александровичу, переведена графомъ Путятинымъ съ случайно найденной имъ въ одной лондонской антикварной лавкѣ англійской рукописи о русскомъ флотѣ при Петрѣ Первомъ.

Указаній на автора или составителя этой рукописи при ней нѣтъ, но по бумагѣ и почерку, въ особенности по живости слова и подробности въ изложеніи, слѣдуетъ заключить, что повѣствованіе велось современникомъ, человѣкомъ, близко стоявшимъ къ морскому нашему міру, имѣвшимъ возможность собирать вѣрныя о немъ свѣдѣнія, и интересовавшимся мельчайшими подробностями, относящимися къ созиданію флота великимъ преобразователемъ Россіи.

„Съ самой юности царь Петръ выказывалъ любовь ко всему, касающемуся мореплаванія“,—такъ начинаетъ свое изложеніе неизвѣстный авторъ. Уже въ 1695 году, задумавъ осаду Азова, Петръ I заказалъ греческимъ и итальянскимъ мастерамъ выстроить въ Воронежѣ, на Дону, нѣсколько судовъ для перевозки артиллеріи, боевыхъ припасовъ и, отчасти, войска. Взятіе крѣпости Азова, открывшей доступъ къ Азовскому морю, впервые подало царю мысль о созданіи морской силы. Ему еще никогда до этого времени не приходилось видѣть настоящихъ военныхъ кораблей и, слѣдовательно, онъ не могъ имѣть настоящаго понятія объ этомъ дѣлѣ,—„тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ авторъ рукописи,—по самоувѣренности, свойственной россіянину, считая своихъ мастеровъ способными на всякое дѣло, входящее въ кругъ ихъ работъ, онъ послѣднимъ поручилъ выстроить военныя суда“. Для пополненія расходовъ, вызванныхъ этою постройкою, былъ учрежденъ особый налогъ, который взимался съ бояръ и вельможей частію добровольно, частью же—въ видѣ наказанія.

Почти одновременно съ этими приготовленіями на Дону, царь рѣшилъ завести флотъ на Волгѣ. Имъ даны были указанія голландскимъ мастерамъ относительно постройки 100 грузовыхъ судовъ, преимущественно для торговыхъ цѣлей.

Сказавъ объ основаніи, въ 1703 году, Петербурга, неизвѣстный авторъ въ бо́льшей части своего труда описываетъ постепенное развитіе русскихъ морскихъ силъ на Балтійскомъ морѣ. Въ первый разъ судамъ, построеннымъ Петромъ въ Петербургѣ, удалось сослужить полезную службу, по словамъ автора, въ началѣ 1711 года, к понадобилось снабдить провизіею, ам ціею и артиллеріею отрядъ, осаждав Выборгъ. Въ это время, какъ видно помѣщеннаго въ книгѣ списка (стр. русскіе располагали на Балтійскомъ м семью военными судами, на которыхъ н дилось 204 пушки; при чемъ корабли боргъ» и «Рига» имѣли по 52 пушки каж Въ 1724 году такихъ судовъ было уже и на нихъ—около 1.500 орудій; при ч большія суда («Гангутъ» и пять друг имѣли по 90 пушекъ. Эти цифровыя дан показываютъ, какъ энергично дѣйствов великій преобразователь Россіи при со ніи нашего флота.

Въ названной нами книгѣ авторъ дробно разсматриваетъ все, касающе морскаго дѣла въ Россіи; тутъ мы на димъ свѣдѣнія объ устройствѣ порт верфей, о постройкѣ кораблей и судовъ заказѣ ихъ за границей, о денежномъ держаніи чиновъ морского вѣдомства, о допроизводствѣ и пр. Такъ, относител экипажа судовъ, авторъ, между проч говоритъ, что оклады содержанія, полу мые иностранными офицерами сухопут вѣдомства кромѣ оклада служащихъ артиллеріи, были значительно ниже п чаемыхъ морскими офицерами. Русски старожилы-голландцы получаютъ весьма большое содержаніе въ виду ихъ неопы сти въ искусствахъ, сравнительно съ д гими націями. Царю для россійскаго ф та весьма трудно пріобрѣсти хорош унтеръ-офицеровъ, или, какъ ихъ зовутъ Англіи, варрантныхъ офицеровъ, по слу весьма дурнаго обращенія съ ними лей нантовъ,—въ большинствѣ случаевъ р сіянъ, характера весьма необузданнаго, малѣйшемъ возбужденіи. Россійскій нар по словамъ автора рукописи, вообще въ разительной степени поддается унынію, части истекающему изъ деспотическ обращенія съ нимъ старшихъ, частью отъ бѣднаго, нищенскаго способа пита такъ какъ русскіе много потребляютъ с и кислотъ и чрезвычайно подвержены цын къ банямъ же такъ привержены, что, е не сходятъ въ нихъ хоть разъ въ недѣ помыться, бываютъ одолѣваемы насѣкомы Губительное вліяніе имѣетъ ихъ религ предписывающая строгое соблюденіе въ г трехъ постовъ, въ общемъ достигающи 15-ти недѣль, не считая въ томъ чи всѣхъ средъ и пятницъ въ теченіе года.

Говоря о постройкѣ судовъ, неизвѣстн авторъ замѣчаетъ: опытомъ дознано, самыя лучшія суда, выстроенныя изъ е ваго дерева, не могутъ служить долѣе се лѣтъ и что даже изъ дубовыхъ нѣкотор по прошествіи 8-ми лѣтъ, требуютъ пер дѣлки. Это обстоятельство авторъ об

РУССКАЯ СТ[illegible]

[illegible]

ИСТОРИЧЕСКОЕ [illegible]

[illegible]

1897.

[illegible]

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ

[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
[illegible]
1897

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1897.

ОКТЯБРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

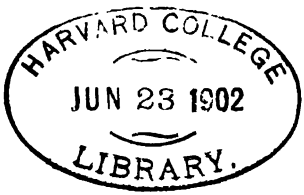
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ

39

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1897.

~~Slav 25.10~~
P Slav 605. 25



Peirce fund

7130
50

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1898 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, небывшія подписчиками въ 1895 и 1897 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи **«Русской Старины»** изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ **«Русской Старины» 1 руб.**, а для всѣхъ остальныхъ **1 руб. 50 коп.**

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала **«Русская Старина»**: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что **Указатель** напечатанъ въ *ограниченномъ* числѣ экземпляровъ.

На зарѣ крестьянской свободы.

(Матеріалы для характеристики общества)

(1857—1861 гг. [1]).

I.

Вмѣсто предисловія.—Движеніе общественной мысли.—Безпорядки 31-го декабря 1856 г.—Случай съ указомъ объ увольненіи помѣщиками крестьянъ.—Тревожное настроеніе.—Секретный Комитетъ.—Мнѣніе о немъ въ столицахъ и провинціи.—Инвентари и оппозиція.—Частныя попытки освобожденія съ землею и выкупъ дворовыхъ.—Д. П. Журавскій.—Проекты освобожденія, представляемые правительству частными лицами.—Мнѣнія членовъ секретнаго комитета.—Молчаніе печати.—Отъѣздъ многихъ за границу.—Мнѣнія западника и славянофила.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ мой хорошій знакомый, уже двадцать лѣтъ жившій безвыѣздно въ своемъ О—скомъ имѣніи. Студентъ Московскаго университета, человѣкъ хорошо образованный, онъ до конца жизни слѣдилъ за ходомъ общественнаго развитія, обладая для этого прекрасною библіотекою и безпрерывно ведя переписку съ близкими ему—государственными людьми, литераторами и съ болѣе образованными

[1]) Исторія освобожденія крестьянъ имѣетъ весьма обширную литературу. Къ числу первоисточниковъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ: 1) „Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ“; 2) „Матеріалы редакціонныхъ коммисій“; 3) „Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II“ Александра Скребицкаго и 4) „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“ Н. П. Семенова. Независимо отъ этихъ, можно сказать, фундаментальныхъ сочиненій, почти не было и нѣтъ журнала, въ которомъ не появилось бы нѣсколькихъ статей по крестьянскому вопросу. Журналы „Русскій Вѣстникъ“, „Русская Старина“, „Русскій Архивъ“, „Современникъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Заря“ и многія другія переполнены статьями, которыя такъ или иначе касаются этой великой реформы. Но какъ жило то общество, которое выпускало изъ своихъ рукъ все, чѣмъ привыкло владѣть и распоряжаться какъ своею собственностію,—объ этомъ въ литературѣ существуетъ весьма мало свѣдѣній. Настоящая статья служитъ первою попыткою въ этомъ направленіи и является характеристикою образованнаго общества и помѣщиковъ, переживавшихъ трудное для нихъ время. Ред.

помѣщиками. Въ періодъ освобожденія крестьянъ онъ принималъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ, и судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что своими дѣльными мыслями и заявленіями имѣлъ не малое вліяніе на ходъ законодательной разработки этой великой реформы.

— У меня есть нѣсколько интересныхъ документовъ,—сказалъ онъ мнѣ за нѣсколько дней до своей кончины. Вы можете воспользоваться ими. Это— частная переписка со мною и съ моими знакомыми, которая велась, какъ увидите, весьма оживленно за послѣдніе годы передъ освобожденіемъ крестьянъ. Многое въ этой перепискѣ не идетъ къ дѣлу и не имѣетъ значенія; но многое чрезвычайно мѣтко характеризуетъ тогдашнее общественное настроеніе. Тамъ есть подлинныя письма, есть множество списковъ съ подлинниковъ. Когда-то я ревностно собиралъ все, что было писано, но не печатано по крестьянскому дѣлу. Мнѣ хотѣлось прослѣдить общественныя теченія того времени не по оффиціальнымъ документамъ, даже не по мнѣніямъ, скрашеннымъ литературнымъ лоскомъ, а именно по задушевнымъ мыслямъ и взглядамъ, какъ они высказывались въ частной перепискѣ, въ интимномъ разговорѣ. Согласитесь, что, пользуясь такимъ матеріаломъ, картина общественнаго настроенія будетъ вѣрнѣе. Я давно хотѣлъ разработать этотъ собранный у меня матеріалъ; но отчасти близость времени, еще не отошедшаго въ глубь безпристрастнаго историческаго сужденія о немъ, отчасти наша природная русская лѣнь и безпечность помѣшали этому. Передавая вамъ этотъ матеріалъ, думаю, что вы можете что-нибудь изъ него сдѣлать.

Я явился такимъ образомъ обладателемъ цѣлой кипы подлинныхъ писемъ и выписокъ изъ другихъ писемъ, относящихся къ пятилѣтію 1857—1861 годовъ. Содержаніе ихъ относится по преимуществу къ крестьянскому дѣлу, хотя въ нѣкоторыхъ я нашелъ не мало разсужденій и взглядовъ, относящихся до другихъ предметовъ—государственнаго устройства, литературы и проч. Группируя этотъ матеріалъ по содержанію затрогиваемыхъ имъ предметовъ, я, согласно волѣ покойнаго, старался передать его въ подлинномъ текстѣ и вводилъ историческія справки и заключенія только въ томъ случаѣ, когда это являлось необходимымъ для связи однородныхъ предметовъ или для цѣльности обрисовываемой картины далекаго прошлаго. Долженъ предупредить, что предлагаемая статья не есть историческое изслѣдованіе, а только хроника общественныхъ взглядовъ и общественнаго настроенія, составленная по задушевнымъ мыслямъ лицъ, такъ или иначе принимавшихъ участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Восточная война 1853—1856 г.г., принесшая за собой такъ много разочарованія, невольно пробудила общественную мысль даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи; всѣ проснулись отъ невозмутимаго,

многолѣтняго спокойствія. Начали думать и говорить не только въ литературныхъ кружкахъ двухъ противуположныхъ лагерей—славянофиловъ и западниковъ, не только среди лицъ правящихъ или близко стоящихъ къ общественному дѣлу, но и въ общественныхъ собраніяхъ самыхъ глухихъ закоулковъ имперіи. Перемѣна царствованія и естественное послѣдствіе этого—ожиданіе чего нибудь новаго, невольно заставили призадумываться многихъ, въ особенности когда среди народа стали проявляться, хотя и смутныя, но все же надежды на возможность избавиться наконецъ отъ помѣщичьяго гнёта.

Трудно вѣрилось тогда, чтобы твердый, какъ гранитъ, севастопольскій солдатъ могъ быть оставленъ при той же обстановкѣ, при какой находился въ прошлое царствованіе, чтобы ополченецъ спокойно воротился на барщину и съ тою же покорностью владѣльцу началъ нести прежнее тягло. Всѣ чувствовали, что Россія должна выйти на путь преобразованій, вызванныхъ массою вопросовъ, получившихъ вдругъ право гражданства и становившихся неотлагательными. Сила вещей сама собой увлекала правительство въ сторону развитія, перемѣны и прогресса. Явилась возбужденность мысли, безпокойство, а въ концѣ концовъ высказалось стремленіе приступить къ разрѣшенію главныхъ задачъ государственной жизни и къ пересмотру историческихъ формъ, въ которыхъ она движется.

Робко и нерѣшительно отрѣшалось на первыхъ порахъ правительство отъ старыхъ формъ государственнаго бытія. Съ первыхъ дней воцаренія императора Александра II, основываясь на словахъ, сказанныхъ имъ депутаціи с.-петербургскаго дворянства, что «я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго»,—между разными толками и предположеніями ходило мнѣніе, что дворянство будетъ пользоваться особымъ покровительствомъ и что крѣпостное право упрочится и утвердится. Такое убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось послѣдовавшею 20-го августа 1855 года министерскою перемѣною и циркуляромъ новаго министра, съ которымъ онъ обратился къ губернскимъ предводителямъ дворянства.

На мѣсто бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Бибикова назначенъ былъ С. С. Ланской. Бибиковъ считался врагомъ дворянства вслѣдствіе настоятельнаго введенія инвентарей въ западныхъ губерніяхъ и испрошеннаго имъ права замѣнять во всей имперіи выборныхъ исправниковъ чиновниками отъ правительства, поэтому неудивительно, что состоявшуюся перемѣну дворянство объясняло въ свою пользу. Еще болѣе привелъ въ восторгъ дворянъ циркуляръ новаго министра Ланскаго. Всѣ знали, что проектъ циркуляра былъ представленъ государю и имъ одобренъ. Фразу о ненарушимости и охраненіи правъ дворянства относили къ крѣпостному праву, всѣ радовались

обнародованной программѣ правительства, забывая странную форму подтвержденія дворянскихъ привилегій не царскою грамотою или манифестомъ, а краткимъ циркуляромъ министра. Тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ, въ англійскомъ клубѣ, этотъ циркуляръ разбирали на расхватъ, такъ что директоръ департамента общихъ дѣлъ Гвоздевъ вынужденъ былъ напечатать второе его изданіе.

Послѣдовавшія обстоятельства обнаружили, однако, что министръ Ланской глубоко ошибался и не умѣлъ разгадать завѣтныхъ желаній монарха. Онъ даже не взвѣсилъ сказанныхъ государемъ словъ новгородскому и орловскому предводителямъ дворянства при ихъ представленіи о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, и когда предводители просили у Ланскаго объясненія, что имъ должно думать по поводу словъ государя, то онъ спѣшилъ увѣрить ихъ о твердомъ намѣреніи правительства охранять крѣпостныя права помѣщиковъ. Въ одинаковой степени онъ оставался глухъ къ общественному настроенію и къ ходившимъ въ то время въ обществѣ слухамъ. Въ Москвѣ и по губерніямъ говорили, что будто-бы освобожденіе крестьянъ было одно изъ условій только что заключеннаго мира и помѣщено въ секретный трактатъ, вслѣдствіе особеннаго настоянія Наполеона III-го, писавшаго объ этомъ собственноручно государю; ходили слухи, будто императоръ Николай на смертномъ одрѣ завѣщалъ сыну непремѣнно покончить крестьянское дѣло, за которое онъ самъ столько разъ принимался. Всѣ подобнаго рода предположенія, гаданія и слухи ходили не въ одномъ простомъ народѣ, но и среди помѣщиковъ, такъ что когда императоръ въ концѣ марта 1856 года, т. е. тотчасъ по заключеніи мира, прибылъ въ Москву, то графъ Закревскій, тогдашній генералъ-губернаторъ, между прочимъ докладывалъ государю, что въ народѣ и между дворянствомъ распространился слухъ, будто готовится освобожденіе крестьянъ, а потому просилъ государя принять депутатовъ отъ московскаго дворянства и успокоить ихъ. Государь исполнилъ желаніе генералъ-губернатора и принялъ губернскаго предводителя московскаго дворянства князя Щербатова съ уѣздными предводителями, причемъ высказалъ имъ слѣдующія замѣчательныя слова:

— Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія *сдѣлать это теперь*. Но, конечно, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ-бы

привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія.

Такія неожиданныя слова государя поразили дворянство какъ громомъ и привели въ великое удивленіе общество и министровъ. Никто не подозрѣвалъ въ государѣ подобнаго намѣренія и подобнаго взгляда на крѣпостное право. Всѣ объясняли это личнымъ участіемъ, принимаемымъ имъ, будучи еще наслѣдникомъ, въ крестьянскихъ комитетахъ. Но какъ-бы то ни было, слова, сказанныя государемъ въ Москвѣ дворянству, являются краеугольнымъ камнемъ новаго и рѣшительнаго поворота въ исторіи освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Когда государь возвратился въ Петербургъ, министръ Ланской спрашивалъ его величество о значеніи, какое слѣдовало приписывать его рѣчи дворянству, и государь категорически отвѣтилъ, что слова его не должны оставаться безъ послѣдствій. Такой отвѣтъ, разумѣется, тотчасъ же былъ принятъ къ свѣдѣнію не только Ланскимъ, но и всѣми приближенными къ государю, а потому неудивительно, что въ то же время былъ поднятъ весь бюрократическій міръ на разработку стараго, но никогда не всплывавшаго на поверхность государственнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Дѣлъ, близко соприкасавшихся съ крестьянскимъ вопросомъ, на обсужденіи государственныхъ учрежденій тогда было нѣсколько. Во-первыхъ, существовавшая при военномъ министерствѣ коммисія пришла къ заключенію о возможности распустить баталіоны военныхъ кантонистовъ, на что государь изъявилъ согласіе, и тѣмъ, прежде прочаго, уничтожено было военное рабство; во-вторыхъ, доложено было государю дѣло, переданное на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ изъ Государственнаго Совѣта и II-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи о недѣлимости помѣщичьихъ и о лучшемъ устройствѣ мелкопомѣстныхъ имѣній, которое также разрѣшено было государемъ въ смыслѣ облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ при раздѣлахъ имѣній и при мелкопомѣстномъ владѣніи; наконецъ, въ третьихъ, предположено было отмѣнить воспрещеніе въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ увольнять крестьянъ по духовному завѣщанію, на что также послѣдовало согласіе государя. Видя изъ подобныхъ резолюцій императора расположеніе его дать ходъ крестьянскому дѣлу, Ланской предложилъ соединить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ всѣ производившіяся въ разное время и въ разныхъ вѣдомствахъ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, на что и послѣдовало согласіе. Трудно сказать, подъ какимъ впечатлѣніемъ здѣсь дѣйствовалъ Ланской: раздѣлялъ-ли онъ прогрессивныя воззрѣнія государя или только былъ угодливымъ царедворцемъ? Судя по первымъ шагамъ его дѣятельности въ министерствѣ, его слѣдовало-бы зачислить въ число крѣпостниковъ, если только не

принимать въ разсчетъ необходимую осторожность со стороны министра только что вошедшаго на престолъ монарха; но судя по тому неудовольствію со стороны князя Орлова, государственнаго секретаря Буткова и другихъ вліятельныхъ лицъ, возникшему вслѣдствіе помянутаго выше предложенія, сдѣланнаго Ланскимъ государю, его слѣдуетъ причислить къ первымъ сподвижникамъ императора Александра по великому дѣлу освобожденія крестьянъ.

Изъ полученныхъ изъ разныхъ вѣдомствъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній поручено было товарищу министра Левшину составить для государя историческую записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи и въ особенности о мѣрахъ, принимавшихся къ ограниченію его со времени Петра I-го.—Записка была составлена толково и исторически вѣрно, но давала весьма мало указаній, какой слѣдуетъ избрать путь для приведенія крестьянскаго дѣла въ движеніе. Прошлое указывало только на слабыя попытки, неосуществившіяся на дѣлѣ и вытекавшія изъ самыхъ разнообразныхъ поводовъ. Государь одобрилъ записку, но увидалъ, что строить зданіе предстоитъ заново, не опираясь на прошлое.

Къ тому времени начались приготовленія къ коронаціи, на которую созывались изъ всѣхъ губерній предводители дворянства.—Ланской предложилъ государю воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы войдти съ ними въ переговоры о крестьянскомъ дѣлѣ. Государь согласился на это предложеніе и поручилъ Левшину въ разговорахъ съ предводителями великороссійскихъ губерній коснуться отношеній ихъ къ своимъ крестьянамъ, стараясь узнать ихъ мнѣніе и степень ихъ расположенія къ освобожденію крѣпостнаго люда.

Среди коронаціонныхъ пиршествъ начались переговоры въ частныхъ совѣщаніяхъ съ товарищемъ министра. Левшинъ началъ дѣло издалека, указывалъ на необходимость и на желаніе государя улучшить быть крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ отношеній къ помѣщику, рисовалъ передъ предводителями картину послѣдовательнаго стремленія къ этому правительства, но всѣ его попытки вызвать добровольное согласіе на содѣйствіе видамъ правительства остались тщетны. Предводители пробовали собираться на совѣщанія, поднимали вопросъ на обсужденіе, но не пришли ни къ какому результату. Они прямо объявили Левшину, что предлагаемая мѣра, по ихъ мнѣнію, не своевременна и что едва-ли она встрѣтитъ сочувствіе со стороны дворянъ.—Съ своей же стороны они ничего не могутъ сказать положительнаго, такъ какъ не уполномочены избирателями разрѣшать столь близкій ихъ интересу вопросъ. Совсѣмъ иначе показали себя предводители дворянства западныхъ губерній и особенно литовскіе. Въ то время въ сѣверозападныхъ губерніяхъ образованы были инвентарные комитеты для пересмотра порядка и размѣровъ установленной барщины. Дворяне недовольны были инвентарными

положеніями и желали болѣе точнаго опредѣленія отношенія ихъ къ своимъ крестьянамъ. Вотъ почему на заявленіе Левшина предводители литовскихъ губерній тотчасъ же изъявили готовность содѣйствовать видамъ правительства и успѣли убѣдить товарища министра, что дворянство охотно пойдетъ въ этомъ вопросѣ по пути, предначертанному правительствомъ. Государь обрадованъ былъ такимъ заявленіемъ литовскихъ предводителей, вслѣдствіе чего тотчасъ же дана была генералъ-губернатору Назимову инструкція, какъ онъ долженъ дѣйствовать, чтобы привести дворянство ввѣренныхъ ему губерній къ выраженію своихъ желаній въ смыслѣ освобожденія крестьянъ.

Въ Москвѣ тѣмъ все и кончилось. Правительство, по весьма многимъ соображеніямъ, имѣло намѣреніе поставить дѣло такъ, чтобы починъ его шелъ отъ дворянства, а не отъ власти. Такою постановкою столь важнаго государственнаго вопроса достигалось: во-первыхъ, смягченіе оппозиціоннаго направленія со стороны дворянъ и, во-вторыхъ, оберегало дворянъ противъ все увеличивающагося недовольства народа. Къ сожалѣнію, предводители дворянства великороссійскихъ губерній не поняли истиннаго значенія сдѣланнаго товарищемъ министра имъ предложенія.

Все происходившее въ Москвѣ тотчасъ же разнеслось по всей Россіи и глухимъ отголоскомъ стало извѣстно народу, породивъ въ немъ самыя разнообразныя и даже причудливыя предположенія. Намѣреніе государя стало ясно, цѣль предстоящаго обновленія очевидна, а это еще болѣе толкнуло общественную и народную мысль на внутреннюю работу и еще болѣе возбудило ожиданій чего нибудь новаго, серіознаго, капитальнаго. Какъ во всякомъ броженіи всегда бываютъ разнородныя явныя и тайныя теченія, такъ и въ то время на ряду съ общимъ безпокойнымъ отъ предстоящихъ перемѣнъ настроеніемъ общества и народа, начали дѣйствовать подспудныя силы, имѣя своимъ источникомъ туземное и заграничное происхожденіе. Яснѣе всего это обнаружилось въ слѣдующемъ случаѣ, бывшемъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1856 г.

Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривался въ законодательномъ порядкѣ возбужденный сенатомъ вопросъ о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Сдѣланы были подлежащія дополненія въ законахъ, а затѣмъ послѣдовалъ сенатскій указъ, поступившій въ продажу въ сенатскую лавку съ слѣдующимъ заголовкомъ: «По вопросу о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ». Вдругъ по городу разнесся слухъ, что вышелъ указъ о вольности и что его продаютъ въ сенатѣ. Толпы народа броси-

лись въ сенатскую лавку и въ теченіе трехъ дней на сенатской площади народъ толпился цѣлое утро, такъ что наконецъ полиція вынуждена была принять мѣры къ водворенію порядка. Указъ перепродавали въ мелочныхъ лавкахъ и цѣна за него доходила до трехъ руб. сер. Множество экземпляровъ его было выслано крестьянами во внутрь губерній, и спустя цѣлый годъ еще толковали о немъ по деревнямъ. Министръ юстиціи графъ Панинъ пришелъ изъ-за этого происшествія въ неописанную ярость, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы впредь никакіе указы не продавались безъ особаго на то разрѣшенія, и поручилъ губернаторамъ отбирать отъ крестьянъ помянутый указъ, гдѣ онъ только обнаружится. Болѣе ревностные губернаторы, какъ напримѣръ ярославскій, въ точности исполняли предписаніе министра и не только отбирали отъ крестьянъ указъ, но даже сажали ихъ за это въ тюрьму. Задержанныхъ въ С.-Петербургѣ въ числѣ 150 человѣкъ велѣно было высѣчь при полиціи. Словомъ, такой пустой случай послужилъ поводомъ къ еще большему движенію какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи.

«Тысяча-тысячъ возмутительныхъ воззваній къ народу русскому, писалъ напримѣръ 10-го января 1857 г. Александръ Михайловичъ Тургеневъ къ К. П. П. въ Москву, высланы были изъ Лондона въ Россію. и разсказывали, что министръ внутреннихъ дѣлъ непрестанно получаетъ отъ губернаторовъ донесенія о появленіи въ народѣ этихъ воззваній. Здѣсь сказывали мнѣ, что во многихъ мѣстахъ, на углахъ и перекресткахъ были налѣплены печатныя афиши, въ которыхъ приглашался народъ во всѣ трактиры, рестораціи, харчевни и даже кабаки для выслушанія указа объ отобраніи крѣпостныхъ людей и о зачисленіи ихъ въ государственные. Сколько извѣстно, министръ внутреннихъ дѣлъ никакихъ мѣръ не принимаетъ: «онъ старамъ стала, глупамъ стала, умъ кончала»—какъ нѣкогда сказалъ въ Казани татаринъ генералъ-губернатору князю Мещерскому. Товарищъ же министра, хитрая лисица, молчитъ для того и потому, что желаетъ занять мѣсто министра».

Въ другомъ письмѣ А. М. Тургеневъ мѣтко характеризуетъ тогдашнее настроеніе, причемъ сообщаетъ и о другихъ причинахъ, вызвавшихъ декабрьскіе уличные безпорядки въ С.-Петербургѣ, «Тревожныя событія, пишетъ онъ, объясняются изложеніемъ указа, и, говорятъ, не ошибкою, а умышленно составленнаго. Содержаніе указа—«о перечисленіи помѣщичьихъ крестьянъ въ число государственныхъ, живущихъ...» Почему выпущено слово: отпущенныхъ помѣщиками на волю крестьянъ, живущихъ на собственныхъ или купленныхъ земляхъ; да и тогда слѣдовало сказать не о перечисленіи, а о причисленіи ихъ въ вѣдомство государственныхъ крестьянъ. Высокій-превысокій [1]) при-

[1]) Графъ Панинъ (худой, высокаго роста).

казалъ тиснуть 35.000 экземпляровъ, тогда какъ указъ не подлежитъ обнародованію, а къ исполненію порядка установленнаго. Спросили Высокаго-превысокаго, для чего приказалъ тиснуть 35.000 экземпляровъ? Превысокій отказался отъ своего приказанія, что онъ никогда и никому о томъ не говорилъ. Начальникъ типографіи былъ арестованъ и отведенъ на гауптвахту; но онъ обличилъ приказаніе тѣмъ, что оно записано въ журналъ. Разсказываютъ, что тысячи экземпляровъ указа раскуплены и конечно отправлены во внутрь. Эта продѣлка можетъ, чего Боже сохрани, разыграться не на шутку».

Далѣе А. М. Тургеневъ рисуетъ картину весьма тревожнаго и опаснаго положенія того времени.

«Сообразите, пишетъ онъ, что 340.000 кантонистовъ повелѣно распустить. Вотъ вамъ готовая армія! Всѣ они пролетаріи и, не имѣя куска хлѣба, ни пріюта, ни одежды, будутъ вынуждены дѣлать то, что отъ нихъ потребуютъ. Господа же писаки, наши журналисты и сентиментальные литераторы не укоснятъ преподать правила и наставленія кантонистамъ. Они же всѣ знаютъ грамоту. Вотъ вамъ все и готово, чего добиваются господа литераторы. Вспомните о табунѣ раскольниковъ; ихъ насчитываютъ болѣе 8-ми милліоновъ, и бо́льшее число головъ въ этомъ табунѣ принадлежатъ помѣщикамъ. Ну какъ табунъ шарахнется,—что тогда дѣлать?»...

Подобнаго рода опасенія раздѣлялись тогда многими, и по всей вѣроятности имѣли значительное давленіе на высшія сферы и даже на самого государя. Въ отвѣтъ не опасенія А. М. Тургенева, получившій его письмо отвѣчалъ, что причина такихъ безпорядковъ не что иное, какъ само крѣпостное право.

«Письмо ваше, писалъ онъ А. М. Тургеневу отъ 10-го января и удивило и огорчило меня извѣстіемъ о смутѣ, произведенной въ Петербургѣ распространеніемъ подложнаго указа. Конечно нельзя назвать ни добрымъ гражданиномъ, ни честнымъ человѣкомъ того, кто на такое дѣло рѣшился. Ужасно подумать, что можетъ произойти отъ такихъ случаевъ, особенно если они повторятся гдѣ нибудь въ глуши. Вотъ какую бездну ископало для нашего отечества крѣпостное состояніе. Когда случай, подобный описанному вами, даетъ поводъ заглянуть въ эту бездну, голова кружится и ужасъ нападаетъ на душу. Надобно засыпать эту бездну непремѣнно—иначе не миновать погибели. Но какъ исполнить это, какъ приступить къ этому, какъ сохранить въ себѣ и во всемъ окружающемъ присутствіе духа, искусство владѣть собою и постоянную осторожность, безъ которыхъ невозможна опасная работа надъ бездною».

Но рѣшимость покойнаго императора Александра II стояла выше всякихъ опасеній. Несмотря на тревожное настроеніе общества и

массъ народа, несмотря на безпрерывно представляемыя ему опасенія со стороны лицъ близко стоявшихъ, государь все-таки не покидалъ своей мысли и настойчиво шелъ къ достиженію задуманной цѣли.

Еще въ декабрѣ 1856 года министръ Ланской, объясняя въ докладной запискѣ государю нѣкоторыя свои соображенія по крестьянскому вопросу, между прочимъ говорилъ, что выкупъ земли для крестьянъ запутаетъ наши финансы и что лучше, чтобы люди пріобрѣтали имущество своими трудами, нежели надѣлять ихъ на счетъ государства безъ всякой съ ихъ стороны заботы и ввергнуть ихъ тѣмъ въ безпечность, къ которой помѣщичьи крестьяне и безъ того пріучены крѣпостнымъ правомъ. Въ той же запискѣ Ланской изъяснялъ, что несмотря на слова, сказанныя его величествомъ въ Москвѣ предводителямъ дворянства и на подобныя-же выраженія, обращенныя съ тѣхъ поръ къ нѣкоторымъ другимъ предводителямъ, являвшимся въ Петербургъ, а равно и на собственныя его неоднократныя внушенія предводителямъ, что пора приняться за дѣло,—до сихъ поръ всѣ эти приглашенія остаются тщетными, и дворяне продолжаютъ отговариваться тѣмъ, что не знаютъ, на какихъ-де началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами они придумать не могутъ. Такое заявленіе министра ясно указывало государю, что необходимо предварительно выработать основныя начала предстоящаго освобожденія крестьянъ, безъ чего невозможно будетъ вызвать добровольное заявленіе объ этомъ со стороны помѣщиковъ. Ланской предлагалъ, по прежнимъ примѣрамъ, образовать для этого особый комитетъ изъ довѣренныхъ лицъ, вслѣдствіе чего на новый 1857 годъ государь выразилъ свою волю объ образованіи «Секретнаго комитета» подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній объ измѣненіи крѣпостной зависимости, что было неожиданностью даже для тѣхъ, кто считалъ себя приближеннымъ государю. Комитетъ составленъ былъ изъ слѣдующихъ лицъ: князя Орлова, съ правомъ предсѣдательства при отсутствіи государя, министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, управляющаго II-мъ отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи и предсѣдателя департамента законовъ графа Блудова, министра финансовъ Брока, государственныхъ имуществъ Муравьева, главноуправляющаго путями сообщенія Чевкина, генералъ-адъютанта Ростовцева, членовъ Государственнаго Совѣта: барона М. А. Корфа, князя П. П. Гагарина, министра двора графа В. Ѳ. Адлерберга, и шефа-жандармовъ князя В. А. Долгорукова, а въ отсутствіе его генералъ-адъютанта Тимашева. Производителемъ дѣлъ назначенъ былъ государственный секретарь Бутковъ. Ланской не умѣлъ или не хотѣлъ оставить обязанности дѣлопроизводителя за своимъ товарищемъ Левшинымъ, который по предшествовавшимъ занятіямъ имѣлъ полное на это право и конечно былъ-бы гораздо

полезнѣе Буткова, совершенно къ дѣлу не приготовленнаго и представленнаго на утвержденіе государя вѣроятно изъ угожденія князю Орлову и другимъ противникамъ упраздненія крѣпостнаго права.

3-го января 1857 года помянутыя особы приглашены были въ квартиру князя Орлова. Засѣданіе открыто было самимъ государемъ и прежде всего приглашеніемъ присутствующихъ лицъ къ сохраненію всего, что будетъ въ ономъ положено, въ величайшей тайнѣ. Затѣмъ государь изъяснилъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно занимаетъ правительство; что предками его принимались разныя мѣры къ устройству и улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ, но мѣры эти, вслѣдствіе обстоятельствъ, не имѣли успѣха; что крѣпостное состояніе отжило свое время; что вопросъ этотъ занимаетъ мысли государя съ самаго вступленія его на престолъ, и нынѣ онъ предлагаетъ призваннымъ лицамъ объявить: слѣдуетъ-ли принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ? На это присутствующіе единогласно объявили: что вопросъ о крѣпостномъ состояніи, по ихъ мнѣнію, дѣйствительно требуетъ разрѣшенія, что помѣщики вообще предполагаютъ въ правительствѣ намѣренія измѣнить настоящія ихъ отношенія къ крестьянамъ, но, не зная сущности сихъ намѣреній, находятся оттого въ тревожномъ состояніи; что съ своей стороны крестьяне ожидаютъ въ пользу свою мѣропріятій со стороны правительства и полагаютъ, что къ осуществленію оныхъ препятствуютъ помѣщики; что толки о свободѣ въ настоящее время не составляютъ нѣчто новое, а есть явленіе обыкновенное при началѣ каждаго новаго царствованія, но что нельзя не сознаться, что повтореніе этихъ толковъ можетъ наконецъ породить опасность для государственнаго спокойствія; что мѣры, до сихъ поръ принимавшіяся къ облегченію выхода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, какъ то: указъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ и 1842 года объ обязанностяхъ крестьянъ—не имѣли успѣха, и число освобожденныхъ, на основаніи сихъ постановленій, крестьянъ оставалось чрезвычайно ограниченнымъ; что самъ покойный императоръ Николай смотрѣлъ на положеніе объ обязанностяхъ крестьянъ, какъ на мѣру временную, переходную. Вслѣдствіе того члены полагаютъ, что нынѣ настало время къ пересмотру всѣхъ постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ, съ цѣлью изысканія лучшаго способа къ освобожденію ихъ изъ крѣпостной зависимости, но съ должною осторожностью и постепенностью [1]).

Послѣ такого со стороны членовъ изъясненія, по приказанію государя, Бутковъ прочелъ историческую записку Левшина, а затѣмъ по

---

[1]) Срав. записки сенатора Я. А. Соловьева. «Русская Старина» 1780 г., т. XXVII, № 2, стр. 319—323.

прочтеніи записки государь присовокупилъ, что въ послѣднее время поступило къ нему множество частныхъ записокъ по крестьянскому вопросу, изъ коихъ одна, между прочимъ, обратила на себя его вниманіе. Записка эта, полтавскаго помѣщика Позена, по приказанію государя, была также прочитана собранію Бутковымъ. Засѣданіе закончилось объявленіемъ государя, что для разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса и составленія по оному предположеній, онъ учреждаетъ подъ личнымъ своимъ вѣдѣніемъ и предсѣдательствомъ князя Орлова особый «Секретный комитетъ» изъ присутствующихъ въ настоящемъ засѣданіи лицъ.

Первымъ распоряженіемъ комитета было вытребовать изъ министерства внутреннихъ дѣлъ все сосредоточенное въ немъ дѣлопроизводство и дѣла комитета 1826 года. Собраны были также нѣкоторые частные проекты, которые представлялись правительству и изъ коихъ замѣчательнѣйшія были: Кавелина, Самарина, Кошелева и другихъ. Изъ всѣхъ этихъ проектовъ и записокъ Бутковъ началъ составлять синоптическую вѣдомость, а для предварительнаго разсмотрѣнія собранныхъ матеріаловъ образована была особая коммисія, составленная изъ членовъ: Ростовцева, барона Корфа и князя Гагарина. Но баронъ Корфъ и Ростовцевъ поданными докладными записками государю стали отказываться отъ участія въ дѣлахъ комитета, ссылаясь первый на совершенное незнаніе крестьянскаго быта, а второй на то, что, не имѣя помѣстій собственно въ русскихъ губерніяхъ, онъ не можетъ судить о ихъ нуждахъ. На запискахъ послѣдовали высочайшія резолюціи, которыми государь просилъ означенныхъ членовъ комитета остаться въ немъ и исполнять возложенныя на нихъ обязанности по мѣрѣ силъ и возможности. Баронъ Корфъ имѣлъ тайную надежду сдѣлаться производителемъ дѣлъ, а слѣдовательно главнымъ дѣйствующимъ лицомъ комитета. Назначеніе на эту должность Буткова было ему непріятно и послужило главною причиною его отказа. Однако не исполнить волю государя было невозможно, а потому Ростовцевъ, баронъ Корфъ и князь Гагаринъ занялись разсмотрѣніемъ переданныхъ имъ проектовъ, которыхъ набралось болѣе ста. Работа была тяжелая, кропотливая. Только къ концу зимы означенные три члена могли сообщить другъ другу свои работы и заключенія, но оказалось между ними такое разногласіе во взглядахъ, что ничего общаго нельзя было составить, и потому три записки ихъ внесены были въ общее присутствіе комитета. Комитетъ не зналъ что дѣлать и положилъ передать ихъ прочимъ членамъ для прочтенія и соображенія съ тѣмъ, чтобы, когда всѣ члены прочтутъ, то вновь собраться и разсудить.

Засѣданія и существованіе самаго комитета первоначально дѣйствительно сохранялось въ большомъ секретѣ. Согласно желанію государя

рѣшено было, до выработки чего-нибудь болѣе опредѣленнаго, ничего не подвергать огласкѣ, дабы не породить опасеній и неудовольствія со стороны помѣщиковъ и излишнихъ ожиданій и неповиновенія со стороны крестьянъ. Тѣмъ не менѣе не прошло двухъ недѣль, какъ городъ узналъ о комитетѣ и о всемъ происходившемъ въ его засѣданіяхъ.

«Конечно вы знаете объ эмансипаціонномъ комитетѣ [1]), писалъ 25-го января профессоръ Березинъ къ Ев. Иван. Я—кину въ. Москву. Въ четвергъ было первое засѣданіе у князя Орлова. Брокъ [2]) противится эмансипаціи на основаніи имѣющаго быть худаго платежа подушныхъ Много еще другихъ случаевъ по этому дѣлу. Приведу главные. Недавно представлявшимся тремъ предводителямъ государь сказалъ будтобы: «правительство не можетъ принять участія въ уплатѣ по поводу эмансипаціи». Еще Блудовъ будто-бы сказалъ государю:

— Трудное дѣло затѣяли, ваше величество. Знаете-ли что за нимъ послѣдуетъ въ государствѣ?

— А что? спросилъ государь.

Блудовъ замялся...

. . . . . .

Почти въ то же время, т. е. въ концѣ января, о секретномъ комитетѣ узнала вся Москва и приняла это извѣстіе крайне недружелюбно. Древняя столица заговорила языкомъ славянофиловъ, и недовольна была, что вопросъ переданъ былъ чиновничеству.

«Мы дворяне—помѣщики, писалъ изъ Москвы И. В. Павловъ къ сенатору Александру Максимову Княжевичу, именно тѣ даже, которые желаютъ этой мѣры, боятся ее въ томъ случаѣ, если она будетъ рѣшена только комитетомъ безъ участія мнѣній и мѣстныхъ соображеній всѣхъ маленькихъ. Будь они люди самые добросовѣстные, но они все-таки люди кабинетные, рѣшительно не знающіе и не могущіе ни откуда узнать настоящихъ обстоятельствъ, и сверхъ того, нисколько не подумаютъ озаботиться объ интересахъ дворянства. Я вполнѣ убѣжденъ, что на нашихъ выборахъ люди чиновные большею частью считаютъ себя выше интересовъ всего сословія и нисколько объ нихъ не заботятся, зная, что неудобства, могущія произойти отъ какой-либо мѣры, на нихъ не падутъ. А въ настоящемъ вопросѣ знаніе мѣстныхъ условій тѣмъ важнѣе, что никакой общей нормы нельзя поставить даже цѣлой губерніи, а иногда и уѣзду. Если же это обстоятельство содержится въ тайнѣ, а слухи будутъ продолжаться, то мы должны будемъ обратиться къ министру».

---

[1]) Эмансипаціею называли тогда, и въ разговорѣ и въ печати, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ.

[2]) Министръ финансовъ.

Если таково было мнѣніе о секретномъ комитетѣ со стороны лицъ, можно считать, либеральныхъ, каковымъ былъ И. В. Павловъ, какъ литераторъ, какъ пострадавшій за вольнодумство, то что же должны были говорить консерваторы, ретрограды и истые крѣпостники.

«Секретный комитетъ—это эмансипація! восклицаетъ В. С. Х—кій въ письмѣ къ своему отцу въ Москву. Помѣшались на словѣ да и мутятъ. Всѣ вскормлены на казенныхъ испеченныхъ хлѣбахъ, а изъ простаго люду знаютъ извозчиковъ, ямщиковъ, да дачныхъ дворниковъ. Корфъ конечно умнѣе и дѣльнѣе ихъ всѣхъ, но далѣе Павловска на Руси не былъ, хотя правда и съѣздилъ къ Карлсбадскимъ водамъ. Муравьевъ это что-то неприкладное, Бутковъ ..... староста, а князь Орловъ, тотъ откровенно сознался, что хотя онъ владѣетъ значительными имѣніями, но никогда онымъ не занимался и потому чувствуетъ что у него голова идетъ кругомъ. Это почтенное собраніе напоминаетъ мнѣ квартетъ Крылова».

Слухи объ эмансипаціи и о комитетѣ къ февралю мѣсяцу 1857 г. распространились и въ провинціи, но тамъ они первоначально произвели какое-то смутное впечатлѣніе: не то испугъ, не то недовѣріе. Помѣщикамъ не вѣрилось, чтобы правительство рѣшилось приступить къ такой крутой мѣрѣ, ломать то, что уже сжилось, на ихъ взглядъ, съ жизнью русскаго народа и освящено продолжительнымъ временемъ. «У насъ разсказываютъ, пишетъ, напримѣръ, одинъ помѣщикъ изъ Орловской губерніи въ Петербургѣ Ник. Никол. К—ну,—что составляется положеніе о свободѣ крестьянъ. Это насъ сильно безпокоитъ, потому что такой переходъ насъ всѣхъ разоритъ, все у насъ растащутъ. Квартирующіе у насъ въ Трубчевскѣ военные тоже говорятъ, что будто бы этого Англія требуетъ, а дворовые уши навострили».

Настолько въ то время вопросъ объ освобожденіи крестьянъ казался несбыточнымъ, что въ Рязани, напримѣръ, ему не повѣрили. Въ концѣ февраля 1857 г. одинъ помѣщикъ писалъ своему пріятелю въ Петербургъ: «У насъ слухи о перемѣнѣ въ крѣпостномъ правѣ не оправдались; даже слышно, что для прекращенія всякихъ толковъ будетъ манифестъ. Такія перемѣны надобно дѣлать осторожно; несвоевременная пересадка можетъ повредить дереву. Крѣпостное состояніе на Руси служитъ главнымъ условіемъ общаго благоденствія. Надобно только нѣкоторымъ помѣщикамъ внушить страхъ Божій и евангельскую любовь къ ближнему. Это давно бы исполнилось, если бы губернаторы и губернскіе предводители дѣйствовали по даннымъ иструкціямъ, т. е. отдѣляли бы больныхъ овецъ отъ стада».

Съ такимъ же недовѣріемъ къ извѣстіямъ изъ Петербурга первоначально отнеслись помѣщики и другихъ губерній. Исключая самыхъ небольшихъ кружковъ Москвы и Петербурга остальное дворянство по

читало это дѣломъ просто невѣроятнымъ, невозможнымъ и несбыточнымъ. Бывшій сенаторъ Михаилъ Николаевичъ Ж—въ увѣдомилъ тамбовскаго своего знакомаго П. Н. Б—ва о предполагаемой реформѣ и получилъ отъ него такой отвѣтъ:

«Вы пишете объ эмансипаціи. Подъ этимъ словомъ разумѣю я вольность народа. Вы называете крѣпостное право противоестественною зависимостью, а я совершенно противнаго мнѣнія, и нахожу, что нигдѣ крестьянинъ такъ не успокоенъ и не обезпеченъ, какъ нашъ помѣщичій крестьянинъ, разумѣется у добраго господина, который выгоды своихъ крестьянъ соединяетъ съ своими собственными, или лучше сказать, эти послѣднія почитаетъ зависящими отъ первыхъ.

«Разрушить этотъ порядокъ значитъ приготовить гибель государству. Непросвѣщенный народъ, не имѣя истиннаго понятія о сущности свободы, тотчасъ употребитъ ее во зло, и тѣ крестьяне, которые подъ покровительствомъ добрыхъ господъ наслаждаются мирною и спокойною жизнью, сдѣлаются пьяницами, разбойниками и душегубцами. Они непремѣнно возстанутъ противъ всѣхъ властей, отклонятся отъ церкви и сдѣлаются не только безполезными, но даже вредными для государства. При этомъ прошу замѣтить, что по мѣрѣ образованности дворянства число дурныхъ помѣщиковъ примѣтно уменьшается, такъ что на сто помѣщиковъ едва ли найдутся два такихъ, кои притѣсняютъ своихъ крестьянъ. Къ несчастію до трона доходятъ лишь случаи, выражающіе жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, о тѣхъ же, кои суть отцы своихъ крестьянъ, правительство не знаетъ, а между тѣмъ по этимъ, довольно, впрочемъ, немногочисленнымъ примѣрамъ, правительство дѣлаетъ неправильное заключеніе о всей массѣ, и полагаетъ, что посредствомъ эмансипаціи можно отвратить зло. Ложная мысль! Дурныхъ помѣщиковъ должно строго наказывать, отнимать у нихъ имѣнія и т. п., напротивъ добрыхъ награждать и поощрять. Вотъ это было бы лучшею и полезнѣйшею эмансипаціею».

Совсѣмъ иначе смотрѣли на это дѣло въ Петербургѣ и Москвѣ. Болѣе развитое дворянство двухъ столицъ чутко прислушивалось къ тому, что дѣлалось въ высшихъ сферахъ и къ тѣмъ направленіямъ, какія оказывались преобладающими. Кружокъ московскихъ славянофиловъ командируетъ въ С.-Петербургъ Юрія Ѳедоровича Самарина произвести, сколько возможно, бо̀льшее давленіе на то, чтобы обсуждаемое въ комитетѣ дѣло приняло благопріятный для крестьянъ оборотъ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени разнесся въ Москвѣ слухъ, что комитетъ пришелъ было къ заключенію о невозможности приступить къ освобожденію крестьянъ тотчасъ же. Изъ письма Юрія Ѳедоровича къ Алексѣю Степановичу Хомякову отъ 10-го марта 1857 года, видно, что онъ въ то время имѣлъ не мало разговоровъ о занимавшемъ

*

тогда весь Петербургъ предметѣ и что опредѣленнаго взгляда и рѣшенія еще въ то время ни у кого не составилось.

«Вопросъ вашъ, пишетъ онъ Алексѣю Степановичу, составляетъ предметъ всеобщихъ разговоровъ и толковъ; долго онъ колебался въ разныя стороны, но теперь, кажется, попалъ на надежную, очень мнѣ извѣстную колею. Вотъ вамъ въ двухъ словахъ выводъ изъ всего мною слышаннаго. Мы всѣ желаемъ эмансипаціи, но разумѣется нужно, чтобы она совершилась такъ тихо, чтобы ни помѣщики, ни крестьяне о ней не толковали. Надобно приступить къ ней, какъ можно скорѣе, хотя само собой разумѣется, что сперва нужно просвѣтить народъ, улучшить полицію и устроить финансы. Устроеніемъ финансовъ занимаются въ особенности графъ Нессельроде и баронъ Мейндорфъ (Вѣнскій). Какъ люди близко и коротко знающіе Россію, они конечно, придумаютъ много полезнаго», ѣдко замѣчаетъ Юрій Ѳедоровичъ.

Насколько въ то время еще не выработалось въ Петербургѣ опредѣленнаго взгляда на способъ и возможность освобожденія крестьянъ, можно видѣть изъ того, что лучшіе люди с.-петербургской губерніи, желая предупредить намѣреніе государя, судили-рядили и по четыремъ уѣздамъ рѣшили было возбудить на предстоящихъ 17-го августа дворянскихъ выборахъ вопросъ о вводѣ инвентарей подобно тѣмъ, какіе введены были Бибиковымъ въ Юго-западномъ краѣ. Такое предположеніе дворянъ поддерживалъ бывшій въ то время С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Игнатьевъ. Но предположеніе это было отклонено во-первыхъ потому, что примѣру С.-Петербургской губерніи могли послѣдовать и другіе, что по многимъ причинамъ казалось неудобнымъ во-вторыхъ потому, что всѣ члены секретнаго комитета не находили возможнымъ, чтобы подъ-руку ихъ занятій появлялись какія-либо положительныя рѣшенія дворянъ.

Само собою разумѣется, что такое распоряженіе вызвало неудовольствіе у желавшихъ реформы—за недозволеніе поднять вопросъ на выборахъ, а у крѣпостниковъ на неумѣстность заявленія дворянъ.

«Отъ здѣшнихъ дворянъ приготовлено было какое-то соглашеніе къ выборамъ, сообщаетъ одинъ петербургскій помѣщикъ въ Москву, но трактація о немъ будетъ отклонена. Итакъ въ параллели съ желаніемъ, возбужденіемъ и опасенія. Всѣ говорятъ: надобно, надобно, такъ не можетъ оставаться дѣло, а какъ только до дѣла—не знаютъ за что взяться и теряются. Отъ пріѣзжихъ изъ губерній слышишь жалобы на Петербургъ за исходящіе изъ него разные слухи, тогда какъ въ губерніяхъ масса совершенно спокойна. По моему, если бы даже Мессія начерталъ реформу евангелическими истинами, то въ рукахъ исполнителей, если еще дойдетъ до исполненія, она будетъ испорчена. Если что

у насъ сдѣлается, то сдѣлается само собой и можетъ быть съ побужденіемъ свыше, но отнюдь не административнымъ образомъ».

Съ другой стороны намѣреніе четырехъ уѣздовъ Петербургской губерніи облегчить крестьянъ вызвало довольно сильную оппозицію со стороны крѣпостниковъ.

«Инвентари, пишетъ И. С. Х—кій къ отцу въ Москву, отъ 4-го марта, никого не удовлетворятъ, а всѣхъ сдѣлаютъ недовольными, и мужика, и господина. Значитъ подливать только масло въ огонь. Если Россія больна и требуетъ такой скорой помощи, то лечить надо, но лечить берутся, а прописать лекарство не умѣютъ. Покойный эмпирикъ Карлъ Ивановичъ думалъ лечить по своему, но больному послѣ всякаго пріема дѣлалось хуже. Государь очень желаетъ, какъ онъ публично и выразился прошлаго года въ Москвѣ. Послѣ этой рѣчи все заговорило и пошли убійства во многихъ мѣстностяхъ. Теперь надо ожидать такихъ же плодовъ. Но петербургскіе реформаторы полагаютъ, что эта реформа начнется и кончится на однихъ только насъ, что милый и интересный классъ народа переведетъ помѣщиковъ, а своихъ благодѣтелей, т. е. высшихъ и низшихъ чиновниковъ, оставитъ въ покоѣ наслаждаться ихъ прекрасными окладами и квартирами. Легко ошибутся, и я вполнѣ убѣжденъ, что если буду висѣть на фонарѣ, то параллельно и одновременно съ Б—вымъ, А—гомъ и прочими умными людьми».

Здѣсь уже видна озлобленность консерватора, борющагося съ надвигающимися новыми силами, новыми взглядами. А эти силы, эти взгляды начали сказываться не въ одномъ только изъявленномъ желаніи государя императора, не въ учрежденіи секретнаго комитета, а также въ частномъ починѣ освобожденія крестьянъ со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ, въ разработкѣ вопроса литературою и, наконецъ, въ составленіи проектовъ освобожденія, которые были доставляемы правительству. Дѣло само собой поднималось, и крѣпостникамъ было отчего тогда призадуматься.

Теперь уже несомнѣненъ тотъ историческій фактъ, что главными двигателями освобожденія крестьянъ въ Россіи были—непреклонная воля Царя-Освободителя и самое задушевное сочувствіе этому дѣлу всей царской семьи. О дѣятельности по крестьянской реформѣ великаго князя Константина Николаевича Россія и исторія никогда не забудутъ, такъ какъ благодаря только его энергіи, честному и прямому отношенію къ дѣлу, иногда даже рѣзкому отношенію къ оппозиціи, и возможно было довести дѣло эмансипаціи до тѣхъ формъ и условій, въ какія оно вылилось въ Положеніяхъ 19-го февраля. Мы увидимъ ниже, какъ далеки были отъ окончательнаго разультата первоначальныя предположенія объ освобожденіи и какихъ неимовѣрныхъ усилій стоило лицамъ,

сочувствующимъ дѣлу освобожденія, чтобы остановить напоръ крѣпко сплоченной оппозиціи крѣпостниковъ.

Непосредственно послѣ указа о дозволеніи помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ, великая княгиня Елена Павловна тотчасъ же возымѣла намѣреніе освободить крестьянъ, принадлежавшихъ ей въ имѣніи Карловки, Полтавской губерніи, не дожидаясь общаго ихъ освобожденія. Въ интимномъ кружкѣ приближенныхъ ей лицъ она высказала свое намѣреніе и обратилась къ Н. А. Милютину помочь ей въ этомъ дѣлѣ и составить по этому предмету подробную записку. Онъ отвѣтилъ великой княгинѣ, что теткѣ государя не слѣдуетъ довольствоваться подачею примѣра личнаго великодушія, но что, если она желаетъ взять на себя въ этомъ дѣлѣ личную инициативу, то ей слѣдуетъ въ отпускной для своихъ крестьянъ попробовать изложить общія основанія, на которыхъ возможно было бы помѣщикамъ выпустить крестьянъ на волю; но такъ какъ этотъ вопросъ еще не вполнѣ выяснился въ законодательной разработкѣ, то Н. А. Милютинъ совѣтовалъ великой княгинѣ пока повременить съ своимъ намѣреніемъ.

Въ томъ же кружкѣ великой княгини бывалъ молодой профессоръ К. Д. Кавелинъ, какъ извѣстно, горячо ратовавшій тогда за освобожденіе крестьянъ съ землею. Великая княгиня знакома была съ его запискою о формахъ освобожденія крестьянъ и о тѣхъ началахъ, какія должны быть положены въ основу этой великой реформы [1]). Не оставляя своей мысли объ освобожденіи карловскихъ крестьянъ, она пожелала воспользоваться указаніемъ и взглядами молодаго профессора. Въ то время она была заграницею и пригласила къ себѣ въ Вильдбатъ г. Кавелина [2]). Объ этомъ тотчасъ же узналъ весь Петербургъ, и намѣреніе великой княгини подвергалось самой разнообразной критикѣ. Виноватымъ въ этой огласкѣ должно считать самаго К. Д. Кавелина, какъ это видно изъ частнаго письма къ Б. И. О—му.

«Знаете вы, конечно, писалось въ этомъ письмѣ, что Кавелинъ написалъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ; проектъ такъ и остался проектомъ. Кавелинъ сталъ просить каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Проходитъ не мало времени, вдругъ передъ отъѣздомъ государя за-границу, Кавелинъ получаетъ изъ-за-границы отъ в. к. Елены Павловны, у которой онъ принятъ въ самомъ интимномъ кружкѣ, приглашеніе

---

[1]) Записки К. Д. Кавелина по крестьянскому вопросу напечатаны въ „Русской Старинѣ“, 1886 г., т. 49, стр. 131 и 293; т. 50, стр. 287; 1887 г., т. 53, стр. 433—463. Ред.

[2]) См. „Русскую Старину“ 1887 г., № 2, стр. 440 и статью Д. Корсакова: „Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ“ „Вѣст. Европы“ 1886 г., № 8, стр. 539—564. Ред.

пріѣхать къ ней, чтобы посовѣтоваться объ освобожденіи ея крестьянъ. Кавелинъ показываетъ ея письмо всѣмъ знакомымъ, такъ что весь Петербургъ заговорилъ о намѣреніи Елены Павловны».

Намѣреніе великой княгини, какъ извѣстно, исполнилось не такъ скоро, и если оно возбудило въ то время всеобщій разговоръ, то только по высокому положенію освободительницы. Великая княгиня остановлена была въ исполненіи своего намѣренія осложненіемъ самаго дѣла. По указу 1856 года о дозволеніи помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ и о перечисленіи ихъ затѣмъ въ государственные, предполагалось увольненіе безъ земли съ тѣмъ, что освобожденные будутъ поселены на казенныхъ земляхъ, т. е. переселены на другія мѣста. Не трудно видѣть, что такая мѣра могла быть выгодна для помѣщиковъ только въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, а для крестьянъ только въ случаяхъ жестокости и звѣрства ихъ владѣльцевъ. Словомъ, эта была одна изъ неудачныхъ первоначальныхъ палліативныхъ мѣръ. Если бы великая княгиня выполнила свое намѣреніе тотчасъ же, то это былъ бы одинъ изъ самыхъ пагубныхъ примѣровъ для предстоящихъ законодательныхъ работъ по освобожденію. Предвидѣлъ это одинаково какъ Н. А. Милютинъ, такъ равно и К. Д. Кавелинъ, отклоняя мысль Елены Павловны о немедленномъ освобожденіи на основаніи указа 1856 года и взамѣнъ того представляя свои соображенія о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею.

Замѣчательно то, что помимо великой княгини были и частныя попытки освобожденія крестьянъ на основаніи помянутаго указа. Такъ изъ письма графини Б—нъ къ фрейлинѣ великой княгини Маріи Николаевны А. В—вой въ Парижъ видно, что сестра ея, тоже увлеченная идеею эмансипаціи, попробовала освободить своихъ крестьянъ съ переводомъ ихъ въ государственные, но потерпѣла полное фіаско, именно потому, что крестьяне приняли такое предполагаемое благодѣяніе за чистое разореніе для себя. Мужикъ свободы безъ земли и тогда не понималъ. «Жоржъ только что сообщилъ мнѣ, пишетъ графиня Б—нъ, что Антуанета вчера вернулась изъ деревни. Занимавшая ее идея объ эмансипаціи кончилась однимъ смѣхомъ. Когда все было готово и оставалось только подписать отпускную, мужики, услыхавъ, что они сдѣлаются государственными на казенныхъ земляхъ, бросились сестрѣ въ ноги, умоляя ее оставить ихъ за собой. Она мнѣ писала, что предводитель (дворянства) вмѣстѣ съ нею въ первую минуту разхохотались. Однако, эта исторія надѣлала много шума. Помѣщики торжествуютъ, говоря, что имъ и думать невозможно освобождать своихъ крѣпостныхъ, пока останутся попечительные порядки (institutions) Киселева [1])».

[1]) Гр. Киселевъ, бывшій министръ государственныхъ имуществъ.

Само собой разумѣется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ и въ данномъ, это было своего рода аристократическое баловство добродушнаго характера; но бывали случаи, когда указъ 1856 года служилъ источникомъ самыхъ неблаговидныхъ поступковъ со стороны помѣщиковъ въ отношеніи своихъ крестьянъ. Укажемъ хотя на князя Ю. Г., котораго почему-то нашелъ возможнымъ опоэтизировать всѣмъ увлекающійся Герценъ. Тамбовскій помѣщикъ Б—евъ сообщаетъ слѣдующее сенатору М. Н. Жемчужникову:

«У насъ есть богатый, но промотавшійся помѣщикъ князь Ю. Г. Онъ хвастаетъ своею эмансипаціею, которая состоитъ въ томъ, что онъ объявилъ своимъ крестьянамъ 1.000 душъ свободу, ежели они внесутъ ему по 50 руб. съ души. Они тотчасъ же это исполнили, но какъ имѣніе въ залогѣ, то чтобы дать имъ актъ вольности, надобно ихъ выкупить, на что князь еще не рѣшился. Между прочимъ, крестьяне желали знать, сколько имъ вмѣстѣ съ свободою дано будетъ земли. Добрый и благодѣтельный князь отвѣчалъ имъ, что предоставляетъ имъ всю землю съ платою по 50 руб. за десятину въ годъ! Можете себѣ представить удивленіе этихъ добрыхъ и простыхъ людей; а князь Ю. Г., взявъ съ нихъ по 50 руб. и не обезпечивъ ничѣмъ своего обѣщанія, а напротивъ стѣснивъ ихъ во владѣніи землею, теперь жуируетъ. Вотъ вамъ и эмансипація!»

Вредъ отъ подобныхъ безпутниковъ происходилъ двоякій: разоряли крестьянъ, да еще давали крѣпостникамъ лишнее оружіе противъ дѣла освобожденія. Впрочемъ въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ помѣщики весьма скоро сообразили о выгодахъ увольненія крестьянъ безъ земли и предъугадали, что мужикъ отъ земли не уйдетъ никуда. Въ этомъ отношеніи весьма интересно письмо одного помѣщика изъ Парижа къ Д. С. С—ву, въ которомъ онъ пишетъ:

«Я тебя убѣдительно прошу стараться отпускать на волю по возможности болѣе людей изъ Сергіевскаго имѣнія за опекунскую цѣну [1]). Чѣмъ мы болѣе отпустимъ людей на волю, тѣмъ мы болѣе получимъ земли при освобожденіи крестьянъ; а ты самъ знаешь, что у насъ земли немного. Пожалуйста, убѣдись въ моей правдѣ, что каждый крестьянинъ, отпускаемый теперь на волю, хотя и съ потерею для меня, сохраняетъ мнѣ въ будущемъ три или четыре десятины земли и что во всякомъ случаѣ при появленіи указа, чѣмъ у насъ будетъ менѣе крестьянъ, тѣмъ будетъ для насъ покойнѣе. Въ Рязанской губерніи за рабочими никогда не станетъ дѣло, да намъ ихъ и не нужно,

[1]) Какъ замѣчено нами выше, при увольненіи крестьянъ заложенныхъ имѣній, помѣщики должны были уплатить опекунскій долгъ по числу выпущенныхъ на волю людей.

потому что всегда будутъ желающіе нанять земли; слѣдовательно ясно, что при появленіи указа намъ лучше будетъ имѣть дѣло и покойнѣе съ 50 мужиками, чѣмъ съ 200».

Необходимо помнить, что въ началѣ 1857 года, исключая небольшихъ кружковъ литераторовъ безъ различія оттѣнковъ, даже наиболѣе смѣлыя предположенія о возможности эмансипаціи ограничивались самыми узкими рамками. Далѣе огражденія произвола помѣщиковъ болѣе точными законодательными опредѣленіями не шли. Мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею по выкупу или по дару тогда считалась несбыточною, не только въ кружкахъ крѣпостниковъ или даже болѣе развитыхъ и гуманныхъ людей, но даже и въ средѣ славянофиловъ. По крайней мѣрѣ въ то время, въ такой формѣ освобожденіе, въ видѣ общей государственной мѣры, они признавали почти невозможнымъ и недостижимымъ. Доказательствомъ тому служатъ первоначальныя попытки совершить это дѣло по частной иниціативѣ. Задумано было составить изъ частныхъ взносовъ капиталъ, затѣмъ выхлопотать у правительства нѣсколько постановленій, которыя затрудняли бы перезалогъ имѣній въ опекунскомъ совѣтѣ и въ концѣ концовъ, оперируя этимъ капиталомъ, предполагали мало-по-малу освобождать крестьянъ съ достаточно надѣленною землею. Душою этого дѣла, какъ извѣстно, былъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Вотъ что писалъ ему П. А. Строгановъ изъ Рима 7-го марта 1857 года:

«Съ радостью готовъ участвовать въ предполагаемой операціи въ пользу освобожденія крестьянъ и уполномочиваю тебя, въ случаѣ надобности, дать отъ моего лица обязательства. Сколько могу судить по газетамъ и частнымъ извѣстіямъ, доходящимъ изъ Россіи, мнѣ кажется, что на успѣхъ можно разсчитывать. Правительство, повидимому, не боится реформъ и коренныхъ измѣненій. Лучшимъ доказательствомъ о наступленіи новаго порядка вещей служатъ для меня разсказы петербургскихъ аристократовъ, которые страшно недовольны, увѣряютъ, что теперь въ Россіи жить нельзя, que tout va à la diable, que la parti rouge domine à Petersbourg и что они не вернутся въ Россію, покуда все не взойдетъ въ прежнюю колею. Въ газетахъ я часто читаю такія извѣстія о Россіи, которыя превосходятъ всѣ мои ожиданія, но которымъ я впрочемъ не довѣряю, не получивъ подтвержденія отъ васъ. Здѣсь напримѣръ, всѣ говорятъ, что Закревскій смѣненъ. Правда ли это? Если правда, то какъ же вы не написали, что однимъ истуканомъ стало меньше».

Точно такой же капиталъ предполагалось собрать и для выкупа дворовыхъ. Имена такихъ добрыхъ людей остались неизвѣстны, а теперь пожалуй и всѣми забыты. Объ одномъ изъ такихъ скромныхъ

человѣколюбцевъ того времени сообщаетъ изъ Кіева Г. П. Галаганъ [1]) Ю. Ѳ. Самарину слѣдующее:

«На дняхъ, именно 25 текущаго мѣсяца, умеръ нашъ статистикъ Д. П. Журавскій. Въ послѣднее время В. В. Тарновскій и я, мы сблизились съ нимъ, часто вели разговоры по вопросамъ соціальнымъ. Онъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ назначилъ насъ двухъ своими душеприказчиками; въ этомъ завѣщаніи заключается задача его жизни — мысль способствовать всѣми силами къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія. Будучи въ малой возможности сдѣлать что-нибудь общее, онъ работалъ для этой мысли въ частности; онъ выкупалъ на волю дворовыхъ людей и ему удалось ихъ выкупить довольно много, судя по его средствамъ. Въ послѣднее время, т. е. съ конца прошлаго года, ему пришла мысль учредить общество выкупа на волю дворовыхъ людей, не приписанныхъ къ имѣніямъ. Копію этого проекта я далъ Ѳ. В. Чижову. Принявъ эту мысль, Журавскій откладывалъ по малымъ частямъ деньги для составленія маленькаго капитала, и для основанія этого общества завѣщалъ также по смерти своей и жены все свое небольшое состояніе, движимость и проч. Распорядителями этого учрежденія онъ назначилъ насъ съ тѣмъ, что если правительство не утвердитъ этого проекта, то мы должны все-таки все оставшееся имущество употребить на выкупъ дворовыхъ людей безъ возврата со стороны ихъ капитала. Если-же въ то время крѣпостное состояніе будетъ уже уничтожено, то мы обязаны употребить деньги на улучшеніе быта крестьянъ, получившихъ свободу».

Намъ неизвѣстно, какая участь постигла духовное завѣщаніе Д. П. Журавскаго, но безспорно, что еще далеко до правительственнаго возбужденія вопроса объ освобожденіи, идея эта была популярна среди лучшихъ людей того времени и даже вызывала со стороны ихъ изысканіе мѣръ къ практическому ея осуществленію. Съ теоретической стороны возможность и необходимость освобожденія крестьянъ уже давно была сознана и доказана, такъ что когда открыты были засѣданія секретнаго комитета, то для начала работъ въ его распоряженіи, какъ говорили ранѣе, имѣлось уже не мало проектовъ освобожденія, представленныхъ правительству частными лицами. Изъ числа болѣе замѣтныхъ и выработанныхъ слѣдуетъ упомянуть о проектахъ Ю. Ѳ. Самарина, кн. Черкасскаго и А. И. Кошелева. Всѣ они, какъ вытекшіе изъ славянофильскаго кружка, заключали въ себѣ одну цѣль — освобожденія крестьянъ съ землею; но представлено было также не мало проектовъ отъ противоположнаго лагеря западниковъ, напримѣръ А. М. Тургеневымъ, кн. Васильчиковымъ и проч., предполагавшихъ совер-

[1]) Григорій Павловичъ, почетный попечитель Черниговской гимназіи.

шить освобожденіе крестьянъ по рамкамъ западно-европейскаго земельнаго устройства, т. е. при посредствѣ долгосрочныхъ арендъ или инвентарной барщины. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что и изъ лагеря ретроградовъ—крѣпостниковъ въ то же время былъ представленъ цѣлый рядъ записокъ, или отвергающихъ всякую возможность и справедливость освобожденія, или оставлявшихъ за помѣщиками права на всю землю и предлагавшихъ увольненіе крестьянъ производить за извѣстное вознагражденіе помѣщикамъ: оброчными статьями государственныхъ имуществъ или при посредствѣ болѣе или менѣе сложной финансовой операціи [1]).

Вся эта литература оффиціознаго свойства разбиралась въ секретномъ комитетѣ, трактовалась въ салонахъ и, разумѣется, возбуждала толки, сужденія и споры. Болѣе другихъ надѣлалъ шуму упомянутый выше проектъ полтавскаго помѣщика Позена, который для робкихъ взглядовъ на освобожденіе со стороны тогдашнихъ правительственныхъ лицъ, ближе всѣхъ подходилъ къ осуществленію. Но предположенія Позена осуждались и въ то время многими. Еще 23-го января Г. П. Галаганъ писалъ Алекс. Иван. Кошелеву въ Москву, что «я съ нетерпѣніемъ ожидаю проектовъ объ освобожденіи крестьянъ Самаринскаго, кн. Черкасскаго и вашего. Что касается до проекта Позена, то это только курьезная пьеса, ибо признаюсь, не могу себя заставить имѣть къ нему довѣріе, зная довольно хорошо изъ вѣрныхъ источниковъ, каково это дѣло у Позена на практикѣ, какое значеніе у него имѣетъ человѣкъ и какъ удобно, при бѣдности его крестьянъ, придумать легкое средство, освободивъ ихъ отъ крѣпостнаго состоянія, ввергнуть ихъ въ безвыходную кабалу. Зная все это отчасти изъ его же разсужденій, мнѣ кажется, что въ его проектѣ болѣе всего должно быть хитрости и задней мысли. Однако, несмотря на это, и его выслать не худо».

Многіе полтавскіе помѣщики остались также недовольны реформаторскими предположеніями Позена. Такъ изъ Полтавской губерніи помѣщикъ Т—скій писалъ 31-го января къ брату въ Петербургъ:

«Позенъ, который восхитилъ на выборахъ почтеннѣйшее дворянство Полтавской губерніи своими проектами, теперь вѣроятно восхищаетъ всѣхъ экономистовъ въ Петербургѣ; но можетъ быть у васъ разобрали писанія Позена, какъ у насъ послѣ выборовъ, т. е. не въ присутствіи высокой особы и крикуновъ, не допускающихъ говорить тѣмъ лицамъ, которыя понимаютъ дѣло, какъ оно есть и какъ должно быть, но къ сожалѣнію не обладаютъ богатырскимъ голосомъ. Правительственной идеи относительно участи болѣе десяти милліоновъ жите-

[1]) Нѣкоторые изъ упоминаемыхъ проектовъ и записокъ помѣщены въ „Русской Старинѣ“ 1880 г., т. XXVII. Ред.

лей, не только въ Петербургѣ, но и у насъ многіе сочувствуютъ безъ притворства; другіе же, хотя и говорятъ современно, но при этомъ сильно держатся за карманы, вѣроятно боясь, чтобы изъ нихъ не выскочило нажитое неправдою; большая же часть разсуждаетъ хотя несовременно, но зато откровенно. Повидимому, ихъ болѣе всего смущаетъ предстоящій трудъ, безъ котораго тогда будетъ свистать вѣтеръ въ карманахъ, какъ теперь свиститъ онъ въ головѣ».

Почему первоначально болѣе другихъ обратилъ на себя вниманіе позенскій проектъ, объясняется тѣмъ, что славянофильскіе проекты предполагали для выкупа крестьянами земли произвести значительный выпускъ денежныхъ знаковъ, что при тогдашнемъ финансовомъ положеніи признавалось положительно невозможнымъ. Въ проектѣ же Позена было положено въ основаніе, что и лицо крестьянина, и его имущество, и земля, которую онъ обработываетъ, есть собственность помѣщика. Это не расходилось съ укоренившимися въ то время крѣпостными взглядами, и затѣмъ, признавая необходимость экспропріаціи лица крестьянина, противъ чего возставали только очень не многіе, Позенъ достигалъ этого при посредствѣ нѣкоторыхъ операцій опекунскаго совѣта, вполнѣ удовлетворяя этимъ интересу владѣльцевъ. Авторъ проекта имѣлъ большія связи въ Петербургѣ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ дѣлопроизводителемъ секретнаго комитета Бутковымъ, имѣлъ возможность обратить вниманіе на свой проектъ государя и великаго князя Константина Николаевича, который настолько имъ заинтересовался, что даже спрашивалъ мнѣніе объ этомъ проектѣ у графа Киселева, бывшаго тогда посломъ въ Парижѣ. Однако истинную подкладку позенскаго проекта хорошо разобрали такія лица, какъ Н. А. Милютинъ, І. И. Ростовцевъ и другіе. Къ проекту стали относиться недовѣрчиво. Узнавъ объ этомъ, Позенъ писалъ Буткову отъ 2-го апрѣля.

«Вѣрно дѣло въ такомъ положеніи, что вы не можете сказать и слова, не перейдя за черту служебной скромности. Такъ я долженъ думать и по вашему молчанію и по слухамъ, во множествѣ доходящимъ въ провинціи. Они вполнѣ оправдываютъ мои опасенія, что противъ моего проекта устремляются главныя интриги. Говорятъ, будто бы нѣкоторые мудрецы рѣшили, что мой проектъ болѣе финансовый, чѣмъ эмансипаціонный. Догадываюсь, куда клонится это замѣчаніе и кто способенъ былъ его возбудить. Конечно, я лишенъ способовъ защиты; но за меня станетъ общее мнѣніе. Рано или поздно, дѣло сдѣлается гласнымъ, и тогда люди благонамѣренные и знающіе оцѣнятъ по достоинству и мой проектъ и ухищренія моихъ противниковъ. Господь съ ними. Пусть передѣлываютъ Россію на новый ладъ съ помощью иностранцевъ, откуповъ и новыхъ тарифовъ. Лично я, признаюсь, охладѣлъ и къ собственному моему проекту, хотя и не перестаю считать

его единственно возможнымъ и удобнымъ. Съ моими московскими крестьянами постановилъ я предварительный договоръ, но далъ имъ годъ сроку на размышленіе, замѣтивъ, что они и всѣ вообще крѣпостные люди теперь неохотно входятъ въ добровольныя сдѣлки, ожидая, что свобода имъ будетъ дана даромъ—указомъ. Доколѣ эта мысль не будетъ уничтожена, не ожидайте большаго успѣха въ добровольныхъ соглашеніяхъ».

Тоже самое пишетъ Позенъ къ А. П. Булгакову отъ 22-го апрѣля, жалуясь на непризнаніе за его проектомъ очевидныхъ достоинствъ и критикуя чужіе проекты.

«Мнѣ казалось, говоритъ онъ, что чѣмъ проще будетъ крестьянское дѣло устроено, тѣмъ лучше. Выходитъ не такъ. Умные люди говорятъ, что въ моемъ проектѣ нѣтъ ничего о свободѣ крестьянъ, а есть только финансовый планъ. Послѣ такого рѣшенія судьба проекта должна зависѣть отъ министра финансовъ, котораго высокія финансовыя способности конечно откроютъ недостатки въ планахъ деревенскаго простака. Я далъ крестьянскому дѣлу толчекъ, возбудилъ сужденія и теперь имѣю сильныя причины бояться, что вопросъ рѣшится пагубнымъ образомъ. Всѣ пустились писать. Въ числѣ вновь поступившихъ проектовъ есть самые сумасброднѣйшіе. Другіе одѣты въ красивую оболочку, имѣютъ видъ практичности, но въ сущности никуда не годятся и поведутъ къ большимъ бѣдамъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ проектъ нашего знакомаго А. И. Кошелева, отъ котораго, признаюсь, не ожидалъ я такой утопіи. Его оцѣночныя коммисіи, 12-ти лѣтній срокъ и финансовый планъ доказываютъ отсутствіе всякой проницательности и практическаго знанія дѣла. Приступъ къ оцѣнкамъ, произведетъ такую кутерьму, что едва ли дойдетъ до дальнѣйшаго развитія дѣла. Затѣмъ размѣръ поземельнаго надѣленія, оцѣнка одной земли и дружный выпускъ новыхъ кредитныхъ знаковъ, сами по себѣ подорвутъ благосостояніе дворянства, подорвутъ промышленность и еще болѣе запутаютъ финансовое положеніе наше. Тѣмъ не менѣе я почти увѣренъ, что примутъ или этотъ проектъ или другой подобный».

Позенъ былъ родоначальникомъ цѣлой фаланги образовавшихся впослѣдствіи дѣльцовъ, умѣющихъ черное дѣло представить бѣлымъ и наоборотъ. «Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ съ Позеномъ ничего общаго, пишетъ Г. П. Галаганъ А. И. Кошелеву. Между нами будь сказано, мы привыкли до сихъ поръ видѣть въ Позенѣ и по словамъ и по дѣламъ человѣка совершенно другаго направленія. Я почти убѣжденъ, что по его проекту помѣщикамъ будетъ очень хорошо; но каково крестьянамъ? При разсмотрѣніи проекта Позена долженъ быть адвокатъ за крестьянъ».

Впрочемъ не одинъ только проектъ Позена подвергался осужденію,

кова, что-де «III отдѣленіе требовало закрытія твоего журнала; но Норовъ [1]) отстоялъ, пославъ только строгій выговоръ. Будь остороженъ, совѣтуетъ пріятель г-ну Каткову, иначе послѣдствія могутъ быть очень плачевныя. Чтобы вообще не было ни одного намека на эмансипацію крестьянъ: теперь этотъ вопросъ и безъ того лежитъ у всѣхъ на совѣсти или на шеѣ. Тебѣ вѣроятно извѣстно, что теперь существуетъ особый комитетъ по этому дѣлу подъ предсѣдательствомъ князя Орлова. Не нужно мѣшаться, иначе можно привести въ окончательное раздраженіе; всѣ убѣждены, что книжка журнала можетъ быть прочтена людьми дворовыми. Напоминать народу ужасы пугачевщины въ такое горячее время находятъ опаснымъ».

Статья И. С. Аксакова «Ботатыри великаго князя Владиміра» тоже чуть не вызвала кару на только что зародившійся журналъ А. И. Кошелева «Русская Бесѣда», такъ какъ будто бы все направленіе ея состоитъ въ томъ, чтобы «выказать прелесть бывшей вольности». Слѣдуетъ упомянуть наконецъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь П. А. Вяземскій предложилъ въ то время цензурнымъ комитетамъ сдѣлать распоряженіе о не перепечатываніи никакихъ статей изъ «правительственнаго указателя, помѣщавшагося въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ потому-де, что «въ означенномъ отдѣлѣ помѣщаются такія статьи, кои, служа указаніемъ, заключаютъ въ себѣ иногда описанія неправильныхъ и ошибочныхъ дѣйствій мѣстныхъ начальствъ. Въ журналѣ этомъ, говорилось далѣе въ циркулярѣ товарища министра, или въ органѣ министерства онѣ приличны и даже необходимы, но перепечатываніе ихъ въ другихъ сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ—совершенно неумѣстно».

Словомъ, печать молчала, а тѣмъ не менѣе общественное настроеніе не оставалось въ покоѣ и тѣмъ или инымъ слухомъ изъ Петербурга волновалось и трепетало за будущее.

Первымъ послѣдствіемъ смутныхъ слуховъ объ освобожденіи крестьянъ явилось то, что болѣе богатые и болѣе трусливые помѣщики полетѣли за границу. Положимъ, этому способствовали отчасти облегчительныя правила заграничнаго выѣзда, но для богатыхъ людей и старыя правила не могли казаться тягостными. «Отъѣзжающихъ за границу такъ много, сказано въ одномъ письмѣ къ П. А. В—ву въ Москву, что имена ихъ раздвигаютъ объемъ газетъ. Не будетъ-ли это имѣть послѣдствіемъ то, что, пожалуй, опять измѣнятъ условія выѣздовъ. Съ мѣсяцъ назадъ я слышалъ, что Штиглицъ за переводъ денегъ за границу получилъ въ первые четыре мѣсяца отъ 80 до 100 тысячъ (дохода), считая по $^1/_4$ %, значитъ съ 40 милліоновъ капитала!»

---

[1]) Министръ народнаго просвѣщенія.

Тоже самое подтверждаетъ В. Н. Толстой въ письмѣ своемъ къ экзарху Грузіи Исидору въ Тифлисъ. «Нашихъ столько за границею, пишетъ онъ, что увѣряютъ, что надо ѣхать за границу, чтобы видѣться съ русскими».

Но и на остававшихся на мѣстѣ помѣщиковъ не могли не дѣйствовать петербургскіе слухи о готовящихся перемѣнахъ. Бывали попытки группироваться для разработки тѣхъ и другихъ вопросовъ, волновавшихъ тогдашнее общество и по преимуществу по вопросу о крестьянахъ, но попытки эти оказывались неудачными. Въ этомъ отношеніи интересно письмо помѣщика Новомосковскаго уѣзда А. Г—на къ пріятелю въ Москвѣ Н. Д. С—ву.

«Мнѣ родное пепелище дорого по воспоминаніямъ, пишетъ г. Г—нъ, хотя не могу сказать, чтобъ званіе помѣщика мнѣ было по душѣ. Не знаю, какъ у васъ, въ нашемъ краю многіе и много стали говорить объ этомъ важномъ вопросѣ человѣчества, т. е. о помѣщичествѣ, но ce qui s'en suit; говорить—но видно дѣлать еще не время! Проекты летятъ тысячами, но всѣ неудовлетворительны: хочется всѣмъ, чтобы и козы были сыты, и сѣно цѣло. Всякій здравый умъ сознаетъ, что настоящій порядокъ и нелѣпъ и безнравственъ и не только убыточенъ для обоихъ сословій, но безусловно есть непреодолимая преграда ко всякому развитію. Есть и у насъ маленькій кружокъ пріятелей, сочувствующихъ и понимающимъ другъ друга и немного мыслящихъ. Горячо было принялись мы за обсужденіе могущаго быть у насъ лучшаго порядка, лучшихъ отношеній, насъ владѣльцевъ, къ крестьянамъ нашимъ, но увы! первый шагъ, первое столкновеніе съ властью высшею разрушило все. Видно еще долго ждать нашихъ лучшихъ дней».

Такое же настроеніе неопредѣленности и ожиданія было распространено въ то время повсемѣстно въ провинціи. Чтобы полнѣе очертить это настроеніе, мы воспользуемся довольно обширнымъ письмомъ изъ Симбирска въ Москву Ф. Ф. И—ву.

«Надо пожить здѣсь, пишетъ авторъ, чтобы оцѣнить все значеніе прихода почты и всю горечь разочарованія, когда она приноситъ однѣ канцелярскія дрязги, гдѣ видишь всѣ усилія министерства поддержать гнилой сей милый, такъ называемый, порядокъ. Чувствуешь, что не сегодня, такъ завтра учинится какая-нибудь проруха, которую и питерскіе мудрецы, несмотря на ихъ ловкость, не уладятъ. Диковинное настало время! на кого ни посмотришь, каждый и всѣ ждутъ чего-то. Настоящимъ никто не хочетъ удовлетвориться. Знать уже больно скверно это настоящее, хотя нельзя отрицать и себялюбивыхъ разсчетовъ; но вѣдь изъ соединенія разнообразныхъ оттѣнковъ частнаго себялюбія и составляется то, что называется общественною потребностью. Со времени Петра на частые интересы и общественную потребность никогда не обращали

вниманія: на первомъ мѣстѣ имѣетъ болѣе 150 лѣтъ интересъ казенный. Несостоятельность такой системы признало отчасти и само правительство, громко объявивши о томъ при заключеніи мира. Естественно, что теперь ожидаютъ чего то новаго, а новаго нѣтъ какъ нѣтъ! Въ провинціи, гдѣ такая скудость интересовъ и такъ много досуга чесать языкъ, подобныя ожиданія развиваютъ самыя разнообразныя предположенія. Мужики толкуютъ, что царь не справится съ барами, а эти послѣдніе, считающіе себя первымъ столбами Монархіи, охранителями ея спокойствія, твердятъ, что безъ ихъ совѣта ничего не сдѣлаютъ. Великій представитель ихъ [1]) только и кричитъ о правахъ дворянства сѣчь. Придутъ-ли мужики съ жалобами, онъ рѣшительно требуетъ, чтобы ихъ отодрали, какъ бунтовщиковъ. А вѣдь онъ изъ породы славянофиловъ! Да, дай-ка власть этимъ поборникамъ бороды и русскихъ кафтановъ, они бы не побрезгали и инквизиціей, чтобы привести другихъ въ свою вѣру. Молодцы хорошіе! У васъ въ Москвѣ они дѣйствуютъ прикровенно, а здѣсь нараспашку. Когда распространился слухъ объ эмансипаціи, наши молодцы приуныли немного: какъ-де мы лишимся права дать потасовку Петрушкѣ, изнасиловать Марѳушку? Да гдѣ же будутъ права дворянства? На эту тему пѣли всѣ, и барыни и бары. Но теперь они пріободрились. Говорятъ, что получили изъ Питера успокоительныя вѣсти, «что предоставляютъ-де помѣщикамъ самимъ, когда они захотятъ, сдѣлать условіе съ крестьянами». Не вѣрится что-то, а впрочемъ питерцы можетъ и рѣшать въ этомъ родѣ. Только врядъ-ли православные останутся довольны!»

Письмо, какъ видитъ читатель, западника и либерала, бросающаго камень въ лагерь славянофиловъ. Между тѣмъ тенденціи тогдашнихъ славянофиловъ шли гораздо далѣе самихъ западниковъ и въ молодыхъ представителяхъ славянофильскаго теченія сказывались идеи далеко опередившія современность. Не безъинтересно, напримѣръ, прочитать письмо молодаго домашняго учителя А. Толстопятова отъ 3-го февраля изъ Рима къ А. И. Кошелеву. «Зная, что при всеобщемъ движеніи, пишетъ г. Толстопятовъ, ваше мѣсто будетъ не въ числѣ зритетей, я искалъ вашего имени и несказанно обрадовался, встрѣтивъ его сначала въ первой книгѣ «Русской Бесѣды», гдѣ вы всею крѣпостью здравой мысли отстаиваете извѣстныя права Москвы быть головой и сердцемъ русской жизни, потомъ въ письмѣ одного москвича, гдѣ говорится, что вы на дняхъ посылаете въ Петербургъ свой проектъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Кстати, я недавно читалъ въ Римѣ сочиненіе одного русскаго барина съ тѣмъ же заглавіемъ; но дочитавши до конца, я увидѣлъ, что это очень тонкій трактатъ, который слѣдовало бы озаглавить «освобожденіе

[1]) Губернскій предводитель дворянства.

помѣщиковъ отъ крестьянъ». Тема цѣлой статьи та, что крестьянину предоставляется право жить на помѣщичьей землѣ, пока станетъ терпѣнья, и уйти, когда сдѣлается не въ терпежъ. Вашего проекта я не знаю, но зная васъ и вашъ образъ мыслей, я увѣренъ, что вы идете къ цѣли прямой, безъ задней мысли и въ тяжбѣ этой являетесь адвокатомъ не за помѣщика, а за человѣка. И дай Богъ достигнуть вамъ той именно цѣли, къ какой стремитесь вы, чтобы во всѣхъ предпріятіяхъ и преобразованіяхъ, какъ промышленныхъ такъ и государственныхъ, конечною цѣлью всего былъ человѣкъ, а не капиталъ, не какая-нибудь объективная политическая идея; чтобы желѣзныя дороги и пароходы служили къ распространенію удобствъ, приволья и досуга въ жизни всѣхъ классовъ народа. Избави Богъ отъ того несчастья, къ которому пришли промышленная Европа и Америка, гдѣ работники изъ рода въ родъ обречены на жертву капитала и гибнутъ, какъ гибли въ древности рабочіе пирамидъ и чудовищныхъ пагодъ, гдѣ самими капиталистами до того овладѣла лихорадка стяжанія, что опостылѣли имъ семейство и самая душа своя. Есть надежда, что народное добродушіе и поучительный примѣръ передовыхъ народовъ предохранятъ насъ отъ этой ужасной болѣзни, которую не излечиваютъ и самыя сильныя кровопусканія»...

Мы нарочно сопоставили либеральныя мнѣнія двухъ противоположныхъ лагерей—западниковъ и славянофиловъ и предоставляемъ самимъ читателямъ отнести свои симпатіи въ ту или другую сторону. Въ дальнѣйшемъ развитіи крестьянскаго вопроса и вообще преобразовательнаго періода два эти теченія почти сливаются, но въ настоящій первоначальный моментъ еще существовала старинная между ними рознь, хотя уже начинавшая ослабѣвать подъ вліяніемъ видимой исполнимости завѣтныхъ желаній, а также увеличивавшейся мало-по-малу свободы печати.

R.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кто можетъ считать себя блаженнымъ въ жизни? [1])

Блаженъ, кто съ Лукинымъ [2]) сердитымъ не встрѣчался
И съ Ломоносовымъ [3]) кто въ карты не игралъ,
Блаженъ, кто никогда въ актрису не влюблялся,
Чрезъ Пуколовыхъ [4]) кто фортуны не искалъ.
Блаженъ, не знаетъ кто гражданскія палаты
И вовсе у него нигдѣ нѣтъ спорныхъ дѣлъ,
Блаженъ, Извѣкова кто стряпчимъ не имѣлъ,
Иль кто въ полиціи не служивалъ изъ платы.
Блаженъ, кто прожилъ вѣкъ, не зная кредиторовъ
И не былъ никогда подъ бременемъ долговъ;
Блаженъ, кто цѣлъ и здравъ достигнулъ до маіоровъ,
Блаженъ, кого судьба избавила роговъ;
Блаженъ, чьей лирою Башуцкій восхищался,
Блаженъ, съ Нарышкиныхъ кто деньги получилъ,
Блаженъ кто съ Пестелемъ [5]) постигъ секретъ ужиться,
Стократъ блаженъ, кто съ нимъ нисколько не служилъ.
Но всѣхъ блаженнѣй ты, въ томъ смѣло увѣряю,
Стократно ты, мой другъ, достопочтенный Клитъ,
Съ утра я у тебя гощу, но замѣчаю,
Ни разу ты еще женою не былъ битъ.

Сообщ. Л. С. М—чъ.

---

[1]) Сатира эта относится къ началу нынѣшняго столѣтія.

[2]) Извѣстный силачъ.

[3]) Генералъ.

[4]) Супруга Пуколова пользовалась особымъ расположеніемъ графа А. А. Аракчеева и имѣла на него вліяніе.

[5]) Сибирскій генералъ-губернаторъ, жившій постоянно въ Петербургѣ.

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ

ВЪ

первой половинѣ XVIII вѣка.

IV [1]).

Гоненіе на нѣмцевъ.—Подражаніе всему французскому.—Симпатія Елисаветы Петровны къ Людовику XV.—Положеніе Франціи относительно Россіи и Швеціи.—Переговоры о мирѣ съ Швеціею.—Враждебное положеніе Франціи.—Поведеніе Шетарди.—Отклоненіе посредничества Франціи въ переговорахъ о мирѣ Россіи съ Швеціею.—Отозваніе Шетарди изъ Петербурга.—Празднества въ Москвѣ по случаю коронаціи.—Отъѣздъ Шетарди.—Политическое положеніе Россіи.—Союзъ съ Англіею.—Возвращеніе Шетарди въ Россію и инструкціи ему данныя.—Прибытіе въ Петербургъ и первое свиданіе съ императрицею.—Интриги Шетарди противъ Бестужевыхъ и высылка его изъ Россіи.

Переворотъ, совершившійся 25-го ноября 1741 года имѣлъ характеръ реакціи противъ преобладанія въ Россіи нѣмцевъ, наѣхавшихъ изъ Германіи и заполонившихъ всѣ главныя должности въ государствѣ. Вступивъ на престолъ, Елисавета Петровна спѣшила такъ или иначе устранить ихъ отъ управленія. Остерманъ и Минихъ были сосланы, прочіе нѣмцы лишились своихъ мѣстъ при дворѣ, въ войскѣ и въ канцеляріяхъ; одинъ только братъ фельдмаршала Миниха сохранилъ свое мѣсто. Солдаты не хотѣли болѣе повиноваться офицерамъ, фамиліи которыхъ озобличали

---

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1897 г.

нѣмецкое происхожденіе; въ Петербургѣ народъ до того былъ озлобленъ противъ нѣмцевъ, что былъ готовъ разорвать ихъ на части; духовенство называло ихъ «исчадіемъ ада» и сравнивало время ихъ господства съ печальной памяти владычествомъ татаръ. Чтобы удовлетворить желаніямъ народа Елисавета должна была ввѣрить правленіе чисто-русскимъ людямъ, каковыми были князь Черкасскій, братья Бестужевы, графъ Воронцовъ и т. д.

Переставъ быть нѣмецкой, оффиціальная Россія все же хотѣла остаться европейской державою. Вступивъ слишкомъ недавно на путь европейской цивилизаціи, она не могла еще обойтись безъ руководителей иностранцевъ, и такъ какъ Франція помогла ей сбросить съ себя нѣмецкое иго, то эта держава, весьма естественно, пріобрѣла въ глазахъ русскихъ первенствующее значеніе.

«Нынѣ Францію здѣсь благословляютъ»,—писалъ Шетарди 5-го (16-го) декабря 1741 г.

«Французскій посланникъ здѣсь первый министръ»,—писалъ о немъ въ то же время представитель Англіи.

Русскіе изъ благодарности сблизились съ Франціей и сдѣлали открытіе, что у нихъ гораздо болѣе общаго съ французами, нежели съ нѣмцами. Дворъ преобразился какъ бы по мановенію волшебнаго жезла: все привитое ему нѣмцами быстро улетучилось; французскій языкъ, нравы и моды сразу пріобрѣли въ Россіи право гражданства.

Недруги Франціи были этимъ чрезвычайно встревожены, и въ томъ, что сближеніе французовъ съ русскими поведетъ и къ политическому союзу между этими державами, въ Европѣ никто не сомнѣвался. Моментъ былъ въ высшей степени важный. Марія-Терезія изнемогала въ борьбѣ съ соединенными войсками Франціи и Пруссіи; ея силы истощались и ей оставалась одна надежда—отвлечь Фридриха отъ коалиціи, составленной противъ нея, уступивъ ему Силезію, которой онъ такъ добивался; ею уже были начаты въ этомъ смыслѣ переговоры съ королемъ. Франко-русскій союзъ предупредилъ бы измѣну короля прусскаго союзникамъ, и, заставивъ его поддерживать интересы Франціи изъ боязни русскихъ войскъ, нанесъ бы этимъ рѣшительный ударъ Австріи.

Въ Петербургѣ всѣ считали этотъ союзъ заключеннымъ и полагали, что, одновременно съ оборонительнымъ союзомъ, будетъ подписанъ и торговый договоръ и что сближеніе двухъ державъ будетъ скрѣплено бракомъ герцога Голштинскаго,—племянника царицы, объявленнаго наслѣдникомъ русскаго престола,—съ одною изъ дочерей Людовика XV. Нѣкоторые шли въ своихъ предположеніяхъ еще дальше, и разсказывали подъ секретомъ о пріѣздѣ изъ Версаля тайныхъ эмиссаровъ, посланныхъ для переговоровъ о бракѣ Елисаветы Петровны съ принцемъ изъ дома Бурбоновъ. Многіе были того мнѣнія, что отнынѣ Франція бу-

детъ играть по отношенію къ Россіи ту же роль, какую играла въ предъидущее царствованіе Австрія, щедро вознаграждая русскихъ сановниковъ за оказываемыя ей услуги. Лестокъ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Елисаветы Петровны состоялъ уже на жалованьи у Франціи; многія дамы изъ высшаго круга пріѣзжали къ Шетарди, прося выхлопотать имъ пенсіи у французскаго короля.

Елисавета Петровна своимъ поведеніемъ какъ бы поощряла надежды, возлагавшіяся на Францію; она видѣлась съ маркизомъ Шетарди каждый день и постоянно увѣряла его въ своемъ личномъ расположеніи и въ желаніи войти съ Франціей въ тѣсный союзъ. Съ чисто-женскимъ тактомъ и деликатностью она пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы выказать свою симпатію и расположеніе къ Франціи и ея монарху.

«Она припомнила, писалъ однажды Шетарди [1]), что царь, ея родитель, привезъ изъ Франціи портретъ короля, имѣвшаго тогда семь или восемь лѣтъ; она немедленно приказала его отыскать и принести».

— Я бы очень желала,—сказала она, Шетарди, разсматривая портретъ со вниманіемъ,—чтобы вы приказали принести находящійся у васъ, чтобы имѣть болѣе вѣрное понятіе о лицѣ его величества.

«Я повиновался, но съ сожалѣніемъ, что портретъ во весь ростъ, который у меня былъ для посольства, не вознаграждаетъ своимъ великолѣпіемъ недостатковъ живописи относительно сходства. Я старался исправить промахи художника, указавъ на его недостатки, по мѣрѣ того, какъ царица дѣлала мнѣ вопросы, или давала мнѣ возможность предупреждать ихъ».

Въ продолженіе довольно длиннаго разговора, касавшагося разныхъ предметовъ, царица замѣтила, что она обратилась спиною къ королевскому портрету, и упрекнула себя въ такой разсѣянности.

— Это не помѣшаетъ,—сказалъ я,—чтобы король представлялся вашему величеству всегда съ самой отличной стороны, какъ только будетъ рѣчь доказать ему на дѣлѣ вашу дружбу.

— Я тѣмъ болѣе убѣждена въ томъ,—возразила она,—и признаюсь вамъ, что съ тѣхъ поръ какъ я начала себя помнить, король былъ только одинъ изъ государей, къ которому я чувствовала склонность.

— Ваше величество, надѣюсь, соизволите,—сказалъ я,—чтобы я передалъ о томъ королю. Если онъ, признавая васъ государынею всея Россіи, увидитъ склонность вашего величества къ тому, чтобы царствовало согласіе между двумя державами, то будетъ въ восторгѣ, что такая прекрасная особа, какъ ваше величество, думала о немъ подобнымъ образомъ.

— Я не противъ того, что вы намѣрены сдѣлать, и буду весьма до-

---

[1]) Шетарди—Амело, 12-го декабря ст. ст. 1741 г.

вольна, когда король будетъ считать это за поруку искренняго моего желанія быть съ нимъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ.

Казалось, никогда еще обстоятельства такъ не благопріятствовали заключенію франко-русскаго союза, но чтобы воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ Россіи, Франціи слѣдовало дѣйствовать съ тактомъ, ловкостью и осторожностью, тѣмъ болѣе, что положеніе ея въ это время было довольно щекотливое. Будучи связана извѣстными обязательствами съ Швеціей, Франція натолкнула ее на войну съ Россіей, когда эта послѣдняя была за-одно съ ея врагами; когда же, вслѣдствіе перемѣны правленія, Россія находилась въ дружескихъ отношеніяхъ, Франція уже не имѣла повода желать, чтобы распря, вызванная ею, продолжалась; но въ состояніи ли она была прекратить ее? Правда, обѣ воюющія стороны искали ея посредничества, но къ сожалѣнію французское министерство, побуждая шведовъ произвести диверсію въ пользу Елисаветы, обнадежила ихъ, что имъ будутъ сдѣланы за это тѣ территоріальныя уступки, отъ которыхъ Елисавета на-отрѣзъ отказалась; мало того, французское министерство весьма легкомысленно обязалось поддержать при веденіи мирныхъ переговоровъ требованія Швеціи о возвратѣ ей прибалтійскихъ губерній. Принявъ на себя столь неосмотрительно подобнаго рода обязательство, Франція не могла уже дѣйствовать безпристрастно въ роли посредника; ей приходилось волей-неволей или измѣнить обѣщаніямъ, даннымъ Швеціи, или возбудить недовѣріе Россіи.

При этихъ обстоятельствахъ Франціи было бы лучше всего, тотчасъ послѣ переворота, склонить обѣ державы заключить миръ на основаніи прежняго status quo, если бы Швеція изъявила только на это свое согласіе; въ противномъ случаѣ версальскому двору слѣдовало отклонить отъ себя роль посредника и, дѣйствуя вполнѣ искренно и чистосердечно, закрѣпить прочными узами симпатію, которую питала къ Франціи русская императрица.

Но версальскій кабинетъ послѣдовалъ совершено иной политикѣ. Въ тотъ самый день когда Елисавета Петровна возложила на свою главу императорскую корону, Шетарди далъ письменно генералу Левенгаупту совѣтъ пріостановить наступленіе войскъ и готовъ былъ взять на себя отвѣтственность за все, что могло изъ этого произойти.

Статсъ-секретарь Амело высказалъ ему за это строгое порицаніе [1]). Онъ разсчитывалъ, что безпорядокъ, неизбѣжно сопровождающій всякій переворотъ, парализуетъ на нѣкоторое время боевыя силы Россіи и дастъ ея врагамъ возможность одержать надъ ними побѣду. Событія не оправдали этихъ ожиданій. Военныя дѣйствія были возобновлены, но

[1]) Амело—Шетарди, 15-го января ст. ст. 1742 г.

шведы послѣ первыхъ же сраженій потерпѣли неудачу. Тогда Франція предложила воюющимъ державамъ свое посредничество.—Переговоры о мирѣ начались въ Петербургѣ зимою 1742 г. и представителемъ стокгольмскаго двора при этихъ переговорахъ явился баронъ Нолькенъ.

Французскій посланникъ сдѣлалъ большую ошибку, предложивъ шведскому уполномоченному остановиться въ домѣ французскаго посольства.

Елисавета Петровна, съ самаго начала переговоровъ заявила, что если она согласится на уплату извѣстнаго вознагражденія за военныя убытки, въ память прошлыхъ услугъ, то она ни въ какомъ случаѣ не согласится уступить ни одной пяди русской земли. Тѣмъ не менѣе баронъ Нолькенъ продолжалъ настаивать на территоріальномъ вознагражденіи, а Шетарди поддерживалъ это требованіе, что не мѣшало однако статсъ-секретарю Амело находить, что онъ «черезчуръ преданъ Россіи» [1]).

Русскіе сановники не раздѣляли этого взгляда: пристрастіе Франціи къ Швеціи было слишкомъ очевидно, но они, до поры до времени, высказывались объ этомъ чрезвычайно сдержанно:

— Мы очень далеки, говорили они, примѣшивать Францію къ нашимъ распрямъ съ Швеціею; напротивъ, мы не будемъ на нее сѣтовать, если она исполнитъ свои обязательства по отношенію къ Швеціи. Мы признаемъ, что Франція не можетъ, поступая честно, уклониться отъ нихъ, но иначе будетъ съ тѣми обязательствами, въ которыя король вступитъ теперь, потому что сколько ему невозможно было предвидѣть будущее относительно прежнихъ обязательствъ, столько на нынѣшнія мы будемъ жаловаться, если его величество, несмотря на нашу приверженность къ Франціи, будетъ искать намъ новыхъ враговъ. Мы надѣемся, что король не измѣнитъ дружбѣ, которую онъ до сихъ поръ постоянно выказывалъ къ царицѣ.

Франція не обратила ни малѣйшаго вниманія на это предостереженіе. Въ этотъ именно моментъ ея дипломаты старались возстановить противъ Россіи новыхъ противниковъ, и они дѣйствовали относительно Россіи совершенно такъ, какъ будто въ Петербургѣ царствовала еще нѣмецкая династія. Франція только-что подписала съ Даніей союзный договоръ (15-го марта 1742 г.) и всѣми силами старалась обезпечить этому королевству тѣсный союзъ съ Швеціей.

Помимо этого, она начала въ Константинополѣ дѣятельные переговоры съ цѣлью принудить турецкое правительство принять по отношенію Россіи угрожающее положеніе, дабы поддержать требованія Швеціи. Французскій посланникъ при Оттоманской Портѣ, маркизъ де-Кастел-

[1]) Амело—Шетарди, 20-го февраля (3-го марта) 1742 г.

ланъ, преувеличивая смыслъ полученныхъ имъ инструкцій, старался превратить оборонительный трактатъ, заключенный между Швеціей и Турціей въ 1740 г., въ наступательный союзъ противъ Россіи. Не успѣвъ добиться отъ бездѣятельнаго Дивана вооруженнаго содѣйствія, онъ убѣдилъ турокъ назначить Швеціи субсидію въ 300.000 піастровъ. Это дало врагамъ Франціи въ руки оружіе для того, чтобы подорвать ея кредитъ въ Петербургѣ.

Австрія и Англія не дремали; узнавъ о домогательствахъ Франціи, они увѣдомили о нихъ русское правительство.

22-го апрѣля 1742 г. къ Шетарди явился Лестокъ; онъ былъ въ отчаяніи. Изъ его словъ маркизъ узналъ, что австрійскій посланникъ, Ботта д'Адорно, передалъ императрицѣ письмо, посланное статсъ-секретаремъ Амело къ французскому посланнику въ Константинополѣ Кастеллану, черезъ Вѣну, и перехваченное австрійской полиціей. Письмо это было написано въ самыхъ оскорбительныхъ для Россіи выраженіяхъ.

Французскій министръ писалъ посланнику, что по его мнѣнію послѣдній переворотъ есть конецъ величія Россіи, что такъ какъ императрица Елисавета не намѣрена поручать важнѣйшихъ должностей въ государствѣ иноземцамъ, то Россія, предоставленная самой себѣ, не преминетъ скоро впасть въ прежнее ничтожество и что Порта, для скорѣйшаго приведенія Россіи въ такое положеніе и чтобы избавиться отъ сосѣда, причинявшаго ей много безпокойствъ, должна торопиться дѣйствовать силою и воспользоваться обязательствами, которыя она имѣетъ съ Швеціею для соединенія съ нею и нападенія на Россію [1]).

Читая это письмо, царица была чрезвычайно огорчена такими видами Франціи въ отношеніи ея, тѣмъ болѣе что до тѣхъ поръ эта держава во всемъ, что касалось ея величества, выказывала совсѣмъ иное.

Увѣдомленный французскимъ посланникомъ объ этомъ непріятномъ происшествіи, Амело протестовалъ сначала съ негодованіемъ противъ приписанныхъ ему словъ. Онъ увѣрялъ, что это письмо до послѣдняго слова сочинено въ Вѣнѣ и что этотъ подлогъ есть плодъ обычной лжи и коварства австрійскаго двора. Нѣсколько времени спустя, возвращаясь, въ одномъ изъ своихъ писемъ, къ этому предмету, Амело мѣняетъ тонъ и уже не оправдывается, а извиняется.

«Въ этомъ письмѣ, пишетъ онъ, не заключалось ничего такого, что могло бы быть истолковано невыгоднымъ для Россіи образомъ; оно имѣло цѣлью единственно держать это государство въ тревогѣ и тѣмъ сдѣлать его сговорчивѣе относительно условій мирнаго договора. Однако, по зрѣломъ размышленіи, лучше не признаваться въ этомъ письмѣ; вѣн-

---

[1]) Шетарди—Амело, 13-го (24-го) апрѣля 1742 г.

скій дворъ выдумывалъ столько лжи, что и эту выдумку легко будетъ приписать на его счетъ» [1]).

Впрочемъ, Амело признавалъ со спокойствіемъ философа, что будетъ очень трудно изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное сказаннымъ письмомъ въ Петербургѣ.

Шетарди своимъ поведеніемъ еще болѣе увеличилъ затруднительное положеніе. Въ первые мѣсяцы, слѣдовавшіе за переворотомъ, отуманенный успѣхомъ, увѣренный въ томъ, что онъ навсегда сохранитъ расположеніе Елисаветы Петровны, и можетъ быть льстя себя надеждою, что мимолетный капризъ перейдетъ въ болѣе прочное чувство, онъ широко пользовался выпавшей на его долю удачею и не соблюдалъ мѣры, которую налагало на него званіе дипломата. Его манера держать себя обличала скорѣе признаннаго фаворита, кичащагося своею властью, нежели представителя дружественной Россіи державы. Онъ появлялся во дворцѣ во всякое время дня, отвѣчалъ на поклоны пренебрежительно и высокомѣрно; дежурные офицеры цѣловали ему руку, называя его «батюшкою». Болѣе чѣмъ когда-либо, онъ старался поразить императрицу показной роскошью и самоувѣренностью. Онъ сопровождалъ ее на балъ, на охоту, на прогулки, раздѣляя всѣ удовольствія государыни. Сидя за столомъ возлѣ нея, онъ относился къ ней съ самой любезной предупредительностью и не старался опровергать слухи, льстившіе его тщеславію. Неудивительно, что столь неосмотрительное поведеніе вскорѣ возбудило противъ него зависть и злобу многихъ лицъ, возвратило Австріи утраченныхъ ею друзей и создало новыхъ враговъ Франціи.

Казалось, Шетарди особенно старался возбудить къ себѣ ненависть русскихъ сановниковъ. Однажды, онъ замѣтилъ императрицѣ, что князь Черкасскій плохо владѣетъ иностранными языками.

— Что за бѣда!—отвѣчала Елисавета Петровна,—ведите отнынѣ переговоры прямо со мною, а остальные посланники пусть устроиваются какъ хотятъ.

Французскій посолъ, злоупотребляя даннымъ позволеніемъ, обращался, съ тѣхъ поръ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ непосредственно къ самой императрицѣ и жаловался на ея ближайшихъ совѣтниковъ. Послѣдніе были этимъ чрезвычайно озлоблены и двое изъ нихъ Бестужевы, вице-канцлеръ и гофмаршалъ, рѣшили начать противъ него упорную борьбу. Они успѣли убѣдить императрицу, что Шетарди лучше умѣлъ завязать интригу и устраивать увеселенія, нежели давать разумные и безкорыстные совѣты въ дѣлѣ политики.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ переворота, весною 1742 г., Елисавета находила еще удовольствіе въ обществѣ маркиза, но уже болѣе не

---

[1]) Амело—Шетарди, 5-го іюля 1742 г.

совѣтывалась съ нимъ о дѣлахъ. Въ это время письмо, перехваченное графомъ Ботта, охладило ея расположеніе къ французскому правительству. Бестужевы воспользовались этимъ случаемъ, употребили все свое вліяніе на императрицу и послѣ многихъ колебаній съ ея стороны получили отъ нея дозволеніе отклонить французское посредничество въ переговорахъ съ Швеціей.

Заручившись высочайшимъ согласіемъ, Бестужевъ тотчасъ далъ знать Шетарди, что Россія, высоко цѣня важность услугъ короля, предпочитаетъ вести переговоры со Швеціей безъ всякаго посредника.

Самолюбивому маркизу былъ этимъ нанесенъ чувствительный ударъ; онъ льстилъ себя надеждою играть на сѣверѣ ту же роль, какую де-Вилленевъ игралъ на востокѣ. Полный злобы и негодованія, онъ поспѣшилъ во дворецъ воображая, что ему достаточно увидѣть царицу, чтобы она отмѣнила свое рѣшеніе.

Елисавета Петровна, приглашавшая Шетарди нѣсколько разъ въ недѣлю къ ужину и на спектакли, колебалась дать ему аудіенцію по дѣламъ; она заставила его прождать цѣлыхъ два часа.

«Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, писалъ маркизъ, какъ болтать съ фрейлинами, чтобы показать видъ, что это задерживаетъ меня во дворцѣ и чтобы слишкомъ большая разница моего положенія не бросилась въ глаза придворнымъ».

Наконецъ онъ былъ принятъ, но напрасно пустилъ онъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, переходя отъ просьбы къ укорамъ.

— Обратитесь къ моимъ министрамъ,—неизмѣнно отвѣчала ему на все Елисавета Петровна.

Уступая первому моменту раздраженія, маркизъ тотчасъ просилъ свое правительство отозвать его. Его просьба была удовлетворена.

Елисавета пожалѣла объ этомъ и, удвоивъ вниманіе къ Шетарди, старалась обставить дѣло такъ, чтобы отъѣздъ его не имѣлъ вида немилости. Посланникъ прожилъ въ Россіи еще два мѣсяца, ожидая отъ своего правительства отзывныхъ грамотъ; въ это время онъ былъ предметомъ самаго лестнаго вниманія со стороны императрицы; между прочимъ онъ сопровождалъ дворъ въ Москву, гдѣ Елисавета Петровна короновалась лѣтомъ 1742 г. За коронаціей слѣдовалъ цѣлый рядъ увеселеній; императрица любила балы, маскарады, итальянскую оперу и французскую комедію. Во время этихъ празднествъ, въ Москвѣ появился графъ Морицъ Саксонскій, нѣкогда бывшій въ числѣ претендентовъ на руку Елисаветы Петровны. Онъ вообразилъ, что при свиданіи съ Елисаветой ему удастся вызвать въ ея сердцѣ прежнюю симпатію и быть можетъ получить отъ нея инвеституру Курляндіи. Императрица устроила ему великолѣпный пріемъ, осыпала его почестями и вниманіемъ, но не хотѣла связывать себя никакими обязательствами.

Морицъ Саксонскій и Шетарди сошлись какъ самые близкіе друзья; они оба любили роскошь и удовольствія и принимали участіе во всѣхъ забавахъ императрицы: въ охотахъ, загородныхъ прогулкахъ, импровизированныхъ обѣдахъ за городомъ, въ лѣсу, а равно въ парадныхъ спектакляхъ и ужинахъ, которые устроивались въ дворцовыхъ садахъ.

23-го іюня въ Москвѣ былъ данъ роскошный праздникъ. Блестящая кавалькада придворныхъ дамъ и кавалеровъ разъѣзжала весь вечеръ по иллюминованнымъ улицамъ города; во главѣ ея галопировали Елисавета Петровна, графъ Морицъ Саксонскій и Шетарди. Внезапно разразилась гроза; императрица спряталась со своею свитою въ Кремль, гдѣ она показала присутствующимъ императорскія регаліи, скипетръ, державу и корону, сверкавшую драгоцѣнными камнями. Уже всѣ собирались разойтись, какъ вдругъ государыня спросила Шетарди, можетъ ли она у него поужинать?

Маркизъ нѣсколько дней ожидалъ этой милости и каждый вечеръ дѣлалъ приготовленія къ пріему августѣйшей посѣтительницы. Царица прибыла въ домъ посольства; его фасадъ былъ роскошно декорированъ, по обѣ стороны отъ входа били два фонтана вина (Шетарди выписалъ изъ Франціи 100.000 бутылокъ вина, изъ коихъ 16,800 шампанскаго), въ комнатахъ было накрыто три стола. Елисавета обошла всѣ комнаты, все осмотрѣла; проходя мимо портрета Людовика XV она поклонилась и остановившись разсматривала его въ видимымъ удовольствіемъ. Подъ конецъ ужина она встала и предложила тостъ за здоровье своего брата, короля Франціи; она была очень весела и неоднократно выражала свое совершенное удовольствіе [1]).

Нѣсколько дней спустя Елисавета Петровна отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицко-Сергіеву Лавру и пожелала, чтобы Шетарди сопровождалъ ее въ придворномъ экипажѣ. Казалось, передъ отъѣздомъ посланника императрица не могла обходиться безъ него. Однако день отъѣзда его приближался. Осыпанный подарками, стоимость коихъ опредѣляли въ одинъ милліонъ, онъ получилъ на прощальной аудіенціи орденъ св. Андрея. Онъ отправился въ путь въ экипажѣ, сдѣланномъ на заказъ по рисунку, набросанному самой императрицею; въ глубину кареты она приказала положить для него нѣсколько бутылокъ стараго венгерскаго вина.

— Францію никогда не исторгнутъ изъ моего сердца,—говорила императрица, прощаясь съ посланникомъ.

Въ глубинѣ души Шетарди надѣялся, что его отсутствіе изъ Россіи будетъ непродолжительно и что онъ вскорѣ возвратится въ Петербургъ при обстановкѣ еще болѣе торжественной. Онъ воспользовался послѣд-

---

[1]) Депеша Шетарди, 25-го іюня 1742 г.

ними бесѣдами съ императрицею, чтобы настроить ее противъ своихъ враговъ; онъ горько жаловался ей на Бестужевыхъ, самыми мрачными красками описалъ ихъ и ихъ козни противъ него и полагалъ, что ихъ опала неминуема. Онъ ѣхалъ съ остановками, не спѣша, въ надеждѣ получить по пути какое-нибудь извѣстіе, которое дало бы ему возможность вернуться обратно.

Изъ Берлина, Дрездена онъ продолжалъ интриговать въ Россіи, велъ секретную переписку съ Лестокомъ, пересылалъ императрицѣ коротенькія записочки, въ коихъ предупреждалъ объ опасности, угрожающей монархамъ, поддающимся вліянію министровъ, которые злоупотребляютъ ихъ довѣріемъ. Во время его остановки во Франкфуртѣ, курьеръ, прибывшій изъ Петербурга, привезъ ему извѣстіе, что царица намѣрена оффиціально просить французское правительство о его возвращеніи.— Онъ отвѣчалъ, что согласится появиться вновь при императорскомъ дворѣ, но не иначе, какъ будучи вполнѣ увѣренъ, что онъ не встрѣтитъ тамъ своихъ враговъ [1]).

Этимъ высокомѣрнымъ требованіемъ—чтобы былъ сдѣланъ выборъ между нимъ и Бестужевыми,—отважный маркизъ думалъ побѣдить нерѣшительность Елисаветы Петровны и нанести своимъ противникамъ окончательный ударъ: на самомъ дѣлѣ онъ только льстилъ себя обманчивыми надеждами.

Императрица не особенно симпатизировала вице-канцлеру и его брату, но терпѣла ихъ по необходимости; всецѣло преданная удовольствіямъ, она съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе интересовалась политикой, и Бестужевы съумѣли сдѣлаться необходимыми, облегчая ей во всемъ бремя правленія и рѣшая дѣла безъ доклада императрицы.

Не получивъ отвѣта на предъявленныя имъ требованія, Шетарди продолжалъ свой путь. Прибывъ во Францію, онъ съ грустью констатировалъ полнѣйшее равнодушіе своего правительства по отношенію къ Россіи. Французская политика не имѣла въ то время опытнаго руководителя; старикъ Флёри не занимался болѣе дѣлами, онъ былъ боленъ и скончался 29-го января 1743 г.; Людовикъ XV также весьма мало интересовался ими. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Амело, предоставленный самому себѣ, направлялъ дѣла по своему личному усмотрѣнію.

«Мы никогда не питали надеждъ на пользу какого бы то ни было союза короля съ Россіей, исключая выгодъ коммерческихъ, писалъ онъ д'Алліону въ своихъ инструкціяхъ; поэтому нашей главной цѣлью было всегда и должно быть впредь мѣшать Россіи насколько возможно нанести намъ вредъ заключеніемъ тѣсныхъ союзовъ съ нашими врагами [2])».

---

[1]) Эти подробности сообщены преемникомъ Шетарди, д'Алліономъ.

[2]) Амело—д'Алліону 10 сент. 1742 г.

Шетарди задался цѣлью снова привлечь вниманіе государственныхъ людей Франціи къ Петербургу, куда его влекли личныя воспоминанія и надежды. Онъ составилъ и послалъ во французское министерство иностранныхъ дѣлъ записку, въ которой, смѣшивая, по обыкновенію, въ своихъ соображеніяхъ пустыя мечты съ планами, доступными къ осуществленію, онъ набросалъ проектъ конфедераціи всѣхъ державъ сѣвера и востока: Россіи, Швеціи, Пруссіи, Польши и Турціи подъ главенствомъ Франціи. Дю-Тейль (du-Theil), старшій чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, коему было поручено письменно изложить мнѣніе на эту записку, весьма основательно называетъ ее пустой химерой. Въ концѣ своего критическаго разбора записки Шетарди, дю-Тейль приводилъ слѣдующія весьма странныя и прискорбныя разсужденія въ устахъ одного изъ руководителей французской дипломатіи.

«Самый вѣрный путь извлечь пользу изъ Россіи—дѣлать видъ, что о ней не думаешь, не имѣть въ этой странѣ посланника, а если она будетъ имѣть посланника въ Парижѣ, то говорить съ нимъ о вещахъ лишь самыхъ пустяшныхъ. Въ случаѣ, если бы царь или царица и фавориты или министры захотѣли получить субсидіи или подарки отъ Франціи, они и сами съумѣютъ обратиться къ ней съ этой просьбою. Можетъ быть не будетъ преувеличеніемъ сказать, что если бы Франція относилась столь же равнодушно ко многимъ другимъ дворамъ Европы, то она пожалуй имѣла бы нынѣ гораздо болѣе сторонниковъ».

Въ это именно время Елисавета Петровна искала союзниковъ и видя, что Франція отдаляется отъ нея, она обратила свои взоры на другія державы. Этимъ моментомъ воспользовалась Англія, съумѣвшая заручиться поддержкою вице-канцлера Бестужева. Уступивъ настояніямъ своего министра и несмотря на все свое нерасположеніе къ англичанамъ, императрица заключила съ Англіею оборонительный договоръ (22 декабря 1742 г.). Подписывая трактатъ съ Лондонскимъ дворомъ, она не отказалась окончательно отъ мысли о союзѣ съ Франціей, и князь Кантемиръ сообщилъ по этому случаю версальскому кабинету, что государыня приняла надлежащія мѣры къ тому, чтобы договоръ, заключенный ею съ Англіей, не могъ повредить интересамъ Франціи [1]).

Съ этого момента императрица Елисавета Петровна, подобно многимъ ея преемникамъ, отдѣлила свои личныя симпатіи отъ своихъ официальныхъ союзовъ; въ данномъ случаѣ ея личныя симпатіи были на сторонѣ Франціи, и когда Англія, нѣсколько времени спустя, напала на Францію, чтобы оказать помощь Австріи (въ войнѣ за Австрійское наслѣдство), то Елисавета искренно желала успѣха французамъ. Когда же французскій флотъ отразилъ побѣдоносное нападеніе англійской

[1]) Амело—д'Алліону 1-го февраля 1743 г.

эскадры подъ Тулономъ, она радовалась ихъ успѣху и съ удовольствіемъ узнала о неудачѣ той державы, съ которой она только что заключила союзъ.

— Надобно сознаться,—говорила императрица,—что я смѣшной союзникъ, если я такъ чувствую, но я болѣе готова повиноваться внушеніямъ своего сердца.

Два важныхъ событія, ознаменовавшія собою 1743 годъ, казалось должны были оживить переговоры между Франціей и Россіей. Швеція, испытавъ цѣлый рядъ неудачъ на полѣ битвы, просила мира; договоръ, заключенный въ Або и лишившій ее части Финляндіи, положилъ конецъ войнѣ, которую д'Аліонъ называлъ нескончаемымъ источникомъ недовѣрія къ Франціи.

Въ то же время въ Петербургѣ былъ обнаруженъ заговоръ, въ коемъ однимъ изъ главныхъ участниковъ былъ австрійскій посланникъ маркизъ Ботта д'Адорно, желавшій возвести на престолъ свергнутую Елисаветой Петровной Брауншвейгскую фамилію; а когда Марія-Терезія отвѣчала отказомъ на требованіе Елисаветы Петровны примѣрно наказать маркиза Ботта, то рѣзкія ноты, коими обмѣнялись по этому поводу обѣ императрицы, угрожали въ непродолжительномъ времени окончательнымъ разрывомъ между Россіей и Австріей.

Эта размолвка была для Франціи прекраснымъ случаемъ вновь заручиться симпатіями Россіи и ея помощью въ войнѣ, которую Франція вела въ это время съ Австріей. Поэтому французское правительство рѣшилось наконецъ выйти изъ своей апатіи. Ему были необходимы союзники: Марія-Терезія оттѣснила французскія войска изъ Германіи и ея собственная побѣдоносная армія дошла до границъ Эльзаса и Лотарингіи. Король прусскій, Фридрихъ II соглашался помочь Франціи и составилъ проектъ лиги между Франціей, Россіей, Швеціей и Пруссіей противъ Австріи. Для переговоровъ было рѣшено послать въ Петербургъ чрезвычайнаго посланника, и французское правительство предложило маркизу де-ла-Шетарди взять на себя эту миссію, на что онъ изъявилъ свое согласіе, несмотря на заявленіе, сдѣланное имъ въ Франкфуртѣ.

Вторичное назначеніе ла-Шетарди въ Петербургъ было капитальною ошибкою французскаго правительства. Императрица Елисавета Петровна, безспорно, относилась къ нему попрежнему благосклонно, но ея ближайшіе совѣтники были настроены къ нему враждебно, а императрица, все болѣе и болѣе предаваясь удовольствіямъ, совершенно перестала руководить дѣлами. Такъ, напримѣръ, когда французскій посланникъ д'Аліонъ хотѣлъ переговорить съ нею о чемъ нибудь серьезномъ, то ему приходилось караулить ее на балу или въ маскарадѣ; она выслушивала его въ такихъ случаяхъ съ очаровательной граціей, «но вскорѣ, писалъ посланникъ, увлекаясь звуками доносившейся до ея слуха изъ

сосѣдней комнаты музыки, тихонько направлялась къ дверямъ и уходила» [1]). Такимъ образомъ всѣ дѣла шли черезъ министровъ, а такъ какъ они ненавидѣли Шетарди, то это значило заранѣе обречь на неудачу возложенные на него переговоры. Князь Кантемиръ осторожно намекнулъ объ этомъ версальскому кабинету, между тѣмъ какъ д'Аллiонъ писалъ изъ Петербурга:

«Я желалъ бы, чтобы г. де-ла-Шетарди нашелъ здѣсь благопріятную почву для заключенія тѣснаго союза между королемъ и императрицею; все то, что я имѣлъ честь ранѣе высказать вамъ о настроеніи русскихъ вельможъ и сановниковъ, къ сожалѣнію какъ нельзя болѣе вѣрно. Въ моментъ восшествія на престолъ императрицы Елисаветы, Франція могла преодолѣть всѣ препятствія, соблюдая какъ нельзя лучше свои интересы, но когда этотъ благопріятный моментъ былъ упущенъ, то слишкомъ явное, хотя и вполнѣ заслуженное благоволеніе, оказанное маркизу ла-Шетарди возстановило противъ него, и за-одно противъ Франціи, рѣшительно всѣхъ; но противъ него лично еще болѣе озлоблены, нежели противъ Франціи [2])».

Несмотря на это категорическое заявленіе, версальскій дворъ не измѣнилъ своего намѣренія, полагая, что посланникъ добьется успѣха, если онъ будетъ уполномоченъ польстить самолюбію Елисаветы и сдѣлать ей ту уступку, которую тщетно добивались до нея русскіе монархи — признанія за нею императорскаго титула.

Маркизу было дано два письма, за собственноручною подписью короля Людовика XV. Въ первомъ письмѣ, написанномъ по общепринятой формѣ, былъ упомянутъ императорскій титулъ; на второмъ была надпись: «ея императорскому величеству любезной нашей сестрѣ и искреннему другу, Елисаветѣ, императрицѣ и самодержицѣ всея Россіи».

Этимъ вторымъ письмомъ Шетарди было предписано воспользоваться въ крайнемъ случаѣ, какъ рѣшительнымъ аргументомъ [3]). Въ инструкціяхъ, данныхъ статсъ-секретаремъ Амело, ему совѣтовалось дѣйствовать осмотрительно и осторожно и, стараясь сохранить благоволеніе императрицы, не пренебрегать по отношенію къ ея министрамъ должнымъ вниманіемъ, какого требуютъ правила приличія.

Эти благоразумные совѣты оказались безполезны для Шетарди. Возвращаясь въ Россію, онъ какъ бы собирался на войну. Союзъ съ Россіей представлялся ему завоеваніемъ, съ которымъ надобно было спѣшить, или крѣпостью, которую надобно было взять приступомъ.

---

[1]) Д'Аллiонъ къ шведскому посланнику Ланмари отъ 26-го февр. 1743 г.

[2]) Д'Аллiонъ 26-го ноября и 10-го декабря 1743 г.

[3]) Инструкція, данная ла-Шатарди при возвращеніи его въ Россію 22-го сентября 1743 года.

— Мы должны завладѣть Россіей, говорилъ онъ.

Его врожденная запальчивость, ненависть къ Бестужевымъ и чрезмѣрное честолюбіе положительно лишили его разсудка. Онъ начерталъ себѣ свой собственный, безразсудный планъ дѣйствій. Съ самаго пріѣзда въ Россію онъ намѣревался держать себя какъ завзятый врагъ министровъ царицы, собирался не только не отдать имъ визита, но даже не говорить съ ними и не видѣть ихъ. Но такъ какъ ни одинъ посланникъ, не нарушая самыхъ элементарныхъ требованій этикета, налагаемыхъ на него его офиціальнымъ званіемъ, не можетъ уклоняться отъ сношеній съ министрами того правительства, при которомъ онъ аккредитованъ, то Шетарди рѣшилъ явиться при русскомъ дворѣ не въ качествѣ посланника, а какъ простой французскій дворянинъ, спѣшившій изъявить свою преданность императрицѣ всея Россіи. Всякому будетъ извѣстно, что у него, въ карманѣ, находятся вѣрительныя письма, но онъ не воспользуется ими первое время по пріѣздѣ. Разумѣется, думалъ маркизъ, императрица, узнавъ о его прибытіи, пожелаетъ его видѣть, онъ постарается пріобрѣсти на нее прежнее вліяніе, докажетъ ей съ совершенной очевидностью все коварство и неспособность Бестужевыхъ и ихъ гибель будетъ рѣшена. Содѣйствовавъ перевороту, неужели ему будетъ не по силамъ свергнуть министерство? Достигнувъ этой цѣли, личный другъ царицы превратится въ королевскаго посланника и представитъ на высочайшее утвержденіе заранѣе одобренныя государыней предложенія.

Таковы были мечты Шетарди, таковы были проекты, которые онъ обдумывалъ, ѣдучи на почтовыхъ по Германіи и Польшѣ. Онъ заѣхалъ по пути въ Стокгольмъ и въ концѣ 1743 года подвигался довольно медленно къ Петербургу черезъ Финляндію, какъ вдругъ припомнилъ, что 6-го декабря (25-го ноября ст. ст.)—день восшествія на престолъ Елисаветы. Онъ тотчасъ рѣшилъ во что бы то ни стало пріѣхать въ Петербургъ къ этому числу. Императрица навѣрно пригласитъ его во дворецъ, думалъ онъ, безъ соблюденія всякихъ формальностей; онъ отпразднуетъ вмѣстѣ съ нею годовщину того знаменательнаго дня, въ которомъ и онъ игралъ видную роль.—Такимъ образомъ онъ получитъ вновь доступъ въ интимный кругъ императрицы безъ малѣйшаго участія ея министровъ.

На его бѣду дороги, вслѣдствіе наступившей неожиданно оттепели, испортились до того, что по нимъ не было возможности проѣхать въ экипажѣ. Но Шетарди рѣшилъ доѣхать къ назначенному дню во что бы то ни стало. Онъ бросилъ свою свиту, своихъ многочисленныхъ слугъ, свои экипажи, нанялъ двое простыхъ саней, помѣстился въ нихъ съ тремя довѣренными лицами, и отважно пустился въ дальнѣйшій путь по слякоти и талому снѣгу. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ опрокинулся

семь разъ, его секретарь остался на дорогѣ съ переломленной рукою, у его саней сломались оглобли, пали лошади; несмотря на это онъ продолжалъ свою бѣшеную скачку, отъ которой самъ чуть не задыхался. Наконецъ, въ ночь съ 5-го на 6-е декабря (н. ст.) онъ очутился на берегахъ Невы, въ виду Петербурга. Новая неудача: по рѣкѣ шелъ ледъ; огромныя льдины, покрывавшія ее на большое пространство, дѣлали переправу чрезвычайно опасной. Маркизъ пріютился въ какой то лачугѣ, а затѣмъ, при помощи нѣсколькихъ охотниковъ изъ солдатъ и простыхъ рабочихъ, переправился на утлой ладьѣ, въ коей, съ трудомъ лавируя между плавающими льдинами, угрожавшими на каждомъ шагу перевернуть его, онъ достигъ благополучно противоположнаго берега. Далѣе Шетарди отправился пѣшкомъ, по обледенѣлымъ полямъ. Около полудня онъ завидѣлъ наконецъ предмѣстье города, и въ тотъ же моментъ встрѣтилъ три царскія кареты, которыя императрица, увѣдомленная о его пріѣздѣ, выслала ему на встрѣчу [1]).

Вотъ что передаетъ ла-Шетарди о своемъ первомъ свиданіи съ Елисаветой Петровной.

«Царица не заставила меня сожалѣть о томъ, что я не могъ принять участіе по утру въ радости, съ какою всѣ спѣшили привѣтствовать ее по случаю ея восшествія на престолъ. Убѣжденная въ томъ, что я постараюсь всѣми силами прибыть къ этому времени, она не хотѣла, чтобы нѣсколько часовъ запозданія лишили меня удовольствія засвидѣтельствовать ей мое почтеніе. Поэтому, хотя во дворцѣ вечеромъ не было пріема, и императрица проводила время въ домашнемъ кругу, она приказала сказать мнѣ, что ежели я отправлюсь къ г. Брюммеру, камергеру герцога Голштинскаго, то по всей вѣроятности какая нибудь случайность доставитъ мнѣ возможность видѣть ее. Я отправился къ г. Брюммеру къ 7 часамъ и пробылъ у него до 9 часовъ.

«Нельзя передать до какой степени милостиво было отношеніе ко мнѣ императрицы все время, которое я находился съ нею. Я не вдаюсь въ подробности, онѣ касаются меня лично, я же посланъ сюда, чтобы служить интересамъ короля. Желая исполнить со своей стороны все должное и возбудить въ императрицѣ тѣ чувства, какія, насколько мнѣ извѣстно, можно вызвать въ ней, льстя ея самолюбію, я напомнилъ ей о томъ, что она поручила мнѣ, при моемъ отъѣздѣ, передать королю.

— Его величество, — сказалъ я, когда мы освободились отъ докучливаго присутствія нѣкоторыхъ любопытствующихъ креатуръ Бестужевыхъ, — приказалъ мнѣ передать вамъ, до какой степени онъ всѣмъ этимъ тронутъ. Его величество надѣется, что вы не усомнитесь въ томъ впечатлѣніи, какое на него произвели эти увѣренія, такъ какъ

[1]) Ла-Шетарди 2-го апрѣля 1744 года.

*

его величество съ своей стороны не позабылъ всѣхъ обстоятельствъ 1725 г. [1]) и эти обстоятельства оставили въ его сердцѣ неизгладимые слѣды. Поэтому король увѣренъ, что его портретъ, посылаемый вамъ, будетъ принятъ вашимъ величествомъ съ тѣмъ же чувствомъ удовольствія, съ какимъ онъ его посылаетъ. Я могъ бы даже тотчасъ вручить вамъ этотъ портретъ, если бы король для бо́льшаго сходства не пожелалъ нарочно заказать новый.

«Царица покраснѣла, но это смущеніе быстро смѣнилось радостью, которую она не могла скрыть. Она передавала объ этомъ впослѣдствіи нѣкоторымъ приближеннымъ въ такихъ выраженіяхъ, что мнѣ осталось только порадоваться тому, что я не пропустилъ случая произвести на нее это выгодное впечатлѣніе тотчасъ по пріѣздѣ» [2]).

Ободренный столь лестнымъ пріемомъ, Шетарди тотчасъ приступилъ къ дѣлу. Онъ объявилъ своему двору о намѣреніи «поднять на ноги всѣхъ сторонниковъ Франціи» и стать во главѣ партіи, противодѣйствовавшей Александру Бестужеву, только-что назначенному канцлеромъ.

Канцлеръ былъ противникъ опасный; человѣкъ грубый, невоспитанный, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени хитрый, обладавшій желѣзною волею, чрезвычайно дѣятельный и ни передъ чѣмъ не останавливавшійся, онъ былъ рожденъ для борьбы и, несмотря на всѣ свои недостатки, былъ цѣлой головою выше всѣхъ прочихъ министровъ Елисаветы. Чтобы погубить его, Шетарди пустилъ въ ходъ всѣ средства: деньги, подарки, обѣщанія, угрозы; онъ увеличилъ пенсію, которую получалъ Лестокъ, завербовалъ въ свою партію принцессу Ангальтъ-Цербтскую, коей дочь, будущая императрица Екатерина II, только-что вышла передъ тѣмъ замужъ за наслѣдника русскаго престола; Шетарди завелъ во дворцѣ шпіоновъ, вошелъ въ сношеніе съ духовенствомъ. Онъ часто видѣлъ императрицу одну, и въ бесѣдѣ съ нею отзывался о Бестужевѣ и его товарищахъ съ величайшей рѣзкостью. Слушая его, императрица соглашалась съ нимъ, осуждала своихъ министровъ, но не рѣшалась уволить ихъ. Въ то же время она осыпала Шетарди знаками своего благоволенія, посылала ему роскошные подарки, украшала его квартиру цѣнной мебелью, дарила ему серебро, но высокомѣрный маркизъ хотѣлъ бо́льшаго; онъ какъ-будто взялъ себѣ девизомъ: «все или ничего»,—благоволеніе безъ власти не удовлетворяло его.

Такъ прошло шесть мѣсяцевъ. При дворѣ и въ городѣ образовались двѣ партіи: одна была на сторонѣ французскаго посланника, другая—

---

[1]) Въ 1725 году была рѣчь о бракѣ Людовика XV съ Елисаветою Петровною.

[2]) Шетарди, 14-го декабря нов. ст. 1743 г.

на сторонѣ его враговъ [1]). Интриги, начатыя въ Петербургѣ, продолжались въ Москвѣ, куда дворъ переселился весною 1744 г.

Всѣ иностранные посланники осуждали Шетарди за его образъ дѣйствій. Версальскій кабинетъ предоставилъ ему вначалѣ полную свободу дѣйствій, въ надеждѣ, что онъ скоро добьется успѣха, но въ концѣ концовъ французское правительство было встревожено тѣмъ, что онъ такъ долго медлилъ предъявить свои вѣрительныя грамоты. Оно сначала посовѣтывало, а затѣмъ приказало ему объявить о томъ, что его миссія имѣла чисто дипломатическій характеръ; въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Шетарди получалъ съ каждымъ курьеромъ настойчивыя напоминанія въ этомъ смыслѣ [2]). Шетарди не повиновался, да и не могъ сдѣлать этого; ему уже не было возврата съ того пути, на который онъ такъ неосторожно вступилъ; надобно было идти до конца, побѣдить или сломить себѣ шею. Впрочемъ, Шетарди считалъ себя у цѣли: онъ велъ втайнѣ переговоры съ духовникомъ императрицы, и былъ бы крайне удивленъ, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что его счастью скоро настанетъ конецъ и что у Бестужева уже было въ рукахъ орудіе, коимъ онъ намѣревался поразить его.

Тайные агенты канцлера были неутомимы; они съумѣли проникнуть въ домъ маркиза Шетарди и при содѣйствіи его слугъ, а быть можетъ и по чистой случайности, захватили шифръ, при помощи котораго посланникъ велъ корреспонденцію со своимъ дворомъ, посылая иногда въ Версаль весьма пикантные разсказы, въ которыхъ онъ прохаживался, со свойственнымъ ему юморомъ, насчетъ многихъ лицъ, у власти стоявшихъ.

«Любовь къ мелочамъ, страсть къ нарядамъ, которыя императрица мѣняетъ 4—5 разъ въ день, писалъ онъ въ одной изъ своихъ депешъ, и желаніе быть постоянно окруженной царедворцами—поглощаютъ государыню всецѣло. Опьяненная властью, чѣмъ болѣе она ею пользуется, тѣмъ болѣе считаетъ, что ее боготворятъ подданные. Одна мысль о дѣлѣ пугаетъ ее и приводитъ въ смущеніе, заставляя предоставлять все на произволъ судьбы» [3]).

Въ другихъ депешахъ онъ описывалъ до мельчайшихъ подробностей интимную жизнь Елисаветы Петровны, ея привязанности, радовался подкупности ея царедворцевъ, таксировалъ ихъ услуги и въ подробности излагалъ всѣ тайныя пружины затѣянной имъ интриги. Всѣ письма, отправляемыя за границу, подвергались въ то время перлюстраціи. При помощи украденнаго шифра Бестужеву удалось прочитать до семи

---

[1]) Корреспонденція Шетарди съ декабря 1743 г. по іюнь 1744 г..

[2]) Амело—Шетарди 6-го февраля и 21-го мая 1744 г.

[3]) Шетарди, 2-го апрѣля 1744 г.

депешъ Шетарди, писанныхъ имъ въ періодъ времени отъ 21-го апрѣля по 6-е іюня 1744 г. [1]).

Онъ нашелъ ихъ весьма любопытными и заслуживающими вниманія императрицы и представилъ ихъ на разсмотрѣніе ея и совѣта.

— Это ложь,—воскликнула императрица, какъ только Бестужевъ началъ чтеніе депешъ;—это выдумка его враговъ, и вы принадлежите къ ихъ числу.

Бестужевъ показалъ императрицѣ дешифрованныя депеши и настаивалъ, чтобы съ Шетарди было поступлено, какъ съ обыкновеннымъ крамольникомъ, такъ какъ онъ не представилъ своевременно своихъ вѣрительныхъ грамотъ и слѣдовательно отказался отъ званія дипломата. Вице-канцлеръ Воронцовъ, бывшій другъ маркиза, присоединился къ просьбѣ Бестужева.

Елисавета ничего не отвѣчала ему, но не была въ состояніи совладать со своимъ волненіемъ. Ея самолюбіе, какъ женщины и монархини, было глубоко уязвлено; тысячу разнообразныхъ чувствъ боролись въ ея душѣ—гнѣвъ, смущеніе, желаніе отомстить человѣку, такъ сильно ее оскорбившему, боязнь оскорбить Людовика XV, если съ его посланникомъ будетъ поступлено слишкомъ строго. Цѣлые сутки императрица не рѣшалась произнести окончательнаго слова; въ это время она совѣтовалась со своими приближенными, высказывала имъ свое огорченіе и страшно волновалась; наконецъ рѣшеніе было принято [2]).

12-го іюня, вечеромъ, Шетарди только-что вернулся домой, поужинавъ съ прусскимъ посланникомъ Мардефельдомъ, когда къ нему явилось три офицера, требовавшихъ, чтобы ихъ допустили къ нему. Войдя въ кабинетъ посланника, они прочли ему декларацію, присланную канцлеромъ отъ имени императрицы и по ея приказанію. Декларація была адресована: «г. маркизу Шетарди, бригадиру французскихъ войскъ».

«Ея величество, говорилось въ этой декларації, видитъ съ особымъ неудовольствіемъ, что вмѣсто того, чтобы цѣнить ея милости, вы забылись, конечно не по приказанію короля, до того, что не только пытались подкупить нѣкоторыхъ личностей, въ томъ числѣ и духовныхъ особъ, но старались образовать при дворѣ партію, возстановить министровъ другъ противъ друга и даже дерзнули затронуть и съ удивительной смѣлостью оклеветать въ своихъ депешахъ священную особу императрицы, что̀ не можетъ быть терпимо ни однимъ монархомъ и чему примѣромъ служитъ то, какъ было поступлено въ подобномъ случаѣ во Франціи съ испанскимъ посланникомъ принцемъ де-Целламаре (de-Cel-

[1]) По свидѣтельству академика Пекарскаго, число перехваченныхъ депешъ было значительнѣе.

[2]) Свѣдѣнія, сообщенныя шведскимъ посланникомъ де-Ланмари въ частныхъ письмахъ изъ Москвы. Письма отъ 24-го іюля 1744 г.

lашаге). Несмотря на полное право, которое вы дали этимъ посягнуть на вашу личность, ея императорское величество, руководясь въ семъ случаѣ единственно добрымъ согласіемъ, постоянно существующимъ между ея величествомъ и королемъ, вашимъ монархомъ, и желая поддержать это согласіе, великодушно забываетъ свое неудовольствіе и повелѣваетъ вамъ выѣхать изъ столицы въ 24 часа ни съ кѣмъ не видясь и въ самомъ непродолжительномъ времени выѣхать изъ Россіи».

Услыхавъ этотъ приговоръ, Шетарди протестовалъ и объявилъ себя жертвою клеветы. Посланные начали читать ему его собственныя депеши.

— Этого достаточно, — сказалъ онъ, и тотчасъ прекратилъ разговоръ.

На слѣдующій день онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Москвы, гдѣ былъ осыпанъ императрицею такими милостями и откуда онъ такъ позорно былъ изгнанъ. На одной изъ почтовыхъ станцій курьеръ, посланный императрицею, потребовалъ у него обратно алмазные знаки ордена св. Андрея и ея портретъ. До границы маркизъ ѣхалъ какъ плѣнный, его сопровождалъ офицеръ, и отрядъ драгунъ, окружавшихъ его карету, препятствовалъ его сношеніямъ съ мѣстными жителями. Проѣзжая такимъ образомъ по тѣмъ провинціямъ, гдѣ его встрѣчали недавно чуть не съ царскимъ великолѣпіемъ, онъ долженъ былъ съ горькимъ чувствомъ вспоминать прошлое и проклинать превратности судьбы, которая вначалѣ такъ замѣтно ему благоволила, а затѣмъ строго покарала его за непослѣдовательность и легкомысліе.

Французское правительство не потребовало у русскаго двора объясненія причинъ такой неожиданной немилости, постигшей его посланника, предпочитая обойти это непріятное происшествіе молчаніемъ [1]). Поддерживать Шетарди, значило бы признать себя участникомъ его интригъ; высказать ему публично порицаніе, было щекотливо, такъ какъ перехваченныя письма свидѣтельствовали о нѣкоторомъ единомысліи посланника и его правительства, которое сдѣлало большую ошибку въ томъ, что не повелѣло ему предъявить тотчасъ свои вѣрительныя грамоты и дѣйствовать, какъ подобало оффиціальному представителю Франціи. Версальскій кабинетъ сознавалъ, что онъ самъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи упрека, и поэтому отнесся къ маркизу Шетарди съ чрезвычайною снисходительностью.

---

[1]) Французское правительство старалось открыть виновнаго въ измѣнѣ, выдавшаго русскимъ тайну дипломатической переписки. Личный секретарь маркиза былъ арестованъ, заключенъ въ Бастилію и подвергнутъ допросу. Но это ничего не выяснило. Нѣкоторые полагали, что шифръ былъ украденъ одной русской особой, вышедшей замужъ за одного изъ секретарей посольства. (Записка г. Лафонъ отъ 4-го іюня 1757 г.).

По возвращеніи изъ Петербурга ему было запрещено появляться при дворѣ, и онъ долженъ былъ жить безвыѣздно въ своемъ помѣстьи въ Лимузенѣ, но по прошествіи восьми мѣсяцевъ Шетарди было дозволено возвратиться въ его полкъ, а нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ назначенъ даже посланникомъ въ Туринъ.

V.

Прибытіе въ Петербургъ новаго посла д'Алліона.—Письмо Людовика XV съ признаніемъ Елисаветы Петровны императрицею.—Борьба Австріи и Франціи за преобладаніе въ Петербургѣ.—Союзный договоръ Россіи съ Австріею 1746 г.—Разрывъ съ Франціею.—Интриги версальскаго кабинета въ Швеціи, Польшѣ и Турціи.—Мнимое могущество послѣдней.—Графъ Бонневаль (Ахметъ-паша), его значеніе въ Турціи и его записка о возрастающемъ могуществѣ Россіи.—Потеря вліянія Франціи въ Константинополѣ.—Кончина Бонневаля.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Германію.—Ахенскій миръ.

Вскорѣ по возвращеніи маркиза Шетарди во Францію, мѣсто вышедшаго въ отставку статсъ-секретаря Амело занялъ въ Парижѣ маркизъ д'Аржансонъ. Его симпатіи не были на сторонѣ Россіи, но онъ понималъ, что ей предстояла, въ будущемъ, выдающаяся роль, и поэтому, вступивъ въ управленіе министерствомъ, счелъ нужнымъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Россіи и о томъ какъ взглянули въ Петербургѣ на выходку маркиза Шетарди и въ какой степени она могла повредить дружественнымъ отношеніямъ обѣихъ державъ. Д'Алліонъ получилъ приказаніе немедленно отправиться въ Россію въ званіи полномочнаго посланника, разузнать и развѣдать все въ точности и, ежели окажется возможнымъ, начать снова переговоры о союзѣ.

Пріѣхавъ въ Россію, д'Алліонъ нашелъ, по его собственнымъ словамъ, «дворъ и всѣхъ жителей столицы озлобленными противъ Франціи [1]), и только одна императрица не измѣнила своимъ всегдашнимъ симпатіямъ». Будучи уполномоченъ пустить въ ходъ, въ случаѣ надобности, то средство, коимъ пренебрегъ Шетарди, т. е. оффиціально признать за Елисаветой Петровной императорскій титулъ, д'Алліонъ рѣшился къ нему прибѣгнуть, чтобы подѣйствовать на тщеславіе государыни и на ея чувства.

Въ день торжественной аудіенціи посланникъ отправился во дворецъ въ парадной каретѣ и вручилъ Елисаветѣ Петровнѣ собственноручное письмо Людовика XV, въ которомъ былъ упомянутъ давно желанный

---

[1]) Письмо д'Алліона отъ 8-го (19-го) марта 1746 г.

императорскій титулъ. Елисавета не скрыла удовольствія, доставленнаго ей этимъ письмомъ, приняла посланника со своей обычной, обворожительной любезностью, осыпала его подарками и вручила ему орденъ св. Андрея.

Д'Алліонъ былъ увѣренъ, что ему удастся послѣ этого добиться отъ русскаго двора всѣхъ уступокъ, которыхъ желала Франція; но онъ не принялъ въ соображеніе возраставшую апатію императрицы, которая все менѣе и менѣе интересовалась дѣлами и вскорѣ стала относиться къ нимъ со столь явнымъ отвращеніемъ, что иностраннымъ посланникамъ было даже объявлено, чтобы они не утруждали болѣе императрицу дѣловыми разговорами. Д'Алліону пришлось имѣть дѣло съ канцлеромъ Бестужевымъ и его сотоварищами, которые выслушивали его съ холодной вѣжливостью, но относились ко всѣмъ его предложеніямъ въ высшей степени недоброжелательно и недовѣрчиво.

Въ то же время Австрія старалась всѣми силами упрочить свое пошатнувшееся было вліяніе при петербургскомъ дворѣ.

Вначалѣ, Россія не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, позволяла обѣимъ державамъ заискивать у нея, но не спѣшила связывать себя никакими обязательствами, видимо не желая отказаться отъ пассивной роли, которая льстила ея самолюбію и въ то же время не заставляла ничѣмъ рисковать. Вице-канцлеръ Воронцовъ не скупился на обѣщанія въ пользу Франціи, но уклонялся отъ серьезныхъ переговоровъ, а канцлеръ Бестужевъ давалъ Австріи положительныя обѣщанія, но уклонялся отъ ихъ исполненія.

«Это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова безчестный, писалъ о немъ д'Алліонъ, онъ продаетъ свое вліяніе за хорошія деньги англичанамъ и австрійцамъ, но въ то же время не лишаетъ себя свободы поживиться и въ иномъ мѣстѣ» [1]).

Благодаря удивительному искусству лицъ, которыя занимались перлюстраціей шифрованной корреспонденціи, письмо, въ коемъ Бестужевъ былъ аттестованъ столь нелестнымъ образомъ, было прочитано самимъ канцлеромъ; но онъ ограничился слѣдующей краткой замѣткой, сдѣланной на поляхъ этого письма.

«По моему скромному мнѣнію, ему слѣдуетъ дать еще нѣкоторое время полную возможность изливать свой ядъ» [2]).

Вліяніе Австріи перевѣсило. Въ 1745 г. Бестужевъ высказывалъ уже открыто необходимость оказать помощь венгерской королевѣ.

— Когда домъ моего сосѣда горитъ,—говорилъ онъ,—я считаю долгомъ помочь ему, въ особенности ежели этотъ сосѣдъ—мой другъ [3]).

---

[1]) Письмо д'Алліона отъ 4 января 1746 г.

[2]) См. Исторію Россіи С. М. Соловьева.

[3]) Мартенсъ, стр. 145.

Онъ убѣдилъ слабохарактерную Елисавету Петровну въ необходимости возобновить съ Австріей союзъ, заключенный въ 1726 г. Императрица, послѣ долгихъ колебаній, уступила настояніямъ канцлера, пользовавшагося ея безусловнымъ довѣріемъ, и договоръ, заключенный 22-го мая 1745 г. былъ въ самомъ непродолжительномъ времени ратификованъ обѣими императрицами. По этому поводу, въ дипломатическихъ кружкахъ разсказывали, что, подписывая актъ союзнаго договора и начертавъ первые два слога своего имени, Елисавета остановилась, объятая сомнѣніемъ, а быть можетъ смущенная какимъ-либо воспоминаніемъ; перо выпало у нея изъ рукъ, она сидѣла нѣкоторое время неподвижно, въ глубокой задумчивости и рѣшилась докончить свою подпись лишь послѣ долгихъ размышленій и самыхъ настоятельныхъ убѣжденій [1]).

Договоръ, заключенный императрицей съ Австріей, не обязывалъ Россію объявлять войну Франціи, но Маріи-Терезіи было обѣщано выставить вспомогательный корпусъ численностью не менѣе 37 тысячъ человѣкъ, и такъ какъ Австрія воевала въ то время съ Франціей, слѣдовательно русскимъ войскамъ пришлось бы сражаться съ французами. Но въ XVIII вѣкѣ посылка вспомогательнаго войска не всегда влекла за собою войну съ противникомъ и часто продолжались дипломатическія сношенія, тѣмъ не менѣе, версальскій дворъ, послѣ заключенія договора Россіи съ Австріею, не замедлилъ отозвать д'Алліона.

Франція и Россія очутились снова въ томъ положеніи, въ которомъ находились за 15 лѣтъ передъ тѣмъ, послѣ неудавшихся переговоровъ съ Петромъ Великимъ. Инстинктивно желая сблизиться и заключить союзъ, обѣ державы не могли сойтись насчетъ условій, на коихъ могло бы состояться ихъ соглашеніе; Россія отдалилась отъ Франціи и бросилась въ объятія ея враговъ. Если бы она выполнила всѣ условія помянутыхъ договоровъ, заключенныхъ съ Англіей и Австріей, и оказала бы этимъ державамъ обѣщанную помощь, то перевѣсъ на полѣ битвы несомнѣнно оказался бы на сторонѣ враговъ французскаго королевства, слѣдовательно ему приходилось употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать императрицѣ исполнить ея обязательства и остановить русскія войска по пути въ Германію и Нидерланды. Не съумѣвъ заручиться дружбою Россіи Франціи приходилось поневолѣ считать ее въ числѣ своихъ враговъ и не допускать ея вмѣшательства въ обще-европейскія дѣла.

Войско, которое Россія намѣревалась двинуть на помощь Австріи, должно было пройти черезъ польскія владѣнія; этимъ былъ бы нарушенъ нейтралитетъ Польскаго королевства, неприкосновенность котораго была гарантирована Турціей, которая могла воспользоваться этимъ какъ пред-

---

[1]) Объ этомъ упомянулъ 15 лѣтъ спустя французскій посланникъ въ Россіи Бретель, въ депешѣ отъ 21-го августа 1760 г.

логомъ объявить войну Россіи. Къ Турціи легко могла присоединиться Швеція, чтобы отомстить русскому правительству за прежнія пораженія. Къ сожалѣнію ни Швеція, ни Польша, ни Турція не были настолько сильны, чтобы самостоятельно бороться съ Россіей. Но, если бы Франція взяла на себя посредничество и, соединивъ эти «робкія державы», какъ ихъ называлъ маркизъ д'Аржансонъ, увеличила численность ихъ вооруженныхъ силъ своимъ войскомъ, то онѣ могли бы сдержать завоевательныя стремленія Россіи и энергичнымъ образомъ дѣйствій быть можетъ заставили бы ее отказаться отъ своихъ намѣреній. — Такъ понималъ роль Франціи маркизъ д'Аржансонъ и въ этомъ направленіи началъ руководить ея политикою; но Польша и Швеція, несмотря на обѣщанную Франціей поддержку, не рѣшались взяться за оружіе иначе, какъ обезпечивъ себѣ помощь Турціи, представлявшей въ ту пору довольно могущественное государство. Впрочемъ страхъ, который она внушала сосѣдямъ, превосходилъ, собственно говоря, ея дѣйствительныя силы. Бѣлградскій миръ, коимъ Турція была обязана искусству французской дипломатіи, возвысилъ ея обаяніе въ глазахъ прочихъ державъ и заставилъ Европу вѣрить въ ея жизнеспособность. Полагая, что со стороны Турціи было бы достаточно одной военной демонстраціи, чтобы удержать русскую армію отъ вторженія въ Германію, французское правительство желало во что бы то ни стало вызвать въ данномъ случаѣ вмѣшательство Турціи.—Въ Константинополѣ обстоятельства складывались для этого самымъ благопріятнымъ образомъ и, казалось, сулили успѣхъ плану французскаго министерства. Турецкіе сановники не забыли услугъ, оказанныхъ Франціей при заключеніи Бѣлградскаго мира, и высказывали, при всякомъ удобномъ случаѣ, свое уваженіе «къ французскому императору [1]) самому старинному и могущественному союзнику Высокой Порты. Французскій посланникъ въ Константинополѣ, де-Кастелланъ, пользовался почти такимъ же обширнымъ вліяніемъ на дѣла, какъ его предмѣстникъ Вилленевъ; турки во многомъ руководились его мнѣніями и совѣтами, а главное, при дворѣ султана находился человѣкъ, который, пользуясь его исключительнымъ благоволеніемъ, могъ оказать въ данномъ случаѣ большое содѣйствіе версальскому кабинету. Этимъ любимцемъ султана былъ нѣкій графъ Бонневаль, по происхожденію французъ, одинъ изъ тѣхъ блестящихъ авантюристовъ, которые въ XVIII вѣкѣ стяжали въ Европѣ громкую извѣстность своимъ умомъ, оригинальностью, смѣлостью своихъ замысловъ и играли въ первой половинѣ прошлаго столѣтія видную роль въ политикѣ въ качествѣ ближайшихъ совѣтниковъ многихъ коронованныхъ особъ.

Графъ Бонневаль служилъ сначала во французской, а затѣмъ въ

[1]) Турки давали обыкновенно этотъ титулъ королямъ Франціи.

австрійской арміи. Не поладивъ съ принцемъ Евгеніемъ, который покровительствовалъ ему въ началѣ его боевой карьеры, онъ пріобрѣлъ въ лицѣ его безпощаднаго врага, долженъ былъ оставить военное поприще и Германію, искалъ убѣжища у турокъ, противъ коихъ недавно сражался, принялъ магометанскую вѣру и подъ именемъ Ахметъ-паши въ теченіе 15 лѣтъ былъ первымъ совѣтникомъ великихъ визирей. Отдавая должное его дипломатическимъ способностямъ, турецкіе правители руководствовались его совѣтами во всѣхъ вопросахъ внѣшней политики. Преданный интересамъ своего новаго отечества, Бонневаль былъ пораженъ быстрыми успѣхами Россіи на всѣхъ поприщахъ и усиленіемъ ея могущества и видѣлъ единственное спасеніе для Турціи въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей. Въ его головѣ зародился тогда планъ вѣчнаго союза между Франціей, Турціей, Польшей и Швеціей, иначе говоря—постоянной коалиціи этихъ державъ, противъ Россіи, подъ главенствомъ Франціи. Графъ развивалъ эту мысль въ отдѣльныхъ запискахъ, которыя онъ представлялъ турецкому правительству, вручая съ нихъ одновременно копіи французскому посланнику при оттоманскомъ дворѣ. Еще въ 1734 г., слѣдовательно за двѣнадцать лѣтъ до разсматриваемаго нами времени, Бонневаль написалъ объемистую брошюру, въ которой, съ изумительной вѣрностью и прозорливостью, предсказалъ усиленіе русской монархіи и указывалъ вѣрнѣйшее, по его мнѣнію, средство противодѣйствовать этому возрастанію.

«Не подлежитъ сомнѣнію, писалъ графъ, что неожиданное усиленіе Россіи можетъ измѣнить всю политическую систему Европы. Положеніе этой имперіи и ея ближайшіе интересы несомнѣнно заставляютъ русскихъ искать союза съ императоромъ—слѣдовательно, Россія становится тѣмъ самымъ врагомъ Порты и Франціи. Союзъ Россіи и Австріи обусловленъ той взаимной помощью, которую онѣ могутъ оказать другъ другу, поэтому онъ будетъ неизмѣненъ, если не случится какого-либо чрезвычайнаго событія, которое въ настоящее время предвидѣть нѣтъ возможности. По этой причинѣ, въ интересахъ Турціи, съ одной стороны, и для поддержанія европейскаго равновѣсія—съ другой, въ чемъ также заинтересована и Франція, мнѣ кажется необходимо, чтобы между этими державами былъ заключенъ на вѣчныя времена союзъ, который заставитъ Россію довольствоваться ея прежними границами и не допускать вмѣшательства въ дѣла, касающіяся интересовъ остальныхъ европейскихъ монарховъ. Если державы не позаботятся объ этомъ своевременно, то русскіе легко могутъ выставить на помощь императору вспомогательный отрядъ въ 200 тысячъ (?) человѣкъ регулярнаго и хорошо обученнаго войска, ибо въ людяхъ въ этой странѣ нѣтъ недостатка. Могущество этой державы, которою до сихъ поръ пренебрегали, усилится съ теченіемъ времени еще болѣе, и она будетъ

вліять впослѣдствіи на всѣ событія въ Европѣ и въ Азіи; къ этой цѣли стремился покойный царь [1]). Той же самой политикѣ слѣдуетъ въ настоящее время русское министерство, дѣйствующее, по моему мнѣнію, вполнѣ благоразумно и осмотрительно, и оно добьется со временемъ намѣченной цѣли, ежели прочіе будутъ дремать.

«Русская армія представляетъ собою прекрасное, дисциплинированное войско, привыкшее къ трудамъ и лишеніямъ, умѣющее довольствоваться малымъ и переносить голодъ, холодъ и жару, смотря по обстоятельствамъ: это качества, отличающія хорошихъ солдатъ и которыя рѣдко можно встрѣтить въ другихъ націяхъ.

«Поэтому я полагаю, что при настоящихъ обстоятельствахъ Портѣ лучше всего было бы заключить съ Франціей союзъ, направленный исключительно противъ Россіи. Не скрою, что какъ бы велика ни была дружба, существующая между Портой и Франціей, образъ мыслей христіанскихъ державъ въ дѣлѣ религіи будетъ служить большимъ препятствіемъ къ выполненію этого проекта, но если Франція понимаетъ свои собственные интересы, то ее не остановятъ подобныя щепетильности и она не затруднится заключить съ Турціей союзъ хотя бы на вѣчныя времена, для поддержанія Польскаго королевства и республики отъ посягательства Россіи.

«Сколько бы Франція ни дѣлала завоеваній въ Италіи, она этимъ ничего не выиграетъ и никогда не достигнетъ своей цѣли, которая должна заключаться въ обезпеченіи свободы полякамъ и униженіи спѣси и могущества русскихъ» [2]).

Съ того момента, какъ была составлена вышеприведенная записка, Бонневаль непрестанно стремился къ осуществленію своего плана, и Диванъ, руководствуясь его совѣтами, неоднократно предлагалъ французскому правительству заключить союзъ, но версальскій кабинетъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, не спѣшилъ связывать себя какими-либо обязательствами. Только въ 1745 г., когда Россія заключила союзъ съ Австріей и ея войска готовились выступить на соединеніе съ арміей Маріи-Терезіи, французскій посланникъ потребовалъ отъ Турціи, чтобы она произвела военную демонстрацію противъ Россіи. Порта отвѣчала на это требованіе предложеніемъ заключить форменный союзъ, отъ чего Франція уклонилась, не желая заключать его съ невѣрными. Также неудачно было домогательство Турціи заключить оборонительный союзъ съ королемъ прусскимъ, союзникомъ Франціи, такъ какъ версальскій кабинетъ отказался поддержать ея ходатайство.

Рядъ дипломатическихъ неудачъ, испытанныхъ Турціей, повліялъ

---

[1]) Петръ Великій.

[2]) Записка, приложенная при письмѣ Вилленева отъ 15-го февраля 1734 г.

на ея отношенія къ Франціи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ утратила, въ значительной степени, свое вліяніе въ Константинополѣ.

Этого только и выжидалъ Бестужевъ, чтобы осуществить свой планъ. Онъ не спѣшилъ выполнять обязательствъ, принятыхъ на себя относительно Австріи до тѣхъ поръ, пока можно было предполагать, что отъ Франціи зависитъ удержать турецкія войска или двинуть ихъ противъ Россіи. Но въ началѣ 1747 г., когда отношенія Франціи и Турціи измѣнились, канцлеръ счелъ возможнымъ дѣйствовать рѣшительнѣе. На западной окраинѣ Россіи были сосредоточены войска, которыя по первому приказанію должны были двинуться на соединеніе съ австрійской арміей; впрочемъ, русское правительство все еще медлило, желая удостовѣриться въ нейтралитетѣ Турціи. Для того, чтобы окончательно вывѣдать намѣренія Дивана, русскій и австрійскій посланники обратились къ нему одновременно съ предложеніемъ возобновить, подъ именемъ вѣчнаго мира, тѣ договоры, которые ранѣе были заключены съ ихъ дворами на неопредѣленный срокъ и считались не болѣе, какъ временнымъ перемиріемъ. Великій визирь изъявилъ на это свое согласіе, и тотчасъ было приступлено къ переговорамъ.

Во Франціи одновременно узнали о движеніи русскихъ войскъ и о переговорахъ, начатыхъ въ Константинополѣ. Ошибка, сдѣланная ею два года передъ тѣмъ, когда она отвергла предложенія Турціи, начинала приносить плоды. Версальскій кабинетъ понялъ сдѣланный имъ промахъ и, оставивъ свою щепетильность, рѣшилъ войти въ сношенія съ графомъ Бонневалемъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ завелъ съ нимъ непосредственно переписку, при помощи особаго шифра, къ которому не имѣлъ ключа даже французскій посланникъ въ Константинополѣ де-Кастелланъ,—единственная роль коего заключалась въ томъ, чтобы передавать по принадлежности письма, получаемыя на имя Бонневаля. Кончина графа, послѣдовавшая 20-го марта 1747 г., положила въ скоромъ времени конецъ этимъ переговорамъ, и де-Кастелланъ, не имѣвшій опредѣленныхъ инструкцій, не могъ продолжать ихъ, не зная въ точности, какъ велики будутъ уступки, на которыя согласится Франція. Нѣсколько дней спустя послѣ кончины Бонневаля былъ обнародованъ договоръ вѣчнаго мира, заключенный между Турціей, Россіей и Австріей. Франція пожинала плоды той робкой, нерѣшительной политики, которой она держалась, начиная съ 1739 г. Результатомъ этого договора было то, что Польша не препятствовала прохожденію русскихъ войскъ черезъ свои владѣнія; Швеція, со своей стороны, пальцемъ не шевельнула, несмотря на субсидію, полученную отъ Франціи; Фридрихъ II, заключившій незадолго передъ тѣмъ при посредничествѣ Франціи союзный договоръ съ этой державою, не успѣлъ вовлечь ее въ войну съ Россіей и не рѣшился дѣйствовать одинъ. Такимъ образомъ русскія

войска безпрепятственно вступили въ Германію, и канцлеръ Бестужевъ успѣлъ убѣдить императрицу подписать конвенцію, въ силу которой она обязалась предоставить еще одну армію въ распоряженіе Англіи и Голландіи.

Положеніе Франціи, потерявшей всякую надежду на помощь со стороны Турціи, было крайне затруднительно: русскія войска были уже во Франконіи, имъ оставалось всего нѣсколько переходовъ до границы Эльзаса, когда (30-го апрѣля 1748 г.) былъ заключенъ Ахенскій миръ, который прекратилъ войну между Франціей и Испаніей съ одной стороны, и Австріей, Англіей и Голландіей — съ другой. Россія участвовала въ этой войнѣ только какъ союзная держава, поэтому имя Елисаветы Петровны не фигурировало подъ мирнымъ договоромъ [1]); русскія войска, по желанію прочихъ державъ, подписавшихъ этотъ договоръ, должны были поспѣшно оставить Германію, и возвратились на родину, не обмѣнявшись съ французами ни однимъ выстрѣломъ и не видавъ даже французскихъ аванпостовъ.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Когда Россія заявила о своемъ желаніи участвовать въ Ахенскомъ конгрессѣ, то представитель Франціи, графъ Сенъ-Северинъ, рѣшительно этому воспротивился, и, намекая на второстепенную роль, которую Россія играла во время войны, сказалъ высокомѣрно: „если допустить сюда наемныя державы, то и конца этому не будетъ“.

Письмо И. И. Дмитріева П. П. Свиньину.

15-го апрѣля 1829 г. Москва.

Милостивый Государь Павелъ Петровичъ.

Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за ваше пріятное письмо и новый подарокъ. Мнѣ уже право и совѣстно, что вы такъ ко мнѣ щедры, не по мѣрѣ заслугъ моихъ!

Между тѣмъ привѣтствую васъ съ наступившимъ праздникомъ, желаю, чтобъ вы встрѣтили и провели его благополучно. Я же при встрѣчѣ его надѣлъ опять лисью шубу: вчера цѣлыя сутки кропилъ дождь, а сегодня по временамъ перепадалъ мокрый снѣгъ и мы не видѣли солнца.

«Выжигина» [1]) еще не успѣлъ достать, но конечно прочту его. Всякое оригинальное сочиненіе возбуждаетъ во мнѣ любопытство. Авторъ его всегда мнѣ нравился легкостію слога и остроуміемъ. Я досадовалъ иногда на него за Карамзина, а послѣ я примирился съ нимъ за Карамзина же. Его первая встрѣча съ нимъ описана вѣрно и прекрасно. Станъ Димитрія самозванца носитъ также печать авторскаго таланта. Читая этотъ прекрасный отрывокъ я какъ бы видѣлъ передъ собою и боярина и боярченка и усатыхъ поляковъ!

Можно поздравить счастливаго автора съ успѣхомъ у насъ необыкновеннымъ перваго изданія, а бѣдный Иванъ Нарѣжный умеръ въ безъизвѣстности и никто еще и при жизни его не сказалъ путнаго слова о его двухъ романахъ Бурсакѣ и двухъ Иванахъ, истинно оригинальныхъ, и писанныхъ съ талантомъ, несмотря на черствость слога и отсутствіе вкуса.

Впрочемъ свидѣтельствуя вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ искреннее мое почтеніе, навсегда имѣю честь быть и проч.

---

[1]) Романъ Ѳ. В. Булгарина.

РОССІЯ и ПЕРСІЯ.

(Эпизодъ изъ русско-персидской войны 1827 года).

Присоединеніе Грузіи къ Россіи, поставивъ насъ въ необходимость принимать рѣшительныя мѣры къ усмиренію и подчиненію нашему вліянію безпокойныхъ владѣтелей сосѣднихъ мусульманскихъ ханствъ, повлекло за собою продолжительную войну между Россіею и Фетхъ-Али-шахомъ персидскимъ, считавшимъ себя, по примѣру своихъ предшественниковъ, верховнымъ главою означенныхъ владѣтелей.

Несмотря на тяжкое положеніе, въ которомъ Закавказскій край нашъ очутился въ эпоху Отечественной войны 1812 года, малочисленнымъ войскамъ нашимъ, подъ начальствомъ незабвеннаго генерала Котляревскаго, удалось нанести персіянамъ жестокія пораженія. Но, при всемъ томъ, война прекратилась благодаря лишь посредству великобританскаго правительства, которое пользовалось въ то время исключительнымъ вліяніемъ въ Персіи и желало развязать намъ руки на Востокѣ съ тѣмъ, чтобы облегчить возможность направить всѣ наши усилія противъ врага европейскаго мира—Наполеона.

Въ октябрѣ 1813 года подписанъ былъ въ русскомъ лагерѣ въ урочищѣ Гюлистанѣ, въ Карабагскомъ ханствѣ, мирный договоръ на основаніи status quo ad presentem, то есть «дабы каждая сторона осталась при владѣніи тѣми землями, ханствами и владѣніями, какія нынѣ находятся въ совершенной ихъ власти».

Къ этому, выгодному для насъ, договору присоединенъ былъ, вслѣдствіе неотступныхъ настояній персидскаго уполномоченнаго, особый актъ, въ силу коего предоставлено было Фетхъ-Али-Шаху передать

чрезъ посла своего всероссійскому императору свои просьбы, и главнокомандующій въ Грузіи обѣщался «по возможности употребить старанія о просьбахъ Персіи». Оригинальный актъ этотъ, который Персія не преминула истолковать по своему, а также неточности, вкравшіяся въ описаніе новой русско-персидской пограничной черты, не замедлили повлечь за собою многочисленныя недоразумѣнія.

Пограничная съ нашими владѣніями персидская провинція Адербайджанъ находилась подъ управленіемъ наслѣдника персидскаго престола принца Аббасъ-Мирзы. Отличаясь столько же легкомыслiемъ сколько честолюбіемъ, принцъ не переставалъ мечтать о возможности вернуть обратно отторгнутыя отъ Персіи области и, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, сталъ создавать всевозможныя затрудненія проведенію границъ на условіяхъ, опредѣленныхъ Гюлистанскимъ договоромъ. Самоувѣренности принца способствовало то, что, при содѣйствіи англійскихъ инструкторовъ, ему удалось преобразовать часть находившихся въ его распоряженіи войскъ или, вѣрнѣе сказать, придать имъ внѣшній видъ благоустройства и что, съ другой стороны, онъ могъ разсчитывать на сочувствіе и пособіе мусульманскихъ населеній Закавказскаго края, продолжавшихъ враждебно относиться къ русскому владычеству.

Слухи о событіяхъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ императора Николая I-го, дойдя въ Персію въ искаженномъ видѣ, внушили Аббасъ-Мирзѣ и его окружающимъ увѣренность, что Россія ослаблена междоусобіями и что настало время свести съ нею счеты.

Съ этой минуты всѣ усилія наслѣдника престола были направлены къ тому, чтобы склонить болѣе осторожнаго Фетхъ-Али-Шаха къ войнѣ съ Россіей. Наиболѣе дѣятельнаго пособника Аббасъ-Мирза нашелъ въ лицѣ первенствующаго шахскаго министра Алла-Яръ-Хана Асефуддоулэ, который женатъ былъ на дочери шаха и сестра коего была женою наслѣдника престола. Будучи заподозрѣнъ въ крупныхъ злоупотребленіяхъ, Алла-Яръ-Ханъ тѣмъ охотнѣе сталъ во главѣ воинственной агитаціи, что этимъ средствомъ онъ разсчитывалъ отвратить грозившую ему опалу. Къ этому присоединились усилія мусульманскаго духовенства, которое, подъ вліяніемъ сторонниковъ Аббасъ-Мирзы, стало требовать отъ шаха объявленія Россіи войны и въ томъ же смыслѣ повело пропаганду среди народа. Таково было положеніе дѣлъ, когда прибылъ въ Персію генералъ-маіоръ князь Меншиковъ съ порученіемъ извѣстить шаха и его наслѣдника о восшествіи на престолъ императора Ниьолая и въ то же время войти съ персидскимъ правительствомъ въ соглашеніе относительно разрѣшенія пограничныхъ споровъ. Всѣ его усилія образумить тегеранскій дворъ не привели ни къ

чему, и онъ находился еще въ лагерѣ шаха, въ Султаніи, когда персіяне перешли нашу границу и открыли военныя дѣйствія (іюль 1826 г.). На обратномъ пути въ Россію князь Меншиковъ былъ, вопреки международному праву, задержанъ въ Эривани и получилъ свободу благодаря лишь настояніямъ англійскаго посланника полковника Макдональда.

Съ появленіемъ персіянъ Карабагъ, Ширванъ и всѣ мусульманскія провинціи перешли на сторону непріятеля и малочисленнымъ войскамъ нашимъ пришлось отступать въ ожиданіи подкрѣпленій. Но уже въ слѣдующемъ году мы могли перейти въ наступленіе, увѣнчавшееся рядомъ блистательныхъ успѣховъ. 1-го октября сдалась намъ крѣпость Эривань, главный оплотъ сѣверной Персіи, а 13-го того же мѣсяца войска наши заняли безъ выстрѣла главный городъ Адербайджана—Тавризъ; наступленіе наше было такъ быстро, что многіе знатные персіяне, и между прочимъ Аббасъ-Мирза, не успѣли вывезти оттуда свои семейства. Равнымъ образомъ не могли покинуть Тавризъ какъ великобританскій посланникъ полковникъ Макдональдъ, такъ и англійскіе офицеры, состоявшіе на персидской службѣ.

Обезсиленный непріятель вынужденъ былъ просить мира и подчиниться предложеннымъ Россіею суровымъ условіямъ, каковыя были безусловно необходимы для обезпеченія спокойствія нашихъ закавказскихъ владѣній. На основаніи подписаннаго 10-го февраля 1828 г. въ селеніи Туркманчай обоюдными уполномоченными договора, ханства Эриванское и Нахичеванское присоединены были къ Россіи, граница наша примкнула къ рѣкѣ Араксу, и, въ вознагражденіе за военныя издержки, Персія обязалась уплатить намъ десять куруровъ тумановъ, или двадцать милліоновъ рублей серебромъ. Съ своей стороны императоръ Николай обязался признавать принца Аббаса-Мирзу наслѣдникомъ персидской короны и, по восшествіи его на престолъ, почитать его законнымъ государемъ Персіи. Благодаря условію этому, принцу удалось обезпечить себя отъ происковъ нѣкоторыхъ изъ его братьевъ, которые, простирая виды на персидскій престолъ, пытались внушать Фетхъ-Али-Шаху, что на Аббасъ-Мирзу, какъ на главнаго виновника войны съ Россіей, должна пасть вся отвѣтственность за претерпѣнныя Персіею вслѣдствіе войны этой бѣдствія. Съ своей стороны, мы пріобрѣли въ лицѣ Аббасъ-Мирзы горячаго приверженца.

Со времени заключенія Туркманчайскаго договора миръ между Россіею и Персіей не былъ ни разу нарушенъ, и персіяне стали мало-помалу проникаться сознаніемъ необходимости обезпечить себѣ доброе расположеніе и поддержку могучаго сосѣда.

Если не считать книги Н. Ѳ. Дубровина: «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», гдѣ исторія отношеній нашихъ къ Персіи изложена весьма обстоятельно, но въ которой описаніе событій

доведено пока лишь до начала 1827 года, литература наша до крайности бѣдна изслѣдованіями и повѣствованіями, относящимися къ выше очерченной нами эпохѣ. Еще бѣднѣе мы записками очевидцевъ, которые, освѣщая событія съ бытовой стороны, придаютъ имъ такъ сказать рельефность, которой трудно требовать отъ историческаго изложенія. Въ виду всего этого мы полагаемъ, что русская публика не безъ интереса ознакомится съ помѣщеннымъ ниже въ переводѣ отрывкомъ дневника, появившимся въ издававшейся въ Лондонѣ газетѣ: «The London Literary Gazette» (№№ отъ 5-го—12-го апрѣля 1828 г.). Дневникъ этотъ, напечатанный безъ имени автора, веденъ былъ, какъ намъ удалось узнать, нѣкіимъ докторомъ Уилличемъ (Willich), состоявшимъ въ качествѣ медика при англійской военной миссіи, на которую возложено было принцемъ Аббасъ-Мирзою обученіе персидской арміи. Докторъ Уилличъ былъ личнымъ свидѣтелемъ занятія русскими войсками Тавриза, и, какъ человѣкъ близко знакомый съ Персіею и ея обитателями, помѣстилъ въ своихъ запискахъ много любопытныхъ замѣтокъ, характеризующихъ отношенія между побѣдителями и побѣжденными. Въ примѣчаніи къ дневнику редакція газеты «The London Literary Gazette» упомянула, что въ ея распоряженіи находились и другія, полученныя какъ изъ Петербурга, такъ и изъ Тавриза, корреспонденціи относительно русско-персидской войны, но что опубликовать эти корреспонденціи она не сочла себя въ правѣ.—Намъ неизвѣстно, что сталось съ этимъ матеріаломъ.

Въ дневникѣ своемъ докторъ Уилличъ говоритъ между прочимъ о главѣ мусульманскаго духовенства въ Тавризѣ—Ага-Миръ-Феттахѣ, игравшемъ видную роль во время занятія нами этого города. Отдавая справедливость усердію, съ которымъ лицо это служило русскимъ властямъ, авторъ дневника не разъ упрекаетъ его въ отсутствіи такта и въ чрезмѣрномъ честолюбіи. Съ своей стороны мы сочли нелишнимъ помѣстить послѣ дневника составленную на основаніи офиціальныхъ данныхъ справку о дѣятельности Ага-Миръ-Феттаха, какъ въ Тавризѣ, такъ и по переселеніи его на Кавказъ [1]).

Дневникъ доктора Уиллича.

Нѣкоторыя подробности о происшествіяхъ въ Тавризѣ отъ 24-го октября до 5-го ноября 1827 г.

24-го октября. Среда. Утромъ получены были изъ Софіана [2]) письма на адресъ Ага-Ризы и другихъ кетхудъ (начальниковъ кварта-

[1]) См. ниже стр. 79.

[2]) Софіанъ—большое селеніе, находящееся въ разстояніи приблизительно 40 верстъ отъ Тавриза.

ловъ) города Тавриза. Они написаны были сыновьями Назаръ-Али-Хана, бывшаго начальника Маранда, и въ нихъ сообщалось о предстоящемъ наступленіи русскихъ войскъ, которыя нѣсколько дней тому назадъ заняли Марандскій округъ. Сыновья Назаръ-Али-Хана совѣтовали тавризскому населенію не оказывать сопротивленія и увѣряли, что, въ случаѣ соблюденія спокойствія, жизнь и имущество жителей не подвергнутся ни малѣйшей опасности. Письма эти были перехвачены и представлены Асефуд-даулэ Алла-Яръ-Хану, который, немедленно потребовавъ къ себѣ лицъ, коимъ они были адресованы, обвинилъ ихъ въ замыслѣ призвать непріятеля. Кетхуды самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ этого обвиненія. Между тѣмъ письма, содержаніе коихъ не замедлило огласиться въ народѣ, произвели желаемое дѣйствіе. Въ тотъ же день, нѣсколько позже, прибылъ изъ Софіана шахскій гулямъ [1]). Онъ сообщилъ, что въ минуту его выѣзда сильный передовой отрядъ прибылъ въ это селеніе; съ этой минуты тревога распространилась во всѣ концы Тавриза. Жители пригородныхъ слободъ спѣшили укрыться въ стѣнахъ, тогда какъ городскіе жители небольшими группами стали покидать городъ. Страхъ и крайняя тревога изображались на всѣхъ лицахъ. Вѣсть о приближеніи русской арміи распространилась и среди аракскихъ и мазендеранскихъ войскъ, которыя, въ числѣ 5 или 6 тысячъ человѣкъ, оставлены были шахомъ для защиты города. Солдаты небольшими партіями стали уходить изъ Тавриза со своимъ скотомъ; вскорѣ движеніе это стало общимъ. Около полудня почти весь гарнизонъ бѣжалъ и направился по дорогѣ, ведущей въ Тегеранъ; въ городѣ осталось лишь нѣсколько старшихъ офицеровъ и небольшое число менѣе трусливыхъ солдатъ.—Алла-Яръ-Ханъ не былъ своевременно увѣдомленъ объ уходѣ войскъ, тревога которыхъ, какъ полагали, усилилась подъ вліяніемъ угрозъ тавризскихъ жителей. Послѣдніе, не любя вообще южныхъ уроженцевъ, изъ которыхъ состояли войска, тѣмъ болѣе желали удалить ихъ изъ города, что сами опасались, чтобы солдаты не пустились на грабежъ, или же чтобы безплоднымъ сопротивленіемъ они не вызвали русскихъ на принятіе какихъ либо суровыхъ мѣръ относительно города. Освѣдомившись о бѣгствѣ солдатъ, Алла-Яръ-Ханъ могъ отправить въ погоню за ними лишь нѣсколькихъ изъ ихъ начальниковъ и своихъ собственныхъ служителей; въ припадкѣ гнѣва онъ отдалъ въ то же время жителямъ Тавриза приказаніе нагнать дезертировъ и ограбить ихъ. Какъ только приказаніе это было отдано, вооруженные горожане бросились на остававшихся на своихъ мѣстахъ солдатъ и обобрали ихъ до-чиста. Къ часу пополудни изъ 5.000 чело-

[1]) Гулямъ—служитель, употребляемый преимущественно для посылокъ по разнымъ дѣламъ.

вѣкъ на лицо оставалось очень немного, да изъ бѣглецовъ удалось вернуть до четырехъ сотъ. Ихъ заперли было въ аркѣ (цитадели), но при этомъ забыли, что, помимо главныхъ воротъ, обращенныхъ къ городу, въ этомъ древнемъ зданіи имѣлась еще задняя дверь; чрезъ нее заключенные не замедлили вновь уйти.

Аракскія войска расположены были между внутреннимъ и наружнымъ городскими валами, мѣстность эта загромождена была палатками и другимъ лагернымъ скарбомъ. Въ это время два русскихъ баталіона, или даже двѣ роты легко могли бы овладѣть городомъ. Два шегагійскіе баталіона, стоявшіе лагеремъ за валомъ, получили приказаніе приблизиться къ городу для охраненія воротъ. Алла-Яръ-Ханъ прибылъ къ войскамъ съ цѣлію внушить имъ мужество и твердость; но его недолго слушали, а затѣмъ на него посыпались ругательства и даже камни. Въ теченіе дня въ городѣ распространялись самые противурѣчивые слухи, тѣмъ болѣе, что подъ рукою утверждали, что еще до вечера принцъ Аббасъ-Мирза прибудетъ съ своею арміею изъ Хоя. Сейф-уль-Мулькъ-Мирза съ сильнымъ кавалерійскимъ отрядомъ былъ отправленъ къ Софьяну для развѣдокъ. Къ закату солнца Тавризъ, повидимому, нѣсколько успокоился: убѣждены были, что принцъ дошелъ до моста на Аджи-чаѣ, находящагося въ разстояніи четырехъ миль отъ города, и кетхудамъ дано было положительное приказаніе отправиться къ нему на встрѣчу.

Вчерашняго числа жены принца переведены были въ садъ; главные гражданскіе начальники съ своими семействами также покинули свои дома.

25-го октября. Четвергъ. Вѣсть о прибытіи русскихъ въ Софьянъ подтвердилась; прошлую ночь они стояли лагеремъ у Сыныхъ-Кёпри, въ 12-ти миляхъ отъ города. Рано утромъ ихъ главныя силы двинулись впередъ. Подойдя къ мосту на Аджи-чаѣ, войска остановились какъ бы для того, чтобы приготовиться къ дѣлу.—Шегагійскіе баталіоны были расположены на валу; орудія, разставленныя за нѣсколько дней передъ тѣмъ на бастіонахъ и въ башняхъ, были заряжены, ворота были укрѣплены. Алла-Яръ-Ханъ появился на конѣ между наружнымъ и внутреннимъ валами; онъ старался внушить войскамъ мужество и приказалъ стрѣлять изъ орудій. Были сдѣланы три выстрѣла: два холостые, а одинъ ядромъ. Непріятель находился внѣ огня, и орудія не были направлены на путь наступленія; выстрѣлы послужили лишь сигналомъ къ поспѣшному бѣгству пѣхоты изъ города. Миръ-Феттахъ, глава мусульманскаго духовенства, съ другими муллами поспѣшилъ прибыть на мѣсто и настойчиво потребовалъ отъ Асефа, чтобы онъ отказался отъ дальнѣйшихъ распоряженій, способныхъ раздражить русскихъ, такъ какъ, при существующихъ обстоятельствахъ, со-

противленіе могло повлечь за собою лишь неблагопріятныя послѣдствія. Затѣмъ онъ посовѣтовалъ Асефу убираться домой. Послѣ этого Алла-Яръ-Ханъ дѣйствительно удалился съ двумя своими служителями и отправился по Тегеранской дорогѣ. Такъ какъ ключи отъ воротъ были спрятаны, то Миръ-Феттахъ приказалъ взломать ворота и, въ сопровожденіи духовенства и почетныхъ жителей, отправился на встрѣчу генерала князя Эристова съ тѣмъ, чтобы сдать ему городъ. Онъ былъ хорошо принятъ и получилъ увѣреніе, что только казенное имущество будетъ взято. Пока главныя силы русскихъ подвигались впередъ, князь Эристовъ, генералы Панкратьевъ, Сакенъ и Чавчавадзе полковникъ Муравьевъ, начальникъ штаба, и нѣсколько другихъ офицеровъ вступили чрезъ стамбульскія ворота въ городъ въ сопровожденіи конвоя изъ уланъ и казаковъ. Прежде всего они посѣтили арсеналъ, гдѣ были приняты надлежащія мѣры къ обезпеченію неприкосновенности имѣвшихся тамъ запасовъ. Затѣмъ князь Эристовъ съ своею свитою отправился во дворецъ, который еще до его прибытія былъ ограбленъ марандскими и нахичеванскими всадниками, съ участіемъ городской черни. Отъ грабежа уцѣлѣли лишь нѣсколько ковровъ, другихъ предметовъ домашней обстановки и палатки; послѣднія представляли значительную цѣнность.—Надъ помѣщеніемъ англійскаго посланника поднятъ былъ британскій флагъ. Маіоръ Monteith, въ сопровожденіи остальныхъ англійскихъ офицеровъ, въ 3 часа пополудни прибылъ во дворецъ на свиданіе съ генераломъ, который сдѣлалъ имъ ласковый пріемъ. Маіоръ Monteith сообщилъ генералу, что, получивъ приказаніе покинуть Тавризъ при приближеніи русскихъ, англійскіе офицеры были лишены возможности это выполнить вслѣдствіе быстраго наступленія русской арміи и вызванной этимъ обстоятельствомъ суматохи; при этомъ онъ выразилъ надежду, что русскія военныя власти будутъ со вниманіемъ относиться къ англичанамъ. Маіоръ обратился также къ генералу съ просьбою о присылкѣ военнаго караула въ домъ посланника на случай, если бы въ городѣ возникли безпорядки.

Всѣ русскіе офицеры выражали крайнее удивленіе по поводу того, что не было сдѣлано ни малѣйшей попытки къ сопротивленію, когда войска ихъ подходили къ городу. Они разсчитывали на горячее дѣло; но, если не считать трехъ упомянутыхъ выше орудійныхъ выстрѣловъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны не было сожжено и порошинки.

Никогда еще столь обширный и окруженный валомъ городъ не былъ такъ легко захваченъ непріятелемъ.—Русскіе безъ малѣйшаго опасенія ходятъ по одиночкѣ по улицамъ; жители поражены страхомъ, унылы и хранятъ глубокое молчаніе. Русскія пѣхота и артиллерія расположены лагеремъ близъ вала противъ Стамбульскихъ воротъ; кавалерія, какъ регулярная, такъ и иррегулярная, на возвышенности, что по сю сто-

рону Аджи-чая; часовые разставлены на валу этого фаса; къ воротамъ приставлены караулы; одинъ баталіонъ помѣщенъ въ Аркѣ (цитадели) а другой во дворцѣ. Около заката солнца маіоръ Салтыковъ привелъ унтеръ-офицерскій караулъ въ помѣщеніе полковника Макдональда.

26-го октября. Пятница. Рано утромъ я узналъ о захватѣ въ плѣнъ Алла-Яръ-Хана. Выѣхавъ изъ города, онъ направился по главной аллеѣ, которая выводитъ на тегеранскую дорогу. Неизвѣстно, былъ ли онъ нерасположенъ бѣжать, или же просто опасался, что днемъ его легко узнаютъ и пошлютъ за нимъ погоню; во всякомъ случаѣ, не выѣзжая изъ части города, занятой садами, онъ укрылся въ домѣ Мирза-Джеббара, бывшаго довѣреннымъ секретаремъ Эриванскаго сердара. На бѣду Мирза-Джеббаръ состоялъ въ короткихъ отношеніяхъ съ сыновьями Марандскаго хана, которые, благодаря этому, были тотчасъ увѣдомлены о мѣстѣ, гдѣ укрылся Асефъ. Для поимки его была немедленно отправлена партія казаковъ, а вслѣдъ затѣмъ прибылъ Сакенъ съ нѣсколькими всадниками. Замѣтивъ, что домъ окруженъ, Алла-Яръ-Ханъ попытался было оказать сопротивленіе и даже выстрѣлилъ изъ бывшихъ при немъ пистолетовъ. Выстрѣлы не причинили никому ни малѣйшаго вреда, и Алла-Яръ-Ханъ былъ захваченъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ главнымъ зачинщикомъ войны; вѣроятно онъ былъ послѣднимъ изъ персіянъ, оказавшихъ сопротивленіе русскимъ. Во всякомъ случаѣ этому лицу обязано персидское правительство постигшими его бѣдствіями.

Чрезъ г. Шаумберга мы были увѣдомлены, что генералъ Эристовъ приметъ англійскихъ офицеровъ въ своемъ лагерѣ за два часа до полудня. Прибывъ туда, мы увидѣли, что пѣхота и спѣшенная кавалерія были построены въ каре близъ мѣста ихъ расположенія вдоль сѣверо-западнаго фаса города; штабъ отряда и нѣсколько группъ офицеровъ находились въ центрѣ каре въ ожиданіи появленія генерала. Черезъ полъ-часа генералъ Эристовъ вышелъ изъ своей палатки и направился къ войскамъ; быстрымъ шагомъ прошелъ онъ по фронту каждаго баталіона, чтобы поздравить ихъ со взятіемъ Тавриза, или же чтобы освѣдомиться о здоровьи войскъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ русской арміи. Всѣ части привѣтствовали его громкими криками. Затѣмъ онъ всталъ въ центрѣ каре, гдѣ воздвигнутъ былъ походный аналой и находился священникъ, готовый приступить къ богослуженію. Кажется благодарили Бога за блистательный подвигъ, а на мой вопросъ мнѣ отвѣчали, что богослуженіе совершалось по случаю годовщины рожденія матери императора. Пока длилась молитва Ага-Миръ-Феттахъ, глава мѣстнаго мусульманскаго духовенства, стоялъ близъ генерала; городской кази и другіе муллы также присутствовали, но они пришли лишь чрезъ четверть часа послѣ начала молитвы. Они стояли около Ага-Миръ-Феттаха и на нихъ не было обращено особеннаго вниманія; одинъ изъ ге-

нераловъ замѣтилъ, что они явились по собственному побужденію. По окончаніи молитвы войска построились въ колонны и прошли церемоніальнымъ маршемъ. Въ строю было не болѣе 2.500 человѣкъ пѣхоты, 200 донскихъ казаковъ, 200 кубанскихъ и небольшой отрядъ уланъ. Князь Эристовъ и вообще русскіе офицеры были относительно насъ какъ нельзя болѣе вѣжливы и ласковы. Вечеромъ расположенное въ аркѣ большое полуразрушенное зданіе было иллюминованно факелами.

27-го октября. Суббота. Армія перешла на открытое мѣсто, находящееся за разрушенною мечетью, близъ тегеранскихъ воротъ; восемь 12-ти фунтовыхъ орудій были направлены на городъ. Дворецъ принца Аббасъ-Мирзы былъ разграбленъ еще до вступленія въ городъ князя Эристова. Разграбленное имущество должно было представлять большую цѣнность; на женской половинѣ зданія оставлены были богатыя подушки, значительное количество посуды и ковры, каковые предметы нельзя было увезти за недостаткомъ вьючныхъ животныхъ, захваченныхъ первыми хищниками до прибытія русскаго генерала. Послѣдній имѣлъ при себѣ лишь небольшое число уланъ и казаковъ, составлявшихъ его конвой; изъ нихъ нѣсколько человѣкъ было назначено для охраны главныхъ входовъ. Когда мы посѣтили дворецъ, ни одна изъ украшающихъ главную пріемную залу картинъ не была еще испорчена. Но, какъ только генералъ вернулся въ лагерь, значительное число тавризскихъ жителей, къ коимъ, какъ я полагаю, присоединились и марандскіе и нахичевскіе всадники, проникли въ зданіе чрезъ входы, которые не были охраняемы, или же влѣзли на стѣны, и предались безчинствамъ. Во многихъ частяхъ зданія окна были выломаны, зеркала разбиты, картины изорваны и свою злобу грабители простерли до того, что вырѣзали ножами глаза на портретахъ шаха и принца. Грабители были весьма многочисленны, и потому караульный офицеръ, имѣвшій при себѣ лишь небольшое число людей, не могъ тотчасъ же прогнать ихъ. О вторженіи черни во дворецъ, который очень обширенъ, онъ узналъ только вслѣдствіе произведеннаго ею шума; онъ поспѣшилъ явиться съ цѣлію предупредить безпорядки, и при видѣ его грабители обращались въ бѣгство, хотя при немъ было не болѣе двухъ или трехъ солдатъ. Прибытіе баталіона положило конецъ безпорядкамъ. Дома, какъ каимъ-макама, такъ и другихъ состоявшихъ при принцѣ военныхъ и гражданскихъ должностныхъ лицъ, уроженцевъ Арака, были равнымъ образомъ разграблены чернью. Все это произошло въ день вступленія русской арміи. Какъ князь Эристовъ, такъ и вообще русскіе офицеры выражаютъ глубокое сожалѣніе по поводу этихъ неизбѣжныхъ и непредвидимыхъ происшествій. Много грабежей совершено было прошлою ночью и въ городѣ. Русскія войска ведутъ себя во всѣхъ отношеніяхъ примѣрно.

28-го октября. Воскресенье. Сегодня утромъ я узналъ, что марандскіе и нахичевскіе всадники, отправившіеся въ погоню за семействомъ принца Аббасъ-Мирзы, нагнали его въ ущеліи Слаттель (?); но ущеліе это было занято отрядомъ мазендеранской пѣхоты, входившимъ въ составъ конвоя означеннаго семейства. Попытка форсировать ущелье стоила жизни многимъ изъ нападавшихъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдніе пробрались по горнымъ тропинкамъ и подошли на близкое разстояніе къ гарему принца. Прикрывавшій отступленіе гарема съ всадниками изъ своего племени Багеръ-Ханъ-Челобіанлу успѣлъ отразить нападавшихъ, но при всемъ томъ имъ удалось захватить нѣсколько вьюковъ съ вещами, принадлежащими двумъ женамъ принца. Русскіе офицеры утверждаютъ, что никому не было разрѣшено преслѣдовать семейство принца. Сыновья Назаръ-Али-Хана марандскаго настаивали предъ генераломъ на посылкѣ отряда кавалеріи, такъ какъ они полагали, что жены ихъ, которыхъ держали въ Тавризѣ въ качествѣ заложницъ, были увезены съ женами принца. Но наканунѣ взятія Тавриза нельзя было свободно располагать людьми, и потому въ ходатайствѣ ихъ имъ было отказано. Сыновья Назаръ-Али-Хана были очень огорчены равнодушіемъ, обнаруженнымъ генераломъ къ участи ихъ женъ, а потому, несмотря на сдѣланныя имъ возраженія, они, 24-го сего мѣсяца, выѣхали съ своими собственными людьми изъ Сахилана съ цѣлью освободить плѣнницъ.

Русская армія перемѣнила свою стоянку и перешла въ долину, простирающуюся за садомъ принца. Численность арміи не превышаетъ 4.000 человѣкъ пѣхоты, 800 чел. регулярной кавалеріи, 800 казаковъ и 1.200 чел. иррегулярной кавалеріи. Артиллерія состоитъ изъ 18-ти полевыхъ орудій разнаго калибра.

29-го октября. Понедѣльникъ. Полковникъ Лазаревъ назначенъ комендантомъ Тавриза; онъ поселился во дворцѣ. Вчерашняго числа были назначены офицеры для приведенія въ извѣстность и охраны оставшагося на лицо имущества принца.—Городскіе жители начинаютъ выражать сожалѣніе по поводу своего малодушнаго поведенія; они громко обвиняютъ Ага-Миръ-Феттаха въ пособничествѣ русскимъ. Съ другой стороны, главы старыхъ тавризскихъ фамилій ходатайствовали о принятіи ихъ императоромъ Николаемъ подъ свое покровительство и просили также о томъ, чтобы по заключеніи мира городъ не былъ возвращенъ Персіи. Между ними не было недостатка въ охотникахъ, вызывавшихся провести русскій отрядъ и помочь ему захватить самого Аббасъ-Мирзу. Ихъ недовольство администраціею принца и желаніе избавиться изъ-подъ власти Каджаровъ объясняется положеніемъ, въ которое они были поставлены. Они лишены были власти, почета и жалованій. Почти всѣ должности распредѣлены были между служителями Аббасъ-Мирзы изъ уроженцевъ Арака, и лишь очень немногія мѣста, да и то номиналь-

но, предоставлены были кореннымъ тавризскимъ жителямъ. Послѣдніе надѣялись, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ, вновь пріобрѣсти значеніе. Князь Эристовъ считаетъ главнымъ лицомъ въ городѣ Ага-Миръ-Феттаха, который совершенно отождествился съ русскими интересами. Сынъ тавризскаго губернатора Фетхъ-Али-Хана Кешти, Ахмедъ-Ханъ, продолжаетъ заниматься дѣлами въ качествѣ замѣстителя своего отца.

30-го октября. Вторникъ. Сегодня утромъ начаты были тщательные розыски съ цѣлію отысканія похищеннаго изъ дворца имущества. Имена нѣкоторыхъ изъ грабителей были извѣстны, и поэтому партіи солдатъ въ сопровожденіи персіянъ были посланы для обыска ихъ домовъ; значительная часть вещей была дѣйствительно найдена. Между прочимъ Мирза-Джафаръ, молодой человѣкъ, котораго принцъ посылалъ въ Англію для полученія тамъ образованія, принималъ дѣятельное участіе въ грабежѣ; въ его домѣ нашлось имущества на большую сумму. Я слышалъ, что сегодня Ага-Миръ-Феттахъ посѣтилъ князя Эристова съ цѣлію предупредить его, что городскіе жители замышляютъ вызвать возстаніе и перебить русскихъ. Во всякомъ случаѣ мѣры предосторожности были усилены вѣроятно вслѣдствіе предупрежденія.

Возможность возстанія неоднократно вызывала опасенія, но дѣло въ томъ, что у мѣстныхъ жителей не хватитъ ни храбрости, ни единодушія, необходимыхъ для выполненія такого замысла, поощреніемъ къ коему служитъ малочисленность русскихъ войскъ.—Начальникамъ отдѣльныхъ частей города объявлено, что на нихъ возлагается отвѣтственность за безопасность карауловъ, разставленныхъ въ ихъ частяхъ.

31-го октября. Среда. Вчера вечеромъ генералъ Паскевичъ съ своимъ штабомъ прибылъ въ Шагиланъ въ сопровожденіи легкаго отряда. Желая взглянуть на войска, я утромъ отправился къ мосту на Аджи-чаѣ. Генералъ ѣхалъ во главѣ отряда, окруженный начальниками частей и своимъ штабомъ. Переѣхавши мостъ, онъ былъ встрѣченъ Ага-Миръ-Феттахомъ, котораго сопровождали наиболѣе почетные жители города. Бесѣда между обѣими сторонами была непродолжительна. Во главѣ колонны шли три баталіона пѣхоты, а за ними слѣдовали драгунскій полкъ, два уланскіе полка, артиллерія, состоявшая изъ восемнадцати орудій, полкъ донскихъ казаковъ и полкъ черноморскихъ. Всѣ войска направились къ кавалерійскому лагерю, расположеиному на возвышенной мѣстности между городомъ и Аджи-чаемъ, налѣво отъ дороги. Отрядъ генерала Эристова ожидалъ въ строю главнокомандующаго, предъ которымъ всѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Всѣ движенія были исполнены съ большою точностью. Внѣшній видъ войскъ, хотя и не блистательный, весьма удовлетворителенъ и свидѣтельствуетъ объ ихъ пригодности къ боевой службѣ. Каждый пѣхотный полкъ состоитъ приблизительно изъ 700 штыковъ; люди имѣютъ здоровый видъ;

маршируютъ скорымъ и твердымъ шагомъ, строго сохраняя равненіе. Движенія кавалеріи отличаются такою-же правильностью; лошади очень спали съ тѣла, и необходимо дать нѣсколько отдохнуть прежде, нежели предпринимать далекій походъ; но при всемъ томъ онѣ и теперь могутъ нести службу. Судя по росту и качествамъ лошадей, можно полагать, что кавалерія можетъ съ успѣхомъ помѣряться съ превосходнымъ числомъ лучшей современной персидской кавалеріи. Донскіе казаки, въ полной формѣ, имѣютъ чрезвычайно красивый видъ. Черноморскіе казаки, имѣющіе болѣе суровую внѣшность, считаются во всѣхъ отношеніяхъ самымъ надежнымъ и храбрымъ войскомъ. Лошади, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, малы ростомъ, некрасивы, но весьма выносливы. Артиллерія проходила бригадами; двѣнадцатифунтовыя орудія были запряжены шестью лошадьми, а орудія меньшаго калибра четырьмя. За каждымъ орудіемъ слѣдовали два двухколесные зарядные ящика, запряженные двумя или тремя лошадьми въ рядъ. Всего было вѣроятно до тридцати орудій. Артиллерія имѣетъ тотъ-же характеръ какъ и остальныя части; внѣшній видъ ея не представляетъ ничего изящнаго, но она производитъ внушающее впечатлѣніе. Когда войска прошли, Паскевичъ направился въ городъ; при приближеніи его къ воротамъ началась стрѣльба изъ орудій, разставленныхъ въ башняхъ и по бастіонамъ. Войска пришли изъ Эривани въ тринадцать дней безъ дневокъ, совершивъ переходъ въ 180 миль. При наступленіи ночи башни и вершины древняго зданія, находящагося въ аркѣ, были ярко иллюминованы факелами.

1-го ноября. Четвергъ. Сегодня вечеромъ каимъ-макамъ прибылъ въ селеніе Кара-меликъ, въ четырехъ миляхъ разстоянія отъ города. Ему не позволяли въѣхать въ городъ; онъ пользуется большою популярностью среди населенія, и русскіе опасаются, что появленіе его могло-бы вызвать волненіе. Онъ уполномоченъ вести переговоры о мирѣ.

2-го ноября. Пятница. Русскіе плѣнники, въ особенности офицеры, находившіеся въ заключеніи въ Марагѣ, освобождены и присланы отъ города Паскевичу, какъ залогъ мира. Почти всѣ уѣзды и округи Азербайджана послѣдовали примѣру города Тавриза. Жители Хоя прислали къ генералу Паскевичу депутацію съ ходатайствомъ не посылать войскъ противъ города, такъ какъ они и безъ того готовы сдать его, если вся область будетъ присоединена къ Россіи. Карадагскій округъ подчинился; управленіе имъ ввѣрено потомку прежнихъ начальниковъ этого округа, Мохаммедъ-кули-Беку. Старшины племенъ Шахсевенъ и Шегаги воюютъ съ Джехангиръ-Ханомъ. Наслѣдственный Ханъ втораго изъ этихъ племенъ передался русскимъ и призналъ надъ собою ихъ главенство; онъ сынъ извѣстнаго Азадъ-Хана, оспаривавшаго престолъ у нынѣ царствующаго шаха. Населеніе города Мараги особенно отлича-

лось буйствомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ городъ этотъ находился подъ управленіемъ Фетхъ-Али-Хана, старшаго брата Асефуд-доулэ, сестра котораго состоитъ въ замужествѣ съ принцемъ Аббасъ-Мирзою. Покинувъ Тавризъ, одна изъ дочерей Аббасъ-Мирзы, его сестра и жена Мохаммедъ-Мирзы удалились въ Марагу. Вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда городская чернь ворвалась въ домъ Фетхъ-Али-Хана, до-чиста его ограбила и продолжала безчинствовать даже въ комнатахъ, гдѣ находились женщины. Говорятъ, что главными зачинщиками безпорядковъ были сыновья Ахмедъ-Хана, бывшаго начальника Мараги. Къ счастью, старшій изъ братьевъ, Джафаръ-кули-Ханъ, вмѣшался въ дѣло и защитилъ несчастныхъ женщинъ. Говорятъ, что всѣ драгоцѣнности, принадлежавшія этой части семейства Аббасъ-Мирзы, достались грабителямъ. На другое утро Джафаръ-кули-Ханъ проводилъ женщинъ въ Міандуабъ, находящійся въ двадцати миляхъ отъ Тавриза. Фетхъ-Али-Ханъ и находившійся подъ его покровительствомъ харемъ были преслѣдуемы до этого мѣста чернью, которая замышляла другія насилія, но была разсѣяна нѣсколькими картечными выстрѣлами изъ пушекъ, находившихся въ распоряженіи Юсуфъ-Хана, заранѣе высланнаго для защиты харема.

3-го ноября. Суббота. Со времени прибытія русскихъ городъ весьма покоенъ. Поведеніе русскихъ войскъ заслуживаетъ полной похвалы; очень немногіе солдаты появлялись въ пьяномъ видѣ на улицахъ, хотя, повидимому, имъ дозволенъ свободный доступъ въ городъ. Равнымъ образомъ я не слыхалъ о сколько-нибудь серьезныхъ ссорахъ. Нѣкоторое неудовольствіе вызвано было частымъ посѣщеніемъ солдатами бань, такъ какъ, по мнѣнію мусульманъ, бани чрезъ это подверглись осквернѣнію. Гражданская часть по управленію городомъ ввѣрена Ага-Миръ-Феттаху. Сначала устроено было управленіе, въ которомъ предсѣдательствовали четверо изъ почетнѣйшихъ городскихъ жителей; они должны были докладывать о своихъ рѣшеніяхъ полковнику Лазареву, безъ одобренія котораго ни одно распоряженіе не могло быть приводимо въ исполненіе. Вслѣдствіе представленій Ага-Миръ-Феттаха, что учрежденіе это умаляетъ его личное вліяніе на народъ, внутреннее управленіе городомъ передано было исключительно ему. Ага-Миръ-Феттахъ мечтаетъ о томъ, чтобы сдѣлаться главнымъ лицомъ во всемъ Азербайджанѣ; онъ питаетъ самые честолюбивые замыслы, и уже адресовалъ начальникамъ областей ракамы (предписанія), въ коихъ предлагалъ мѣстнымъ начальникамъ перейти на сторону Россіи, и грозилъ, что, въ случаѣ замедленія въ исполненіи его приказаній, виновники подвергнутся карѣ и ссылкѣ въ Сибирь.

Это распоряженіе, хотя и побудившее мѣстныхъ начальниковъ послѣдовать примѣру Ага-Миръ-Феттаха, не было одобрено генераломъ Паскевичемъ. Миръ-Феттахъ забываетъ, что, выходя изъ предѣловъ

своей компетентности, какъ глава мѣстнаго духовенства, онъ губитъ вліяніе, которымъ пользуется среди своихъ согражданъ. Однажды онъ явился непрошеннымъ гостемъ къ столу главнокомандующаго; онъ принесъ нѣсколько кушаній, изготовленныхъ въ его собственномъ домѣ, и отвѣдалъ русской кухни. Такое поведеніе, противное предразсудкамъ мусульманской шіитской секты, произвело въ городѣ сильное, весьма невыгодное для него, впечатлѣніе. Главному оружейнику принца Аббасъ-Мирзы, Ага-Мохаммедъ-Али, приказано выковать ключи для тавризскихъ воротъ (хотя ворота эти не имѣютъ замка); каковые ключи предполагается представить императору. Равнымъ образомъ предполагается вылить четыре пушки въ память взятія Аббасъ-абада, Сердаръ-абада, Эривани и Тавриза. На каждой изъ этихъ пушекъ будетъ выгравировано названіе одной изъ означенныхъ мѣстностей. До сихъ поръ имущество городскихъ обывателей не страдало отъ присутствія русскихъ войскъ; но не такъ было въ сосѣднихъ деревняхъ. Временнымъ управленіемъ предписано было жителямъ поставлять фуражъ для кавалеріи и вьючнаго скота. Реквизиціи производились крайне неправильно; забиралось вчетверо болѣе того, что требовалось, и ничего не было заплачено. Жители горько жалуются на то, что они лишились запасовъ, заготовленныхъ было ими на зиму.

4-го ноября. Воскресенье. Сегодня утромъ прибылъ ожидаемый отрядъ, состоящій изъ опальнаго гвардейскаго Московскаго полка, баталіона новой гвардіи, Ширванскаго гренадерскаго полка, Тифлисскаго полка, десяти артиллерійскихъ орудій и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ[1]). Арьергардъ арміи остался въ Марандѣ, гдѣ приказано остаться и осадной артиллеріи. Вчера вечеромъ русскій уполномоченный Обрѣзковъ ѣздилъ въ Карамеликъ для свиданія съ каимъ-макамомъ; Обрѣзковъ вручилъ персидскому сановнику проектъ условій, на которыхъ можетъ быть заключенъ миръ. Каимъ-макамъ отправился обратно въ расположенный въ Сельмасѣ лагерь принца Аббасъ-Мирзы, заявленіе котораго о согласіи на условія мира должно быть доставлено главнокомандующему по истеченіи шести дней.

5-го ноября. Понедѣльникъ. Полковникъ Макдональдъ получилъ отъ генерала Паскевича приглашеніе присутствовать на парадѣ русскихъ войскъ. Посланникъ уклонился отъ присутствія на молебнѣ, который долженъ былъ предшествовать параду, но съ готовностью принялъ приглашеніе посмотрѣть на войска. Въ полдень уланскій ротмистръ

---

[1]) Приведенное докторомъ Уилличемъ названіе полковъ не вѣрно: гвардейскаго Московскаго полка не было, а былъ баталіонъ, сформированный изъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ возстаніи 14-го декабря 1825 г.; баталіона новой гвардіи мы также не знаемъ. Ред.

съ конвоемъ прибылъ, чтобы проводить посланника. Армія построена была въ большой каре въ долинѣ, простирающейся за садомъ принца; двѣ стороны каре заняты были пѣхотой, а двѣ другія регулярною кавалеріей, казаками и артиллеріей. Мы прибыли на мѣсто тотчасъ по окончаніи молебна. Офицеры, собравшіе въ центрѣ каре, разошлись по своимъ мѣстамъ и былъ сдѣланъ салютъ въ пятьдесятъ выстрѣловъ. Мы присоединились къ свитѣ главнокомандующаго. Войска перестроились въ колоны и стали проходить передъ генераломъ. Это было весьма внушительное зрѣлище; всѣ движенія производились съ величайшею точностью; приказанія отдавались безъ излишняго крика и быстро исполнялись. На ходу русскій солдатъ кажется нѣсколько неповоротливымъ, что слѣдуетъ приписать тому, что онъ очень стянутъ въ таліи. Это производитъ невыгодное впечатлѣніе; но при всемъ томъ должно замѣтить, что, съ точки зрѣнія ихъ снаряженія, русскія войска имѣютъ боевой видъ, и что они соединяютъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя какъ для парадовъ, такъ и вообще при исполненіи обязанностей военной службы. Пройдя церемоніальнымъ маршемъ, войска построились въ густую колонну. Генералъ Паскевичъ быстрымъ галопомъ объѣхалъ ряды; каждая часть привѣтствовала его громкими криками. По моему мнѣнію, численность войскъ, круглымъ счетомъ, представляетъ слѣдующія цифры:

12 баталіоновъ пѣхоты, по 550 человѣкъ въ каждомъ.	6.600 чел.
2 баталіона, находящіеся въ караульной службѣ	1.100 »
1 полкъ драгунъ	660 »
3 полка уланъ, по 400 человѣкъ	1.200 »
казаковъ.	2.000 »
52 орудія, по 20 человѣкъ при каждомъ. . .	1.000 »
	12.500 чел.

Съ причисленіемъ откомандированныхъ и больныхъ чиновъ численность русскихъ войскъ въ Тавризѣ доходитъ до четырнадцати тысячъ человѣкъ.

Муджтехидъ-Ага-Миръ-Феттахъ.

Упоминаемый въ выше помѣщенномъ дневникѣ Муджтехидъ-Ага-Миръ-Феттахъ игралъ весьма выдающуюся роль въ событіяхъ описываемой въ дневникѣ эпохи.

Какъ оказывается изъ письма графа Паскевича къ графу Нессель-

роде отъ 27-го апрѣля 1828 г., преданность свою Россію Муджтехидъ обнаружилъ еще до вступленія войскъ нашихъ въ Тавризъ; его вліянію командовавшій войсками приписывалъ отчасти успѣшное занятіе этого города. Согласно тому же письму и отзывамъ генералъ-маіора барона Остенъ-Сакена, предсѣдательствавшаго во временномъ правленіи, организованномъ для завѣдыванія Азербайджаномъ, Муджтехидъ, во все время пребыванія войскъ нашихъ въ этой области, оказывалъ намъ величайшія услуги, способствуя примѣромъ и своими совѣтами совершенному повиновенію и покорности мѣстнаго населенія, и между прочимъ, былъ какъ нельзя болѣе полезенъ при выборѣ людей, назначавшихся на различныя должности въ краѣ. Такое отношеніе къ намъ Муджтехида баронъ Остенъ-Сакенъ, въ рапортѣ своемъ на имя графа Паскевича отъ 22-го февраля 1828 г., объяснялъ тѣмъ, что Ага-Миръ-Феттахъ, отличаясь прямотою, безкорыстіемъ и твердостью характера, представлялъ собою въ Персію «единицу, никакому сравненію не подлежащую», не могъ мириться съ существовавшимъ въ Персіи прискорбнымъ положеніемъ дѣлъ и мечталъ объ освобожденіи своей родины отъ безнравственнаго правительства.

Когда рѣшено было вывести наши войска изъ Азербайджана, Муджтехидъ высказалъ твердое намѣреніе переселиться въ Россію. Хорошо понимая, что отъѣздъ Муджтехида произведетъ крайне неблагопріятное вліяніе на населеніе и что, съ другой стороны, Россія пріобрѣтетъ въ немъ въ высшей степени полезнаго жителя, персидскія власти и, въ особенности, наслѣдникъ престола принцъ Аббасъ-Мирза, стали употреблять неимовѣрныя усилія и даже прибѣгать къ всевозможнымъ происканъ съ цѣлью не допустить Ага-Миръ-Феттаха покинуть Персію; но всѣ старанія ихъ оказались тщетными. Муджтехидъ былъ настолько популяренъ, что слѣдовало опасаться, что народъ не выпуститъ его изъ Тавриза, и вслѣдствіе этого прошлось принять чрезвычайныя мѣры предосторожности въ виду его отъѣзда. Комендантъ Тавриза, полковникъ Бурцовъ прибылъ 7-го марта 1828 г. въ домъ Ага-Миръ-Феттаха. Домъ этотъ окруженъ былъ народомъ, который наполнялъ также всѣ улицы и перекрестки, умоляя своего духовнаго главу не разставаться съ своимъ стадомъ. Когда Муджтехидъ подъ конвоемъ выѣхалъ изъ дома, всеобщій вопль огласилъ городъ; люди всѣхъ возрастовъ предшествовали ему или слѣдовали за нимъ, а многіе даже бросались на землю съ цѣлью остановить шествіе; всѣ безъ изъятія цѣловали ему руки и просили на память куски его одежды. По выѣздѣ изъ города Муджтехидъ неоднократно обращался къ провожавшимъ его съ увѣщаніемъ вернуться домой, но напрасно. Несмотря на довольно быструю ѣзду, толпа не отставала. Наконецъ, отъѣхавъ верстъ 5, самъ Муджтехидъ остановился, простился съ комендантомъ и народомъ и затѣмъ поскакалъ.

За оказанныя имъ Россіи услуги Ага-Миръ-Феттахъ былъ щедро награжденъ императоромъ Николаемъ I-мъ. По прибытіи его въ Россію ему назначена была пенсія въ 2.000 червонцевъ въ годъ и пожалована золотая медаль, украшенная брильянтами. Будучи вслѣдъ за тѣмъ назначенъ духовнымъ главою всѣхъ шіитовъ въ нашихъ закавказскихъ областяхъ, Муджтехидъ въ концѣ 1830 г. посѣтилъ Петербургъ, гдѣ былъ милостиво принятъ государемъ и государыней и награжденъ алмазными знаками ордена Св. Анны 1-й степени. Въ слѣдующемъ году въ вознагражденія за имѣнія, оставленныя имъ въ Персіи, ему пожаловано было въ Ширванской провинціи имѣніе, состоявшее изъ 15 деревень и приносившее около 5.360 рублей дохода.—Благодаря вліянію, которымъ онъ пользовался среди мусульманскаго населенія Закавказскаго края, Ага-Миръ-Феттахъ не разъ оказывалъ властямъ нашимъ услуги въ дѣлахъ внутренняго управленія.

Ив. Алексѣев. Зиновьевъ.

О запрещеніи привоза сочиненій Вольтера.

Письмо лифляндскаго губернатора Рихтера къ курляндскому губернатору Ламздорфу.

27-го января 1798 г. Рига.

Высокородный и превосходительный господинъ тайный совѣтникъ курляндскій губернаторъ и кавалеръ.

Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ привозъ Вольтеровскихъ сочиненій запретить и поступить съ онымъ какъ съ запрещенными книгами.

Указъ Курляндскому Губернатору, чтобы пріѣзжающіе французы не оставались въ Митавѣ.

14-го марта 1798 г.

Господинъ тайный совѣтникъ Ламздорфъ. За исключеніемъ чиновниковъ и служителей, свиту короля французскаго составляющихъ, равномѣрно и тѣхъ, кои по согласію его величества при немъ остаться могутъ, повелѣваемъ вамъ имѣть недреманное наблюденіе, чтобъ ни одинъ французъ, изъ пріѣзжающихъ вновь, не оставался въ Митавѣ, подъ какимъ-бы то предлогомъ ни было. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Сообщилъ **А. В. Безродный.**

Графъ М. М. Сперанскій и графъ А. А. Аракчеевъ.

(По воспоминаніямъ Г. С. Батенкова, написаннымъ 31 марта 1826 г.).

Изъ всѣхъ лицъ, съ коими состоялъ я въ Петербургѣ въ связи, имѣю къ одному Сперанскому особенныя отношенія. Сіе происходитъ отъ того, что онъ одинъ зналъ меня мальчикомъ.

Бывъ гонимъ въ Сибири Пестелемъ, я, можно сказать, любимъ былъ въ тайнѣ: явно никто не смѣлъ оказать мнѣ особаго вниманія. Неудачная постройка моста въ Томскѣ предавала меня въ руки губернатора, долго тяготила, и я въ такихъ обстоятельствахъ долженъ былъ искать отставки.

Получивъ свѣдѣніе о назначеніи Сперанскаго, я тотчасъ отправился въ Тобольскъ. Мнѣ онъ казался еще страшнѣе Пестеля, ибо я, отъ природы безмѣрно самолюбивъ, ужасался его знаній и ума и боялся, что встрѣча съ нимъ уронитъ меня, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всѣхъ, кто почиталъ меня умнѣйшимъ изъ сибиряковъ.

Готовя мой рапортъ о системѣ сообщеній въ Сибири, я переписывалъ его нѣсколько разъ и кончилъ уже по необходимости. Когда Сперанскій пріѣхалъ въ Тобольскъ, всякая встрѣча была отказана, рапорты послали мы въ пакетахъ и должны были явиться на другой день.

Застѣнчивость моя обратилась въ совершенное замѣшательство, когда на дорогѣ городничій объявилъ мнѣ, что солдатъ моей команды напился пьянъ и упалъ противъ дома генералъ-губернатора.

Изъ всѣхъ лицъ, кои ожидали въ залѣ его выхода, полагаю, что всѣхъ болѣе были смущены: губернаторъ, какъ зять Пестеля, и я. По сему первое мое появленіе къ Сперанскому было весьма смиреннымъ и робкимъ. Онъ, однакоже, вскорѣ подошелъ ко мнѣ и, вѣроятно, былъ до-

*

воленъ моимъ рапортомъ, обласкалъ меня и убѣждалъ ѣхать съ собою. Сіе меня радовало и пугало.

Два рода людей были тогда съ Сперанскимъ: 1) принадлежавшіе къ канцеляріи Пестеля: они не пользовались ни какимъ довѣріемъ и стояли какъ бы въ сторонѣ, имѣя прикосновеніе токмо по дѣламъ; 2) пріѣхавшіе съ нимъ. Они суть: Цейеръ, Вейкартъ, Вильде и Рѣпинскій.

Цейеръ весьма извѣстенъ. Онъ былъ нѣкогда секретаремъ Сперанскаго, высланъ былъ во время его ссылки, и соединился опять съ нимъ въ Казани, на пути въ Сибирь. По возвращеніи въ Петербургъ ѣздилъ лѣчиться во Францію и Италію. Человѣкъ сей добръ, набоженъ, начитанъ и любитъ Сперанскаго, какъ истинный другъ.

Вейкартъ. Молодой мальчикъ съ порядочными дарованіями, котораго держали какъ сына, потому что мать его воспитывала дочь Сперанскаго и въ то время имѣла ее въ своемъ домѣ.

Густавъ Вильде. Человѣкъ отлично свѣтскій, тонкій въ обращеніи, вкрадчивый, не знатокъ въ дѣлахъ, воспитанный по иностранному и, можно сказать, необходимый генералъ-губернатору для того, чтобъ доставлять о людяхъ свѣдѣнія.

Рѣпинскій. Только что взятъ былъ изъ Пензенской семинаріи. Человѣкъ собственно ученый, вѣрный, честный; былъ и остался у Сперанскаго ближайшимъ секретаремъ.

Мое знакомство началось домашнимъ обѣдомъ, на который былъ я приглашенъ, и встрѣчею съ Сперанскимъ на прогулкѣ, ибо онъ ходилъ, несмотря на погоду, каждый день по нѣсколько верстъ. Я старался склонять разговоръ къ тому предмету, въ которомъ былъ твердъ, а именно къ математикѣ. Первое порученіе сдѣлалъ онъ мнѣ по полученіи изъ крѣпости Омской настоятельнаго требованія суммы 10.000 р. на постройку новаго моста, ибо старый представляли развалившимся. Обозрѣвъ на мѣстѣ, я нашелъ, что ежели употребить на поправку менѣе тысячи рублей, то мостъ прослужитъ еще нѣсколько лѣтъ.

Сей первый опытъ усердія принятъ былъ благосклонно. Вскорѣ усмотрѣлъ я, что окружающіе Сперанскаго люди не такъ велики въ познаніяхъ и дарованіяхъ, чтобъ я не могъ чего нибудь надѣяться. Бросилъ думать объ отставкѣ и рѣшился ѣхать до Иркутска.

Мы отправились съ большою свитою. Въ пути я не переставалъ быть весьма застѣнчивымъ, ибо смущало меня даже и то, что экипажъ мой былъ хуже всѣхъ. Не приходилъ даже къ столу безъ приглашенія, а когда одинъ разъ пала лошадь подъ моею бричкою, то я считалъ уже себя совсѣмъ погибшимъ. Сперанскій замѣтилъ сіе, сказалъ, чтобъ я не безпокоился, что онъ заплатитъ изъ разъѣздныхъ денегъ, и чтобъ ободрить меня, началъ на нѣкоторыхъ станціяхъ сажать съ собою въ карету.

По пріѣздѣ въ Томскъ, онъ призывалъ меня нѣсколько разъ и раз-

спрашивалъ о лицахъ. Поелику многіе подверглись отрѣшенію и слѣдствію, то нужно было опредѣлять вновь. Онъ приказалъ мнѣ составить проектъ размѣщенія (?) и, посовѣтовавшись съ вице-губернаторомъ Горловымъ, утвердилъ оный, съ малыми перемѣнами.

Мнѣ показалось сіе чудомъ: во всей Сибири разнеслось, что я въ великой силѣ. Но истинныя мои отношенія къ Сперанскому не измѣнялись. Я не смѣлъ безъ приглашенія явиться къ столу и не смѣлъ войти безъ доклада.

На пути къ Иркутску онъ былъ боленъ и не выходилъ изъ кареты. Мы остановились въ Нижнеудинскѣ для произведенія слѣдствія надъ страшнымъ исправникомъ Лоскутовымъ. Во все сіе время Сперанскій являлся строгимъ и неприступнымъ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ началась слѣдственная коммисія. Сперанскій спасалъ кого только могъ, съ виновниками обращался мягко. Сіе возбуждало негодованіе партій.

Я окончилъ три порученія: проектъ укрѣпленія берега р. Ангары, обозрѣніе Кяхтинской границы и изысканіе путей около Байкала. Во время сихъ поѣздокъ познакомился съ Геденштромомъ, извѣстнымъ по своему путешествію въ Ледовитомъ морѣ; но онъ вскорѣ отставленъ былъ Сперанскимъ и преданъ слѣдствію.

Между тѣмъ Сперанскій началъ меня употреблять въ гражданскихъ дѣлахъ. Собственно силы я никакой не имѣлъ и едва могъ только способствовать опредѣленію одного лица, раненаго капитана Юдина, городничимъ въ Томскъ.

Жизнь наша въ Иркутскѣ представляетъ нѣчто необычное. Многіе богатые чиновники, будучи отставлены отъ мѣстъ и собраны для отвѣтовъ въ губерискій городъ, давно уже переведя большую часть имѣній на имя женъ и лично оставаясь не угнетенными, жили довольно роскошно. Открылась игра въ карты. Молодые наши чиновники приняли въ ней участіе, но только два или три человѣка изъ нихъ остались въ небольшой выгодѣ. Я въ карты не играю.

Я вышелъ совсѣмъ изъ круга пріѣзжихъ и не могъ заниматься дѣлами, по жестокой болѣзни. Сверхъ того очень сблизился съ отрѣшеннымъ отъ должности Геденштромомъ, по родству его съ нашимъ докторомъ Албертомъ, и переѣхалъ къ нимъ въ домъ. Сіе не понравилось Сперанскому до того, что онъ меня почти оставилъ, не взялъ съ собою въ Кяхту и Нерчинскъ, и я едва могъ поправить свои къ нему отношенія, чтобъ хотя онъ отвезъ меня обратно въ Тобольскъ.

Въ свойствахъ Сперанскаго примѣчательно:

1) Что онъ весьма скрытенъ и мысли его о лицахъ отгадывать трудно.

2) Что неудовольствіе свое обыкновенно являетъ онъ, удаляя отъ сношеній съ собою, и ежели они вовсе прекратятся, то почитаетъ не-

возможнымъ уже возобновить. Примѣръ Магницкаго мнѣ служитъ доказательствомъ.

3) Онъ не корыстолюбивъ, но скупъ на выдачу денегъ, при всемъ томъ издерживаетъ весьма много, всегда въ долгахъ, собственно для себя доволенъ немногимъ, но имѣетъ множество лицъ на своемъ содержаніи.

4) Дома любитъ уединеніе, занимается чтеніемъ или письмомъ и всегда недоволенъ, когда прервутъ его.

5) Любитъ всѣхъ держать сколько можно отъ себя далѣе и смотритъ на другихъ съ высоты.

5) Набоженъ и не допускаетъ при себѣ никакихъ дерзкихъ разговоровъ.

7) Любитъ давать поученія.

По пріѣздѣ въ Тобольскъ, я, желая сдѣлать себя интереснымъ, началъ писать уставъ о ссыльныхъ и, показавъ программу и первые опыты, сталъ уже заниматься съ Сперанскимъ въ высшихъ по управленію отношеніяхъ. Становился послѣ Цейера первымъ лицомъ, но вскорѣ опять потерялъ его привязанность. Ему не понравилось мое развлеченіе, пристрастіе къ женщинамъ и самолюбіе. Онъ рѣшилъ проститься со мною въ Тобольскѣ. Съ своей стороны находилъ я уже невозможнымъ служить въ Сибири и просилъ увольненія. Предъ самымъ отъѣздомъ его (въ январѣ 1821), получилъ я отпускъ на Кавказъ на шесть мѣсяцевъ. Отправился вслѣдъ за Сперанскимъ вмѣстѣ съ отставнымъ чиновникомъ Корниловымъ, и хотя догонялъ его въ Тюмени, Перми, Казани и на нѣкоторыхъ станціяхъ, но не принадлежалъ уже къ его свитѣ. Онъ поѣхалъ на Симбирскъ, а я въ Москву и потомъ въ южныя губерніи.

По возвращеніи въ Москву, засталъ тутъ Вильде и пробылъ съ нимъ около шести недѣль. Писалъ въ Петербургъ къ Сперанскому и получилъ отъ него, сверхъ чаянія, отвѣтъ, чтобъ я ѣхалъ къ нему, ибо Бетанкуръ вовсе перевелъ меня изъ Сибири, что я нуженъ и что могу служить съ выгодою.

Я летѣлъ въ Петербургъ и былъ принятъ ласково. Бетанкуръ клонился къ упадку, а Сперанскій пользовался большимъ уваженіемъ.

Сначала я былъ очень робокъ, потому: 1) что обремененъ былъ долгомъ; 2) что отсталъ отъ столичнаго этикета; 3) что не былъ даже прилично обмундированъ; 4) нося военный мундиръ, боялся бѣды на каждомъ шагу.

Сперанскій жилъ тогда въ домѣ Жерве, а я въ трактирѣ Демута. Вскорѣ сдѣлали меня производителемъ дѣлъ Сибирскаго комитета, и Сперанскій ввелъ въ домъ къ графу Кочубею. Съ г-жею Вейкартъ и съ

дочерью Сперанскаго я очень мало познакомился и былъ у нихъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ.

Къ Сперанскому едва могъ добиваться съ дѣлами, ибо онъ окруженъ былъ большою толпой и болѣе жилъ въ Царскомъ Селѣ, куда ѣздилъ я только въ собранія Сибирскаго комитета.

Среди сего, снова выгоднаго для Сперанскаго, по отношеніямъ службы положенія, случилось важное и для него затруднительное въ семейномъ быту дѣло. Г-жа Вейкартъ стала замышлять женить своего брата на его дочери, старалась возбудить въ нихъ взаимную склонность, и довела дѣло до того, что рѣшилась требовать ея руки. Здѣсь Сперанскій поступилъ весьма рѣшительно, взялъ немедленно дочь изъ дома, отправилъ на дачу къ Столыпину и довольно на долго сдѣлался для насъ невидимъ. Онъ переѣхалъ потомъ въ домъ Неплюева, а я къ Масальскому. Въ теченіе зимы 1821—1822 г.г. мы видѣлись только по четвергамъ передъ собраніемъ и въ собраніи Сибирскаго комитета. Въ сіе время онъ вывелъ меня изъ денежныхъ затрудненій, выпросивъ въ награду 10.000 рублей. Болѣе ничего по его ходатайству я не получалъ.

Въ мартѣ 1822 г. Сперанскій былъ уволенъ отъ званія Сибирскаго генералъ-губернатора, и когда лѣтомъ канцеляріи отправились, осталось въ квартирѣ его много свободныхъ помѣщеній. Въ концѣ лѣта онъ предложилъ мнѣ занять нѣсколько комнатъ съ княземъ Шаховскимъ. Съ симъ вмѣстѣ требовалъ:

во-первыхъ, чтобъ я не забывалъ уваженіе, которымъ обязанъ къ его дому, и уклонялся бы отъ всѣхъ шалостей, свойственныхъ молодымъ людямъ. Также не попускалъ бы и молодыхъ чиновниковъ тѣмъ болѣе, что мы будемъ жить въ домѣ не одни, и что прислуга Обрѣзкова весьма избалована.

во-вторыхъ, чтобъ я избѣгалъ положительныхъ разговоровъ о дѣлахъ, ибо слова мои могутъ почитать авторитетомъ, и что сіе опаснѣе самыхъ выдумокъ.

Переѣхавъ къ Сперанскому, я видѣлся съ нимъ рѣже прежняго и былъ такъ еще далекъ (осенью 1822), что совсѣмъ не былъ на свадьбѣ его дочери. Время проводилъ на свободѣ и въ большомъ разсѣяніи. Осенью графъ Аракчеевъ пригласилъ меня въ Грузино, и я долженъ былъ поступить къ нему на службу.

Сперанскій мнѣ далъ слѣдующія приказанія и совѣты:

1) Ничего никогда съ нимъ не говорить о военныхъ поселеніяхъ.

2) Ежели не хочу быть замѣшанъ въ хлопоты, вести себя у графа совершенно по службѣ и избѣгать всѣхъ домашнихъ связей.

3) Никогда не давать графу замѣтить, а лучше и не думать, что я могу, кромѣ его, имѣть къ государю другіе пути.

Все сіе исполнено было мною въ точности, и я нашелся въ состоя-

ніи три года быть близкимъ къ графу. Съ Сперанскимъ мы почти разстались. Лѣтомъ онъ уѣхалъ въ Черниговъ.

Когда дочь его возвратилась въ Петербургъ и предстояла надобность перемѣнить квартиру, я просилъ Сперанскаго не оставлять меня и дать хотя одинъ покой, чтобъ имѣть отъ военныхъ поселеній нѣкоторое отдаленіе.—Онъ согласился, и мы, перейдя къ Лазареву, сперва помѣстились въ среднемъ этажѣ, а послѣ я перешелъ въ верхній этажъ флигеля.

Отношенія мои къ дому Сперанскаго приняли новый оборотъ. Не бывъ уже съ нимъ связанъ по службѣ, я искалъ пріязни токмо зятя и дочери, и совершенно сталъ принадлежать къ ихъ кругу. Сперанскій пребывалъ уединеннымъ. Онъ занимался въ кабинетѣ, я видалъ его только изрѣдка за обѣдомъ, а иногда ввечеру въ гостиной; дочь и зять также являются къ нему только въ опредѣленное время. Онъ любитъ единственно играть со внукомъ. Ко всему прочему является холоднымъ. Мнѣ просить уже было не о чемъ, ибо я считалъ себя обезпеченнымъ въ окладахъ и въ расположеніи графа Аракчеева. Всѣ мои сношенія съ Сперанскимъ были тогда единственно по занятію мною системою египетскихъ письменъ, ибо и онъ занимался древностями. Сибирскія дѣла я велъ уже самъ чрезъ Аракчеева, который былъ тогда предсѣдателемъ въ комитетѣ.

Какъ ни сильно было лицо графа Аракчеева, но поелику сталъ онъ знать меня съ портфелью статсъ-секретаря и членомъ своего совѣта, притомъ я зналъ, что ему былъ нуженъ, то и могъ принять не тотъ тонъ, какой наблюдалъ съ Сперанскимъ.

Осмѣливаюсь здѣсь сдѣлать отступленіе, представивъ кратко параллель между сими лицами.

Аракчеевъ страшенъ физически, ибо можетъ въ жару гнѣва надѣлать множество бѣдъ; Сперанскій страшенъ морально, ибо прогнѣвить его значитъ уже лишиться уваженія. Аракчеевъ зависимъ, ибо самъ писать не можетъ и не ученъ; Сперанскій холодитъ тѣмъ чувствомъ, что никто ему не кажется нужнымъ.

Аракчеевъ любитъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у государя, всѣми средствами; Сперанскій любитъ критиковать старое, скрывать свою значимость и всѣ дѣла выставлять легкими.

Аракчеевъ приступенъ на всѣ просьбы къ оказанію строгостей и труденъ слушать похвалы; все исполнитъ, что обѣщаетъ. Сперанскій приступенъ на всѣ просьбы о добрѣ; охотно обѣщаетъ, но часто не исполняетъ; злорѣчія не любитъ, а хвалитъ рѣдко.

Аракчеевъ съ перваго взгляда умѣетъ разставить людей, сообразно ихъ способностямъ, ни на что постороннее не смотритъ; Сперанскій нерѣдко смѣшиваетъ и увлекается особыми уваженіями.

Аракчеевъ рѣшителенъ и любитъ наружный порядокъ; Сперанскій остороженъ и часто наружный порядокъ ставитъ ни во-что.

Аракчеевъ ни къ чему принужденъ быть не можетъ; Сперанскаго характеръ сильный можетъ заставить исполнить свою волю.

Аракчеевъ въ обращеніи простъ, своеволенъ, говоритъ безъ выбора словъ, а иногда и неприлично; съ подчиненнымъ совершенно искрененъ и увлекается всѣми страстями. Сперанскій всегда является въ приличіи, дорожитъ каждымъ словомъ и кажется не искреннимъ и холоднымъ.

Аракчеевъ съ трудомъ можетъ перемѣнить видъ свой по обстоятельствамъ; Сперанскій, при появленіи каждаго новаго лица, можетъ легко перемѣнить свой видъ.

Аракчеевъ богомолъ, но слабой вѣры; Сперанскій набоженъ и добродѣтеленъ, но мало исполняетъ обряды.

Мнѣ оба они нравились, какъ люди необыкновенные. Сперанскаго любилъ душею.

Приступаю теперь къ описанію послѣдней эпохи, и предварительно подтверждаю, что о перемѣнѣ образа правленія я никогда не осмѣливался говорить съ Сперанскимъ.

Начинаю съ того времени, какъ исключенъ я былъ изъ военныхъ поселеній и остался опять на рукахъ Сперанскаго. Сіе паки сдѣлало меня для него занимательнымъ и жалкимъ (половина ноября 1825 г.).

Посредствомъ дочери я довелъ до его свѣдѣнія о намѣреніи моемъ ѣхать въ Америку. Онъ увидѣлъ меня за обѣдомъ, сказалъ, что это уже крайняя мѣра, и что по всѣмъ вѣроятностямъ государь меня не броситъ, но чрезъ начальника штаба узнаетъ истинныя причины. Чрезъ нѣсколько дней получено было горестное извѣстіе о кончинѣ его величества.

Чтобъ предоставить въ связи нѣсколько разговоровъ, кои я имѣлъ съ нимъ въ послѣднее время, необходимо сдѣлать отступленіе, описать мѣстности и означить нѣсколько новыхъ лицъ, кои играли или могли играть здѣсь нѣкоторыя роли. Начинаю съ лицъ.

Багрѣевъ, зять Сперанскаго, есть человѣкъ, исполненный высокаго мнѣнія о своемъ происхожденіи: бывъ внукомъ графа Безбородки, онъ считаетъ себя лицомъ первой фамиліи и есть величайшій врагъ и гонитель всѣхъ либеральныхъ идей. Дочь Сперанскаго женщина, можно сказать, ученая, свѣтская и пріятная. Она въ разговорахъ умѣетъ примѣниться ко всякому и принимать всѣ тоны.

Величко, надворный совѣтникъ, человѣкъ богатый и умный. По старому знакомству Сперанскаго съ отцомъ его, онъ принятъ въ сибирскую канцелярію. Со мною наружно друженъ, но внутренно недоволенъ по соперничеству; а болѣе потому, что я во все время не выпрашивалъ ему ни одной награды, ибо онъ не занимался дѣлами. Онъ каждый день почти бываетъ въ домѣ Американской компаніи. Къ Спе-

ранскому не имѣлъ свободнаго доступа; но нашелъ случай свести дѣло съ Довомъ о портретѣ. Съ Багрѣевымъ довольно коротокъ.

Клѣтченко, экзекуторъ канцеляріи, казачій офицеръ, держитъ въ домѣ полицію, почти безграмотный, но тонкій и все доводитъ до свѣдѣнія Сперанскаго, что дѣлается въ домѣ.

Аргамаковъ, чиновникъ канцеляріи, взятый собственно мною изъ Томска, по дружбѣ съ его отцомъ; онъ во все время не сказалъ десяти словъ съ Сперанскимъ; но друженъ съ Рѣпинскимъ и Клѣтченкою.

До траура въ домѣ Сперанскаго [1]), у дочери и зятя были вечера по четвергамъ каждую недѣлю. Здѣсь играли въ вистъ, шахматы, въ фанты, бывали дѣвицы и литераторы, въ числѣ коихъ былъ принятъ Бестужевъ, введенный вѣроятно Гнѣдичемъ. Самъ Сперанскій мало бралъ въ сихъ вечерахъ участія. Никогда тутъ не слыхалъ я политическихъ толковъ.

Въ домѣ бель-этажъ на Невскій проспектъ занимаетъ Сперанскій. Во флигелѣ зять его и прислуга, а надъ ними по корридору: я, Клѣтченко, Аргамаковъ и Рѣпинскій.

Ноября 27-го я былъ у Рылѣева часовъ въ 5-ть послѣ обѣда и на короткое время. Поѣхалъ къ присягѣ въ церковь Военно-строительнаго училища, и оттуда къ Абакумову. Возвратясь домой часу въ 12-мъ не могъ уснуть. Пошелъ къ Рѣпинскому и приказалъ дать чаю; молодежь, въ томъ числѣ и Клѣтченко, собрались ко мнѣ. Мы говорили о кончинѣ государя, и я разсказалъ имъ, что слышалъ объ отреченіи цесаревича. Разговоръ продолжался почти во всю ночь. Уснувъ немного я по-утру пошелъ къ Багрѣеву и хотѣлъ узнать отъ него обстоятельнѣе, но онъ отвѣчалъ, что будто не слыхалъ ничего. Возвратясь домой я сѣлъ къ камину, а послѣ пріѣхалъ ко мнѣ полковникъ Варенцовъ. Сперанскій, безъ сомнѣнія увѣдомленный Клѣтченкою, что мы проговорили цѣлую ночь, и Багрѣевымъ, что я спрашивалъ объ отреченіи, прислалъ за мною и строго запретилъ мнѣ толковать о семъ предметѣ.

Когда надѣли трауръ, то дочь Сперанскаго просила меня и всѣхъ молодыхъ людей, коихъ увижу, предварить, что они приняты не будутъ. Въ числѣ другихъ я объявилъ и Бестужеву.

Декабря 13-го по-утру я вошелъ въ кабинетъ Сперанскаго вслѣдъ за его дочерью, не бывъ имъ позванъ. Разговоръ, сколько могу припомнить, представляю подробно.

Сперанскій. Лиза, тебѣ надобно снять твой трауръ.

Дочь. Развѣ государь пріѣхалъ?

Сперанскій. Государь здѣсь.

Дочь. Николай Павловичъ; не правда-ли?

Сперанскій. Точно такъ; надобно васъ поздравить.

---

[1]) По случаю кончины императора Александра I.

Дочь. Я не знаю какъ господа мужчины, а мы женщины сему чрезмѣрно рады.

Сперанскій. И мы рады; это человѣкъ необыкновенный. По первому пріему онъ обѣщаетъ новаго Петра.

Я. Царствованіе его, конечно, будетъ продолженіемъ прежняго.

Сперанскій. Такъ назначено объявить, и должно быть въ честь покойнаго брата.

Я ушелъ послѣ сего домой и во весь день у нихъ уже не былъ.

14-го числа по-утру, ѣхавъ къ присягѣ, явно казался я недовольнымъ въ разговорѣ съ Аргамаковымъ и Клѣтченкой, хотя о перемѣнѣ образа правленія и не говорилъ ничего, даже и не намекалъ. Рано вечеромъ 14-го числа заходилъ я къ Вильде, но мнѣ отказали; онъ также часто бывалъ у Прокофьева.

Того-же дня вечеромъ поздно пріѣхалъ ко мнѣ подполковникъ Севастьяновъ и сказывалъ, что во дворцѣ было уже извѣстно, что адъютантъ Бестужевъ началъ дѣло, что герцогъ послалъ въ домъ Американской компаніи Варенцова захватить его и предварить хозяина о подозрительности прочихъ.

15-го по-утру огласилось у насъ въ домѣ объ арестѣ въ ономъ ночью Корниловича, на квартирѣ одного свитскаго офицера. Когда пили мы чай, Аргамаковъ, который былъ зрителемъ, разсказывалъ мнѣ о лицахъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, и когда упомянулъ Рылѣева, то я весьма смутился.

Полагаю, что нѣкоторое на меня сомнѣніе Сперанскому, послѣ происшествія, подалъ Клѣтченко, судя по разсказамъ Аргамакова, или Вильде, а всего вѣроятнѣе Величко, самъ или чрезъ Багрѣева; ибо онъ могъ быть въ домѣ Американской компаніи или 14-го вечеромъ, или 15-го по-утру и знать отъ людей или отъ Штейнгеля, что я былъ 14-го числа ввечеру у Рылѣева. Сіе основываю на томъ: 1) что самъ Величко нѣсколько дней спустя сказывалъ мнѣ, будто бы приказалъ у себя въ домѣ, ежели бы я пріѣхалъ, запереть двери и тотчасъ дать знать ему, чтобъ представить меня къ Сперанскому; 2) Багрѣевъ встрѣтилъ меня съ великимъ неудовольствіемъ, упрекалъ, что я пригласилъ его одинъ разъ обѣдать у Прокофьева, и почти отказалъ въ знакомствѣ съ собою. Сіи поводы и смущеніе, которое я оказалъ, могли быть достаточными для Сперанскаго, чтобъ спросить меня: не зналъ ли я чего отъ Бестужева или въ домѣ Американской компаніи предварительно. Я отрекся рѣшительно, сказавъ токмо, что могутъ развѣ припутать въ разговорахъ. Онъ приказалъ мнѣ не только быть на виду въ своемъ корпусѣ, но ежели я хоть что-нибудь слышалъ, то объявить немедленно герцогу Виртембергскому.

Спустя десять дней, Сперанскій спросилъ меня, совсѣмъ ли я успокоился; но сіе было уже не что иное какъ послѣдствіе перваго вопроса, и сдѣлано мимоходомъ. Мнѣ приказалъ онъ заняться составленіемъ записокъ: 1) о Колыванскихъ заводахъ; 2) о Военныхъ поселеніяхъ. Участь мою полагалъ онъ устроить, выведя изъ корпуса Путей Сообщенія и помѣстивъ въ коммисіи составленія законовъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ одинъ разъ.

„Бранка“ (рекрутскій наборъ) въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году.

(Разсказъ очевидца).

2-го января 1863 года вечеромъ я возвратился изъ отпуска въ Варшаву. Въ эту ночь должна была совершиться предполагаемая «бранка», все время тщательно хранившаяся въ тайнѣ.

Бранка была всегда для поляковъ страшнымъ событіемъ, а при ихъ настроеніи умовъ въ 1862 году это событіе должно было естественно внушать не мало тревогъ и опасеній.

Отъ одного изъ начальствующихъ лицъ я узналъ, что маркизъ Велепольскій, управлявшій гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ, придумалъ посредствомъ этой бранки избавиться отъ всѣхъ «têtes chaudes» въ Варшавѣ, забравъ ихъ ночью и сдавъ въ солдаты. Но такъ какъ по его порученію списки этихъ лицъ были составлены полицейскими, а полицейскіе были поляки, то бранка, бывшая такою тайною для русскихъ, не исключая даже второстепенныхъ властей, была заранѣе извѣстна почти всѣмъ полякамъ, и всѣ занесенные въ списки, какъ это потомъ оказалось, успѣли выѣхать изъ Варшавы до назначеннаго дня бранки.

Въ 11-ть часовъ вечера я отправился въ замокъ и, въѣхавъ въ ворота, выходящія на площадь Сигизмунда, повернулъ налѣво во дворъ и вошелъ въ подъѣздъ, находящійся въ воротахъ, ведущихъ на задній дворъ. Съ этого подъѣзда являлись къ великому князю, намѣстнику, по дѣламъ службы. Выходя изъ коляски, я замѣтилъ, что весь задній дворъ былъ наполненъ экипажами и верховыми лошадьми. На подъѣздѣ и по всей лѣстницѣ было множество конныхъ ординарцевъ отъ кавале-

рійскихъ и казачьихъ полковъ, стоящихъ въ Варшавѣ. На скамейкѣ, въ комнатѣ, ведущей въ залъ, сидѣли адъютанты управленій и офицеры-ординарцы. Въ залѣ, предъ каминомъ, на диванѣ, который былъ на половину загороженъ ширмами, покоился человѣкъ, высокаго роста, довольно полный, съ строгимъ и энергичнымъ выраженіемъ лица, окаймленнымъ нѣсколько длинной, клиномъ подстриженной сѣдой бородой и густыми сѣдыми волосами. Это былъ маркизъ Велепольскій, управлявшій гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ и виновникъ совершаемой бранки. Онъ лежалъ на диванѣ неподвижно, словно окаменѣлый. Глаза его были закрыты, вѣроятно, чтобы въ эти мгновенья не дать прочесть того, что таилось въ глубинѣ его души.

О маркизѣ Велепольскомъ давно уже ходили самые разнообразные толки. Русскіе считали его завзятымъ полякомъ, а поляки—своимъ предателемъ, и какъ одни, такъ и другіе одинаково ненавидѣли его. Послѣ сдѣланнаго на него покушенія [1]), онъ не выѣзжалъ иначе, какъ въ блиндированной каретѣ и съ конвоемъ изъ 6-ти жандармовъ. Разъ какъ-то, при проѣздѣ маркиза съ эскортомъ жандармовъ, мнѣ пришлось на улицѣ слышать, какъ какой-то полякъ, громко крикнулъ ему вслѣдъ: «предатель» и тутъ же другой человѣкъ, русскій, воскликнулъ: «измѣнникъ!» Эти возгласы, какъ бы характеризировали общественное о немъ мнѣніе. Но слыша о немъ отзывы людей, знавшихъ ходъ дѣла и судившихъ его безпристрастно, я склоненъ думать, что Велепольскій, любя Польшу, желалъ ей счастья и самостоятельнаго существованія, но въ то же время, сознавая, что она не могла отдѣлиться отъ Россіи, подготовлялъ это отдѣленіе предложенной имъ, подъ видомъ умиротворенія, русскому правительству полной автономіей. Такимъ образомъ силою обстоятельствъ, онъ былъ вынужденъ держаться двусмысленной политики. Поляки его не поняли и сочли измѣнникомъ, а правительстви ошиблось, считая его человѣкомъ ему преданнымъ.

Высокомѣріе Велепольскаго возстановляло противъ него всѣхъ, за исключеніемъ его маленькаго двора, въ которомъ главную роль играла г-жа Калерджи, рожденная Нессельроде, которая, благодаря своему вліянію, весьма искусно устроила подполковника Муханова, за котораго впослѣдствіи вышла замужъ, на постъ Варшавскаго оберъ-полиціймейстера.

Въ залѣ была полнѣйшая тишина, всѣ по ней проходили едва слышно, осторожно, чтобы не потревожить лежавшаго на диванѣ маркиза. Въ этомъ залѣ, кромѣ входной двери съ лѣстницы, находились еще четыре двери. Одна вела въ кабинетъ великаго князя,

---

[1]) Разсказывали, что это покушеніе было мнимое, придуманное имъ самимъ для своихъ личныхъ цѣлей.

другая—въ большой бальный залъ, третья—въ корридоръ, ведущій въ замковую церковь, и четвертая—въ комнату дежурнаго адъютанта. Въ этой комнатѣ были собраны всѣ высшіе военные и гражданскіе начальники и свита великаго князя. По серединѣ комнаты стоялъ большой столъ, на которомъ Велепольскій разложилъ множество бумагъ. Въ углахъ и у оконъ стояли ломберные столы съ чернильницами, перьями и стопами бумагъ. Вся комната имѣла видъ помѣщенія, въ которомъ должны были рѣшаться судьбы Европы. Всѣ собравшіеся были серьезны, угрюмы, безпрестанно смотрѣли на часы и перешептывались. Что-то напряженное и тревожное чувствовалось въ воздухѣ. Наконецъ, на башенныхъ часахъ пробило полночь. Воцарилась мертвая тишина, и всѣ стали еще задумчивѣе и угрюмѣе. Но вотъ мало-по-малу начались завязываться разговоры, всѣ стали прислушиваться къ стуку шаговъ въ залѣ, откуда ожидалось прибытіе казаковъ съ извѣстіемъ о ходѣ набора.

Въ $12^1|_2$ часовъ вошелъ казакъ изъ Замковаго циркула (участка) съ запиской, увѣдомлявшей, что тамъ взято 20 человѣкъ. Вслѣдъ за нимъ начали являться посланные изъ другихъ циркуловъ, и присутствовавшіе стали помогать Велепольскому разбирать донесенія. Оказалось, что изъ Муранова, по большей части населеннаго евреями, не было извѣстій. Всѣ засуетились и рѣшились послать туда орданарца.

Погода была сырая, холодная. Снѣгу совсѣмъ не было. Туманъ былъ такъ силенъ, что фонари едва виднѣлись. На улицахъ не было ни одного прохожаго. У нѣкоторыхъ домовъ стояли лишь группы солдатъ, производившіе бранку. Тишина была зловѣщая. Слышны были только стукъ копытъ лошадей, да иногда удары прикладовъ въ неотворявшіяся скоро ворота и стукъ захлопнувшейся форточки, за которой прятался любопытный, испуганный появленіемъ ординарца.

Проѣхавъ Сенаторскую площадь, ординарецъ, на Бѣленской улицѣ былъ остановленъ крикомъ, кто идетъ? Онъ отвѣчалъ: «казакъ». Къ нему тутъ же подъѣхалъ генералъ Соболевскій съ револьверомъ въ рукѣ, такъ какъ сперва принялъ его за убѣгающаго отъ бранки. Сообщивъ ему, что дѣлается въ замкѣ, ординарецъ поѣхалъ въ циркулъ на Мурановѣ, который засталъ наполненнымъ взятыми рекрутами. Отсутствіе извѣстій объяснилось потомъ тѣмъ, что казакъ, посланный съ донесеніемъ, сбился съ пути, а спросить дорогу оказалось не у кого. Узнавъ о ходѣ дѣла, ординарецъ на полныхъ рысяхъ вернулся въ замокъ. Но такъ какъ свѣдѣнія о наборѣ въ Мурановѣ были получены до его возвращенія, то никто его уже не разспрашивалъ. Хорошія извѣстія, полученныя изъ циркуловъ, совершенно измѣнили видъ дежурной комнаты. Всѣ точно преобразились, стали веселы и довольны и никто, казалось, уже не думалъ о совершившейся бранкѣ. Дежурная комната въ это время производила впечатлѣніе «лагеря Валленштейна». Дѣломъ занимался лишь

одинъ графъ Сигизмундъ Велепольскій, подводя счеты набраннымъ, согласно полученнымъ донесеніямъ; остальные же совершенно забыли о дѣлѣ и уже ликовали при мысли, что Польша будетъ вполнѣ успокоена. Многіе спокойно ужинали, нѣкоторые адъютанты играли въ ландскнехтъ. Комната наполнилась табачнымъ дымомъ. Такъ прошло время до 5-ти часовъ утра, а когда получено было окончательное извѣстіе, что все число молодыхъ людей, которое должно было быть взято, уже набрано и отправлено въ цитадель, всѣ разъѣхались по домамъ.

На слѣдующій день, 3-го января, я узналъ, что произошли нѣкоторыя ошибки при бранкѣ и что взяты не тѣ, которыхъ слѣдовало взять, а другіе. Это извѣстіе всѣхъ очень встревожило, такъ какъ государю была уже отправлена депеша объ отличномъ результатѣ бранки. Къ вечеру же всѣ уже были убѣждены, что бранка совсѣмъ не удалась, такъ какъ тѣ, которые подлежали взятію, бѣжали, а вмѣсто ихъ набраны иные. Начальство пріуныло. Велепольскій заперся въ Брюлевскомъ дворцѣ и не показывался. Въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера, барону Корфу съ экстреннымъ посланнымъ дано было знать, что на Панской улицѣ, близъ городскаго вала, собралось около сотни молодыхъ людей для того, чтобы бѣжать черезъ городской валъ въ лѣса. Получивъ это извѣстіе баронъ Корфъ приказалъ сѣдлать свою лошадь и со свитою поѣхалъ на Панскую улицу, послав впередъ своего адъютанта. Когда онъ прибылъ, то бѣглецы, окруженные войскомъ и полиціей, были уже всѣ собраны во дворѣ одного строенія. Но невзирая на это, въ эту же ночь бѣжало изъ Варшавы много молодыхъ людей. Всѣ они собирались въ Компиновскіе лѣса. Банды эти стали вооружаться, а начальство, успокоеваемое увѣреніями маркиза Велепольскаго «que ce feu de paille ne durera pas longtemps», ничего не предпринимало. А когда банды начали уже дерзко приближаться къ Варшавѣ, то тогда рѣшились высылать противъ нихъ войска, но не съ цѣлью разсѣять и обезоружить ихъ, а только для того, чтобы уговаривать. Когда же эти уговоры привели къ убійству полковника Козлянинова, тогда стали принимать мѣры къ подавленію мятежа, уже охватившаго всю Польшу.

Очевидно, что начальство не имѣло яснаго представленія о состояніи края, такъ какъ своею бездѣятельностью дало полную возможность быстро распространиться возмущенію. Своевременно же принятыя мѣры могли бы прекратить мятежъ гораздо легче, не допустивъ развитія возстанія до размѣровъ, потребовавшихъ вмѣшательства вооруженной силы и необходимости строгихъ карательныхъ мѣропріятій, со всѣми ихъ прискорбными послѣдствіями.

А. С.

Андрей Андреевичъ Жерве.

(Біографическій очеркъ) [1]).

Генрихъ Жерве (на русскомъ языкѣ Андрей Андреевичъ) родился 23-го ноября 1773 года. Отецъ его, также Генрихъ Жерве, былъ архитекторомъ. Получивъ домашнее воспитаніе, молодой Жерве былъ по обычаю того времени зачисленъ въ 1785 году въ военную службу въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ сержантомъ. 20-го декабря 1791 г. онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, а 1-го января 1792 года пожалованъ арміи капитаномъ, съ опредѣленіемъ въ С.-Петербургскій

[1]) Баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ въ извѣстномъ своемъ трудѣ „Жизнь графа Сперанскаго“ упоминаетъ, что зять Амбургера Жерве также сдѣлался преданнымъ другомъ Сперанскаго (т. I, стр. 80), что Жерве очень часто бывалъ у Сперанскаго въ домашнемъ кругу его (стр. 280) и что наконецъ при арестованіи Сперанскаго въ 1812 году, въ пакетѣ найдено нѣсколько тайныхъ дипломатическихъ депешъ, взятыхъ Сперанскимъ безъ особаго на то разрѣшенія, что послужило потомъ поводомъ къ увольненію отъ службы Жерве, бывшаго посредникомъ въ доставленіи сказанныхъ депешъ, и къ заключенію въ крѣпость выдававшаго ихъ совѣтника министерства Бека (т. II, стр. 18 примѣч.).

Одна уже близкая дружба Жерве съ такимъ государственнымъ дѣятелемъ, какимъ былъ графъ Сперанскій, невольно заставляетъ интересоваться личностію самого Жерве, который является притомъ посредникомъ въ дѣлѣ, отчасти повлекшимъ, по словамъ М. А. Корфа, паденіе Сперанскаго. Весьма любопытно и важно было выяснить эту долю участія Жерве въ этомъ событіи, т. е. являлся ли онъ только посредникомъ въ передачѣ бумагъ, повлекшихъ паденіе, или же, какъ утверждали одно время, виновникомъ самаго паденія. Это два вопроса, имѣющихъ совершенно различный характеръ, въ особенности по отношенію къ личности самого Жерве.

полкъ, изъ котораго въ маѣ мѣсяцѣ переведенъ въ Ревельскій пѣхотный полкъ. При вступленіи нашихъ войскъ въ 1792 году въ предѣлы Польскаго королевства, Жерве находился въ отрядѣ князя Василія Долгорукова, участвовалъ 14-го мая въ сраженіи при м. Опсѣ и былъ отправленъ княземъ Долгоруковымъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ къ главнокомандующему М. Н. Кречетникову. При этомъ князь Долгоруковъ, свидѣтельствуя о выдающейся храбрости капитана Жерве, просилъ о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ.

Изъ послужнаго списка Жерве видно, что онъ 21-го декабря 1794 года былъ переведенъ въ Великолуцкій пѣхотный полкъ, въ слѣдующемъ году пожалованъ кригсъ-цалмейстеромъ преміеръ-маіорскаго ранга, а затѣмъ генеральсъ-адъютантомъ въ штабѣ князя П. А. Зубова. Здѣсь онъ оставался не долго.—Переведенный сначала въ Харьковскій легкоконный полкъ, Жерве былъ переименованъ 20-го ноября 1797 года въ коллежскіе ассесоры и опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Обративъ на себя вниманіе начальства ревностью къ службѣ и исполнительностью, Жерве, былъ сдѣланъ секретаремъ ордена Свя-

---

Каждый легко пойметъ, что въ одномъ случаѣ онъ только услужливый другъ, а въ другомъ—уже предатель.

До настоящаго времени эти два вопроса не разрѣшались, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей литературѣ по той весьма простой причинѣ, что и о самомъ Андреѣ Андреевичѣ Жерве имѣлось весьма мало обстоятельныхъ біографическихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ мнѣ удалось недавно ознакомиться съ весьма любопытными бумагами, относящимися до самого Жерве и тщательно сохранившимися у его прямой внучки А. А. Лизогубъ, которая, горячо сочувствуя всему относящемуся до исторіи нашего дорогаго отечества, съ величайшею любезностію разрѣшила мнѣ воспользоваться всѣми имѣющимися у нея бумагами, на основаніи которыхъ и составленъ предлагаемый біографическій очеркъ.

При этомъ считаю необходимымъ замѣтить, что въ числѣ множества бумагъ, оставшихся послѣ А. А. Жерве и имѣющихъ по преимуществу домашній, частный характеръ и значеніе, чрезвычайно важными для біографіи г. Жерве конечно являются различные высочайшіе указы и грамоты на чины и ордена, а также рескрипты высочайшихъ особъ. Затѣмъ особенно важенъ его краткій дневникъ, доведенный съ нѣкоторымъ перерывами почти до самой его кончины. Дневникъ этотъ большею частію писанъ на нѣмецкомъ языкѣ и притомъ сокращенно, съ означеніемъ, хотя и весьма краткимъ, всего, что Жерве дѣлалъ, гдѣ былъ, кого видѣлъ, что слышалъ въ продолженіе дня, и какая была погода. Жерве какъ человѣкъ чрезвычайно аккуратный записывалъ всякій день: кому писалъ письма, отъ кого получалъ ихъ. Изъ отмѣтокъ этихъ видно, что онъ велъ обширную переписку съ Нессельроде, Каникринымъ, Гурьевымъ, Сперанскимъ и т. д., но къ несчастію писемъ этихъ не сохранилось въ его бумагахъ.

Дневникъ А. А. Жерве написанъ на отдѣльныхъ листахъ бумаги большаго формата тщательно пронумерованныхъ римскими цифрами, и начинается

таго Александра Невскаго и въ 1800 году кавалеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго [1]).

10-го марта 1801 года Жерве вступилъ въ бракъ съ дочерью бывшаго въ то время въ С.-Петербургѣ банкира Амбургера, Софьею Карловною, и имѣлъ отъ нея нѣсколько сыновей и двухъ дочерей. Бракъ этотъ въ жизни Жерве особенно замѣчателенъ тѣмъ, что сблизилъ его съ М. М. Сперанскимъ чрезъ Вейкартда. Послѣдній былъ домашнимъ докторомъ графа Шувалова и находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Сперанскимъ. Вступивъ въ 1787 году въ бракъ также съ дѣвицею Амбургеръ, онъ сдѣлался родственникомъ Жерве. Изъ дневника послѣдняго видно, что онъ находился въ перепискѣ съ Сперанскимъ и послѣ немилости, постигшей послѣдняго въ 1812 г.

Оставаясь на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Жерве въ августѣ 1801 года былъ посланъ съ бумагами въ Парижъ къ посланнику нашему графу Маркову [2]).

съ ноября мѣсяца 1812 года, причемъ однако сохранился отрывокъ, записанный въ мартѣ 1812 года, ясно свидѣтельствующій, что Жерве велъ дневникъ и ранѣе, это подтверждается и надписью на первомъ заглавномъ листѣ, что первая часть находится въ желѣзномъ сундукѣ. Этой первой части также не сохранилось. Дневникъ не представляетъ собою такого интереса, чтобы быть вполнѣ переведеннымъ, и потому мы ограничились извлеченіемъ наиболѣе интереснаго. Кромѣ того, въ бумагахъ Жерве имѣется нѣсколько особыхъ записныхъ книжекъ, относящихся до времени пребыванія его за границею въ ранней молодости, изъ которыхъ нами также сдѣланы позаимствованія при изложеніи служебной дѣятельности его до 1812 г

Изъ формулярнаго списка г. Жерве, а также другихъ документовъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ, послѣ паденія Сперанскаго, вовсе не былъ увольняемъ отъ службы, какъ говоритъ баронъ Корфъ; онъ продолжалъ служить въ томъ же министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и только позднѣе перешелъ въ министерство финансовъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить искреннюю признательность А. А. Лизогубъ за доставленіе весьма интересныхъ бумагъ, сохранившихся послѣ ея дѣда Андрея Андреевича Жерве.

[1]) „Намъ любезновѣрному коллежскому совѣтнику Жервѣ.

„Отличное усердіе и ревность, оказанные вами неоднократно въ службѣ нашей, обратили на васъ императорское наше вниманіе, почему въ знакъ особливаго нашего къ вамъ благоволѣнія, пожаловавъ васъ почетнымъ кавалеромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, повелѣваемъ вамъ пользоваться всѣми почестями и преимуществами съ симъ званіемъ сопряженными, Божію васъ препоручая храненію. Данъ въ С.-Петербургѣ, мая 9-го дня 1800 года. Царствованія Нашего въ четвертое, а великаго магистерства во второе лѣто". Павелъ.

[2]) Марковъ Аркадій Ивановичъ графъ род. 1747 г. умеръ 1827 г. членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ находился при графѣ Штакельбергѣ во время его посольства въ Мадридѣ въ 1771 году, а затѣмъ при посольствѣ въ Константинополѣ въ 1776 году и наконецъ назначенъ полномочнымъ посланни-

*

Это дало Жерве возможность совершить путешествіе по Европѣ, о которомъ онъ оставилъ самыя краткія записки. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ въ коляскѣ чрезъ Ригу, Полангенъ, Кёнигсбергъ, видѣлъ еще слѣды русскихъ ядеръ на стѣнахъ Кюстрина и поле Цорндорфской битвы. Прибывъ 6-го сентября въ Берлинъ онъ осмотрѣлъ эту столицу, а также Потсдамъ и черезъ Эрфуртъ и Франкфуртъ пріѣхалъ 11-го сентября въ Майнцъ, сильно пострадавшій отъ незадолго предъ этимъ бывшей осады. Въ Майнцѣ, въ самый день его пріѣзда происходила стрѣльба изъ пушекъ: французы праздновали наступавшій по республиканскому ихъ счисленію новый годъ.

— Почему вы говорите «французы», спросилъ Жерве одного изъ жителей,—а не «мы»? Вы также теперь принадлежите республикѣ, и ваша страна присоединена къ Франціи?

— Это не окончательно рѣшено и едва ли это такъ навсегда останется,—отвѣчалъ ему его собесѣдникъ.

— Не вижу однако, какъ это можетъ измѣниться.

— Ну,—отвѣчалъ нѣмецъ,—если эту прекрасную страну удержатъ французы, то всѣмъ нѣмецкимъ королямъ грозитъ бѣда; король прусскій первый это почувствуетъ.

На этомъ пророчество остановилось, но Жерве убѣдился что хотя нѣмцы недовольны новыми порядками, но не осмѣливаются высказывать это. Несмотря на новый годъ по календарю, мѣстные жители не праздновали этотъ день; всѣ лавки были отперты и люди смѣялись, когда ихъ начинали увѣрять, что насталъ новый годъ.

Проѣхавъ чрезъ Гамбургъ, Мецъ, Марсъ-ла-Туръ, Шалонъ и Бонди, Жерве 18-го сентября прибылъ въ Парижъ. Явившись къ посланнику нашему Маркову и сдавъ депеши и бумаги, Жерве, какъ онъ самъ вы-

---

комъ въ Стокгольмѣ и съ 1786 года былъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Послѣ кончины императрицы Екатерины II въ 1796 году Марковъ удалился въ свои помѣстья, откуда былъ вызванъ императоромъ Александромъ I и посланъ въ Парижъ для заключенія мира съ республикой. Первый консулъ Бонапартъ прислалъ полковника Дюрока съ привѣтствіемъ къ императору Александру I о вступленіи его на престолъ. Александръ же отправилъ къ Бонапарту графа Маркова съ письмомъ отъ себя, послѣ чего начались переговоры графа Маркова съ Талейраномъ о заключеніи мирнаго трактата. Камнемъ преткновенія - было возвращеніе Піемонта (присоединеннаго къ Французской республикѣ) законному его владѣтелю. Наконецъ 8-го октября н. ст. 1801 г (см. Богдановичъ т. I, стр. 312) былъ подписанъ мирный трактатъ между Россіей и Франціей, а три дня спустя, 15-го числа—заключена и секретная конвенція. Трактатъ и конвенція посланы были для ратификаціи. Къ этому времени и относится командированіе Жерве въ Парижъ. Графъ Марковъ, какъ извѣстно, былъ отозванъ изъ Парижа по требованію Наполеона въ 1803 году, причемъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго при весьма лестномъ рескриптѣ.

ражается, благодаря дружбѣ «милаго» Магницкаго, обстоятельно познакомился съ Парижемъ и его жизнью. Какъ большой любитель музыки и театра, онъ посѣщалъ оперы, слушалъ г-жу Грассини (Grassini), первую въ то время пѣвицу, отличавшуюся также замѣчательною красотою (она была любовницею Бонапарте во время его итальянскаго похода). Занимаясь утромъ дѣлами въ посольствѣ или у Маркова, Жерве, остальной день бродилъ по Парижу, изумлялся оживленности улицъ, богатству всякаго рода лавокъ и магазиновъ, ослѣплявшихъ глаза обиліемъ товаровъ, и множеству народа бывшаго на улицахъ. Онъ осматривалъ мѣста, ознаменованныя кровавыми событіями революціи, видѣлъ еще на многихъ домахъ надписи временъ первой республики, «égalité, liberté» (равенство, свобода) причемъ нерѣдко были прибавлены слова «o u l a m o r t» (или смерть) по приказанію Бонапарта однако стертыя, но на столько плохо, что ихъ не трудно было разобрать.

21-го сентября было въ Парижѣ большое празднованіе и ликованіе съ продолжительной пушечной пальбой по случаю извѣстія, что подписаны предварительныя условія мира съ Англіею; въ театрѣ восторгъ былъ громадный. Это не помѣшало однако остроумнымъ французамъ въ тотъ же день сочинить занимательную каррикатуру на Бонапарта. Онъ изображенъ въ небольшой лавчонкѣ чистильщика сапогъ (décrotteur), который въ то же время былъ и пятно-выводчикъ. Вычистивъ нѣсколько пятенъ на платьѣ Бонапарта, онъ усмотрѣлъ еще одно пятно, на которомъ написано le 18 b r u m a i r e, и воскликнулъ: «за выводку этого пятна надо луи» (p o u r e f f a c e r c e l l e-l à i l f a u t u n l o u i s[1]).

Жерве имѣлъ случай видѣть въ одномъ изъ театровъ въ ложѣ супругу Бонапарта Жозефину съ дочерью и восхищаться ея красотою.

29-го сентября, воскресенье, Жерве провелъ все утро у Маркова, сочиняя и переписывая различныя бумаги, относящіяся до мирнаго договора Россіи съ Франціею. Въ два часа дня Марковъ отправился съ этими бумагами къ Талейрану и взялъ съ собою Жерве. Посолъ представилъ Жерве Талейрану, какъ лицо составлявшее, переписывавшее и привезшее съ собою проектъ мирнаго трактата. Настали, говоритъ Жерве, длинныя разсужденія о числѣ, которымъ долженъ быть помѣченъ трактатъ, и наконецъ согласились помѣтить его сегодняшнимъ числомъ, иначе показалось бы крайне страннымъ, что трактатъ, привезенный изъ Петербурга, на другой день послѣ подписанія находится уже въ Парижѣ. Марковъ прибылъ въ Парижъ 4-го сентября и полагалъ, что можно выставить слѣдующее за тѣмъ число, чтобы это являлось болѣе правдоподобнымъ.

---

[1]) Тутъ непереводимая игра словъ, основанная на томъ что слово louis—означаетъ монету, а также Louis—имя того изъ королей Франціи, который былъ казненъ въ 1793 году, не за долго до брюмэра.

— Но, возразилъ ему Талейранъ, нѣтъ никакого доказательства, что вы изволили пріѣхать именно въ тотъ или другой день; одинъ день болѣе, одинъ день менѣе—ровно ничего не составляетъ.

Послѣ этого приступили къ чтенію акта. Марковъ самъ читалъ его въ слухъ и, замѣтивъ что актъ написанъ для Франціи отъ имени всѣхъ консуловъ [1]), спросилъ Талейрана, знаютъ ли второй и третій консулы обо всемъ содержащемся въ актѣ?

— Oh, mon Dieu, non,—сказалъ на это Талейранъ,—ce n'est qu'une pure formalité, c'est à peu près comme votre Sainte et Indivisible Trinité.—(О Боже мой—нѣтъ; это только чистая формальность, нѣчто въ родѣ вашей Святой и Нераздѣльной Троицы!)

Жерве былъ чрезвычайно пораженъ, услышавъ подобныя слова отъ бывшаго священника, но сознается, что Талейранъ произвелъ на него впечатлѣніе человѣка съ большимъ умомъ и талантомъ, съ которымъ трудно будетъ справиться даже Маркову. Все засѣданіе прошло весьма счастливо и благополучно. Талейранъ былъ очень любезенъ и не дѣлалъ никакихъ существенныхъ возраженій противъ трактата, который и былъ отправленъ въ Петербургъ.

Изъ достопримѣчательностей Парижа Жерве болѣе всего поразилъ устроенный аббатомъ Сикаромъ [1]) институтъ для глухонѣмыхъ, въ которомъ эти несчастные не только получали возможность объясняться, но и умственно развивались. Жерве былъ изумленъ ихъ отвѣтами и объясненіями на вопросы чисто отвлеченные и требующіе немалой научной подготовки.

Жизнь вдали отъ семьи и отъ Петербурга, гдѣ онъ оставилъ первенца сына, родившагося послѣ его отъѣзда, и жену, долго не поправлявшуюся послѣ болѣзни, заставляли Жерве просить о возвращеніи въ Рос-

---

[1]) Существовавшая во Франціи послѣ революціи директорія была (18-го brumaire an VII) 9-го ноября 1799 года низвергнута генераломъ Бонапартомъ, учредившимъ взамѣнъ ея консульство, состоявшее изъ трехъ лицъ, изъ коихъ одинъ былъ первый консулъ; таковымъ и былъ назначенъ Бонапартъ, управлявшій на дѣлѣ единолично. Затѣмъ 14-го термидора X года (т. е. 14-го августа 1802 г.) Бонапартъ провозглашенъ пожизненнымъ консуломъ, а 18-го мая 1804 года—императоромъ.

[1]) Сикаръ, извѣстный аббатъ родился 20 января 1742 года и умеръ 10 мая 1812 г. въ Парижѣ. Получивъ образованіе въ Тулузѣ, онъ поступилъ въ монашество въ Бордо и скоро сдѣлался начальникомъ института глухонѣмыхъ, основаніе которымъ положилъ знаменитый аббатъ л'Эпе (abbé l'Epée). Впослѣдствіи Сикаръ былъ переведенъ въ Парижъ, во время революціи 1792 г. объявленъ лицемъ подозрительнымъ и едва избѣгнулъ смерти. Онъ основалъ особую систему для обученія глухонѣмыхъ. Сикаръ дошелъ до того, что передавалъ глухонѣмымъ понатія о метафизическихъ предметахъ. Онъ оставилъ много сочиненій, относящихся до обученія глухонѣмыхъ.

сію. Но Марковъ не отпускалъ его подъ предлогомъ, что составленныя имъ предварительныя условія союза Россіи съ Франціей не ратифицированы и не возвращены изъ Петербурга. Наконецъ 1 декабря 1801 года пріѣхалъ курьеръ съ давно ожидаемыми бумагами. Жерве опять сталъ просить Маркова объ отправкѣ его обратно въ Петербургъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о назначеніи ему денежной награды. Марковъ отвѣтилъ, что онъ имѣетъ на это полное право, что онъ думалъ уже объ этомъ, обѣщалъ его отправить дней черезъ восемь, но на дѣлѣ все медлилъ, и Жерве пробылъ въ Парижѣ до февраля мѣсяца.

Тѣмъ временемъ Магницкій сообщилъ Жерве, что ему ассигновано восемь тысячъ ливровъ. Жерве очень обрадовался этому. Онъ скоро получилъ означенныя деньги, не замедлилъ накупить разныхъ вещей и, отправивъ ихъ Россію, самъ уѣхалъ изъ Парижа 14 февраля 1802 года и очень былъ счастливъ, очутившись чрезъ нѣсколько недѣль среди своего семейства, близкихъ родныхъ и знакомыхъ.

Продолжая службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Жерве въ 1802 году въ чинѣ коллежскаго совѣтника, назначенъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію. Выѣхавъ изъ Петербурга 20 сентября 1802 г., онъ 18 октября прибылъ въ Яссы.

О служебной дѣятельности его въ Молдавіи не сохранилось свѣдѣній въ оставшихся послѣ него бумагахъ. Видно только, что въ 1804 году Жерве былъ отозванъ изъ Молдавіи и служилъ экспедиторомъ въ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. Въ кампанію 1805 г. А. А. Жерве находился за границею при главной квартирѣ императора и исполнялъ различныя порученія государя. По возвращеніи въ Петербургъ принималъ участіе въ переговорахъ о возобновленіи союзнаго трактата съ Турціею; въ войну 1806—1807 г. Жерве былъ командированъ заграницу въ Бартенштейнъ, гдѣ въ то время находился императоръ.

Успѣшное исполненіе возложенныхъ на него порученій было вознаграждено полученіемъ орденовъ св. Анны 2-й степени и св. Владиміра 3-й степени, пожалованныхъ при особыхъ именныхъ высочайшихъ грамотахъ.

Возвратясь въ Петербургъ Жерве продолжалъ служить въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и 1 января 1811 года былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Онъ преимущественно участвововалъ въ разборѣ получаемыхъ нашимъ правительствомъ изъ различныхъ иностранныхъ государствъ шифрованныхъ депешъ. За это время въ жизни самого Жерве ничего особеннаго не происходило; онъ любилъ очень музыку, охотно бывалъ въ концертахъ и на музыкальныхъ вечерахъ. Семейство его значительно увеличилось: онъ имѣлъ уже четырехъ сыновей и двухъ дочерей, изъ коихъ старшая была опредѣ-

лена въ Екатерининскій институтъ пансіонеркою императора, но по желанію родителей въ февралѣ 1812 г. была взята домой.

Наступалъ знаменательный для Россіи двѣнадцатый годъ, начавшійся для самого Жерве весьма печальнымъ образомъ. Въ уцѣлѣвшихъ листкахъ его дневника за это время записано:

17 марта 1812 года. Сперанскій и Магницкій были арестованы и высланы: первый въ Нижній Новгородъ, а послѣдній въ Вологду. Супруга Магницкаго послѣдовала за нимъ 20 числа; дочь Сперанскаго съ ея бабушкою поѣхали 23 числа.

25 марта. Арестованъ Бекъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

26 марта. Писалъ я государю императору. Графъ Нессельроде передалъ его величеству мое письмо.

Письмо Жерве отъ 26 марта на французскомъ языкѣ сохранилось въ его бумагахъ и печатается со сдѣланными на немъ исправленіями, по приказанію Александра I, какъ отмѣтилъ это самъ Жерве. Приводимъ это письмо дословно:

Sire.

J'apprends que M-r Beck est compromis et qu'il est soupçonné d'avoir fourni à M-r de Spéransky certains papiers déchiffrés, qui se sont trouvés dans son cabinet.

Il est de mon devoir le plus sacré d'éclairer là-dessus l'opinion de Votre Majesté, et je ne saurais mettre trop d'empressement à le faire. C'est moi, moi seul qui ai communiqué ces papiers à M-r de Spéransky, qui savait à la verité que je les tenais de Beck; mais celui-ci ignorait complèttement cet usage, que j'en faisais.

Il était dans l'habitude de m'envoyer ses dechiffrements [1]) parce que, spécialement chargé de cette partie, j'étais à même de remplir de temps en temps les lacunes, qui se présentent souvent dans ce genre de pièces. Telle est, Sire, l'exacte verité; je la dois toute entière à Votre Majesté Impériale et je me flatte qu'Elle trouvera juste de dégager dès lors M-r Beck de toute [2]) responsabilité sous ce rapport. Je ne fais qu'obéir aux lois de l'honneur et de la loyauté, Sire, en Vous faisant cet aveu [3]).

---

[1]) Первоначально было ses déchiffrements—ces papiers.

[2]) Первоначально было complicité; оно зачеркнуто и написано culpabilité, снова зачеркнуто и замѣнено словомъ responsabilité.

[3]) Первоначально весь этотъ періодъ читался такимъ образомъ: Je ne fais que remplir les devoirs de l'honneur et de la loyauté en faisant cet aveu à Votre Majesté et je me soumets à telle punition, qu'Elle jugera, que je mérite.

Cependant je n'ai jamais cru m'écarter de ce que me prescrivent mes serments et ma fidélité envers Votre Majesté. Jouissant de l'amitié intime de M-r Spéransky, j'étais à même de juger du degré de confiance illimitée, dont Elle l'honorait.

(Je savais par conséquent, que les affaires du Département, dans lequel je sers, lui étaient aussi peu étrangères, que celles de toutes les branches de l'administration intérieure. Vous daignerez Vous rappeller, Sire, que d'après Vos ordres c'était par M-r de Spéransky que je faisais de temps en temps parvenir à Votre Majesté des extraits des lettres particulières, que m'adressait M-r de Mallia de Vienne, et que dans ces derniers temps je servais d'intermédiaire à la correspondance que, du su de Votre Majesté, M-r de Spéransky entretenait avec le Comte de Nesselrode à Paris) [1]). Je devais être bien loin [2]) de me douter que l'on put jamais m'imputer à crime de le tenir au courant des affaires à ma connaissance [3]). Je croyais même par ce moyen rendre indirectement service à Votre Majesté Impériale et c'est là l'unique motif, qui m'a fait agir. Si je me suis trompé, en allant trop loin dans mes confidences envers M-r de Spéransky, je suis sans doute coupable et je me soumets à telle punition, que Votre Majesté jugera que je mérite [4]).

Je la supplie seulement de me permettre cette seule observation: si M-r de Spéransky a pu abuser des communications de ce genre, que je lui faisais, je dois naturellement être consideré comme son complice, quoique assurément j'ai ignoré cette trahison [5]). Mais est il possible de la supposer, Sire, lorsque les ministres étrangers continuent à se servir des mêmes chiffres depuis plus d'un an, que M-r de Spéransky a eu connaissance de ces papiers?

---

[1]) Все мѣсто въ скобкахъ зачеркнуто и на поляхъ сдѣлана рукою Жерве оговорка на нѣмецкомъ языкѣ: Diese Stelle ist auf Allerhöchsten Befehl in der 2 Auflage des Briefes ausgelassen: т. е. это мѣсто по высочайшему повелѣнію исключено изъ 2 изданія этого письма.

[2]) Первоначально вмѣсто словъ: Je devais être bien loin — было написано: Avec cette persuasion j'étais bien loin.

[3]) Въ первомъ письмѣ послѣ слова connaissance были еще слова: un homme investi d'une aussi grande latitude de confiance de la part de Votre Majesté Impériale.

[4]) Словъ „Si je me... и т. д. до конца періода не было первоначально; они вставлены послѣ.

[5]) Первоначально вмѣсто словъ періода être consideré comme... до точки находились слова: „partager la trop juste punition qu'il mérite, quoique assurément je n'aiye eu aucune connaissance de cette trahison".

Je m'en remets entièrement à la justice de Votre Majesté, et suis avec une profonde vénération

Sire,
de Votre Majesté Impériale,
le plus humble et le plus fidèle sujet
Gervais [1]).

Ce 26 Mars 1812.

Переводъ письма [2]).

Ваше императорское величество!

До моего свѣдѣнія дошло, что г. Бекъ замѣшанъ въ дѣлѣ и навлекъ на себя подозрѣніе тѣмъ, что доставлялъ г. Сперанскому расшифрованныя секретныя бумаги, найденныя въ кабинетѣ послѣдняго.

Считаю своимъ самымъ священнымъ долгомъ разъяснить мнѣніе вашего императорскаго величества по сему предмету и не могу сдѣлать это достаточно поспѣшнымъ образомъ. Я одинъ и единственно я доставлялъ эти бумаги г. Сперанскому, который въ дѣйствительности зналъ, что я ихъ получаю отъ Бека, но сей послѣдній находился въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ этомъ употребленіи бумагами мною дѣлаемомъ. Онъ (т. е. Бекъ) имѣлъ обыкновеніе присылать мнѣ разбираемыя имъ бумаги (эти бумаги), потому что, исключительно занимаясь этимъ дѣломъ (т. е. прибавляю отъ себя, разборкою шифрованныхъ бумагъ), я былъ въ состояніи отъ временъ до времени восполнять пробѣлы, которые часто встрѣчаются въ подобнаго рода бумагахъ.

Вотъ, ваше величество, точная правда. Я обязанъ вполнѣ высказать ее вашему императорскому величеству и льщу себя надеждою, что (отнынѣ) ваше величество сочтетъ справедливымъ освободить нынѣ г. Бека отъ всякой (соучастія, виновности), отвѣтственности въ этомъ отношеніи.

Я только повинуюсь законамъ чести (исполняю обязанности чести и благородства), дѣлая подобное признаніе вашему императорскому величеству (и безропотно подчиняюсь наказанію, которое по мнѣнію вашего величества заслуживаю).

Впрочемъ, я никогда не предполагалъ, что уклоняюсь въ чемъ либо отъ предписываемаго мнѣ присягою и вѣрностью вашему величеству. Пользуясь искреннею дружбою г. Сперанскаго, я въ то же время былъ въ состояніи судить о степени безграничнаго довѣрія, которымъ ваше величество его удостоивали.

---

[1]) Въ концѣ письма еще отмѣтка на поляхъ рукою Жерве: dans la 2 édition, ce passage a été supprimé par ordre exprès de S. M. Impériale.

Изъ этого очевидно, что Жерве представилъ императору первое письмо 26-го марта, и государь, прочтя оное, приказалъ сдѣлать измѣненія, которыя и были сдѣланы Жерве, какъ онъ говоритъ во второмъ изданіи письма, представленнаго государю послѣ 26-го числа.

[2]) Переводъ сдѣланъ по исправленному тексту письма, при чемъ всѣ исправленія, сдѣланныя въ первоначальномъ письмѣ, внесены въ текстъ, а замѣняемыя ими выраженія первоначальнаго письма отмѣчены въ скобкахъ.

Поэтому я зналъ, что дѣла департамента, въ которомъ я служу, были ему столь же мало чужды, какъ и всѣ другія по всѣмъ отраслямъ внутренняго управленія. Соблаговолите, ваше императорское величество, припомнить, что по приказаніямъ вашимъ я чрезъ посредство г. Сперанскаго отъ времени до времени доводилъ до свѣдѣнія вашего величества извлеченія изъ частныхъ писемъ, получаемыхъ мною изъ Вѣны отъ Малліа (Mallia) и что въ послѣднее время я служилъ посредникомъ въ перепискѣ, которую, съ вѣдома вашего императорскаго величества, велъ г. Сперанскій съ графомъ Нессельроде, бывшимъ въ Парижѣ. Имѣя такое убѣжденіе я былъ далеко отъ сомнѣнія. [1]).

Я долженъ былъ быть весьма далекъ отъ сомнѣнія, что мнѣ могутъ когда-либо вмѣнить въ преступленіе то, что я довожу до его свѣдѣнія всѣ извѣстныя мнѣ дѣла (до свѣдѣнія человѣка, облеченнаго столь значительнымъ и обширнымъ довѣріемъ со стороны вашего императорскаго величества). Я полагалъ даже этимъ путемъ оказать непосредственную услугу вашему императорскому величеству и это было единственною побудительною причиною, заставившею меня дѣйствовать подобнымъ образомъ. Если я ошибся, зайдя слишкомъ далеко въ моемъ довѣріи къ Сперанскому, то очевидно являюсь виновнымъ и подчиняюсь безропотно наказанію, которому ваше величество признаете нужнымъ меня подвергнуть [2]).
Я умоляю ваше величество единственно о томъ, чтобы разрѣшить мнѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Если г. Сперанскій имѣлъ возможность злоупотреблять сообщеніями подобными тѣмъ, которыя я ему дѣлалъ, то я естественно долженъ считаться его соучастникомъ, хотя я совершенно не зналъ объ этой измѣнѣ (долженъ раздѣлять вполнѣ заслуженное имъ наказаніе, хотя я не имѣлъ конечно ни какого понятія объ этой измѣнѣ). Но возможно ли, ваше величество, предполагать эту измѣну, коль скоро иностранные посланники продолжаютъ пользоваться тѣми же шифрами въ продолженіе болѣе года послѣ того какъ Сперанскій зналъ объ этихъ бумагахъ.

Повергаю себя вполнѣ справедливости вашего императорскаго величества и остаюсь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ вашего императорскаго величества наипокорнѣйшій и наипреданнѣйшій подданный. Сего 26-го марта 1812 года. Жерве.

На этомъ письмѣ имѣются въ двухъ мѣстахъ отмѣтки рукою Жерве на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «это мѣсто выключено по точному приказанію его императорскаго величества».

Изъ дневника г. Жерве видно, что письмо это было представлено государю императору графомъ Нессельроде того же 26-го числа и что Александръ I, прочтя оное, сказалъ: je vois bien, qu'il n'y a dans tout cela rien de criminel, je laisserai tomber cette affaire et ferai sortir Beck (т. е. я хорошо вижу, что въ всемъ этомъ нѣтъ ничего преступнаго и я прикажу прекратить это дѣло и освободить Бека).

---

[1]) Все, начиная со словъ: „Поэтому я зналъ...“ до конца періода зачеркнуто во второмъ письмѣ.

[2]) Этихъ двухъ строкъ не было въ первомъ письмѣ.

Однако въ тотъ же вечеръ 26-го марта, по словамъ дневника, министръ полиціи въ сопровожденіи г. Юдина былъ у Жерве, чтобы опечатать всѣ его бумаги.

При этомъ Жерве заявилъ министру полиціи, что онъ имѣетъ также письма и бумаги, относящіяся къ служебной его дѣятельности, вслѣдствіе чего и были взяты у него ключи отъ его письменнаго стола.

27-го числа. «Государственный канцлеръ сообщилъ мнѣ, что государь императоръ назначилъ моимъ преемникомъ князя Козловскаго и приказалъ мнѣ передать ему всѣ находившіяся у меня служебныя обязанности. На выраженное мною желаніе имѣть по сему предмету какое либо письменное предписаніе, канцлеръ заявилъ на это согласіе, и 28-го марта я получилъ таковое».

Въ исполненіе этого Жерве 28-го марта передалъ князю Козловскому всѣ находившіяся у него служебныя бумаги.

3-го апрѣля Жерве записалъ въ своемъ дневникѣ: «я былъ приглашенъ въ тайный комитетъ къ графу Н. И. Салтыкову, при посредствѣ Горголи [1]) и допрошенъ самымъ строжайшимъ образомъ (aufs strengste verhört)».

Къ этому приглашенію вѣроятно и относится сохранившаяся въ бумагахъ Жерве записка Горголи на французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія.

«Полковникъ Горголи, встрѣчая необходимость переговорить съ г. Жерве, имѣетъ честь просить его пожаловать къ нему сегодня въ четыре часа, къ которому часу и будетъ имѣть удовольствіе его ожидать. Полковникъ Горголи пользуется случаемъ засвидѣтельствовать господину Жерве свое совершенное уваженіе».

О самомъ допросѣ и его послѣдствіяхъ въ бумагахъ Жерве никакихъ слѣдовъ не имѣется.

6-го іюля отмѣчено: «г. Векъ освобожденъ изъ заключенія».

Затѣмъ до 12-го ноября 1812 не имѣется никакихъ отмѣтокъ въ дневникѣ, но изъ послѣдующаго можно заключить, что лично для самого Жерве дѣло по передачѣ бумагъ Сперанскому не имѣло особенно важныхъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ въ служебномъ отношеніи. Хотя онъ и долженъ былъ передать свою должность Козловскому, тѣмъ не менѣе онъ остался на службѣ въ томъ же самомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и продолжалъ пользоваться большимъ расположеніемъ графа Нессельроде.

Наше отечество переживало въ то время знаменитую эпоху 1812 года.—Наполеонъ уже покинулъ Москву и отступалъ къ западной границѣ, преслѣдуемый нашими войсками. Изъ арміи постоянно

---

[1]) С.-Петербургскаго полиціймейстера.

приходили извѣстія о побѣдахъ нашихъ надъ французами и оффиціальному обнародованію извѣстій предшествовали обыкновенно слухи, записанные Жерве въ его дневникѣ.

12-го ноября онъ записалъ: Слухъ о большой побѣдѣ надъ французами. 30.000 человѣкъ, говорятъ, у нихъ убито и взято 200 пушекъ.

13-го ноября.—Слухъ этотъ подтвердился. Большое молебствіе. Кутузовъ получилъ титулъ Смоленскаго.—Эти дни Цейеръ [1]) неоднократно просилъ разрѣшенія отправиться къ своему благодѣтелю (Сперанскому), но на это не послѣдовало согласія.

15-го ноября. Вчера я имѣлъ намѣреніе обратиться къ канцлеру съ просьбою дать мнѣ порученіе въ Вѣну. По тщательномъ однако обсужденіи я счелъ за лучшее оставаться въ спокойствіи.

16-го ноября. Суббота. Извѣстія о новой побѣдѣ. Кутузовъ перешелъ Днѣпръ у сел. Копысъ и взялъ 21 пушку у непріятеля. Чичаговъ и Витгенштейнъ, какъ говорятъ, соединились у Борисова.

21-го ноября.—Новая побѣда Витгенштейна. Я былъ у Кампенгаузена.

25-го ноября Понедѣльникъ. Слухъ, что Наполеонъ ускользнулъ, разбивъ Чичагова; сей послѣдній, какъ говорятъ, потерялъ три или четыре полка, взятыхъ въ плѣнъ. Но Витгенштейнъ, какъ говорятъ, снова отбилъ ихъ.

27-го ноября. Среда. Въ Коммерческомъ клубѣ—праздновали день основанія клуба; тамъ говорили, что Кутузовъ принялъ самъ командованіе надъ арміею Чичагова.

30-го ноября. Узналъ отъ Нессельроде, что Маллія—скончался.

2-го декабря. Понедѣльникъ. Хорошія извѣстія отъ Витгенштейна. Чаплицъ безъ выстрѣла взялъ 4.000 плѣнными и 36 орудій.—Французы мрутъ тысячами отъ холода и голода. Изъ главной арміи прислано нѣсколько непріятельскихъ знаменъ.

На поляхъ дневника написано четверостишіе.

Богъ, Россію отъ враговъ спасая,
Кутузовымъ смѣнилъ Барклая;
Но чтобы носъ она не задирала
Далъ Онъ ей и адмирала!

4-го декабря. Среда. Хорошія извѣстія. Чичаговъ занялъ г. Вильно, взялъ 136 орудій и 3.000 плѣнныхъ. Наполеонъ ушелъ, имѣя съ собою всего

---

[1]) Цейеръ,—Францъ Ивановичъ,—воспитанъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ въ 1797 году подпоручикомъ, но по слабости здоровья перешелъ въ гражданскую службу въ генералъ прокурорскую канцелярію, а потомъ болѣе тридцати лѣтъ находился при Сперанскомъ и былъ неизмѣнно ему преданъ.

17.000 человѣкъ.—Я просилъ канцлера разрѣшить мнѣ искать мѣста по внутреннему управленію, но онъ отказалъ мнѣ въ этомъ, сказавъ впрочемъ, что ежели по сношенію какого либо министерства спросятъ его мнѣнія о моемъ переводѣ, то онъ ничего не будетъ имѣть противъ.

6-го декабря. Пятница. Въ англійскомъ клубѣ говорили, что нѣсколько маршаловъ и 12.000 французовъ сдались Кутузову. Ночью, государь поѣхалъ въ армію; Нессельроде поѣхалъ за государемъ.

9-го декабря. Понедѣльникъ. На поляхъ переданъ разсказъ, будто бы Наполеонъ послѣ продолжительнаго бездѣйствія русскаго главнокомандующаго въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, бездѣйствія, обезпечившаго намъ полную побѣду, сказалъ: «Koutousow, ta routine (Тарутинъ) m'a deroute.

12-го декабря. Побѣда Платова близъ Ковно; убитыхъ 4.000 человѣкъ и взято въ плѣнъ 7.000 человѣкъ и 21 орудіе. Предполагали, что убитъ маршалъ Ней.

17-го декабря. Вторникъ. Скончался принцъ Георгъ Ольденбургскій въ г. Твери; театры были закрыты. Герцогъ собственно умеръ 15 числа.

24-го декабря. Его величество не изволитъ прибыть на погребеніе герцога Ольденбургскаго. Императоръ приказалъ совершить погребеніе съ такимъ же точно торжествомъ, какъ былъ похороненъ король польскій Станиславъ Понятовскій въ 1798 году. Говорятъ, что графъ Аракчеевъ опасно занемогъ. Графъ Марковъ пріѣхалъ.

27-го декабря. Пятница. Разнесся, слухъ что скончался Сперанскій.—Генералъ Іоркъ съ арміею въ 15.000 человѣкъ сдался на капитуляцію. Говорятъ, что и маршалъ Макдональдъ прислалъ парламентеровъ о томъ же.

Вскорѣ послѣ этого дѣти Жерве занемогли опасною скарлатиною; онъ самъ никуда не выходилъ и никого не видѣлъ, поэтому дневникъ его переполненъ исключительно свѣдѣніями о болѣзни дѣтей и о разныхъ домашнихъ дѣлахъ. Только 14-го января 1813 года записано опять: «слухъ о неблагопріятномъ для насъ сраженіи подъ Варшавою.—Чернышевъ занялъ Маріенвердеръ и Грауденцъ. Говорятъ, Витгенштейнъ попросилъ увольненія отъ службы, не желая служить подъ начальствомъ Чичагова.

16-го января. Четвергъ. Говорятъ, Чичаговъ назначается министромъ иностранныхъ дѣлъ!—(Жерве поставилъ большой восклицательный знакъ при этомъ).

31-го января.—Говорятъ, Данцигъ занятъ нашими войсками.

12 го февраля.—Говорятъ, государь долженъ сегодняшній день прибыть въ Бреславль, а потомъ отправиться въ Вѣну. Здѣсь ожидаютъ Аштедта.

16-го февраля. Воскресенье. Большое молебствіе по случаю побѣды, одержанной 1-го числа Винценгероде подъ Калишемъ.

7-го марта. Цейэръ показывалъ вчера письмо изъ Владиміра, по которому Сперанскій находится на возвратномъ пути сюда.—По ближайшему освѣдомленію объ этомъ, извѣстіе это оказалось невѣрнымъ.

10-го марта. Цейэръ послѣ обѣда сообщилъ, что госпожа Стифенсъ и Лиза (дочь Сперанскаго) прибыли въ новгородское имѣніе. Весьма вѣроятно, что и другъ послѣдуетъ за ними!

17-го марта. Страшная годовщина! Годъ тому назадъ Сперанскій былъ арестованъ въ этотъ день.

27-го марта. Родился у меня сынъ (названный впослѣдствіи Андреемъ). Говорятъ, что австрійцы окончательно перешли на сторону добраго дѣла.

1-го апрѣля. Вторникъ. Алопеусъ младшій назначенъ посланникомъ въ Берлинъ.

7-го апрѣля. Понедѣльникъ. г. Дрезденъ взятъ нами.

8-го апрѣля. Кочубей уѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы быть предсѣдателемъ комитета, составленнаго изъ разныхъ владѣтельныхъ князей Германіи. Я ѣздилъ къ Рибопьеру, чтобы узнать, на сколько вѣрно извѣстіе, сообщенное мнѣ Цейэромъ, что Сперанскій получилъ разрѣшеніе жить у себя въ имѣніи. Рибопьеръ не отрицалъ, что слышалъ это также, но не подтвердилъ, чтобы это было положительно вѣрно.

30-го апрѣля. Среда. Сегодня утромъ пріѣхала г-жа Стифенсъ съ своею внучкою изъ Новгорода въ Петербургъ. Распространился слухъ о новой побѣдѣ близъ Люцена, при чемъ оба государя командовали лично (en personne) войсками.

1-го мая. Этотъ слухъ подтвердился, и сегодня было большое молебствіе при высочайшемъ дворѣ. Князь Кутузовъ скончался 16-го апрѣля. Я утромъ ѣздилъ къ г-жѣ Стифенсъ.

3-го мая. Я вечеромъ былъ у г-жи Стифенсъ.

4-го мая. О побѣдѣ 30-го числа подъ Люценомъ до сихъ поръ не имѣется подробныхъ свѣдѣній.

11-го мая. Воскресенье.—Г-жа Стифенсъ уѣхала въ Новгородъ. Я писалъ Нессельроде въ особомъ конвертѣ на имя Шрёдера.

13-го мая. Вечеромъ распространился слухъ о побѣдѣ Милорадовича французы очистили Дрезденъ и Гамбургъ. Австрійцы оффиціально перешли на нашу сторону и соединились съ Милорадовичемъ при мѣстечкѣ Аннабергъ.

21-го мая. Среда. Ѣздилъ въ пустыню (Сергіевскую близъ Стрѣльны), гдѣ былъ устроенъ катафалкъ для гроба Кутузова; прибытіе его ожидали завтра. Смотрѣлъ усыпальницу графовъ Зубовыхъ и устроенную при ней богадѣльню на 30 человѣкъ инвалидовъ.

25-го мая. Ходилъ въ пустыню на поклоненіе праху Кутузова.

1-го іюня. Воскресенье. Поѣхалъ съ Цейэромъ въ пустыню, гдѣ по сіе время стоитъ прахъ фельдмаршала Кутузова. По настоящее время неизвѣстно, когда его предадутъ землѣ. Это происходитъ отъ того, что государю императору угодно было самому утвердить церемоніалъ погребенія и прислать сюда, но по настоящее время это еще не состоялось.

5-го іюня. Цейэръ разсказывалъ, что ходятъ упорные слухи о заключенномъ перемиріи и о предстоящемъ мирномъ конгрессѣ.

11-го іюня. Тѣло Кутузова около половины втораго часа дня перевезено въ городъ.

13-го іюня. Погребеніе тѣла фельдмаршала Кутузова.

16-го іюня. Говорятъ, что самъ Наполеонъ раненъ въ шею однимъ изъ своихъ офицеровъ, имѣвшимъ намѣреніе лишить его жизни.

11-го іюля. Пятница. Извѣстіе о большой побѣдѣ Веллингтона надъ французами въ Испаніи при Витторіи; взято 150 орудій.

20-го іюля. Сегодня Цейэръ получилъ извѣстіе, что Сперанскаго ожидаютъ въ Новгородѣ.

7-го августа. Король прусскій принялъ главное начальство надъ союзными арміями. Начальникомъ штаба у него генерала Моро. Наполеонъ отрядилъ 40.000 человѣкъ, чтобы дѣйствовать противъ Веллингтона.

28-го августа. Я отправился къ министру финансовъ и получилъ отъ него письмо отъ графа Нессельроде. При этомъ онъ прочелъ мнѣ оффиціальное письмо послѣдняго къ нему и выразилъ мнѣ сожалѣніе, что не имѣлъ ранѣе свѣдѣнія о желаніи моемъ перейти на службу во ввѣренное ему министерство финансовъ; онъ бы могъ предоставить мнѣ мѣсто, которое занималъ прежде Рибопьеръ. Въ настоящее время однако мѣсто это уже занято и онъ можетъ предложить мнѣ мѣсто окружнаго начальника (таможеннаго), въ настоящее время вакантное. Я поблагодарилъ его очень за это предложеніе, сказавъ однако, что мнѣ было бы гораздо пріятнѣе получить что-либо другое, но если это является невозможнымъ, то буду довольствоваться и предлагаемымъ. Онъ приказалъ мнѣ явиться къ нему во вторникъ. Послѣ этого я прочелъ письмо ко мнѣ Нессельроде, весьма для меня лестное, но возбудившее во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія.

1-го сентября. Большое молебствіе по случаю одержанной главною арміею побѣды. Взято въ плѣнъ 7.000 человѣкъ и 86 орудій. Къ несчастію Моро лишился обѣихъ ногъ. Говорятъ, Витгенштейнъ взялъ штурмомъ Дрезденъ.

2-го сентября. Вторникъ. Явился по приказанію къ министру финансовъ Гурьеву, и онъ хотѣлъ назначить меня окружнымъ начальникомъ въ Радзивилловъ. Я поблагодарилъ его и сталъ говорить съ нимъ о жалованьи, которое я получалъ изъ Кабинета, а также изъ казначей-

ства. Онъ нашелъ справедливымъ сохранить это за мною и обѣщалъ представить объ этомъ особый докладъ государю и предложилъ мнѣ отправиться къ Обрѣзкову (который съ удовольствіемъ узналъ, что я перехожу къ нему въ департаментъ) переговорить съ нимъ обо всемъ и представить мои бумаги. Я такъ и сдѣлалъ. Обрѣзковъ разсказалъ мнѣ страшную картину безпорядковъ и злоупотребленій, существовавшихъ въ Радзивилловскомъ таможенномъ округѣ и много говорилъ о вмѣшательствѣ губернатора въ дѣла таможеннаго управленія. Онъ далъ мнѣ для прочтенія нѣсколько бумагъ изъ этого округа. Я отдалъ мое прошеніе и узналъ, что докладъ обо мнѣ будетъ представленъ завтра же, не ожидая отвѣта канцлера на сдѣланный ему запросъ о моемъ переводѣ.

10-го сентября. Среда. Извѣстіе, что Шварценбергъ и Витгенштейнъ имѣли неудачное дѣло. Главная наша квартира переведена, говорятъ, въ Прагу.

18-го сентября. Происходила пушечная пальба по случаю побѣды, одержанной надъ французами при Денневицѣ. Представленіе обо мнѣ еще не сдѣлано.

29-го сентября. Говорили, что король баварскій, а также виртембергскій перешли на сторону союзниковъ. Наполеонъ зажегъ Дрезденъ и отступилъ къ Лейпцигу.

1-го октября. Среда. Ночью привезено тѣло генерала Моро въ католическую церковь.

2-го октября. Погребеніе генерала Моро происходило съ большою церемоніею. Говорятъ, Блюхеръ одержалъ большую побѣду подъ Дрезденомъ и взялъ 13.000 плѣнныхъ и 80 орудій.

14-го октября. Слухи о побѣдѣ 1-го октября, одержанной при Лейпцигѣ Беннигсеномъ, при чемъ взято 8.000 человѣкъ въ плѣнъ.

20-го октября. Со вчерашняго числа ходятъ новые слухи о большой битвѣ подъ Лейпцигомъ.

21-го октября. Вторникъ. Эти слухи подтвердились; союзники одержали большую побѣду: взято въ плѣнъ до 35.000 французовъ въ томъ числѣ маршалы Макдональдъ, Лористонъ, Ренье, Бертранъ и т. д.

24-го октября. Получивъ приглашеніе, я опять около 10 часовъ утра отправился къ Гурьеву. Онъ предложилъ мнѣ принять порученіе при главной арміи, обѣщая сохранить за мною мѣсто начальника въ Радзивиловѣ, на случай если бы государю императору благоугодно было утвердить его представленіе. Я очень благодарилъ его за это и былъ чрезвычайно радъ, что могу избавиться отъ обязанностей таможеннаго чиновника.

26-го октября. Понедѣльникъ. Я былъ у графа Ламберта (служившаго по министерству финансовъ въ канцеляріи онаго начальникомъ отдѣленія), который сообщилъ мнѣ, что необходимыя для меня

инструкціи уже готовы, но министръ встрѣчаетъ затрудненіе меня отправить въ армію до полученія отвѣта на его представленіе, который по его мнѣнію долженъ быть скоро полученъ. Опасаясь, что отвѣтъ можетъ послѣдовать не скоро, я обратился къ Маркову съ просьбою переговорить съ Гурьевымъ и убѣдить его отправить меня до полученія обратно ожидаемаго представленія.

29-го октября. Среда. Посѣтивъ Маркова, я узналъ, что министръ финансовъ главнѣйшимъ образомъ встрѣчаетъ затрудненіе къ моему отправленію въ томъ, что мое внезапное появленіе въ главной квартирѣ можетъ показаться непріятнымъ государю императору. Я замѣтилъ, что ожидаемый отвѣтъ едва-ли можетъ въ чемъ либо измѣнить это предположеніе. Марковъ обѣщалъ мнѣ еще разъ переговорить съ Гурьевымъ о моемъ отправленіи.

4-го ноября. Ламбертъ сообщилъ мнѣ, что ожидаемый курьеръ дѣйствительно пріѣхалъ и привезъ желаемый указъ. Поэтому министръ финансовъ и приглашаетъ меня завтра къ нему.

5-го ноября. Среда. Имѣлъ долгое объясненіе съ министромъ финансовъ, причемъ Ламбертъ читалъ составленную для меня инструкцію. Гурьевъ рѣшился, повидимому, послать меня на первый разъ въ Лейпцигъ. Докладъ о назначеніи меня въ Радзивилловъ былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ государемъ 18-го октября въ Веймарѣ, равнымъ образомъ и представленіе министра финансовъ о назначеніи мнѣ жалованья изъ казначейства, при чемъ его величество собственноручно написалъ на докладѣ «производить по 2.000 рублей изъ государственнаго казначейства», такъ что я лишался такимъ образомъ жалованья изъ Кабинета, потому что о немъ вовсе не упоминалось болѣе.

6-го ноября. Четвергъ. Имѣлъ переговоры съ Ламбертомъ о производствѣ мнѣ жалованья въ виду худаго курса, послѣ которыхъ министръ финансовъ окончательно рѣшилъ производить мнѣ жалованье какъ окружному начальнику въ Радзивилловѣ и кромѣ того отпускать мнѣ по четыреста рублей въ мѣсяцъ.

12-го ноября. Имѣлъ продолжительное объясненіе съ министромъ финансовъ Гурьевымъ, послѣ котораго было рѣшено, что я долженъ отправиться 16-го числа октября въ дѣйствующую армію.

Послѣ этого Жерве сталъ собираться въ дорогу, купилъ себѣ коляску, разныя дорожныя вещи, получилъ довольно скромныя прогонныя деньги, а также надлежащія инструкціи, окончательное исправленіе и утвержденіе которыхъ задержало его въ Петербургѣ до 20-го числа.

20-го ноября 1813 г. Жерве выѣхалъ изъ Петербурга на Берлинъ, Лейпцигъ и прибылъ въ Франкфуртъ на Майнѣ 13 (25) января 1814 г. не задолго передъ пріѣздомъ государыни Елисаветы Алексѣевны, на-

правлявшейся въ Дармштадтъ. Онъ удостоился быть представленнымъ императрицѣ 21-го января и затѣмъ уѣхалъ изъ Франкфурта 23-го января, получивъ отъ Нессельроде приказаніе какъ можно скорѣе ѣхать въ Амстердамъ для участія въ предстоящихъ переговорахъ съ голландскими и нѣмецкими банкирами, относительно различныхъ платежей по содержанію нашихъ войскъ за границею. 3-го (15-го) февраля 1814 г. онъ пріѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ былъ очень любезно и радушно принятъ банкиромъ Гоппе и компаніей, и тотчасъ-же приступилъ къ переговорамъ.

Въ Амстердамѣ Жерве узналъ о капитуляціи Парижа и присутствовалъ при различныхъ торжествахъ по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца голландскаго съ англійской принцессою. Въ память этого бракосочетанія была выбита особая медаль, которую получилъ и Жерве.

Прибывшій фельдъегерь привезъ ему письмо отъ Нессельроде, который звалъ его пріѣхать на нѣкоторое время въ Парижъ. 17-го (29) апрѣля онъ выѣхалъ изъ Амстердама, встрѣтилъ на пути Сергѣя Павловича Татищева, который везъ съ собой ключи отъ крѣпости Глогау, и прибылъ въ Парижъ въ 11 часовъ дня 21-го апрѣля (3-го мая)—въ самый день въѣзда въ Парижъ Людовика XVIII. Съ большимъ трудомъ найдя себѣ небольшую комнату въ гостиницѣ «Людовикъ XVIII» (не задолго передъ тѣмъ называвшейся еще отель «Наполеонъ»), Жерве одѣлся во фракъ и потелъ смотрѣть церемонію въѣзда новаго короля. На всѣхъ улицахъ была страшная толкотня, вездѣ стояли войска, національная гвардія, толпы народа и множество экипажей. Король съ герцогомъ Ангулемскимъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ, запряженной восемью бѣлыми лошадьми. На мосту «Pont Neuf» была возобновлена статуя Генриха IV, на первое время изъ гипса; тутъ-же, во вновь устроенныхъ павильонахъ играла музыка. На Сенѣ былъ спущенъ большой воздушный шаръ, въ гондолѣ котораго сидѣлъ извѣстный Бланшаръ. Шаръ очень хорошо поднялся въ ту самую минуту, какъ король проѣхалъ по мосту. Народъ кричалъ «да здравствуетъ король», но Жерве не замѣтилъ особаго проявленія восторга; ему показалось весьма страннымъ, что всѣ стояли на улицѣ съ шляпами на головѣ, даже и тогда, когда король проѣзжалъ мимо. Жерве хотѣлъ было уйти домой, но не имѣлъ никакой къ тому возможности и простоялъ до 5 часовъ на улицѣ. На другой день, 22-го апрѣля, императоръ Александръ обѣдалъ у короля Людовика XVIII.

Сдѣлавъ не мало покупокъ Жерве поѣхалъ 7-го (19-го) мая обратно въ Амстердамъ. 23-го мая (4-го іюня) онъ узналъ, что миръ въ Парижѣ подписанъ и что умерла первая супруга Наполеона, Жозефина. Вскорѣ вослѣ того, 31-го мая, онъ узналъ, что два русскіе принца, подъ именемъ «Graf Romaneri» прибыли въ Амстердамъ въ каретѣ, причемъ высказывалось предположеніе, что это—

*

братья русскаго императора. Жерве отправился въ занимаемое ими помѣщеніе и чрезъ Александра Павловича Алединскаго былъ представленъ сперва Ламздорфу, а затѣмъ и великимъ князьямъ. На другой день ихъ высочества, великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи отправились въ Саардамъ.

По прибытіи императора Александра въ Амстердамъ, Жерве рѣшился переговорить съ княземъ П. М. Волконскимъ о своемъ положеніи. Кн. Волконскій посовѣтовалъ ему обратиться къ графу Толстому. Послѣдній передалъ ему письмо отъ Нессельроде, и затѣмъ отправился къ государю, сказавъ, чтобъ Жерве пришелъ на другой день въ 8 часовъ. Въ тотъ-же день на балѣ Жерве встрѣтилъ кн. Волконскаго, сообщившаго ему приказаніе государя явиться къ нему завтра, сейчасъ послѣ 8 часовъ утра. Жерве пришелъ въ замокъ четверть девятаго 21-го іюня (3-го іюля), гдѣ уже о немъ раза два спрашивали, какъ это ему передали. Толстой сказалъ ему, чтобы онъ шелъ къ государю.

«Минуты черезъ двѣ-три, говоритъ Жерве, я былъ позванъ въ кабинетъ его величества и встрѣченъ милостивымъ, но серіознымъ тономъ. Императоръ сталъ говорить о бумагахъ, подавшихъ поводъ къ моей аудіенціи. Государь просмотрѣлъ ихъ всѣ съ большимъ вниманіемъ и сказалъ, что не можетъ и не хочетъ ничего рѣшать въ настоящую минуту, не переговоривъ съ барономъ Штейномъ и Нессельроде, и приказалъ мнѣ сегодня же ѣхать въ Бруксаль, (Bruchsal) гдѣ оба означенныя лица будутъ находиться, и тамъ ждать дальнѣйшихъ его приказаній. Я дерзнулъ замѣтить, что въ Амстердамѣ находятся въ настоящую минуту три курьера, которые ждутъ отъ меня отправленія, причемъ одинъ изъ Петербурга, другой—изъ главной арміи, третій изъ Гамбурга; эти два послѣдніе прибыли по поводу денегъ. Государь приказалъ мнѣ отправить сегодня же курьера въ Петербургъ, сказавъ мнѣ: «а два другіе могутъ подождать», и повторилъ приказаніе ѣхать немедленно въ Бруксаль еще сегодня же вечеромъ, такъ какъ онъ самъ лично отправится туда завтра рано утромъ. Когда я намѣревался откланяться, государь сказалъ мнѣ серіознымъ и почти торжественнымъ тономъ: «Pour vous prouver que j'ai tout à fait oublié le passé je vous emploie de nouveau et me flatte que vous me servirez avec le même zèle que toujours. Tout autre à ma place et dans des circonstances où je me suis trouvé, en aurait agi de même que moi; il y a eu sans doute quelque abus de confiance, mais si je n'avais pas été si pressé, cela aurait pu s'arranger differement; j'ai souvent regretté d'avoir du me priver de ses talents et de ses lumieres, mais [1])...

[1]) Чтобы доказать вамъ, что я совершенно забылъ прошлое, я вновь назначилъ васъ на службу и льщу себя надеждою, что вы мнѣ будете служить съ тѣмъ же рвеніемъ какъ и всегда. Всякій другой на моемъ мѣстѣ и при тѣхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ я находился, поступилъ бы такимъ

«Послѣ этаго настала продолжительная минута молчанія, въ продолженіи которой я счелъ необходимымъ поблагодарить государя за выраженную мнѣ монаршую милость. — Я готовъ былъ продолжать разговоръ объ этомъ же предметѣ, но императоръ, кивнувъ головой, далъ мнѣ понять, что аудіенція кончилась. Я откланялся и вышелъ».

Четверть двѣнадцатаго ночи Жерве поѣхалъ въ Амстердамъ къ Рейну на Боннаръ, Кобленцъ и пріѣхалъ въ середу 24-го іюня (6-го іюля) утромъ рано въ Брюссель, куда ночью, около 12-ти часовъ, прибылъ и государь. Нессельроде не пріѣхалъ еще, но Штейнъ былъ уже тутъ. Барклай-де-Толли отправился въ ту же ночь въ армію.

Наконецъ пріѣхалъ Нессельроде со своей супругою, Анштедтомъ и Булгаковымъ, но не могъ доложить государю чего либо, ибо онъ уѣхалъ въ Карлсруэ 29-го числа іюня (11-го іюля), гдѣ пробылъ цѣлый день.

Жерве представлялся 30-го іюня государынѣ императрицѣ и удостоился приглашенія обѣдать, при чемъ государь сказалъ ему нѣсколько милостивыхъ и благосклонныхъ словъ. На другой день императоръ съ Нессельроде уѣхали на свиданіе съ королемъ Виртембергскимъ въ Гейльбронъ, и оттуда въ Гейдельбергъ, а Жерве отправился опять въ Амстердамъ, гдѣ занимался по прежнему возложенными на него дѣлами.

24-го ноября 1814 года онъ записалъ въ дневникѣ: «распространился слухъ, что герцогиня Саганъ выслана изъ Вѣны за то, что немедленно передавала въ Парижъ Тайлерану всѣ государственныя тайны, которыя она узнавала отъ Меттерниха, оказывавшаго ей чрезмѣрно благосклонное расположеніе (она была въ самыхъ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ). Равнымъ образомъ изъ Вѣны былъ высланъ молодой Ипсиланти, слишкомъ рѣзко и смѣло говорившій о Турціи».

На другой день, 25-го ноября, Жерве получилъ изъ Петербурга депешу, которою разрѣшалось ему пріѣхать по окончаніи дѣла въ Россію. Онъ чрезвычайно обрадовался этому, сталъ дѣлать множество всякаго рода покупокъ для своихъ родныхъ и знакомыхъ и собирался покинуть Берлинъ, куда онъ незадолго передъ тѣмъ прибылъ для объясненія съ банкирами.

Сдѣлавъ прощальные визиты Жерве выѣхалъ изъ Берлина 23-го декабря 1814 (4-го января 1815) года и прибылъ въ Петербургъ 8-го (20-го) января 1815 года, гдѣ былъ очень ласково принятъ мини-

---

же образомъ. Конечно было, безъ сомнѣнія, нѣкоторое злоупотребленіе довѣріемъ, но если бы я не былъ принужденъ спѣшить, это могло бы устроиться инымъ образомъ. Я часто сожалѣлъ, что долженъ былъ лишиться содѣйствія его дарованій и просвѣщенныхъ свѣдѣній, но....

стромъ финансовъ, выразившимъ ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ признательность за отличное выполненіе возложеннаго на него порученія [1]).

Однако Жерве не долго удалось пожить въ Петербургѣ среди своего семейства и обширнаго круга своихъ родныхъ и знакомыхъ. Въ началѣ апрѣля 1815 года онъ былъ посланъ съ бумагами въ Вѣну, гдѣ въ то время находился государь императоръ. Въ это краткое пребываніе въ Петербургѣ Жерве бывалъ не разъ у Гурьева, министра финансовъ, у Аракчеева и даже навѣщалъ сего послѣдняго въ Грузинѣ. Аракчеевъ, по словамъ Жерве, былъ очень милъ; они играли въ бостонъ до и послѣ обѣда.

Занятія собравшагося въ 1815 году въ Вѣнѣ конгресса были, какъ извѣстно, внезапно прерваны бѣгствомъ Наполеона съ острова Эльбы. Союзные государи спѣшили стать во главѣ своихъ армій и двинуться на встрѣчу нарушителю мира. Жерве прибылъ въ Вѣну 27-го апрѣля 1815 года передъ отъѣздомъ изъ австрійской столицы императора Александра. Нессельроде однако немедленно доложилъ ему о прибытіи Жерве, и государь сказалъ «je le verrai un de ces jours» (я увижу его на этихъ дняхъ). На другой день Нессельроде вновь доложилъ государю о прибытіи Жерве и получилъ тотъ же отвѣтъ, такъ какъ государь, ѣздившій наканунѣ въ Баденъ (близъ Вѣны), не успѣлъ прочесть всѣхъ доставленныхъ изъ Петербурга бумагъ. Только 13-го (25) мая Нессельроде сообщилъ Жерве, что государь разсмотрѣлъ всѣ доставленныя имъ бумаги, но не можетъ дать по нимъ въ настоящее время положительныхъ приказаній; онъ только вполнѣ утверждаетъ представленіе министра о нахожденіи чиновника министерства при главной квартирѣ, одобряетъ сдѣланный имъ выборъ подобнаго чиновника и приказываетъ г. Жерве слѣдовать за главною квартирою. Государь уѣхалъ ночью около 12 часовъ изъ Вѣны, а Жерве совершенно неожиданно получилъ 17-го (29) числа прусскій орденъ Краснаго Орла, при слѣдующемъ письмѣ Гарденберга отъ 29-го мая 1815 года.

«Его величеству королю, моему государю, вполнѣ извѣстно рвеніе и усердіе, проявленныя вами въ продолженіе двухъ послѣднихъ военныхъ кампаній, къ огражденію праваго дѣла и достиженію успѣха со-

[1]) Возвратясь въ Петербургъ Жерве представилъ г. министру финансовъ отчетъ свой съ приложеніями о денежныхъ операціяхъ, произведенныхъ въ высочайше ввѣренной его управленію заграничной коммисіи. По разсмотрѣніи этого отчета, Гурьевъ 8-го апрѣля 1815 года, писалъ Жерве: «Къ полному удовольствію усматриваю изъ оваго, что всѣ распоряженія вашего превосходительства и самое дѣйствіе по сей операціи не токмо принесло желаемую для казны нашей пользу, но ясно свидѣтельствуетъ отличныя ваши познанія и неутомимую попечительность въ исполненіи возложеннаго на васъ порученія. Отчетъ сей я буду имѣть щастіе при первомъ удобномъ случаѣ представить на высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ поставлю себѣ въ пріятную обязанность и объ отличной ревности вашей равно и усердіи служившихъ подъ начальствомъ вашимъ виновниковъ, сдѣлать надлежащее засвидѣтельствованіе».

южными войсками. Служа вашему государю и вашей странѣ вы способствовали къ упроченію дружбы и добраго согласія, царствующихъ между нашими двумя правительствами. Желая доставить вамъ удостовѣреніе своего къ вамъ уваженія и своей признательности, его величество король прусскій приказалъ мнѣ препроводить вамъ, милостивый государь, отъ его имени, знаки ордена прусскаго Краснаго Орла 2-й степени. Исполняю это порученіе тѣмъ съ большимъ для меня удовольствіемъ, что оно доставляетъ мнѣ случай возобновить вамъ увѣреніе въ отличномъ моемъ къ вамъ уваженіи [1]).

Вскорѣ послѣ этого, 21-го мая Жерве отправился также въ Гейдельбергъ, гдѣ находилась въ то время главная квартира нашей арміи, видѣлъ Барклая-де-Толли и говорилъ съ нимъ о представленіи министра финансовъ относительно платежей по содержанію арміи и о пребываніи его во Франкфуртѣ. Барклай-де-Толли, на другой день сообщилъ Жерве, что государь ничего не имѣетъ противъ его пребыванія во Франкфуртѣ, но желаетъ, чтобъ онъ остался еще нѣсколько дней въ главной квартирѣ, ибо желаетъ дать ему порученіе. Нессельроде не замедлилъ сообщить Жерве сущность этого порученія, состоявшаго въ томъ, что нѣкто Георгъ Шварцъ, пользуясь обстоятельствами времени, дѣлалъ императору разныя финансовыя предложенія; государь обнадежилъ его и далъ изъ своихъ собственныхъ денегъ около двухъ сотъ тысячъ гульденовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ графу Нессельроде съ участіемъ г. Жерве разсмотрѣть предложенія Шварца [2]).

Скоро получено было извѣстіе о совершенномъ пораженіи Наполеона при Ватерло, вслѣдствіе чего главная квартира перемѣстилась въ Мангеймъ, а Жерве отправился во Франкфуртъ. 6-го (18-го) іюля, онъ получилъ отъ Нессельроде изъ Парижа предложеніе какъ можно скорѣе пріѣхать къ нему. Жерве немедленно выѣхалъ и 14-го (26-го) іюля прибылъ въ Парижъ. Онъ сталъ опять заниматься временно у Нессельроде и въ то же время принималъ участіе въ обсужденіи порядка уплаты Франціей наложенной на нее контрибуціи. Онъ завѣдывалъ также денежными суммами русскаго правительства, отпущенными на содержаніе русской арміи. Это доставило ему случай получить въ это время нѣсколько именныхъ указовъ за подписью императора Александра, сохранившихся въ бумагахъ Жерве.

Въ числѣ ихъ былъ между прочимъ и слѣдующій отъ 15-го сентября: «За купленныя мною изъ Мальмезонской галлереи картины и статуи по приложенному у сего реестру повелѣваю вамъ заплатить управляющему Мальмезономъ барону де-Во девятьсотъ тысячъ франковъ, въ число коихъ четыреста тысячъ франковъ наличными изъ казенныхъ

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Жерве не высказываетъ, въ чемъ именно состояли предложенія Шварца и были ли они приняты или нѣтъ.

суммъ, въ распоряженіи вашемъ находящихся, а остальныя пятьсотъ тысячъ франковъ—французскими облигаціями изъ слѣдующихъ намъ по конвенціи 5-го (17-го) сего мѣсяца [1])».

Мальмезонъ—небольшое имѣніе близъ Парижа, купленное въ 1798 году для первой супруги императора Наполеона Жозефины; она прекрасно устроила домъ, садъ и паркъ, а также украсила комнаты чудными произведеніями живописи и скульптуры. Послѣ своего развода съ Наполеономъ Жозефина преимущественно жила въ Мальмезонѣ, принимала здѣсь императора Александра I и его августѣйшихъ братьевъ въ 1814 году и вскорѣ послѣ этого 24-го мая 1814 году скончалась. Въ 1815 году, по вторичномъ низложеніи Наполеона, все имущество Жозефины распродавалось, и императоръ Александръ купилъ много рѣдкихъ картинъ за высокую цѣну, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго: за картину Поль-Питтера (корова) — двѣсти тысячъ франковъ; картину Теньера (собраніе стрѣлковъ)—сто двадцать тысячъ франковъ; Клодъ Лорренъ (четыре времени дня)—двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ и т. п.; всего куплено было 33 картины, и еще четыре статуи знаменитаго итальянскаго художника Кановы, именно: «Психея», «Геба», «Парисъ» и «Танцовщица». При этомъ въ протоколѣ продажи имѣется такая оговорка: «всѣ картины проданы императорскому Россійскому двору за девять сотъ тысячъ франковъ, но императоръ выразилъ желаніе, чтобы въ общую сумму, уплачиваемую за картины, были включены также и четыре статуи Кановы. Мы (продавшіе) поспѣшили повиноваться этому желанію (obtemperer à ce desir) въ полной увѣренности, что уполномочившіе насъ на продажу могутъ только похвалить насъ за то, что мы воспользовались случаемъ доставить императору удовольствіе и возможность получить желаемыя статуи, о чемъ и составили сію оговорку за нашею подписью. Парижъ. 29-го сентября 1815 года. Баронъ Дево (Devaux) и кавалеръ Суланжъ-Бодэнъ».

Картины и статуи уложенныя въ ящикахъ были отправлены изъ Парижа въ Гавръ для дальнѣйшей ихъ перевозки моремъ въ С.-Петербургъ 18-го (30-го) сентября 1815 года.

Исполнивъ данныя ему приказанія Жерве долгое время былъ занятъ въ засѣданіяхъ коммисіи объ уплатѣ контрибуціи Франціею.

Въ 1815 году онъ довольно опасно занемогъ и долго не поправлялся. Это побудило его супругу пріѣхать къ нему въ Парижъ и увезти мужа въ Спа (въ Бельгіи), гдѣ Жерве пилъ воды для возстановленія своего слабаго здоровья. Изъ Спа они поѣхали въ Берлинъ и Кенигсбергъ, гдѣ узнали 16-го (28-го) сентября, 1816 года, что Сперанскій назначенъ губернаторомъ въ Пензу, а Магницкій—въ Воронежъ. 4-го (16) октября 1816 года Жерве возвратился въ Петербургъ. **П. Майковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) По конвенціи Россіи причиталось получить 40 милліоновъ франковъ.

Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

(1784—1796).

I.

е стѣсняемый болѣе званіемъ русскаго офицера [2]) я написалъ одному пріятелю въ Курляндію, что я былъ готовъ на ближайшемъ сеймѣ (имѣвшемъ собраться въ Гроднѣ) защищать интересы моей родины и, за содержаніе въ 300 дукатовъ, взять на себя обязанности постояннаго делегата курляндскаго рыцарства. Какъ герцогъ имѣетъ своего резидента въ Варшавѣ, такъ и соотечественники мои имѣли-бы постояннаго представителя, который могъ-бы имѣть наблюденіе не только за общественными, но и за находящимися на разсмотрѣніи реляціоннаго суда спорными дѣлами, какъ между частными лицами, такъ и между послѣдними и герцогомъ.

«Посолъ графъ Штакельбергъ поддержалъ мое предложеніе въ письмѣ, у сего приводимомъ, къ уполномоченному страны (Landesbevollmächtigte) Зассу.

Варшава, 11-го августа 1784 г.

Monsieur!

Si la proposition de M. le Chambellan baron de Heyking mérite par le patriotisme et le desintéressement qui y respirent les suffrages de sa patrie, elle a droit de lui concilier également l'approbation de tous ceux qui s'intéressent à l'illustre noblesse de Courlande. C'est pour ce double

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1897 г. сентябрь.

[2]) Къ моему удовольствію указъ объ отставкѣ не заставилъ себя долго ждать.

motif que je m'empresse de vous témoigner, Monsieur, la vive satisfaction de la nomination de M. le chevalier de Heyking pour la Diète prochaine. Il veillera ensuite avec le même zèle aux intérêts de ses compatriotes aux jugements de Relation et cette considération est trop importante pour ne pas fixer leur attention. Je saisirai de mon côté avec plaisir toutes les occasions pour prouver à l'illustre noblesse de Courlande, combien son choix dans la personne de M. le Chambellan baron de Heyking m'est agréable. Je vous prie, monsieur, de l'en assurer de ma part.

J'ai l'honneur etc. [1])

«Великій маршалъ Оконцкій и маршалъ Литвы графъ Потоцкій написали письма еще болѣе энергическія. Но герцогъ, который, конечно, понялъ, какія выгоды представляло для рыцарства имѣть постояннаго представителя (делегата), поручилъ своимъ приверженцамъ во всѣхъ приходахъ агитировать противъ такого патріотическаго и безкорыстнаго предложенія. Возобновлявшаяся каждые два года чрезвычайная делегація стоила странѣ по крайней мѣрѣ 2.000 дукатовъ, а въ промежуткахъ между сеймами должнаго наблюденія въ Варшавѣ вовсе не имѣлось. Своими кознями герцогъ добился того, что вопросъ былъ отложенъ до слѣдующаго сейма. Фактически мнѣ были довѣрены курляндскія дѣла, но званія делегата я не имѣлъ. Лишь пильтенскій округъ далъ мнѣ званіе своего делегата и снабдилъ формальнымъ полномочіемъ и инструкціею.

«Съѣздъ въ Гроднѣ былъ такъ великъ, что если бы посолъ (графъ Штакельбергъ) не отвелъ мнѣ любезно помѣщенія въ своемъ домѣ, я очутился бы въ величайшемъ затрудненіи.

«Гродненскій сеймъ походилъ на всѣ сеймы, собиравшіеся за время короля Станислава.

---

[1]) Переводъ. Если предложеніе камергера барона Гейкинга своимъ патріотизмомъ и безкорыстіемъ заслуживаетъ быть принятымъ его соотечественниками, то равнымъ образомъ оно не можетъ не быть одобреннымъ всѣми тѣми, кто интересуется славнымъ курляндскимъ дворянствомъ. По этой двойной причинѣ спѣшу засвидѣтельствовать вамъ, милостивой государь, живое удовольствіе, испытанное мною по случаю назначенія г. кавалера барона Гейкинга въ предстоящій сеймъ. Впослѣдствіи онъ съ тѣмъ-же рвеніемъ будетъ стоять на стражѣ интересовъ своихъ соотечественниковъ въ дѣлахъ подвѣдомственныхъ реляціонному суду, и соображеніе это слишкомъ важно, чтобы они не обратили на это своего вниманія.

Съ своей стороны я съ удовольствіемъ воспользуюсь всякимъ случаемъ, чтобы доказать славному курляндскому дворянству, насколько мнѣ пріятенъ выборъ имъ камергера барона Гейкинга. Прошу васъ, милостивый государь, его въ томъ увѣрить.

Имѣю честь и т. д.

«Этотъ монархъ, на котораго никогда нельзя было разсчитывать, обѣщалъ послу, еще передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, привести къ соглашенію свою партію съ русскою и предстоявшій вольный сеймъ [1]) довести до конца безъ лишнихъ преній и какого-либо взрыва.

«Духовенству предстояло ассигновать королю нѣсколько милліоновъ польскихъ гульденовъ. Станиславъ не былъ увѣренъ даже въ большинствѣ, а потому хотѣлъ, не поставляя предварительно о томъ въ извѣстность посла, провести еще нѣсколько предложеній въ пользу своей семьи и своихъ креатуръ. Вслѣдствіе этого возникли въ высшей степени непріятныя пренія. Лишь умному и ловкому сеймовому маршалу Хоминскому удалось ослабить упорное сопротивленіе Сапѣгъ и другихъ литовцевъ. Онъ былъ теперь преданъ Россіи и, благодаря этому сейму, получилъ вскорѣ должность палатина».

По распущеніи гродненскаго сейма баронъ Гейкингъ вернулся въ Варшаву, гдѣ и поселился на нѣкоторое время, поддерживая связи съ высшимъ обществомъ столицы. Онъ часто посѣщалъ посла графа Штакельберга, съ которымъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, какъ видно, напримѣръ, изъ нижеслѣдующаго разсказа объ одномъ событіи, крайне взволновавшемъ варшавское общество, хотя самомъ по себѣ незначительномъ. Приводимъ этотъ разсказъ цѣликомъ, такъ какъ онъ даетъ живое изображеніе тогдашнихъ нравовъ и настроенія польскаго общества по отношенію къ королю Станиславу.

«Въ началѣ 1785 года я какъ-то обѣдалъ у посла графа Штакельберга, когда ему подали записку отъ маршальши княгини Любомірской, въ которой она просила его какъ можно скорѣе придти къ ней. Посолъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Лишь только мы вошли къ княгинѣ, какъ она бросилась на встрѣчу Штакельбергу и проговорила съ величайшимъ возбужденіемъ: «Представьте себѣ, г. посолъ, моего брата (князя Адама Чарторыйскаго) хотѣли извести». Злодѣй Риксъ [2]) пытался привлечь къ тому одну женщину, по имени Угромову; послѣдняя сдѣлала видъ, что она на заговоръ согласна, но затѣмъ раскрыла тайну моему брату, а потомъ и мнѣ. Я сначала отказывалась вѣрить этой женщинѣ, но она мнѣ предложила поставить двухъ свидѣтелей, по моему выбору, которые, какъ-нибудь запрятанные, могутъ услышать разговоръ ея съ Риксомъ. Я посовѣтовалась съ двумя господами, честность которыхъ и вамъ извѣстна и оба рекомендовали избрать такихъ двухъ свидѣтелей. Мой зять, графъ Станиславъ Потоцкій, владѣющій многими языками и англичанинъ Тайлоръ, хорошо знающій внутреннее

[1]) Вольными сеймами назывались тѣ, гдѣ все рѣшалось единогласно, въ отличіе отъ конфедераціонныхъ, гдѣ рѣшенія постановлялись большинствомъ голосовъ.

[2]) Риксъ былъ первымъ камердинеромъ и любимцемъ короля.

устройство дома, предложили себя въ мое распоряженіе. Этимъ господамъ было, наконецъ, сообщено, что сегодня состоится свиданіе Рикса съ Угромовой. Оба свидѣтеля спрятались за простѣнокъ и слушали оттуда весь разговоръ.

«Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ фразъ Угромова сказала Риксу:

— Пора, наконецъ, установить размѣръ моего вознагражденія. Комаржевскій далъ мнѣ порошокъ, но высказывается какъ-то неопредѣленно; я же требую чего-либо положительнаго.

«Риксъ отвѣчаетъ:

— Ахъ, все это въ свое время будетъ; надо лишь имѣть терпѣніе.

«Угромова-же возразила:

— Это ожиданіе меня разоряетъ; къ тому-же я не увѣрена, удастся-ли мнѣ его къ себѣ привлечь.

«Риксъ на это замѣчаетъ:

— Это уже ваше дѣло, а вы только и дѣлаете, что требуете денегъ.

«Послѣ чего между ними завязывается оживленный споръ.

«Наконецъ, Риксъ хочетъ удалиться. Тогда зять мой и Тайлоръ бросаются на него, тащутъ его въ карету и привозятъ ко мнѣ. Я тотчасъ-же послала за великимъ маршаломъ [1]), передала ему Рикса съ тѣмъ, чтобы онъ поступилъ съ нимъ по всей строгости законовъ.

«Княгиня, нѣжно-любившая своего брата и полагавшая, что его жизнь была въ опасности, разразилась сильнѣйшимъ нервнымъ припадкомъ, по окончаніи своего повѣствованія и умоляла посла защитить правое дѣло отъ мести короля, который увидитъ двухъ своихъ наибольшихъ любимцевъ замѣшанными въ скверномъ дѣлѣ.

«Графъ Штакельбергъ упросилъ княгиню успокоиться, но уклонился отъ ея настойчивыхъ требованій высказать свое мнѣніе по этому дѣлу и, подъ предлогомъ спѣшныхъ занятій, удалился.

«Когда мы снова сидѣли въ каретѣ, онъ мнѣ сказалъ:

— Я ни одному слову не вѣрю изъ всей этой исторіи. Вы, вѣрно, помните, что та же Угромова уже въ Гроднѣ [2]) причинила королю безпокойство исторіею объ отравленіи. Это недостойная женщина, начавшая съ ремесла проститутки и теперь занимающаяся вымогательствомъ денегъ всякими способами.

---

[1]) Въ Варшавѣ великій маршалъ былъ главнымъ судьею въ уголовныхъ дѣлахъ и оберъ-полиціймейстеромъ.

[2]) Посолъ еще въ Гроднѣ разсказалъ мнѣ, какъ король прислалъ къ нему генерала Комаржевскаго съ сообщеніемъ, что существуетъ планъ отравить его, короля, при помощи Угромовой. Эта исторія надѣлала-бы тогда въ Гродно много шуму, если бы заблаговременно Угромову оттуда не выслали.

Родители этой авантюристки были итальянцы. Сама-же она долго жила въ Варшавѣ, а переѣхавъ въ Петербургъ, выдавала себя тамъ за польку.

«Между тѣмъ свидѣтельство такихъ лицъ, какъ графъ Станиславъ Потоцкій, человѣкъ съ умомъ, и англичанинъ Тайлоръ имѣло извѣстный вѣсъ.

«Посолъ попросилъ меня разслѣдовать это дѣло возможно обстоятельнѣе, переговорить о немъ съ маршаломъ графомъ Игнатіемъ Потоцкимъ и затѣмъ сообщить ему, послу, мой довѣрительный о томъ отзывъ.

«Было 6-ть часовъ, когда мы вернулись. Король только-что прибылъ въ театръ, когда въ его ложѣ появился Комаржевскій и сказалъ:

— Государь, передаю вамъ мою шпагу, ибо я обезчещенъ. Меня обвиняютъ въ томъ, что я намѣревался вмѣстѣ съ Риксомъ отравить князя Адама Чарторыйскаго. Графъ Станиславъ Потоцкій и нѣкій Тайлоръ силою потащили Рикса во дворецъ княгини Любомірской.

«Въ бѣшенствѣ король поднялся и оставилъ театръ.

«Публика, которая въ одно мгновеніе узнала въ чемъ дѣло, распалась на два лагеря. Партія короля негодовала на совершенное насиліе и на злословіе, а партія князя Адама и Потоцкихъ вопила о покушеніи на отравленіе.

«Спектакль окончился кое-какъ и на другой день весь городъ раздѣлился на два лагеря, крайне страстно настроенныхъ.

«Графъ Игнатій Потоцкій, котораго я навѣстилъ, былъ глубоко убѣжденъ въ дѣйствительномъ существованіи плана отравленія...

«Король только и думалъ, какъ-бы отмстить за косвенно падавшее на него обвиненіе, такъ какъ публика рѣшила, что не Риксъ и не Комаржевскій, а именно король издавна ненавидѣлъ князя Адама Чарторыйскаго. Партія, приверженная королю, конечно находила, что такое обвиненіе лишь смѣшно; король не былъ наслѣдникомъ князя Адама, имѣвшаго дѣтей, а князь Адамъ не былъ наслѣдникомъ престола. Потому королю не было никакого основанія отравлять родственника, человѣка всѣми любимаго.

«Какъ бы то ни было, возбужденіе не прекращалось, дѣла затушить было нельзя и за него взялись знаменитѣйшіе адвокаты. Нѣкій Глэръ (Glaire) [1]), хорошо знавшій короля, воспользовался случаемъ, чтобы попытать счастья. Онъ добился того, что обѣ враждебныя партіи поручили ему изложить по пунктамъ показанія обвиняемыхъ.

«Послѣдовавшее наконецъ рѣшеніе гласило: 1) такъ такъ Угромову уличили въ томъ, что она оклеветала Рикса и Комаржевскаго, то ее надлежало публично наказать и заклеймить, и 2) Тайлора, какъ участника въ этомъ гнусномъ обманѣ, изгнать изъ страны.

«Король былъ въ восхищеніи отъ составленнаго Глэромъ мемуара и

---

[1]) Швейцарецъ, одинъ изъ многочисленныхъ иностранцевъ, искателей наживы, которыхъ было такъ много въ ту пору въ Варшавѣ. А. Г.

подарилъ ему 15 тысячъ дукатовъ. Швейцарецъ, замѣтившій, что онъ навлекъ на себя массу враговъ, счелъ болѣе благоразумнымъ вернуться въ свои горы, гдѣ онъ впослѣдствіи выдвинулся какъ революціонеръ».

Въ апрѣлѣ 1785 года Гейкингъ отправился съ женою въ Парижъ, гдѣ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, вращаясь въ высшемъ обществѣ и среди членовъ разныхъ масонскихъ ложъ.

Приводимъ выдержки изъ его замѣтокъ о Парижѣ, касающіяся русскаго посланника Симолина [1]) и общаго впечатлѣнія, производимаго французскимъ дворомъ.

«Графъ Штакельбергъ снабдилъ меня письмами къ Симолину, съ которымъ я неоднократно видался въ Петербургѣ. Симолинъ принялъ меня съ обычною вѣжливостью, но, подъ предлогомъ, что его домъ еще не устроенъ, лишь одинъ разъ позвалъ меня къ обѣду совсѣмъ за-просто. Въ Версалѣ и Парижѣ онъ не пользовался уваженіемъ; была значительная разница между нимъ и его предшественникомъ, княземъ Барятинскимъ, которому свойственны были и тонъ, и манеры вельможи и представителя большой державы.

«Его скряжническій и безпутный образъ жизни всѣмъ не нравился [2]). Онъ бывалъ на всѣхъ аукціонахъ и постоянно имѣлъ дѣло съ биржевыми маклерами. Этимъ онъ старался увеличить свое состояніе, которое и безъ того было значительно, и его жалованья и доходовъ было вполнѣ достаточно, чтобы жить съ достоинствомъ...

«...По настоянію пріятелей я посѣтилъ Месмера, чтобы составить себѣ личное мнѣніе о его системѣ, независимое отъ преувеличенныхъ отзывовъ, которые о ней были распространены. Въ ту пору (въ маѣ 1785 г.) этотъ знаменитый человѣкъ приковывалъ къ себѣ вниманіе всего Парижа. Я нашелъ въ немъ нѣмецкаго врача, чрезвычайно образованнаго, ни рѣчью, ни обхожденіемъ не похожаго на шарлатана. Онъ очень порядочно говорилъ по-французски, хотя съ нѣкоторымъ акцентомъ, мысли его были ясны, и когда онъ говорилъ о своихъ системахъ, то развивалъ свое мнѣніе съ точностью логика. Моя бесѣда съ нимъ продолжалась цѣлый часъ.

— Итакъ, — сказалъ онъ мнѣ, — вы посвящены въ мою теорію... Благоволите теперь прослушать тотъ курсъ, что Гервье любезно читаетъ въ моемъ присутствіи тѣмъ, которые желаютъ быть допущенными къ моему ученію. Я буду счастливъ доказать вамъ чистоту моихъ намѣреній и надежность моихъ принциповъ.

«Я прослушалъ этотъ курсъ. По достаточномъ теоретическомъ озна-

---

[1]) Бывшаго прежде русскимъ резидентомъ въ Митавѣ.

[2]) Онъ совершенно открыто жилъ со вдовою одного виноторговца и отношенія свои выставлялъ напоказъ безъ малѣйшаго стѣсненія, что общество громко осуждало.

комленіи съ магнетизмомъ, я былъ приглашенъ Месмеромъ въ помѣщеніе, гдѣ магнетизировали нѣсколькихъ больныхъ. Онъ предложилъ мнѣ магнетизировать по его указаніямъ нѣкую г-жу Р., жену парижскаго архитектора, молодую женщину, страдавшую нервными припадками, доходившими до корчей. Послѣ того, какъ я вступилъ съ больною въ общеніе, послышался своеобразный шумъ въ томъ направленіи, куда я протягивалъ руку.

«Былъ-ли это обманъ или иллюзія? Воздерживаюсь отъ всякаго сужденія и удостовѣряю лишь фактъ.

«Пока я слушалъ месмеровскій курсъ, я не переставалъ посѣщать корифеевъ французскаго франмасонства. Я имѣлъ письмо къ нѣкоему Савалеттъ де-Ланжъ (M-r de la Savalette de-Langes), чиновнику королевскаго казначейства, который долженъ былъ сообщить мнѣ послѣднія учрежденія «Филалѣтовъ» и познакомить съ знаменитымъ Туссе (Toussay de-Chanteau) изъ секты мартинистовъ. Этотъ человѣкъ постился девять дней, чтобы стать, какъ онъ говорилъ, выше насъ, низменныхъ и слабыхъ смертныхъ.

«Всѣ эти глупости мнѣ обѣщали забаву, а для того, чтобы быть допущеннымъ къ этимъ фокусамъ, надо было сдѣлать видъ, что вѣришь въ возможность явленій.

«Когда я передалъ письмо Савалетту, онъ мнѣ сказалъ:

— Меня о васъ извѣстили уже дней восемь—десять тому назадъ; но, — прибавилъ онъ ухмыляясь, — извѣстили какъ о сомнѣвающемся франмасонѣ.

— Это совершенно вѣрно, — отвѣтилъ я, — но я ищу истину и надѣюсь найти ее въ Парижѣ, въ этомъ средоточіи просвѣщенія и знаній.

«Расположенный этою лестью, Савалеттъ продолжалъ:

— Да, вы найдете у насъ всю связку лучей франмасонскаго просвѣщенія, изъ которыхъ лишь нѣкоторые, разсѣянные, достигаютъ другихъ странъ. Лишь путемъ ничѣмъ не ограниченныхъ разслѣдованій и большихъ тратъ намъ удалось концентрировать бытіе всѣхъ ложъ и всѣхъ мистическихъ обществъ Европы и Америки. Чтобы убѣдить васъ въ томъ, я хочу вамъ показать картину вашего «Востока».

«Онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и принесъ мнѣ изложеніе, совершенно вѣрное всего того, что насъ касалось, нашихъ преній, перемѣнъ, у насъ происходящихъ и т. п.

— Мы получаемъ ежемѣсячно, — прибавилъ онъ, — отчетъ о всѣхъ радіусахъ того круга, центромъ котораго служитъ Парижъ.

«Я ему выразилъ признательность за эту счастливую мысль и за достигнутый успѣхъ.

— Сознаюсь вамъ, что я былъ бы очень радъ сдѣлаться членомъ филалѣтовъ, лишь бы отъ меня не потребовали признанія иностраннаго

главы. Этого я исполнить не могу, такъ какъ далъ присягу никогда не признавать ни невидимаго, ни нашей системѣ чуждаго главы.

«Подумавъ нѣсколько, Савалеттъ отвѣтилъ:

— Я по этому вопросу высказаться не могу, но я разсчитываю имѣть честь чаще васъ видѣть, и извѣщу васъ о намѣреніяхъ моихъ собратовъ.

«Я просилъ Савалетта познакомить меня съ Туссэ дю-Шато [1]), и черезъ нѣсколько дней увидѣлъ наконецъ этого бѣсноватаго.

«Привожу разговоръ мой съ нимъ.

«Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ о франмасонствѣ, бытіи души и каббалѣ [2]), онъ меня спросилъ высокопарнымъ тономъ:

— Вѣрите ли вы священному писанію?

Я (чтобы испытать моего собесѣдника)—съ ограниченіями и часто съ сомнѣніями.

Онъ. Вы должны вѣрить безусловно, или мнѣ съ вами нечего болѣе говорить.

Я. Я бы слишкомъ много потерялъ, если бы вы не желали говорить. Допустите, поэтому, что я вѣрю буквальному смыслу.

Онъ. Вамъ извѣстно видѣніе святаго Павла, когда онъ поднялся до седьмаго неба? Вѣрите вы этому?

Я. Я вѣрю видѣнію.

Онъ. Такъ знайте, что Божество оказало мнѣ ту же милость. Послѣ того, какъ я пропостился девять дней, я поднялся до лона Божества, и вся природа была мнѣ раскрыта.

Я. Въ такомъ случаѣ вы знаете все, а я не знаю ничего. Благоволите мнѣ возвѣстить хотя бы одну новую истину въ духовной или вещественной области, и я стану вашимъ усерднѣйшимъ послѣдователемъ.

«Шато пустился въ невѣроятно-безсмысленныя разсужденія. Я выслушалъ его спокойно и затѣмъ попросилъ изложить мнѣ кратко содержаніе всего имъ сказаннаго, замѣтивъ ему при этомъ, что все это для меня непонятно.

Онъ (нѣсколько разсерженный). Я не могу въ вопросахъ отвлеченныхъ быть яснымъ для того, кто не владѣетъ нужнымъ ключемъ... Чтобы меня понять, надо обладать извѣстною силою мышленія...

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ (выше) авторъ записокъ называетъ его нѣсколько иначе: Туссэ де-Шанто. Очевидно, впрочемъ, что это одно и то же лицо. А. Г.

[2]) Я узналъ, что онъ сдѣлался евреемъ, чтобы быть посвященнымъ въ каббалу. Фактъ этотъ подтверждается въ весьма интересномъ сочиненіи подъ заглавіемъ „St. Nicaise“, стр. 333.

Я. Которую имѣть и не хвалюсь; но логики, почтеннѣйшій, логики!

Онъ. Ахъ, какъ это отзывается школой...

«Разговоръ перешелъ въ споръ, и Савалеттъ вошелъ, чтобы его прервать.

«Дю-Шато раскланялся и ушелъ, сказавъ съ горькою и презрительною улыбкою:

— Я уже съ давнихъ поръ не спорю.

«Этого глупца, умершаго гдѣ-нибудь въ сумасшедшемъ домѣ, я болѣе никогда не встрѣчалъ.

«Въ Парижѣ въ то время бѣгали за Каліостро. Онъ какъ разъ былъ занятъ учрежденіемъ ложи по египетскому обряду, подъ названіемъ «Торжествующая мудрость»; невѣроятнѣйшимъ натяжкамъ, имъ самимъ выдуманнымъ, онъ придавалъ мистическія формы. Членами этой ложи были люди съ огромнымъ воображеніемъ, но и такіе, на продажность пера которыхъ можно было разсчитывать для всякой лжи, для всякаго обольщенія. Нельзя было не удивляться тому, что Каліостро деспотически повелѣвалъ такими людьми, какъ кардиналъ Роганскій, г. Сентъ-Жемсъ (St.-James), герцогъ Г... и многіе другіе.

«Одинъ изъ этихъ господъ, маркизъ де-Л...., выразился мнѣ какъ-то въ присутствіи Савалетта, что Каліостро необыкновенный человѣкъ. Когда я его увѣрилъ, что Каліостро самый обыкновенный, поразительно-невѣжественный шарлатанъ, и разсказалъ ему про продѣлки его въ Петербургѣ и въ Варшавѣ, маркизъ меня спросилъ, не сдѣлаю ли этого заявленія и письменно. «Конечно», сказалъ я; тутъ же написалъ это тотчасъ, подписалъ и приложилъ печать.

«По уходѣ маркиза, Савалеттъ сказалъ мнѣ испуганно:

— Опасайтесь мести Каліостро и его приверженцевъ...

«Мой образъ дѣйствій заслужилъ мнѣ похвалу «филалѳтовъ», которые узнали съ неудовольствіемъ, что шарлатанъ отвлекъ отъ нихъ нѣсколько выдающихся членовъ... Заявленіе мое вообще на многихъ лицъ подѣйствовало благотворно и доставило мнѣ высшія франмасонскія степени.

«... У Месмера я познакомился съ кавалеромъ де ...., капитаномъ пѣхоты, основательныя и многостороннія знанія котораго произвели на меня впечатлѣніе. Намъ обоимъ д-ръ Месмеръ жаловался на то, что ему приписываютъ всевозможный вздоръ, и говорилъ, что ничего онъ такъ не желаетъ, какъ сохраненія своей системы въ ея первоначальной чистотѣ. Я предложилъ ему примкнуть къ франмасонамъ и изъ своего ученія сдѣлать научный отдѣлъ ордена.

«Месмеру проектъ этотъ понравился, и мы выработали съ капитаномъ де .... все необходимое для устройства ложи подъ титуломъ «Всеобщее

единеніе». Многіе франмасоны и ученики Месмера вступили въ нее, а Месмеръ былъ назначенъ завѣдующимъ научнымъ отдѣломъ. Эту ложу, въ которой ученіе Месмера трактовалось научно, не слѣдуетъ смѣшивать съ союзомъ магнетизеровъ, принявшимъ то же названіе, но преслѣдовавшимъ совсѣмъ иныя цѣли.

«Месмера постигла судьба всѣхъ тѣхъ, которые обнаружили новую истину и придали слишкомъ большую важность своему открытію. Его отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми невѣжественными шарлатанами, что надуваютъ публику ради денегъ.

«Месмеръ былъ женатъ на дочери вѣнскаго аптекаря, принесшею ему приданое свыше 100 тысячъ гульденовъ.

«Онъ былъ ловкимъ и уже цѣнимымъ врачемъ, когда сдѣлалъ свое открытіе. Ему казалось, что онъ удостовѣрилъ существованіе животнаго электричества и лишь приводилъ въ систему свои наблюденія. Въ Парижъ онъ отправился, чтобы доказать активное присутствіе всеобщаго тока, въ чемъ самъ былъ твердо убѣжденъ. Здѣсь онъ образовалъ общество изъ 100 членовъ для производства магнетическихъ опытовъ, на которыхъ онъ пользовалъ больныхъ на глазахъ у врачей и полиціи. На покрытіе расходовъ по производству этихъ опытовъ каждый членъ внесъ добровольно сто луидоровъ, а учрежденіемъ коммисіи изъ четырехъ человѣкъ, представлявшей обществу каждые три мѣсяца отчетъ въ расходахъ, Месмеръ далъ доказательство своего безкорыстія.

«Онъ былъ въ отчаяніи, видя, что съ ученіемъ связываютъ всякія чудеса, но у него не хватало духа энергически тому противодѣйствовать. Привожу отрывокъ изъ одного письма его ко мнѣ.

«Вамъ трудно будетъ повѣрить, насколько сомнамбулизмъ поддерживаетъ честолюбіе фанатиковъ и заблужденія моихъ собственныхъ учениковъ. Я всегда опасался роковыхъ послѣдствій слабости человѣческаго духа, которая заставляетъ всюду искать чего-либо чудеснаго и отдавать предпочтеніе всему волшебному. Указанія мои я дѣлалъ съ большою осторожностью, но, быть можетъ, съ излишнимъ довѣріемъ. Я дрожу при мысли, что мое ученіе смѣшаютъ съ прежними заблужденіями и породятъ что-либо новое, невозможное, что все разрушитъ. Я могъ бы остаться довольнымъ результатомъ моей поѣздки (въ Парижъ), если бы не увидѣлъ, что въ дѣло проникъ фанатизмъ, въ полутьмѣ котораго простыя и естественныя объясненія отвергаются ради суевѣрной метафизики...»

«...Мы отправились въ Версаль на нѣсколько дней, и я долженъ сознаться, что столь прославленная резиденція не отвѣтила нашимъ ожиданіямъ. Если Парижъ превосходитъ, что и естественно, Петербургъ, то блескъ русскаго двора конечно превосходитъ блескъ двора французскаго.

«Мы присутствовали на королевской обѣднѣ, ... бывали на придворныхъ обѣдахъ, и я могъ сравнить послѣдніе съ трапезами у императрицы. Видѣлъ въѣздъ королевы въ Парижъ; она отправлялась въ церковь для молитвы послѣ разрѣшенія отъ бремени. Поѣздку эту обставили возможно торжественно, экипажи были взяты самые великолѣпные; но даже и въ этомъ отношеніи Версаль не досягалъ до Петербурга. Кромѣ того, своимъ голосомъ, своею осанкою, а, прежде всего, своимъ геніемъ, Екатерина высоко царила не только надъ своимъ народомъ, но и надъ всѣми монархами ея времени [1]), тогда какъ Людовикъ XVI не внушалъ, какъ казалось, ни страха, ни любви. Королева слишкомъ ясно показывала желаніе нравиться, какъ женщина, и, въ глазахъ людей разсудительныхъ, теряла поэтому какъ королева. При дворѣ господствовалъ постоянный контрастъ между легкомысліемъ, доходившимъ до неприличія молодежи, и холоднымъ и презрительнымъ тономъ пожилыхъ высокопоставленныхъ лицъ. И тѣ же молодые люди, когда бывали въ Парижѣ, принимали дерзкій и насмѣшливый тонъ,— поведеніе, которое тогда называли «англійскимъ тономъ». Герцогъ Шартрскій [2]), котораго я имѣлъ случай видѣть неоднократно въ Palais Royal'ѣ [3]), упорно держался манеръ сентъ-джемсскаго конюха, за что его всѣ открыто презирали...

«Въ то время, всякій возвращавшійся изъ Парижа, производилъ сенсацію, какъ будто онъ пріобрѣлъ какія-то сверхестественныя силы. Король и madame de Cracovie [4]) удвоили по отношенію къ намъ свою благосклонность и предупредительность. Насъ закидывали приглашеніями и, такъ какъ въ ту пору магнетизмъ приковывалъ къ себѣ вниманіе всей Европы, король, какъ образованный человѣкъ, пожелалъ ознакомиться съ новою системою... Я имѣлъ честь вручить королю рукопись Месмера...

«Однажды вечеромъ, разговаривая съ королемъ, я воспользовался лестнымъ отзывомъ его о моихъ сужденіяхъ въ области политики, чтобы заявить, насколько я былъ бы счастливъ, если бы его величеству угодно было воспользоваться моими трудами для дипломатической службы, вначалѣ въ качествѣ хотя бы повѣреннаго въ дѣлахъ. Король отвѣтилъ, что онъ убѣжденъ въ томъ, что на этомъ поприщѣ я могу оказать существенныя услуги; «но, прибавилъ онъ, вамъ извѣстны от-

---

[1]) Фридрихъ Великій былъ единственный государь, который геніемъ своимъ могъ съ нею сравниться.

[2]) Впослѣдствіи герцогъ Орлеанскій и Egalité.

[3]) Королевскій дворецъ въ Парижѣ.

[4]) Сестра его, пани Краковская, вдова бывшаго краковскаго гетмана и кастелана Браницкаго. Прим. изд.

ношенія Польши къ Россіи, и если вы прослѣдите ихъ внимательно, то угадаете соображенія, которыя меня побуждаютъ посылать тѣхъ или другихъ лицъ къ разнымъ дворамъ».

«Я сообщилъ замѣчаніе короля послу и просилъ его увѣрить его величество, что назначеніе меня къ петербургскому двору не будетъ встрѣчено съ неудовольствіемъ. Графъ Штакельбергъ сказалъ мнѣ на это: «вы лишь на половину уловили мысли короля. Въ душѣ онъ ропщетъ на Россію, но въ этомъ смыслѣ будетъ опасаться давать инструкціи человѣку со значеніемъ, особливо если такой человѣкъ будетъ рекомендованъ моимъ дворомъ. Онъ имѣетъ поэтому лишь людей ничтожныхъ, какъ Ц. въ Берлинѣ, или Кортичелли въ Вѣнѣ, такихъ, которые лишь въ передникъ толкуютъ съ лицами подчиненными. Если онъ провелъ Деболи въ Петербургъ, то это потому, что онъ его воспиталъ и считаетъ его своей креатурою. Мой дворъ находитъ бѣднаго Деболи до того смѣшнымъ, что радъ имѣть его для своего увеселенія (pour ses menus plaisirs [1]). Въ виду всего этого я, какъ другъ, вамъ совѣтую оставить совершенно мысль быть использованнымъ королемъ въ дипломатіи».

Баронъ Гейкингъ послѣдовалъ совѣту посла и, пользуясь досугомъ, отправился вмѣстѣ съ женою въ Митаву (апрѣль 1786), а оттуда въ Петербургъ, гдѣ пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ, живя у князя Давыдова, дяди полковницы Гейкингъ, дочь которой воспитывалась въ Смольномъ институтѣ.

Въ 1787 году Гейкингъ снова съѣздилъ въ Митаву и въ Петербургъ и вернулся въ Варшаву не задолго до возвращенія изъ путешествія въ Каневъ короля Станислава.

«...Императрица россійская, въ бытность свою, проѣздомъ въ Крымъ, въ Кіевѣ, разрѣшила королю польскому прибыть на свиданіе съ нею въ Каневъ. Путешествіе Екатерины, взволновавшее почти всю Европу, было вызвано въ сущности лишь желаніемъ князя Потемкина оживить видимо исчезавшее благоволеніе своей повелительницы. Враги его увѣрили Екатерину, что вновь пріобрѣтенныя области, генералъ-губернаторомъ которыхъ былъ Потемкинъ, не болѣе какъ пустыни и что громадныя суммы, получаемыя изъ государственнаго казначейства на колонистовъ, на разныя сооруженія и на укрѣпленія, прямо плывутъ въ личную кассу князя Потемкина. Онъ думалъ, что лучше всего опровергнетъ эти, если не совершенно ложныя, то, во всякомъ случаѣ,

---

[1]) Не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь шутку графа Штакельберга. Госпожа Деболи два раза разрѣшалась отъ бремени мертворожденными. По этому поводу графъ Штакельбергъ сказалъ: „Дѣти госпожи Деболи какъ депеши ея мужа: умираютъ лишь только видятъ свѣтъ“.

сильно преувеличенныя обвиненія тѣмъ, что упроситъ государыню предпринять это путешествіе. Была даже рѣчь о коронованіи императрицы царицею Таврическою, но такъ какъ императоръ Іосифъ [1]) возбудилъ гораздо болѣе крупный вопросъ по отношенію къ самому Константинополю, то мысль о коронованіи была оставлена.

«Свиданіе короля съ императрицею въ Каневѣ ускорило, быть можетъ, крушеніе Польши. При всемъ своемъ умѣ Станиславъ оказался не ловкимъ. Браницкій возбуждалъ князя Потемкина противъ графа Игнатія Потоцкаго, которымъ слѣдовало бы заручиться, оказавъ ему особыя отличія. Вмѣсто этого его напрасно и несправедливо обидѣли, и онъ оставилъ Каневъ глубоко огорченный и возмущенный противъ петербургскаго двора.

«...Я уже давно оставилъ мысль быть посланникомъ Станислава при какомъ-либо дворѣ, а теперь, желая расширить кругъ своей дѣятельности, рѣшилъ съѣздить въ Берлинъ, гдѣ, благодаря водворенію новаго правительства [2]) и инымъ особымъ обстоятельствамъ, разсчитывалъ найти осуществленіе моихъ вожделѣній. Подъ предлогомъ свиданія съ съѣзжающимися въ Берлинѣ франмасонами изъ Парижа и изъ Стокгольма, я отправился въ столицу Пруссіи».

Обстоятельства вскорѣ убѣдили Гейкинга, что на поступленіе на службу Пруссіи ему особенно разсчитывать нельзя было, и онъ предложилъ свои услуги шведскому посланнику при берлинскомъ дворѣ Каррезьену.

«...Я имѣлъ съ нимъ (Каррезьеномъ) довѣрительную бесѣду по вопросу о польскихъ дѣлахъ и выразилъ удивленіе, что его дворъ не имѣетъ представителя въ Варшавѣ. Онъ же полагалъ, что при безграничномъ вліяніи Россіи на долю посланниковъ прочихъ дворовъ выпадаетъ слишкомъ подчиненная роль. «Вліяніе это, вставилъ я, умѣряется вліяніемъ Пруссіи. Если не ошибаюсь, берлинскій дворъ собирается вступаться въ польскія дѣла и поддерживать въ Польшѣ партію недовольныхъ. Вашъ дворъ, въ качествѣ державы-поручительницы Оливскаго мира и конституціи 1768 года, всегда можетъ пріобрѣсть нѣкоторое вліяніе на республику. Достаточно было бы на первое время послать туда повѣреннаго въ дѣлахъ, который впослѣдствіи можетъ стать посланникомъ».

«На предложеніе моихъ услугъ для занятія этой должности Каррезьенъ заявилъ, что мнѣ необходимо представить ему по этому вопросу меморію и въ то-же время написать генералу Толю.

---

[1]) Какъ извѣстно, сопровождавшій Екатерину въ ея путешествіи въ Крымъ. А. Г.

[2]) На престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ II.

«Все это я сдѣлалъ, написалъ королю и генералу Толю, послѣднему подъ масонскою печатью. (Проѣздомъ черезъ Варшаву генералъ былъ избранъ представителемъ польскаго франмасонскаго ордена для Стокгольма). Затѣмъ я отправился въ Варшаву, гдѣ вскорѣ получилъ отъ короля Густава III письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ писалъ: Vous sentirez aisément la force des considérations qui m'empêchent de vous accorder tout de suite un caractère public parmi lesquelles est l'ancien usage de ne donner les places de cette catégorie qu' à des personnes nées mes sujets; cependant je ne ferai aucune difficulté de Vous munir en attendant d'une autorisation particulière de veiller à mes intérêts à l'endroit où Vous demeurez et je recevrai avec plaisir les relations que Vous me ferez parvenir. Vous pouvez être assuré, que je trouverai toujours moyen de vous tenir compte des services que Vous me rendrez [1]).

Этотъ рескриптъ короля былъ вложенъ въ частномъ письмѣ генерала Толя, въ которомъ было сказано:

J'ai appuyé vivement votre mémoire, dont notre ministre à la Cour de Berlin a si bien développé les avantages dans sa depêche. Mais le Roi voudrait que Vous Vous chargeassiez, Monsieur, d'abord d'une simple correspondance directe avec Sa Majesté sous mon adresse avec le chiffre ci-joint et sans aucun titre. Le temps fera le reste et l'on pourra Vous accordez alors un titre convenable à Votre naissance et à Votre rang. La qualité de correspondant du Roi doit vous être d'autant moins désagréable, qu'elle Vous prouve la confiance de S. M. sans Vous compromettre. Pour cet effet le Roi Vous permet de donner une forme maçonnique aux lettres que Vous m'écrirez, et dont celles au Roi n'auront l'air que d'être de simples annexes [2]).

---

[1]) Вы поймете силу соображеній, препятствующихъ мнѣ дать вамъ сейчасъ-же офиціальное званіе и, между прочими, старинный обычай назначать на должности этой категоріи лишь лицъ, родившихся моими подданными; тѣмъ не менѣе я безъ всякаго затрудненія снабжу васъ покамѣстъ частнымъ разрѣшеніемъ блюсти мои интересы въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы живете, и я съ удовольствіемъ буду получать реляціи, которыя вы мнѣ пришлете. Вы можете быть увѣрены, что я всегда найду способъ отблагодарить васъ за услуги, которыя вы мнѣ окажете.

[2]) Я съ живостью поддержалъ вашу меморію, преимущества которой столь прекрасно изображены въ депешѣ нашего министра при Берлинскомъ дворѣ. Но король желалъ-бы, чтобы вы сперва взяли на себя непосредственную корреспенденцію съ е. в. подъ моимъ адресомъ съ помощью прилагаемаго шифра и безъ всякого званія. Время сдѣлаетъ остальное и вамъ можно будетъ дать званіе въ соотвѣтствіи съ вашимъ происхожденіемъ и вашимъ положеніемъ. Званіе корреспондента короля вамъ тѣмъ менѣе можетъ быть непріятно, что оно доказываетъ довѣріе е. в. и васъ не компрометируетъ.

«По зрѣломъ обсужденіи я принялъ эти предложенія, но заявилъ генералу Толю, что дѣлаю это лишь подъ тѣмъ условіемъ, что если, по истеченіи полугода его величество все-таки будетъ имѣть основанія отказать мнѣ въ офиціальномъ званіи, я имѣю право прекратить корреспонденцію и искать иной должности, которая не подчинитъ меня условію, существованіе котораго могло бы въ концѣ концовъ быть противнымъ моимъ чувствамъ.

«Моя корреспонденція не продолжалась и трехъ мѣсяцевъ, какъ въ Варшаву прибылъ, въ качествѣ простаго путешественника, нѣкій шведъ по фамиліи фонъ-Энгстремъ. Назначенный прусскимъ посланникомъ къ Петербургскому двору Луккезини, вмѣсто того чтобы лишь проѣхать черезъ Варшаву, остался въ ней и здѣсь-же вскорѣ былъ сдѣланъ посланникомъ.

«Мнѣ сдавалось, что Энгстремъ прилагалъ всякія къ тому старанія, чтобы быть о всемъ освѣдомленнымъ и близко сошелся съ Луккезини и съ анти-русскою партіею. Въ ту пору мнѣ казалось весьма вѣроятнымъ, что шведскій король формально станетъ когда-либо противъ Россіи, въ особенности послѣ того, что произошло со времени его свиданія съ Екатериною.

«Всѣ эти обстоятельства побудили меня или потребовать офиціальнаго моего назначенія, или прекратить корреспонденцію.

«Король Густавъ освободилъ меня отъ послѣдней и такимъ образомъ, къ моему счастью, прекратились отношенія, которыя могли быть полны опасностей для моей дальнѣйшей судьбы. Если бы я и добился дипломатическаго званія, то несомнѣнно потерялъ бы свою должность со смертью Густава, и Россія осталась бы для меня навсегда закрытою. На меня легло бы обвиненіемъ все то, что выпало на долю Энгестрема за время войны между Швеціею и Россіею и подготовившаго революцію польскаго сейма.

«Въ ту пору Россія предложила Польшѣ наступательный и оборонительный союзъ, а Пруссія вручила ноту, въ которой король предложенія этого не одобрялъ и брался защищать Польшу отъ всякаго нападенія, откуда бы таковое ни послѣдовало. Предложеніе это до крайности усилило уже существовавшее броженіе, и такъ какъ сеймъ изъ вольнаго [1]) превратился въ конфедераціонный, то большинство, на которое разсчитывалъ русскій посолъ, стало сомнительнымъ, благодаря, главнымъ образомъ, двуязычію короля.

Для сего король разрѣшаетъ вамъ придать масоническую форму письмамъ, которыя вы мнѣ будете адресовать, причемъ письма для короля будутъ имѣть видъ простыхъ приложеній.

[1]) См. выше примѣч. о вольныхъ сеймахъ, стр. 123. А. Г.

«Я позволилъ себѣ предсказать графу Штакельбергу, что его дворъ потеряетъ большинство. Опасенія мои онъ счелъ иллюзіею. Коссаковскіе, Ожаровскіе и др. поддерживали его въ этомъ убѣжденіи и силились ему доказать, что если я вселяю въ немъ безпокойство, то лишь потому, что состою въ сношеніяхъ съ Потоцкими, чувства и мнѣнія которыхъ втайнѣ раздѣляю.

«... Утвержденный снова герцогомъ въ званіи Пильтенскаго делегата я былъ на аудіенціи у короля и затѣмъ предъявилъ свои полномочія сеймовымъ маршаламъ. Съ вниманіемъ и озабоченностью слѣдилъ я за бурными преніями этого сейма, въ которомъ впослѣдствіи усмотрѣли ближайшую причину гибели Польши.

«На дѣлѣ, русскій посолъ заявилъ (въ нотѣ отъ 6-го ноября 1788 года), «что его повелительница, постоянно обнаруживавшая живѣйшее участіе къ королю и Польской Республикѣ, усмотритъ въ малѣйшемъ измѣненіи конституціи 1775 года, которую она торжественно гарантировала, нарушеніе договоровъ» и т. д. Заявленіе это было шагомъ, способнымъ до крайности взволновать умы.

«Ваврженкій уже внесъ предложеніе объ усиленіи арміи республики до 100 тысячъ человѣкъ и предложеніе это было принято безъ голосованія (par acclamation). Посолъ громко противился этому мѣропріятію, не сочтя нужнымъ дать себѣ напрасный трудъ уговаривать людей, которые въ своемъ воодушевленіи уже не были способны спокойно обсуждать дѣло.

«Личное мое положеніе съ каждымъ днемъ становилось тягостнѣе. Почти всѣ мои друзья принадлежали къ такъ называемой прусской партіи, тогда какъ по внутреннему убѣжденію и имѣя въ виду естественныя отношенія Курляндіи и Пильтена я держался мнѣнія тѣхъ, которые предпочитали для Польши союзъ съ Россіей.

«Поэтому я мало выходилъ и посѣщалъ лишь русскаго посла и маршала графа Потоцкаго, хотя на послѣдняго смотрѣли какъ на главу оппозиціонной партіи.

«Въ эту пору Луккезини началъ громко говорить противъ Россіи и открыто проповѣдывать самыя крайнія мнѣнія о мнимой республиканской свободѣ. Этотъ Луккезини, непріятная внѣшность котораго была вѣрнымъ изображеніемъ его души, былъ весьма образованнымъ человѣкомъ, въ особенности въ области греческой и римской литературъ. Онъ ловко ссылался на нѣкоторые факты изъ исторіи, чтобы еще болѣе восхитить поляковъ. Его своеобразная и разукрашенная французская рѣчь убѣждала его приверженцевъ въ томъ, что онъ глубокій философъ, а людей болѣе разсудительныхъ въ томъ, что онъ шарлатанъ. Послѣдніе были того мнѣнія, что посланникъ крупнаго двора долженъ блюсти мѣру, приличіе и относиться съ уваженіемъ даже къ враждебной державѣ.

«Между тѣмъ онъ воспламенилъ всѣ головы. Шла подписка на армію и т. п. Извѣстіе о взятіи Очакова на время охладило пылъ страстныхъ поклонниковъ возрожденія республики.

«Король началъ уклоняться отъ прямаго пути. Изъ всей королевской семьи лишь одинъ примасъ твердо держался своихъ принциповъ и мнѣнія, «что слѣдовало оставаться приверженнымъ къ Россіи изъ опасенія ея мести, которая рано или поздно Польшу уничтожитъ».

«Луккезини съумѣлъ разжечь личныя страсти противъ Россіи и ея посла. Онъ бранилъ графа Штакельберга за его высокомѣріе и, ради популярности, бѣгалъ въ чердаки къ молодымъ земскимъ депутатамъ, которые нерѣдко могли существовать лишь благодаря благодѣяніямъ короля и нѣкоторыхъ магнатовъ.

«Надменность этихъ пустыхъ головъ переступала всякіе предѣлы; была рѣчь о томъ, чтобы массою возстать противъ Россіи и, для ускоренія разрыва, намѣревались оскорбить ея посла.

«Графъ Штакельбергъ все время держалъ себя достойно и противупоставлялъ нападкамъ и декламаціямъ Луккезини злую насмѣшку. Онъ называлъ его маркизъ Тюлипано—это было имя одной комической личности изъ оперы-буффъ, дававшейся тогда въ Варшавѣ.

«Это и кое-что другое было передано Луккезини, который сдѣлалъ неловкость появиться у посла и потребовать отъ него объясненій. Штакельбергъ отвѣтилъ: «если я это говорилъ, то передать это могли лишь мои лакеи. Вы конечно поймете, что ни вы, ни я не сочтемъ возможнымъ заниматься лакейской болтовнею». Затѣмъ Штакельбергъ всталъ, давая понять итальянцу, что онъ можетъ удалиться. Луккезини это и сдѣлалъ сказавъ: «такъ какъ господинъ посолъ отрицаетъ эти рѣчи, то мнѣ ничего не остается говорить».

«Штакельбергъ повторилъ: «лакейская болтовня, господинъ графъ».

«Этотъ анекдотъ, конечно разукрашенный, облетѣлъ весь городъ. Въ своей ненависти Луккезини сталъ еще ядовитѣе и имѣлъ талантъ бѣшенство свое перевести на большую часть варшавскаго общества, въ ту пору кипѣвшаго.

«Отъ вернувшейся изъ Петербурга жены моей я узналъ достовѣрно о благосклонномъ расположеніи къ моей тещѣ великаго князя [1]) и рѣшилъ ничего не торопить, а всего ожидать отъ времени. Но герцогъ истощилъ мое терпѣніе и вынудилъ меня съ нимъ порвать [2]).

---

[1]) Цесаревича Павла Петровича.

[2]) Предлогомъ послужилъ отказъ Гейкинга выхлопотать для Бирона у короля рескриптъ, въ силу котораго герцогъ долженъ былъ привлечь къ отвѣтственности регентство, превысившее будто бы за время отсутствія Бирона свои полномочія и растратившее государственную казну. Прм. перев.

«Такимъ образомъ я снова обрѣлъ полную свободу. Побудительной причиной къ отстраненію меня отъ дѣлъ для герцога служило не что иное, какъ надежда на поддержку Берлинскаго двора, вліяніе котораго въ Польшѣ росло ежедневно, и предположеніе, что я слишкомъ преданъ русскимъ интересамъ.

«Герцогиня (рожденная Медемъ) уже тогда имѣла намѣреніе подъ покровительствомъ прусскаго короля прибыть въ Варшаву; очевидно, поэтому, представлялось цѣлесообразнымъ устранять всякаго, кто могъ противодѣйствовать такимъ замысламъ».

А. А. Гирсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. А. Милютинъ и редакціонныя коммисіи [1]).

26-го января исполнилось двадцатипятилѣтіе со дня кончины Николая Алексѣевича Милютина, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей, какихъ только знаетъ русская исторія, перваго изъ «стаи славныхъ», истинныхъ сподвижниковъ императора Александра II-го въ великомъ дѣлѣ преобразованія Россіи. Имя Милютина неразрывно связано съ цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ. Милютинымъ было выработано Городовое Положеніе 1846 г. для Петербурга, послужившее затѣмъ образцомъ для устройства самоуправленія Москвы и Одессы, давшее основанія для изданнаго въ 1870 г. новаго Городоваго Положенія. Милютинъ принималъ также участіе въ подготовкѣ матеріала для выработки Земскаго Положенія. Такимъ образомъ, наше мѣстное самоуправленіе, земское и городское, во многомъ обязано Милютину. Но еще важнѣе его заслуги въ крестьянскомъ дѣлѣ. Онъ явился центральнымъ дѣятелемъ въ самомъ важномъ фазисѣ выработки крестьянской реформы 1861 г., онъ стоялъ во главѣ всего устройства крестьянъ въ Польшѣ, по изготовленному имъ же закону. Велики были также труды его по организаціи вообще всего внутренняго управленія Польши.

Несомнѣнно, что всего важнѣе были заслуги Н. А. въ дѣлѣ подготовки освобожденія крестьянъ, какъ по основному значенію этой

---

[1]) Читано въ публичномъ соединенномъ засѣданіи историческаго общества и статистическаго отдѣленія юридическаго общества при Московскомъ университетѣ въ память Н. А. Милютина, 23-го февраля 1897 г.

Прилагаемый къ настоящей статьѣ портретъ Н. А. Милютина хотя и былъ помѣщенъ въ № 2 „Русской Старины“ 1885 года, но редакція считаетъ не лишнимъ, вспоминая о заслугахъ Н. А. Милютина, дать читателямъ и его портретъ. Ред.

реформы, такъ и по тѣмъ условіямъ, въ которыя была поставлена ея разработка и которыя потребовали со стороны дѣятелей освобожденія неимовѣрныхъ усилій, напряженной борьбы. Я позволю себѣ остановить вниманіе именно на участіи Милютина въ подготовительныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и охарактеризовать вкратцѣ его значеніе въ этомъ дѣлѣ [1]).

Николай Милютинъ, какъ извѣстно, былъ рано предоставленъ самому себѣ, долженъ былъ вступить въ жизнь въ тѣ годы, когда другіе только что начинаютъ серьезно учиться. Онъ опредѣлился на службу въ министерскую канцелярію, будучи мальчикомъ 17-ти лѣтъ.

Надо при этомъ припомнить, что это было за время—тридцатые годы въ Петербургѣ,—чтобы понять, какое направленіе, какія условія среды окружали юнаго Милютина, отданнаго въ чиновничью работу, осужденнаго проводить жизнь въ душной атмосферѣ министерской канцеляріи. Но несмотря на всѣ эти условія, на перекоръ имъ Милютинъ не сдѣлался обыкновеннымъ чиновникомъ, который отождествляетъ себя съ формальными задачами своего вѣдомства, интересы котораго всѣ въ его бумагахъ, донесеніяхъ и отпискахъ. Канцелярія не изсушила душу Н. А., и онъ сумѣлъ свою службу въ малыхъ чинахъ обратить для себя въ поучительную школу, всѣми способами старался знакомиться съ жизнью, внося въ свою сухую работу струю живаго духа, стараясь имѣть передъ собой не бумаги, а дѣло, не документы, а людей съ ихъ потребностями и отношеніями.

Въ концѣ 30-хъ годовъ Милютинъ былъ въ продолжительной командировкѣ на югѣ Россіи по крестьянскому дѣлу; здѣсь онъ научился наблю-

---

[1]) 36 лѣтъ прошло съ великаго дня 19-го февраля 1861 года, но до сихъ поръ еще, какъ это ни странно, мы не имѣемъ полной исторіи великой реформы, которая легла въ основу всей обновленной русской жизни. Правда, мы имѣемъ уже не мало различныхъ подготовительныхъ работъ въ этомъ направленіи. За послѣдніе годы въ печати уже появилось много матеріаловъ, и между ними первое мѣсто принадлежитъ обширному труду Н. П. Семенова: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II". Будущій историкъ крестьянской реформы съ признательностью отнесется къ этой работѣ: авторъ, самъ членъ редакціонныхъ коммисій, еще во время производства работъ велъ подробныя записи обо всемъ, въ чемъ участвовалъ, чему былъ свидѣтелемъ. Онъ обработалъ свой трудъ, пользуясь для дополненія его оффиціальными матеріалами, отчасти литературой, и теперь въ четырехъ томахъ его изданія мы имѣемъ подробную лѣтопись общихъ засѣданій редакціонныхъ коммисій, документальныя данныя въ соединеніи съ разсказомъ мемуариста. Именно благодаря такому соединенію, мы и узнаемъ много новаго изъ этого труда. Въ послѣдующемъ изложеніи дѣятельности Н. А. Милютина по крестьянскому дѣлу я сгруппирую тѣ указанія, которыя даетъ названная книга Н. П. Семенова.

дать и понимать крестьянскую жизнь, и позднѣе, во время работъ по крестьянской реформѣ, онъ ссылался на эту свою командировку. Когда Милютинъ, благодаря только своимъ способностямъ и серьезному отношенію къ труду, занялъ болѣе высокія должности, онъ очень скоро выказалъ себя и свое направленіе, проводя свои идеи въ законодательной работѣ, когда она ему стала поручаться. Въ основу ея онъ всегда клалъ подробное изученіе дѣйствительныхъ отношеній, а затѣмъ и самое примѣненіе закона провѣрялъ наблюденіями. Такъ, въ связи съ его работами по Городовому Положенію стояли статистическія изслѣдованія, исполненныя раньше и послѣ изданія Положенія 1846 г.; такъ онъ собралъ и разработалъ много матеріала для крестьянскаго дѣла и отчасти для другихъ реформъ, стоявшихъ въ связи съ нимъ. И вотъ Н. А. изъ мелкаго канцелярскаго чиновника обратился въ хорошо подготовленнаго общественнаго дѣятеля, въ государственнаго человѣка съ широкимъ пониманіемъ жизни и ея задачъ. Этимъ онъ былъ обязанъ, съ одной стороны, своимъ внутреннимъ природнымъ качествамъ, своему широкому уму, живымъ способностямъ, твердому характеру, а съ другой стороны тому общему направленію, которымъ онъ еще мальчикомъ успѣлъ проникнуться въ семейномъ кругу, благодаря благотворному вліянію его дяди, графа П. Д. Киселева. Какъ я только что сказалъ, Милютинъ вносилъ въ канцелярскую работу свое направленіе, опредѣленныя идеи. И у Милютина была своя руководящая завѣтная м е ч т а о б ъ о с в о б о ж д е н і и к р е с т ь я н ъ. До насъ дошелъ трогательный разсказъ, со словъ самого Милютина, о томъ, какъ наставленіе его родителей, по поводу его невнимательнаго отношенія къ крѣпостному кучеру, зародило въ немъ мечту объ эмансипаціи. И онъ навсегда остался вѣренъ этой мечтѣ, отдалъ ея осуществленію всѣ свои силы, пожертвовалъ для нея не только своей карьерой, но здоровьемъ, даже, можно сказать, жизнью.

Благодаря своему уму и характеру, Н. А. сумѣлъ свои дѣтскія и юношескія впечатлѣнія не только сохранить въ петербургской канцеляріи тридцатыхъ годовъ, но на основѣ этихъ впечатлѣній онъ развилъ опредѣленное общее направленіе, которымъ и руководился постоянно. Онъ не замыкался въ своемъ канцелярскомъ дѣлѣ, но соприкасался съ жизнью также внѣ службы и помимо службы. Здѣсь надо сказать, съ одной стороны, объ его чтеніи, съ другой—объ его общественныхъ связяхъ и знакомствахъ. Имя его скоро сдѣлалось извѣстнымъ въ обществѣ, въ литературѣ. Чрезъ посредство двухъ своихъ братьевъ,—однимъ изъ которыхъ, графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, живо гордится до сихъ поръ благодарное русское общество, а другаго, Владиміра, въ свое время оно искренно оплакивало,—Николай Милютинъ имѣлъ связи въ передовыхъ кругахъ своего времени,—связи, которыя основывались на

обаятельномъ вліяніи его ума, характера, направленія, его сердечной отзывчивости. Въ недавно изданной перепискѣ Грановскаго мы имѣемъ нѣсколько бѣглыхъ указаній, характеризующихъ отчасти положеніе Милютина въ петербургскихъ литературныхъ передовыхъ кругахъ. Грановскій впервые познакомился съ Николаемъ Милютинымъ въ 1848 г., въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ. Онъ пишетъ женѣ: «это умный и благородный человѣкъ, съ которымъ пріятно встрѣтиться». Между ними произошло вскорѣ сближеніе. При поѣздкѣ Грановскаго въ Петербургъ въ 1850 г. въ числѣ лицъ, явившихся немедленно для свиданія съ нимъ были и Милютины (со старшимъ братомъ Грановскій былъ знакомъ раньше). Грановскій обращался къ Николаю Милютину для помощи нуждавшемуся знакомому, хотя ему было совѣстно, такъ какъ онъ зналъ, что и безъ того Н. А. много и часто хлопочетъ о другихъ. Онъ писалъ про Милютина: «я его уважаю и люблю».

По своей службѣ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ Н. А. работалъ по крестьянскому вопросу, изучалъ его, подготовлялъ матеріалы и, давая законное направленіе дѣламъ, ведя ихъ къ справедливому разрѣшенію, отстаивалъ по мѣрѣ возможности интересы крестьянскаго населенія. Еще въ царствованіе Николая I-го Милютинъ своимъ отношеніемъ къ крестьянскому вопросу пріобрѣлъ широкую и далеко не безопасную извѣстность, какъ убѣжденный врагъ крѣпостнаго права. Насколько эта извѣстность была велика, можно судить по тому, что въ началѣ царствованія Александра II-го, когда правительство только начинало еще съ большою осторожностью приступать къ крестьянскому вопросу, Юрій Самаринъ, извѣстный уже въ то время литературный дѣятель, пріѣхалъ знакомиться къ Милютину, именно какъ къ сторонникъ крестьянскаго освобожденія. Они скоро и навсегда сошлись на основѣ общихъ имъ убѣжденій по крестьянскому дѣлу. Сближеніе этихъ двухъ дѣятелей было очень важно для предстоящихъ работъ по освобожденію.

Въ 1857 году возникли недоразумѣнія между петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ и петербургской городской думой. Дѣло восходило до комитета министровъ и обсуждалось въ присутствіи самого государя. Генералъ Игнатьевъ свое неудовольствіе на думу распространилъ не только на самое Городовое Положеніе, но также на составителя этого Положенія. Такимъ образомъ, при обсужденіи частнаго случая по городскому управленію возникъ разговоръ и о Милютинѣ, при чемъ государь призналъ его опаснымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ имѣетъ репутацію либерала, краснаго, высказалъ, что за нимъ слѣдуетъ наблюдать. Участвовавшій въ засѣданіи министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, вполнѣ расположенный къ Милю-

тину и безусловно ему довѣрявшій, не могъ скрыть отъ него этого отзыва. Милютинъ, тогда директоръ хозяйственнаго департамента, рѣшился выйти въ отставку. Объ этомъ Ланской доложилъ государю, который спросилъ министра, ручается-ли онъ за Милютина. — «Какъ за самого себя», былъ отвѣтъ. Послѣ этого государь не принялъ отставки. Та же репутація Милютина повліяла на отказъ назначить его, несмотря на самыя настоятельныя представленія Ланскаго, товарищемъ министра, хотя и здѣсь государь нѣсколько уступилъ и согласился временно поручить Милютину исполненіе этой должности. Наконецъ, черезъ два года, въ теченіе которыхъ Милютинъ былъ «временно—постояннымъ» товарищемъ министра, какъ тогда говорили, вмѣсто утвержденія онъ получилъ, какъ увидимъ, отставку отъ своей должности, долженъ былъ покинуть министерство, гдѣ онъ работалъ болѣе 25 лѣтъ и гдѣ столько сдѣлалъ.

Не стану говорить о постепенныхъ стадіяхъ, черезъ которыя проходилъ крестьянскій вопросъ въ началѣ царствованія Александра II. Когда вопросу былъ данъ открытый ходъ, то оказалось, что подготовительная его разработка поручена двумъ инстанціямъ: губернскимъ комитетамъ и главному комитету. Губернскіе комитеты составили свои проекты, на основаніи мѣстныхъ условій и соображеній; разобраться въ этихъ проектахъ должна была особая коммиссія, выдѣленная изъ главнаго комитета, на которомъ лежала окончательная редакція общаго проекта. Извѣстно, что губернскіе комитеты, если не безусловно въ цѣломъ своемъ составѣ, то въ лицѣ громаднаго большинства своихъ членовъ были рѣшительными противниками освобожденія и потому, подчиняясь противъ воли требованію правительства, составляя свои проекты освобожденія, наполняли ихъ въ большинствѣ случаевъ условіями, совершенно разорительными для крестьянъ и крайне для нихъ неблагопріятными. Точно такъ же и большинство главнаго комитета состояло изъ противниковъ освобожденія, вовсе не склонныхъ поступаться правами помѣщиковъ. Можно себѣ представить, что было бы, если бы вся разработка проекта реформы, до внесенія его въ Государственный Совѣтъ, осталась только въ этихъ двухъ инстанціяхъ: въ губернскихъ комитетахъ и въ главномъ комитетѣ. Вотъ здѣсь то дѣло и было спасено учрежденіемъ особыхъ редакціонныхъ коммисій, отчасти по предположенію и по проекту Милютина. Послѣ учрежденія этихъ коммисій вся главная работа оказалась въ ихъ рукахъ. Онѣ занялись не составленіемъ общаго свода губернскихъ проектовъ, а редактированіемъ своего отдѣльнаго самостоятельнаго проекта. Подъ скромнымъ названіемъ редакціонныя коммисіи исполнили важное и огромное дѣло—составили полный проектъ Положенія по освобожденію крестьянъ, составили его не въ интересахъ помѣщичьяго сословія, какъ

это сдѣлало большинство губернскихъ комитетовъ и какъ сдѣлалъ бы главный комитетъ, а въ смыслѣ достиженія главной цѣли—дѣйствительнаго «улучшенія быта крестьянъ», сообразно съ основными задачами государства. Редакціоннымъ коммисіямъ пришлось вынести тяжелую борьбу, имъ даже пришлось отчасти уступить требованіямъ снизу и давленію сверху. Но въ общемъ, выработанное редакціонными коммисіями положеніе, даже послѣ урѣзокъ и измѣненій, сдѣланыхъ въ главномъ комитетѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, соотвѣтствовало основной задачѣ: оно не дѣлало крестьянъ лишь свободными, какъ птицъ, по выраженію графа Ростовцева, чего добивались представители дворянскихъ интересовъ; оно отстояло крестьянскіе интересы, дало крестьянамъ свободу, но только съ гнѣздомъ, по выраженію князя Черкасскаго.

Посмотримъ теперь какъ организовались, какъ вели свою работу редакціонныя коммисіи. Приведу прежде всего выдержки изъ интереснаго письма Николая Милютина къ Ю. Ѳ. Самарину съ приглашеніемъ вступить въ члены коммисій:

«Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ! Въ дополненіе къ оффиціальному приглашенію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостію исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всей душой . . . . . Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостнаго узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода, вѣроятно, будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ коммисію, я болѣе всего разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій, я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ. Здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Обнимаю васъ отъ всей души въ надеждѣ на радостное свиданіе».

Письмо это хорошо обрисовываетъ отношеніе между Милютинымъ и Самаринымъ, указываетъ на то настроеніе, съ какимъ Н. А. приступалъ къ работѣ. Онъ зналъ препятствія, но шелъ смѣло на бой, къ которому готовился всю жизнь. Самаринъ отозвался на дружескій призывъ. Онъ не уклонился «отъ тяжелой, но пріятной обязанности», и вмѣстѣ съ Николаемъ Милютинымъ поработалъ надъ довершеніемъ «великаго дѣла, которому они издавна были преданы всей душой».

Какъ извѣстно, первоначально было основано двѣ редакціонныя

коммисіи: для общаго положенія и для мѣстныхъ положеній; къ нимъ была присоединена еще третья коммисія — финансовая. Но весь внутренній распорядокъ ихъ занятій предоставленъ былъ усмотрѣнію предсѣдателя, и, сообразно съ выяснившимися требованіями дѣла, образовалась, строго говоря, одна редакціонная коммисія съ подраздѣленіемъ на нѣсколько отдѣленій: административное, хозяйственное, юридическое, финансовое, съ особыми еще коммисіями и пр. Оффиціально осталось названіе - «редакціонныя коммисіи», но обыкновенно, и совершенно правильно, называютъ въ единственномъ числѣ—«редакціонная коммисія». Такъ дальше и я буду называть.

Составъ коммисіи въ общемъ былъ очень благопріятный для дѣла. Она состояла изъ представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ и изъ особо приглашенныхъ экспертовъ. Составъ коммисіи вовсе не былъ однороденъ, но про большинство членовъ можно было сказать то, что писалъ Милютинъ въ письмѣ къ Самарину: «избираются люди, искренно преданные дѣлу». Кромѣ Милютина представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ Я. А. Соловьевъ, управляющій земскимъ отдѣломъ. Самыми выдающимися изъ экспертовъ были Юрій Самаринъ и князь В. А. Черкасскій. Непремѣннымъ членомъ, вмѣстѣ съ Соловьевымъ былъ С. М. Жуковскій. Въ составѣ коммисіи мы видимъ многихъ тогда еще молодыхъ людей, только начинавшихъ свою дѣятельность, впослѣдствіи замѣтно выдвинувшихся на разныхъ поприщахъ.

При своемъ составѣ и при общемъ характерѣ въ постановкѣ своей работы, о которомъ я сейчасъ скажу, редакціонная коммисія вовсе не представляла изъ себя обычнаго бюрократическаго учрежденія, какъ ее желали представить и въ чемъ ее обвиняли; это было учрежденіе живое, близко стоявшее къ жизни и къ условіямъ дѣйствительности, хорошо подготовленное къ возложенной на него задачѣ.

Самый ходъ занятій въ редакціонной коммисіи былъ далекъ отъ обычной канцелярской рутины. Помимо того, что коммисіи предстояло дѣлать сводку всѣхъ губернскихъ проектовъ, она, кромѣ всѣхъ соотвѣтствующихъ данныхъ дѣйствующаго законодательства, постановила воспользоваться всѣми указаніями литературы,—до «Колокола» Герцена включительно,—всѣми частными проектами (ихъ оказалось въ распоряженіи коммисіи около 400); коммисія использовала также матеріалы, собранные предшествовавшими восемью секретными комитетами по крестьянскому дѣлу; она сама собирала дополнительный матеріалъ, какой ей оказывался необходимымъ.

При такой широкой постановкѣ редакціонной коммисіи предстоялъ гигантскій трудъ; надо еще прибавить, что помимо разсмотрѣнія всѣхъ губернскихъ проектовъ, она должна была вести совѣщанія съ вызванными въ Петербургъ депутатами, которые кромѣ личныхъ заявленій

представили письменныя объясненія, составившія 3 печатныхъ тома. Вся работа,—сложная по своему характеру, помимо уже своего объема и необходимаго черноваго труда,—произведена была въ теченіе 1 года 7-ми мѣсяцевъ и 6 дней, съ 4-го марта 1859 г. по 10 октября 1860 г. За это время было по общему присутствію коммисіи 134 засѣданія и 275 засѣданій по отдѣленіямъ, которыя представили 108 различныхъ докладовъ. Многіе изъ членовъ коммисіи занимались по нѣсколькимъ отдѣленіямъ. Столь быстрое и успѣшное исполненіе такой громадной работы объясняется какъ горячею преданностью великому дѣлу со стороны большинства членовъ редакціонной коммисіи, такъ и тѣмъ, что они принялись за дѣло уже подготовленные, знакомые болѣе или менѣе близко съ крестьянскимъ бытомъ и съ самымъ положеніемъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Но главнѣйшія трудности заключались не столько въ существѣ самого дѣла, сколько въ томъ упорномъ противодѣйствіи, съ которымъ редакціонной коммисіи приходилось на всякомъ шагу встрѣчаться. Противодѣйствіе это было и со стороны депутатовъ губернскихъ комитетовъ, и со стороны членовъ самой коммисіи, и со стороны ея втораго предсѣдателя графа Панина. И это противодѣйствіе не ограничивалось засѣданіями коммисій: оно всегда искало себѣ опоры и поддержки въ крѣпостнической партіи петербургскаго общества, въ придворныхъ и высшихъ сферахъ, не сочувствовавшихъ вовсе направленію работъ коммисіи. Если редакціонная коммисія несмотря на всѣ трудности и препятствія, успѣла отстоять выработанныя ею основы реформы, то здѣсь великая заслуга принадлежитъ именно Николаю Милютину, который сумѣлъ образовать сплоченное большинство въ коммисіи, сумѣлъ во главѣ этого большинства выдержать упорную борьбу. Посмотримъ, какъ работалъ Н. А. въ коммисіи, каково тамъ было его вліяніе. Вышеупомянутый трудъ Н. П. Семенова даетъ много интересныхъ указаній въ этомъ отношеніи. Надо сказать, что авторъ, какъ членъ коммисіи во взглядахъ на крестьянскій вопросъ во многомъ серіозно расходился съ Милютинымъ, и его меньше всего можно заподозрить въ пристрастіи къ Н. А., въ склонности преувеличивать вліяніе послѣдняго. Тѣмъ важнѣе для насъ, что въ разсказѣ Семенова мы видимъ, какъ сильно и важно было вліяніе Милютина, мы видимъ его въ числѣ первыхъ работниковъ, не отказывающагося ни отъ какого труда, и вмѣстѣ руководителемъ всего дѣла.

Милютинъ былъ предсѣдателемъ хозяйственнаго отдѣленія, серьезно участвовалъ въ работахъ въ отдѣленіяхъ административномъ и финансовомъ, гдѣ онъ тоже въ значительной степени руководилъ дѣломъ, бралъ на себя особенныя порученія и пр. Общихъ засѣданій редакціонной коммисіи онъ тоже не пропускалъ. Надо прибавить, что въ то же время Милютинъ продолжалъ много работать и по министерству

внутреннихъ дѣлъ, главнымъ образомъ все-таки опять въ связи съ подготовленіемъ крестьянской реформы. Такъ, онъ предсѣдательствовалъ въ особыхъ коммисіяхъ по вопросу о мировыхъ судьяхъ, о преобразованіи полиціи и пр.; иногда онъ исполнялъ по министерству извѣстныя работы прямо для редакціонной коммисіи.

Въ книгѣ Н. П. Семенова излагается ходъ каждаго общаго засѣданія коммисіи во всей послѣдовательности. Мы здѣсь видимъ, что Милютинъ постоянно дѣлаетъ существенныя указанія о порядкѣ дѣлопроизводства въ коммисіи, о ходѣ работъ въ отдѣленіяхъ, о направленіи самыхъ засѣданій, и по большей части эти замѣчанія принимаются: Милютинъ является здѣсь въ значительной степени руководителемъ въ установленіи и въ соблюденіи порядка всего дѣлопроизводства. Онъ постоянно вноситъ исправленія въ читаемые доклады какъ по существу дѣла, такъ и относительно редакціи, устраняя неудачныя выраженія и пр. По свидѣтельству Н. П. Семенова, преимущественно Н. А. дѣлалъ замѣчанія относительно выраженій. Мы видимъ далѣе, что онъ нерѣдко принималъ на себя редактированіе, а иногда и прямо составленіе журналовъ засѣданій. Въ случаѣ нужды онъ бралъ на себя руководство дополнительными работами. Такимъ образомъ Милютинъ былъ по всѣмъ даннымъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ редакціонныхъ коммисій, прямо вліялъ на дѣлопроизводство и вообще на родъ работъ въ коммисіи. Но сказанное рисуетъ только внѣшнее, такъ сказать, участіе Н. А. въ занятіяхъ коммисіи. Между тѣмъ, за этою внѣшностью скрывалось такое же внутреннее вліяніе. Милютинъ, съ юности мечтавшій объ освобожденіи крестьянъ, постоянно думавшій надъ этимъ вопросомъ, которому, какъ онъ выражается въ письмѣ къ Самарину, онъ былъ «издавна преданъ всей душою», постоянно занимавшійся въ министерствѣ различными дѣлами по крестьянству, собиравшій матеріалы по крестьянскому вопросу, явился среди членовъ коммисіи однимъ изъ самыхъ подготовленныхъ къ рѣшенію трудной задачи. При этихъ данныхъ, при своемъ умѣ и характерѣ, Милютинъ не могъ не занять выдающагося положенія въ коммисіи: онъ умѣлъ всегда объяснить спорный вопросъ, умѣлъ усиленнымъ трудомъ взять то, что оказывалось неразработаннымъ, умѣлъ силою убѣжденія привлечь на свою сторону лицъ, которыя не были согласны съ нимъ въ извѣстныхъ частностяхъ, а съ принципіальными противниками онъ смѣло выдерживалъ рѣшительную борьбу, не соглашаясь никогда на существенныя уступки. По свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ Николая Алексѣевича, онъ производилъ чарующее впечатлѣніе на всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, и помимо блестящаго и вмѣстѣ чрезвычайно трезваго ума, онъ дѣйствовалъ на слушателей

главнымъ образомъ искреннею силою своихъ убѣжденій. Въ редакціонной коммисіи около Милютина образовался кружокъ единомышленниковъ, которые, если расходились съ нимъ иногда по тому или другому вопросу, всегда поддерживали вмѣстѣ съ нимъ основныя задачи реформы: освобожденіе и обезпеченіе крестьянъ. Н. П. Семеновъ не принадлежалъ къ кружку Милютина въ коммисіи и не совсѣмъ сочувственно отзывается о немъ, но изъ его свидѣтельства мы ясно видимъ, что Милютинъ и его кружокъ велъ все дѣло, что ими были установлены и проведены основныя начала реформы. Разсказывая объ одномъ столкновеніи, бывшемъ въ коммисіи, Н. П. Семеновъ пишетъ: «Этотъ эпизодъ представляетъ образецъ того, какая введена была дисциплина бывшимъ по выбору членовъ хозяйственнаго отдѣленія предсѣдателемъ его Милютинымъ въ образовавшійся около него кружокъ, къ которому принадлежало большинство членовъ названнаго отдѣленія и почти всѣ посѣщавшія общія присутствія члены финансовой коммиссіи, вмѣстѣ составлявшіе обыкновенно большинство въ общихъ присутствіяхъ при голосованіи вопросовъ, разработывавшихся хозяйственнымъ отдѣленіемъ».

Надо здѣсь однако пояснить, что Милютинъ былъ совершенно далекъ отъ деспотическаго управленія своимъ кружкомъ, который соединялся около него во имя общихъ идей и дѣйствительно упорно, единодушно отстаивалъ основы дѣла; но это нисколько не мѣшало членамъ этого кружка спорить другъ съ другомъ по многимъ важнымъ вопросамъ въ засѣданіяхъ коммисіи, и случалось, что мнѣніе Милютина не принималось. Надо еще прибавить, что самое большинство по многимъ вопросамъ Н. А. и его ближайшимъ единомышленникамъ нерѣдко приходилось брать въ засѣданіяхъ коммисіи съ бою. И здѣсь много вліяло убѣжденное слово Милютина. Онъ горячо защищалъ то, что считалъ необходимымъ и справедливымъ: «васъ не переспоришь», говорили ему его противники.

Важнѣйшій вопросъ при освобожденіи крестьянъ былъ вопросъ объ ихъ поземельномъ надѣлѣ. Онъ больше всего вызывалъ споровъ, на него были направлены многочисленныя нападки въ заявленіяхъ дворянскихъ представителей. Обезпеченіе крестьянъ землей было положено въ основу всего проекта, выработаннаго въ хозяйственномъ отдѣленіи подъ предсѣдательствомъ Милютина. Изъ протоколовъ общихъ засѣданій коммиссіи мы видимъ, что постояннымъ, упорнымъ и горячимъ защитникомъ этого начала выступалъ именно Н. А., который бралъ на себя разъясненія положеній, высказанныхъ въ проектѣ, защищалъ ихъ передъ членами коммисіи, передъ дворянскими депутатами, наконецъ, съ особенною силой, передъ вторымъ предсѣдателемъ коммисіи графомъ Панинымъ. Основное положеніе было таково, что

крестьянамъ остается вся та земля, какою они владѣли при крѣпостномъ правѣ; если этой земли оказывалось недостаточно, надѣлъ увеличивался, отрѣзка же земли изъ прежняго надѣла должна была допускаться въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Признавая достаточный надѣлъ безусловно необходимою основой всего дѣла, Милютинъ упорно отстаивалъ его въ возможной полнотѣ. Укажу нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ видно, какъ онъ понималъ значеніе поземельнаго обезпеченія. Графъ Панинъ сталъ проводить ту мысль, что слѣдуетъ не стѣснять крестьянъ, предоставивъ имъ, если они сами пожелаютъ, уменьшать свой надѣлъ, отказываться отъ земли по соглашенію съ помѣщикомъ. На такое предложеніе подробно возразилъ Милютинъ.—Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку: мы знаемъ, по свидѣтельству современниковъ, о краснорѣчіи Милютина, но въ изложеніи Н. П. Семенова мнѣнія его дошли до насъ въ очень тяжелой формѣ.

Милютинъ возразилъ графу Панину: «Редакціонныя коммисіи особенно заботились оградить крестьянъ не только отъ полнаго обезземеленія, но и отъ уменьшенія ихъ надѣловъ, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ даже представить временныя выгоды для крестьянъ, а въ концѣ концовъ будетъ пагубнымъ для всего земледѣльческаго сословія. Но особенно надо бояться за судьбу крестьянъ подворнаго пользованія. Тутъ помѣщикъ имѣетъ дѣло съ отдѣльными домохозяевами, у которыхъ легче, чѣмъ у цѣлой общины, выманить отказъ отъ части земли, предоставленіемъ такимъ домохозяевамъ временныхъ выгодъ, особливо въ критическія для нихъ минуты. А такой отказъ, имѣя послѣдствіемъ общее уменьшеніе крестьянскихъ земель, не выгоденъ и для цѣлыхъ обществъ, являющихся хозяевами упразднившихся, по случайнымъ причинамъ, тяглыхъ участковъ. Вотъ почему редакціонныя коммисіи не могли допустить уменьшенія надѣловъ по частнымъ соглашеніямъ отдѣльныхъ дворовъ съ ихъ помѣщиками».

Какъ извѣстно, Милютину при содѣйствіи другихъ членовъ удалось отстоять проектъ коммисіи отъ такого искаженія, но потомъ, при окончательномъ обсужденіи Положенія въ Государственномъ Совѣтѣ прошло правило, нѣсколько въ иномъ видѣ установившее то же: было принято предложеніе князя Гагарина о даровомъ или такъ называемомъ нищенскомъ надѣлѣ (иначе Гагаринскомъ): крестьяне могли отказываться отъ полнаго надѣла, оставивъ себѣ уже безъ выкупныхъ платежей по $^1/_4$ десятины. Извѣстно, какое гибельное вліяніе имѣла эта мѣра на бытъ очень многихъ крестьянскихъ обществъ.

Насколько широко смотрѣлъ Милютинъ на поземельное обезпеченіе, видно изъ того, какъ онъ отстаивалъ надѣлъ на бѣглыхъ крестьянъ. Когда противъ этого положенія стали возражать, Н. А. объяснилъ, что бѣглыхъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ считается много, и—«въ такомъ

случаѣ я не знаю, можно-ли въ государственномъ отношеніи желать правительству, чтобы люди эти были безъ пристанища и крова? Когда законъ отнялъ бы у нихъ право вновь водвориться, онъ принудилъ бы ихъ вновь бѣжать».

Вопросъ о поземельномъ обезпеченіи крестьянъ, кромѣ размѣра надѣла, касался также и того, срочное-ли, временное-ли пользованіе землей будетъ предоставлено крестьянину, и какія права на надѣльную землю останутся за помѣщиками. Въ проектѣ коммисіи было принято выраженіе—«безсрочное пользованіе»; оно давало по существу достаточную гарантію, а между тѣмъ обходило вопросъ о правѣ собственности на землю, что могло бы вызвать только излишнія препирательства. Но все тотъ же графъ Панинъ выступилъ противъ выраженія, принятаго коммисіей. Онъ желалъ оставить вопросъ открытымъ, желалъ записать въ журналъ, что коммисія не пришла относительно его къ соглашенію, доказывалъ, что потомъ взгляды на вопросъ могутъ измѣниться, что коммисія не должна себя связывать. Противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ Милютинъ. Онъ говорилъ: «Во многихъ комитетахъ, въ депутатскихъ отзывахъ и у большинства дворянъ явно обнаружилось намѣреніе провести мысль о безземельномъ освобожденіи. Если бы только мы согласились на исключеніе выраженія безсрочное пользованіе, мы явно бы сознали слабость правительства,—оно, значитъ, отступилось бы отъ своего главнаго самаго кореннаго начала. Это была бы непростительная уступка, и мы немедленно должны были бы сдѣлать другія. Мы поставили бы себя въ положеніе дѣлать уступки за уступками, и гдѣ можно бы намъ остановиться, я ужъ не знаю; а такое заявленіе въ журналѣ засѣданій хуже самыхъ предположеній объ исключеніи собственно словъ: безсрочное пользованіе. Такъ выходитъ, что будутъ разсуждать, что все можно дѣлать, что изъ нашихъ положеній ничего не останется... Если можетъ быть допущена мысль, что разрѣшеніе такого кореннаго вопроса, какъ безсрочное пользованіе, должно измѣниться, то мы находимся подъ тяжкимъ гнетомъ опасенія, что всѣ наши работы будутъ уничтожены»...

Милютинъ отстаивалъ не только надѣлъ освобождаемыхъ крестьянъ, онъ думалъ и о будущемъ, когда приростъ населенія сдѣлаетъ отведенные надѣлы недостаточными. Онъ самымъ положительнымъ образомъ возсталъ противъ предложенія тамбовскихъ депутатовъ, чтобы помѣщикамъ было разрѣшено покупать въ обмѣнъ на выкупныя свидѣтельства казенныя земли. Милютинъ говорилъ: «начертаніе какихъ бы то ни было предположеній относительно продажи казенныхъ земель не входитъ въ задачу коммисій; но если бы онѣ и указали на предлагаемую тамбовскими депутатами мѣру, какъ могущую придти на помощь

дѣлу выкупа, то едва ли правительство могло бы согласиться на подобное предложеніе. Въ губерніяхъ плодородныхъ и хорошо населенныхъ, гдѣ земли уже достигли значительной цѣнности, земель казенныхъ, за надѣломъ государственныхъ крестьянъ, останется очень мало. Кромѣ лѣсовъ, это оброчныя статьи, которыхъ цѣнность быстро возростетъ съ освобожденіемъ труда, и которыя даже при несовершенномъ казенномъ управленіи дадутъ казнѣ хорошіе доходы. Въ губерніяхъ же мало населенныхъ, хотя и плодородныхъ, гдѣ казенныхъ земель очень много, эти земли, не приносящія почти никакого дохода, имѣютъ такую ничтожную цѣнность, что мѣна ихъ на процентныя бумаги была бы для государства крайне невыгодна. Государство лишилось бы сразу и за безцѣнокъ запасовъ земель, имѣющихъ большое значеніе для будущихъ поколѣній, такъ какъ на эти земли могутъ быть выселяемы массы земледѣльческаго люда, который даже и при удержаніи за нимъ существующихъ надѣловъ, о чемъ такъ заботятся коммисіи, съ приростомъ населенія, очень скоро дѣлается малоземельнымъ».

Надѣленіе крестьянъ землею связано было съ установленіемъ для нихъ извѣстнаго оброка въ пользу помѣщика или выкупнаго платежа, въ случаѣ, если бы состоялся выкупъ. Милютинъ, какъ предсѣдатель хозяйственнаго отдѣленія коммисіи, горячо отстаивалъ его положеніе, что размѣръ повинностей крестьянъ не долженъ увеличиваться ни въ какомъ случаѣ; что повинности эти, напротивъ, должны быть облегчены; что къ оброку невозможно причислять, оцѣнивая на деньги, разные дополнительные мелочные поборы, такъ какъ тутъ контроль невозможенъ и въ концѣ концовъ это привело бы къ возвышенію существовавшаго оброка: нельзя же, напримѣръ, перевести на деньги сборъ грибовъ, ягодъ и пр., доставку живности и т. д. Но кромѣ размѣра повинностей здѣсь была чрезвычайно важна другая сторона вопроса: устанавливаемая повинность признается-ли неизмѣнною или черезъ нѣсколько времени подлежитъ переоброчкѣ? Понятно, что очень много было охотниковъ установить переоброчку: этою мѣрою совершенно ослаблялась бы безсрочность пользованія землей. Когда такое требованіе было заявлено саратовскими депутатами, Милютинъ возсталъ противъ переоброчки самымъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ «высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что если-бъ законъ и установилъ переоброчку,—разумѣется черезъ продолжительный срокъ, потому что колебать условія пользованія землею, опредѣленныя актами, вскорѣ послѣ ихъ совершенія уже совсѣмъ невозможно,—то правительство было бы приведено въ большое затрудненіе требованіемъ закона такой переоброчки». Въ нечерноземныхъ губерніяхъ переоброчка оказалась бы разорительна для помѣщика, а въ черноземныхъ, гдѣ арендная плата за большой промежутокъ времени можетъ значительно возрости, бо́льшая часть

имѣнія будетъ уже на выкупѣ, и переоброчка вызоветъ большую неравномѣрность въ положеніи селеній и можетъ оказаться возбужденіе противъ помѣщиковъ, не соглашающихся на выкупъ ранѣе переоцѣнки повинностей. Самая переоцѣнка вызоветъ множество затрудненій. «Если въ законѣ будетъ допущена такая переоброчка, то это указаніе закона останется мертвою буквой, такъ какъ едва ли найдется и впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, который приметъ на себя осуществленіе переоброчки»...

Какъ извѣстно, Положеніе о крестьянахъ назначило переоброчку черезъ 20 лѣтъ, но когда подошелъ срокъ, сначала по высочайше утвержденному мнѣнію комитета министровъ она была отложена, а затѣмъ въ концѣ 1881 года состоялся высочайшій указъ объ обязательномъ выкупѣ. Такимъ образомъ, предсказаніе Милютина сбылось.

Упомяну, что Н. А. отстаивалъ обязательное надѣленіе крестьянъ лѣсомъ, за исключеніемъ безлѣсныхъ мѣстностей, гдѣ обратились уже къ замѣнѣ лѣса другимъ топливомъ. Милютинъ говорилъ: «Доселѣ крестьяне воровали лѣсъ. Мы предлагаемъ установить драконовскіе законы противъ кражи и порубки его, а поэтому и надо допустить съ извѣстными ограниченіями пользованіе лѣсомъ». Топливо необходимо крестьянамъ, и оно должно быть имъ дано. Извѣстно, что недостаточное обезпеченіе крестьянъ лѣсомъ явилось существеннымъ пробѣломъ Положенія 1861 г. И теперь, какъ было во время Тургеневскаго Бирюка, крестьянинъ вынуждается къ порубкамъ, несмотря на очень строгія наказанія по закону.

Милютинъ отстаивалъ освобожденіе крестьянъ отъ всякихъ дополнительныхъ натуральныхъ повинностей. Не вхожу въ подробности, укажу только, что противъ утвержденія, будто ночной караулъ помѣщичьей усадьбы слѣдуетъ оставить на крестьянскомъ обществѣ, такъ какъ ночные сторожа должны быть люди знающіе свое дѣло,—въ докладѣ хозяйственнаго департамента было вставлено возраженіе, сдѣланное Самаринымъ: «спрашивается, какого же рода спеціальное образованіе нужно для того, чтобъ съ дубиною въ рукѣ провести ночь у амбара или кладовой и отозваться на откликъ?» Графъ Панинъ обидѣлся на эту насмѣшку.

Во время преній, возникавшихъ въ засѣданіяхъ коммисіи Милютинъ не разъ выступалъ убѣжденнымъ защитникомъ самостоятельности крестьянъ по отношенію къ ихъ бывшему помѣщику. Точно такъ-же составитель Городоваго Положенія, проектировавшій уже земское самоуправленіе, не могъ не высказываться рѣшительно за самостоятельность выборныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Онъ протестовалъ противъ зависимости ихъ отъ мироваго судьи, какъ это предполагалъ Ростовцевъ, желавшій видѣть въ мировыхъ судьяхъ—

«охранителей» крестьянства. Милютинъ говорилъ: «выборныя лица тогда только и сильны, когда находятся въ независимости отъ полицейскихъ и судебныхъ учрежденій. Мы, конечно, можемъ и должны сознаться между нами, что эти наши учрежденія далеки отъ совершенства»... Въ данномъ случаѣ дѣло шло о частномъ постановленіи, и оно было исправлено, по указанію Милютина, вопреки заявленію Ростовцева.

Милютинъ рѣшительно отстаивалъ свои взгляды, не дѣлая существенныхъ уступокъ даже такому сильному лицу, какъ предсѣдатель Ростовцевъ, который много сдѣлалъ въ пользу редакціонной коммисіи. Ростовцевъ самъ невольно подчинялся вліянію Милютина и прямо выразилъ значеніе его, какъ вдохновителя коммисіи, сказавъ ему въ одномъ изъ засѣданій: «Вы у насъ нимфа Эгерія». Когда, по кончинѣ Ростовцева, предсѣдателемъ коммисіи былъ назначенъ противникъ освобожденія, защитникъ помѣщичьихъ интересовъ, графъ Панинъ, онъ не разъ дѣлалъ серіозныя попытки передѣлать уже выработанное коммисіею, измѣнить основныя положенія составленнаго проекта. Большинству коммисій пришлось вести съ нимъ упорную борьбу, и здѣсь опять первая роль выпала на долю Милютина. Выше приведено уже нѣсколько примѣровъ того, какъ горячо Милютинъ возражалъ графу Панину. Здѣсь же замѣчу только, что всѣ слова Милютина, иногда очень рѣзкія въ пылу преній, всегда отличаются искренностью и убѣжденіемъ. Въ этомъ, повторяю, и былъ главный секретъ его вліянія.

Если подвести вкратцѣ итогъ дѣятельности Милютина въ редакціонной коммисіи, мы можемъ сказать, что онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ содѣйствовалъ проведенію и защитѣ основныхъ положеній реформы, горячо отстаивалъ интересы крестьянъ, высоко понимая задачи государства и требованія справедливости; онъ много положилъ личнаго труда въ дѣло, не отказываясь ни отъ какой работы, ни отъ какого порученія, и въ высокой степени способствовалъ самому производству работъ коммисіи, быстрому и успѣшному окончанію важнаго дѣла, ей порученнаго. Милютинъ былъ главнымъ дѣятелемъ, наиболѣе вліятельнымъ членомъ, въ значительной степени руководителемъ и вдохновителемъ коммисіи въ направленіи ея работъ, въ разрѣшеніи ею трудной задачи, ей поставленной.

Но вотъ задача разрѣшена, дѣло коммисіи окончено. Составленный ею проектъ поступилъ сначала на разсмотрѣніе главнаго комитета, затѣмъ въ Государственный Совѣтъ. И здѣсь Милютинъ опять, насколько могъ, содѣйствовалъ поддержанію основныхъ началъ проекта: его помощью пользовался въ это время, для изученія Положенія и относящихся къ нему данныхъ, великій князь Константинъ Николаевичъ,

только что назначенный предсѣдателемъ главнаго комитета и членъ Государственнаго Совѣта.

Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ императоръ Александръ II подписалъ манифестъ, которымъ объявлялась воля многомилліонному крѣпостному населенію. Великое дѣло было совершено, но вмѣстѣ съ тѣмъ начиналось другое важное дѣло: надо было вводить новое Положеніе, примѣнять его къ жизни. Но этимъ пришлось заняться уже другимъ людямъ: министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ланской и временно исполнявшій обязанность его товарища Николай Милютинъ были отставлены отъ занимаемыхъ ими должностей въ апрѣлѣ 1861 года. Это была уступка ихъ врагамъ, противникамъ эмансипаціи.

Немилость, постигшая Милютина, не заставила его отчаяться въ дѣлѣ, которому онъ служилъ. Въ отвѣтъ на сочувствіе, выраженное въ письмѣ одного знакомаго изъ провинціи, онъ писалъ:

«Послѣ трехъ лѣтъ тревожной дѣятельности, утомленный физически и нравственно, я принужденъ отъѣхать за границу, оставить на нѣкоторое время родную среду, къ которой принадлежу всѣми чувствами и помышленіями; но уношу съ собою прежнюю вѣру въ несокрушимость и живучесть великаго крестьянскаго дѣла. Наперекоръ той силѣ инерціи, которою, къ сожалѣнію, отличается наше общество, новый сельскій порядокъ, какъ я увѣренъ, водворится при пособіи людей честныхъ и правдивыхъ, людей мысли и слова, которые должны всѣми силами помогать общественному сознанію и возвышать общественную нравственность. По моему глубокому убѣжденію теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, литература можетъ этому содѣйствовать. Она одна можетъ разсѣивать вѣковые предразсудки, разъяснять новый законъ и постоянно напоминать высокія цѣли, столь легко забываемыя среди мелочей и дрязгъ вседневной жизни».

Около того же времени, весною 1861 г., Милютинъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину:

«Теперь истинная сила въ васъ, мѣстныхъ дѣятеляхъ, и вся надежда (на Промыселъ), который вывелъ насъ въ обѣтованную землю и, конечно, поможетъ въ ней укрѣпиться»...

Болѣе двухъ лѣтъ Милютинъ оставался не у дѣлъ, проживая большею частью за границей. Осенью 1863 г. онъ былъ сдѣланъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ польскимъ, ему поручено было прежде всего составить и провести Положеніе о крестьянахъ въ Польшѣ. Подготовленный къ этому дѣлу своими прежними трудами, Милютинъ успѣлъ выработать новые законы о польскихъ крестьянахъ чрезвычайно быстро, причемъ онъ прибѣгъ къ прежнимъ средствамъ изученія дѣла: онъ самъ объѣхалъ нѣкоторыя мѣста Польши, подъ его руководствомъ были составлены важныя «статистическія изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ».

Новые законы были обнародованы при указѣ 19-го февраля 1864 г. По новому Положенію всѣ крестьяне обращены въ собственниковъ той земли, которою они владѣли, хотя бы даже на арендномъ только правѣ; неправильно, въ противность закона 1846 г., отнятая земля возвращалась вся крестьянамъ; значительное число безземельныхъ крестьянъ получили такимъ образомъ надѣлъ. Притомъ земля передавалась крестьянамъ безо всякаго платежа и выкупа съ ихъ стороны: вознагражденіе землевладѣльцамъ было принято на счетъ казны, и крестьянская земля должна была оплачивать только общій поземельный налогъ, одинаковый для всѣхъ разрядовъ земли. Не останавливаюсь на другихъ подробностяхъ замѣчательнаго указа 19-го февраля 1864 г. Замѣчу только, что, благодаря особымъ условіямъ, въ которыя была тогда поставлена работа Милютина, онъ, составляя Положеніе о польскихъ крестьянахъ, могъ полнѣе провести тѣ начала крестьянской независимости и крестьянской обезпеченности, которыя съ такимъ трудомъ и въ неполномъ видѣ онъ отстаивалъ для русскаго крестьянина. Если Положеніе 19-го февраля 1864 г. является яркимъ выраженіемъ русской поземельной политики, которая съ большею полнотой обыкновенно проявляется на окраинахъ, то и по отношенію къ Милютину мы можемъ Положеніе о польскихъ крестьянахъ признать за дополненіе и поясненіе его работы надъ Положеніемъ 1861 г.

По отношенію къ польскому крестьянству здѣсь была еще та разница, что Милютину же было поручено и самое приведеніе въ дѣло выработаннаго имъ Положенія. Помимо крестьянскаго дѣла, Милютинъ вообще организовалъ все управленіе Польши на новыхъ основаніяхъ. Не вхожу въ подробности, но не могу не отмѣтить того обстоятельства, что Милютинъ легко нашелъ себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ въ новомъ дѣлѣ. Если онъ пользовался извѣстностью еще въ царствованіе Николая I, то послѣ работъ его въ редакціонныхъ коммисіяхъ, послѣ обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 г. имя Милютина получило громкую знаменитость во всей Россіи, пріобрѣло ореолъ благородной славы. Онъ легко и удачно нашелъ себѣ сотрудниковъ для порученнаго ему въ Польшѣ дѣла. Около него опять были его товарищи по редакціонной коммисіи: Самаринъ, Черкасскій, Соловьевъ, Жуковскій; кромѣ того, на помощь Милютину явилось много другихъ лицъ. Одинъ изъ его современниковъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что Милютинъ обладалъ особымъ даромъ притягивать къ себѣ людей и передавать имъ свое воодушевленіе къ общему дѣлу, что до него поэтому нисколько не касались общія жалобы на то, что нѣтъ людей. Онъ никогда не чувствовалъ недостатка въ людяхъ. Стоило только разнестись вѣсти: «Милютинъ зоветъ, Милютину нужны люди», и онъ имѣлъ въ Польшѣ и на

важныхъ, и на второстепенныхъ мѣстахъ честныхъ, убѣжденныхъ помощниковъ.

Около трехъ лѣтъ неустанно работалъ Милютинъ надъ порученнымъ ему труднымъ дѣломъ, и онъ положилъ въ это дѣло свое здоровье: въ ноябрѣ 1866 г. послѣ важнаго засѣданія въ комитетѣ польскихъ дѣлъ, гдѣ Милютинъ горячо проводилъ свои проекты и гдѣ побѣда далась ему съ трудомъ, онъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ, послѣ котораго прожилъ еще болѣе 5-ти лѣтъ, но отъ котораго онъ не могъ уже оправиться.

Болѣзнь Милютина, такъ неожиданно и преждевременно оторвавшая его отъ дѣла (ему было лишь 48 лѣтъ), нанесла несомнѣнный, тяжкій ущербъ русской жизни, такъ какъ Милютину предстояло еще совершить впереди многое,—передъ нимъ въ то время открывалась возможность широкой дѣятельности на пользу Россіи. Но и совершеннаго имъ, его участія въ двухъ подвигахъ 1861 и 1864 гг. было довольно для того, чтобы къ одру его безвременной болѣзни было приковано всеобщее уваженіе и сочувствіе; общественная симпатія постоянно окружала больнаго.

Первое время послѣ постигшаго его недуга Милютинъ проводилъ за границей, и тамъ паломничество въ мѣсто его пребыванія сдѣлалось обычнымъ дѣломъ для многихъ русскихъ, попадавшихъ за границу. Общее настроеніе русскаго общества относительно Милютина въ то время очень хорошо выразилъ Тургеневъ въ привѣтствіи, которое онъ произнесъ, когда въ небольшомъ кружкѣ друзей въ 1868 г. праздновался день 19-го февраля у Милютина въ Баденѣ.

«Николай Алексѣевичъ! Четыре года тому назадъ мы праздновали въ Петербургѣ сегодняшній знаменательный день (1864 г.); редакціонная коммисія присутствовала на этомъ праздникѣ въ полномъ составѣ своихъ членовъ, а вы—одинъ изъ главныхъ начинателей и совершителей великаго дѣла освобожденія—вы были тогда въ полномъ разцвѣтѣ силъ и здоровья, и мы радостно чествовали васъ. Теперь насъ немного, и собрались мы вокругъ васъ на чужой землѣ; болѣзнь временно отдалила васъ отъ того круга общественной дѣятельности, котораго вы были средоточіемъ и руководителемъ и къ которому—мы твердо надѣемся—вы рано или поздно вернетесь; но и въ маломъ числѣ, мы пьемъ за ваше здоровье съ прежнимъ душевнымъ уваженіемъ,—и пьемъ мы не одни. Мы знаемъ навѣрное, что въ это самое мгновеніе—многіе изъ нашихъ соотечественниковъ вспоминаютъ о васъ и пріобщаются къ нашему искреннему привѣту. Сгажемъ болѣе: именно это удаленіе ваше отъ тревогъ современной жизни, это удаленіе, въ которомъ вы находитесь,—даетъ нашему заявленію какъ бы оттѣнокъ того безпристрастнаго, справедливаго суда, съ которымъ отнесется къ вамъ позднѣйшее потомство.

Съ увѣренностью въ несомнѣнной истинѣ нашихъ словъ мы можемъ уже теперь воскликнуть: пока будутъ существовать на Руси свободные люди—въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета».

Послѣдніе годы своей страдальческой жизни Милютинъ провелъ въ Москвѣ, которую онъ очень любилъ. Здѣсь опять-таки его окружало преданное вниманіе почитателей. Къ нему часто являлись новые люди нельзя сказать просто знакомиться, а скорѣе какъ бы на поклоненіе. И его новые знакомые въ разслабленномъ больномъ находили не только реликвію великаго прошлаго, но и живые дары высокаго человѣческаго духа. Несомнѣнно, что въ Москвѣ до сихъ поръ еще многіе помнятъ привлекательную личность, живую и поучительную бесѣду Николая Алексѣевича. Милютинъ пользовался въ послѣдніе годы въ Москвѣ широкою популярностью. Когда разнеслась скорбная вѣсть объ его предсмертной болѣзни, освѣдомляться объ его положеніи постоянно являлось множество людей: Милютинъ «умиралъ всенародно»,—какъ выразился одинъ изъ его современниковъ.

Послѣ его кончины Московскій университетъ пожелалъ, чтобы отпѣваніе происходило въ университетской церкви, признавая въ покойномъ «одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ почетныхъ членовъ». Панихиды по Милютинѣ были чрезвычайно многолюдны: на нихъ собирались не только друзья и знакомые почившаго, но и люди вовсе съ нимъ незнакомые. На погребеніи его была тысячная толпа народа, собравшаяся не изъ праздная любопытства: въ толпѣ знали, что хоронятъ друга крестьянъ, одного изъ ихъ освободителей, много поработавшаго надъ великимъ дѣломъ освобожденія. Газеты и журналы дали много сочувственныхъ некрологовъ и статей, посвященныхъ памяти Николая Милютина. Не только прозой, но и стихами поминали дѣятельность его. Не привожу извѣстнаго стихотворенія «Кузнецъ», но кстати отмѣчу, что у Некрасова въ кабинетѣ на стѣнѣ висѣлъ большой литографированный портретъ—«Кузнеца-гражданина».

36-ть лѣтъ прошло уже послѣ освобожденія крестьянъ. Если мы теперь хорошо знаемъ недостатки Положенія 19-го февраля 1861 г., то, съ другой стороны, мы также хорошо знаемъ, что въ большинствѣ этихъ недостатковъ нельзя винить приснопамятныхъ дѣятелей, поработавшихъ надъ этимъ Положеніемъ; мы знаемъ, что для исправленія этихъ недостатковъ, для устраненія тѣхъ отступленій, которыя въ крестьянское дѣло внесены были потомъ, рано или поздно надо будетъ обратиться главнымъ образомъ опять къ тѣмъ же началамъ, которыя лежатъ въ основѣ освобожденія крестьянъ; наконецъ, мы хорошо знаемъ, что каковы бы ни были недостатки великой реформы 1861 года, все-таки

вся новая жизнь Россіи, все, чѣмъ мы теперь живемъ, всѐ что̀ даетъ намъ право разсчитывать на дальнѣйшее развитіе,—все это неразрывно связано съ великимъ днемъ 19-го февраля. Въ освобожденіи крестьянъ, въ великой эпохѣ, которая имъ ознаменована, мы видимъ завѣтъ прошедшаго, основу настоящаго, залогъ будущаго. Мы обращаемся къ тому времени за оживляющимъ урокомъ, за поучительнымъ руководствомъ.

И мы должны помнить, какое великое значеніе въ дѣлѣ освобожденія имѣла редакціонная коммисія. Трудъ ея былъ рѣдкимъ гражданскимъ подвигомъ и великой исторической заслугой. Главнымъ же дѣятелемъ и руководителемъ всей ея работы былъ Николай Милютинъ. Исторія признаетъ приговоръ, произнесенный Тургеневымъ почти тридцать лѣтъ назадъ: «пока будутъ существовать на Руси свободные люди,—въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета».

И это чувство собрало насъ всѣхъ сегодня сюда чтобы почтить память—«честнаго кузнеца-гражданина».

В. Якушкинъ.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИПСАРСКАГО.

ЧАСТЬ III [1]).

ГЛАВА IV.

Мои первыя впечатлѣнія по прибытіи на Кавказъ, выраженныя въ письмахъ моихъ къ семейству.—Общій взглядъ на Тифлисъ.—Грязь всюду и отсутствіе всякаго комфорта.—Смѣшеніе разнородныхъ національностей.—Страшная на все дороговизна.—Царское величіе князя Барятинскаго.—Вечерніе балы у намѣстника по четвергамъ.—Смѣшеніе дамскихъ костюмовъ—туземныхъ и европейскихъ.—Малочисленность русскихъ церквей.—Мое пожертвованіе Сіонскому собору.—Женскія чадры.—Армянскій базаръ, освѣщаемый по вечерамъ.—Безпрерывная пальба наканунѣ великаго четверга, которою туземцы отбиваютъ Христа отъ жидовъ.

Само собою разумѣется, что всѣ подробности въ изображеніи тифлисскихъ личностей суть результатъ многолѣтняго моего съ ними столкновенія, и я съ ужасомъ замѣчаю, куда увлекла меня обычная моя болтовня отъ момента, когда мнѣ предстояло изобразить только первыя мои впечатлѣнія, испытанныя мною при самомъ вступленіи въ кавказскій міръ. Подъ вліяніемъ этого ужаса я оставляю на время писаніе портретовъ и обращаюсь къ первоначальнымъ своимъ впечатлѣніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи они во многомъ измѣнились; но что[й я бы вѣрнѣе передать именно то, что я собственно въ то время чувствовалъ, я полагаю лучшимъ сдѣлать нѣкоторыя извлеченія изъ [чается переписки съ семействомъ, какъ я выше сказалъ, оставшимся[ъ. Мнѣ Петербургѣ. еще ху-

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1897 г.

Гагаринъ,

27-го марта 1857 года я писалъ: «Тифлисъ, на мой взглядъ городишко дрянной, грязный и безобразный, въ родѣ Рыльска, если припомнишь. Улицы кривыя и тѣсныя. Лачуги нагромождены одна на другой. Одинъ только такъ называемый Головинскій проспектъ сколько нибудь сносенъ и играетъ здѣсь роль Невскаго проспекта. Однимъ словомъ, я никакъ не ожидалъ найти такъ называемую столицу Грузіи такою плохою, какою нашелъ. Народу здѣсь грязнаго, оборваннаго, грубаго—гибель. Улицы кишатъ толпами армянъ, грузинъ, татаръ, жидовъ и всякаго сброда. Верблюды, ослы, лошади, навьюченные разною дрянью, безпрерывно движутся по всѣмъ направленіямъ. На каждомъ шагу грязныя лавчонки, называемые здѣсь «духанами», наполнены смѣшеніемъ разныхъ гадостей. Однимъ словомъ, Тифлисъ даетъ полное понятіе объ азіатскихъ городахъ, столь извѣстныхъ своею неправильностью и нечистотою, и на петербургскаго жителя производитъ впечатлѣніе довольно отвратительное.

«Посѣтивъ всѣхъ высшихъ административныхъ лицъ, я убѣдился, что и эти господа также нисколько не претендуютъ на удобство и комфортъ, которыми такъ богатъ Петербургъ. Помѣщенія большею частью грязноваты, объ изящномъ убранствѣ комнатъ и рѣчи нѣтъ, меблировка «курамъ на смѣхъ»; прислуга, иногда оборванная и босая. Разумѣется есть нѣкоторыя исключенія, но весьма рѣдкія и весьма незначительныя. Говорятъ, что князь Воронцовъ украсилъ и устроилъ Тифлисъ. Надо вообразить, что это было до того времени! Вообще изъ всѣхъ отзывовъ видно, что туземцы, т. е. такъ называемые грузинскіе и другіе князья, далеко еще не знакомы съ цивилизаціею и если здѣсь есть проблескъ человѣческой обстановки, то она принадлежитъ заѣзжимъ изъ Петербурга. Отсюда ясно, что и наши мечты о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ неприложимы къ дѣлу. Я писалъ тебѣ, что мнѣ было доложено о приготовленной для меня и меблированной квартирѣ. Трепетъ пробѣжалъ по жиламъ, когда я увидалъ эту квартиру. Грязь, грязь и грязь! А мебели всего на всего нѣсколько стульевъ, ничѣмъ не обитыхъ, да подлѣйшій диванъ, и все это взято только до окончательнаго моего пріобрѣтенія. Подъ вліяніемъ такихъ пріятныхъ ощущеній моя желчная натура взволновалась такъ, что я не на шутку заболѣлъ и, лежа въ грязныхъ и сырыхъ комнатахъ, думалъ, что въ заключеніе всѣхъ треволненій, окончательно протяну ноги.

«А между тѣмъ ты не можешь представить, какая здѣсь на все
овизна. Рѣшительно ни къ чему приступа нѣтъ, хотя все гадко
о. Мебель напр., которую здѣсь иначе не набиваютъ, какъ про-
рогожами, продается по гамбсовскимъ цѣнамъ, хотя достоин-
она далеко уступаетъ той, которая навалена въ послѣднихъ
Цукина двора. Но есть пословица: «по привычкѣ чортъ въ

аду живетъ». Привычка дѣйствительно великое дѣло! Точно такъ и я начинаю, какъ мнѣ самому кажется, втягиваться въ здѣшнюю жизнь и, присмотрѣвшись къ житью-бытью другихъ, начинаю находить, что и квартира, по-здѣшнему, не совсѣмъ дурна и самъ князь сказалъ, что она всегда занималась почтенными людьми. Впрочемъ, князь объявилъ мнѣ, что онъ на квартиру назначилъ мнѣ 600 руб., и отъ меня зависитъ найти другую; да дѣло въ томъ, что другой то найти невозможно: все нанято и все биткомъ набито.

«Князь держитъ себя на царской высотѣ. Всѣ его здѣсь обожаютъ. Онъ благодарилъ меня, что я пріѣхалъ. Въ воскресенье я былъ приглашенъ на обѣдъ. Церемоніалъ страшный. Я тамъ познакомился съ знаменитыми плѣнницами Шамиля: княгинями Чавчавадзе и Орбеліани. Красивыя барыни. По четвергамъ у князя вечернія собранія, на которыя и я имѣлъ приглашеніе, но по болѣзни не былъ еще. Смѣшно, что барыни изъ кожи лѣзутъ по части нарядовъ и транжирятъ на-пропалую. Я былъ съ визитами у всѣхъ знатныхъ по службѣ людей и всѣ они у меня были»...

«...Сейчасъ только я возвратился изъ палатъ князя и спѣшу передать тебѣ нѣкоторыя впечатлѣнія. Былъ музыкальный вечеръ. Пѣнія и музыки было вдоволь, народу гибель; генераловъ и звѣздъ не перечтешь. Освѣщеніе блистательное. Барынь множество, но красавицъ мало; костюмы и такъ и сякъ; впрочемъ разбирать эту часть я не мастеръ; только княгиня Гагарина, молодая, одѣта была великолѣпно, очевидно привезя петербургскіе наряды. Но что болѣе всего меня поразило,—это туземные костюмы на дамахъ такого же вида и рода, какъ у насъ была, помнишь, армянка. Я полагалъ, что эти наряды въ высшемъ обществѣ уже не употребляются; напротивъ, ихъ было на половину. Странно, но не дурно. Вообще блеску было много. Но говорятъ, что зимой были удивительно роскошные вечера у князя. На будущую зиму будетъ италіанская опера и абонементъ уже расхватанъ».

4-го апрѣля: «Ты не можешь представить, какъ здѣшній городъ бѣденъ церквами. Въ домѣ намѣстника есть крошечная, довольно изящная, церковь, куда собирается весь его дворъ. Потомъ въ гимназіи есть порядочная церковь, похожая своимъ значеніемъ на нашу Почтамтскую. Есть еще Сіонскій соборъ, древняя грузинская церковь, весьма небольшая, поставленная какъ то въ ямѣ и потому мало замѣтная. Вотъ и все. Есть еще какая-то корпусная церковь, которой я не видалъ».

Сіонскій соборъ, славясь своею древностью, нисколько не отличается ни своею архитектурою, ни внутреннимъ своимъ великолѣпіемъ. Мнѣ говорили, впрочемъ, что прежде, по своей отдѣлкѣ, онъ былъ еще хуже и что только незадолго предъ моимъ пріѣздомъ, князь Гагаринъ,

состоявшій тогда при князѣ Воронцовѣ, а впослѣдствіи бывшій вице-президентомъ Академіи художествъ, собственноручно возобновилъ и росписалъ соборъ.

Посѣщая часто Сіонскій соборъ, какъ мѣсто всѣхъ торжественныхъ богослуженій, я постоянно удивлялся, что храмъ этотъ не имѣетъ лучшаго и главнѣйшаго украшенія всѣхъ русскихъ храмовъ—люстры или паникадила. На томъ мѣстѣ, гдѣ должна висѣть люстра, висѣлъ комъ веревокъ, какъ бы въ ожиданіи прицѣпиться къ чему нибудь. На мои глаза, привыкшіе къ благолѣпію петербургскихъ храмовъ,—зрѣлище этихъ веревокъ казалось не только страннымъ, но даже неприличнымъ. Когда я сталъ, какъ говорится, «разработывать этотъ вопросъ», оказалось, что при возобновленіи храма княземъ Гагаринымъ, прежнюю старую, плохую люстру признано за лучшее совсѣмъ убрать и что князь принялъ на себя пожертвовать новую и изящную. Доброе намѣреніе это, однако, оставалось долго не исполненнымъ, и князь потомъ чуть ли не заявилъ, что исполненіе его оказывается затруднительнымъ для него, вслѣдствіе какого то измѣненія въ его матеріальныхъ средствахъ.

Богу угодно было послать мнѣ благую мысль воспользоваться всѣми этими обстоятельствами и пожертвовать люстру изъ своихъ средствъ. Оставалось практически исполнить эту мысль. Къ величайшему моему счастію въ то время князь Гагаринъ находился въ Парижѣ и потому, при посредствѣ Крузенштерна, я возложилъ на него все это дѣло. Кто же могъ лучше исполнить это порученіе, какъ не князь Гагаринъ, знавшій хорошо архитектуру Сіонскаго собора, внутреннее его расположеніе и всѣ украшенія, лично имъ самимъ воспроизведенныя. И справедливость требуетъ сказать, что при художественномъ содѣйствіи князя—люстра вышла великолѣпная!

Обращаюсь къ выпискѣ изъ письма моего къ семейству отъ 4-го апрѣля 1857 года.

«Собственно грузинскихъ и армянскихъ церквей больше. Есть и татарскія мечети, и вчера еще, гуляя съ сыномъ, мы видѣли и слышали, какъ наверху одной изъ нихъ, татаринъ «муэдзинъ» кричалъ, какъ сумасшедшій, что то на весь городъ самымъ дикимъ и пронзительнымъ голосомъ. Вообще здѣшній городъ не имѣетъ ничего общаго съ нашими русскими городами. Такъ здѣсь все своеобразно, странно и дико. Вечеромъ Тифлисъ особенно страненъ. Здѣсь есть такъ называемый армянскій базаръ, т. е. безконечный рядъ плохихъ лавокъ. Съ наступленіемъ ночи каждая лавка освѣщается сальными свѣчами и тысячи огней дѣлаютъ какой то оригинальный эффектъ.

«5-го апрѣля. Четвергъ. Я забылъ сказать, что вчера, возвращаясь отъ всенощной, мы съ сыномъ были удивлены безпрерывными выстрѣ-

лами, раздававшимися по городу. Сегодня Игнатусъ (мой камердинеръ) объяснилъ намъ, собравъ разумѣется необходимыя свѣдѣнія, что наканунѣ великаго четверга здѣсь всегда стрѣляютъ почти въ каждомъ домѣ. Таковъ обычай. Значеніе его въ томъ, что этими выстрѣлами грузины и армяне отбиваютъ Іисуса Христа отъ жидовъ. Кромѣ того раскладываютъ костры и прыгаютъ чрезъ нихъ, ради очищенія грѣховъ подобно очищенію водою, которое мы видѣли съ тобою у жидовъ въ Одессѣ...

«Сегодня, благодареніе Богу, мы удостоились причащенія Св. Таинъ, въ намѣстниковской церкви. Послѣ обѣдни адъютанты намѣстника пригласили всѣхъ къ нему на чай и меня съ сыномъ. За этимъ чаемъ я вновь видѣлъ здѣшнихъ знаменитыхъ барынь, въ числѣ которыхъ княгиня Витгенштейнъ занимаетъ первую роль по красотѣ.

«Относительно службы я еще ничего не могу сказать, кромѣ того, что занятій большихъ нѣтъ. Князь окруженъ такою толпою припѣвающихъ, что трудно видѣть—кто болѣе всѣхъ пользуется его расположеніемъ....

«Самый Тифлисъ находится еще въ переходномъ состояніи отъ Азіи къ Европѣ; народъ здѣсь высшаго сорта т. е. заѣзжій—удивительный, нижніе слои, т. е. корень города, туземцы-дичь, и оттого все, что относится до устройства и порядка городскаго, еще весьма неудовлетворительно, хотя по всѣмъ отзывамъ Тифлисъ до Воронцова и Тифлисъ послѣ него—земля и небо!»...

ГЛАВА V.

Характеристика лицъ, состоявшихъ при главнокомандующемъ князѣ Барятинскомъ.

Приступая къ обозрѣнію свиты, окружавшей въ мое время князя Барятинскаго, я долженъ заявить нѣкоторыя предварительныя обстоятельства.

Во-первыхъ, хотя рѣшительно никто изъ этой свиты не имѣлъ ни вообще какого либо особеннаго значенія, ни тѣмъ болѣе какого либо вліянія на князя, и онъ держалъ ее до такой степени почтительно и строго, что многіе свитскія личности, особенно похрабрѣе, просто возмущались противъ такого ничтожнаго положенія, въ которое они были поставлены княземъ,—тѣмъ не менѣе вся эта свита, въ массѣ и совокупности, имѣла, какъ я и замѣтилъ уже выше, и значеніе и вліяніе. Если, напримѣръ, кто нибудь не понравился этой многочислен-

ной, блестящей толпѣ, тому хорошаго ожидать было нечего. Гулъ и толки, которыя пронесутся въ ней, непремѣнно и быстро дойдутъ до князя, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ самъ придворныя сплетни, почерпая въ нихъ, быть можетъ, какъ правитель страны, полезныя и необходимыя для себя свѣдѣнія. Затѣмъ, отвергая всякое вліяніе на себя отдѣльныхъ личностей, князь не только не былъ равнодушенъ къ общественнымъ толкамъ и мнѣніямъ, но даже положительно руководился ими, за исключеніемъ разумѣется тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ, по какимъ либо особеннымъ причинамъ, онъ шелъ на перекоръ общественному мнѣнію.

Во-вторыхъ, трудно представить себѣ болѣе блестящее соединеніе въ какой либо свитѣ, за исключеніемъ разумѣется свиты государя, такихъ великолѣпныхъ и аристократическихъ личностей, какое представляла въ мое время свита князя Барятинскаго. Надобно замѣтить, что этому содѣйствовало, кромѣ блестящаго имени самого Барятинскаго, къ которому молодежь стремилась присоединиться, совершеніе, именно въ этотъ періодъ, великихъ дѣлъ на Кавказѣ, такъ что какой нибудь аристократъ, пріѣхавшій туда, по выраженію князя, «общипаннымъ пѣтухомъ», чрезъ нѣсколко недѣль ѣхалъ въ Петербургъ, увѣшанный крестами.

Въ-третьихъ, въ этотъ блестящій періодъ свита намѣстника, какъ и вообще тифлисскій міръ, представляла нѣчто въ родѣ калейдоскопа, въ которомъ личности то появлялись, то исчезали, смѣняя одна другую. Отсюда ясно, что для меня чрезвычайно трудно сохранить въ изображеніи этихъ личностей какой нибудь хронологическій порядокъ, а потому и я представляю эти личности только въ томъ порядкѣ, въ какомъ они предстанутъ въ моихъ воспоминаніяхъ, тѣмъ болѣе, что хронологія здѣсь, какъ мнѣ кажется, и не можетъ имѣть особеннаго значенія.

Въ-четвертыхъ, свита главнокомандующаго раздѣлялась на лицъ, состоящихъ при немъ и собственно адъютантовъ. Въ общемъ видѣ половина, заключающая въ себѣ адъютантовъ, какъ будто имѣла нѣкоторое преимущество, но преимущество, чисто внѣшнее и не представлявшее ничего капитальнаго, чего и нельзя было ожидать отъ молодежи, составлявшей эту половину и стремившейся только или драться съ горцами въ экспедиціяхъ, или ухаживать за тифлисскими барышнями. Зато другая половина, заключавшая въ себѣ толпу состоявшихъ при намѣстникѣ или главнокомандующемъ, если и представляла, съ одного конца, толпу туземныхъ личностей, носившихъ имена царевичей, князей и хановъ, то съ другаго конца въ ней стояли или старые пріятели князя, или люди, дѣйствительно полезные ему въ томъ или другомъ отношеніи.

Въ-пятыхъ, главная обязанность этой свиты, въ обычное время, состояла въ дежурствѣ при князѣ, которое исполнялось ежедневно однимъ адъютантомъ и однимъ изъ состоящихъ при немъ, большею частію туземцевъ; во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, при выходахъ, молебствіяхъ, особыхъ прогулкахъ, вся эта свита, цѣликомъ окружала князя...

Начну съ лицъ, состоявшихъ при князѣ и беру, прежде всего, З—ва въ томъ вниманіи, что онъ, вмѣстѣ съ Тромповскимъ, о которомъ будетъ сказано вслѣдъ за симъ, имѣли нѣкоторое время видъ самыхъ домашнихъ и приближенныхъ къ князю людей.

Барятинскій разсказывалъ мнѣ, что однажды, командуя въ какой то экспедиціи отрядомъ, онъ стоялъ вечеромъ на батареѣ и въ это время мимо ея проходилъ какой то драгунскій офицеръ. Въ этомъ офицерѣ онъ узналъ стараго своего однокашника и товарища по юнкерской школѣ З—ва, позвалъ его къ себѣ на батарею и бесѣдовалъ съ нимъ.

Съ этихъ поръ князь взялъ З—ва подъ свое крыло, и потомъ, когда князь сдѣланъ былъ начальникомъ главнаго штаба, далъ ему такъ называемое наградное отдѣленіе, которое по важности его всегда довѣрялось наиболѣе способному и довѣренному человѣку. З—въ былъ благовоспитанный, образованный господинъ, который много видѣлъ, много путешествовалъ, былъ хорошимъ разсказчикомъ и такимъ образомъ соединялъ въ себѣ всѣ элементы для того, чтобы быть пріятнымъ царедворцемъ при князѣ, съ которымъ у него, кромѣ того, было много общихъ школьныхъ воспоминаній. Именно въ такое положеніе князь и поставилъ его. Не имѣя рѣшительнаго никакого дѣловаго значенія и вліянія, онъ постоянно былъ при князѣ, пилъ съ нимъ чай, гулялъ съ нимъ и исполнялъ нѣкоторыя чисто домашнія его порученія.

Съ боку можно было считать З—ва другомъ князя; такъ многіе дѣйстви тельно и считали его; но на самомъ дѣлѣ это было вовсе не такъ. Начать съ того, что князь Барятинскій вовсе не имѣлъ въ себѣ тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ создается дружба; гордый, самолюбивый, а главное властолюбивый онъ не могъ, по натурѣ своей, допустить кого либо стать съ собою на одну ногу, чего, прежде всего, требуетъ дружба. Можетъ быть князь и справедливо считался другомъ государя, но, несомнѣнно, что единственно государь только и могъ сдѣлаться другомъ князя; затѣмъ, конечно, не было человѣка, котораго онъ считалъ бы достойнымъ этого званія, не исключая Адлербергова и Ламбертова, съ которыми связывала его скорѣе товарищеская пріязнь, быть можетъ нечуждая разсчетовъ, нежели истинная дружба въ тѣсномъ смыслѣ, какъ принято ее понимать. Напротивъ, этихъ друзей особаго сорта, какъ З—въ, Д—въ, Тромповскій, князь любилъ терзать самыми невыносимыми

капризами и короткость его съ ними выражалась преимущественно такимъ, не скажу грубымъ, но тяжелымъ обращеніемъ, такъ что всѣ выгоды этой короткости рѣшительно оставались на его сторонѣ, а этимъ господамъ предстояло только краснѣть, досадовать на его деспотизмъ и даже за угломъ поругивать его и мысленно утѣшать себя, что всѣ эти мученія они претерпѣваютъ изъ дружбы къ князю.

Говорю это потому, что, вѣчно болтаясь при князѣ, я былъ свидѣтелемъ многихъ опытовъ, какъ нецеремонно выражалась дружба князя къ окружающимъ.

Для выраженія, какой смыслъ имѣла короткость князя съ этими господами, достаточно привести слѣдующій фактъ. Когда свита князя садилась за столъ, случалось иногда, что являлся отъ князя придворный лакей и объяснялъ одному изъ присутствующихъ слѣдующее соображеніе: «его сіятельство приказали доложить вамъ, что они изволили пригласить къ обѣду графа Адлерберга и что если графъ пожалуетъ, князь изволитъ кушать съ ними; а если не пожалуетъ, тогда они пригласятъ васъ».

Другимъ домашнимъ другомъ князя считался толстый Тромповскій, человѣкъ милый и добрый. Тромповскій былъ нѣмецкій полякъ, или польскій нѣмецъ и во всякомъ случаѣ господинъ, чрезвычайно кроткій и пріятный. Дѣловой міръ былъ для него такъ-же знакомъ, какъ китайская грамота. Князь часто хвалился тѣмъ, что выбралъ и приблизилъ къ себѣ такія личности, которыя не имѣютъ понятія о дѣлахъ и потому неспособны ни пускаться въ интриги, ни добиваться серьезнаго вліянія. Тромповскаго князь пріобрѣлъ какимъ то образомъ отъ генерала Ридигера, при которомъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ адъютантомъ. Князь, когда заходила рѣчь о Тромповскомъ, любилъ повторять: «ужъ повѣрьте, я не ошибусь. Я зналъ, что если онъ умѣлъ нѣсколько лѣтъ держаться адъютантомъ при старикѣ Ридигерѣ, стало быть хорошъ». Такая похвала видимо относилась къ умѣнью Тромповскаго переносить капризы Ридигера и самого князя.

Когда въ 1861 г., по настоянію государя, князь отправился за границу лѣчиться, онъ взялъ съ собою Тромповскаго и З—ва. Гдѣ-то въ Германіи ихъ угостили какой то капустой, которая произвела страшную революцію въ непривычныхъ къ ней желудкахъ Князь и другіе изъ его свиты скоро оправились, а у Тромповскаго дѣло затянулось, такъ что его надобно было оставить въ этомъ мѣстѣ до совершеннаго поправленія. Князь переѣхалъ въ Дрезденъ и поступилъ въ распоряженіе знаменитаго нѣмецкаго шарлатана Вальтера, а бѣдный Тромповскій, оставленный въ одиночествѣ, продолжалъ бороться съ разстройствомъ своего желудка и наконецъ просилъ, чтобы его, хотя больнаго, тоже перевезли въ Дрезденъ, что и было исполнено. Когда я, по тре-

бованію князя, въ то же лѣто пріѣхалъ въ Дрезденъ, я нашелъ Тромповскаго въ трудномъ, но вовсе небезнадежномъ состояніи. Мнѣ и въ голову не могло придти, чтобы отъ такой пустой болѣзни, можно было умереть, особенно при попеченіяхъ Вальтера, на котораго, какъ знаменитость, я смотрѣлъ тогда съ уваженіемъ. Однако, несмотря на то, что Вальтеръ лично посѣщалъ его ежедневно по нѣскольку разъ и что помощники его даже безотлучно дежурили при бѣдномъ Тромповскомъ, дѣло шло хуже и хуже, такъ что когда мнѣ предстояло отправиться изъ Дрездена курьеромъ къ государю, а вслѣдъ за мной и князь долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, надежды на выздоровленіе Тромповскаго не оставалось уже никакой. Надо было вытребовать брата его, находившагося гдѣ-то въ Лифляндіи, и предоставить ему послѣднія заботы. Скоро послѣ того, когда мы, по пріѣздѣ изъ Дрездена, послѣ Петергофа, переселились въ Царское, я помню, однажды, среди полночи я былъ призванъ къ князю. Оказалось, что князь только что получилъ роковое извѣстіе, вслѣдствіе котораго и нужно было заготовить нѣсколько спѣшныхъ бумагъ.

Когда сформирована была италіанская опера въ Тифлисѣ и когда дирекція, составленная изъ трехъ лицъ, вела свое дѣло крайне неудовлетворительно, князь рѣшился преобразовать ее и сосредотичить въ одномъ лицѣ. Однажды, разсказывая мнѣ свои предположенія и затрудненія пріискать человѣка, способнаго для этой должности, князь остановилъ на мнѣ свой вопросительный взглядъ. Я зналъ, что Д—въ учился въ парижской консерваторіи и игралъ довольно сносно на скрипкѣ. Въ силу этого я сказалъ князю.

— Для управленія оперою, мнѣ кажется, ваше сіятельство, нуженъ человѣкъ, знающій музыку. Д—въ получилъ музыкальное образованіе въ парижской консерваторіи и казалось бы могъ отвѣчать этому назначенію. Если же онъ слабъ по части хозяйства и счетоводства, то можно придать ему спеціалиста по этимъ частямъ изъ незначительныхъ чиновниковъ.

— Ну, батюшка, онъ въ этомъ насъ съ вами поучитъ, отвѣчалъ князь.

Вслѣдъ затѣмъ состоялось назначеніе Д—ва директоромъ театра. Онъ носилъ это званіе, пока, сбитый неудавшимися разсчетами на генералъ-интендантство, потерею жены—не бросилъ окончательно Кавказа.

Кавказъ считалъ Д—ва ниже того, что онъ былъ въ дѣйствительности, но этого мнѣнія я никогда не раздѣлялъ вполнѣ. Онъ дѣйствительно не былъ способенъ, какъ говорится, выдумать пороху, но былъ человѣкъ приличный, благовоспитанный и очень любезный въ обращеніи. Бѣда его, какъ и многихъ другихъ, заключалась въ томъ, что онъ

чрезъ мѣру поддался обаянію князя, безгранично вѣрилъ ему и питалъ къ нему какое то восторженное обожаніе. Князь, одаренный дивнымъ умѣніемъ играть, какъ на струнахъ, на страстяхъ человѣческихъ, разгадалъ мягкую натуру Д—ва и буквально вертѣлъ имъ, какъ мячикомъ.

О Ѳадѣевѣ и объ отношеніяхъ его къ князю я говорилъ уже выше. Ѳадѣевъ не былъ ни домашнимъ человѣкомъ князя, ни человѣкомъ пустымъ. Это былъ человѣкъ талантливый, но взбалмошный въ такой степени, что въ молодости удостоился сидѣть въ Петропавловской крѣпости. Дѣйствительно, обогащенный обширными свѣдѣніями, владѣющій отлично перомъ и даромъ слова, онъ рѣзко выдавался среди толпы, окружающей князя, зналъ себѣ цѣну и въ своемъ громадномъ самолюбіи нисколько не церемонился съ товарищами, держалъ себя съ ними грубо до наглости, за что и былъ ненавидимъ всѣми.

Умѣніе князя управлять людьми нигдѣ такъ блистательно не выражалось, какъ именно въ отношеніяхъ его къ строптивому, бурному и дерзкому Ѳадѣеву. Я говорилъ уже выше, какъ по части своего благоволенія къ нему, онъ постоянно переводилъ его, такъ сказать, изъ холода въ тепло, какъ умѣлъ во-время польстить его самолюбію, а во-время ставилъ крѣпкіе предѣлы его самонадѣянности. Ѳадѣевъ положительно былъ нуженъ ему, какъ единственный человѣкъ, способный блистательно излагать военныя соображенія. Въ силу именно этой нужды, облеченной въ форму личнаго расположенія, котораго въ дѣйствительности не было на грошъ, князь и старался держать Ѳадѣева при себѣ; иначе онъ давно бы сплавилъ его куда нибудь, хорошо зная, что онъ менѣе всего способенъ быть, по своему заносчивому характеру, придворнымъ человѣкомъ и жить въ ладу съ разнообразнымъ и сложнымъ придворнымъ міромъ.

Въ числѣ состоящихъ при князѣ былъ еще Б—ей, извѣстный въ ученомъ мірѣ, какъ нумизматъ и археологъ.

Б—ея я зналъ уже задолго до перехода моего на Кавказъ. Когда бывало князь пріѣзжалъ съ Кавказа—онъ часто вертѣлся около него. Служилъ ли онъ самъ въ то время на Кавказѣ или собирался только переходить туда—я не знаю; видно было только, что онъ старый знакомый князя.

Трудно исчислить все, чѣмъ Б—ей ознаменовалъ себя на Кавказѣ. Отправленный въ Кутаисское генералъ-губернаторство для какихъ-то политическихъ соображеній относительно Сванетіи, онъ кончилъ тѣмъ, что дикій владѣтель ея, выведенный изъ терпѣнія началъ пороть огромнымъ кинжаломъ всѣхъ, кто попалъ ему подъ руку, начиная съ добраго и благороднаго генералъ-губернатора князя Гагарина. Извѣстно, что изступленный Дадишкиліани искалъ съ особымъ аппетитомъ Б—ея, но

этотъ господинъ скрылся на этотъ грозный моментъ, и только тогда появился на свѣтъ Божій, когда этотъ звѣрь Дадишкиліани, прижатый штыками нашихъ солдатъ, былъ скрученъ уже. Потомъ, когда Б—ей попалъ въ Кавказскій отдѣлъ географическаго общества, онъ тотчасъ выжилъ секретаря этого отдѣла ученаго и трудолюбиваго Берже, который долженъ былъ оставить это мѣсто. Вступивъ въ число членовъ тифлисскаго собранія онъ и тамъ умѣлъ произвести страшнѣйшее волненіе и расколъ этого честнаго и мирнаго учрежденія на нѣсколько враждебныхъ партій.

Извѣстный Романовскій, имѣвшій такое блистательное положеніе въ Москвѣ, также принадлежалъ къ фалангѣ состоящихъ при князѣ. Но увы! тотчасъ по моемъ пріѣздѣ на Кавказъ, я замѣтилъ, что у этой личности не осталось уже ничего изъ того громаднаго значенія, которое она совмѣщала въ себѣ, въ Москвѣ, во время коронаціи. Видно было, что Романовскій всѣми силами старался держаться въ небольшомъ кружкѣ самыхъ приближенныхъ лицъ къ князю, но усилія эти, не имѣя никакого прочнаго основанія, для всѣхъ были замѣтны. Наконецъ и самъ князь нашелъ возможность разомъ опредѣлить положеніе этого въ высшей степени самолюбиваго человѣка и свои отношенія къ нему.

Съ наступленіемъ весны 1857 г. дворъ намѣстника переѣхалъ въ Каджоры, для чего и нанято было нѣсколько домовъ. Въ числѣ самыхъ приближенныхъ переѣхалъ туда и Романовскій и помѣстился въ одномъ изъ этихъ домовъ. Вскорѣ послѣ переѣзда при мнѣ произошла слѣдующая сцена. Однажды утромъ, когда я стоялъ предъ княземъ и слушалъ его размышленія, вошелъ кто-то съ какимъ-то хозяйственнымъ вопросомъ. Князь, разрѣшая этотъ вопросъ, вдругъ спросилъ: «да скажите сколько же у меня здѣсь домовъ?». Ему сказали. «Да скажите на милость, для чего же это?» снова спросилъ князь. Перечисляя потребности, для которыхъ наняты эти дома, упомянули, что въ одномъ изъ нихъ помѣщается Романовскій. «На кой чортъ мнѣ Романовскій и для чего я буду нанимать для него домъ на Каджорахъ?» вскричалъ капризнѣйшимъ манеромъ князь. Дальнѣйшихъ разговоровъ я не помню, но помню только, что я вчужѣ покраснѣлъ за бѣднаго Романовскаго. Нецеремонныя слова князя положительно показывали, что величіе Романовскаго кончилось и что князь видимо хочетъ отъ него отдѣлаться.

Само собою разумѣется, что этотъ отзывъ не остался безъизвѣстнымъ Романовскому, для котораго, конечно, было много и другихъ признаковъ истиннаго его положенія. Какъ-бы то ни было, сталъ распространяться слухъ, что Романовскій переходитъ въ армію; но тутъ вышло новое недоумѣніе, которое имѣло огромное вліяніе на карьеру Романовскаго, Въ своемъ безграничномъ самолюбіи онъ представилъ себѣ, что онъ не можетъ быть переведенъ въ армію иначе, какъ полковымъ команди-

ромъ. Къ удивленію, въ отзывахъ самого князя не было ничего, чтобы сильно и положительно противорѣчило этому предположенію. Напротивъ, князь часто говорилъ: «первая вакансія ваша», «когда я назначу для васъ полкъ»... и т. п. Но дѣло было, какъ послѣдствія показали, совсѣмъ не такъ. Надо замѣтить, что къ этому присоединилось одно романтическое обстоятельство, которое окончательно запутало дѣло. Въ Тифлисѣ, въ это время, была очень заманчивая невѣста, дочь сенатора П—дова, дѣвочка лѣтъ 17, чрезвычайно миловидная, и съ значительнымъ приданымъ. Романовскій устремилъ на нее свои внимательные взоры. Въ городѣ говорили, что онъ страшно влюбился въ нее; но это Богъ его знаетъ, во всякомъ случаѣ эта дѣвочка была чрезвычайно лакомый кусокъ во всѣхъ отношеніяхъ. Чтобы повести на нее атаку, Романовскій только ожидалъ назначенія своего въ полковые командиры, что должно было придать значительную цѣну предложенію, которое онъ собирался сдѣлать, и ожидалъ тѣмъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, что вокругъ П—довой увивалось много другихъ припѣвающихъ. Наконецъ открывается вакансія полковаго командира въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ кавказскихъ полковъ—Ширванскомъ. Князь назначаетъ на эту вакансію какого-то извѣстнаго боеваго и заслуженнаго полковника.

Уничтоженный Романовскій подаетъ рапортъ о переводѣ его въ Петербургъ, въ генеральный штабъ, въ которомъ онъ и состоялъ. Удивленный князь посылаетъ за нимъ и между ними происходитъ роковое для Романовскаго объясненіе. Князь увѣряетъ честнымъ словомъ, что, соглашаясь на переводъ его въ армію, онъ предполагалъ назначить его сначала баталіоннымъ командиромъ, чтобы онъ могъ узнать, прежде всего, полковой бытъ и потомъ сдѣлаться уже опытнымъ и хорошимъ полковымъ командиромъ, приводитъ доказательство, что онъ никогда и никого не назначалъ прямо полковымъ командиромъ, что онъ самъ прежде командовалъ баталіономъ, что Черткова, и другихъ онъ также назначилъ первоначально баталіонными командирами и т. п. Ослѣпленный своимъ самолюбіемъ и подавленный несбывшимися надеждами, Романовскій оставался упорнымъ въ отношеніи этихъ увѣщаній и увѣреній. Тогда князь началъ напоминать ему все, что онъ для него сдѣлалъ, прибавляя, что онъ радъ двинуть его впередъ, но только не по капризамъ Романовскаго, но по своимъ убѣжденіямъ и по своей системѣ. На это Романовскій имѣлъ страшную неосторожность замѣтить, что служба его была цѣнима всѣми прежними начальниками: Бебутовымъ и Муравьевымъ. Для князя этого было слишкомъ достаточно. Поставленный на одну доску съ этими господами, онъ еще разъ выразилъ сожалѣніе, что разстается съ нимъ, и приказалъ тотчасъ сдѣлать всѣ распоряженія къ удовлетворенію желанія Романовскаго.

Къ сожалѣнію, какъ только произнесено было это рѣшеніе, Романов-

скій тотчасъ опомнился, но уже было поздно. Онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ.

Оставаясь въ Тифлисѣ я слышалъ смутные и несправедливые толки о петербургской его дѣятельности. Возвращеніе мое въ Петербургъ какъ-то совпало съ назначеніемъ его редакторомъ «Русскаго Инвалида». Казалось, это назначеніе первоначально его радовало: онъ много толковалъ о великолѣпной квартирѣ, которую займетъ, и о разныхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя его ожидаютъ. Но скоро восторги эти остыли; онъ сталъ скучать и говорилъ мнѣ, что желаетъ перейти въ армію и вступить дѣйствительно на военное поприще, къ которому всегда имѣлъ исключительное призваніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что дѣло редактора газеты вовсе не его дѣло. «Инвалидъ» значительно упалъ подъ его редакціею. Наконецъ и здоровье его, какъ должно полагать, отъ моральныхъ причинъ стало разстраиваться. Вообще въ этотъ періодъ нравственное его состояніе было таково, что можно было ожидать, что онъ сойдетъ съ ума. Если оскорбленное самолюбіе, разбитое честолюбіе, уничтоженная карьера дѣйствительно заставляютъ людей терять разсудокъ, то Романовскій, въ этомъ отношеніи, имѣлъ огромные матеріалы. Надо еще удивляться, что этотъ герой Карса, потомъ любимецъ могущественнаго Барятинскаго, человѣкъ, стоявшій на такой точкѣ, съ которой развертывалась самая блестящая карьера, могъ благополучно и такъ долго держаться въ положеніи незначительнаго полковника, когда мимо его давно пролѣзли въ генералы и на почетныя мѣста люди, не только несравненно младшіе его, но и ничтожные, сравнительно съ его огромными, какъ военнаго человѣка, достоинствами, которыя единодушно признавалъ въ немъ весь Кавказъ.

Въ заключеніе, припоминая слова князя Александра Ивановича, приведенныя въ началѣ моихъ записокъ въ связи съ жалобами его на стѣсненія, окружавшія начальную его карьеру, что одинъ годъ можетъ вознаградить всѣ убытки, я долженъ сказать, что они оправдались вполнѣ какъ на самомъ князѣ, такъ и на Романовскомъ. Назначенный въ Ташкентъ Романовскій именно въ одинъ годъ воротилъ все утраченное—совершилъ блестящія дѣла и пріобрѣлъ бездну почестей.

Къ числу состоящихъ при князѣ-намѣстникѣ принадлежалъ князь Т—кой. Какую вѣтвь огромнаго дерева Т—кихъ составлялъ онъ—я не знаю. Знаю только, что это былъ красивѣйшій мужчина.

Главная цѣль, къ которой стремился князь, состояла въ томъ, чтобы попасть въ адъютанты къ Барятинскому, т. е. въ тотъ отдѣлъ, который, какъ я сказалъ выше, считалъ себя поважнѣе состоящихъ при князѣ. Но въ стремленіи къ этой цѣли князь имѣлъ неосторожность заявить о какомъ-то сомнительномъ родствѣ своемъ съ княземъ Барятинскимъ и даже основывать свои претензіи именно на этомъ родствѣ. Этого было доста-

точно, чтобъ эти претензіи никогда не осуществились. Вакансіи адъютантовъ открывались и проходили, такъ сказать, мимо носа, убѣждая Т—каго самымъ дѣйствительнымъ образомъ, что въ адъютанты онъ не попадетъ. Весьма естественно, что Т—кой сталъ обижаться и угрожать оставленіемъ Кавказа, и такъ какъ въ этомъ ему никто не препятствовалъ, то онъ дѣйствительно скоро и оставилъ Кавказъ, переселясь въ Харьковъ, гдѣ было расположено значительное имѣніе жены его. Къ удивленію, скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ сдѣлался харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Но повторяю, что чрезвычайно трудно не только изобразить, но и припомнить всю весьма многочисленную семью состоящихъ при князѣ, и потому я спѣшу остановиться, и то не надолго, на нѣкоторыхъ наиболѣе рельефныхъ,туземныхъ личностяхъ, принадлежащихъ къ тому же отдѣлу.

Въ ряду этихъ личностей замѣтнѣе всѣхъ былъ князь Ираклій Грузинскій, прямой потомокъ послѣднихъ Грузинскихъ царей. Наслѣдовавъ отъ матери своей, армянки, всѣ армянскія свойства, онъ былъ и по внѣшности и внутреннимъ качествамъ скорѣе армянинъ, чѣмъ грузинъ. Вообще болѣзненный князь Ираклій долженъ былъ постоянно искать медицинскихъ пособій и для этого большею частію жилъ за границей. Жилъ онъ вообще на барскую ногу и никому изъ своихъ соплеменниковъ не уступалъ въ умѣніи задавать шику и въ Петербургѣ и за границей. Ко мнѣ лично онъ имѣлъ большую симпатію, которая всецѣло сохранила свою силу даже и послѣ оставленія мною Кавказа. Ѣдетъ ли Ираклій изъ Тифлиса за границу или возвращается изъ заграницы въ Тифлисъ, въ Петербургѣ учреждается большой отдыхъ, учреждается рядъ роскошныхъ обѣдовъ и вечеровъ, на которыхъ моя личность всегда занимаетъ не только непремѣнное, но и почетное мѣсто.

Кромѣ князя Ираклія Грузинскаго при намѣстникѣ состоялъ еще кн. Александръ Грузинскій, происходящій отъ другой царской отрасли. Онъ усерднѣе всѣхъ добивался титула «свѣтлости» и имѣлъ женою прелестнѣйшую женщину, извѣстную всему Тифлису, Елену Грузинскую.

Состояли при князѣ еще нѣсколько экземпляровъ князей Орбеліани, изъ которыхъ одинъ, молодой и неглупый человѣкъ, князь Александръ Орбеліани былъ впослѣдствіи тифлисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Былъ при князѣ полковникъ изъ татаръ Агаевъ, отличный господинъ, была толпа туземцевъ изъ грузинъ и армянъ, разбирать которую въ подробности, поименно, и скучно и безполезно. Къ числу же состоящихъ принадлежало множество генераловъ, перечислять которыхъ также не стану сколько потому, что я не былъ съ ними въ близкихъ соотношеніяхъ, столько и потому, что всѣ они составляли преимущественно старый хламъ, неизбѣжно скопляющійся при каждомъ большомъ управленіи.

ГЛАВА VI.

Свита князя-намѣстника и его адъютанты.

Перехожу къ веселой и болѣе близкой мнѣ толпѣ адъютантовъ. Еще до переѣзда моего на Кавказъ, частію въ Петербургѣ, а частію въ Москвѣ, я узналъ уже четырехъ адъютантовъ князя: князя Г—на, князя М—го, М—ва и Н—ва. Съ нихъ и начну.

Князь Г—нъ былъ старымъ адъютантомъ князя на Кавказѣ. Во время пребыванія князя Александра Ивановича въ Петербургѣ, предъ назначеніемъ намѣстникомъ, князь Г—нъ также очутился здѣсь и примкнулъ къ нему. Въ это время я съ нимъ и познакомился. Изъ словъ князя Барятинскаго я заключилъ, что князь Г—нъ пріѣхалъ въ Петербургъ жениться. И дѣйствительно онъ скоро женился на родственницѣ знаменитаго нашего Монтекристо Яковлева, дѣвицѣ восхитительной красоты.

Когда я отправился потомъ на Кавказъ, то гдѣ-то обогналъ его. Онъ ѣхалъ съ молодой женой большимъ бариномъ съ огромной прислугою, съ которой, и по разсказамъ станціонныхъ смотрителей и по собственнымъ его словамъ, онъ никакъ не могъ управиться. По возвращеніи въ Тифлисъ онъ меблировалъ великолѣпно домъ, завелъ отличные экипажи, учредилъ пріемные вечера, на которые сбирался весь городъ. Его прелестная жена очаровывала всѣхъ и на благородныхъ спектакляхъ изображала съ большимъ успѣхомъ геніевъ и амуровъ, что очень шло къ ея миловидной наружности. Все это продолжалось однако не долго. Вскорѣ онъ началъ болѣть и полубольной отправился за границу и навсегда оставилъ Тифлисъ. Потомъ я не разъ встрѣчалъ его въ Петербургѣ, прославляющимъ чудеса гомеопатіи, которой онъ приписывалъ свое исцѣленіе. Въ заключеніе, какъ слышно, онъ поселился въ Одессѣ, выстроилъ тамъ великолѣпный домъ и, какъ говорятъ, завелъ свои пароходы, посредствомъ которыхъ и совершаетъ будто-бы свои коммерческія предпріятія.

Въ то время, когда князь Александръ Ивановичъ, предъ назначеніемъ намѣстникомъ, находился въ Петербургѣ, я часто встрѣчалъ у него одного гвардейскаго офицера. Оказалось, что это князь М—ій, будущій его адъютантъ.

На Кавказѣ я значительно съ нимъ сблизился, какъ и со всею свитою намѣстника. Очарованный старшимъ братомъ, князь Александръ Ивановичъ далъ ему сильный ходъ. Произведенный быстро въ чины, онъ назначенъ былъ командиромъ какого-то стрѣлковаго баталіона. Скоро послѣ того М—ій сталъ какъ-то хирѣть и долженъ былъ отправиться за границу, гдѣ мы, какъ я говорилъ уже, сошлись въ Дрезденѣ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ назначенъ былъ командиромъ какого-то полка и женился на одной изъ грузинскихъ царевенъ. Но увы! не долго онъ пользовался супружескимъ счастіемъ. Когда въ 1863 г. я ѣхалъ на Кавказъ и проѣзжалъ чрезъ Владикавказъ, я не могъ даже видѣть М—го потому, что жена находилась въ отчаянномъ положеніи и онъ былъ разстроенъ до крайней степени. Изъ Тифлиса выслана была чуть не цѣлая толпа докторовъ, но ничто не помогло, и молодая женщина скончалась именно на зарѣ жизни.

Приходится вывести на сцену и Н—ва. Я съ нимъ познакомился еще въ Москвѣ, гдѣ онъ красовался однимъ изъ первыхъ адъютантовъ новаго намѣстника. По собственнымъ его разсказамъ, отецъ его, бывшій наказнымъ атаманомъ казачьяго линейнаго войска, на смертномъ одрѣ просилъ князя Барятинскаго взять сына къ себѣ въ адъютанты, что тотъ и исполнилъ при первой возможности.

Небольшого роста, но очень красивый, въ казацкой формѣ, Н—въ былъ очень эффектенъ и казался въ то время въ высшей степени счастливымъ. При бойкомъ и остромъ умѣ его дѣйствительно казалось возможнымъ поручиться за блестящую его карьеру... Не тутъ-то было. Начать съ того, что князю онъ, ужъ не знаю почему, очевидно не нравился, все ему не удавалось.

Онъ очень любилъ совѣщаться со мной о своемъ положеніи, и я давалъ ему рѣшительные совѣты откровенно изложить это положеніе самому князю; забавно было видѣть, какъ, съ одной стороны, бѣдный Н—въ старался уловить благопріятный моментъ, а съ другой, какъ князь, владѣвшій непостижимымъ умѣніемъ читать на лицахъ своихъ подчиненныхъ внутреннія побужденія, лавировалъ, избѣгая этой атаки и ненавидя вообще, когда къ нему лично обращаются съ просьбами. Судьба, однако-же, какъ то столкнула ихъ... но на эти случаи у князя было другое оружіе, которымъ онъ владѣлъ тоже, какъ истинный художникъ. Становясь съ глазу на глазъ съ личностію, чреватою какою нибудь просьбою, онъ не давалъ высказывать ее, а дѣлалъ видъ какъ будто предугадываетъ ее, самъ излагалъ ее, сообразно своимъ видамъ, рѣшалъ ее и затѣмъ прибавлялъ, что онъ спѣшитъ куда нибудь или зачѣмъ нибудь и быстро оставлялъ ошеломленнаго просителя. Все это дѣлалось, однако, такимъ образомъ, что проситель не имѣлъ никакого повода остаться недовольнымъ княземъ; напротивъ, онъ видѣлъ со стороны его бездну участія, готовность помочь и сожалѣлъ смутно только о томъ, что князь не совсѣмъ вѣрно угадалъ самое содержаніе просьбы.

Такъ точно было и здѣсь. Главною надеждою Н—ва было получить рано или поздно мѣсто наказнаго атамана на Кавказѣ; эту надежду онъ именно и хотѣлъ выяснить князю съ просьбою дать ему до того

времени какое нибудь другое назначеніе, такъ какъ въ положеніи адъютанта онъ существовать безъ поддержки не можетъ. Но князь какъ только увидалъ Н—ва и прочиталъ на лицѣ его смущеніе, присущее всякому просителю, тотчасъ вскричалъ: «А, любезный Н—въ! Вы все еще больны! да, да, у васъ очень нехорошій видъ! Надо лѣчиться; непремѣнно! Поѣзжайте за границу. Вы вѣрно объ этомъ и хотите просить меня. Съ удовольствіемъ. Возьмите одиннадцатимѣсячный отпускъ. Я сохраню и ваше мѣсто и ваше содержаніе. Напрасно давно не сказали! Поѣзжайте, поѣзжайте, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Возвращайтесь здоровымъ. Тогда я подумаю о вашемъ устройствѣ. Вы уже старый адъютантъ и пора получить что нибудь болѣе прочное... Прощайте. Предъ отъѣздомъ зайдите!»

Можетъ ли быть отвѣтъ начальника лучше, благосклоннѣе, особенно, если въ заключеніе онъ еще обнялъ своего подчиненнаго. Конечно этотъ подчиненный остается рѣшительно въ туманѣ и не скоро можетъ разобрать: что это хорошо или нѣтъ? Съ одной стороны, ему смутно представляется, что онъ предполагалъ просить мѣсто и обезпеченіе, а ѣхать за границу онъ вовсе не хотѣлъ, да и не чувствовалъ себя больнымъ; но съ другой стороны онъ видѣлъ столько участія, заботливости со стороны князя, видѣлъ, что тутъ виновато одно только недоумѣніе, что князь не угадалъ содержаніе просьбы. Но и въ этомъ бѣды нѣтъ, потому что онъ самъ сказалъ, что подумаетъ объ его устройствѣ. Въ заключеніе, не получивъ рѣшительно ничего, зачѣмъ ходилъ, Н—въ радостный и довольный возвращается къ толпѣ товарищей, среди которыхъ видитъ и меня, главнаго своего совѣтчика. Всѣ его поздравляютъ, какъ будто бы онъ дѣйствительно получилъ что нибудь существенное; я только одинъ оставался внутренно недовѣряющимъ ни самообольщенію Н—ва, ни поздравленіямъ друзей, ни улучшенію его служебнаго положенія.

И дѣйствительно, прошло много времени, всѣ адъютанты, гораздо послѣ поступившіе, или получили прочныя назначенія или, назначенные флигель-адъютантами, отправились въ Петербургъ; одинъ только Н—въ оставался на прежней точкѣ замерзанія.

Въ ряду такъ называемыхъ старыхъ адъютантовъ, которыхъ я узналъ уже на Кавказѣ, на первомъ планѣ надо поставить Б—ва. Впослѣдствіи я узналъ еще двухъ Б—хъ: Александра, который былъ херсонскимъ губернаторомъ, и Сергѣя, который служилъ при мнѣ въ кавказскихъ войскахъ, а потомъ сдѣлался тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Оба эти Б—вы были милѣйшіе люди, а Сергѣй, сверхъ того, и очень умный человѣкъ, хотя немножко прожектеръ, надоѣдавшій мнѣ еще офицеромъ многоразличными проектами и въ особенности однимъ изъ нихъ: о разведеніи на Кавказѣ сарго.

Другимъ старымъ адъютантомъ былъ князь А. С—въ. Этотъ милый кутила, подобно своему отцу, имѣлъ золотое сердце. Красоты онъ былъ необычайной и побѣдамъ его надъ женскими сердцами конечно счету нѣтъ. Это была именно одна изъ тѣхъ личностей, которыя такъ нравятся женщинамъ. Красивый, блестящій, всегда веселый и добрый и всегда готовый на все. Я, кажется, говорилъ уже выше, что онъ окончательно сбилъ съ пути г-жу Х., державшуюся до встрѣчи съ нимъ упорно на нравственной дорогѣ, несмотря на то, что самъ мужъ толкалъ ее постоянно въ сторону. Она сама намъ разсказывала, что рѣшительно не могла противиться обаянію этого человѣка и поскакала въ Варшаву. Но не такой человѣкъ былъ С—въ, чтобы долго оставаться вѣрнымъ.

Съ С—мъ я сошелся на самую короткую ногу и имѣлъ полную возможность изучить его доброе, золотое сердце, и затѣмъ совершенное отсутствіе въ немъ всякихъ прочныхъ, серьезныхъ началъ. Кутила и мотъ въ самой необъятной степени, онъ вѣчно былъ въ долгахъ, какъ въ паутинѣ. Отецъ его, повидимому, далеко не имѣлъ возможности снабжать его такими обильными средствами, которыя отвѣчали бы его широкому мотовству. Распорядиться же этими средствами нашъ С—въ вовсе не умѣлъ. Деньги для него высылались отцомъ на имя Крузенштерна. Случалось часто, что, получивъ отъ Крузенштерна сегодня присланную сумму, онъ въ тотъ же день проигрывалъ или другимъ способомъ проматывалъ ее, а на другой день снова оставался безъ копѣйки.

Я помню, однажды, когда я въ 1859—1860 году долженъ былъ возратиться снова на Кавказъ, я встрѣтилъ на придворномъ балѣ стараго князя С—ва, и спросилъ его:

— Что прикажете, ваша свѣтлость. сказать вашему сыну?

По обычаю, обнявъ меня одною рукою, онъ отвѣчалъ:

— Скажите ему, что у меня желѣзное, чортъ возьми, здоровье и то начинаетъ, по его милости, разшатываться, а другой, на моемъ мѣстѣ, давно бы ноги протянулъ.

Когда начальникъ княжескаго конвоя Шереметевъ отправленъ былъ въ Петербургъ къ государю съ извѣстіемъ о покореніи Аваріи и, сдѣланный флигель-адъютантомъ, долженъ былъ тамъ остаться, С—въ назначенъ былъ начальникомъ конвоя, натянулъ на себя чуху и папаху и, несмотря на свою красоту, былъ такъ несуразенъ въ этомъ туземномъ одѣяніи, что всѣ мы надъ нимъ посмѣивались....

Потомъ онъ сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ, оставилъ Кавказъ, явился въ Петербургъ и женился.

Шереметевъ, былъ также старый адъютантъ. Когда и какъ онъ попалъ на Кавказъ, я не знаю, но знаю, что князь очень его любитъ, Да его

и нельзя было не любить. Это личность милѣйшая въ полномъ смыслѣ слова. Достаточно сказать, что онъ былъ страстный любитель пѣнія и хотя не имѣлъ положительно никакого голоса, но одаренъ былъ чрезвычайно тонкимъ музыкальнымъ слухомъ. Малѣйшая невѣрность, самый незначительный диссонансъ приводилъ его въ ярость. Это поприще, на которомъ и я также любилъ подвизаться, сблизило насъ чрезвычайно. Нечего и говорить, что мы составляли постоянно хоры и распѣвали всевозможныя пьесы, россійскаго и иностраннаго происхожденія. Этого мало. Мы завладѣли церковнымъ хоромъ, при церкви намѣстника, который находился въ состояніи достойномъ сожалѣнія. Пять или шесть солдатъ кричали самымъ оскорбительнымъ для слуха образомъ. Я тотчасъ завладѣлъ этою частію и первоначально имѣлъ мысль образовать хоръ чисто изъ свиты, въ которой дѣйствительно были хорошіе голоса.

Первые опыты при осуществленіи этой мысли были очень неудачны. Съ одной стороны и для тѣхъ личностей, которыя имѣли голоса и нѣкоторую опытность, необходимы были нѣкоторыя подготовительныя занятія, спѣвки, разборъ новыхъ піесъ, чего они терпѣть не могли, а съ другой, въ составъ хора, подъ вліяніемъ моды, налѣзли такіе господа, которые не только не улучшали его, но напротивъ совершенно разрушали всѣ мои усилія къ приведенію его въ какую нибудь стройность.

Между тѣмъ самый хоръ доставилъ мнѣ гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ солисты. Солдатики очень хорошо знали нотное дѣло, но совершенно портили его по совершенному отсутствію вкуса, котораго, конечно, отъ нихъ и требовать нельзя. На эту сторону я обратилъ самое ближайшее вниманіе и, знакомый съ пріемами лучшихъ столичныхъ хоровъ, старался водворить ихъ въ нашемъ маленькомъ хорѣ. Фортиссимо и пьяниссимо стали у меня производить замѣчательный эффектъ и если исполненіе: «да исправится молитва моя» оставляло много желать по части совершенства, то исполненіе напр.: «чертогъ твой вижду» по справедливости признавалось удовлетворительнымъ. Одобрительный шумъ пошелъ по всему городу, и хотя самъ князь не былъ ни знатокомъ, ни любителемъ этого дѣла, тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ этого шума и очевиднаго для самаго неопытнаго человѣка успѣха, очень благодарилъ меня за мои безкорыстныя старанія и сказалъ: «будьте же у меня Львовымъ». Это оригинальное производство не въ званіе какое нибудь, и не въ чинъ, а въ извѣстную личность, дало мнѣ болѣе твердости и самоувѣренности. Я тотчасъ выпросилъ извѣстную сумму на жалованье и награды солдатамъ, которые дотолѣ ни того ни другаго не получали и слѣдовательно не имѣли са-

маго сильнаго двигателя къ достиженію возможнаго совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ права посылать въ полки, расположенные близъ Тифлиса, за наборомъ голосовъ. Въ этомъ отношеніи князь встрѣтилъ основательное затрудненіе:

— Я самъ былъ полковымъ командиромъ,—говорилъ онъ,—и по опыту знаю, какъ было бы непріятно для меня изъ устроеннаго мною полковаго хора отдать лучшіе голоса, ни за что, ни про что. Снеситесь съ полковыми командирами отъ своего имени, какъ будто бы я ничего не знаю. Я очень буду радъ, если вы добудете какого нибудь страшнаго баса, но мнѣ самому нельзя обижать полковыхъ командировъ.

Сношенія сдѣланы и разумѣется доставили отличные результаты. Каждый изъ полковыхъ командировъ хорошо понималъ, что отказъ мнѣ есть отказъ намѣстнику. Тогда хоръ при церкви намѣстника положительно сдѣлался лучшимъ хоромъ въ Тифлисѣ, а можетъ быть и во всемъ краѣ. Хоръ экзарха не могъ идти ни въ какое сравненіе. Составленный большею частію изъ грузинскихъ семинаристовъ, онъ поражалъ своимъ шумомъ, тогда какъ мой хоръ отличался именно величайшею стройностью и нѣкоторою, такъ сказать, художественностію исполненія. Самъ князь любилъ похвалиться имъ, когда пріѣзжали въ Тифлисъ какіе нибудь замѣчательные люди.

Но я совершенно забылъ милаго Шереметева, съ котораго началъ мое повѣствованіе о пѣніи и хорѣ; впрочемъ и говорить о немъ много нечего. Повторяю, это былъ милѣйшій и простой господинъ во всѣхъ отношеніяхъ. Скоро послѣ моего пріѣзда на Кавказъ онъ былъ сдѣланъ начальникомъ княжескаго конвоя, съ которымъ и отправился въ знаменитый походъ 1859 года. Я какъ теперь помню одно утро, во время этого похода, когда князь получилъ отъ генерала Врангеля извѣстіе о покореніи Аваріи. Князь, чрезвычайно довольный, объявивъ всѣмъ намъ это радостное извѣстіе, обратился къ Шереметеву: «Васъ, Шереметевъ, я отправляю курьеромъ къ государю. Собирайтесь!». Тутъ же всѣ мы поздравили его флигель-адъютантомъ, что совершенно и оправдалось. Оставленный въ Петербургѣ, Шереметевъ скоро сдѣланъ былъ начальникомъ собственнаго его величества конвоя, на мѣсто Скобелева.

Замѣчательною личностью въ ряду адъютантовъ князя, былъ князь В—нъ.

Этотъ В—нъ былъ человѣкъ одаренный огромнымъ умомъ и обширнымъ образованіемъ. Къ сожалѣнію эти дары не имѣли серьезнаго примѣненія и тратились болѣе на острыя слова. Онъ сыпалъ остротами, такъ сказать, на всѣ стороны, какъ изъ мѣшка какого нибудь. Впослѣдствіи, В—нъ перешелъ въ казаки и командовалъ какимъ-то ка-

зачьимъ полкомъ, что́ вовсе не соотвѣтствовало ни его значительному имени, да еще нѣмецкому, ни его уму и образованію.

Предъ знаменитымъ походомъ 1859 году начали появляться въ свитѣ князя новыя личности, петербургскіе франты, пронюхавшіе, что на Кавказѣ, особенно при князѣ Барятинскомъ, въ одинъ годъ можно нахватать различныхъ отличій болѣе, чѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ участія въ гвардейскихъ парадахъ или шлифованія Невскаго проспекта.

Впереди всѣхъ, прибывшихъ на Кавказъ въ мое время въ составъ военной свиты главнокомандующаго, надо поставить двухъ племянниковъ его, графовъ О—хъ-Д—хъ, сыновей родной его сестры, графини Ольги Ивановны. Эти молодые люди были близнецами, и я ихъ зналъ еще дѣтьми. Анатолій былъ очень простой и добрый малый. Владиміръ былъ гораздо глубже и солиднѣе его, что́ между прочимъ доказывалось мастерствомъ его играть въ шахматы. Даже во время похода 1859 года, когда сама необходимость заставляла всѣхъ насъ ограничиваться только вещами самой настоятельной потребности, Владиміръ постоянно имѣлъ при себѣ шахматную доску и искалъ мастеровъ этого дѣла, достойныхъ вступить съ нимъ въ бой.

Князь держалъ ихъ, какъ говорится, «въ ежовыхъ рукавицахъ». Онъ желалъ, чтобы они ознакомились съ фронтовою службою и для этого отдалъ подъ начальство Николая М—го, бывшаго начальникомъ какого-то стрѣлковаго баталіона. Во время похода князь посылалъ ихъ по самымъ опаснымъ мѣстамъ, такъ что намъ даже было жаль ихъ. Собственныхъ желаній относительно ихъ службы и карьеры они не имѣли и не могли имѣть: такъ они боялись князя.

Но суровый въ личныхъ съ ними сношеніяхъ князь щедро осыпалъ ихъ всевозможными наградами, такъ что юноши эти очутились быстро полковниками и флигель-адъютантами, увѣшанными крестами и медалями. Переводы въ гвардію и обратно играли тутъ главную роль. Замѣчательно, что князь съ непостижимою наивностію, разсказывая мнѣ въ Дрезденѣ, какъ онъ этими переводами быстро двинулъ карьеру, О—хъ-Д—хъ прибавлялъ: «я только это зналъ, никто этого не замѣтилъ».

Когда князь сложилъ съ себя званіе намѣстника и главнокомандующаго кавказскаго, ему оставлено право имѣть при себѣ трехъ адъютантовъ. Само собою разумѣется, что двѣ изъ этихъ вакансій отданы были О—мъ-Д—мъ; на третью назначенъ былъ графъ Чернышевъ-Кругликовъ. Но скоро вслѣдъ затѣмъ О—вы-Д—вы, быть можетъ по ходатайству самого князя, сдѣланы были флигель-адъютантами. Если я прибавлю къ этому, что оба они отличались всегда скромностію и благонравіемъ и во всѣхъ свитскихъ кутежахъ принимали участіе

весьма слабое, то затѣмъ мою рѣчь объ этихъ молодыхъ людяхъ можно счесть конченною...

Съ большимъ эффектомъ появился у насъ князь Л—въ родной племянникъ знаменитаго царедворца князя В. А. Д—ва. Князь Л—въ былъ, по моему убѣжденію, умнѣе и тоньше всѣхъ своихъ товарищей и имѣлъ довольно серьезное направленіе, слѣдя за ходомъ дѣлъ, какъ кавказскихъ, такъ и петербургскихъ. Но странное дѣло: онъ не былъ любимъ, и вѣроятно именно за это, своими товарищами, хотя я лично и доднесь сохраняю съ нимъ самыя отличныя, дружескія отношенія. Я любилъ всегда его умный, острый, и большею частію злой языкъ.

Въ началѣ 1860 года я возвращался, вслѣдъ за княземъ, на Кавказъ, и встрѣтилъ между Ставрополемъ и Владикавказомъ, огромнѣйшій поѣздъ, забиравшій всѣхъ лошадей, которымъ командовалъ Л—въ. Оказалось, что онъ везъ въ Петербургъ Мегмета Аминя съ его довольно многочисленною дикою свитою. По доставленіи этого господина, въ которомъ видѣли тогда нѣчто сходное съ Шамилемъ, Л—въ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ и не возвращался уже болѣе на Кавказъ.

Другимъ блестящимъ изъ новыхъ адъютантовъ былъ графъ В—въ-Д—въ. Это такая личность, о которой сколько бы я ни сказалъ хорошаго—все будетъ мало. Красивъ, уменъ, благороденъ и, что всего удивительнѣе, при такомъ звучномъ имени и при такомъ страшномъ богатствѣ—скроменъ, какъ красная дѣвушка. Нечего и говорить, что при этихъ рѣдкихъ качествахъ В-въ сдѣлался любимцемъ всѣхъ, начиная отъ намѣстника и кончая какимъ нибудь нукеромъ. Во время похода 1859 года В—въ былъ центромъ свитскихъ господъ сколько по добротѣ и роскоши, столько же и по страшному богатству, которое впрочемъ проявлялось самымъ милѣйшимъ образомъ, чуждымъ всякаго тщеславія. Достаточно сказать, что всѣ другіе, имѣющіе какія нибудь средства, старались тотчасъ заводить свой экипажъ и произвести тѣмъ или другимъ способомъ эффектъ. В—въ вѣчно ѣздилъ на извозчикахъ, хотя въ то же время въ квартирѣ его, также ничѣмъ особенно не отличающейся, были вѣчно толпы его товарищей, пившихъ и ѣвшихъ на его счетъ.

Другой примѣръ: во время самаго похода было много случаевъ для благотвореній. Когда послѣ покоренія горцевъ стали выходить изъ горъ наши русскіе, плѣнные или перебѣжчики, съ своими обедранными и ощипанными семьями, у насъ тотчасъ составился комитетъ для пособій этимъ несчастнымъ. Я стоялъ во главѣ этого комитета; Булатовъ, чиновникъ порученій при князѣ и состоявшій при моей походной канцеляріи, былъ кассиромъ. Деньги мы собирали по подпискѣ и распредѣляли ихъ между выходцами, сообразно, во-первыхъ, обстоятель-

ствамъ, по которымъ они попали въ горы, ибо перебѣжчиковъ мы никакъ не хотѣли равнять съ попавшимися въ плѣнъ, считая это несправедливымъ, а во-вторыхъ, составу и положенію семействъ и т. п. Свита состояла большею частію изъ юношей, богатыхъ больше надеждами, чѣмъ наличными деньгами, потому что состояніе находилось въ рукахъ папенекъ и маменекъ, а то, что удѣлялось имъ нѣжными родителями, далеко не покрывало ихъ долговъ, сдѣланныхъ повсюду, гдѣ только можно было ихъ сдѣлать. Отсюда происходило, что желанія добра у этихъ юношей было гораздо больше, чѣмъ матеріальныхъ средствъ сдѣлать это добро. Ясно, что лепта, приносимая ими на доброе дѣло, нами затѣяное, не была значительна, и только одинъ В—въ, независимый и щедрый распорядитель своего состоянія, сильно поддерживалъ это предпріятіе. Но вопросъ не въ томъ, что онъ давалъ много денегъ, а въ томъ, какъ онъ ихъ давалъ? Онъ или вовсе не поставитъ своего имени на подписномъ листѣ или подпишется на такую незначительную сумму, которая равнятся приношеніямъ его товарищей, а въ тихомолку сунетъ мнѣ въ руку пять или десять золотыхъ.

Храбрости его не было предѣловъ. Мнѣ разсказывали, что когда въ какой то экспедиціи ему дали сотню казаковъ, всѣ начальники трепетали за его жизнь и, боясь отвѣтственности, грозили отнять эту сотню, съ которой онъ носился безпрерывно въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Прибавить надо, что онъ былъ истинный джигитъ; великолѣпный наѣздникъ, онъ былъ вообще ловокъ невообразимо и казался стальнымъ по гибкости и упругости. Во всей свитѣ не было никого, кто бы охотно съ нимъ схватился попробовать силу. Въ Тифлисѣ и особенно въ походѣ постоянная возня была въ большой модѣ: вѣчно боролись и пробовали мускулы другъ у друга. В—въ былъ рѣшительно неодолимъ: опытный гимнастъ онъ не только никого не боялся, но напротивъ искалъ постоянно, съ кѣмъ бы схватиться. Тамъ, гдѣ у него было меньше силы, чѣмъ у противника, онъ бралъ ловкостію: извиваясь, какъ змѣя, онъ всегда оставался побѣдителемъ. Однимъ словомъ, этотъ юноша—совершенство во всѣхъ отношеніяхъ и это не мой только взглядъ, но всѣхъ, которые его знали на Кавказѣ. Говоря о томъ времени, когда онъ былъ на Кавказѣ, я не могу не утверждать, что это былъ—краса человѣчества.

Во время самаго похода 1859 г. наѣхало также значительное число петербургскихъ господъ къ намъ въ горы. Едва-ли не первый явился С—нъ. Кто не знаетъ и не помнитъ его, нѣкогда блистательнаго гусара? Я по крайнѣй мѣрѣ съ первыхъ временъ моего пребыванія въ Петербургѣ живо помню его и помню потому, что на балахъ Дворянскаго собранія, бывшихъ тогда въ большой модѣ, видѣлъ его всегда

въ тѣхъ кадриляхъ, въ которыхъ участвовала Императорская фамилія. Незнакомый съ военнымъ міромъ я, разумѣется, и не замѣтилъ, какъ онъ исчезъ съ этого поприща.

Мечтою его было флигель-адъютантство, мечтою, однако, для него неосуществимою. Между тѣмъ эта самая мечта и привела его въ лагерь Барятинскаго, который сіялъ тогда для всѣхъ свѣтлою звѣздою.

Богатство его не подлежало сомнѣнію. При этомъ важномъ въ жизни условіи, которое каждому придаетъ такъ много бодрости и самоувѣренности, у него было много свѣтскаго и можно сказать аристократическаго лоску. На Кавказѣ онъ держалъ себя на барскую ногу, завелъ отличные экипажи, отдѣлалъ великолѣпно свою квартиру, ту самую, которая была приготовлена мнѣ при моемъ пріѣздѣ на Кавказъ, имѣлъ отличнаго повара и давалъ безпрерывные обѣды и даже балы. Но къ главной своей цѣли флигель-адъютантству онъ подвигался весьма туго и для проницательнаго глаза сразу можно было видѣть, что едва ли онъ ея достигнетъ.

Послѣ похода 1859 г., когда я уже въ Москвѣ ожидалъ князя, имѣвшаго шествовать въ Петербургъ, совершилось на правомъ крылѣ покореніе Абадзеховъ, одного изъ сильнѣйшихъ горныхъ племенъ того края. Съ донесеніемъ объ этомъ покоренія посланъ былъ къ государю С—ъ именно въ томъ разсчетѣ, что по бывшимъ примѣрамъ онъ будетъ непремѣнно назначенъ флигель-адъютантомъ. Не тутъ-то было. Князь вслѣдствіе этого донесенія сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, а великолѣпному С—у, бывшему уже полковникомъ, дали орденъ. Сконфуженный, онъ, отправивъ князю телеграмму съ извѣстіемъ о фельдмаршальствѣ, пріѣхалъ въ Москву ожидать пріѣзда князя.

По возвращеніи на Кавказъ С—ъ скоро былъ сдѣланъ командиромъ полка, расположеннаго на Бѣломъ Ключѣ, оказался хорошимъ командиромъ и скоро прославился хорошимъ хозяиномъ, расчистилъ Бѣлоключскія дорожки, подстригъ деревья въ паркахъ, починилъ и исправилъ полковую амуницію. Самъ онъ хвалился и другіе подтверждали, что съ ранняго утра до и поздняго вечера онъ вѣчно суетился и искалъ, нѣтъ ли гдѣ пылинки, которая ускользнула отъ его глазъ и которую надо убрать. Однимъ словомъ, онъ усердно прилагалъ къ своей части тотъ порядокъ, который такъ настоятельно и прежде всего требовался во времена Аракчеева.

Во время похода же прилетѣлъ къ намъ Граббе, сухой и длинный офицеръ, конногвардейскій или кавалергардскій ужъ не знаю. Личность Граббе не производила на первыхъ порахъ никакого особеннаго впечатлѣнія; но петербургскіе его товарищи, прежде его прибывшіе на Кавказъ, тотчасъ стали утверждать, что это отличнѣйшій госпо-

динъ во всѣхъ отношеніяхъ, что̀ и стало оправдываться на самомъ дѣлѣ.

Я собственно зналъ четырехъ Граббе, сыновей того Граббе, который имѣлъ большую извѣстность на Кавказѣ, а потомъ былъ наказаннымъ атаманомъ донскихъ казаковъ. Всеобщіе отзывы объ отцѣ ихъ были самые великолѣпные. Понятно, что сыновья походили на него. Граббе, прибывшій въ нашъ лагерь изъ Петербурга, былъ молодецъ въ полнѣйшемъ смыслѣ слова. О мастерствѣ его ѣздить верхомъ ходили баснословные слухи. Приведу по этой части одинъ случай, подтвердившій въ моихъ глазахъ это мастерство.

Надобно замѣтить, что при главномъ штабѣ князя было какое-то морское отдѣленіе на томъ основаніи, что онъ считался командующимъ Каспійскою флотиліею. Представителемъ этого отдѣленія былъ нѣкто О—новъ, морской офицеръ, милый, добрый, считавшійся также въ свитѣ намѣстника. Когда вся эта свита двинулась въ походъ, О—нову стало завидно, и хотя, конечно, въ горахъ не могло произойти никакихъ морскихъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе О—новъ рискнулъ попросить у князя дозволенія участвовать въ походѣ и получилъ его. Не знаю ужъ почему, но онъ прибылъ въ лагерь позже насъ и, проходя чрезъ Грозную, купилъ тамъ двухъ походныхъ лошадей съ доставкою на мѣсто, т. е. туда, гдѣ находился лагерь. Къ слову сказать, грозненскіе промышленники сообразивъ, что для свиты потребуется много походныхъ лошадей, открыли тамъ мошенническую торговлю ими и страшно надували молодежь. Неопытный О—новъ былъ самою несчастною жертвою ихъ. Когда купленныя имъ лошади были доставлены въ лагерь, то оказалось, что та изъ нихъ, на которой О—новъ разсчитывалъ лично гарцовать, совсѣмъ безъ ногъ; такъ что онъ долженъ былъ тутъ же продать ее за безцѣнокъ, лишь бы избавиться отъ нея. Такимъ образомъ предстояло ему ѣздить на той маленькой лошади, которую онъ купилъ собственно подъ вьюкъ. Но бѣда въ томъ что это была какая то сумасшедшая лошаденка, злая, необузданная. При первой попыткѣ проѣхать на ней, О—новъ, отъ котораго, по самой профессіи его, нельзя было и требовать, чтобы онъ былъ отличнымъ кавалеристомъ, получилъ къ ней такое уваженіе, что не рѣшился уже на нее садиться и задумалъ или объѣздить ее при помощи чужаго искусства или продать, постоянно называя ее «доброй лошадкой». Положительно можно сказать, что въ свитѣ не оставалось ни одного человѣка, которому бы онъ не предлагалъ проѣхать на этой «доброй лошадкѣ» или купить эту «добрую лошадку». Охотниковъ на то и на другое было очень мало, а тѣ, которые пробовали свое джигитское искусство, находили,что эта«добрая лошадка»—самое свирѣпое и упрямое животное.

Преслѣдуя свою цѣль О—новъ нанялъ одного казака изъ конвоя князя объѣздить эту лошадь. Казакъ славился своимъ искусствомъ по этой части, и первый опытъ этого искусства происходилъ на моихъ глазахъ. Это былъ истинный спектакль, и я хохоталъ какъ сумасшедшій. Казакъ, огромный дѣтина, осѣдлалъ лошадь со всѣми спеціальными предосторожностями, укрѣпился въ сѣдлѣ и тронулъ... Надобно замѣтить, что мѣстность была горная, вся въ уступахъ и подъемахъ, такъ что ровнаго мѣста и нѣсколькихъ аршинъ не было. Едва казакъ тронулъ лошадь, какъ она съ самаго мѣста начала давать «козлы» и понеслась впередъ, куда глаза глядятъ, ничего не разбирая. Напротивъ шелъ какой то отрядъ солдатъ. Лошадь врѣзалась прямо въ этотъ отрядъ, такъ что солдаты должны были разбѣжаться по сторонамъ. Одинъ изъ нихъ, протянувъ штыкъ въ защиту сказалъ: «вотъ чортова лошадь». Казакъ тотчасъ потерялъ свою папаху и продолжалъ нестись, очертя голову; видно было, что онъ уже не твердо держится въ сѣдлѣ, а на лицѣ его написано смущеніе и непріятное ожиданіе развязки. Развязка не замедлила послѣдовать; продолжая перескакивать съ пригорковъ на уступы и съ уступовъ на пригорки, лошадь спотыкнулась и упала на колѣни, причемъ казакъ полетѣлъ черезъ ея голову. Лошадь скоро поймали: я хохоталъ, а О—новъ смотрѣлъ на меня какъ-то растерянно..

— Ничего, обойдется,—говорилъ я, умирая отъ смѣха,—видно, что «добрая лошадка».

— Чортъ съ ней,—мрачно сказалъ О—новъ.

Въ эту минуту намъ попался Граббе, случайно шедшій по лагерю.

— Любезный Граббе, вскричалъ я, говорятъ, что вы большой мастеръ ѣздить верхомъ. Не угодно ли показать ваши таланты? Вотъ «добрая лошадка», съ которой только что слетѣлъ казакъ.

— Извольте,—спокойно и равнодушно отвѣчалъ Граббе.

Съ этимъ словомъ онъ сѣлъ на лошадь и преспокойно поѣхалъ. Я изумился въ высшей степени. Онъ просто и совершенно покойно управлялъ лошадью, какъ смирной овцой. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, я спросилъ его.

— Что же это значитъ? Отчего сильный казакъ не могъ совладать съ нею, хотя тянулъ поводья изо всей силы?

— Оттого то и не могъ, что сильно тянулъ, — отвѣчалъ Граббе. Эта лошадь изъ тѣхъ, которыя любятъ слабыя поводья!

Доказательство его искусства было полное. Само собою разумѣется, что искусство Граббе не принесло никакой пользы бѣдному О—нову, которому ничего не оставалось, какъ сбыть, за что бы то ни было, эту незабвенную «добрую лошадку».

Приведу другой случай, хотя совсѣмъ другаго рода, но также свидѣтельствующій о страшной отвагѣ милаго Граббе. Не помню отъ кого—князю прислана была великолѣпная войлочная палатка, роскошно отдѣланная внутри шелковою матеріею. Почему-то на первыхъ порахъ палатка эта не понравилась князю и онъ отдалъ ее во владѣніе Тромповскаго, который обратилъ ее въ общее всей свиты достояніе. Въ особенности она сдѣлалась центромъ всѣхъ любившихъ игру, которая для многихъ составляла единственное и главное занятіе. Посреди этой палатки устанавливался огромный круглый столъ, а кругомъ его располагались бойцы. Игра, разумѣется, шла азартная и на большія деньги. Я самъ никогда не принималъ въ ней участія, не понимая удовольствія смотрѣть по нѣсколько часовъ, какъ банкометъ выбрасываетъ карты на правую и на лѣвую сторону; но часто заходилъ въ палатку и любопытствовалъ, кто продулся и кто выигралъ. Однажды утромъ, войдя въ палатку я нашелъ тамъ огромное общество, расположенное вокругъ стола, а на срединѣ его громадную кучу ассигнацій, золота и серебра. Остановясь за стуломъ Граббе, я сказалъ шутя:

— Вотъ теперь хорошо бы поставить ва банкъ!

Граббе милѣйшимъ образомъ взглянулъ чрезъ плечо на меня и сказалъ:

— А развѣ это было бы вамъ пріятно?

— Еще бы! сказалъ я.

Граббе взялъ карту и, положивъ ее на кучу денегъ, сказалъ: «ва банкъ»! Всѣ переглянулись, а я ужасно струсилъ. Скоро карта была убита: сосчитали деньги, подъ ней лежавшія; составилась огромная сумма. Мнѣ ужасно было совѣстно, потому что я нѣкоторымъ образомъ былъ виновникомъ, хотя совершенно невиннымъ, такого громаднаго проигрыша. Граббе подумалъ нѣсколько минутъ и потомъ съ тою же милою улыбкою спросилъ меня:

— Не попробовать-ли еще разъ?

Я просто ужаснулся.

— Сумасшествіе! сказалъ я.

— Ничего!— замѣтилъ онъ;—скорѣе конецъ!

Съ этими словами онъ снова положилъ на всю кучу денегъ карту и снова произнесъ: «ва банкъ»! Карту тотчасъ опять убили. Я былъ смущенъ въ высшей степени, а Граббе равнодушно всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и сказалъ только: «ну на этотъ разъ довольно!»

Обращаясь къ служебному его поприщу, я долженъ сказать, что общее мнѣніе какъ-то заранѣе уже назначало его командиромъ знаменитаго Нижегородскаго драгунскаго полка на мѣсто графа Ностица.

Я долженъ сказать, что предсказанія относительно Граббе не заме-

дили осуществиться, и онъ дѣйствительно сдѣланъ былъ скоро командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, съ которымъ и заключилъ покореніе западнаго Кавказа.

Надобно замѣтить, что прежде еще этого покоренія Граббе назначенъ былъ уже командиромъ Конногвардейскаго полка, гдѣ онъ служилъ до перехода на Кавказъ, но по особенному настоянію намѣстника оставленъ былъ на Кавказѣ до окончанія тамошней войны, въ продолженіе которой, какъ изъ многочисленныхъ реляцій видно, онъ отличался различными достославными подвигами, что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, судя по его извѣстной храбрости и молодечеству. Между тѣмъ, предъ окончательнымъ переселеніемъ въ Петербургъ, онъ заблагоразсудилъ жениться на одной изъ дочерей графа Орлова-Денисова и потомъ, когда это переселеніе окончательно совершилось, въ италіанской оперѣ можно было любоваться молодой четой красиваго генерала, съ молодецкимъ и симпатичнымъ видомъ, и столь же симпатичной особы женскаго пола, очевидно только что облекшейся въ дамскія наряды...

На Кавказѣ были еще два Граббе: одинъ молодой и красивый, какъ херувимъ, сдѣлался мнѣ извѣстнымъ во время знаменитаго похода 1859 г. Онъ состоялъ въ отрядѣ генерала Врангеля, и я помню живо, какъ въ одно прекрасное утро, когда мы стояли на Андійскихъ высотахъ, по нашему лагерю стрѣлою промчался юный и красивый всадникъ прямо къ палаткѣ главнокомандующаго. Это былъ молодой Граббе, прискакавшій отъ Врангеля съ какимъ-то важнымъ и радостнымъ извѣстіемъ и кажется о покореніи Аваріи. Тутъ я съ нимъ и познакомился; но знакомство это было весьма непродолжительно, потому что онъ скоро ускакалъ обратно къ своему командиру. Впослѣдствіи, когда, разставшись съ Кавказомъ, я жилъ уже въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ другими сосредоточивалъ свое вниманіе на событіяхъ, возбужденныхъ послѣднимъ польскимъ мятежемъ, я узналъ, что этотъ юный Граббе бросилъ уже Кавказъ и очутился въ Польшѣ. Трагическая кончина его всѣмъ извѣстна и повторять ее не за чѣмъ. Увлеченный въ какомъ то дѣлѣ своею беззавѣтною храбростію онъ геройски палъ, а вмѣстѣ съ нимъ легли и сотоварищи его линейные казаки.

Съ третьимъ Граббе, служившимъ въ Кабардинскомъ полку, я хотя былъ знакомъ прежде, но не такъ близко. Въ особенности я сошелся съ нимъ на короткую ногу на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ я, предъ окончательнымъ оставленіемъ Кавказа, провелъ сезонъ 1863 г. и гдѣ Граббе продолжалъ лѣчиться отъ своей страшной раны. Безумно храбрый, какъ и братья его, этотъ Граббе также увлекся въ какомъ то жаркомъ дѣлѣ и раненъ былъ весьма тяжело. Жизнь его, какъ я самъ видѣлъ, исполнена уже была сильныхъ страданій. На

Пятигорскихъ водахъ, напр., онъ сегодня танцовалъ, а завтра лежалъ въ мученіяхъ. Доктора утверждали, что такое существованіе не можетъ быть продолжительно. Личность и этого Граббе была такъ же симпатична, какъ и братьевъ его.

Четвертаго, наконецъ, Граббе я узналъ именно по поводу этого третьяго Граббе, о которомъ только что говорилъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ я какъ-то сидѣлъ одно утро у князя Анатолія Барятинскаго. Входитъ красивый и молодой Преображенскій офицеръ, видимо смущенный и разстроенный, и объясняетъ князю, что братъ его смертельно раненъ на Кавказѣ и что онъ проситъ позволенія немедленно отправиться къ нему. Такимъ образомъ оказалось, что это четвертый Граббе, который спѣшилъ къ третьему, раненому Граббе, на Кавказъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два указа императора Александра I фонъ-деръ-Палену.

1.

15 марта 1801 г.

Господинъ генералъ-отъ-кавалеріи и с.-петербургскій военный губернаторъ фонъ-деръ-Паленъ. Отставному генералъ-лейтенанту Бону, коему велѣно было жить въ деревняхъ своихъ, а по неимѣнію оныхъ—въ Дерптѣ, возвращаю полную свободу, дозволяя жить, гдѣ онъ самъ пожелаетъ; о чемъ не оставте кому слѣдуетъ дать надлежащее предписаніе.

Пребываю вамъ впрочемъ благосклонный.

2.

17 марта 1801 г.

Господинъ генералъ-отъ-кавалеріи и с.-петербургскій военный губернаторъ фонъ-деръ-Паленъ. Содержащихся въ Динаминдской крѣпости въ работѣ духоборцовъ Слободской-Украинской губерніи, козаковъ и однодворцевъ сто пятьдесятъ два человѣка мужеска и женска пола, повелѣваемъ освободить, и отпустить въ ихъ селенія подъ препровожденіемъ земской полиціи; о чемъ не оставте снестися, какъ съ тамошнимъ гражданскимъ губернаторомъ о принятіи и водвореніи въ ихъ прежнихъ жительствахъ, такъ и съ другими лежащихъ по пути губерній о провожаніи ихъ.

Пребываемъ, впрочемъ, вамъ благосклонны.

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

отъ

Москвы до Красной Пахры.

IV [1]).

Получивъ извѣстіе о сдачѣ Москвы императоръ Александръ 7-го сентября послалъ въ армію одного изъ довѣренныхъ лицъ своей свиты, князя П. М. Волконскаго узнать о причинахъ такой рѣшимости фельдмаршала и вообще для доставленія ему подробныхъ свѣдѣній о состояніи арміи. Князь Волконскій прибылъ къ войскамъ въ то время, когда они выступали изъ Красной Пахры (15-го сентября); онъ дѣйствительно могъ повѣрить, справедливы или ложны показанія Барклая и графа Растопчина о состояніи войскъ и вообще о ихъ дѣйствіяхъ, или, согласно ихъ увѣренію, царитъ полная бездѣятельность фельдмаршала. Не находясь ни съ кѣмъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ изъ коноводовъ интриги, свившей въ главной квартирѣ свое гнѣздо и какъ вполнѣ преданный человѣкъ императору, онъ, безъ сомнѣнія, могъ передать ему свои безпристрастныя наблюденія. Отпуская его изъ Петербурга, изъ всѣхъ лицъ главной квартиры государь указалъ ему только на одного Ермолова, поручивъ разспросить его о причинахъ сдачи Москвы, но Ермоловъ, давно поставленный въ двусмысленное положеніе, уклонялся отъ откровеннаго съ нимъ разговора. Вовсе не въ томъ положеніи находился генералъ-квартирмейстеръ Толь, который служилъ подъ его начальствомъ, былъ ему извѣстенъ по своимъ познаніямъ и способностямъ и могъ съ нимъ говорить откровенно. Поэтому

[1]) См. «Рус. Стар.», 1897 г., сентябрь.

гр. Растопчинъ, желая заподозрить въ глазахъ государя тѣ извѣстія, которыя могъ сообщить ему князь Волконскій, счелъ нужнымъ объяснить ихъ неправильность вліяніемъ на него именно Толя. Впрочемъ, положеніе дѣлъ въ главной квартирѣ было таково, что не трудно было его понять всякому безпристрастному человѣку и безъ постороннихъ вліяній. Князь Волконскій хорошо понялъ и, безъ сомнѣнія, передалъ всю суть императору. Онъ не скрывалъ своего мнѣнія и въ главной квартирѣ. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ сказалъ Вильсону, что невозможно князю Кутузову и Беннигсену быть вмѣстѣ; но трудно опредѣлить, кому изъ нихъ дать преимущество: фельдмаршалъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ весьма много здраваго смысла, но не способенъ къ дѣятельному начальству, а генералъ Беннигсенъ имѣетъ болѣе военныхъ способностей, но не имѣетъ твердости характера и слишкомъ наклоненъ признавать французское правительство законнымъ и твердымъ». Такъ передавалъ Вильсонъ слова князя Волконскаго лорду Каткарту [1]).

Если бы императоръ повѣрилъ предостереженіямъ графа Растопчина въ отношеніи къ извѣстіямъ, которыя могъ сообщить ему князь Волконскій, то это могло бы имѣть вліяніе на ходъ событій, а еще, безъ сомнѣнія, большее вліяніе имѣло бы на нихъ, когда, полагаясь на извѣстія графа Растопчина, онъ заподозрилъ бы честнаго Платова способнымъ къ измѣнѣ отечеству. Но въ то время, когда графъ Растопчинъ поселился близъ квартиры Платова и ловилъ его рѣчи, сказанныя подъ вліяніемъ перцовки, на той же квартирѣ поселился сэръ Робертъ Вильсонъ, который также постоянно извѣщалъ императора о совершавшихся событіяхъ. Въ то же самое время, какъ и графъ Растопчинъ, онъ писалъ императору и лорду Каткарту о Платовѣ: «Мы живемъ на одной квартирѣ съ генераломъ Платовымъ. Я надѣялся, что ему будетъ данъ отрядъ изъ четырехъ тысячъ казаковъ и четыре эскадрона гусаровъ съ шестью легкими пушками и можетъ быть нѣсколько егерей. Въ такомъ случаѣ я намѣренъ былъ послужить съ нимъ нѣсколько времени, въ твердомъ убѣжденіи, что буду свидѣтелемъ многихъ отличныхъ дѣлъ и полезныхъ для вашего величества предпріятій. Но я нахожу его, послѣ 42-хъ-лѣтней и отличной службы, — чему, въ продолженіе двухъ наитруднѣйшихъ кампаній, я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, — нынѣ безъ всякой команды и удаленнымъ отъ тѣхъ, которые уважаютъ его какъ отца и какъ начальника. Онъ сильно чувствуетъ свое униженіе, а я долженъ признаться вашему величеству, что раздѣляю его чувства и надѣюсь, что будетъ повелѣно поручить ему

---

[1]) Письмо с. Р. Вильсона лорду Каткарту изъ Тарутинскаго лагеря 24-го сентября (6-го октября) 1812 года.

по крайней мѣрѣ тѣхъ казаковъ, которые слѣдуютъ на подкрѣпленіе здѣшней арміи съ присовокупленіемъ Атаманскаго полка»[1]).

Во время отступленія отъ Бородина фельдмаршалъ поручилъ начальство надъ арріергардомъ атаману Платову, но былъ недоволенъ его распоряженіями. Онъ недостаточо задерживалъ напоръ непріятеля и тѣмъ заставилъ поспѣшнѣе отступить нашу армію, вынужденную оставить въ Можайскѣ значительное число раненыхъ. Уволивъ его отъ начальства князь Кутузовъ усилилъ арріергардъ и поручилъ его генералу Милорадовичу. Съ тѣхъ поръ Платовъ дѣйствительно не имѣлъ отдѣльнаго начальства, и по своему характеру, стремившемуся къ военной дѣятельности, такъ и по званію атамана донскихъ войскъ, конечно тяготился своимъ положеніемъ, но оно было случайнымъ и временнымъ. Если фельдмаршалъ и имѣлъ поводъ сердиться на него, если онъ и не считалъ его способнымъ руководить дѣйствіями всего арріергарда, то онъ зналъ его храбрость, его любовь къ отечеству, преданность къ нему донцевъ и безъ сомнѣнія не имѣлъ въ виду ни удалить его изъ арміи, какъ прежде Барклай, ни оставить въ унизительномъ положеніи бездѣятельнаго зрителя происшествій. Доказательствомъ могутъ служить слѣдующія строки изъ письма Вильсона, писанныя къ императору, спустя только шесть дней послѣ того, изъ котораго мы привели выдержку. «Князь Кутузовъ, писалъ онъ, согласился дать генералу Платову приличную команду. Эта мѣра возстановила здоровье атамана, которое дѣйствительно страдало отъ огорченія, и я надѣюсь доставить для службы вашего величества блистательныя и важныя послѣдствія; но осмѣливаюсь утруждать васъ просьбою выказать генералу Платову такое вниманіе со вашей стороны, чтобы онъ убѣдился въ всемилостивѣйшемъ вашемъ благоволеніи къ нему и войску Донскому. Я знаю его привязанность къ вашему величеству и знаю, что на него сильно подѣйствуетъ увѣренность въ вашей благосклонности»[2]).

Очевидно, положеніе Платова было случайностью, и негодованіе на него фельдмаршала, если оно и было, то до такой степени незначительно, что сэру Вильсону не много стоило труда устроить ихъ отношенія. Дѣйствительно, онъ самъ замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что между фельдмаршаломъ и генераломъ Платовымъ было незначительное недоразумѣніе, которое ему удалось поправить[3]). Кажется, все недоразумѣніе состояло только въ томъ, что князь Кутузовъ, предпринимая переустройство войскъ, имѣлъ въ виду составить особые отряды легкой

---

[1]) Письмо Вильсона—императору отъ 15-го (27го) сентября 1812 года..

[2]) Письмо Вильсона—императору 21-го сентября (3-го октября) 1812 г.

[3]) Письмо Вильсона — лорду Каткарту 22-го сентября (4-го октября) 1812 года.

кавалеріи изъ тѣхъ казачьихъ полковъ, которые должны были придти съ Дона, для преслѣдованія непріятеля, когда онъ вынужденъ будетъ отступать, и поручить надъ ними начальство атаману Платову. Такъ онъ и поступилъ впослѣдствіи, а въ это время рѣшился составить для атамана отдѣльный отрядъ на время, для того только, чтобы онъ не считалъ себя удаленнымъ отъ дѣлъ и не сокрушался о такомъ положеніи. Уже это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что князь Кутузовъ вѣрно цѣнилъ людей и зналъ кого и какъ употребить.

Припоминая этотъ длинный рядъ извѣстій, которыя приходили къ императору изъ главнаго штаба дѣйствующихъ войскъ, нельзя не замѣтить, что всѣ они попадались подъ руку вѣстникамъ только случайно и получали значенье лишь для главной цѣли, къ которой всѣ они были направлены. Эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы показать, что князь Кутузовъ не способенъ предводительствовать русскими войсками. Съ значительною смѣлостью стремясь къ этой цѣли, противники фельдмаршала разсчитывали, конечно, не только на благодушіе государя, кротко выслушивавшаго разныя мнѣнія, но, конечно, знали личный взглядъ императора на князя Кутузова. Графъ Растопчинъ прямо говоритъ, что общественное мнѣніе, съ которымъ, конечно, въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ не могъ не согласиться императоръ, ошиблось, указавъ на Кутузова такъ же, какъ оно ошиблось, указавъ на престарѣлаго графа Каменскаго въ 1806 году, что онъ долженъ быть не просто удаленъ, но, какъ преступникъ, преданъ суду и наказанъ. До подобнаго изступленія, сопровождавшагося такими извѣстіями, какъ о дѣвкѣ, переодѣтой казачкомъ, потомъ, что Кайсаровъ поддѣлываетъ подписи на бумагахъ подъ руку князя Кутузова, дѣйствительно, никто не доходилъ изъ его товарищей по ремеслу. Пользуясь каждымъ случаемъ, чтобы свое мнѣніе о фельдмаршалѣ сдѣлать извѣстнымъ въ правительственныхъ сферахъ Петербурга, онъ выражалъ его и въ письмѣ, писанномъ въ то время къ управлявшему военнымъ министерствомъ князю Горчакову. По оставленіи уже Москвы, онъ получилъ его отношеніе, въ которомъ просилъ его распорядиться заготовленіемъ запасовъ для дѣйствующихъ войскъ на пути ихъ движенія. Это отношеніе еще было писано 28 августа, когда въ Петербургѣ не было извѣстно о Бородинскомъ сраженіи. Съ тѣхъ поръ обстоятельства такъ измѣнились, что это отношеніе едва-ли и нуждалось въ отвѣтѣ. Но графъ Растопчинъ счелъ нужнымъ отвѣтить на него, чтобы повторить, что московская губернія находится «въ самовольномъ военномъ положеніи», и къ официальному отвѣту приложилъ слѣдующее частное письмо: «Съ симъ фельдъегеремъ пишу къ вамъ, почтенный князь Алексѣй Ивановичъ, съ сердцемъ сокрушеннымъ и до отчаянія доведеннымъ всѣми несчастными происшествіями, коимъ потомки не повѣрятъ, но о

коихъ исторія вѣроятно не умолчитъ. Столица отечества предоставлена Кутузову, а онъ спитъ, ѣстъ, ничего не дѣлаетъ и столь равнодушно взираетъ на бѣдственное положеніе арміи, что ни мало не принимаетъ мѣръ для перемѣны онаго. Войска въ лѣтнихъ панталонахъ, безъ обуви и въ разодранныхъ шинеляхъ. Провіанта часто недостаетъ, и Милорадовичевъ корпусъ шесть дней не имѣлъ хлѣба. Духъ у солдатъ упалъ, они и многіе офицеры грабятъ за 50 верстъ отъ арміи. Наказывать всѣхъ невозможно. Замѣшательство въ доставленіи провіанта, коего много въ Калугѣ и Орлѣ, произошли отъ того, что князь Кутузовъ съ 29-го августа не рѣшился куда онъ, оставя Москву злодѣю, пойдетъ съ арміею, и перемѣнялъ нѣсколько разъ мѣста, слѣдовательно и направленіе провіанта къ онымъ, о чемъ даже и генералъ-интендантъ не имѣлъ свѣдѣній. Безпорядокъ въ войскахъ такъ великъ, что онъ вѣрно Бонапарту кажется невѣроятнымъ, а то бы онъ давно могъ истребить насъ на всякомъ походѣ. Четыре дня шеститысячный корпусъ, преслѣдующій нашъ аріергардъ отъ самой Москвы, заставилъ отступать или занимать позиціи и вчера 90 тысячъ человѣкъ стояли въ ружьѣ съ пяти часовъ утра до четырехъ пополудни и корпуса французскаго ни истребить, ни прогнать не смѣли; а третьяго дня въ Красной Пахрѣ, въ домѣ графа Николая Ивановича (Салтыкова), среди дня два эскадрона непріятельскіе взяли было Милорадовича и шесть генераловъ, кои тутъ расположились ночевать, за версту отъ двадцатитысячнаго арріергарда. Французы были въ саду, и ординарецъ вбѣжалъ въ горницу, едва давъ время убѣжать нашему генералитету стремглавъ. Серпуховъ занятъ отрядомъ непріятельскимъ, и если онъ явится на Калужской дорогѣ, то мы будемъ безъ провіанта. И это все дѣлается въ то время, когда непріятель самъ въ отчаянномъ положеніи и едва можетъ кормить свою гвардію, а остальное все пущено на грабежъ. Они страшно боятся зимы и что не будетъ мира. Но мы, бывъ превосходнѣе числомъ, не смѣемъ атаковать и пятимся назадъ. Замѣтьте, что сонъ Кутузова, есть отъ слабости, а остатокъ разсудка его не здѣсь, а ползаетъ по переднимъ въ Петербургѣ. Суворова нѣтъ, а Россія погибаетъ,—подумайте о томъ, что къ вамъ пишетъ вамъ преданный графъ Растопчинъ[1]).

Старость, слабость, и дряхлость князя Кутузова — вотъ благовидный и правдоподобный предлогъ, за который хватались всѣ его недоброжелатели, худо имъ прикрывая иные свои виды. Несомнѣнныя историческія свидѣтельства обличаютъ виды Барклая и Беннигсена, остается нѣкоторое недоразумѣніе насчетъ другихъ. Графъ Растопчинъ объясняетъ самъ причину своего негодованія на князя Кутузова, что

[1]) Отношеніе помѣчено 15 сентября 1812 года. Село Воронцово, № 542, а письмо написано оттуда же 18 сентября.

будто бы онъ дѣйствовалъ съ нимъ лукаво, обманулъ его, сдавъ неожиданно безъ боя Москву. Графъ Растопчинъ могъ очень искренно имѣть такое убѣжденіе; но мы представили выше соображенія о всѣхъ уцѣлѣвшихъ объ этомъ свидѣтельствахъ и, основываясь на нихъ, не можемъ придавать значенія подобному обвиненію, и полагаемъ, что за нимъ безсознательно, конечно, для самого графа Растопчина, скрывалась совершенно иная причина. Въ приведенной уже нами одной изъ выписокъ изъ его записокъ о 1812 годѣ, борьбу Наполеона съ Россіею онъ выражаетъ въ общей формулѣ: Наполеонъ и Москва. Конечно Москву онъ признавалъ средоточіемъ Россіи, ея сердцемъ, котораго біеніе совершалось однакоже въ это время подъ руководствомъ ея начальника, по правиламъ, имъ предписаннымъ и строго до жестокости соблюдаемымъ. Поэтому въ концѣ концовъ его формула собственно выражалась такъ: Наполеонъ и графъ Растопчинъ!... Дальнѣйшій нашъ разсказъ, надѣемся, подтвердитъ еще болѣе это соображеніе.

Между тѣмъ съ оставленіемъ Москвы, силою обстоятельствъ ея генералъ-губернаторъ оказался на заднемъ планѣ подвѣдомственной ему губерніи, по его насмѣшливому выраженію, въ самовольномъ военномъ положеніи, т. е. безъ всякаго руководства со стороны начальства, или полиціи и передъ лицомъ Наполеона сталъ князь Кутузовъ. Конечно и и графъ Растопчинъ чувствовалъ такъ-же, какъ и Барклай и Беннигсенъ, что онъ не по праву, а въ силу неразумныхъ обстоятельствъ, занялъ его мѣсто и не въ качествѣ конечно главнокомандующаго дѣйствующими войсками, но какъ историческаго лица. Это соперники князя Кутузова. Но какіе же виды на соперничество могли быть, напримѣръ, у сэра Роберта Вильсона?

Сэръ Робертъ Вильсонъ, страстный воинъ, жаждущій сраженій, понятно не могъ сочувствовать постоянному отступленію нашихъ войскъ. Пылавшій ненавистью истаго британца къ французамъ вообще, а къ Наполеону въ особенности, онъ стремился всѣми силами души поскорѣе принять участіе въ погибели «самозванца, деспота, злодѣя вселенной», какъ онъ величалъ Наполеона. Это чувство несомнѣнно раздѣляли и русскіе въ это время. Но сэръ Робертъ Вильсонъ, какъ агентъ англійскаго правительства, имѣлъ въ виду только Англію и, пользуясь совпаденіемъ ея выгодъ съ выгодами Россіи, смотрѣлъ на силы Россіи только какъ на орудіе, единственно уцѣлѣвшее на континентѣ Европы, которое можетъ успѣшно дѣйствовать—въ пользу Великобританіи. Этому взгляду конечно могъ подчиниться баронъ Беннигсенъ, какъ не русскій даже подданный, къ которому Вильсонъ и питалъ особое расположеніе. Но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что такому взгляду не могъ подчиниться князь Кутузовъ, какъ русскій человѣкъ. Виды англійской политики едва-ли сколько-нибудь обращали на себя его вниманіе въ это время;

спасеніе Россіи было единственною его мыслью, онъ дорожилъ ея честью и славою и, безъ сомнѣнія, никогда бы не допустилъ сдѣлать изъ себя простое орудіе для дѣйствія въ пользу Англіи.

Сохранились преданія, что князь Кутузовъ много разъ выражалъ этотъ взглядъ, выведенный изъ терпѣнія назойливымъ англичаниномъ, осаждавшимъ его постоянно своими совѣтами. Это подтверждаетъ и самъ Вильсонъ. Послѣ сраженія при Малоярославцѣ, когда онъ постоянно требовалъ, чтобы князь Кутузовъ не отступалъ, но сдѣлалъ нападеніе на войска Наполеона, онъ отвѣчалъ ему: «Предпочитаю лучше пропустить непріятеля по Золотому мосту (pont d'or), какъ вы называете, нежели получить ударъ въ затылокъ (coup de collier). При томъ повторю, что уже говорилъ вамъ прежде, я нисколько не полагаю, чтобы совершенное истребленіе императора Наполеона и его войскъ было такимъ благодѣяніемъ для вселенной. Наслѣдство его достанется не Россіи или какой либо изъ державъ материка, но той державѣ, которая и теперь уже господствуетъ на моряхъ и которой преобладаніе тогда сдѣлается невыносимымъ...» Такъ говоритъ онъ въ сочиненіи, написанномъ имъ о войнѣ 1812 года, уже впослѣдствіи; но и въ современныхъ письмахъ изъ дѣйствующей арміи къ лорду Каткарту, онъ постоянно убѣждаетъ его содѣйствовать смѣнѣ Кутузова «для пользы Россіи и Европы».

«Я повторяю объ удаленіи фельдмаршала и твержу о семъ потому болѣе, что вижу нерасположеніе его къ союзу съ Англіею и сочувствіе въ пользу Франціи». Этого одного повода было достаточно для сэра Роберта Вильсона, чтобы порицать всѣ дѣйствія князя Кутузова.

Всѣ лица, которыхъ свидѣтельства мы привели, выражая свои мысли и взгляды, вовсе не считали ихъ только своими личными, но были увѣрены, что ихъ раздѣляютъ въ войскахъ всѣ — отъ прапорщика до генерала. Въ этомъ самообольщеніи была однако же и доля правды. Съ тѣхъ поръ какъ русскія войска стали твердою ногою въ Тарутинскомъ лагерѣ, почувствовали свою силу и безсиліе непріятеля, они одушевлены были единственнымъ желаніемъ отомстить врагамъ. Поэтому всякая мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ находила въ нихъ сочувствіе, а эта-то мысль и служила основаніемъ всѣхъ нападеній и стараго фельдмаршала. Но несмотря на то, каждый изъ противниковъ, невольно чувствовалъ, что между ними—нѣтъ ничего общаго; что между ними господствуетъ совершенная рознь и никто изъ нихъ не найдетъ опоры ни въ войскахъ, ни въ народѣ. Поэтому каждый изъ нихъ желалъ найти иную, твердую опору и призывалъ императора пріѣхать къ войскамъ и принять главное начальство надъ ними. Вслѣдъ за тѣмъ то же желаніе выражаетъ и Вильсонъ: «Въ здѣшней арміи многіе желаютъ видѣть ваше величество, писалъ онъ по пріѣздѣ въ главную квартиру при Красной Пахрѣ. Я осмѣливаюсь представить, что если бы воз-

можно было предпринять путешествіе, то ваше присутствіе на нѣсколько часовъ въ арміи, будетъ принято офицерами и солдатами въ видѣ особаго благоволенія вашего къ ихъ подвигамъ и довѣренности къ ихъ храбрости на погибель непріятеля. Во всякомъ случаѣ я прошу ваше величество издать какой нибудь приказъ съ изъявленіями вашего удовольствія къ поведенію войскъ и непремѣнной увѣренности въ окончательномъ усиліи къ истребленію врага, не взирая на потерю Москвы»[1]). Но Р. Вильсонъ призывалъ императора не для того, чтобы онъ принялъ начальство надъ войсками, но для того только, чтобы поощрить и еще болѣе воодушевить войско. «Я надѣюсь, писалъ онъ, послѣ сраженія при Малоярославцѣ, что наше величество вскорѣ лично изволите увидать храбрыя ваши войска и наградить ихъ за знаменитые подвиги, ими совершенные, столь желаннымъ, высокимъ вашимъ посѣщеніемъ. Сей день будетъ для всѣхъ торжественный»[2]). Только послѣ удаленія изъ арміи барона Беннигсена, его желаніе, чтобы императоръ прибылъ къ войскамъ, получаетъ другое направленіе. «Намъ всего нужнѣе мужественное предводительство, дѣятельное начальство, писалъ онъ Каткарту. Я желалъ бы видѣть императора, облеченнаго въ броню, и чтобы всѣ его распоряженія имѣли видъ совершенно военный. Если же это не случится, то мало надежды на блистательные подвиги до будущей весны, когда нужно будетъ предпринять новыя, сильныя дѣйствія, чтобы принудить непріятеля къ отступленію».

Во все время движенія войскъ по Калужской дорогѣ къ Тарутину, главная квартира находилась не въ дальнемъ разстояніи отъ села Воронова, въ которомъ гр. Растопчинъ мирно съ своею семьею прожилъ болѣе 10 лѣтъ, которое онъ любилъ, устраивалъ и украшалъ, съ которымъ соединено было столько заботъ и трудовъ, и столько пріятныхъ воспоминаній. Онъ предложилъ лорду Тортонелю и сэру Р. Вильсону поселиться въ его домѣ, въ то время, когда главная квартира нашихъ войскъ находилась при р. Мочи, но въ то же время заявилъ, что если войска будутъ отступать далѣе къ Калугѣ, то онъ сожжетъ его, чтобы онъ не доставался въ добычу непріятелямъ. Это намѣреніе онъ имѣлъ и прежде, предполагая, что наши войска, по оставленіи Москвы, займутъ позицію на старой Калужской дорогѣ. Еще 30-го августа онъ говорилъ С. Н. Глинкѣ: «Тамъ мое село Вороново,—я сожгу его».

Въ тотъ самый день (19-го сентября), какъ наши войска оставили позицію при р. Мочѣ, и начали дальнѣйшее отступленіе мимо Воронова до Спасъ-Купли, и вслѣдъ за ними черезъ нѣсколько дней долженъ

---

[1]) Письмо Вильсона императору 13-го (25-го) сентября 1812 г.

[2]) Письмо Вильсона государю изъ-подъ Малоярославца 13-го (25-го) октября 1812 г.

былъ отступить и авангардъ Милорадовича — въ Вороновѣ у гр. Растопчина находились генералъ Вильсонъ, лордъ Тортонель и Беннигсенъ.

Угрожаемые близкимъ нашествіемъ непріятеля, крестьяне села Воронова и другихъ окрестныхъ деревень, принадлежавшихъ гр. Растопчину, явились къ нему всѣ поголовно, въ числѣ 1,720 человѣкъ и просили позволенія переселиться со всѣми своими семействами въ другія отдаленныя его имѣнія, а нѣкоторые даже желали присоединиться къ войскамъ и сражаться съ непріятелемъ. Конечно, этотъ случай гр. Растопчинъ объяснялъ личными его отношеніями къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, а не счелъ признакомъ общаго настроенія народа, который, въ виду опасности, угрожавшей отечеству, забылъ о тяготахъ крѣпостныхъ отношеній и не могъ увлечься мыслью о свободѣ, которую сулили бы ему враги Россіи. Гр. Растопчинъ, безъ сомнѣнія, согласился на желаніе крестьянъ и представилъ такимъ образомъ первое дѣйствіе начатаго имъ представленія для своихъ зрителей, которымъ потомъ долго не давалъ заснуть неумолкаемыми жалобами. Растопчинъ сердился на князя Кутузова за то, что тотъ обманулъ его, не увѣдомивши заблаговременно о своемъ намѣреніи оставить Москву непріятелю, а тѣмъ лишилъ его возможности правильно и въ порядкѣ произвести сожженіе Москвы и явить тѣмъ примѣръ не римской, но гораздо бо́льшей русской доблести. Онъ говорилъ, что никогда этого не забудетъ и никогда не проститъ Кутузову. «Но то, что онъ помѣшалъ мнѣ исполнить въ Москвѣ, я исполню здѣсь и сожгу этотъ домъ. Сожалѣю только, что онъ не лучше еще, и не богаче, чѣмъ есть». Напрасны были всѣ просьбы и убѣжденія со стороны гостей графа Растопчина: они не поколебали его рѣшенія.

На другой день, лишь только разсвѣло, старосты и выборные отъ крестьянъ явились къ графу Растопчину объявить, что они приготовились оставить свои жилища. Простившись съ нимъ, они двинулись въ путь и не было слышно жалобъ. «Дай, Господи, побѣдить врага Россіи и Государя, и благослови, Господи, нашего господина», вотъ какія слышались слова изъ толпы!.. По свидѣтельству очевидца иностранца, генерала Вильсона, зрѣлище этого переселенія, произвело на него сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго онъ писалъ лорду Каткарту: «Никогда не видалъ я трогательнѣе этой процессіи; что за страна эта Россія. Какія патріотическія добродѣтели! Какой благородный духъ! Стыдно, очень стыдно доктору Клерку, что онъ оклеветалъ такой народъ [1]).

[1]) Письмо Р. Вильсона — лорду Каткарту 19-го сентября (1-го октября) 1812 г.

слѣдующее объявленіе, написанное на трехъ языкахъ: «Восемь лѣтъ я украшалъ это село, гдѣ жилъ счастливо съ моимъ семействомъ. Обыватели этого имѣнія, въ числѣ 1,720 человѣкъ при вашемъ приближеніи оставляютъ свои жилища, и я предаю огню мой домъ, чтобы онъ не былъ оскверненъ вашимъ присутствіемъ. Французы! Въ Москвѣ я оставилъ вамъ два мои дома, съ имуществомъ на полмилліона рублей, здѣсь вы найдете только пепелъ». Графъ Растопчинъ пригласилъ зрителей въ домъ, и когда они вошли вмѣстѣ съ нимъ, то при входѣ каждому изъ нихъ былъ поданъ зажженный факелъ. Войдя съ ними на нѣсколько ступеней вверхъ въ первый этажъ дома, графъ Растопчинъ ввелъ ихъ въ роскошно убранную спальню. Здѣсь его рѣшимость какъ бы нѣсколько поколебалась: «Это моя брачная кровать, у меня недостаетъ духу ее поджечь, вы должны мнѣ помочь», сказалъ онъ, обращаясь къ Р. Вильсону. Онъ замедлилъ привесть въ исполненіе желаніе графа, и, по его словамъ, исполнилъ только тогда, когда уже были подожжены горючіе матеріалы, приготовленные заранѣе какъ по всѣмъ комнатамъ, такъ и въ надворныхъ строеніяхъ. Проходя по всѣмъ комнатамъ и поджигая ихъ, графъ Растопчинъ снова нѣсколько смутился, войдя въ рабочій кабинетъ своей супруги, и, «казалось, хотѣлъ остановиться, но твердость его взяла верхъ и онъ собственною своею рукою зажегъ горючія вещества, приготовленныя уже прежде». Вороновскій домъ былъ великолѣпно устроенъ, снабженъ дорогимъ имуществомъ и большимъ собраніемъ художественныхъ произведеній, такъ что, по свидѣтельству англичанъ, зрителей пожара, едва-ли и въ Англіи нашлось бы много такихъ домовъ...

Точно также были роскошно устроены и всѣ надворныя строенія, и особенно отличались размѣрами и изяществомъ конюшни графа, страстнаго охотника до лошадей и содержавшаго въ Вороновѣ конный заводъ. Надъ ними по обѣимъ сторонамъ фасада возвышались конныя группы, копіи съ извѣстныхъ древнихъ группъ, находящихся въ Римѣ на Капитоліи.

Въ нѣсколько часовъ всѣ зданія были объяты пламенемъ, и трескъ разрушавшихся стѣнъ, падающихъ кровель, который сопровождался громомъ орудій вблизи происходившаго сраженія нашего аріергарда съ авангардомъ непріятельскимъ. Но мало-по-малу началъ замолкать громъ орудій, и когда пожаръ былъ еще во всей силѣ,—«мы получили извѣстіе, говоритъ Вильсонъ, что непріятель отступилъ. Но графъ не показалъ ни малѣйшаго сожалѣнія, а напротивъ того, разговаривалъ со мною очень равнодушно, смотря, какъ падали колоссальныя статуи, представляющія людей и лошадей». «Я находился съ нимъ, говоритъ другой свидѣтель англичанинъ, когда онъ помогалъ своимъ служителямъ таскать всякія зажигательныя вещества въ комнаты, и въ короткое

время весь домъ, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ, которые я когда-либо видѣлъ, сожженъ былъ до основанія. Графъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ посторонній зритель, и казалось, менѣе былъ тронутъ, нежели всѣ присутствовавшіе» [1]).

Наконецъ, когда съ фронтоновъ конюшни упали конныя группы, графъ Растопчинъ сказалъ: «Теперь у меня легко на душѣ», и вмѣстѣ съ своими гостями удалился въ главную квартиру.

«20-го сентября, говоритъ очевидецъ-свидѣтель, въ 5 часовъ утра, нашъ корпусъ проходилъ мимо пылающаго дома графа Растопчина въ Вороновѣ. Генералы и офицеры остановились передъ этимъ необыкновеннымъ явленіемъ и говорили о томъ, что самъ графъ своею рукою зажегъ домъ, гдѣ было его любимое мѣстопребываніе, гдѣ онъ вкушалъ семейное счастіе. Я видѣлъ этого знаменитаго патріота: съ мрачною думою смотрѣлъ онъ на пламень, обнимающій прекрасныя колонады и пожирающій окаменѣлыхъ стражей ихъ,—центавровъ. Глядя на предстоящее, казалось онъ углублялся въ прошедшее и воображалъ послѣднія радости, съ которыми незадолго разстался подъ кровомъ своего мирнаго пріюта. Такъ загоралось сердце его мщеніемъ, и горесть положила печать на угрюмое чело» [2]).

Пожаръ Воронова, безъ сомнѣнія, произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, которые были свидѣтелями этого происшествія; но всего болѣе онъ поразилъ англичанъ. Русскіе уже были знакомы въ это время съ тѣми чувствами, которыя вызывали русскій народъ на подобныя пожертвованія; но иностранцамъ онъ представлялся выходящимъ изъ предѣловъ возможности. «Будучи свидѣтелями этого подвига, говоритъ Р. Вильсонъ, мы съ лордомъ Тортонелемъ были поражены его величіемъ. Эта жертва ужаснымъ образомъ доказываетъ непріятелю, что въ русскомъ государствѣ души не унижаются при наступленіи опасностей, но что любовь русскихъ къ своему отечеству увеличивается и воспламеняется отъ нихъ... Зажигатель Эфесскаго храма доставилъ себѣ постыдное безсмертіе, разрушеніе Воронова должно остаться вѣчнымъ памятникомъ русскаго патріотизма». Но и англичане не придавали этому подвигу графа Растопчина исключительнаго личнаго значенія, считая «поступокъ графа прекраснымъ, исполненнымъ съ чувствомъ, достоинствомъ и осмысленнымъ философскимъ духомъ». Сэръ Робертъ Вильсонъ, замѣчая, что поводомъ къ нему служилъ чистый патріотизмъ, прибавляетъ: «Нѣтъ ни одной деревни, какъ бы она бѣдна

---

[1]) Письмо лорда Тортонеля — герцогу Іорскому 20-го сентября (2-го октября) 1812 г.

[2]) Записки артиллериста, ч. 1-я, гл. VI, стр. 192 и 193.

ни была, гдѣ бы крестьяне не раздѣляли одинакихъ чувствъ съ владѣльцемъ села Воронова» [1]).

Ту же самую мысль повторяетъ и его товарищъ, лордъ Тортонель, разсказывая о сожженіи Воронова въ своемъ донесеніи принцу-регенту: «Во всѣхъ деревняхъ, которыя проходилъ непріятель, онъ могъ видѣть, что крестьяне, оживляемые равнымъ духомъ съ московскими жителями, сами зажигали дома свои, чтобы они не достались непріятелю. Я самъ былъ свидѣтелемъ сцены, которую никогда не забуду и которую не могу не разсказать вашему королевскому величеству; полагаю, что она можетъ показаться вамъ любопытною и послужить доказательствомъ, что русское дворянство ни въ какомъ случаѣ не станетъ упрашивать императора о заключеніи мира, не взирая ни на истребленіе своихъ домовъ, ни на разореніе своего имущества».

Безъ сомнѣнія, сущность этого подвига принадлежитъ графу Растопчину, какъ русскому человѣку, исполненному любви къ отечеству; но въ способахъ его приведенія въ исполненіе нельзя не замѣтить особенностей его личнаго характера, личной страсти къ театральнымъ представленіямъ, которая такъ глубоко вкоренилась въ немъ, что высказалась во всей полнотѣ даже въ это, столь тяжелое для него время. Хотя иностранные писатели ставятъ высоко этотъ поступокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотятъ набросить на него нѣкоторую тѣнь, говоря: «Впрочемъ, наши арміи не пощадили бы этого дома въ своемъ справедливомъ негодованіи на графа Растопчина». Но не это соображеніе руководило дѣйствіемъ владѣльца села Воронова. Если бы онъ истреблялъ свой домъ со всѣми заведеніями потому только, что непріятели непремѣнно бы его также сожгли и разрушили, то, что̀ бы помѣшало ему вывезть изъ него все имущество, когда въ тотъ же самый день выѣхали изъ Воронова всѣ его крестьяне съ своимъ имуществомъ, въ числѣ 1.720 человѣкъ.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Письмо Вильсона — П. 19-го сентября (1-го октября) 1812 г. изъ Боровска.

Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка.

(Воспоминанія Феликса Яковлевича Лучинскаго).

III [1]).

Служба судебнымъ слѣдователемъ въ Александрійскомъ уѣздѣ. — Жизнь въ Новогеоргіевскѣ.—Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.—Порядокъ его объявленія.—Мнимое волненіе крестьянъ.—Характеристика помѣщиковъ и отношеніе ихъ къ крестьянамъ.—Мировые посредники и ихъ дѣятельность.

2-го января 1861-го года я вступилъ въ отправленіе должности судебнаго слѣдователя 2-го участка Александрійскаго уѣзда. Участокъ, мнѣ назначенный, занималъ лучшую сѣверную половину уѣзда, расположенную на границѣ Чигиринскаго уѣзда Кіевской губерніи, пространствомъ въ длину 120 верстъ, начиная отъ города Кременчуга, часть котораго подъ наименованіемъ посадъ Крюковъ находится по сю сторону рѣки Днѣпра, и до города Елисаветграда, а въ ширину около 50 верстъ. Мѣстомъ для жительства мнѣ назначенъ городъ Новогеоргіевскъ. Значительная часть участка занята была бывшими военными поселеніями, селенія которыхъ расположены въ перемѣшку съ помѣщичьими имѣніями. Поселенія эти находились тогда въ переходномъ состояніи. По дѣламъ они были изъяты изъ военнаго вѣдомства и подчинены общей полиціи и судебнымъ учрежденіямъ, но завѣдывало ими еще военное начальство. Такъ называемые волостные командиры были изъ штабъ-офицеровъ, а ихъ помощники изъ оберъ-офицеровъ.

Въ Елисаветградѣ былъ окружной начальникъ—генералъ, и въ С.-Петербургѣ главное управленіе военными поселеніями.

Городъ Новогеоргіевскъ какъ и другіе города въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ: Елисаветградъ, Вознесенскъ, Новомиргородъ—именовались военными городами, полиціймейстеры въ нихъ были изъ военныхъ штабъ-офицеровъ и состояли въ подчиненіи начальству южныхъ поселеній.

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1897 г.

Въ Новогеоргіевскѣ жило много богатыхъ русскихъ купцовъ, имѣвшихъ свои салганы (салотопенные заводы) и лѣсные склады, ведущихъ торговлю на большіе суммы. Изъ служащей интеллигенціи были только: полиціймейстеръ старикъ и очень милое его семейство, волостной командиръ, его помощникъ и почтмейстеръ; жило два или три семейства отставныхъ офицеровъ, да квартировалъ полкъ прежде уланскій, а потомъ гусарскій. Купечество отъ интеллигенціи держалось въ сторонѣ, къ этому ихъ пріучилъ прежде здѣсь много лѣтъ постоянно квартировавшій Орденскій кирасирскій полкъ.—Такъ какъ въ кирасирахъ могли служить и служили только богатые люди, то они гордо себя держали и съ купечествомъ сходиться не хотѣли. Когда же кирасиры были упразднены, то офицеры замѣстившихъ ихъ полковъ старались уже завести знакомства съ купечествомъ, но достигли этого съ трудомъ и лишь постепенно успѣли ввести ихъ молодыхъ женъ и дочерей, порядочно образованныхъ, на устраиваемыя ежегодно зимою танцовальные вечера.

Въ описываемое время совершилась величайшая изъ реформъ, произведенная волею незабвеннаго государя Александра II-го—освобожденіе крестьянъ. Первый день введенія реформы далъ мнѣ и первое дѣло о бунтѣ крестьянъ. Бунтъ этотъ произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: разсыльный, развозившій въ запечатанныхъ пакетахъ «Положеніе о крестьянахъ», проѣзжая м. Федорки, имѣніе губернскаго предводителя дворянства Касянова, сказалъ крестьянамъ, бывшимъ въ полѣ на работахъ, что онъ везетъ имъ «волю». Объ этой волѣ крестьяне уже знали, ибо за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ объявленъ торжественно въ церквахъ высочайшій манифестъ, въ которомъ сказано, что крестьяне получаютъ личную свободу, но остаются въ обязательныхъ отношеніяхъ къвладѣльцу, на основаніи Положенія, которое всѣдъ затѣмъ будетъ прислано. Окончивъ работы въ полѣ, крестьяне отправились въ сельскую контору. Приходъ ихъ возмутилъ управляющаго имѣніемъ, и онъ спросилъ ихъ, зачѣмъ пришли. На ихъ отвѣтъ, что пришли для отмѣтки, кто на какой работѣ былъ въ тотъ день, онъ возразилъ: «не правда, вы узнали, что прислали волю и потому пришли»; крестьяне отвѣтили: «да, человѣкъ намъ сказалъ, что везетъ волю». Тогда управляющій вынесъ два пакета—одинъ распечатанный, адресованный на имя экономіи, а другой запечатанный, адресованный на имя крестьянъ, положилъ ихъ рядомъ, предложилъ крестьянамъ взять себѣ одинъ изъ нихъ. Такое предложеніе поставило ихъ въ затрудненіе и они просили дать тотъ пакетъ, который имъ слѣдуетъ.

— Берите сами, отвѣчалъ управляющій, ибо если я вамъ дамъ, то потомъ скажете, что васъ обманулъ и далъ не ту «волю».

Тогда одинъ изъ крестьянъ, порядочно грамотный, подошелъ, прочиталъ надписи на пакетахъ и взялъ тотъ, который адресованъ на имя

крестьянъ. Затѣмъ всѣ ушли въ деревню, собрались въ домъ одного изъ своихъ односельцевъ, у котораго изба была пообширнѣе, и тотъ крестьянинъ, который взялъ Положеніе, приступилъ къ его чтенію. Изъ слушателей нѣкоторые уснули, нѣкоторые разбрелись по домамъ, а бодрствовавшіе остановили свое вниманіе на одномъ параграфѣ, гдѣ говорилось объ издѣльной повинности, отбываемой за полученные надѣлы. Недоразумѣніе вызвано было тѣмъ, что въ параграфѣ томъ не было точнаго опредѣленія, а сдѣлана ссылка на другой. Хотя справившись съ тѣмъ другимъ параграфомъ читавшій правильно объяснилъ, что по содержанію его выходитъ такъ, что считающійся въ обществѣ работникомъ долженъ отбывать повинность не только за свои надѣлы, но и за надѣлы неработниковъ, но крестьяне полагая, что чтецъ можетъ и ошибаться, порѣшили остаться тремъ хозяевамъ и утромъ пойти къ «пану» и просить разъяснить ихъ сомнѣніе. Такъ и сдѣлали. На просьбу крестьянъ разъяснить имъ встрѣченное недоразумѣніе, панъ, выругавъ ихъ за то, что не пошли на работы, велѣлъ сейчасъ же идти и прибавилъ «будете работать больше, нежели работали». Крестьяне исполнили приказаніе—пошли на работы. Между тѣмъ управляющій еще съ вечера, когда крестьяне собрались слушать чтеніе Положенія, предположилъ, что они сейчасъ-же начнутъ бунтовать, поставилъ вокругъ своего дома семь сторожей, послалъ нарочнаго въ Александрію къ исправнику съ просьбою немедленно прибыть для усмиренія начавшагося уже, по его словамъ, бунта; а самъ ежеминутно посылалъ узнавать, что̀ дѣлаютъ собравшіеся крестьяне. На другой день прискакалъ исправникъ, потребовалъ изъ ближайшихъ селъ южныхъ поселеній наряда 300 человѣкъ съ ихъ старостами и десятскими и съ розгами. Онъ послалъ крестьянамъ приказаніе, чтобы всѣ, оставивъ работы, собрались во дворъ экономической конторы, а когда они сошлись, то наказалъ всѣхъ розгами каждаго по 50 ударовъ, за исключеніемъ 7 человѣкъ, которые какъ зачинщики и главные дѣятели предавались суду и потому не подлежали наказанію. О происшедшемъ волненіи крестьянъ и о благоразумности своихъ мѣръ исправникъ донесъ начальству, а производство слѣдствія передалъ мнѣ, распорядившись въ предупрежденіе способовъ уклоненія отъ суда содержаніемъ каждаго по-одиночкѣ подъ строгимъ карауломъ, въ разныхъ селеніяхъ южныхъ поселеній. Главными виновными признавались: 1) крестьянинъ, взявшій пакетъ съ Положеніемъ и читавшій его собравшейся толпѣ; 2) крестьянинъ, отдавшій свою избу подъ сборище для чтенія Положенія; 3) крестьяне, неправильно понявшіе Положеніе въ отношеніи отбыванія издѣльной повинности, которые вмѣсто того, чтобы отправиться на работу, остались и потомъ явились къ управляющему за разъясненіемъ ихъ недоразумѣнія; 4) сторожъ въ саду, распускавшій слухъ, что бабы уже не будутъ работать и проч.

Получивъ это дознаніе я немедленно отправился на мѣсто, произвелъ слѣдствіе и затѣмъ составилъ обстоятельно мотивированное постановленіе, которымъ призналъ, что бунта никакаго не было, а потому и постановилъ арестованныхъ изъ-подъ стражи освободить, а дѣло для прекращенія представить въ уѣздный судъ.

Боже мой, какой поднялся гвалтъ изъ-за этого. Исправникъ послалъ съ эстафетою донесеніе губернатору, что онъ не ручается за спокойствіе въ уѣздѣ послѣ такого распоряженія судебнаго слѣдователя, освободившаго главныхъ виновныхъ, не понесшихъ вслѣдствіе того даже и такого наказанія, какому были подвергнуты менѣе виновные участники въ бунтѣ. Находившійся тогда въ Александріи секретарь губернскаго предводителя Касянова послалъ ему письмо съ тою же эстафетою, а помѣщики смотрѣли на меня какъ на потатчика бунтамъ противъ нихъ крестьянъ и ожидали, что вотъ, вотъ надо мною должно что нибудь разразиться.

Прошелъ мѣсяцъ, другой, третій, четвертый и ничего со мной не случилось. Въ іюлѣ пріѣхалъ Касяновъ въ свое имѣніе на все лѣто. Узнавъ отъ одного помѣщика, что я нахожусь въ его имѣніи, онъ просилъ меня заѣхать къ нему, когда буду проѣзжать мимо Федорокъ, такъ какъ желаетъ видѣться со мною, но самъ не можетъ поѣхать ко мнѣ, потому что какъ я больше бываю въ разъѣздахъ, то не знаетъ, когда можно застать меня дома.

Описывая свою жизнь въ Чигиринѣ, я упомянулъ, что при помощи и содѣйствіи Касянова я получилъ должность секретаря Херсонской уголовной палаты, за что являлся благодарить его. Исполняя желаніе Касянова и проѣзжая близко м. Федорокъ, я заѣхалъ къ нему. Онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и сердечно благодарилъ за то, что потушилъ дѣло, возбужденное по глупости управляющаго и исправника, которое, если бы продолжалось и получило огласку, могло быть причиною большихъ непріятностей для него.

— Еще до полученія свѣдѣній о результатахъ слѣдствія,—говорилъ Касяновъ,—я былъ увѣренъ, что бунта никакого не было; всѣхъ крестьянъ своихъ я знаю, они люди очень хорошіе и къ бунту не способны.

Другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ волненій крестьянъ не припоминаю, но мѣстная администрація сильно волновалась. По полученіи свѣдѣній о томъ, что въ какомъ-либо имѣніи крестьяне привезли къ себѣ грамотея и онъ читалъ имъ Положеніе, его хватали и вмѣстѣ съ привезшими его крестьянами привлекали къ суду.

Дѣла подобнаго рода, послѣ производства слѣдствій, обыкновенно были прекращаемы, ибо, какъ было неграмотнымъ крестьянамъ узнать содержаніе Положенія, какъ не отысканіемъ грамотея, который бы про-

читалъ имъ его. Сами крестьяне безпокоить помѣщика не смѣли, да и большею частью не довѣряли, писарей сельскихъ и волостныхъ долго, даже и послѣ образованія обществъ и волостей, у нихъ не было, а между тѣмъ у нихъ было естественное желаніе узнать содержаніе Положенія, опредѣляющаго ихъ отношеніе къ бывшимъ владѣльцамъ. Слѣдствія приходилось производить только для обнаруженія, не было ли превратнаго толкованія, и какъ таковаго не оказывалось, а самый же фактъ чтенія и отыскиванія для того чтеца не составлялъ преступленія, то дѣла сіи прекращались.

Нахожу не лишнимъ привести изъ той славной эпохи еще кое-что не совсѣмъ приглядное, но дѣйствительно бывшее. Реформа была приведена въ дѣйствіе такимъ образомъ: прежде полученъ высочайшій манифестъ, присланный съ эстафетою, экземпляры котораго для торжественнаго объявленія въ приходскихъ церквахъ были сейчасъ же развезены чиновниками полиціи и разсыльными.

Въ манифестѣ было сказано, что съ полученія онаго крестьяне получаютъ личную свободу, но остаются въ обязательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ на основаніи особыхъ Положеній. До введенія же въ дѣйствіе сихъ Положеній они отбываютъ всѣ повинности по-прежнему, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ сборовъ холстомъ, пряжею и т. п.; что за помѣщикомъ остается право вотчинной полиціи; что подвергать тѣлесному наказанію крестьянъ по личному своему усмотрѣнію помѣщикъ не можетъ, но до введенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ можетъ обращаться съ просьбой въ полицію; что крестьяне не обязаны спрашивать у помѣщика согласія на бракъ.

По прочтеніи высочайшаго манифеста помѣщики не особенно пріуныли, ихъ ободряло выраженіе въ манифестѣ, что за ними остается право вотчинной полиціи; но когда прочли полученное потомъ Положеніе о крестьянахъ, то уныніе ихъ увеличилось, совсѣмъ же пріуныли лишь тогда, когда были составлены и введены уставные грамоты, а въ особенности когда, по истеченіи двухгодичнаго срока, они лишились и услугъ дворовыхъ людей.

Я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго факта: производя слѣдствіе въ имѣніи помѣщицы Андросовой, былъ приглашенъ ею на чай. Андросова была пожилая уже вдова и съ нею жила сестра ея, тоже пожилая дѣвица. Во время чаепитія вошли молодые парень и дѣвка, первый держалъ на вышитомъ полотенцѣ калачъ, а вторая, на такомъ же полотенцѣ, нѣсколько яицъ; они поклонились помѣщицѣ въ ноги и, поднося приношеніе, просили разрѣшенія вступить имъ въ бракъ. Не знаю, что было причиною, но помѣщица пришла въ необыкновенную свирѣпость, начала отъ злости трястись, бранить ихъ и выгнала вонъ. Когда г-жа Андросова нѣсколько успокоилась, я ей сказалъ, что, какъ

мнѣ кажется, женихъ и невѣста явившись съ поклономъ и просьбою о разрѣшеніи имъ вступить въ бракъ, совершили только актъ вѣжливости, ибо они навѣрно знаютъ, что священникъ повѣнчаетъ ихъ и безъ разрѣшенія помѣщицы, такъ какъ объ этомъ сказано не только въ Положеніи, но и въ манифестѣ, торжественно объявленномъ въ церквахъ.

— Пусть только священникъ рѣшится повѣнчать ихъ,—сказала мнѣ помѣщица,—то немедленно будетъ удаленъ отъ прихода и отправленъ въ монастырь. Въ прошломъ году преосвященный, объѣзжая губернію, у меня ночевалъ и былъ очень доволенъ моимъ пріемомъ; я ему напишу, а то и лично поѣду, и онъ исполнитъ мою просьбу. Вы думаете, что все то будетъ, что пишется; нѣтъ, будетъ такъ, какъ и было; вѣдь существуетъ же законъ, что жиды не должны жить въ деревняхъ и быть шинкарями, а исполняется ли онъ; есть ли гдѣ шинкарь не жидъ, и воспрещаетъ ли имъ кто жить въ деревняхъ?

Хотя такое мнѣніе высказано было женщиной, но мнѣ извѣстны помѣщики-мужчины, бывшіе точно такого же мнѣнія.

Приставъ 2-го стана Александрійскаго уѣзда право полиціи наказывать крестьянъ по жалобамъ помѣщиковъ обратилъ въ большую доходную статью для себя. Онъ довелъ до свѣдѣнія помѣщиковъ, что для наказанія крестьянъ будетъ являться къ тому, кто пришлетъ 25 руб. Двадцати-пяти рублевки полетѣли къ нему со всѣхъ сторонъ, и когда онъ пріѣзжалъ къ помѣщику, то тотъ извѣщалъ сосѣдей, а тѣ, кто лично, кто письменно, приглашали его къ себѣ. Если узаконенная норма 15 или 25 розогъ казалась не удовлетворительною, то наказаніе производилось съ перерывами и каждый перерывъ считался за новое наказаніе и долженъ былъ оплачиваться. Къ счастью такое розгосѣченіе производилось недолго и прекратилось, какъ только были назначены и вступили въ отправленіе своихъ должностей мировые посредники. Приставъ, утомленный непосильнымъ трудомъ, немедленно подалъ въ отставку, и для отдыха купилъ себѣ имѣніе въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи и, какъ говорили потомъ, служилъ тамъ по выборамъ дворянства.

Отъ объявленія высочайшаго манифеста до назначенія и вступленія въ должности мировыхъ посредниковъ прошло болѣе мѣсяца, и лишь съ вступленіемъ ихъ въ должности дѣло приняло правильный законный путь. При составленіи и введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ не было слышно жалобъ на пристрастіе мировыхъ посредниковъ въ пользу помѣщиковъ и въ обиду крестьянъ, скорѣе можно было слышать нареканіе какого-либо помѣщика, что мировой посредникъ не соблюлъ въ чемъ-либо его интереса. Изъ 7—8 мировыхъ посредниковъ Александрійскаго уѣзда былъ только одинъ такой, что помѣщики другихъ участ-

ковъ завидовали помѣщикамъ его участка, говорили, что въ его участкѣ въ должности сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ назначаются или по его указанію избираются крестьяне, служившіе прежде при дворахъ или въ экономическихъ должностяхъ, угодные помѣщикамъ, и что расправляется онъ съ ними по-домашнему, т. е. бьетъ ихъ нагайкой въ своемъ кабинетѣ, и что въ назиданіе нагайка всегда виситъ на видномъ мѣстѣ.

IV.

Отчисленіе отъ должности судебнаго слѣдователя.—Командированіе въ Бобринецкій земскій судъ.—Назначеніе помощникомъ уѣзднаго исправника, а затѣмъ Тираспольскимъ уѣзднымъ исправникомъ.—Избраніе меня въ мировые судьи и Тираспольскимъ городскимъ головою.—Служба предсѣдателемъ сиротскаго суда.

Обращаюсь къ продолженію повѣствованія о своемъ житьѣ-бытьѣ. Службой своей я былъ доволенъ, домашняя жизнь тоже устроилась хорошо и отъ начальства не имѣлъ повода ожидать какихъ-либо непріятностей, ибо зналъ, что считаютъ меня въ числѣ лучшихъ слѣдователей. Словомъ, казалось, что я утвердился на мѣстѣ совершенно прочно, какъ вдругъ нежданно-негаданно стряслась надо мною бѣда.

Года черезъ полтора послѣ того, какъ были опредѣлены судебные слѣдователи, послѣдовало распоряженіе министра юстиціи, чтобы слѣдователей, назначенныхъ прежнимъ порядкомъ, считать исправляющими должность и объ утвержденіи входить не ранѣе шести мѣсяцевъ послѣ этого распоряженія, и притомъ о тѣхъ только, которые службою въ этихъ должностяхъ докажутъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ.

Распоряженіе это нисколько меня не смутило, ибо хотя я и не имѣлъ образовательнаго ценза, но имѣлъ служебный такой, какой могъ замѣнять образовательный, и былъ увѣренъ, что буду представленъ къ утвержденію въ числѣ первыхъ. Такъ и случилось: первое представленіе послано было обо мнѣ.

Такъ какъ это былъ первый случай, то и не было еще извѣстно, что въ министерствѣ юстиціи принято за правило, практикуемое и донынѣ, оставлять судебныхъ слѣдователей исправляющими должность, чѣмъ устранялось нѣкоторое стѣсненіе въ распоряженіи ихъ личностью, ибо утвержденный слѣдователь могъ быть удаленъ отъ должности не иначе, какъ по суду.

Въ первыхъ числахъ февраля 1863 года я получилъ письмо отъ

губернскаго прокурора Николая Петровича Ренненкампфа, добрѣйшаго изъ людей, которымъ онъ извѣщалъ, что въ должности по неимѣнію мною образовательнаго ценза министръ юстиціи можетъ утвердить меня слѣдователемъ лишь тогда, когда губернаторъ дастъ особое обо мнѣ засвидѣтельствованіе.

Прошло нѣсколько дней, и я получилъ отъ него же, Николая Петровича, другое письмо, съ увѣдомленіемъ, что губернаторъ не только не далъ свидѣтельства, но сдѣлалъ еще хуже: онъ далъ предложеніе губернскому правленію, за неутвержденіемъ министромъ юстиціи въ должности судебнаго слѣдователя, зачислить меня кандидатомъ на полицейскія должности. Губернское правленіе исполнило это предложеніе, но Ренненкампфъ опредѣленіе губернскаго правленія, какъ незаконное, опротестовалъ и, препровождая мнѣ черновую рапорта, посланнаго имъ министру юстиціи, совѣтовалъ подать тоже жалобу.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ новый слѣдователь, назначенный уже на мое мѣсто. Можно себѣ представить, какую тяжкую обиду я долженъ былъ почувствовать въ столь произвольномъ распоряженіи моею личностью? Служилъ я въ судебномъ вѣдомствѣ честно, начальство, близко видящее мою службу, было довольно ею; назначенъ я на должность судебнаго слѣдователя даже не по собственному желанію, ибо прошенія не подавалъ, а по распоряженію правительства, и вдругъ, по распоряженію губернатора, лица почти посторонняго судебному вѣдомству, увольняюсь отъ должности, исключаюсь совсѣмъ изъ судебнаго вѣдомства и назначаюсь кандидатомъ на такую должность, въ которой служить не имѣлъ никакого желанія. Тѣмъ не менѣе, сдавъ должность и переселивъ жену на временное пребываніе къ роднымъ, я отправился въ Херсонъ, куда и пріѣхалъ въ послѣднихъ числахъ марта 1863 года.

Прежде всего явился я къ прокурору Ренненкампфу поблагодарить за его участіе. Посовѣтовавшись съ нимъ, мы пришли къ заключенію, что подавать жалобу мнѣ не приходится, ибо губернаторъ имѣетъ возможность сказать что нибудь въ оправданіе своихъ дѣйствій, хотя бы напримѣръ, то, что я полякъ, а какъ разъ въ то время вспыхнуло польское возстаніе. Во всякомъ случаѣ можно было ожидать со стороны правительства скорѣе поддержки губернатора, сила котораго во многихъ случаяхъ уже обнаружилась, нежели удовлетворительнаго разрѣшенія моей жалобы.

Когда я представился губернатору, то онъ сказалъ:

— Министръ васъ не утвердилъ, потому что вы не учились. Не далѣе шести недѣль будетъ введено новое преобразованіе полиціи, и вы будете назначены помощникомъ уѣзднаго исправника, а теперь я на-

значу васъ къ исправленію должности непремѣннаго засѣдателя Бобринецкаго земскаго суда.

Выслушавъ это я поклонился и вышелъ, ни слова не сказавши.

Изъ записокъ сенатора Соловьева о крестьянской реформѣ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» видно, что губернаторы снабжены были инструкціею въ отношеніи назначенія чиновниковъ на новые должности, въ особенности на должности исправниковъ. Предполагавшееся ко введенію новое преобразованіе полиціи было то самое, которое дѣйствуетъ въ настоящее время. Оно замѣняло прежніе земскіе суды и городскія полиціи. Нѣкоторые должности получили другое наименованіе, классы повышены, а жалованіе назначено по тому времени довольно порядочное, большее нежели получали члены нѣкоторыхъ губернскихъ учрежденій. Должность помощника исправника по классу равнялась должности судебнаго слѣдователя, а по содержанію превышала, ибо слѣдователь изъ назначенныхъ ему 1.000 рублей обязанъ былъ нести издержки на канцелярію, тогда какъ помощникъ исправника, изъ такой же суммы содержанія, никакихъ посторонніхъ издержекъ не несъ.

Обѣщаніе губернатора назначить меня на должность помощника исправника нисколько меня не порадовало, а назначеніе къ исправленію должности засѣдателя земскаго суда даже прибавило огорченія. Я вовсе не желалъ мѣнять благородную службу въ судебномъ вѣдомствѣ — гдѣ ничего болѣе не требуется, какъ добросовѣстное исполненіе обязанности, закономъ точно опредѣленной,—на службу полицейскую, заключающую въ себѣ много разнообразныхъ требованій, образъ исполненія которыхъ часто зависитъ отъ взгляда и отъ характера начальства.

Для чиновниковъ полиціи есть кромѣ того и еще большое неудобство, это многоначаліе. Кромѣ губернатора и главнаго начальника края, которые суть неоспоримые начальники, имѣютъ притязанія начальствовать и требуютъ себѣ уваженія и угожденія и правитель канцеляріи губернатора и его чиновники особыхъ порученій, командируемые въ уѣзды, совѣтники и даже секретари губернскаго правленія и другія лица, причастные къ губернской администраціи; каждый изъ нихъ по своей части можетъ причинить вредъ полицейскому чиновнику.

Назначеніе меня къ исправленію должности засѣдателя земскаго суда увеличивало огорченіе тѣмъ, что классъ этой должности ниже должности, прежде мною занимаемой, а это, при обозрѣніи формулярнаго списка о прохожденіи службы, имѣетъ невыгодное вліяніе.

Послѣ явки губернатору, я въ тотъ же день получилъ указъ о назначеніи на должность старшаго непремѣннаго засѣдателя Бобринецкаго земскаго суда, присланный мнѣ на квартиру, и въ тотъ же день пришелъ чиновникъ губернскаго правленія и потребовалъ возвращенія того указа. Оказалось, что прокуроръ опротестовалъ опредѣленіе губернскаго

правленія, такъ какъ засѣдатель Бобринецкаго земскаго суда, на мѣсто котораго я назначенъ, какъ служащій по выборамъ, не могъ быть уволенъ иначе какъ съ преданіемъ суду. Утромъ слѣдующаго дня прислали мнѣ другой указъ, которымъ я по словесному предложенію губернатора командировался въ Бобринецкій земскій судъ, «для искорененія безпорядковъ и введенія законности».

Въ Бобринцѣ потянулись мои скорбные дни, подобные тѣмъ, какіе когда то переживалъ въ Кіевѣ, не зная, что̀ дѣлать съ собой. По полиціи служить не желалъ, въ судебное вѣдомство возвратиться не имѣлъ возможности, а для другой дѣятельности считалъ себя неспособнымъ. Исполнить порученіе объ искорененіи безпорядковъ и введеніи законности, не имѣя никакой власти, не могъ. Дѣйствія свои ограничилъ тѣмъ, что прочитывалъ всѣ получаемыя бумаги и писалъ по нимъ резолюціи въ докладномъ реестрѣ и такимъ образомъ давалъ имъ законное направленіе; написалъ нѣсколько циркуляровъ о болѣе удовлетворительномъ устройствѣ сельской полиціи, объ обязанностяхъ ея по наблюденію за безопасностью жителей отъ воровъ, разбойниковъ и о строгомъ надзорѣ со стороны становыхъ приставовъ за исполненіемъ сельской полиціей ея обязанностей и проч. При этомъ по возможности препятствовалъ злоупотребленіямъ, сильно развившимся подъ предводительствомъ главныхъ въ этомъ дѣятелей—исправника и засѣдателя. Они, выбранные дворянствомъ для поправленія разстроившихся ихъ имущественныхъ обстоятельствъ, объ этомъ только и заботились, при чемъ, будучи совершенно несвѣдущими въ дѣлахъ, дѣйствовали до невѣроятности грубо, и притомъ дѣйствія свои не считали даже особенно предосудительными. Такъ, узнавши чрезъ явившихся къ нему ходатаевъ, что задержанные въ уѣздѣ воры пересылаются въ земскій судъ посредствомъ сельской стражи и будутъ препровождаемы по тракту чрезъ его имѣніе, и имѣя въ виду, что если будутъ доставлены въ земскій судъ то я не допущу уже распорядиться съ ними такъ, какъ бы желали, засѣдатель поѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, принялъ арестантовъ и дѣло,—первыхъ отпустилъ, а дѣло припряталъ. Точно такъ же поступилъ и исправникъ. Когда онъ узналъ, что ведутъ задержанныхъ воровъ, то распорядился, чтобы привели ихъ не въ земскій судъ, а къ нему, принялъ ихъ и отпустилъ, а дѣло припряталъ. Въ прежнее время, когда не было земскихъ почтъ и при становыхъ приставахъ разсыльныхъ, то пакеты отъ становыхъ приставовъ въ земскій судъ пересылались такимъ образомъ: на запечатанномъ пакетѣ выписывались селенія, чрезъ которыя пакетъ долженъ слѣдовать, и по этому маршруту сельскіе десятскіе переносили отъ села до села; если пакетъ былъ нужный, то къ сургучной печати припечатывалось перо, что означало «летѣть», но и при перелетѣ они бывали въ пути дней десять; если пересылались арестанты,

то дѣло или бумага, служащая основаніемъ задержанія и посылки ихъ, пересылалась вмѣстѣ съ ними. Объ означенныхъ случаяхъ выпуска арестантовъ и припрятанія дѣлъ исправникомъ и засѣдателемъ я узналъ отъ нихъ же самихъ. Они поссорились при дѣлежѣ, и засѣдатель заявилъ мнѣ о продѣлкѣ исправника, а исправникъ оправдываясь сказалъ, что то же самое сдѣлалъ прежде засѣдатель. Такъ какъ, при введеніи новаго полицейскаго преобразованія, они не могли оставаться на службѣ— слѣдовательно дни служебной ихъ дѣятельности были уже сочтены, то я ограничился тѣмъ лишь, что, объяснивъ имъ послѣдствія, какія могутъ быть, если дѣйствія ихъ формально будутъ обнаружены, потребовалъ представленія дѣлъ и задержанія освобожденныхъ арестантовъ, что̀ оказалось возможнымъ исполнить, такъ какъ арестанты были изъ мѣстныхъ жителей Бобринецкаго уѣзда. Характерно мнѣніе этихъ дѣятелей: они удивлялись, почему губернаторъ недоволенъ ихъ службой,— вѣдь жалобъ на нихъ нѣтъ,—такъ чего же онъ требуетъ?

Прошло не шесть обѣщанныхъ губернаторомъ, а уже десять недѣль, а о введеніи въ дѣйствіе новаго преобразованія полиціи – ни слуху, а между тѣмъ молва о разныхъ издѣвательствахъ, какимъ подвергались чиновники отъ губернатора, частыя ихъ смѣны, меня, испытавшаго уже произвольное его распоряженіе моею личностью, крайне смущали, и потому, рѣшившись совсѣмъ оставить службу, послалъ въ губернское правленіе прошеніе объ отставкѣ. На прошеніе это разрѣшенія не послѣдовало, а получены были два указа: 1) объ увольненіи по прошенію исправника и перемѣщеніи на его мѣсто исправника изъ Витебской губерніи, и 2) объ увольненіи по прошенію непремѣннаго засѣдателя и о назначеніи на его мѣсто меня. Это не могло меня порадовать, а напротивъ огорчило, и, посовѣтовавшись съ женою, мы рѣшили на томъ, что какъ бы ни было, а я долженъ бросить совсѣмъ казенную службу и искать средствъ къ жизни другимъ путемъ. Я послалъ вторично прошеніе губернатору, въ которомъ написалъ, что вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ здоровье мое совершенно разстроилось, и потому, не имѣя возможности продолжать службу—просилъ увольненія отъ оной. Но увольненія и на этотъ разъ не послѣдовало. Тогда я написалъ въ земскій судъ рапортъ о томъ, что по болѣзненному состоянію не могу болѣе служить, о чемъ донося прошу по полученіи указа объ увольненіи меня, согласно поданному прошенію, извѣстить по мѣсту нахожденія въ Александрійскомъ уѣздѣ. Исправникъ, которому подалъ этотъ рапортъ, принялся убѣждать меня, чтобы остался на службѣ, говоря, что губернаторъ дѣйствительно очень непріятенъ, но только для дурныхъ чиновниковъ, а для хорошихъ лучшаго начальника и быть не можетъ. Онъ приводилъ въ примѣръ себя, говоря что, служа подъ его начальствомъ въ Витебской губерніи, онъ охот-

*

но перешелъ и въ Херсонскую. Эти убѣжденія имѣли то дѣйствіе, что я остался на службѣ. Затѣмъ черезъ нѣсколько дней получены указы: о введеніи въ дѣйствіе новаго преобразованія полиціи съ 1-го сентября 1863 года, о назначеніи Родкевича Бобринецкимъ уѣзднымъ исправникомъ и меня его помощникомъ

Въ одну изъ поѣздокъ въ уѣздъ я простудился и заболѣлъ въ концѣ ноября, проболѣвъ весь декабрь. Въ декабрѣ же послѣдовало распоряженіе о назначеніи меня тираспольскимъ уѣзднымъ исправникомъ. Изъ г. Бобринца я выѣхалъ на новую должность въ началѣ января 1864 года.

Накопившихся дѣлъ въ полицейскомъ управленіи, у становыхъ приставовъ и поступившихъ отъ упраздненныхъ городскихъ полицій городовъ: Тирасполя, Григоріополя и Дубосаръ я нашелъ 24.000.

Всѣ неоконченныя дѣла собраны были въ полицейское правленіе, пересмотрѣны и изъ нихъ подлежащими производству оказались только 900 дѣлъ, а остальные, какъ незаконно начатыя и неправильно веденныя или вовсе не составляющія дѣлъ, а какую-то безнужную переписку, или подлежащія прекращенію за давностью—были прекращены по постановленіямъ полицейскаго правленія. До истеченія года всѣ старыя дѣла были окончены, а производство новыхъ приведено къ такому порядку, что каждое оканчивалось лишь чрезъ нѣсколько дней. На всѣ должности въ подвѣдомственномъ мнѣ управленіи, не исключая и моего помощника, назначались только тѣ лица, которыхъ я избиралъ; поэтому, я имѣлъ возможность окружить себя чиновниками честными и трудолюбивыми.

Всѣмъ служащимъ было внушено, что взяточничество есть величайшій порокъ, что оно было терпимо, когда назначенное содержаніе не давало средствъ къ жизни, но нынѣ, когда можно существовать содержаніемъ, назначеннымъ отъ правительства, взяточники не будутъ оставаться на службѣ и что обезпеченіемъ надежнымъ для будущаго можетъ быть только честная и хорошая служба, всегда поощряемая.

Губернаторомъ Клушинымъ я былъ отличаемъ отъ другихъ и пользовался его, можно сказать, необыкновеннымъ довѣріемъ. Онъ почти не вмѣшивался въ мои распоряженія и не дозволялъ другимъ вмѣшиваться. Мнѣ давали порученія, нерѣдко не имѣющія никакого отношенія къ моей обязанности, и притомъ такія, которыя показывали, что губернаторъ довѣряетъ мнѣ болѣе, нежели нѣкоторымъ высшимъ губернскимъ чиновникамъ

31-го декабря 1869 года я былъ уволенъ отъ должности уѣзднаго исправника, имѣлъ намѣреніе возвратиться на службу въ судебное вѣдомство и надѣялся быть выбраннымъ въ мировые судья.

Надежда меня не обманула: на чрезвычайномъ тираспольскомъ

уѣздномъ земскомъ собраніи, созванномъ для выбора мировыхъ судей, въ февралѣ 1869 года, я былъ выбранъ въ число пяти участковыхъ мировыхъ судей и, по утвержденіи сенатомъ, вступилъ въ отправленіе должности мироваго судьи 1-го участка 8-го марта того же года. Участокъ мнѣ назначенный заключалъ въ себѣ бо́льшую и при томъ торговую часть города Тирасполя и три волости.

Должность мироваго судьи, въ практическомъ ея примѣненіи, по мнѣнію моему, есть важнѣйшая изъ должностей судебнаго вѣдомства, ибо рѣдкій человѣкъ, въ обыденной своей жизни, не встрѣтитъ надобности обратился къ суду, и какъ ни маловажными для постороннихъ кажутся возбуждаемыя дѣла, но они весьма важны для лицъ заинтересованныхъ. Достигнувъ столь значительнаго положенія въ служебной іерархіи, какой я считаю должность мироваго судьи, я не желалъ ничего лучшаго, избираемъ былъ непрерывно — трехлѣтіе за трехлѣтіемъ, и вдругъ, по собственной своей волѣ или лучше сказать по своему неразумѣнію, прервалъ эту службу на цѣлыхъ пять лѣтъ. Въ 1876 году меня, безъ моего вѣдома и согласія, выбрали на должность тираспольскаго городскаго головы. Если бы я тогда же заявилъ о нежеланіи принять сію должность, то все было бы хорошо, и не подвергся бы тѣмъ непріятностямъ, какія пришлось переносить, но я того не сдѣлалъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) Вслѣдствіе неурожаевъ въ теченіе трехъ лѣтъ сряду поступленіе дѣлъ увеличилось съ 2.000 до 3.600 въ годъ, и я былъ до крайности утомленъ, ибо хотя прибавившіяся дѣла были маловажныя по суммамъ исковъ и отвѣтчиками не оспариваемыя, но все-таки они вызывали много разговоровъ, потому что касались земледѣльцевъ, задолжавшихъ собственникамъ и арендаторамъ имѣній, которыхъ надо было соглашать на снисхожденіе и разсрочку долговъ. При неуспѣхѣ добровольныхъ соглашеній приходилось дѣлать разсрочки самому, принимая въ соображеніе интересы обѣихъ сторонъ, дабы по возможности устранить продажу имуществъ, принадлежавшихъ землевладѣльцамъ, заключающихся главнымъ образомъ въ рабочемъ скотѣ, чѣмъ они могли бы быть обезсилены въ хозяйственномъ отношеніи и приведены къ крайнему разоренію. 2) То обстоятельство, что выборъ послѣдовалъ безъ вѣдома и какого-либо участія моего, возбуждало размышленіе: не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ предопредѣленіе судьбы, уклоняться отъ которой не слѣдуетъ, хотя я должность судьи предпочиталъ должности городскаго головы. 3) Пока я оставался въ нерѣшительности согласиться или отказаться отъ новой должности, предсѣдательствовавшій въ думѣ въ то время, когда меня выбрали городскимъ головой, желавшій самъ занять эту должность, принималъ чрезвычайныя мѣры, чтобы выборы были кассированы. Онъ не только писалъ губернскому по городскимъ дѣламъ присутствію о разныхъ нарушеніяхъ, имъ самимъ

будто бы допущенныхъ при выборахъ, которыя, однако же, признаны не существенными, но и послалъ отъ имени другого лица въ III отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, тогда еще существовавшее, лживый доносъ, что я перешелъ будто бы изъ католической религіи въ православную и потомъ возвратился опять въ католическую, чего, конечно, не было, ибо я какъ окрещенъ былъ послѣ рожденія въ католическую религію, такъ и до нынѣ остаюсь католикомъ и въ православіе никогда не переходилъ. Этотъ возмутительный фактъ поддалъ мнѣ рѣшимости согласиться на принятіе должности городскаго головы, и я послалъ объ этомъ заявленіе губернатору. На полученный отъ него запросъ, я подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ должности участковаго мироваго судьи. Въ управленіе городомъ я вступилъ 6-го ноября 1876 г., въ тотъ день, когда получена была телеграмма о мобилизаціи арміи, по случаю предстоявшей войны съ Турціею. А какъ Тирасполь находился въ раіонѣ, предположенномъ для сгруппированія войскъ, входившихъ въ составъ арміи, предназначавшейся для военныхъ дѣйствій, то оный началъ наполняться войсками разныхъ оружій, походными лазаретами, военновременными госпиталями и прочими военными учрежденіями. Нѣсколько разъ во время зимы пріѣзжалъ для смотровъ главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, два раза былъ государь императоръ Александръ Николаевичъ: одинъ разъ проѣздомъ и останавливался на вокзалѣ, для пріема представлявшихся военныхъ начальниковъ, а другой разъ—въ апрѣлѣ 1877 года. Переночевавъ въ городѣ, государь утромъ произвелъ смотръ войскамъ, которыя вслѣдъ затѣмъ двинулись въ походъ; а на другой день въ Кишиневѣ былъ объявленъ манифестъ о войнѣ. Послѣ выступленія дѣйствующей арміи, мѣсто ея заняли другія части, принадлежащія войскамъ, въ тылу дѣйствующей арміи находящимся. При такихъ обстоятельствахъ отъ меня потребовалась усиленная дѣятельность по исполненію разныхъ воинскихъ требованій.

Эта дѣятельность утомила меня, и въ 1878 году я отказался отъ должности городскаго головы. Въ февралѣ 1882 года открылась ваканція городскаго мироваго судьи въ тираспольскомъ мировомъ округѣ, я былъ выбранъ и вступилъ въ должность въ тотъ самый участокъ, въ которомъ былъ прежде. Въ этой должности, избираемый чрезъ каждые три года, прослужилъ уже все время до упраздненія ея, со введеніемъ въ Херсонской губерніи въ дѣйствіе съ 1-го сентября 1892 года новыхъ судебно-административныхъ учрежденій. Этимъ, однакоже, не прекратилась еще моя служба. Въ февралѣ того же года, я былъ выбранъ предсѣдателемъ сиротскаго суда, каковую обязанность исполняю до сего времени.

Я прослужилъ 51 годъ и во все это время Богъ оказалъ мнѣ ми-

лости, какихъ я ни откуда получить не могъ. Выйдя изъ бѣднаго состоянія и не получивъ никакого образованія, я сравнялся съ людьми, имѣвшими и то, и другое, и теперь при окончаніи жизни пользуюсь, могу сказать, всеобщимъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ живу, уваженіемъ, какого не всегда могутъ дать большіе чины или ордена, хотя они и есть внѣшніе знаки, вызывающіе на уваженіе. Не имѣя такого имущественнаго состоянія, которое обезпечивало бы будущность, я нерѣдко, бывало, останавливался на вопросѣ, что будетъ, когда я не въ силахъ буду трудиться, или по какой-либо случайности лишусь должности и не буду имѣть возможности получить другой? По Божьей ко мнѣ милости вопросъ этотъ разрѣшился тѣмъ, что почти случайно, за весьма малую сумму пріобрѣлъ такое имущество, которое теперь при старости достаточно обезпечиваетъ мое съ семействомъ содержаніе и устраняетъ надобность въ чьей-либо помощи. Нынѣ при постигшей тяжкой болѣзни съ которою долженъ буду закончить свое существованіе, мнѣ остается благодарить Всевышняго и просить его, чтобы не оставилъ своимъ покровительствомъ и при кончинѣ.

Ф. Лучинскій.

Письмо П. Плетнева—А. Г. Тройницкому.

22-го ноября 1838 г.

Милостивый Государь, Александръ Григорьевичъ!

№ 4-й «Современника», послѣдній на нынѣшній годъ, вышелъ изъ печати. Объявленіе о его содержаніи и вообще о продолженіи журнала въ будущемъ году я помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» въ «С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Русскомъ Инвалидѣ». Примите на себя трудъ приказать перепечатать это объявленіе въ вашемъ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Вы меня истинно тѣмъ одолжите. Не смѣю утруждать васъ просьбою прибавить тутъ нѣсколько словъ отъ себя; но если вы на то удосужитесь, то еще болѣе одолжите меня. Вамъ извѣстно, какъ еще мой журналъ новъ. Внутри Россіи почти не слыхали о немъ, а въ вашихъ краяхъ и подавно. Спекуляціи книгопродавцевъ и ихъ кліентовъ задавили совсѣмъ литераторовъ, которые дѣйствуютъ независимо.

Ни слова не говорю о продолженіи обмѣна изданій нашихъ: это само собою разумѣется, если позволите.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. П. Плетневъ.

Сообщилъ Г. А. Тройницкій.

Къ воспоминаніямъ объ А. А. Катенинѣ.

Въ январской книжкѣ «Русской Старины» настоящаго года помѣщены интересныя, проникнутыя правдой и добрымъ чувствомъ воспоминанія г. П. Юдина о бывшемъ генералъ-губернаторѣ Оренбургскаго края Александрѣ Андреевичѣ Катенинѣ. Свою статью г. Юдинъ заканчиваетъ словами: «память объ А. А. Катенинѣ въ Оренбургскомъ краѣ долго не угаснетъ, особенно въ сердцахъ уральскихъ казаковъ, которые многимъ обязаны ему и которые отъ офицера до послѣдняго казака и до сей поры съ благодарностію вспоминаютъ о немъ».

Эти строки, по отношенію къ уральцамъ, живо припомнили мнѣ прошлое изъ первыхъ лѣтъ моей службы и тѣ обстоятельства, которыя сопровождали послѣднюю поѣздку Александра Андреевича по Уральскому войску въ 1860 году. Находясь на службѣ въ Оренбургскомъ краѣ и состоя лично при генералъ-губернаторѣ, я сопутствовалъ ему въ означенной поѣздкѣ, за правителя канцеляріи. Насъ было тогда при немъ двое: начальникъ штаба, генералъ Данзасъ [1]) и я. Эта поѣздка, какъ извѣстно, повлекла за собою смерть дорогаго начальника края. Вернувшись изъ объѣзда, 23 іюня вечеромъ, Александръ Андреевичъ почувствовалъ себя нехорошо и на слѣдующій день, рано утромъ, его уже не стало... Такой скорой кончины, глядя на человѣка совершенно здороваго, никто, конечно, ожидать не могъ, но первыми предвѣстниками роковаго исхода, вѣроятно, были тѣ болѣзненныя ощущенія, на которыя А. А. жаловался еще въ пути. Такъ по возвращеніи изъ Гурьева въ Уральскъ, въ ночь на 21-е, А. А. почувствовалъ сильную боль въ лѣвой сторонѣ груди и особенно въ лѣвой рукѣ, которая мѣшала ему спать.

---

[1]) Впослѣдствіи предсѣдатель главнаго военнаго суда.

Меня разбудили, по желанію генерала, и я оставался при немъ до ранняго утра, читая вслухъ какую-то французскую книгу, которая какъ будто его развлекала, но и черныя мысли тревожили его, и хотя онъ не желалъ позвать доктора, говорилъ, что всѣ эти боли—пустяки, къ утру пройдутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ припоминалъ бывшіе въ родѣ Катенинныхъ случаи смерти отъ аневризма и говорилъ, что его отецъ также умеръ отъ разрыва сердца... Къ утру дѣйствительно боли стихли, и А. А. опять, какъ всегда, предсталъ передъ всѣми съ своимъ обычнымъ молодецкимъ видомъ.

А. А. Катенинъ былъ настолько обаятеленъ въ своемъ обращеніи, умѣлъ столь искренно привязывать къ себѣ, что каждый изъ бывшихъ его подчиненныхъ въ Оренбургѣ хранитъ, конечно, въ своемъ сердцѣ самое теплое къ нему чувство и благодарно чтитъ его память. Понятно поэтому, съ какимъ интересомъ я прочелъ упомянутыя воспоминанія, и такъ какъ это чтеніе совпало съ моимъ пребываніемъ въ деревнѣ, то и вызвало желаніе пополнить ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ находящихся у меня здѣсь же подъ рукой, моихъ личныхъ архивныхъ бумагъ.

Вскорѣ послѣ кончины А. А. Катенина мною была написана и помѣщена, подъ моими иниціалами М. Г., статья въ «Русскомъ Инвалидѣ» [1]) подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ по поводу поѣздки по Оренбургскому и Уральскому казачьимъ войскамъ». Вотъ что, между прочимъ, писалъ я тогда:

«Въ іюнѣ (1860 г.) я сопровождалъ недавно скончавшагося генералъ-губернатора Оренбургскаго края, генералъ-адъютанта Александра Андреевича Катенина, въ поѣздкѣ его по Оренбургскому и Уральскому казачьимъ войскамъ.

«До 1857 года, до назначенія въ Оренбургскій край генерала Катенина и до пріѣзда въ Уральскъ новаго атамана Столыпина [2]), въ Уральскомъ войскѣ находилось одно только учебное заведеніе — войсковое училище въ г. Уральскѣ, въ которомъ число учениковъ низошло до 60 человѣкъ, вмѣсто 120, обучавшихся въ немъ прежде. Прискорбно такое явленіе, но не утѣшительно было, по населенію войска въ 70.000 душъ обоего пола, и первоначальное число учениковъ; а чтобъ увеличить его и образовать женъ и матерей семействъ—нужно было бороться съ вѣковымъ застоемъ всего войска, съ самымъ грубымъ расколомъ, въ которомъ коснѣютъ отцы молодаго поколѣнія, съ предубѣжденіемъ ихъ противъ гражданской грамоты, наконецъ, и съ отчужденіемъ ихъ другъ отъ друга въ житейскомъ даже быту. Я разумѣю здѣсь, какъ и вездѣ послѣ, большинство — массу, а не исключенія, встрѣчаемыя въ ураль-

[1]) 18 октября 1860 г. № 224.

[2]) Нынѣ генералъ-адъютантъ, оберъ-камергеръ, завѣдующій придворною частію въ Москвѣ.

скомъ обществѣ и въ особенности въ уральской молодежи. Она чувствовала сильное желаніе учиться, но не находила ни сочувствія, ни удовлетворенія своему стремленію. Итакъ, вообще не легка была задача, предстоявшая новому начальству; но три года прошло—и дѣло образованія въ Уральскомъ войскѣ подвинулось значительно впередъ. Войсковое училище въ г. Уральскѣ преобразовано: при немъ открытъ спеціальный классъ для юнкеровъ и заведена школа въ родѣ приготовительнаго училища. Число воспитанниковъ въ заведеніяхъ возросло до 234, изъ коихъ 25 содержалось на войсковой счетъ. Въ Сакмарской станицѣ, Илекскомъ и Гурьевѣ городкахъ и на Чижинской дистанціи были образованы особыя отдѣленія войсковаго училища. Съ 6-го декабря 1859 года открыто въ Уральскѣ духовное училище. Сверхъ того, по форпостамъ Уральской линіи заведено до 80 школъ. Затѣмъ, кромѣ 30 вакансій, предоставленныхъ войску въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, 6-ти въ столичныхъ корпусахъ и 3-хъ въ Московскомъ коммерческомъ институтѣ, 5 мальчиковъ помѣщены въ 1-ю Казанскую гимназію и одинъ въ С.-Петерургскую, а одинъ офицеръ и студентъ семинаріи—оба изъ природныхъ казаковъ — отправлены въ Казанскій университетъ для слушанія лекцій. Наконецъ, многіе казаки городоваго полка обучались грамотѣ по нѣсколько измѣненной методѣ Золотова. Для обученія казачьихъ дочерей открыто было въ Уральскѣ дѣвичье училище и въ видѣ отдѣленій его были еще школы: двѣ въ Уральскѣ и по одной въ Илекскомъ и Гурьевѣ городкахъ, и кромѣ того, 6-ть дѣвицъ учились въ Оренбургскомъ Николаевскомъ институтѣ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ число учащихся доходило: мужскаго пола до 1.800 чел. и женскаго 130 чел., всего до 1.930 чел.

«Такимъ образомъ число учащихся увеличилось въ три года болѣе чѣмъ въ 30 разъ. Сверхъ того, по просьбѣ казаковъ, живущихъ въ Уральскѣ и не желавшихъ отдать своихъ дѣтей ни въ войсковое училище, ни въ состоящую при немъ школу, разрѣшено было имъ открыть 4 частныя школы, въ которыхъ число учениковъ доходило до 140.

«Въ нѣсколькихъ десяткахъ этихъ школъ я присутствовалъ при экзаменахъ, которые дѣлалъ генералъ Катенинъ. Во многихъ мѣстахъ, по тѣснотѣ школьныхъ помѣщеній, экзамены происходили, несмотря на палящій жаръ, или на дворѣ передъ школой, или на площади, и тогда родители учениковъ и всѣ жители, окружая воспитанниковъ, имѣли возможность прислушиваться къ ихъ отвѣтамъ, и ужъ не духъ сопротивленія виднѣлся въ ихъ глазахъ и проявлялся въ ихъ движеніяхъ, а какое-то изумленіе и даже чувство радости. Не на одномъ лицѣ дряхлаго старика или старухи-казачки, доживающихъ, повидимому, вѣкъ среди самыхъ грубыхъ понятій и предразсудковъ, видѣлъ я выраженіе удовольствія при словахъ хвалы и одобренія, которыми привѣтство-

валъ Катенинъ ихъ сыновей или внуковъ. Чувство родительское брало тутъ верхъ надъ всякимъ другимъ. Катенинъ же—надо сказать—умѣлъ и похвалить, и приласкать дѣтей и умѣлъ возбудить сочувствіе въ слушавшей средѣ. И не одинъ казакъ разсказывалъ ему, какъ бралъ изъ школы сына на ярмарку въ Уральскъ, и какъ онъ былъ ему полезенъ знаніемъ счетоводства и письма. Вотъ и послѣдствія того принужденія при помѣщеніи дѣтей въ школы, къ которому прибѣгало мѣстное начальство въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Мнѣ еще живо помнится, какъ въ одномъ форпостѣ приходилъ къ Катенину одинъ старикъ-раскольникъ съ жалобой на помѣщеніе сына его въ школу. Генералъ хотѣлъ было сначала убѣдить старика, но когда всѣ старанія оказались напрасными, онъ приказалъ уволить мальчика изъ школы, и старикъ, конечно, обрадовался, но что было при этомъ особенно трогательно—это слезы его сына, не желавшаго оставлять ученья.

«Экзаменные отвѣты воспитанниковъ войсковаго училища изъ всѣхъ почти означенныхъ предметовъ были очень удовлетворительны; нѣкоторые же юноши отвѣчали такъ хорошо и такъ сознательно, что нельзя было не отдать справедливости ихъ учителямъ, молодымъ офицерамъ, большею частію воспитанникамъ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса, добровольно взявшимся за нелегкую обязанность преподавателей. Та же, если еще не бо́льшая, дань удивленія способностямъ и сдѣланному успѣху слѣдуетъ, по всей справедливости, и воспитанницамъ Уральскаго дѣвичьяго училища.

«Экзамены въ обоихъ этихъ заведеніяхъ заключились общимъ для нихъ актомъ, бывшимъ 12-го іюня вечеромъ. Актъ открылся рѣчью смотрителя войсковаго училища, войсковаго старшины Курилина и кончился танцами, въ которыхъ приняли участіе вмѣстѣ съ выпускными учениками и ученицами, и многія дамы-уралки въ своихъ національныхъ костюмахъ. Какъ хороша была рѣчь Курилина, такъ-же веселъ и разнообразенъ былъ конецъ акта. Въ рѣчи своей Курилинъ прослѣдилъ подробно дѣятельность начальства по образованію училищъ, коснулся прекрасно своихъ народныхъ предразсудковъ, тѣхъ препятствій, которыя представлялись въ настоящемъ дѣлѣ, а также и тѣхъ пожертвованій, которыя были необходимы; потомъ высказалъ онъ и разные виды и надежды свои на будущее и, наконецъ, обращаясь къ генералу Катенину, закончилъ словами, врѣзавшимися въ моей памяти: «не намъ, казакамъ, но дѣтямъ нашимъ оцѣнить все то, что теперь сдѣлано у насъ на пользу народнаго образованія»... Всеобщіе крики «да здравствуетъ главный начальникъ края», да нескончаемые возгласы «ура!» были отвѣтомъ на вызовъ Курилина.

«Не панегирикъ пишу я здѣсь и не некрологъ покойнаго генерала; но радъ и счастливъ—скажу откровенно—что могу, при настоящемъ

случаѣ, привести хотя одно изъ данныхъ въ доказательство его заботливой дѣятельности на пользу Оренбургскаго края вообще. Есть начальники, которые не умираютъ въ памяти подчиненныхъ и народа... Такъ особенно славна и свѣжа у насъ доселѣ, спустя почти 50 лѣтъ, память о графѣ Сухтеленѣ. Рядомъ съ нимъ, въ оградѣ Петропавловской церкви, похоронили мы и Катенина, подобно же ему, всего три года управлявшаго краемъ. И Катенинъ, также какъ и Сухтеленъ и Перовскій, пріобрѣлъ у насъ навсегда неотъемлемое право на добрую и дорогую о себѣ память.

«Говоря объ актѣ, я не сказалъ еще ни слова о присылкѣ, въ продолженіе его, къ атаману отъ живущаго въ Уральскѣ больнаго казака есаула Тамбовцева денегъ на учрежденіе въ Петербургскомъ университетѣ стипендіи для уральскихъ казаковъ. Пожертвованіе г. Тамбовцева такъ убѣдительно говоритъ за себя, что, не распространяясь болѣе о немъ, мнѣ остается только выразить желаніе, чтобы оно нашло себѣ отголосокъ въ простомъ населеніи Уральска».

Здѣсь говорилось только объ одной изъ самыхъ малыхъ частей управленія краемъ и упоминалось лишь, сообразно размѣру статьи, о томъ, что могло представить и большій, и болѣе общій интересъ; а сколько нашлось бы для этого данныхъ и во всѣхъ другихъ частяхъ управленія и тѣмъ болѣе, чѣмъ они обширнѣе и разнообразнѣе.

М. Галкинъ-Враской.

Рескриптъ императора Александра I—Д. А Гурьеву.

9-го апрѣля 1811 г.

Дмитрій Александровичъ! Въ указѣ, данномъ на имя министра просвѣщенія, въ 14 день января сего года, между прочимъ постановлено, чтобъ дѣйствительно служащіе въ россійскихъ учебныхъ заведеніяхъ и получившіе классы, по учебному порядку имъ предназначенные, равно и старшіе учители гимназій производимы были въ чины до статскихъ совѣтниковъ, доколѣ они остаются въ учебной службѣ, по заслугамъ, неподлежа испытанію, въ указѣ 6-го августа 1809 года для гражданскихъ чиновниковъ предписанному.

Какъ Горный кадетскій корпусъ, по важности и обширности преподаваемыхъ въ ономъ наукъ и знаній, есть одно изъ первѣйшихъ учебныхъ заведеній въ государствѣ и по утвержденному, въ 13 день іюля 1806 года, докладу бывшаго министра финансовъ сравненъ съ университетомъ,—то для пріисканія и содержанія лучшихъ учителей, признаю нужнымъ распространить помянутый указъ 14-го января сего года и на учителей Горнаго кадетскаго корпуса

Бытовыя черты изъ жизни чиновника конца прошлаго столѣтія.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ крестецкомъ казначействѣ, Новгородской губ., была обнаружена растрата «не малыхъ» казенныхъ суммъ. Въ преступленіи этомъ обвинялись казначеи—уѣздный, поручикъ Укрейнеровъ и губернскій, колежскій ассессоръ Аккерманъ.

Оба они были отданы подъ судъ и дѣло представлено на заключеніе Сената. Въ этотъ промежутокъ времени, а именно 5-го мая 1790 года, Аккерманъ умеръ, и казенная палата распорядилась сдѣлать опись движимому и недвижимому имуществу покойнаго, дабы въ будущемъ, по рѣшенію Сената, продать описанное имущество и вырученными деньгами пополнить растрату.

Имущество состояло изъ 292-хъ предметовъ и было оцѣнено въ 259 р. 32½ коп. ассигнаціями.

Судя по составленной описи, Аккерманъ жилъ въ собственномъ деревянномъ домѣ, при которомъ на дворѣ стоялъ сарай, а сзади былъ садъ съ яблонями и вишнями. Этажей въ домѣ было два: нижній, теплый, называемый подъизбицею; верхній, свѣтлый съ пятью окнами по фасаду и двумя въ садъ и на дворъ. Внутреннее помѣщеніе дѣлилось на три «покоя»: залу, столовую, и спальню; кухни же, судя по отсутствію въ описи кухонныхъ принадлежностей, не было. Въ спальной висѣло платье и находилось ложе, состоящее изъ трехъ подушекъ и двухъ пуховиковъ. Кровати и одѣяла въ описи не было, поэтому, надо полагать, что Аккерманъ ложился на одинъ изъ пуховиковъ на полу, и другимъ покрывался. Казначей не обременялъ себя служебными занятіями, такъ какъ у него не оказалось ни подходящей для работы комнаты, ни канцелярскихъ принадлежностей. Столовъ было шесть, но изъ нихъ пять простыхъ, служившихъ для обихода и шестой ломберный съ зеленымъ сукномъ. Въ столовой кромѣ мебели стоялъ комодъ и посудный со стеклами шкафъ, окрашенный въ бѣлую краску; на стѣнахъ висѣло семь небольшихъ за стеклами картинъ и собственный портретъ хозяина, писанный масляными красками.

Въ залѣ обстановка состояла изъ мягкихъ стульевъ, простыхъ столовъ, на которыхъ стояло пять шандаловъ красной мѣди. На стѣнахъ висѣли два зеркала въ рамахъ краснаго дерева, 13 небольшихъ картинъ, изображавшихъ виды замѣчательныхъ мѣстъ и нѣсколько портретовъ военныхъ героевъ. Гардеробъ Аккермана былъ разнообразный и богатый для тогдашняго времени.

Въ служебный день, когда Аккерманъ вставалъ съ постели, то облекался въ тафтяную или китайчатую фуфайку и надѣвалъ канифа-

совые красные штаны, а на голову колпакъ, вязаный изъ бумаги. По утрамъ онъ пилъ кофе не прежде, какъ надѣвъ байковый фракъ алаго цвѣта. Этотъ фракъ часто мѣнялся съ другимъ, тоже байковымъ, но краснаго цвѣта и притомъ съ камзоломъ. Послѣ кофе казначей лѣтомъ прогуливался въ своемъ саду, а зимой сидѣлъ дома и занимался какими нибудь пустяками. Предъ тѣмъ какъ идти въ казенную палату утренній костюмъ Аккерманъ мѣнялъ на служебный. Послѣдній состоялъ изъ зеленаго суконнаго фрака съ чернымъ воротникомъ и плисовыхъ брюкъ съ камзоломъ, отороченнымъ позументомъ; лѣтомъ надѣвались штаны съ камзоломъ изъ зеленой саржи. На ноги натягивались длинные нитяные чулки разныхъ цвѣтовъ, а иногда синіе шелковые; зимою же надѣвались шерстяные или валеные. Обувь составляли исключительно башмаки съ серебряными пряжками. Изъ рукавовъ фрака торчали батистовыя манжеты, а изъ-подъ камзола полотняная сорочка, которая у шеи наглухо прикрывалась пышнымъ галстухомъ.

Окончивъ свой туалетъ, Аккерманъ бралъ маленькій костяной ящикъ малиноваго цвѣта, называемый «комодикомъ», и заимствовалъ оттуда нѣсколько щепотокъ табаку, перекладывая его въ фарфоровую табакерку. Засунувъ въ карманъ подъ фалдами красный носовой платокъ и аккуратно надѣвъ лакированную шляпу, казначей отправлялся на службу: въ теплую и ясную погоду безъ верхняго платья, а въ дурную накидывалъ плащъ синяго сукна. Для выхода въ гости или во время праздниковъ у казначея имѣлось нарядное платье, онъ облекался въ красный плисовый фракъ, «крупной полосы» и надѣвалъ штаны съ камзоломъ палевой «масти», причемъ на ноги натягивалъ шелковые «шкворцовые» чулки, т. е. черные съ бѣлыми крапинами. У Аккермана былъ еще костюмъ—кафтанъ, камзолъ и штаны «облачковаго» цвѣта; въ немъ, надо полагать, казначей или принималъ дома гостей запросто, или отправлялся на прогулку.

Представлялся начальству и дѣлалъ по высокоторжественнымъ днямъ визиты Аккерманъ въ мундирѣ голубаго сукна съ прицѣпленною сбоку шпагою. При мундирѣ надѣвалось обязательно все бѣлое — штаны, камзолъ, чулки, галстухъ. Парадный нарядъ дополняли: черная пуховая шляпа съ бѣлымъ бантомъ, шелковый носовой платокъ, батистовая манишка и дорогая по тогдашнему времени агатовая табакерка, въ томпаковой оправѣ. Зимою казначей щеголялъ въ волчьей шубѣ съ бобровымъ воротникомъ, покрытой синимъ плисомъ, голова покрывалась высокой шапкой, также изъ бобра, а руки прятались въ муфту.

Сообщилъ **А. Слезскинскій.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ

...ютъ тѣмъ, что при рубкѣ деревъ не ...щается вниманія ни на время года, ни ...возрастъ сваливаемыхъ деревъ.

...Проводя параллель между отечественными ...ійскими) судами и судами русскаго ...та,—неизвѣстный авторъ, между прочимъ, ...чаетъ: «если какія-нибудь суда въ мірѣ ...утъ нанести намъ вредъ, то особенно ...ятъ въ такихъ условіяхъ россійскія, вы...оенныя въ Петербургѣ, которыя, безъ ...нѣнія, разъ ихъ снабдятъ достаточными ...андами, обладаютъ отличными качества..., какъ парусныя суда, и несравнен... лучше нашихъ снабжены мачтами, ...русами, якорями, кабелями и прочею сна...ю,—все настоящія россійскія ...оизведенія, изъ коихъ выбирается ... самое отборное для императорскаго ...ота».

Однимъ словомъ, переведенная графомъ ...тятинымъ книга, по разнообразію заклю...ющихся въ ней свѣдѣній, должна занять ...послѣднее мѣсто въ нашей морской ли...ратурѣ.

Н. К-ш-ъ.

Записки Пріамурскаго отдѣла импера...орскаго русскаго географическаго обще...ва. Т. I вып. III. Основныя черты оро...ологическаго строенія хребта Сихота-...лина. Д. В. Иванова Г. Хабаровскъ ...897 г.

Статья Д. В. Иванова, подъ вышеприве...еннымъ заглавіемъ, представляетъ извле...еніе изъ отчета горному департаменту о ...еологическихъ изслѣдованіяхъ въ Амурской ... Приморской областяхъ въ 1894—95 гг. ...на составлена изъ двухъ докладовъ, про...станныхъ авторомъ зимою 1895—96 года ...ъ Пріамурскомъ отдѣлѣ названнаго геогра...ическаго общества, и распадается на двѣ ...асти.

Первая часть заключаетъ въ себѣ общее ...еографическое описаніе сѣвернаго и южнаго ...аршрутовъ чрезъ хребетъ Сихота-Алинъ. ...оворя словами автора, здѣсь обрисованы ...олько основныя черты современ...ой поверхности за-уссурійскаго края, безъ ...писанія процессовъ, обусловившихъ наблю...аемый нынѣ рельефъ этой мѣстности. Коро...е сказать, авторъ касался только общаго ...распредѣленія географическихъ элементовъ ...ъ пространствѣ.

Во второй части г. Ивановъ поставилъ се...бѣ задачею выяснить причинную связь ...между географическими элементами не толь...ко въ пространствѣ, но и во времени; ихъ ...енезисъ и измѣненія, вслѣдствіе общей ...міровой эволюціи, которыя они пережили ...въ своемъ геологическомъ прошломъ. Та...кимъ образомъ онъ подробно знакомитъ читателя съ особенностями рельефа края, съ горными породами, участвующими въ строеніи этой мѣстности, и, на основаніи изученнаго матеріала, рисуетъ общую картину геологическихъ эпохъ этого края и какъ бы реставрируетъ его прошлое.

Статья написана прекраснымъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Н. К-ш-ъ.

Іерархи Новгородской епархіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Краткіе біографическіе очерки. Составилъ архиваріусъ архива и библіотеки святѣйшаго синода К. Я. Здравомысловъ. Новгородъ. 1897 г.

Въ своей книгѣ г. Здравомысловъ помѣстилъ краткіе біографическіе очерки іерарховъ Новгородской епархіи, первоначально печатавшіеся въ «Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1896—97 годы.

Новгородская епархія, одна изъ старѣйшихъ епископскихъ каѳедръ, за 900 лѣтъ своего существованія, до отдѣленія, въ 1893 году, отъ С.-Петербургской метрополіи, насчитываетъ до 62 владыкъ, изъ которыхъ 22 управляли епархіею въ санѣ митрополита, а трое изъ нихъ были патріархами. Кромѣ того, за 300 лѣтъ существованія викаріатства, въ епархіи этой было 52 епископа. Изъ всего числа новогородскихъ архипастырей до 20 человѣкъ, — какъ говоритъ авторъ въ предисловіи,—«за свой благочестивый образъ жизни причислены къ лику святыхъ угодниковъ Божіихъ».

Весь біографическій матеріалъ авторъ распредѣлилъ на нѣсколько группъ, дающихъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходили въ Новгородской епархіи въ различные періоды ея существованія. Вотъ эти группы: А. Епископы новгородскіе. Б. Архіепископы новгородскіе и псковскіе. В. Митрополиты новгородскіе, великолуцкіе и всего Поморья. Г. Архіепископы великоновгородскіе и великолуцкіе. Д. Митрополиты новгородскіе и великолуцкіе. Е. Митрополиты новгородскіе и с.-петербургскіе. Ж. архіепископы новгородскіе и старорусскіе.

Наиболѣе подробно г. Здравомысловъ останавливается на біографіи умершаго въ 1892 г. митрополита Исидора II (въ мірѣ Яковъ Сергѣевичъ Никольскій) и на біографіи нынѣ правящаго Новгородскою епархіею епископа Ѳеогноста (въ мірѣ Георгій Ивановичъ Лебедевъ). Въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный списокъ новгородскихъ владыкъ и ихъ викаріевъ, съ указаніемъ времени пребыванія ихъ въ Новгородѣ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп. д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коза), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1896 по **9** рублей.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. НОЯБРЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. На зарѣ крестьянской свободы. (Матеріалы для характерист. общ.) Гл. II. К. 225—250

II. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII вѣка. Гл. V. В. В. . . . . 251—271

III. А. В. Головнинъ и его отношенія къ А. И. Герцену. В. А. Цеэ . . . . . 273—277

IV. Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ. II. 279—305

V. Академикъ К. И. Рабусъ. Сообщ. Н. К. Смирницкая . . . . . 307—321

VI. Типы и картинки прошлаго. В. А. Шемшулина. . 323—330

VII. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1818 г. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ. . . . . 331—353

VIII. М. Н. Катковъ, какъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» и возобновитель «Русскаго Вѣстника». (Письма его къ Никитенко). Сообщ. С. А. Никитенко. . . . . 355—373

IX. Къ исторіи царствованія императора Николая I. . 375—392

X. Андрей Андреевичъ Жерве (Оконч.). П. М. Майкова . . . . . 393—403

XI. Воспоминанія сенатора барона Карла Гейзинга. Ч. II. А. А. Гирса. . . . 405—424

XII. Записки В. А. Инсарскаго. Ч. III. Гл. VII—VIII. . . . 425—445

XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Оливковая вѣтвь Франціи на гробницѣ императора Александра III. Сообщ. Г. А. Тройницкій (стр. 272) — Два распоряженія при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II. Сообщ. А. З. Мышлаевскій. (278). — Сатира на три похвальныхъ слова Екатеринѣ II, сочиненныя Карамзинымъ, Захаровымъ и Храповицкимъ Сообщ. Л. С. М—чъ. (306). — Два предложенія князя А. Н. Голицына Свят. Прав. Синоду: отъ 9 и 14 февр. 1807 г. (322). — Надпись неизвѣстнаго, къ гробамъ императора Петра III и императрицы Екатерины II. (354). — Воспоминанія о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. А. И. Савельева. (374). — Указъ объ отставкѣ 1762 года. Сообщ. К. А. Военскій. (404). — Письмо А. Стурдзы — А. Г. Тройницкому отъ 27 марта 1844 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій. (446).

XIV. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъют. Л. В. Евдокимова. . 209—224

XV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Карла Ивановича Рабуса. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1897.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1897 г.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть третья. Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія, Польша и Португалія. — «Сокращенное извѣстіе о взаимныхъ между россійскими монархами и европейскими державами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ московскомъ архивѣ съ 1481—1798 годъ. Часть III. Собранное и поалфавиту государствъ расположенное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ. 1804 г.» Москва. 1897 г.

Въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ,—какъ говорится въ предисловіи къ этой книгѣ,—настоящей 3-й части работы Бантыша-Каменскаго имѣются два экземпляра: одинъ бѣловой, другой—черновой, съ котораго списанъ первый экземпляръ. Оба эти экземпляра поступили въ архивъ послѣ смерти автора.

Въ этой третьей части нѣтъ никакихъ поправокъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, подобныхъ тѣмъ, которыя имѣются на экземплярѣ первой части и которыя свидѣтельствуютъ, что и послѣ окончанія этого труда авторъ продолжалъ собирать данныя для его исправленій и дополненій.

Обзоръ этотъ представляетъ собою изложеніе содержанія тѣхъ документовъ по сношеніямъ Россіи съ той или другой страной, которые хранились въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ концѣ XVIII. Документами второй половины XVIII вѣка авторъ «Сокращеннаго извѣстія» не могъ воспользоваться при составленіи этого труда, такъ какъ они были присланы въ архивъ уже по смерти его. Вслѣдствіе этого въ разсматриваемомъ нами обзорѣ, за этотъ періодъ времени, содержатся недостаточно полныя свѣдѣнія, заимствованныя авторомъ изъ другихъ источниковъ; что же касается документовъ за первую половину XVIII вѣка, то они авторомъ въ достаточной мѣрѣ исчерпаны, и поэтому трудъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, до изданія описанія архивныхъ дѣлъ, можетъ служить хорошимъ пособіемъ и руководствомъ для желающихъ ознакомиться съ характеромъ и содержаніемъ архивныхъ документовъ по сношеніямъ Россіи съ Курляндіей, Лифляндіей, Эстляндіей, Польшей и Португаліей.

Печаталась эта третья часть работы Н. Н. Бантыша-Каменскаго подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ состоящей при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, С. А. Бѣлокурова, которымъ присоединены [illegible] личныя дополнительныя свѣдѣнія, главн[illegible] образомъ за вторую половину XVIII [illegible] лѣтія, отсутствующія въ текстѣ Бантыша-Каменскаго, при чемъ «преимущественно» имѣлось въ виду,—какъ заявлено въ предисловіи, — перечислить опущенныхъ Бантышемъ-Каменскимъ лицъ, какъ посылавшихся съ какимъ-либо спеціальнымъ порученіемъ, такъ и находившихся постоянно при тотъ или другомъ дворѣ».

Н. К—ъ.

Шпіонство при Наполеонѣ I. Карлъ Шульмейстеръ (Charles Schulmeister). [illegible] ревелъ съ французскаго генеральнаго штаба полковникъ В. Клембовскій. [illegible] портретомъ и 2-мя картами. Цѣна [illegible] Спб. 1897.

Карлъ (Шарль-Луи) Шульмейстеръ, [illegible] менитый шпіонъ Наполеона I,—этотъ «[illegible] геній Макка», какъ называютъ его [illegible] нѣмецкіе писатели,—пріобрѣлъ, по свидѣтельству современныхъ ему біографовъ-историковъ, большую извѣстность съ 1[illegible] и игралъ немаловажную роль въ [illegible] третьей коалиціи. Онъ родился 5-го августа 1770 года и получилъ очень хорошее для тѣмъ временамъ воспитаніе и образованіе, что доказываютъ рапорты, составленные [illegible] впослѣдствіи, при исполненіи военныхъ [illegible] рученій.

Въ книгѣ, переведенной г. Клембовскимъ, имя котораго небезъизвѣстно въ военной литературѣ, *)—подробно разбирается [illegible] тельность Шульмейстера за періодъ [illegible] мени съ 1805 по 1809 годъ.

Сказавъ во вступленіи о шпіонствѣ вообще и о значеніи его какъ въ мирное, так и въ военное время, — авторъ въ [illegible] главахъ своего труда сообщаетъ о дѣятельности Шульмейстера много интересныхъ свѣдѣній и приводитъ его рапорты къ [illegible] нералу Савари, адъютанту Наполеона, къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Въ мирное время шпіонство, по словамъ автора, можетъ имѣть только двѣ цѣли: или [illegible] ченіе подробностей о постройкѣ фортовъ, для чего нуженъ спеціалистъ, или предвареніе мобилизаціоннаго плана; послѣднее [illegible] можно только при условіи подкупа чи[illegible]

*) Въ 1892 году г. Клембовскій издалъ [illegible] стилъ въ свѣтъ весьма интересное изслѣдованіе относительно пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній о противникѣ, его силахъ, средствахъ и планахъ, путемъ шпіонства, подъ заглавіемъ «Тайныя развѣдки (военное шпіонство)», а въ 1894 г.—«Партизанскія дѣйствія».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1898 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1898 году въ двадцать девятый годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, небывшія подписчиками въ 1895 и 1897 гг., если пожелаютъ учить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ дакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи **«Русской Старины»** изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ **«Русской Старины» 1 руб.**, а для всѣхъ остальныхъ **1 руб. 50 коп.**

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала **«Русская Старина»**: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что **Указатель** напечатанъ въ *ограниченномъ* числѣ экземпляровъ.

АКАДЕМИКЪ

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ РАБУСЪ.

На зарѣ крестьянской свободы.

(Матеріалы для характеристики общества).

(1857—1861 гг.).

II [1]).

Неопредѣленность настроенія общества.—Недовольство настоящимъ и боязнь за будущее.—Письмо Некрасова къ Тургеневу.—Опасеніе консерваторовъ.—Намѣреніе основать консервативный журналъ.—Переписка между В. Павловымъ и М. Е. Салтыковымъ о взяткахъ.—Указаніе на состоятельность крѣпостныхъ.—Выпускъ на волю съ землею въ многоземельныхъ губерніяхъ.—Причина этому въ Новороссіи.—Мнѣнія желающихъ реформы и ихъ совѣты.—Постановка мысли объ освобожденіи крестьянъ въ Литовскихъ губерніяхъ.—Причина иниціативы въ этомъ дѣлѣ Литовскихъ дворянъ.—Оппозиція предводителя дворянства виленскимъ дворянамъ.—Примѣры поведенія помѣщиковъ.—Крестьянскія неповиновенія и бунты того времени.

Слѣдить за ходомъ развитія общественной мысли и настроенія въ этотъ первый періодъ разработки крестьянскаго вопроса представляется затруднительнымъ потому именно, что для желавшихъ крестьянской реформы не было возможности высказаться и средствъ обмѣниваться мыслями, для не желавшихъ, т. е. крѣпостниковъ, это нововведеніе казалось просто невозможнымъ или рисовалось какимъ-то пугаломъ въ красной мантіи, съ мечемъ для душегубства помѣщиковъ и съ факеломъ для уничтоженія ихъ усадебъ и достатковъ. Надежды и опасенія смѣнялись одни другими и мысль по-неволѣ блуждала изъ стороны въ сторону, тщетно отыскивая средства къ достиженію истины. Одни указывали на необходимость перевоспитанія общества и народа, другіе—на потребность ломки всего государственнаго строя, третьи искали общаго и

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1897 г.

частнаго блага въ охраненіи существующаго порядка. Въ итогѣ оказывалось всеобщее недовольство существующимъ и полное незнаніе того, въ чемъ заключается лучшее будущее и какъ достигнуть его.

«Душно, душно здѣсь въ Петербургѣ послѣ Парижа, пишетъ П—ревъ къ художнику Боголюбову въ Парижъ. Нѣтъ простора ни уму, ни чувствамъ, ни даже языку. Невскій проспектъ—просто кладбище, на которомъ вы встрѣчаете только похоронныя лица. Ужъ я не говорю о другихъ улицахъ.

«Взятки берутся по прежнему, объ увольненіи крестьянъ нѣтъ и помину, а откупа съ усовершенствованною системою грабительства довели, при помощи Б—ка, стоимость вина до 12 рублей за ведро. Теперь хотятъ отдать на откупъ табакъ. Если добавить къ этому удвоившуюся дороговизну жизни, то вотъ всѣ данныя для безпорядковъ. Реформы идутъ слабо, боязливо, ограничиваясь гибельными полумѣрами, а главное нѣтъ никакого стремленія къ уваженію законовъ и гласности. Говорятъ о гласности судопроизводства, но это пуфъ».

Точно въ такомъ же родѣ и приводимое ниже письмо къ И—ну. Въ немъ также осуждается все настоящее и не указывается даже намеками на средства къ его улучшенію.

«Для каждаго общества, пишетъ авторъ, есть пора хаотическаго состоянія, въ которомъ и мы теперь находимся. Крѣпкій тормазъ лопнулъ, повозка понеслась съ горы.—Кто можетъ поручиться за ея направленіе? Одинъ камень, попавшій подъ колесо, можетъ измѣнить это направленіе. Для насъ наступила переходная эпоха. Пробужденныя мысли роятся, духъ возвышается на степень сознанія, но увы, для нихъ нѣтъ выхода! Благая цѣль и благія стремленія подернуты туманомъ минувшаго. Старики присматриваются недовѣрчиво къ новому направленію общественнаго мнѣнія; имъ не вѣрится, чтобы настоящее могло быть иначе, а не такъ, какъ прошедшее, съ которомъ они сроднились, какъ вѣчный невольникъ съ своими цѣпями. Молодежь увлекается, не замѣчая того, что надъ ними раскинуто то же прежнее небо, и что только нѣкоторыя тучи унеслись съ небосклона.— Онѣ могутъ и снова явиться. Крикуны ораторствуютъ, не указывая на средства къ достиженію лучшаго и на орудія къ искорененію худшаго. А подъ этотъ всеобщій шумъ надеждъ и ожиданій, воры по прежнему ощипываютъ казну, какъ курицу, по прежнему ночныя дульцинеи ворочаютъ министрами. Прежде человѣкъ зарабатывалъ себѣ будущность на плацпарадѣ, теперь будутъ работать тѣ же ноги на паркетѣ. Система безчинія, какъ ее называлъ покойный в. к. Михаилъ, принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Бездарныя дѣтки богачей занимаютъ высшія мѣста, несмотря на то, что на ихъ головѣ и кола нельзя обтесать...»

При такомъ положеніи, во многихъ письмахъ того времени сказывается сердечная боль за родину и боязнь за ея будущее, причемъ корнемъ существующаго зла становится все-таки крѣпостное право. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе письмо К. П. П. къ А. М. Тургеневу въ Петербургъ.

«Толки объ эмансипаціи, говоритъ почтенный авторъ, становятся съ каждымъ днемъ серьезнѣе и положительнѣе: люди не просто болтливые, а достойные вѣроятія и съ авторитетомъ, утверждаютъ, что скоро положено будетъ начало. О дай, Господи, чтобы любезное отечество наше, мирно и безъ потрясеній, могло освободиться отъ язвы, которою повсюду проникнуто. Дай намъ, Господи, людей! Вотъ о чемъ должна молить Бога Россія въ эту критическую эпоху, когда всѣ говорятъ о преобразованіяхъ, но немногіе знаютъ, а пожалуй, что и никто не знаетъ, какъ за нихъ взяться. Съ грустнымъ чувствомъ возвращается теперь иной путешественникъ въ милую родину изъ тѣхъ странъ, гдѣ, казалось, видѣлъ онъ порядокъ, власть закона и гражданское благоустройство. Похоже на то какъ нѣжный сынъ возвращается къ бѣдной и больной матери изъ дома, гдѣ видѣлъ довольство и благосостояніе, всѣмъ этимъ довольствомъ хотѣлъ бы онъ окружить любезную мать, да не изъ чего: дома безпорядокъ, имѣніе растрачено и заложено, дровъ нѣтъ на тепло, хлѣбъ черствый, мебель изломана и жестка, слуги лѣнивы и невнимательны, лошади нечищены и худо кормлены, домочадцы въ ссорѣ, доктора далеко, да и во всемъ околоткѣ не слышно объ искусномъ врачѣ, а мать больна и требуетъ помощи».

Гдѣ и въ комъ искать этой помощи, никто тогда не зналъ. Сознавали, что многое нехорошо, многое нужно подвергнуть исправленію, но всѣ были въ недоумѣніи, какъ приступить къ дѣлу и за что̀ приняться. Всѣхъ томила нерѣшительность, невыносимая тоска и скука.

«Начинаютъ проявляться статьи, писалъ В. Я—въ къ Ѳ. В—те въ Киссингенъ [1]),—сердце радуется, а духъ захватываетъ.—Топильскій [2]) просилъ поручить кому либо перевести на французскій языкъ отчетъ царю министра юстиціи. Панинъ, считая это совершенствомъ, хочетъ послать въ чужіе края напечатать.—Да онъ бы взошелъ въ корреспонденцію съ Герценомъ; можетъ быть тогда Герценъ не напечаталъ бы статьи о немъ въ третей части Полярной звѣзды.—Если бы вы знали какъ я завидую вашему пребыванію за границею. Тамъ меня все веселитъ; не пышность, не разгулъ, а жизнь людей, ихъ порядокъ, это уваженіе къ человѣку, что здѣсь зависитъ отъ чина и креста; это отсутствіе «я хочу», а при-

[1]) Отъ 25-го іюня 1857 года.

[2]) Топильскій Михаилъ Ивановичъ былъ директоромъ департамента министерства юстиціи.

сутствіе: «законъ хочетъ». Былъ бы я богатъ, далъ бы премію за лучшее сочиненіе, отчего въ Россіи скучно всѣмъ и всѣ недовольны?»

Былъ недоволенъ настоящимъ и Н. А. Некрасовъ, онъ издавалъ въ то время «Современникъ». Какъ извѣстно, по поводу его стихотворенія «Старая шарманка» поднялось гоненіе на всѣ его произведенія и на «Современникъ». Въ одномъ письмѣ изъ Симферополя къ Александру Максимовичу Княжевичу, мы находимъ свѣдѣніе, что будтобы государь, прочитавъ это произведеніе Некрасова, велѣлъ позвать его къ себѣ и сказалъ ему: «писать въ такомъ родѣ недостойно вашего прекраснаго таланта. Вы многихъ вводите въ заблужденіе и дѣлаете вредъ; избирайте себѣ болѣе достойные предметы и приносите пользу».

«Если это правда, прибавлялъ писавшій, то нельзя не удивляться деликатности добраго царя.... Здѣсь говорятъ, будто помѣщикамъ Могилевской губерніи уже объявлено, что казна будетъ выкупать ихъ крестьянъ въ теченіе 10 лѣтъ, давая по 100 руб. за душу. У насъ много толкуютъ о томъ, будто бы манифестъ для Южнаго края состоялся и подписанъ еще 2-го февраля. Это-то и не вѣроятно—онъ давно бы былъ напечатанъ. Между тѣмъ и здѣшніе купцы получили свѣдѣніе изъ Петербурга, и въ Одессѣ о томъ же проповѣдуютъ».

Тучи слуховъ, одни противорѣчивѣе другихъ, сбивали всѣхъ съ толку, вызывали неопредѣленность положенія, а вмѣстѣ съ нимъ сумрачность будущаго. Отвѣчая И. С. Тургеневу [1]) на увѣдомленіе его о желаніи вернуться въ Россію, Некрасовъ писалъ ему отъ 27-го іюня 1857 года.

«Здѣсь ждетъ тебя жизнь сѣренькая, но ты ее уже хорошо знаешь и съумѣешь, какъ и встарь, брать съ нея лучшее. А надо правду сказать, какое-бы унылое впечатлѣніе ни производила Европа, стоитъ воротиться, чтобы начать думать о ней съ уваженіемъ и отрадой. Сѣро, сѣро! Глухо, дико, глупо и почти безнадежно! И все таки я долженъ сознаться, что сердце у меня билось какъ-то особенно при видѣ «родныхъ полей» и русскаго мужика. Вотъ тебѣ стихи, которые я слыхалъ вскорѣ по пріѣздѣ:

Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А тамъ во глубинѣ Россіи
Что тамъ? Богъ знаетъ, не поймешь!
Надъ всей равниной безпредѣльной
Стоитъ такая тишина,
Какъ будто впала въ сонъ смертельный
Давно дремавшая страна.

---

[1]) Жившему тогда въ Сейнцигѣ на Рейнѣ.

Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею
Колосья безконечныхъ нивъ....

«Что до меня, я доволенъ своимъ возвращеніемъ. Русская жизнь имѣетъ счастливую особенность сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, поминутно напоминая ему, какая онъ дрянь и все прочее, и самая жизнь дрянь, о которой не стоитъ много думать. Въ литературѣ движеніе самое слабое. Всѣ новооткрытые таланты, о которыхъ доходили до тебя слухи, сущій пуфъ. Эти водовозы и проч. едва умѣютъ писать по-русски. Геній эпохи Щедринъ—туповатый, грубый и страшно зазнавшійся господинъ. Публика въ немъ видитъ нѣчто повыше Гоголя. Противно раскрывать журналы,—все доносы на квартальныхъ да на исправниковъ—однообразно и бездарно»....

Но если въ либеральномъ лагерѣ царило чувство неудовлетворенности, тоски и томительной неопредѣленности, то у консерваторовъ или лучше у ретроградовъ ко всему этому добавлялось въ то время еще чувство страха и опасенія за излишне расходившуюся свободу мысли. Тогдашняя печать нашла себѣ свободу только въ одномъ руслѣ — въ обличительствѣ, которое такъ ѣдко и мѣтко осмѣялъ Некрасовъ въ только-что приведенномъ письмѣ. Это-то по истинѣ невинное занятіе и подняло на ноги тогдашнихъ ретроградовъ, увидавшихъ зажигательность содержанія не только у западниковъ, какъ напримѣръ у «Современника», «Русскаго Вѣстника» но и у славянофиловъ—«Русской Бесѣды». Остановить пугавшее ихъ зло полагали основаніемъ новаго консервативнаго журнала. Вотъ, напримѣръ что писалъ помощникъ начальника дивизіи Н. Б. Гер—овъ къ А. Г. Т—му.

«Быстро идемъ мы, пишетъ генералъ, на поприщѣ ложнаго мишурнаго просвѣщенія, не идемъ, а скачемъ конвульсивно, будто бы подъ нагайкой великаго Петра. Давно ли, не далѣе какъ въ прошломъ году, всякій изъ насъ считалъ себя либераломъ, а теперь всѣ мы поотстали, устарѣли. Все отъ подражанія иноземцамъ. Вообразили мы, что настало время Людовика XV, или пожалуй XVI и давай распалять народныя страсти. А разница въ дѣйствователяхъ есть и большая. Вмѣсто безпощадной иронiи Вольтера является исписавшійся полякъ Сенковскій, вмѣсто геніальнаго фанатика Дидерота, недоучившійся Вернадскій, Щедринъ и подобные. Всѣ журналы заразились маніею энциклопедистовъ, за исключеніемъ «Сѣверной Пчелы», и та вѣроятно, со смертью издателей, обновится. Ни одинъ журналъ не приметъ въ свои столбцы статьи консервативной. Людямъ, желающимъ блага Россіи, слѣдовало бы кажется основать журналъ или купить, напримѣръ, одинъ изъ са-

мыхъ безтолковыхъ «Русскую Бесѣду», чтобы писать въ духѣ реформъ умѣренно, не распаляя народныхъ страстей, какъ то дѣлаютъ наши журналы. Это только начало, что дальше будетъ?! Сегодня выведена въ статейкѣ княгиня Дашкова, завтра Политковскій или Мина Ивановна [1]), а послѣ-завтра затронутъ что-нибудь и по важнѣе. Не приходила ли вамъ въ голову эта идея? (т. е. основать консервативный журналъ). Не найдете-ли вы, по теперешнему вашему служенію, возможности дѣйствовать, чтобы по мѣрѣ силъ предупредить угрожающій бѣдной Россіи переворотъ! Реформы, или правильнѣе измѣненія, въ государственномъ бытѣ необходимы отъ времени до времени; безъ нихъ нѣтъ жизни народной; но реформы можно производить съ надлежащею пользою свыше, только въ спокойное время, когда правительство сильно, побѣдоносно, какъ въ началѣ царствованія Людовика XIV, и когда есть мужъ совѣта, какъ Кольбертъ, или согласіемъ народа, какъ было при первыхъ трехъ Романовыхъ. Восемь или десять разъ собирались государственные чины, трактовали о дѣлѣ, производили важныя измѣненія, напримѣръ, уничтоженіе мѣстничества. Только есть эти два пути. Иначе будетъ у насъ то, что было при Людовикѣ XVI. Тюрго предложилъ и началъ преобразованія, которыя, по мнѣнію всѣхъ историковъ, спасли бы Францію; но оппозиція ополчилась. Тюрго, не находя поддержки въ слабомъ правительствѣ, палъ; реформы его отмѣнены—революція и съ нею потоки крови сдѣлались неизбѣжны!—Эта мысль вѣроятно приходила вамъ въ голову. Если, какъ опытный редакторъ, хорошо знающій Россію, вы сознаете важность мѣры основать новый журналъ, найдете въ начальствѣ сочувствіе и захотите что-нибудь предпринять, то увѣдомьте меня и найдете во мнѣ усерднаго помощника».

Основать задуманный журналъ, какъ извѣстно, не удалось, какъ не удалось остановить бродившую въ то время общественную мысль. Крестьянское дѣло слишкомъ глубоко затрогивало общественные интересы, чтобы возможно было оставаться равнодушнымъ въ виду предстоящей великой реформы. Въ печати, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, движеніе это началось сперва въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Однимъ ихъ первыхъ признаковъ его едва-ли не была полемика въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Экономическомъ Указателѣ», начавшаяся еще въ 1856 году между г. г. Ивановымъ и Соловьевымъ (впослѣдствіи членомъ земскаго отдѣла и редакціонной коммисіи), по поводу изданій послѣднимъ изъ нихъ сельско-хозяйственной статистики Смоленской губерніи, въ которой помѣщичье хозяйство выставлено было въ весьма невыгодномъ видѣ. Въ этой полемикѣ приняли впослѣдствіи участіе «Русская Бе-

[1]) Фаворитка графа В. Ѳ. Адлерберга.

сѣда» и «Русскій Вѣстникъ». Затѣмъ въ 1857 году было кое-что печатано о свободномъ трудѣ и общественномъ землевладѣніи, объ освобожденіи крестьянъ въ Пруссіи и Австріи (статья барона Гакстгаузена въ № 22 «Рус. Вѣст.»), а также въ газетѣ «Nord» появились письма курляндскаго губернатора П. А. Валуева (впослѣдствіи графа) объ освобожденіи крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Но вообще въ это время писали о крестьянскомъ вопросѣ еще мало, за то такъ или иначе думали и говорили всюду, хотя никто не зналъ куда направить свою мысль и только смутно сознавали, что здѣсь все заключается не въ громкомъ словѣ, а въ трезвомъ дѣлѣ.

«Слышатся отовсюду крики о рабствѣ, говоритъ напримѣръ одинъ тамбовскій помѣщикъ, но крики безсознательные, безъ всякаго пониманія дѣла, краснорѣчивые только софизмами и общими фразами. Понятіе это нужно сознать по-человѣчески, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо и обсудить въ административномъ отношеніи и въ отношеніи государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Говорить и осуждать легко. Посадите проповѣдника о взяткахъ, безъ всякихъ средствъ, съ семействомъ на 5-ть руб. въ мѣсяцъ. Чтобы уничтожить зло нужно выкопать корни его и посадить и упрочить на мѣсто ихъ корни добра; а сбивать плоды—мало пользы и еще менѣе пользы срисовывать ихъ. Впрочемъ настоящее направленіе выставлять все дурное на общій позоръ—благодѣтельно; но пора бы приняться изыскивать и указывать средства—какъ и чѣмъ помочь горю. Необходимо пересмотрѣть весь составъ государства, чтобы искоренить то, что весьма дурно, и не вдругъ, а по времени, чтобы не порвать артерій, чтобы не отсѣкать то, что можно излечить. Крикуны же эти—очень многіе вредные и злонамѣренные эгоисты. Ихъ хлопоты,—чтобы выставить себя, а не помочь горю безкорыстно».

Въ томъ же духѣ относились тогда къ болѣе рѣзкимъ обличеніямъ Герцена. Такъ В—овъ-З—новъ пишетъ изъ Эмса къ брату въ Москву, что-де читалъ заграничныя изданія и спрашиваетъ: «неужели желчь можетъ быть облечена въ истину? Что скверно, мы лучше его (Герцена) знаемъ, и статьи «Русскаго Вѣстника» описываютъ гораздо лучше его и во сто разъ вѣрнѣе знаютъ всѣ мерзости. Объ этомъ нечего и шумѣть изъ Лондона. Вотъ если бы кто далъ лекарство, чтобы вылечить отъ всѣхъ этихъ болѣзней—это другое дѣло. Цѣлая статья о дворянствѣ доказываетъ, что оно никуда не годится, что изъ дворянъ вышло не болѣе трехъ—четырехъ замѣчательныхъ лицъ!... Вѣрно въ Лондонѣ имѣютъ свой особый взглядъ на вещи. Нѣтъ истины въ этихъ словахъ, нѣтъ любви, холодная желчь и не найдетъ она популярности въ Россіи».

Замѣчательно, что настоящимъ были недовольны всѣ безъ исклю-

ченія и всѣ безъ исключенія находили необходимымъ принять мѣры къ его исправленію. Оставалось только остановиться на избранномъ пути, но въ этомъ и заключался томительный вопросъ того времени. Всѣ обличали взятки, всѣ возставали противъ нихъ, но здѣсь же рядомъ и для этой общественной негодницы находили слово оправданія. Славянофилы возставали, какъ и теперь впрочемъ возстаютъ, противъ чиновничества, бюрократическаго начала управленія, западники указывали на потребность времени и на необходимость приспособленія меньшаго зла къ уничтоженію большаго—неподвижности и необразованности до-Петровской Руси. Мнѣнія противоположныя и повидимому несогласимыя; но въ этотъ періодъ блужданія и томленія общественной мысли послѣдовало именно на этомъ несходномъ пунктѣ соглашеніе. Любопытна въ этомъ отношеніи переписка между И. В. Павловымъ и М. Е. Салтыковымъ (Щедринымъ), относящаяся къ срединѣ 1857 года. Мы приведемъ ее почти въ подлинникѣ.

«Гувернантки бываютъ съ музыкой и безъ музыки, пишетъ И. В. Павловъ изъ Орла къ М. Е. Салтыкову, [1]), и дураки тоже бываютъ съ музыкой и просто дураки. Типъ дурака съ музыкой—это...; В—ъ [2])—дуракъ безъ музыки. Эти гораздо сноснѣе, потому что безвреднѣе. Его вѣроятно скоро сдѣлаютъ губернаторомъ. Губернаторъ же нашъ—это типъ, какого въ твоихъ очеркахъ [3]) не встрѣчается. Это петербургскій понатершійся халуй, который въ сущности гораздо безсовѣстнѣе Порфирія Петровича, но за вѣкомъ слѣдуетъ: грабить не чрезъ правителя канцеляріи, а черезъ темнаго и грязнаго столоначальника губернскаго правленія И—ва, который хотя въ такъ называемый свѣтъ не показывается, но имѣетъ дома, рысаковъ, любовницъ. Всѣ это знаютъ; но вѣдь это не передъ глазами, а гдѣ-то тамъ въ людской. На показъ же держатся юные университанты, правитель канцеляріи и чиновники по особымъ порученіямъ—люди благороднѣйшіе и мирные.

«Случалось-ли тебѣ мѣсяца два или три сряду раскладывать пасьянецъ одной и той-же колодой втораго разбора? Когда совсѣмъ засалится, она дѣлается сносной, карты перестаютъ липнуть, ими можно свободно орудовать,—колода перешла тогда въ третій періодъ засаленности. Второй періодъ самый ужасный! Ни стасовать, ни снять, ни карту выдернуть. Карты прилипаютъ и къ рукамъ и одна къ другой. Ты грязь осязаешь, а на видъ онѣ будто чисты.

«Ко второму періоду засаленности принадлежатъ всѣ петербургскіе халуи, разсылаемые на кормленіе по губерніямъ. И Михаилъ-Трофи-

---

[1]) Отъ 13-го августа 1857 г.

[2]) Орловскій вице-губернаторъ.

[3]) „Губернскіе очерки“ Щедрина.

мычи, и Пршикржецинскіе и Кржепржецинскіе—все это второй періодъ самый отвратительный и неудобный для употребленія. Нашъ Поганович (такъ зоветъ вся губернія губернатора) стоитъ во главѣ этихъ господъ и стóитъ того, чтобы ты возвелъ его въ «перлъ созданія».

«Я въ послѣдніе четыре года много читалъ древнихъ актовъ и пришелъ къ слѣдующему убѣжденію: сказаніе о призваніи варяговъ есть не фактъ, а миѳъ, который гораздо важнѣе всякихъ фактовъ. Это такъ сказать преобразованіе всей русской исторіи. «Земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ», вотъ мы и призвали варяговъ княжить и владѣть нами. Варяги—это губернаторы, предсѣдатели палатъ, секретари, становые, полиціймейстеры, однимъ словомъ всѣ администраторы, которыми держится какой ни на-есть порядокъ въ великой и обильной землѣ нашей. Это вся наша 14-ти-классная бюрократія, это 14-ти-главый змій поѣдучій, чудо поганое нашихъ народныхъ сказокъ . . . . . Все, что носитъ печать змія, обстоятельствами поставлено во вражду съ народностью и само по себѣ съ нею враждуетъ. Стоитъ администраторамъ оффиціально признать какое-нибудь народное учрежденіе, такъ оно тотчасъ-же ..... (опошлится) въ глазахъ народа. Главная опора змія—это крѣпостное право, въ которомъ законъ освящаетъ эксплоатацію человѣка человѣкомъ, произволъ, насиліе и грабежъ. Всякій варяжскій администраторъ дѣйствуетъ слѣдовательно въ д у хѣ з а к о н а. Оттого безсильны всѣ нападки на взяточничество, и Капнистова «Ябеда» и Гоголевъ «Ревизоръ» и твои очерки—увы! Пока по з а к о н у существуетъ крѣпостное право, до тѣхъ поръ въ сплошной твердынѣ взятокъ даже и бреши нельзя сдѣлать».

Въ отвѣтъ на это письмо М. Е. Салтыковъ писалъ Ив. В. Павлову [1]).

«Ужъ какъ-бы хорошо быть въ Орлѣ вице-губернаторомъ, но врядъли это можетъ статься. В—фъ извѣстенъ и въ министерствѣ не только какъ дуракъ, но даже просто какъ идіотъ. Да и это-бы еще ничего, потому что глупость не только не мѣшаетъ, но даже украшаетъ губернаторское званіе, какъ ты можешь убѣдиться, прочитавъ мою комедію «Просители»; но худо то, что у В—фа протекціи мало, вслѣдствіе чего онъ лишенъ всякой надежды на возведеніе въ санъ святительскій. Участь Орла— претерпѣвать В—фа до конца. Одно лишь средство есть: напустить на него бѣшеную собаку, чтобы она его укусила, и потомъ оставить безъ врачебнаго пособія. Съ ума свести его нельзя, ну а взбѣсить, можетъ быть, и можно. Да при томъ съ такимъ губернаторомъ, какъ теперешній, только и можно служить бывши В—фомъ. Ты представь себѣ меня на мѣстѣ В—фа? Вѣдь бы горло перегрызъ И—еву [2]),

[1]) Отъ 23-го августа 1857 г.

[2]) Тому чиновнику, черезъ котораго губернаторъ бралъ взятки.

который въ добавокъ еще въ губернскомъ правленіи, и слѣдовательно прямо подъ рукою вице-губернатора.

«Въ моихъ «Богомольцахъ» есть типъ губернатора, похожаго на орловскаго. Ты представь себѣ эту ..... морду, которая лаконически произноситъ: «постараемся развить» и напиши мнѣ, не чесались-ли у тебя руки искровенить это гнусное отребье, результатъ садомской связи холопа съ семинаристомъ? И вотъ каковы наши варяги! Не взяточничество страшно, а ..... это самодовольство, защищенное отъ палки недосягаемостью запятокъ.

«Твоимъ мнѣніемъ о призваніи варяговъ я намѣренъ воспользоваться и написать очеркъ подъ заглавіемъ «Историческая догадка». Изложу ее въ видѣ бесѣды учителя гимназіи съ учениками. Въ pendant къ этому будетъ у меня исторія о томъ, какъ Иванушку-дурака за столъ посадили, какъ онъ сначала думаетъ, что его надуваютъ и т. д. Выйдетъ не дурно, только какъ-бы тово... не посѣкли. Какого ты мнѣнія насчетъ сѣченья? Наплевать или не наплевать? Я думаю, что наплевать, но только должно быть анаѳемски больно. Однако-же клянусь, что я не испыталъ этого.

«Признаюсь, я сильно гну въ сторону славянофиловъ и нахожу, что въ наши дни трудно держаться иного направленія. Въ немъ одномъ есть нѣчто похожее на твердую почву, въ немъ одномъ есть залогъ здороваго развитія. Господи, что за пакость случилась надъ Россіей? Никогда-то не жила она своею жизнью: то татарскою, то нѣмецкою. Надо въ удѣльный періодъ залѣзать, чтобы найти какіе-либо признаки самостоятельности. А вѣдь куда это далеко; да, не отскоблишь слоевъ иноземной грязи, насѣвшей какъ грибы на русскаго человѣка.

«Думалось, мечталось о свободѣ русскаго человѣка, а гдѣ этотъ русскій человѣкъ, гдѣ было искать его образъ, какъ именно не въ удѣльномъ періодѣ, въ той уже покрытой мохомъ старинѣ, гдѣ уже два десятка лѣтъ неустанно производили свои изысканія славянофилы».

«Гдѣ брали больше взятокъ—у насъ или на западѣ?—спрашивалъ И. Павловъ у М. Е. Салтыкова [1])—это бабка на двое сказала. Сотрудниковъ «Вѣстника» съ-дуру пугаетъ слово кормленіе... Да вѣдь воеводы жалованья то не получали. Просимъ-же мы теперь хорошаго мѣстечка, «чтобы жить было чѣмъ». Въ русскомъ народѣ существуетъ исконный обычай платить какъ за административный и судебный актъ чиновнику, такъ и за духовно-обрядовой священнику не огуломъ, а въ розницу. Что-жь тутъ дурнаго? Конечно отъ необразованія нашего всякій стремится захапать побольше. Но медики и до сихъ поръ на таковомъ положеніи во всемъ образованномъ мірѣ. А что, братецъ, мнѣ хо-

[1]) Письмо Павлова Салтыкову 28-го августа 1857 года.

чется объ этомъ статейку тиснуть въ «Современникѣ»—а? Помѣсти, голубчикъ, постараюсь написать гладко . . . . . .
. . . . . Какъ будто трудъ не тотъ-же товаръ, которому цѣну Богъ строитъ? Какой чортъ заставитъ меня продать рожь по рублю, когда ей цѣна четыре? Какой чортъ заставитъ секретаря гражданской палаты трудиться на 10.000, а получать только 500? Вѣдь это все отъ тупости не понимается. Истинно ты правъ, это—эпидемія. Что я буду за свинья, коли, совершая купчую, не заплачу за мастерство въ составленіи акта секретарю, а за чистую переписку канцелярскому, чтобы онъ мнѣ дорогаго листа (гербоваго) не испортилъ? Что я буду за скотина, коли, желая взыскать съ сосѣда за потраву моихъ земель, выпишу становаго за 30 верстъ по бездорожью и не заплачу ему за визитъ? Ты скажешь, что онъ по закону обязанъ. Да вѣдь эта безсмыслица! И мужикъ по закону обязанъ для меня проливать кровавый потъ. Этотъ ужъ совсѣмъ par amour, а чиновникъ почти par amour... Помѣсти, голубчикъ, статейку... я напишу... Ну какъ сѣченія-для выпишутъ въ Петербургъ... да вѣдь главное долго, а тутъ по хозяйству упустишь. Какъ ты думаешь? Я Петра признаю за великаго генія, а реформу его за временное политически-необходимое объявленіе Россіи на военномъ положеніи. Въ высшей степени нелѣпо продолжать военное положеніе цѣлые вѣка, и еще нелѣпѣе видѣть въ немъ альфу и омегу нашего историческаго развитія. Чтобы шагнуть отъ Нарвы до Полтавы, можетъ быть все это и нужно было, да теперь-то не нужно! Это все твой «Вѣстникъ» желудитъ.

«Ежели бы Петръ I-й теперь возсталъ изъ мертвыхъ, онъ бы ихъ всѣхъ палкой отдулъ. Видишь-ли, для сплоченія государства и расширенія его до естественныхъ географическихъ предѣловъ, нужна была не только военная армія, но и армія штатская, этотъ четырнадцати головый змій поѣдучій, который не раздѣлялъ бы интересовъ народа, а былъ бы душой и тѣломъ преданъ начальству. Ему и грабить было необходимо—это фуражирство. Но все это на время, пока нужда была. Прошла нужда, армія распускается, расходы сокращаются. Одного, признаюсь, не понимаю—это треклятаго прикрѣпленія человѣка къ землѣ. Неужели безъ него нельзя было обойтись? Мнѣ кажется объ этомъ Петръ не подумалъ, просто маху далъ. За государствомъ не видалъ человѣчества».

Не соглашаясь съ И. Павловымъ относительно вопроса о взяткахъ, М. Е. Салтыковъ писалъ ему: [1])

«Ты хочешь истребить взятки, узаконивъ ихъ. Это уже существуетъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 15-го сентября 1857 года.

въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ и извѣстно подъ именемъ акциденцій, и подобнаго мучительства, какое испытываютъ тамъ тяжущіеся и всякаго рода просители. Каждый шагъ стоитъ денегъ и приказная мелкая тварь дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы тянуть дѣло и втравлять въ него какъ можно болѣе народа. Ни жалованье, ни акциденціи въ этомъ дѣлѣ не помогутъ, потому что приказная утроба ненасытная. А легкость административной добычи такова, что самаго невиннаго и неумѣлаго человѣка соблазняетъ, ибо работа мысли здѣсь самая немудрая. Притомъ же правосудіе необходимо должно быть даровое. Это принципъ, освященный всѣми стоящими высоко государствами, и принципъ вполнѣ основательный. Есть одна штука (она же и единственная), которая можетъ истребить взяточничество,—поселить правду въ судахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвысить народную нравственность. Это—возвышеніе земскаго начала на счетъ бюрократическаго. Я даже подалъ проектъ, какимъ образомъ устроить полицію на этомъ основаніи, но къ сожалѣнію, у насъ все спитъ, а слѣдовательно будетъ спать и мой проектъ до радостнаго утра. Да и то сказать, какое можетъ быть равенство, когда половина Россіи въ крѣпостномъ состояніи.....»

Въ такой формѣ разсуждали и разговаривали между собою передовые люди литературныхъ кружковъ того времени. Трактовали о взяткахъ, объ администраціи, о значеніи петровскихъ реформъ, признавали за крѣпостнымъ правомъ зло великое, но о возможности и о способахъ разрѣшить это вѣковое зло въ то время разсуждали сравнительно очень мало, да и правительствомъ наложенъ былъ строжайшій запретъ, чтобы ничего не высказывалось по этому предмету въ печати. Въ славянофильскомъ лагерѣ впрочемъ работали болѣе и словомъ и дѣломъ. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ свелъ близкую дружбу съ Н. А. Милютинымъ и черезъ него проводилъ въ высшія сферы завѣтную мысль своего кружка объ освобожденіи крестьянъ съ землею и о сохраненіи общиннаго начала. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, Аксаковы входили въ сношенія и вели переписку съ Гакстгаузеномъ, желая отъ него получить самыя подробныя свѣдѣнія объ освобожденіи крестьянъ въ Германіи и въ Австріи.

«Зачѣмъ вы хотите видѣть Гакстгаузена? спрашивала Юрія Ѳедоровича Самарина г-жа А. С. [1])—Онъ считается человѣкомъ отсталымъ и съ большими предразсудками. Онъ воображаетъ, что въ Германіи совершилось дѣло освобожденія чудно, а мнѣ сказывали, что доселѣ оно отзывается весьма дурными послѣдствіями. Много разлада произошло отъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты при освобожденіи крестьянъ.

---

[1]) Письмо изъ Рима отъ 2-го (14) декабря.

«Если хотите, чтобъ я сказала вамъ правду, то, по мнѣ, проектъ комитета есть одинъ изъ самыхъ основательныхъ и самыхъ логическихъ. Вѣроятно вы знаете его сущность? Мнѣ кажется, что онъ рѣшаетъ вопросы о правѣ, оставляя за крестьянами $2^1/_4$ десятины не какъ даръ, а какъ право столько-же неотъемлемое, сколько наше на владѣніе $2^1/_4$ съ души. Вы знаете, что̀ передовые здѣсь говорятъ [1]), что мы напрасно хотимъ имъ дать это даромъ, что они не могутъ доказать своихъ правъ, а что мы (помѣщики) можемъ доказать хоть коекакъ. Вся эта школа необыкновенно интересуется этимъ вопросомъ и странно, что вы съ нею сходитесь во многомъ? Далась-же вамъ Пруссія! А знаете-ли что въ Австріи (собственной Австріи) мужикамъ гораздо лучше».

Не раздѣляли убѣжденія въ благосостояніи крестьянъ въ Пруссіи и западники и помѣщики, жившіе въ деревняхъ и занимавшіеся хозяйствомъ. Послѣдніе опасались наплыва иностранцевъ въ Россію.

«Ты относишь благосостояніе германцевъ къ желѣзнымъ дорогамъ, писалъ изъ Тамбова Владиміръ Александровичъ Б—въ брату въ Петербургъ. Черезъ 10 лѣтъ и у насъ въ Россіи будутъ желѣзныя дороги, но нашъ народъ едва-ли сдѣлается лучше и богаче. Лачуги и нищіе останутся повсюду, потому что нашъ народъ лѣнивъ, безпеченъ и преданъ пьянству. Ты вѣрно уже читалъ въ газетахъ, что иностранцамъ дозволено пріобрѣтать недвижимую собственность въ Россіи, не вступая въ подданство. Это дозволеніе, конечно, привлечетъ въ Россію множество иностранцевъ съ капиталами, которые купятъ землю, устроятъ заводы, мануфактуры, мастерскія. Но принявъ иностранцевъ, это не улучшитъ ни нравовъ, ни обычаевъ. Иностранныя колоніи, въ особенности Сарептская, служатъ тому доказательствомъ.

«Ты спрашиваешь меня насчетъ проектовъ уничтоженія крѣпостнаго права. Я ихъ читалъ со вниманіемъ и грустью. Ежели теперь въ Россіи существуетъ какой-либо порядокъ въ народѣ, то съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, онъ совершенно разрушится. Доказательство этого мы видимъ въ Кіевѣ, Подольской и Волынской губерніяхъ, гдѣ введены инвентари, но еще не уничтожено совершенно крѣпостное право. Крестьяне наши, въ которыхъ не исчезли признаки первобытной полудикой жизни, еще не выработались достаточно, чтобы принять въ себя новыя права и обратить ихъ въ свою плоть и кровь. Прежде уничтоженія крѣпостнаго права, нужно уменьшить въ народѣ пьянство и его образумить, нужно образовать духовенство для того, чтобы оно, подобно духовенству лютеранскому, могло дѣйствовать на совѣсть народа и улучшить его нравственность. Скажу тебѣ, что вмѣ-

[1]) Т. е. русскіе, жившіе въ Римѣ.

стѣ съ дарованіемъ крестьянамъ вольности государь подпишетъ мнѣ и многимъ тысячамъ помѣщиковъ смертный приговоръ. Милліонъ войска не удержитъ крестьянъ отъ неистовства. Лучшіе помѣщики, т. е. тѣ, которые наиболѣе заботились объ устройствѣ и благосостояніи крестьянъ, о водвореніи и поддержаніи порядка, погибнутъ».

Не одна, боязнь за свою участь заставляла иныхъ помѣщиковъ отвергать необходимость отмѣны крѣпостнаго права, а просто убѣжденіе, что народъ для этого не подготовленъ. Одинъ польскій помѣщикъ С — ма упрекнулъ брата, имѣвшаго помѣстья въ русскихъ губерніяхъ, что въ Россіи существуютъ «бѣлые негры» и что это рабство должно позоромъ лечь на всю страну. Въ отвѣтъ на это обвиненіе, нашъ средній руки помѣщикъ вотъ въ какомъ видѣ рисуетъ положеніе, въ которомъ находились его крестьяне.

«По-моему, сдѣлать вольными всѣхъ крестьянъ вдругъ въ Россіи слишкомъ рано: во-первыхъ, мужикъ у насъ для этого слишкомъ глупъ; во-вторыхъ, придется сдѣлать дворянъ нищими, въ третьихъ, опекунскіе совѣты и приказы общественнаго призрѣнія должны будутъ объявить банкротство, потому что всѣ имѣнія заложены. Теперь многіе уже имѣнія выкупались слѣдующимъ образомъ. О б р о ч н ы е тѣмъ, что взялись выплачивать проценты и капиталъ опекунскимъ совѣтамъ и, кромѣ того, разными условіями съ помѣщиками. Б а р щ и н н ы е тѣмъ, что обязались обработывать землю для помѣщика положенное число десятинъ, и также уплачивать долги опекунскимъ совѣтамъ. Но изъ послѣднихъ нѣкоторые на сіе не соглашаются, какъ напримѣръ мои, они говорятъ: если мы сгоримъ, кто намъ построитъ дома; если будетъ неурожай, кто насъ будетъ кормить; если у насъ не будетъ помѣщика, кто будетъ кормить стариковъ, увѣчныхъ, сиротъ и пр.

«Напрасно ты называешь нашихъ крѣпостныхъ «бѣлыми неграми», потому что власть всякаго помѣщика нынѣ такъ ограничена законами, что крестьяне наши теперь право счастливѣе, чѣмъ ваши вольные въ Царствѣ Польскомъ. Одно скажу, что государю нужно было бы запретить помѣщикамъ имѣть дворовыхъ людей, потому что эти люди еще у насъ рабы. Твои платятъ тебѣ чиншъ или домовые; мои нижегородскіе мнѣ платятъ оброкъ, съ тою только разницею, что половина моихъ нижегородскихъ крестьянъ занимаются торговлею и у нѣкоторыхъ есть въ оборотѣ капитала до 20.000 руб. и болѣе, и тѣ платятъ мнѣ съ тягла всего 10 руб. въ годъ. Этихъ крестьянъ у меня съ небольшимъ 100 душъ и платятъ они мнѣ въ годъ 1.000 руб. Я нѣсколько разъ предлагалъ имъ выкупиться за 17.000, потому что по шести процентовъ я имѣлъ бы дохода 1.020 руб. безъ всякихъ хлопотъ, но крестьяне не соглашаются и говорятъ, что имъ и такъ хорошо. Имѣніе мое подъ Москвою барщинское, потому что нѣкоторые крестьяне пьяницы

и никогда оброка не заплатятъ. Работаютъ они только три дня въ недѣлю; заставить же ихъ работать болѣе я по законамъ не смѣю и мнѣ не позволятъ обременять ихъ. Зимою у нихъ былъ пожаръ, я имъ построилъ новыя избы, на мѣсто сгорѣвшаго хлѣба далъ изъ своего; кромѣ того, на обзаведеніе подарилъ имъ каждому по 10 руб., а въ займы далъ по 40 руб., и теперь моя деревня лучше прежняго. Едва ли не всѣ помѣщики такъ дѣлаютъ, и я не нахожу, чтобы наши крестьяне были въ родѣ «бѣлыхъ негровъ». Это говорятъ иностранцы, въ особенности англичане, которые желаютъ вредить Россіи».

Многіе видѣли вредъ и не въ одномъ иностранномъ вліяніи, но главнымъ образомъ въ подстрекательствѣ бюрократіи.

«Въ нашемъ обществѣ, пишетъ одинъ нижегородскій помѣщикъ, толки о свободѣ крестьянъ начали мало-по-малу прекращаться; зато учителя (ученый людъ) и приказные (чиновническій классъ) съ жаромъ защищаютъ эмансипацію. Это потому, что имъ терять нечего, а напротивъ они же станутъ въ мутной водѣ ловить рыбу. Сей достопочтеннѣйшей публикѣ охотно вѣрятъ мелочные лавочники, цирюльники, мастеровые, дворовые люди, собираясь на чайныя и пуншевыя бесѣды въ трактирахъ и бѣлыхъ харчевняхъ, разсуждая тамъ о благѣ нашей матушки Россіи. Ихъ подслушиваютъ извозчики, городскіе и загородные ямщики, ѣздящіе по большимъ дорогамъ и сѣютъ эти плевелы всюду. Недавно разнеслась молва, что для подавленія подобныхъ толковъ готовится высочайшій манифестъ. Дай-то Богъ, чтобы это сбылось, тогда бы мы вышли изъ заблужденія и двухсмысленнаго положенія».

Но не вездѣ такъ хладнокровно встрѣчали вѣсти объ эмансипаціи, какъ въ Нижегородской губерніи. Напротивъ, въ иныхъ самыя пустыя иной разъ обстоятельства принимались за признакъ близкаго рѣшенія дѣла. Въ Тульскую, напримѣръ, губернію былъ командированъ вице-губернаторъ Курляндской губерніи Беклемишевъ съ порученіемъ освидѣтельствовать хлѣбные магазины. Помѣщикамъ показалось, что онъ присланъ для составленія соображеній объ освобожденіи крестьянъ, что произвело между ними весьма сильное волненіе, хотѣли даже просить предводителя оффиціально запросить Беклемишева о цѣли его командировки въ ихъ губернію. Вотъ другой случай.

«Здѣсь ожидаютъ принца Ольденбургскаго, писалъ одинъ симбирскій помѣщикъ Николаю Павловичу Н—му въ Тверь [1]). Зачѣмъ, съ какою цѣлью? спрашиваютъ всѣ. Неужели для того, чтобы узнать что-нибудь о положеніи вопроса о свободѣ въ дѣйствительности, а не на бумагѣ. Но отъ кого онъ узнаетъ объ этомъ, да и можетъ-ли узнать въ какихъ-нибудь пять или шесть часовъ. Странно! Вѣдь нельзя же допустить,

[1]) Письмо безъ подписи отъ 11-го сентября.

чтобы онъ ѣхалъ сюда для собственнаго удовольствія. Мудреныя вещи творятся въ Россіи. Неудивительно, когда и этотъ жизненный вопросъ рѣшатъ какъ-нибудь, въ родѣ канцелярской отписки—не ломая головы. Вѣдь не петербургскимъ мудрецамъ придется работать и возиться съ православными. Ихъ дѣло выдумать штуку, а какъ штуку эту заправить съ такою разладившеюся машиною, какъ наша администрація, это дѣло чернорабочихъ. Не удалась штука, великіе міра сего будутъ правы, а виноваты губернскія и уѣздныя власти, неумѣвшія управиться. У насъ уже привыкли видѣть, что всякое зло, какъ только станутъ его поправлять, непремѣнно замѣняется вящшимъ зломъ.

«Не далѣе прошлаго года выдумана была отличная штука—это хлѣбная операція по военному министерству. Думали сокрушить подрядчиковъ-купцовъ и предложили монополію помѣщикамъ. Что же вышло? Прежнихъ перекупщиковъ замѣнили другіе—дворяне только; да еще такъ какъ новые поставщики не знакомы со всѣми тонкостями подобныхъ операцій, то большая часть провіанта доселѣ не поставлена. Теперь-то ничего,—обойдется, но что было-бы во время войны?

«Пожалуй и съ помѣщичьими крестьянами сыграютъ подобную штуку. Замѣнятъ рабство другимъ тяжелымъ. Знаемъ мы, съ какими мыслями поѣхалъ отсюда Муравьевъ [1]), что удѣльные крестьяне благоденствуютъ; надо только для вящшаго ихъ благосостоянія распространить школы и разныя хозяйственныя учрежденія. А знаетъ-ли онъ, какъ приводятся въ исполненіе подобныя мѣры? Вотъ напримѣръ, въ Симбирскѣ онъ изволилъ пожелать, чтобы въ удѣльномъ имѣніи былъ селитряной заводъ. Едва онъ уѣхалъ, какъ управляющій, несмотря на самую рабочую пору, согналъ крестьянъ и заводъ уже кажется построенъ. Еще онъ же замѣтилъ, что не худо-бы изъ нѣкоторыхъ селеній, у коихъ есть земли вдали, дѣлать «выселки», а управляющій уже приказалъ немедленно изъ перваго попавшагося ему селенія, выгнать къ чорту на кулички 50 дворовъ. Мужики воютъ, да что смотрѣть на нихъ! И какъ не наградить такого исполнителя!

«Если его высокопревосходительство вздумаетъ и государственныя имущества передѣлывать на манеръ удѣльнаго, то плохо придется казеннымъ; вспомнятъ тогда Киселева. Нѣтъ, мнѣ сдается, что въ Питерѣ крѣпко заражены канцелярскимъ порядкомъ, а еще болѣе заняты своими личными интересами».

Вообще нерасположеніе къ Петербургу сильно сказывалось въ провинціи. Всякое лицо, командированное въ губерніи, встрѣчалось съ особою подозрительностью, недовѣріемъ, а иногда и опасеніемъ. Множество предположеній, зачѣмъ и съ какимъ порученіемъ ѣдетъ командированный,

[1]) Михаилъ Николаевичъ, впослѣдствіи графъ.

встрѣчало извѣстіе о скоромъ его прибытіи. Такія же точно предположенія были сдѣланы въ Симбирскѣ и по полученіи извѣстія о пріѣздѣ принца Ольденбургскаго. Скоро, впрочемъ, страхи и опасенія разсѣялись и спустя три дня, т. е. 14-го сентября, тотъ же помѣщикъ писалъ Н. П. Н—му:

«Принцъ Ольденбургскій пробылъ здѣсь вчера одинъ день. Оказалось, что онъ пріѣхалъ, между прочимъ, посмотрѣть чужеядное учрежденіе—Елисаветинское (женское) училище, въ которомъ 19 дѣвочекъ, а служащихъ 26 человѣкъ. Передъ симъ здѣшніе мужички поговаривали, что скоро-де пріѣдетъ чиновникъ и запретитъ господамъ своевольничать, а укажетъ, что должны требовать и чего нѣтъ. Это подтвердилъ здѣсь и принцъ. Признаюсь, я одобряю эту мѣру, хотя переходную, только тогда, когда всѣ личныя права крѣпостныхъ, какъ рабскія, будутъ уничтожены и когда надзоръ возложится не на предводителей, которые здѣсь въ особенности покрываютъ всѣ мерзости помѣщиковъ. Здѣсь до того преобладаетъ скотолюдство, что баринъ легче откажется отъ части своихъ доходовъ, чѣмъ отъ права таскать за бороду и другихъ благородныхъ упражненій надъ личностью своего раба. Предвижу, и не одинъ я, страшныя затрудненія здѣсь при введеніи даже подобныхъ ограниченій, такъ что И—въ [1]) уже помышлять сталъ, какъ бы отдѣлаться отъ Симбирска. При такомъ министрѣ, плотію и духомъ симбирскомъ дворянинѣ, губернаторъ и по умнѣе и энергичнѣе И—ва, что̀ можетъ сдѣлать? Родня здѣшнихъ... наполняетъ питерскіе салоны и какъ разъ очернятъ всякаго, кто будетъ обличать ихъ гнусные интересы. Теперь напримѣръ, А—овъ [2]) вопитъ на И—ва за то, что сей не поретъ мужиковъ, приходящихъ съ жалобою на помѣщика, и позволяетъ себѣ громко кричать, что губернаторъ поблажкою возбуждаетъ крестьянъ противъ установленныхъ властей».

Одинъ помѣщикъ ѣхалъ было въ Казань, но, узнавъ по дорогѣ, что тамъ свирѣпствуетъ холера, остановился у своего знакомаго помѣщика, гдѣ собралось множество сосѣдей. «Всѣ помѣщики, пишетъ онъ въ Петербургъ къ С. М. Жуковскому, составили себѣ страшилище, котораго пугаются, какъ самой смерти. Кто-то сказалъ имъ, что скоро наступитъ эмансипація. Утверждаютъ, что остановилась покупка имѣній, что, теряясь въ догадкахъ о будущемъ, они предполагать могутъ многое, не зная на чемъ остановиться, что мысль крестьянъ о нераздѣльности ихъ съ землею такъ въ нихъ сильна, что увольненіе безъ нея можетъ произвести пугачевщину. Хозяинъ показалъ бумагу мѣстнаго губернатора. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Помѣщикъ отдалъ одного конокрада

[1]) Симбирскій губернаторъ.

[2]) Губернскій предводитель дворянства.

въ рекруты. Рекрутъ подалъ по начальству жалобу, что помѣщикъ, купивъ у него домъ, деньги оставилъ у себя. Губернаторъ предписалъ исправнику взыскать деньги. Помѣщикъ объяснилъ, что рекрутъ имѣлъ одну клѣть на дворѣ брата и на землѣ помѣщика, а потому эта клѣть по закону есть собственность помѣщика. Губернаторъ вторично предписалъ исправнику удовлетворить рекрута. Изъ этого помѣщики выводили заключеніе, что вѣроятно есть секретное предписаніе не соблюдать нѣкоторыхъ законовъ о правахъ помѣщиковъ. Далѣе разсказывали другой случай. Въ селѣ Панавѣ умеръ владѣлецъ, но какъ явились многіе наслѣдники, то имѣніе предписано взять въ опеку и опекуномъ избранъ одинъ изъ сонаслѣдниковъ, смежный владѣлецъ. Но крестьяне, вообразивъ, что они могутъ быть вольными, начали кричать и объявили, что этого опекуна они не хотятъ, потому что его мужики травятъ у нихъ хлѣбъ. Тутъ былъ исправникъ и еще двое дворянъ. Несмотря на убѣжденіе, крестьяне не хотѣли ничего слушать и разошлись. Донесли губернатору, но тотъ написалъ резолюцію: назначить другого опекуна. Этотъ случай также убѣждалъ помѣщиковъ, что существуютъ секретныя распоряженія. Хозяинъ, чтобы предварить неудобства будущаго, написалъ завѣщаніе, по которому отпускалъ крестьянъ на волю съ двумя десятинами пашни и $^1/_2$ десятиною лугу на душу. Не думайте, прибавилъ онъ, что мое намѣреніе, которое я теперь же исподволь буду приводить въ исполненіе, есть увлеченіе чувства—это прямой разсчетъ. У меня будетъ болѣе господской земли и я уже пріискиваю работниковъ, хотя послѣднее нѣсколько затруднительно, такъ какъ ихъ нѣтъ здѣсь. Впрочемъ, добавилъ онъ, и это препятствіе должно исчезнуть, когда такихъ примѣровъ будетъ болѣе, да и свои современемъ начнутъ наниматься».

Такіе же разсчеты освобожденія крестьянъ до разрѣшенія этого вопроса правительствомъ сказывались въ то время во всѣхъ многоземельныхъ губерніяхъ и въ особенности въ Новороссійскомъ краѣ. Князь Викторъ Барятинскій сообщалъ изъ Одессы своему брату князю Владиміру Ивановичу Барятинскому, что въ ихъ мѣстахъ уже въ первую половину 1857 года множество помѣщиковъ освободило своихъ крестьянъ. Впрочемъ, здѣсь причины были другого рода. Благодаря близости границы, крестьяне убѣгали съ своихъ мѣстъ, въ Молдавію, гдѣ и записывались вольными людьми, получая отъ мѣстныхъ консуловъ надлежащіе паспорты. Эмиграція подобнаго рода была развита тамъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. «У меня слишкомъ сто семействъ оставили свои усадьбы, писалъ князь Викт. Барятинскій, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ вернулись съ паспортами вольныхъ людей, но все-таки много еще осталось за границею, да не малое число сидитъ по тюрьмамъ и этапамъ, отягощая тѣмъ казну». Въ другомъ письмѣ къ матери онъ увѣдомлялъ ее, что хотя

по совѣту брата Владиміра, онъ отложилъ пока освобожденіе крестьянъ, но что въ такомъ положеніи дѣло оставаться не можетъ.

«Граница такъ близка, а прелесть свободы такъ велика, что несмотря на самое строгое наблюденіе, очень многіе изъ крестьянъ убѣгаютъ за границу, чтобы оттуда возвратиться «вольными». Я ужаснулся при своемъ пріѣздѣ, узнавъ какое значительное количество моихъ крестьянъ воспользовались этимъ средствомъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если бы это были одни негодяи, или лѣнивцы, а то нѣтъ, напротивъ, между ними было множество прекрасныхъ домохозяевъ. Правительство положило преграду, на сколько было возможности этой эмиграціи, хотя совсѣмъ остановить ее не можетъ. Нѣсколько изъ моихъ мужиковъ сами возвратились въ свою деревню, иные съ видами вольныхъ людей. Они и не скрываютъ своего желанія свободы, они покорно просятъ ее, а многіе хотятъ у меня выкупиться».

Впрочемъ слухи о вольныхъ земляхъ ходили по всей Новороссіи и Екатеринославской губерніи. Новомосковскій помѣщикъ Ганъ сообщаетъ Н. Д. Свербееву, что «въ прошломъ, т. е. 1856 году, самые нелѣпые слухи взволновали нашъ край до того, что въ рабочее лѣтнее время цѣлыя села поднялись и пошли по направленію къ Крыму отыскивать какихъ-то вольныхъ земель. Десятки тысячъ этихъ несчастныхъ дорого поплатились за эту штуку и не будь въ то время скопленія войскъ здѣсь, не знаю, какъ бы это кончилось».

Не мало было однако и въ то время помѣщиковъ, не принадлежащихъ ни къ литературному кругу, ни къ правительственнымъ лицамъ, искренно желавшихъ освобожденія крестьянъ. Нѣкоторые отъ души возмущались мнѣніями отсталыхъ людей и нерѣдко сопровождали ихъ самыми ѣдкими замѣчаніями. Такъ Г. Миклашевичъ, сообщая къ брату о толкахъ по поводу распространившихся слуховъ объ эмансипаціи, дѣлаетъ такія замѣчанія.

«Послушай только толки о предметѣ, который теперь такъ сильно занимаетъ Европу—толки объ освобожденіи крестьянъ, и вездѣ узнаешь, что не Адамъ былъ общимъ отцомъ человѣчества, а были созданы нѣсколько прародителей; отъ одного родились помѣщики и люди, нажившіе благопріобрѣтенныя имѣньица, отъ другаго чернорабочая всякая тварь, носящая форменную одежду разныхъ покроевъ и цвѣтовъ, отъ третьяго—кандидаты на благопріобрѣтенныя имѣньица; отъ остальныхъ—русскіе мужики, или пожалуй «des moujiks». Не угодно ли спорить съ этими господами?!»

Другіе кромѣ того убѣждали въ необходимости идти на встрѣчу желаніямъ правительства.

«Вѣдь наше право само по себѣ несправедливость, пишетъ къ брату жившій въ то время во Флоренціи помѣщикъ Кинцяковъ; довольно

работали на насъ чужія руки, и я никакъ не могу назвать нравственнымъ желаніе продолженія такого порядка еще на нѣкоторое время. Личныя выгоды—такое естественное чувство, что никто не осмѣлится осуждать его, но должны же быть какія-нибудь границы. Надобно предполагать, что правительство нынѣ, завтра пригласитъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, и скажетъ на какихъ основаніяхъ, укажетъ какимъ количествомъ земли должно надѣлить крестьянъ и т. п. Что дѣлать тогда? Неужели держаться до послѣдней крайности теперешняго порядка? Говорили мы о мѣрахъ правительства, и по справедливости осуждаемъ весьма многія изъ нихъ. Но что намъ даетъ на это право? Конечно внутреннее сознаніе готовности помогать правительству всѣми мѣрами, когда оно задумаетъ что-либо хорошее. Не быть готовымъ лично на все хорошее—это значитъ заранѣе убивать всякій успѣхъ, и такому поведенію нѣтъ названія довольно жестокаго. Правительство не нуждается въ помощи для гадостей; они дѣлаются и такъ легко. Но оно всегда и вездѣ было безсильно къ добру, если встрѣчало со стороны гражданъ бездѣйствіе».

Такимъ образомъ ретрограды, признавая это дѣло невозможнымъ, пугали революціей; консеваторы, но люди гуманные, не находили это необходимымъ, такъ какъ народъ былъ не образованъ, а положеніе его подъ опекою помѣщика и безъ того не дурно; практики, подъ условіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ—многоземелья, дешевизны земли, побѣговъ крестьянъ за границу,—старались предупредить правительственное распоряженіе; наконецъ помѣщики съ либеральнымъ оттѣнкомъ находили необходимымъ идти на встрѣчу желаніямъ правительства.

Совсѣмъ иное мы встрѣчаемъ въ литовскихъ губерніяхъ. Здѣсь при первомъ слухѣ о желаніи правительства освободить крестьянъ вопросъ былъ поставленъ на практическую почву—на изысканіе способовъ осуществленія этого желанія. Передовое значеніе въ данномъ случаѣ литовскихъ дворянъ объясняется, во-первыхъ, сосѣдствомъ Остзейскихъ губерній, гдѣ освобожденіе крестьянъ послѣдовало въ 1848 году; во-вторыхъ, вліяніемъ помѣщиковъ Царства Польскаго, которые для литовскихъ помѣщиковъ всегда служили примѣромъ и указаніемъ, какъ въ вопросахъ, касающихся польской націи, такъ и въ модѣ, поведеніи и даже способахъ веденія хозяйства, наконецъ въ-третьихъ, что въ губерніяхъ уже существовали комитеты изъ предводителей дворянства и помѣщиковъ, учрежденные для пересмотра инвентарныхъ правилъ. Еще въ началѣ февраля мѣсяца пишетъ изъ Вильны въ Богорусланъ помѣщикъ Окт. Игнат. Б—скій къ своему родственнику, что «въ нашихъ мѣстахъ составляютъ списки о всѣхъ повинностяхъ крестьянъ. Правительство думаетъ о большихъ перемѣнахъ, быть можетъ даже уничтожить крѣпостное состояніе, чего бы очень желали помѣщики, ибо

справедливѣе было бы, если бы существовали добровольныя соглашенія, такъ чтобы отдать крестьянину землю, а онъ платилъ бы мнѣ каждогодно за владѣніе ею. Одни увѣряютъ, что уничтожится барщина и учредится чиншъ; а другіе поговариваютъ, будто и землю отдадутъ крестьянамъ. Богъ вѣсть, чѣмъ все это кончится».

Литовское дворянство составляло списки о крестьянскихъ повинностяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кромѣ комитетскихъ собраній собиралось въ частныя собранія по собственной инціативѣ. Кто и что было въ данномъ случаѣ двигателемъ—трудно сказать, такъ какъ у насъ если имѣются данныя, то самаго отдаленнаго свойства. Такъ, мы имѣли въ своихъ рукахъ одно частное письмо изъ Парижа, въ которомъ между прочимъ указывается на необходимость польскимъ помѣщикамъ опередить въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ распоряженіе на этотъ счетъ правительства.

«Скажи мнѣ, дорогой Константинъ, пишетъ помѣщикъ изъ Парижа, что значатъ эти нѣсколько тысячъ помѣщиковъ въ сравненіи съ 60.000.000 народонаселенія? Развѣ помѣщики могутъ что сдѣлать? Но для чего намъ брать все народонаселеніе Россіи, возьмемъ западныя губерніи и королевство: что значитъ эта горсть молодыхъ предводителей и судей, можемъ ли мы когда-либо что сдѣлать? Можемъ ли покуситься на что либо, не имѣя за собой массы народа? Быть не можетъ, чтобы этотъ народъ былъ такъ глупъ и позволилъ еще долго угнетать себя; быть не можетъ, чтобы онъ не спросилъ насъ о своихъ правахъ. Правительство хочетъ осободить крестьянъ; это великая бѣда для насъ, ибо тогда adieu tout les rêves, потому что тогда народъ не будетъ съ нами, но съ правительствомъ.»

Въ то время между поляками и даже въ Малороссіи ходили усиленные слухи о возстановленіи Царства Польскаго, и замѣчательнѣе всего, что связывали этотъ слухъ съ намѣреніемъ правительства освободить крестьянъ. Напримѣръ, изъ Чернигова помѣщикъ Г—скій писалъ къ пріятелю Ив. Вл. Х—ину, что у нихъ, т. е. въ Черниговской губерніи, «пріѣзжіе изъ Петербурга навезли много новостей. Говорятъ о возстановленіи Царства Польскаго, объ освобожденіи крестьянъ и о другихъ слухахъ. Неужели все это правда? Неужели необходимы крутыя мѣры для достиженія хорошихъ результатовъ?»

Какъ бы то ни было, но когда въ Россіи еще только смутно сознавали о чемъ-то предстоящемъ, въ литовскихъ губерніяхъ уже дѣйствовали инвентарные комитеты, разбиравшіе самымъ ближайшимъ образомъ вопросъ о возможныхъ формахъ освобожденія крестьянъ.

«Въ нашихъ засѣданіяхъ, пишетъ польскій помѣщикъ, мы пока имѣемъ въ разрѣшеніи 2 пункта: 1) устроить-ли для поправленія крестьянскаго быта сельскія управы вмѣстѣ съ нѣкоторыми облегченіями;

2) отказаться-ли отъ владѣнія, отдавая ихъ на попеченіе правительства, не принимая на себя никакихъ обязательствъ, а дѣлая только добровольное условіе насчетъ земли, уплаты или работы. Свобода, данная для блага человѣчества, есть на видъ вещь прекрасная и великодушная, но у насъ это слово произвело бы несчастіе для обѣихъ сторонъ, потому что крестьяне употребили бы ее на то, чтобы переходить съ мѣста на мѣсто за всякое ничтожное недоразумѣніе съ помѣщиками; они предадутся болѣе пьянству, которое деморализировало нашъ народъ, и это тѣмъ болѣе, когда онъ уже не будетъ имѣть той бдительной опеки, какою онъ пользуется теперь у каждаго хорошаго помѣщика; слѣдовательно—вопросъ, отвѣтитъ ли еще 2-й пунктъ дѣйствительной цѣли касательно устройства крестьянскаго быта? Мы видимъ ясный примѣръ въ реформѣ казенныхъ крестьянъ, которые, имѣя только въ виду уплату за землю и подать, взносятъ деньги не съ земли, но по большей части отъ заработковъ по дорогамъ и фабрикамъ, опуская совершенно хозяйство. Итакъ бытъ народа поправился бы только на бумагѣ. Хотя они будутъ въ возможности уплачивать, но это нисколько не поправитъ ихъ состоянія, какъ мы видимъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ крестьяне сдѣлались огородниками. И то надо подумать, что трудно будетъ нанимать людей на работу, какъ это водилось до сихъ поръ, даже можетъ статься, что хлѣбопашество совсѣмъ упадетъ».

Помѣщикъ, какъ оказывается, не раздѣлялъ порывы большинства касательно освобожденія, но тѣмъ не менѣе не отказывается участвовать въ засѣданіяхъ. То же самое мы встрѣчаемъ и въ другомъ письмѣ изъ Вильно, гдѣ помѣщикъ предвидитъ бездну опасеній, но покоряется общему теченію, какъ бы во имя иной, высшей идеи.

«Надъ нами виситъ топоръ на волоскѣ, пишетъ онъ, и скоро упадетъ на наши шеи, а именно чрезъ освобожденіе крестьянъ. Теперь объ этомъ много толкуютъ, и уже Ковенская и Гродненская губерніи согласились на освобожденіе на курляндскихъ правилахъ. То же будетъ и въ нашей. Но, Боже! какая разница между нашей губерніей и губерніями Курляндской, Ковенской и даже Гродненской! Ручаюсь въ томъ, что здѣшній мужикъ и чинша не заплатитъ и работать не захочетъ, а правительство отвѣтственность за ихъ подати и недоимки возложитъ на помѣщиковъ. Хорошо тому будетъ, у кого долговъ нѣтъ; а кто съ долгами, тому предстоитъ сума. Быть можетъ, черезъ 10 лѣтъ все уладится; но сначала будетъ много слезъ».

Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ въ губерніяхъ Ковенской и Гродненской былъ рѣшенъ вопросъ объ освобожденіи, и въ то же время этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ Виленской губерніи, гдѣ однако онъ встрѣтилъ оппозицію со стороны губернскаго предводителя дворянства. Мѣстный житель, нѣкто Н—скій, передаетъ въ письмѣ къ И. Д. Л—ву, что

«дворяне Гродненской и Ковенской губерній предложили уничтожить крѣпостную зависимость съ оставленіемъ земель за помѣщиками и съ принятіемъ за образецъ порядка въ Остзейскихъ губерніяхъ. Въ Вильнѣ большинство голосовъ было того же мнѣнія; но губернскій предводитель дворянства воспротивился этому, представивъ, что вопросъ этотъ по своей важности долженъ быть рѣшенъ правительствомъ, такъ какъ онъ измѣняетъ весь существующій донынѣ порядокъ вещей и превышаетъ кругъ дѣйствія инвентарнаго комитета тѣмъ болѣе, что эмансипація въ одной губерніи можетъ имѣть дурное вліяніе на сосѣдственныя губерніи».

Другой виленскій помѣщикъ увѣдомляетъ своего пріятеля въ Сѣдлецъ, что къ уничтоженію рабства всѣ помѣщики согласны. Разногласіе между ними только въ томъ, что одни желаютъ продать землю крестьянамъ, другіе—безденежно отдать ее на условіяхъ, третьи—отдавать въ продолжительныя аренды отъ 20—50 лѣтъ; и при этомъ добавляетъ, что «хоть бы теперь наше дворянство сдѣлало что-нибудь хорошее, шло впередъ, а не назадъ. Помѣщики хотѣли только освободиться отъ всѣхъ обязанностей по отношенію къ крестьянамъ. Досадно слышать, какъ заговорили теперь противъ народа, которому обязаны во всемъ. Какъ-будто не понимаютъ, что не поливая корней и шумящія листья совсѣмъ завянутъ».

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами мнѣній и взглядовъ польскихъ помѣщиковъ не трудно, кажется, усмотрѣть, что и въ ихъ средѣ существовали такія же теченія, какъ и въ русскомъ обществѣ: ретроградное, консервативное и либеральное, но разница заключается только въ томъ, что всѣ, и ретрограды и консерваторы, хотя и противъ желанія, но преклоняются передъ освободительнымъ движеніемъ, направляемымъ, повидимому, иною, постороннею силою. Оппозицію со стороны виленскаго губернскаго предводителя слѣдуетъ объяснить давленіемъ мѣстнаго генералъ-губернатора. Повторяемъ, безповоротно утверждать нельзя, но предполагать есть основаніе, что въ починѣ крестьянскаго освобожденія у польскихъ помѣщиковъ лежала также и ихъ спеціальная, политическая тенденція.

Что касается ближайшихъ отношеній помѣщиковъ какъ русскихъ, такъ и польскихъ къ крестьянамъ, то и въ то время они не отличались особенною мягкостью, хотя, разумѣется, бывали единичные случаи самаго гуманнаго управленія ими. Мы не станемъ рисовать тяжелыя картины звѣрскаго крѣпостничества, но не можемъ не передать слѣдующаго поражающаго случая, бывшаго лѣтомъ 1857 года, именно въ то время, когда уже большинство помѣщиковъ заговорило объ эмансипаціи.

«Малоархангельскій помѣщикъ Михаилъ М—невъ, писалъ Ив. В.

Павловъ изъ Орла М. Н. Лопатину въ Москву, запрегъ свою голую жену въ тарантасъ, въ корень, а дѣвокъ, тоже голыхъ, на пристяжку и на выносъ, да и поѣхалъ на сѣнокосъ, гдѣ велѣлъ всѣхъ голыхъ дѣвокъ и жену мужикамъ на кордѣ гонять. Подвернулся женинъ братъ—медикъ. Онъ его до полусмерти изсѣкъ на конюшнѣ и челюсть ему переломилъ.

«Михаилъ—добавляетъ И. В. Павловъ—преданъ суду: за разореніе крестьянъ, за вынужденіе крестьянскихъ женъ и дочерей къ разврату и за жестокое обращеніе какъ съ ними, такъ и съ женою своею, которую онъ травилъ собаками, выворачивалъ ей руки, вырвалъ всѣ волосы съ головы и ударами раздробилъ челюсть».

Само собою разумѣется, мы не станемъ выставлять этотъ примѣръ общею характеристикою тогдашняго помѣщика и видимъ въ немъ только рѣдкое, хотя и поражающее исключеніе, но нельзя также и не сознаться, что нравы того времени далеко были не такъ сдержаны, какими они являются теперь и что своеволіе и кулачная расправа находили себѣ у помѣщиковъ примѣненіе по отношенію къ подвластнымъ крестьянамъ.

Между тѣмъ страхъ изъ-за неповиновенія крестьянъ царилъ тогда всюду—въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ закоулкахъ Имперіи. Крестьянскіе бунты грезились во снѣ и на яву; опасенія шли далеко впереди колыхающейся дѣйствительности. Передъ нами лежатъ множество сообщеній тогдашняго времени о крестьянскихъ неповиновеніяхъ и бунтахъ. Въ чемъ-же заключались эти неповиновенія и эти бунты? Самое большее—въ неисполненіи нѣкоторыхъ приказаній старостъ и бурмистровъ, которое встревоженное воображеніе помѣщиковъ подымало на ходули явнаго сопротивленія и бунта. Напримѣръ изъ Орла въ Москву пишутъ Н. Н. А—рову, что «сельскимъ старостамъ и бурмистрамъ крестьяне не подаютъ ревизскихъ сказокъ [1]), несмотря на подтвержденіе владѣльцевъ, утверждая, что они вольные и что указъ о томъ не объявляютъ по проискамъ господъ. Не знаю, чѣмъ это окончится, а не будетъ добра, если не примутъ строгихъ мѣръ».

Ясно, что въ данномъ случаѣ крестьяне только говорили по слухамъ о волѣ; сопротивленія здѣсь нѣтъ никакого. За то у насъ въ наличности желаніе помѣщика о принятіи «строгихъ мѣръ».

«У меня мужики бунтуютъ, пишетъ помѣщикъ изъ Костромы къ П. Н. К—лову, слушаться не хотятъ, чуть старосту не поколотили. Не долго съ ними и до бѣды. Въ Мешлихаѣ та же потѣха—не слушаются да и только».

Дѣствительно, бывали случаи явнаго и упорнаго сопротивленія, но такіе случаи бывали и ранѣе, когда и помину не было о волѣ и о предполагаемомъ освобожденіи. Дѣло здѣсь заключалось не въ слухахъ о

---

[1]) Для народной переписи 1858 года.

свободѣ, а просто въ звѣрствѣ и жестокомъ обращеніи съ крестьянами помѣщиковъ.

«Въ Рославлѣ мы встрѣтили, пишетъ одинъ смоленскій помѣщикъ, баталіонъ солдатъ, идущій на усмиреніе крестьянъ, отказавшихся отъ повиновенія своему помѣщику барону Эссену, котораго жестокость и насильственные поступки вывели ихъ изъ терпѣнія до такой степени, что они никакъ не хотятъ покориться ему, хотя-бы имъ предстояло за то высылка въ Сибирь или смертное наказаніе».

Нуженъ-ли былъ здѣсь баталіонъ солдатъ и не болѣе-ли здѣсь необходимо было присутствіе предводителя дворянства и губернатора, объ этомъ свѣдѣній нѣтъ; но безпорно одно, что въ то время гражданское начальство весьма широко пользовалось услугами военнаго вѣдомства и все изъ-за того-же ложнаго предположенія, что русскій народъ носитъ въ себѣ положительныя склонности къ грабежу и разбою, лишь только его выпустятъ на волю.

«Находящееся въ Ельненскомъ уѣздѣ имѣніе генеральши Б—ской, сообщаетъ управляющій А. А. Оленину, 1.500 душъ до того взбунтовалось, что должны были отправить три роты солдатъ, коими этотъ бунтъ нынѣ совершенно подавленъ. Не легко теперь управлять крестьянами», добавляетъ управляющій.

«Графа Нессельроде управляющій доноситъ, писалъ С. И. Х—цкій сыну изъ Петербурга въ Москву, что положеніе его становится невыносимо; мужики такъ и ждутъ указа, чтобы грабить и буйствовать, а саратовскій губернаторъ И—евъ, бывши здѣсь, утвердительно говоритъ, что все тамъ тихо; правда и то, что онъ такъ плохъ, что никуда не годится, но держится протекціей».

Знакомые спрашивали объ этомъ случаѣ графа Нессельроде, и онъ всѣмъ отвѣчалъ, что крестьяне его покойны, въ полномъ повиненія и что онъ положительно не знаетъ, откуда взялъ такую небылицу Х—цкій.

«Если можете сообщить что объ эмансипаціи, то напишите пожалуйста, писалъ изъ Самары одинъ помѣщикъ Н. Ѳ. Р—ру. Въ народѣ знаютъ, что готовится что-то. Отпускные и безсрочные принесли этотъ слухъ, и крестьяне вѣрятъ имъ, какъ бывшимъ въ Питерѣ. Мнѣ кажется, чѣмъ скорѣе будетъ объявлено, тѣмъ тише и незамѣтнѣе будетъ появленіе новаго манифеста или закона. Къ священнику моего села приходили и спрашивали, почему онъ не читаетъ въ церкви присланную будто-бы ему бумагу объ освобожденіи».

Почти въ томъ же духѣ сообщалось изъ Курской губерніи.

Въ заключеніе скажемъ, что если петербургскіе сановники, не видавшіе Россіи далѣе Павловска, вѣрили по иностраннымъ образцамъ въ возможность у насъ нѣчто подобнаго европейскимъ революціямъ; если ярые крѣпостники въ едва замѣтномъ непослушаніи, или въ просьбѣ

мужиковъ, обращенной къ священнику, показать имъ вольную, видѣли бунты и страсти пугачевщины, то не безъ того, что были въ то время люди, отдававшіе должную справедливость благоразумію и терпѣнію русскаго народа. Какъ образецъ такого рода мнѣній приведемъ одно письмо изъ Харьковской губерніи къ сенатору Карнѣеву.

«Мало такихъ образованныхъ лицъ, которыя сознали нелѣпость старыхъ отношеній, которыя сочувствуютъ человѣческой мѣрѣ правительства. Теперь не знаю, чему удивляться: или этой закоренѣлой, дикой привязанности къ устарѣлой, нелѣпой рутинѣ или тому спокойствію и законному терпѣнію крестьянъ, съ которымъ они ожидаютъ свою эмансипацію. Всѣ они объ этомъ знаютъ, въ народѣ носятся нелѣпые толки, но онъ молчитъ, работаетъ по прежнему, ждетъ царскаго слова и исполненія его посредствомъ законныхъ властей».

К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ

въ

первой половинѣ XVIII вѣка.

V [1]).

Восточный вопросъ въ 1748 г.—Отношенія Людовика XV къ Россіи.—Оккупація Финляндіи русскими войсками.—Интриги Франціи въ Польшѣ.—Договоръ съ Англіею.—Измѣна Фридриха II Франціи.—Вестминстерскій и Версальскій договоры.—Посылка Людовикомъ XV въ Петербургъ Дугласа.—Табакерка съ двойнымъ дномъ.—Кавалеръ д'Эонъ и его появленіе въ Петербургѣ.—Симпатіи Елисаветы Петровны къ Франціи.—Негоціантъ Мишель.—Пруссаки въ Саксоніи.—Присоединеніе Россіи къ Версальскому договору.—Значеніе дипломатическаго переворота 1756 г.

Ослабленіе Швеціи, Польши и Турціи, которыя играли недавно столь видную роль въ Европѣ, и одновременное быстрое усиленіе Россіи породило новый, такъ называемый нынѣ, Восточный вопросъ. Безнаказанное нарушеніе нейтралитета Польши выказало вполнѣ ея безсиліе, и Россія, руководимая Бестужевымъ, готовилась безотлагательно преслѣдовать свои завоевательныя цѣли. По мнѣнію канцлера, только энергичная и послѣдовательная внѣшняя политика могла обезпечить спокойствіе внутри имперіи; вслѣдствіе этого, въ то время, какъ прочія державы распускали свои войска, петербургскій дворъ увеличивалъ численность своей арміи, упрочивалъ узы, связывавшія его съ Вѣною

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь 1897 г.

и Лондономъ [1]), угрожалъ Швеціи и Польшѣ, принялъ, по отношенію къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, тонъ верховнаго покровителя, но въ то же время искалъ, по-прежнему, сближенія съ Франціей. Людовикъ XV, поклонникъ древнихъ традицій, не симпатизировалъ Россіи, какъ державѣ слишкомъ юной, смотрѣлъ неодобрительно на ея неожиданное вмѣшательство въ европейскія дѣла и не хотѣлъ пожертвовать ей своими исконными союзниками. Когда Елисавета Петровна, вскорѣ по заключеніи Ахенскаго мира, предложила ему возобновить дипломатическія сношенія, то онъ не только не отозвался на это предложеніе, но былъ готовъ осуществить проектъ покойнаго графа Бонневаля, т. е. образовать вмѣстѣ съ султаномъ, Польшей и Швеціей оборонительный союзъ противъ Россіи и, не объявляя ей открыто войны, поколебать ея вліяніе путемъ тайныхъ дипломатическихъ происковъ. Случай къ этому представился довольно скоро.

Воспользовавшись смутами и безпорядками, которые раздирали Швецію по смерти Карла XII, и намѣреніемъ, выраженнымъ нѣкоторыми шведскими министрами измѣнить конституцію, провозглашенную въ этой странѣ при его преемникѣ, коей была въ значительной степени ограничена королевская власть,—Россія энергично воспротивилась этой реформѣ, которая могла спасти Швецію и вернуть ей до нѣкоторой степени утраченное ею могущество. Въ исходѣ 1748 г. императрица Елисавета ввела свои войска въ Финляндію и готовилась направить ихъ на Стокгольмъ подъ тѣмъ предлогомъ, что новая шведская конституція была гарантирована Россіею въ 1721 году по Ништадтскому миру.

Франція первая рѣшилась выступить защитницею шведской свободы, предложила Турціи воспользоваться удобнымъ моментомъ и дѣйствовать совмѣстно, чтобы пріостановить завоевательныя планы Россіи.

— Истинная цѣль Россіи,—говорилъ турецкимъ сановникамъ французскій посланникъ,—состоитъ въ томъ, чтобы унизить и уничтожить ея сосѣдей, коихъ слава и могущество возбуждаютъ въ ней зависть, довести ихъ до такого состоянія униженія и ослабленія, которое сдѣлало бы союзъ съ ними на вѣки безполезнымъ. Можетъ ли Европа видѣть равнодушно, что ея спокойствіе и цѣлыя арміи приносятся въ жертву безразсудному честолюбію русскихъ? Собственный интересъ Порты требуетъ, чтобы эти планы были разрушены. Ничто не можетъ въ такой степени угрожать безопасности сѣверныхъ державъ и Оттоманской имперіи, какъ завоевательныя стремленія націи, которая, едва вышедши изъ состоянія варварства и невѣжества, хочетъ мало-по-малу

---

[1]) 30-го октября 1750 г. Англія присоединилась къ договору, заключенному въ 1746 г. Елисаветой Петровной съ Маріей-Терезіей. Мартенсъ, I, 179.

подчинить своему игу всѣ сосѣдніе народы и не признаетъ иныхъ законовъ, кромѣ превосходства своихъ силъ. Самые существенные и настоятельные интересы Турціи требуютъ, чтобы была положена преграда этому бурному потоку, причинившему безъ того такъ много вреда [1]).

Поддавшись увѣщаніямъ французскаго посланника, турецкіе сановники вручили, 25-го мая 1750 года, русскому резиденту угрожающую ноту, коей доводилось до свѣдѣнія русскаго двора, что если Россія не откажется, въ самомъ непродолжительномъ времени, отъ оккупаціи Финляндіи, то Турція, въ силу договора, подписаннаго ею со Швеціей въ 1740 г., будетъ вынуждена оказать ей обѣщанную помощь. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россіи угрожала военнымъ вмѣшательствомъ Франція, готовясь отправить въ Балтійское море 12 военныхъ судовъ и армію въ Швецію. Твердость, съ какою были сдѣланы эти заявленія, заставила Бестужева призадуматься. На турецкую ноту русскій дворъ отвѣчалъ увѣреніемъ въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и приглашалъ въ то же время Порту поддержать общими силами шведскую конституцію; но русскіе уполномоченные постарались затянуть начатые переговоры. Между тѣмъ, въ 1750 году, скончался шведскій король, и его преемникъ, Адольфъ-Фридрихъ, торжественно заявилъ о своемъ намѣреніи соблюдать существующую конституцію, не вводя въ нее никакихъ измѣненій. Россія воспользовалась этой декларацією, чтобы вывести свои войска изъ Финляндіи.

Когда такимъ образомъ шведскій вопросъ уладился мирнымъ путемъ, Франція обратила взоры на Польшу и постаралась усилить тамъ свою партію. Ея агенты дѣйствовали съ замѣчательной энергіей и единодушіемъ во вредъ Россіи одновременно въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ. Европа раздѣлилась тогда на два враждебныхъ лагеря, которые были готовы ежеминутно вступить между собою въ борьбу: съ одной стороны были—Англія, Австрія и Россія, съ другой—Франція и союзныя съ нею Пруссія, Швеція, Турція и бо́льшая часть Польши. Всякое столкновеніе между Англіей и Франціей могло повести къ обще-европейской войнѣ, тѣмъ болѣе, что между лондонскимъ и версальскимъ дворами уже нѣсколько лѣтъ происходили нескончаемыя недоразумѣнія изъ-за пограничной линіи ихъ владѣній въ Америкѣ. Въ 1754 г. отношенія между ними обострились, дѣло дошло до того, что въ колоніяхъ взялись за оружіе, и распря, возгорѣвшаяся въ Новомъ Свѣтѣ, легко могла охватить и европейскія государства.

Англія считала себя неуязвимой на своемъ островѣ, но наслѣд-

---

[1]) Министръ иностранныхъ дѣлъ Пюизье — де-Аллеру 20-го апрѣля и 5-го іюня 1750 г.

ственныя владѣнія ея короля на материкѣ, т. е. курфюршество Ганноверское, могло подвергнуться нападенію Франціи, и что еще вѣроятнѣе, ея союзника—Пруссіи. Поэтому англійскій король Георгъ II, заботясь о защитѣ этихъ владѣній, послалъ, весною 1755 г., въ Россію сэра Вилліамса съ порученіемъ выхлопотать у русскаго правительства посылку 60—70-ти-тысячнаго корпуса для защиты Ганновера, за что англійскій король обѣщалъ ему весьма крупную субсидію. Въ Петербургѣ британскій посланникъ нашелъ вполнѣ благопріятную почву; канцлеръ, по вкусамъ и симпатіямъ болѣе англичанинъ, нежели русскій, былъ готовъ исполнить желаніе англійскаго короля. По договору, заключенному Вилліамсомъ въ Петербургѣ 30-го сентября 1755 года, Россія обязалась предоставить въ распоряженіе Англіи 70-ти-тысячную армію, взамѣнъ чего ей была обѣщана ежегодная субсидія въ 100.000 фунт. стерл. Этотъ договоръ, направленный противъ Франціи и Пруссіи, при помощи которой первая думала напасть на континентальныя владѣнія Англіи, вызвалъ въ Берлинѣ настоящую панику. Фридрихъ II, человѣкъ въ высшей степени смѣлый и энергичный, не боялся ничего на свѣтѣ, кромѣ русскихъ войскъ, сознавая, что эта многочисленная армія, привыкшая къ трудамъ и походамъ, даже при отсутствіи опытныхъ офицеровъ и при всѣхъ несовершенствахъ мобилизаціи, можетъ склонить побѣду на свою сторону, благодаря своей изумительной стойкости, выносливости и испытанной храбрости.

— Легче убить русскихъ, нежели побѣдить ихъ, — говорилъ Фридрихъ.

Еще въ 1744 г. онъ высказывалъ свои опасенія по поводу быстраго усиленія Россіи, говоря, что это «держава грозная, которая лѣтъ черезъ 50 заставитъ дрожать всю Европу».

Узнавъ о договорѣ, подписанномъ сэромъ Вилліамсомъ, Фридрихъ понялъ, что, оставаясь въ союзѣ съ Франціей, ему придется рано или поздно сражаться съ русскими, поэтому онъ началъ немедленно дѣятельные переговоры о союзѣ съ лондонскимъ дворомъ, и за англо-русской конвенціей послѣдовалъ новый договоръ, заключенный между Великобританіей и Пруссіей 16-го января 1756 г. По этому договору Фридрихъ обязался помогать Англіи въ войнѣ съ какой бы то ни было державою, если она посягнетъ на неприкосновенность германской территоріи; это значило, ни болѣе ни менѣе, какъ принять на себя обязательство защищать Ганноверъ въ случаѣ нападенія на него французовъ. Само собою разумѣется, что подобный договоръ былъ несовмѣстимъ съ союзомъ, который существовалъ уже 15 лѣтъ между Пруссіей и Франціей.

Вестминстерскій договоръ еще не былъ ратифицированъ, когда въ

Берлинъ прибылъ изъ Версаля герцогъ Нивернуа съ оффиціальнымъ предложеніемъ своего правительства возобновить съ нимъ союзный договоръ, коего срокъ истекалъ въ 1757 г.

Фридрихъ признался въ своей измѣнѣ, объяснивъ ее страхомъ, который ему внушали войска Елисаветы Петровны. Всѣ дальнѣйшія попытки французскаго правительства возобновить союзъ съ прусскимъ королемъ были тщетны; онъ ратифицировалъ договоръ съ Англіей на глазахъ у герцога Нивернуа. Извѣстіе объ этомъ союзѣ произвело большое впечатлѣніе во Франціи; она не могла быть безъ союзниковъ въ Германіи, и ей оставалось только выбрать или австрійскую императрицу, которая добивалась союза съ нею, или Пруссію, которая отъ него отказывалась. Людовикъ XV поневолѣ согласился начать переговоры съ Австріей, и оборонительный союзъ, заключенный имъ съ Маріей-Терезіей въ Версалѣ 1-го мая 1756 г., былъ естественнымъ послѣдствіемъ Вестминстерскаго договора, точно также, какъ этотъ послѣдній былъ вызванъ конвенціей, заключенной въ Петербургѣ между Россіей и Англіей.

Въ то же время въ величайшей тайнѣ начались переговоры о союзѣ между Франціей и Россіей. За послѣднія десять лѣтъ обѣ эти державы то и дѣло сталкивались на дипломатическомъ поприщѣ какъ враги, а между тѣмъ версальскому кабинету было извѣстно, что политика русскаго канцлера не соотвѣтствовала тайнымъ симпатіямъ Елисаветы Петровны, которая питала, какъ всѣмъ было извѣстно, въ глубинѣ души особое расположеніе къ Франціи и къ ея королю, и въ своемъ желаніи сблизиться съ нимъ руководствовалась не столько разсчетомъ, сколько искреннимъ чувствомъ. Тѣ немногіе французы, коимъ удавалось побывать при русскомъ дворѣ, передавали, возвращаясь на родину, что императрица вспоминала всегда съ удовольствіемъ о своихъ сношеніяхъ съ Людовикомъ XV и упрекала себя по отношенію къ нему въ неблагодарности. Тѣ же французы прибавляли, что когда императрицѣ случалось взгрустнуть, то приближенные, желая ее развлечь, начинали бесѣдовать съ нею о Франціи и о Людовикѣ XV. При этомъ разсказывался слѣдующій анекдотъ.

Въ числѣ французовъ, жившихъ въ Россіи, находился нѣкто Сомсой, сынъ швейцара герцога Жеврскаго. Какъ талантливый миніатюристъ, онъ былъ представленъ императрицѣ и писалъ съ нея портретъ; на одномъ изъ сеансовъ Елисавета Петровна отозвалась съ большою похвалою о Франціи; художникъ, весьма кстати, отвѣчалъ, что имя ея величества пользуется среди французовъ большимъ уваженіемъ и что онъ слышалъ отъ герцога Жеврскаго о томъ, что Людовикъ XV раздѣляетъ, въ этомъ случаѣ, мнѣніе своихъ подданныхъ. Услыхавъ

это, императрица улыбнулась; художникъ схватилъ эту улыбку, и портретъ вышелъ замѣчательно удачный [1]).

Оставляя вѣрность этого разсказа на отвѣтственности разсказчика, надобно признать, что онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ духу описываемой эпохи.

Итакъ оказывалось, что неограниченная повелительница 20-ти милліоновъ подданныхъ не была властна руководствоваться въ политикѣ своими собственными симпатіями, а должна была подчиняться вліянію своего канцлера и слѣдовать такой политической системѣ, которой она не одобряла. Впрочемъ, императрица не отказывалась отъ мысли въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ дать волю своимъ личнымъ симпатіямъ. Не рѣшаясь вступать въ открытую борьбу съ канцлеромъ, она дѣйствовала втайнѣ противъ него; въ этомъ ей усердно помогалъ вице-канцлеръ Воронцовъ, пользовавшійся ея полнымъ довѣріемъ за свои дѣльные, благоразумные совѣты и къ которому Елисавета Петровна относилась болѣе какъ къ другу, нежели какъ къ министру. Воронцовъ хорошо зналъ Францію, гдѣ онъ былъ въ 1744 году и гдѣ встрѣтилъ весьма радушный пріемъ. Любя эту страну и отдавая ей должное, онъ искалъ вмѣстѣ съ императрицею средства сблизить съ нею Россію. Задача была не изъ легкихъ, такъ какъ съ 1747 г. въ Петербургѣ не было ни французскаго посланника, ни повѣреннаго въ дѣлахъ, ни консула — словомъ, ни одного человѣка, которому можно было бы довѣриться или съ которымъ можно бы начать переговоры.

Въ Петербургѣ проживало, правда, нѣсколько французовъ, но это были или служащіе въ частныхъ домахъ, гдѣ они занимали самое скромное общественное положеніе, или купцы. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ нѣкій Мишель, коего одинъ изъ современниковъ описываетъ какъ человѣка въ высшей степени милаго, который былъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ самыхъ знатныхъ особъ въ Россіи [2]). Ведя довольно крупную торговлю, Мишель часто ѣздилъ изъ Петербурга во Францію и, когда требовали дѣла, его не останавливало ни суровое время года, ни продолжительность путешествія, ни опасности, угрожавшія въ то время путешественникамъ на большихъ дорогахъ въ Россіи и Германіи. Въ одно изъ своихъ путешествій, въ 1753 г., проѣздомъ черезъ Версаль, Мишель исходатайствовалъ у французскаго министра иностранныхъ дѣлъ позволеніе явиться къ нему и передалъ ему секретное порученіе, возложенное на него въ Россіи. Порученіе это состояло въ томъ, что им-

---

[1]) Voyage à Pétersbourg ou Nouveaux Mémoires sur la Russie par M. de La Messelière p. 71—72. Де-ла-Мессельеръ состоялъ одно время при французскомъ посланникѣ въ Россіи Лопиталѣ.

[2]) Письмо Дугласа 15 янв. 1757 г.

ператрица Елисавета Петровна выражала желаніе возобновить сношенія съ Франціей, прося предать забвенію все прошлое.

Это было въ самый разгаръ борьбы, которую французское правительство затѣяло противъ Россіи въ Польшѣ и Турціи, поэтому Людовикъ XV и его министры не сочли удобнымъ вступать въ переговоры съ посланнымъ русской императрицы, но вскорѣ послѣ его отъѣзда пожалѣли о томъ, что не воспользовались ея предложеніемъ, и хотя задумали исправить сдѣланную ошибку, но взялись за это крайне неумѣло.

Въ 1754 г., петербургская полиція занесла во свои списки примѣты нѣкоего Валькруассана (Messonier de Valcroissant), француза, прибывшаго въ столицу, которому удалось проѣхать черезъ границу, подъ вымышленнымъ именемъ. Бестужевъ заподозрилъ въ немъ тайнаго эмиссара французскаго правительства и приказалъ арестовать его. Валькруассанъ не могъ или не пожелалъ предъявить никакихъ документовъ, коими объяснялась бы цѣль его поѣздки, такъ что канцлеру было легко аттестовать его шпіономъ, прибывшимъ яко бы съ самыми злостными намѣреніями [1]), и несчастному французу пришлось пропутешествовать въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ ему было предоставлено, любуясь на красоты Ладожскаго озера, обсудить о томъ какъ опасно путешествовать въ Россіи; не имѣя вполнѣ исправнаго вида [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что на Валкруассана было возложено французскимъ правительствомъ какое нибудь порученіе, но въ чемъ именно оно заключалось—до сихъ поръ остается тайною.

Въ слѣдующемъ, 1755 году, Елисавета Петровна обратилась снова къ версальскому двору съ предложеніемъ заключить съ нею союзъ.— Императрица мечтала о сближеніи съ Франціей въ тотъ моментъ, когда ея министры ожидали прибытія въ Петербургъ сэра Вилліамса и готовились заключить союзный договоръ съ заклятымъ врагомъ этой державы—съ Англіей.

Этотъ разъ обстоятельства были на столько критическія, что Людовикъ XV, при всемъ своемъ нежеланіи сближаться съ Россіей, такъ какъ это заставило бы его измѣнить всю политику Франціи на Востокѣ, не счелъ возможнымъ оставить предложеніе императицы безъ вниманія,

---

[1]) Въ дѣлахъ тайной канцеляріи за 1756 г., находится слѣдующее заключеніе коммисіи, разсматривавшей дѣло Валькруассана: „Сей французъ прямой и небезопасный шпіонъ, потому что онъ самую подозрительную корреспонденцію подъ подложными именами производилъ и въ главныхъ приморскихъ городахъ пріискивалъ себѣ корреспондентовъ: того ради отнюдь его отсюда выпустить нельзя, а надлежитъ содержать въ крѣпкомъ мѣстѣ, однакожъ съ опредѣленіемъ пропитанія безъ нужды". Соловьевъ, т. 24, стр. 65.

[2]) Валькруассанъ былъ освобожденъ въ 1757 г. по просьбѣ французскаго правительства.

но онъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся, обратясь къ ея чувству, уговорить ее не заключать никакихъ обязательствъ съ его врагами и отказаться, изъ любезности къ нему, отъ возможности играть какую бы то ни было роль въ Европѣ [1]).

Съ этимъ деликатнымъ порученіемъ Людовикъ XV рѣшился отправить въ Петербургъ тайнаго агента; все затрудненіе состояло въ выборѣ подходящаго лица. Ни одинъ дипломатъ не рѣшился бы скомпрометировать себя столь щекотливымъ порученіемъ, а лицо неизвѣстное въ дипломатическомъ мірѣ не внушило бы къ себѣ въ Россіи никакого довѣрія. Мало того, всякій французъ однимъ своимъ появленіемъ въ Россіи возбудилъ бы подозрѣніе русскаго министерства; поэтому выборъ короля палъ на шотландца, Мэкензи Дугласа, англійскаго подданнаго, рекомендованнаго ему принцемъ Конти, покинувшаго Великобританію по причинамъ политическаго характера (онъ былъ приверженцемъ Стюартовъ) и проживавшаго съ тѣхъ поръ во Франціи. Онъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ существованію, отличался смѣлостью, отвагою, огромнымъ желаніемъ отличиться и настойчивостью въ преслѣдованіи намѣченной цѣли—черта характера свойственная его націи.

Все это дѣлало его человѣкомъ вполнѣ подходящимъ для тайнаго порученія, которое король возлагалъ на него. Передъ отправленіемъ въ Россію Дугласу была вручена черепаховая табакерка съ двойнымъ дномъ, въ которую была вложена исписанная чрезвычайно мелкимъ шрифтомъ записка, долженствовавшая служить ему инструкціей: она заключала въ себѣ необходимые совѣты и указанія о томъ, что говорить и какъ дѣйствовать въ Россіи [2]).

Дугласу было предписано, не завязывая никакихъ переговоровъ, собрать самыя точныя свѣдѣнія о финансахъ русской имперіи, объ ея торговлѣ и военныхъ силахъ, разузнать объ успѣхѣ переговоровъ Вилліамса насчетъ субсиднаго трактата, какъ велико вліяніе Бестужева, Воронцова и другихъ фаворитовъ императрицы, какъ относится сама императрица къ Франціи и каковы ея виды относительно Польши, Швеціи и Турціи. Переписку съ Дугласомъ рѣшено было вести въ извѣстныхъ, заранѣе условленныхъ выраженіяхъ, какъ будто дѣло шло о покупкѣ мѣховъ. Вилліамса рѣшено было называть въ ней «черной лисицей», Бестужева «рысью». Слова «соболя падаютъ въ цѣнѣ» должны были означать, что вліяніе канцлера упало; подъ словами «шкуры бѣ-

---

[1]) Это видно изъ секретныхъ инструкцій, данныхъ впослѣдствіи Людовикомъ XV барону де-Бретелю при отправленіи его въ Россію, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Напечатана у Gaillardet въ Mémoires de la chevalière d'Eon. Paris 1866, I, 375.

личьяго мѣха» было условлено понимать «солдатъ, на жалованьи у Англіи»; наконецъ, если бы понадобилось отозвать Дугласа, то было условлено написать ему, что «муфту нашли, чтобы онъ ее не покупалъ».

Получивъ эти инструкціи, Дугласъ выѣхалъ въ Россію лѣтомъ 1755 г.; и, чтобы не дать пищи подозрѣніямъ, отправился туда не прямымъ, а кружнымъ, болѣе дальнимъ путемъ. Побывавъ въ Швабіи онъ поѣхалъ въ Вѣну, а оттуда въ Богемію. Ѣхалъ не спѣша, какъ туристъ, путешествующій безо всякой опредѣленной цѣли; въ Польшѣ и Силезіи онъ осматривалъ рудники, въ Дрезденѣ завелъ любовную интригу, но за то въ Данцигѣ употребилъ время съ бо́льшей пользою, познакомившись съ нѣкоторыми личностями, преданными Франціи, отъ которыхъ онъ получилъ кое-какія свѣдѣнія о Россіи. Въ Данцигѣ онъ всѣмъ говорилъ о своемъ намѣреніи проѣхать въ Швецію, съ цѣлью изучить тамошніе рудники, но, неожиданно измѣнивъ свое намѣреніе, отправился въ Петербургъ, куда ему посчастливилось доѣхать благополучно, безо всякихъ задержекъ, въ первыхъ числахъ октября. Оставалось только получить какимъ нибудь путемъ доступъ во дворецъ; тутъ приходилось уже дѣйствовать съ величайшей осторожностью и хитростью.

Въ XVIII вѣкѣ, какъ и въ настоящее врѣмя, туристъ-англичанинъ менѣе всего могъ возбудить подозрѣніе, но Дугласу надобно было обмануть проницательность своего собственнаго соотечественника, сэра Вилліамса, который считалъ себя побѣдителемъ въ Петербургѣ и ревниво охранялъ отвоеванную имъ позицію. Подозрительный въ высшей степени, даже въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, онъ, съ согласія Бестужева, принялъ за правило, чтобы ни одинъ англичанинъ не былъ допускаемъ ко двору иначе, какъ по его личной рекомендаціи. Узнавъ объ этомъ, Дугласъ смѣло отправился къ Вилліамсу и попросилъ представить его ко двору. Но посланникъ былъ уменъ и недовѣрчивъ; Дугласъ какъ шотландецъ и католикъ казался ему вдвойнѣ подозрительнымъ; онъ отказалъ ему наотрѣзъ въ просимой услугѣ и даже предупредилъ канцлера о томъ, что пріѣзжій кажется ему человѣкомъ подозрительнымъ. Чтобы избѣжать участи Валькруассана новому эмиссару французскаго правительства оставалось одно средство: уѣхать изъ Петербурга; онъ покорился этой необходимости и уѣхалъ вскорѣ обратно за границу.

Однако Дугласъ недолго пробылъ во Франціи; 26 апрѣля 1756 г. онъ явился вторично въ Петербургъ. Этотъ разъ всѣ двери распахнулись предъ нимъ, всѣ препятствія были устранены; мѣсяцъ спустя послѣ пріѣзда онъ получилъ аудіенцію у императрицы и вручилъ ей документы, коими былъ аккредитованъ при ней въ качествѣ посланника съ повелѣніемъ возобновить дипломатическіе переговоры.

Что же произошло въ его отсутствіе? какимъ чудомъ удалось сэру

*

Дугласу побѣдить издали всѣ затрудненія и препоны, представившіяся ему въ первый его пріѣздъ въ Россію? Это долгое время оставалось тайною и не могло быть разъяснено на основаніи какихъ либо достовѣрныхъ историческихъ документовъ; ни въ національныхъ архивахъ Франціи ни въ тамошнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не сохранилось корреспонденціи Дугласа за время его перваго пребыванія въ Россіи и въ промежуткѣ между его обоими поѣздками. Было бы обидно отказаться на этомъ основаніи отъ всякой надежды восполнить этотъ досадный пробѣлъ и принять безъ провѣрки романическую легенду о томъ, какимъ образомъ осуществилось наконецъ давно желаемое сближеніе французскаго и петербургскаго дворовъ. Постараемся разсмотрѣть и выяснить, насколько согласуется съ истиною интересный разсказъ, который принимался до послѣдняго времени самыми серьезными писателями за фактъ вполнѣ достовѣрный, породилъ въ свое время цѣлую литературу [1]), и былъ предметомъ продолжительныхъ и многочисленныхъ изслѣдованій.

По словамъ этой легенды, Дугласъ пріѣхалъ первый разъ въ Россію не одинъ; его сопровождала двадцатилѣтняя его племянница, дѣвица Ліа де-Бомонъ. Вынужденный уѣхать вслѣдствіе интригъ Бестужева и Вилліамса, Дугласъ оставилъ будто бы въ Петербургѣ эту племянницу, познакомивъ ее съ графомъ Бронцовымъ, который обѣщалъ представить ее, въ свою очередь, императрицѣ и содѣйствовать ея опредѣленію во фрейлины. Очарованная своей новой приближенной, Елисавета Петровна помѣстила ее, какъ говоритъ легенда, въ той самой комнатѣ, сосѣдней со своими аппартаментами, въ которой жила уже столь извѣстная впослѣдствіи княгиня Дашкова. Раздѣляя комнату и чуть не постель своей новой подруги, дѣвица де-Бомонъ умѣла снискать расположеніе царицы и наконецъ рѣшилась открыть ей тайну, о которой передавали другъ другу втихомолку фрейлины. Де-Бомонъ призналась Елисаветѣ Петровнѣ, что она скрыла свое имя и свой полъ для того, чтобы быть допущенной къ ея особѣ, и вручила ей письмо отъ французскаго короля. Ліа де-Бомонъ оказалась въ дѣйствительности кавалеромъ Эономъ де-Бомонъ, другомъ Дугласа, который взялся ему помочь при исполненіи даннаго ему порученія; тщедушное тѣлосложеніе и безбородое лицо молодаго человѣка дало ему возможность разыграть свою роль въ совершенствѣ. Императрица не только не разгнѣвалась, узнавъ объ этой мистификаціи, но ее даже прельстила романическая сторона этого приключенія. Она приказала д'Эону возвратиться во Францію и передать королю, что его посланіе принято и доставило удовольствіе.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1874 г., т. X, стр. 744, 745.

Д'Эонъ въ точности передалъ этотъ отвѣтъ, и французское правительство тогда только рѣшилось отправить въ Россію оффиціальнаго посланника; имъ былъ назначенъ тотъ же Дугласъ, котораго сопровождалъ д'Эонъ въ качествѣ секретаря посольства. [1])

Можно вполнѣ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ лицъ, которые, какъ напр. герцогъ де-Брольи, называютъ этотъ разсказъ въ высшей степени неправдоподобнымъ и находятъ, что ни одна изъ его подробностей не выдерживаетъ критики, начиная съ таинственнаго появленія молодаго человѣка при дворѣ Елисаветы Петровны и кончая вторичнымъ появленіемъ бывшей фрейлины подъ видомъ рѣзваго секретаря съ шляпой съ перомъ и со шпагой на боку. [2]) Одно не подлежитъ сомнѣнію, что Дугласъ, получивъ весною 1756 г. приказаніе отправиться вторично въ Россію, взялъ съ собою, въ качествѣ секретаря, молодаго человѣка, имя котораго уже было извѣстно въ литературномъ мірѣ, и что этого секретаря звали Эонъ де-Бомонъ. Въ этомъ исторія сходится съ фабулою. Что же касается перваго путешествія въ Россію этого юноши, то это обстоятельство не подтверждается ни однимъ оффиціальнымъ документомъ; зато имѣется много данныхъ, свидѣтельствующихъ объ ошибочности этого разсказа; многими документами установленъ самымъ положительнымъ образомъ тотъ фактъ, что кавалеръ д'Эонъ прибылъ въ Россію съ Дугласомъ впервые во вторичный его пріѣздъ въ Петербургъ и что онъ чувствовалъ себя весьма непріятно въ странѣ, ему совершенно незнакомой, коей языкъ и нравы были ему чужды.

Такимъ образомъ уничтожается легенда, такъ долго соблазнявшая потомство своей романической подкладкой. Остается возстановить истину.

Хотя во французскихъ архивахъ не сохранилось документовъ, касающихся первой поѣздки Дугласа, но зато въ нихъ находятся всѣ письма, имъ писанныя и на его имя адресованныя во второе его путешествіе. Эта корреспонденція полна намековъ на прошлое и по ней легко можно возстановить всѣ предъидущія событія. Кромѣ того, въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ корреспонденціи изъ Россіи, находится записка, въ коей изложены вкратцѣ всѣ обстоятельства, предшествовавшія возобновленію сношеній Франціи съ Россіей. Эти документы устраняютъ всякое сомнѣніе, и всѣ факты могутъ быть возстановлены по нимъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ; къ сожалѣнію фабула теряетъ при этомъ все свое обаяніе, поэзія смѣняется прозою и посредникомъ примиренія Людовика XV и Елисаветы Петровны является не предпріимчивый, ловкій юноша, переодѣтый фрейлиною, а честный французскій купецъ, ревностно потрудившійся для блага своей родины.

---

[1]) Mémoires de la chevalière d'Eon par T. Gaillardet. Paris 1866.

[2]) Duc de Broglie, Le secret du Roi, II, 100 и сл.

Когда попытка Дугласа попасть во дворецъ подъ покровительствомъ Вилліамса не удалась, и онъ, горюя объ этой невзгодѣ, собирался уѣхать изъ Петербурга, то ему пришло на умъ обратиться къ Мишелю, коего преданность французскому правительству была ему хорошо извѣстна. Несмотря на опасность, сопряженную съ услугою, которой отъ него требовалъ Дугласъ, Мишель не колеблясь изъявилъ согласіе быть ему полезнымъ. Воспользовавшись тѣмъ, что онъ былъ принятъ въ домѣ графа Воронцова какъ свой человѣкъ, онъ познакомилъ съ нимъ Дугласа, а вице-канцлеръ обѣщалъ довести до свѣдѣнія государыни о цѣли его пріѣзда въ Петербургъ и предложилъ Дугласу изложить ему письменно все то, что ему велѣно предложить отъ французскаго двора, чтобы онъ могъ сдѣлать обстоятельное донесеніе ея величеству. Дугласъ согласился и подалъ слѣдующую записку: «Король, мой государь, отправилъ меня къ вашему сіятельству съ извѣщеніемъ, что, если ея величество императрица дѣйствительно расположена къ соединенію съ Франціею, то его величество съ удовольствіемъ увидитъ установленіе дружескихъ сношеній, которымъ, для взаимныхъ интересовъ, не слѣдовало бы никогда прерываться. Мнѣ поручено васъ увѣрить, что, когда императрица рѣшится назначить своего министра во Францію, то король, какъ только узнаетъ о происхожденіи и званіи этого министра, немедленно назначитъ своего министра въ Россію, равнаго по происхожденію и званію». Въ отвѣтѣ, составленномъ на эту записку, отъ имени государыни, говорилось, что императрица съ особеннымъ удовольствіемъ узнала о личныхъ чувствахъ короля къ ней и, такъ какъ она ожидала только случая увѣрить короля въ своихъ чувствахъ къ нему, неизмѣнно ею сохраненныхъ, то ея величество очень рада видѣть доброе расположеніе его величества къ возстановленію добраго согласія и тѣсной дружбы между обоими дворами [1]) и искренно желаетъ возобновить прежнія дружественныя отношенія съ Франціей подъ условіемъ, что примиреніе будетъ полное и поведетъ къ заключенію твердаго союза между обоими государствами. При этомъ она изъявила готовность принять посланнаго короля, кто бы таковой ни былъ, ежели ему будутъ даны достаточныя полномочія для того, чтобы подписать съ нею союзный договоръ. Воронцовъ даже выдалъ Дугласу въ томъ письменное удостовѣреніе.

Получивъ этотъ драгоцѣнный документъ, Дугласъ поспѣшилъ возвратиться съ нимъ во Францію. Въ его отсутствіе Мишель велъ съ нимъ дѣятельную переписку и служилъ дѣлу сближенія двухъ государствъ, поддерживая, съ одной стороны, въ графѣ Воронцовѣ и въ самой импе-

[1]) Соловьевъ, т. 24, стр. 68.

ратрицѣ симпатіи къ Франціи, а съ другой, поощряя французское правительство дѣйствовать смѣлѣе и энергичнѣе.

Отправляя Дугласа въ Петербургъ вторично, французскій дворъ все еще не хотѣлъ связывать себя окончательно и разрѣшилъ ему только начать переговоры о союзѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ Дугласъ и его секретарь д'Эонъ остановились въ домѣ Мишеля, и контора негоціанта превратилась въ канцелярію дипломата. Приказчики Мишеля писали дипломатическія депеши, а самъ Мишель ссудилъ Дугласу 10 тысячъ ливровъ на первые расходы и вновь принялъ на себя роль дѣйствующаго лица и руководителя.

Елисавета Петровна находила, что намѣренія короля не вполнѣ соотвѣтствовали ея желаніямъ, такъ какъ Франція по прежнему считала для себя необходимымъ препятствовать усиленію русскаго вліянія въ Польшѣ и не подавала вида, что можетъ пожертвовать турецкими интересами въ пользу Россіи. Въ свою очередь она колебалась и, зная, что канцлеръ былъ безусловно преданъ Англіи, она волновалась при мысли, что ей придется дѣйствовать наперекоръ его планамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней при петербургскомъ дворѣ происходила самая ожесточенная борьба партій. Бестужевъ не жалѣлъ средствъ, чтобы погубить Францію; онъ даже былъ готовъ на преступленіе; въ его бумагахъ найденъ впослѣдствіи составленный имъ планъ лишить жизни Дугласа, Мишеля и д'Эона.

Съ другой стороны Воронцовъ и Мишель, не пренебрегали ничѣмъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ. У Мишеля были во дворцѣ кліенты, люди ему обязанные, и онъ пользовался ихъ вліяніемъ.

На сторонѣ Франціи оказался вскорѣ еще одинъ человѣкъ—фаворитъ, графъ Иванъ Шуваловъ, имѣвшій огромное вліяніе на императрицу.

— Наша бѣда въ томъ,—говорилъ Бестужевъ жалуясь Вилліамсу,—что у насъ есть теперь молодой фаворитъ, который говоритъ по-французски и любитъ французовъ и ихъ моды. Онъ желаетъ, чтобы къ здѣшнему двору прибыло большое посольство изъ Франціи [1]).

Наконецъ, Елисавета Петровна рѣшилась поступить по своему желанію, объявила о своемъ намѣреніи дать аудіенцію французскому посланнику, и, принявъ Дугласа, назначила вслѣдъ затѣмъ въ Версаль своего повѣреннаго въ дѣлахъ. Чувствуя себя побѣжденнымъ, Бестужевъ перемѣнилъ тактику, сталъ сговорчивъ и даже угодливъ и говорилъ всѣмъ и каждому, что онъ смотритъ на сближеніе съ Франціей какъ на естественное послѣдствіе союза этой державы съ Австріей—

---

[1]) Депеша Вилліамса отъ 9-го іюля 1756 г. Напечатана въ „La Cour de Russie il y a cent ans“ и въ „Русск. Стар.“ т. 84. ноябрь, стр. 77.

исконной союзницей Россіи. Чтобы удержаться у власти, онъ согласился раздѣлить ее съ Воронцовымъ: оба сановника получили приказаніе совмѣстно вести съ Дугласомъ переговоры о союзѣ.

Роль Мишеля этимъ не окончилась. Онъ продолжалъ свои полуторговыя, полуполитическія, если можно такъ выразиться, поѣздки, разъѣзжалъ взадъ и впередъ изъ С.-Петербурга въ Парижъ и обратно, передавая самыя важныя извѣстія и всю корреспонденцію, которую нельзя было довѣрить почтѣ.

Послѣ того какъ Дугласъ получилъ аудіенцію у императрицы, Мишель совершилъ въ 18 дней путь въ Парижъ, привезъ во Францію эту добрую вѣсть и возвратился оттуда съ декларацією, коей французское правительство обѣщало въ непродолжительномъ времени назначить въ Россію постояннаго посланника. Мишель горѣлъ нетерпѣніемъ доставить русскому двору этотъ документъ, какъ можно скорѣе. Въ Данцигѣ, одинъ изъ корреспондентовъ Дугласа видѣлъ, что онъ «подобно молніи пронесся по городу» [1]).

Всѣ эти подробности не только интересны сами по себѣ, но важны въ томъ отношеніи, что онѣ доказываютъ ошибочность существовавшаго доселѣ мнѣнія, будто сближеніе Франціи съ Россіей было послѣдствіемъ союза, заключеннаго французскимъ правительствомъ съ Австріей, и свидѣтельствуютъ о томъ, что союзъ этихъ державъ явился результатомъ добровольнаго соглашенія между обоими государствами и ихъ монархами. Елисавета Петровна дала волю давно сдержаннымъ своимъ желаніямъ, лишь только Людовикъ XV подалъ ей къ тому поводъ и не желала имѣть въ дѣлѣ сближенія съ Франціей никакихъ посредниковъ.

— Я не хочу,—говорила она Дугласу,—чтобы въ дѣлѣ сближенія моего съ королемъ участвовало какое-нибудь третье лицо. Я прошу его только дѣйствовать искренно и прямо съ полной взаимностью во всемъ, что будетъ насъ касаться [2]).

Съ этого момента личное участіе императрицы имѣло большое вліяніе на дѣла внѣшней политики и когда Дугласъ былъ утвержденъ оффиціально въ званіи посланника, первою ея заботою было предложить ему заключить съ нею отдѣльный союзъ независимо отъ договора, заключеннаго Франціей съ ея союзницею—Австріей.

Къ сожалѣнію, лица, руководившія иностранной политикой Франціи въ 1756 г., хотя и понимали ея задачи и были одушевлены наилучшими намѣреніями, но не стояли вполнѣ на высотѣ своей задачи; они погрѣшили нѣкоторой слабостью и не съумѣли предоставить Франціи первенствующую роль, которую она могла бы играть при этихъ обстоятель-

---

[1]) Mathy—Дугласу, 3-го сентября 1756 г.

[2]) Письмо Дугласа 25-го сентября 1756 г.

ствахъ, а предпочли идти на помочахъ ея новой союзницы Австріи, туда куда она хотѣла. Вслѣдствіе робости ея правительства и отсутствія въ немъ иниціативы, Франція играла въ Петербургѣ второстепенную роль, какъ будто ничего не могла добиться безъ посредничества и согласія Австріи. Начавъ, по предложенію Елисаветы Петровны съ русскимъ дворомъ переговоры о заключеніи отдѣльнаго союза, Франція вскорѣ прервала ихъ, выразивъ вмѣстѣ съ вѣнскимъ дворомъ желаніе, чтобы Россія только присоединилась къ Версальскому договору. Послѣ такого заявленія, истиннымъ представителемъ Франціи въ Петербургѣ сталъ не Дугласъ, а австрійскій посланникъ, графъ Эстергази.

Императрица удивлялась этой робости и даже была ею оскорблена. «Вы предписываете мнѣ, писалъ Дугласъ министру иностранныхъ дѣлъ Рулье, совѣтываться во всемъ съ австрійскимъ посланникомъ, а здѣшніе министры находятъ, что это ставитъ меня въ подчиненное положеніе и всѣ наши рѣшенія въ зависимость отъ вѣнскаго двора. Ихъ удивляетъ еще болѣе ваша откровенность по отношенію къ Австріи и ваша готовность утратить всѣ преимущества секретныхъ переговоровъ, которые вы ведете съ Россіей. Наконецъ, я не могу скрыть, что намекъ, сдѣланный австрійскимъ посланникомъ, будто вы не прочь дать субсидію русскому правительству по просьбѣ австрійскаго двора, тогда какъ вы ни словомъ не предупредили меня о томъ, и я не могъ съ своей стороны на это намекнуть, крайне удивилъ самыхъ преданныхъ вашихъ друзей; по ихъ мнѣнію, это обидно для нашего обоюднаго достоинства, можетъ помѣшать искренности нашихъ отношеній и повести къ тому, что союзъ Франціи съ русскимъ дворомъ будетъ поставленъ въ зависимость отъ Австріи, на что Россія не желаетъ и не можетъ согласиться» [1]).

Австрія между тѣмъ не дремала; она ловко съумѣла воспользоваться робостью и нерѣшительностью Франціи. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1756 г. графъ Эстергази вручилъ Елисаветѣ Петровнѣ, подъ величайшей тайною, планъ совмѣстныхъ съ Австріей дѣйствій противъ Пруссіи [2]), который императрица передала на разсмотрѣніе Бестужеву. 17-го мая 1756 года канцлеръ прочелъ въ совѣтѣ записку, въ коей излагалъ насколько новое усиленіе прусской монархіи могло оказаться пагубнымъ для Россіи.

Король прусскій, говорилось въ этой запискѣ, довелъ уже численность своей арміи съ 80 до 200 тысячъ человѣкъ; отъ доходовъ съ Силезіи и отъ милліоновъ, взимаемыхъ съ Саксоніи, составился военный фондъ; онъ добивается Ганновера съ одной стороны, Курляндіи — съ другой, и сдѣлался самымъ опаснымъ изъ сосѣдей.

---

[1]) Дугласъ, 25-го сентября 1756 г.

[2]) Мартенсъ, I, 190.

Справедливость вышесказаннаго нельзя было отрицать, и Елисавета Петровна, какъ извѣстно, лично ненавидѣвшая прусскаго короля [1]), склонялась все болѣе и болѣе къ мысли о необходимости сократить его силы.

Марія-Терезія начала въ то же время переговоры въ Дрезденѣ и подготовляла настоящую коалицію противъ Фридриха, который, увидавъ угрожавшую ему опасность, счелъ за лучшее предупредить своихъ враговъ и покончить однимъ ударомъ меча съ тѣми затрудненіями, которыя угрожали ему со всѣхъ сторонъ. «Было вѣроятно, говоритъ самъ Фридрихъ въ своихъ запискахъ, что въ этомъ году враги Пруссіи не начнутъ войны, ибо петербургскій дворъ хотѣлъ отложить ее до слѣдующаго года, и было очевидно, что императрица-королева будетъ дожидаться, пока всѣ ея союзники приготовятся напасть на прусскаго короля соединенными силами. Эти соображенія повели къ вопросу: что выгоднѣе—предупредить непріятеля, напавши на него сейчасъ же, или дожидаться, пока онъ кончитъ свои сборы. Какъ бы ни рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, война была одинаково вѣрна и неизбѣжна» [2]). Разсчитавъ, что саксонское войско было слабо (въ немъ считалось всего около 18.000), Фридрихъ рѣшилъ, что ему можно было спастись только быстротою и силою. Поэтому 29-го августа 1756 г. пруссаки вступили неожиданно подъ начальствомъ самого короля въ Саксонію, обложили страну реквизиціями и разграбили дрезденскіе архивы, надѣясь найти въ нихъ доказательства дипломатическаго заговора, направленнаго противъ ихъ короля; саксонское войско, вынужденное сложить оружіе, было включено въ составъ прусской арміи прежде, нежели австрійскія войска успѣли выступить изъ Богеміи.

Это угрожало европейскою войною. Императрица австрійская должна была вступиться за своего союзника, курфюрста Саксонскаго; Людовикъ XV, по Версальскому договору, долженъ былъ помочь ей войскомъ, а Россіи со своей стороны пришлось бы выполнить въ такомъ случаѣ свои старинныя обязательства по отношенію къ Австріи. Елисавета Петровна выражала уже намѣреніе двинуть войска въ Германію обычнымъ путемъ, т. е. черезъ Польшу. Между тѣмъ вступленіе прусскихъ

---

[1]) Причиною этой вражды были оскорбительныя изреченія и насмѣшки на счетъ императрицъ Маріи-Терезіи и Елисаветы Петровны, которыя позволялъ себѣ Фридрихъ II съ тѣхъ поръ, какъ удостовѣрился въ намѣреніи ихъ начать съ нимъ войну. Въ стихотвореніяхъ и разговорахъ своихъ онъ осмѣивалъ ихъ страсти. Елисавета Петровна была столь раздражена, что поклялась непримиримою къ нему враждою. Ведемейеръ, „Царствованіе Елисаветы Петровны“, т. II, стр. 1.

[2]) Mémoires de Frédéric II, т. I, 420 и Соловьевъ, т. 24, стр. 39.

войскъ въ Саксонію ускорило переговоры, начатые въ Петербургѣ о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору, но тутъ возникло новое затрудненіе. Заключая союзъ съ Елисаветой Петровною, Франціи приходилось пожертвовать ей не только Польшей, которую императрица намѣревалась занять войсками, но быть можетъ и Турціей, слѣдовательно Франціи приходилось выбирать между новой дружбою и вѣковыми традиціями. Такъ какъ державы, подписавшія Версальскій договоръ, обязались помогать другъ другу въ случаѣ войны, то прежде всего необходимо было выяснить, будетъ ли включена въ договоръ съ Россіей оговорка на случай ея войны съ Турціей, или Франція согласится, по точному смыслу этого договора, бомбардировать Константинополь въ то время, когда русскія войска перейдутъ Дунай. Французское правительство не могло на это рѣшиться; Дугласу велѣно было потребовать исключенія въ пользу Турціи, но онъ уже привыкъ во всемъ слѣдовать покорно внушеніямъ австрійскаго посланника, а графъ Эстергази со своей стороны всячески старался порвать вѣковыя отношенія Франціи къ Портѣ и совѣтовалъ Дугласу не затягивать вопроса о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору этимъ несвоевременнымъ требованіемъ. Подъ его вліяніемъ, Дугласъ рѣшился обойти данныя ему инструкціи; включивъ въ договоръ упомянутую оговорку, какъ это ему было приказано, онъ подписалъ одновременно секретную декларацію, въ силу которой Франція обѣщала, въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, доставить своей новой союзницѣ помощь деньгами. Оставалось ожидать ратификаціи короля.

Надобно сказать, что Дугласъ рѣшился отступить отъ данныхъ ему приказаній противъ воли и несказанно волновался за послѣдствія своего непослушанія; онъ поручилъ Мишелю съѣздить еще разъ въ Версаль и отвезти подписанное имъ тайное соглашеніе, одновременно съ актомъ о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору, въ надеждѣ, что второй документъ заставитъ примириться съ первымъ. По этому поводу мы находимъ въ письмахъ изъ Россіи потвержденіе касательно той роли, какую Мишель игралъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ при тайныхъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей; особенно любопытенъ тотъ фактъ, что участіе въ этомъ дѣлѣ Мишеля подтверждается никѣмъ инымъ, какъ самимъ кавалеромъ Эономъ де-Бомонъ.

«Я желалъ бы, писалъ молодой секретарь къ Терсье, быть вѣстникомъ однѣхъ только нашихъ побѣдъ и успѣховъ г. Дугласа, но надобно отдать справедливость и г. Мишелю за выказанное имъ во всѣхъ случаяхъ истинно патріотическое усердіе» [1]).

Секретное соглашеніе, подписанное въ Петербургѣ Дугласомъ, вы-

[1]) Частное письмо д'Эона—Терсье отъ 1-го января 1757 г. (ст. ст.).

звало въ Версалѣ единодушное негодованіе. Всѣ были страшно раздражены противъ несчастнаго Дугласа, на него посыпались со всѣхъ сторонъ упреки. Рулье написалъ ему частное письмо, наполненное укоризнами и въ то же время изложилъ въ оффиціальной депешѣ причины, по которымъ честь и достоинство французскаго короля не позволили ему ратификовать заключеннаго отъ его имени договора. Онъ считалъ это дѣло нечестнымъ и подозрѣвалъ канцлера, что онъ нарочно это устроилъ, желая или поссорить Францію съ Портою, или произвести холодность между Франціей и Россіей. Онъ рѣшился даже сказать русскому представителю въ Парижѣ, г. Бехтѣеву, что такимъ образомъ нельзя имѣть никакого дѣла съ русскимъ дворомъ [1]). Людовикъ XV излилъ свое негодованіе въ конфиденціальномъ письмѣ къ Терсье: «я не могу согласиться на этотъ прекрасный секретный актъ, писалъ король, который Дугласъ имѣлъ глупость подписать» [2]). Французскіе министры полагали, что нѣсколько строкъ, написанныхъ имъ собственноручно Елисаветѣ Петровнѣ, побудятъ императрицу не настаивать на ея требованіи; король не соглашался на это вначалѣ, боясь поставить себя въ неловкое положеніе, но по зрѣломъ обсужденіи написалъ императрицѣ собственноручное письмо, въ которомъ просилъ ее уничтожить помянутое соглашеніе [3]).

Польщенная такою предупредительностью, царица оказалась сговорчивою, и этотъ инцидентъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Графы Бестужевъ и Воронцовъ разорвали секретную декларацію въ присутствіи сконфуженнаго и раскаивающагося Дугласа. За этимъ послѣдовалъ обмѣнъ ратификацій, въ то время какъ Елисавета Петровна собственноручнымъ письмомъ увѣряла короля въ своей неизмѣнной преданности.[4]) Присоединяясь къ договору 1756 года императрица поклялась Людовику XV въ «вѣчной и неизмѣнной дружбѣ» [5]) и обязалась соблюдать нейтралитетъ въ случаѣ войны Франціи съ Англіей. Кромѣ оговорокъ, внесенныхъ въ договоръ относительно Англіи и Турціи, монархи обязались помогать другъ другу въ случаѣ войны съ какой бы то ни было державою. Казалось, Франція и Россія, заключая этотъ договоръ, не имѣли въ виду какого либо опредѣленнаго врага, противъ котораго онѣ собирались бы дѣйствовать совмѣстно, но на самомъ дѣлѣ Европа собиралась воевать, и французскія войска готовились перейти Рейнъ, а русское войско—Нѣманъ, чтобы атаковать одновременно Пруссію.

---

[1]) Соловьевъ, т. 24, стр. 111.

[2]) Секретная корреспонденція Людовика XV, письмо отъ 13-го февраля 1757 года. Boutaric, I, 217.

[3]) Тамъ же. Письмо отъ 24-го февраля 1757 года, стр. 218.

[4]) Письмо отъ 19-го апрѣля 1857 года.

[5]) См. текстъ этого договора, обнародованный Массономъ въ приложеніи къ Correspondance de Bernis. T. I, прил. IV, стр. 463 и сл.

1 мая 1757 года, ровно черезъ годъ по заключеніи перваго Версальскаго трактата, Франція и Австрія заключили въ Версалѣ же второй договоръ, направленный уже исключительно противъ Фридриха и имѣвшій цѣлью «ограничить могущество прусскаго короля, чтобы онъ впредь не могъ нарушить общественнаго спокойствія» [1]). Россія присоединилась и къ этому второму договору; а когда Швеція выразила, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, намѣреніе присоединиться къ коалиціи, составленной противъ Пруссіи, то Франція, Австрія и Россія заключили съ нею конвенцію, скрѣпившую окончательно ихъ узы.

Союзные договоры, которые были заключены различными европейскими дворами въ 1756—1757 г.г., вслѣдъ за Версальскимъ договоромъ, и непосредственно имъ вызваны, обусловили совершенно новую группировку державъ, которая въ корнѣ измѣнила ихъ прежніе взаимныя отношенія, нарушила старинныя традиціи и сбила съ толку старыхъ политиковъ; поэтому помянутый договоръ по справедливости можетъ считаться однимъ изъ самыхъ важныхъ и глубокихъ по своимъ послѣдствіямъ дипломатическихъ переворотовъ, совершившихся въ теченіе XVIII вѣка. Было бы весьма ошибочно видѣть въ немъ только сближеніе двухъ вѣковыхъ враговъ, Франціи и Австріи, соединившихся для того, чтобы дать отпоръ королю прусскому, надоѣвшему своими вѣчными домогательствами и своимъ вѣроломствомъ одинаково Людовику XV и Маріи-Терезіи. Потомство болѣе ста лѣтъ ошибалось насчетъ истиннаго значенія этого договора, потому что оно не разсматривало его въ связи съ тѣми переговорами, которые велись одновременно въ разныхъ столицахъ Европы; до послѣдняго времени не была также вполнѣ выяснена роль, которую играла въ событіи 1756 г. Россія, а ея роль была, въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, весьма значительна. Согласившись въ 1755 г. доставить англійскому королю 70-ти тысячную армію для защиты Ганновера, и нагнавъ этимъ паническій страхъ на прусскаго короля, Россія лишила тѣмъ самымъ Францію ея союзника, такъ какъ Фридрихъ поспѣшилъ заключить съ Англіей Вестминстерскій договоръ, несовмѣстимый съ его прежними обязательствами, а это вынудило, въ свою очередь, Людовика XV не пренебрегать долѣе союзомъ съ Австріей. Благодаря обнародованнымъ за послѣднее время въ высшей степени важнымъ историческимъ документамъ, извлеченнымъ изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ [2]), и пролившимъ яркій свѣтъ

---

[1]) Массонъ т. I. прилож. VII, стр. 470.

[2]) Въ особенности „Mémoires et lettres du cardinal de Bernis", изд. Массономъ, Paris 1878 г.—Документъ исключительной важности для дипломатической исторіи XVIII-го вѣка. Также соч. „Arneth'a, Geschichte Maria Theresia's", составленное по документамъ вѣнскаго архива и друг.

на всю совокупность дипломатическихъ переговоровъ, которые велись въ разсматриваемое нами время при различныхъ дворахъ Европы, договоръ, подписанный 1-го мая 1756 г. въ Версалѣ французскимъ и австрійскимъ дворами, является дѣломъ вовсе не случайнымъ; напротивъ того, это былъ со стороны Франціи поступокъ зрѣло обдуманный, совершенный подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ коихъ значительную роль играла, какъ мы только что видѣли, личная воля и даже инціатива императрицы Елисаветы Петровны.

Такимъ образомъ, возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Франціей и Россіей привело ихъ, силою вещей, менѣе чѣмъ черезъ годъ къ вооруженному союзу.

Проектъ, который Петръ Великій обсуждалъ 40 лѣтъ передъ тѣмъ, съ регентомъ французской монархіи, подъ сѣнью тюльерійскихъ деревъ, казалось былъ близокъ къ осуществленію, но союзъ, заключенный между Франціей и Россіей, далеко не походилъ на тотъ союзъ, о которомъ мечталъ царь-преобразователь. Петръ Великій считалъ его необходимымъ въ принципѣ, его дочь смотрѣла на этотъ союзъ какъ на бракъ по склонности, а Людовикъ XV—какъ на случайное сближеніе. Въ 1757 г. онъ не представлялъ уже тѣхъ выгодъ и той гарантіи на устойчивость, какъ въ началѣ XVIII-го столѣтія или хотя бы въ 1732 или 1742 г. Личныя симпатіи Елисаветы Петровны къ Франціи не оставляли желать ничего лучшаго, но при ея дворѣ была многочисленная партія, къ которой принадлежалъ самъ наслѣдникъ престола, коей всѣ симпатіи были на сторонѣ враговъ этой державы; перемѣна монарха могла измѣнить всю внѣшнюю политику Россіи и заставить ее искать новыхъ союзниковъ.

Кромѣ того, новыя обязательства, заключенныя Франціею, лишали ее плодовъ всей ея предыдущей, многолѣтней политики и всѣхъ успѣховъ, какихъ она достигла въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ. Все искусство ея дипломатовъ пропало даромъ; ей приходилось отказаться отъ мысли играть впредь при второстепенныхъ дворахъ Европы руководящую роль; они подпали подъ вліяніе Россіи, которое Франція уже не въ силахъ была побороть. Мало того, чтобы исполнить свои обязательства къ новому союзнику, Франціи приходилось изобличить себя во лжи и доказывать какъ разъ противное тому, что она постоянно утверждала. Ей приходилось совѣтывать Турціи смотрѣть сквозь пальцы на всѣ захваты Россіи, приходилось убѣждать Польшу въ томъ, что сосѣди завладѣли ею для величайшаго ея блага, и такимъ образомъ дать своимъ бывшимъ союзникамъ поводъ, съ полнымъ основаніемъ, упрекать ее въ непослѣдовательности и легкомысліи.

Но каковы бы ни были эти неудобства, новая система искупала ихъ однимъ неоцѣнимымъ преимуществомъ: она давала Франціи возможность исправить сдѣланную ошибку, когда она поощряла усиленіе Пруссіи и

честолюбіе ея монарха, оказавшагося вѣроломнымъ союзникомъ и чрезвычайно опаснымъ противникомъ. Соединенными усиліями трехъ державъ: Франціи, Австріи и Россіи, можно было надѣяться сокрушить могущество прусской монархіи, ставшей для всей Европы вѣчнымъ источникомъ смутъ и опасеній, вслѣдствіе алчности ея монарха, считавшаго излишнимъ соблюдать самые священные договоры и обязательства, когда это было несовмѣстимо съ его личными интересами.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оливковая вѣтвь Франціи на гробницѣ Императора Александра III.

12-го минувшаго августа, президентъ Французской республики Феликсъ Форъ, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, прежде всего отправился въ Петропавловскій соборъ, гдѣ поклонился гробницѣ Императора Александра III и возложилъ на нее оливковую вѣтвь изъ золота, съ лентою, на которой вырѣзано: «In pace concepta firmat tempus» (задуманное во имя мира скрѣпляется временемъ).

Въ № 231 «Le Figaro» (7-го (19) августа 1897 г.) помѣщена слѣдующая замѣтка въ поясненіе вышеприведенной надписи:

«Не задолго до посѣщенія Кронштадта французской эскадрой, великій князь, русскій министръ и аккредитованный при дворѣ Царя посолъ бесѣдовали, въ присутствіи Императора Александра III, о значеніи и прочности мирныхъ и дружественныхъ трактатовъ.

«Зашла рѣчь о Парижскомъ трактатѣ, припоминался Тильзитскій миръ. Что осталось отъ нихъ? Воспоминаніе и числа въ книгахъ и на пергаментѣ!

«Александръ III, все слушавшій, замѣтилъ:

— Это потому, что силою и войною нельзя создать прочныхъ союзовъ или устойчивыхъ трактатовъ.

«Затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ добавилъ, отчеканивая каждое слово:

— Время же, напротивъ, закрѣпляетъ и упрочиваетъ союзы, честно заключенные среди мира.

«Эти слова Александра III, переданныя слышавшимъ ихъ посломъ, были переведены по-латыни и составили текстъ надписи на лентѣ, обвивающей оливковую вѣтвь, которую президентъ республики возложитъ на гробницу Великаго Друга Франціи».

Сомнѣваться въ справедливости этой замѣтки нѣтъ повода. Приведенныя въ ней слова Царя-Миротворца служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ его права на этотъ титулъ, а увѣковѣченіе этихъ знаменательныхъ словъ служитъ прекраснымъ выраженіемъ ихъ достойной оцѣнки дружественнымъ народомъ.

Нельзя не пожелать, чтобы кто-нибудь изъ слышавшихъ эти слова, сообщилъ въ печати, когда именно, гдѣ и въ чьемъ именно присутствіи они были произнесены.

Сообщилъ **Г. А. Тройницкій.**

А. В. Головнинъ и его отношенія къ А. И. Герцену.

На дняхъ прочиталъ я въ августовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» въ высшей степени интересныя письма князя Н. П. Мещерскаго къ Софьѣ Петровнѣ Катковой, оцѣнивающія по справедливости заслуги М. Н. Каткова, этого замѣчательнаго человѣка, но къ сожалѣнію, въ письмахъ этихъ вкралась неточность, которую считаю долгомъ исправить.

Говоря о журналѣ «Колоколъ», князь Н. П. Мещерскій пишетъ (стр. 4): «Положеніе было баснословное и казалось безвыходнымъ; цензурою управлялъ — кто же? Министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, человѣкъ ума замѣчательнаго и властолюбія безграничнаго. Онъ, къ изумленію людей благонамѣренныхъ, ясно понимавшихъ положеніе, успѣлъ убѣдить правительство, что допущеніе въ печати гласнаго возраженія на Герценскія произведенія представляло величайшую опасность, что для блага Россіи требовалось, чтобы имя Герцена вовсе не являлось въ печати. Такимъ образомъ, по всей Россіи разсылался «Колоколъ», но отвѣчать ему было запрещено!.. Свѣжо преданіе, но...»

За симъ слѣдуетъ краснорѣчивое описаніе торжества появленія статей Каткова о Герценѣ.

На это тяжкое обвиненіе А. В. Головнина считаю долгомъ представить не слова, а факты, подтвержденіе которыхъ можно найти въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія того времени, т. е. 1862 г. Все, что пишетъ князь Н. П. Мещерскій, дѣйствительно справедливо, но оно относится ко времени, предшедствовавшему назначенію Головнина министромъ народнаго просвѣщенія.

25-го декабря 1861 г., т. е. въ самый разгаръ вліянія «Колокола», Головнинъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и два мѣсяца спустя, послѣ упраздненія Главнаго цензурнаго управленія, предложилъ онъ государю назначить меня предсѣдателемъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета. Назначеніе мое состоялось 10-го марта 1862 года.

При первомъ моемъ докладѣ Головнинъ объявилъ мнѣ, что онъ конфиденціально сносился съ шефомъ жандармовъ и съ министромъ финансовъ, чтобы узнать отъ нихъ, какія мѣры они сочтутъ необходимыми принять для предупрежденія громаднаго ввоза «Колокола» въ Россію, и оба отвѣтили ему, что всѣ возможныя мѣры для достиженія этой цѣли приняты и что за симъ они не признаютъ возможнымъ придумать что-либо другое. При этомъ Головнинъ спросилъ мое мнѣніе, какъ поступать въ этомъ случаѣ? Я ему отвѣчалъ, что, по моему искреннему убѣжденію, съ силою не физическою, а нравственною можно бороться только такою же силою, а потому я полагалъ бы весьма полезнымъ разрѣшить нашей печати возражать на статьи «Колокола» и при этомъ выразилъ надежду, что наша печать сумѣетъ разобличить тѣ крайнія увлеченія, которыми, несмотря на замѣчательный умъ и способность Герцена, изобиловала его газета, имѣвшая за собою преимущество запрещеннаго плода. Выслушавъ меня, Головнинъ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе.

Спустя нѣсколько дней явился ко мнѣ редакторъ «Сѣверной Пчелы» П. Ст. Усовъ и принесъ мнѣ нумеръ «Вятскихъ губернскихъ вѣдомостей» 1862 года, въ которыхъ находилась рѣчь, произнесенная Герценомъ въ Вяткѣ 6-го декабря 1837 года. Въ этой рѣчи онъ утверждалъ, что въ Россіи прогрессъ всегда исходитъ отъ правительства [1]).

---

[1]) Считая не лишнимъ познакомить читателей съ содержаніемъ этой рѣчи редакція приводитъ ее дословно.

„Милостивые государи! Съ тѣхъ поръ, какъ Россія въ лицѣ Великаго Петра совѣщалась съ Лейбницомъ о своемъ просвѣщеніи, съ тѣхъ поръ, какъ она царю передала дѣло своего воспитанія,—правительство, подобно солнцу, ниспослало лучи свѣта тому великому народу, которому только недоставало просвѣщенія, чтобъ сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ. Оно продолжало жизнь Петра выполненіемъ его мысли, постоянно, неутомимо, прививая Россіи науку. Цари, какъ Великій Петръ, стали впереди своего народа и повели его къ образованію. Ими были заведены академіи и университеты, ими были призваны люди, знаменитые на ученомъ поприщѣ; а они намъ передали европейскую науку, и мы вступили во владѣніе ея, не дѣлая тѣхъ жертвъ, которыхъ она стоила нашимъ сосѣдямъ; они намъ передали изобрѣтенія, найденныя по тернистому пути, который сами прокладывали, а мы ими воспользовались и пошли далѣе; они передали прошедшее Европы, а мы отво-

Пав. Ст. Усовъ приходилъ ко мнѣ съ жалобою на цензора, не согласившагося на перепечатаніе этой статьи въ «Сѣверной Пчелѣ», что я, къ великому удовольствію Усова, немедля ему разрѣшилъ.

Въ самый день появленія этой статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» получилъ я записку отъ шефа жандармовъ, князя В. А. Долгорукова, въ которой онъ меня убѣдительно просилъ заѣхать къ нему въ тотъ же день, что я и исполнилъ. Князь встрѣтилъ меня крайне встревоженный съ вопросомъ, кто тотъ злополучный цензоръ, который разрѣшилъ перепечатать въ «Сѣверной Пчелѣ» статью изъ «Вятскихъ вѣдомостей», повто-

---

рили безконечный иподромъ въ будущемъ. Свѣтъ распространяется быстро, потребность свѣдѣнія обнаружилась рѣшительно во всѣхъ частяхъ этой вселенной, называемой Россія. Чтобъ удовлетворить ей, учебныхъ заведеній оказалось недостаточно. Аудиторія открыта для нѣкоторыхъ избранныхъ,—массамъ надобно другое. Сфинксы, охраняющіе храмъ наукъ, не каждаго пропускаютъ и не каждый имѣетъ средство войти въ него. Для того, чтобъ просвѣщеніе сдѣлать народнымъ, надо было избрать болѣе общее средство и размѣнять, такъ сказать, науку на мелкія деньги. И вотъ нашъ великій царь предупреждаетъ потребность народную заведеніемъ публичныхъ библіотекъ въ губернскихъ городахъ. Публичная библіотека—это открытый столъ идей, за который приглашенъ каждый, за которымъ каждый найдетъ ту пищу, которую ищетъ; это запасный магазейнъ, куда одни положили свои мысли и открытія, а другіе берутъ ихъ въ ростъ. Въ той странѣ, гдѣ просвѣщеніе считается необходимымъ, какъ хлѣбъ насущный—въ Германіи—это средство давно уже извѣстно: тамъ нѣтъ маленькаго городка, гдѣ бы не было библіотеки для чтенія; тамъ всѣ читаютъ: работникъ, положивъ молотъ, беретъ книгу, торговка ожидаетъ покупщика съ книгой въ рукѣ, и, послѣ этого, обратите вниманіе ваше на образованность народа германскаго и вы увидите пользу чтенія. Это-то вліяніе вмѣстѣ съ положительной пользой распространенія открытій, поселило великую мысль учредить публичныя библіотеки на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ связываются узлы гражданской жизни нашей обширной родины. Августѣйшимъ утвержденіемъ своимъ, государь императоръ далъ жизнь этой мысли и въ большей части значительныхъ городовъ Имперіи открыты библіотеки. Пожертвованія ваши, милостивые государи, доказываютъ, что здѣшнее общество оправдало попеченія правительства. Нѣтъ мѣста сомнѣнію, что святое начинаніе наше благословится Богомъ.

„Теперь позвольте мнѣ, милостивые государи, обратиться исключительно къ будущимъ читателямъ; не новое хочу я имъ сказать, а повторить извѣстныя всѣмъ вамъ мысли о томъ, что такое книга.

„Отецъ передаетъ сыну опытъ, пріобрѣтенный дорогими трудами, какъ даръ, для того, чтобъ избавить его отъ труда, уже совершеннаго. Точно такъ поступали цѣлыя племена, такъ составились на Востокѣ эти преданія, имѣющія силу закона; одно поколѣніе передавало свой опытъ другому, это другое уходя прибавляло къ нему результатъ своей жизни, и вотъ составилась система правилъ, истинъ, замѣчаній, на которую новое поколѣніе опирается, какъ на предыдущій фактъ, и который хранитъ твердо въ душѣ своей, какъ драгоцѣнное отцовское наслѣдіе. Этотъ предыдущій фактъ, этотъ-то опытъ,

ряя нѣсколько разъ, что нельзя допускать, чтобы имя государственнаго преступника упоминалось въ печати. Я ему отвѣчалъ, что здѣсь дѣло идетъ не о государственномъ преступникѣ, а о журналистѣ, котораго имя упоминается ежедневно въ обществѣ и котораго статьи читаются нарасхватъ, хотя и тайно; что статья пропущена не цензоромъ, а мною, подъ личною моею отвѣтственностью, и что я его убѣдительно прошу повременить своимъ сужденіемъ объ этой статьѣ не болѣе одной недѣли, т. е. до полученія перваго слѣдующаго нумера «Колокола» изъ Лондона. Князь В. А. Долгоруковъ былъ человѣкъ въ высшей сте-

---

написанный и брошенный въ общее употребленіе, есть книга. Книга—это духовное завѣщаніе одного поколѣнія другому, совѣтъ умирающаго старца юношѣ, начинающему жить; приказъ, передаваемый часовымъ, отправляющимся на отдыхъ, часовому, заступающему его мѣсто. Вся жизнь человѣчества послѣдовательно осѣдала въ книгѣ: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вмѣстѣ съ человѣчествомъ, въ ней кристализовались всѣ ученія, потрясавшія умы, и всѣ страсти, потрясавшія сердца, въ нее записана та огромная исповѣдь бурной жизни человѣчества, та огромная аутографія, которая называется всемірной исторіей. Но въ книгѣ не одно прошедшее, она составляетъ документъ, по которому мы вводимся во владѣніе настоящаго, во владѣніе всей суммы истинъ и усилій, найденныхъ страданіями, облитыхъ иногда кровавымъ потомъ; она—программа будущаго. Итакъ, будемъ уважать книгу! Это мысль человѣка, получившая относительную самобытность, это слѣдъ, который онъ оставилъ при переходѣ въ другую жизнь.

„Было время, когда и букву, и книгу хранили тайной, именно потому, что массы не умѣли оцѣнить того, что онѣ выражали. Жрецы Египта, желая пламенно высказать свою теодицею, исписали всѣ храмы, всѣ обелиски,—но исписали іероглифами, для того, чтобъ одни избранные могли понимать ихъ. Левиты хранили въ Святой Скиніи небомъ вдохновенныя книги Моисея. Настали другія времена. Христіанство научило людей уважать слово человѣческое, народы сбѣгались слушать учителей и съ благоговѣніемъ читали писанія св. отцовъ и легенды. Слово было оцѣнено, а между тѣмъ мысль окрѣпла, наука двинулась впередъ, ей стало тѣсно въ школѣ, народы почувствовали жажду познаній, недоставало токмо средствъ распространять мысль быстро, мгновенно, подобно лучамъ свѣта. Германія подарила роду человѣческому книгопечатаніе, и мысль написанная разнеслась во всѣ четыре конца міра и отзывалась тысячу разъ повторенная въ тысячи сердцахъ.

„Вспомнивъ это, не грустно ли будетъ думать, что праздность можетъ иного заставить приходить сюда, вялой рукой оборачивать страницы, какъ будто книга назначена токмо для препровожденія времени. Нѣтъ, будемъ съ почтеніемъ входить въ этотъ храмъ мысли, утомленные заботами вседневной жизни; придемъ сюда отдохнуть душою и, укрѣпленные на новый трудъ, всякій разъ благословимъ нынѣшній день, столь близкій русскому сердцу, столь торжественный, и съ памятью котораго соединяется день рожденія нашей библіотеки. („Вятскія губернскія вѣдомости“ 1862 г., № 16. Часть неоффиціальная, стр. 118—120).

пени благородный и согласился на мое предложеніе и, прочитавъ въ слѣдующемъ нумерѣ «Колокола» желчные нападки Герцена на «Сѣверную Пчелу» за напечатаніе старинной статьи, столь нелестной для его самолюбія и идущей въ разрѣзъ съ его нападками на наше высшее правительство—при свиданіи сказалъ мнѣ: «извиняюсь передъ вами, вы были правы, вамъ и книги въ руки!».

Вотъ гдѣ было первое начало полемики противъ Герцена и его постепеннаго паденія въ общественномъ мнѣніи. Вслѣдъ за симъ была прислана изъ Москвы предсѣдателемъ тамошняго цензурнаго комитета, М. П. Щербининымъ, запрещенная имъ весьма рѣзкая статья М. Н. Каткова противъ Герцена, въ которой онъ называлъ его «генераломъ-отъ-революціи». Головнинъ тотчасъ же разрѣшилъ эту статью и далъ Каткову возможность продолжать борьбу съ этимъ, въ то время значительнымъ авторитетомъ.

Вотъ факты, доказывающіе, что именно Головнину принадлежитъ заслуга разрѣшенія гласнаго возраженія «Колоколу», и можно ли послѣ этого утверждать, что «Головнинъ успѣлъ убѣдить правительство, что допущеніе въ печати гласнаго возраженія на Герценскія произведенія представляло величайшую опасность, что для блага Россіи требовалось, чтобы имя Герцена вовсе не являлось въ печати—такимъ образомъ по всей Россіи разсылался «Колоколъ», но отвѣчать ему было запрещено...»

Что же касается М. Н. Каткова, то я впервые познакомился съ нимъ осенью 1862 г., когда я по высочайшему повелѣнію ѣздилъ въ Москву для ревизіи тамошняго цензурнаго комитета. Послѣ перваго же свиданія съ нимъ, продолжавшагося очень долго, я вынесъ убѣжденіе въ его высокой даровитости и любви къ Россіи и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ объ этой поѣздкѣ высказалъ все мое уваженіе къ этому замѣчательному дѣятелю—уваженіе, которое я выражалъ во всѣхъ моихъ служебныхъ отношеніяхъ. Лучшимъ доказательствомъ тому, что и онъ это цѣнилъ, можетъ служить, что послѣ оставленія мною цензуры, по полному разногласію моему съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Катковъ продолжалъ поддерживать со мною постоянныя сношенія. Единственный вопросъ, въ которомъ я съ нимъ расходился это то, что не раздѣлялъ его фанатическаго поклоненія классицизму.

Василій Цеэ.

Два распоряженія при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II.

Указъ императрицы Екатерины II рижскому генералъ-губернатору Броуну.

28-го іюня 1762 г. С.-Петербургъ.

Понеже по желанію всѣхъ сыновъ отечества мы вступили благополучно на престолъ всероссійской, того ради вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше объявляю и уповая на ваше къ намъ усердіе повелѣваемъ всѣ мѣры къ тому принять, чтобъ сіе народное желаніе съ божіимъ благоволеніемъ начатое споспѣшествовано было добрымъ нашимъ учрежденіемъ, а въ противномъ случаѣ всѣ силы и мѣры употреблять имѣете къ отвращенію какого либо злаго сопротивленія, не взирая ни на чье достоинство и ни отъ кого кромѣ что за нашимъ подписаніемъ ни какихъ повелѣній не принимать. О прочемъ указы наши съ присягою присланы будутъ немедленно [1]).

Собственноручное письмо Екатерины II генералу Броуну.

Получено въ Ригѣ 1-го іюля 1762 г.

Господинъ генералъ Браунъ и другъ мой!

Естли, забывши человѣчество, законъ и долгъ государя, мужъ мой что либо противное отечеству, мою (моей) съ сыномъ безопасность (и) предприметъ или кто другой его именемъ, въ такомъ случаѣ мы разрѣшаемъ поступить во всемъ томъ (что) твердость имперіи неоходимо требуетъ. Вамъ доброжелательная.

Сообщ. **А. З. Мышлаевскій.**

---

[1]) Въ тотъ же день посланъ за подписью Екатерины II дубликатъ этого указа съ печатнымъ манифестомъ и присягою. При дубликатѣ приписка:

«P.S. При семъ присылается манифестъ и присяга по которой вы ввѣренной вамъ командѣ немедленное объявленіе учинить и къ присягѣ привесть имѣете».

Императоръ Павелъ
въ его дѣяніяхъ и приказахъ.

(Историческая характеристика).

I.

Въ ноябрѣ прошлаго года чествовали память императрицы Екатерины II по случаю столѣтія со дня ея кончины. «Российское солнце погасло», пишетъ въ своихъ запискахъ Шишковъ, разсказывая о смерти великой государыни, но и по прошествіи ста лѣтъ лучи его еще такъ ярки, что въ нихъ меркнетъ темное царствованіе ея преемника Павла Петровича. Для характеристики этой, уже отдаленной отъ насъ эпохи, мы приведемъ отзывъ о ней современника, достовѣрность словъ котораго стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Вотъ что писалъ цесаревичъ Александръ Павловичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лагарпу: [1])

«Вамъ извѣстны различныя злоупотребленія, царившія при покойной императрицѣ; они лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здоровье и силы, нравственныя и физическія, стали слабѣть. Наконецъ, въ минувшемъ ноябрѣ она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби, о сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кончиною, и, которыя, къ несчастью, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ, по вступленіи на престолъ, захотѣлъ преобразовать все рѣ-

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. I.

шительно. Его первые шаги были блестящи, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

«Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобы сказать однимъ словомъ, благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершились здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, не малую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь не причемъ. Однимъ словомъ, моя несчастная родина находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я самъ, обязанный подчиняться всѣмъ мелочамъ военной службы, теряю все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться своимъ научнымъ занятіямъ, составлявшимъ мое любимое времяпрепровожденіе; я сдѣлался теперь самымъ несчастнымъ человѣкомъ».

Картину павловской Россіи, набросанную Александромъ Павловичемъ, нелишне дополнить изображеніемъ перемѣны, произошедшей съ воцареніемъ Павла въ придворной жизни. «Дворъ Екатерины II былъ самымъ блестящимъ дворомъ во всей Европѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ аббатъ Жоржель [1]): великолѣпіе и роскошь существовали въ немъ вмѣстѣ съ честолюбіемъ, интригами и политическими происками. Павелъ I изгналъ роскошь и изнѣженность, и при дворѣ его царило грозное молчаніе, прерывавшееся неумѣстнымъ бряцаніемъ оружія. Казалось, роскошные чертоги императорскаго двора покрылись траурною пеленою».

II.

Въ нашемъ очеркѣ мы попытаемся представить личность императора Павла такою, какою она вырисовывается передъ нами при чтеніи воспоминаній о немъ, его многочисленныхъ приказовъ и указовъ и дру-

[1]) „Voyage à S. Pétersbourg“ 1799—1800. Paris, 1818.

гахъ историческихъ данныхъ, въ которыхъ такъ или иначе отражается его характеръ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что личность Павла Петровича возбуждаетъ у насъ не только большой интересъ, но и какое-то странное сочувствіе къ себѣ, не охлаждаемое самыми мрачными картинами его времени, набрасываемыми современниками. Сочувствіе это не можетъ быть объяснено недостаточнымъ знакомствомъ съ характеромъ и дѣйствіями Павла I: напротивъ, для запечатлѣнія въ умахъ читателей неблагопріятнаго представленія о немъ, подчасъ краски сгущаютъ слишкомъ сильно. Характеръ Павла Петровича весь состоялъ изъ контрастовъ свѣта и тѣни, въ немъ пробивались какія-то чисто гамлетовскія черты, а такіе характеры вездѣ и всегда возбуждали и возбуждаютъ къ себѣ невольное сочувствіе. Люди любятъ натуры порывистыя, страстныя, и легко прощаютъ имъ ихъ заблужденія, въ особенности тогда, когда имъ приходится сталкиваться съ ними въ книгѣ и не испытывать на себѣ ихъ непріятныхъ и часто тяжелыхъ сторонъ. А Павелъ Петровичъ весь былъ порывъ, огонь, вспыхивавшій быстро, горѣвшій ярко; пламя его, подчасъ красивое, въ большинствѣ случаевъ обжигало немилосердно, перебрасываясь изъ стороны въ сторону по произволу случайныхъ вѣяній. Павелъ не зналъ середины. «Его умъ и его страсти, пишетъ о немъ баронъ Гейкингъ [1]), его чувствительность и его жестокость, его добродѣтели и его пороки, его энтузіазмъ въ дружбѣ и его упорная ненависть къ тому же лицу, его признательность за все, что, какъ ему казалось, искренно дѣлали въ его пользу, и его бѣшеный гнѣвъ при малѣйшемъ упущеніи, замѣченномъ относительно его собственной особы,—все это доходило въ немъ до крайности»...

III.

Павелъ Петровичъ-цесаревичъ и Павелъ Петровичъ-императоръ мало похожи другъ на друга. Въ первомъ преобладаетъ человѣкъ богато одаренный отъ рожденія, съ чуткимъ добрымъ сердцемъ, отзывчивый, мечтательный, исполненный наилучшихъ намѣреній и умѣренный въ своихъ взглядахъ на власть. Въ Павлѣ-императорѣ виденъ суровый повелитель, въ которомъ опасеніе за свою власть и за не признаніе ея другими подавляетъ всѣ его свѣтлыя природныя качества. Иногда они проявляются и теперь, но уже не какъ что-то естественное, свойственное его натурѣ, а какъ капризъ своенравнаго властелина.

[1]) „Aus den Tagen Kaiser Pauls"—Leipzig, 1886.

Перемѣна, произошедшая въ Павлѣ и рѣзко усилившаяся во второй половинѣ его царствованія, искренно огорчала людей, имѣвшихъ возможность узнать его съ хорошей стороны.

«Вы, которые близко знали Павла въ первые два года его царствованія, патетически восклицаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Гейкингъ, скажите: развѣ не имѣлъ онъ чувствительнаго сердца, не обладалъ доброжелательнымъ характеромъ, просвѣщеннымъ умомъ? И если ему случалось дѣлать несправедливость—не проистекало ли это отъ преизбытка его любви къ справедливости, и развѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ убѣждался въ своей ошибкѣ, не имѣлъ онъ мужества сознаться въ ней и стараться ее исправить? Но низкіе льстецы, но люди, желавшіе удержаться на своемъ мѣстѣ, въ ущербъ правдѣ, испортили эти хорошія свойства и мало-по-малу задушили драгоцѣнные зародыши его добродѣтелей, способствуя развитію противоположныхъ качествъ!»...

Но если въ такихъ выраженіяхъ отзывается о Павлѣ Гейкингъ, въ свое время облагодѣтельствованный имъ и знавшій его, то отзывы другихъ современниковъ далеко не отличаются такою же сдержанностью. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ Павла Вигель, говоря въ своихъ запискахъ о противоположности царствованій екатерининскаго и павловскаго:

«Вдругъ, пишетъ онъ, мы переброшены въ самую глубину Азіи и должны трепетать передъ восточнымъ владыкой, одѣтымъ однако-же въ мундиръ прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ: Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были его девизомъ, и такимъ образомъ всю строгость военной дисциплины и феодальное самоуправленіе умѣлъ онъ соединить въ себѣ съ необузданною властію ханскою и прихотливымъ деспотизмомъ французскаго дореволюціоннаго правительства» [1]).

Чѣмъ объяснить эту рѣзкую перемѣну, происшедшую въ Павлѣ? Очень многіе склонны винить въ этому Екатерину, ставя ей въ укоръ ея отчужденіе отъ Павла, ея нежеланіе посвящать его въ государственныя дѣла, ея стремленіе отдалить всѣхъ отъ него. Но намъ кажется, что, въ данномъ случаѣ, нельзя ни винить, ни оправдывать Екатерину. Оба они, и Екатерина, и Павелъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ исторически сложившихся обстоятельствъ, не вносили въ свои дѣйствія достаточно доброй воли, чтобы улучшить свои отношенія. Если Екатерина давала убѣждать себя, что Павелъ, по достиженіи совершеннолѣтія, можетъ предъявить притязанія на отцовскій престолъ, то и Павелъ, въ глубинѣ

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. I.

своей души снѣдаемый сознаніемъ своего безсилія, не упускалъ случая пофрондировать исподтишка.

Отношенія Екатерины и Павла, подъ вліяніемъ которыхъ ожесточался характеръ послѣдняго, не вполнѣ и зависѣли отъ ихъ воли. Очень и очень многіе въ тогдашней Россіи, и въ особенности въ первую половину царствованія Екатерины, смотрѣли на ея царствованіе, какъ на присвоеніе ею себѣ правъ, по рожденію принадлежавшихъ сыну Петра III. Извѣстны и попытки, клонившіяся къ низложенію Екатерины, и въ одной изъ нихъ былъ косвенно замѣшанъ и самъ Павелъ Петровичъ, по преданію, подвинутый на подобный шагъ честолюбивой Наталіей Алексѣевной. Очень долгое время народъ, при каждомъ случаѣ, проявлялъ свое расположеніе къ цесаревичу. Оно было до того очевидно, что Пугачевъ воспользовался его именемъ, чтобы привлекать къ себѣ сторонниковъ: онъ прямо объявлялъ повсюду, что добивается престола не для себя, а для своего сына Павла Петровича. Цесаревичъ, конечно, зналъ объ этомъ, и все это, вмѣстѣ взятое, не могло не наводить его на мысль, что при иныхъ обстоятельствахъ престолъ перешелъ бы къ нему. Его взглядъ на порядокъ престолонаслѣдія установился окончательно уже къ началу 1788 года, когда имъ и былъ составленъ письменный актъ, обнародованный лишь въ 1797 году, въ день его коронаціи. Съ другой стороны, не было и недостатка въ людяхъ, которые пытались возбуждать и поддерживать въ императрицѣ боязнь какого-либо смѣлаго шага со стороны цесаревича; и хотя Екатерина прекрасно понимала, что Павелъ не способенъ на него и не можетъ сплотить вокругъ себя сильной партіи, тѣмъ не менѣе она, въ видахъ самозащиты, должна была принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности, выражавшіяся въ изолированіи Павла, въ ограниченіи денежныхъ средствъ, которыми онъ могъ бы пользоваться для достиженія своихъ цѣлей. Все это, конечно, не могло не вліять на ихъ отношенія и не ставить ихъ взаимно въ ложное положеніе.

Павелъ Петровичъ, отъ природы впечатлительный, самолюбивый, особенно живо чувствовалъ это. При его самолюбіи—онъ долженъ былъ мириться съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ себѣ приближенныхъ Екатерины. Томимый жаждой дѣятельности, преисполненный горячаго желанія приносить пользу своей странѣ—онъ видѣлъ себя обреченнымъ на бездѣйствіе. Тароватый по натурѣ, онъ оказывался вынужденнымъ не только прибѣгать къ мелкимъ займамъ, къ выдачѣ векселей, вмѣсто подарковъ, но и дошелъ до того, что однажды долги его заплатилъ за него князь Потемкинъ, его врагъ. Ощущавшій потребность родительской любви—онъ долженъ былъ примириться съ тѣмъ, что двухъ его старшихъ сыновей императрица тотчасъ же послѣ ихъ рожденія взяла къ себѣ и совершенно отстранила его отъ нихъ. Положеніе Павла Пе-

тровича съ каждымъ днемъ становилось все тяжелѣе, а оскорбленія, которыя наносили ему, дошли наконецъ до того, что оказался возможнымъ слѣдующій случай.

Однажды во дворцѣ, во время сбѣда, завязался общій разговоръ, въ которомъ Павелъ Петровичъ не принималъ участія. Чтобы заставить его выйти изъ своего молчанія, Екатерина спросила его, съ чьимъ изъ высказанныхъ мнѣній онъ согласенъ.

— Съ мнѣніемъ Платона Александровича (Зубова), — отвѣчалъ онъ.

— Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость?—дерзко возразилъ на это фаворитъ [1]).

Всякій другой постарался бы выступить въ активной роли, учинить «дѣйство», которое, къ тому же, никого и не удивило бы въ то время, но Павелъ Петровичъ всегда проявлялъ жившее въ немъ чувство законности и оставался вѣренъ своей государынѣ-матери не изъ страха, а по ясно сознанному чувству долга. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ самъ высказываетъ, что не нуждается ни въ какихъ партіяхъ, и по своему положенію не можетъ имѣть другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ государственныхъ. Павелъ Петровичъ не забывалъ, что онъ не только русскій великій князь, но и русскій подданный, и исторія занесла на свои страницы прекрасныя слова, сказанныя имъ въ одномъ случаѣ: «Я—подданный россійскій и сынъ императрицы россійской; что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому» [2]).

Личныя отношенія цесаревича къ матери до такой степени ослѣпляли его, что онъ не видѣлъ того дѣла, которое великая государыня дѣлала для Россіи, и рѣзко порицалъ всю ея политическую систему. Все, что бы она ни предпринимала, заранѣе подвергалось его осужденію. Вотъ что онъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ К. И. Сакену еще въ 1777 году: «При моемъ характерѣ тяжело видѣть, что все идетъ шиворотъ на выворотъ, и, въ особенности, что причиною этому небрежность и личные виды; я предпочитаю быть ненавидимымъ, дѣлая добро, чѣмъ любимымъ, причиняя зло» [3]).

Подъ вліяніемъ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, Павелъ Петровичъ сталъ все болѣе замыкаться въ самомъ себѣ. Накипавшее внутри его недовольство, не имѣя выхода наружу, озлобляло, ожесточало его характеръ. Жажда и потребность дѣятельности утолялись разными забавами, въ родѣ устройства рыцарскихъ турнировъ, сформированія гатчинскихъ войскъ, занимаясь которыми, цесаревичъ погрязалъ въ

---

[1]) П. П. Каратыгинъ: „Свѣтлыя минуты Павла I". „Историческій Вѣстникъ" 1886 г.

[2]) Д. Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ".

[3]) „Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества", т XX.

мелочахъ гарнизонной службы на прусскій образецъ. Неровность его характера усиливалась, подозрительность и недовѣріе къ людямъ дошли до того, что онъ отшатнулся не только отъ Маріи Ѳедоровны, но и отъ Е. И. Нелидовой, благотворно дѣйствовавшихъ на него.

«Ужасающая пустота, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Гейкингъ, замѣнила удовольствія безграничной довѣренности, и вскорѣ сообщительная душа Павла сознала себя обреченною на полное одиночество. Онъ очутился вполнѣ отчужденнымъ отъ всѣхъ, такъ какъ въ тѣхъ людяхъ, которые стали теперь окружать его, онъ не находилъ ни одного, способнаго понять его возвышенныя мысли. Положеніе его стало невыносимымъ, и вину этого онъ сталъ взваливать на всякаго встрѣчнаго. Теперь онъ приблизилъ къ себѣ людей въ родѣ Аракчеева, Кутайсова и др.»... По словамъ Гейкинга, «нашлись люди, умѣвшіе злоупотреблять его добротою и любовью къ справедливости, извратить самыя его добродѣтели и осуществившіе справедливое изреченіе: corruptio optime pessima». По отзыву другаго современника, графа Растопчина, Павелъ Петровичъ окружилъ себя такими людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда.

Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Екатерины на Павла должно было подѣйствовать страшнымъ образомъ рѣшеніе императрицы лишить его права наслѣдованія и передать престолъ непосредственно его сыну Александру Павловичу. Послѣ этого цесаревичъ сталъ готовиться ко всякимъ случайностямъ, и когда 5 ноября 1796 года въ Гатчину пріѣхалъ графъ Николай Зубовъ, чтобы извѣстить Павла о смертельной болѣзни императрицы, онъ, не зная причины пріѣзда Зубова, воскликнулъ, обращаясь къ Маріи Ѳедоровнѣ: «мы погибли!» Когда же онъ узналъ, что вотъ наконецъ онъ будетъ императоромъ, переходъ отъ страха къ радости былъ слишкомъ неожиданенъ, нравственное потрясеніе слишкомъ сильно, и нервная система цесаревича не могла не пошатнуться. Впослѣдствіи Кутайсовъ выражалъ сожалѣніе, что не пустилъ ему кровь при этомъ случаѣ [1]).

Такимъ образомъ какъ бы оправдались слова Эпинуса, преподававшаго цесаревичу физику и часто говорившаго про него: «голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта ниточка, машинка завертится и тутъ конецъ и уму, и разсудку». [2])

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ Іего жизнь и царствованіе". т. I

[2]) Д. Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ" 3-е изданіе—С.-Петербургъ 1887 г. стр. 32.

IV.

Со смертью Екатерины Павелъ сразу вышелъ изъ-подъ опеки, тяготившей его. Онъ не привыкъ къ подобной, неограниченной и непривычной для него свободѣ и, по словамъ Гейкинга, «окончательно увлеченный страстностью своей натуры, лишенный всякой обуздывающей силы, которая могла бы предупредить или умѣрить взрывы его характера, сталъ предаваться неслыханнымъ дотолѣ крайностямъ всякаго рода».

Конечно, перемѣна въ его характерѣ произошла не сразу. Еще въ раннемъ дѣтствѣ въ немъ уже были замѣтны задатки того, чѣмъ онъ сталъ впослѣдствіи. Неровность характера, непостоянство, нѣкоторое недовѣріе къ людямъ и подозрительность, развившіяся къ концу его жизни до чудовищныхъ размѣровъ, пугали его воспитателя Порошина и заставили его произнести пророческія слова: «Avec les meilleurs intentions du monde, vous vous ferez haïr, Monseigneur! (Одушевляемые лучшими намѣреніями въ мірѣ, вы заставите возненавидѣть себя). Позднѣе раздвоеніе личности цесаревича было подмѣчено Суворовымъ [1]) и выражено имъ въ словахъ: «prince adorable, despote implacable». И хотя эти слова были пропѣты знаменитымъ полководцемъ какъ бы въ шутку и сопровождались подпрыгиваніемъ на одной ногѣ, но они были далеко не шуточны по своему содержанію и обнаружили въ Суворовѣ глубокое знаніе человѣческаго сердца. Опасенія за будущность цесаревича и предположенія о трудности для него удержаться на престолѣ высказывались и многими другими лицами, въ томъ числѣ и королемъ прусскимъ Фридрихомъ II.

Главнѣйшіе недостатки характера императора Павла, составившіе несчастье его и Россіи—невѣроятная измѣнчивость, чудовищное самолюбіе, недовѣріе и подозрительность, доводившіе его до жестокости—осложнялись болѣзненно воспаленнымъ воображеніемъ, увлекавшимъ его за предѣлы дѣйствительности и простаго вѣроятія. Воображеніе это заставляло его видѣть опасности и враговъ тамъ, гдѣ были одни друзья, и, наоборотъ, ввѣряться людямъ, предавшимъ его. Это воображеніе, такъ сказать, питаясь само собою, безпрерывно развивалось въ продолженіе всей его жизни, начиная съ ранняго дѣтства, а до чего оно дошло къ концу его царствованія, можно судить по тому, что уже въ началѣ 1770-хъ годовъ онъ былъ способенъ по цѣлымъ часамъ разговаривать съ призраками. Вотъ вкратцѣ его собственный разсказъ о встрѣчѣ и разговорѣ съ Петромъ Великимъ.

---

[1]) Д. Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ".

«Однажды вечеромъ, разсказывалъ Павелъ Петровичъ, или пожалуй уже ночью, я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по петербургскимъ улицамъ, чтобы освѣжиться, сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Разговоръ нашъ былъ не о религіи и не о чемъ либо серьезномъ, а напротивъ того былъ веселаго свойства, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками на счетъ встрѣчныхъ прохожихъ. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что можно было читать, и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ я вдругъ увидѣлъ въ глубинѣ подъѣзда высокую, худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ и пошелъ около меня съ лѣвой стороны не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производили странный звукъ, точно будто камень ударяется о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я ощутилъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнулъ.

«Вдругъ изъ-подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздался глухой и грустный голосъ: «Павелъ!»

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и машинально отвѣчалъ. «Что вамъ нужно?»

— Павелъ! сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще бо̀льшимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать то же.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! бѣдный князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? спросилъ я его.

— Ничего не слышу,—отвѣчалъ тотъ,—рѣшительно ничего.

«Что касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаяное усиліе надъ собою и спросилъ незнакомца, кто онъ и что ему нужно?

— Кто я ? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ и кто хочетъ, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не долго останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти: для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

«Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь направлялъ меня. Это продолжалось болѣе часа. Гдѣ мы шли, я не зналъ. Наконецъ мы пришли къ большой площади... Онъ пошелъ прямо къ одному какъ

бы заранѣе отмѣченному мѣсту, гдѣ въ то время воздвигался монументъ Петру Великому; я конечно слѣдовалъ за нимъ, и затѣмъ остановился.

— Прощай, Павелъ!—сказалъ онъ.—Ты еще увидишь меня опять здѣсь и кой-гдѣ еще.

«При этомъ шляпа его поднялась какъ бы сама собою, и глазамъ моимъ представились орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было [1])...»

V.

Личность Павла, какъ императора, ярко отпечатлѣлась на его внѣшней политикѣ. И здѣсь мы видимъ всю ту же непослѣдовательность, смутное стремленіе къ чему-то грандіозному, горячность и необдуманность вмѣстѣ съ проблесками несомнѣннаго ума и вѣрнаго взгляда на положеніе вещей, когда Павелъ, пораженный или озаренный блеснувшей идеей, задумывался и какъ бы пріостанавливался на мгновеніе въ своихъ обычныхъ мысляхъ, чувствахъ и даже дѣйствіяхъ. Правда, мгновенія эти были рѣдки, и для того, чтобы вызвать ихъ, нужны были вѣрная или смѣлая мысль, открытый, почти дерзкій поступокъ. Въ эти мгновенія обыкновенно проявлялись лучшія душевныя качества Павла. Кто-то назвалъ ихъ свѣтлыми, пожалуй, было бы вѣрнѣе назвать ихъ счастливыми.

Вступивъ на престолъ, Павелъ обнаружилъ самыя миролюбивыя намѣренія. Но вскорѣ желаніе «противиться возможными мѣрами неистовой французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія» [2]) увлекло Павла перспективой выступить въ роли рыцаря, ополчившагося на борьбу со зломъ и признавшаго своимъ призваніемъ «возстановленіе всего, разрушеннаго французскою революціей, и возведеніе низверженныхъ ею вѣнценосцевъ на утраченные ими престолы». Къ тому же, несочувствіе къ французской республикѣ издавна вырабатывалось въ немъ либеральностью воззрѣній Екатерины, не остановившейся даже передъ избраніемъ въ воспитатели къ своему любимому внуку такого открытаго республиканца, какимъ былъ Лагарпъ. Когда въ Петербургъ доходили извѣстія объ ужасахъ, сопровождавшихъ французскую рево-

---

[1]) Oberkirch. I, „Русскій Архивъ“ 1869 г., № 3.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. I.

люцію, цесаревичъ говорилъ своимъ сыновьямъ Александру и Константину: «вы видите, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками». Считая Лагарпа представителемъ началъ французской революціи, онъ три года не разговаривалъ съ нимъ, отворачивался отъ него при встрѣчахъ и неоднократно спрашивалъ у дѣтей: «что, этотъ якобинецъ все еще при васъ?» [1]).

Въ виду этого стремленіе австрійскаго и лондонскаго дворовъ втянуть Россію въ коалицію противъ Франціи упало на хорошо подготовленную почву. Такимъ образомъ, по словамъ историка, «на поляхъ Италіи и среди Альпъ завязалась борьба, которая со-временемъ привела всю континентальную Европу въ Кремль и нашу армію въ Парижъ. Съ этого времени за русскою арміею надолго упрочивается наименованіе дивизіи «de la grande armée de la bonne cause (великой арміи праваго дѣла)» [2]).

Одинъ изъ современниковъ [3]), въ приводимыхъ ниже строкахъ, прекрасно выразилъ, что именно могло прельщать Павла въ новой принятой имъ на себя роли, столь несогласной съ его мыслями, что Россія послѣ Екатерининскаго царствованія прежде всего нуждается въ покоѣ. «Дотолѣ войны, говоритъ онъ, предпринимаемы были правительствами Европы съ цѣлью огражденія своихъ земель отъ сильнаго врага или для распространенія своихъ предѣловъ и владычества. Безразсудно и несправедливо было бы со стороны русскаго порицать сіи побудительныя причины къ войнамъ XVIII столѣтія, которымъ мы обязаны могуществомъ нашимъ на суши и на моряхъ Европы, прославленіемъ и возвеличеніемъ Россіи, преобладаніемъ ея на магометанскомъ Востокѣ, покоряющемся одной силѣ матеріальной. Но въ концѣ сего вѣка Россія вознеслась еще выше, сдѣлавшись не покорительницею, а защитницею народовъ, употребивъ грозныя силы свои на великодушное, безкорыстное вспоможеніе слабымъ противъ сильныхъ, утѣсненнымъ противъ утѣснителей, правымъ противъ коварныхъ, вѣрующимъ противъ нечестивцевъ. И эта великая, истинно царская, истинно христіанская мысль возникла въ рыцарской душѣ императора Павла. Исполненіе соотвѣтствовало ея величію. Суворовъ осуществилъ предположенія своего государя, поразилъ врага, изумилъ Европу, воскресилъ въ ней надежду на спасеніе и блескомъ италійскаго похода даровалъ четырехъ-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Выраженіе это принадлежитъ императору Александру I и сообщено по высочайшему повелѣнію въ письмѣ князя А. С. Меншикова графу Головкину въ Вѣну въ 1821 г. См. I т. соч. Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, стр. 192 и 250.

[3]) Статья Н. Греча по поводу открытія памятника императору Павлу. „Художественный Листокъ“ 1851 г., № 32.

лѣтнему царствованію Павла воинскую славу, которой стало бы и на сорокъ лѣтъ. Великодушныя намѣренія императора Павла не увѣнчались успѣхомъ по винѣ другихъ, но брошенное имъ сѣмя добра принесло плоды въ свое время. Черезъ пятнадцать лѣтъ сынъ его, императоръ Александръ, окончилъ со славою брань, поднятую имъ равномѣрно за независимость и благоденствіе Европы, водрузивъ побѣдоносныя русскія знамена среди враждебнаго дотолѣ Парижа».

Но какъ борьба съ Франціей ни отвѣчала всѣмъ воззрѣніямъ, наклонностямъ, симпатіямъ и антипатіямъ Павла, олицетворявшаяся ею система, при непостоянствѣ и измѣнчивости воззрѣній государя, на этотъ разъ ко благу Россіи, не могла просуществовать долго. Вскорѣ Павелъ рѣшилъ, что справедливость не на сторонѣ коалиціи, и со свойственною ему горячностью бросился въ противоположную сторону, такъ какъ, по его словамъ, «онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ объ его политикѣ, положительно ошибаются» [1]).

Основаніемъ новой политической системы Павла послужила записка Ростопчина о положеніи Европы въ концѣ 1800 г. При чтеніи этой записки Павелъ покрылъ ее замѣтками, въ высшей степени характерными для него. Планъ Ростопчина былъ построенъ на пользѣ для Россіи сближенія съ Франціей въ лицѣ перваго консула. «Бонапартъ увидитъ, сказано въ запискѣ, и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утвержденію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Ростопчинъ полагалъ привлечь къ раздѣлу Оттоманской Порты Австрію и Пруссію. Россіи онъ удѣлялъ: «Румынію, Болгарію и Молдавію, а по времени греки и сами подойдутъ подъ скипетръ россійскій». Послѣдняя мысль, повидимому, понравилась Павлу и побудила его написать: «А можно и подвесть». Объ Англіи и Австріи Ростопчинъ отзывался крайне несочувственно. Объ Англіи сказано, между прочимъ, что она «своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи»; по поводу этого разсужденія императоръ начерталъ: «мастерски писано!» Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ростопчинъ жаловался на Англію за то, что она поперемѣнно угрозами, хитростью и деньгами вооружила всѣ державы противъ Франціи, Павелъ прибавилъ «и насъ грѣшныхъ.» Объ Австріи было сказано, что и она подала справедливыя причины къ негодованію Павла и «потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики»; государь, съ своей стороны,

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. I.

присовокупилъ къ этому: «Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!» Когда же, входя въ подробности раздѣла Турціи, Ростопчинъ предлагалъ дать Австріи Боснію, Сербію и Валахію, Павелъ написалъ: «Не много-ль?» Пруссію предполагалось вознаградить присоединеніемъ къ ней земель въ сѣверной Германіи.

Одобривъ планъ Ростопчина, Павелъ всецѣло примкнулъ къ намѣреніямъ и враждебнымъ замысламъ Наполеона противъ Англіи. Но страстность его натуры не могла удовлетворяться мѣропріятіями постепенными, въ родѣ наложенія амбарго на англійскія суда, и т. д. Въ его воображеніи намѣреніе и исполненіе были почти тождественны. Съ поразительною проницательностью онъ понялъ, что самое больное мѣсто Англіи—Индія, и, ни минуты не задумываясь, 12-го января 1801 года отправилъ къ атаману войска Донскаго генералу Орлову слѣдующій рескриптъ.

«Англичане приготавливаются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ—шведовъ и датчанъ. Я и готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе, и гдѣ меньше ожидаютъ. Заведенія ихъ въ Индіи самое лучшее для сего. Отъ насъ ходу до Индіи, отъ Оренбурга, мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, а всего мѣсяца четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы съ онымъ и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдите, и съ артиллеріею, прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія англійскія, по ней лежащія. Войска того края ихъ таковаго же рода, какъ и ваши; итакъ, имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги; все богатство Индіи будетъ намъ за сію экспедицію наградою...Таковое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ славою, заслужитъ, по мѣрѣ заслуги, мое особое благоволеніе, пріобрѣтетъ богатство и торговлю и поразитъ непріятеля въ его сердцѣ. Здѣсь прилагаю карты, сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благослови!»

Въ то же время Павелъ ясно понималъ, что главнымъ средствомъ для борьбы съ Англіей должно быть возстановленіе противъ нея туземцевъ, чего легко было достигнуть ласковымъ обращеніемъ съ кореннымъ населеніемъ страны. 12-го того же января онъ снова писалъ Орлову:

«Индія, куда вы назначаетесь, управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами или оружіемъ, то и цѣль все сіе разорить и угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и ласкою привесть Россіи въ ту же зависимость, въ какой они у англичанъ, и торгъ обратить къ намъ».

*

На слѣдующій день онъ нашелъ нужнымъ еще разъ подтвердить Орлову свою мысль:

«Помните, писалъ онъ ему 13-го января 1801 года, что вамъ дѣло до англичанъ только и миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помогать: итакъ, проходя ихъ, увѣрайте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда до Гангесъ, и такъ на англичанъ».

Во исполненіе приведенныхъ повелѣній 27-го и 28-го февраля 1801 г. 22.507 донцовъ при 12 единорогахъ и 12 пушкахъ выступили съ Дона въ походъ въ Индію. Они вышли безъ всякихъ предварительныхъ подготовленій, безъ обоза, лазаретовъ и даже безъ маршрутовъ, точно отправляясь на военную прогулку. [1])

Какъ ни безвредна для Англіи должна была казаться экспедиція Орлова, одинъ слухъ о ней встревожилъ англійскихъ политиковъ. Они не могли не сознавать, что Павелъ не задумается и передъ болѣе серьезнымъ походомъ въ Индію. Онъ становился явно опаснымъ для Англіи, и ненависть къ нему англійскихъ государственныхъ людей возросла до послѣдней степени. Домъ О. А. Жеребцовой, хорошей знакомой англійскаго посла въ Петербургѣ Витворта, сдѣлался центромъ, вокругъ котораго стали группироваться всѣ русскіе, недовольные правленіемъ Павла... Самъ Витвортъ былъ душою этого общества.

За двѣ недѣли до кончины Павла Петровича О. А. Жеребцова уѣхала въ Берлинъ, гдѣ оставалась до полученія извѣстія о неожиданной смерти государя.

Съ жизнью Павла угасъ и фантастическій проектъ похода на Индію...

VI.

Для характеристики личности Павла какъ императора имѣютъ громадное значеніе его распоряженія, публиковавшіяся во всеобщее свѣдѣніе [2]). Въ нихъ точно въ зеркалѣ отражается личность самого государя со всѣми ея особенностями. Содержаніе ихъ крайне разнообразно: здѣсь встрѣчаются приказы не только о передвиженіяхъ по службѣ, неожиданныхъ наградахъ и не менѣе неожиданныхъ опалахъ, о заключеніи въ тюрьму, крѣпость, наказаніи палками, но и выговоры, резолюціи на по-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе". т. I.

[2]) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", издававшихся при Академіи Наукъ.

данныя прошенія, высочайшія повелѣнія о тишинѣ въ театрѣ, запрещеніи танцовать вальсъ и кутать шею, объ очисткѣ улицъ и очищеніи русскаго языка, при чемъ въ видахъ улучшенія его предписывалось, напримѣръ, вмѣсто словъ «отрядъ», «степень», «преслѣдованіе» употреблять слова «деташементъ», «классъ», «посланной въ погоню». Въ нихъ же мы сталкиваемся съ особаго рода наказаніемъ, придуманнымъ императоромъ—«опубликованіемъ въ Вѣдомостяхъ» о поступкахъ лицъ, навлекшихъ на себя неудовольствіе. Въ принятіи этой мѣры и вообще въ наклонности Павла больно бить по самолюбію посредствомъ печатнаго слова сказалась одна особенность его воспитанія, повліявшая на болѣзненное развитіе его собственнаго самолюбія. По мысли Бехтѣева, состоявшаго при малолѣтнемъ Павлѣ Петровичѣ съ 1758 г., печатались особыя «вѣдомости», въ которыхъ подъ рубрикой «изъ Петербурга» сообщалось о всѣхъ поступкахъ и проступкахъ Павла, при чемъ его увѣрили, что эти вѣдомости разсылаются по всей Европѣ. Должно быть, эта мѣра воздѣйствія на молодаго великаго князя оказалась достаточно сильной и памятною для него, если, спустя сорокъ лѣтъ, сдѣлавшись императоромъ, онъ сталъ примѣнять ее какъ средство вразумленія своихъ подданныхъ. Особенное значеніе для обрисовки нравственнаго облика Павла Петровича имѣютъ приказы, касающіеся какъ военной, такъ и гражданской службы. Въ нихъ ярко отразилось основное убѣжденіе его, что весь смыслъ жизни заключается въ службѣ и въ службѣ «государской», какъ онъ понималъ ее. Служба — все, а внѣ службы—ничего. Его представленія о службѣ государству проникнуты несомнѣнною возвышенностью чувства и носятъ на себя отпечатокъ рыцарскихъ понятій о долгѣ. Къ сожалѣнію, идеальныя возрѣнія Павла на службу искажались мелочностью его требованій въ области военной службы и чуть ли не отождествленіемъ ея со знаніемъ всѣхъ хитростей введенныхъ имъ уставовъ; къ тому же, знатокомъ, истолкователемъ ихъ являлся такой человѣкъ, какъ Аракчеевъ, позволившій себѣ знамена одного боеваго полка назвать «Екатерининскими юбками» [1]). Служба, по убѣжденію Павла, должна заключать въ себѣ самой и награду за себя. По его словамъ, каждый, «служа и за службу получая честь, безропотно сносить долженъ и тягости съ нею сопряженныя». Приведенныя нами подлинныя слова Павла особенно характерны въ виду того, что относятся къ одному полковому командиру, просившему монаршей милости «въ положеніи, разстроившемся отъ дальнаго похода». При такихъ возрѣніяхъ вполнѣ понятна постоянно и открыто высказывавшаяся имъ мысль, что «нерадивые», «лѣнивые» на службѣ терпимы быть не могутъ. И, безпощадно ударяя по самолюбію, императоръ дѣятельно очищалъ «службу» отъ негод-

[1]) Записки Михайловскаго-Данилевскаго.

ныхъ, по его мнѣнію, элементовъ. А такихъ элементовъ должно было оказаться очень и очень много, въ особенности, въ началѣ его царствованія, когда еще не исчезли совершенно служебные порядки Екатерининскаго времени, заведенные князьями Потемкинымъ и Зубовымъ, при которыхъ, по словамъ Павла [1]), «вмѣсто службы обращались въ передней и въ плескѣ». Поэтому Павелъ, какъ всегда, печатно, «рекомендовалъ» г.г. офицерамъ «больше заниматься службой, нежели городскою жизнью». Малѣйшее пренебреженіе ею онъ разсматривалъ какъ нежеланіе служить и наказывалъ арестомъ, Сибирью. Испорченное захожденіе въ «алиньеманъ» наводило его на мысль, что это дѣлается умышленно, и онъ, сажая подъ арестъ, предупреждалъ виновныхъ, «что если они для того портятъ, что идти хотятъ въ отставку, то и прежде изъ службы могутъ быть выкинуты». Всякое уклоненіе отъ службы строго преслѣдовалось имъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ его приказъ, въ которомъ онъ сдѣлалъ «примѣчаніе всему генералитету, что сказываются больными для отбыванія отъ службы, когда оная нужна, то и совѣтуетъ таковымъ лучше оную совсѣмъ оставить». «Господа генералитетъ сами между (собою?) разыщутъ, до кого оное слѣдуетъ», прибавлялось въ концѣ приказа. Самъ Павелъ Петровичъ подавалъ первый примѣръ «исполненія долга службы» и былъ не прочь указывать на это другимъ. Вотъ что онъ писалъ съ горделивой скромностью и съ сознаніемъ своей правоты графу Салтыкову: «узнавъ, что нѣкоторые шефы полковъ гарнизона Московскаго увольняютъ сами себя отъ разводовъ, совѣтую всякому таковому помышлять болѣе объ исполненіи долга службы и иногда вспоминать во время нехотѣнія быть у развода, что я и самъ ежедневно у оныхъ бываю». Многочисленные случаи исключенія «за неспособность къ службѣ», «за лѣность», «пьянство», «нерадѣніе» доказываютъ, чего именно требовалъ Павелъ отъ лицъ, несшихъ службу, какъ военную, такъ и гражданскую. Однако не всегда кара, постигавшая тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались не на высотѣ своего служебнаго положенія, ограничивалась однимъ исключеніемъ. Сохранился указъ Сенату о какихъ-то двухъ злополучныхъ коллежскихъ регистраторахъ, которые «за развратное поведеніе и пьянство, въ наказаніе имъ и въ примѣръ другимъ», были «приговорены къ лишенію чиновъ и къ написанію въ солдаты».

Но исключительную строгость проявлялъ Павелъ Петровичъ по отношенію къ малѣйшимъ нарушеніямъ воинскаго устава. Въ такихъ случаяхъ никакое положеніе, никакой чинъ, никакія заслуги въ прошломъ не могли служить въ его глазахъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Напротивъ того, чѣмъ выше положеніе лица, навлекшаго на себя его неудовольствіе, тѣмъ онъ жестче съ нимъ, точно желая показать этимъ,

[1]) Высочайшій приказъ по войскамъ 14-го августа 1797 года.

что передъ нимъ всѣ равны отъ генералиссимуса до послѣдняго солдата.

Онъ не останавливался даже передъ печатными выговорами цѣлой корпораціи генераловъ, и въ этомъ отношеніи на себя обращаетъ вниманіе его приказъ, въ которомъ онъ ставилъ «на замѣчаніе генераламъ инспекціи финляндской, что видѣли они сами, сколь далеко они и отъ того даже, чтобы быть имъ генералами посредственными, и что пока будутъ они таковы, вездѣ конечно и всѣми будутъ биты». При этомъ намъ кажется необходимымъ оговорить, что строгость, а подчасъ жестокость, съ которыми Павелъ Петровичъ взыскивалъ иногда за самыя ничтожныя нарушенія новыхъ воинскихъ уставовъ, должны быть объяснены не тѣмъ, чтобы онъ придавалъ огромное значеніе всѣмъ подобнымъ мелочамъ военной службы, а его наклонностью въ малѣйшемъ уклоненіи отъ данныхъ предписаній видѣть ослушаніе его государевой воли.

Помимо того, малѣйшее неисполненіе полученнаго предписанія или приказанія являлось въ глазахъ Павла нарушеніемъ кореннаго начала службы и служебныхъ отношеній—строгой подчиненности младшаго старшему. Онъ признавалъ тѣмъ болѣе необходимымъ поддерживать этотъ принципъ и наблюдать, чтобы «нигдѣ не дѣлали ничего противу установленнаго», что возможность «таковыхъ безпорядковъ» приписывалъ укоренившемуся «старому обычаю не исполнять ничего предписаннаго», и въ теченіе всего своего царствованія «старался искоренить» его. До какой степени Павелъ Петровичъ признавалъ необходимымъ поддержаніе дисциплины въ войскахъ, доказываетъ извѣстный анекдотъ о гусарскомъ ротмистрѣ, повѣсившемъ жида. Придя на дневку, ротмистръ остановился у помѣщика и послѣ обѣда засѣлъ играть въ карты. Въ это время ему доложили о приходѣ вахмистра; онъ хотѣлъ выйти къ нему, но хозяинъ, чтобы не прерывать партіи, предложилъ позвать вахмистра въ комнату, гдѣ они играли.

— Ну что?—спросилъ офицеръ, когда тотъ вошелъ.

— Ваше благородіе, все благополучно, люди разставлены по квартирамъ; сѣно нашелъ, но жидъ меньше столькихъ-то копѣекъ не береть; какъ прикажете?

— А у другихъ жидовъ развѣ нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, одинъ только съ сѣномъ, ваше благородіе.

— Ну, дѣлать нечего, не оставаться же безъ сѣна; возьми, да жида повѣсь!—сказалъ шутя ротмистръ, продолжая играть.

Вахмистръ не понялъ шутки, и жидъ былъ повѣшенъ. Ротмистру не оставалось ничего другого, какъ рапортовать о произошедшемъ по начальству и ожидать грозы. Она явилась въ слѣдующей сентенціи Павла: «Ротмистръ такой-то за глупыя и незаконныя приказанія раз-

жалывается въ рядовые», а дальше: «Рядовому такого-то полка возвращается чинъ ротмистра, съ производствомъ въ маіоры, за введеніе такой отличной субординаціи во ввѣренной ему командѣ, что и глупыя его приказанія исполняются немедленно» [1]).

Павелъ Петровичъ придавалъ такое важное значеніе строгой подчиненности и почтительности младшаго передъ старшимъ, что счелъ полезнымъ внести это начало и въ общественную жизнь. Въ апрѣлѣ 1799 года петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ было получено слѣдующее предписаніе: «Примѣчено здѣсь въ городѣ, что не соблюдается между обитающими довлѣемая благопристойность даже до того, что повстрѣчаясь младшій со старшимъ не снимаетъ шляпы. И для того, ваше превосходительство извольте въ городѣ находящимся съ подпискою объявить, дабы всѣ безъ изъятія младшій передъ старшимъ повстрѣчаясь гдѣ бы то ни было снималъ шляпу, подтвердя строго сіе наблюдать полицейскимъ чинамъ, и въ противномъ тому случаѣ не соблюдающій таковой благопристойности, чему примѣръ сегодня оказалъ коллежскій ассесоръ Шишкинъ, брать подъ караулъ и о всякомъ тогда же мнѣ доносить для поступленія какъ съ не исполняющими повелѣній. Ваше же превосходительство и съ своей стороны неупустительно затѣмъ извольте имѣть надзоръ».

Естественнымъ послѣдствіемъ взгляда Павла на отношеніе младшихъ къ старшимъ явились его распоряженія объ оказаніи ему внѣшнихъ знаковъ почтенія при встрѣчахъ съ нимъ на улицахъ. Какъ извѣстно, даже дамы, несмотря ни на какую погоду, должны были выходить изъ экипажей, чтобы поклониться императору.

При взглядахъ Павла Петровича на службу вполнѣ понятно, что всякое служебное отличіе, повышеніе чиномъ, право носить мундиръ въ отставкѣ, онъ разсматривалъ какъ особую награду. «Награжденіе чинами не выпрашивается, объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, а дается по заслугамъ и представленіямъ отъ начальства». Просившимъ объ «абшидѣ» съ мундиромъ и производствомъ въ слѣдующій чинъ объявлялось, что просьба ихъ «нескромна», а исключеннымъ изъ службы и добивавшимся замѣны исключенія «абшидомъ» ставилось на видъ, что «пострадала бы служба, если бы провинившіеся увольнялись отъ службы наравнѣ со служившими добропорядочно». Но не всегда подобныя просьбы просителей влекли за собою краткій отказъ съ возвращеніемъ имъ прошеній «съ надраніемъ» и «со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ» за пересылку бумагъ; иногда столь «нескромныя», «недѣльныя» или «непристойныя» просьбы имѣли своимъ послѣдствіемъ и наказаніе лицъ, просившихъ о милости.

---

[1]) Памятныя замѣтки Д. В. Давыдова, „Русск. Старина“ 1871 г., т. III.

Чинъ, являвшійся наградой, освящалъ человѣка; поэтому всякій имѣвшій чинъ, не долженъ былъ дѣлать ничего такого, что роняло бы его достоинство. Вотъ почему императоръ Павелъ повелѣлъ, чтобы «отнюдь не употреблять въ посылки по своимъ надобностямъ адъютантовъ, кои назначаются для отправленія службы государской, а не для посылокъ по своимъ нуждамъ; въ противномъ же случаѣ, чтобы опасались суда». Точно также было запрещено употреблять офицеровъ для посылки курьерами. Неисполненіе послѣдняго распоряженія повлекло за собою выговоръ Суворову. «Заключая по присланному отъ васъ донесенію, читаемъ мы въ распубликованномъ рескриптѣ государя къ Суворову,—что вы не получили еще повелѣній нашихъ о неупотребленіи офицеровъ въ курьерскія должности, для примѣру другимъ, приказали: отправленнаго отъ васъ капитана Мерлиная помѣстить въ Ригу, въ гарнизонный полкъ». «Удивляемся, говорилось далѣе въ рескриптѣ,—что вы, тотъ, коего мы почитали изъ первыхъ къ исполненію воли нашей, остаетесь послѣднимъ, и, какъ достоинство должно поддерживаемо быть временемъ, то и кажется, что вы впредь не доведете насъ до сомнѣнія въ ономъ».

VII.

На ряду съ увлеченіемъ Павла Петровича «парадоманіей», внѣшнимъ блескомъ воинскихъ «экзерцицій», онъ особенно преслѣдовалъ нарушеніе служебнаго долга, сопряженное съ нанесеніемъ убытковъ казнѣ. Несоблюденіе казеннаго интереса влекло за собою имущественную отвѣтственность виновнаго, независимо отъ его общественнаго положенія, и постигавшая его кара получала особое значеніе вслѣдствіе обычнаго «пропечатанія» о ней «въ вѣдомостяхъ», при чемъ вещи назывались всегда ихъ собственными именами. Но Павелъ не только каралъ преступленія по службѣ: онъ старался предупреждать ихъ, и въ этомъ отношеніи характеренъ его указъ Сенату о взятіи въ секвестръ имѣнія костромскаго губернатора Кочетова «за разграбленіе палаты», въ которомъ сказано между прочимъ: «Сенату нашему повелѣваемъ по всѣмъ губерніямъ дать знать, что, если гдѣ таковое разграбленіе случится, то управляющіе тѣми губерніями будутъ за оное отвѣчать ихъ имѣніемъ и, за таковое послабленіе въ исполненіи своихъ обязанностей, выключены будутъ изъ службы».

За то «прочность, чистота и скорость» производимыхъ работъ, «хозяйственныя для пользы службы распоряженія» и «хозяйственное сбе-

реженіе положенныхъ суммъ» заслуживали со стороны государя благоволеніе и благодарность.

Съ неменьшею строгостью преслѣдовалъ Павелъ Петровичъ и «разныя упущенія въ дѣлахъ» и, въ особенности, «медленность въ разрѣшеніи ихъ». Какія мѣры принималъ онъ для искорененія послѣдняго недостатка въ правительственной машинѣ его времени, лучше всего видно изъ его указа Сенату «объ отрѣшеніи отъ должности членовъ С.-Петербургской палаты суда и расправы 2-го департамента за медленность въ разрѣшеніи дѣлъ и о преданіи за то же секретарей суду» [1]). Строгія взысканія Павла не замедлили отразиться на дѣятельности самого Сената: въ теченіе одного 1798 года имъ было разсмотрѣно 11.000 процессовъ, дѣлопроизводство по которымъ въ теченіе многихъ лѣтъ гнило на полкахъ шкафовъ.

Горячность и постоянство, съ которыми Павелъ Петровичъ преслѣдовалъ взяточничество, нерадѣніе о казенномъ интересѣ и небрежность и медленность въ отправленіи дѣлъ, находятъ свое объясненіе не только въ личныхъ свойствахъ государя, но и въ нѣкоторой распущенности административной Россіи, которую онъ засталъ при своемъ восшествіи на престолъ. «Въ двѣнадцать послѣднихъ лѣтъ предъидущаго царствованія, доносилъ своему правительству прусскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Гребенъ [2]),—всевозможныя части управленія приходятъ въ упадокъ: правосудіе, финансы, военное дѣло, однимъ словомъ, всѣ отрасли управленія направлялись такъ, что за границей невозможно даже составить себѣ представленія объ этомъ. Первымъ печальнымъ послѣдствіемъ этого недостатка надзора явилось повсемѣстное нерадѣніе со стороны всѣхъ должностныхъ лицъ къ отправленію ихъ обязанностей. Обширныя и пространныя помѣщенія департаментовъ посѣщались лишь мышами и крысами. Чиновники, безъ всякаго исключенія, проводили дни въ ѣдѣ, попойкахъ и игрѣ, а ночи въ самыхъ грязныхъ оргіяхъ. Отсюда проистекало взяточничество въ обширныхъ размѣрахъ, безнаказанно господствовавшее во всѣхъ отрасляхъ управленія, военнаго и гражданскаго; отсюда же проистекали безчисленныя злоупотребленія, которыя, въ виду этой обстановки, нетрудно представить себѣ. Вотъ наименѣе преувеличенная картина Россіи въ моментъ восшествія на престолъ Павла I».

«Одно изъ величайшихъ несчастій этой обширной имперіи, дополнялъ Гребенъ свое донесеніе,—это недостатокъ людей просвѣщенныхъ, людей честныхъ, однимъ словомъ, истинныхъ гражданъ. Честь, чест-

---

[1]) Именной указъ, данный Сенату 4-го марта 1800 г.

[2]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. I, приложенія.

ность, патріотизмъ—качества, которыя неизвѣстны здѣсь даже по названію, а мѣсто этихъ добродѣтелей заступилъ самый ужасный эгоизмъ, которымъ въ общемъ заражены всѣ классы общества».

Конечно, картина Россіи конца прошлаго столѣтія, набросанная Гребеномъ, до-нельзя преувеличена; краски сгущены имъ до неправдоподобности, но за нею нельзя не признать извѣстной доли исторической достовѣрности. По словамъ того же Гребена, Павелъ видѣлъ всѣ пагубныя послѣдствія подобнаго порядка вещей, и, взойдя на престолъ, хотѣлъ сразу поправить все. Этимъ и объясняется главнымъ образомъ его строгое преслѣдованіе малѣйшихъ упущеній и преступленій въ области служебнаго долга.

VIII.

Изъ всѣхъ распоряженій императора Павла едва ли не самыми неожиданными для читателя являются его распоряженія, касающіяся общественныхъ блага и безопасности. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ указовъ рисуютъ Павла, какъ заботливаго государя, неустанно думающаго о благѣ своихъ подданныхъ. Къ такимъ-то явленіямъ, производящимъ свѣтлое впечатлѣніе, прежде всего слѣдуетъ отнести повелѣнія, имѣющія отношеніе къ взглядамъ Павла Петровича на всевозможныя монополіи и стачки, прикрывшіяся нынѣ громкимъ названіемъ «синдикатовъ». Противникъ всякаго рода монополій, онъ не только не утверждалъ ихъ, но и старался объяснить своимъ подданнымъ, какъ бороться съ «монополистами», часто подразумѣвая подъ этимъ словомъ всевозможныхъ скупщиковъ.

«Въ отвращеніе зла, сказано въ одномъ распоряженіи, происходящаго отъ монополистовъ, перекупающихъ сѣно внутри и внѣ столичныхъ и другихъ городовъ, его императорское величество высочайше соизволяетъ: дабы начальники обратили все свое вниманіе къ обузданію такого рода людей наистрожайшими запрещеніями покупать имъ сѣно на самомъ корнѣ, внушая поселянамъ, дабы они избытки свои, по всегдашнему ихъ обыкновенію, сами въ городъ возили, или же продавали на мѣстахъ казеннымъ чиновникамъ, равно и частно людямъ на казенную и собственную необходимость, а не на продажу покупщикамъ».

Находя, что свободная конкуренція составляетъ необходимое условіе развитія промышленности и «коммерціи», императоръ Павелъ повидимому признавалъ недостигающими своей цѣли всевозможныя «воспособленія» отъ казны. По крайней мѣрѣ, нѣкоему фабриканту Беклеру, представившему планъ о разведеніи въ Россіи шелководства при участіи

правительства, было дано знать, что «на утвержденіе онаго высочайшаго соизволенія не послѣдовало, поелику исполненіе сего плана требуетъ великаго ижданія и много времени; подобныя же сему учрежденія предуспѣваютъ болѣе, когда заводятся частными людьми, а не казною, чему служитъ доказательствомъ и распространяющееся въ южныхъ предѣлахъ Астраханской губерніи шелководство, никакихъ со стороны казны издержекъ не требующее».

Отсюда, однако, нельзя заключать, чтобы Павелъ оставался равнодушнымъ къ насажденію въ Россіи новыхъ отраслей производства. Напротивъ того, онъ съ поразительною чуткостью отнесся къ извѣстію о возможности развитія въ Россіи такого продукта всенароднаго потребленія, какъ сахаръ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ не прочь оказать и правительственную поддержку, имѣя въ виду громадное значеніе для Россіи собственнаго свеклосахарнаго производства. Вотъ что онъ писалъ въ 1800 году московскому военному губернатору, генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову.

«Вслѣдствіе рапорта ко мнѣ вашего, прошедшаго іюня отъ 26-го числа, въ разсужденіи изобрѣтенія въ Москвѣ аптекаремъ Биндгеймомъ дѣланія сахара изъ бѣлой свеклы, и сообразуя важную пользу, отъ оного произойти могущую, повелѣваю вамъ узнать отъ него, Биндгейма, какое количество пудовъ сахару можетъ онъ въ годъ такимъ образомъ сдѣлать? на какомъ положеніи производить сіе согласится? Отъ себя ли вести продажу онаго, или же способъ сей открыть захочетъ, и за какую цѣну? О чемъ о всемъ обстоятельно отъ него узнайте. Важнѣйшимъ же предметомъ въ семъ изобрѣтеніи есть то, что, естьли оное къ употребленію найдется удобнымъ, то, симъ способомъ довольствуяся, можно будетъ обойтися безъ покупки сахару отъ иностранцевъ, и вывозъ онаго изъ чужихъ краевъ тогда прекратится. Что, какъ сами судить можете, принесетъ важную выгоду и прибыль. О чемъ прошу не разглашать».

Заботы Павла Петровича объ устраненіи всего, что могло бы подрывать благосостояніе его подданныхъ, не покидали его въ продолженіе всего его царствованія. Онъ не могъ не замѣтить зла, причиняемаго ростовчичествомъ во всѣхъ его проявленіяхъ, а замѣтивъ это, счелъ необходимымъ немедленно выступить на борьбу съ нимъ. Въ особомъ указѣ, послѣдовавшемъ по сему поводу, императоръ «высочайше указать соизволилъ, чтобы таковые вредные ростовщики, сущіе чужаго хищники, строжайше преслѣдуемы и укрощаемы были и, по представленнымъ таковымъ ихъ искамъ и заведеннымъ дѣламъ, не только законнымъ пособіемъ и покровительствомъ не пользовались, но напротивъ подвергались неослабно сужденію и наказанію по законамъ».

Съ исключительною строгостью преслѣдовалъ Павелъ Петровичъ

быструю ѣзду по улицамъ. «Извѣстившись», что нѣкій перновскій купецъ Мельцнеръ, ѣхавъ очень скоро по улицѣ на дрожкахъ, раздавилъ полугодоваго мальчика, государь приказалъ, чтобы «за таковую неосторожность вышеписаннаго купца Мельцнера посадить въ Динаминдскую крѣпость на шесть недѣль на хлѣбъ и воду». Съ еще большею силою гнѣвъ государя проявился въ слѣдующемъ случаѣ. Узнавъ изъ рапорта петербургскаго военнаго губернатора «о приключившемся въ С.-Петербургѣ несчастіи, что ѣхавшая карета дѣйствительнаго камергера князя Щербатова задавила семилѣтняго сына придворнаго лакея Котельникова до смерти», императоръ Павелъ, «указать соизволилъ: бывшихъ въ то время, кучера, лакея и форейтера взять и судить уголовнымъ судомъ, яко смерто-убійцъ, и, по наказаніи кнутомъ, сослать на каторгу». А ѣхавшей въ каретѣ княгинѣ Щербатовой повелѣно было отказать пріѣздъ ко дворцу, выслать ее изъ Петербурга и, въ примѣръ другимъ, запретить въѣздъ въ столицы и въ мѣста пребыванія государя. Правда, черезъ три дня, вслѣдствіе заступничества княжны Лопухиной, Павелъ Петровичъ «простилъ» княгиню Щербатову, разрѣшивъ ей въѣздъ въ обѣ столицы, но съ тѣмъ однако, чтобы тайный совѣтникъ князь Щербатовъ опредѣлилъ пенсіонъ придворному лакею Котельникову и женѣ его по смерть ихъ.

Каждаго, прочитывающаго многочисленные приказы и рескрипты Павла, должно поражать, что онъ строго каралъ проявленіе произвола со стороны кого бы то ни было, хотя бы близкаго ему лица. Строгость его въ этомъ отношеніи доходила до того, что генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ, за битье почтальоновъ и взятіе 12 лошадей вмѣсто 6, былъ отставленъ отъ службы.

IX.

Вступивъ на престолъ, императоръ Павелъ съ необыкновенною неутомимостью и постоянствомъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило на пространствѣ его обширной имперіи. Ни одинъ пустякъ не ускользалъ отъ его вниманія. Всякое противорѣчіе или недомолвка въ донесеніяхъ обращали на себя его вниманіе, и онъ требовалъ немедленныхъ разъясненій. Проникнутый желаніемъ «открыть всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ», государь приказалъ у воротъ дворца повѣсить особый ящикъ, ключъ отъ котораго находился у великаго князя Александра Павловича. Всѣ опускавшіяся въ ящикъ бумаги докладывались непосредственно самому государю. Благодѣтельное вліяніе этого ящика не замедлило сказаться. «Первый любимецъ, писалъ въ своихъ

взглядовъ и чувствъ императора Павла безспорно устанавливаютъ тотъ фактъ, что онъ постоянно принималъ самое близкое участіе въ судьбѣ всѣхъ несчастныхъ влюбленныхъ. Усвоивши себѣ рыцарское представленіе о дамѣ сердца, вплоть до ношенія ея цвѣтовъ включительно [1]), Павелъ Петровичъ своимъ вмѣшательствомъ устранялъ всѣ препятствія къ соединенію любящихъ сердецъ. Въ одномъ случаѣ, при знатности и богатствѣ невѣсты и бѣдности и неизвѣстности жениха, когда ему пришлось сломить волю родителей невѣсты, онъ не только подвинулъ жениха по службѣ, но и обезпечилъ его на всю жизнь, пожаловавъ въ пожизненное владѣніе деревню [2]). Но за то былъ и такой случай, когда соединеніе влюбленныхъ произошло помимо ихъ просьбы и даже безъ согласія одной изъ брачующихся сторонъ. 10-го іюня 1800 г. с.-петербургскій военный губернаторъ графъ Паленъ получилъ слѣдующій рескриптъ: «въ сегодняшнемъ вашемъ рапортѣ сказано, что дочь портнаго Клокенбергъ, отъ любви къ регистратору Максимову, утопиться хотѣла; но такъ какъ я ничего противъ этого брака не имѣю, то поручаю вамъ ихъ желаніе исполнить». И, дѣйствительно, въ тотъ же день синодскій регистраторъ Максимовъ, и не помышлявшій о бракѣ съ дѣвицей Клокенбергъ, былъ обвѣнчанъ съ нею въ Казанскомъ соборѣ въ присутствіи оберъ-полиціймейстера въ началѣ девятаго часа утра [3]).

X.

Всевозможные приказы Павла Петровича отразили на себѣ и главную особенность его личности въ послѣдніе годы его царствованія — чрезмѣрное, почти болѣзненное представленіе о своемъ собственномъ «я», подавлявшее въ немъ всѣ его чувства, всѣ его достоинства и недостатки. Вступивъ на престолъ, онъ сталъ относиться къ своей власти

---

[1]) Какъ извѣстно, любимымъ цвѣтомъ княжны Лопухиной, потомъ въ замужествѣ княгини Гагариной, былъ малиновый цвѣтъ. Цвѣтъ этотъ былъ введенъ не только при дворѣ, но и въ войскахъ. Имя княгини Гагариной — Анна, въ переводѣ на русскій языкъ „благодать“, послужило для наименованія двухъ построенныхъ кораблей „Зачатіе св. Анны“ и „Благодать“.

[2]) „Императоръ Павелъ и Игнатій Маньковскій“. „Русская Старина“ 1882 года т. XXXV.

[3]) Рескриптъ императора Павла графу П. А. Палену отъ 10-го іюля 1800 года. Приложеніе къ I тому соч. Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I его жизнь и царствованіе“: „Матеріалы для исторіи царствованія Павла I“. О дальнѣйшей судьбѣ Максимова и его жены см. „Іезуиты въ Россіи“ Марошкина ч. 2 ст. 9.

такъ, какъ будто кто-то все не хочетъ признать ея и готовъ оспаривать его права на нее. Отсюда происходитъ какое-то нервное безпокойство, обнаруживаемое имъ при пользованіи своею властью, и этимъ же, намъ кажется, слѣдуетъ объяснить всѣ его невоздержанности, всѣ его черезчуръ крутыя мѣры: онъ какъ будто хочетъ испытать силу своей власти и убѣдиться, видя исполненіе всѣхъ проявленій своей воли, что его слушаются, что его признаютъ.... Потребность новыхъ и еще болѣе наглядныхъ доказательствъ увлекала его по этому пути все далѣе и далѣе... Онъ дѣйствуетъ и держитъ себя не какъ государь, по праву первородства вступившій на прародительскій престолъ и проникнутый спокойнымъ сознаніемъ своей власти, а какъ человѣкъ, вдругъ, по волѣ случая, неожиданно для себя и для другихъ очутившійся на престолѣ, обезпокоенный мыслью о томъ, какъ смотрятъ на это другіе, и желающій убѣдить всѣхъ въ томъ, что они должны повиноваться ему. До какой степени Павелъ ревниво относился къ своей власти и оберегалъ ее отъ малѣйшаго поползновенія со стороны другихъ не признавать ее, видно изъ выговора, сдѣланнаго имъ генералу Беклешову за то, что тотъ въ одномъ случаѣ обратился съ рапортомъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову, а не непосредственно къ нему, императору; въ этомъ имъ была усмотрѣна «наклонность къ обороту порядка вещей напрежая (на прежнія) постановленія». За то всякое доказательство признанія его власти другими встрѣчалось имъ съ особеннымъ удовольствіемъ, хотя бы оно исходило и отъ гр. Алексѣя Орлова, заслужившаго милостивый рескриптъ за устройство празднества, даннаго имъ въ Карлсбадѣ по случаю дня тезоименитства императора. Престижъ своей власти Павелъ Петровичъ старался поддерживать даже такими мѣрами, какъ запрещеніе произносить слово «курносый» и называть кошку и козу «Машкой»...

Въ заключеніе мы не можемъ не согласиться съ авторомъ «Исторіи Императора Александра I», указывающимъ на недостатокъ матеріаловъ для характеристики императора Павла I. «Императоръ Павелъ, пишетъ Н. К. Шильдеръ,—одна изъ загадочныхъ личностей нашей исторіи. Свѣдѣнія, которыя до сихъ поръ имѣются о немъ въ печати, отрывочны, не полны и не вѣрны. Правда, довольно часто приходится слышать и читать разсказы о его царствованіи, но большею частью они оказываются преувеличенными или даже лишенными всякаго историческаго основанія. Къ сожалѣнію, чѣмъ менѣе они вѣроподобны, тѣмъ большую находятъ вѣру, и такимъ образомъ составляется, можно даже сказать составилась, какая-то легенда, сквозь которую историку не легко различить истину»..

П.

Сатира на три похвальныя слова Екатеринѣ II, сочиненныя Карамзинымъ, Захаровымъ и Храповицкимъ.

Безсмертная Екатерина!
Закрой глаза, зажми свой слухъ.
Твоей имперіи три сына
Имѣя слабый, низкій духъ,
Тщеславный разумъ, дерзновенный,
И даръ и смыслъ обыкновенный,
Полѣзли смѣло на Парнасъ,
Въ разноголосицу завыли,
Слогъ Ломоносова забыли,
Сей посрамили вѣкъ и насъ.—
Одинъ съ улыбкою умильной
Желалъ дѣла твои воспѣть
И словъ пустя потокъ обильный
Мнилъ славу Тѳмаса имѣть.
Къ романамъ, къ пасторальну слогу
Имѣя страсть—скроилъ Эклогу
И слово м и л а я вклеилъ.
Твои и лавры, и трофеи,
И храмы всѣ, и мавзолеи
Слезою нѣжной окропилъ.
Другой хотѣлъ быть Цицероном,
Какъ буйволъ въ дебряхъ заревѣлъ.
Тяжелымъ, грубымъ, древнимъ тономъ,
Тебѣ псаломъ свой прохрапѣлъ.
Твои дѣянія, щедроты,
И крѣпость, разумъ и доброты
Славянщиной нашпиговалъ
И сице, абіе и убо
И аще, дондеже, сугубо
Твердя, оригиналомъ сталъ.
А третій, всѣхъ попрать желая,
И воспаря поползъ какъ ракъ;
И разумъ тощій напрягая,
Явилъ усердья бѣдный знакъ.
Отъ славянщизны удалился,
И нѣжностью не прослезился;
Ни то, ни сіѳ, сталъ межъ двоихъ:
Надувшись шведскою войною,
Онъ тѣмъ лишь правъ передъ тобою,
Что рѣчь его коротче ихъ.

Брешинскій.

Сообщилъ Л С. М—чъ.

Академикъ К. И. Рабусъ.

(Біографическая замѣтка.)

19-го февраля 1857 года въ Москвѣ въ евангелической лютеранской церкви Петра и Павла происходило отпѣваніе тѣла одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ по ландшафтной живописи, академика Карла Ивановича Р а б у с а. Послѣ продолжительной и жестокой болѣзни, онъ скончался тихо на рукахъ жены и дѣтей, которыя лишились въ немъ своей надежды и подпоры. Свѣтлый, просвѣщенный умъ, прекрасныя качества души и живая, остроумная рѣчь невольно привлекали къ нему каждаго, а его глубокимъ знаніемъ теоріи искусства дорожили не только ученики, но и опытные художники. Лучшею похвалою можетъ служить нѣжная привязанность къ нему учениковъ его, которая такъ прекрасно и трогательно выразилась при его погребеніи. Они оплакивали его, какъ только дѣти оплакиваютъ своего отца, убрали его цвѣтами, увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ; прощаясь съ нимъ, каждый взялъ себѣ на память листикъ или цвѣтокъ изъ его гроба, и потомъ на рукахъ понесли его до самаго кладбища... Они чувствовали, что онъ для нихъ незамѣнимъ.

К. И. Рабусъ родился 17-го мая 1800 года въ С.-Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ субъ-инспекторомъ въ Академіи наукъ, и семи лѣтъ остался круглымъ сиротою, безъ отца и матери. Опекуны помѣстили его пансіонеромъ въ Академію художествъ съ платою по 1.200 руб. асс. въ годъ изъ небольшаго капитала, оставленнаго ему отцомъ.—Окончивъ тамъ гимназическій курсъ и показывая большія способности къ исторической живописи, онъ предался ей съ увлеченіемъ (это было въ продолженіе всей его жизни отличительная черта его характера). Въ среднемъ возрастѣ заболѣли у него глаза, и онъ долженъ былъ долгое время пробыть въ лазаретѣ. Горько оплакивая потеряиное время, онъ по выздоровленіи не могъ уже продолжать курсъ исторической живописи, потому что отсталъ отъ сво-

ихъ товарищей, и, посвятивъ себя ландшафтной живописи, оказалъ въ ней такіе успѣхи, что сдѣлался любимцемъ профессора Иванова и пріобрѣлъ репутацію отличнаго ученика. Съ К. П. Брюловымъ онъ былъ особенно друженъ. При выпускѣ задали имъ сочиненіе на золотую медаль, и кабинеты, гдѣ они писали, были рядомъ. Они вмѣстѣ работали, совѣтовались, въ одинъ день были выпущены, и оба получили золотыя медали.

Вскорѣ послѣ выпуска изъ академіи К. И. Рабусъ отправился въ Малороссію къ одному тамошнему помѣщику, пригласившему его къ себѣ погостить. Въ деревнѣ, страстно любя природу, онъ наслаждался прекрасными видами береговъ Псла и дѣлилъ время между живописью и литературою. Изъ Малороссіи поѣхалъ онъ въ Крымъ, гдѣ собралъ очень много видовъ и написалъ по нимъ нѣсколько масляныхъ картинъ, изъ которыхъ одна, «Видъ Балаклавы», куплена Обществомъ поощренія художниковъ, а другая «Гурзуфъ» доставила ему званіе академика и находится теперь въ Академіи. Возвратясь въ Малороссію, познакомился онъ съ княземъ Кочубеемъ, былъ очень обласканъ въ его семействѣ и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ извѣстной Диканькѣ. На другой годъ онъ опять поѣхалъ на южный берегъ Крыма, гдѣ снова собиралъ виды, изъ которыхъ и теперь многіе хранятся въ его портфелѣ. Изъ Крыма отправился онъ въ Одессу, а оттуда въ Константинополь; дорогою претерпѣлъ сильную бурю и былъ въ большой опасности; но такъ былъ пораженъ величіемъ этого явленія, что получилъ пристрастіе къ морю и съ особеннымъ увлеченіемъ писалъ морскіе виды. Въ Константинополѣ К. И. былъ представленъ тогдашнему нашему посланнику, графу Рибопьеру, который пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Онъ много рисовалъ и писалъ для него, всегда имѣлъ отъ него провожатыхъ, чтобъ рисовать или осматривать замѣчательности Константинополя, что въ тогдашнее время было довольно трудно для европейца. Во время плаванія по Средиземному морю рисовалъ берега Греціи, Италіи и посѣтилъ нѣкоторыя изъ городовъ ея; но въ Римъ и Неаполь не могъ проѣхать, потому что въ то время была тамъ холера, и вездѣ разставлены были карантины. Въ Константинополѣ былъ принятъ у австрійскаго и другихъ посланниковъ, для которыхъ написалъ нѣсколько картинъ. Изъ Константинополя поѣхалъ онъ въ Германію; очень много рисовалъ въ Тиролѣ и посѣтилъ Вѣну. Здѣсь онъ пробылъ довольно долго, получивъ заказы картинъ отъ князя Эстергази. Изъ Вѣны поѣхалъ онъ въ Нюренбергъ, въ Мюнхенъ, вездѣ рисовалъ неутомимо, читалъ, знакомился съ извѣстнѣйшими художниками и литераторами, напримѣръ съ Корнеліусомъ и Шнорромъ. Жилъ долго въ Дрезденѣ, гдѣ подружился съ Ретчемъ, извѣстнымъ по своимъ превосходнымъ очеркамъ къ сочиненіямъ Шекспира и Шиллера; въ семействѣ Рейхенбаха Карлъ Ива-

новичъ былъ принятъ какъ свой; у Людвига Тика былъ всегда на литературныхъ вечерахъ и сблизился съ археологомъ Бёттигеромъ.

Послѣ пребыванія въ Дрезденѣ, Рабусъ обошелъ пѣшкомъ всю Саксонскую Швейцарію, собралъ тамъ много видовъ, и чрезъ Берлинъ возвратился въ Малороссію. Приведя въ порядокъ свои рисунки, поѣхалъ въ Петербургъ и представилъ свой портфель въ Академію художествъ. Собрался совѣтъ; разсмотрѣли рисунки и нашли ихъ достойными быть представленными Государю Императору, съ тѣмъ чтобы художникъ былъ удостоенъ званія Императорскаго живописца. Но представленія нельзя было сдѣлать иначе, какъ черезъ князя Волконскаго, тогдашняго министра двора, а онъ отказалъ сказавъ, что въ кабинетѣ нѣтъ суммъ на это назначеніе.—Тогда генералъ Шубертъ опредѣлилъ К. И. Рабуса на службу по морскому министерству, и онъ былъ уже представленъ князю Меншикову, который назначилъ его въ кругосвѣтное плаваніе. Но имѣя намѣреніе жениться, и притомъ по влеченію сердца, онъ вскорѣ отказался отъ блестящаго поприща и уѣхалъ въ Малороссію, гдѣ ожидала его любящая невѣста. Женившись, онъ пріѣхалъ въ Москву и остался здѣсь жить постоянно. Вскорѣ поступилъ онъ на службу въ Дворцовое архитектурное училище и въ Училище живописи и ваянія, куда пригласилъ его покойный Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи его искреннимъ другомъ; потомъ взялъ классы въ Строгановской рисовальной школѣ, бывшей тогда подъ попечительствомъ графа С. Г. Строганова, наконецъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ.

Поселившись въ Москвѣ Карлъ Ивановичъ сблизился почти со всѣми литераторами, часто бывалъ у нихъ, и они у него, любя его умную и пріятную бесѣду.— Сохранившіеся стихи и письма многихъ лицъ къ Карлу Ивановичу свидѣтельствуютъ о томъ уваженіи, которымъ онъ пользовался среди своихъ близкихъ и знакомыхъ.—Такъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, которому Рабусъ обѣщалъ подарить картину, названную «Звѣздочкой» писалъ ему:

«Домикъ нашъ, почтеннѣйшій Карлъ Ивановичъ, пришелъ уже въ нѣкоторый порядокъ, и отсутствіе одной изъ лучшихъ жемчужинъ становится замѣтнымъ въ домашнемъ ожерельѣ нашемъ.—Стѣны, прежде украшавшіяся «Звѣздочкой», теперь пустуютъ.—Это вызвало у меня нѣсколько рифмъ, чрезъ которыя опять прошу надѣлить насъ даромъ вашимъ —

Давно, давно уже пустуетъ
У насъ стѣна,
Давно по «Звѣздочкѣ» тоскуетъ,
Моя жена!

Мы любимъ чудную картину
Съ живой водой
И неба длинную равнину
Съ одной звѣздой.—
И много много есть художествъ
Въ картинѣ той,
Съ ночной природой, съ небомъ тождествъ
Съ звѣздой златой!
Звѣзды я не взялъ прежней службой—
То не бѣда,
Когда теперь мнѣ съ вашей дружбой
Прійдетъ звѣзда!
До той звѣзды дороги трудныя,
Ея жъ добудь,
И часто та звѣзда нагрудная
Намъ сушитъ грудь.
А ваша—тихая, мерцаніемъ
Въ тиши ночной
Ласкаетъ сердце упованіемъ
Не быть одной.....
Беззвѣздный, жду «Звѣзды» я вашей,
Жду даль съ водой,
Найду свой домикъ вдвое краше я
Опять съ «Звѣздой».

Итакъ пожалуйте насъ «Звѣздой», а я прошу Бога, чтобы онъ пожаловалъ васъ ногами [1]).— О! въ наше время, когда всякій всякаго сбиваетъ съ ногъ, ноги очень нужны, и благо, кто въ это скользкое время устоитъ на ногахъ! Сего желаетъ вамъ и себѣ покорно преданный вашъ Ѳедоръ Глинка».

Впрочемъ, не одинъ Глинка обращался къ Рабусу съ своими стихотвореніями; многіе молодые поэты спѣшили подѣлиться съ Карломъ Ивановичемъ своими произведеніями.—Вотъ молодой поэтъ Михаилъ Котельниковъ, восхищаясь Фанни Эльснеръ, послѣ представленія «Эсмеральды», посылаетъ Карлу Ивановичу свои стихи.—

Вотъ она рѣзва игрива,
Хороша, какъ ночь весной,
То горда, то прихотлива
Рѣетъ ласточкой живой.

---

[1]) Въ то время К. И. разбили лошади, и онъ повредилъ себѣ ноги.

Сколько чувства, выраженья
Въ ясныхъ, пламенныхъ очахъ,
Сколько граціи въ движеньи,
Сколько прелести въ чертахъ!
Вотъ воздушная несется,
Въ тамбуринъ рукой стучитъ...
Сердце трепетное бьется,
Такъ за нею и летитъ...
Вотъ она—горячей страстью
Чудо очи блещутъ вновь,
Вся она—живое счастье,
Нѣга, радость и любовь.
Милый съ ней—и ласки нѣжной
Эсмеральда предана,
И такъ чудно неизбѣжно
Въ душу чары льетъ она.
Страшный мигъ! вдругъ трупомъ хладнымъ
Милый другъ ея лежитъ,—
И страданьемъ безпощаднымъ
Взоръ красавицы горитъ.
Вотъ въ одеждѣ бѣлоснѣжной
Эсмеральда казни ждетъ;
Стихъ порывъ тоски мятежной,
Горькихъ слезъ она не льетъ.
Неземному выраженью
Нѣтъ земныхъ достойныхъ словъ!
Съ теплой вѣрой въ Провидѣнье
Что ей грузъ земныхъ оковъ?
Эсмеральда! чудной силой
Ты средь мрака дольныхъ дней
Дивнымъ свѣтомъ озарила
Грустный міръ души моей.

Въ 1839 году братья Полевые написали въ альбомъ К. И. Рабуса.

«Дружба и воспоминаніе неразлучны въ сердцѣ человѣка.—Дружба выше обязанностей родственныхъ.—Покуда существуетъ она, до тѣхъ поръ не исчезнетъ святая добродѣтель сердца—воспоминаніе.

«Такія чувства питаетъ къ милому Карлу Ивановичу преданный сердцемъ Ксенофонтъ Полевой».

1-го августа 1839 г. Москва.

На память доброму, милому Карлу Ивановичу Рабусу.

«На бѣдной землѣ изгнанія, гдѣ плачутъ столь многіе, гдѣ смѣют-

ся столь немногіе, всегда увѣнченная кипарисомъ поэзія живетъ съ нами только для усыпленія нашей скорби; каждая наша пѣснь выражаетъ печаль или уныніе; а струны счастія безмолствуютъ на лирѣ поэта..... Поэтъ и соловей, что такое пѣсни ваши?... Вздохъ, грусть о томъ, что не дано человѣку на землѣ».—Николай Полевой».

Въ 1841 году извѣстный писатель А. Чужбинскій, въ память прогулки съ К. И. Рабусомъ, прислалъ ему на другой день слѣдующее стихотвореніе:

Роскошно красуется роза—царица,
Качаясь на стеблѣ порою слегка;
Ее осыпаетъ лучами денница
И тише надъ нею полетъ вѣтерка.
Чудесна та роза порой предразсвѣтной,
Когда ей корону роса уберетъ...
Какъ запахъ роскошенъ!.. Но червь незамѣтный
Ей сердце ужъ точитъ, и смерть ее ждетъ.
Взгляните! Красавица въ пышномъ уборѣ,
Облитая свѣтомъ неземной красы,
Съ высокою мыслью въ сіяющемъ взорѣ,
Какъ будто не знаетъ печальной слезы.
И старость сѣдины предъ ней преклонила
И юность предъ нею въ восторгѣ молчитъ...
Она же завѣтную думу хранитъ:
Она обманулась... она ужъ любила....
И камень тяжелый на сердцѣ лежитъ.
Вихрь свѣта заманчивъ; какой-то цѣлебной
Не здѣшнею силой чаруетъ людей.
Въ чертогъ жизни свѣтской—роскошной волшебный
Красавица входитъ... Все пало предъ ней...
Душа затворилась—какъ въ воздухѣ знойномъ
При солнечномъ свѣтѣ ночная краса,
Которая дремлетъ безстрастно, спокойно,
Пока загорятся въ звѣздахъ небеса.
Вокругъ нее бабочки вьются, кружатся,
Трепещутъ цвѣтистыхъ рои мотыльковъ...
Но имъ ли, дневнымъ эфемерамъ, дождаться
Когда отъ прекрасной повѣетъ любовь!..
Красавицу свѣтская жизнь забавляетъ
Курится предъ нею страстей фиміамъ;
Но мало-по-малу завѣса спадаетъ,
И жизнь безъ покрова предстала очамъ...

Красавица—лучше, роскошнѣй; но дума
Невольно въ святыню былаго летитъ;
Красавица та же средь свѣтскаго шума,—
А камень на сердцѣ тяжелый лежитъ.
Еще май веселый одежды не скинулъ,
А роза увяла весенней порой;
И кто-то рукой равнодушною кинулъ
Красавицу розу на холмъ гробовой....
Подъ этимъ же дерномъ красавица свѣта
Уснула, и тлѣнъ—ея прахъ пепелитъ...
Она ужъ въ могилѣ—загадка поэта—
И—камень тяжелый на сердцѣ лежитъ.

«Отце тоби за то, що ты мене збытнемъ напоивъ, молдкы давъ и мъягко спать положывъ».

1841 года Іюля 18.
Москва.

Черезъ генерала Нейдгардта, съ которымъ К. И. Рабусъ былъ въ дальнихъ родственныхъ связяхъ, познакомился онъ съ графомъ Бенкендорфомъ и написалъ для него картину «Видъ Измайловской церкви» еще въ томъ неисправленномъ видѣ, когда она была такъ живописна. Въ то время посѣтилъ Москву знаменитый живописецъ Горацій Вернетъ; онъ былъ нѣсколько разъ у К. И. Рабуса, самъ предложилъ представить государю видъ Измайловской церкви и отвезъ картину во дворецъ. Картина понравилась государю, и онъ сказалъ Вернету, чтобы художникъ привезъ ему свои работы въ Петербургъ. Тогда у Карла Ивановича были окончены двѣ большія картины: «Буря» и «Видъ Галлиполи при лунномъ освѣщеніи», и онъ лично представилъ ихъ императору. Государь былъ къ нему очень благосклоненъ и, разсматривая картины, сказалъ князю Волконскому: «что? каково? у тебя такихъ нѣтъ». Потомъ, обратясь къ художнику, прибавилъ по-нѣмецки: «поздравляю васъ съ такимъ прекраснымъ талантомъ». Обѣ картины государь велѣлъ помѣстить во дворцѣ, возлѣ картинъ Филиппа Гакерта.—

Было это въ 1844 г. Многочисленные ученики Карла Ивановича устроили къ его возвращенію домашній спектакль, а поэтъ сороковыхъ годовъ, Алферьевъ, написалъ юмористическую афишу.

АФИШКА
Землевальскаго домашняго театра
посвящена
К. И. Рабусу.

По милости Юпитера
И всѣхъ другихъ боговъ,

Пріѣхалъ ты изъ Питера
И веселъ и здоровъ..
А чтобъ въ твоемъ присутствіи,
Ты больше насъ цѣнилъ,
То я въ твоемъ отсутствіи
Водевильчикъ сочинилъ.
Хорошъ онъ—такъ порадуйся,
А нѣтъ—такъ не брани.—
Актеры все извѣстные
Играютъ водевиль
И всѣ они по своему
Въ глаза пускаютъ пыль.—
Когда тебѣ фамильи ихъ
Желательно узнать,
То соберу усилія
Про нихъ тебѣ сказать.
Играетъ роль Мазилкина,
Извѣстный Левестамъ, [1])
А какъ играетъ—это ты
Увидишь послѣ самъ.
Аммонъ Владиміръ Ѳедорычъ [2])
Двѣ роли взялъ себѣ.
Все съ цѣлью, все съ намѣреньемъ,
Чтобъ угодить тебѣ.
Сначала онъ является
Старухой, а потомъ
На сценѣ отличается
Красивымъ молодцомъ.
Онъ другъ Высокопарова,
Котораго Барминъ
Играетъ—онъ въ комедіяхъ
Извѣстный господинъ.
Твоя супруга Тюнину
Копируетъ точь-въ-точь,
А Марья Александровна [3])
Ея играетъ дочь.
Никандру [4]) роль квартальнаго
Досталось исполнять.

---

[1]) Ученикъ К. И.—архитекторъ.
[2]) Впослѣдствіи академикъ, по ландшафтной живописи.
[3]) Дочь сенатора Башилова.
[4]) Художникъ Удиловъ.

Про слугъ и хожалаго
Не стоитъ толковать.
Піесы этой дѣйствіе
Въ Москвѣ, сударь ты мой,
Въ предлинномъ домѣ Тюниной,
Который на Тверской.

22 октября 1844 г.

Въ Москвѣ Карлъ Ивановичъ постоянно и усердно занимался этюдами съ натуры, снятіемъ видовъ и исполненіемъ масляныхъ картинъ. Изъ послѣднихъ произведеній его кисти въ особенности замѣчательны: «Видъ храма Василія Блаженнаго», написанный для В. А. Кокорева. Эта картина вызвала всеобщее вниманіе. 11-го апрѣля 1852 года Ѳ. Н. Глинка писалъ К. И. Рабусу:

«Съ каждымъ днемъ болѣе покрывается брызгами, то отъ чая то отъ кофія, бѣдная картинка, которая удостоилась богатаго счастья вашего вниманія.

«Въ темномъ мѣстѣ замѣтило ее ваше свѣтлое артистическое чувство. Вы обѣщали ей возрожденіе. Мнѣ, профану, не вѣрится, чтобъ это могло сбыться; но у васъ есть чудеса и тайны, и я посылаю къ вамъ ветшающую для совершенія надъ нею операцій Паленгинезіи.

«Вчера были на выставкѣ. Картина ваша торжествуетъ [1]); отчетливость, даже до мелочей, удивительна. Фигуры ходятъ, поютъ и молятся. Храмъ живьемъ перенесенъ и вставленъ въ рамы. И какъ хорошо онъ стоитъ! Какъ вѣрно изображаетъ постановку и бытъ нашихъ предковъ. Нравы ихъ были, правда, немного причудливы, кудреваты, но за то и замысловаты. Мы, внуки ихъ, въ коротенькихъ фрачкахъ, прыгаемъ съ камышка на камышекъ, а предки сидѣли плотно на своихъ капиталахъ, своей народности, своихъ нравахъ и вѣрованіяхъ.— Но съ какой палитры взяли вы такія блестящія краски для вѣдреннаго Московскаго неба, такой день, такое освѣщеніе?!

«Кланяемся вамъ какъ художнику!

Конечно Воскресенье—для многихъ спасенье;
Но вѣдь и Понедѣльникъ не бездѣльникъ!
Особенно когда вы,
Нашъ гость еженедѣльный,
Свой сообщите умъ отчетливый и дѣльный!

«Это такъ—мимоходомъ.

«Кланяется вамъ, преданнѣйшій Ѳ. Глинка».

---

[1]) Храмъ Василія Блаженнаго, находящійся нынѣ въ Третьяковской галереѣ.

Въ позднѣйшее время К. И. Рабусъ написалъ картины: «Молитва о погибшихъ товарищахъ» (морская картина), «Видъ Кремля при лунномъ освѣщеніи» [1]), «Видъ Спасскихъ воротъ» также при лунномъ освѣщеніи.

По поводу послѣдней картины, одинъ изъ знакомыхъ К. И. Рабуса, поэтъ Петръ Ежовъ прислалъ ему два стихотворенія:

I.

Я надъ картиною твоею
Сказать сужденій не умѣю:
Предъ нею молча я стоялъ—
И мощь искусства постигалъ.
Луны сіянье, мракъ священный,
Таинственный лампады свѣтъ,
И башни, въ мракѣ многихъ лѣтъ,
Видъ величавый—неизмѣнно,
И неба распростертый сводъ—
Все тихій трепетъ въ душу льетъ.
И этотъ мигъ благоговѣнья
Былъ выше каждаго мгновенья,
Когда близъ древней башни той
Бѣжалъ я съ суетной мечтой.
Теперь, въ величьи обновленномъ
Она явилася для глазъ,
Какъ будто взоромъ удивленнымъ
Ее я видѣлъ въ первый разъ!
Такъ освящается искусствомъ
Святыня, чтимая душой,
И насъ знакомитъ съ новымъ чувствомъ,
Съ идеей к р а с о т ы двойной.

II.

Въ своей картинѣ не напрасно
Ты впечатлѣньемъ дорожилъ,—
Чтобъ съ сердцемъ чистымъ, съ мыслью ясной
Къ ней зритель скромно подходилъ;

---

[1]) Куплена императоромъ Александромъ II и находится въ Оружейной палатѣ.

Но онъ въ ошибкѣ—и въ серьезной,
Тебя, художникъ, упрекнетъ:
Монахъ, вернувшійся такъ поздно,
На грѣшный помыселъ ведетъ!...

14 февраля 1856 г.

Вскорѣ послѣ того появились картины: «Рыбачья хижина на берегу Мраморнаго моря» и «Водяные смерчи на Средиземномъ морѣ». Всѣ эти картины принадлежатъ теперь А. В. Капнисту.—Кромѣ того, занимаясь преподаваніемъ перспективы, К. И. Рабусъ составилъ руководство, которое думалъ издать въ свѣтъ и началъ писать исторію живописи; это былъ послѣдній трудъ его. Лѣтъ десять тому назадъ онъ провелъ лѣто на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ написалъ картину «Восходъ солнца и общій видъ Москвы», которая находится въ Училищѣ живописи и ваянія. Занимаясь этою картиною онъ простудился, и здѣсь пало сѣмя той болѣзни, которая, постепенно возрастая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, свела его въ преждевременную могилу...

Вотъ краткій очеркъ художественнаго поприща Карла Ивановича. Онъ умеръ слишкомъ рано для семейства, друзей и учениковъ своихъ; но оставилъ по себѣ прекрасную память, не только какъ художникъ, но и какъ добрый, благородный человѣкъ.

«Нѣмецъ по происхожденію, говоритъ К. А. Полевой, малороссіянинъ по воспитанію, онъ соединилъ въ себѣ хорошія качества того и другаго народа. Продолжительное путешествіе по Греціи и Германіи, ученіе въ Академіи художествъ, оригинальныя черты малороссіянъ, все служило предметомъ для его остроумныхъ разсказовъ и сужденій. Онъ вынесъ теплую душу изъ разныхъ испытаній жизни и отличался дѣтскимъ простодушіемъ въ обращеніи; но когда рѣчь касалась искусства, въ немъ видна была душа художника. Этотъ необыкновенный человѣкъ умеръ слишкомъ рано. Воспоминаніе о немъ не умретъ для его друзей» [1]).

Въ заключеніе очерка приводимъ сохранившіеся въ бумагахъ К. И. Рабуса письмо и нѣсколько стихотвореній Мих. Дмитріева.

1.

Письмо М. Дмитріева къ К. И. Рабусу.

13-го августа 1850 года с. Богородское.

Милостивый государь, Карлъ Ивановичъ!

Прежде благодарности за письмо ваше, я долженъ принести оправданіе, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Зная меня, вы конечно не

[1]) Запис. К. А. Полеваго. „Историческій Вѣстникъ“ 1887 г., № 8, стр. 291.

припишете этого моей лѣни или небрежности, которая была бы въ этомъ случаѣ неизвинительна. Нѣтъ! причиною этому мое отсутствіе изъ деревни: я уѣзжалъ два раза въ Симбирскъ и въ два раза отсутствіе мое продолжалось слишкомъ два мѣсяца. Во все это время я почти не получалъ писемъ, которыя, по небрежности домашняго начальства, дожидались меня въ нашемъ уѣздномъ городѣ: такимъ образомъ я, по возвращеніи, получилъ ихъ цѣлую кипу, въ томъ числѣ и ваше. А иначе могъ ли бы я не откликнуться на столь привѣтливый голосъ, какъ вашъ, соединенный, съ столькими пріятными воспоминаніями!

И такъ—примите мою искреннюю благодарность и за письмо ваше, какъ знакъ вашей памяти обо мнѣ, и за все пріятное и лестное, до меня лично относящееся, хотя все это я долженъ приписывать болѣе пріязни, которая можетъ быть не безпристрастна! Но въ нашъ холодный и утилитарный вѣкъ—это пристрастіе утѣшительно и показываетъ, что есть еще горячія души.

Такъ какъ вы сами, и болѣе нежели я, жрецъ изящнаго, то я почитаю справедливымъ заплатить вамъ тоже нѣкоторыми мыслями за ваши прекрасныя мысли. —Не знаю, писалъ ли бы живописецъ такія прекрасныя картины природы (какъ напримѣръ вашъ незабвенный для меня Лебедь) если-бъ онъ жилъ въ глуши, съ одной природой; но стихотворцу—нужно человѣческое общество!

И Лафонтенъ сказалъ:

„...Деревья молчаливы!
„Что лѣсъ внушаетъ мнѣ, нельзя не пожелать,
„Чтобъ былъ тутъ кто нибудь, кому бы передать!“

Такъ и я чувствую здѣсь величайшее и главное лишеніе—въ отсутствіи людей, сочувствующихъ просвѣщенію, и его цвѣту—изящному! Просвѣщеніе же, по моему мнѣнію, состоитъ не въ знаніи, но въ образованномъ чувствѣ и взглядѣ! И потому, между нами сказать, искусство и поэзія болѣе способствуютъ къ образованности и счастію, чѣмъ математика. Они умягчаютъ способности; съ ними die Menschen werden menschlicher: вотъ ихъ истинная заслуга!

Я думаю, вы получили уже, черезъ моего сына, мое разсужденіе о поэзіи, гдѣ говорится объ основаніяхъ изящнаго въ искусствахъ вообще; вотъ мой взглядъ на нихъ. Надобно бы было написать еще: «о ихъ значеніи въ человѣчествѣ» и доказать, что поэтъ и художникъ не такіе пустые люди, какъ объ этомъ думаютъ люди дѣльные, полагая, что ихъ произведенія служатъ только забавою праздности или украшеніемъ комнатъ. Но для кого писать и кому до этого нужда? Нѣтъ! по моему мнѣнію они открываютъ человѣку—человѣка; они различаютъ въ природѣ красоту, которую понимаетъ симпатія души, и которая для обыкновеннаго глаза есть только красивая матеріальность!

Благодарю васъ за намѣреніе ваше написать портретъ моей деревни. Это было бы для меня большое удовольствіе. Но тутъ есть препятствіе: первое—мое неумѣнье рисовать и снять контуръ съ этой провинціалки; второе—изъ моихъ оконъ виденъ садъ, двѣ церкви и нѣсколько села, что не составляетъ, думаю, ландшафта; а къ этому прибавлю, что моя камера-обскура мнѣ какъ-то худо повинуется. Постараюсь однако попробовать. Имѣть произведеніе вашей кисти было бы для меня истиннымъ и постояннымъ наслажденіемъ! —У насъ мѣсто прекрасное!—У насъ лѣса: изъ-за нихъ, или сверхъ ихъ, долины; надъ ними опять лѣсъ; и все это представляется амфитеаромъ, а когда ѣдешь,—передвижною панорамою, измѣняющеюся безпрестанно передъ глазами!—У насъ горы съ такими гигантскими камнями, которые могли быть выброшены наружу развѣ землетрясеніемъ. У насъ есть каменная пещера, выдолбленная въ одномъ камнѣ самою природою; войти въ нее нельзя—надобно, какъ въ милость вельможи, вползти; но въ ней можно учредить прекрасную пятницу, или вашу субботу, и всѣмъ будетъ просторно!—У насъ наконецъ есть на одной горѣ, называемой Лысою и окруженной лѣсомъ, высокіе камни, стоящіе вертикально въ полукружіи, почти четвероугранные, покрытые мохомъ и почти въ ровномъ разстояніи одинъ отъ другаго; нѣкоторые соединены вмѣстѣ и на нихъ опять камень въ видѣ перекладины, что заставляетъ думать, не было ли тутъ въ древности языческаго капища!—Крестьяне называютъ ихъ каменными столбами, а пещеру каменною избою. Вотъ какіе у насъ мѣста, но нѣтъ Карла Ивановича Рабуса.

Прошу васъ сказать мое совершенное почтеніе милостивой государынѣ Ольгѣ Егоровнѣ, а Ѳедору Богдановичу прошу сообщить только причины, по которымъ не писалъ къ вамъ, слѣдовательно и къ нему; а писать къ нему буду самъ. Но видите какъ длины мои письма: на одной почтѣ не могу написать ихъ нѣсколько. Засимъ прошу васъ быть все же увѣреннымъ въ совершенномъ моемъ почтеніи, всегдашней о васъ памяти и искренной преданности, съ которыми имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Дмитріевъ.

P. S. Семену Егоровичу мой душевный поклонъ. Елисавета Михайловна свидѣтельствуетъ свое почтеніе и вамъ и Ольгѣ Егоровнѣ, и поручила сказать, что она васъ обоихъ очень помнитъ и вспоминаетъ часто.

2.

Impromptu véritable[1]).

У Балкана, Самотека,
Три измѣнника живутъ!

[1]) Все стихотвореніе писано рукою Мих. Дмитріева.

Все имъ кажется далеко,
Все никакъ не приплывутъ!
Но скажите ради Бога,
Не шутя и не смѣясь:
Не такая же дорога,
Чтобъ засѣсть тремъ лицамъ въ грязь!
Мы съ привычкою другою!
Мы не въ снѣгъ, ни въ дождь, ни въ громъ,
Передъ дружбой и судьбою
Не ударимъ въ грязь лицомъ!
Не боимся мы погоды!
Намъ ничто далекой край!
Несмотря на наши годы,
Въ сани, въ дрожки, и валяй!

Мих. Дмитріевъ.
А. Курбатовъ.
М. Лихонинъ.
Ѳ. Дмитріевъ.

9-го марта 1851 г.
Москва.

3.

Гомеръ въ лаптяхъ.

(Элегія)

Три послѣднія свѣтила
Годъ прошедшій погасилъ!
Тамъ Жуковскаго могила, [1])
Здѣсь прахъ Гоголя остылъ; [2])
И Загоскинъ, добрый малый,
Бросилъ насъ за ними вслѣдъ. [3])
Проситъ жадно духъ усталый
Дарованій новыхъ лѣтъ.
Тщетна въ будущее вѣра!
Что даритъ намъ новый годъ?
Благороднаго Гомера
Сиволапый переводъ!
Говорятъ, Гомеръ былъ нищій,
И безъ крова и безъ пищи,

---

1) Скончался 12-го апрѣля 1852 г. въ Баденъ-Баденѣ.
2) Скончался 21-го февраля 1852 г. въ Москвѣ.
3) Скончался въ 1852 году въ Москвѣ.

И ходилъ онъ босикомъ!
Я ничуть не спорю въ томъ!
Знаю я и грековъ моду,
Что ходили въ бородахъ;
Но не слыхивалъ я сроду
Чтобъ Гомеръ ходилъ въ лаптяхъ!

М. Дмитріевъ.

4.

Христосъ воскресъ!

Христосъ воскресъ! Какое слово!
Какая вѣсть! Какой привѣтъ!
Вступайте! небо вамъ готово!
И въ самый адъ проникнулъ свѣтъ!
Какое было изумленье,
Какая радость всѣмъ была,
Какъ христіанамъ воскресенье
Молва впервые принесла!
Все тотъ же нынѣ и во вѣки
Отверзшій намъ врата небесъ!
Ликуйте, братья—человѣки!
Ликуйте всѣ: Христосъ воскресъ!

19-го апрѣля 1853 г. Мих. Дмитріевъ.

Сообщ. **Н. К. Смирницкая**
(рожденная Рабусъ).

Два предложенія князя А. Н. Голицина Святѣйшему Правительствующему Синоду.

1.

О цензурѣ книгъ духовнаго содержанія.

9-го февраля 1807 г.

Съ одобренія московской цензуры въ 1801-мъ году издана книга подъ названіемъ: «Ежедневныя христіанскія упражненія по руководству слова Божія или бесѣды, заключающія въ себѣ толкованіе на Евангеліе»; но какъ оная печатана безъ дозволенія Святѣйшаго Синода и не въ подвѣдомственныхъ оному типографіяхъ, а въ сенатской въ противность указа 1787 г. іюля 27-го, то по симъ обстоятельствамъ его императорское величество высочайше указать соизволилъ препроводить книгу сію къ министру народнаго просвѣщенія, дабы онъ подтвердилъ всѣмъ цензурамъ, въ вѣдомствѣ ввѣреннаго ему департамента находящимся, чтобы они въ изданіи книгъ держались точной силы вышеупомянутаго указа, а также послѣдовавшаго 1802 года февраля 9-го и высочайше конфирмованнаго въ 1804 году іюля 9-го дня о цензурѣ гражданской устава, 1-го отдѣленія 8-го пункта. Съ московской же цензуры взять отвѣтъ, почему оная дала дозволеніе на напечатаніе вышесказанной книги. О воспрещеніи же во всѣхъ мѣстахъ продажи оной, государя императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ отнестись къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Исполнивъ сію высочайшую волю, я долгомъ поставляю предложить объ ономъ для свѣдѣнія и Святѣйшему Синоду.

2.

О назначеніи жителями г. Туринска жалованья духовенству.

14-го февраля 1807 г.

По препорученію мнѣ отъ вашего святѣйшества, о сдѣланномъ гражданами Тобольской губерніи города Туринска постановленіи производить тамошнимъ священно и церковно-служителямъ жалованье, взамѣнъ хожденія ихъ, кромѣ Рождества Христова, въ праздники по домамъ со крестомъ, я имѣлъ счастіе довести до свѣдѣнія государя императора. и его величество высочайше указать мнѣ соизволилъ сообщить о томъ министру внутреннихъ дѣлъ, что мною и исполнено. О чемъ Святѣйшему Синоду и имѣю честь предложить.

ТИПЫ И КАРТИНКИ ПРОШЛАГО.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ моя мать получила письмо отъ своей двоюродной вдовой бабки Фаяны Гавриловны Зварыкиной, которымъ она настойчиво приглашала пріѣхать къ ней и обязательно привезти съ собою меня и мою сестру, добавляя, что къ ней пріѣдетъ ея единственный сынъ Петръ Сергѣевичъ, котораго уже произвели въ полковники. Невѣдомая для меня дотолѣ моя прабабка и ея сынъ, приходившійся мнѣ дѣдомъ, крайне меня интересовали, и потому я, несмотря на свою въ то время молодость, охотно отправился съ матушкой и сестрой въ село Мангушево, Сергачевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Длинный путь отъ Саратова на своихъ лошадяхъ и въ старинной семейной каретѣ въ настоящее время показался бы мучительнымъ, но тогда этотъ способъ переѣзда не былъ страшенъ, и вотъ недѣли черезъ двѣ, пріѣхавъ въ село Мангушево, мы радушно были встрѣчены моей прабабушкой Фаяной Гавриловной, которая стояла на террасѣ своего громаднаго дома и въ золотой лорнетъ слѣдила, какъ мы выгружались изъ нашего дормеза. Съ перваго взгляда она могла бы казаться женщиной не старше 50-ти лѣтъ: маленькая, худенькая, съ властнымъ взглядомъ, изящно одѣтая по модѣ того времени; на головѣ ея былъ легкій черный чепецъ, изъ-подъ котораго спускались по вискамъ накладныя черныя букли; зубы у нея были удивительные по бѣлизнѣ и правильности, и только когда я поцѣловалъ ея крошечную ручку, то по костлявымъ, обтянутымъ одною кожей пальцамъ, могъ повѣрить, что ей было 84 года. Рядомъ съ ней стоялъ красивый, высокій штабъ-офицеръ, съ закрученными въ кольцо черными усами, дѣдушка Петръ Сергѣевичъ, изъза котораго выглядывалъ его хорошенькій, обстриженный въ кружало,

казачекъ. Фаяна Гавриловна приказала было этому казачку помочь нашей прислугѣ выгрузить изъ экипажа вещи, но Петръ Сергѣевичъ заботливо отстранилъ его, пославъ для этого другую прислугу.

Домъ у прабабушки былъ изъ 40-ка комнатъ, обставленныхъ старинной великолѣпной мебелью, обитой, нарочно вытканными для этого, самой тончайшей домашней работы, коврами. Громадный, въ два свѣта, залъ, съ хорами и органомъ наверху, съ массивной, спускавшейся съ потолка, люстрой, былъ заставленъ высокими тепличными растеніями, сквозь которыя мѣстами, въ нишахъ, вырисовывались мраморные статуи. Залъ этотъ нѣсколькими арками соединялся съ комнатой немного меньшихъ размѣровъ, и она, устланная мягкими коврами и съ тяжелыми портьерами на окнахъ, представляла собою гостиную съ диванами, на которые нужно было подниматься по ступенькамъ; стѣны были украшены громадными зеркалами, портретомъ во весь ростъ императора Павла Петровича и многими фамильными портретами временъ XVII и XVIII столѣтій. Большая стеклянная дверь вела изъ нея въ оранжерею. Далѣе былъ кабинетъ ея покойнаго мужа, увѣшанный стариннымъ оружіемъ и рыцарскими доспѣхами, тутъ же стояли, вдоль одной изъ стѣнъ, столы съ ящиками на одинъ скатъ, подъ стеклянными крышками которыхъ хранились древнія монеты, слитки руды и множество самородковъ дорогихъ камней и кристалловъ, по угламъ же на полкахъ лежали черепа и кости допотопныхъ животныхъ. Рядомъ съ ней, почти одинаковой величины съ залой, находилась комната съ бильярдомъ посрединѣ и двумя маленькими китайскими бильярдами по бокамъ; она, ранѣе служа театральной залой, имѣла по срединѣ впадину и кромѣ того съ одной стороны особый выходъ на террасу сада, а съ другой—дверь, выходившую въ корридоръ, по бокамъ котораго шелъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ комнатъ для пріѣзда въ прежніе годы гостей; корридоръ этотъ заканчивался широкой лѣстницей, ведущей въ почти заброшенный верхній этажъ, гдѣ особенное вниманіе привлекала обширная библіотека. Но вся эта часть дома со смертью мужа Фаяны Гавриловны оставалась нежилой, сама же она занимала другую его половину, съ менѣе причудливой обстановкой, хотя ея спальня и кабинетъ были также крайне оригинальны, такъ какъ комната раздѣлялась перегородкой изъ цвѣтныхъ стеколъ, и одна часть ея совсѣмъ безъ оконъ, составляя спальню, имѣла стѣны сплошь уставленныя въ богатыхъ ризахъ иконами, передъ которыми теплилось нѣсколько лампадъ и стоялъ аналой съ евангеліемъ, гдѣ она молилась; другая же, о четырехъ выходившихъ въ садъ окнахъ, служила ей кабинетомъ, гдѣ, передъ стариннымъ письменнымъ столомъ, сидя въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ, хозяйка любила бесѣдовать съ гостями, причемъ позади ея кресла въ углу, чуть не до потолка,

горкой оригинально возвышалась груда писемъ, указывавшая на ея долговременную и обширную корреспонденцію.

Прожили мы въ Мангушевѣ около мѣсяца, ознакомились съ сосѣдями прабабушки, которые ее часто посѣщали, такъ какъ она, при ея громадномъ состояніи, любила принимать гостей, нерѣдко пріѣзжавшихъ даже изъ Нижняго Новгорода. За обѣденнымъ столомъ лакеи прислуживали въ свѣтло-зеленыхъ фракахъ, съ длинными фалдами, въ красныхъ жилетахъ съ позументомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, напоминая времена прошлаго вѣка, причемъ камердинеръ покойнаго мужа Фаяны Гавриловны, семидесяти-лѣтній старикъ, котораго она звала Митькой, прислуживалъ только ей одной и, стоя за ея стуломъ, послѣ каждаго блюда получалъ нарочно оставленный Фаяной Гавриловной для него кусочекъ кушанья, который онъ, едва передвигая ноги отъ дряхлости, уносилъ изъ столовой. Блюда прежде всего подавались самой Фаянѣ Гавриловнѣ, а затѣмъ уже гостямъ, и дѣлалось исключеніе лишь только для двухъ подругъ-сосѣдокъ: княгини Бабичевой и графини Рошфоръ. Съ княгиней Бабичевой у Фаяны Гавриловны было, вѣроятно, порѣшено женить Петра Сергѣевича на ея внучкѣ, въ надеждѣ чего, какъ оказалось, она, вызвавъ сына, пригласила и насъ въ Мангушево. Но, къ удивленію этихъ пріятельницъ, дѣло не шло на ладъ, и Петръ Сергѣевичъ подъ разными предлогами уклонялся отъ женитьбы на 17-тилѣтней прелестной княжнѣ, несмотря на милліонное состояніе ихъ обоихъ, и уже поговаривалъ о своемъ отъѣздѣ въ Оренбургъ въ ожиданіи тамъ назначенія его командиромъ полка.

Властолюбивая женщина никакъ не могла примириться съ мыслей, что порѣшенный ею бракъ не состоится, и потому настойчиво требовала отъ сына формальнаго предложенія внучкѣ княгини Бабичевой, а такъ какъ день мы проводили всѣ вмѣстѣ, то для своихъ интимныхъ бесѣдъ съ сыномъ Фаяна Гавриловна избирала время, когда вечеромъ всѣ уже расходились по своимъ комнатамъ. Дѣдушка Петръ Сергѣевичъ имѣлъ обыкновеніе всѣхъ раньше уходить на свою половину, и ложась въ постель далеко за полночь, засыпалъ подъ мелодичные звуки гитары своего казачка. Фаяна Гавриловна, послѣ своей вечерней молитвы, всегда отправлялась къ нему поговорить о столь интересовавшемъ ее дѣлѣ и, благословивъ сына, уходила каждый разъ недовольной и раздраженной. Смутное подозрѣніе, что сынъ кого-нибудь уже любитъ, начинало закрадываться ей въ душу, какъ однажды она увидѣла, выглядывавшій изъ-подъ ворота рубашки, на груди Петра Сергѣевича медальонъ; схвативъ его, Фаяна Гавриловна, несмотря на сопротивленіе сына, успѣла открыть и тамъ въ портретѣ женщины узнала любимаго его казачка. Только тутъ Петръ Сергѣевичъ рѣшился признаться матери, что это его жена, дочь бѣднаго чиновника. Гордая женщина настолько

была поражена этимъ открытіемъ, что ни мольбы, ни слезы ея дѣтей не могли ее тронуть, и она тутъ же съ проклятіемъ прогнала ихъ изъ дома.

Трудно себѣ представить тотъ переполохъ въ домѣ Зварыкиной въ ночь послѣ этого ужаснаго происшествія. Въ усадьбѣ все проснулось, забѣгали люди съ фонарями, торопливо укладывались вещи въ заложенный уже экипажъ Петра Сергѣевича, но онъ и юная жена его еще долго, долго не отходили отъ запертой двери неумолимой матери, тщетно надѣясь смягчить ея сердце. Но все было напрасно, и въ полномъ отчаяніи, въ тяжелыхъ рыданіяхъ эта любящая другъ друга чета навсегда покинула родительскій кровъ.

Весь слѣдующій день Фаина Гавриловна оставалась запершись въ своей комнатѣ и лишь вечеромъ только призвала къ себѣ мою матушку, которой и передала о подробностяхъ случившагося, и тутъ же, высказавъ рѣшеніе лишить своего сына наслѣдства, предложила ей купить всѣ ея вотчины. Матушка вздумала было просить Фаяну Гавриловну за ея сына, но отказъ былъ такъ суровъ и рѣшителенъ, что далѣе она уже не смѣла болѣе говорить объ этомъ; относительно же покупки вотчинъ отозвалась неимѣніемъ у себя столь большихъ денегъ. Когда же прабабушка затѣмъ сказала ей, что это не ее дѣло и что она заплатитъ столько, сколько можетъ, такъ какъ она не желаетъ умереть не наказавъ сына, то матушка рѣшительно отказалась отъ этого предложенія, объяснивъ, что считаетъ грѣхомъ воспользоваться состояніемъ законнаго наслѣдника.

Отвѣтъ этотъ видимо не понравился Фаинѣ Гавриловнѣ и она болѣе уже о томъ не упоминала. Когда же мы черезъ нѣсколько дней послѣ этого отправились въ обратный путь, то отосланный днемъ ранѣе нашъ фургонъ съ поваромъ и прислугой оказался наполненнымъ множествомъ цѣнныхъ вещей и рѣдкостей, уложенныхъ безъ нашего вѣдома по приказанію прабабушки. Прошло послѣ этого полгода, въ продолженіе котораго матушка обмѣнялась нѣсколькими письмами съ Петромъ Сергѣевичемъ, результатомъ чего послѣдовало согласіе ее пріобрѣсти покупкою всѣ имѣнія Зварыкиной, въ предположеніи такимъ образомъ хотя часть ихъ передать Петру Сергѣевичу, но отвѣтомъ было то, что всѣ имѣнія уже запроданы какому-то С—ву, за исключеніемъ 260 душъ въ селѣ Чирчимѣ, Саратовской губерніи, которые она по духовной завѣщаетъ матушкѣ.

И вотъ въ слѣдующіе четыре года судьба въ свою очередь караетъ жестокосердую мать, проклявшую сына.

Мятель и вьюга нѣсколько дней задерживаютъ на станціи въ Мангушевѣ проѣзжаго чиновника С—ва, гдѣ по сосѣдству онъ находитъ гостепріимство у престарѣлаго священника, крестника Фаяны Гавриловны. Разговорившись съ этимъ старцемъ, онъ узнаетъ о семейной
строфѣ Зварыкиныхъ и, ловко вывѣдавъ о происхожденіи ея пред-

ковъ, узнаетъ себя какъ бы дальнимъ ея родственникомъ. Добродушный священникъ, не подозрѣвая злаго умысла, спѣшитъ обрадовать одинокую Фаяну Гавриловну этимъ извѣстіемъ, и новый лже-родственникъ быстро очаровываетъ Зварыкину, цѣлуетъ ей руки, называетъ бабушкой и въ нѣсколько дней настолько вкрадывается въ ея довѣріе, что она тутъ же запродаетъ ему Мангушево менѣе чѣмъ за полцѣны, при условіи разсрочки платежа денегъ и оставленіи Мангушева въ фактическомъ владѣніи за Фаяной Гавриловной до ея смерти. С—въ обязался въ условленный срокъ явиться въ городъ Арзамасъ для совершенія въ уѣздномъ судѣ запродажной записи и доставить Зварыкиной въ задатокъ 23.000 рублей.

Княгиня Бабичева и графиня Рошфоръ имѣли обыкновеніе ежегодно говѣть въ Арзамазскомъ монастырѣ, гдѣ для нихъ отводилась особая келья, почему Зварыкина назначила совершеніе запродажной записи на это время и, пріѣхавъ, остановилась у нихъ. Является затѣмъ С—въ съ готовой запродажной записью для подписи Фаяной Гавриловной, но денегъ привозитъ лишь только 2.300 рублей, хотя въ этой записи было обозначено, что Зварыкина отъ него получила 23.000 руб. Неаккуратность въ доставленіи денегъ онъ сваливаетъ на своего управляющаго, и при этихъ трехъ старухахъ клянется передъ крестомъ и евангеліемъ, что доставитъ слѣдуемую сумму въ двухнедѣльный срокъ и исполнитъ словесное обѣщаніе оставить до смерти Зварыкиной село Мангушево въ ея распоряженіи. Послѣ этого Фаяна Гавриловна подписываетъ запродажную запись и поручаетъ своему повѣренному засвидѣтельствовать ее въ уѣздномъ судѣ и затѣмъ въ Нижегородской гражданской палатѣ совершить купчую на имя С—ва.

По возвращеніи въ Мангушево, Фаяна Гавриловна, вмѣсто обѣщанныхъ С—вымъ денегъ, получала отъ него первое время письма съ извиненіями въ дальнѣйшей его неаккуратности, при новыхъ обѣщаніяхъ привезти лично всю сумму долга сразу, послѣ перезалога имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ; потомъ письма приходили все рѣже и рѣже и, наконецъ, къ концу 1846 г. С—ву село Мангушево было введено во владѣніе, и присланнымъ отъ него управляющимъ эта вотчина не только отобрана отъ Зварыкиной, но даже была имъ произведена опись самой усадьбы, съ предупрежденіемъ владѣлицы, что ей разрѣшается только на непродолжительное время оставаться въ ея домѣ.

Почти одновременно съ этимъ Зварыкина получаетъ извѣстіе о смерти своего сына разрывомъ сердца. Пораженная этимъ несчастьемъ и такимъ дерзскимъ обманомъ С—ва, она все-таки не падаетъ духомъ и заводитъ процессъ съ С—вымъ подачею прошеній въ Правительствующій Сенатъ и шефу жандармовъ графу Орлову, и вмѣстѣ съ этимъ шлетъ письмо императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ съ изложе-

ніемъ всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, при удостовѣреніи подписавшихъ его: княгини Бабичевой и графини Рошфоръ, изъ которыхъ послѣдняя была хорошо извѣстна императрицѣ.

Немедленно послѣ этого, и именно въ декабрѣ 1846 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе, въ которомъ говорилось, что, хотя дѣло это и облечено въ законную форму, но, въ виду преклонности лѣтъ Зварыкиной и необычайныхъ обстоятельствъ, его сопровождавшихъ, пересмотрѣть оное въ подлежащихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Но такъ какъ въ то время сильно процвѣтали подкупъ и взятки, то дѣло Зварыкиной не подвигалось впередъ, тѣмъ болѣе, что ея повѣренные одинъ за другимъ передавались на сторону С—ва, допустивъ даже перезалогъ имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ. Между тѣмъ, въ 1848 году, было первое покушеніе на ея жизнь при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Читатель, вѣроятно, вспомнитъ расположеніе ея спальни и кабинета, въ которомъ она, запираясь на ночь, держала лягавую собаку. Этотъ вѣрный песъ былъ отравленъ, и черезъ двое сутокъ въ окно изъ сада тихо пробрался злодѣй съ полѣномъ въ рукахъ, которымъ и нанесъ спящей Фаянѣ Гавриловнѣ ударъ по головѣ. Но такъ какъ она, сильно страдая въ эту ночь мигренью, положила себѣ на голову небольшую подушку и придерживала ее рукой, то ударомъ и переломлена была только рука. Но прабабушка не потерялась, и такъ грозно крикнула на злодѣя, что тотъ, оробѣвъ и слыша поднявшуюся уже въ домѣ суматоху, бросился въ окно; она же, 87-милѣтняя старуха, со сломанной рукой, выскочила за нимъ и гналась съ крикомъ по аллеи сада саженъ 50-ть до рѣки, отдѣлявшей ея усадьбу отъ деревни. Крикъ ея услышанъ былъ уличными караульщиками, и преступникъ, бросившійся вплавь, былъ ими пойманъ на другомъ берегу. Это оказался дезертиръ изъ отданныхъ ею въ солдаты дворовыхъ людей.

Нечего и говорить, какъ тяжело подѣйствовало это происшествіе на здоровье Зварыкиной и на ее душевное состояніе, тѣмъ болѣе, что переломъ правой руки лишалъ ее послѣдняго утѣшенія, вести привычную переписку. Но этимъ еще не все кончилось, и въ ночь на 3 декабря 1849 года она найдена была на полу, возлѣ своей постели, мертвой. Домъ былъ разграбленъ, бумаги, денежныя документы и письма С—ва похищены. Невзирая, однако, на эти обстоятельства, она была торопливо похоронена, по распоряженію временнаго отдѣленія Сергачевскаго нижняго земскаго суда. Тогда для С—ва уже не оставалось никакихъ преградъ быть полнымъ хозяиномъ всего, что находилось въ Мангушевѣ, и потому онъ не замедлилъ распродавать, что только было возможно въ барской усадьбѣ. Кромѣ этого, онъ сталъ давать отпускные прислугѣ, находившейся при Зварыкиной до ея смерти, хотя эти

люди и принадлежали къ селу Чирчиму, которое, по утвержденному въ 1850 году духовному завѣщанію, должно было перейти къ матушкѣ.

Это обстоятельство вынудило и ее начать процессъ съ С—вымъ, во время котораго выяснилось, что С—въ какимъ то образомъ помѣстилъ въ запродажной записи на село Мангушево также и Чирчимъ Саратовской губерніи, чего Зварыкина не замѣтила, такъ какъ сама запись не читала. Купчію же на Чирчимъ ему не удалось получить, потому что довѣренность на совершеніе ея дана была только на Мангушево.

И вотъ противъ матушки начались тѣ же подкупы и взятки. Ее повѣренный не только передался на сторону С—ва, но и подалъ ко взысканію въ 2.000 руб. безденежный вексель, который получилъ отъ матушки въ обезпеченіе окончанія имъ этого процесса.

Дѣло это неизвѣстно какъ и когда бы кончилось, но въ это время, послѣ четырехлѣтней службы на Кавказѣ, я, вслѣдствіе раны, вышелъ въ отставку и, вернувшись домой, взялъ на себя не только это дѣло, но по праву наслѣдія и продолженіе тяжбы Зварыкиной по всѣмъ ея имѣніямъ. Но дѣла уже настолько были испорчены и запутаны повѣренными, что, послѣ моихъ поѣздокъ въ село Мангушево и въ города Сергачъ и Нижній, гдѣ я прожилъ всю зиму, и на мѣстѣ убѣдился въ скрытіи всѣхъ слѣдовъ безденежной покупки С—мъ Мангушева, трудно было бы процессъ выиграть, если бы не сообщилъ мнѣ тайно старикъ священникъ села Мангушева, крестникъ Фаяны Гавриловны, своего подозрѣнія, что Зварыкина умерла неестественной смертью, такъ какъ онъ, хоронивъ ее, самъ видѣлъ на ея вискѣ запекшуюся кровь, о чемъ даже заявлялъ осматривавшему тѣло Зварыкиной временному отдѣленію сергачевскаго нижняго земскаго суда.

Тогда я, съ Божьей помощью, рѣшился раскрыть всю эту темную исторію, для чего и отправился въ Петербуртъ съ твердымъ намѣреніемъ лично доложить обо всемъ этомъ государю.

Я былъ еще очень молодъ, почему за совѣтомъ, какъ приняться за это дѣло, обратился къ только что начинавшему тогда свою карьеру племяннику мужа моей сестры П. И. Соломонъ, который служилъ директоромъ канцеляріи опекунскаго совѣта. Онъ составилъ мнѣ докладную записку на имя государя, въ которой, упоминая о состоявшемся въ 1846 году высочайшемъ повелѣніи по дѣлу Зварыкиной, объяснялось, что это повелѣніе, оставаясь въ продолженіе пяти лѣтъ безъ движенія и невниманія къ нему мѣстныхъ властей, повлекло за собою не только новые подлоги, но и убійство прабабки, почему я и просилъ единственной милости—дать вновь высочайшее повелѣніе. Лично же подать докладную записку государю встрѣчалось большое затрудненіе, но я вспомнилъ о пріѣзжавшихъ въ Саратовъ двухъ знакомыхъ мнѣ молодыхъ

офицерахъ, командированныхъ военнымъ министерствомъ для наблюденія за поставкой провіанта для кавказскаго корпуса. Это были графъ Строгановъ и Барановъ, впослѣдствіи тоже графъ, которые, будучи въ Саратовѣ, не рѣдко проводили время у того же моего beau frér-a, управлявшаго провіантской комиссіей. Я поспѣшилъ быть у нихъ, гдѣ и встрѣтилъ самый радушный пріемъ и живое участіе къ моему дѣлу и, такъ какъ Барановъ былъ близокъ съ молодымъ Адлербергомъ, который въ то время состоялъ адъютантомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, а отецъ его министромъ императорскаго двора, то чрезъ послѣдняго моя докладная записка была представлена государю, и затѣмъ я получилъ возможность лично доложить обо всемъ его величеству.

Императоръ Николай Павловичъ, видя меня съ костылемъ въ рукѣ, милостиво разспрашивалъ, въ какомъ дѣлѣ я былъ раненъ, за что получилъ «Георгія» и зачисленъ ли подъ покровительство комитета о раненыхъ. Когда же я объяснилъ, что, получивъ милостями его величества полный пенсіонъ за рану, съ правомъ зачисленія подъ покровительство комитета, я отказался отъ особаго ежегоднаго пособія этого комитета въ пользу болѣе бѣдныхъ, чѣмъ я, офицеровъ, то государь съ улыбкой осчастливилъ меня словами, что за столь хорошій поступокъ я буду вознагражденъ наслѣдствомъ своей прабабки. Слова эти ободрили меня, и тѣ, кому я передавалъ объ этомъ, предсказывали мнѣ полный успѣхъ въ моемъ процессѣ. И дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль послѣ возвращенія моего въ Саратовъ, какъ получилось строгое высочайшее повелѣніе немедленно пересмотрѣть все дѣло Зварыкиной съ разслѣдованіемъ о причинахъ ея смерти. Наблюденіе же о скорѣйшемъ и безпристрастномъ окончаніи этого дѣла поручалось, по мѣсту нахожденія вотчинъ, жандармскимъ штабъ-офицерамъ нижегородскому и саратовскому. По разрытіи могилы Зварыкиной тѣло было совершенно истлѣвшимъ, но у черепа високъ найденъ пробитымъ; почему разрѣшившій ее похоронить чиновный людъ поплатился, но къ несчастію убійцы не были открыты, хотя многіе изъ ея бывшихъ дворовыхъ людей долго сидѣли въ острогѣ. Жандармскіе штабъ-офицеры въ Нижнемъ полковникъ Панютинъ, а въ Саратовѣ полковникъ Есиповъ, почти ежедневно затѣмъ ходили въ гражданскія палаты и дѣло при этихъ царскихъ адвокатахъ скоро окончилось вводомъ во владѣніе моей матери крестьянъ въ селѣ Чирчимѣ Саратовской губерніи. По нижегородскому же имѣнію вслѣдъ за мною вступились еще новые наслѣдники: Демидовъ и Левинъ, но С—въ успѣлъ въ пять лѣтъ заложить имѣніе, перезаложить и надѣлать множество на него долговъ и пр., такъ что въ наслѣдство досталось только лишь часть оставшагося разграбленнаго дома.

В. А. Шомпулевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

1818 годъ.

Путешествіе съ Александромъ I на ахенскій конгрессъ

I.

Мой пріѣздъ въ Петербургъ.—Милостивое вниманіе ко мнѣ государя.—Сборъ и путешествіе въ Ахенъ.—Лица, назначенныя сопутствовать государю.—Выѣздъ изъ Петербурга.—Предполагаемыя занятія конгресса.—Рига.—Полковникъ Бокъ.—Митава.—Освобожденіе отъ крѣпостничества курляндскихъ крестьянъ.—Шрунденъ.—Встрѣча государя прусскими властями.—Мемель.—Отъѣздъ принца Гессенъ-Гомбургскаго.—Кенигсбергъ.—Маріенверденъ.—Президентъ Гюнпель.—Ландсбергъ.—Вниманіе къ государю прусскаго двора и народа.—Разговоръ съ княземъ Волконскимъ.—Пріѣздъ въ Берлинъ.—Пріемъ государя и его свиты прусскою королевскою фамиліею.—Съѣздъ въ Берлинъ уполномоченныхъ отъ разныхъ германскихъ владѣтелей.—Берлинская академія.—Обѣдъ во дворцѣ.—Александръ фонъ-Гумбольдъ.—Придворный балъ.—Непріязнь государя къ покойному фельдмаршалу Кутузову.—Заложеніе памятника въ честь убитыхъ пруссаковъ.—Рѣчь епископа Эйлерта.—Маневры прусскихъ войскъ.—Вниманіе прусскаго короля къ русскимъ.—Масса просьбъ, поданныхъ пруссаками императору Александру.—Гробница королевы Луизы.—Обѣдъ въ Шарлотенбургѣ.—Обращеніе императора Александра съ прусскимъ королемъ.—Потсдамъ.—Лейпцигъ.—Король Саксонскій.—Веймаръ.—Великая княгиня Марія Павловна.—Тайныя донесенія Чернышева.—Мнѣнія Чернышева о политикѣ.

Я пріѣхалъ изъ Москвы 10-го августа въ Царское Село, гдѣ жилъ государь. Когда обо мнѣ доложили, то его величество сказалъ, что приметъ меня въ Петербургѣ. Вообще государь весьма не многихъ принималъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ онъ даже не любилъ встрѣчать постороннихъ, не имѣвшихъ тамъ пребываніе. Здѣсь я узналъ, что намъ назначено выѣхать изъ Петербурга въ Ахенъ 26-го августа.

---

[1]) См. «Русскую Старину» августъ, 1897 г.

Я прожилъ въ Петербургѣ болѣе трехъ недѣль, занимаясь различными приготовленіями къ путешествію, и узналъ, что во время пребыванія моего въ Москвѣ, недоброжелатели мои рылись въ моихъ бумагахъ и дѣлахъ, въ намѣреніи найти упущенія и стараясь всѣми мѣрами устранить меня отъ поѣздокъ съ государемъ; но всѣ ихъ ухищренія остались на сей разъ тщетными. За сіи непріятности я вознагражденъ былъ государемъ, который, въ день своего пріѣзда въ Петербургъ, меня принималъ въ кабинетѣ и разспрашивалъ обо всемъ, касающемся до меня и семейства моего.

На другой день князь Волконскій сказывалъ мнѣ, что государь спрашивалъ его, не сердитъ ли я на его величество, потому что онъ видѣлъ меня на балѣ со скучнымъ лицомъ.

Мысль, что я теперь увижу Германію, буду находиться въ обществѣ людей, которые управляютъ царствами и дѣйствуютъ при лицѣ государя, исполняла меня нѣкоторою радостью, потому что я полагалъ, что имѣютъ ко мнѣ довѣренность, приглашая въ такое мѣсто, на которое были устремлены взоры вселенной.

Въ семъ путешествіи сопровождали государя: генералъ-адъютанты: Уваровъ, князь Волконскій, князь Трубецкой, графъ Ожаровскій, Чернышевъ и князь Меншиковъ, флигель-адъютанты: Бутурлинъ и я, статсъ-секретари: графъ Нессельроде и Каподистрія.

Для дѣлъ по гражданской части находился обыкновенно прежде въ высочайшихъ путешествіяхъ статсъ-секретарь Марченко, но онъ не поѣхалъ въ Ахенъ, вѣроятно, по происками графа Аракчеева, у котораго онъ былъ въ немилости, и для гражданскихъ дѣлъ взяли одного изъ незначущихъ чиновниковъ Государственнаго Совѣта.

Всѣ особы, принадлежавшія къ высочайшей свитѣ, поѣхали за нѣсколько дней предъ государемъ, а въ одно время съ его величествомъ отправились только князь Волконскій и я. Князь въ одной коляскѣ съ императоромъ, а я въ коляскѣ князя.

Обѣ императрицы также поѣхали въ чужіе края,—вдовствующая черезъ Варшаву 28-го августа, а государыня Елисавета Алексѣевна на другой день, т. е. 29-го числа. Съ первою находились: статсъ-дама княгиня Ливенъ, фрейлины: графиня Самойлова и княжна Туркестанова, оберъ-камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, гофмаршалъ Альбедиль и шталмейстеръ Посниковъ, а со второю—фрейлины Валуева, Дивова, княжна Волконская и гофмаршалъ Нарышкинъ.

Теперь начинается журналъ мой сего путешествія.

Въ ночь съ 26-го на 27-ое августа, я отправился изъ Царскаго Села въ Ригу, а государь поѣхалъ въ пять часовъ по утру 27-го числа. Въ дорогѣ ничего не встрѣтилось любопытнаго; я даже не видалъ ни одного занимательнаго человѣка, потому что императоръ запретилъ,

чтобы никто изъ чиновниковъ губерній, черезъ которыя пролегалъ нашъ путь, не выѣзжалъ на встрѣчу и чтобы на станціяхъ не было никого, кромѣ почтовыхъ смотрителей. Государь посѣщалъ въ Дерптѣ вдову фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, которая, разговаривая съ его величествомъ, упала въ обморокъ. Станціи за двѣ за Дерптомъ государь обогналъ меня и закричалъ мнѣ изъ коляски:

— Мы опять ѣдемъ странствовать.

Я прибылъ въ Ригу въ седьмомъ часу поутру; черезъ часъ былъ смотръ двумъ морскимъ полкамъ, послѣ сего представленіе духовенства, дворянъ и военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, потомъ государь поѣхалъ къ супругѣ герцога Александра Виртембергскаго, оттуда въ военную больницу, а послѣ осматривать нѣкоторыя общественныя заведенія въ городѣ.

Сказываютъ, что предстоящій конгрессъ въ Ахенѣ будетъ заниматься слѣдующими четырьмя статьями:

1. Выводомъ войскъ союзныхъ державъ изъ Франціи.

2. Образованіемъ, вмѣсто оныхъ, арміи, составленной изъ войскъ германскихъ владѣтелей, и вопросомъ—надлежитъ ли, чтобы въ составъ онаго входили войска Россіи, какъ державы, которая подписала договоръ о неприкосновенности Германіи.

3. Междоусобною войною Испаніи съ американскими ея владѣніями.

4. Посредничествомъ европейскихъ государствъ для побужденія Оттоманской порты выполнить мирный трактатъ, заключенный ею съ Россіею въ началѣ 1812 года.

Вчера приглашало насъ дворянство рижское на обѣдъ, бывшій въ прекрасной залѣ, украшенной портретомъ императора, работы Жерара, и гербами дворянскихъ лифляндскихъ фамилій. Мнѣ случилось сидѣть рядомъ съ полковникомъ Бокомъ, который года черезъ два потомъ былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость за проектъ конституціоннаго правленія, представленный имъ государю; но вѣроятно и тогда уже императоръ былъ предупрежденъ о либеральномъ образѣ мыслей Бока, ибо послѣ стола его величество, подойдя ко мнѣ, сказалъ мнѣ въ полголоса:

— Ты сидѣлъ подлѣ большаго говоруна.

Въ седьмомъ часу, государь поѣхалъ пить чай къ женѣ англійскаго купца Куминга, а мнѣ велѣлъ ѣхать въ Митаву. Государь отмѣнилъ намѣреніе свое ночевать въ Ригѣ, а желаетъ провести ночь въ Митавѣ, потому что сегодня его именины и его величеству не угодно было принимать поздравленія въ двухъ губернскихъ городахъ. Въ Ригѣ приготовленъ былъ балъ, на который были уже разосланы и билеты; отчаяніе щеголихъ будетъ не малое, когда узнаютъ, что балъ не состоится по случаю отъѣзда государя. Я пріѣхалъ въ Митаву въ двѣнадцатомъ часу

вечера и ожидалъ прибытія его величества до двухъ часовъ ночи съ военнымъ губернаторомъ Паулуччи и генералами Мезенцевымъ и Теслевымъ.

Вчера, 30-го августа, по утру, въ семь часовъ, я пошелъ въ домъ курляндскаго губернатора, гдѣ остановился государь; само собою разумѣется, что улица, на которой домъ сей находится, равно подъѣздъ его и лѣстница были усѣяны народомъ. Въ это время военный губернаторъ провозгласилъ первый разъ свободу курляндскихъ крестьянъ. Конечно, нельзя было приличнѣйшимъ образомъ праздновать прибытіе императора въ Митаву и день его ангела. Въ девять часовъ императоръ былъ у обѣдни, потомъ осматривалъ замокъ, присутственныя мѣста и военную больницу, въ которой, обратясь ко мнѣ съ сими словами:—«Конечно и ты сегодня именинникъ», первый поздравилъ меня съ днемъ моихъ именинъ и сказалъ принцу Гессенъ-Гомбургскому, чтобы и онъ также меня поздравилъ; разумѣется, что вслѣдъ за симъ наговорено было мнѣ со стороны слышавшихъ сіе множество увѣреній въ преданности и дружбѣ. По осмотрѣ города, его величество принималъ духовныхъ, военныхъ дворянъ и купцовъ, а послѣ человѣкъ съ 50-ть депутатовъ отъ всего общества курляндскихъ крестьянъ, изъ коихъ одинъ говорилъ императору рѣчь, которую переводилъ дворянскій предводитель на французскій языкъ. Въ часъ, его величество поѣхалъ кушать къ дворянству, а мнѣ приказалъ отправиться впередъ въ мѣстечко Шрунденъ, гдѣ назначенъ ночлегъ. Прибывъ туда въ первомъ часу по полуночи, я нашелъ тамъ помѣщиковъ и чиновниковъ, расточавшихъ предо мною вѣжливости разнаго рода.

Государь пріѣхалъ въ Шрунденъ въ два часа по полуночи, его вывалили, но безъ вреда. Его коляска вмѣщала въ себѣ не менѣе какъ Cesar et sa fortune. Сегодня мы встали въ шестомъ часу утра и отправились въ Мемель. Передъ Полангеномъ государь надѣлъ прусскій мундиръ и звѣзду Чернаго Орла; князь Волконскій и я украсились тоже прусскими орденами. Въ Полангенѣ встрѣтили его величество присланные изъ Берлина генералъ Гольцендорфъ и полковникъ Блокъ, которые поѣдутъ съ нимъ во всю дорогу, равномѣрно командующій войсками въ восточной и западной Пруссіи генералъ Борстель и начальствующій тамъ же гражданскою частію г. Ауерсвальдъ. Я проѣхалъ границу Россіи въ одиннадцатомъ часу вечера, перекрестился и простился съ страною, гдѣ оставляю шестнадцатилѣтнюю жену и полугодоваго сына. На первой прусской станціи я встрѣтилъ одного ландрата, распоряжавшагося лошадьми, и слышалъ отъ него, что когда король прусскій, тому мѣсяца съ два назадъ, выѣзжалъ изъ Россіи, то упоминая о дѣлахъ своихъ, сказалъ ему: «Я совершенно счастливъ». Не часто случается, что монархъ передъ своими подданными хвалится своимъ семейнымъ счастіемъ. Около

полуночи я пріѣхалъ въ Мемель, когда государь уже почивалъ; почти всѣ дома города, по обыкновенію, принятому въ Германіи, украшены были ельникомъ. Войдя въ назначенный мнѣ домъ, я увидѣлъ на столѣ образчикъ нѣмецкой акуратности; это былъ печатный листъ, на одной половинѣ котораго означены были наши имена, а на другой имена хозяевъ, у которыхъ намъ отведены квартиры, внизу же списокъ особъ, назначенныхъ отъ короля для пріема и встрѣчи императора, тоже съ показаніемъ квартиръ ихъ. Въ Мемелѣ мы разстались съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, который находился при государѣ въ Варшавѣ, въ полуденной Россіи и въ Москвѣ и сопровождалъ насъ до границы. Императоръ обходился съ нимъ во все время отмѣнно милостиво, какъ съ другомъ, если только по необыкновенной недовѣрчивости своей его величество можетъ имѣть друзей.

Сентября 1-го. Сію минуту пріѣхалъ въ Кенигсбергъ, незабвенный для меня городъ, потому что покойный отецъ мой, котораго память пребудетъ мнѣ священна, обучался въ здѣшнемъ университетѣ четыре года. Сегодня, въ шестомъ часу утра, я пришелъ въ Мемелѣ въ домъ императора, который велѣлъ наградить бывшихъ караульныхъ при немъ офицеровъ пятью брильянтовыми перстнями, а солдатамъ выдать каждому по червонцу, всего 170 червонныхъ. Въ семь часовъ я переправлялся черезъ заливъ Балтійскаго моря и весь день ѣхалъ по скучному, такъ называемому, штранду; волны морскія доходили до самой коляски и неоднократно пугали лошадей. Почты были сокращены тѣмъ, что на каждой милѣ были выставлены перемѣнныя лошади. По прибытіи въ Кенигсбергъ, государь ѣздилъ съ посѣщеніями къ генераламъ Борстелю и Стутергейму; въ семъ городѣ мы остановились въ замкѣ и завтра поутру въ пять часовъ назначено выѣзжать.

Сентября 2-го, поутру, мы выѣхали изъ Кенигсберга и ночью пріѣхали въ Маріенверденъ, гдѣ я нашелъ стариннаго своего знакомаго, теперешняго президента Гюппеля, бывшаго начальникомъ Прусской масонской ложи желѣзнаго креста, въ которой мы проводили пріятнѣйшіе вечера во время похода 1814 года. Нѣмцы не гостепріимны къ незнакомымъ, подобно русскимъ, но съ радушіемъ принимаютъ тѣхъ, съ кѣмъ однажды подружились. Я это испыталъ и въ Маріенверденѣ и бесѣдовалъ съ Гюппелемъ до глубокой ночи; съ нами былъ Вилліе, и мы осушили много бокаловъ за здравіе братскаго союза. Днемъ мы проѣзжали прекрасный городъ Эльбингъ, гдѣ насъ приняли съ живѣйшею радостію.

Сентября 4-го. Въ Ястровѣ познакомился я съ ландратомъ Герсдорфомъ, тестемъ моего пріятеля барона Діеста, который въ 1812 году служилъ въ Россіи и, по заключеніи Парижскаго мира, съ

нѣсколькими отличнѣйшими офицерами, уроженцами изъ иностранныхъ земель, перешелъ изъ нашей службы въ прусскую. Въ Россіи принимаютъ безъ дальнихъ справокъ чужеземцевъ и ввѣряютъ имъ важныя мѣста, но въ Германіи въ семъ отношеніи гораздо разборчивѣе, что происходитъ отъ образованія, распространеннаго во всѣхъ сословіяхъ; для чего употреблять тамъ иностранныхъ офицеровъ, когда есть свои способные люди. Въ седьмомъ часу утра мы выѣхали изъ Ястрова въ Ландсбергъ. Въ четырехъ миляхъ былъ завтракъ въ мѣстечкѣ Дейчъ-Кронѣ, гдѣ государь былъ очень веселъ, и съ прусскими чиновниками, насъ сопровождавшими, даже съ оберъ-офицерами обходился самымъ ласковымъ и можно сказать очаровательнымъ образомъ. Вечеромъ, часу въ 11-мъ, мы прибыли въ Ландсбергъ, который былъ иллюминованъ и гдѣ насъ встрѣтило множество народа. На половинѣ дороги я встрѣтилъ командующаго войсками въ западной Пруссіи, извѣстнаго генерала графа Тауенцына, который выѣхалъ принимать императора. Нынѣшній разъ пруссаки несравненно съ нами ласковѣе обращаются, нежели въ 1815 году, когда я былъ у нихъ съ государемъ, возвращаясь изъ Франціи; теперь они насъ встрѣчаютъ какъ истинныхъ друзей, да и можно ли имъ не любить государя, избавившаго ихъ отъ поноснаго ига? Дворъ старается также насъ угощать во время дороги; напримѣръ, на станціяхъ, гдѣ назначены обѣды, мы находили обыкновенно три накрытыхъ стола, изъ коихъ одинъ для императора, другой для чиновниковъ нашей свиты, а третій для нашихъ служителей. На почтахъ съ насъ не беруть прогоновъ, вѣроятно потому, что когда король былъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Россіи, то государь не велѣлъ брать прогонныхъ денегъ съ его величества. Вотъ образчикъ вѣжливости прусскихъ офицеровъ: вчера вечеромъ я пошелъ въ Ландсбергѣ, въ томъ трактирѣ, гдѣ мы остановились, въ столовую комнату; тамъ было множество офицеровъ за ужиномъ; увидя меня, они всѣ вдругъ встали, и старшій штабъ-офицеръ подалъ мнѣ стулъ, а другой офицеръ подбѣжалъ немедленно съ бутылкою и налилъ мнѣ вина.

Государь хочетъ сдѣлать отмѣну въ своемъ путешествіи и намѣренъ ѣхать изъ Берлина черезъ Дессау, чтобы обозрѣть находящійся вблизи онаго садъ въ Верлицѣ, ибо онъ страстенъ къ садамъ; такимъ образомъ прибудемъ мы въ Ахенъ однимъ днемъ позднѣе, нежели полагали.

Сегодня вечеромъ князь Волконскій сказалъ мнѣ, что императоръ велѣлъ ему спросить меня, не сердитъ ли я на его величество?

— Надобно быть сумасшедшимъ, — отвѣчалъ я, — чтобы имѣть о семъ помышленіе; но изъ чего государь сіе заключаетъ, — спросилъ я?

— Оттого, — отвѣчалъ князь, — что всякій разъ, когда онъ тебѣ

кланяется или съ тобою говоритъ, то ты имѣешь угрюмое лицо и не смотришь ему въ глаза.

Сентября 5-го. Я всю ночь не спалъ, потому что дѣлъ стекается множество изъ Петербурга; пріѣхало уже нѣсколько фельдъегерей, отчего накопилось много бумагъ, на которыя должно отвѣчать, равно какъ и на прошенія, подаваемыя пруссаками въ довольномъ количествѣ. Поутру, въ семь часовъ, мы выѣхали изъ Ландсберга около обѣда мы переѣхали Одеръ у Кюстрина и слѣдовали по прекрасной мостовой и столѣтней тополевой аллеѣ въ Берлинъ, куда прибыли въ семь часовъ вечера. Здѣсь я не засталъ уже парада, на которомъ было 24.000 войскъ, разставленныхъ отъ городскихъ воротъ до самаго замка. Народъ и войска приняли императора съ обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ восклицаніями; громъ пушекъ возвѣстилъ вступленіе его величества въ столицу Пруссіи. Король встрѣтилъ императора за нѣсколько миль не доѣзжая до Берлина и былъ одѣтъ, равно какъ и принцы его дома, которые носятъ званіе шефовъ полковъ въ нашей арміи, въ русскіе мундиры и имѣли на себѣ русскіе ордена.

По пріѣздѣ во дворецъ, я одѣлся и пошелъ въ комнаты императора, куда въ скоромъ времени прибыли король прусскій съ своими сыновьями и дочерьми, супругъ покойной великой княгини Елены Павловны съ сыномъ своимъ принцемъ Павломъ, который носитъ мундиръ Преображенскаго полка, и герцогъ Дессаускій. Сей послѣдній молодой человѣкъ весьма ограниченныхъ способностей; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, «что мы съ нимъ старые знакомые»; наше знакомство началось въ моей передней комнатѣ въ Вѣнѣ, на конгрессѣ, гдѣ я засталъ его, читавшаго газеты въ ожиданіи меня. Сыновья короля одарены большими способностями и получили отличное воспитаніе; двое старшихъ командуютъ бригадами, а меньшіе находятся еще подъ надзоромъ учителя своего, генерала Минутоли, сдѣлавшагося впослѣдствіи извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ путешествіемъ по Египту; они меня приняли съ особенною ласкою. Мы пили чай въ комнатахъ императора, и часу въ девятомъ всѣ разъѣхались; мы пошли ужинать съ кавалерами, назначенными для прислуги государя; они суть: генералы Борстель, Гольцендорфъ и Наумеръ, полковники Блокъ и Малаховскій, оберъ-камергеръ и министръ полиціи князь Витгенштейнъ, оберъ-шенкъ графъ Неаль и посланникъ при Испанскомъ дворѣ баронъ Вертеръ. Всѣ они люди отмѣнно образованные и учтивые. Сюда пріѣхали за приказаніями къ государю отъ Виртембергскаго короля графъ Берольдингенъ, изъ любви къ коему одна англичанка бросилась въ Темзу; онъ объявилъ, что король его и королева будутъ ожидать императора въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ; отъ Веймарскаго двора генералъ Зебахъ и отъ Кассельскаго — генералъ Оксъ, который начальствовалъ вест-

фальскими войсками въ Россіи въ 1812 году и потомъ въ слѣдующемъ походѣ взятъ въ плѣнъ. Онъ привезъ извѣстіе, что курфирстъ кассельскій находится не въ своей столицѣ, но въ Ганау, гдѣ онъ ожидаетъ императора австрійскаго. Вслѣдствіе сего мы не поѣдемъ на Кассель, а прямо отсюда на Лейпцигъ, Веймаръ и Фульду. Планъ ѣхать на Дессау также отмѣненъ, не знаю, почему.

Сентября 6-го. Утро въ Берлинѣ началось разводомъ, потомъ императоръ, король и мы ѣздили въ казармы государева полка, а оттуда въ больницу онаго, гдѣ видѣли между прочимъ, что изъ восьмидесяти больныхъ 25 одержимы глазною болѣзнію. Изъ лазарета мы поѣхали въ академію, въ которой каждые два года выставляютъ лучшія произведенія отечественныхъ искусствъ и издѣлій. Историческія картины не стоятъ вниманія, но ландшафты почти всѣ очень хороши. Я насчиталъ до десяти изображеній, коихъ предметы почерпнуты изъ происшествій послѣднихъ походовъ; надобно отдать справедливость пруссакамъ, что они энтузіасты въ любви къ отечеству. Картины занимаютъ пять комнатъ, за ними выставлены произведенія народной промышленности весьма посредственной работы, какъ-то: ковры, ткани, столярныя, желѣзныя, стальныя, токарныя и другія издѣлія, также вырѣзанные камни; наибольшіе успѣхи я замѣтилъ въ переплетномъ мастерствѣ и, въ ничтожномъ, впрочемъ, искусствѣ каллиграфіи, для котораго потребно истинно нѣмецкое терпѣніе. На возвратномъ пути изъ академіи повезли насъ по разнымъ улицамъ, а по пріѣздѣ во дворецъ насъ пригласили къ столу, за которымъ было до двухсотъ особъ; за обѣдомъ пѣли девятнадцать русскихъ пѣсенниковъ, подаренныхъ императоромъ королю за нѣсколько лѣтъ. Я сидѣлъ возлѣ двухъ генераловъ, Валентини и Наумера; разговоръ былъ о минувшихъ походахъ; они очень хулили распоряженія графа Витгенштейна подъ Люценомъ, а генерала Винценгероде называли пустымъ человѣкомъ; нельзя было не согласиться въ справедливости ихъ заключеній. Я, впрочемъ, не съ большимъ примѣчаніемъ слушалъ моихъ собесѣдниковъ, ибо все мое вниманіе обращено было на сидѣвшаго недалеко отъ меня знаменитаго путешественника Гумбольда, котораго я почитаю необыкновеннымъ явленіемъ въ ученомъ мірѣ, ибо я не знаю, соединялъ ли когда одинъ человѣкъ столько, какъ онъ, обширнѣйшихъ по всѣмъ частямъ познаній. Можно сказать, что Колумбъ открылъ Америку, а Гумбольдъ сдѣлалъ ее извѣстною. По окончаніи обѣда я просилъ меня ему представить, ибо мнѣ хотѣлось слышать хотя нѣсколько словъ изъ устъ его; все любопытно въ необыкновенномъ мужѣ, каковъ онъ. Ни время, ни мѣсто не позволяли намъ долго говорить; онъ сказалъ мнѣ только, что онъ собирается ѣхать въ Индію сухимъ путемъ черезъ Азіатскую Россію. Сколько новыхъ источниковъ богатствъ природы, для насъ вовсе

сокрытыхъ, покажетъ онъ намъ въ Сибири, ежели состоится сіе путешествіе.

Послѣ обѣда, государю приносили планъ новаго театра, строющагося въ Берлинѣ, который онъ разсматривалъ при насъ. Вечеромъ, былъ большой балъ, гдѣ я видѣлъ нѣсколько сотъ офицеровъ, ибо по этикету здѣшняго двора и оберъ-офицеровъ зовутъ на придворные балы; признаюсь, что я удивлялся толь прекраснѣйшему сословію молодыхъ людей.

На балѣ подошелъ ко мнѣ прусскій полковникъ Блокъ и сказалъ: «что чугунный монументъ, который король обѣщалъ воздвигнуть фельдмаршару князю Смоленскому въ Бунцлау, отлитъ и находится въ Берлинѣ, и что королю очень было пріятно, если бы государь взглянулъ на оный», но, примолвилъ онъ, «король не хочетъ лично говорить объ этомъ императору». Угадавъ намѣреніе полковника Блока, я доложилъ государю о словахъ его; его величество промолчалъ и ие ѣздилъ осматривать сего памятника; такимъ образомъ, непріязнь его къ Кутузову простирается и за гробомъ сего незабвеннаго мужа.

Сентября 7-го. Въ восьмомъ часу утра мы поѣхали въ коляскахъ за городъ со всѣмъ дворомъ и съ принцессами, чтобы положить основаніе памятнику, который король сооружаетъ въ честь убитыхъ въ послѣднюю войну пруссаковъ. Епископъ Эйлертъ съ великими краснорѣчіемъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ весьма кстати упомянулъ сколь присутствіе нашего императора увеличивало торжество сего празднества. Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ словъ его: « . . . . но благодареніе наше возносится къ Тебѣ на крыльяхъ радости въ сію священную минуту при вожделѣнномъ присутствіи того помазанника Твоего, въ царствѣ коего великій судъ Твой воспріялъ начало свое! Коего мудростью, твердостью и постоянствомъ, коего храбрымъ воинствомъ, Тобою благословеннымъ, начался трудный и кровопролитный подвигъ и славно окончился! милліоны возносятъ къ Тебѣ дражайшее имя его, милліоны молятъ за него, но и мы въ сію священную минуту взываемъ къ Тебѣ единымъ сердцемъ и едиными устами: Всемогущій Боже, благослови, императора Александра, благослови домъ его и народъ и ниспосли имъ все великое, доброе и радостное, чего почитаніе наше, любовь и признательность имъ желаютъ». Послѣ рѣчи по обыкновенію мы ударяли молоткомъ по вновь залагаемому камню въ слѣдующемъ порядкѣ, напередъ особы царской крови, послѣ русскіе генералы, за нимъ прусскіе генералы, потомъ я, а послѣ меня прусскіе полковники и штабъ-офицеры. По окончаніи, принцессы сѣли въ коляски, а мы верхомъ, и начался маневръ, произведенный слишкомъ двадцатью тысячами войскъ. И мысль и исполненіе маневра весьма плохія, медленность и нерѣшительность видны были во всемъ, хотя частныя движенія были

*

хорошо приводимы въ дѣйствіе; но гдѣ ихъ дурно выполняютъ. Я подъѣзжалъ къ различнымъ полкамъ во время батальнаго огня и видѣлъ, что у многихъ солдатъ по нѣсколько разъ осѣкался ружья, у одного восемь разъ сряду. Дай Богъ таковыхъ сосѣдей, думалъ я.

Съ маневровъ мы возвратились въ одиннадцать часовъ, въ два часа пошли обѣдать къ императору, у котораго кушала королевская фамилія и особы, принадлежащія къ свитѣ государя и короля; болѣе не было никого. Намъ, русскимъ, которыхъ здѣсь было четверо: князь Волконскій, Чернышевъ, князь Меншиковъ и я, оказывали какъ за симъ столомъ такъ и вездѣ необыкновенную вѣжливость. Мнѣ пришлось сидѣть противъ короля, который во время обѣда и послѣ онаго удостоилъ меня своими разговорами; когда мы входила въ столовую комнату, то оберъ-гофмаршалъ Мальцанъ именно назначилъ намъ мѣста за столомъ, и просилъ именемъ короля сѣсть насупротивъ ихъ величествъ. Послѣ обѣда дворъ отправился въ театръ, а я сѣлъ вновь за дѣла и работалъ до ночи. Хотя первоначально и положено было прожить въ Берлинѣ три дня, но сіе перемѣнено, и мы поѣдемъ завтра поутру на маневры, оттуда обѣдать въ Шарлотенбургъ, а ночевать въ Потсдамъ; послѣ завтра будутъ опять маневры, завтракъ въ Потсдамѣ и потомъ мы отъѣзжаемъ въ Лейпцигъ.

Генералъ-адъютантъ короля, Вицлебенъ прислалъ ко всѣмъ русскимъ при французскомъ письмѣ рисунокъ того памятника, который по утру закладывали. Странно, что пруссаки по сихъ поръ не выучились правильно писать по-французски; въ письмѣ генерала Вицлебена, состоящемъ изъ четырехъ строкъ, сдѣлано нѣсколько ошибокъ противъ правописанія. При отъѣздѣ изъ Берлина государь пожаловалъ прислугѣ двора 3.500, да полку имени своего 2.000 червонцевъ.

С е н т я б р я 8-г о. Сегодня государь и король уѣхали въ семь часовъ утра изъ Берлина на маневры, а какъ мои дѣла еще не были окончены, то я остался въ городѣ и поѣхалъ къ одному изъ любимцевъ короля, Альбрехту, которому по условію, сдѣланному между нашимъ императоромъ и королемъ, мнѣ надобно было сдавать просьбы, которыя разныя лица подавали во множествѣ на имя государя во время настоящаго его пребыванія въ Прусскихъ владѣніяхъ; можно посудить, сколь число ихъ велико, потому, что ежедневно приносили ихъ въ Берлинѣ до пятидесяти. Возвращаясь отъ него, пошелъ пѣшкомъ по липовой аллеѣ. Народъ только-что начиналъ показываться. Прекрасныя пруссачки изрѣдка еще мелькали передъ глазами, и я тихими шагами дошелъ до дворца, вспоминая то время, которое я такъ пріятно и на совершенной свободѣ провелъ въ Берлинѣ въ 1808-мъ году, когда ѣхалъ въ первый разъ изъ Россіи въ чужіе края. Черезъ два часа я отправился въ Шарлотенбургъ и гулялъ верхомъ по окрестностямъ его въ ожиданіи двора. Мно-

жество народа всякаго состоянія покрывало прекрасную дорогу, ведущую туда отъ Берлина; женщины и мужчины были опрятно одѣты, потому что сегодня воскресеніе и прелестная осенняя погода. Потомъ я былъ на гробницѣ покойной королевы, находящейся въ зданіи, нарочно выстроенномъ для сего съ большимъ вкусомъ. Изображеніе ея, изваянное во весь ростъ изъ мрамора, лежитъ на смертномъ одрѣ; на стѣнахъ висятъ семь вѣнковъ въ знакъ того, что послѣ нее осталося семеро дѣтей. Король часто приходитъ къ сему для него незабвенному мѣсту и каждый годъ въ тотъ день, когда супруга его скончалася, онъ въ подземельѣ, гдѣ почиваетъ тѣло ея, проводитъ нѣсколько времени съ семействомъ своимъ.

Сей прекрасный памятникъ—работы ваятеля Рауха; ему же заказано недавно отъ правительства двѣ статуи генераловъ Бюлова и Шарнгорста. Вообще король совершенно поступаетъ въ духѣ народа, льстя его честолюбію и воздавая всѣ возможныя почести полководцамъ, прославившимся въ войнѣ, избавившей Пруссію отъ рабства. Портреты Блюхера и бюсты его находятся во всѣхъ королевскихъ дворцахъ: въ кабинетѣ короля, кромѣ изображенія Блюхера, который есть герой народа, виситъ также портретъ любимца пруссаковъ, генерала Гнейзенау.

Дворецъ въ Шарлотенбургѣ не хорошъ, особенно внутри; такъ называемыя картинная и фарфоровая галлереи наполнены дурными портретами бранденбургскихъ курфирстовъ и негоднымъ фарфоромъ. За обѣдомъ, такъ, какъ и вчера, намъ, русскимъ, показали мѣста напротивъ монарховъ. Король съ государемъ, сидя при мнѣ по три дня за обѣдомъ рядомъ, очень мало говорятъ другъ съ другомъ, иногда на ухо, да и то слова съ два; въ государѣ не видно любезности, которою онъ отличается, когда самъ у себя угощаетъ; да и дворъ берлинскій весьма скученъ, оттого, что нѣтъ ни одной принцессы, которая бы оживляла оный. Дочери короля еще очень молоды, а изъ замужнихъ принцессъ находятся здѣсь только двѣ, Дессауская и принцеса Фридерика, которыя краснѣютъ при каждомъ словѣ.

Послѣ обѣда подали дрожки, и всѣ особы, бывшія за столомъ, катались на нихъ по Шарлотенбургскому саду, а въ шесть часовъ мы поѣхали въ Потсдамъ.

Сентября 9-го. По пріѣздѣ вчера вечеромъ въ Потсдамъ, собрались къ императору: король, принцы и придворные, и пили у его величества чай, а въ девятомъ часу, когда всѣ разошлись, то государь пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ епископа Эйлерта, съ которымъ провелъ съ полчаса. Сегодня, по утру, мы поѣхали на маневры, продолжающіеся уже три утра; должно полагать, что это отмѣнно тѣшитъ императора и короля, потому что три дня сряду занимаются однимъ и тѣмъ же предметомъ. Мнѣ приказано было ѣхать впередъ въ Лейпцигъ,

не дожидая окончанія маневровъ; но я не могъ оставить Потсдамъ, не посѣтивши комнатъ Фридриха II, которыя находятся въ такомъ точно положеніи, въ какомъ онѣ были при жизни его.

Въ девятомъ часу я пустился въ путь. Дорога шла чрезъ Виттенбергъ, гдѣ я переѣхалъ Эльбу, и по лѣвую сторону сей рѣки началъ встрѣчать часто города и богатыя селенія; я очень жалѣлъ, что темнота вечера не позволила мнѣ разсмотрѣть мѣстъ, на которыхъ мы подвизались въ октябрѣ 1813 года. Въ одиннадцатомъ часу вечера я пріѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ нашелъ въ комнатахъ императора ожидавшихъ его короля Саксонскаго, племянника его принца Вильгельма, внука курфирста Гессенъ-Кассельскаго, молодаго человѣка, который учится въ здѣшнемъ университетѣ, и владѣтельнаго герцога Саксенъ-Кобургскаго. Король разговаривалъ со мною съ особенною благосклонностію; я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на сего добродѣтельнаго монарха, котораго можно назвать Несторомъ между царей, потому что вчера минуло пятьдесятъ лѣтъ его царствованію. Герцогъ Кобургскій и другіе принцы меня до того обласкали, что герцогъ, который меня издавна знаетъ, представлялъ не меня имъ, но ихъ мнѣ; такой почести еще никогда не случалось мнѣ имѣть. Внукъ Гессенъ-Кассельскаго курфюрста былъ во фракѣ; это первый принцъ, котораго я въ моей жизни вижу не въ мундирѣ: довольно сильное доказательство воинскихъ расположеній нашего вѣка. Я съ ними провелъ съ часъ, то есть до того времени, пока возвѣстили о прибытіи государя; тогда король со всѣми принцами сошелъ съ лѣстницы и встрѣтилъ императора при выходѣ его изъ коляски. Оба монарха обнялись и пошли въ особенную комнату. Государь не видалъ короля очень давно, потому что когда его взялъ въ плѣнъ въ Лейпцигскомъ сраженіи, то не принялъ его къ себѣ, а былъ только у королевы, которую велѣлъ предварить о своемъ посѣщеніи и сказать ей, чтобы во время онаго не находилось супруга ея, вѣрнаго и неизмѣннаго союзника Наполеонова.

Сентября 11-го. Вчера по утру, государь въ Лейпцигѣ посѣтилъ короля Саксонскаго, а потомъ былъ въ русской церкви, откуда отправился въ Веймаръ; я же выѣхалъ за полчаса прежде въ прекраснѣйшую погоду и слѣдовалъ съ большимъ удовольствіемъ мѣстами, давно мнѣ извѣстными по моимъ путешествіямъ и походамъ. Здѣсь нѣкогда я предавался наукамъ со всею пылкостію юношескихъ лѣтъ, а чрезъ нѣсколько времени въ рядахъ нашихъ храбрыхъ войскъ дѣлилъ съ ними славу отечества. Я опять увидѣлъ столь памятное мнѣ поле сраженія при Люценѣ; а, проѣзжая Ауерштетъ, думалъ о колоссальной славѣ Наполеона, томящагося нынѣ подъ знойнымъ африканскимъ небомъ. Часовъ въ пять, посреди прелестныхъ мѣстоположеній, показался Веймаръ, и черезъ нѣсколько минутъ я въ оный пріѣхалъ.

Государь кушалъ вдвоемъ съ великою княгинею Маріею Павловною, что, какъ говорятъ, весьма не понравилось герцогу, и особенно супругѣ его, умной, но надменной особѣ. Дворъ сидѣлъ за столомъ, когда я пріѣхалъ, почему я вошелъ въ собраніе сейчасъ послѣ обѣда. Посланникъ нашъ Ханыковъ представилъ меня великому герцогу, супругѣ его и наслѣдному принцу. Такъ называвшійся «серкль» продолжался съ часъ, потомъ я поѣхалъ въ театръ, гдѣ представляли Шиллерову трагедію «Вильгельмъ Тель» и гдѣ мнѣ хотѣлось видѣть Гете, а какъ его не было въ театрѣ, то я возвратился домой. Сегодня по утру государь во фракѣ поѣхалъ съ великою княгинею въ загородной домъ Бельведеръ; князь Волконскій отправился, какъ охотникъ, за зайцами, а я бродилъ по городу. При государѣ находятся отъ Веймарскаго двора генералъ-маіоръ Эглофштейнъ и камергеры Фричь и Зебахъ.

Во второмъ часу, я былъ у великой княгини Маріи Павловны, которая приняла меня отмѣнно милостиво; она мнѣ сказала, между прочимъ, вспоминая, что видала меня въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ: «послѣ этого вамъ будетъ, конечно, скучно въ Веймарѣ». Я пробылъ у ея высочества минутъ съ десять, и она отпустила меня съ сими словами: «я знаю, что вамъ здѣсь, какъ и вездѣ, много дѣла, а потому не хочу васъ задерживать долѣе, но я прошу васъ завтра передъ отъѣздомъ вашимъ у меня побывать». Ее прекрасно изобразилъ нѣкто сими словами: la grande Duchesse a la tête d'un homme, le corps d'une femme et le coeur d'un ange (великая княгиня имѣетъ голову мужчины, корпусъ женщины и сердце ангела).

Вскорѣ, начали собираться къ столу, за которымъ было болѣе восьмидесяти особъ; изъ русскихъ путешественниковъ находились племянница Потемкина, графиня Браницкая и графъ Кушелевъ-Безбородко, которому принадлежитъ старинная Ольвія на берегу Чернаго моря. Подлѣ меня сидѣлъ извѣстный сочиненіями своими по части воспитанія канцлеръ Галльскаго университета Нимейеръ; бесѣда его не занимательна; весь умъ его, какъ большей части ученыхъ нѣмцевъ, заключается въ книгахъ.

Послѣ обѣда, я пошелъ къ Чернышеву, который живетъ отъ меня черезъ комнату; онъ читалъ мнѣ свои тайныя донесенія насчетъ разныхъ посольствъ, которыя ему поручались. Послѣднее въ Стокгольмѣ очень любопытно; въ письмѣ своемъ къ государю онъ описываетъ разговоръ свой съ королемъ шведскимъ Бернадотомъ о заплатѣ долга Даніи и всѣ подробности обманчивой политики шведскаго двора, который не возвращаетъ Даніи денегъ въ надеждѣ, что изъ сего предмета Европейскія державы не захотятъ вести съ нимъ войны. При отпускной аудіенціи Бернадотъ показалъ Чернышеву письмо, писанное къ нему не задолго передъ смертію вдовою Густава III, въ которомъ она говоритъ:

«что Густавъ IV не есть сынъ мужа ея, но графа Монка, живущаго и понынѣ въ Италіи». Государь много употребляетъ Чернышева, и даже позволилъ ему написать сильное, а по моему мнѣнію, и дерзкое письмо къ наслѣдному принцу Оранскому, когда сей, тому нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, поссорился съ отцомъ своимъ. Чернышевъ уважаетъ графа Каподистрія до такой степени, что говоритъ, что онъ въ дипломатикѣ сильнѣе Метерниха и Талейрана; для того о семъ упоминаю, что мнѣніе его есть отголосокъ сужденія государя, «не писали-ли вы замѣчанія ваши, спросилъ я его, о томъ какъ Россіи надлежитъ дѣйствовать на предстоящемъ конгрессѣ?»—«Я былъ намѣренъ сіе сдѣлать, отвѣчалъ онъ, но когда Каподистрія прочелъ мнѣ свои предположенія по сему предмету, то я нашелъ ихъ столь совершенными, что къ онымъ нечего прибавить». Австрія, по мнѣнію его, предана Англіи, Пруссія тоже, только боится Россіи. «Не вѣрьте пруссакамъ», сказалъ онъ мнѣ, а я отвѣчалъ ему: «давно вашего мнѣнія». — «Король прусскій человѣкъ пустой, продолжалъ онъ, путешествіе его въ Россію не можетъ имѣть никакихъ опасныхъ послѣдствій на конгрессъ, потому что Европѣ извѣстна его ничтожность. Одни французы за насъ, но я боюсь, что Поццо-ди-Борго вооружилъ Бурбоновъ противъ насъ гордостію своею и запальчивостію, онъ имъ доказываетъ, что государь не токмо ихъ не любитъ, но даже презираетъ». Чернышевъ сказывалъ мнѣ, что онъ былъ посланъ государемъ изъ Петербурга къ князю Михаилу Ларіоновичу (Кутузову), съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій, который онъ, какъ извѣстно, привезъ въ Красную Пахру. Онъ имѣлъ приказаніе сказать фельдмаршалу, что императоръ предоставляетъ совершенно на волю его слѣдовать сему плану или онаго не принять. Свѣтлѣйшій былъ совсѣмъ согласенъ съ мнѣніемъ его величества, хотя прежде полученія плана онъ не имѣлъ намѣренія соединить въ тылу непріятеля арміи Чичагова и Тормасова, а полагалъ Дунайскую армію притянуть къ себѣ, о чемъ и послалъ ей предписаніе, на основаніи коего адмиралъ сдѣлалъ уже нѣсколько маршей, а Тормасова употребить для того, чтобы не допустить Шварценберга и Ренье соединиться съ главными непріятельскими силами.

Государь пожаловалъ прислугѣ веймарскаго двора 1.000 червонныхъ и пять тысячъ червонныхъ принцу Филипстальскому, лишившемуся ноги въ аріергардномъ дѣлѣ, бывшемъ 29-го августа 1812-го года.

II.

Эйзенахъ.—Ночлегъ въ Нейгофѣ.—Пріѣздъ въ Франкфуртъ.—Радушный пріемъ, оказанный государю жителями.—Великая княгиня Екатерина Павловна.—Оффиціальные визиты государя.—Бетманъ.—Его разсказы о Наполеонѣ I.—Рейнъ.—Кобленцкій фонтанъ.—Обѣдъ у государя.—Пріѣздъ въ Ахенъ.—Бесѣда съ Беннигсеномъ.—Его мнѣніе о Каменскомъ, Кутузовѣ, Барклаѣ де-Толли, Багратіонѣ, Ермоловѣ, Милорадовичѣ.—Разсказъ генерала Жомини.—Сухость сердца князя Волконскаго.—Ходъ дѣлъ на конгрессѣ.—Отношенія между собою уполномоченныхъ.—Обѣдъ у дюка де-Ришелье.—Балъ, данный Уваровымъ, Шуваловымъ, Алопеусомъ и Левашевымъ.—Записка объ уменьшеніи численности русской арміи.—Пріѣздъ въ Ахенъ великихъ князей Константина и Михаила Павловичей.—Обѣдъ у фабриканта Кельтера.—Неудача воздухоплавательницы Гарнеренъ.—Пѣвица Каталони и ея настойчивость.—Концертъ Каталони.—Пріѣздъ великой княгини Анны Павловны.—Маневры прусскихъ войскъ и обѣдъ у прусскаго короля.

По утру 12-го сентября, въ девятомъ часу, отправились мы изъ Веймара. Великая княгиня Марія Павловна провожала императора до Эйзенаха. Мы ѣхали по большой дорогѣ чрезъ Эрфуртъ, возродившій во мнѣ разныя воспоминанія насчетъ политическихъ событій 1809-го года. Ни въ одномъ городѣ насъ такъ сухо не приняли жители, какъ здѣсь; почти никого не было на улицахъ; по заслугамъ и награда, думалъ я. Въ Готѣ я встрѣтилъ моего стариннаго геттингенскаго соученика Гельбке, съ которымъ провелъ минутъ съ десять, пока перемѣняли лошадей, въ пріятныхъ разговорахъ. Онъ женатъ на дочери безсмертнаго толкователя лѣтописи Нестора, Шлецера. Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ мѣстоположенія становились красивѣе, особенно въ окрестностяхъ Эйзенаха и за онымъ они прелестны. Мы пріѣхали вечеромъ въ прекрасно освѣщенный городъ Фульду и остановились уже въ полночь для ночлега на первой станціи за онымъ, въ селеніи Нейгофъ, въ домѣ старшины. Для пріема государя и для сопровожденія его величества по Гессенъ-Кассельскимъ владѣніямъ высланъ генералъ Оксъ.

Вчера мы поѣхали изъ Нейгофа часу въ девятомъ и прибыли въ Ганау вскорѣ послѣ полудня; отсюда во Франкфуртъ идетъ аллея, насаженная за нѣсколько вѣковъ; она въ двухъ мѣстахъ пересѣкаема двумя другими аллеями удивительной красоты, изъ коихъ одна тополевая. Вскорѣ увидѣли мы на лѣвой сторонѣ рѣку Майнъ, вдоль которой слѣдовали во Франкфуртъ; почти близъ Ганау начали показываться экипажи и верховые, выѣхавшіе изъ Франкфурта на встрѣчу императора, и по мѣрѣ, какъ мы приближались къ сему городу, стеченіе народа становилось многочисленнѣе, по улицамъ едва можно было проѣхать. Ни въ одномъ городѣ намъ не оказывали такой радости. Государь по прибытіи своемъ велѣлъ мнѣ объявить бургомистру для извѣщенія гражданъ,

что его величество почитаетъ, что онъ не заслужилъ отъ нихъ подобнаго пріема. Я узналъ, что здѣсь находится болѣе двадцати различныхъ принцевъ, и въ числѣ ихъ братъ короля англійскаго и датскій принцъ Христіанъ, извѣстный кратковременнымъ царствованіемъ своимъ въ Норвегіи; всѣ они пріѣхали съ намѣреніемъ представиться императору нашему и, вѣроятно, просить его о дѣлахъ своихъ; вотъ что значитъ нынѣ русскій царь.

Я остановился въ домѣ извѣстнаго банкира Бетмана, въ которомъ приготовлены также комнаты для императора. Переодѣвшись, я пошелъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, теперешней королевѣ Виртембергской, которая, равно какъ и король, приняли меня весьма ласково Ея величество разспрашивала меня много о выборахъ представителей и вообще о сеймѣ польскомъ; это мнѣ было тѣмъ пріятнѣе, что разговоры владѣтельныхъ особъ обыкновенно относятся до погоды, до здоровья и до подобныхъ ничтожныхъ предметовъ. Между тѣмъ государь изъ Ганау поѣхалъ обѣдать къ курфюрсту Гессенъ-Кассельскому въ близъ лежащій замокъ Вильгельмсбадъ, гдѣ курфюрстъ принялъ его величество съ великолѣпіемъ, а оттуда во Франкфуртъ и, не входя въ назначенный для его величества домъ, отправился прямо къ королевѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Пробывъ у нея съ часъ, онъ возвратился домой и, заставъ насъ вдвоемъ съ княземъ Волконскимъ, говорилъ съ нами и шутилъ, а черезъ нѣсколько времени поѣхалъ ужинать къ королевѣ.

По утру государь приказалъ отказывать всѣмъ принцамъ, которые явятся съ посѣщеніями, а самъ въ десять часовъ поѣхалъ къ эрцъ-герцогу Палатину, герцогу Ольденбургскому, герцогинямъ Кембриджъ, Кумберлэндъ и принцессѣ Латуръ. Въ двѣнадцать часовъ пріѣзжали къ императору датскій принцъ Христіанъ, баварскаго короля сынъ принцъ Карлъ и наслѣдный принцъ Гессенъ-Гомбургскій, потомъ государь кушалъ у королевы Виртембергской и съ нею и съ супругомъ ея провелъ весь день. Мы, русскіе, обѣдали у Бетмана, а вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ, и мы съ нимъ бесѣдовали долго. Онъ человѣкъ очень умный, и такъ какъ весь вѣкъ жилъ во Франкфуртѣ, который съ начала французской революціи былъ средоточіемъ военныхъ и политическихъ дѣйствій, то онъ знаетъ настоящій ходъ политики; богатство его простирается до двадцати милліоновъ рублей. Между прочимъ, онъ разсказывалъ мнѣ, что послѣ сраженія при Ганау Наполеонъ непремѣнно хотѣлъ остановиться въ его загородномъ домѣ, хотя квартира его назначена была въ другомъ мѣстѣ, «и невзирая на то, говорилъ Бетманъ, что у меня не было ничего приготовлено, не прошло часа, какъ чиновники Наполеона устроили такой порядокъ въ домѣ, какъ бы всегда въ немъ жили. Подлѣ его спальной они поставили большой столъ съ картами, а по угламъ четыре стола, изъ коихъ одинъ занялъ министръ Маресть, а другой Лелорнъ-

Дидевиль. Бонапарте прислалъ за мною и часа съ два говорилъ весьма отрывисто; вотъ нѣкоторыя изъ словъ его: «Рейнскій союзъ и континентальная система суть два дурачества, которыя я сдѣлалъ. Удивительно какъ легко тестя моего вовлекаютъ въ войну, хотя его всегда разбиваютъ. Повѣрьте, что союзники захотятъ мира. Если я уступлю Нидерланды, то я завтра же ихъ отниму. Какъ велико ваше состояніе? Сколько вы взяли за женою вашею? Отъ кого узнали вы о Лейпцигскомъ сраженіи?» Я ему отвѣчалъ, что чрезъ «Бамбергскія вѣдомости».—«Прочтите мнѣ ихъ»,—и когда я ему до половины перевелъ сію реляцію, а въ ней написана была вся истина, то онъ сказалъ:—«довольно, отдайте мнѣ газеты», и спряталъ ихъ въ карманъ».

15-го сентября. По утру мы поѣхали изъ Франкфурта ночевать въ мѣстечко Андернахъ, въ двухъ миляхъ за Кобленцомъ. Мнѣ приказано было ѣхать на Майнцъ, а государь отправился изъ Франкфурта въ Биберихъ завтракать къ герцогу Нассаускому. Дорога до Майнца мнѣ извѣстна, но я никогда въ толь ясную погоду не спускался съ послѣдней горы, находящейся передъ Майнцомъ, и слѣдовательно не имѣлъ никогда случая видѣть въ настоящемъ блескѣ несравненныя окрестности сего города. Я всегда съ особеннымъ чувствомъ переѣзжаю Рейнъ, конечно отъ того, что я съ дѣтства о сей рѣкѣ много слышалъ и что она воспѣта вдохновенными стихотворцами. Трудно найти что либо прелестнѣе дороги по лѣвому берегу Рейна до Кобленца, что свидѣтельствуетъ множество гравированныхъ во всѣхъ размѣрахъ видовъ сего края. Не проходило трехъ верстъ, чтобы я не встрѣчалъ богатыхъ селеній, между деревьями ростетъ виноградъ и такъ часто насаженъ, что не остается ни аршина пустой земли. Правый берегъ Рейна представляетъ чудесную картину, состоящую изъ непрерываемаго ряда богатѣйшихъ селеній и городовъ и изобильнѣйшихъ садовъ, расположенныхъ то вдоль самаго Рейна, то на скатѣ высокаго хребта горъ, на вершинахъ коихъ находится множество развалинъ рыцарскихъ замковъ. Берега Рейна становились крутѣе, по мѣрѣ какъ мы приближались къ Кобленцу, такъ что мы въѣхали какъ бы въ ущелье, вдоль излучистой рѣки, которая на каждомъ поворотѣ представляла новыя живописныя картины. Я жалѣлъ, что мы проѣзжали уже въ темнотѣ чрезъ Кобленцъ, потому что мнѣ желательно было видѣть фонтанъ, на которомъ изъ подлаго ласкательства одинъ префектъ Бонапартовъ помѣстилъ сіи слова: «въ память безсмертнаго похода французскихъ войскъ въ Россію въ 1812 году», и на которомъ ровно черезъ годъ одинъ русскій офицеръ, кажется Магденко, велѣлъ вырѣзать слѣдующую надпись: «Vu et approuvé par le commandant russe à Coblence en 1813» (Осмотрѣно и одобрено русскимъ комендантомъ въ Кобленцѣ въ 1813 г.).

Сентября 16-го. Мы выѣхали часу въ девятомъ по утру изъ Ан-

дернаха въ Ахенъ. Въ продолженіе первыхъ двухъ станцій мѣстоположеніе было почти столь-же красиво, какъ и вчера. Рейнъ, при всей прелести окрестностей своихъ, не представляетъ однакоже въ отношеніи къ судоходству той картины какъ Волга, ибо, проѣхавши вдоль его около 200 верстъ, я не встрѣтилъ и двадцати большихъ судовъ, между тѣмъ какъ въ теперешнее время года Волга покрыта всякаго рода судами. Сіе происходитъ отъ того, что въ Рейнѣ много подводныхъ камней и песчаныхъ мелей, затрудняющихъ плаваніе. Въ Боннѣ государь кушалъ, а я намѣренъ былъ проѣхать мимо, но императоръ за мною прислалъ и пригласилъ обѣдать. Я вошелъ и увидѣлъ, что уже сидѣли за столомъ, почему сейчасъ воротился назадъ; но государь послалъ опять за мною. За обѣдомъ находилось нѣсколько прусскихъ чиновниковъ, съ которыми его величество разговаривалъ о состояніи и объ управленіи ввѣренныхъ имъ земель, а потомъ спросилъ:

— Далеко ли отъ Ахена до Спа? Это меня интересуетъ, потому что тамъ у меня сестра.

Въ два часа мы поѣхали далѣе въ Кельнъ, коего улицы были покрыты безчисленнымъ народомъ, и около полуночи пріѣхали въ Ахенъ, Король прусскій, какъ хозяинъ, ѣздилъ на встрѣчу обоимъ императорамъ, и войска были выстроены до домовъ ихъ величествъ. Въ Ахенѣ я нашелъ нашихъ дипломатовъ, Алопеуса и графовъ Каподистрія, Нессельроде, Штакельберга и Головкина, и сверхъ принадлежащихъ къ свитѣ генералъ-адъютантовъ еще трехъ, проживающихъ для поправленія здоровья въ чужихъ краяхъ: графа Шувалова, Жомини и Левашева.

Въ одномъ домѣ съ государемъ живетъ только князь Волконскій и я, всѣ другіе русскіе, здѣсь пребывающіе, помѣщены въ городѣ. Немедленно по пріѣздѣ намъ дали позволеніе надѣть фраки, отчего намъ казалось въ первое время, что лица наши измѣнились. Съ какимъ восторгомъ воображеніе мое стремилось прежде въ чужіе края, какими прелестными красками рисовало оно прежде для меня Германію и Францію, просвѣщеніе, добродушіе и промышленность нѣмцевъ, съ которыми я провелъ нѣсколько безсонныхъ ночей.

Сентября 18-го Сегодня по утру государь поѣхалъ въ Спа для свиданія съ великою княгинею Анною Павловною и возвратится завтра къ обѣду; съ его величествомъ никого нѣтъ, кромѣ камердинера. Мы, русскіе, обѣдали всѣ вмѣстѣ за такъ называемымъ гофмаршальскимъ столомъ: я сидѣлъ подлѣ словоохотливаго Жомини; вотъ нѣчто изъ разговоровъ его: «Наполеонъ не ожидалъ, чтобы русскіе и пруссаки напали на него подъ Люценомъ, онъ полагалъ, что вы находитесь около Лейпцига и не хотѣлъ вѣрить, чтобы вы были на правомъ его крылѣ. Маршалъ Ней съ нимъ не согласился, утверждая, что онъ видѣлъ биваки непріятелей, число коихъ простиралось примѣрно до пяти-

десяти тысячъ человѣкъ. Наполеонъ отвѣчалъ, что это быть не можетъ, и пригласилъ съ собою Нея, чтобы осмотрѣть войска вице-короля Италіанскаго, расположенныя около Лейпцига. Едва они отъѣхали нѣсколько верстъ, какъ услышали пушечную пальбу, и Ней, не сказавъ ни слова Наполеону, поскакалъ къ своему корпусу, въ тылу коего онъ нашелъ казаковъ, сквозь которыхъ принужденъ былъ прорубливаться. Такимъ образомъ до пяти часовъ пополудни вы имѣли противъ себя одинъ корпусъ сего маршала».

— Я думаю, сказалъ я генералу Жомини, что мы могли бы васъ разбить, если бы послали сильный отрядъ для воспрепятствованія вице-королю соединиться съ главною вашею арміею.

— Это невозможно, отвѣчалъ онъ, по причинѣ Россъ Грабена, который весьма глубокъ, но вы бы одержали побѣду, ежели бы первое нападеніе ваше было сильнѣе.

Жомини разсказалъ мнѣ о слѣдующемъ происшествіи, случившемся съ нимъ недавно. Весь Парижъ зналъ, что я пишу исторію походовъ съ начала революціи. Военное министерство отказало генералу Поццо-ди-Борго снабдить меня матеріалами, хотя онъ требовалъ сего именемъ императора Александра. Въ одно утро пришелъ ко мнѣ какой-то французъ и спросилъ меня, извѣстенъ ли онъ мнѣ; я отвѣчалъ, что нѣтъ, но что лицо не совсѣмъ мнѣ не знакомо. «Тѣмъ лучше, сказалъ мнѣ сей человѣкъ; такъ какъ вы пишете исторію войны, то я доставлю вамъ такіе матеріалы, которые васъ удивятъ, съ условіемъ, что вы не будете любопытствовать узнать, кто я таковъ. Пойдемте со мною». Онъ меня привелъ въ большую комнату, гдѣ лежало болѣе ста пятидесяти книгъ, переплетенныхъ въ листъ въ сафьянъ съ вензелемъ N, наверху коего находилась корона; изъ сего я заключилъ, что книги сіи принадлежали прежде бывшему императору. Я нашелъ въ нихъ всю переписку съ Талейраномъ, Карно, Сіесомъ и другими лицами, разныя повелѣнія его военнаго и дипломатическаго содержанія, бумаги, кои были писаны къ нему, словомъ все, что относится до политическаго его существованія съ первой войны Италіанской». Жомини думаетъ, что неизвѣстный человѣкъ предложилъ ему употребленіе сихъ матеріаловъ по порученію Наполеона или Маріи-Луизы, и что книги сіи должны были быть отправлены на островъ св. Елены, по той причинѣ, что въ той горницѣ, гдѣ онѣ находились, онъ видѣлъ нѣсколько ящиковъ съ надписью Рошефоръ; онъ догадывается, что онѣ были посланы въ сію гавань, но вѣроятно поздно прибыли, а потому не были отправлены къ мѣсту своего назначенія.

Сентября 19-го. Государь возвратился изъ Спа около обѣда. Въ числѣ прошеній, поданныхъ государю дорогою, которыя поступили ко мнѣ на разсмотрѣніе, нашлось одно, въ которомъ три дѣвицы изъ Мангейма пишутъ, что въ 1815-мъ году солдаты наши, стоя у нихъ на

квартирѣ, убили мать ихъ, и просятъ вспоможенія. Уничтоживъ много бездѣльныхъ просьбъ, я пришелъ съ этою бумагою къ князю Волконскому и просилъ его, чтобы онъ доложилъ по ней государю. «Зачѣмъ онѣ прежде не просили», былъ сухой его отвѣтъ, и тѣмъ дѣло сіе кончилось. Ежели временщикъ сей не расположенъ былъ къ добру, то онъ долженъ бы былъ для славы Александра, возведшаго его изъ ничтожества, обратить вниманіе монарха нашего на просьбу, которая была подана на имя государя, и избавить императора отъ справедливаго упрека, что онъ былъ глухъ къ воплямъ несчастныхъ сиротъ, ибо сіи не знаютъ, что просьба ихъ не доведена была до его свѣдѣнія.

Сентября 24-го. Дѣла конгресса созрѣваютъ: союзные государи подписали трактатъ о выводѣ своихъ войскъ изъ Франціи; обстоятельство сіе, радостное для французовъ, подало поводъ Австріи, сей вѣчной соперницѣ Франціи, подъ предлогомъ, что могутъ тамъ произойти бунты, и будто для того, чтобы обезпечить Европу отъ новыхъ потрясеній, требовать, чтобы ей отдали въ залогъ на нѣсколько лѣтъ Страсбургъ и нѣкоторыя другія крѣпости, Англія сего же желаетъ, но Александръ на сіе не согласился. Лондонскій и Вѣнскій кабинеты, то есть Метернихъ и Кастельре, соединены весьма тѣсно между собою; нѣтъ дня, чтобы я не встрѣчалъ сихъ двухъ дипломатовъ, гуляющихъ вмѣстѣ рука объ руку; тайно съ ними согласна и Пруссія, опасающаяся и безначалія, могущаго возникнуть во Франціи, и увеличивающихся безпрестанно силъ Россіи. Нашъ кабинетъ съ другой стороны имѣетъ цѣлію возстановить для равновѣсія державъ политическій вѣсъ Франціи и долженъ потому одинъ бороться съ Австріею, Англіею и Пруссіею, но кто же составляетъ нашъ кабинетъ? Одинъ Александръ, ибо, по причинѣ болѣзни уполномоченныхъ его на конгрессѣ, онъ лично ведетъ переговоры; Кастельре, Ришелье и Метернихъ у него ежедневно бываютъ и онъ къ къ нимъ всякій день ѣздитъ.

Третьяго дня городъ давалъ балъ въ честь именинъ Австрійскаго императора, которой не былъ на балѣ по причинѣ болѣзни, князь Метернихъ тоже на оном не присутствовалъ, что многіе приняли знакомъ какого либо неудовольствія австрійскаго кабинета.

Сентября 25-го. Вчера я былъ на званомъ обѣдѣ у дюка-де-Ришелье, который на конгрессѣ представляетъ лицо Людовика XVIII-го, на немъ былъ русскій Георгіевскій крестъ; знакъ отличія сей на французскомъ министрѣ есть явленіе, свойственное только нашему вѣку, въ которомъ участь частныхъ людей, какъ и самихъ государствъ, подвержена была необыкновеннымъ превратностямъ. Послѣ стола, когда гости разъѣзжалися, Ришелье, подойдя ко мнѣ, просилъ меня въ полголоса подарить ему часа съ два; я не зналъ, что это значитъ, но когда мы остались вдвоемъ, то онъ, сбросивъ съ себя, такъ сказать, званіе перваго

министра Франціи, котораго онъ представлялъ за обѣдомъ, явился мнѣ въ видѣ самаго любезнаго частнаго человѣка и признался, что онъ желалъ наединѣ со мною говорить о полуденной Россіи, и особенно объ Одессѣ, которая, какъ извѣстно, есть его созданіе. Онъ мнѣ предлагалъ множество вопросовъ, и особенно о сужденіяхъ государя о Екатеринославскомъ краѣ. Я не знаю, защищаетъ ли онъ съ такимъ же жаромъ на конгрессѣ выгоды Франціи, съ каковымъ онъ говоритъ объ Одессѣ. Не взирая на высокое мѣсто, занимаемое имъ въ отечествѣ его, слишкомъ примѣтно было, что онъ охотно промѣнялъ бы его на прежнее званіе одесскаго градоначальника, ежели бы то можно было сдѣлать съ приличіемъ. Въ заключеніе скажу, что я не видалъ ни одного вельможи съ столь привлекательною наружностію какъ Ришелье.

Октября 2-го. Вчера императоръ отправился въ Спа, а вечеромъ Уваровъ, графъ Шуваловъ, Алопеусъ и Левашовъ давали балъ, на которомъ было самое отборное общество. Балъ этотъ мнѣ останется памятенъ потому, что я былъ на немъ представленъ Веллингтону и въ первый разъ говорилъ съ симъ знаменитымъ мужемъ. Обхожденіе его самое вольное, но въ оборотахъ его рѣчей я не нашелъ той легкости, къ которой мы привыкли на твердой землѣ, и которая вообще не свойственна, кажется, англичанамъ.

Мнѣ дали матеріалы для написанія бумаги на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Исчисленіе войскъ, уменьшенныхъ въ Россіи съ 1815 года», которую мнѣ сегодня возвратили съ собственноручными поправками государя. Нѣтъ сомнѣнія, что она назначена для иностранныхъ кабинетовъ; уменьшенія сіи суть: 1) ополченіе; 2) казачьи войска; 3) расформированіе шестаго пѣхотнаго корпуса и 4) уничтоженіе вторыхъ баталіоновъ пѣхотныхъ полковъ первой арміи, всего 451.000 человѣкъ. Конечно для перваго обзора это покажется удовлетворительнымъ залогомъ миролюбивыхъ видовъ Россіи, но надобно принять въ уваженіе, чего чужестранцамъ не сказали въ вышеупомянутой бумагѣ: 1) что ратники, бывшіе въ ополченіи, поступили большею частію въ рекруты; 2) казачьи полки хотя находятся не въ дѣйствующихъ арміяхъ, но, пребывая въ своихъ домахъ, готовы однакоже по первому повелѣнію къ выступленію въ походъ; 3) шестой пѣхотный корпусъ распущенъ не такимъ образомъ, чтобы солдаты, оный составлявшіе, возвращены были въ первобытное крестьянское положеніе, но они поступили на пополненіе армій и дивизіи онаго и понынѣ образуютъ кадры; 4) вторые баталіоны, вмѣсто тысячи человѣкъ, состоятъ изъ 450, а остальные поступили на укомплектованіе армій. Сверхъ того, надобно принять въ уваженіе, что учреждены три новыхъ гвардейскихъ полка въ Литовскомъ корпусѣ и наконецъ теперешній рекрутскій наборъ.

Вчера пріѣхалъ въ Ахенъ великій князь Михаилъ Павловичъ съ генералами Паскевичемъ и Алединскимъ, а сегодня цесаревичъ Константинъ Павловичъ оба приняли меня ласково, и первый изъ нихъ меня два раза поцѣловалъ. Цесаревичъ съ свойственнымъ ему жаромъ разсказывалъ о польскихъ и литовскихъ войскахъ, а великій князь Михаилъ Павловичъ съ восхищеніемъ говорилъ объ Англіи, изъ которой онъ только что возвратился и присовокупилъ:

— Я жалѣю однакоже, что мнѣ въ Англіи невозможно было сказать ни одного каламбура, но за то уже по пріѣздѣ моемъ въ Кале je m'en suis donné (я вознаградилъ себя).

Октября 3-го. Я приглашенъ былъ на обѣдъ къ богатѣйшему здѣшнему фабриканту Кельтеру. Я сидѣлъ подлѣ жены извѣстнаго французскаго генерала Мезона, которая находилась съ мужемъ своимъ во всѣхъ походахъ. Подавали болѣе сорока блюдъ, въ числѣ коихъ не было двухъ порядочно приготовленныхъ. Посреди стола находилась свиная голова, украшенная розами, во рту былъ у ней апельсинъ; изъ сего можно судить о прочемъ, а это еще лучшій домъ во всемъ Ахенѣ. Послѣ обѣда я смотрѣлъ какъ г-жа Гарнеренъ хотѣла подняться въ воздушномъ шарѣ; я говорю хотѣла, потому что ей не удалось полетѣть. Едва шаръ наполнили воздухомъ и она сѣла въ лодку, какъ ее ударило о помостье, наполненное зрителями, и она упала въ обморокъ; потомъ она вторично намѣревалась подняться, но ударъ въ другой разъ былъ еще сильнѣе перваго, такъ что ее отнесли безъ чувствъ въ близъ стоящій домъ, и народъ, ворвавшись въ горницу, гдѣ она находилась, ругался надъ нею. Если бы г-жѣ Гарнеренъ удалось полетѣть подъ облака, то ей бы рукоплескали: чернь смотритъ на успѣхъ предпріятія, а не на причины, отъ коихъ оный происходитъ.

Недавно пріѣхала сюда знаменитая Каталани и объявила, что она прежде не дастъ концерта, пока не услышитъ ее нашъ государь, на что его величество приказалъ ее поблагодарить и отвѣчать ей, что занимаемый имъ домъ такъ тѣсенъ, что онъ не можетъ помѣстить въ себѣ общества для слушанія ея голоса; но какъ Каталани настаивала въ своемъ намѣреніи, то и положили, что она дастъ сегодня первый концертъ у Веллингтона, въ присутствіи нашего государя. Не взирая на то, она непремѣнно хотѣла видѣть императора передъ концертомъ, почему и назначена ей была сегодня въ 7-мъ часовъ аудіенція, а какъ его величество не могъ ее принять тотчасъ по ея пріѣздѣ, то она провела въ моей комнатѣ минутъ съ двадцать. Превеселая и живая италіанка.

— Что вы скажете императору,—спросилъ я ее между прочимъ.

— Я упаду передъ нимъ на колѣна,—отвѣчала она,—и скажу, что я обожаю Александра.

Послѣ аудіенціи ея, мы поѣхали въ концертъ къ Веллингтону, на которомъ, кромѣ всѣхъ знатныхъ людей, находящихся на конгрессѣ, были императоры нашъ и австрійскій и король прусскій. Всѣ съ нетерпѣніемъ желали услышать голосъ первой пѣвицы нашего вѣка, которой долженъ былъ аккомпанировать на скрипкѣ извѣстный Лафонъ, и коль велико было удовольствіе наше, когда г-жа Каталани открыла концертъ, запѣвъ по-русски.

«Ты возвратился благодатный».

Послѣ того она пѣла похвальные стихи въ честь каждаго изъ союзныхъ монарховъ, и англичанамъ весьма было непріятно, что она не начала концерта народною ихъ пѣснею.

«Боже спаси царя».

Я стоялъ подлѣ обоихъ великихъ князей Константина Павловича и Михаила Павловича; во весь вечеръ они между собою, а иногда и со мною, разговаривали; обыкновенныя, ничего не значущія шутки и болѣе ничего; ни одинъ не сказалъ ни слова объ искусствѣ музыки и пѣнія. Государь пожаловалъ г-жѣ Каталани за сей концертъ брильянтовый фермуаръ цѣною въ шесть тысячъ триста рублей.

Октября 4-го. Сегодня пріѣхала сюда изъ Спа великая княгиня Анна Павловна съ супругомъ своимъ принцемъ Оранскимъ, которые остановились въ загородномъ домѣ государя. Императоръ и великія князья провели съ ними почти весь день; изъ русскихъ обѣдалъ съ ними только одинъ князь Волконскій, а изъ голландцевъ адъютантъ принца Оранскаго, полковникъ Кнейфъ.

Октября 6-го. Въ девять часовъ мы поѣхали за городъ, гдѣ былъ парадъ прусскихъ войскъ, а потомъ молебствіе при пушечной пальбѣ. Многіе находящіеся здѣсь французы оставили на сегодняшній день городъ, чтобы не быть свидѣтелями сего празднества въ честь Лейпцигскаго сраженія. По возвращеніи въ городъ мы слушали обѣдню, потомъ былъ у короля прусскаго большой обѣдъ для военныхъ въ ратушѣ, въ той самой залѣ, въ которой заключали Ахенской миръ. На стѣнахъ висятъ портреты министровъ, оный подписавшихъ. Въ сей залѣ находятся трое дверей, сдѣланныхъ для того, чтобы во время прежняго конгресса министры разныхъ державъ могли въ оныя входить и выходить, не споря о первенствѣ, отъ котораго столько разъ возгоралася война. Мнѣ пришлось за обѣдомъ сидѣть противъ императора австрійскаго и великой княгини Анны Павловны.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Надпись неизвѣстнаго, къ гробамъ императора Петра III и императрицы Екатерины II.

Два гроба и сердца, судьбою разлученны,
Соединяетъ сынъ, примѣрный изъ царей!
Падъ къ императорскимъ стопамъ его священнымъ,
Россія чтитъ примѣръ любви сыновней сей;
И зря въ чувствительномъ порфирородномъ сынѣ
Чувствительна царя, отечества отца,
Чего лишилися въ Петрѣ, Екатеринѣ,
То въ Павлѣ возвратя—благодаритъ Творца.

М. Н. КАТКОВЪ,

какъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» и возобновитель «Русскаго Вѣстника».

(Письма его къ А. В. Никитенко).

I.

Упраздненіе отдѣльной каѳедры философіи въ университетахъ, въ томъ числѣ и въ Московскомъ, заставило М. Н. Каткова, читавшаго философію, принять на себя редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей», издававшихся при университетѣ. Газета быстро оживилась. Московскіе профессора приняли въ ней участіе и вскорѣ былъ введенъ постоянный литературный отдѣлъ. Число подписчиковъ на газету постепенно и значительно увеличивалось, а между тѣмъ редакторъ получалъ лишь нѣсколько сотъ рублей содержанія и очень небольшую казенную квартиру. Такое положеніе побудило М. Н. Каткова хлопотать объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ средствъ, и, чтобы доставить ему содержаніе ординарнаго профессора, министерство народнаго просвѣщенія назначило ему добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ четвертака съ каждаго подписчика [1]). Этотъ четвертакъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже писемъ къ А. В. Никитенко, стоилъ многихъ хлопотъ М. Н. Каткову.

Ред.

1.

8-го мая 1854 г. Суббота. Москва.

Прежде всего повинуюсь сердечной потребности выразить вамъ еще разъ мою глубочайшую признательность за ваше радушіе и участіе,

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ“ 1888 г., № 1, стр. 45 и 46.

принятое вами во мнѣ. Отнынѣ я вамъ вѣчный должникъ. Но и независимо отъ личныхъ моихъ отношеній къ вамъ, я какъ равно и всѣ со мной единомысленные люди радуемся и предвидимъ много истинно добраго для нашего просвѣщенія, зная какого совѣтника имѣетъ въ васъ министръ [1]). Я особенно радъ, что случай далъ мнѣ на опытѣ узнать и полюбить въ васъ человѣка, котораго привыкъ уже уважать заочно.

Попечитель принялъ меня съ распростертыми объятіями, и по всѣмъ признакамъ, дѣло мое могло бы немедленно уладиться совершенно удовлетворительно, если бы не вышелъ случай, приводящій меня въ крайнее недоумѣніе. Когда я выѣзжалъ изъ Петербурга, мнѣ было объявлено, что извѣстное вамъ письмо обо мнѣ будетъ отправлено на слѣдующій день. Я зналъ, что оно готово; самъ А. С. (Норовъ) сказывалъ мнѣ это и даже предлагалъ мнѣ взять это письмо съ собою. И что-же? Вотъ уже почти недѣля какъ я въ Москвѣ, а письма все нѣтъ, какъ нѣтъ! Я не знаю что́ подумать и теряюсь въ догадкахъ, и при встрѣчѣ съ Н. [2]) опускаю глаза, какъ уличенный хвастунъ.—Кто и зачѣмъ задержалъ это письмо?—Ради Бога, Александръ Васильевичъ, узнайте объ этотъ, и если нужно, доведите до свѣдѣнія министра объ этомъ странномъ замедленіи. Не изъ канцеляріи ли это происходитъ?—Во всякомъ случаѣ не откажите увѣдомить меня въ двухъ-трехъ словахъ о причинѣ этой задержки.—Простите меня, Александръ Васильевичъ, что я обращаюсь къ вамъ съ такою безцеремонностію. Вы, конечно, поймете непріятность моего теперешняго положенія, да и не захотите оставить не довершеннымъ дѣло, въ которомъ принимали столь живое и столь значительное для меня участіе.

Примите—не форменное, а искреннее—изъявленіе моего глубочайшаго къ вамъ почтенія и преданности.—Весь вашъ М. Катковъ.

2.

15-го мая 1854 г. Москва.

Сейчасъ получилъ я письмо отъ моего брата съ извѣстіемъ, что письмо уже давно отправлено къ (Назимову), и сейчасъ-же былъ у (Назимова),—и вотъ мой разговоръ съ нимъ:

— Получили-ли вы письмо?

— Нѣтъ, не получилъ. Вы не слишкомъ надѣйтесь на А. С. (Норова). Онъ человѣкъ забывчивый и безхарактерный; на него всякій можетъ

---

[1]) Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія.

[2]) Назимовъ, попечитель Московскаго учебнаго округа.

имѣть вліяніе. Нынче далъ онъ вамъ обѣщаніе, а завтра придетъ къ нему кто-нибудь—и совершенно измѣнить образъ его мыслей...

— Но, замѣтилъ я, письмо было готово: я могъ даже взять его съ собою, если-бъ переждалъ еще день. Оно должно было пойти къ вамъ...

— Не безпокойтесь, я ѣду на дняхъ въ Петербургъ. Вы напишите мнѣ ваши желанія и что вамъ было тамъ обѣщано, я все улажу.

— Но тамъ все улажено, и писать мнѣ нечего. Тутъ есть какое-то непонятное для меня недоразумѣніе....

— Въ середу или четвергъ я поѣду, подождемъ.—Ахъ да.... знаете-ли какая у меня мысль. Очень было-бы не худо высылать «Московскія Вѣдомости» въ Болгарію, здѣсь есть одинъ болгаринъ, черезъ котораго можно это сдѣлать. Это пренесчастная страна, и знаете-ли не столько турки убили этотъ народъ, сколько греки. Тѣ только рѣзали и жгли, а эти убивали нравственно.

И потомъ какъ я ни старался завести опять разговоръ о дѣлѣ, онъ все отвертывался и заговаривалъ подобнымъ образомъ. Вотъ что это за человѣкъ, Александръ Васильевичъ! Я не сказалъ ему, что получилъ письмо съ достовѣрнѣйшимъ извѣстіемъ по отсылкѣ письма, потому что это значило бы сказать ему просто на просто, что онъ лжетъ и отрѣзать ему всякую возможность сознаться въ полученіи письма. Я хочу завтра объясниться съ нимъ рѣшительно; скажу ему, что получилъ извѣстіе объ отправкѣ письма и что если оно не было еще получено имъ прежде, то навѣрное уже получено теперь.

Во всякомъ случаѣ вы видите, можно-ли ладить съ такимъ человѣкомъ. Я теперь вполнѣ увѣренъ, что долженъ возвратиться въ Петербургъ. Горько сожалѣю я, что не послушался внутренняго голоса, который убѣждалъ меня не возвращаться. Сколько издержекъ, какая потеря времени, какое разстройство!

Благодарю васъ отъ всей души, добрый Александръ Васильевичъ за ваши хлопоты обо мнѣ, и прошу васъ сдѣлать мнѣ еще одно величайшее одолженіе—передать все это А. С. (Норову) и просить его отъ меня, чтобы онъ утвердилъ меня въ возможно скорѣйшемъ времени министерскимъ чиновникомъ, чтобы мнѣ не оставаться безъ службы и облегчить мнѣ тѣмъ возможность пріискивать себѣ въ Петербургѣ сколько-нибудь обезпеченнаго положенія. Завтра или послѣзавтра я самъ буду писать къ нему.

Я не могу вамъ передать всей моей желчи и негодованія на этого человѣка (Назимова), и всей степени разстройства, въ какое онъ привелъ меня.

Сдѣлайте милость напишите мнѣ, если возможно, съ первою почтою слова два въ отвѣтъ на это письмо.

Примите сердечное увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ къ вамъ почтеніи и преданности. Вашъ М. Катковъ.

3.

19-го мая, 1854 г. Москва.

Сегодня (19-го мая) отправилъ я письмо къ министру; въ письмѣ этомъ, выражая мою признательность за благосклонный пріемъ и участіе, я извѣщаю, что попечитель изъявилъ полное согласіе на всѣ условія; удивляется однако, что письмо къ нему отъ министра, которое должно послужить основаніемъ для оффиціальнаго представленія, доселѣ имъ не получено. Письмо это было уже отправлено, какъ сегодня же вечеромъ, за полчаса передъ симъ, былъ у меня чиновникъ отъ попечителя съ извѣстіемъ, что ожидаемое письмо наконецъ у него въ рукахъ, что встрѣтилось какое-то недоразумѣніе и канцелярская оплошность, замедлившая доставленіе этого письма въ его руки. Я спѣшу извѣстить объ этомъ васъ и съ тѣмъ вмѣстѣ, сегодня-же пишу къ министру (и отправляю вмѣстѣ съ вашимъ завтра) второе письмо, въ которомъ разрѣшаю недоумѣніе, выраженное въ первомъ.—Боюсь, чтобъ полученіе отъ меня писемъ два дня сряду не показалось ему страннымъ, и прибѣгаю къ вамъ съ просьбою постараться смягчить этотъ эффектъ. Простите меня, Александръ Васильевичъ, за эту безцеремонность и навязчивость: вы сами избаловали меня, но я постараюсь не докучать вамъ болѣе подобнымъ образомъ. Сдѣлайте милость, постарайтесь уладить такъ, чтобы первое мое письмо, которое можетъ показаться непріятнымъ попечителю (хотя тамъ нѣтъ никакой на него жалобы, а только сказано, что онъ недоумѣваетъ о недоставленіи ему письма), отъ котораго я завишу, — осталось безъ дѣйствія, и не передавалось въ департаментъ для доклада. Я съ своей стороны не могъ поступить иначе: увѣренный въ отсылкѣ изъ Петербурга письма, я не могъ сомнѣваться въ полученіи его и безпокойство мое было естественно. Теперь наконецъ письмо нашлось, и дѣло кончено.

Попечитель все собирается въ Петербургъ и вѣроятно представленіе обо мнѣ сдѣлаетъ ужъ тамъ. Я такъ увѣренъ въ вашемъ расположеніи ко мнѣ, что даже и не прошу присматривать за ходомъ, какой приметъ тамъ мое дѣло. Главное хорошо было-бы внушить попечителю, что я расположенъ къ нему, какъ слѣдуетъ подчиненному къ доброму и заботливому начальнику.

Примите мое сердечное увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и преданности. Весь вашъ М. Катковъ.

4

24-го мая 1854 г. Москва.

Не могу вамъ передать, какъ меня измучили всѣ эти опасенія, хлопоты, безпокойства и наконецъ негодованіе на то, что вокругъ меня творилось!—Завтра выѣзжаетъ отсюда попечитель съ цѣлою аравой и въ томъ числѣ съ своимъ братомъ. Какъ до меня дошли слухи (это еще секретъ), онъ хочетъ просить министра, чтобъ и брату его, начальнику типографіи, тоже давалась премія съ каждаго экземпляра «Вѣдомостей» (Московскихъ), по 20 к. с., помощнику начальника 10—и наконецъ помощнику редактора тоже по 10. Желаю ему успѣть въ этомъ, хотя и не понимаю, почему начальникъ типографіи съ своимъ помощникомъ должны получать премію съ «Вѣдомостей». Другое дѣло—помощникъ редактора. Впрочемъ, что до меня,—то въ матеріальномъ отношеніи это было бы даже очень полезно: авось тогда побольше будутъ обращать вниманія на внѣшность «Вѣдомостей» и позаботятся о правильной ихъ доставкѣ; въ противномъ случаѣ, какъ это дѣло идетъ теперь, должно, при всѣхъ усиліяхъ редакціи, ожидать, что подписчики будутъ убавляться. Я сильно однако сомнѣваюсь, чтобы министръ согласился на это представленіе; но нельзя-ли изъ развалинъ его спасти помощника редактора, который получаетъ только 400 р. с. жалованья. Премія ему отъ экземпляра—было-бы дѣломъ весьма справедливымъ.

Г-ну (Назимову) я ни въ чемъ не вѣрю. Неполученіе письма объясняетъ онъ тѣмъ, что будто по ошибкѣ въ адресѣ оно пошло вмѣсто Москвы въ Казань, и что изъ Казани переслали къ нему. Изъ двухъ цифръ (25 и 30 к.), предложенныхъ министромъ, онъ выбираетъ наименьшую; а наканунѣ говорилъ мнѣ со слезами на глазахъ о своей привязанности ко мнѣ, о томъ, что онъ только спитъ и думаетъ, какъ бы лучше меня устроить; между тѣмъ онъ думаетъ о томъ, какъ бы отнять у меня то, что мнѣ ужъ предложено министромъ. Когда для положительнаго объясненія я потребовалъ, чтобы онъ мнѣ рѣшительно сказалъ, какую цифру изъ двухъ выбираетъ для меня, надобно было видѣть, какъ онъ переминался, какъ жался, надобно было слышать какой скороговоркой пробормоталъ онъ: «Вы будете отлично устроены, будете получать 3,000 р. да 3,000 на редакцію,—и того 6,000»—но вѣдь деньги на плату за статьи для «Вѣдомостей» не мнѣ назначаются: это совсѣмъ иное дѣло. (Представьте себѣ, Александръ Васильевичъ, что эти люди не понимаютъ различія между казеннымъ и своимъ). Въ этомъ я ежемѣсячно даже подавалъ отчетъ, который пересылался для повѣрки въ казенную палату. Я желаю знать, что назначаете вы для меня?

«Все что вы желаете--25 к. с.» Я вполнѣ надѣюсь, что каково бы ни было въ этомъ отношеніи назначеніе со стороны попечителя, министръ вспо-

мнитъ основанія, которыя побудили его означить въ своемъ письмѣ еще другую высшую цифру. Если до сихъ поръ мѣсячныя издержки по редакціи доходили до 200 р., до теперь онѣ будутъ значительнѣе; кромѣ лишняго человѣка, котораго я держу для посылокъ по редакціи, кромѣ разныхъ другихъ малыхъ расходовъ, я долженъ буду постоянно имѣть подъ рукою писаря. Сумма на плату за статьи весьма ограниченная (если класть круглымъ счетомъ по 2 р. за столбецъ, то на одинъ литературный отдѣлъ потребовалось бы почти 4,000 р.), и изъ нея нельзя ничего брать на посторонніе расходы (я боюсь чтобъ къ этой же суммѣ не отнесли выписку для редакціи газетъ и журналовъ, на что ассигнована въ конторѣ типографіи особая сумма 300 р.) — Если вознагражденіе мнѣ, по плану, одобреному министромъ, кажется довольно значительнымъ, то значительны и доходы университета, доставляемые ему редакціею «Московскихъ Вѣдомостей». Если взять цифру 7,000 подписчиковъ, на которыхъ до меня постоянно держались «Вѣдомости», иногда даже недостигая ея, то вознагражденіе мнѣ, и при предполагаемыхъ теперь условіяхъ, составило бы сумму довольно крупную.

Теперь хотятъ объяснить нынѣшнюю значительную цифру подписчиковъ войною; но она возвысилась еще до войны. Въ началѣ прошедшаго года, когда о войнѣ не было еще и помина, было далеко за 10.000, а въ половинѣ подходило къ 11.000. Да отъ чего же событія 48-го года, отъ которыхъ дрожалъ цѣлый міръ, не увеличивали числа подписчиковъ значительнымъ образомъ. Это можно видѣть по типографскимъ книгамъ.

Но я вамъ надоѣлъ всѣми этими вздорами. Простите мнѣ мелочность всѣхъ этихъ подробностей; но я долженъ опасаться отвсюду нападеній, а вы у меня единственный защитникъ.—Вчера, при прощаньи, я замѣтилъ попечителю, что, вопреки всѣмъ его увѣреніямъ, онъ не только мнѣ ничего не даетъ, но даже отнимаетъ, и если бы министръ не зналъ уже меня и не былъ расположенъ въ мою пользу, то назначеніе мнѣ наименьшей изъ двухъ цифръ со стороны попечителя было бы для меня плохою рекомендаціею. Это видимо его смутило.

Впрочемъ я еще болѣе боюсь другаго обстоятельства. Я теперь совершенно убѣдился, что мнѣ нужна нѣкоторая самостоятельность, чтобы жить съ этимъ народомъ. Званіе министерскаго чиновника дастъ мнѣ эту самостоятельность, а безъ ней я готовъ отказаться даже отъ выгоднѣйшихъ матеріальныхъ условій. Итакъ я боюсь, чтобы изъ желанія подчинить меня своему брату, котораго вы вѣроятно увидите, онъ (Назимовъ) не сталъ хлопотать о томъ, какъ бы удержать меня въ прежнемъ званіи или устроить что-нибудь новое. Я рѣшился отказаться отъ всего, что бы онъ ни придумалъ. Всякая перемѣна въ условіяхъ, одобренныхъ и принятыхъ министромъ, будетъ для меня равносильна отказу. Вы не повѣрите, какъ мнѣ опротивѣло все это дѣло. Я готовъ теперь же бросить все.

Съ попечителемъ ѣдетъ главный его совѣтникъ, человѣкъ пользующійся болѣе всѣхъ его довѣріемъ, Похвисневъ—цензоръ. Онъ разспрашивалъ меня о васъ, и хочетъ познакомиться и сблизиться съ вами. Онъ жалуется, что въ министерствѣ смотрятъ на него неблагопріятно; навѣрное будетъ онъ вывѣдывать обо мнѣ. Я своего мнѣнія о немъ никому не высказывалъ и ни въ чемъ ему вредить не могъ. Впрочемъ онъ вообще человѣкъ умный, и какъ бы ни пользовался своимъ вліяніемъ на попечителя, все несравненно лучше другихъ господъ, окружающихъ его.

Еще разъ простите меня за мое нескладное, длинное и премерзко написанное письмо.—Можетъ быть мнѣ самому понадобится пріѣхать на нѣсколько дней въ Петербургъ: сдѣлайте милость, дайте мнѣ знать, если признаете въ томъ надобность.

Примите увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и преданности. Весь вашъ М. Катковъ.

5.

1854 г.

Попечитель Московскаго округа теперь въ Петербургѣ, глубокоуважаемый мною Александръ Васильевичъ; вотъ удобный, какъ кажется, случай возобновить дѣло объ исполненіи даннаго министромъ обѣщанія касательно увеличенія суммы, отпускаемой для редакціи «Московскихъ Вѣдомостей». Не представится-ли благопріятный случай напомнить объ этомъ министру, который въ свою очередь завелъ-бы рѣчь съ попечителемъ. Я уже сообщилъ вамъ всѣ подробности этого дѣла и причины, почему попечитель старается замять его. Все дѣло въ томъ, чтобы сумма эта шла изъ экономическихъ суммъ университета, а не изъ текущихъ типографскихъ, потому что въ этомъ послѣднемъ случаѣ директоръ типографіи лишился бы нѣсколько десятковъ рублей изъ своихъ процентныхъ денегъ.

Впрочемъ вы это уже знаете. Можетъ-быть было бы не худо мнѣ писать теперь прямо къ министру и изложить всѣ причины, требующія прибавки суммы, вновь просить его объ исполненіи обѣщаннаго; но безъ вашего совѣта я не рѣшаюсь поступить такимъ образомъ.

Скоро, скоро надѣюсь я увидѣть васъ въ Москвѣ. Вѣдь вы навѣрное пріѣдете на юбилей (Московскаго университета). Мы будемъ ждать васъ съ распростертыми объятіями. Надѣюсь, что вы не забыли своего обѣщанія остановиться у насъ: жена моя, которая усердно вамъ кланяется, поручаетъ мнѣ напомнить вамъ объ этомъ.—Примите увѣреніе въ моей

глубочайшей преданности и пріязни къ вамъ. Вашъ всею душею М. Катковъ.

P. S. Не худо было-бы также, если бы министръ при случаѣ намекнулъ попечителю на мерзостную наружность «Московскихъ Вѣдомостей». Я уже усталъ говорить и просить объ этомъ.

6.

3-го іюня 1854 г. Москва.

Въ послѣдній разъ рѣшаюсь я утруждать васъ письмомъ по моему дѣлу, которое не только вамъ, но и мнѣ самому страшно надоѣло. Чѣмъ ближе повидимому подходитъ оно къ окончанію, тѣмъ болѣе осложняется и затемняется. Не могу понять, гдѣ враждебная или по крайней мѣрѣ недоброжелательная рука вредитъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Сдѣлайте милость, Александръ Васильевичъ, войдите нѣсколько въ мое положеніе, и не откажитесь быть моимъ ходатаемъ при министрѣ и написать мнѣ въ возможно скорѣйшемъ времени нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на это письмо мое. Вамъ извѣстно, что я не навязывался министерству, и пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью перемѣститься. Абрамъ Сергѣевичъ (Норовъ) изъявилъ непремѣнное желаніе, чтобъ я продолжалъ изданіе (Московскихъ) «Вѣдомостей», и позволилъ мнѣ подать себѣ записку о томъ, на какихъ условіяхъ я могъ бы согласиться оставаться при прежней моей должности. Сначала, какъ вамъ извѣстно, я просилъ 25 к. с. съ каждаго выходящаго экземпляра, имѣя при томъ въ виду адъюнктское жалованье, которое я получалъ до сихъ поръ; потомъ, когда было рѣшено причислить меня къ министерству безъ жалованья, я просилъ о нѣкоторомъ увеличеніи этой преміи. Министръ изъявилъ на все это полное согласіе, и въ письмѣ его къ попечителю были выставлены двѣ цифры 25—30 к. с. Сверхъ того я поставилъ непремѣннымъ условіемъ увеличеніе суммы, назначенной на плату за статьи сотрудникамъ. Министръ также изъявилъ согласіе назначить для этой цѣли 3.000 р. с.

Я отправился въ Москву въ полной увѣренности, что всѣ эти условія будутъ соблюдены. Вамъ извѣстно тревожное состояніе, въ какомъ я находился нѣсколько недѣль по возвращеніи въ Москву, по причинѣ несчастной канцелярской ошибки. Наконецъ, попечитель былъ самъ въ Петербургѣ и лично подалъ министру представленіе обо мнѣ. Вмѣсто 30 к. или цифры средней между 30—25, назначено мнѣ въ вознагражденіе 25 к. Хотя это назначеніе отнимаетъ у меня сумму, по моимъ средствамъ довольно ощутительную, однако протестовать противъ этого

я считаю неумѣстнымъ. Я могу пожалѣть только о томъ, что не высказался объ этомъ прежде настоятельнѣе и рѣшительнѣе. Но дѣлать нечего: «что съ возу упало, то пропало». По крайней мѣрѣ по увѣренію попечителя, я могъ надѣяться, что, за исключеніемъ этого пункта, дѣло мое совершенно улажено. Дѣйствительно, на этихъ дняхъ прибыла сюда бумага отъ министерства къ попечителю объ окончательномъ рѣшеніи моего дѣла. Я сейчасъ только читалъ ее, и къ удивленію моему нашелъ ее до такой степени неясною, что ее можно истолковывать въ различныя стороны и въ томъ числѣ въ сторону совершенно мнѣ неблагопріятную.

Къ сожалѣнію попечитель теперь въ отсутствіи, и я не знаю, какъ пойметъ онъ эту бумагу; хотя есть большая вѣроятность, судя по слышаннымъ мною толкованіямъ въ его канцеляріи, что онъ пойметъ ее неблагопріятно для меня.

Вотъ въ чемъ дѣло: въ бумагѣ сказано во 1-хъ, что министръ разрѣшаетъ мнѣ по 25 к. с. съ каждаго выходящаго экземпляра и въ то же время постановляетъ, что это распоряженіе должно вступить въ силу съ 1-го іюля сего года. Что это значитъ? Если это объяснять такъ, что будетъ за этотъ годъ выдано означенное вознагражденіе только съ тѣхъ подписчиковъ, которые окажутся послѣ 1-го іюля, то не стоило бы и дѣлать такого распоряженія, потому что послѣ 1-го іюля окажется, можетъ быть, подписчиковъ 50; такъ что мнѣ пришлось бы пятьдесятъ четвертаковъ. Но хотя такой смыслъ прежде всего представляется при чтеніи этого мѣста, однако, безъ сомнѣнія, что-нибудь другое должно значать оно,—и вотъ какъ собственно объясняютъ здѣсь это мѣсто: мнѣ, будто бы, назначается этимъ выдать только половину того, что слѣдуетъ выдать за текущій годъ, т. е. вмѣсто 25 к. я получу съ каждаго экземпляра $12^1/_2$ к. с.; такъ что если бы мнѣ пришлось получить за нынѣшній годъ 3.000 р., то я долженъ довольствоваться только 1.500 р. Ничего другаго пріискать не могутъ для объясненія этого загадочнаго 1-го іюля. Не можетъ быть, чтобы министръ рѣшился, вопреки всѣмъ изъявленіямъ своего благорасположенія ко мнѣ, вопреки наконецъ всѣмъ обѣщаніямъ своимъ, поступить со мною такимъ образомъ! Тутъ кроется какое-нибудь недоразумѣніе, снова какая-нибудь канцелярская ошибка или канцелярская недобросовѣстность.

Если мнѣ назначается по 25 к. премія, то почему же въ этомъ году долженъ я буду получить по $12^1/_2$ к.?

Вѣдь я не съ 1-го іюля опредѣляюсь къ этой должности. Я издавалъ «Вѣдомости» не только за весь этотъ годъ, но и въ продолженіе трехъ предшествовавшихъ лѣтъ. За всѣ труды мои и лишенія, понесенныя въ это время, у меня отнимаютъ право пользоваться тѣмъ, что всѣми властями признано за справедливое вознагражденіе, или даютъ мнѣ это

вознагражденіе съ такимъ ограниченіемъ, что оно теряетъ всякое значеніе, и у меня не поднимается рука принять его. Посудите, Александръ Васильевичъ, не имѣлъ-ли я полнаго права ожидать, что мнѣ въ концѣ года выдадутъ полную сумму по числу подписчиковъ этого года,—и вдругъ мнѣ говорятъ, что я получу только половину этой суммы!—Дай Богъ, чтобы въ министерской бумагѣ съ этимъ неяснымъ мѣстомъ соединялось другое значеніе. Можетъ быть, министерство хотѣло сказать, что съ 1-го іюля должна прекратиться выдача мнѣ жалованья. Я бы не сталъ протестовать даже и тогда, если-бъ у меня вычли жалованье, уже переданное мнѣ за этотъ годъ, хотя бы это было и не совсѣмъ великодушно. Но едва ли здѣсь рѣшатся объяснить это мѣсто такимъ образомъ. Ради Бога, Александръ Васильевичъ, прочтите сами эту бумагу, и вы увидите, справедливы-ли мои опасенія. Въ другомъ пунктѣ сказано, чтобы выдача слѣдующаго мнѣ вознагражденія производилась по третямъ: это еще новая загадка. Вѣдь вознагражденіе это не есть опредѣленная сумма, оно съ каждымъ годомъ можетъ измѣняться и окончательно слагается въ концѣ года. Не есть-ли это неблагопріятный для меня комментарій къ 1-му пункту? Не естественнѣе-ли бы было взять въ основаніи ту часть всей слѣдующей мнѣ въ годъ суммы, которая опредѣляется въ январѣ мѣсяцѣ каждаго года, и эту часть, если не хотятъ выдать мнѣ единовременно, разлагать на мѣсяцы или хоть на трети съ тѣмъ, чтобы въ концѣ года произведенъ былъ окончательный разсчетъ, и мнѣ доплачено было по числу подписчиковъ, которые прибавились послѣ января.

Неужели это вознагражденіе показалось кому-нибудь такимъ огромнымъ, что нашли нужнымъ подвергнуть его такимъ ограниченіямъ, которыя могутъ вынудить меня вовсе отъ него отказаться? Я особенно цѣнилъ это вознагражденіе по отношенію къ настоящему году. Богъ знаетъ, соглашусь-ли я въ будущемъ году продолжать изданіе «Вѣдомостей», или будетъ-ли угодно попечителю, чтобъ я продолжалъ его на новомъ основаніи: вѣдь въ бумагѣ сказано, что мѣра эта утверждается министромъ не для постояннаго исполненія, а требуетъ, чтобъ попечитель ежегодно входилъ къ нему съ особымъ представленіемъ. Я уже знаю, что такое эти представленія: во всякомъ случаѣ я постоянно буду находиться sous le coup. Я сказалъ, что можетъ быть самъ не соглашусь продолжать редакцію: если-бъ вы знали, въ какомъ состояніи находится хозяйственная часть по изданію «Вѣдомостей»! Къ министру посылаютъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ экземпляровъ,—и если бы вы знали въ какомъ видѣ получаютъ свои экземпляры другіе подписчики (если получаютъ). Часто на цѣломъ листѣ нельзя прочесть ни одного слова. Теперь въ цѣлой типографіи нѣтъ порядочной краски, и должны побираться по мелочамъ въ другихъ типографіяхъ. А между тѣмъ нареканіе публики

падаетъ на меня, какъ на редактора. Какъ объяснить, что я тутъ невиненъ ни душою ни тѣломъ? Да и каково бы ни было содержаніе, что въ немъ толку, если оно печатается такъ, что нельзя читать; какъ бы хороша ни была газета, что въ ней толку для подписчиковъ, если они получаютъ ее не своевременно, въ страшномъ безпорядкѣ, или вовсе не получаютъ по цѣлымъ нумерамъ. Ко мнѣ приходятъ съ каждою почтою жалобы на небрежность (редакціи. какъ пишутъ ко мнѣ) въ доставкѣ газеты, осыпаютъ меня упреками, даже бранью. Когда-нибудь при личномъ свиданіи, я покажу вамъ образчики этихъ любезностей. Я увѣренъ, что въ будущемъ году число подписчиковъ значительно уменьшится, хотя бы внутреннее достоинство газеты вдвое возвысилось. Можетъ быть нынѣшній годъ и далъ бы мнѣ единственное вознагражденіе за четырехлѣтніе труды, ничѣмъ для меня неокупившіеся.

Наконецъ, сумма для платы за статьи неразрывно связана съ вознагражденіемъ, слѣдующимъ лично мнѣ. Въ министерской бумагѣ этотъ вопросъ отсроченъ. Возникло сомнѣніе, изъ какихъ суммъ производить выдачу этой суммы, изъ текущихъ-ли типографскихъ суммъ, или изъ экономическихъ университетскихъ? Но не все ли это равно? Стоитъ-ли заводить рѣчь объ этомъ и отлагать рѣшеніе дѣла, которое не терпитъ отлагательствъ. Редакція вся въ долгу. Еще многимъ не уплочено за статьи, помѣщенныя въ прошедшемъ году. Мнѣ только говорятъ, старайтесь издавать вашу газету какъ можно интереснѣе и лучше,—а не позаботятся о средствахъ. Я нахожусь теперь въ самомъ непріятномъ положеніи. Отъ меня требуютъ уплаты, а у меня нѣтъ ни копѣйки: ничтожной суммы, ассигнованной на эту цѣль, не хватило бы на вдвое меньшее по объему изданіе. Я банкрутъ въ чужомъ предпріятіи.

Но довольно. Я записался. Повторяю мою просьбу: узнайте, Александръ Васильевичъ, въ какомъ смыслѣ надобно понимать послѣднюю министерскую бумагу обо мнѣ, и ради Бога напишите мнѣ. Если смыслъ ея благопріятный, то умоляю васъ упросить министра или директора департамента выслать, не дожидаясь запроса, другую пояснительную бумагу. Если же—неблагопріятный, то я рѣшительно и формально отказываюсь, отправляюсь обратно въ Петербургъ и буду просить объ увольненіи меня. Я рѣшусь лучше подвергнуться послѣдней крайности, чѣмъ допустить, чтобъ мною играли, давали, отнимали и дразнили какъ ребенка.

Простите меня за непріятное впечатлѣніе, которое должно произвести на васъ это письмо. Я такъ разстроенъ во всѣхъ отношеніяхъ, что не могу сдерживать своего слова.

Во всякомъ случаѣ къ вамъ сохраняю я чувство почтенія и искренней пріязни, въ которой, смѣю надѣяться, не откажете и вы мнѣ.

Всею душою преданный вамъ М Катковъ.

7.

5-го іюня 1854 г. Москва.

Не успѣли вы получить одно мое письмо, какъ вотъ ужь и другое. Попечитель нашъ все еще въ отсутствіи; но я сегодня имѣлъ случай еще разъ прочесть министерскую бумагу, о которой писалъ вамъ въ предыдущемъ моемъ письмѣ. Я теряюсь въ изумленіи и въ самыхъ непріятныхъ чувствованіяхъ.

Бумага написана такъ, какъ будто министръ ничего прежде не зналъ о дѣлѣ и впервые познакомился съ нимъ только изъ представленія попечителя. Затрудняясь разрѣшить выдачу прибавочныхъ денегъ для редакціи изъ экономическихъ суммъ университета, министръ приглашаетъ попечителя войти къ нему съ полнымъ поэтому представленіемъ и объяснить, зачѣмъ требуется такая прибавка на пріобрѣтеніе новыхъ статей. Скажите, ради Бога, что все это значитъ? Сонъ что-ли былъ мое пребываніе въ Петербургѣ, мои свиданія съ министромъ, мои докладныя записки и письмо къ попечителю? Развѣ попечитель сдѣлалъ свое представленіе не на основаніи письма къ нему отъ самого министра? Не самъ-ли министръ требовалъ, чтобы попечитель представилъ объ этой прибавкѣ, не самъ-ли онъ назначилъ цифру 3.000 р. с.? Развѣ не сказано было въ докладной моей запискѣ (принятой и одобренной министромъ), что издавать «Московскихъ Вѣдомостей» по тому плану, по какому онѣ издаются мною до сихъ поръ, не возможно при пособіи 6.000 р. ассигн., и что для этой цѣли попечитель, желая улучшить изданіе, разрѣшилъ въ продолженіе трехъ лѣтъ выдавать мнѣ въ каждую треть прибавочныхъ денегъ по 300 р. с.? Развѣ неизвѣстно, какія статьи входятъ въ составъ «Московскихъ Вѣдомостей»? Если считать круглымъ счетомъ по 2 р. за столбецъ, то на одинъ литературный отдѣлъ потребовалось бы около 4.000 р., а я прошу только 3.000 р. (Министерскимъ предписаніемъ, которымъ ассигнована была сумма 6.000 р. асс. на эту цѣль, постановлено платить по 5 р. сер. за столбецъ оригинальной статьи и 3 р. за столбецъ переводной; я же плачу не болѣе 3 р. за столбецъ оригинальной и 1 р. (и) менѣе рубля за столбецъ переводной статьи). Къ чему же всѣ объясненія, когда министръ самъ призналъ справедливымъ это требованіе? Зачѣмъ же онъ отправилъ меня обратно въ Москву, сказавъ: «Поѣзжайте, будьте покойны; попечитель не откажется сдѣлать представленіе (которое нужно только для формы), узнавъ мое рѣшительное желаніе, а между нами дѣло ужь рѣшено».—Все это возмущаетъ меня до глубины души.

Если министръ находитъ лучшимъ и справедливѣйшимъ отнести эту прибавочную сумму на текущія типографскія суммы (какъ будто это не

все равно!), такъ зачѣмъ же онъ не предписалъ этого теперь же? А если онъ не хотѣлъ поступить вопреки представленію попечителя, если опасался обидѣть его этимъ, такъ зачѣмъ же не согласился съ нимъ? Что это такое?!

Еще нѣсколько словъ о вознагражденіи лично мнѣ. Только въ такомъ случаѣ можно было бы ограничить уплату слѣдующаго мнѣ за сей годъ вознагражденія разсчетомъ съ 1-го іюля, если бы я ужь получилъ вознагражденіе за прошедшее полугодіе по старому положенію. Но я этого вознагражденія еще не получалъ. Проценты съ чистаго дохода типографіи будутъ выданы за этотъ годъ не прежде какъ въ концѣ будущаго 1855 года, и самая сумма, какая пришлась бы мнѣ по разсчету, не можетъ быть опредѣлена теперь.

Что же касается до жалованья, которое я получалъ, то я получалъ не редакторское жалованье (потому что числился на службѣ не редакторомъ, никогда не былъ переименованъ изъ адъюнктовъ въ редакторы, и получилъ чинъ не въ качествѣ редактора, а въ качествѣ адъюнкта: дѣло, которое въ случаѣ оппозиціи со стороны департамента, перенесу въ комитетъ министровъ и на Высочайшее имя), а адъюнктское не 400 р. с., а 700 р. с. [1]). Стало быть это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть препятствіемъ къ полученію полнаго слѣдующаго мнѣ вознагражденія за сей годъ. А послѣ, когда я переименуюсь изъ адъюнктовъ въ министерскіе чиновники, выдача адъюнктскаго жалованья мнѣ должна прекратиться. Но вознагражденіе за редакцію не было мною получено по старому положенію, и должно слѣдовательно быть получено по новому.

Если вы еще сохранили ваше доброе расположеніе ко мнѣ, добрый Александръ Васильевичъ, то сдѣлайте милость, представьте все это на видъ министру.

Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены, что болѣе я не буду безпокоить васъ моими письмами по этому несчастному дѣлу: это мое послѣднее слово о немъ.

Съ чувствами истиннаго почтенія, остаюсь всей душой преданный вамъ М. Катковъ.

8.

11-го іюля 1854 г. Москва.

Къ намъ только-что пріѣхалъ Н. М. Благовѣщенскій. Онъ остановился у меня на дачѣ, и отъ него я узналъ, что вы также сбираетесь

---

[1]) Пусть вычтутъ изъ моего вознагражденія переданное мнѣ за полугодіе адъюнктское жалованье (350 р. с.).

въ Москву. Онъ очень обрадовалъ меня этимъ извѣстіемъ, и я спѣшу выразить вамъ это и умоляю васъ пріѣхать прямо ко мнѣ. Я живу въ Петровскомъ паркѣ, въ Монастырской дачѣ, близъ Зыкова. Это было бы для меня большою радостью, и какъ я, такъ и жена моя приняли бы всѣ мѣры, чтобы вамъ было у насъ и покойно, и удобно. Оставьте хоть на нѣсколько дней вашъ Петербургъ, зараженный холерой, и пріѣзжайте къ намъ подышать чистымъ воздухомъ. Близко отъ меня живутъ Леонтьевъ, Кудрявцевъ, Соловьевъ. Вашъ пріѣздъ обрадовалъ бы всѣхъ.

Николай Михайловичъ (Благовѣщенскій) сказывалъ мнѣ, что вы приняли живое участіе въ моемъ дѣлѣ. Въ вашемъ участіи я нисколько не сомнѣвался. Но не знаю, уладится ли благополучно мое дѣло. Попечитель, въ первое мое свиданіе съ нимъ, принялъ-было мою сторону и совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ для объясненія съ министромъ; но на другой день, повидавшись съ Похвисневымъ, сталъ находить, что министерство иначе и не могло поступить, что я долженъ довольствоваться половинною суммою.

Касательно суммы для редакіи («Московскихъ Вѣдомостей»), онъ хочетъ сдѣлать вторичное представленіе, но не въ такомъ видѣ, какъ первое. Онъ намѣренъ просить, чтобъ министръ разрѣшилъ ему, попечителю, выдавать редакціи по его усмотрѣнію, отъ времени до времени, до 1.000 р. сер. прибавочныхъ денегъ. Это очень мало улучшитъ положеніе редакціи или, лучше сказать, отъ этого положеніе редакціи нимало не измѣнится. Если министръ дѣйствительно желаетъ добра редакціи и не перемѣнитъ своего взгляда на дѣло, то на второе представленіе попечителя онъ можетъ отвѣтить, что, убѣдившись приводимыми попечителемъ доказательствами о необходимости увеличить средства редакціи, онъ разрѣшаетъ, согласно первому его представленію, выдачу полной суммы 3.000 руб. по третямъ. Я отдалъ попечителю записку, въ которой изложилъ всѣ причины, вынуждающія просить такого увеличенія средствъ редакціи; онъ хотѣлъ воспользоваться этою запискою для вторичнаго своего представленія. Во всякомъ случаѣ считаю не лишнимъ переслать вамъ экземпляръ этой записки; изъ ней вы увидите точное положеніе дѣла. Нельзя ли представить ее прямо министру?

Но будетъ объ этомъ. Вновь прошу и убѣждаю васъ пріѣхать къ намъ погостить.

Всею душею вамъ преданный М. Катковъ.

P. S. Николай Михайловичъ Благовѣщенскій проситъ меня передать вамъ его привѣтствіе.

9.

30-го августа 1854 г.

Я увѣренъ, что вы не сѣтуете на мое молчаніе, глубокоуважаемый, дорогой мой Александръ Васильевичъ. У меня было все это время по уши разныхъ хлопотъ, и я все отлагалъ со-дня-на-день удовольствіе побесѣдовать съ вами. По вашемъ отъѣздѣ долго наша дача казалась намъ пустой, и мы безпрестанно вспоминали о васъ и о милomъ Николаѣ Михайловичѣ. Мы такъ привыкли къ вамъ, что какъ-будто Богъ знаетъ сколько времени провели вмѣстѣ. Всѣ ваши новые знакомые искренно полюбили васъ. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Васильевичъ, вы для меня истинный феноменъ. При вашемъ практическомъ тактѣ, при вашей опытности, при долговременной борьбѣ съ дѣйствительностью сохранить въ такой свѣжести общіе интересы, столько душевной теплоты и юности—это у насъ большая рѣдкость, и вотъ что особенно привлекаетъ всякаго къ вамъ. Немудрено сохранить всѣ эти качества, живя преимущественно въ самомъ себѣ и въ тѣсномъ кругу людей единомысленныхъ, но великое дѣло сохранить ихъ въ борьбѣ и всякаго рода испытаніяхъ, сжимающихъ человѣка и невольно доводящихъ его до совершеннаго эгоизма. Я дорого цѣню вашу пріязнь ко мнѣ и съ живѣйшею отрадою читалъ выраженіе ея въ вашемъ письмѣ. Вы стали у насъ какъ бы своимъ человѣкомъ, и жена моя поручаетъ мнѣ повторить вамъ эти слова тоже и отъ ея имени.

Вслѣдствіе тѣхъ же хлопотъ я не писалъ и къ министру. Думалъ все отправиться въ Петербургъ, да и теперь считаю это почти необходимымъ. Дѣло о суммѣ для редакціи не только еще не кончено, но кажется и не подвинулось нисколько впередъ. Еще въ бытность вашу въ Москвѣ, попечитель сказывалъ мнѣ, что уже сдѣлалъ по этому предмету представленіе; но изъ письма вашего оказывается, что представленія этого и доселѣ еще нѣтъ, да и самъ попечитель признался мнѣ теперь, что будто писалъ объ этомъ лишь частнымъ образомъ къ министру. Мнѣ кажется, что все это лишь однѣ басни, и вторичная поѣздка въ Петербургъ необходима. Можетъ быть при личномъ объясненіи съ министромъ удастся какъ-нибудь поднять снова вопросъ о непріятномъ сокращеніи, которому подверглось назначенное мнѣ въ этомъ году вознагражденіе.

Но вотъ еще дѣло, очень важное для нашего университета. Кончился срокъ службы профессора химіи Геймана; онъ долженъ выходить въ отставку и мѣсто его должно быть занято другимъ. Выборъ попечителя согласно съ общимъ мнѣніемъ и съ строжайшею справедливостью падаетъ на Лясковскаго, ученаго, въ высшей степени даровитаго, ученика Либиха, служащаго теперь ученымъ аптекаремъ при нашемъ универ-

ситетѣ и читающаго органическую химію. Но онъ, какъ это бываетъ часто, соединяетъ съ отличными достоинствами застѣнчивость и скромность. Къ тому же противъ него готовится много козней и засадъ, выдвинутся всевозможные крючки и закорючки. Болѣе всего можетъ быть ему опасно то обстоятельство, что онъ докторъ медицины, а не физико-математическихъ наукъ, потому что каѳедра химіи считается по послѣднему факультету.

Дай Богъ, чтобъ министерство не споткнулось объ эту формальность и не лишило Московскаго университета преподавателя, который бы принадлежалъ къ лучшимъ его украшеніямъ. Попечитель посылаетъ его въ Петербургъ, и онъ непремѣнно будетъ у васъ. Всѣ мы увѣрены, что вы не откажетесь пособить ему, и своими совѣтами, и содѣйствіемъ. Онъ могъ бы быть назначенъ исправляющимъ должность на эту каѳедру впредь до полученія ученой степени по физико-математическому факультету.

Мы все еще на дачѣ, и сжались въ одну комнату, гдѣ есть печь. Въ моей квартирѣ все еще идутъ работы, которыя, благодаря распорядительности мѣстныхъ начальствъ, начались тогда, когда вездѣ подобныя работы кончаются. Не думаю, чтобъ я могъ переселиться въ Москву ранѣе послѣднихъ чиселъ сентября, а сильно боюсь простудиться, особенно за жену и ребенка. Жена моя усердно кланяется вамъ и благодаритъ васъ отъ всей души за память. Прошу васъ передать какъ ея, такъ и мое привѣтствіе Казимірѣ Казиміровнѣ. Итакъ, можетъ быть, до скораго свиданія.

Вашъ всею душою М. Катковъ.

P. S. Всѣ наши шлютъ вамъ искреннія и сердечныя привѣтствія.

10.

26-го октября 1854 г., Москва.

Пишу вамъ нѣсколько строчекъ, глубоко уважаемый мною Александръ Васильевичъ, по случаю отъѣзда въ Петербургъ одного изъ близкихъ моихъ пріятелей, который имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вами у меня. Это Александръ Николаевичъ Костылевъ. Я увѣренъ, что вы такъ же полюбите его, какъ и всѣ мы. Онъ принялъ на себя обязанность воспитателя въ домѣ Карамзиныхъ (Демидова) и поэтому поселится въ Петербургѣ. Между прочимъ онъ передастъ вамъ кое-что и о моихъ дѣлахъ; будьте такъ добры, скажите ему ваше мнѣніе объ нихъ, а онъ уже сообщитъ мнѣ его. Здоровы-ли вы, веселы-ли? Какъ бы

асамъ желалъ, вмѣсто этого письма, быть у васъ и побесѣдовать съ вами. Я всегда выносилъ отъ васъ чувство душевной свѣжести и бодрости. Если мнѣ не придется вскорѣ побывать въ Питерѣ, то я все надѣюсь, что вы будете у насъ къ юбилею [1]), и тогда, позволите мнѣ надѣяться, что вы остановитесь у насъ. Вы будете у меня самымъ дорогимъ гостемъ. Вы мнѣ обѣщали это; не забудьте же своего обѣщанія.

Въ нашей литературѣ что-то мало просвѣта. Цензура, кажется, все болѣе и болѣе хмурится. Отъ насъ уѣхали къ вамъ, для объясненія, двое изъ нашихъ цензоровъ. Господи, когда все это кончится! Но, да будетъ Божья воля!

Прощайте, дорогой мой Александръ Васильевичъ. Передайте мои искреннія привѣтствія вашей супругѣ, которой, ровно какъ и вамъ, поручаетъ мнѣ моя жена передать и ея привѣтствіе. Вашъ всею душою.

P. S. Меня таки порядочно обсчитываютъ при уплатѣ слѣдуемаго мнѣ вознагражденія.

11.

30-го ноября 1854 г..

Пишу къ вамъ, драгоцѣнный Александръ Васильевичъ, наскоро, а именно вотъ по какому дѣлу: сегодня отправился въ Питеръ М. П. Погодинъ. Я намекалъ ему на возможность получить по министерству народнаго просвѣщенія то назначеніе, о которомъ, помните, мы съ вами толковали. Онъ, повидимому, былъ радъ этой мысли, но объявилъ, что самъ искать мѣста не будетъ. Онъ будетъ у васъ, но, вѣроятно, самъ не заговоритъ о директорствѣ; такъ заведите съ нимъ сами объ этомъ рѣчь. Такое назначеніе, если бы оно когда-нибудь состоялось, было бы дѣломъ отличнымъ.

Писать больше некогда, но я вскорѣ буду писать къ вамъ подробнѣе, по журналу, для котораго я ожидаю отъ васъ полнаго содѣйствія.

Обнимаю васъ отъ всего сердца. Весь вашъ М. Катковъ.

---

[1]) Московскаго университета.

12.

1854 г.

Надѣюсь доставить вамъ, дорогой мой Александръ Васильевичъ, большое удовольствіе знакомствомъ съ Николаемъ Эрастовичемъ Лясковскимъ. Онъ отправляется въ Петербургъ по своему дѣлу, о которомъ я уже писалъ вамъ. Весь совѣтъ единогласно рѣшилъ ходатайствовать объ утвержденіи его профессоромъ химіи; попечитель тоже за него,— остается только, чтобы представленіе о немъ принято было благосклонно въ министерствѣ. Николай Эрастовичъ принадлежитъ у насъ къ числу немногихъ лицъ, обладающихъ огромными талантами и безъ раздѣла посвятившихъ ихъ наукѣ. Повторяю, что онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній нашего университета, и, что́ не всегда бываетъ, общественное мнѣніе относительно его совершенно совпало съ мнѣніемъ о немъ начальства. Тѣмъ не менѣе, какъ слышно, многіе интриганы хотятъ повредить ему въ Петербургѣ, и въ томъ числѣ бывшій профессоръ по этой каѳедрѣ, Гейманъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, желая удержать за собою еще на нѣкоторое время каѳедру и зная, что университетъ никого другого не можетъ избрать ему въ преемники, кромѣ Н. Э. Лясковскаго, старался всячески вредить ему въ министерствѣ. Мы получили изъ Петербурга письмо изъ достовѣрнѣйшаго источника, которымъ извѣщается, что Гейманъ старался представить его, какъ человѣка съ ненадежнымъ образомъ мыслей, и что будто онъ успѣлъ этимъ подѣйствовать кое-на-кого въ министерствѣ. Я такъ увѣренъ въ вашемъ благородномъ сочувствіи всему истинному и доброму, и полезному, что не считаю даже нужнымъ просить васъ объ оказаніи вашего содѣйствія Николаю Эрастовичу: вы окажете это содѣйствіе вполнѣ и безъ моей просьбы, когда съ нимъ познакомитесь и когда узнаете, въ чемъ дѣло. Главное: поговорите съ министромъ и Гаевскимъ.

Все думаю ѣхать къ вамъ. Попечитель, какъ видно изъ всего, обманулъ меня, не дѣлаетъ представленія объ увеличеніи средствъ редакціи. Это ужасно досадно и возмущаетъ меня до глубины души. Остановка произошла отъ того, что надобно представить о прибавкѣ изъ текущихъ типографскихъ суммъ, а не изъ экономической, какъ онъ представлялъ прежде, желая тѣмъ сберечь 50 р. для своего брата. Я буду просить министра, чтобъ онъ или разрѣшилъ продолжить выдачу прибавочныхъ денегъ изъ экономической суммы, или потребовалъ настоятельно, чтобы сдѣлано было представленіе по его предписанію. Видите ли, что мнѣ ѣхать почти неизбѣжно, хотя и очень не хочется подниматься.

Прощайте, глубокоуважаемый мною, Александръ Васильевичъ, мо-

жетъ быть, до скораго свиданія. Жена моя поручаетъ передать вамъ свое привѣтствіе.

Всею душою преданный вамъ М. Катковъ.

P. S. Письмо это должно было бы быть передано вамъ самимъ Лясковскимъ, но, къ сожалѣнію, онъ простудился и не можетъ отправиться такъ скоро, какъ предполагалъ, и потому, чтобъ письмо это не залежалось, я рѣшаюсь отправить его къ вамъ по почтѣ, въ надеждѣ, что Лясковскій, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, можетъ явиться къ вамъ, какъ знакомый.

13.

1854 г.

Здѣсь придираются ко всему, чтобъ уменьшить выгоды новыхъ условій, назначаемыхъ мнѣ по редакціи. Возникъ, какъ кажется, вопросъ: слѣдуетъ-ли мнѣ выдать за полугодовыхъ подписчиковъ также по 25 копѣекъ? Если министерство не откажется выслать новую пояснительную бумагу, то весьма было бы для меня... [1]), еслибъ и объ этомъ пунктѣ было сказано яснѣе. Я имѣю право на одинаковое вознагражденіе какъ съ годовыхъ, такъ и полугодовыхъ подписчиковъ: университету полугодовые подписчики еще выгоднѣе, потому что полугодовые относительно платятъ болѣе, нежели годовые подписчики, а расходовъ на нихъ менѣе.

Въ будущемъ году хотятъ уже поднять цѣну на «Вѣдомости»: такимъ образомъ, въ четыре года, какъ я издаю ихъ, три раза возвышается цѣна на нихъ: отъ 7 на 8, отъ 8 на 9 и наконецъ отъ 9 на 10. Число подписчиковъ отъ этого доселѣ не только не убавлялось, но съ каждымъ годомъ увеличивалось тысячами: не есть-ли это доказательство успѣха редакціи, и неужели изъ трехъ надбавленныхъ рублей нельзя пожертвовать одного четвертака въ пользу редакціи?

Еще два слова:

Сейчасъ только узналъ я, что теперь въ министерствѣ находится дѣло Лясковскаго о назначеніи его въ исправленіе должности экстраординарнаго профессора. Почти весь нашъ факультетъ проситъ васъ оказать ему содѣйствіе. Онъ вполнѣ заслуживаетъ этого повышенія и находится въ совершенной крайности.

Сообщ. **С. А. Никитенко.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Пропущено слово въ оригиналѣ.

Воспоминаніе о 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ.

(17-го февраля 1896 г.).

Отрадно вспомнить, гдѣ мы жили,
Гдѣ нашу юность провели,
Гдѣ насъ учили и журили
И умъ къ познаніямъ вели.
Быть можетъ въ той же колыбели,
Гдѣ юныхъ дней прошла пора,
Святыя чувства въ насъ созрѣли,
Въ стремленьяхъ чести и добра?
Быть можетъ въ храмѣ и понынѣ,
Гдѣ видны павшихъ имена,
Хранятся такъ же, какъ святыни,
Столѣтній стягъ и письмена?
И видны въ храмѣ тѣ же сѣни,
Лампады тѣ-жъ у алтаря,
Гдѣ мы склонялись на колѣни,
Молитву теплую творя.
И въ тѣхъ теплицахъ, гдѣ мы спали,
Гдѣ мы учились и росли,
Таланты пышно разцвѣтали,
Блестящій цвѣтъ родной земли..
Быть можетъ тамъ, гдѣ мы гуляли,
Гдѣ мы зубрили буквари,
Свои тамъ силы развивали
Родной страны богатыри!
Простите мнѣ. Въ часы досуга,
Желая сердцемъ отдохнуть,
Спѣшу я въ Корпусъ, какъ на друга,
Какъ на купель свою взглянуть...

Ал. Ив. Савельевъ.
(выпуска 1834 г.).

КЪ ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

(Указы, письма, замѣтки и воспоминанія).

Состояніе Греціи въ началѣ 1826 года.—Неудовольствіе императора по поводу сожженія крестьянской деревни.—А. С. Шишковъ и А. В. Казадаевъ.—Всеподданнѣйшее письмо Н. С. Мордвинова о состояніи Россіи 26-го апрѣля 1830 г.—Заботы императора Николая о приведеніи православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ въ приличное состояніе.—Положеніе православнаго духовенства въ литовскихъ губерніяхъ въ 1834 г.—Письмо Л. В. Дубельта къ Н. А. Полевому 25-го января 1836 г.—Приказъ генералъ-адъютанта графа Перовскаго по Уральскому войску въ 1837 году.—Л. В. Дубельтъ о своемъ происхожденіи.—Москва—грѣховодница.—Военный генералъ-губернаторъ Шульгинъ и Н. И. Гречъ.—Высочайшее повелѣніе 1853 года о назначеніяхъ на должности.

I.

Состояніе Греціи въ началѣ 1826 года.

Выписка изъ греческаго письма Георгія Туртури изъ Занта къ медику Михаилу Исавриду въ Москву.

30-го января, 1826 г.

Въ Пелопонесѣ господствуетъ прежнее злонравіе народа и прежняя неблагонамѣренность правительства, наипаче съ тѣхъ поръ, когда египетскій паша со всѣми силами своими проникъ въ Этолію. Тогда народъ предался совершенному бездѣйствію и безначалію: никто не хотѣлъ принимать оружія. Правительство намѣрено созвать обще-народный совѣтъ, мѣстомъ котораго сперва назначенъ былъ Аргосъ, но по причинѣ несогласія на то со стороны грековъ твердой земли, положено

ному собраться въ Мегарѣ. Цѣлію онаго объявлено возстановленіе народныхъ дѣлъ; но тайнымъ намѣреніемъ есть стараніе правительства и предсѣдателя Маврокордато отдѣлить отъ важныхъ должностей всѣхъ тѣхъ, кои противятся ихъ замысламъ и коихъ имена не подписаны въ прошеніи въ англійскому правительству о покровительствѣ. Стратфортъ-Каннингъ пріѣзжалъ изъ Корфу сюда, а отсюда въ Идру. Правительство посылало туда для переговоровъ съ нимъ Маврокордато, Трикуписа изъ Мисолонги и Зографа изъ Калавріи. Сказываютъ, что Стратфортъ сдѣлалъ имъ слѣдующее объявленіе: «Я отправляюсь въ Константинополь съ повелѣніемъ предложить султану свое посредничество къ прекращенію кровопролитія между вами и турками; съ вашей же стороны желаю, чтобы вы письменно объявили мнѣ свои требованія, которыя впрочемъ не были бы чрезмѣрны и не заключали въ себѣ совершеннаго отверженія власти султана надъ Греціею, и тому подобнаго». Греческіе депутаты отвѣтствовали на сіе: «Мы требуемъ совершенной независимости во всѣхъ тѣхъ областяхъ и мѣстахъ, которыя сражались и сражаются за оную; не принимаемъ ничьей власти, тѣмъ менѣе султанской; въ противномъ же случаѣ всѣ греки рѣшились умереть».

Сей отвѣтъ по наружности вѣроятенъ; но въ самомъ дѣлѣ всѣ пелопонесскіе начальники и предсѣдатель ихъ Маврокордато домогаются получить такое же правленіе, какое имѣютъ Валахія и Молдавія. По кончинѣ блаженной памяти великаго императора Александра и до прибытія Каннинга въ Константинополь, султанъ отправилъ въ турецкій лагерь при Мисолонгѣ двоихъ знатныхъ чиновниковъ, которые давно уже пріѣхали въ Арту. По увѣренію многихъ албанцевъ, симъ чиновникамъ поручено вступить въ переговоры съ греками, чтобы дать имъ князя, какъ въ Молдавіи и Валахіи. Изъ Корфу же пишутъ, что султанъ поручилъ имъ предложить грекамъ выгодныя условія съ тѣмъ только, чтобъ они остались въ его подданствѣ и уклонились отъ посредничества Англіи. Военачальники твердой земли и олимпійцы весьма удачно сражаются съ турками. Впрочемъ, народъ нашъ пришелъ въ крайнее бѣдствіе. Недостатокъ въ деньгахъ есть гибельнѣйшая язва наша. Нѣтъ средствъ для снабженія потребностями какъ флота, такъ и сухопутнаго войска. Восточная и западная Греція, также большая и плодоноснѣйшая часть Пелопонеса совершенно опустѣли отъ безпрестанныхъ непріятельскихъ нападеній. При настоящемъ состояніи мы не можемъ выдержать войны болѣе четырехъ мѣсяцевъ, по крайней же мѣрѣ до лѣта, и ежели Богу не угодно будетъ, чтобъ Россія объявила войну Турціи, то наша гибель неизбѣжна. Дай Боже, чтобъ англичане ссудили насъ условленною суммою денегъ, или бы чрезъ посредство свое у султана успѣли достигнуть, чтобъ народъ нашъ въ тѣхъ странахъ не истребился совершенно. Грецію существовать будетъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ Мисолонга,

съ паденіемъ же сей крѣпости рушится все. Сюда прибыли изъ оной нѣкоторые военачальники, которыхъ я столько ободрилъ внушенными имъ надеждами, что они кажутся непобѣдимыми львами и таковую же неустрашимость надѣются поселить въ своихъ сподвижникахъ.

II.

Неудовольствіе императора по поводу сожженія крестьянской деревни.

1.

Отношеніе начальника главнаго штаба Дибича начальнику штаба военныхъ поселеній генералъ-адъютанту Клейнмихелю.

21-го ноября 1826 г., № 152.

Находящійся по высочайшему повелѣнію для ревизованія Новгородской губерніи сенаторъ Барановъ почелъ необходимымъ присутствіе свое для приведенія въ усмиреніе бунтующихъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьянъ, и, принявъ на себя распоряженіе симъ дѣломъ, доноситъ государю императору, что онъ поручилъ генералъ-маіору Шкурину деревню Березну, состоящую изъ 12-ти дворовъ, выжечь до основанія; что генералъ-маіоръ Шкуринъ просилъ его, сенатора Баранова, въ отмщеніе чести 5-го егерскаго баталіона дозволить сему привести сіе распоряженіе въ исполненіе, за дерзостное нападеніе на оный крестьянъ сей деревни. Его императорское величество съ удивленіемъ и негодованіемъ изволилъ усмотрѣть таковой постыдный вызовъ генералъ-маіора Шкурина, весьма ложно имъ относимой къ чести воинской—скорѣе къ позору. Когда россійскій солдатъ, вступая побѣдителемъ въ непріятельскую землю, умѣлъ исполнить священную волю своего государя и, съ свойственнымъ народу русскому великодушіемъ, забыть нанесенныя ему и отечеству раны, искавъ только щадить побѣжденнаго, то кольми паче неумѣстно возбуждать въ немъ чувство мщенія противу своихъ же русскихъ, заблуждающихся въ понятіи о исполненіи обязанностей своихъ.

Его величество повелѣваетъ вашему превосходительству отправиться на мѣсто сего происшествія, изслѣдовать сіе обстоятельство и потребовать отъ генералъ-маіора Шкурина объясненіе, какимъ образомъ могло ему придти на мысль сдѣлать сенатору Баранову таковое предложеніе. Не слѣдовало ему вмѣшиваться въ распоряженіе, и должно бы отклонить таковое предложеніе сенатора, если бы оное и было ему сдѣлано, а онъ, напротивъ, первый вызвался.

2.

Письмо И. И. Дибича—Дмитрію Осиповичу Баранову.

21-го ноября 1826 г., № 153.

Государь императоръ читалъ съ удивленіемъ и прискорбіемъ донесеніе вашего превосходительства отъ 15-го ноября о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ вами для приведенія въ повиновеніе бунтующихъ крестьянъ помѣщика Мельницкаго.

Мѣры, принятыя вами при семъ случаѣ противу жителей деревни Березны, далеко не согласны съ высочайшими намѣреніями, не сообразны съ чувствами сердца его величества и мало соотвѣтственны цѣли возложеннаго на васъ порученія. Когда ваше превосходительство вызвались и приняли на себя водворить порядокъ между непокорствующими крестьянами въ Новгородской губерніи, то государь императоръ, оставаясь довольнымъ таковымъ усердіемъ вашимъ, ожидалъ отъ зрѣлой опытности и благоразумія вашего, что вы, сохраняя достоинство званія сенатора, обратитесь прежде всего къ мѣрамъ увѣщевательнымъ, стараясь озарить разсудокъ заблудшихъ, и вашими внушеніями вразумите имъ ихъ обязанности; но къ крайнему сожалѣнію и неудовольствію его величества ожиданіе сіе совершенно не оправдалось; ибо избранное вами средство къ водворенію порядка, ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ допускаемо и терпимо быть не должно.

При семъ его величество еще въ особенности замѣтить изволилъ, что понятіе ваше о воинской чести, въ отмщеніе коей вы предоставили баталіону 5-го егерскаго полка, по непростительному вызову генералъ-маіора Шкурина, право выжечь до основанія деревню Березну—вовсе превратно. Честь и достоинство россійскаго воина, вѣками побѣдъ пріобрѣтенныя, состоятъ не въ мщеніи, но въ великодушномъ щаженіи даже побѣжденныхъ враговъ его, и что чувство сіе есть отличительнѣйшая и благороднѣйшая черта возвышеннаго его характера, тому служатъ доказательствомъ безсмертные подвиги россійскихъ войскъ при точномъ исполненіи воли великодушнаго монарха, оплакиваемаго Россіею и цѣлою Европою. Его величеству пріятно мыслить, что и въ семъ случаѣ баталіонъ сей уступилъ скорѣе строгому воинскому повиновенію, нежели внутреннему побужденію мести.

Государь императоръ ограничивается симъ объявленіемъ крайняго своего неудовольствія за неумѣстныя ваши распоряженія, не оглашая онаго предъ лицомъ всего государства единственно изъ уваженія къ носимому вами званію и къ усердной службѣ вашей.

3.

Письмо И. И. Дибича—Дмитрію Осиповичу Баранову.

2-го декабря 1826 г., № 160.

Я имѣлъ счастіе доводить до высочайшаго свѣдѣнія содержаніе письма вашего ко мнѣ отъ 26-го ноября.

Государь императоръ, принявъ съ свойственнымъ его величеству снисхожденіемъ объясненіе причинъ, побудившихъ васъ къ столь крутому поступленію съ деревнею Березною, изволилъ поручить мнѣ объявить вашему превосходительству, что государь императоръ въ усердіи вашемъ и въ чистотѣ намѣреній вашихъ не изволитъ сомнѣваться, но тѣмъ еще менѣе извинить можетъ употребленныя вами средства къ достиженію порядка.

Его величество, ожидая отъ усердія вашего превосходительства скораго и совершеннаго прекращенія буйства и безпорядковъ между непокорствующими крестьянами законными мѣрами, изволитъ возлагать на отвѣтственность вашу, по совѣщанію съ помѣщицею деревни Березны и мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, избрать способы къ безотлагательному возстановленію сожженной деревни на другомъ мѣстѣ, если помѣщица того пожелаетъ, и къ водворенію крестьянъ, возвратившихся къ своимъ обязанностямъ.

4.

Письмо И. И. Дибича—Дмитрію Осиповичу Баранову.

17-го декабря 1826 г., № 168.

Я имѣлъ счастіе докладывать государю императору содержаніе отношенія ко мнѣ вашего превосходительства отъ 13-го сего декабря, о желаніи помѣщицы Мавриной, чтобы крестьянъ, достающейся ей по наслѣдству деревни Березны, сожженной за неповиновеніе, по отдаленности и неприступности мѣстоположенія, занимаемаго тою деревнею, поселить въ другихъ ея селеніяхъ.

Его императорское величество повелѣваетъ вашему превосходительству наблюсти за водвореніемъ упомянутыхъ крестьянъ, но съ тѣмъ, чтобы они не были расположены у прочихъ крестьянъ постоемъ, а чтобы для нихъ выстроены были особые дома, по мѣрѣ возможности.

III.

Собственноручное письмо А. С. Шишкова—А. В. Казадаеву.

Октября 30-го дня 1828 года.

Милостивый государь! Я прочиталъ присланную отъ васъ ко мнѣ сочиненія вашего книгу, подъ названіемъ: «Историческое похвальное слово Димитрію Донскому» [1]), и какъ любитель языка своего и отечества, не по новому, а по старому, почитаю за долгъ принесть вамъ совершенную благодарность. Скажу чистосердечно, что чтеніе вашей книги принесло мнѣ такое удовольствіе, какого давно уже я не чувствовалъ. Она заставляла иногда меня забывать болѣзни мои, которыми я страдаю. Димитрій и Россія описаны въ ней прекрасно и величественно, такимъ языкомъ и слогомъ, какой нынѣ исчезаетъ и становится рѣдокъ, но который, надѣюсь, нѣкогда паки возстанетъ. Мишура хотя и можетъ иногда ложнымъ блескомъ своимъ затмить золото, но не надолго: золото сохранитъ всегда свою цѣну. Я увидѣлъ въ книгѣ вашей того Димитрія великимъ и славнымъ, котораго въ трагедіи, названной именемъ его [2]), находимъ малымъ и слабымъ, а Михаила низкимъ и подлымъ. Гдѣ нѣтъ возвышенности чувствъ, тамъ нѣтъ и пріятности, не восхищается душа, не плѣняется разумъ. Я люблю читать слѣдующія мѣста: «О, возвышеннѣйшая добродѣтель—любовь къ отечеству! цвѣтутъ тѣ страны, гдѣ ты обитаешь; блаженствуютъ народы, напояющіе свои души тобою; превознесенны цари, тобою плѣненные. Гдѣ ты, тамъ дышатъ: спокойствіе, благоденствіе, тишина; гдѣ ты, тамъ гремятъ побѣды, сіяетъ слава. Изящнѣйшая любовь къ отечеству! никогда не оставляй Россіи, питай сердца сыновъ ея своею сладостію, укрѣпляй ихъ во дни бѣдствій, смиряй во счастіи». Такъ думаете вы, такъ мыслили предки наши; но ахъ! времена перемѣнчивы. Хотите ли вы знать, какъ разсуждаютъ объ этомъ нынѣ? Раскройте книгу, называемую «Очевидность божественнаго происхожденія христіанской религіи» [3]), напечатанную здѣсь въ городѣ, въ прошедшемъ году. Вы, между прочимъ подобнымъ же, найдете въ ней слѣдующее: «Самая любовь къ отечеству, сія знаменитая добродѣтель, столь обо-

---

[1]) Слово это написано Александромъ Васильевичемъ Казадаевымъ († 1854 г.) и напечатано въ „Отечественныхъ запискахъ“ 1827 г. ч. 29—31. Въ томъ же году „слово“ напечатано отдѣльною брошюрою съ посвященіемъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Ред.

[2]) В. А. Озерова.

[3]) Сочин. Женнингса, переводъ И. Владиславлева. Спб. 1827 г. Ред.

жаемая древними и превозносимая въ наши времена въ томъ же языческомъ понятіи, сохранявшая столь долго свободу Греціи и возвысившая Римъ на степень повелителя вселенной, сія добродѣтель, говорю, при всей своей знаменитости, должна однакожъ быть изъята изъ числа христіанскихъ добродѣтелей. Она не только не достигаетъ того неограниченнаго благорасположенія, христіанскою религіею предназначеннаго, но даже часто бываетъ совершенно тому противна: христіанинъ собственно не принадлежитъ никакой землѣ; онъ есть гражданинъ всемірный!» Вотъ какъ нынѣ пишутъ, разсуждаютъ и выдаютъ подобныя книги подъ благочестивыми названіями божественной религіи! Кто жъ, начитавшійся ихъ и сдѣлавшійся всемірнымъ гражданиномъ, повѣритъ тому, что вы о любви къ отечеству говорите? Онъ сочтетъ васъ не христіаниномъ и станетъ надъ вами насмѣхаться. Признаюсь, можетъ быть, я не довольно по нынѣшнему просвѣщенъ или отъ старости брежу, но мнѣ кажется, что разсѣваніе подобныхъ книгъ (а ихъ очень не мало), въ которыхъ именемъ христіанской вѣры не велятъ любить отечества, гораздо хуже и опаснѣе, нежели Мамаевы нашествія. Отъ внѣшнихъ враговъ можно оборониться или, по крайней мѣрѣ, они разорятъ, да уйдутъ и дадутъ поправиться; но развратъ нравовъ есть внутренній и самый лютѣйшій врагъ, нападающій вмѣстѣ и на здѣшнюю, и на будущую жизнь. Виноватъ, я заболтался, утрудилъ васъ длиннымъ моимъ письмомъ. Книга ваша тому причиною: она подала мнѣ поводъ къ симъ размышленіямъ. Одно я нахожу въ ней худо: жаль, что нѣкоторыхъ листовъ не достаетъ, а иные такъ перебиты, что останавливаютъ чтеніе. Не худо бы было ее перепечатать—она весьма этого стоитъ. Съ искреннимъ и всегдашнимъ моимъ къ вамъ почитаніемъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга.

IV.

Всеподд. письмо адмирала Николая Мордвинова о состояніи Россіи.

26-го апрѣля 1830 г

Всемилостивѣйшій государь!

Вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть, дабы я изложилъ мысли мои и виды, какъ вывести Россію изъ страдательнаго ея положенія. Посему благоизволяющему вашего величества ко мнѣ вниманію, я долженъ со всею откровенностію исполнить священную для меня высокомонаршую волю и сказать то, что въ другомъ случаѣ могло бы почтено быть дерзновеніемъ.

Съ перваго года царствованія блаженныя памяти государя императора Александра I до самыя кончины его и при царствованіи вашего императорскаго величества я рачительно излагалъ по управленію финансами мысли мои, основанныя на тѣхъ истинныхъ началахъ, кои могъ я познать въ продолженіе 60 лѣтъ прилежнаго и всегда постояннаго моего изученія науки финансовой. По тому рвенію, какое я употреблялъ, она должна была созрѣть и твердо укорениться въ понятіи моемъ тѣмъ болѣе, что неизмѣнныя истины ея прилагалъ я всегда къ состоянію и ходу дѣлъ въ Россіи. Не теорію въ мнѣніяхъ моихъ я излагалъ, но описывалъ настоящую болѣзнь, причины оной и способы излеченія. Но то были совѣты, и совѣты сіи, сколько бы благополезными ни являлись, всегда будутъ тщетными, когда нѣтъ для нихъ исполнителя свѣдущаго и ревностнаго. При всѣхъ соревнованіяхъ и различныхъ видахъ, всѣ мои предложенія остались недѣйствительными. Я испытывалъ гоненія и былъ удаляемъ. Но никакая скорбь моя и никакія непріязненныя встрѣчи не могли погасить вѣрности и непоколебимой любви моей къ августѣйшимъ монархамъ моимъ, и я продолжалъ писать. Во многочислін моихъ бумагъ, въ продолженіе 30 лѣтъ подаваемыхъ, я истощилъ уже все мое знаніе. Теперь остается мнѣ заключить ихъ единою мыслію, но существенно полезнѣйшею, единою, могущею водворить въ Россіи спокойствіе и доставить всеобщее благоденствіе, съ удовлетвореніемъ и для отеческаго вашего величества сердца, пламенѣющаго желаніемъ видѣть Богомъ дарованный вамъ народъ пользующійся въ полной мѣрѣ богатыми дарами, природою изобильно для него уготованными.

Я осмѣлюсь изложить сію мысль мою двумя простонародными пословицами, ибо въ нихъ заключается великая и благотворная истина.

Первая: «не купи село—купи приказчика».

Вторая: «ложка дегтю въ бочкѣ меду—всю сладость испортитъ».

Всевышній творецъ одарилъ Россію необыкновеннымъ богатствомъ и по пространному лицу ея, и въ нѣдрахъ ея, и въ небесахъ распростертыхъ надъ оною, готовыхъ упождать. Но нѣтъ ока видящаго, объемлющаго сіе изобиліе даровъ, могущаго съ успѣхомъ прикоснуться къ онымъ и силою ума и радѣнія обратить ихъ на пользу.

Но и сего для счастливой судьбы вашего императорскаго величества не недостаетъ. Вы, всеавгустѣйшій монархъ, имѣете человѣка, одареннаго высокими познаніями, теплаго сердцемъ, дѣятельнаго, опытомъ извѣданнаго, каковыхъ вѣки токмо производятъ. Извѣстно, что въ три прошедшіе вѣка считаютъ трехъ только великихъ правителей: Сюллія, Кольберта и Питта. Между рожденіемъ каждаго изъ нихъ протекли столѣтія.

Сравните, всемилостивѣйшій государь, царство ваше Польское съ Россіею. Первое, въ малое число лѣтъ изъ изнеможеннаго скуднаго въ доходахъ состоянія, стяжало во всемъ изобиліе, частное довольство, а госу-

дарственное казначейство значительный избытокъ. Россія же при естественномъ ея великомъ богатствѣ, за всѣми обольщеніями о процвѣтаніи оной, страждетъ въ частныхъ и государственныхъ доходахъ. Тщетно будетъ дарованное природою богатство, тщетны будутъ совѣты, доколѣ не будетъ правителя, способнаго онымъ распоряжать и обращать на всеобщую пользу.

Симъ откровеннымъ изложеніемъ чувствъ и мысли моей, чѣмъ болитъ сердце россійскаго народа, тѣмъ, конечно, болитъ и сердце вашего величества—я исполняю высочайшую вашу волю, когда удостоили снисходящимъ ко мнѣ обращеніемъ, ознаменовывающимъ величіе души вашей.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повергаю себя къ монаршимъ стопамъ, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрный подданный Николай Мордвиновъ.

V.

Заботы императора Николая I о приведеніи православныхъ церквей въ Западныхъ губерніяхъ въ приличное состояніе.

Указъ Подольскому и Волынскому временному военному губернатору.

31-го декабря 1831 г.

Разстроенное состояніе, въ коемъ находится большая часть грекороссійскихъ церквей въ Западныхъ губерніяхъ, обратило особенное мое вниманіе. Признавая оное не соотвѣтствующимъ никакому приличію, тогда, какъ главное населеніе нѣкоторыхъ изъ губерній сихъ принадлежитъ къ господствующей вѣрѣ, и какъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ существуютъ огромные храмы римско-католическіе и развалины нашихъ церквей, я предположилъ принять рѣшительныя мѣры къ приведенію сихъ послѣднихъ въ приличное благолѣпіе.

Вслѣдствіе сего я повелѣлъ министру финансовъ нынѣ же приступить къ сооруженію въ имѣніяхъ казенныхъ каменныхъ церквей Грекороссійскаго исповѣданія, на иждивеніи государственнаго казначейства, но дабы цѣль и справедливыя ожиданія мои достигнуты въ полной мѣрѣ быть могли, то я поручаю вамъ:

Во 1-хъ, пригласить отъ имени моего всѣхъ русскихъ помѣщиковъ, во ввѣренныхъ вамъ губерніяхъ, православную вѣру нашу исповѣдующихъ, послѣдовать моему примѣру.

Во 2-хъ, когда таковое приглашеніе будетъ сдѣлано и воспріиметъ

начало, тогда впослѣдствіи обратиться съ таковымъ и къ владѣльцамъ иныхъ исповѣданій.

Я не сомнѣваюсь, что всѣ благомыслящіе помѣщики будутъ содѣйствовать мнѣ въ семъ предначинаніи и стараться будутъ въ имѣніяхъ ихъ, гдѣ есть крестьяне грекороссійской вѣры, созидать новыя каменныя церкви и исправлять пришедшія въ ветхость старыя. О томъ же, кому сдѣлано будетъ отъ васъ приглашеніе и какія получите вы свѣдѣнія о распоряженіяхъ со стороны помѣщиковъ къ исполненію, вы не оставите доносить мнѣ по временамъ чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

VI.

Положеніе православнаго духовенства въ Литовскихъ губерніяхъ.

Выписка изъ письма къ полковнику Л. В. Дубельту.

1834 г. [1])

Во всей Литвѣ, и въ особенности въ Волынской губерніи притѣсненія православному духовенству и презрѣніе папистовъ къ грекороссіянамъ вышло изъ предѣловъ. Я не говорю о томъ, что римскій епископъ получаетъ отъ 120 тысячъ до 150 тысячъ рублей годоваго дохода, а нашъ 1.000 рублей жалованья, да столовыхъ, на экипажъ и проч. всего до 4.000 рублей не болѣе; не хлопочу объ уравненіи ксендзъ(овъ), изъ коихъ послѣдній имѣетъ до 8.000 рублей ежегодно, а русскіе священники отъ 500 рублей до 250 рублей. Но вотъ чему пора поставить конецъ: многіе и премногіе римскіе попы имѣютъ у себя крѣпостныхъ православнаго исповѣданія крестьянъ и поступаютъ съ ними, какъ инквизиторы съ еретиками.

Многіе въ обществахъ и бесѣдахъ стыдятся сказывать, что они грекороссійскаго исповѣданія, а называютъ себя папистами или уніатами!!

Сотни жалобъ входили на сіе варварство къ правительству. Что же? министръ внутреннихъ дѣлъ предписывалъ, предписываетъ и будетъ предписывать, чтобы гражданскіе губернаторы оберегали русскихъ овечекъ; но статочное ли это дѣло? губернаторы предписываютъ исправникамъ, а исправники засѣдателямъ, секретари и весь земскій судъ во

---

[1]) Выписка эта была представлена императору Николаю I генералъ-адъютантомъ графомъ Бенкендорфомъ 15-го іюля 1834 года. На верху листа государь собственноручно написалъ: „Эти обстоятельства извѣстны, но сему одно время помочь можетъ; чему и принимаются мѣры“.

всѣхъ литовскихъ городахъ составленъ изъ людей римскаго исповѣданія, и я готовъ идти въ Сибирь, если сіи указы исполняются. Вѣрно, хоть царю подавай!

VII.

Письмо Л. В. Дубельта къ Н. А. Полевому.

25-го января 1836 г.

Намѣреніе ваше принесть въ даръ Россіи исторію Великаго Петра я имѣлъ счастіе доводить до высочайшаго свѣдѣнія государя императора, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всеподданнѣйше повергалъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества доставленный ко мнѣ отъ васъ планъ сего изданія.

Его величество съ благоволеніемъ удостоилъ принять ваше намѣреніе; но не могъ вполнѣ изъявить монаршаго соизволенія на всѣ ваши предположенія, по той причинѣ, что начертаніе исторіи Петра поручено уже извѣстному литератору нашему А. С. Пушкину, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлены и всѣ необходимыя средства къ совершенію сего многотруднаго подвига.

Впрочемъ государю императору было бы пріятно, если бы вы употребили способности и ваши свѣдѣнія на предпріятіе, драгоцѣнное для сердца каждаго русскаго. Но при семъ случаѣ его величество изволитъ однакоже полагать, что путешествіе въ чужіе краи, въ мѣста, освященныя присутствіемъ Великаго Петра, не принесетъ ожидаемой вами пользы; ибо память объ исполинскихъ дѣяніяхъ незабвеннаго преобразователя Россіи, столь священная для русскихъ, конечно въ чужихъ земляхъ не могла сохраниться ни въ письменахъ, ни въ преданіяхъ изустныхъ, которыя если и существовали тамъ нѣкогда, то временемъ и переходомъ отъ одного поколѣнія къ другому естественно утратили первобытную живость впечатлѣній или и совершенно изгладились изъ памяти чужеземцевъ; если же гдѣ и сохранились, то конечно уже не въ той чистотѣ, не въ томъ блескѣ и величіи, въ какомъ должны быть переданы потомству знаменитыя дѣянія величайшаго изъ монарховъ!

По высочайшему повелѣнію всѣ государственные архивы открыты для г. Пушкина; и потому государь императоръ равномѣрно изволитъ находить неудобнымъ, чтобы два лица, посвятившія труды свои одному и тому же предмету, почерпали необходимыя для себя свѣдѣнія изъ одного и того же источника.

Передавая вамъ таковыя мысли его величества, не скрою отъ васъ, милостивый государь, что и по моему мнѣнію, посѣщеніе архивовъ не можетъ заключать въ себѣ особенной для васъ важности, ибо ближайшее разсмотрѣніе многихъ вашихъ твореній убѣждаетъ меня въ томъ, что, обладая въ такой степени умомъ просвѣщеннымъ и познаніями глубокими, вы не можете имѣть необходимой надобности прибѣгать къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ.

Впрочемъ, если бы при исполненіи вашего намѣренія, представилась вамъ надобность имѣть то или другое свѣдѣніе, отдѣльно,—то въ такомъ случаѣ я покорнѣйше васъ прошу относиться ко мнѣ и быть увѣреннымъ, что вы всегда найдете меня готовымъ вамъ содѣйствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ, я совершенно увѣренъ, что и государь императоръ, всегда покровительствующій благимъ начинаніямъ, изъявитъ согласіе на доставленіе вамъ тѣхъ свѣдѣній, какія вы признаете для себя необходимыми.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть, и проч.

VIII.

Приказъ генералъ-адъютанта Перовскаго по Уральскому войску[1].

4-го іюля 1837 г., г. Оренбургъ.

Съ той поры, какъ государю императору благоугодно было ввѣрить управленію моему край Оренбургскій, въ теченіе четырехъ лѣтъ я не упускалъ я ни одного случая ходатайствовать на добро и пользу Уральскаго казачьяго войска: я уважалъ молодечество и расторопность казаковъ, съ удовольствіемъ видѣлъ благое стремленіе молодыхъ войсковыхъ чиновниковъ къ образованію и просвѣщенію, и не разъ просилъ у высшаго правительства снисхожденія къ закоренѣлымъ предразсудкамъ, упорству и строптивости стариковъ, въ увѣренности на признательность ихъ, на здравомысліе и благоразуміе, которое привыкъ предполагать въ каждой головѣ почтенной наружности.

Когда государь наслѣдникъ и атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ приблизился на путешествіи своемъ къ войсковымъ предѣламъ, я осмѣлился просить его высочество оказать Уральскому войску посѣщеніемъ своимъ особое, милостивое благоволеніе, дабы ознакомиться съ промыслами и бытомъ казаковъ и порадоваться благосостоянію уголка Имперіи. —

---

[1]) Написанъ В. И. Даленъ.

впервые, со времени самаго существованія войска этого, явился нынѣ благодатный посѣтитель царской крови.

Но войско уральское, среди этого всерадостнаго для каждаго вѣрноподданнаго событія, доказало на дѣлѣ, что оно не умѣетъ вполнѣ цѣнить своего благоденствія, ни высокаго вниманія и милости царственнаго посѣтителя, ни ходатайства моего. Государь наслѣдникъ, оставляя, можетъ быть, навсегда край Оренбургскій, едва успѣлъ вымолвить милостивое, привѣтливое прощальное слово, едва успѣлъ высказать снисходительное спасибо—какъ буйная шайка казаковъ осмѣлилась, шумливою толпою, остановить среди города вожделѣннаго посѣтителя, подать никѣмъ не подписанные ябедническіе извѣты на мѣстное начальство свое и умолять притворными слезами—сама не зная о чемъ! Такъ, въ постыдномъ, безъименномъ, подметномъ письмѣ этомъ, не заключается ни одного благовиднаго и малѣйше-вѣроподобнаго предлога къ подачѣ просьбы; за нелѣпымъ извѣтомъ на наказнаго атамана и лично на меня, въ лихоимствѣ, въ пользованіи войсковыми рыбными ловлями, слѣдуютъ однѣ только безтолковые и сбивчивыя, вздорныя жалобы, въ общихъ выраженіяхъ, явно внушенныя частною личностію и происками извѣстныхъ партій; и наконецъ, даже жалобы на высочайшія государя императора постановленія и учрежденія.

Дерзкій и злоумышленный поступокъ этотъ свидѣтельствуетъ въ высшей степени неблагодарность и безчестіе просителей. Войско уральское пользуется такимъ всеобщимъ благосостояніемъ, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ казачьихъ войскъ; частный достатокъ и войсковые доходы обезпечиваются изобиліемъ промысловъ; правительство, особенно въ послѣдніе годы, предпочтительно обращало отеческое вниманіе свое на уральцевъ, а наказной атаманъ, посвятивъ себя совершенно на общее благо войска, въ продолженіе шестилѣтняго управленія своего, постоянно и неутомимо боролся съ трудностями на каждомъ шагу, перенося съ терпѣніемъ козни неблагонамѣренныхъ, вразумляя блуждающихъ и легкомысленныхъ и стремясь съ примѣрнымъ усердіемъ къ оправданію довѣренности государя императора.

Хотя подача просьбы этой принадлежитъ собственно закоснѣлому въ изувѣрствѣ и безсмысленно-строптивомъ духѣ скопищу, но навлекаетъ поруганіе на все войско: благомыслящему большинству цѣлаго сословія предстояла обязанность удержать неблагоразумныхъ просителей, а, въ случаѣ упорства, выдать ихъ головою; но къ общему стыду и поношенію, старики, пользующіеся въ войскѣ незаслуженнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, были первою причиною безпорядка, къ которому не призадумались присоединиться старые казаки, едва только милостію государя возвращенные изъ многолѣтней ссылки, за подобное, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ совершенное, преступленіе.

*

Я въ то же время донесъ господину военному министру, для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія о происшествіи этомъ, присовокупивъ, что не медля отправляюсь лично въ Уральскъ, для примѣрнаго наказанія виновныхъ.

Вина просителей состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Шайка буйной вольницы остановила дорожную коляску его высочества при выѣздѣ изъ города, и, называя себя повѣренными людьми отъ войска, подала государю наслѣднику просьбу, въ которой говоритъ «по данной намъ довѣренности отъ общества», тогда какъ довѣренности этой ни отъ кого не получала.

2) Просьба содержитъ жалобы на высочайшія учрежденія и постановленія въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ, и между прочимъ, домогательство о смѣнѣ наказнаго атамана, высочайше утвержденнаго въ званіи этомъ, какъ осмѣлились выразиться просители, вопреки старинныхъ войсковыхъ правъ и преимуществъ.

3) Содержитъ ложные извѣты и ябедническіе, нелѣпные доносы на военнаго губернатора, наказнаго атамана и войсковое начальство.

4) Просьба никѣмъ не подписана, а слѣдовательно есть не что иное, какъ подметное письмо, не терпимое законами.

5) Буйные и шумные возгласы толпы, въ присутствіи и послѣ отбытія государя цесаревича, сами по себѣ составляютъ уже преступленіе.

Корень и побудительная причина этого поступка заключаются явно въ происках стариковъ, которые всемѣрно противятся полезнымъ и необходимымъ нововведеніямъ, и въ пронырливости нѣкоторыхъ отставныхъ и устраненныхъ чиновниковъ; они-то собственно стараются распространять въ народѣ ложные толки, ропотъ и неудовольствіе, изъ личной ненависти къ новымъ и лучшимъ учрежденіямъ.

Но безпорядки подобнаго рода не могутъ быть терпимы; я приглашаю всѣхъ благомыслящихъ казаковъ, и въ особенности чиновниковъ, способствовать мнѣ всемѣрно при нынѣшнемъ розыскѣ моемъ и обличеніи преступниковъ: всякое упорство и взаимное укрывательство можетъ только увеличить число виновныхъ, но не спасетъ ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Государю дорогъ воинъ преданный и вѣрный; но что пользы въ безсмысленной толпѣ, которая дерзко кичится мнимыми правами и преимуществами, и при первомъ удобномъ случаѣ готова соблазниться безумными возгласами неблагонамѣреннаго глашатая? Буйною, строптивою шайкою должно жертвовать для общаго блага и спокойствія, а правые и благомыслящіе обязаны отдѣлиться словами и поступками отъ виновныхъ и преступныхъ. Права и преимущества даются каждому сословію, и измѣняются по волѣ государя императора, и всякое высочайшее постановленіе имѣетъ цѣлью одно только благоденствіе подданныхъ.

Итакъ, если бы въ дѣлѣ этомъ открылся духъ общности и единомыслія, то большое число виновныхъ могло бы только увеличить важность преступленія: полкъ, который дозволилъ бы себѣ забыться, въ общемъ составѣ, и оказать ослушаніе, былъ бы волею государя императора немедленно уничтоженъ, упраздненъ и разосланъ во всѣ концы; и здѣсь одного слова его императорскаго величества будетъ достаточно для совершеннаго уничтоженія и самаго даже имени уральскаго войска и выселенія въ другія мѣста всѣхъ казаковъ, если бы они оказались недостойными милости и снисхожденія. Найдутся другіе, болѣе преданные, вѣрные и добросовѣстные люди, которые займутъ богатыя рыбными промыслами низовья Урала и будутъ благодарными, честными и полезными подданными царя своего. Еще разъ приглашаю всѣхъ благомыслящихъ устраниться отъ неблагонамѣренныхъ, отказаться рѣшительно отъ всякаго съ ними соучастія и тѣмъ самымъ дать мнѣ средство отличить праваго отъ виноватаго.

IX.

Докладная записка Л. В. Дубельта князю А. Ѳ. Орлову.

14-го мая 1846 года.

Въ журналѣ «Le corsaire Satan,» 3-го мая напечатана статья, что отецъ мой былъ еврей и докторъ; что я былъ замѣшанъ въ происшествіи 14-го декабря 1825 года, что въ 3-мъ отдѣленіи я сдѣлалъ незначительное упущеніе по части цензуры, но не вѣдомо какъ, за эту, мною сдѣланную, ошибку, увольненъ отъ службы Мордвиновъ; что моя справедливость падаетъ всегда на ту сторону, гдѣ больше денегъ; что я даю двумъ сыновьямъ по 30 тысячъ рублей содержанія, а молодой артисткѣ 50 тысячъ.—И всѣ это изъ получаемаго мною жалованія 30 тысячъ рублей въ годъ.

Я хочу завести процессъ издателю (съ издателемъ) этого журнала и доказать ему, что отецъ мой былъ не жидъ, а русскій дворянинъ и гусарскій ротмистръ; что въ происшествіи 14-го декабря я не былъ замѣшанъ, а напротивъ считалъ и считаю такихъ рыцарей сумасшедшими, и былъ бы не здѣсь, а тамъ гдѣ должно бы быть г-ну издателю; что цензурную ошибку сдѣлалъ не я, а Мордвиновъ; что у насъ въ канцеляріи всегда защищались и защищаются только люди неимущіе, съ которыхъ, если бы и хотѣлъ, то нечего взять; что сыновьямъ даю я не по

30, а по 3 тысячи рублей, и то не изъ жалованія а изъ наслѣдственныхъ 1.200 душъ и. т. д.

Какъ ваше сіятельство мнѣ посовѣтуете?

Въ городѣ все благополучно только третьяго дня былъ небольшой пожаръ въ коммерческомъ училищѣ—сгорѣли на дворѣ два деревянныя строенія. Л. Дубельтъ.

P. S. Сейчасъ были похороны князя Любецкаго и Кокошкина. [1])

X.

Москва—грѣховодница.

На Сырной недѣли 1851 года въ Москвѣ несмѣтное множество экипажей и пѣшихъ съ букетами, вѣнками и разными драгоцѣнными коврами, неистово стремятся къ театральной площади.

Прохожій говоритъ:

Куда народъ нашъ православный
Стремится съ радостью такой?
Не торжество ль побѣды славной
Россіи, матушки святой?
Куда несутъ дары златые,
Алмазы, яхонты, цвѣты,
И жемчугъ, и парчи драгіе
Весь причетъ міра-суеты?
Зачѣмъ народъ нашъ провославный
На Сырной вдругъ затѣялъ пиръ?
Аль прибылъ къ намъ, нашъ Царь державный?
Нашъ европейскій богатырь?
Скажи, мнѣ старичекъ почтенный,
Скажи пожалуй наконецъ,
Ужъ не въ Москвѣ-ли нашъ безцѣнный,
Нашъ ненаглядный Царь-Отецъ?

Старикъ.

Эхъ, батюшка, вѣдь молвить стыдно,
(Старикъ невольно отвѣчалъ).

---

[1]) На поляхъ записки написано рукою князя А. Ѳ. Орлова: „я государю императору показывалъ, и онъ изволилъ сказать, чтобъ не обращать вниманія на эти подлости. Презирать надлежитъ, какъ онъ самъ презираетъ."

Бѣгутъ зачѣмъ, ей, ей обидно,
Народъ дурить ужъ очень сталъ.
Какой тутъ Царь!—а лишь приманкой
Въ кіатеръ сатана завлекъ,
Прельстить насъ хочетъ басурманкой,
Что ноги мечетъ въ потолокъ.

Прохожій.

Такъ вотъ причина восхищенья
Въ столицѣ-матушкѣ Руси!
Спаси насъ Богъ отъ посрамленья,
И паче отъ грѣховъ спаси.
Знать нѣтъ грѣхамъ твоимъ и счету—
О грѣховодница Москва!
Что ты бѣсовскому причету,
Готовишь нынѣ торжества

Сообщилъ А. М. Тургеневъ.

XI.

С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ Шульгинъ и Н. И. Гречъ.

Въ ноябрѣ 1851 года на станціи желѣзной дороги, внутри, у входа стояли, по обѣ стороны, два жандарма, обязанные слѣдить за порядкомъ и за тѣмъ, чтобы каждый входящій снималъ шляпу или шапку. Каждый отъѣзжающій долженъ былъ, у стола чиновника, внести установленную плату за проѣздъ, у другаго стола взвѣсить свой чемоданъ и разсчитываться, и во все это время шляпу или шапку держать въ рукахъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ и извѣстный писатель-публицистъ Николай Ивановичъ Гречъ, удивленный приказаніемъ не смѣть накрыть голову шляпой или шапкой, подошелъ къ Санктпетербургскому военному губернатору генералу-отъ-инфантеріи Димитрію Ивановичу Шульгину, бывшему въ это время въ залѣ станціи желѣзной дороги, и доложилъ ему, что онъ, путешествуя по Европѣ, имѣлъ случай проѣзжать почти по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, но нигдѣ столь стѣснительнаго распоряженія для отъѣзжающихъ не видалъ.

— Да вѣдь мы не въ Европѣ!—отвѣчалъ генералъ-губернаторъ.—По географическому положенію мы европейцы, это правда, но по отношеніямъ къ быту общества мы чистые азіаты!

Слово у генерала вырвалось наскоро, но истины сей опровергнуть невозможно.

Сообщилъ А. М. Тургеневъ.

XII.

Письмо А. С. Танѣева—графу В. Н. Панину о назначеніяхъ на должности.

12-го марта 1853 г.

Государь императоръ, усмотрѣвъ изъ всеподданнѣйшаго доклада вашего сіятельства, отъ 8-го числа сего марта, что состоящіе за оберъ-прокурорскими столами Правительствующаго Сената статскіе совѣтники Философовъ [1]) и Любомірскій [2]) допущены были собственнымъ вашимъ распоряженіемъ къ исправленію должностей оберъ-прокуроровъ Сената изволилъ найти сіе не соотвѣтствующимъ установленному въ назначеніи лицъ на высшія должности порядку.

Его императорское величество, утвердивъ, на сей только разъ, въ должности оберъ-прокуроровъ Сената статскихъ совѣтниковъ Философова и Любомірскаго, согласно ходатайству вашего сіятельства, высочайше повелѣть изволилъ сообщить вамъ, милостивый государь, чтобы по вѣдомству министерства юстиціи отнюдь не было отступаемо впредь отъ утвержденнаго образованіемъ инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства въ назначеніи на должности общаго порядка, а именно: чтобы не только опредѣленіе, но и самое допущеніе къ исправленію должности оберъ-прокуроровъ Сената, а также и должностей, въ видѣ испытанія, V и VI классовъ, совершалось во всѣхъ случаяхъ чрезъ посредство инспекторскаго департамента высочайшею властью, съ отдачею о томъ въ приказахъ; чтобы и самое исправленіе помянутыхъ должностей предоставляемо было, на точномъ основаніи закона, такимъ лишь лицамъ, которыя состоятъ въ соотвѣтствующихъ классамъ должностей чинахъ, и чтобы перемѣщеніе однихъ и тѣхъ же лицъ на одинаковыя по классамъ должности допускаемо было только въ видахъ особой для службы пользы и въ случаяхъ крайней необходимости.

Сообщилъ Г. И. Рѣпинскій.

---

[1]) Владиміръ Дмитріевичъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта.
[2]) Маркъ Николаевичъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта.

Андрей Андреевичъ Жерве.

(Біографическій очеркъ [1]).

По возвращеніи въ Петербургъ въ началѣ 1817 года А. А. Жерве 15-го марта получилъ на 12 лѣтъ въ аренду въ Перновскомъ и Эзельскомъ уѣздахъ Лифляндской губерніи, мызу Лайксаръ о двухъ съ долями гакахъ и мызу Менуетъ о десяти съ долями эзельскихъ гакахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ шли переговоры о новомъ служебномъ назначеніи Жерве. Сперва предполагалось сдѣлать его начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи министра финансовъ, но это почему-то не состоялось, и А. А. 24-го августа того же года былъ назначенъ въ коммисію погашенія долговъ.

Состояніе здоровья Жерве, несмотря на пользованіе у лучшихъ петербургскихъ врачей, приходило въ сильное разстройство и побудило его скоро оставить Петербургъ на долгое время. Онъ имѣлъ случай исходатайствовать себѣ 30-го апрѣля 1819 года увольненіе въ отпускъ за-границу до излеченія болѣзни съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія. Оставивъ старшихъ сыновей въ Петербургѣ, Жерве съ остальнымъ семействомъ уѣхалъ 3-го іюня того же года изъ Петербурга въ Гамбургъ, и послѣ пребыванія на нѣкоторыхъ минеральныхъ водахъ, онъ большую часть года, обыкновенно съ осени до половины весны, проживалъ въ Парижѣ. Тамъ, бывалъ часто у нашего посланника графа Поццо-ди-Борго, у герцога Ришелье (тогда перваго министра), графа Потоцкаго, графа Лаваля, адмирала Чичагова, Мордвинова, Растопчина, Нарышкина, графини Шуваловой и дугихъ.

Несмотря на физическіе недуги Жерве сохранилъ вполнѣ бодрость

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1897 г.

и свѣжесть ума и мысли, чему доказательствомъ можетъ служить рядъ бесѣдъ его съ извѣстнымъ политико-экономомъ Бланки, проживавшимъ въ то время въ Парижѣ. Результатомъ этихъ бесѣдъ и прочитанныхъ сочиненій явилась составленная Жерве записка о русскихъ бумажныхъ деньгахъ.

Пробывъ за-границею до начала 1828 года, Жерве въ первыхъ числахъ іюня того же года возвратился въ Петербургъ и, поступивъ попрежнему въ коммисію погашенія долговъ, представилъ графу Канкрину, бывшему въ то время министромъ финансовъ, свою записку о бумажныхъ деньгахъ.

Графъ Канкринъ спросилъ его, въ чемъ состоитъ основная мысль проекта. Жерве отвѣчалъ, что онъ имѣетъ цѣлью поднятіе нашихъ бумажныхъ денегъ.

— Значитъ,—отвѣтилъ Канкринъ,—вы желаете то же, что и графъ Гурьевъ.

Канкринъ обѣщалъ однако внимательно разсмотрѣть этотъ проектъ и въ самомъ непродолжительномъ времени сообщить свое мнѣніе.

На другой день Жерве отправился къ Сперанскому и просилъ его разъяснить смыслъ словъ Канкрина, будто бы онъ желаетъ то же самое, что̀ графъ Гурьевъ.

Сперанскій сообщилъ ему, что Гурьевъ, оставляя постъ министра финансовъ, подалъ также проектъ о поднятіи цѣнности бумажныхъ денегъ, разсмотрѣнный въ свое время комитетомъ и не получившій затѣмъ дальнѣйшаго движенія. При этомъ Сперанскій выразилъ мнѣніе, что по всей вѣроятности та же участь ожидаетъ и проектъ Жерве, такъ какъ самъ Канкринъ очень высокаго мнѣнія о своихъ финансовыхъ познаніяхъ и не допуститъ вмѣшательства кого-либо другого въ сферу финансовыхъ мѣръ нашего государства.

Слова Сперанскаго оправдались, и проектъ Жерве не получилъ никакого движенія, несмотря на замѣчательную настойчивость, съ которою онъ проводилъ его до конца своей жизни [1]).

Не получая долгое время никакого отвѣта отъ министра финансовъ о судьбѣ представленнаго имъ въ 1828 году проекта, Жерве 25-го марта 1830 года писалъ графу Канкрину:

«Въ октябрѣ 1828 года я имѣлъ честь поднести вашему сіятельству меморіалъ, имѣвшій предметомъ возстановленіе цѣнности государственныхъ ассигнацій.

«Начало, на коихъ основывается убѣжденіе мое о пользѣ сего возстановленія, всеконечно неоспоримо, ибо оно признано таковымъ всѣми

---

[1]) Мы не помѣщаемъ здѣсь проекта, такъ какъ онъ не осуществился и имѣетъ слишкомъ спеціальное значеніе.

отличнѣйшими писателями по части политической экономіи. При всемъ томъ смиренно признаюсь, что я тогда былъ въ совершенномъ заблужденіи насчетъ средствъ примѣненія сего начала къ денежной системѣ Россійской имперіи.

«Единое, что могу сказать себѣ въ извиненіе, состоитъ въ томъ, что я написалъ тотъ меморіалъ во время еще бытности моей въ чужихъ краяхъ, гдѣ невозможно мнѣ было собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ семъ отношеніи. Не менѣе сознаю себя истинно виновнымъ, что, не справясь напередъ достаточно, утруждалъ въ то время ваше сіятельство недозрѣлымъ моимъ начертаніемъ.

«Съ тѣхъ поръ, занимаясь безпрерывно тѣмъ же предметомъ и пользуясь пособіями, списанными на мѣстѣ, я сдѣлалъ другой опытъ [1]), который равномѣрно осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Судя по важности дѣла я ласкаю себя надеждою, что вы удостоите нѣкотораго вниманія сей новый плодъ моихъ занятій, изъ коего усмотрѣть изволите, что возстановленіе цѣнности бумажныхъ нашихъ денегъ въ достоинство серебра въ самомъ дѣлѣ приведено быть можетъ въ дѣйствіе самымъ удобнѣйшимъ образомъ.

«Предполагаемая мною операція не только что не потребуетъ никакихъ денежныхъ пожертвованій, но, напротивъ, доставитъ государственной казнѣ значущія (значительныя) выгоды, сверхъ всеобщаго благосостоянія, каторое было бы непремѣннымъ послѣдствіемъ той же операціи».

На это графъ Канкринъ, 3-го мая, отвѣчалъ Жерве:

«Письмо ваше отъ 25-го прошедшаго марта съ приложеніемъ записки съ объясненіями о возстановленіи достоинства нашихъ ассигнацій я получилъ въ свое время и читалъ означенныя бумаги со вниманіемъ. Я долженъ откровенно сказать вашему превосходительству, что по моему убѣжденію, а кажется и по тому образу мыслей, который нынѣ вкоренился въ Европѣ о бумажныхъ деньгахъ, послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ, выпускъ новыхъ ассигнацій на серебряную монету подлежитъ многимъ и весьма важнымъ вопросамъ. Я не могу войти здѣсь въ подробное объясненіе сего предмета, но присовокупляю, что въ первое время управленія моего министерствомъ финансовъ предположеніе выпуска подобныхъ ассигнацій было уже предметомъ особаго разсмотрѣнія правительства, но оставлено безъ послѣдствій».

До полученія этого письма Жерве, 27-го апрѣля 1830 г., представилъ вице-канцлеру графу Нессельроде копію съ своего проекта при слѣдующей запискѣ:

---

[1]) Означенный опытъ является лишь болѣе пространнымъ изложеніемъ перваго проекта, съ дополненіями и примѣчаніями.

«Всякій безпристрастный и сколько-нибудь знакомый съ основными началами политико-экономической науки человѣкъ признаетъ, что господствующая въ настоящее время въ Россіи дѣнежная система въ высшей степени неудовлетворительна и стоитъ въ полнѣйшемъ разладѣ со всѣми прочими элементами, составляющими господствующее могущество этого обширнаго государства. Только сила предразсудковъ или неразумная привязанность къ рутинѣ можетъ заставлять полагать, что большому государству безразлично, какимъ орудіемъ денежнаго обращенія оно обладаетъ, т. е. звонкою ли монетою, имѣющею дѣйствительную цѣнность, или только бумажною монетою, столь мало цѣнною, какъ существующая у насъ. Вліяніе, оказываемое бумажною монетою на общее благосостояніе страны, конечно до крайности пагубно, и ничто не можетъ этому пособить, какъ только исключительное мѣропріятіе, направленное къ возстановленію стоимости нашихъ ассигнацій, т. е. къ возстановленію полнаго равенства между рублемъ серебрянымъ и замѣняющимъ его рублемъ бумажнымъ.

«На первый взглядъ это можетъ показаться невозможнымъ, но въ нашемъ современномъ положеніи, однако, достигнуть этого чрезвычайно легко,—что съ полною очевидностью доказывается въ моемъ проектѣ. Приложенная при семъ записка, являясь какъ бы краткимъ выводомъ изъ всего проекта, указываетъ вполнѣ достаточно тѣ начала, на которыхъ основывается предлагаемое мною мѣропріятіе. Я умоляю ваше сіятельство обратить ваше вниманіе на эту записку и затѣмъ поступить по внушеніямъ вашей совѣсти. Вы, конечно, будете ощущать нѣкоторое нерасположеніе вмѣшиваться въ дѣло, не относящееся до предметовъ вашего вѣдомства и притомъ еще по просьбѣ лица, которое, какъ и всякое другое, можетъ заблуждаться. Поэтому, желая представить вамъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое обезпеченіе и увѣренность, я предложилъ бы вамъ предварительно посовѣтоваться о моемъ планѣ съ кѣмъ-либо способнымъ вполнѣ основательно обсудить оный, какъ напримѣръ, съ княземъ Любецкимъ, министромъ финансовъ польскаго королевства. Я не имѣю чести быть лично съ нимъ знакомымъ, но по всему, что я о немъ слышалъ отъ лицъ, имѣвшихъ случай его вполнѣ оцѣнить, я убѣдился, что трудно найти судью болѣе свѣдующаго въ данномъ дѣлѣ. Поэтому я заранѣе подчиняюсь во всемъ его сужденію (или всякаго другаго лица, равнаго съ нимъ достоинства, которому вы предпочтете передать мой проектъ на разсмотрѣніе). Если таковой будетъ отвергнутъ ими—всему дѣлу конецъ; я не буду болѣе говорить о немъ. Если же, напротивъ того, это лицо одобритъ мой проектъ и признаетъ его заслуживающимъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, тогда смѣю надѣяться, ваше сіятельство не ограничитесь этимъ первымъ шагомъ и, напротивъ того, воспользуетесь преимуществами, доставляемыми вашимъ обществен-

нымъ положеніемъ, чтобы воспрепятствовать моему проекту погибнуть въ безднѣ, т. е. отъ участи по всей вѣроятности ему предстоящей, доколѣ графъ Канкринъ будетъ министромъ финансовъ. Нисколько не желая оспаривать его достоинствъ, я имѣю право, однако, полагать, что этотъ министръ не является вполнѣ непогрѣшимымъ. Это подтверждается уже нѣкоторыми бывшими обстоятельствами, и если предметъ моего проекта по существу своему могъ бы быть предложенъ на публичное обсужденіе, то не подлежитъ сомнѣнію, что явилось бы новое доказательство того, что г. Канкринъ не всегда обладаетъ вѣрнымъ и правильнымъ взглядомъ. Онъ полагаетъ (и, повидимому, вполнѣ искренно), что мы должны почитать себя слишкомъ счастливыми, что установили прочнымъ образомъ стоимость банковыхъ билетовъ (ассигнацій), и приписываетъ себѣ одному всю славу этого успѣха. Но разсматривая это дѣло ближе, не трудно замѣтить, что онъ ошибается и въ томъ и въ другомъ, ибо, во-первыхъ, стоимость банковыхъ билетовъ будетъ всегда колебаться болѣе или менѣе, доколѣ она не будетъ разъ навсегда опредѣлена закономъ; а во-вторыхъ, если даже эта стоимость и будетъ дѣйствительно неизмѣнной, то этимъ мы будемъ обязаны единственно учрежденіямъ для поддержанія общественнаго кредита, которыя основаны гораздо ранѣе вступленія Канкрина въ министерство финансовъ. То же самое можно замѣтить и относительно легкости, съ которою были покрыты расходы послѣдней войны. Главные фонды были заготовлены давно графомъ Гурьевымъ, и если впослѣдствіи постепенно усиливающаяся разработка золотыхъ рудъ въ государствѣ значительно способствовала пополненію этихъ фондовъ, то не требовалось быть чародѣемъ, чтобы хорошо и съ выгодою воспользоваться столь выгодными благопріятными обстоятельствами.

«Высказываю вполнѣ откровенно подобное мое мнѣніе о графѣ Канкринѣ не потому, чтобы я лично былъ чѣмъ-либо недоволенъ графомъ, но единственно изъ любви къ правдѣ. Подобное же чувство побудило меня по возможности не упустить ничего изъ виду, чтобы проектъ мой былъ подвергнутъ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ лицъ, чуждыхъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и могущихъ произнести правильное о немъ сужденіе.

«Мнѣ кажется, что ваше сіятельство ничѣмъ не рискуете, приложивъ старанія къ вызову подобнаго разсмотрѣнія, потому что въ крайнемъ случаѣ, если такое разсмотрѣніе будетъ неблагопріятнымъ для моего плана, то не произойдетъ никакихъ измѣненій, и существующій порядокъ сохранится въ полной его неприкосновенности. Кромѣ того я вполнѣ искренно убѣжденъ, что ваше сіятельство пріобрѣтете новое, весьма существенное право на всеобщее уваженіе, которымъ вы уже столь справедливо пользуетесь, принявъ нѣкоторымъ образомъ участіе въ дѣлѣ, затрогивающемъ въ высшей степени не только славу нашего августѣй-

шаго монарха, но и благоденствіе и благосостояніе почти шестидесяти милліоновъ человѣческихъ существъ, находящихся по волѣ Провидѣнія, подъ его отеческимъ покровительствомъ.

«Льщу себя надеждою, что вы не будете подозрѣвать, что я преслѣдую какую-либо личную выгоду отъ проекта. Было бы въ высшей степени смѣшно въ мои годы и при моихъ болѣзняхъ имѣть хотя бы малѣйшее честолюбіе. Впрочемъ, я не скрою отъ васъ, что дѣло это до чрезвычайности меня интересуетъ, во-первыхъ, по огромной и несомнѣнной важности онаго для общественнаго блага, и во-вторыхъ, потому что, покидая этотъ міръ, я оставляю нѣсколькихъ дѣтей, которые будутъ имѣть, конечно, свою долю при общемъ увеличеніи благосостоянія, которое неизбѣжно распространится на всѣ классы обывателей.

«Очень извиняясь за такое длинное письмо, я позволю себѣ присоединить только единственную просьбу почтить меня какимъ-либо увѣдомленіемъ, коль скоро ваше сіятельство усмотрите хотя малѣйшую возможность исполнить желаніе, которое я имѣлъ честь изложить вамъ».

Въ другой запискѣ отъ того же числа Жерве писалъ графу Нессельроде:

«Не безъ основанія монетная единица считается основнымъ краеугольнымъ камнемъ всякой благоустроенной системы финансовъ. Безъ нее все зданіе не имѣетъ прочнаго основанія и подвержено безчисленному множеству случайностей, которыя всѣ стоятъ въ противорѣчіи съ выгодами общественнаго блага и никогда не въ состояніи обратиться на ихъ пользу.

«Эта истина давно признана во всѣхъ странахъ, достигшихъ высокой степени цивилизаціи. Монета франкъ, флоринъ (т. е. гульденъ), фунтъ стерлинговъ, являющіяся единицами во Франціи, Голландіи и Англіи существуютъ уже длинный рядъ вѣковъ съ весьма ничтожными измѣненіями, и эта устойчивость является безспорно одною изъ главныхъ причинъ цвѣтущаго состоянія финансовъ въ этихъ странахъ.

«Россія со временъ Петра Великаго до конца XVIII столѣтія имѣла также свою монетную единицу, какою является серебряный рубль. Чрезвычайныя обстоятельства вызвали съ конца прошлаго вѣка выпускъ бумажныхъ денегъ, который современемъ до того усилился, что вытѣснилъ изъ обращенія почти всю звонкую монету (серебряную и золотую); бумажныя деньги, занявъ мѣсто звонкой монеты, сдѣлались въ свою очередь главнымъ орудіемъ обращенія въ странѣ. Такъ какъ курсъ нашихъ нынѣшнихъ ассигнацій (бумажныхъ денегъ) въ продолженіе многихъ лѣтъ уже почти не измѣнялся, то можно предполагать, что онъ болѣе не понизится, а можетъ только развѣ подняться. Но если бы сіе послѣднее и случилось, тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что бумажный рубль, въ настоящемъ его видѣ и положеніи, никогда

не будетъ представлять собою монетную единицу потому именно, что сія послѣдняя предполагаетъ всегда постоянную и точно опредѣленную стоимость. Таково положеніе дѣла, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго является всеобщая крайняя бѣдность страны. Принявъ въ соображеніе неисчислимыя богатства, находящіяся въ Имперіи, а также счастливое дарованіе всего народа и въ особенности очевидныя стремленія императора всѣми мѣрами содѣйствовать развитію всего, что можетъ способствовать общественному благу, должно необходимо придти къ заключенію, что подобное послѣдствіе является истинною аномаліею. Но всего болѣе приводитъ въ отчаяніе то обстоятельство, что, повидимому, нѣтъ никакихъ средствъ улучшить подобное тяжелое положеніе до тѣхъ поръ, пока не послѣдуютъ измѣненія въ отношеніи монеты.

«Изъ множества фактовъ, подтверждающихъ подобное мнѣніе, достаточно указать на массу драгоцѣнныхъ металловъ, ежегодно и постоянно поступающихъ въ Императорскій монетный дворъ, но не оказывающую однако какого-либо вліянія на стоимость банковыхъ билетовъ. Изъ оффиціальныхъ источниковъ извѣстно, что помимо рудниковъ государства, доставляющихъ ежегодно около 300 пудовъ золота и 1.200 пудовъ серебра, въ теченіе 1829 г. на монетный дворъ поступило до пяти съ половиною милліоновъ рублей драгоцѣнныхъ металловъ, большею частью доставленныхъ изъ-за границы, а общая сумма звонкой монеты (т. е. золотой, серебряной и платиновой), выпущенной въ то же самое время, простирается до шестнадцати милліоновъ рублей. Какимъ же образомъ, послѣ всего этого, необходимо по прежнему платить 370 копѣекъ (или около этого) за дѣйствительный серебряный рубль, а мелкая серебряная монета ходитъ по курсу четыре рубля?

«Важныя неудобства, порождаемыя подобнымъ положеніемъ дѣлъ, а именно, пагубное вліяніе на народную промышленность, а также общественную нравственность — подробно изложены мною въ проектѣ, представленномъ мною господину министру финансовъ, графу Канкрину 25-го марта 1830 года. Тотъ же проектъ указываетъ простое и столь же вѣрное средство пособить этому, возстановивъ стоимость бумажнаго рубля наравнѣ съ рублемъ серебрянымъ, который тогда сдѣлается монетною единицею Россійской Имперіи, постоянною и неизмѣнною навсегда, т. е. до тѣхъ поръ, пока этого желать будетъ само правительство».

На эти записки графъ Нессельроде писалъ Жерве 4-го мая 1830 г.:

«Возбуждаемый вами, мой дорогой Андрей Андреевичъ, вопросъ въ доставленныхъ мнѣ отъ васъ бумагахъ, всегда представлялся мнѣ чрезвычайно важнымъ и интереснымъ. Несмотря на множество дѣлъ, всегда накопляющихся ко времени отъѣзда[1]), я однако нашелъ время про-

[1]) Графъ Нессельроде ѣхалъ тогда въ Варшаву.

честь всѣ доставленныя вами бумаги, но не буду имѣть онаго, чтобы подробно вамъ на все отвѣтить. Имѣя совершенно противоположное съ вами мнѣніе объ этомъ предметѣ, мнѣ пришлось бы подвергнуть подробному разсмотрѣнію весь вопросъ, чтобы доказать ошибочность вашихъ воззрѣній. Я ограничусь пока указаніемъ на то, что мысль привести бумажныя деньги до равенства въ цѣнѣ съ звонкою монетою (al pari) всегда казалась мнѣ неисполнимою, разорительною и даже безполезною. Я имѣлъ длинныя по сему предмету разсужденія съ покойнымъ моимъ тестемъ, Балугьянскимъ и графомъ Ламбертомъ и успѣлъ убѣдить графа Гурьева съ 1818 года отказаться отъ плана, для осуществленія котораго были заключены наши первые займы. Его послѣдующія денежныя операціи имѣли совершенно другую цѣль. Онъ не хотѣлъ уже довести бумажный рубль до al pari, но желалъ закрѣпить неизмѣнно его стоимость на томъ курсѣ, до котораго онъ упалъ, учредивъ серебряный фондъ для постояннаго размѣна бумажныхъ денегъ по этому курсу. Эта цѣль была бы достигнута, если бы Гурьевъ продолжалъ быть министромъ финансовъ. Послѣ него отказались отъ этой цѣли, или лучше сказать, удовольствовались тѣмъ, что она была достигнута на самомъ дѣлѣ только отчасти; съ тѣхъ поръ какъ не выпускаютъ новыхъ банковыхъ билетовъ (ассигнацій), стоимость ихъ болѣе не понижается, и вотъ около 15-ти лѣтъ они держатся на курсѣ 370 копѣекъ. Признаюсь вамъ, что такой порядокъ дѣлъ, который будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не станутъ снова выпускать новыхъ билетовъ, мнѣ кажется удовлетворительнымъ настолько, что графъ Канкринъ могъ колебаться пустить въ ходъ проектъ моего тестя, который вызывалъ сопряженныя съ большими расходами операціи и налагалъ новыя тягости на страну.

«Удовольствуйтесь, дорогой Андрей Андреевичъ, пока этимъ краткимъ изложеніемъ моихъ взглядовъ по предмету, о которомъ написаны цѣлые кипы. По возвращеніи моемъ я буду очень радъ возобновить наши разсужденія и имѣть случаи развить всѣ мои соображенія по сему предмету насколько вы пожелаете» [1]).

Преслѣдуя свои цѣли, Жерве, несмотря на всѣ возраженія, писалъ нѣсколько писемъ графамъ Канкрину и Нессельроде, Н. С. Мордвинову, кн. Кочубею и даже совѣтовался съ М. М. Сперанскимъ. Онъ просилъ о назначеніи коммисіи для разсмотрѣнія его проекта, но всѣ его просьбы остались безъ успѣха. Между тѣмъ здоровье Жерве ухудшалось; онъ постоянно лѣчился, сидѣлъ дома, и не особенно былъ занятъ службою, такъ какъ высочайшимъ указомъ 30-го января 1831 года былъ причи-

[1]) Замѣтимъ при этомъ, что въ послѣдующемъ своемъ письмѣ отъ 21-го декабря 1830 г. графъ писалъ, что не имѣетъ возможности заняться проектомъ Жерве, будучи обремененъ дѣлами первѣйшей важности, не допускающими отлагательства.

сленъ къ Герольдіи съ полученіемъ полнаго оклада жалованья. Лѣтомъ онъ переѣзжалъ на дачу «Маврино», на 12-й верстѣ по дорогѣ въ Петергофъ (близъ станціи Лигово), принадлежащую наслѣдникамъ Вейкардта. Тутъ, на дачѣ онъ и пережилъ холеру, посѣтившую впервые нашу столицу въ 1831 году.

Въ дневникѣ своемъ Жерве не разъ упоминаетъ о холерѣ. Такъ, у него записано:

17-го іюня 1831 г. Разные тревожные слухи распространяются о появленіи холеры въ столицѣ. Говорятъ, будетъ прекращенъ въѣздъ въ городъ.

19-го іюня. Болѣзнь повидимому распространяется. Императорская фамилія находится въ Петергофѣ, вокругъ котораго устроенъ карантинъ, а также около Сергіевской пустыни (въ двухъ верстахъ отъ Стрѣльны).

23-го іюня. Вторникъ. Прекрасная погода. Государь императоръ былъ въ городѣ, пріѣхалъ на Сѣнную площадь, былъ встрѣченъ съ великимъ восторгомъ и говорилъ народу. Съ этого времени порядокъ и спокойствіе водворились. До появленія императора, волненіе народа принимало такіе угрожающіе размѣры, что начальство города признало нужнымъ собрать войско и артиллерію въ улицахъ, прилегающихъ къ Сѣнной площади, которыя и стояли тамъ до 4-хъ часовъ дня.

24-го іюня. Среда. Небольшое волненіе еще продолжается, но оно, повидимому, не представляетъ собою чего либо важнаго. Государь остался въ городѣ, т. е. на Елагиномъ островѣ. Сегодня издано весьма замѣчательное объявленіе, по которому: 1) всякому заболѣвшему холерою разрѣшается пользоваться дома, въ своей квартирѣ; 2) если заболѣвшій предпочтетъ отправиться въ больницу, то перевозка его изъ дома должна совершаться при надзорѣ особыхъ попечителей, которые избираются изъ городскихъ обывателей; въ больницѣ больной принимается такимъ же попечителемъ; 3) при каждой больницѣ долженъ быть священникъ для напутствованія умирающихъ; 4) полиція, напротивъ того, не должна вмѣшиваться при этомъ; она обязана только принимать объявленія домовладѣльцевъ о лицахъ, заболѣвающихъ холерою въ ихъ домахъ. Подобное объявленіе безспорно успокоитъ волненіе, происходившее большею частью потому, что въ больницахъ не было священниковъ, а полиція имѣла право отправлять въ больницу всякаго, подъ предлогомъ, что онъ боленъ холерою; это влекло множество злоупотребленій.

25-го іюня. Четвергъ. Карантины поставлены у Краснаго кабачка. Стали говорить опять, что отравляютъ воду. Есть объявленія военнаго губернатора для успокоенія народа; произведено не мало арестовъ.

26-го іюня. Пятница. Назначены три новыхъ военныхъ губернатора въ Петербургѣ: князь Трубецкой—для средины города; графъ

Орловъ—для Литейной и прилегающихъ къ ней частей, а Эссенъ—для зарѣчныхъ частей. По извѣстіямъ, число больныхъ холерою увеличивается.

27-го іюня. Суббота. Холера показалась на Петергофской дорогѣ въ Ульянкѣ. Изъ столицы никакихъ особенныхъ извѣстій нѣтъ.

30-го іюня. Вторникъ. Число заболѣвающихъ въ городѣ все увеличивается, но злокачественность болѣзни ослабѣваетъ. Причина этому та, что съ прекращеніемъ слуха объ отравленіи, всякій заболѣвающій прибѣгаетъ немедленно къ врачу, а также всякій болѣе остерегается.

Постепенный упадокъ силъ свелъ А. А. Жерве въ могилу. Онъ скончался 2-го ноября 1832 года, какъ сказано въ церковномъ свидѣтельствѣ, отъ «многосложной болѣзни» и погребенъ на Смоленскомъ французскомъ реформатскомъ кладбищѣ 7-го ноября.

Разставаясь съ жизнью, онъ все-таки не забылъ своего проекта и просилъ Николая Михайловича Лонгинова представить послѣ его смерти письмо императору.

«По вскрытіи сего пакета, писалъ онъ Лонгинову, вашему превосходительству, вѣрно, страннымъ покажется, что вы не получили его при жизни еще моей. Необыкновенное обстоятельство требуетъ нѣкотораго поясненія.

«Въ существѣ письмо мое на высочайшее имя не заключаетъ въ себѣ ни прошенія о какой-либо милости, ни жалобы, ни иного сего рода, а просто изложеніе истины, хотя неоспоримой, однако же не вообще поднесь признанной. Изъ сего слѣдуетъ, что, если бы всеподданнѣйшее мое отношеніе прежде дошло до рукъ его императорскаго величества, я нѣкоторымъ образомъ предсталъ бы въ видѣ доносчика, и, хотя я по совѣсти чувствую себя совершенно съ сей стороны невиннымъ, но не менѣе могъ бы подвергнуть себя дѣйствіямъ вражды и мести. Во избѣжаніе сего, я предпочелъ повременить до отшествія моего изъ тлѣнной сей жизни, по всѣмъ вѣроятіямъ, довольно близкаго, и надѣюсь, что вы, милостивый государь, найдете объясненіе сіе удовлетворительнымъ до того, что не усомнитесь повергнуть приложенное письмо мое къ стопамъ его императорскаго величества, не взирая на то, что подобные случаи встрѣчаются, конечно не часто».

Письмо къ императору было слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій монархъ! [1])

«Приближаясь къ торжественной минутѣ, когда прекратятся для меня всѣ мечтанія сего суетнаго міра, я измѣнилъ бы обязанностямъ христіанина, если бы не довелъ до свѣдѣнія вашего императорскаго ве-

[1]) Оригиналъ на французскомъ языкѣ.

личества истину, которую я тщетно пытался разъяснить лицамъ, не столь высокопоставленнымъ.

«Окинувъ взоромъ приложенныя при семъ бумаги, ваше величество усмотрите, что дѣло касается предмета первѣйшей важности для благосостоянія вашего государства; это не можетъ подлежать сомнѣнію для всякаго знакомаго съ экономическою наукою въ современномъ ея положеніи. Тѣмъ не менѣе, предложеніе мое было отвергнуто г. министромъ.

«Не входя нисколько въ обсужденіе причинъ, вызвавшихъ подобное рѣшеніе, я ограничусь только почтительнѣйшею просьбою, въ случаѣ если ваше величество изволите признать трудъ мой заслуживающимъ болѣе глубокаго разсмотрѣнія, поручить таковое лицу по усмотрѣнію вашего величества, только не графу Канкрину.

«Если мнѣ дозволено будетъ указать нѣкоторыхъ лицъ, которыя, по ихъ познаніямъ въ этомъ дѣлѣ, всего болѣе способны выполнить подобнаго рода задачу, то назову г. адмирала Мордвинова, князя Любецкаго, г. Шторха и Балугьянскаго. Ни съ однимъ изъ нихъ я не имѣлъ продолжительнаго знакомства или сношеній; я даже не имѣю чести быть лично знакомымъ съ княземъ Любецкимъ. Поэтому на кого изъ сихъ лицъ ни падетъ личный выборъ вашего величества, можно быть увѣреннымъ, что произнесенное имъ сужденіе о моемъ проектѣ будетъ безпристрастно. Впрочемъ, выборъ лица безразличенъ; необходимо только, чтобы, обладая достаточными познаніями, избранное лицо не было бы стороною и судьею въ одно и то же время.

«Ваше императорское величество, безъ сомнѣнія, не будете подозрѣвать, что я преслѣдую какія-либо личныя цѣли, отваживаясь утруждать ваше величество моимъ письмомъ. Такое подозрѣніе не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи человѣка, которому скоро ничего не будетъ нужно, кромѣ милосердія Творца вселенной. Впрочемъ, не скрою отъ вашего величества, что мысль содѣйствовать, быть можетъ, славѣ вашего царствованія, вызвавъ значительное улучшеніе судьбы 50-ти милліоновъ подданныхъ вашего величества, плѣняетъ меня и, безъ сомнѣнія, усладитъ во многомъ страданія, обыкновенно сопровождающія послѣднія минуты нашей земной жизни. Къ этому я могу присоединить еще и другое относительно моей семьи, которую оставлю, вѣроятно, не въ цвѣтущемъ состояніи. Но это вопросъ совершенно второстепенный, и я умру совершенно спокойнымъ въ этомъ отношеніи.

«Удостойте, ваше величество, простить умирающему эти искреннія слова сокровенной души его. Какое рѣшеніе ни внушитъ вамъ Всемогущій, я умру съ искреннимъ убѣжденіемъ, что исполнилъ долгъ свой, препроводивъ вашему величеству эти строки».

П. Майковъ.

Указъ объ отставкѣ 1762 года.

По указу его величества государя императора Петра Ѳеодоровича Самодержца Всероссійскаго и прочая и прочая и прочая.

По имянному ея императорскаго величества блаженныя и вечной славы достойныя памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны указу, объявитель сего Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержантъ Яковъ Стечкинъ, которой служилъ вгвардіи стысящи семъ сотъ пядесятъ втораго году, изъ дворянъ, отъ роду имѣетъ двадцать шесть летъ и по подлинному всѣхъ Лейбъ-гвардіи полковъ господъ полковыхъ штаповъ такожъ и медицинской конторы свидетельству явился боленъ внутренномъ почечуемъ, имеетъ запоръ, отчего вживотныхъ частяхъ обструкція, одышка и трепетание сердца; ктомужъ левая нога влодышке повреждена и затемъ в службе быть не способенъ отъ полковой и гарнизонной службъ да и отовсехъ делъ отставленъ вовсе, и отпущенъ в домъ его верхоломовскаго уѣзду всело Тархово, а забеспорочную ево службу данъ ему рангъ арміи порутческой, того ради гдѣ онъ жительство иметь будетъ в доме своемъ никому никакого нападенія и утесненія ему, Стечкину, не учинять, но за ево беспорочную службу показывать кнему всякое благодеяніе и никкакимъ деламъ ево неопределять, разве особливымъ его императорскаго величества указомъ будетъ повелено; равнымъ же образомъ и ему, Стечкину, никакихъ своевольныхъ налоговъ не учінять же подъ опасеніемъ зато надлежащаго по указамъ и военнымъ артикуламъ штрафа, а жить добропорядочно такъ, какъ доброму и чесному всеподданнейшему его императорскаго величества рабу надлежитъ; чего ради сей его императорскаго величества указъ ему, Стечкину, Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку исполковой канцеляріи за подписаніемъ и за полковой печатью данъ всанктъ петербурге генваря четвертаго дня тысяща седмь сотъ шездесятъ втораго году.

Генералъ фелтмаршалъ его императорскаго величества, лейбкомпаніи порутчікъ, действительный камеръ геръ, генералъ адъютантъ, сенаторъ, Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подполковникъ, обонхъ Россійскихъ орденовъ белаго орла и святыя Анны кавалеръ Графъ Александръ Шуваловъ.

Сообщ. **К. Военскій.**
Дѣйствительный членъ Саратовской и Симбирской ученыхъ архивныхъ коммисій.

Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга.

ЧАСТЬ II [1]).

(1784—1796).

II.

«Делегатъ курляндскаго рыцарства.—Борьба рыцарства съ Герцогомъ.—Тырговицская конфедерація.—Соглашеніе съ Герцогомъ».

Глава II-я второй части записокъ, обнимающая время съ 1789 по 1792 годъ, посвящена главнымъ образомъ подробностямъ борьбы курляндскаго рыцарства съ герцогомъ и дѣятельности Гейкинга въ Варшавѣ въ качествѣ делегата этого рыцарства. Приводимъ изъ этой главы лишь отрывки, касающіеся общаго хода курляндскихъ и польскихъ дѣлъ и рисующіе поведеніе и дѣятельность какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ описываемой Гейкингомъ эпохи.

То было смутное время въ Варшавѣ. Всеобщее возбужденіе и открытые раздоры партій (русской и прусской) достигли крайнихъ предѣловъ. Выработанная послѣ долгихъ усилій и обнародованная 3-го мая 1791 г. конституція не внесла въ польскую жизнь успокоенія. Появившись незадолго до подписанія Ясскаго мирнаго договора (1792 г.), давшаго возможность Россіи вызвать войска изъ Турціи и вообще сосредоточить все вниманіе на польскихъ дѣлахъ, конституція эта побудила Екатерину рѣшительнѣе дѣйствовать противъ прусскихъ приверженцевъ въ странѣ. Тырговицкая конфедерація (май 1792 г.) послужила отвѣтомъ на обнародованіе конституціи и на союзный договоръ, заключенный Понятовскимъ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ вес-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1897 г. октябрь

ною 1790 г., а 19-го мая русскія войска вступали въ Литву. Обстоятельства подготовляли второй раздѣлъ Польши.

Такъ называемая «прусская система» все болѣе и болѣе утверждалась въ Варшавѣ и отвѣтственность за событія во время сейма 1775 г. начали открыто сваливать на приверженцевъ Россіи. Требовали союза съ прусскимъ дворомъ и были назначены посланники въ Берлинъ, Вѣну, Стокгольмъ и Копенгагенъ. Издали законъ, сокращавшій жалованье епископовъ до 100.000 польскихъ гульденовъ, а полученныя сбереженія были предназначены на расходы по войску.

«Я не обманывался, пишетъ Гейкингъ, насчетъ непріятностей и затрудненій, которыя меня ожидали, и тѣмъ не менѣе рѣшился взять на себя должность делегата курляндскаго рыцарства.

«Кто внимательно слѣдилъ за духомъ и за ходомъ дѣлъ варшавскаго сейма, тотъ могъ удостовѣриться въ постоянномъ противорѣчіи между громко и въ высокопарныхъ выраженіяхъ возвѣщаемыми основаніями и дѣйствительнымъ образомъ дѣйствій и поведеніемъ депутатовъ. Вѣчно возобновлялись толки о необходимости ограничить королевскую власть и возстановить свободу, а въ то же время бо́льшая часть самыхъ фанатическихъ республиканцевъ какъ бы поощряла превращеніе власти герцога курляндскаго въ настоящій произволъ. Таковы были неразумie и непослѣдовательность этихъ республиканцевъ. Съ одной стороны притѣсненіе, съ другой — ослабленіе всякой подчиненности; не стѣсняясь грабятъ весь свѣтъ, а всѣмъ толкуютъ о справедливости. Таково было зрѣлище, представляемое каждымъ засѣданіемъ сейма, безумie котораго возростало, идя въ ногу съ французскою революціею, съ которою поддерживались близкія сношенія.

«Избранный на сеймѣ литовскимъ маршаломъ князь Сапѣга, племянникъ генерала графа Браницкаго, безъ оглядки бросился въ объятія прусской партіи, такъ что дядя его порвалъ съ нимъ совершенно и вынудилъ выѣхать изъ дворца Браницкихъ. Сапѣга, благодаря этому, сталъ еще рѣзче и преслѣдовалъ всякаго, кто по его предположенію принадлежалъ къ русской партіи.

«Тщетно проявлялъ я своимъ поведеніемъ строжайшее безпристрастіе по отношенію къ обѣимъ партіямъ, тщетно заявлялъ, что признаю лишь одну партію — польскаго народа — и законныя постановленія сейма относительно Курляндіи какъ рѣшенія сюзеренной власти, которой надлежитъ повиноваться независимо отъ всякихъ личныхъ убѣжденій; несмотря на проявленную мною умѣренность въ словахъ и дѣлѣ — я узналъ, что князь Сапѣга позволилъ себѣ утверждать, что я купленъ Россіею. На вечерѣ у маршала Малаховскаго я спросилъ Сапѣгу, правда-ли, что онъ это говорилъ. Сапѣга бросился меня обнимать со словами:

— Господи! какъ могли вы подумать, милый баронъ, что я скажу

такую глупость про стараго друга, котораго люблю и уважаю. Дьяволъ меня побери, если я подумалъ о чемъ-либо подобномъ. Спросите маршала Потоцкаго, что я еще сегодня утромъ о васъ говорилъ. Меня хотятъ со всѣми поссорить, но по отношенію къ вамъ это не удастся. Даю вамъ честное слово, что я и не думалъ выражаться такъ, какъ мнѣ приписываютъ.

«Нѣсколько минутъ спустя Сапѣга, не замѣтившій, что я отошелъ отъ него лишь на нѣсколько шаговъ, сказалъ госпожѣ М...

— Вы, конечно, видѣли, какъ я обнялъ Гейкинга. Я не могу терпѣть этого человѣка. Онъ настроенъ въ пользу русскихъ, а вы знаете, насколько я эту партію ненавижу; даже дядю моего я не исключаю.

«Такая лживость могла возбуждать лишь соболѣзнованіе. Этого молодаго человѣка было дѣйствительно жаль. При свойственныхъ ему природномъ умѣ, любезности, добродушіи и дарѣ слова, онъ могъ бы сдѣлать себѣ громкое имя, если бы его патріотическое сумасбродство не вовлекло его за время сейма въ пьянство и грубое распутство.

«Луккезини [1]) вернулся изъ Берлина, куда король его призывалъ для полученія рѣшительныхъ, содержавшихся въ большой тайнѣ, инструкцій относительно Польши.

«Іосифъ II [2]) лежалъ при смерти; совсѣмъ иными могли быть воззрѣнія его преемника относительно союза съ Екатериною. Въ Польшѣ съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовались неопредѣленность и нерѣшительность въ занимавшемъ всѣхъ крутомъ вопросѣ. Двуличіе короля обозначалось все ярче. Утромъ онъ передавалъ графу Штакельбергу черезъ Комаржевскаго увѣренія въ приверженности къ Россіи, а вечеромъ говорилъ графу Луккезини, что онъ не имѣетъ другаго желанія, какъ освободиться отъ оскорбительной опеки, въ которой его держитъ петербургскій дворъ.

«Такая же неустойчивость господствовала и въ Курляндіи. Уполномоченный страны (Landesbevollmächtigte) полагалъ ограничиться тѣмъ, что снова потребовать отъ короля и отъ министерства простаго разъясненія послѣдняго «exhortatorium'a» [3]).

Король и министерство отклонили это требованіе. Въ виду предстоящаго заключенія союзнаго договора съ Пруссіею, король принялъ весьма высокомѣрный тонъ по отношенію къ курляндскому рыцарству и высказался полностью за герцога, покровительствуемаго берлинскимъ дворомъ.

---

[1]) Прусскій посланникъ, см. выше.

[2]) Австрійскій императоръ.

[3]) Рескриптъ короля герцогу, которымъ повелѣвалось курляндскому сейму прекратить дѣятельность, такъ какъ онъ незаконно былъ отсроченъ безъ согласія герцога. Перев.

Несмотря на выгоду такого положенія, агенты герцога опасались предстоявшаго сейма и прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы убѣдить курляндцевъ въ томъ, что для нихъ было бы опасно ожидать рѣшенія вопроса объ ихъ нуждахъ отъ собранія, пѣликомъ состоявшаго, какъ они распространяли, изъ креатуръ короля и приверженцевъ Пруссіи, которые всѣ до единаго будто-бы стоятъ за герцога.

Обстоятельства принимали между тѣмъ болѣе опредѣленный обликъ. Въ разгаръ борьбы курляндскаго рыцарства съ герцогомъ былъ подписанъ (25-го марта 1790 г.) союзный договоръ между Пруссіею и Польшею, а вскорѣ затѣмъ на сеймѣ было прочитано письмо курляндскаго герцога, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что преподноситъ республикѣ 1.000 ружей. Гейкингъ рѣзко отзывается по этому поводу и о сеймѣ, «плебейски настроенные» члены котораго начали всѣ переходить на сторону герцога, сообщившаго въ своемъ письмѣ,что для пріобрѣтенія этихъ ружей онъ продалъ свое серебро.

«Кромѣ всего этого я былъ огорченъ отозваніемъ графа Штакельберга. У меня было, конечно, не мало причинъ жаловаться на этого государственнаго дѣятеля, но лично я его любилъ. При тонкомъ и образованномъ умѣ, онъ обладалъ богатыми свѣдѣніями въ области политики и владѣлъ французскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, какой мнѣ не пришлось видѣть ни у одного не француза. Его стиль имѣлъ изящество и точность языка лучшихъ писателей Франціи, и въ Версалѣ мнѣ говорили, что его депеши служили своего рода художественными образцами. Въ молодости онъ очень прилежно учился въ Лейпцигѣ и постоянно отзывался о своемъ превосходномъ профессорѣ Геллертѣ [1]) съ трогательнымъ чувствомъ, дѣлавшимъ честь его сердцу. За послѣднее время служенія своего въ Варшавѣ онъ дѣлалъ лишь ту ошибку, что давалъ слишкомъ много воли своимъ подчиненнымъ, которые, ради наживы денегъ, часто злоупотребляли его именемъ [2]). Онъ былъ въ отчаяньи, что ему приходилось покинуть Польшу, съ которой его связывали долгіе годы пребыванія въ ней и иныя узы. Его замѣнилъ Булгаковъ, про котораго говорили, что въ Семибашенномъ замкѣ Константинополя [3]) онъ пріобрѣлъ привычку сидѣть дома и по окончаніи занятій садиться за игру въ фараонъ. При Репнинѣ онъ былъ секретаремъ по-

[1]) Нѣмецкій поэтъ и профессоръ философіи Лейпцигскаго университета (1715—1769 г.). Перев.

[2]) Гейкингъ между прочимъ разсказываетъ, что нѣкій К..., секретарь или совѣтникъ русскаго посольства, получилъ двѣ тысячи дукатовъ за содѣйствіе къ полученію одного рескрипта короля Станислава, касавшагося курляндскихъ дѣлъ, и что вообще этотъ К... накопилъ за время пребыванія въ Варшавѣ сумму въ шестьдесятъ тысячъ дукатовъ. Перев.

[3]) Извѣстно, что турки сажали въ Семибашенный замокъ посланниковъ державъ, съ которыми начинали войну. Перев.

сольства въ Варшавѣ, и весьма возможно, что Екатерина назначила его лишь для того, чтобы унизить высокомѣріе короля присылкою къ нему бывшаго секретаря Репнина.

«Въ ту пору вліяніе Россіи исчезло совершенно. Всякій, про котораго думали, что онъ принадлежитъ къ русской партіи, былъ какъ-бы отлученъ, и при такихъ условіяхъ всякому заподозрѣнному въ томъ нужна была особая житейская мудрость, чтобы вообще удержаться. Къ моему счастью, сеймовый маршалъ графъ Потоцкій, епископъ Красинскій, маршалъ Малаховскій, да и вообще всѣ Потоцкіе, принадлежавшіе къ русской партіи [1]), оказывали мнѣ поддержку, за что я имъ останусь вѣчно признательнымъ.

«Партійный духъ охватилъ всю Польшу, всѣ классы населенія и, какъ во Франціи, постоянно росъ. Эмиссары изъ Парижа распространяли разжигательныя сочиненія, а польскіе и литовскіе граждане совмѣстно выработывали петицію, совершенно въ стилѣ французскихъ образцовъ, для поднесенія сейму. Петиція была принята съ громкимъ одобреніемъ. Съ другой стороны, себялюбіе и жадность проявлялись безъ малѣйшей застѣнчивости.

«Между тѣмъ въ Варшаву прибылъ русскій посолъ Булгаковъ. За 14 дней до того пріѣхалъ секретарь посольства Альтести, и я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы ознакомить послѣдняго съ курляндскими и пильтенскими дѣлами. Я нашелъ въ Альтести молодаго человѣка, весьма радушнаго, лишь слегка экзальтированнаго, избалованнаго сознаніемъ пріятной внѣшности и обладавшаго огромнымъ воображеніемъ. Разсказывали, что Булгаковъ взялъ его изъ-за прилавка; быть можетъ, но познанія его были не изъ тѣхъ, что подходятъ къ прилавку. Онъ владѣлъ латинскимъ, французскимъ и итальянскимъ языками, былъ опытенъ въ вопросахъ публичнаго права и превосходно изучилъ философію.

«Былъ ли Булгаковъ дѣйствительно боленъ или лишь притворялся таковымъ, но онъ не выходилъ изъ своего дворца, какъ будто-бы онъ все еще сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ. Вскорѣ, однако, король окружилъ его своими креатурами, лицами, которыхъ посолъ ранѣе зналъ въ Варшавѣ, съ которыми ему было пріятно снова увидѣться и которыя ловко прикрывали полученныя ими инструкціи и тайныя связи съ дворомъ, порицаніемъ отъ времени до времени образа дѣйствій короля.

«Въ октябрѣ 1790 года прибыла въ Варшаву на побывку герцогиня Курляндская. Она имѣла пріятную внѣшность, привлекательный умъ и крупное состояніе ея мужа, который, повидимому, предоставилъ

---

[1]) Потоцкіе подѣлились: Феликсъ и нѣкоторые изъ нихъ держались Россіи, большинство же было приверженцами Пруссіи.

ей распоряженіе этимъ имуществомъ, лишь бы ей удалось провести разныя мѣропріятія, направленныя противъ рыцарства.

«Мое положеніе стало еще затруднительнѣе. Всѣ молодые депутаты бѣгали на устраиваемые герцогинею праздники, а сеймовый маршалъ князь Сапѣга прямо объявилъ себя ея рыцаремъ.

«Вскорѣ и король оказался безумно въ нее влюбленнымъ...

«Луккезини и шведскій посланникъ Энгестромъ считались также въ числѣ почитателей герцогини. О первомъ изъ нихъ я уже ранѣе говорилъ; что касается втораго, то онъ имѣлъ фигуру уличнаго носильщика и сужденія настолько же ложныя, насколько чувства его были тупы. Онъ не могъ различать красокъ и музыка была для него лишь шумомъ. Проникнутый новыми идеями онъ съ бо́льшимъ пыломъ, чѣмъ краснорѣчіемъ, защищалъ революціонное поведеніе французовъ и проявлялъ такую безграничную ненависть къ Россіи, что сталъ смѣшонъ рѣшительно всѣмъ, кромѣ такъ-называемыхъ польскихъ патріотовъ.

«Обстоятельства побуждали меня возобновить мое представленіе рыцарству о присылкѣ мнѣ двухъ помощниковъ. Моя просьба была наконецъ исполнена и мнѣ назначили въ помощь барона Людингхаузенъ-Вольфа и фонъ-Гротуса. Послѣдній заболѣлъ и пріѣхалъ въ Варшаву позднѣе.

«На аудіенціи у короля (выхлопотанной мною, несмотря на всѣ воздвигнутыя агентами герцога препятствія) баронъ Вольфъ, вмѣсто произнесенія обычныхъ фразъ, держалъ рѣчь, въ которой въ краснорѣчивыхъ и сильныхъ выраженіяхъ изобразилъ критическое положеніе Курляндіи. Король, не ожидавшій того, былъ нѣсколько озадаченъ и какъ бы обидѣлся, но вскорѣ овладѣлъ собою и отвѣтилъ по-нѣмецки. Онъ говорилъ ловко и пріятно и съ чистотою, которая меня удивила. Я и не подозрѣвалъ, что онъ, обыкновенно говорившій по-французски, въ такой степени владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ. Содержаніе отнюдь не подготовленной рѣчи короля, было приблизительно слѣдующее:

— Курляндское рыцарство всегда было предметомъ моего благоволенія и попеченія. Изложенныя вами жалобы на герцога огорчаютъ меня. Но я убѣжденъ, что вы, господа, (обращаясь къ намъ обоимъ) не станете утверждать того, чего вы не въ состояніи доказать, и предоставляю вамъ къ тому свободный путь; искренно озабочусь тѣмъ, чтобы вамъ была оказана справедливость (слегка подумавъ)... поскольку ваши жалобы на герцога основательны. Впрочемъ, я очень радъ познакомиться съ вами (обращаясь къ Вольфу), съ лицомъ которому поручено примѣнить все свое патріотическое усердіе къ улаженію дѣлъ своего отечества.

«Наши надежды возросли еще благодаря тому обстоятельству, что сеймъ продлилъ періодъ своихъ собраній еще на два года и удвоилъ число депутатовъ.

«Наши жалобы были слишкомъ просты, слишкомъ бросались въ глаза, чтобы не произвести впечатлѣнія на большинство. Предусмотрительные друзья наши въ сеймѣ посовѣтовали намъ сдѣлать республикѣ подарокъ, въ подражаніе герцогу и въ виду того, что въ ту пору всѣ сограждане соревновали въ принесеніи какой-либо жертвы на «алтарь отечества» (выраженіе вошедшее тогда въ моду во Франціи). На этотъ предметъ мы получили отъ нашихъ довѣрителей 6.000 дукатовъ и испросили у сеймовыхъ маршаловъ публичной аудіенціи, на которой желали заявить собранію депутатовъ о вѣрности курляндскаго рыцарства и почтительнѣйше принести въ даръ 12 пушекъ.

«Шагъ этотъ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе среди депутатовъ; агенты же герцога пришли въ бѣшенство.

«16-го февраля (1791 г.) наканунѣ дня столь важнаго для насъ засѣданія сейма король распустилъ слухъ, что онъ нездоровъ; но когда онъ узналъ, что депутаты рѣшили и безъ него обойтись, то измѣнилъ намѣреніе. Его величество появился, заставивъ себя, впрочемъ, ждать свыше предѣловъ, допускаемыхъ вѣжливостью.

«Я видѣлъ петербургскій дворъ во всемъ его блескѣ при торжественныхъ аудіенціяхъ; но онъ не представляетъ такого величественнаго зрѣлища, какъ пріемъ у короля польскаго въ присутствіи собранныхъ земскихъ чиновъ и представителей сословій.

«Надо себѣ представить очень длинный залъ, въ концѣ котораго стоитъ тронъ подъ богато убраннымъ навѣсомъ изъ краснаго бархата. На тронѣ возсѣдаетъ король, окруженный кавалерами въ голубыхъ орденскихъ лентахъ и гвардейскими офицерами.

«У подножія трона два ряда большихъ креселъ, занятыхъ епископами въ полномъ облаченіи, имѣющими во главѣ примаса, одѣтаго въ красную мантію, сенаторами, т. е. палатинами и кастелланами. Ряды эти заключаютъ министры; затѣмъ идетъ перегородка (барьеръ). За епископами и сенаторами, т. е. по ту сторону перегородки, расположены амфитеатромъ мѣста для депутатовъ (земскихъ чиновъ) и арбитровъ (судей). Рядъ колоннъ, идущій вокругъ всего зала, поддерживаетъ галлерею, въ которой размѣщаются дамы и иностранцы. Колонны украшены гербами провинцій.

«Подготовленную нами рѣчь мы сообщили предварительно великому канцлеру. Король потребовалъ цѣлаго ряда измѣненій, главнѣйшее неудобство которыхъ для насъ состояло въ томъ, что изложенныя мысли лишались единства и силы. Но мы не колеблясь пожертвовали личнымъ самолюбіемъ ради пользы для дѣла, ожидавшейся отъ предстоявшей аудіенціи.

«Два дворянина провели насъ къ дверямъ зала. Здѣсь насъ принялъ маршалъ Литвы графъ Потоцкій, замѣщавшій отсутствовавшаго графа

Мнишека. Когда онъ къ намъ приблизился, барьеръ раскрылся, и мы вступили въ огороженное мѣсто, занявъ мѣста между маршалами. Вслѣдъ за тѣмъ маршалъ громко произнесъ по-польски: «слово за господиномъ фонъ-Гейкингомъ, делегатомъ курляндскаго рыцарства».

«Я произнесъ свою рѣчь на латинскомъ языкѣ; въ ней я передалъ выраженія вѣрности курляндскаго рыцарства, сообщилъ о приподнесеніи имъ Республикѣ двѣнадцати пушекъ и просилъ разсмотрѣть жалобы на герцога. Послѣ меня говорилъ баронъ Людингхаузенъ-Вольфъ.

«Король поручилъ маршалу намъ отвѣтить (также по-латыни), что «высокое собраніе съ благоволеніемъ принимаетъ наше предложеніе и не преминетъ устранить существующее въ Курляндіи неустройство». Маршалъ закончилъ рѣчь слѣдующими словами: «Accedite, nunc ad osculum Dextrae Regis, quae ad procurandam subditorum felicitatem semper erecta et indefessa est» [1]).

«Затѣмъ маршалы насъ подвели къ подножію трона, мы поцѣловали руку короля и затѣмъ съ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ и при входѣ, вышли изъ зала.

«Наша побѣда была съ живостью привѣтствована въ Курляндіи, и рыцарство вотировало намъ награду, мнѣ 1.000, а Вольфу 500 дукатовъ.

«Герцогъ, болѣе чѣмъ когда-либо былъ всѣмъ этимъ ожесточенъ и, побуждаемый герцогинею (которой пребываніе въ Варшавѣ крайне нравилось), своими агентами, желавшими ловить рыбу въ мутной водѣ, а равно и тайными покровителями враговъ курляндскаго рыцарства, рѣшился пожертвовать новыми суммами для попытки уничтожить или хотя бы унизить рыцарство.

«При такомъ положеніи дѣлъ все сводилось къ тому, кто войдетъ въ составъ коммисіи для разсмотрѣнія нашихъ жалобъ. Мантейфель [2]), поддержанный королемъ, льстилъ себя надеждою имѣть въ этой коммисіи большинство въ свою пользу. Онъ представилъ проектъ объ избраніи въ составъ ея 6 сенаторовъ и 6 депутатовъ. Въ нашемъ контръ-проектѣ мы не преминули требовать 6 сенаторовъ и 12 депутатовъ, благодаря чему расположили въ свою пользу всю камеру. Нашъ проектъ былъ принятъ. Въ числѣ избранныхъ сенаторовъ было трое изъ числа креатуръ короля: познанскій епископъ Окіенскій, кастеланъ Платеръ и Ожаровскій; послѣ же депутатовъ были такія выдающіяся личности, какъ князь Адамъ Чарторыйскій, графъ Ксаверій Дзялынскій, Доминикъ Шимановскій, Збоинскій, Вейсенгофъ, Дембинскій, Нѣмцевичъ, Олизаръ и Тышкевичъ. Король во что бы то ни стало

[1]) Теперь приступите къ лобызанію десницы короля, всегда и неутомимо трудящейся надъ доставленіемъ счастья подданнымъ.

[2]) Представитель или, вѣрнѣе, делегатъ герцога Перев.

хотѣлъ добавить составъ коммисіи тремя канцлерами; но сеймъ рѣшительно это отклонилъ...

«Между тѣмъ, пришедшія изъ Франціи идеи всеобщаго равенства такъ привились въ Варшавѣ, что, подъ вліяніемъ Колонтая [1]), маршалъ графъ Малаховскій и около 20 высокопоставленныхъ лицъ сдѣлались «гражданами» города Варшавы и въ ратушѣ принесли соотвѣтствующую присягу.

«Въ это же время произошли событія 3-го мая 1791 года.

«Около 4.000 ремесленниковъ и разныхъ лицъ изъ подонковъ общества сновали около полудня по улицамъ Варшавы, и затѣмъ окружили замокъ, въ которомъ засѣдалъ сеймъ. Здѣсь обсуждался вопросъ о принятіи знаменитой конституціи, названной впослѣдствіи конституціею 3-го мая. Извѣстно, что, между прочимъ, она заключала въ себѣ постановленіе о томъ, что послѣ смерти теперешняго короля, польскій престолъ переходилъ супругу «инфанты», т. е. единственной дочери курфюрста саксонскаго. Когда нѣсколько депутатовъ начали возражать противъ принятія этой конституціи, послышался ревъ стоявшей вокругъ зданія толпы. «Это клики одобренія, послышалось въ залѣ, повелѣвающіе оппозиціи замолкнуть». Король уловилъ время для произнесенія рѣчи и затѣмъ большинство депутатовъ столь бурно выразило одобреніе, что послѣдовавшее постановленіе получило видъ единогласнаго.

«Король поднялся тотчасъ же и отправился въ соборъ, гдѣ, при громѣ пушекъ, отслужено было молебствіе.

«Неожиданный гвалтъ напугалъ многихъ мирныхъ жителей города, не имѣвшихъ никакого представленія о разыгранной въ замкѣ комедіи...

«По возвращеніи изъ Кракова [2]) я представился королю, который пригласилъ меня на другой день къ обѣду. Я встрѣтилъ тамъ шведскаго посланника, показавшагося мнѣ въ весьма дурномъ расположеніи духа. Послѣ обѣда появился англійскій посланникъ М. Hailes, представившій двухъ англичанъ, а вскорѣ затѣмъ, въ придворной каретѣ, запряженной шестерикомъ, подъѣхалъ русскій посолъ Булгаковъ. «Ко мнѣ только что прибылъ, сказалъ онъ королю, курьеръ изъ Константинополя съ извѣстіемъ о подписаніи прелиминарныхъ мирныхъ условій между Россіей и Высокою Портою. Спѣшу сообщить это интересное извѣстіе вашему величеству».

«Король, казавшійся уже нѣсколько досажденнымъ, когда ему доло-

---

[1]) Гуго Колонтай былъ краковскимъ каноникомъ и, покровительствуемый Игнатіемъ Потоцкимъ, былъ сдѣланъ подканцлеромъ. Принялъ дѣятельное участіе въ разработкѣ и обнародованіи конституціи 3-го мая 1791 года.

Перев.

[2]) Гейкингъ ѣздилъ лечиться въ Кржезовице, мѣстечко въ Галиціи, гдѣ были сѣрные источники.

жили о русскомъ посланникѣ, не могъ скрыть своего возбужденія при полученіи столь неожиданнаго извѣстія, и его смущеніе выразилось въ томъ, какъ онъ выговорилъ поздравленіе.

«Когда Булгаковъ собрался уходить, мистеръ Hailes, обѣдавшій у него, упрекнулъ его за то, что онъ скрылъ отъ него столь важную новость.

— Я хотѣлъ, возразилъ Булгаковъ, первымъ сообщить королю это извѣстіе, такъ какъ былъ увѣренъ, что его величество отнесется къ нему съ живымъ и искреннимъ интересомъ.

«Предстоявшее заключеніе мира, дававшаго возможность Россіи располагать всѣми своими боевыми силами, должно было бы возбудить среди поляковъ весьма основательныя опасенія. Тѣмъ не менѣе они не переставали идти на перекоръ императрицѣ, а нѣкоторые депутаты даже въ оскорбительной формѣ отзывались о ней въ рѣчахъ, которыя держали на сеймѣ. О моихъ опасеніяхъ я сообщилъ графу Игнатію Потоцкому, съ которымъ былъ болѣе всего друженъ. Но страсть вызываетъ самообольщеніе даже въ людяхъ умныхъ.

«Потоцкій съ восторгомъ отзывался о союзѣ съ Пруссіею, о прямодушномъ характерѣ короля, добивавшагося лишь одного—быть «честнѣйшимъ человѣкомъ своего королевства», о завязанныхъ новыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Швеціею, Англіею и другими державами, въ разсчетъ которыхъ входило сохранить Польшу и принизить Россію.

«Я отвѣтилъ, что судя по тѣмъ наблюденіямъ, что я могъ сдѣлать въ Берлинѣ, король прусскій человѣкъ характера слабаго, благодаря чему на него разсчитывать трудно; Швецію Россія уже смирила, а Турцію понудила къ заключенію невыгоднаго для послѣдней мира. Екатерина, если только я вѣрно сужу о ея характерѣ, не оставитъ безъ отместки неблагодарность короля (Понятовскаго) и оскорбленія, нанесенныя ей самой, ея посланнику и ея странѣ. Она умѣетъ не показывать вида, что замѣчаетъ, но какъ только она снова будетъ располагать нужными силами, она ихъ пуститъ въ ходъ и Польшу уничтожитъ.

— Вы оцѣниваете, возразилъ мнѣ графъ, могущество Россіи съ предвзятымъ взглядомъ человѣка, въ молодости служившаго при русскомъ дворѣ. Но финансы имперіи разстроены, армія ослаблена и разрознена и все указываетъ на крушеніе этого колосса, который тѣмъ слабѣе, чѣмъ шире раскидывается. Честолюбіе императрицы безпокоитъ всѣ дворы Европы и, такъ какъ въ силу 4 и 5 статей договора нашего съ Пруссіею, послѣдняя обязана помочь намъ не только 30 тысячами пѣхоты, но, въ случаѣ нужды, всѣми своими силами, то намъ уже нечего опасаться постыднаго подчиненія, тѣмъ болѣе, что новая конституція даетъ намъ всѣ средства развить наши народныя силы....

«Немного спустя Россіею и Турціею былъ подписанъ Ясскій мирный договоръ (январь 1792). Между тѣмъ адское ученіе якобинцевъ распро-

странялось на сѣверѣ Европы съ ужасающею быстротою. Въ Варшавѣ общественный духъ былъ окончательно испорченъ, и вскорѣ многіе изъ моихъ друзей оказались имъ зараженными.

«Убійство шведскаго короля, сблизившагося съ Россіею и имѣвшаго принять командованіе надъ 30 тысячами русскихъ и шведовъ для борьбы съ французскою революціею ужаснуло всѣхъ коронованныхъ лицъ. Лишь Станиславъ, сужденія котораго всегда, къ сожалѣнію, шли ложнымъ путемъ, думалъ, что своею популярностью онъ предохраненъ отъ всякаго покушенія.

«3-го мая праздновали годовщину новой конституціи. Король добился папской грамоты, въ силу которой праздникъ св. Станислава былъ перенесенъ съ 8-го на 3-е мая, съ тѣмъ чтобы патронъ короля и республики былъ въ то же время и патрономъ конституціи....

«Комиссія, разсматривавшая наши жалобы, уже высказала свой взглядъ, и срокъ окончательнаго рѣшенія сеймомъ приближался. Герцогиня удвоила свои старанія заручиться «франтами»[1]), министерствомъ и сенатомъ, а мы держались «усачей», по отношенію къ намъ благопріятно настроенныхъ. Подканцлеръ Колонтай, получившій отъ герцогини на обзаведшіе своего дома «въ видѣ займа» три прекрасныхъ картины и 2.000 дукатовъ, высказался противъ насъ, вопреки прежнимъ увѣреніямъ.

«Что намъ въ ту минуту повредило, такъ это декларація русскаго посланника, заявившаго, что «ея величество императрица никогда не признаетъ конституціи 3-го мая и съумѣетъ поддержать старую конституцію Польши, которую она гарантировала съ 1775 года». Король отважился произнести въ засѣданіи 23-го (мая) угрожающую рѣчь противъ этой декларации. При этотъ онъ, между прочимъ, сказалъ: «льщу себя мыслью, что вы будете имѣть случай, въ числѣ средствъ усиленія нашего войска, воспользоваться и предложеніемъ герцога курляндскаго».

На засѣданіи сейма докладъ комиссіи, неблагопріятный для курляндскаго рыцарства, даже не былъ прочтенъ цѣликомъ и потому не обсуждался; возникли пренія лишь по формѣ, но въ концѣ концовъ партія герцога восторжествала, и докладъ комиссіи былъ принятъ большинствомъ 12 голосовъ. Гейкингъ съ товарищами рѣшили немедленно оставить Варшаву, не откланиваясь ни королю, ни маршаламъ, въ видѣ протеста противъ незаконнаго образа дѣйствій сейма.

«....Я отправился въ Дрезденъ, гдѣ имѣлъ возможность удостовѣриться въ мудромъ поведеніи курфюрста по отношенію къ полякамъ. Ему предложили наслѣдіе престола и дочь его объявили «инфантою».

---

[1]) Большая часть депутатовъ носила старинный польскій костюмъ и усы. Противуположностью имъ были „франты“ (les élégants), почерпавшіе премудрость въ газетахъ и во французскихъ клубахъ.

Къ нему были отправлены князь Адамъ Чарторыйскій и графъ Мостовскій для побужденія его къ какой-либо декларації совмѣстно съ королемъ прусскимъ какъ гарантомъ конституціи 3-го мая, или, по крайней мѣрѣ, помочь деньгами и артиллеріею. Но курфюрстъ все отклонилъ и заявилъ, что безъ согласія Австріи и Пруссіи онъ ни въ какіе переговоры съ Польшею не вступитъ.

«Между тѣмъ въ Тыговицѣ собрались приверженцы прежней формы правленія для образованія тамъ, подъ покровительствомъ Россіи, конфедераціи, имѣвшей протестовать противъ конституціи 3-го мая.

«Графъ Феликсъ Потоцкій, одинъ изъ богатѣйшихъ магнатовъ Польши' возмущенный образомъ дѣйствій по отношенію къ нему «патріотическаго» сейма [1]), сталъ во главѣ конфедераціи, а графъ Браницкій и гетманъ Коссаковскій, братъ епископа, вступили въ нее отъ имени Литвы.

«Императрица взяла членовъ конфедераціи подъ свое покровительство и обѣщала озаботиться неприкосновенностью ихъ владѣній и удержаніемъ старой формы правленія Польши.

«Король, поклявшійся на сеймѣ, что онъ скорѣе дастъ себя похоронить подъ развалинами отечества, чѣмъ когда либо согласится на отмѣну конституціи 3-го мая, внезапно заявилъ о томъ, что приступаетъ къ конфедераціи....

«Одинъ изъ моихъ друзей, вернувшійся въ Варшаву изъ Тыговицы, посовѣтовалъ мнѣ не откладывать далѣе объявленія, что курляндское рыцарство также приступаетъ къ конфедераціи.

«Въ ту пору мнѣ довелось быть свидѣтелемъ событій въ Варшавѣ, благодаря которымъ одно за другимъ всѣ постановленія сейма были уничтожены. Луккезини былъ отозванъ; во время его прощальной ауді-енціи раздался громъ русскихъ пушекъ, стоявшихъ въ пражскомъ предмѣстьи, такъ что окна зáмка задребезжали [2]). Король обратилъ на это вниманіе итальянца, который пожалъ плечами и прикинулся растроганнымъ.

«Комиссары тыговицской конфедераціи объявили якобинцу Декоршу (французскому посланнику), чтобы онъ немедленно покинулъ Варшаву, такъ какъ французское народное собраніе посягнуло на личность короля Людовика и его семейства. Король польскій оказался вынужденнымъ отозвать не только своего комиссара въ Митавѣ (Батовскаго), но и всѣхъ назначенныхъ имъ со времени 3-го мая 1791 года посланниковъ при разныхъ европейскихъ дворахъ.

---

[1]) Отъ него отняли званіе гроссмейстера артиллеріи и недостойнѣйшимъ образомъ очернили.

[2]) Было-ли то сдѣлано намѣренно или произошло случайно. Былъ какой-то русскій праздникъ, и командовавшій генералъ, приказавшій стрѣлять, отлично зналъ, какъ и всѣ, день и часъ прощальной ауді-енціи.

«Преемникъ Луккезини, фонъ-Бухгольцъ, выставлялъ на показъ дружественность отношеній въ русскому посланнику.

«Комиссары конфедераціи всячески принижали варшавскій муниципалитетъ. Они приказали снять установленную имъ мундирную форму, отобрать отъ гражданъ розданное имъ оружіе и потребовали принесенія присяги конфедераціи. Когда служащіе въ городскомъ управленіи чиновники, въ исполненіе полученнаго приказанія появились одѣтыми въ черномъ платьѣ, ихъ заставили ждать въ передней съ лакеями цѣлыхъ два часа, и присяга, которую они принесли, была не что иное, какъ отказъ отъ всего того, что имъ было дано сеймомъ.

«Въ бѣшенствѣ на эти униженія нѣкоторыя лица замыслили избіеніе всѣхъ жившихъ въ Варшавѣ русскихъ. Но генералъ Каховскій, во́время извѣщенный, удвоилъ всюду стражу, разставилъ по разнымъ мѣстамъ отряды войскъ и т. п.».

Получивъ надлежащія инструкціи и полномочія, Гейкингъ отправился въ Тырговицу, гдѣ былъ торжественно принятъ конфедератами, выслушавшими его заявленіе о присоединеніи курляндскаго рыцарства къ конфедераціи, а равно и разсмотрѣвшими тѣ жалобы на герцога, по которымъ уже состоялось вышеописанное рѣшеніе варшавскаго сейма. Изданный по этому поводу конфедераціею указъ (универсалъ) отмѣнялъ это рѣшеніе, незаконное какъ всѣ постановленія этого сейма.

«Глава конфедератовъ, Феликсъ Потоцкій, ненавидѣлъ и презиралъ Станислава, и можно себѣ представить, какое удовлетвореніе онъ испытывалъ, всячески унижая короля во время конфедераціи. Родившійся въ богатствѣ, Потоцкій былъ, тѣмъ не менѣе, съ ранней молодости очень несчастливъ. Почувствовавъ пылкую страсть къ Комаровской, молоденькой дѣвушкѣ стариннаго дворянскаго рода, но бѣдной, онъ женился на ней тайно. Когда родители его о томъ узнали, они приказали несчастную утопить, чтобы порвать безповоротно узы, несовмѣстимыя съ ихъ гордостью по отношенію къ единственному сыну. Когда Феликсъ Потоцкій узналъ о совершившемся, онъ заболѣлъ опасно и послѣ выздоровленія сохранилъ нѣкоторую разсѣянность, благодаря которой казался страннымъ, даже невѣжливымъ. Чтобы окончательно возстановить здоровье его послали за границу. Путешествіе и время смягчили его горе, но осталась постоянная меланхолія. Онъ былъ образованъ, чувствителенъ и добръ; но при этомъ часто бывалъ запальчивъ и гнѣву его не было границъ.

«Его женили на графинѣ Мнишекъ, мать которой была урожденная графиня Брюль.

«Однажды вечеромъ, я сидѣлъ у него въ кабинетѣ; жена его, что то рисовавшая тутъ же, подозвала меня, чтобы показать свой рисунокъ.

— Конфедерація, сказала она, постановила отчеканить нѣсколько ты-

сячъ талеровъ безъ изображенія короля, но съ надписью, которая должна увѣковѣчить отмѣну знаменитой конституціи 3-го мая. Я рисую вѣнокъ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ; вокругъ него будетъ надпись, сочиненная моимъ мужемъ, который вамъ ее покажетъ.

«Рисунокъ былъ очень красивъ, а надпись, отчеканенная приблизительно на 30-ти тысячахъ талеровъ, была слѣдующая: на одной сторонѣ вѣнокъ, окруженный словами: «Gratitudo concivibus, exemplum posteritati» (согражданамъ благодарность, потомству примѣръ). Въ серединѣ вѣнка: «civibus, quorum pietas conjuratione de III Mai MDCCXCI obruptam et deletam libertatem tueri conabatur, Respublica resurgens» (гражданамъ, благочестіе которыхъ потщилось защитить надломанную и разрушенную заговоромъ 3-го мая 1791 свободу, возрожденная республика).

«На другой сторонѣ талера стояло: «Decreto Reipublicae nexu confoed. junctae. Die V Decemb. 1792» (Декретомъ республики, укрѣпленной узами конфедераціи. Декабря 5-го дня 1792 г.).

«Декретомъ конфедераціи талеры эти объявлены ходячею монетою, долженствующею замѣнить прежніе, пока не будетъ уставленъ новый порядокъ вещей.

«Большаго униженія для короля нельзя было себѣ представить; съ одной стороны, называютъ конституцію 3-го мая заговоромъ, а съ другой, прибавляютъ: «въ царствованіе Станислава-Августа».

«Виленскій епископъ, князь Масальскій, почти 70-ти-лѣтній старецъ, былъ совершенно преданъ Россіи, ибо онъ предвидѣлъ, что въ Польшѣ всегда будетъ преобладать вліяніе русскаго двора. Этотъ прелатъ провелъ молодость во Франціи, принялъ совершенно французскія манеры, былъ чрезвычайно вѣжливъ и жилъ блестящимъ домомъ.

«Гродненскій епископъ, Косаковскій, имѣлъ значеніе лишь благодаря своему брату, бывшему одновременно и гетманомъ польской арміи и генераломъ русской службы. Этотъ братъ съ молодыхъ лѣтъ питалъ упорную ненависть къ королю и противился ему при всякомъ удобномъ случаѣ.

«Великій канцлеръ Литвы, князь Сапѣга, былъ самымъ умѣреннымъ изъ всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ людей. Отъ природы мягкій и миролюбивый, онъ предпочиталъ политикѣ музыку и живопись. Онъ всегда склонялся къ менѣе рѣшительнымъ средствамъ и потерялъ подъ конецъ всякое вліяніе на тѣхъ, которые, держась предвзятыхъ взглядовъ, помышляли лишь о мести.

«Между тѣмъ удовольствіе принизить короля и его приверженцевъ превратилось вскорѣ въ горечь и боль.

«Г. Бухгольцъ, прусскій посланникъ, передалъ 16-го января 1793 г. ноту, ошеломившую конфедерацію.

«Король, его повелитель, заявилъ, что, такъ какъ якобинизмъ

сдѣлалъ въ Польшѣ ужасающіе успѣхи, онъ не считалъ возможнымъ далѣе подвергать свои пограничныя съ нею области этому опасному ученію и, вслѣдствіе того, войска его вступятъ въ Великую Польшу, для обезпеченія его областей отъ опасныхъ послѣдствій этого революціоннаго духа.

«Станиславъ, находившійся въ Варшавѣ, былъ глубоко потрясенъ этимъ ударомъ, возвѣщавшимъ новый раздѣлъ, какъ и тѣмъ, что ударъ этотъ пришелъ именно отъ берлинскаго двора, съ которымъ еще недавно Польша заключила торжественный договоръ.

«Когда это извѣстіе пришло въ Гродно [1]), всѣ глубоко возмутились. Обратились къ русскому посланнику Бюлеру съ разспросами о томъ, какъ смотритъ русскій дворъ на столь неоффиціальное поведеніе. Такъ какъ посланникъ рѣшительно заявилъ, что онъ ничего о томъ не зналъ, то генеральная конфедерація, исходя изъ предположенія, что берлинскій дворъ дѣйствовалъ безъ согласія императрицы, приняла вполнѣ достойное рѣшеніе.

«Она повелѣла всему дворянству массою подняться и совмѣстно съ линейными войсками воспротивиться вторженію пруссаковъ. Въ то же время она обратилась къ петербургскому двору съ мольбою о поддержкѣ. Но люди разумные, понимавшіе значеніе подобныхъ событій, должны были видѣть, что оба двора дѣйствовали въ согласіи и что Екатерина, чтобы сдѣлать отместку еще чувствительнѣе, дала блеснуть первой искрѣ молніи, долженствовавшей уничтожить Польшу, въ рукахъ прусскаго короля.

«Но Екатерина ранѣе того обѣщала тыргowицкой конфедераціи, что Польша останется неприкосновенною. Нужно было поэтому найти выходъ, чтобы не впасть въ слишкомъ явное противорѣчіе. А такой выходъ былъ не мыслимъ, пока король прусскій, «самый честный человѣкъ своего королевства», не нарушилъ открыто только что ратифицированнаго имъ договора съ Польшею, объясняя свой образъ дѣйствій настоятельною государственною необходимостью. Эта государственная необходимость могла затѣмъ быть принятою въ соображеніе и для провинцій, пограничныхъ съ Россіею, и служить послѣдней, по крайней мѣрѣ, предлогомъ къ шагу, тождественному съ тѣмъ, на который рѣшился берлинскій дворъ.

«При ея стараніи соблюсти дипломатическія формы, Екатерина рѣшилась избавить своего посланника Бюлера отъ непріятности давать объясненія, бывшія прямо противуположными совершенно добросовѣстно

[1]) Гдѣ въ то время были въ сборѣ всѣ конфедераты.

расточаемымъ имъ конфедератамъ завѣреніями [1]). Она назначила поэтому своимъ посломъ въ Польшу тайнаго совѣтника Сиверса.

«Хотя этотъ выборъ, въ виду нравственныхъ достоинствъ этого лица, былъ прекрасенъ, но я полагаю, что онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ; человѣкъ болѣе хитрый, хотя бы и менѣе доброжелательный, былъ бы болѣе на мѣстѣ. Но несчастнымъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ выборъ генерала Игельстрома, на котораго возложили высшее командованіе всѣми расположенными въ Польшѣ русскими войсками. Возведеніе этого человѣка на высокія военныя и даже дипломатическія должности доказываетъ, какъ часто прозорливость и «авось» другъ друга стѣсняютъ. Невозможно имѣть менѣе ума, талантовъ и проницательности, чѣмъ этотъ генералъ; Екатерина тѣмъ не менѣе неоднократно пользовалась его услугами. Его ничтожество прикрывалось счастливыми случайностями. Но въ концѣ концовъ судьба отмстила за немъ за людей умныхъ и показала, что рано или поздно притязательный невѣжда получаетъ должное возмездіе.

«Едва онъ прибылъ въ Гродно для принятія командованія надъ арміею, какъ тотчасъ же поссорился съ Сиверсомъ и всѣхъ возмутилъ своимъ высокомѣріемъ. Онъ считалъ необходимымъ подражать князю Репнину, своему давнишнему покровителю, котораго ставилъ себѣ въ образецъ.

«Сиверсъ, послѣ того какъ нѣсколько оглядѣлся въ конфедераціи, отправился въ Варшаву, чтобы побудить короля прибыть въ Гродно. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ пожелалъ побесѣдовать со мною о варшавскихъ дѣлахъ. Я сдѣлалъ ему точную характеристику короля и окружающихъ послѣдняго лицъ, просилъ остерегаться Станислава, совершенная ненадежность котораго мнѣ была хорошо извѣстна. Посланникъ заявилъ мнѣ, что все слышанное имъ отъ меня согласуется съ полученными имъ инструкціями.

«Но Сиверсъ еще не пробылъ и двухъ недѣль въ Варшавѣ, какъ я получилъ отъ одного моего друга письмо, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что посланникъ въ такомъ восхищеніи отъ короля и его семьи, что во вліяніи послѣдняго на Сиверса никто уже не сомнѣвается.

«Конфедерація пребывала въ неопредѣленности и страхѣ. Курьеръ изъ Петербурга привезъ графинѣ Потоцкой Екатерининскій орденъ первой степени и собственноручное, чрезвычайно милостивое, письмо императрицы. Но столь блестящее отличіе одного лица могло тѣмъ менѣе успокоить поляковъ насчетъ намѣреній государыни относительно ихъ страны, что дворъ упорно молчалъ о порученіи, данномъ послу

[1]) Я увѣренъ, что въ первое время конфедераціи онъ ничего не зналъ о проектѣ раздѣла. При первомъ о томъ увѣдомленіи онъ получилъ желтуху и хотя онъ былъ молчаливъ, какъ Гарпократъ, но его болѣзнь говорила ясно.

(Сиверсу), и о которомъ даже барону Бюлеру не было, повидимому, ничего извѣстно.

«Казнь короля Людовика XVI ожесточила всѣхъ монарховъ, и прусскій король воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы указать на опасность, кроющуюся въ очагѣ якобинизма, пріютившагося столь близко къ его владѣніямъ. Онъ приказалъ своему посланнику оставить Варшаву, отправиться въ Гродно и сообщить тамъ о тѣхъ рѣшительныхъ мѣропріятіяхъ, которыя онъ вынужденъ принять.

«При извѣстіи о казни французскаго короля, генеральная конфедерація облеклась въ трауръ, который и русскіе генералы наложили на всѣ войска.

«Съ напряженіемъ ожидали отвѣта императрицы на вступленіе пруссаковъ и на принятыя республикою мѣры сопротивленія. Но полученный отвѣтъ такъ мало соотвѣтствовалъ тому, что ожидалъ графъ Феликсъ Потоцкій, что когда онъ его прочелъ, то упалъ въ обморокъ. Придя въ себя, онъ разразился потокомъ слезъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней никого не хотѣлъ видѣть. Лишь баронъ Бюлеръ и Г. М...., близкій мой пріятель, были къ нему допущены. Отъ послѣдняго и извѣстны эти подробности, которыя, впрочемъ, мнѣ подтвердила впослѣдствіи сама графиня».

Банкротство извѣстнаго въ ту пору варшавскаго банкира Теппера лишило Гейкинга всѣхъ его денежныхъ средствъ. Но вскорѣ затѣмъ послѣдовало примиреніе герцога съ рыцарствомъ; черезъ своего посланника въ Митавѣ Екатерина объявила, что беретъ дворянство подъ свое покровительство и признаетъ законными всѣ постановленія сейма. Состоялось соглашеніе, извѣстное подъ названіемъ композиціонныхъ актовъ, въ силу котораго казенныя имѣнія были сданы въ многолѣтнюю аренду разнымъ лицамъ изъ дворянъ, по списку, установленному русскимъ дворомъ. Въ этотъ списокъ былъ включенъ и Гейкингъ, которому, кромѣ того, дворянство (курляндское) увеличило жалованье на сто дукатовъ ежемѣсячно за все время пребыванія его въ Гродно во время сейма.

«...Наконецъ, 9-го апрѣля (1793 г.) секретари обоихъ посольствъ, русскаго и прусскаго, Дивовъ и Таррашъ, вручили генеральной конфедераціи тождественныя ноты. Въ нихъ заявлялось, что оба двора видѣли себя вынужденными овладѣть нѣкоторыми провинціями для обезпеченія спокойствія въ своихъ областяхъ [1]). Заявленіе это вызвало по-

[1]) Извѣстно, что при второмъ раздѣлѣ Польши Россія получила часть Виленскаго палатината, остальныя части палатинатовъ Новогрудскаго, Волынскаго, Полоцкаго и Минскаго—всю Подолію и Украйну; Пруссія же получила города Данцигъ и Торнъ, всю Познань, Гневенъ, Калишъ, Плоцкъ и Раву. Перев.

нятное возбужденіе. Король, освѣдомленный о томъ, прибылъ въ Гродно лишь 22-го апрѣля.

«Замокъ, въ которомъ онъ жилъ, казался покинутымъ. Кромѣ двухъ адъютантовъ и двухъ пажей никого не было видно въ покояхъ, черезъ которые нужно было проходить, чтобы попасть въ кабинетъ къ его величеству.

«Чтобы нѣсколько позабавить, по крайней мѣрѣ, поляковъ, сдѣлали видъ, что выработываютъ съ ними новую конституцію, возстановили Постоянный Совѣтъ и созвали чрезвычайный сеймъ, универсалы котораго были, по обыкновенію, обнародованы королемъ.

«Сеймъ былъ открытъ 17-го іюня и маршаломъ избранъ графъ Бѣлинскій. Своеобразно было то, что конфедерація была сохранена, какъ высшій органъ исполнительной и судебной власти, въ то время какъ сеймъ былъ властью лишь законодательною.

«Чтобы лишить праздныхъ слушателей того опаснаго вліянія, которое они часто имѣли на публичныя обсужденія, было рѣшено не приглашать на засѣданія посредниковъ (remotis arbitris).

«Король произнесъ весьма замѣчательную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что «онъ приступилъ къ Тырговицкой конфедераціи лишь вслѣдствіе обѣщаннаго обезпеченія неприкосновенности республики и этому взгляду, продиктованному сердцемъ, онъ остается вѣренъ». Этимъ король лишь подлилъ масла въ огонь; по этому поводу посолъ (русскій) имѣлъ съ нимъ весьма оживленное объясненіе.

«Посланники Англіи и Швеціи [1]) дѣлали видъ, что находятся въ полномъ согласіи съ русскимъ и прусскимъ, но въ дѣйствительности они были не болѣе, какъ простые зрители.

«Засѣданіе 28-го іюня было весьма бурное. Многіе депутаты рѣшительно высказались противъ берлинскаго двора. «Король прусскій» сказали они, предложилъ намъ союзъ для того, чтобы поссорить насъ съ Россіею. Онъ намъ обѣщалъ поддержку всѣми своими силами противъ всякаго врага, и онъ же теперь разъясняетъ намъ необходимость насъ подѣлить и овладѣть нашими провинціями. Съ этимъ вѣроломнымъ дворомъ мы не желаемъ вступать въ переговоры. Мы готовы назначить делегацію для вступленія въ переговоры съ Россіей. Пруссіа же да будетъ во вѣки предметъ вражды и ненависти...»

«Тщетно министерство и сенатъ пытались успокоить депутатовъ; засѣданіе закончилось безъ всякаго постановленія.

«Бухгольцъ [2]) пожаловался Сиверсу. Послѣдній имѣлъ положительныя приказанія дѣйствовать съ прусскимъ посланникомъ заодно. Онъ попы-

---

[1]) Гарденеръ и генералъ Толль, замѣнившіе Гайльса и Энгестрома.

[2]) Прусскій посланникъ.

тался успокоить наиболѣе возбужденныхъ депутатовъ; но отвѣты ихъ были до того рѣзки, что нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе строптивыхъ, онъ велѣлъ арестовать.

«Засѣданіе слѣдующаго дня было еще буряѣе. Было заявлено, что сеймъ признаютъ распущеннымъ, если, во-первыхъ, депутаты не будутъ немедленно выпущены на свободу, во-вторыхъ, если не возвратятъ королю всѣ его доходы, часть которыхъ была отнята и въ третьихъ, если не снимутъ запрещенія съ имѣній графа Тышкевича.

«Изъ пункта втораго было видно, что самъ король пустилъ машину въ ходъ и возбудилъ умы. Его уличили въ двоедушіи и указали ему на печальныя для него послѣдствія такого поведенія, и онъ обѣщалъ исполнить все, что отъ него потребуютъ, хотя не измѣнилъ образа дѣйствій въ его основахъ.

«Великій маршалъ графъ Мнишекъ, хотя и сродни Станиславу [1]), не могъ не убѣдиться, насколько эти постоянныя увертки его величества вредили дѣлу. Онъ предпочелъ удалиться отъ должности и тѣмъ избѣгнуть непріятностей, которымъ несомнѣнно подвергнулись бы всѣ окружающіе короля.

«Король всегда желалъ щадить то, что онъ называлъ общественнымъ настроеніемъ, а такъ какъ онъ въ то же время хотѣлъ заслужить одобреніе и русскаго посланника и прусскаго, то выходило, что онъ разъигрывалъ въ высшей степени смѣшную и презрѣнную роль. Онъ вынудилъ, наконецъ, Сиверса объявить, что, «такъ какъ не хотятъ заключить предлагаемаго договора, то его дворъ долженъ смотрѣть на такое промедленіе, какъ на объявленіе войны, и потому не замедлитъ наложить секвестръ на доходы и короля, и республики и прекратить уплату за отпускаемое войскамъ продовольствіе».

«Все тотчасъ же устроилось. Избранная для переговоровъ съ Россіей делегація получила неограниченныя полномочія, и 22-го (іюля) договоръ былъ подписанъ и отправленъ въ Петербургъ.

«Прусскій же посланникъ по прежнему встрѣчалъ упорное и непоколебимое сопротивленіе. Весьма вѣроятно, что петербургскій дворъ, несмотря на выставляемыя на видъ согласіе и дружбу съ Пруссіей, не негодовалъ на то, что она такъ унижена и что на нее, главнымъ образомъ, обращена была ненависть поляковъ.

«Наконецъ, Бухгольцъ оффиціально потребовалъ вмѣшательства русскихъ войскъ, и Сиверсъ выступилъ со всею энергіею. Договоръ съ Пруссіей былъ подписанъ лишь въ сентябрѣ, послѣ того какъ два баталіона русскихъ гренадеръ, съ четырьмя орудіями, окружили залъ засѣ-

[1]) Его жена была дочерью Замойской, старшей сестры короля.

даній. Въ благодарность за эту услугу берлинскій дворъ прислалъ Сиверсу Чернаго Орла съ брильянтами.

«Въ теченіе шести недѣль престарѣлый посолъ разукрасился лентами всякихъ цвѣтовъ. Онъ заслужилъ это своимъ усердіемъ и своею дѣятельностью, и хотя близъ него были люди, которые его чернили передъ его дворомъ, Екатерина долгое время отвергала всѣ эти лукавые навѣты».

Въ концѣ 1793 года состоялось окончательное примиреніе герцога курляндскаго съ дворянствомъ, и Гейкингъ, дѣйствовавшій въ Гродно уже въ качествѣ уполномоченнаго и того и другаго, прибылъ въ Митаву для представленія отчета сейму, который, въ торжественномъ засѣданіи, выразилъ ему свою признательность и приподнесъ въ награду пятнадцать тысячъ таллеровъ.

А. Гирсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ III [1]).

ГЛАВА VII.

Мѣстные военачальники.—Козловскій.—Филипсонъ.—Евдокимовъ.—Князь Гагаринъ.—Убійство его княземъ Дадишкиліяномъ.—Князь Эристовъ.—Баронъ Врангель.—Князь Орбеліани.

Такъ какъ, рисуя свиту намѣстника, я долженъ былъ въѣхать, такъ сказать, въ предѣлы военнаго міра, то мнѣ кажется не будетъ лишнимъ, если я коснусь нѣсколько главныхъ военныхъ начальниковъ края.

Правымъ крыломъ, при моемъ прибытіи на Кавказъ, командовалъ знаменитый генералъ Козловскій, какъ самъ князь Барятинскій говорилъ, бывшій его начальникъ. Отличительною чертою его было то, что онъ не могъ сказать ни одного слова, не прибавивъ къ нему нѣсколькихъ «какъ» «какъ», спереди или сзади. Такъ, напримѣръ, выходя къ своему отряду, онъ говорилъ «какъ! здорово ребята!» «какъ» «какъ!» По этой части ходили безчисленные анекдоты, такіе же безчисленные анекдоты ходили и объ его беззавѣтной, значительно-безумной храбрости. Повторять этихъ анекдотовъ я не буду; сущность ихъ была, однако, такова, что для него жизнь солдата, какъ и своя собственная, рѣшительно ничего не значила.

Я помню слѣдующій разсказъ самого князя, возвратившагося изъ какой-то поѣздки. Дѣло было въ томъ, что Козловскій считалъ необходимымъ показать князю какое-то мѣсто, гдѣ, по его убѣжденію, слѣдо-

[1]) См. „Русск. Старину“ октябрь, 1897 г.

вало сдѣлать укрѣпленіе, и для этого завелъ князя въ ущелье. Во время ихъ обозрѣнія на высотахъ, образующихъ это ущелье, стали показываться горцы и, облокотившись на свои винтовки, смотрѣть на нихъ внизъ.

Встревоженный князь говорилъ Козловскому.

— Однако Викентій Михайловичъ, если начнутъ стрѣлять, намъ плохо будетъ!

Козловскій, хладнокровно взглянувъ на горцевъ, сказалъ:

— Да, какъ! Впрочемъ не полагаю! и потомъ сталъ продолжать свои объясненія.

Чрезъ нѣсколько минутъ, князь опять говоритъ:

— Если начнутъ стрѣлять, мы не выйдемъ изъ ущелья!

— Да! впрочемъ, не полагаю.

О многоразличныхъ подвигахъ Козловскаго я говорить не хочу, да и не могу, потому что, принадлежа къ гражданскому міру, я не имѣлъ ни наклонности, ни возможности изучать пристально событія, совершающіяся въ военномъ мірѣ, и если касаюсь ихъ въ моихъ разсказахъ, то единственно настолько, насколько они задѣвали, такъ сказать, меня самого. Такъ, напримѣръ, я положительно знаю, что Козловскій, несмотря на свою прославленную храбрость и знаменитые предшествующіе подвиги, не могъ соотвѣтствовать видамъ князя. Къ тому же на всемъ Кавказѣ стали шумно говорить, что сей отчаянный генералъ завелъ куда-то свой отрядъ и безъ нужды заморозилъ много людей. Однимъ словомъ, князь предназначилъ, какъ говорится, спустить Козловскаго и назначилъ его въ аудиторіатъ.

Переселившись въ Петербургъ, Козловскій, разумѣется, затерялся въ этомъ всепоглащающемъ и всеуравнивающемъ омутѣ, гдѣ часто министра съ трудомъ отличишь отъ губернскаго секретаря. Изрѣдка только, разъ въ годъ, на кавказскихъ праздникахъ, Козловскій, въ качествѣ хозяина этихъ праздниковъ, видѣлъ кавказскую семью, а кавказская семья видѣла Козловскаго и рукоплескала ему, когда записной ораторъ напоминалъ его былые кавказскіе подвиги...

На мѣсто Козловскаго, начальникомъ праваго фланга, князь предназначилъ генерала Филипсона, который предъ тѣмъ былъ, если не ошибаюсь, наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска. Я былъ свидѣтелемъ этого назначенія. Вѣчно болтаясь въ кабинетѣ князя, я засталъ тамъ однажды неизвѣстнаго мнѣ генерала въ казацкой формѣ, съ чрезвычайно умнымъ и симпатичнымъ лицомъ, съ головой, сильно покрытой посеребренными волосами. Князь тотчасъ насъ познакомилъ; оказалось, что это былъ Филипсонъ.

Какія основанія и соображенія были у князя при назначеніи его начальникомъ праваго крыла, я не знаю, хотя общее мнѣніе утверждало,

что Филипсонъ вообще былъ человѣкъ умный и образованный и быть можетъ одного этого было достаточно для рѣшенія князя. Назначеніе это, однако, вышло неудачно какъ для князя, такъ и для Филипсона. Въ то время, какъ у Евдокимова на лѣвомъ крылѣ дѣло кипѣло, у Филипсона оно шло какъ-то туго. Наконецъ, когда лѣвое крыло, съ плѣненіемъ Шамиля, было блистательно покорено, Филипсонъ, хотѣлъ тоже отличиться и заключилъ съ абадзехами, сильнѣйшимъ племенемъ праваго крыла, какія-то условія, которыя на первый разъ произвели сильный эффектъ, но впослѣдствіи оказались довольно неудачными и были причиною, что самого князя его многочисленные доброжелатели стали подозрѣвать въ искусственномъ сочиненіи этой штуки именно для того, чтобъ получить только фельдмаршальство.

Князь тотчасъ увидѣлъ, что съ Филипсономъ, несмотря на его умъ и образованіе, въ дѣлѣ покоренія далеко не уѣдешь и что для этого нужно приставить единственнаго спеціалиста этого дѣла, того-же Евдокимова, который такъ великолѣпно завершилъ покореніе лѣваго крыла. Поэтому, предполагалось на мѣсто Филипсона назначить Евдокимова, а Филипсону дать мѣсто начальника главнаго штаба, остававшееся вакантнымъ за назначеніемъ Д. А. Милютина товарищемъ военнаго министра.

Филипсонъ, понимая сущность этого обмѣна и неравнодушный къ успѣхамъ Евдокимова, обидѣлся этимъ предположеніемъ и просилъ назначить его сенаторомъ въ Москву, утверждая, что это было цѣлью всей его службы и что ничего болѣе онъ не желаетъ. Въ свою очередь и гордый князь остался недоволенъ такимъ отзывомъ и упорный въ своихъ намѣреніяхъ, настоялъ таки на томъ, чтобы Филипсонъ, хотя временно, принялъ должность начальника главнаго штаба, обѣщая употребить все свое вліяніе къ осуществленію завѣтной мечты Филипсона о сенаторствѣ. Такимъ образомъ Филипсонъ дѣйствительно занималъ нѣкоторое, весьма непродолжительное впрочемъ, время должность начальника главнаго штаба. Но при натянутыхъ между нимъ и княземъ отношеніяхъ—этотъ періодъ не могъ быть пріятнымъ ни для него, ни для князя, и оба они ждали выхода изъ этого обоюдостѣснительнаго положенія.

На мѣсто начальника главнаго штаба, выписанъ изъ Петербурга генералъ Карцовъ. Сей генералъ также не сошелся съ княземъ и предназначенъ имъ былъ даже на другое мѣсто; но болѣзнь князя, потомъ отъѣздъ за границу и окончательное оставленіе Кавказа были причиною, что предположеніе это осталось неисполненнымъ.

Лѣвый флангъ я засталъ уже въ рукахъ знаменитаго Евдокимова, который, впрочемъ, тогда еще не былъ очень знаменитъ. Я кажется выше говорилъ, что князь Александръ Ивановичъ, всегда вѣруя въ свое высокое призваніе, усвоилъ себѣ тотъ главный принципъ, что существен-

ная задача каждаго высокопоставленнаго человѣка состоитъ въ выборѣ людей. «Кто умѣетъ выбирать людей, говорилъ онъ, тотъ всегда будетъ знаменитъ». При этомъ онъ приводилъ примѣръ царствованія Екатерины и другіе. Надобно сказать, что никогда принципъ этотъ не могъ имѣть такого блистательнаго осуществленія, какъ въ приложеніи къ Евдокимову. Это былъ безспорно талантъ огромной величины, талантъ, именно примѣненный къ Кавказской войнѣ, талантъ, такъ сказать, отшлифованный въ горнилѣ кавказскихъ боевыхъ дѣлъ. Всѣмъ извѣстно, что Евдокимовъ самаго простаго происхожденія и началъ свою карьеру нижнимъ чиномъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, но не выходя изъ предѣловъ Кавказа, онъ изучилъ страну со всѣми ея мѣстными условіями: горами, нравами, экспедиціями, какъ свои пять пальцевъ. Общее мнѣніе, однако, которое и я вполнѣ раздѣлялъ, было таково, что въ европейской войнѣ Евдокимовъ, если и не представлялъ бы собою полнѣйшаго ничтожества, то во всякомъ случаѣ былъ бы далекъ отъ положенія полководца, тогда какъ на Кавказѣ онъ былъ рѣшительно незамѣнимъ, зная отлично мѣстность и коварные обычаи горцевъ.

Впрочемъ кавказскія его заслуги извѣстны достаточно всей Россіи и не требуютъ объясненія. Мнѣ предстоитъ сказать только, и то для тѣхъ, кто лично его не зналъ, что это былъ умнѣйшій и пріятнѣйшій господинъ во всѣхъ отношеніяхъ. Аристократическаго лоску и представительности, конечно, онъ не могъ имѣть; но со стороны ловкости и тончайшаго умѣнья держать себя съ людьми онъ могъ быть учителемъ любаго аристократа.

Князю, разумѣется, для осуществленія его широкихъ замысловъ, онъ былъ полезенъ въ высшей степени и волю его считалъ для себя выше всѣхъ заповѣдей. Но если онъ былъ полезенъ князю, то и князь сыпалъ на него награды такимъ щедрымъ и обильнымъ образомъ, какому, какъ я полагаю, трудно пріискать подобный примѣръ въ исторіи. Самъ князь, какъ кажется, тщеславился этою безпримѣрною щедростью, потому что не одинъ разъ высчитывалъ мнѣ, что онъ въ одинъ или два года, ужъ не помню, далъ ему одиннадцать наградъ. По моему убѣжденію польза, принесенная Евдокимовымъ государству, стоитъ и ста одиннадцати наградъ, потому что, послѣ Барятинскаго, Россія ему обязана, что перестали литься русская кровь и исчезать русскіе милліоны въ этомъ ужасномъ краѣ.

Не помню уже, въ какомъ именно, но только въ какомъ-то русскомъ иллюстрированномъ изданіи помѣщенъ былъ потретъ князя Барятинскаго, а въ текстѣ сказано было, что редакція намѣрена помѣстить радъ портретовъ великихъ нашихъ государственныхъ людей съ біографическими о нихъ свѣдѣніями и прежде всего помѣщаетъ портретъ князя Барятинскаго. Князь былъ чрезвычайно доволенъ и показывалъ всѣмъ

этотъ нумеръ. Къ величайшему его неудовольствію въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ помѣщенъ былъ портретъ графа Муравьева-Амурскаго, а въ текстѣ сказано было, что въ предъидущемъ номерѣ помѣщенъ былъ портретъ князя Барятинскаго, а въ этомъ помѣщается портретъ другаго государственнаго человѣка. Негодованію князя не было предѣловъ и онъ нисколько не скрывалъ этого негодованія. Я живо помню, какъ онъ жаловался при многихъ на эту, какъ онъ называлъ, «нелѣпость».

— Я полагаю, говорилъ онъ, что если спросить любаго мужика, знаетъ ли онъ Барятинскаго, онъ скажетъ «слыхалъ! Это тотъ, что на Кавказѣ съ черкесами бьется! Слыхалъ!» Если спросить про Муравьева, навѣрное скажетъ: «нѣтъ, про такого не слыхалъ!»

Однимъ словомъ, нѣсколько дней князь только объ этомъ и говорилъ.

Надобно замѣтить, что прэдъ тѣмъ весьма незадолго Муравьевъ сдѣланъ былъ графомъ. Между тѣмъ въ это время, когда разразилось негодованіе князя, ожидалось взятіе Ведена, мѣстопребыванія Шамиля, и князь до того самоувѣренно и нетерпѣливо ожидалъ этого событія, что сочинялъ и приготовлялъ проекты приказовъ по арміи, которые должны быть выпущены по этому случаю.

Но не въ приказѣ дѣло; дѣло въ той наградѣ, которую князь готовилъ Евдокимову и которая несомнѣно зависѣла болѣе или менѣе отъ означенныхъ портретовъ и, главное, отъ дерзкаго и оскорбительнаго сопоставленія имени князя Барятинскаго съ именемъ Муравьева-Амурскаго, только что сдѣланнаго графомъ. Чтобъ показать свѣту громадную разницу между этими именами и въ особенности значеніе лицъ, которымъ принадлежатъ эти имена, князь рѣшился сдѣлать одного изъ своихъ подчиненныхъ графомъ и избралъ для этого именно Евдокимова, хотя для него оставалось много другихъ болѣе соотвѣтственныхъ и болѣе приличныхъ наградъ и хотя графство не очень шло къ нему, человѣку простому и не образованному.

Когда вышло это замѣчательное графство, кавказскій міръ изумленъ былъ въ величайшей степени, которую превосходила только степень изумленія самого Евдокимова. Многіе, которые хорошо знали князя, объясняли это неожиданное для всѣхъ обстоятельство именно послѣдствіемъ сравненія князя съ Муравьевымъ, и желанія его доказать, что онъ не только неравенъ ему, но самъ можетъ дѣлать такихъ же графовъ, какъ Муравьевъ. Въ моихъ глазахъ такое объясненіе пріобрѣло степень полнѣйшей достовѣрности, когда впослѣдствіи я читалъ всѣ письма князя къ государю и видѣлъ въ письмѣ, относящемся до этого случая, натянутыя причины, которыми князь старался доказать необходимость, справедливость, своевременность именно этой, а не другой награды для Евдокимова.

Осыпая, такимъ образомъ, его наградами, князь ужасно заботился,

чтобы ему отдаваемы были и всѣ внѣшнія почести, соотвѣтственныя тому положенію, на которомъ онъ желалъ его поставить. Такъ, напримѣръ, когда Евдокимовъ пріѣзжалъ въ Тифлисъ, князь умышленно спрашивалъ всѣхъ своихъ приближенныхъ: «были вы у графа Евдокимова?» и этими вопросами подгонялъ каждаго, волею-не-волею, являться къ нему. Подобно тому, когда предъ походомъ 1859 года, вся свита и всевозможные штабы сосредоточились въ Грозной, князь настоятельно требовалъ, чтобы всѣ являлись къ Евдокимову, называя его «хозяиномъ», у котораго мы въ гостяхъ.

Справедливость требуетъ сказать, что хозяинъ этотъ велъ себя великолѣпно, какъ и подобаетъ умному и тонкому человѣку. Уничтожаясь совершенно предъ княземъ, онъ умѣлъ очаровывать своею любезностью, не лишеніемъ нѣкотораго достоинства, всѣхъ приближенныхъ къ главнокомандующему, что̀ такой прозорливый человѣкъ, конечно, не считалъ лишнимъ.

Во время самаго похода, онъ былъ рѣшительно центромъ всѣхъ дѣйствій. Палатка его постоянно была окружена всевозможными толпами различныхъ личностей, въ числѣ которыхъ смуглыя физіономіи туземцевъ, подъ наименованіемъ переводчиковъ, лазутчиковъ, милиціонеровъ и т. п., въ огромныхъ папахахъ, обвѣшанныя оружіемъ съ ногъ до головы, составляли большинство. Самъ князь очевидно не только признавалъ въ немъ значеніе этого центра, но даже старался поддержать это значеніе, обращая къ нему все, что обращалось къ самому князю. Само собою разумѣется, что Евдокимовъ былъ первый человѣкъ въ палаткѣ князя, являясь туда съ ранняго утра, потомъ въ продолженіе дня безпрерывно входя туда и выходя оттуда, и вечеромъ оставляя князя послѣднимъ.

Какъ я сказалъ уже, послѣ покоренія лѣваго крыла или Восточнаго Кавказа Евдокимовъ былъ переведенъ на правое крыло, для покоренія Западнаго Кавказа, который и покорилъ. Но о заслугахъ и дѣйствіяхъ Евдокимова, за исключеніемъ тѣхъ общихъ словъ, которыя высказаны мною, я говорить не буду, сознавая, что это дѣло спеціалистовъ.

Кстати, о посѣщеніи Евдокимовымъ Петербурга можно замѣтить, что государь осыпалъ его всевозможными почестями. Само собою разумѣется, что, по примѣру государя, и весь высшій міръ окружалъ его любезностями.

Возвратившись на Кавказъ, Евдокимовъ оставилъ прежнее поприще, на которомъ, съ окончаніемъ войны, ему уже нечего было дѣлать, и, назначенный состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, сталъ заниматься своими хозяйственными дѣлами и въ особенности огромнымъ участкомъ земли, ему пожалованнымъ.

На мѣсто его, начальникомъ Кубанской области и Западнаго Кавказа и командующимъ тамъ войсками назначенъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ.

Такъ называемою Лезгинскою линіею, до преобразованія военнаго устройства Кавказа, командовалъ баронъ Вревскій.

Кутаисскою губерніею при моемъ прибытіи на Кавказъ завѣдывалъ одинъ изъ безчисленныхъ князей Гагариныхъ. Звали его Александръ Ивановичъ. Репутацію онъ имѣлъ отличную. Всѣ считали его добрымъ и благороднымъ человѣкомъ. Я видѣлъ его лично одинъ разъ, въ первый годъ моего пребыванія на Кавказѣ. Онъ пріѣзжалъ однажды на Каджоры къ князю, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Личность этого князя Гагарина была красивая, аристократическая и чрезвычайно симпатичная. Князь А. И. Барятинскій скоро преобразовалъ Кутаисскую губернію въ Кутаисское генералъ-губернаторство, а князя Гагарина назначилъ генералъ-губернаторомъ. Это Кутаисское генералъ-губернаторство заключало въ себѣ нѣкоторыя отдѣльныя и довольно дикія владѣнія: Мингрельское, Сванетское и Абхазское.

Насчетъ этихъ владѣній князь Барятинскій имѣлъ обширныя замыслы, сущность которыхъ заключалась въ томъ, чтобъ слить ихъ съ общимъ составомъ и положеніемъ страны. Относительно Мингреліи князь скоро достигъ этой цѣли, воспользовавшись происшедшимъ тамъ противу прежняго управленія волненіемъ. Такъ какъ Мингрельское дѣло занимаетъ въ исторіи управленія князя весьма видную страницу и въ свое время возбуждало сильные общественные толки и большіе споры въ сферѣ высшаго государственнаго управленія, то я и разскажу его въ своемъ мѣстѣ, разомъ со всѣми подробностями. Виды князя относительно Сванетіи поручены были осуществленію князя Гагарина. Подробностей этого дѣла я хорошо не знаю, но кажется и здѣсь хотѣли воспользоваться старинною и ожесточенною враждою свирѣпыхъ и дикихъ владѣтелей этой страны князей Дадишкиліановъ.

Какъ бы то ни было, одинъ изъ этихъ владѣтелей, наиболѣе дикій и свирѣпый, вызванъ былъ съ политическими цѣлями въ Кутаисъ и долго былъ тамъ удерживаемъ подъ различными благовидными и любезными предлогами. Князь Гагаринъ держалъ себя съ нимъ на пріятельской ногѣ, такъ что этотъ дикій звѣрь былъ у него домашнимъ человѣкомъ, часто обѣдалъ у него и посѣщалъ вечернія собранія. Надо замѣтить, во-первыхъ, что этотъ Дадишкиліанъ, если не ошибаюсь, воспитывался въ одномъ изъ нашихъ заведеній и потому удерживалъ нѣкоторый внѣшній лоскъ, хотя подъ этимъ лоскомъ скрывался неукротимый азіатъ, и во-вторыхъ, что въ физическомъ отношеніи онъ представлялъ едва ли не единственный экземпляръ громадности, красоты и стройности. Выше я уже говорилъ, что во всемъ этомъ

дѣлѣ принималъ какое-то участіе Бартоломей, котораго Дадишкиліанъ, по собственнымъ его словамъ, сознательно или инстиктивно, ненавидѣлъ въ высшей степени. Такимъ образомъ Дадишкиліанъ долго жилъ въ Кутаисѣ. Наконецъ, соскучился ли этотъ звѣрь или началъ прозрѣвать направленныя противу него ковы, только въ одно прекрасное утро онъ вошелъ въ кабинетъ князя Гагарина и сталъ требовать разрѣшенія возвратиться въ свою Сванетію. Князь сталъ объяснять затрудненія, Дадишкиліанъ началъ внутренно бѣситься. У дикихъ людей, особенно восточныхъ, чувство скоро переходитъ въ дѣло. Въ то время, когда князь, сидя за своимъ письменномъ столомъ, продолжалъ спокойно излагать причины, препятствующія ему исполнить желаніе Дадишкиліана и повидимому не замѣчалъ внутреннихъ волненій этого господина, Дадишкиліанъ, сидѣвшій противу него, мгновенно вскакиваетъ съ своего мѣста, выхватываетъ свой огромный сванетскій кинжалъ и поражаетъ князя.

Князь вскрикнулъ и тотчасъ упалъ за занавѣску, отдѣлявшую его кабинетъ отъ спальни. На этотъ крикъ и шумъ паденія первый явился переводчикъ князя, какой-то офицеръ, и, едва выхвативъ шашку— былъ распоротъ тѣмъ же огромнымъ кинжаломъ. Потомъ прибѣжалъ камердинеръ или поваръ князя и его постигла та же участь. Съ пылающими глазами и окровавленнымъ кинжаломъ Дадишкиліанъ сталъ бѣгать по комнатамъ и поражать тѣхъ, кто не успѣвалъ спастись отъ него. Впослѣдствіи самъ Дадишкиліанъ говорилъ, что онъ съ особеннымъ аппетитомъ отыскивалъ своего пріятеля Бартоломея. Но онъ спрятался въ саду и появился изъ своей засады тогда только, когда Дадишкиліанъ вышелъ изъ дома князя...

Одинъ офицеръ, кажется Савиничъ, самъ мнѣ разсказывалъ трагико-комическое положеніе, въ которомъ онъ лично очутился при этомъ случаѣ. Надо замѣтить, что онъ находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ Дадишкиліаномъ, который очень любилъ все его семейство и въ особенности жену или дочь его. Въ тотъ самый моментъ, когда Дадишкиліанъ выскочилъ, разъяренный изъ кабинета князя въ большую залу, гдѣ стоялъ бильярдъ, въ противуположныя двери вошелъ Савиничъ, рѣшительно ничего не понимавшій и не подозрѣвавшій. Дадишкиліанъ ринулся, съ своимъ кинжаломъ, на него. Изумленный Савиничъ хотѣлъ было въ первую минуту протянуть ему по обычаю руку, но къ величайшему счастію, взглянувъ на изступленное его лицо, сталъ бѣгать отъ него вокругъ бильярда. Все-таки не понимая, въ чемъ дѣло, Савиничъ, оставаясь на благородной дистанціи отъ своего пріятеля, продолжалъ кричать: «князь, что вы? здоровы ли вы? Что съ вами? Что вы дѣлаете? Опомнитесь!» Но эти трогательные возгласы ни сколько не останавливали обезумѣвшаго отъ

крови Дадишкиліана; онъ продолжалъ ловить своего пріятеля, но тотъ худенькій и маленькій, прыгалъ какъ кошка кругомъ бильярда, сообразуясь съ направленіями, какія принималъ громадный его пріятель. Наконецъ убѣдившись, что дѣло плохо и грозитъ страшною гибелью, Савиничъ, улучилъ тотъ моментъ, когда, избѣгая преслѣдованій Дадишкиліана, онъ могъ поравняться съ тою дверью, въ которую вошелъ, и, бросившись въ эту дверь, помчался съ быстротою, равносильною его отчаянію и испугу. Такимъ образомъ бильярдъ спасъ его отъ страшной смерти.

Не видя болѣе предъ собою враговъ Дадишкиліанъ пошелъ по улицамъ съ обнаженнымъ кинжаломъ. Между тѣмъ суматоха поднялась страшная; весь городъ взволновался; вызваны были военные отряды для укрощенія и плѣненія этого хищнаго звѣря. Предвидя неизбѣжную, грозу, собиравшуюся надъ нимъ, Дадишкиліанъ вошелъ въ какую-то растворенную саклю, затворилъ двери и окна и заперся въ ней. Солдатики наши скоро повели атаку на нее. Къ величайшему счастію, какъ впослѣдствіи оказалось, Дадишкиліанъ хотя нашелъ въ этой саклѣ ружья, винтовки и пистолеты, но не заряженныя, а пороху вовсе не нашелъ. Обстоятельство это скоро сдѣлалось извѣстнымъ и солдатики смѣлѣе повели свои дѣйствія. Конецъ концовъ былъ тотъ, что одинъ изъ этихъ солдатиковъ приперъ этого звѣря штыкомъ къ стѣнѣ и тѣмъ упростилъ окончательную надъ нимъ побѣду.

Если бы большая стража не окружила Дадишкиліана во время шествія на гаубтвахту, разъяренный народъ разорвалъ бы его на части.. Въ первое время Дадишкиліанъ держалъ себя тѣмъ же свирѣпымъ звѣремъ, такъ что когда, во время погребенія его жертвъ, вывели его взглянуть на процессію, вѣроятно съ цѣлью возбудить въ немъ раскаяніе, онъ выразилъ только сожалѣніе, что такъ мало убилъ. Въ глазахъ своихъ Сванетовъ, какъ потомъ говорили, онъ все-таки былъ героемъ на томъ основаніи, что одинъ убилъ пятерыхъ. Приговоръ военнаго суда утвержденный немедленно самимъ княземъ, несмотря на то, что онъ относился до владѣтельнаго князя, опредѣлилъ Дадишкиліана разстрѣлять. Къ удивленію, по общимъ отзывамъ, этотъ сванетскій герой предъ казнею и во время процедуры, сопровождавшей казнь, велъ себя совершеннымъ трусомъ до отвратительной степени.

Такимъ образомъ генералъ-губернаторство осталось безъ генералъ-губернатора. Назначеніе новаго лица въ эту должность составляло также исторію, которая не лишена интереса и которую поэтому я рѣшаюсь разсказать.

До моего прибытія на Кавказъ въ Шемахинской губерніи военнымъ губернаторомъ былъ баронъ Врангель, Александръ Евстафьевичъ. Онъ оставилъ по себѣ великолѣпную репутацію человѣка, въ выс-

шей степени благороднаго, справедливаго и энергичнаго. Замѣчали только, что гуманность свою онъ доводилъ за предѣлы, гдѣ она становилась уже вредною. Такъ, напр., становясь всегда на сторону слабаго противу сильнаго, онъ никакъ не давалъ въ обиду солдатиковъ со стороны ближайшихъ ихъ начальниковъ, прилагая тотъ же принципъ и къ гражданскому міру, т. е. всегда защищая какого нибудь мужика противу участковаго засѣдателя и т. п. Отъ излишняго приложенія этихъ правилъ къ практикѣ происходило значительное ослабленіе военной дисциплины и колебаніе значенія ближайшихъ къ народу властей. При малѣйшемъ обстоятельствѣ простолюдины прямо лѣзли къ военному губернатору и всегда находили въ немъ поддержку. Во всемъ остальномъ баронъ Врангель считался отличнымъ начальникомъ и администраторомъ.

Что̀ заставило его оставить Кавказъ, я не знаю; но при моемъ прибытіи онъ находился уже въ Петербургѣ; впрочемъ, мѣсто его не было еще замѣщено, и изъ числа многихъ кандидатовъ считали наиболѣе надежнымъ князя Торхана Мауравова, замѣчательную личность, о которой я надѣюсь говорить болѣе подробно въ своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, когда очистилась вакансія кутаисскаго генералъ-губернатора, вниманіе князя остановилось на баронѣ Врангелѣ, которому она и была предложена. Въ своей гордости, считая рѣшительно невозможнымъ и невѣроятнымъ, чтобы баронъ Врангель отказался отъ предложенія, которымъ князь его удостоивалъ, Барятинскій, по обычаю своему, считалъ дѣло это конченнымъ, и въ этомъ смыслѣ писалъ къ государю. Но къ удивленію его, баронъ Врангель отказался. Обиженный князь тотчасъ назначилъ кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ князя Эристова, бывшаго предъ тѣмъ, если не ошибаюсь, наказнымъ атаманомъ линейнаго казачьяго войска. Едва только состоялось это назначеніе, какъ государь увѣдомилъ князя, что хотя баронъ Врангель и отказывался отъ предложенія князя, но что самъ государь убѣдилъ его принять это предложеніе и что вслѣдъ затѣмъ баронъ Врангель отправляется на Кавказъ. Положеніе, такимъ образомъ, вышло для всѣхъ затруднительное и непріятное.

Здѣсь необходимо повести рѣчь еще объ одномъ отдѣлѣ Кавказскаго края, такъ называемомъ Прикаспійскомъ краѣ. Этимъ отдѣломъ, при моемъ прибытіи, командовалъ князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани. Впослѣдствіи я былъ въ весьма близкихъ съ нимъ сношеніяхъ, и считаю долгомъ, во слѣдъ всему Кавказу, сказать, что это была личность великолѣпная, типъ грузина во всемъ его блескѣ. Храбрый, добрый, привѣтливый, наклонный къ веселью и разгулу, князь Григорій Дмитріевичъ былъ рѣшительно обожаемъ всѣми. Въ исторіи Кавказской войны ему принадлежитъ много славныхъ дѣлъ, славныхъ въ томъ

именно отношеніи, что онъ, какъ всѣ грузины, ни предъ чѣмъ не останавливался, и отчаянною, беззавѣтною храбростью совершалъ то, чего быть можетъ нельзя было бы достигнуть никакими тактическими и стратегическими соображеніями, вообще мало приложимыми къ дѣламъ Кавказа.

Какъ характеристическую черту тамошней войны и личныхъ свойствъ князя Орбеліани, приведу слѣдующій разсказъ, который я не одинъ разъ слышалъ. Дѣло шло о взятіи какого-то аула и представлялось особенно труднымъ и по сдѣланнымъ горцами укрѣпленіямъ, и по самому свойству мѣстности, которая часто была сильнѣе всевозможныхъ искусственныхъ укрѣпленій. Кто-то изъ второстепенныхъ начальниковъ находилъ и доказывалъ, что безъ штурмовыхъ лѣстницъ ничего не подѣлаешь.

Князь, посмотрѣвъ съ недоумѣніемъ на докладчика, сказалъ:

— Какія такія лѣстницы? Никогда такихъ лѣстницъ у насъ не было! Что-за лѣстницы? Ступайте прямо безъ лѣстницъ!

Разумѣется, аулъ былъ взятъ и безъ штурмовыхъ лѣстницъ.

— У Воронцова былъ генералъ Реадъ, что-то въ родѣ помощника, — сказалъ мнѣ однажды князь Александръ Ивановичъ. — Отчего у меня нѣтъ такого генерала? Я часто уѣзжаю изъ Тифлиса. Надобно, чтобы кто-нибудь замѣщалъ меня на это время. Я хочу имѣть такого же генерала!

Въ дальнѣйшемъ развитіи этой идеи выборъ князя остановился на князѣ Григоріи Дмитріевичѣ Орбеліани, который дѣйствительно былъ старше всѣхъ другихъ генераловъ на Кавказѣ. Но я имѣю основаніе думать, что старшинство это служило здѣсь однимъ благовиднымъ предлогомъ; личность князя Орбеліани была подходяща къ идеямъ князя Барятинскаго потому болѣе, что князь Орбеліани былъ однимъ изъ преданныхъ ему людей, и потому, по самой силѣ вещей, долженъ былъ быть покорнымъ и безмолвнымъ исполнителемъ воли и идей князя Барятинскаго.

Дѣло это, сколько могу припомнить, не было еще совершенно кончено, какъ пріѣхалъ баронъ Врангель, такъ что многіе полагали, что, за замѣщеніемъ вакансіи кутаисскаго генералъ-губернатора, быть можетъ ему предоставлено будетъ положеніе помощника князя, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ соотвѣтствовало тѣмъ именно административнымъ дарованіямъ, которыя всѣ единогласно признавали за барономъ Врангелемъ. Князь Барятинскій не измѣнилъ однако-же нисколько своихъ намѣреній. Относительно перевода князя Орбеліани въ Тифлисъ въ предназначенное для него положеніе сочинена блистательная бумага, подписана княземъ и отправлена въ Петербургъ. Князь Александръ Ивановичъ потомъ говорилъ:

*

— Многіе осуждаютъ меня, зачѣмъ я не поставилъ подлѣ себя Врангеля, вмѣсто Орбеліани? Они ничего не понимаютъ, а я знаю, что дѣлаю. Грузинъ никогда не будетъ здѣсь царскимъ намѣстникомъ. По этому ни самъ Орбеліани, ни его друзья и приближенные никогда и не подумаютъ мечтать объ этомъ мѣстѣ. Баронъ Врангель—совсѣмъ другое дѣло. Самъ онъ такъ благороденъ, что не станетъ интриговать противъ меня; но его приближенные, да и весь Кавказъ, будутъ видѣть въ немъ будущаго намѣстника. Вокругъ его, помимо его воли, образуются партіи; явятся интриги и кончится тѣмъ, что перессорятъ насъ въ первый же годъ.

Такимъ образомъ баронъ Врангель потерялъ мѣсто кутаисскаго генералъ-губернатора, вынужденъ былъ, хотя съ непріятнымъ чувствомъ, котораго онъ и не старался скрывать, принять предложенное ему княземъ мѣсто начальника Прикаспійскаго края, сдѣлавшееся вакантнымъ за переводомъ князя Орбеліани.

Съ теченіемъ времени и событій оказалось, что барону Врангелю, по должности начальника Прикаспійскаго края въ великихъ дѣлахъ 1859 г., развернулось такое славное поприще, какого онъ никакъ бы не могъ имѣть въ должности кутаисскаго генералъ-губернатора. Событія эти, надѣюсь, явятся болѣе или менѣе подробно въ дальнѣйшихъ моихъ разсказахъ, многословіе которыхъ я самъ сурово осуждаю. Но прежде, нежели перейду къ обозрѣнію моей личной дѣятельности на Кавказѣ, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о составѣ общества, которое я нашелъ въ Тифлисѣ.

ГЛАВА VIII.

Тифлисское общество.—Раздѣленіе его на двѣ половины: пришлую и туземную.—Непостоянство первой половины и безпрерывная перемѣна личностей, ее составляющихъ.—Вѣчные проводы и встрѣчи.—Вліяніе Армянскаго базара на установленіе репутаціи.—Основа другой половины: князья Мухранскіе и князья Орбеліани.—Различные группы тѣхъ и другихъ.—Древность и происхожденіе этихъ родовъ.

Если бы я предпринялъ подробно описывать Тифлисское общество, въ такомъ случаѣ я долженъ-бы былъ отказаться отъ всякой надежды видѣть когда-нибудь окончаніе моихъ нестройныхъ записокъ. Поэтому я постараюсь быть сколько можно краткимъ по этой части и ограничусь только такими чертами, которыя на мой взглядъ представляются совершенно необходимыми.

Необходимою чертою я считаю то, что тифлисское общество рѣзко

дѣлится на двѣ половины: туземную и прибылую или пришлую. Это дѣленіе было основаніемъ, по которому Тифлисъ многіе называютъ, и совершенно справедливо, большою станціею, гдѣ люди съѣзжаются, знакомятся и уѣзжаютъ. Личности тамъ мѣняются, какъ въ калейдоскопѣ. Одни уѣзжаютъ, другія пріѣзжаютъ и это почти безпрерывно.

Говоря собственно о пришлой части общества, т. е. той части, которая вѣчно мѣняется, я долженъ сказать, что въ сію минуту едва-ли можно найти въ Тифлисѣ 20-ю часть того, что я нашелъ тамъ при моемъ пріѣздѣ. Я нашелъ тамъ князя Эмилія Витгенштейна, съ красавицею женою; князя Александра Шаховскаго съ женою, урожденною графинею Віельгорскою; графа Саллогуба съ очаровательною, не столько по красотѣ, сколько по истинной женственности и плѣнительной кротости, женою, тоже урожденною графинею Віельгорскою; князя Трубецкаго съ женою, богатою малороссіанкою; князя Гагарина съ его прелестнѣйшею женою; Булгакова, сына извѣстнаго Московскаго почтдиректора и брата болѣе извѣстнаго «Константина» Булгакова, милѣйшаго и талантливѣйшаго господина съ очень образованной женою. Все это исчезло изъ Тифлиса при мнѣ же.

Но если трудно припомнить и исчислить всѣ тѣ семейства, которыя я засталъ въ Тифлисѣ, при моемъ туда появленіи, и которыхъ уже тамъ не было при моемъ окончательномъ отъѣздѣ оттуда, то еще труднѣе исчислить тѣ личности, которыя появлялись уже при мнѣ и при мнѣ же исчезали.

Этотъ передвижной характеръ производитъ то, во-первыхъ, что въ Тифлисѣ чуть ли не ежедневно совершаются пиры и банкеты, то по случаю встрѣчи кого-нибудь, то по случаю прощанья съ кѣмъ-нибудь, пиры, незабвенные для тѣхъ, кто хоть разъ въ нихъ участвовалъ по поэтической ихъ обстановкѣ кавказскимъ солнцемъ, Кавказскими горами, кахетинскимъ виномъ, виноградными лозами, зурною и лезгинкою. Отъ этого передвижнаго характера образовалось въ Тифлисѣ какое-то равнодушіе ко всѣмъ прибывающимъ туда личностямъ. Онъ такъ много видѣлъ въ стѣнахъ своихъ различныхъ господъ, большихъ и малыхъ, что его никто и ничто не могло уже поразить и удивить, напротивъ, онъ умѣлъ жестоко наказывать тѣхъ, кто задумывалъ иногда задирать носъ предъ этимъ полуазіатскимъ городомъ. У него образовался какой-то особый родъ гордости, въ силу котораго онъ не только считалъ постыднымъ въ комъ-нибудь заискивать, но считалъ совершенно необходимымъ, чтобъ каждый, являющійся туда, заискивалъ у него, исключая разумѣется вліятельныхъ въ оффиціальномъ мірѣ лицъ, предъ которыми на всѣхъ точкахъ земнаго шара люди какъ-то невольно преклоняются. Различные принцы, лорды, маркизы, виконты, безпрерывно наѣзжающіе на Кавказъ, рѣшительно не производятъ тамъ никакого эффекта и всегда стараются примкнуть къ свитѣ намѣстника,

которая, при князѣ Барятинскомъ по крайней мѣрѣ, держала себя чрезвычайно гордо и имѣла на то полнѣйшее право, заключая въ себѣ лучшія имена русской аристократіи. Александръ Дюма, напр., предъ которымъ, сколько извѣстно, преклонялись, какъ предъ свѣтиломъ, многія русскія провинціи, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, на Кавказѣ былъ принятъ чрезвычайно холодно. Я живо помню, какъ на балѣ у Кайгера этотъ господинъ одиноко и довольно уныло ходилъ по комнатамъ. Свитская молодежь отнеслась къ нему особенно непріязненно, такъ что съ нимъ почти никто не говорилъ; одна только хозяйка. въ значительной степени, старалась занимать его и волею неволею часто вертѣлась около него.

Наконецъ, тотъ же передвижной характеръ обогатилъ Тифлисъ такою опытностью, что онъ пріобрѣлъ славу въ вѣрномъ и безошибочномъ опредѣленіи внутренняго содержанія тѣхъ личностей, которыя предъ нимъ появлялись. — Обыкновенно, когда появлялась новая личность, Тифлисъ въ теченіе нѣкотораго, впрочемъ весьма непродолжительнаго, времени хранилъ о ней глубокое молчаніе. Недѣли чрезъ двѣ вдругъ появлялся и пускался въ свѣтъ составившійся приговоръ объ этой личности и оставался непоколебимымъ на всѣ грядущія времена. Никогда не было примѣра, чтобъ приговоръ этотъ существенно измѣнялся. И замѣчательнѣе всего то, что приговоръ этотъ составлялся и утверждался на такъ называемомъ Армянскомъ базарѣ.

Не лишнимъ считаю сказать, что такое Армянскій базаръ въ Тифлисѣ. Собственно Армянскимъ базаромъ называется главная улица въ старомъ городѣ, ведущая отъ дворца намѣстника къ Сіонскому собору и загроможденная сплоть различными лавчонками съ всевозможнымъ товаромъ и преимущественно съ горами плодовъ земныхъ, на которыя такъ щедра кавказская природа. Но не этотъ базаръ играетъ то значеніе, о которомъ я говорю. Среди Эриванской площади, отъ которой идетъ улица, называемая Армянскимъ базаромъ, стоитъ огромный караванъ-сарай, по-русски говоря, гостиный дворъ, возведенный при князѣ Воронцовѣ. Среди этого гостинаго двора находится милый и изящный театръ тифлисскій. Нѣтъ сомнѣнія, что такое соединеніе гостинаго двора съ театромъ представляется нѣсколько страннымъ; но оно объясняется историческими обстоятельствами, сопровождавшими возведеніе этого громаднѣйшаго изъ тифлисскихъ зданій.

Я говорилъ уже, что въ Тифлисѣ что ни шагъ, то памятникъ заботливости князя Воронцова о благоустройствѣ города. Такъ точно и этотъ караванъ-сарай свидѣтельствовалъ о той же заботливости. Дѣло въ томъ, что эта площадь, называемая Эриванскою, представляла пустое и довольно безобразное пространство. Въ обширномъ административномъ умѣ князя Воронцова явилась тотчасъ мысль возвести здѣсь великолѣпное зданіе.

Онъ приглашаетъ одного изъ богатѣйшихъ и тщеславнѣйшихъ армянъ Тифлиса, Тамамшева, и предлагаетъ ему построить гостиный дворъ на Эриванской площади, отдавая ему даромъ необходимое для того мѣсто съ единственнымъ условіемъ, чтобы Тамамшевъ устроилъ внутри гостинаго двора театръ. Мѣсто, которое князь Воронцовъ задаромъ отдавалъ Тамамшеву, по центральности его среди города, представляло такую громадную цѣнность, что сравнительно съ нею постройка театра представлялась для Тамамшева дѣломъ, чрезвычайно выгоднымъ. Такимъ образомъ въ одно время съ гостинымъ дворомъ и въ связи съ нимъ возникъ и тифлисскій театръ, совершенно невидный и незамѣтный снаружи, но внутри чрезвычайно уютный и изящный. Кругомъ этого зданія идутъ тротуары, и на этихъ-то тротуарахъ всегда толпятся, особенно утромъ, группы разнороднаго туземнаго и промышленнаго народа. Тутъ можно видѣть толпы разныхъ торговыхъ армянъ и грузинъ, въ ихъ національныхъ костюмахъ, чухахъ и папахахъ, много офицеровъ, много чиновниковъ изъ туземцевъ, между которыми, особенно между армянами, числятся ли они въ полкахъ, или служатъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, чрезвычайно развитъ духъ торговли и промышленности, хотя въ самыхъ элементарныхъ и грубыхъ пріемахъ.

Эти-то группы, образуя что-то въ родѣ биржи, гдѣ трактуются и обдѣлываются различныя дѣла, и причисляясь, хотя не совсѣмъ правильно, къ Армянскому базару, имѣющему, какъ я выше сказалъ, болѣе тѣсное значеніе, разносятъ по городу различныя извѣстія, предузнавая иногда какимъ-то чудомъ нѣкоторыя событія гораздо прежде оффиціальнаго міра, и устанавливаютъ тѣ приговоры относительно новыхъ личностей, о которыхъ я выше говорилъ, хотя не имѣя часто никакихъ непосредственныхъ отношеній къ этимъ личностямъ. Мнѣ говорили, что князь Воронцовъ не былъ равнодушенъ къ народнымъ мнѣніямъ и толкамъ, вырабатывавшимся на этой точкѣ; а что князь Александръ Ивановичъ считалъ небезполезнымъ прислушиваться къ нимъ—это я могу сказать положительно.

Обращаясь къ передвижному характеру, отличающему Тифлисъ, я долженъ сказать, что онъ заражалъ такъ сказать и другую остальную половину тифлисскою общества. Такъ, напр., при моемъ прибытіи одною изъ наиболѣе замѣтныхъ звѣздъ была владѣтельница Мингреліи, какъ ее тогда называли, но точнѣе мать малолѣтняго владѣтеля Мингреліи, княгиня Екатерина Александровна Дадьянъ, урожденная княгиня Чавчавадзе. Въ томъ же 1857 г., лѣтомъ произошло Мингрельское волненіе и, во исполненіе политическихъ замысловъ князя Барятинскаго, государь, по его представленію, написалъ княгинѣ милѣйшее письмо, которымъ его величество приглашалъ ее оставить на нѣкоторое время Мингрелію. Красивая и бойкая княгиня, какъ ни волновалась, а должна была проститься съ Кавказомъ. Сестра ея, знаменитая Нина Александровна Гри-

боѣдова служила также украшеніемъ общества, но къ общему сожалѣнію въ томъ же 1857 г. умерла внезапно холерою. Князь Александръ Орбеліани, напр., милый и образованный молодой человѣкъ, бывшій тифлисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства—и тотъ, сконфузившись какъ-то въ крестьянскомъ дѣлѣ, бросилъ Кавказъ и переселился въ Петербургъ.

Но само собою разумѣется, что сколько бы туземцевъ ни уѣзжало съ Кавказа, туземцы все-таки перевестись не могутъ. Однихъ князей Орбеліановъ и князей Мухранскихъ тамъ такая пропасть, что кажется этихъ двухъ фамилій, если бы только онѣ и не враждовали между собою, было бы достаточно для населенія Тифлиса, конечно, не столь густаго. Положительно можно сказать, что на каждомъ шагу тамъ встрѣчается или князь Мухранскій или князь Орбеліани. Между тѣмъ это множество лицъ, принадлежащихъ къ той или другой фамиліи, не имѣютъ уже между собою ничего родственнаго. Если напр. изъ двухъ различныхъ группъ князей Мухранскихъ взять по одному экземпляру, то окажется, что они родственники только по Адаму или вѣрнѣе сказать по царю Давиду, отъ котораго всѣ Багратіоны-Мухранскіе считаютъ родъ свой. И дѣйствительно, древность этого рода поразительна. По самому бѣднѣйшему изъ источниковъ кавказскому календарю начало рода Багратидовъ относится къ 700 году до Рождества Христова. Въ 586 году по Рождествѣ Христовѣ династія Багратидовъ появилась на грузинскомъ престолѣ. Я плохой историкъ вообще, но изъ разговоровъ князя Александра Ивановича, столь благоговѣющаго предъ древностью родовъ, замѣтилъ, что Багратиды царствовали въ различныхъ странахъ и даже мѣняли свою національность.

Я живо помню, какъ однажды, лѣтомъ 1858 года, я былъ вытребованъ княземъ въ Боржомъ, гдѣ онъ проводилъ это лѣто и оставался тамъ нѣсколько дней. Утро начиналось большою прогулкою, которая прерывалась чаепитіемъ, приготовленнымъ гдѣ-нибудь въ дремучемъ лѣсу, на какой-нибудь скалѣ или на берегу дикой и безвѣстной рѣки, однимъ словомъ въ какой-нибудь поэтической мѣстности, съ вечера избираемой общимъ соглашеніемъ всего кружка, состоявшаго при князѣ. Послѣ чаепитія, совершаемаго всегда на коврахъ, разостланныхъ по роскошной зелени, исполнялась вторая половина прогулки и затѣмъ въ комнатахъ князя слѣдовалъ завтракъ, довольно изобильный и разнообразный. За этими завтраками шла постоянно самая оживленная болтовня, и это былъ едва-ли не единственный моментъ, гдѣ князь сбрасывалъ съ себя нѣсколько своей подавляющей гордости и важности. За однимъ изъ этихъ завтраковъ зашелъ самый ожесточенный споръ между однимъ изъ князей Мухранскихъ, Иваномъ, и княземъ Исаакомъ Тумановымъ, именно о національностяхъ.

Князь Исаакъ Тумановъ, въ существѣ, былъ довольно обыкновенный человѣкъ, но сравнительно вообще съ армянами, къ числу и роду которыхъ онъ принадлежалъ, считался все-таки человѣкомъ вполнѣ порядочнымъ. Онъ имѣлъ значительное состояніе и главный предметъ расходовъ, на который онъ болѣе всего употреблялъ это состояніе—было хлѣбосольство. Этотъ господинъ хорошо понималъ, что хорошіе обѣды съ успѣхомъ могутъ замѣнить всевозможные таланты. На этомъ основаніи онъ и давалъ безпрерывные обѣды, и не ошибся въ разсчетѣ. Посредствомъ этихъ обѣдовъ онъ сдѣлался всеобщимъ пріятелемъ и занялъ довольно видное мѣсто среди тифлисскаго общества. Имя Исаака Туманова постоянно было слышно въ той средѣ, которая окружала князя, а отъ этого было уже недалеко до того, чтобы и онъ самъ попалъ въ эту среду. Такъ и было. Впослѣдствіи онъ сдѣлался предсѣдателемъ кавказскаго аудиторіата.

Обращаюсь къ историческому спору, завязавшемуся у него съ княземъ Иваномъ Мухранскимъ, также сильнымъ съ своей стороны, въ своихъ практическихъ дѣлахъ, а въ исторіи столь же слабымъ, какъ Исаакъ Тумановъ въ юриспруденціи. Князь Александръ Ивановичъ съ любопытствомъ прислушивался къ этому спору; полупрезрительная улыбка постоянно была у него на лицѣ. Въ тотъ моментъ, когда Исаакъ Тумановъ упорно доказывалъ, что Багратіоны-Мухранскіе, прежде чѣмъ стали грузинами, были жидами, а князь Мухранскій столь же упорно, кажется, опровергалъ это, князь Александръ Ивановичъ рѣзко вступился въ этотъ споръ и, обращаясь къ Мухранскому, сказалъ:

— Постойте! вы рѣшительно ничего не знаете.

Затѣмъ съ твердостью и увѣренностью, свидѣтельствовавшими, что онъ дѣйствительно знаетъ хорошо дѣло, князь началъ подробно излагать исторію рода Багратіоновъ-Мухранскихъ, причемъ несомнѣнно оказалось, что они были жидами. Торжествующій Исаакъ Тумановъ, обращаясь къ Мухранскому, сказалъ:

— Что? видишь? Я тебѣ говорилъ, что были жидами!

Разбитый, но неистощимо остроумный, князь Иванъ Мухранскій съ презрѣніемъ пссмотрѣлъ на Исаака Туманова и медленно, выразительно сказалъ:

— Да! правда! жидами были, но армянами никогда!

Все общество, бывшее за столомъ, разразилось дружнымъ хохотомъ.

Я не знаю, стоялъ ли когда-нибудь наверху человѣкъ, болѣе щедрый на награды, какъ князь Александръ Ивановичъ. Онъ кажется сознавалъ, что награды составляютъ самое сильное, самое практическое, самое пріятное проявленіе силы и власти, и потому почти ежеминутно награждалъ. Многіе замѣчаютъ, что онъ обильно награждалъ

только тѣхъ, кто стоялъ подлѣ него, а тѣ, кто былъ далеко отъ него—никакой щедрости не видѣли. Если это и справедливо частью, то тутъ виноватъ отнюдь не князь. Тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать непосредственно, онъ былъ безпримѣрно щедръ; тамъ же, гдѣ награды выходили по представленіямъ отдѣльныхъ ближайшихъ начальниковъ, ему ничего не оставалось, какъ утверждать подносимые ему начальникомъ главнаго штаба или начальникомъ главнаго управленія доклады. Слѣдовательно, если тутъ и являлась сравнительная скупость въ наградахъ, то она никакъ не могла относиться къ князю. Я рѣшительно не знаю примѣра, чтобы князь отказалъ въ томъ, о чемъ ему представляли, и,зная хорошо его характеръ, его принципы, считаю такое явленіе положительно невозможнымъ. Слѣдовательно, всѣ тѣ, которые относятъ къ князю свои неудовлетворенныя, по части наградъ, претензіи, поступаютъ несправедливо.

Какъ бы то ни было, обращаясь къ князю Ивану Мухранскому, я долженъ сказать, что однажды, при входѣ въ кабинетъ князя, онъ объявилъ мнѣ, что такіе-то и такіе-то генералъ-маіоры произведены въ генералъ-лейтенанты и при этомъ, по обычаю своему, сталъ высчитывать, кто кого обогналъ и т. п. Не помню, при какомъ-то имени онъ замѣтилъ, что этотъ обогналъ, между прочимъ, и князя Ивана Мухранскаго. Потомъ вдругъ сказалъ: «А Иванъ-то Мухранскій не произведенъ, хотя старше многихъ! Кажется, фонды его очень упали!» Это «кажется» и составляетъ ту прелестную наивность, о которой я выше упомянулъ. Какъ эту фразу, такъ и все остальное, онъ говорилъ какъ человѣкъ, совершенно посторонній этому дѣлу и какъ-будто не отъ него вовсе зависѣло, чтобы фонды того или другаго кавказскаго господина падали или возвышались. Но это былъ минутный, такъ сказать, порывъ князя Александра Ивановича воздать по заслугамъ этому господину, не имѣвшій никакихъ существенныхъ для него послѣдствій.

Я сказалъ уже, что князей Орбеліановъ на Кавказѣ было такое же множество, какъ и Мухранскихъ, если не болѣе. Укажу на главнѣйшихъ представителей этого рода, древностью едва-ли не превосходящаго рода Багратіоновъ-Мухранскихъ. Князь Александръ Ивановичъ, аристократъ въ душѣ и знатокъ въ оцѣнкѣ древности родовъ, много разъ толковалъ мнѣ о томъ, какой древній родъ Орбеліановъ. О древности этого рода, по его объясненію, написаны даже какія-то французскія книги, которыми князь усердно меня подчивалъ; но для меня, плебея, все это не представляло рѣшительно никакого интереса.

Два обстоятельства врѣзались въ моей памяти. Изъ всѣхъ объясненій князя я упомнилъ только, что Орбеліаны вышли когда-то и для чего-то изъ Китая. Рельефность этого воспоминанія объясняется тѣмъ, что всѣ Орбеліаны удержали въ наружности съ поразительною

ясностью китайскій типъ плоскихъ лицъ и узкихъ глазъ, точно такъ же, какъ у всѣхъ Мухранскихъ съ такою же ясностью удержалъ еврейскій типъ. Поэтому, когда я видѣлъ предъ собою котораго-нибудь изъ Мухранскихъ, мнѣ тотчасъ приходилъ на умъ царь Давидъ—ихъ родоначальникъ. Когда я встрѣчался съ кѣмъ-нибудь изъ Орбеліановъ, то узкія ихъ глаза мнѣ тотчасъ напоминали Китай, откуда они когда-то вышли. Другое обстоятельство, врѣзавшееся въ моей памяти, было слѣдующее. Разъ какъ-то, послѣ пространной лекціи, прочитанной мнѣ княземъ о древности этихъ родовъ, князь прибавилъ: «Однимъ словомъ, вы знаете, что и нашъ родъ Барятинскихъ считается однимъ изъ древнихъ. Но эта древность совершенный вздоръ: я предъ ними рѣшительно мальчишка!»

Здѣсь кстати замѣтить, что князь Воронцовъ, безспорно величайшій изъ администраторовъ, сочинилъ на Кавказѣ одну изъ самыхъ непонятныхъ вещей. По разсказамъ, которые я слышалъ на Кавказѣ, грузинскіе цари были люди очень простые. Царствованіе ихъ отличалось патріархальнымъ преимущественно характеромъ. Такъ напримѣръ царь, со всѣмъ штатомъ, при немъ состоящимъ, отправлялся къ которому-либо изъ своихъ подданныхъ и пировалъ у него нѣсколько дней, потомъ отправлялся къ другому и т. д. Подданные, которыхъ посѣщалъ царь, рѣзали для него барановъ, варили пилавъ, поили его виномъ. При царѣ находились различные приближенные, подъ названіемъ тавадовъ, азнауровъ и т. п. Казалось бы чрезчуръ достаточнымъ самихъ царей туземныхъ уподобить нашимъ князьямъ и только; я видѣлъ много такъ-называемыхъ грузинскихъ царевенъ, да и кто ихъ не видалъ въ Петербургѣ? Страсть и ужасъ! Что тутъ царскаго? Впрочемъ, если по какимъ-либо политическимъ соображеніямъ нужно было грузинскимъ царямъ и царевнамъ сохранить ихъ званіе, то Господь съ ними! Но совершенно уже непонятно, почему князь Воронцовъ нашелъ нужнымъ и справедливымъ всѣ толпы, при царяхъ находившіяся, произвести въ князья и дворяне. Отъ этого произошло, что въ Тифлисѣ что ни шагъ то князь! Я ужъ не говорю о томъ, что всѣ департаменты и другія присутственныя мѣста набиты князьями; князья попадаются даже между извозчиками. О дворянахъ и говорить нечего: украсть лошадь или корову для дворянина ничего не стоитъ, и кажется сами грузины плохо понимаютъ значеніе и достоинство дворянина, какъ оно понимается въ цивилизованномъ мірѣ. Такимъ образомъ, почти однимъ почеркомъ пера князь Воронцовъ превратилъ значительную часть грузинскаго населенія въ князей и дворянъ къ немалому удивленію не только моему лично, но и всѣхъ старожиловъ кавказскихъ изъ числа русскихъ.

Извѣстно, впрочемъ, что князь Воронцовъ имѣлъ какое-то особен-

ное пристрастіе къ грузинамъ и осыпалъ ихъ и въ массахъ, и въ частности всевозможными милостями и льготами. Имѣлъ ли онъ въ виду здѣсь государственную цѣль связать этими льготами и милостями Грузію съ Русскимъ царствомъ или руководствовался какими-либо другими побужденіями—только грузины не могутъ вспоминать о немъ безъ восторга.

Обращаюсь къ Орбеліанамъ. Лучшимъ и блестящимъ представителемъ ихъ въ мое время былъ, разумѣется, князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, о которомъ я уже выше говорилъ и который, за болѣзнью князя Александра Ивановича, исправлялъ должность намѣстника. Потомъ весьма сильною группою Орбеліановъ были три брата: князь Дмитрій, князь Иванъ и князь Макарій (Мамука) Орбеліани.

Князь Дмитрій Орбеліани во времена Воронцова былъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Это былъ почтенный, старый, простой господинъ, типъ старика грузина. Его всѣ любили за его простоту и добродушіе. Женатъ онъ былъ на царевнѣ Варварѣ Багратовнѣ, женщинѣ также простой и доброй.

При князѣ Барятинскомъ они пользовались большимъ общественнымъ почетомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда князю нужно было назначить хозяйку въ домѣ, напримѣръ при какомъ-нибудь большомъ праздникѣ или торжествѣ—честь эта всегда предоставлялась Варварѣ Багратовнѣ.

Въ мое время князь Дмитрій не занималъ уже должности губернскаго предводителя дворянства, которая еще до меня перешла къ брату его князю Ивану. Впрочемъ, и князь Иванъ не долго держался при мнѣ въ этомъ положеніи; возникли какія-то интриги, предводителемъ избрали молодаго человѣка, тоже Орбеліани, князя Александра, о которомъ я выше говорилъ, а князь Иванъ сошелъ съ поприща и какъ-то совсѣмъ исчезъ; атакованный различными болѣзнями, и особенно лишившійся зрѣнія, онъ проводилъ скучный остатокъ дней въ совершенномъ уединеніи, такъ что его потомъ нигдѣ уже рѣшительно не было видно.

Третій братъ Макарій или знаменитый «Мамука» былъ именно тотъ джигитъ, народный герой, о которомъ я говорилъ въ началѣ моихъ записокъ, и подъ начальствомъ котораго князь Александръ Ивановичъ впервые вкусилъ сладости кавказской войны, и въ залогъ этого знакомства получилъ вражескую пулю, засѣвшую въ немъ навсегда.

Наконецъ къ третьей, наиболѣе замѣчательной, группѣ Орбеліановъ принадлежали два брата Дмитрій и Вахтангъ Орбеліани, извѣстные по своимъ знаменитымъ женамъ.

Князя Дмитрія иначе и не называли, какъ «мужъ Маріи Ивановны». Марья Ивановна по справедливости пользовалась своею зна-

ненитостью. Нѣкогда красавица и въ мое еще время сохранившая слѣды красоты, это была женщина довольно образованная, довольно не глупая и значительно добрая. Она сама мнѣ говорила, что въ былое время каждаго, кто посѣщалъ Грузію, очаровывали непремѣнно три красавицы: княгиня Екатерина Александровна Дадьянъ, сестра ея Нина Александровна Грибоѣдова и она. Извѣстіе это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, потому что это были дѣйствительно три граціи по красотѣ. При дворѣ князя Воронцова княгиня Марья Ивановна занимала почетное мѣсто.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо А. Стурдзы—А. Г. Тройницкому.

27-го марта 1844 г.

Милостивый Государь, Александръ Григорьевичъ!

Христосъ воскресе! Если бы П. Т. Морозовъ предоставилъ намъ право помѣстить статью свою въ иномъ періодическомъ изданіи, то я увѣренъ, что М. П. Погодинъ охотно включилъ бы ее въ составъ «Москвитянина». Она послужила бы тамъ дополненіемъ моему «Нѣчто о философіи христіанской», съ котораго одинъ оттискъ при семъ подношу вамъ, а другой покорнѣйше прошу отправить отъ имени моего къ почтенному Павлу Тимофѣевичу Морозову при другихъ посылкахъ вашихъ къ нему.

Желая вамъ провести свѣтлые праздники богоугодно, мирно и радостно, имѣю честь быть и проч.

PS. Изъ Аѳинъ наше посольство пишетъ ко мнѣ отъ 18-го марта, что народное собраніе 17-го заключило свои засѣданія декретомъ, по коему: Греція провозглашаетъ бывшаго правителя Греціи гр. І. Каподистію благодѣтелемъ народа и поручаетъ правительству воздвигнуть незабвенному статую въ Навпліи, на площади трехъ Адмираловъ, нѣкогда обагрившейся кровію его. Вотъ вамъ и новость достовѣрная.

Сообщилъ **Г. А. Тройницкій**.

ПОПРАВКА.

Въ № 5 (маѣ) «Русской Старины», въ выноскѣ на стр. 365 было напечатано: «Графъ Д. А. Толстой, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія». Слѣдуетъ читать: «графъ Евѳимій Васильевичъ Путятинъ.»

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ

ъ или офицера. *) и вотъ почему за-
ъ такъ строго караетъ подобныя пре-
ленія, составляющія государственную
ну.

Относительно перваго знакомства Шуль-
стера съ Наполеономъ въ разсматри-
мой нами книгѣ разсказывается слѣду-
ее: Для того, чтобы предложить свои
уги Наполеону, онъ явился въ Страсбургъ,
замокъ, въ большомъ залѣ котораго въ
ромъ этажѣ, императоръ принималъ про-
телей. —«Какія у васъ рекомендаціи?» —
осилъ Наполеонъ. —«Никакихъ; я самъ
я рекомендую». —«Въ такомъ случаѣ я
могу воспользоваться вашими услугами», —
ѣтилъ императоръ и отошелъ за ширму.
ульмейстеръ тотчасъ загримировался и
ѣнилъ свою наружность до неузнавае-
сти. Думая, что онъ ушелъ, императоръ
елъ изъ-за ширмы и увидѣлъ передъ со-
ю незнакомца. «Кто вы такой? Что вамъ
жно?» воскликнулъ изумленный Напо-
онъ. —«Я Шульмейстеръ». Пораженный
ою ловкостью, императоръ тотчасъ при-
къ его на службу.

Во время своей службы, Шульмейстеръ
разъ подвергался опасности быть взя-
мъ въ плѣнъ и только благодаря своей
ительной способности гримироваться
еобыкновенному присутствію духа, онъ
ѣгалъ грозившей ему бѣды. Въ книгѣ
ведено нѣсколько такихъ случаевъ; на-
мѣръ, въ сраженіи при Ваграмѣ Шуль-
стеръ едва не былъ взятъ въ плѣнъ.
ъ бросился въ сосѣдній домъ. Когда не-
ятельскіе солдаты ворвались туда, по
стницѣ спускался цирюльникъ съ мыль-
ей, кистью и всѣми принадлежностями
я бритья. Это былъ Шульмейстеръ. «Гдѣ
ніонъ? — спросили его солдаты, — онъ
рылся въ этомъ домѣ». —«Поднимитесь на
рой этажъ; тяжело раненный, онъ лежитъ
ъ на кровати», отвѣчалъ Шульмейстеръ
быстро скрылся.

Самымъ громкимъ дѣломъ Шульмейстера
ла капитуляція Макка при Ульмѣ, гдѣ имъ
ли сданы 25.000 солдатъ, 8 генераловъ,
запряженныхъ орудій, 3.000 лошадей и
знаменъ. Подробности этого дѣла чи-
тели найдутъ въ главѣ третьей—«Ульмъ».

Переводъ сдѣланъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, и по внѣшности книга
дана прекрасно: красивымъ, четкимъ
рифтомъ, со множествомъ виньетокъ и за-
ставокъ. Въ концѣ книги приложены двѣ
карты: 1) Движенія французской арміи отъ
Рейна и Майна къ Дунаю; 2) Окрестности
Ульма.

Н. К-ш-ъ.

*) «Если штабной офицеръ подкупленъ
на милліонъ, то это не дорого»,—говорилъ
маршалъ де-Линь.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая, изданная членомъ саратовской ученой коммиссіи и почетнымъ членомъ археологическаго института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1896.

Находясь въ родствѣ съ именитѣйшими русскими фамиліями, князья Куракины какъ по связямъ родства и дружбы, такъ и по служебнымъ отношеніямъ вели обширнѣйшую переписку, которая и сохраняется нынѣ у князя Ѳ. А. Куракина, въ его родной вотчинѣ, селѣ Надеждинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, въ количествѣ 1.375 фоліантовъ. Большая часть этихъ бумагъ принадлежитъ XVIII вѣку, и почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося дѣятеля этой славной эпохи, который не оставилъ бы по себѣ слѣда въ Надеждинскомъ архивѣ, при чемъ,—что особенно важно,—сохранилась и черновики тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались князья Куракины со множествомъ лицъ обоего пола.

Въ шестой томъ вошли, кромѣ продолженія дневника князя Бориса Ивановича Куракина, начало котораго помѣщено въ пятомъ томѣ,—45 его писемъ и 21 письмо къ нему разныхъ лицъ, за 1712—1713 гг. Эти матеріалы относятся, главнымъ образомъ, къ Утрехтскому съѣзду и къ событіямъ, его подготовившимъ.

Напечатанныя въ этомъ же томѣ бумаги князя Александра Борисовича охватываютъ собою его университетскую жизнь въ Лейденѣ и пребываніе въ Англіи, продолжая удивлять читателя замѣчательною наблюдательностью юнаго князя, философскимъ настроеніемъ его мысли и исторической вѣрностью своего содержанія, указывающей на прилежное изученіе трактуемыхъ предметовъ. Его обширныя и весьма интересныя письма къ цесаревичу Павлу Павловичу, напечатанныя съ собственноручныхъ подлинниковъ князя, имѣютъ несомнѣнное значеніе для характеристики Павла Петровича въ первой половинѣ его жизни.

Кромѣ чисто историческаго матеріала, въ шестомъ томѣ архива помѣщены и второстепенные документы, напримѣръ, письма княжны Аграфены Александровны и княгини Александры Ивановны Куракиныхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ біографическаго характера и дороги, поэтому, семьѣ князей Куракиныхъ по родовымъ воспоминаніямъ.

Въ концѣ книги помѣщены: указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ VI т., указатель иностранныхъ личныхъ именъ, встрѣчающихся въ V и VI томахъ, и примѣчанія.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. - въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1896 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**" основатель историческаго журнала „**Русская Старина**". Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевскаго и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „**Русской Старины**" **2** рубля.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. ДЕКАБРЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. На зарѣ крестьянской свободы (Матеріалы для характерист. обт.). Гл. III. К. 449—476

II. Академикъ А. Л. Витбергъ и его письма къ А. И. Герцену. . . . . 477—495

III. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII вѣка. Гл. VI—VII. В. В. . . . . 497—533

IV. А. С. Пушкинъ и эстляндцы. Сообщ. А. З. Мышлаевскій. . . . . 535—537

V. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1818 г. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ. . . . . 539—567

VI. „Несь-гомъ". Сатира на кампанію 1807 г. Сообщ. Л. С. М—чъ. . . . . 569—570

VII. М. Н. Катковъ, какъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» и возобновитель «Русскаго Вѣстника» (Письма его къ Никитенко). (Окончъ.). Сообщ. С. А. Никитенко. . . 571—589

VIII. Воспоминанія сенат. бар. Карла Гейнинга. (Окончъ.) Ч. II. А. А. Гирса. . . 591—614

IX. Къ исторіи царствованія императора Николая I. . 615—630

X. Записки В. А. Инсарскаго. Ч. III. Гл. IX. . . . . 631—648

XI. Приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Александра I въ 1814 г. Сообщ. А. В. Безродный. 649—669

XII. Записная книжка „Русской Старины": Эпиграмма на Карамзина. Отвѣтъ на нее Дмитріева. Эпиграммы на Хомутова и Ханыкова (стр. 496).—Письмо Ив. Мартынова—Д. П. Руничу отъ 21 янв. 1822 г. (534).—Письмо Ив. Ив. Дмитріева—П. П. Свиньину отъ 28 февр. 1825 г. (538).—Письмо О. В. Будаговой—Д. П. Руничу отъ 17 іюня 1823 г. (568).—Два письма А. Стурдзы къ А. Г. Тройницкому по случаю кончины графини Р. С. Зданичъ отъ 8 и 15 февр. 1844 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій (590).—Указъ имп. Александра I тайн. сов., сенатору, с.-петербург. гражд. губернатору Бакунину отъ 20-го апрѣля 1809 г. (670).

XIII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генераловъ-адъют. Л. В. Евдокимова. . 225—240

XIV. Указатель личныхъ именъ въ 89, 90, 91 и 92 томахъ „Русской Старины" 1897 г.

XV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Лаврентьевича Витберга. Грав. К. Адтъ. 2) Объявленіе о складѣ хвойника Кузьмичевской травы, С. З. Орлова. г. Бузулукъ Самар. г. 3) Каталогъ 1898 г. книгопродавательства Германа Гоппе. 4) Каталогъ книгъ книжн. магаз. Товарищ. „Общественная Польза". 5) Объявленіе о подпискѣ на иллюстрир. издан. Географіи Элизе Реклю. 6) Объявленіе о подпискѣ на „Сводъ Законовъ Россійской Имперіи".

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1898 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 38

1897.

Библіографическій листокъ.

Записки состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. великаго князя Михаила Николаевича Уральскаго общества любителей естествознанія. Томъ XIX, выпускъ 1. Физическая организація школьныхъ дѣтей Пермской губерніи. Антропологическіе матеріалы. А. И. Смородинцева и Н. А. Русскихъ, дѣйствительныхъ членовъ Уральскаго общества любителей естествознанія. Съ 13 литогр. табл. Екатеринбургъ. 1897.

Матеріаломъ для разсматриваемаго труда послужили измѣренія дѣтей почти всѣхъ низшихъ школъ Пермской губерніи, произведенныя въ теченіе трехъ учебныхъ годовъ: 1891—92, 1892—93, 1893—94; измѣренія производились надъ одними и тѣми же дѣтьми, по три раза, именно: когда они проходили 1-й, 2-й и 3-й классы; при чемъ въ программу собиранія матеріаловъ входили слѣдующіе вопросы: лѣта, племя, сословіе, занятія родителей, ростъ, объемъ груди, окружность головы, цвѣтъ волосъ и глазъ. Матеріалы эти собирались учителями народныхъ училищъ; случаи сомнительныхъ и неполныхъ показаній исключались, и всѣ списки, до обработки ихъ, тщательно просматривались.

Къ статистической обработкѣ найденныхъ чиселъ былъ примѣненъ обычный методъ антропологовъ, статистиковъ и врачей, именно—методъ средней величины, безъ точнаго разсмотрѣнія минимумовъ и максимумовъ.

Собранный матеріалъ, касающійся 18.126 дѣтей съ 37.447 измѣреніями, былъ обработанъ, въ большей части, А. И. Смородинцевымъ, и въ незначительной (о цвѣтѣ волосъ и глазъ)—Н. А. Русскихъ и сгруппированъ въ пять главъ.

Въ первой главѣ разсматриваются національность, занятія родителей, полъ и возрастъ дѣтей. По національности между дѣтьми школьнаго возраста Пермской губерніи преобладающій элементъ составляютъ великороссы (93%), затѣмъ—пермяки (4%), башкиры (около 2%); черемисы и другія племена составляютъ лишь сотыя доли процента.

По занятіямъ родителей дѣти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: крестьянъ 9.868, заводскихъ мастеровыхъ 5.968, мѣщанъ 998, торговцевъ 631, разночинцевъ 489 и духовныхъ 170 челов.

Въ половомъ распредѣленіи дѣти крестьянъ составляли 79% мальчиковъ и 21% дѣвочекъ; дѣти заводскихъ мастеровъ—63% мальчиковъ и 37% дѣвочекъ; горожанъ же—55% мальчиковъ и 45% дѣвочекъ. Изъ этихъ цифръ видно, что крестьяне рѣдко посылаютъ своихъ дѣтей-дѣвочекъ въ школу, тогда какъ горожане обучаютъ дѣтей и другаго пола.

Возрастъ поступленія въ школу, сомнѣнія, имѣетъ большое значеніе для селенія со стороны не только начала ученаго развитія дѣтей, но и со стороны ихъ организаціи. По возрасту давшіяся дѣти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 30% девяти-лѣтнихъ, 29% восьми и десяти-лѣтнихъ, 9% одиннадцатилѣтнихъ, 50% двѣнадцати-лѣтнихъ; остальные 16% приходятся на дѣтей ниже и выше двѣнадцати лѣтъ.

Предметъ второй главы составляетъ рость. Въ ней авторъ приводитъ мнѣнія различныхъ ученыхъ о вліяніи школы сидячей жизни на ростъ дѣтей. Конечные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ на основаніи собранныхъ матеріаловъ, сводятся къ слѣдующему: сначала мальчики перегоняютъ дѣвочекъ, но къ возрасту полосозрѣванія, къ 14—15 годамъ, дѣвочки перегоняютъ ростомъ мальчиковъ; зрѣлые мальчики выше ростомъ, чѣмъ дѣвочки; это явленіе для Пермской губерніи, какъ и повсемѣстно, зависитъ отъ общаго закона о человѣческомъ ростѣ: что мужской полъ выше женскаго.

По сословіямъ дѣти пермскаго населенія распредѣляются такъ: къ категоріи низкорослыхъ относятся дѣти крестьянъ, заводскихъ мастеровыхъ и мѣщанъ, дѣти мастеровъ, духовенства и торговаго люда принадлежатъ къ категоріи роста выше средняго.

Третья глава отведена — окружность груди. Окружность груди у нормальнаго здороваго человѣка, обыкновенно, считается равной половинѣ роста и даже немного болѣе *). Школа, какъ убѣдился А. И. Смородинцевъ изъ обработаннаго имъ матеріала, въ значительной степени задерживаетъ ростъ грудной коробки у дѣтей, развиваетъ у нихъ сильную узкогрудость; слѣдовательно, отзывается очень неблагопріятно на ихъ ростѣ и общемъ развитіи нормальной ихъ организаціи, отклоняя ее въ сторону крайней воспріимчивости школьныхъ дѣтей къ серьезнымъ легочнымъ и сердечнымъ болѣзненіямъ, которыя составляютъ результатъ непропорціональнаго развитія дѣтей груди съ ихъ ростомъ. Вообще же,—по заключенію автора,—периметръ груди находится въ прямой зависимости отъ роста: онъ уже, меньше у дѣтей низкорослыхъ, больше, шире—у высокихъ. Изъ приведенной на 44-й страницѣ таблицы разно-

*) Проф. Эрисманъ, на основаніи обширнаго матеріала о фабричныхъ рабочихъ («Сборникъ статистич. свѣд. Московской губ.», т. III), устанавливаетъ такое же положеніе соотношенія окружности груди къ полуросту.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1898 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1898 году въ двадцать девятый годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, небывшія подписчиками въ 1895 и 1897 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи **«Русской Старины»** изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ **«Русской Старины» 1 руб.**, а для всѣхъ остальныхъ **1 руб. 50 коп.**

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи **журнала «Русская Старина»**: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что **Указатель** напечатанъ въ *ограниченномъ* числѣ экземпляровъ.

АКАДЕМИКЪ

АЛЕКСАНДРЪ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ВИТБЕРГЪ.

На зарѣ крестьянской свободы.

(Матеріалы для характеристики [illegible])

(1857—1861 гг.)

II[illegible]¹).

[illegible] комитета.— Отбытіе [illegible] съ графомъ Киселевымъ.— [illegible] князя Константина Николаевича.— [illegible] 18 августа 1857 года. [illegible] о немъ [illegible] дѣламъ Россіи.— Письмо [illegible] къ М. Н. [illegible].— Письмо [illegible] къ [illegible].— [illegible] неудовольствіе [illegible] положенныхъ въ [illegible] ра[illegible]

З[illegible]аданія секретнаго комитета между тѣмъ [illegible] дѣлъ [illegible], доставленныхъ правительству [illegible] ихъ лицъ и разборъ записокъ [illegible] комитета [illegible] время слѣдовавшихъ одно за [illegible] какими-[illegible] нымъ результатамъ однако [illegible] не приходилъ [illegible] въ и даже не могъ формировать [illegible] рѣшенію. Между тѣмъ [illegible] и замѣтно [illegible] все большихъ и [illegible] великой цѣли.

¹) См. „Русскую Старину“, 1897 г., ноябрь.

АКАДЕМИКЪ

АЛЕКСАНДРЪ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ЕНТЫРГЪ.

На зарѣ крестьянской свободы.

(Матеріалы для характеристики общества).

(1857—1861 гг.).

III [1]).

Занятія секретнаго комитета.— Отбытіе государя императора за границу и разговоръ его съ графомъ Киселевымъ.—Назначеніе членомъ секретнаго комитета великаго князя Константина Николаевича —Его благотворное вліяніе.—Журналъ комитета 18 августа 1857 года.—Мнѣніе о немъ заграницею.—Вниманіе Европы къ дѣламъ Россіи.—Письмо Погенполя къ М. Н. Каткову.—Статьи «Nord'a.»—Письмо Головина къ Погенполю.—Мнѣнія о журналѣ 18 августа у насъ.—Недовольство и опасенія.—Несогласія въ мнѣніяхъ секретнаго комитета и усиленіе реакціи.—Циркуляръ министра Ланскаго съ проектомъ рескрипта и съ предписаніемъ образовать губернскія коммисіи для обсужденія началъ, положенныхъ въ проектированномъ рескриптѣ.—Всеобщее недовольство такою постановкою дѣла —Заявленіе литовскихъ дворянъ.—Рескриптъ 20 ноября и министерское развитіе его началъ.

Засѣданія секретнаго комитета между тѣмъ продолжались. Чтеніе проектовъ, доставленныхъ правительству со стороны частныхъ лицъ и разборъ записокъ членовъ комитета поглощали все время слѣдовавшихъ одно за другимъ засѣданій. Къ окончательнымъ результатамъ однако комитетъ не приходилъ, намѣченной цѣли не имѣлъ и даже не могъ формировать вопросовъ, подлежащихъ его разрѣшенію. Между тѣмъ нетерпѣнье императора становилось настойчивѣе и замѣтнѣе; оно увеличивалось вмѣстѣ съ представленіемъ его величеству все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ затрудненій въ выполненіи задуманной имъ великой цѣли.

[1]) См. „Русскую Старину“, 1897 г. ноябрь.

Присутствіе государя въ Петербургѣ сдерживало рѣзкость разногласій и противуположность мнѣній, существовавшихъ между членами комитета. Влекомые ясно выраженнымъ желаніемъ императора, они не могли далеко уходить онъ намѣченной державной волею цѣли, такъ что, при всемъ неуспѣхѣ почти полугодовой законодательной работы, комитетъ все таки къ выѣзду государя за границу выработалъ два весьма существенные вопроса для дальнѣйшихъ своихъ занятій, именно: 1) если будетъ разрѣшено приступить къ общимъ мѣрамъ, то слѣдуетъ-ли при этомъ сохранить помѣщикамъ право полной собственности на земли или же отдать крестьянамъ земли, коими они пользуются, или только земли усадебныя и огородныя, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія помѣщика и 2) слѣдуетъ-ли допустить общинное начало въ распоряженіи и пользованіи крестьянами землею или же оно должно быть уничтожено и замѣнено личнымъ и отдѣльнымъ пользованіемъ каждаго крестьянина?

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1857 года императоръ и императрица выѣхали за границу въ сопровожденіи князя Горчакова, князя Вл. Долгорукова и графа Адлерберга. Передъ выѣздомъ предсѣдатель секретнаго комитета князь Орловъ доставилъ его величеству записки членовъ комитета князя Гагарина, Я. И. Ростовцева, барона М. А. Корфа и С. Ланскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ доложилъ о ходѣ занятій комитета. На сколько неудовлетворенъ былъ государь ходомъ работъ комитета и вообще положеніемъ крестьянскаго вопроса, можно видѣть изъ словъ его величества, обращенныхъ къ тогдашнему нашему послу во Франціи графу П. Д. Киселеву, встрѣтившему государя въ Киссингенѣ 7-го іюля.

— Крестьянскій вопросъ, сказалъ государь, разговаривая съ графомъ о крестьянскомъ дѣлѣ, меня постоянно занимаетъ; надо довести его до конца; я болѣе чѣмъ когда либо рѣшился и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ.

«Вообще мнѣ показалось, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ графъ Киселевъ, что государь совершенно рѣшился продолжать дѣло освобожденія крестьянъ, но его обременяютъ и докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія [1])

Но въ то время какъ императоръ искренно желалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ душевно скорбѣлъ за медленность въ осуществленіи великой крестьянской реформы, здѣсь въ Петербургѣ, въ его отсутствіе, взяла верхъ партія крѣпостниковъ, и въ комитетѣ началась такая рознь и такое несогласіе, которыя чуть было не положили конецъ задуманному дѣлу. Уже отчаявались придти къ какому либо результату: до того велика была разногласица,

---

[1]) „Графъ П. Д. Киселевъ и его время.“ Заблоцкій-Десятовскій т. 3—4 стр. 31.

до того были бурныя безпорядочныя разсужденія секретнаго комитета. Къ счастію въ этотъ моментъ на короткое время государь возвратился изъ за-границы. Убѣжденіе его въ необходимости дать дѣлу рѣшительное движеніе еще болѣе усилилось. По ходившимъ въ то время слухамъ, вліяніе на него приписывалось королю прусскому, бывшей въ то время на водахъ Еленѣ Павловнѣ, прусскому публицисту барону Гакстгаузену и другимъ лицамъ, съ которыми видѣлся государь въ Германіи. Какъ бы то ни было, онъ остался весьма недоволенъ бездѣйствіемъ комитета и, чтобы пробудить его дѣятельность, назначилъ въ началѣ августа членомъ въ комитетъ своего августѣйшаго брата великаго князя Константина Николаевича. Великій князь съ свойственною ему энергіею горячо принялся за дѣло. Начались отдѣльныя совѣщанія съ главнѣйшими членами комитета: Чевкинымъ, Ланскимъ, княземъ Орловымъ и Ростовцевымъ. Князь Долгорукій въ это время находился за границею съ императрицею, графъ Блудовъ бралъ морскія ванны въ Ревелѣ, а Муравьевъ объѣзжалъ государственныя имущества. Не легко, однако, было великому князю бороться съ неподвижностью членовъ комитета, въ особенности съ его предсѣдателемъ княземъ Орловымъ, которому въ одномъ засѣданіи пришлось выслушать отъ великаго князя очень вѣское и рѣзкое слово. Дѣло поставлено было такъ, что князь Орловъ и дѣлопроизводитель Бутковъ только и помышляли о томъ, какъ бы подъ благовиднымъ предлогомъ закрыть комитетъ и передать все дѣло министру внутреннихъ дѣлъ. Предполагалось дать на имя министра внутреннихъ дѣлъ рескриптъ съ выраженіемъ воли государя—покончить крестьянское дѣло при содѣйствіи и участіи дворянства и имѣя въ виду примѣръ прибалтійскихъ губерній. Настоящимъ двигателемъ крестьянскаго дѣла явился въ этотъ моментъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ рѣшился предложить комитету свой планъ болѣе точно опредѣленный, который и обсуждался въ бурныхъ засѣданіяхъ комитета 14, 17 и 18 августа. Планъ же этотъ съ незначительными поправками выразился въ журналѣ комитета 18-го августа, который тотчасъ же былъ преподнесенъ на утвержденіе государя. Императоръ радъ былъ хоть какому-нибудь началу и на этомъ журналѣ послѣдовала слѣдующая собственноручная его резолюція: «Исполнить. Относительно же разногласія раздѣляю мнѣнія большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желаемому результату. Искренно благодарю г.г. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса».

Замѣтимъ, что меньшинство состояло изъ князя Гагарина, который полагалъ дать помѣщикамъ право увольнять крестьянъ отдѣльно

и цѣлыми селеніями, не спрашивая ихъ на то согласія, но съ обезпеченіемъ ихъ пахатою, разумѣя подъ сею послѣднею строеніе, землю подъ оной, огородъ и выгонъ. Прочіе члены полагали дозволить увольненіе крестьянъ съ тою-же осѣдлостью, но съ обезпеченіемъ сверхъ того средствъ къ исправной уплатѣ податей (разумѣлась-ли подъ этимъ пахатная земля—не объяснено) и не иначе, какъ по добровольному соглашенію между помѣщиками и крестьянами. Вообще содержаніе журнала комитета 18-го августа 1857 года, въ главныхъ чертахъ, заключалось въ слѣдующемъ: «Послѣ тщательнаго и подробнаго обсужденія всѣхъ вообще обстоятельствъ, до настоящаго дѣла относящихся, говорилось въ журналѣ, комитетъ пришелъ къ положительному убѣжденію, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ у насъ крестьянъ, что они вовсе не приготовлены къ полученію внезапно и вдругъ свободы; что общее объявленіе ихъ свободными разстроитъ вѣковыя отношенія ихъ къ помѣщикамъ и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ государствѣ, и что потому въ семъ государственномъ дѣлѣ надо дѣйствовать не вдругъ, но, какъ неоднократно уже указано вашимъ императорскимъ величествомъ, осторожно и благоразумно».

«Комитетъ, принимая во вниманіе, что для общаго освобожденія крѣпостнаго сословія не только помѣщики и крестьяне, но даже и само правительство въ настоящее время еще не приготовлены, считаетъ необходимымъ прежде всего приготовить все, что для этого будетъ нужно и потомъ уже приступить къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, но приступить не вдругъ, а постепенно».

Руководствуясь этими правилами, комитетъ полагалъ весь порядокъ дѣйствій, для освобожденія крѣпостнаго состоянія Россіи, раздѣлить на три періода: а) «приготовительный, въ продолженіе котораго правительство должно всячески смягчать и облегчать крѣпостное состояніе, открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ и собрать всѣ вообще матеріалы, свѣдѣнія и данныя, необходимыя для постановленія тѣхъ мѣръ, кои должны быть впослѣдствіи приняты при уничтоженіи крѣпостнаго сословія; б) переходный, въ продолженіе котораго правительство должно принять мѣры къ освобожденію крѣпостнаго сословія, но освобожденію не по взаимному уже соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, а обязательному; в) окончательный, когда крестьяне, получивъ права личныя, будутъ поставлены въ отношеніяхъ своихъ къ помѣщикамъ какъ люди совершенно свободные».

Комитетъ не указывалъ, въ чемъ должны состоять мѣры для смягченія и облегченія крѣпостнаго состоянія (и открытія способовъ помѣщикамъ увольнять крестьянъ по взаимному соглашенію), а предоставилъ

себѣ п[illegible] подробному ихъ обсужденію по одобреніи государемъ его п[illegible]ній. Комитетъ считалъ существенно необходимымъ не затр[illegible]мѣщиковъ въ составленіи условій и соглашеній съ крестьян[illegible]льненіе ихъ, а напротивъ открыть помѣщикамъ всѣ способы и [illegible]ть заключенія сего условія, по своему усмотрѣнію, лишь бы ус[illegible] не содержали въ себѣ ничего противнаго общимъ законамъ.

[illegible]къ дѣйствій правительства во второмъ или переходномъ пе-рі[illegible]полагалось указать, когда министерство внутреннихъ дѣлъ со[illegible]всѣ необходимыя для того свѣдѣнія, данныя и факты. Нако-н[illegible]докъ дѣйствій въ третьемъ или окончательномъ періодѣ будетъ и[illegible]зъ тѣхъ основаній, кои будутъ приняты для дѣйствій во вто-р[illegible] переходномъ періодѣ.

[illegible]ъ образомъ послѣ долгихъ преній и колебаній, несмотря на и[illegible] желаніе государя, правительство въ сущности откладывало [illegible]крестьянскаго вопроса на неопредѣленное время, т. е. до получе-[illegible]зній министерствомъ, на собраніе которыхъ даже не назначалось [illegible]опія съ журнала 18-го августа была послана М. Н. Муравьеву, [illegible] получилъ ее въ Нижнемъ-Новгородѣ; по возвращеніи въ С.-Пе-[illegible], онъ тотчасъ-же представилъ записку, въ которой утверждалъ, [illegible]дствіе сдѣланныхъ имъ на мѣстѣ наблюденій, дѣло это, хотя по [illegible]полезное, но преждевременное, и что настоящее положеніе вещей [illegible]продолжиться еще многія лѣта. Съ своей стороны князь Орловъ [illegible]шительно противъ отдачи крестьянамъ земли, кромѣ усадебъ, [illegible]что онъ на старости лѣтъ не хочетъ разсориться съ дворянствомъ; [illegible]ъ тоже соглашался дать одну усадьбу. Князь Меншиковъ иначе [illegible]лашался на освобожденіе, какъ съ разсрочкою на 70 лѣтъ. Сло-[illegible] несмотря, повидимому, на рѣшительное начало, дѣло окружено [illegible]самыми крѣпостническими тенденціями.

[illegible]чего и говорить, что одобренное императоромъ постановленіе се-[illegible]аго комитета тотчасъ же въ извращенныхъ чертахъ было узнано [illegible]ствомъ какъ въ Россіи, такъ и заграницею.

[illegible]Не могу удержать себя, чтобы не сообщить вамъ, пишетъ Г. Б—левъ [illegible]генералу М — вичу въ Остенде отъ 27-го августа, одну изъ [illegible]ѣйшихъ новостей нашихъ, и хотя она держится еще подъ секре-[illegible], но всему Петербургу извѣстна. 21-го августа утверждено государемъ [illegible]ераторомъ мнѣніе Государственнаго Совѣта о свободѣ крестьянъ и, [illegible]ъ слышно, на слѣдующихъ основаніяхъ. Сами владѣльцы обязаны въ [illegible]ніе 15 лѣтъ, по положенію мѣстному каждаго, привести въ исполне-[illegible], по миновании же срока, буде владѣлецъ не управится самъ съ этимъ [illegible]омъ, правительство тогда распорядится само. Земли остаются соб-[illegible]ственностью владѣльцевъ,—крестьяне должны будутъ уплачивать за нихъ дневными работами. Вообще положеніе уже составляется и, какъ гово-

рять, постановлено не оглашать всенародно, но будетъ [illegible]кретно губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ».

Въ заграничныхъ русскихъ колоніяхъ это извѣстіе пр[illegible]амое разнообразное впечатлѣніе: одни были возмущены этимъ, [illegible]боротъ, приходили въ восторгъ.

Мих. Христ. Рейтернъ удѣдомляетъ изъ Парижа Ал. Вас. [illegible]а, что «Nord», а за нимъ и другія газеты «разнесли слухъ, что го[illegible]дписалъ указъ объ увольненіи крестьянъ, а за симъ будто-бы [illegible]ь, плачъ велій всей кутящей въ Парижѣ русской аристократіи».

Но съ другой стороны имѣются и восторженные отзывы. [illegible]ь Брюсселя нѣкто Г. пишетъ такое посланіе адмиралу М—хову:

«Въ Европѣ, да и во всемъ мірѣ ждутъ разрѣшенія славной [illegible] освобожденія крестьянъ въ Россіи. Это ужъ не Юрьевъ день! [illegible] дунова и оправдываютъ обстоятельства, но исторія все таки [illegible] для него неумолимою: одна поговорка на Руси навсегда омра[illegible] имя. Хорошо и то, что не назвали Годуновъ день.... При этомъ [illegible] ходить мысль и я рѣшаюсь изложить ее съ тѣмъ, что буде она [illegible] жется страною, просить особу вашу при случаѣ ее не отвергнути[illegible] дѣло созрѣетъ, и Божіею милостію государь объявить великодуш[illegible] нифестъ—я по своему полагаю, что манифестъ этотъ долженъ бы[illegible] шенъ въ Александровъ день—и это событіе въ исторіи Россіи н[illegible] останется для народа «александр въ день». Позднѣйшее потом[illegible] умиленною гордостью будетъ вспоминать того, который соверш[illegible] великое дѣло! Вотъ памятникъ! А сподвижники его стремленія [illegible] чести и славѣ услышатъ отголосокъ чувствъ великаго народа. [illegible] въ укоръ тайнымъ врагамъ озаритъ племена славянъ, жажд[illegible] также независимой жизни. Вслѣдъ за симъ конечно послѣдуетъ [illegible] освобожденіе изъ-подъ чужеземнаго ига!...»

Живой отголосокъ русскихъ изъ разныхъ мѣстъ Европы слѣд[illegible] тогда по весьма понятнымъ причинамъ. Пребываніе императора за[illegible] ницею, послѣдовавшее затѣмъ свиданіе двухъ императоровъ въ П[illegible] гардѣ интересовало всѣхъ и служило главнымъ предметомъ обсу[illegible] ній текущей европейской прессы. Былъ ли поднятъ въ разговорѣ д[illegible] императоровъ крестьянскій вопросъ въ Россіи—неизвѣстно, такъ [illegible] о штудгардскомъ свиданіи вообще мало свѣдѣній, но что импера[illegible] Наполеонъ говорилъ съ императоромъ Александромъ, о Польш[illegible] польскихъ дѣлахъ—это несомнѣнно. По крайней мѣрѣ слова, ска[illegible] ныя императоромъ Александромъ вслѣдъ за разговоромъ съ Напол[illegible] номъ: «Мнѣ осмѣлились говорить о Польшѣ», — приводятся многи[illegible] историками, описывавшими то время. Несомнѣнно также и то, что [illegible] то время Европа очень была занята личностью покойнаго государя, его намѣреніями и вообще нашими внутренними дѣлами. Достаточно

упомянуть, что Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, будучи въ Дрезденѣ, могъ насладиться такимъ, напримѣръ, зрѣлищемъ: «въ Дрезденѣ, пишетъ онъ изъ Вѣны отъ 5-го сентября къ отцу Сергѣю Тимофѣевичу, я видѣлъ на сценѣ замѣчательную пьесу, содержаніе коей—крѣпостное русское право, и гдѣ во главѣ новаго движенія, новаго порядка вещей выставлены славянофилы, дружно идущіе съ императоромъ. Со сцены во всеуслышанье сказано, что императоръ Александръ желаетъ и готовитъ эмансипацію. Національная партія выставлена какъ свѣтлая сторона Россіи. Пьеса, добавляетъ Иванъ Сергѣевичъ, произвела огромный эффектъ на зрителей, хотя въ художественномъ отношеніи это просто дичь».

Мало того, редакторъ брюссельской газеты «le Nord», г. Погенполь, не ограничиваясь своимъ оффиціознымъ положеніемъ въ отношеніи нашей внѣшней политики, задумалъ открыть на своихъ столбцахъ обширный отдѣлъ, касающійся освобожденія крестьянъ въ Россіи. Онъ завелъ знакомство и вошелъ въ обширную переписку съ нашими учеными, профессорами и литераторами. Намѣреніе г. Погенполя шло еще далѣе: онъ намѣренъ былъ сдѣлать свой «Nord» органомъ всего того, что желала высказать образованная Россія, но чего не могла сдѣлать у себя по цензурнымъ условіямъ. Въ одномъ письмѣ изъ Брюсселя онъ пишетъ напримѣръ къ Мих. Никиф. Каткову слѣдующее: «Цензура въ Россіи, слава Богу, начинаетъ ослабѣвать, и можно надѣяться, будетъ въ скоромъ времени замѣнена опредѣленными законами; но пока все еще она существуетъ, и несмотря на всю слабость свою, мѣшаетъ дотрогиваться до самыхъ живыхъ вопросовъ. «Nord» не разъ уже касался ихъ и при помощи спеціалистовъ и профессоровъ можетъ коснуться еще ближе. Пожалуйста, въ случаѣ если цензура не пропуститъ въ «Вѣстникѣ» (Русскомъ) какую-либо статью, присылайте ее мнѣ: она будетъ напечатана и главное пройдетъ въ Россію. Вы напрасно думаете, что мы можемъ различествовать въ вопросѣ сближенія Россіи съ Западомъ. Если Россія только что начинаетъ знакомиться сама съ собою, то это не мѣшаетъ ей въ то же время знакомить съ собою и Западъ. Что бюрократія, стоя между царемъ и народомъ, мѣшаетъ имъ сблизиться, въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ, такъ-же какъ согласенъ и въ томъ, что у нихъ господствуетъ форма. Но все это само собою перемѣниться не можетъ. Гласность въ состояніи перемѣнить подобное положеніе, потому что гласность одна можетъ познакомить царя съ народомъ и народъ съ царемъ. Гласность, какъ исполинъ, перешагнетъ чрезъ бюрократію, которая сама не можетъ измѣниться.

Во всякомъ случаѣ разомъ всего измѣнить невозможно, и если намъ удастся разъяснить хотя нѣсколько вопросовъ, то и тогда мы даромъ время не потеряли. Я думаю, что русскимъ не за чѣмъ скрывать свои

недостатки, если они только чувствуютъ возможность быть великою націею. Пусть Европа одинаково узнаетъ и слабую и здоровую сторону Россіи. Я увѣренъ даже, что «Nord» скорѣе и лучше, нежели проекты и письма къ государю, которые могутъ быть и не отданы ему, можетъ служить прямымъ проводникомъ русской мысли, потому что государь ежедневно читаетъ его. Это я навѣрно знаю. Сверхъ того, «Nord» журналъ иностранный, и потому на него больше обращаютъ вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ издается въ странѣ совершенно свободной отъ какой-бы то ни было цензуры. Почемъ знать, мы, можетъ быть, вызовемъ благія реформы. Я въ этомъ убѣжденъ».

И дѣйствительно въ «Nord'ѣ» того времени помѣщалось весьма много статей, присылаемыхъ изъ Россіи нашими профессорами и учеными и даже администраторами, напримѣръ курляндскимъ губернаторомъ П. А. Валуевымъ. Одна статья М. П. Погодина даже произвела большой эффектъ среди русской колоніи въ Европѣ. «Статья ваша въ «Nord'ѣ», пишетъ А. Григорьевъ изъ Флоренціи къ М. П. Погодину, опять помирила меня съ жизнію. Если бы вы знали, какъ я и здѣшній попъ обрадовались и до какой степени озлились, окрысились, остервенились на нее разные подлецы. Даже консулъ нашъ пришелъ въ ужасъ и негодованіе, а мы возблагодарили Господа, пославшаго время и слово.

Да, благъ Господь—онъ знаетъ срокъ
И выслалъ утро на востокъ.

«Жить хочется въ такое время и дѣйствовать надобно».

О той же статьѣ въ «Nord'ѣ» сообщаетъ изъ Парижа В—ковъ Ал. Ив. Б-дину:

«Въ «Nord'ѣ» появилась статья объ освобожденіи крестьянъ. Вѣдь этотъ журналъ demi-officiel, въ немъ подобное извѣстіе слишкомъ значительно. «Siècle» говоритъ, что освобожденіемъ крестьянъ и желѣзными дорогами Россія войдетъ въ европейское семейство. Это правда.

«Не ожидалъ я, чтобы такъ скоро рѣшилось дѣло объ освобожденіи крестьянъ; но кажется они будутъ свободны на томъ самомъ основаніи, на которомъ я сдѣлалъ моихъ вольными. Братъ находилъ меня уморительнымъ и нелѣпымъ чудакомъ и какъ будетъ забавно, что по приказанію правительства онъ самъ долженъ будетъ точно такимъ же образомъ уморительно и нелѣпо очудачиться. Въ этомъ, какъ во многихъ случаяхъ, кажущееся непреодолимо труднымъ выходитъ очень просто, когда примутся за дѣло съ разсудкомъ и искреннимъ намѣреніемъ достигнуть цѣли».

Безусловный запретъ писать что-либо объ эмансипаціи ставилъ нашихъ мыслящихъ людей въ необходимость прибѣгать къ помощи «Nord'а» и посылать туда статьи самаго невиннаго свойства. Г. Головинъ, на-

примѣръ, обращаетъ вниманіе г. Погенполя на двѣ стороны тогдашней русской жизни, которыя съ большею пользою могли бы быть выставлены передъ лицомъ современнаго русскаго общества. «Съ большимъ удовольствіемъ, пишетъ г. Головинъ Погенполю въ Брюссель, узналъ я изъ послѣднихъ нумеровъ «Nord», что вы намѣреваетесь серьезно заняться вопросомъ объ эмансипаціи крестьянъ въ Россіи. Спѣшу обратить ваше вниманіе на два пункта капитальной важности для будущаго этой важной административной мѣры. Если найдете необходимымъ, вы можете сказать объ этомъ въ вашей газетѣ, какъ разумѣется сами найдете болѣе подходящимъ и полезнымъ для насъ, русскихъ помѣщиковъ, и конечно не указывая на мое имя.

«Не нужно предаваться иллюзіямъ и должно сознаться, что большая часть русскихъ дворянъ враждебна мѣрѣ эмансипаціи. Одни въ ней видятъ матеріальныя потери, убавленіе доходовъ, другіе съ сожалѣніемъ полагаютъ, что со введеніемъ этой мѣры пострадаетъ промышленность страны, что ихъ роль—баръ должна будетъ измѣниться, что наконецъ мужикъ ещё не подготовленъ къ свободѣ и что пройдетъ цѣлое столѣтіе, пока онъ дозрѣетъ до нея. Боятся грабежей, опасаются возмущеній и вообще не мало есть лицъ, которыя громко говорятъ противъ задуманной правительствомъ мѣры. Съ другой стороны, у насъ есть люди, въ особенности между молодыми, которые идутъ далѣе правительства и желаютъ мѣръ скорыхъ и энергичныхъ. Они указываютъ, что тотчасъ же слѣдуетъ признать личную свободу мужика, право собственности на часть земли и безъ всякаго вознагражденія владѣльцу. Правда и съ той и съ другой стороны есть des modérés, des ultra conservateurs et des ultra progressistes; но главное состоитъ въ томъ, что два эти лагеря, находившіеся до сихъ поръ въ тѣни, не выдѣлялись и вдругъ рѣзко обозначались, разбивъ дворянское общество Россіи какъ бы на политическія партіи. Это новое явленіе въ русской исторіи. Бывало дворъ раздѣлялся на партіи, но никогда не было, чтобы все дворянское сословіе группировалось въ партіи. Порваны старинныя дружескія связи, потому что явилась разность въ убѣжденіяхъ по вопросу объ эмансипаціи, взамѣнъ того завязались новыя связи, вслѣдствіе одинаковости взглядовъ на этотъ предметъ Правительство до сихъ поръ не знаетъ, къ какой партіи принадлежатъ чиновники, губернаторы, жандармскіе полковники, прокуроры, генералы и офицеры арміи и проч. Трудно предвидѣть, на сколько существующая въ дворянскомъ сословіи рознь отразилась на администраціи, но несомнѣнно, что эта рознь будетъ увеличиваться по мѣрѣ приведенія дѣла эмансипаціи къ концу.

«Другая, не менѣе интересная сторона вопроса заключается въ томъ, что отъ настоящихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ будутъ зависѣть будущія отношенія низшихъ класовъ населенія къ высшимъ. Те-

перь одни помѣщики, находя, что они должны будуть потерять съ освобожденіямъ крестьянъ, стараются ихъ приласкать и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, что для нихъ воля будетъ хуже невольничества; другіе напротивъ глядятъ въ будущее и поступаютъ въ настоящемъ, какъ рыцари, желаютъ крестьянамъ добра и дѣлаютъ имъ всевозможныя уступки, взявъ на себя благородную роль протекторовъ. У первыхъ течетъ кровь parvenus; вторые по большей части происходятъ отъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, издавна сражавшихся въ передовыхъ рядахъ за русскихъ царей, противъ татаръ и поляковъ. Не трудно видѣть, что такая разница въ отношеніи къ крестьянамъ теперь будетъ имѣть громадное вліяніе на будущія ихъ отношенія къ дворянству, и смотря по тому, какое вліяніе возьметъ верхъ—мы приготовимъ своимъ дѣтямъ будущность или тихую и спокойную, или тревожное существованіе, вслѣдствіе ненависти мужиковъ. Я полагаю, что надо какъ можно чаще повторять дворянству, что ему было бы полезно воспользоваться настоящей минутой и доказать крестьянамъ, что оно имъ желаетъ добра, и все, что оставляетъ для себя, это только право на часть земли, оставшуюся за надѣлами крестьянъ. Часть эта во всякомъ случаѣ довольно значительная, чтобы сохранить за собою почетное положеніе въ странѣ. И дворянство всегда сохранитъ свое вліяніе, когда оно будетъ проникнуто чувствомъ благосклоннымъ къ народу».

Несмотря однако на полуоффиціальное значеніе «Nord'a» для русскихъ подписчиковъ и эта газета была по тому времени плодомъ запретнымъ, въ особенности въ отношеніи статей, трактующихъ о крестьянскомъ вопросѣ. Статьи подобнаго сорта безцеремонно вычеркивались, такъ что русскіе авторы, писавшіе въ эту газету, писали собственно не для Россіи, а для Европы. К. Н. П—шинъ въ письмѣ къ Александру Николаевичу Ш—тову, между прочимъ сообщаетъ: «статья въ «Nord» 22-го сентября содержитъ въ себѣ извѣстіе о комитетѣ крестьянскихъ дѣлъ, извѣстіе само по себѣ поверхностное и пустое. Но важно то, что статья напечатана для Европы, а не для Россіи, такъ какъ въ нумерахъ, пришедшихъ въ Россію, статья вымарана, хотя въ Варшавѣ ее можно было читать каждому. Чего хотятъ и чего не хотятъ—не извѣстно».

Объ утвержденномъ 18-го августа постановленіи секретнаго комитета мало-по-малу стало узнавать и русское общество отчасти изъ заграничныхъ газетъ, отчасти изъ сообщеній лицъ, стоявшихъ близко къ этому дѣлу. Слухи эти варіировались на тысячу ладовъ, возбуждали самые разнообразные мнѣнія и взгляды, но въ этихъ новыхъ варіаціяхъ можно усмотрѣть два измѣненія: во-первыхъ, помѣщики увидали, что дѣло эмансипаціи должно кончиться не одними только проектами, но и осуществленіемъ ихъ и, во-вторыхъ—стало болѣе появляться мнѣ-

ній за необходимость такой мѣры, разумѣется, при условіи, чтобы не пострадалъ помѣщичій карманъ.

«Всѣ французскія и нѣмецкія газеты только и кричатъ, пишетъ къ своему родственнику изъ Лайбаха Е. П. Р—новъ, что на дняхъ у насъ будетъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Это бы ничего, если бы сдѣлали дѣло толкомъ, а пишутъ, что помѣщикъ будетъ гарантировать своимъ имуществомъ платежъ податей. Это, по моему, доказываетъ, что правительство желаетъ все взвалить на помѣщиковъ, а помѣщикъ поставленъ будетъ въ невозможность сохранить даже свое состояніе».

Еще болѣе опасеній и нареканій возбудилъ слухъ о надѣленіи крестьянъ землею и усадьбами.

«Что же это такое, что моею собственностью станутъ дарить другихъ, пишетъ почтенная старушка М. Г—чъ сыну. Конечно, что говорить, сила солому ломитъ. Но это сила, а не правда и не право! Отчего же въ чужихъ краяхъ души—Божіи, а земля—владѣльцевъ. И здѣсь и вездѣ много толковъ. Что будетъ, то будетъ, а великимъ можетъ только назваться справедливое дѣло. Нечего сказать, мы живемъ во времена, богатыя великими событіями! Теперь больше, чѣмъ когда-либо дворяне не изъ чиновъ и положенія въ обществѣ должны будутъ служить, а просто для содержанія себя и семействъ своихъ».

Въ Москвѣ, неизвѣстно почему, ожидали реформы въ октябрѣ мѣсяцѣ. Но вскорѣ слухъ этотъ замѣнился другимъ,—что реформа будетъ отложена на 10 лѣтъ. «Если такъ, пишетъ родственница къ Н. А. Д—ву, то всякій въ это время придумаетъ, что слѣдуетъ сдѣлать, а потому москвичи успокоились и уже болѣе не ожидаютъ со страхомъ грознаго октября».

Отдаленіе срока успокоило многихъ и давало возможность одуматься и выразить свое мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ въ болѣе опредѣленной формѣ.

«Давать вольныя по одиночкѣ, читаемъ мы въ письмѣ одного полтавскаго помѣщика къ Б—му, есть огромнѣйшая ошибка, а дать вольную всему народу—это другое дѣло, и дай Богъ, чтобы это состоялось. Тутъ-то эти тунеядцы (дворовые и крестьяне) узнаютъ, что вольными быть не легко. Кромѣ того, что (каждый изъ нихъ) будетъ прикрѣпленъ къ помѣщицьимъ землямъ, онъ строго будетъ обязанъ трудиться, чтобы оплачивать господину за землю, за усадьбу, по оцѣнкѣ, опредѣленной сельскою ратушей. Эти ратуши, подъ предсѣдательствомъ помѣщиковъ, обязаны будутъ блюсти и за поведеніемъ крестьянъ и за правильнымъ бездостаточнымъ взносомъ денегъ какъ податныхъ, такъ и причитающихся господамъ. Правительство, давъ народу вольную, не можетъ отобрать нашей собственности—нашихъ земель, уничтожить же званіе

рабства—дѣло святое. Ничего нѣтъ проще, какъ это сдѣлать, и удивляюсь, чего медлятъ. Почему бы, казалось, не вытребовать депутатовъ изъ каждаго уѣзда и (чтобы) каждый депутатъ этотъ подалъ о столь важномъ предметѣ свое мнѣніе, ясно и кратко написанное, въ запечатанномъ пакетѣ и прямо въ руки государя».

«Я убѣжденъ, пишетъ В. И. Т—ой экзарху Грузіи Исидору (впослѣдствіи митрополиту с.-петербургскому)—что эта мѣра (крестьянская реформа) необходима для отечественнаго блага и благосостоянія всѣхъ и каждаго, и что эта мѣра самая справедливая, но съ одной стороны нахожу, выраженіе «освобожденіе крестьянъ» неудачнымъ, потому что въ народномъ смыслѣ оно легко можетъ перевестись на необузданную буйную свободу и породить большіе безпорядки. Поэтому желательно было бы выраженія, поясняющаго эту мѣру или «измѣненіе крѣпостнаго быта» или «перемѣна настоящаго положенія крестьянъ». Во-вторыхъ, полагаю, что при столь важныхъ мѣрахъ, у насъ на Руси, совершенно безопасно дѣлать не говоря, а говорить много и дѣла не дѣлавши, представляетъ много важныхъ неудобствъ».

Между тѣмъ, пока въ обществѣ выражалось неудовольствіе на неизвѣстность и выказывалось тревожное волненіе за будущее, дѣла въ секретномъ комитетѣ нисколько не подвинулись впередъ со времени засѣданія 18-го августа. Въ развитіе утвержденной программы членамъ комитета разосланы были вопросы, но въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ не могли собрать отъ всѣхъ отвѣты. Реакція замѣтно стала усиливаться, такъ что многіе члены подпали подъ ея вліяніе, и когда начали обсуждать вопросъ о смягчительныхъ мѣрахъ крѣпостнаго права, то оказалось, что большинство не желаетъ никакого смягченія. Баронъ Корфъ представилъ записку, въ которой предлагалъ признать comme nul et non avenu все, что сдѣлано было комитетомъ. Между тѣмъ, безпокойство помѣщиковъ росло изо-дня-въ-день, отовсюду стали получаться просьбы что-нибудь сдѣлать и объявить, чтобы успокоить умы. Комитетъ отклонилъ отъ себя это дѣло и передалъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Министерство, на обязанности котораго лежало охраненіе общаго спокойствія имперіи, было радо, что ему развязали руки и не замедлило принять мѣры, чтобы какъ-нибудь успокоить тревожное настроеніе общества. Уже въ началѣ октября были разосланы министромъ Ланскимъ циркуляры губернаторамъ съ приложеніемъ двухъ секретныхъ бумагъ: а) объ условіяхъ, на которыхъ возможно было бы помѣщикамъ отпускать на волю своихъ крестьянъ, и б) проектъ манифеста объ этомъ предметѣ. Въ циркулярѣ предписано было дать по этимъ бумагамъ заключенія, для чего повелѣно собрать комиссіи: изъ гу-

бернатора, губернскаго предводителя, совѣтника, судьи и прокурора [1]).

Мы приведемъ здѣсь текстъ проекта манифеста, какимъ онъ вышелъ изъ канцеляріи С. Ланскаго для обсужденія его въ губернскихъ правительственныхъ коммисіяхъ.

«Въ послѣднее время, говорилось въ проектѣ, поступало много проектовъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Проекты эти не представляли возможности осуществить этого дѣла. Учрежденный же нами комитетъ представилъ намъ правила, которыя, повидимому, могутъ достигнуть желаемой цѣли. Признавъ ихъ удобоисполнимыми, мы положили въ этомъ отношеніи предоставить помѣщикамъ право увольнять своихъ крестьянъ по обоюдному ихъ согласію. Въ представленныхъ проектахъ было сказано, чтобы при освобожденіи крестьянъ предоставить имъ нѣкоторую часть земли, отчасти безвозмездно, отчасти съ возмездіемъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ эти проекты неудобно исполнить. Въ первомъ случаѣ, потому что это было бы несправедливо; а во второмъ, въ финансовомъ отношеніи правительство не имѣетъ возможности удовлетворить помѣщиковъ, тѣмъ болѣе эта мѣра не несла бы за собою благотворныхъ началъ, что во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ принято правиломъ: поземельные участки сколь можно увеличивать, а не раздроблять. Вслѣдствіе чего мы объявляемъ и подтверждаемъ, что земля, нынѣ принадлежащая помѣщикамъ, останется неприкосновенною ихъ собственностью, какъ собственность, дошедшая имъ по наслѣдству или пріобрѣтенная ими на собственныя ихъ деньги. Для преуготовительныхъ же мѣръ постановляемъ: а) невѣшательство помѣщиковъ въ браки и въ рекрутскую повинность; б) запрещеніе отдавать въ арестантскія роты и ссылать на поселенія безъ суда; в) дозволеніе крестьянамъ пріобрѣтать всякаго рода собственность безъ испрошенія согласія помѣщиковъ; д) запрещеніе переводить крестьянъ въ дворовые люди; е) сказки о тѣхъ и другихъ подавать особо.

«Проектъ правилъ освобожденія: 1) крестьяне, освобожденные помѣщиками, отнюдь не подчиняются управленію государственныхъ имуществъ; 2) тѣ же, которые останутся на жительствѣ, пользуются усадебными мѣстами безвозмездно, и находятся въ непосредственномъ завѣдываніи землевладѣльца-помѣщика, который, за нерадѣніе или проступки, не подлежащіе уголовному суду, имѣетъ право наказывать ихъ чрезъ

---

1) Объ образованіи этихъ коммисій въ „матеріалахъ“ (берлинское изданіе) не упомянуто. Вообще имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными мы провѣряемъ свѣдѣнія „матеріаловъ“, а съ другой стороны для цѣльности изложенія пополняемъ наши свѣдѣнія достовѣрными данными, почерпнутыми изъ тѣхъ же „матеріаловъ“.

полицію; 3) дворовые люди остаются на прежнемъ положеніи, но впослѣдствіи правительство намѣрено внести за нихъ денежный выкупъ по 7 руб. до семилѣтняго возраста, возвышая цифру до 50 руб. за ревизскую душу; 4) представляется купцамъ пріобрѣтать населенныя имѣнія съ тѣмъ, чтобы предварительно сдѣлано было условіе съ освобожденными крестьянами».

Такимъ образомъ секретное дѣло Петербурга и петербургскихъ чиновниковъ перешло на секретное разсмотрѣніе и обсужденіе губернскихъ чиновниковъ. Посмотримъ теперь, какъ отразилась реакція и эта послѣдняя мѣра на общественномъ настроеніи.

Реакція, свившая себѣ гнѣздо наверху, тотчасъ же нашла себѣ адептовъ и внизу. Одинъ москвичъ сообщаетъ графинѣ Саліасъ въ Парижъ что эмансипація отложена, и добавляетъ, «что если бы она совершилась теперь, то это была бы наша гибель и гибель народа, потому что наши крестьяне до того дики, что не могутъ быть управляемы одними законами и понятіемъ объ обязанностяхъ, и слово свобода синонимомъ имѣетъ у нихъ произволъ, т. е. воровство и все оттуда происходящее».

«Стѣснить права напыщеннаго барства пора, пишетъ тамбовскій помѣщикъ И. А. Тютчеву, но уничтожить совсѣмъ крѣпостное состояніе рано, очень рано. Первый шагъ нужно сдѣлать уничтоженіемъ, такъ называемыхъ, дворовыхъ, оставивъ пока крѣпостныхъ земледѣльцевъ».

Съ другой стороны у желавшихъ и ожидавшихъ реформы эта реакція вызвала самыя злобныя замѣчанія. «Много говорятъ, пишетъ симбирскій помѣщикъ въ Тверь къ Н. И. Л—скому, о реформахъ, а не мѣшало бы подумать, какъ очистить бы русскую землю отъ..... при которыхъ врядъ ли самая лучшая реформа принесетъ пользу Но кому объ этомъ думать? Вóронъ вóрону глаза не выклюетъ. Одна надежда на государя. Не послѣдуетъ ли чего теперь по возвращеніи его».

Еще рѣзче высказываетъ эту озлобленность одинъ москвичъ въ письмѣ къ А. М—скому: «Отчего правительство ничего не дѣлаетъ, чтобы разъяснить отношенія и поставить земледѣльца въ положеніе человѣческое? Отнять произволъ у помѣщика есть дѣло справедливости; отъ него, безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства, мыслящій помѣщикъ всегда отказывался; но это благо для понимающаго значеніе человѣка, а не для всѣхъ помѣщиковъ. Законъ необходимъ въ этомъ случаѣ для того, чтобы обуздать тѣхъ, которые думаютъ, какъ индійцы, что они происходятъ изъ головы Брамы, и потому имѣютъ полное право надъ тѣми, которые вышли изъ живота его, которые считаютъ кровь свою чище крови простолюдина, которые не понимаютъ живаго слова Евангелія. При настоящемъ нерѣшительномъ положеніи вопроса объ

эмансипаціи мы находимся въ тяжкомъ положеніи. Высшее сословіе, т. е. дворянство, которое, правду сказать, очень отстало отъ времени, находится въ тревожномъ положеніи, а бѣдные земледѣльцы, прислушивающіеся къ радостной вѣсти объ обѣщанной имъ свободѣ, таятъ въ душѣ свою злобу къ сословію властвующему, подозрѣвая, что оно то и есть причина, что царь нашъ не объявляетъ свободы крестьянъ. Государь нашъ, полный желаній самыхъ полезныхъ для блага народа, окруженъ такою душною атмосферою людей отсталыхъ, бездарныхъ и своекорыстныхъ, что ему трудно заставить понять эту когорту казнокрадовъ и злоупотребителей, что настало наконецъ время для измѣненія гнуснаго порядка, несообразнаго съ достоинствомъ человѣка. Чины—эта страшная рамка—не пропускаютъ впередъ свѣжаго дарованія, сопровождаемаго благородными стремленіями».

Но замѣчательнѣе всего то, что реакція возбудила въ общественномъ сознаніи того времени два весьма серьезныхъ указанія, именно: 1) о необходимости совмѣстнаго реформированія крестьянскаго быта съ прочими частями государственнаго устройства, и 2) о возможности и справедливости показать примѣръ крестьянскаго реформированія на удѣльныхъ крестьянахъ.

Еще недавно было высказано мнѣніе въ одной книгѣ[1]), что при освобожденіи крестьянъ была сдѣлана капитальная ошибка, заключающаяся въ томъ, что при этомъ уединили крестьянскую реформу, отдѣливъ ее отъ всѣхъ остальныхъ, чѣмъ свели ее на вопросъ, имѣющій не общегосударственное, а узко-сословное значеніе. Оказывается, что ошибки никогда не было и что уже въ то время, когда только думали и гадали о крестьянской реформѣ, были высказываемы самые рѣшительные взгляды за всеобщее реформированіе. Крестьянское преобразованіе только стало первое на очереди, а затѣмъ слѣдовали, одно за другимъ, преобразованія земства, города, суда, военной повинности и проч.

«Объ эмансипаціи никто ничего не знаетъ и очень немногіе оцѣниваютъ и мысль и намѣреніе правительства, пишетъ одинъ симбирскій помѣщикъ къ Д. А. П — нову. Да, впрочемъ, и быть этого иначе не можетъ, потому что во всемъ у насъ такая тайна, что поневолѣ всѣ задумываются. Меня больше интересуетъ вопросъ о возможности гласнаго судопроизводства. Вопросъ этотъ возбужденъ, слѣдовательно долженъ идти къ разрѣшенію. Крѣпостное право есть зло, существовавшее вездѣ, къ которому мы, русскіе, привыкли и уничтоженіе его неминуемо, какъ уничтоженіе всего противуестественнаго. Сутяжничество есть зло, вплотившееся въ насъ и на которомъ основаны интересы

[1]) „Мѣстныя управленія Россіи", Спб., 1884 г.

слишкомъ большаго количества людей, а потому ждать скораго устраненія его трудно».

Того же мнѣнія, т. е. за необходимость общаго преобразованія, были люди самаго консервативнаго образа мыслей. Какъ примѣръ приводимъ взглядъ Н. А. Д—ва, высказанный имъ въ письмѣ къ Д. П. Д — ву въ Парижъ. «Въ Москвѣ ждутъ государя и ждутъ эмансипаціи,—пишетъ онъ. Всякій благоразумный человѣкъ скажетъ, что эта мѣра необходима; но мало ли мѣръ необходимѣйшихъ, et celle-ci, à mon opinion, devrait couronner l'oeuvre et non pas la commencer! Конечно $^{99}/_{100}$ помѣщиковъ заслуживаетъ общее порицаніе, но все-таки помѣщичья власть полезна въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ. Община или общее владѣніе землею—химера коммунистовъ. При такомъ порядкѣ не можетъ быть прогресса, а кто не идетъ впередъ, тотъ пятится назадъ. Представьте себѣ, съ одной стороны эмансипація, съ другой отсутствіе гласнаго суда и присяжныхъ, взятки, самовластіе земской и городской полиціи, къ грабежу пріобыкшей, огромныя пространства безъ путей сообщенія.

«Воля—великое слово! День свободы будетъ для многихъ радостнымъ днемъ, какъ Свѣтлое Воскресенье! Но что будетъ послѣ, когда поламаются кабаки и мужичекъ загуляетъ на свободѣ, при свѣтѣ пылающаго господскаго дома и амбаровъ? Il n'y a pas de fête sans feu de joie! Время пугачевщины не далеко и народъ мало перемѣнился. Производство остановится на нѣсколько лѣтъ. Прощай овцеводство, пшеница. Нѣкоторые предвидятъ голодъ. Но вывозъ хлѣба за-границу, навѣрно, на нѣсколько лѣтъ уменьшится или вовсе прекратится».

Люди, близко стоящіе къ государственному управленію, какъ напримѣръ оберъ-прокуроръ сената [1]) П—щевъ, и тѣ находили необходимымъ начать общее реформированіе, а не одно только частное, крестьянское.

«И гласно, и устно затронуты вопросы самые близкіе къ нашему быту семейному и общественному, писалъ онъ къ брату, генералъ-лейтенанту П. И. П — щеву. — Надѣюсь, что ихъ такъ не оставятъ: не тѣ времена. Но спѣшить нельзя, и тѣмъ лучше, когда задуманное порядочно обдумается. Оно слишкомъ важно. Такъ, напримѣръ, чтобы освободить, нужно подготовить судебную часть, а эта работа не одного почерка пера. При одной мысли о гласности судопроизводства, объ адвокатахъ зашевелятся рои приказныхъ бюрократовъ. Но тутъ опять передѣлывай гражданское уложеніе, т. е. X томъ Свод. Зак., противъ чего возстанетъ обветшалый и уже негодный Б — въ. Нужны люди; но тутъ опять табель о рангахъ приказываетъ вѣрить только въ дѣйстви-

[1]) Варшавскихъ департаментовъ.

тельныхъ, а паче тайныхъ, большею частью старыхъ ..... . Значитъ надо китайское положеніе—о чинахъ по боку. Словомъ, надо разобрать цѣпь по звеньямъ. Однако же повторяю, всего этого оставить такъ нельзя и оно не останется. Дайте только срокъ, особенно же дайте говорить и печатать то, что творится. Безъ гласности царь не узнаетъ, что у него въ вотчинѣ дѣлается, по милости министровъ и тучи чиновниковъ, заслоняющихъ ему народъ. Опять вопросъ: надо разогнать эту тучу, но для этого нужно передѣлать все гнилое наше дѣлопроизводство. Вотъ какое странное сцѣпленіе. Но кто же проложитъ можетъ къ тому дорогу? Разумѣется, печатная гласность. Дай Богъ, чтобы цензура мало-по-малу послабляла свои возжи, какъ это уже видно изъ журналовъ и газетъ».

Не менѣе интересно мнѣніе, на этотъ счетъ, одного москвича, высказанное имъ въ письмѣ къ генералу М. А. Р—скому.

«Жизненный вопросъ о крѣпостномъ состояніи замолкъ,—говоритъ онъ, да воля ваша, иначе быть не можетъ; какъ возможно тронуть интересы и права болѣе двухъ милліоновъ человѣкъ, не вырвавши ихъ прежде изъ произвола 200 тысячъ чиновниковъ и не давши имъ праваго и короткаго суда, вмѣстѣ съ цѣлымъ народонаселеніемъ государства? Primo mihi, тогда и я буду сотовъ на уступки и получу къ тому возможность. Въ поступательномъ движеніи народа правительство должно дѣйствовать аналитически, всякій синтезъ опасенъ—онъ поражаетъ ничего не объясняя. Идти непремѣнно должно, но идти шагъ за шагомъ. Надобно помнить, что интересъ есть душа дѣйствованій и стремленій; но интересы различны по обстановкѣ. Интересъ крѣпостныхъ людей есть естественное желаніе освободиться отъ произвола власти, для этого они пожертвуютъ всѣмъ; интересъ владѣльцевъ, по преимуществу, заключается въ томъ, чтобы при измѣненіи своихъ отношеній къ народу не потерять своихъ доходовъ и не утратить средствъ къ привычному образу жизни. Признавъ эти интересы и ихъ разнородность, очень для правительства будетъ легко произвести обмѣны между двумя сословіями, удовлетворивъ стремленія обоихъ, и такимъ образомъ спокойно достигнуть разрѣшенія узла, который, если долженъ будетъ разрѣшиться с а м ъ с о б о й, то надолго можетъ оцѣпенить всю государственную жизнь Россіи».

Даже самые рьяные консерваторы, какимъ сказывался Н. Г. Г—новъ, и тотъ оставался того убѣжденія, что «если небольшая по величинѣ, но одна изъ самыхъ образованныхъ губерній въ Имперіи—Эстляндская, 40 лѣтъ копалась, пока сдѣлала что-либо сносное для крестьянскаго дѣла, то изъ этого можно заключить, что рѣшеніе другаго вопроса (освобожденіе крестьянъ) нынче невозможно; надо преобразовать всю Россію, отречься отъ Петербурга, отъ системы Петра Вели-

каго, что при нынѣшнемъ составѣ министерства кажется трудно или просто невозможно».

Такимъ образомъ видно, что ни въ первое время, ни въ послѣдующее при работахъ редакціонныхъ коммисій никогда крестьянскій вопросъ не ставился въ рамки узко-сословнаго интереса и всегда обсуждался съ общегосударственной точки зрѣнія. Тѣмъ и велика крестьянская реформа, что она служила началомъ съ необходимымъ послѣдствіемъ общаго государственнаго обновленія. Остановись эта реформа, не было бы и другихъ реформъ. Оттого и пришлось вести жестокую борьбу людямъ, стоявшимъ за освобожденіе, потому что консерваторы съ самаго начала не поняли значенія затѣяннаго великаго дѣла...

На ряду съ такими общими указаніями на недостатки общаго государственнаго строя, являлись указанія и на частныя недостатки, существующіе въ удѣльномъ вѣдомствѣ, исправить которые тѣмъ болѣе казалось необходимымъ, что такое исправленіе могло бы служить примѣромъ предстоящему преобразованію въ бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ. Товарищъ по училищу Правовѣдѣнія К. П. П. и И. Н. К—скій пишетъ напримѣръ ему изъ Симбирска, что «время приспѣло сдѣлать что-нибудь и въ пользу меньшей братіи . . . . . А то гдѣ же будетъ справедливость, если, давая человѣческія права крѣпостнымъ, лишить того удѣльныхъ. Вѣдь удѣлъ тоже крѣпость, да еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ и потяжелѣе помѣщичьей; удѣльный крестьянинъ не имѣетъ права пріобрѣтать недвижимую собственность, не можетъ перейти въ другое состояніе, несетъ ту же барщину—это общественная запашка, учрежденная собственно для кормежки удѣльнаго чиновника; удѣльная дѣвка не можетъ выйти замужъ за человѣка другаго состоянія; удѣльное общество хотя и можетъ изъ среды своей негодяя отдать въ рекруты, но рекрутъ этотъ не зачитается ему, а квитанція на него продается съ молотка. А какая еще воля дана управляющимъ? Разбойничай, воруй, грабь сколько душѣ угодно! И здѣсь раздаются вопросы: что же сдѣлаютъ съ удѣльными, когда освободятъ крѣпостныхъ? Даже мужички удѣльные, прислушиваясь къ общимъ толкамъ, спрашиваютъ: а намъ же что будетъ? Здѣшніе удѣльные были прежде большею частью казенные и они теперь крѣпко сожалѣютъ о прежнемъ положеніи. Да и какъ не пожалѣть, находясь подъ управленіемъ какого-нибудь варвара Г—ки. Эти господа привыкли играть роль удѣльныхъ князей. Отъ Г—ки, напримѣръ, нерѣдко можно услышать: «что мнѣ законъ—я самъ законъ». Трудно и представить всю бездну произвола, какой царствуетъ въ удѣльномъ управленіи!»

И дѣйствительно, этотъ Г—ка былъ извѣстенъ въ свое время, какъ жесточайшій тиранъ удѣльныхъ крестьянъ. М. Н. Муравьевъ, осмо-

трѣвъ симбирскую удѣльную контору, остался, по обыкновенію, очень доволенъ, но только выразилъ желаніе, чтобы въ одномъ изъ удѣльныхъ имѣній былъ селитрянный заводъ. Едва уѣхалъ Муравьевъ, какъ Г—ка, несмотря на самую рабочую пору, согналъ крестьянъ на работу и построилъ заводъ. Замѣтилъ Муравьевъ, что не худо бы изъ нѣкоторыхъ селеній, у которыхъ есть запольныя земли, дѣлать выселки, и вотъ Г—ка въ ту же минуту приказалъ, изъ перваго попавшагося ему на глаза селенія, выгнать къ чорту на кулички 50 дворовъ. Мужики воютъ, умоляютъ, валяются у ногъ—ничего не помогло. Пятерымъ велѣлъ дать по двѣсти розогъ, и все-таки приказалъ исполнить свое распоряженіе.

Все это дѣлалось на виду у всѣхъ и у всѣхъ невольно рождался вопросъ: почему же удѣльные крестьяне не возбуждаютъ къ себѣ одинаковой жалости, какую возбудили крестьяне помѣщиковъ? Объ этомъ говорили громко въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ захолустьяхъ. Между тѣмъ, въ отношеніи удѣльныхъ крестьянъ не было сдѣлано въ то время никакого распоряженія, тогда какъ въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ, какъ говорили, уже было фактически приступлено къ дѣлу освобожденія, т. е. циркуляромъ Ланскаго дѣло перенесено было на обсужденіе изъ секретнаго комитета въ Петербургѣ, въ секретныя губернскія коммисіи.

Много ли разъ собирались эти коммисіи, приходили ли онѣ къ какому-либо результату—объ этомъ свѣдѣній не имѣется. Должно полагать, что занятій этихъ коммисій и не было, такъ какъ въ скоромъ времени послѣдовалъ пріѣздъ генералъ-губернатора Волынской, Ковенской и Гродненской губерній Назимова въ С.-Петербургъ и затѣмъ знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 года, послѣ котораго, какъ извѣстно, призывалось все дворянство на обсужденіе крестьянскаго дѣла. Впрочемъ, не столь важно знать результатъ или хотя бы заявленія, дѣлаемыя въ губернскихъ правительственныхъ комитетахъ, сколько любопытно прослѣдить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ первоначальный циркуляръ и проектъ манифеста въ губерніяхъ. Въ этомъ отношеніи мы должны прежде всего замѣтить, что первоначальныя рѣшенія «секретнаго комитета» никого не удовлетворили, ни одной изъ образовавшихся тогда фракцій по обсужденію крестьянскаго дѣла. Славянофилы и либералы всѣхъ оттѣнковъ возстали противъ того, что освобождаютъ крестьянъ безъ земли. И. М. П—кинъ, сообщая Ив. Н. Л—нову, въ Гессенъ, о слухахъ касательно дѣлъ въ комитетѣ и о положеніи составить губернскія коммисіи, между прочимъ говоритъ: «Въ Государственномъ Совѣтѣ крестьянскій вопросъ вызвалъ страшныя пренія. Дворянство, конечно, противъ, не сознавая своихъ интересовъ; Орловъ тоже, и потому въ немилости. Предположено было учредить въ

каждой губерніи, независимо отъ губернскихъ властей, временные комитеты для обсужденія дѣла на мѣстѣ. Мѣра, въ принципѣ, довольно разумная... Рѣшено окончательно отпустить безъ земли. Что за сумасшедшая мѣра? Правительство не имѣетъ, вѣроятно, въ виду одиннадцать милліоновъ будущихъ пролетаріевъ одного мужскаго пола. Дикая, необъяснимая боязнь московскаго дворянства».

Послѣднія слова относятся къ тому, что небольшой кружокъ московскихъ дворянъ имѣлъ намѣреніе, при посѣщеніи государемъ Москвы, сдѣлать его величеству представленіе о дозволеніи московскому дворянству освободить своихъ крестьянъ съ землею; но дѣло это разстроилось, потому что одни желали оставить за крестьянами землю безвозмездно, другіе за отработки или барщину, третьи за выкупъ подъ ручательствомъ правительства.

Еще сильнѣе возмущены были безземельнымъ освобожденіемъ крестьянъ въ провинціи, въ особенности изъ партіи славянофиловъ. Такъ Ек. Сер. Е — на пишетъ къ сестрѣ своей Вѣр. Серг. Аксаковой въ Москву: «Неужели вся земля помѣщичья? Это возмутительная несправедливость! А въ нашей сторонѣ это-то именно и успокоило. Странна эта способность въ людяхъ засыпать такъ сладко на краю пропасти. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но у насъ свободы умирать съ голоду безнаказанно, гдѣ хочешь, никто не желаетъ. Если дѣйствительно это справедливо, то крестьяне не перенесутъ этого спокойно. Ужасно то, что тутъ личный произволъ благонамѣреннаго помѣщика ничего поправить не можетъ. Если чувство справедливости и заставитъ кого-либо предоставить крестьянамъ ту землю, которою они теперь владѣютъ, то должно будетъ раздавать ее въ частное владѣніе крестьянскимъ семьямъ, община навсегда разрушена и пролетаріатъ неизбѣженъ. Мы теперь толкуемъ объ этомъ цѣлые дни».

Въ томъ же духѣ было писано письмо изъ Орловской губерніи помѣщикомъ Ив. В. П—мъ къ сестрѣ Вѣрѣ Васильевнѣ въ Москву.

«Наши сосѣди, пишетъ онъ, начали вѣрить эмансипаціи. Сперва испугались и нѣкоторые собрались-было уѣзжать изъ деревень, но потомъ распространился слухъ, что будто бы отпустятъ людей безъ земли, это успокоило ихъ—они перевернулись на другой бокъ и опять сладко заснули. Если правда, что отпустятъ людей безъ земли, то это въ самомъ дѣлѣ страшно. Такая свобода, т. е. свобода безнаказанно идти, умирая съ голоду, куда хочешь и какъ хочешь, не принята народомъ безъ волненія; тогда не мудрено будетъ, что за такую свободу помѣщики, въ иныхъ деревняхъ, поплатятся жизнью. Какъ примѣръ столькихъ неудачныхъ опытовъ освобожденія никому не послужилъ урокомъ? Въ Англіи, Франціи и Германіи, вездѣ крестьянскій классъ погибнулъ и вмѣсто хлѣбопашцевъ вездѣ наемные работники, у которыхъ

что-называется, нѣтъ ни кола, ни двора. Все это оттого, что у нихъ или отняли землю при освобожденіи, или дали въ частное владѣніе лицамъ, которыя пропили или просто въ черный годъ продали богатымъ землевладѣльцамъ. У насъ однихъ, въ Россіи, была возможность (надѣюсь еще и есть) оградиться отъ пролетаріата, и говорятъ, будто мы ее отвергаемъ. Отпусти людей деревнями, отдай крестьянскую землю во владѣніе цѣлой общинѣ деревенской, пусть эта община сама дѣлитъ землю между своими членами, а кто не захочетъ быть мужикомъ, пусть выходитъ безъ права продавать или пропивать свой участокъ. Вопросъ и рѣшеніе такъ просты. Единственно, что можно сказать противъ этого, это то, что земля не такъ хорошо будетъ обрабатываться, когда она не будетъ принадлежать лицу въ наслѣдственное и вѣчное владѣніе. Не знаю, почему бы это было такъ? Но положимъ, что это правда, развѣ это неудобство можно сравнить съ несчастьемъ и нищетой, которыя гнетутъ Англію напримѣръ? А мы лѣземъ въ ту же трущобу! Завязнуть въ этомъ омутѣ не мудрено, но выбраться трудно и почти невозможно. И такое положеніе устраиваютъ себѣ люди изъ какихъ-то гадкихъ разсчетовъ, совершенно эгоистическихъ. Царя нельзя упрекнуть въ неблагонамѣренности. Если онъ хочетъ отнять у крестьянъ землю, то это потому, что своекорыстные наушники окружаютъ престолъ, которые нашептывали ему, что отдать землю крастьянамъ было бы несправедливо. И эти люди воображаютъ о себѣ, что они государственные умы! Право, это возмутительно. Наши сосѣди говорятъ, что и мужикамъ никто не мѣшаетъ покупать землю на свое имя—это такіе, у которыхъ крестьяне ходятъ по міру».

Въ другихъ мѣстахъ остались недовольны распоряженіемъ министра Ланскаго за то, что онъ призвалъ къ этому дѣлу чиновниковъ и отстранилъ дворянъ, въ то время когда это дѣло чисто-дворянское, а не управленія. «Неужели, дѣлаетъ вопросъ пензенскій помѣщикъ Василію Васильев. С—ову, правительство, прислав это важное государственное дѣло на обсужденіе въ провинцію, не знало тѣхъ людей и ихъ нравственныя и умственныя способности, къ которымъ оно обратилось? Неужели оно воображаетъ насъ, помѣщиковъ, всѣхъ безъ исключенія, стадомъ животныхъ, которыя не могутъ разсуждать о собственномъ дѣлѣ своемъ? Неужели оно думаетъ, что изъ насъ не найдется ни одного человѣка, который бы по своему значенію, просвѣщенію, поведенію и толку стоялъ выше, не только толпы, но несравненно выше губернатора, безграмотнаго невѣжды предводителя, ничтожнаго совѣстнаго судьи и прокурора, но еще многихъ тѣхъ лицъ, которые по поверхности Россіи плаваютъ въ родѣ гнили, заражающей тотъ воздухъ, которымъ они дышатъ? Неужели правительство еще не догадалось, что въ этихъ просвѣщенныхъ людяхъ оно бы нашло просвѣщенную готовность и содѣйствіе способствовать ве-

ликому дѣлу уничтоженія крѣпостнаго права, тѣмъ болѣе, что управленіе крестьянами нынѣ они почитаютъ для себя невыносимымъ комаромъ».

Въ такомъ же смыслѣ поняли распоряженіе Ланскаго за границей. В—овъ изъ Парижа пишетъ А. Пв. Б—дину, что вчера князь О—скій передавалъ, что объ эмансипаціи готовится указъ, въ которомъ будетъ разрѣшено дѣлать условія съ крестьянами. Освобожденіе личное, безъ земли и какое освобожденіе! Съ запрещеніемъ передвиженія, sans la liberté d' aller et venir. Мало будетъ охотниковъ до подобной воли, развѣ только тѣ, у которыхъ очень злы господа, или тѣ, которыхъ баринъ заставитъ, или наконецъ тѣ, которымъ баринъ предоставитъ чрезвычайныя льготы. Хотя бы дозволили покупать заселенныя имѣнія купцамъ и иностранцамъ. Освободили бы предварительно государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ»....

Со стороны крѣпостниковъ слѣдовало еще болѣе нареканій.

«Московскому дворянству, говоритъ въ одномъ письмѣ тульскій помѣщикъ Ш—овъ, слѣдовало бы прямо отказаться отъ эмансипаціи. Въ этомъ дѣлѣ, какъ кажется, дѣйствуетъ шайка цѣлая враговъ Россіи и общественнаго спокойствія, и именно такихъ людей, которые были замѣшаны 14-го декабря 1825 года. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ говорили, за правду не отвѣчаю, но очень похоже на справедливость».

На новороссійскихъ помѣщиковъ напалъ страхъ и боязнь за свое существованіе, благодаря степной глуши.

«У насъ очень безпокоятся насчетъ освобожденіе крестьянъ, пишетъ херсонскій помѣщикъ къ М. Ст. Н—кому. Всѣ дороги наполнятся разбойниками, никому проѣзду не будетъ и войскъ не достанетъ къ усмиренію. Уже теперь толки самые неблагопріятные. Я самъ съ женою имѣю 350 душъ и готовъ освободить ихъ, но предупреди меня, я приготовлю это исподволь, такъ что все обойдется безъ всякихъ толковъ и возбужденія».

Въ восточныхъ губерніяхъ полученное распоряженіе приняли такъ-же недовѣрчиво и указывали на необразованность мужика, а не на неустройство мѣстной администраціи.

«Не распространивши напередъ образованія между низшимъ классомъ не рано-ли думать объ эмансипаціи? выражаетъ сомнѣніе Петру Ивановичу Б—кову одинъ уфимскій помѣщикъ. Тотъ, кто имѣлъ случай покататься по Россіи, по ея дальнимъ закоулкамъ, тотъ пойметъ и добавитъ, что довольство находится между крестьянами помѣщиковъ, а нищета, грубость, расколъ есть принадлежность вольныхъ. Подобныя вещи происходятъ даже не отъ недостатковъ администраціи, а отъ врожденной грубости и лѣни русскаго мужика,—двухъ элементовъ, изъ которыхъ онъ созданъ. Впрочемъ не лучше ли бы съ идеей о свободѣ соеди-

нить идею ограниченія власти и злоупотребленій земской полиціи, а то всѣ соединенныя подписи министровъ есть нуль для всемогущей воли приставовъ».

Еще болѣе высказывалось сомнѣній въ малороссійскихъ губерніяхъ, вообще недовѣрчиво смотрѣвшихъ на работы въ Петербургѣ лицами, совсѣмъ незнакомыми съ ихъ краемъ и съ условіями малороссійскаго быта. «Повидимому, для приведенія въ дѣйствіе реформы будетъ взята за основаніе остзейская система, пишетъ харьковскій помѣщикъ къ И. А. Г—ичу. Но что будетъ съ дворней въ Россіи многомилліонной? одинъ Богъ знаетъ! Кто на первыхъ порахъ ѣсть сваритъ? Уцѣлѣетъ ли собственность, которую владѣлецъ лично своей персоной отъ взволнованной и непонимающей массы защитить не въ состояніи будетъ? Вотъ мысли, которыя каждаго изъ насъ держатъ въ постоянномъ страхѣ. Совершенно не то, чтобы этой реформѣ противились. Обдумывали-ли средства къ удержанію порядка и охраненію правъ каждаго и всѣхъ? До сего времени, несмотря на злоупотребленія, помѣщики были для правительства лучшими полиціймейстерами и блюстителями порядка. Это неоспоримо. Реформа же столь важная у народа, поистинѣ еще незрѣлаго, можетъ подать поводъ къ страшному замѣшательству въ цѣломъ государствѣ, не говоря о потрясеніи и разореніи цѣлаго сословія, составляющаго вѣрнѣйшій оплотъ престола и защиту Россіи».

Въ нѣкоторыхъ впрочемъ губерніяхъ поняли рѣшеніе комитета съ лучшей стороны. Изъ Тамбовской губерніи Юр. Ал. Л—реву писали въ то время, что «если на первый случай крестьянъ сдѣлаютъ обязанными къ помѣщику въ такой степени, что работы ихъ будутъ болѣе опредѣлительны и нисколько не зависимы отъ каприза помѣщиковъ или ихъ управляющихъ, то такой порядокъ будетъ ближе къ нынѣшнему вѣку, когда крестьянинъ начинаетъ понимать больше свое положеніе, чѣмъ прежде. Лучше заблаговременно его облегчить, чѣмъ дождаться его самовольнаго освобожденія».

Люди, стоявшіе нѣсколько вдали отъ деревни, но съ болѣе строгимъ взглядомъ, какъ напримѣръ, бывшій секретарь московскаго отдѣла мануфактурнаго совѣта, понимали дѣло съ другой стороны и находили, что ждать нечего и что лучше освобождать мужика, пока онъ глупъ.

«Постепенность въ освобожденіи крестьянъ, пишетъ онъ въ Брюссель редактору «Nord'a» г. Погенполю, можетъ быть пагубна, но эмансипація рѣшительная на бумагѣ—въ жизни будетъ постепенна, если только будетъ предпринята съ подобающимъ благоразуміемъ. Эмансипація необходима теперь, пока еще не коснулось большинства народа нашего опасное вліяніе перваго толчка цивилизаціи, который, какъ первоначальный, не можетъ вполнѣ проникнуть въ разумное сознаніе и по-

тому часто производитъ печальное послѣдствіе. Нашъ мужикъ нисколько не образованъ, но въ немъ много лежитъ природнаго хорошаго, нисколько неиспорченнаго первоначальнымъ прикосновеніемъ цивилизаціи, и потому-то кажется теперь лучше было-бы его эмансипировать, нежели позже».

Изъ приведенныхъ выдержекъ оказывается, что первая попытка перенести дѣло обсужденія крестьянскаго вопроса на губернскую почву явилась крайне неудачною. Здѣсь было все—и полная неопредѣленность, и бюрократическій способъ обсужденія, и какъ бы безавторитетность высшей власти, ищущей совѣта у совѣстныхъ судей, прокуроровъ, у умѣющихъ только давать хорошіе обѣды губернскихъ предводителей дворянства и губернаторовъ, въ большинствѣ случаевъ не помѣщиковъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они губернаторствовали.

Между тѣмъ пока дворянство русскихъ губерній разсуждало и обсуждало доставленные министромъ Ланскимъ документы, пока губернаторы и губернскіе предводители дворянства собирали мысли, съ чего начать и съ какой стороны отнестись къ присланнымъ имъ проектамъ, прибылъ въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ съ собою массу предположеній и соображеній, доставленныхъ ему литовскими дворянами. Три субботы къ ряду занимался комитетъ разсмотрѣніемъ привезенныхъ генераломъ Назимовымъ бумагъ и не могъ придти ни къ какому результату—до того расходились предположенія литовскихъ дворянъ съ основными положеніями, выраженными въ журналѣ комитета 18-го августа. При всемъ томъ одно желаніе литовскихъ дворянъ приступить къ освобожденію крестьянъ крайне обрадовало императора. Несогласія въ мнѣніяхъ секретнаго комитета, неудачное распоряженіе Ланскаго о созывѣ губернскихъ коммисій, только взволновавшее общественное мнѣніе и породившее бездну недовольства, наконецъ усиленіе реакціонныхъ взглядовъ среди лицъ, окружавшихъ государя—все это безпокоило и тревожило императора. Получивъ черезъ Ланскаго донесеніе генералъ-губернатора Назимова съ мнѣніями инвентарныхъ комитетовъ губерній Ковенской, Виленской и Гродненской, его величество приказалъ Ланскому, на основаніи высказанныхъ взглядовъ въ комитетахъ и сообразуясь съ порядкомъ освобожденія крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ, тотчасъ-же заготовить докладъ и проектъ рескрипта на имя генералъ-губернатора. Ланской былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Мнѣніе литовскихъ дворянъ было одно, основы журнала комитета 18-го августа—другое, остзейское освобожденіе крестьянъ—третье. Комитетъ и министерство внутреннихъ дѣлъ принялись общими силами согласовать несогласуемое, сочинять, сами не зная чего хотятъ. Писали, переписывали опять сочиняли. Сосчитано, что работало въ это время надъ этимъ дѣломъ восемнадцать человѣкъ. Наконецъ послѣ

долгихъ усилій составленъ былъ высочайшій рескриптъ, такъ что день 20-го ноября 1857 года явился знаменательнымъ днемъ: покойный императоръ изволилъ подписать на имя виленскаго военнаго, гродненскаго и ковенскаго генералъ-губернатора рескриптъ, послужившій такимъ образомъ началомъ великаго акта освобожденія.

«Одобряя вполнѣ намѣренія представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, говорится въ рескриптѣ, какъ соотвѣтствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

«Для сего повелѣваю:

1) открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному комитету, а потомъ для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ—одну общую коммисію въ городѣ Вильнѣ;

2) каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальника оной, и

3) общей коммисіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ трехъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію, и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ коммисіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщи-

комъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція.

и 3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

«Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

«Открывая дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божьей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ дѣло сіе будетъ окончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

«Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Рескриптъ этотъ былъ сообщенъ генералу Назимову при отношеніи министра Ланскаго, въ которомъ были развиты положенія рескрипта въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

1) Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ должно быть совершено не вдругъ, а постепенно. Для этого крестьяне сначала должны быть въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ или свободномъ, когда правительство разрѣшитъ имъ переходы изъ одной мѣстности въ другую съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ, по усмотрѣнію губернскихъ комитетовъ, не свыше 12-ти лѣтъ.

2) На основаніи началъ, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость, пріобрѣтаемая ими, въ теченіе опредѣленнаго срока, въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и по-

мѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

3) Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами каждаго общества и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ или составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

4) Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя въ каждомъ уѣздѣ присутствія. Для сего было бы полезно примѣнить, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, постановленія, существующія въ Остзейскихъ губерніяхъ, сколько примѣненіе ихъ окажется возможнымъ и удобнымъ по мѣстнымъ особенностямъ, къ составу управленія и порядку судопроизводства вообще въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской».

Вотъ въ какихъ первоначальныхъ формахъ выразилось предначертаніе великаго преобразованія. Нечего, кажется, упоминать, что во всѣхъ приведенныхъ актахъ, какъ въ рескриптѣ, такъ и въ министерскомъ отношеніи проходила рука государственнаго человѣка Н. А. Милютина. Если положенныя начала далеко не удовлетворяли надеждамъ партіи, желавшей болѣе широкаго обезпеченія и освобожденія крестьянъ, то положенный починъ имѣлъ уже то громадное значеніе, что онъ останавливалъ ходъ развитія изо-дня-въ-день усиливавшейся въ то время реакціи.

«Какъ описать, писалъ князь Д. Оболенскій Ал. Вас. Головнину [1]) вамъ наше удивленіе при полученіи послѣднихъ извѣстій? Великому дѣлу положено начало! и какое прекрасное начало! Господь умудряетъ слѣпцовъ, сказано въ Писаніи, и въ этомъ дѣлѣ нельзя не признать Его видимаго присутствія. Ничто не обѣщало такого прекраснаго результата, ни приготовительная работа, ни качества большинства дѣятелей. Будущее намъ конечно неизвѣстно; но каково бы оно ни было, оно не уменьшитъ значенія сей великолѣпной страницы въ исторіи государя. Вдали отъ Россіи такіе рескрипты производятъ, быть можетъ, болѣе сильное впечатлѣніе: я его читалъ въ первый разъ съ замираніемъ сердца. Вы не могли имѣть этого ощущенія, потому что слишкомъ близко видѣли всю внѣшнюю обстановку этого дѣла. Какъ умно и ловко было воспользоваться частнымъ случаемъ, чтобы поднять вопросъ для всей Россіи. Какъ выгодно и удобно себя поставило правительство относительно иниціативы этого вопроса; какъ мастерски отнимается у дворянства возможность жаловаться на произволъ прави-

[1]) 22-го декабря 1857 году (3 января 1858 года) изъ Рима.

тельства. Вообще, меня болѣе всего восхищаетъ въ рескриптѣ умное и послѣдовательное распредѣленіе ролей всѣхъ дѣйствующихъ лицъ будущей драмы, – это уже огромное ручательство за успѣхъ. Теперь мы узнаемъ, что такое дворянство Россійской имперіи? Это такой ему экзаменъ, въ которомъ оно должно выказать всѣ свои хорошія и дурныя стороны. Теперь мы узнаемъ, въ какой мѣрѣ у насъ возможно совѣщательное начало и какую ожидать отъ него пользу. Главныя основанія поставлены достаточно ясно; но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно широки. Однимъ словомъ, по моему мнѣнію нельзя было ничего лучшаго придумать. Вамъ, какъ одному изъ главныхъ дѣятелей, слава, честь и благодареніе, но какъ не позавидовать счастію Ланскаго, знаетъ себѣ подписываетъ одинъ циркуляръ за другимъ, и прямо идетъ въ безсмертіе въ розовомъ галстукѣ и клѣтчатыхъ штанахъ!»

R.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АКАДЕМИКЪ А. Л. ВИТБЕРГЪ

и его

Письма къ А. И. Герцену.

Въ Русской Старинѣ 1872 г. т. V были помѣщены «Записки академика и строителя храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ» Александра Лаврентьевича Витберга и приложенъ его портретъ. Въ 1876 году въ т. XVII, были напечатаны: его автобіографія и переписка съ друзьями. Обвиненный въ разнаго рода упущеніяхъ по постройкѣ храма Спасителя [1]) А. Л. Витбергъ въ 1834 году былъ высланъ на жительство въ Вятку [2]).

18-го мая 1837 года посѣтилъ г. Вятку въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ II, въ то время наслѣдникъ цесаревичъ. Къ его пріѣзду начальникъ губерніи Тюфяевъ устроилъ выставку мѣстныхъ произведеній и различныхъ предметовъ, относящихся къ исторіи края. На выставку принятъ былъ портретъ, писанный съ самаго себя Д. Я. Чарушинымъ, тогда еще очень молодымъ человѣкомъ и самоучкой. Работа эта обратила на себя вниманіе наслѣдника цесаревича, и онъ, заинтересовавшись судьбою молодаго человѣка, предложилъ ему посту-

---

[1]) Главнѣйшіе пункты обвиненія состояли въ томъ, что Витбергъ по нѣкоторымъ изъ построекъ не представилъ отчетовъ; въ теченіе двухъ лѣтъ не представилъ комиссіи плана и смѣты на расходы по сооруженію храма; обвинялся въ значительности запаса остающагося безъ употребленія лѣснаго матеріала; въ разныхъ ошибкахъ по устройству судоходства въ верхней части Москвы рѣки и сооруженію барокъ и, наконецъ, по подряду о доставкѣ камня.

[2]) Подробности его высылки см. „Рус. Стар.“ т. XVII, стр. 109—126; 267—272.

пить въ Академію художествъ, а для предварительной подготовки, поручилъ его А. Л. Витбергу. Съ того времени и до самой кончины Александра Лаврентьевича между нимъ и Чарушинымъ установились близкія отношенія, сохранившіяся у Д. Я. Чарушина до послѣдняго времени съ дѣтьми покойнаго академика. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1841 году, куда почти за годъ передъ тѣмъ переселился изъ Вятки А. Л. Витбергъ, Д. Я. Чарушинъ постоянно посѣщалъ домъ перваго своего учителя. 12-го января 1855 года, въ пять часовъ по полудни А. Л. Витбергъ скончался. Между членами семьи, у одра больнаго, находился и Д. Я. Чарушинъ и за полчаса до смерти А. Л. набросалъ карандашемъ прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Витберга [1]).

Послѣдній во время пребыванія своего въ Вяткѣ познакомился и близко сошелся съ А. И. Герценомъ, съ которымъ велъ постоянную переписку.—Печатая на страницахъ «Русской Старины» [2]) письма Герцена къ Витбергу, бывшій редакторъ-издатель М. И. Семевскій выразилъ сожалѣніе, что въ его распоряженіи не было отвѣтовъ Витберга къ Герцену. Этотъ пробѣлъ отчасти заполняется печатаемыми нынѣ письмами. Ред.

Письма А. Л. Витберга—А. И. Герцену.

1.

18-го января 1838 г. Вятка [3]).

Итакъ вы благополучно прибыли во Владиміръ [4]); это извѣстіе, полученное съ прошедшею почтою, всѣхъ насъ весьма обрадовало; ибо мало ли, что могло-бъ встрѣтиться дорогой, особливо по случаю ушиба вашего, который, какъ вы пишете, отзывается и теперь еще болью. Напрасно Машковцовъ не пустилъ кровь, это могло-бъ предохранить отъ будущихъ послѣдствій.

Разставаніе на Бахтѣ запечатлѣлось кровію—этакаго случая со мною еще не бывало—т. е. крѣпко прижавши васъ поцѣловать, раз-

---

[1]) Доставленіемъ настоящаго портрета редакція обязана товарищу прокурора Вятскаго окружнаго суда Владиміру Ивановичу Кабалерову, которому и приноситъ глубокую благодарность.

[2]) См. „Рус. Старину“ 1876 г. т. XVII, № 10 стр. 274.

[3]) Письмо это служитъ отвѣтомъ на письмо А. И. Герцена отъ 1-го января 1838 г. „Рус. Стар.“ т. XVII, стр. 275.

[4]) Въ концѣ 1837 года А. И. Герценъ былъ переведенъ во Владиміръ. Все семейство Витберга провожало его до станціи Бахты, простилось съ нимъ со слезами и надолго.

сѣкъ себѣ верхнюю губу объ ваши зубы. Дай Богъ, чтобы знакомство наше осталось дѣйствительно кровнымъ, родственнымъ — по духу. Письмо ваше изъ Яранска, привезенное Эрномъ, къ удивленію моему, подтвердило поступокъ вашъ съ моею рукою, который я принималъ на Бахтѣ за разгорячение отъ шампанскаго. Чувства ваши сильны! я не могъ не прослезиться при чтеніи этого письма; но неужель отъ того, что пріятно самолюбію? Боже сохрани, нѣтъ, совсѣмъ другое, другое меня приводитъ въ умилительную радость—или лучше сказать, въ нѣкотораго рода блаженное созерцаніе: вы хотѣли доказать мнѣ чувства сыновной любви, дружбы и проч., это-то именно и драгоцѣнно мнѣ, но не такъ какъ съ перваго взгляда буквально понимать можно. Слушайте же: отъ васъ будетъ зависѣть теперь осчастливить меня и себя большимъ благомъ, благомъ, превышающимъ все земное — мнимое благо. Если сѣмя, мною посѣянное—сколько то по недостоинству моему и слабому разумѣнію я сдѣлать успѣлъ—возрастетъ въ васъ, любезный Александръ Ивановичъ, и принесетъ духовные плоды, что на языкѣ христіанскомъ называется обращеніемъ, т. е. совлещись ветхаго человѣка—Адама, и облачиться въ новаго человѣка—Христа, тогда съ величайшею радостью облобызаю васъ какъ сына, котораго тогда дѣйствительно родилъ я въ духовную жизнь. Такъ рождать есть обязанность истиннаго христіанина; и какъ чрезъ это пріумножается царство Христово, и тѣмъ самымъ уменьшается царство тьмы, то посудите, какая радость и награда ожидаетъ того, кто содѣйствовалъ къ увеличиванію числа гражданъ въ царствѣ Христовомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ я желаю принять имя родительское или отца. Вотъ почему и при чтеніи письма вашего я не могъ удержаться, не могъ не прослезиться. Но это слезы сладкія. И такъ, подвизайтесь, молитесь и уповайте, просите, ибо всякое добро снисходитъ свыше отъ Отца свѣтовъ, котораго благословеніе, миръ и помощь да будетъ съ вами! Аминь!

Съ новымъ, да, съ новымъ годомъ поздравляю. Эрнъ былъ у насъ и пили вмѣстѣ за здоровье ваше, и съѣли яблоко ваше ровно въ 12 часовъ пополуночи. А письма ваши читались въ кругѣ нашего семейства въ день моего рожденія, т. е. 15-го января. Болѣе нельзя, пора на почту, да и ногамъ становится уже холодновато,—въ другой разъ больше и въ отвѣтъ на ваши письма.

Приписка дочери Витберга. Я не буду писать болѣе двухъ-трехъ строкъ, потому что ко мнѣ не было никакихъ особенныхъ возгласовъ съ вашей стороны, и вотъ вы опять увидите меня со всѣми моими претензіями; кажется меня всегда и во всемъ узнать можно. Но все люблю васъ всей душой какъ брата. Вспоминаемъ васъ весьма часто. Да нѣтъ, исполню свое обѣщаніе: не буду писать. Цѣлую васъ въ лобикъ. Сестра ваша Eudoxie.

Вѣра вамъ кланяется. Не увлекайтесь—осторожнѣе и умѣреннѣе пишите или выражайтесь къ Пр(асковьѣ) Пе(тровнѣ)—она не захотѣла свое писаніе ввѣрить общему конверту—дурно.

2.

8-го февраля 1838 г. Вятка.

Я бы сегодня, можетъ быть, не принялся еще писать къ вамъ, Александръ Ивановичъ, занимаясь пристально кое-какими улучшеніями моего эскиза, отъ котораго занятія, вы знаете, какъ мнѣ всегда трудно отрываться; по крайней мѣрѣ до самаго нельзя сижу, такъ что вотъ уже пора послать на почту, а только что принимаюсь писать; и вотъ что именно понуждаетъ писать: изъ нѣсколькихъ словъ послѣдняго письма вашего ко мнѣ, а еще болѣе изъ письма къ Эрну, вижу о начинающихся затрудненіяхъ и непріятностяхъ касательно сердечныхъ отношеній вашихъ. Я опасаюсь, чтобы вы не погорячились въ этомъ дѣлѣ, не поспѣшили бы излить неосторожныя чувства и слова противъ батюшки, а потому считаю обязаннымъ сказать: ради Бога будьте осторожны въ этомъ, не теряйте изъ виду никогда, что если вы вздумали пожертвовать всѣми наружными выгодами, т. е. имѣніемъ, то съ тѣмъ вмѣстѣ вы должны будете раздражить батюшку чрезвычайно,—это бѣдовое дѣло и грѣхъ. Если-бъ вы вздумали безъ его согласія вступить въ бракъ, то имѣйте въ виду то, что тогда не будетъ родительскаго тутъ благословенія; а браки этого рода оканчиваются несчастіями—это такой фактъ, который подтверждается опытами и множествомъ примѣровъ. Вотъ что мнѣ хотѣлось вамъ высказать, опасаясь не опоздать бы этимъ. Еще разъ прошу васъ быть осторожнѣе въ этомъ дѣлѣ, имѣть терпѣніе, это необходимо, и никакъ не поступать поспѣшно тутъ. Дайте мнѣ обѣщаніе, что не будете горячиться и не раздражите батюшку, а еще больше удостовѣрьте меня въ томъ, что считаете родительское благословеніе с в я щ е н н ы м ъ. Если такъ, то въ дальнѣйшемъ благоразуміе ваше укажетъ и научитъ какъ поступать.

Прощайте Господь съ вами!—жена кланяется вамъ. Мнѣ кажется, вы ее не совсѣмъ поняли. Она заслуживаетъ, чтобы любить ее искренно. По крайней мѣрѣ она васъ любитъ какъ роднаго брата.

Письмецо ваше чрезъ Бѣляева, при особомъ письмѣ отъ него, получилъ я.

Ну, о свадьбѣ Скворцова конечно другіе уже писали вамъ. Я очень былъ веселъ у нихъ.

Добрый Семенъ Ивановичъ женится на Машковцовой.

Вчерашняго числа почелъ я за нужное осторожно открыть Прасковьѣ Петровнѣ ваше отношеніе къ Наташѣ. Рисунокъ, который она сегодня посылаетъ къ вамъ, подалъ поводъ къ тому. Она показала удивленіе, и потому я нѣсколько иронически спросилъ: неужель не знаетъ этого, и неужель Александръ Ивановичъ не говорилъ объ этомъ предметѣ откровенно? Она старалась увѣрить меня, что впервые слышитъ отъ меня. Я очень радъ, что это сдѣлано.

Относительно особо приложенной нѣмецкой записки напишу впредь и приложу письмо шурина, вчера полученное. Благодарю за любовь.

Разумѣется, что и Вѣрочка [1]) кланяется.

3.

15-го марта 1838 г. Вятка.

Въ отвѣтъ на письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, отъ 24-го февраля, даю вамъ честное слово, что списка съ писаннаго вами о шуринѣ моемъ я не пошлю, да и надобности въ томъ не предстоитъ. Относительно списка съ письма Григорія Ивановича было дѣло другое—это было нужно тогда, но при всемъ томъ не было сказано, кто именно лицо, писавшій—это значило бы ссорить; слѣдовательно шуринъ мой можетъ только предполагать, догадываться, но вѣрно знать не можетъ, кто о немъ писалъ. Его же письмо посылалъ я къ вамъ по той особенной довѣренности, любви и взаимному участію, которыя между нами другъ друга связываютъ искреннею дружбою.

Относительно описаннаго о вашемъ дѣлѣ радуюсь отчасти; говорю отчасти, ибо не совсѣмъ все ясно и ладно; главное впрочемъ и важнѣйшее покуда хорошо, т. е. родительское благословеніе, которое вамъ дано. Этимъ всего больше надо дорожить, какъ уже въ предыдущемъ письмѣ я писалъ и крайне заботился о томъ, чтобъ лишняя горячность или опрометчивость не повредили бы этому. При всемъ томъ ничего нельзя однакожъ сдѣлать теперь. Слова: «мѣшать не стану», слишкомъ неопредѣлительны, ибо безъ отцовской помощи что же тутъ можно успѣть. Я не понимаю, впрочемъ, сказанное вами: «тихо кончить, и непремѣнно нынѣшнимъ лѣтомъ». Заочно женихъ и невѣста только могутъ получать согласія и обѣщанія. Вы говорите, что готовы отложить—но требуете формальнаго обрученія. Но мнѣ кажется, что этимъ требованіемъ можно все испортить такъ, что послѣ и поправить уже средствъ не будетъ. Мало, что согласенъ и благословляетъ батюшка—надобно тутъ согласіе и княгини; вы же сами говорили мнѣ, что она съ нѣкото-

[1]) Вѣра Александровна старшая дочь Витберга.

раго времени противъ васъ; слѣдовательно какъ и скоро-ли, да еще заочно, уломаете ее. Ежели, при требованіи формальнаго обрученія, она пойдетъ противиться; ежели подъ именемъ близкаго родства—захочетъ показать власть свою и подастъ формальный протестъ, тогда дѣло можетъ испортиться невозвратно, ибо обвѣнчаніе послѣ этого можетъ почтено быть преступленіемъ. Подумайте объ этомъ хорошенько—не торопясь, не горячась. Лучше всего, по моему мнѣнію, надо стараться, чтобы Наташа не оставалась у княгини; но къ кому изъ родственниковъ добрыхъ (?), и какъ бы это уладить, я опять не могу ясно провидѣть, не зная всѣхъ родныхъ и всѣхъ отношеній ихъ. И только тогда, когда будете имѣть разрѣшеніе полное на возвращеніе въ Москву, только тогда можете просить тихо кончить. Вотъ мое мнѣніе,—и терпѣніе, терпѣніе, и со смиреніемъ предаваться въ волю Божію, уповать и молиться.

То, что вы называете страннымъ случаемъ, т. е. говоръ народный о горѣ тому, кто коснется Александровскаго монастыря и послѣ того паденіе и смерть работника при сниманіи креста,—есть, кажется, нѣчто болѣе нежели случайность. Вспомните сказанное мною о явленіи облака надъ Александромъ Благословеннымъ на Воробьевыхъ горахъ, при осмотрѣ и избраніи сего мѣста; вспомните о видѣніи (Николая Чудотворца) грека Спанопуло въ Царьградѣ, повелѣвавшемъ ему идти въ Москву для отслуженія молебна на закладкѣ храма Спасителя, близъ церкви Николая, что и исполнено было съ поливаніемъ воды, принесенной съ собою изъ живоноснаго источника царьградскаго, и странное обстоятельство при этомъ о образѣ и о невѣдѣніи, кѣмъ было очищено мѣсто отъ снѣгу,—вспомните тучу, разразившуюся надъ Воробьевыми горами, молнію ударившую въ дубъ, который долженъ былъ въ свое время срытъ быть, и ужасную бурю, понесшуюся отъ Воробьевыхъ горъ на Москву, которая въ нѣсколько минутъ сорвала много крышъ съ домовъ, повалила заборы и снесла въ прудъ Кушникова мертвое тѣло съ гробомъ;—вспомните, что это случилось мгновенно при ясной погодѣ, вскорѣ послѣ уничтоженія бывшей коммиссіи храма; вспомните еще и другія примѣчанія достойныя обстоятельства, тогда увидите тутъ волю и указаніе Провидѣнія, увидите благословеніе и противное.

4.

26-го іюля 1838 г. Вятка.

Да точно такъ, любезнѣйшій и вѣрный другъ Александръ Ивановичъ, присланныя вами 1.000 руб. удивили меня [1]). Они какъ съ неба

[1]) См. письмо Герцена отъ 14-го іюля 1838 г. „Рус. Стар.“ т. XVII, стр. 283.

свалились въ минуту тяжкаго уныніи. Благодарю, благодарю. Да воздастъ и наградитъ за то Тотъ, который одарилъ васъ добрымъ чувствомъ, любовью и дружбою. Проводивши до Орлова безцѣннаго друга моего, милую жену, поѣхавшую въ Петербургъ пользоваться совѣтами тамошнихъ врачей, и возвратясь домой, я почувствовалъ непреодолимую грусть и уныніе. Это было предвѣстіемъ чего-то непріятнаго, слезы катились изъ глазъ—я не могъ удержать ихъ. Къ этому, кромѣ грустнаго чувства разставанія съ женою, расположилъ нѣсколько случившійся въ самый день отъѣзда ее, 16-го числа, со мною опять припадокъ: каково было женѣ, столь пламенно любящую (ей) мужа, готовая(ой) совсѣмъ уже къ дорогѣ, ибо и лошади уже были заложены, видѣть вдругъ привезеннаго меня, еще слабаго, въ колескѣ Александрою Ильинишною Казимірскою, а потомъ вслѣдъ и губернатора. Дурнота случилась на улицѣ. Благодареніе губернатору, который съ большимъ участіемъ тотчасъ раздѣлъ меня, освѣжилъ, ободрялъ жену. Вмѣсто утра выѣхала вечеромъ; но можете вообразить чувство жены, каково было разставаться,—отложить поѣздку нельзя уже было, она ѣхала вмѣстѣ съ матерью Скворцова. Итакъ я былъ въ чрезвычайно грустномъ состояніи, какъ вдругъ слышу отъ Николая Мартыновича: о рѣчи Филарета, о разрушеніи закладки на Воробьевыхъ горахъ. Злодѣи! ничего уже нѣтъ для нихъ святаго, и память умершаго поругана—это верхъ святотатства. Эта вѣсть довершила уныніе мое, я не могъ еще собраться съ духомъ, чтобы прочесть газету [1]). Да сохранитъ Господь государя, Россію отъ новыхъ наказаній. Вы поймете конечно скорбь мою, и какія мысли раздирали душу, видя что ложь и обманъ продолжаютъ успѣвать въ своихъ замыслахъ, не страшась гнѣва Божьева. И въ эту самую скорбную минуту вы послали нѣкоторую мнѣ отраду, нѣсколько обезпеченія и облегченія. Я могу теперь опять нѣсколько отдохнуть. Но когда я буду въ состояніи заплатить? Этого не знаю еще. Вы не хотите назвать добрую душу, принимающую во мнѣ столь сердечное участіе, и мнѣ конечно трудно самому отгадать; но вотъ что скажу: во время полученія вашего письма случайнымъ образомъ лежалъ предъ глазами портфель милой Наташи, въ которомъ ничего еще не клалъ прежде,—а теперь, не знаю почему-то, захотѣлось присланныя деньги положить въ ея портфель, въ которомъ и хранятся теперь. По этому я заключаю, что деньги принадлежатъ ей,—такъ или нѣтъ? О какъ бы мнѣ хотѣлось васъ обѣихъ видѣть вмѣстѣ,—безъ всякихъ церемоній расцѣловать бы ту милую душу, которая «не любитъ смѣха, никогда не произноситъ напрасно имя Бога, и не любить Гогартовыхъ карикатуръ». Да, да, карикатуръ(ы) любить можетъ только тотъ, въ комъ

[1]) „Московскія Вѣдомости“ 1838 г. 2-го іюля № 53, гдѣ напечатана рѣчь Филарета.

нѣтъ чувства къ высокому благородному, божественному. Очень, очень радъ я, что вы, любезный другъ, нашли въ Богомъ данной вамъ подругѣ подтвержденіе нѣкоторыхъ разговоровъ моихъ съ вами. Я всегда включаю васъ обѣихъ въ молитвѣ; мы какъ родственники по духу,—дѣлайте вы тоже объ насъ,—сближеніе духа есть дѣло важное. На дняхъ испыталъ я это опять разительно: я стою у окна въ кабинетѣ, обращенномъ къ дорогѣ, по которой поѣхала жена, молюсь о ней и благословляю крестомъ путь ея,—въ это самое мгновеніе вносятъ мнѣ письмо отъ нея изъ Макарьева, куда доѣхала благополучно, и утѣшается тѣмъ, что я конечно молюсь за нее. Это поразило меня. Такъ случилось, скажетъ матеріалистъ. Жена отъ Орлова повернула на Кострому, и потому не можетъ на этотъ разъ встрѣтиться съ вами. Но ежели обратно она поѣдетъ чрезъ Москву, то полюбуется вашимъ счастіемъ отъ души, въ этомъ ручаюсь вамъ, друзья мои. Слухъ о 300 душахъ — смѣшной вздоръ, не знаю откуда это взялось. Просьба о дѣтяхъ Прасковьи Петровны отправлена, задержка была отъ Катана, долго не доставлявшаго свидѣтельства о состояніи. Но о поѣздкѣ въ Москву сказать ничего нельзя—это не бездѣлица на авось ѣхать туда, гдѣ все дорого. Нѣтъ, ужъ лучше дожидаться, когда можно будетъ ѣхать всѣмъ вмѣстѣ. Величко съ женою разъѣзжаетъ по уѣздамъ теперь, поѣхалъ вскорѣ послѣ свадьбы. Губернаторъ тоже поѣхалъ. Ну, я и всѣ мои цѣлуютъ васъ много разъ.

5.

13-го сентября 1838 г. Вятка [1]).

Грамотка ваша, любезнѣйшіе, дражайшіе сердцу друзья мои, въ которой описываете чувствованія ваши на троекратномъ освященномъ мѣстѣ, преданномъ власти врага,—меня много трогало, много и радовало и въ грусть приводило. Могъ ли я не прослезиться при чтеніи о томъ, что столь близко сердцу, что такъ тѣсно соединено съ существованіемъ моимъ, чѣмъ духъ мой питается еще и теперь—да, и теперь еще. Это можетъ казаться страннымъ для людей обыкновенныхъ, но геніальные поймутъ это, и вы, мои добрые друзья, поймете это очень хорошо. И вы проливали слезы на мѣстѣ благословенномъ! О, какъ это драгоцѣнно мнѣ отъ одного воспоминанія о томъ, что не всѣ охладѣли

[1]) Отвѣтъ на письмо А. Герцена отъ 10-го августа 1838 г. о посѣщеніи Воробьевыхъ горъ. См. „Русск. Стар.“ 1876 г., т. XVII, стр. 284.

еще, не совсѣмъ и не во всѣхъ погасло чувство святое, высокое. Я прихожу въ умиленіе и проливаю слезы радости. Любезный Александръ Ивановичъ! какъ радостно мнѣ въ особенности слышать о вашемъ прослезеніи на мѣстѣ вамъ столь достопамятномъ. Какъ это чувство различествуетъ отъ того прежняго, нѣкогда оправдываемаго вами, которое стыдилось слезъ и допускало замѣнять ихъ смѣхомъ—этимъ ужаснымъ чувствомъ гордости врага Божіева. О, какъ я радъ, какъ мнѣ пріятно видѣть эту перемѣну въ вашемъ добромъ сердцѣ. Какъ вы счастливы къ тому жъ, что Богъ даровалъ вамъ въ милой Наташѣ друга, одушевленнаго религіозными чувствами и, сверхъ того, столь милую, любезную, одушевленную. О, будьте счастливы столько, сколько это возможно въ истинной любви и дружбѣ; столько, сколько я счастливъ въ любви и дружбѣ съ милою моею женою. Примите отъ нея мои переполненные любовью къ вамъ поцѣлуи—хорошенько, любезные друзья мои—ибо милый мой другъ на-дняхъ вѣроятно проѣздомъ будетъ у васъ. Какъ я радъ, что отъ нее услышу кое-что о васъ—какъ вы поживаете, какъ вы милуетесь. Да, кстати: я надѣюсь, что любезный Александръ Ивановичъ не сердится болѣе на жену мою за то, что она дѣлывала иногда замѣчанія свои на нѣкоторыя неосторожности и маленькія ошибки Алек. Ив. Герцена, которыя происходили отъ неопытности его, такъ и скрытой гордости, свойственной всякому, особливо же молодому человѣку. Ибо я замѣчалъ иногда, что гораздо пріятнѣе было, когда кто угождалъ вашему самолюбію, такъ что отъ этого выходили иногда и весьма невѣжливые поступки, т. е. неприличные для общежитія. Нѣсколько разъ Вѣрочкѣ доставалось отъ меня за то, что она не довольно внимательна къ тому, какимъ тономъ говорятъ, т. е. что иногда можно и должно угождать, а иногда не должно, дабы не баловать прихотливость и самолюбіе, и тѣмъ не вредить бы друзьямъ. Надѣюсь и увѣренъ, что написанное примете съ тою же любовію, съ какою написано оно. Вы знаете, что строгъ былъ къ вамъ изъ любви къ вамъ. Такъ давно собирался сказать и все забывалъ, что вы Полинѣ сдѣлали много вреда вашимъ баловствомъ. Помните ли случаи, когда она на лодкѣ, занявъ прежде всѣхъ главное мѣсто, не понимала, что это ей неприлично, ибо были тутъ и лѣтами и достоинствомъ постарѣе ее; вы оправдывали ее, не соглашались со мною. Вотъ послѣдствія: у Рѣпиной, однажды, Корнилова разговаривала съ нею прохаживаясь, и за ужиномъ Полина хотѣла сѣсть на диванъ рядомъ съ Корниловою. Рѣпина, замѣтивъ намѣреніе невѣжливое, удержала ее, и бѣдняжка покраснѣла и попросила Прасковью Петровну сѣсть съ нею за другой столъ. Та по добротѣ и большей образованности сжалилась надъ нею и сѣла за другой столъ. Точно такой случай былъ у Машковцовой за ужиномъ, гдѣ Анна Александровна принуждена была указать ей мѣсто, и она опять осталась

со стыдомъ. Видите ли, что не я одинъ былъ взыскателенъ—нѣтъ, невѣжество всякому кидается въ глаза. Да это не есть принадлежность только нашего свѣтскаго обращенія, нѣтъ, это искони было такъ и будетъ впредь. Самъ Спаситель даже и объ этомъ именно предметѣ говоритъ: «Когда призоветъ тебя кто къ столу, то не садись на первое мѣсто, дабы когда хозяинъ тебѣ укажетъ оное, тебѣ сдѣлало бы это честь» и прочее; ежели не помните, то отыщите и прочтите. Ну, кажется, я заставляю васъ теперь немного негодовать—такъ ли? Пусть такъ будетъ, но все-таки дѣло, и скажу еще выраженіе языческаго мудреца: «бей, да слушайся». Началъ я милою женою и повелъ на другое. Скажу однако-жъ еще, что жена, несмотря на ошибочки ваши, но любитъ васъ искреннею любовію, какъ родная сестра. Теперь прошу васъ, любезные друзья, потрудитесь заранѣе дать знать на постояломъ дворѣ, гдѣ мѣняются лошади, чтобъ, когда пріѣдетъ такая-то, то прямо бы везли къ вамъ, чтобы ей не искать и не терять время, а вы, голубчики мои, горяченькимъ тотчасъ ее напоите, ибо время теперь сырое, это необходимо, хотя и безъ этого вы бы сдѣлали то же самое, но какъ быть, такова слабость моя къ доброму моему другу, которую такъ много я люблю и которая меня такъ много любитъ. Прошу любезнаго друга Наташу—извините мнѣ: называть васъ этимъ выраженіемъ что-то ближе къ сердцу, нежели Наталья Александровна—полюбить жену тою родственною любовію, которою она васъ любитъ. Да, вы отгадали, я слишкомъ часто въ мысляхъ бываю между вами, и какъ бы хотѣлось дѣйствительно и тѣломъ быть у васъ, дабы со всею полнотою моей любви обнять васъ, расцѣловать и полюбоваться вами и вашимъ счастіемъ. Когда-то Богу угодно будетъ это мнѣ доставить?

Да, я опять забылъ-было: поздравляю съ прошедшимъ днемъ ангела милую бывшую именинницу. Извините, что не ко времени, ну да лучше поздно, чѣмъ никогда, говоритъ пословица. Вѣрочка начала что-то дѣлать въ память именинницѣ, да не успѣла, къ моимъ именинамъ захлопоталась сюрпризомъ, итакъ оно нѣсколько поздно поспѣетъ. А я посылаю вамъ портретъ Корнилова, этого благороднаго добраго человѣка. Я только-что получилъ его на-дняхъ,и вы получаете первый, еще ни у кого нѣтъ. Но не знаю, не поздно ли, на почтѣ примутъ ли сегодня, въ такомъ случаѣ съ будущею почтою.

Простите, Господь и Его милосердіе да будетъ всегда съ вами и со всѣми нами. Другъ вашъ Александръ В.

6.

20-го сентября 1838 г. Вятка.

На прошедшей почтѣ не приняли посылку—уже поздно было. Посылаю вамъ, любезнѣйшій другъ Александръ Ивановичъ, съ нынѣшнею, портретъ Алекс. Алексѣевича. Хотя рисовальщикъ довольно хорошій, который на камнѣ рисовалъ, но противъ оригинала моего въ сходствѣ потеря есть, и потому я нѣсколько поправляю уже самъ, и посылаемый при семъ также поправленъ мною. Вы все-таки первый получаете.

При полученіи сего письма, полагаю, жена уже проѣхала чрезъ Владиміръ. Дай Богъ, чтобъ благополучно довершила путь, ибо въ ея теперешнемъ тяжеломъ положеніи это довольно трудное дѣло быть въ дорогѣ. Какъ я утѣшаюсь мыслію, любезные друзья, что свиданіе ваше съ моею милою женою было истинно дружеское, родственною любовію одушевленное.

Страхъ какъ хотѣлось бы мнѣ видѣть ваше житье-бытье, полюбоваться вами. Терпѣніе: живы будемъ, свидимся когда-нибудь.

Давно собираюсь спросить: вы, любезный Александръ Ивановичъ, писали мнѣ однажды, что народъ въ Москвѣ говоритъ: горе тому, кто коснется Алексѣевскаго монастыря, и что работникъ, который полѣзъ снимать крестъ, упалъ и разбился при множествѣ зрителей. Потомъ вы въ другомъ письмѣ, въ отвѣтъ на мой отзывъ, пишете, что я васъ не понялъ. Но я принялъ дѣйствительно буквально сказанное вами и не предполагалъ тутъ никакой мистификаціи. Скажите мнѣ пожалуйста ясно: дѣйствительно ли упалъ и убился работникъ, снимавшій крестъ, или что́ вы подъ этимъ разумѣете,—мнѣ очень желательно знать это прямо.

Вѣрно провожали вы жену нѣсколько верстъ по дорогѣ къ намъ или нѣтъ, но я больше думаю, что да.

Прощайте, Господь и Его милосердіе да будетъ съ вами и со всѣми нами. Цѣлую васъ обѣихъ сильно моею любовію. Вѣрочка и Прасковья Петровна также. Всѣ здоровы. Викторъ и Лавренька молодцы. Другъ вашъ Александръ В.

7.

3-го января 1839 г. Вятка.

Я такъ давно не писалъ къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, что не знаю даже съ чего начать теперь. Виноватъ предъ вами много, простите ве-

ликодушно. Во мнѣ весьма дурная привычка: не могу себя заставить писать заранѣе, къ тому жъ по слабости глазъ избѣгаю писать при огнѣ; начну или, лучше сказать, сяду писать передъ отправленіемъ уже почты, а тутъ что-нибудь или кто-нибудь неожиданно и помѣшаетъ. Сверхъ того, все это время я очень занятъ проектомъ Александровскаго собора для Вятки [1]). Вы поймете очень хорошо, что я не могу быть равнодушнымъ къ памятнику императора Александра, благодѣтеля моего и крестнаго отца, слѣдовательно, хочется сдѣлать что-нибудь порядочное; это требуетъ соображенія и время, а дни теперь коротки, заниматься же могу только утренніе часы.

Итакъ, эта страница написана для того, чтобъ оправдать себя— виноватъ и въ этой слабости, но это уже сдѣлано, и потому оставляю прошедшее вмѣстѣ съ истекшимъ 38-мъ годомъ и поздравляю васъ, друзья мои, съ наступившимъ новымъ 39-мъ годомъ. Дай Богъ и вамъ, и намъ, и всѣмъ добрымъ или по крайней мѣрѣ благонамѣреннымъ людямъ всего лучшаго, благословеніе и милость свою; а злонамѣренныя и враги да обратятся къ правдѣ, раскаянію и исправленію. Всѣ наши, сирѣчь: жена, Прасковья Петровна, Вѣрочка и проч., поздравляютъ васъ вмѣстѣ со мною, и желаніе всего лучшаго есть желаніе общее. Ровно въ 12 часовъ вошелъ я съ поздравленіемъ къ женѣ, которой далъ слово уйти отъ губернатора. Радость ее довела до слезъ, зная, что я данному слову не измѣню, но часы, лежавшіе предъ нею на столѣ, вокругъ котораго сидѣли всѣ прочія, показывали наконецъ уже 59½ минутъ, и слезы начинали навертываться, какъ вдругъ я въ двери. Надо было видѣть удовольствіе ни съ чѣмъ несравненное, безмолвное, но слишкомъ краснорѣчивое. Добрая Прасковья Петровна не могла довольно налюбоваться на насъ въ эту минуту, прослезившись сама. Выпивъ общій бокальчикъ рейнвейну, вспомнили, что и вы въ эту минуту дѣлаете то же, и заключивъ такимъ образомъ общее здоровье, я опять отправился

---

[1]) 8-го октября 1824 года императоръ Александръ I, на обратномъ пути изъ Пермской губерніи, посѣтилъ Вятку. Жители, никогда еще не видавшіе въ своемъ городѣ ни одного государя, рѣшили ознаменовать это посѣщеніе построеніемъ храма во имя Александра Невскаго. Вопросъ о постройкѣ храма тянулся до 1835 года. Въ этомъ году было разрѣшено строить храмъ по одному изъ нормальныхъ плановъ, утвержденныхъ императоромъ Александромъ I. Вятчанамъ планъ этотъ не нравился и они просили разрѣшенія построить храмъ по болѣе „величественному плану“. Такое разрѣшеніе послѣдовало 8-го іюня 1838 г. Тогда городской голова Аршаумовъ представилъ обществу сдѣланный карандашемъ въ миніатюрѣ новый проектъ храма. Общество пришло въ восторгъ отъ этого эскиза, такъ какъ творцомъ его былъ А. Л. Витбергъ. Горожане постановили просить знаменитаго художника составить подробный планъ и чертежъ для проектируемаго храма, на что тотъ и согласился. Ред.

къ губернатору, гдѣ засталъ еще часы на 12-мъ въ исходѣ, потому что это неравенство часовъ нашихъ было мною замѣчено прежде. Такимъ образомъ сдержалъ я слово свое и тутъ, и тамъ, и во Владимірѣ—да, съ вами были мы въ это время вмѣстѣ, любезнѣйшіе друзья мои. Ну вотъ вамъ и новый годъ, и между тѣмъ та же исторія, что въ старомъ: опять оправдываніе себя! А между тѣмъ опять также—пора на почту, и въ этомъ оправданія—нѣтъ. Остается сказать вкратцѣ нѣсколько словъ: 1) я очень радъ, что вы, любезный Александръ Ивановичъ, можете вступить въ службу дѣйствительную, и какъ слышу отъ Эрна, вы уже чиновникъ особыхъ порученій—хорошо очень, не пропадутъ годы. Но жалованье этого мѣста равняется ли тому, что писали вы мнѣ о мѣстѣ ассесора? Но служба эта лучше и вамъ пріятнѣе; 2) я очень радъ новому занятію вашему, поэзіи, и съ нетерпѣніемъ ожидаю прочесть; присланное къ Прасковьѣ Петровнѣ еще не показано мнѣ, и потому не знаю. Предметъ, вами избранный, хорошъ, и вѣрно очень счастливо выполните: я между прочимъ понялъ тогда же, что этотъ трудъ будетъ заключать въ себѣ нѣчто относящееся собственно къ вамъ; 3) эскизъ теперешнихъ трудовъ Александровскаго собора, какъ обработанный съ планомъ и проч., думаю доставить вамъ; но—пора на почту.

Простите, обнимаю васъ отъ души, т. е. въ томъ числѣ милаго друга Наташу, которую—извините милостивый государь, Александръ Ивановичъ—которую крѣпко цѣлую. Всѣ прочіе дѣлаютъ то же. Другъ вашъ А. Витбергъ.

8.

11-го марта 1839 г. Вятка.

Давно не писалъ я къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, и вы меня за то, можетъ быть, осуждаете. Но, во-первыхъ, вы, конечно, знаете, что я на корреспонденцію нѣсколько лѣнивъ, и ни съ кѣмъ такъ часто не переписываюсь, какъ съ вами; самые родные мои рѣдко получаютъ отъ меня письма. Во-вторыхъ, со времени разрушенія закладки храма на Воробьевыхъ горахъ, я много потерпѣлъ разстройства въ здоровьи, и оставившіе меня по Веттихерову лѣкарству припадки опять возобновились. Это наноситъ разстройство и въ здоровьи доброй, любви ко мнѣ исполненной жены, что̀ самое вредитъ опять мнѣ же. Истинно ужасно помыслить, что изъ пятидесяти слишкомъ милліоновъ подданныхъ нѣтъ ни одного столько преданнаго, вѣрнаго душею и любви исполненнаго къ царю, который бы постоялъ за правду, который бы охранялъ его отъ обмана коварныхъ и злонамѣренныхъ людей, въ

защиту невинности, благонамѣренныхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ за правду. Истинно это ужасно, ибо слезы и жалобы предъ престоломъ Божіимъ отъ страдальцевъ за правду препятствуютъ снисходить благословенію на троны царей. И потому Соломонъ сказалъ, что творить неправду предъ царемъ есть мерзость, ибо чрезъ правосудіе утверждается тронъ.

Ну вотъ, отъ избытка сердца уста глаголятъ; совсѣмъ я не хотѣлъ ничего подобнаго писать въ краткомъ письмѣ этомъ, которое проѣздомъ вручитъ вамъ отъѣзжающій изъ Вятки добрый пріятель нашъ Гавр. Касп., который уже сидитъ и ждетъ полученія письма. Скажу однако-жъ еще, что, въ третьихъ, причиною долгаго моего молчанія было также занятіе мое для Александровскаго собора, ибо вы поймете, что я отъ души долженъ былъ трудиться для этого памятника Александра. Онъ конченъ теперь и вчерашняго числа отправленъ въ Петербургъ. Обѣщанный вамъ эскизъ этого храма я не могъ еще вамъ доставить потому, что Величко, поѣхавъ въ Петербургъ, насильно его у меня выпросилъ взять съ собою для показанія кому-то, ибо онъ восхищается этимъ моимъ трудомъ. Ежели жъ по возвращеніи его мнѣ трудно будетъ получить отъ него обратно, то сдѣлаю другой такой же для васъ. На посланную мною съ бывшимъ здѣсь флигель-адъютантомъ Назимовымъ записку къ генералъ-адъютанту Клейнмихелю, завѣдывающему отстройкою Зимняго дворца, о изобрѣтеніи мною несгораемыхъ потолковъ, получилъ я отвѣтъ, что потолки во дворцѣ уже всѣ сдѣланы, т. е. обыкновенные. Желаніе мое теперь простирается на то, чтобы продать это изобрѣтеніе иностранной державѣ, которая больше дастъ; полагаю, Англіи, если только найду кого, кто бы объяснился объ этомъ съ посланникомъ, но это все довольно трудно.

Теперь нѣсколько словъ о вашемъ новомъ трудѣ—поэмѣ [1]). Благодарю за отрывокъ, къ 15-му января присланный. Прекрасно, и вообще мысль очень хороша; но я полагаю, что окончаніе поэмы, т. е. когда язычество должно облечься въ христіанство—будетъ довольно трудно, и тутъ надобно будетъ весьма обдуманно и осторожно соображать идеи. Вотъ одно замѣчаніе, которое я долженъ сдѣлать: отъ Скворцова узналъ я, что умершаго юношу, когда понесли чрезъ площадь, чтобъ хоронить, встрѣчаетъ апостолъ Павелъ и воскрешаетъ его. Я полагаю неприличнымъ въ вольную поэзію включать имя апостола, и цензура, вѣроятно, не пропуститъ это. Можно тутъ называть просто святаго мужа, человѣка Божьяго и тому подобное, но никакъ не именовать апостола. Уваженіе къ святости христіанства требуетъ весьма бережливу быть въ помѣщеніи такихъ лицъ. .

[1]) См. письмо А. И. Герцена Витбергу отъ 1-го октября 1838 г. „Русск. Стар.“, т. XVII, стр. 286.

Всѣ наши цѣлуютъ васъ. Я отъ искренняго сердца обнимаю, цѣлую и желаю милости и благословенія вамъ Божьяго. Другъ вашъ Александръ Витбергъ.

9.

11-го іюля 1839 г., Вятка.

Поздравляю, поздравляю отъ всей души и со всѣми моими домашними съ благополучнымъ явленіемъ на свѣтъ первенца вашего Александра.

Простите, что не съ первою почтою это сдѣлано,—я былъ нездоровъ, да и теперь изнемогаю отъ жаровъ; безпрерывно почти 24 и 26 градусовъ въ тѣни, это значитъ до 36 градусовъ на солнцѣ,—можете судить каково это мнѣ. А я за васъ уже боялся, и нѣсколько внутренно роптalъ на слова вашего прежняго письма, въ которомъ писали: прежде нежели получите это письмо, Наташа будетъ матерью, а потомъ двѣ, три почты молчаніе. Вы знаете, какъ строго я взыскиваю, когда кто смѣло говоритъ о будущемъ, не отъ него зависящемъ. Я за васъ уже просилъ, чтобы благополучно только все кончилось. Ну, слава Богу! страхъ мой былъ напрасенъ, но это не бѣда, ибо я за то молился за васъ, за милую Наташу. Дай Богъ, чтобы и теперешнія строки нашли ее въ хорошемъ состояніи, равно какъ и малютку, котораго возростить и воспитать въ надлежащемъ духѣ христіанскомъ—да поможетъ вамъ Тотъ, отъ котораго снисходитъ всякое благое даяніе. Теперь совершилось только рожденіе плотское—животнаго человѣка, надлежитъ переродиться этому такъ, чтобы изъ грубаго скоточеловѣка мало-помалу начиналъ являться потерянный перво-образъ, чтобы родился бого-человѣкъ. Это дѣло не маловажное, не мимоходное.—Да поможетъ вамъ и всѣмъ намъ въ этомъ всемогущій Богъ!—Благословеніе Его да будетъ съ младенцомъ, и со всѣми нами!

Очень пріятно мнѣ было слышать добрыя вѣсти ваши о прощеніи О. (Огарева?) и объ ожиданіи вашемъ. Касательно меня былъ случай довольно хорошій, изъ котораго однако ничего не выйдетъ. Эта была записка моя объ изобрѣтеніи несгараемыхъ потолковъ, какъ я писалъ уже вамъ. Но я поздно объ этой надобности узналъ, и потому не могъ прежде и говорить. Министръ двора жалѣлъ, что это пришло не прежде, когда они очень затруднялись этимъ дѣломъ. Графъ Бенкендорфъ требуетъ присылки описанія, для—какъ водится—надлежащаго разсмотрѣнія. Но я на это ничего не отвѣчалъ и кажется не буду отвѣчать, потому что въ запискѣ моей было сказано, чтобы «въ виду его величества по личному моему указанію устроенъ былъ образцовый потолокъ». Кажется

довольно ясно, что я никому не намѣренъ ввѣрить мою идею на искаженіе. Проектъ мой для Александровскаго Собора Вятскаго такъ понравился въ Петербургѣ, что ходилъ изъ рукъ въ руки, какъ сказывалъ мнѣ губернаторъ Хомутовъ. А министръ двора выпросилъ себѣ карандашевой черновой эскизъ, сказавъ: «этакой церкви еще нѣтъ—вкусъ византійскій, а формы новыя». Отзывъ этотъ мнѣ пріятенъ потому, что высказалъ сущность моей мысли. Но посмотримъ, не помѣшаетъ ли зависть и тутъ.

Вы непремѣнно хотите имѣть эскизъ большаго храма; я обѣщалъ вамъ его, слѣдовательно выполню, только пожалуйста подождите покуда сдѣлаю для васъ именно, ибо теперешній отдать не могу, а здоровье мое не дозволяетъ мнѣ свободно располагать временемъ. Александровскій соборъ и безъ того много повредилъ зрѣнію моему, не могу по сіе время отдохнуть глазами. Вотъ я уже и записался слишкомъ, такъ что головѣ стало уже тяжело.

Послѣзавтра выѣзжаетъ Прасковья Петровна—никакъ не могла прежде собраться, хлопотъ много, надо сколько нибудь прилично одѣть дѣтей и прочее. Я досталъ человѣка, который съ нею поѣдетъ—это старикъ, жившій у Владиміра Машковцова, его надо будетъ изъ Владиміра доставить только въ Москву.

Прилагаемое письмо, написанное еще къ прошедшей почтѣ, прошу вручить или доставить любезному другу вашему.

За симъ цѣлую васъ, душеньку Наташу и новорожденнаго Сашу—отъ себя и всѣхъ насъ—съ желаніемъ милости и благословенія Божьева! Другъ вашъ А. Витбергъ.

10.

22-го августа 1839 г., Вятка.

Съ прошедшею почтою занятія мнѣ помѣшали написать вамъ, любезный другъ, да и теперь только вкратцѣ, ибо голова тяжела, и я долженъ остерегаться въ это время, чтобъ не прибавить жару. Письмо ваше, съ припискою крупнымъ почеркомъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи, порадовало меня и всѣхъ моихъ, какъ нельзя больше. Замѣчательно довольно, что повидимому вы получили эту пріятную вѣсть въ то самое мгновеніе, когда писали ко мнѣ строки о томъ, что нѣтъ никакого извѣстія объ этомъ, и этотъ маленькій ропотъ вашъ въ ту же минуту долженъ былъ заставить покраснѣть. Благодарите Бога теперь и будьте осторожнѣе впредь. Благодарите, впрочемъ, и за то, что Ему угодно было наслать вамъ испытаніе не во вредъ, но, думаю, въ пользу—все,

все къ лучшему, кто съ вѣрою принимаетъ. Дай Богъ, чтобы этотъ опытъ совершенно предостерегъ васъ навсегда.

Добрый другъ нашъ, Прасковья Петровна, теперь во Владимірѣ. Грустно, очень грустно было намъ разставаться съ нею—мы составляли одно семейство и всѣ другъ друга любили, какъ добрыхъ родныхъ, какъ сердечныхъ друзей. Еслибъ только сколько-нибудь я былъ обезпеченъ въ своемъ содержаніи, я бы ни за что не отпустилъ ее; я чувствую вполнѣ всю трудность ея положенія, и мы всѣ сердечно скорбимъ о ней. Дай Богъ ей сколько-нибудь утѣшенія, крѣпость силъ—до лучшаго.

Я не могъ еще исполнить обѣщанія моего въ доставленіи вамъ эскиза моего новаго проекта; безпрестанныя помѣхи, то одно, то другое—все отрываетъ. Этотъ проектъ я называю египто-византо-готикъ. Я очень желаю его довершить—трудъ самый отрадный, плодъ XIX столѣтія, въ которомъ все одухотворяться должно.

Мнѣ пріятно было читать о новомъ занятіи вашемъ и встрѣчѣ съ мыслью нѣмецкаго автора. Не безполезно бы было вамъ прочесть для этого книжечку: «Сказаніе о XIX столѣтіи», Эккартгаузена [1]). Вы пишете, что письмо мое къ вамъ дышетъ огнемъ юности и проч., но я думаю, что талантъ и геній не старѣются, ибо это вдохновеніе духовнаго міра; старѣетъ физическое только, т. е. плоть, тѣло, и разница между юношею и старикомъ тогда только въ томъ, что первый всѣ впечатлѣнія съ жаромъ и скоро высказываетъ, часто очень не умно, а второй удерживаетъ ихъ въ себѣ и молчитъ до времени.

Благодарю друга Наташу за приписаніе. Я и всѣ мои цѣлуемъ ее съ чувствомъ чистой любви. Другъ вашъ Александръ В.

11.

5-го сентября 1839 г., Вятка.

Зная, что вы, любезнѣйшіе друзья мои, Александръ и Наталія, принимаете искреннее, сердечное участіе во всемъ, до меня относящемся, я спѣшу увѣдомить васъ о томъ, какъ пріятно провели мы здѣсь 30-е августа, т. е. день моихъ именинъ, и какъ замѣчательно соединилось нѣсколько важныхъ событій или обстоятельствъ. За три дня до этого, когда мы находились у губернатора, на празднованіи дня рожденія жены его, пришло утвержденіе проекта моего для Александровскаго собора. Коммисія разсмотрѣнія проектовъ относится о немъ съ похвалою, заботясь, чтобы при производствѣ этого зданія не было поте-

---

[1]) Извѣстный мистикъ.

ряно чего-либо относительно изящности проекта какъ наружной, такъ и внутренней; такого участія и похвалы въ мою пользу я и не ожидалъ. Губернаторъ на другое же утро распорядился приступить къ дѣлу, чтобы 30-го числа сдѣлать закладку.

Утромъ, до обѣдни, губернаторша завезла мнѣ именинный подарокъ—серебряный чайный сервизъ рублей въ триста. По окончаніи обѣдни процессія торжественнымъ крестнымъ ходомъ отправилась изъ собора на мѣсто, куда двинулся, можно сказать, весь городъ, и по совершеніи молебствія съ водосвятіемъ, всенародно совершена была закладка положеніемъ мѣдной доски въ фундаментъ, подъ главный престолъ, съ описаніемъ обстоятельства дѣла по извѣстной формѣ, со включеніемъ и моего имени, какъ водится. Потомъ, по совершеніи въ соборѣ краткаго поминовенія о покойномъ императорѣ Александрѣ Благословенномъ, градское общество угощало завтракомъ, гдѣ, между прочимъ, и мой тостъ не былъ забытъ. Потомъ предложена была подписка въ пользу построенія Александровскаго собора, и собрано до десяти тысячъ рублей. Теперь работаютъ весьма прилежно надъ рытіемъ рвовъ—грунтъ отличный и фундаментъ можетъ выведенъ быть нынѣшнею осенью, ежели не окажется недостатка только въ матеріалахъ. Я ничего не описываю вамъ, любезнѣйшіе мои друзья, о чувствахъ моихъ, о слезахъ радости при воспоминаніи о томъ, что Богу угодно было устроить все такъ дивно для того, чтобы мнѣ же быть исполнителемъ вятскаго памятника благодѣтелю моему и отцу крестному—Александру I. Вы все это сами очень хорошо чувствуете, и я увѣренъ, что въ то же самое время, когда это происходило со мною въ Вяткѣ, вы въ мысляхъ были со мною въ Москвѣ, не только въ этотъ самый день, но даже въ тѣ же самые часы.

Теперь просьба къ вамъ, любезнѣйшій другъ: шуринъ мой до того оскорбляетъ меня и добрую жену мою своимъ сумасброднымъ поведеніемъ, что я наконецъ передалъ довѣренность одному доброму и весьма благородныхъ чувствъ пріятелю, полковнику Андрею Родіоновичу Кошелеву, коего отецъ былъ извѣстный оберъ-шенкъ при Александрѣ и близкимъ по душѣ человѣкомъ. Андрей Родіоновичъ, несмотря на то, что имѣетъ большое и знатное родство, самъ въ бѣдномъ положеніи, ибо потерялъ имѣніе свое отъ доброты, поручившись за другаго. Онъ согласился занять въ моемъ домѣ тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ шуринъ; а чтобы вещи мои не стѣсняли и были бы въ сохранности, то обращаюсь къ вамъ, ибо вы имѣете теперь свой домъ и вѣрно столько мѣста найдется, чтобы помѣстить, по крайней мѣрѣ, лучшую мебель, картины и все, что касается до бумагъ, портфелей и книгъ, т. е. положа все это, не оставляя ни лоскутка бумагъ или письма, въ особый сундукъ или ящикъ, за печатью шурина и Кошелева, а хотите, такъ и

вашей. Причемъ прошу быть и Григорія Ивановича Ключарева, ибо онъ знаетъ мои вещи хорошо и шурина также. Жду отвѣта. Цѣлую всѣхъ отъ всѣхъ. Другъ вашъ Александръ Витбергъ.

12.

17-го октября 1839 г., Вятка.

Я писалъ вамъ, любезнѣйшіе друзья, что 30-е августа былъ для меня самымъ пріятнымъ днемъ, по случаю закладки памятнаго храма Александру Благословенному—благодѣтелю моему. Замѣчательно, что нечаянно случилось начать бутить фундаментъ 15-го сентября, и тутъ вспомнили, что это день коронованія Александра—столкновеніе пріятное для меня, ибо вы знаете, что замѣчаю такого рода обстоятельства. Время пояснитъ больше, а между тѣмъ спѣшу увѣдомить васъ, любезные друзья мои, что третьяго дня, т. е. 15-го октября получено здѣсь высочайшее разрѣшеніе о свободномъ выѣздѣ моемъ изъ Вятки. Губернаторъ только-что распечаталъ—тотчасъ прислалъ ко мнѣ эту бумагу чрезъ родственника своего, и вслѣдъ за тѣмъ онъ съ женою и родственницею въ великой радости пріѣхали поздравить. Надо сказать, что они очень привязаны къ намъ, любятъ насъ страстно и потому съ слезами радости обнимали и цѣловали насъ при этой вѣсти. Но чтобъ воспользоваться данною свободою, надо имѣть способы на выѣздъ и проживаніе, а этого не дано; и какъ я ихъ не имѣю, то и тронуться съ мѣста не могу и думать еще, и не знаю когда и какъ распоряжусь выѣздомъ; вѣроятнѣе всего, что этого скоро сдѣлать нельзя, если Господь не устроитъ особенно. Ну, вотъ вамъ новость моя, которую знаю, что вы примите съ полною теплотою сердца и любви. Жаль очень, что добрая Прасковья Петровна не можетъ эту вѣсть раздѣлить съ вами вмѣстѣ. Жаль, жаль намъ очень, что она такъ скоро должна была оставить домъ Куруты. Да какъ же вы это не сообразили прежде? Поспѣшили! Она сама писала уже объ этомъ къ намъ, назначивъ адресъ въ Москву къ Ивану Алексѣевичу. О, еслибъ только я получилъ достаточные способы, мы бы по смерть составляли одно семейство, ибо мы всѣ ее любимъ какъ родную и какъ добраго друга, и потому намъ очень прискорбно слышать о неудачѣ ея. Но будемъ надѣяться на милосердіе и попеченіе о насъ Отца небеснаго, который устроитъ все вѣроятно лучше нашего. Итакъ, до свиданія пріятнѣйшаго; а покуда письменно обнимаю и цѣлую васъ обоихъ крѣпко; жена и Вѣрочка также. Съ любовью преданный вашъ другъ А. Витбергъ.

Эпиграма на Карамзина.

Собравъ свои творенья мѣлки
Русакъ нѣмецкой ихъ назвалъ
«Мои бездѣлки»,
А умъ прочтя сказалъ:
Ни слова дива!
Лишь надпись.... справедлива.

Шатровъ.

Отвѣтъ.

Хоть я не умъ, но тожъ скажу три слова:
Коль разумъ въ образѣ Шатрова,
То Боже насъ избавь отъ разума такова!

Дмитріевъ.

Эпиграма на Хомутова. [1])

Дивлюся твоему уму и красотѣ,
Дивлюся Хомутовъ, что ты не въ хомутѣ.

Вас. Ханыковъ. [2])

Эпиграма на Ханыкова.

Пудъ самолюбія, полфунта острыхъ словъ,
Вотъ все, чѣмъ славится Василій Ханыковъ.

---

[1]) Хомутовъ Григорій Аполлоновичъ, генералъ-лейтенантъ.

[2]) Ханыковъ, Василій Васильевичъ, служилъ посланникомъ при разныхъ европейскихъ дворахъ. Л. М.

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ

въ

первой половинѣ XVIII вѣка.

VI.

Назначеніе Лопиталя посланникомъ въ Петербургъ.—Его характеристика.—Императрица Елисавета Петровна и ея дворъ.—Значеніе великой княгини Екатерины Алексѣевны.—Пріемъ ею Лопиталя.—Балъ во дворцѣ.—Молодой дворъ и его вліяніе на дѣла.—С. Понятовскій, посланникъ Польской республики при петербургскомъ дворѣ.—Умышленная медлительность главнокомандующаго Апраксина и заговоръ противъ него.—Принцъ Конти.—Его характеристика и интриги противъ Россіи.—Секретная переписка Людовика XV.—Посылка д'Эона въ Версаль.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу.—Двуличіе Людовика XV въ польскихъ дѣлахъ.—Дѣятельность французскаго посла въ Варшавѣ графа де-Брольи.—Отозваніе изъ Петербурга князя Понятовскаго.—Неудовольствіе въ Петербургѣ, вызванное медленностью дѣйствій Апраксина.—Письмо къ нему Бестужева.—Побѣда, одержанная русскими войсками при Гроссъ-Егерсдорфѣ.—Послѣдствія побѣды.—Пораженіе французовъ при Росбахѣ и Лиссѣ.—Отступленіе Апраксина.

Іоль, предоставленная коалиціей державъ Россіи въ борьбѣ съ прусскимъ королемъ, была чрезвычайно важная: русскія войска должны были появиться въ тылу прусской арміи, сражавшейся съ австрійцами, саксонцами, французами, и нанести Фридриху окончательный ударъ, если онъ будетъ побѣжденъ. Союзники возлагали большія надежды на численность и стойкость русскаго войска, но указывали на отсутствіе въ немъ искусныхъ генераловъ, не довѣряли ихъ способностямъ и вѣрности своему долгу. Опасались, что главнокомандующій, Степанъ Ѳедоровичъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, ноябрь 1897 г.

Апраксинъ, будучи сторонникомъ Бестужева и приверженцемъ Англіи, будетъ щадить прусскаго короля, явится слишкомъ поздно къ назначенному пункту и тѣмъ повредитъ успѣху кампаніи. Чтобы предупредить эту опасность, версальскому и вѣнскому дворамъ было необходимо дѣйствовать, не теряя времени; при этомъ главная роль принадлежала, разумѣется, Франціи, такъ какъ Елисавета Петровна не скрывала своей симпатіи къ французскому королю и даже выражала готовность слѣдовать во всемъ его совѣтамъ. Поэтому новый посланникъ, назначенный Людовикомъ XV къ петербургскому двору, являлся представителемъ интересовъ всѣхъ союзниковъ и ему предстояло добиться, чтобы русское войско было своевременно послано на театръ дѣйствій.

Но этотъ посланникъ заставилъ ждать себя цѣлый годъ. Назначенный въ іюнѣ мѣсяцѣ 1756 г., маркизъ Лопиталь прибылъ къ своему посту только въ іюнѣ 1757 г. Это былъ человѣкъ болѣзненный, одержимый подагрою, жаждавшій покоя. По лѣтамъ и недугамъ онъ совершенно не годился на такой постъ, гдѣ ему приходилось непрестанно вести борьбу.

Одаренный отъ природы довольно тонкой наблюдательностью, онъ быстро составлялъ себѣ сужденіе о людяхъ и выражалъ ихъ довольно остро и мѣтко, но его сужденія были всегда поверхностны; въ общемъ это былъ человѣкъ въ высшей степени привѣтливый, любезный, крайне либеральный, съ изысканными, непринужденными манерами, готовый подчинить свои личные интересы требованіямъ долга. Онъ былъ бы достойнымъ представителемъ Франціи при какомъ-нибудь маленькомъ германскомъ или итальянскомъ дворѣ, но перенесенный изъ Неаполя въ Россію, ко двору, гдѣ происходили въ то время всевозможныя интриги и козни, онъ не оказался на высотѣ своего призванія; у него не хватило энергіи и иниціативы въ тотъ моментъ, когда эти качества были особенно необходимы.

Въ Петербургѣ, въ 1757 г., иностранному посланнику приходилось играть двойственную роль. Вмѣсто одного двора, въ Россіи ихъ было два: дворъ царствующей императрицы и дворъ наслѣдника престола и его супруги. Каждый изъ нихъ держался особнякомъ, имѣлъ свои собственные взгляды, свою политику и одинаково вліялъ на ходъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого маркизу Лопиталю пришлось разобраться въ цѣломъ хаосѣ интригъ, разсѣять предубѣжденія, льстить страстямъ; ему было столь же необходимо заручиться симпатіями молодой четы, которая должна была со-временемъ вступить на престолъ, какъ и самой императрицы.

Семнадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Елисавета вступила на престолъ; она не была уже той пылкой и живой красавицей съ нѣсколько рѣзкими манерами, хотя и сохранила еще слѣды

прежней красоты; но она утратила прежнюю живость и энергію, а къ ея природнымъ качествамъ: уму, добротѣ, возвышенности чувствъ не присоединилось любви къ труду и къ серьезнымъ занятіямъ. Ея жизнь проходила въ непрестанной борьбѣ съ двумя врагами, отъ которыхъ она страдала въ послѣднее время; то были ея лѣта и недуги. Прежде всего и болѣе всего женщина, несмотря на свои 48 лѣтъ, она болѣе заботилась о томъ, чтобы нравиться, нежели объ управленіи государствомъ; появившаяся на лбу морщинка огорчала ее не менѣе, нежели пораженіе ея войскъ.

«Императрица, писалъ Лопиталь, не можетъ примириться съ постепеннымъ увяданіемъ своей красоты, которую она поддерживаетъ, насколько возможно, всевозможными ухищреніями искусства. Она употребляетъ на это бездну времени и бываетъ недоступна до тѣхъ поръ, пока ея туалетъ и уборъ не удостоится одобренія придворныхъ дамъ и ея собственнаго зеркала» [1]).

Часто хворая, она боялась за свою жизнь, совѣтовалась съ врачами, но не исполняла ихъ указанія; неспособная къ самому малѣйшему проявленію воли, она вела, несмотря на предостереженія докторовъ, бездѣятельную жизнь, которая еще болѣе ухудшала ея страданія и, поддерживая въ ней тревожное состояніе духа, тѣмъ самымъ увеличивала разстройство нервовъ.

Государыня не спала по ночамъ, рѣдко показывалась подданнымъ и жила затворницей въ своихъ покояхъ, окруженная немногими приближенными и слугами. Иногда, увлекшись желаніемъ повеселиться, она давала празднества и съ увлеченіемъ предавалась удовольствіямъ, до тѣхъ поръ, пока ей не измѣняли силы; продолжительные обмороки и сильные нервные припадки нерѣдко угрожали послѣ этого ея жизни. Придя въ себя, она подолгу молилась, прося у Бога помощи и исцѣленія.

Ближайшими совѣтниками императрицы были въ то время Воронцовъ и Шуваловъ. Совѣты графа Воронцова принимались государыней охотно, но, къ сожалѣнію, графъ не обладалъ достаточной энергіей, чтобы упрочить свое вліяніе; онъ былъ человѣкъ робкій и его даже пугала иногда милость, ему оказываемая. Графъ Шуваловъ представлялъ собою типъ русскаго сановника, только что вышедшаго изъ ничтожества; онъ подражалъ нравамъ, языку и изысканной вѣжливости западноевропейцевъ, выписывалъ изъ Парижа мебель и одежду, живо интересовался иностранными художниками и ему льстило названіе «русскаго мецената», которое ему давали.

Къ императрицѣ можно было имѣть доступъ только при посредствѣ

[1]) Лопиталь 10-го августа (н. ст.) 1758 г.

этихъ двухъ лицъ. Хотя она проявляла послѣднее время нѣкоторую самостоятельность въ дѣлахъ и настаивала болѣе энергично на тѣхъ принципахъ, которые составляли сущность ея личныхъ взглядовъ въ политикѣ, именно на болѣе тѣсномъ сближеніи съ Австріей и Франціей, и ея личное вліяніе на дѣла проявлялось иногда самымъ блестящимъ образомъ, но къ сожалѣнію она не была въ состояніи продолжительно слѣдить за дѣлами. Къ тому же ея нерѣшительность возрастала съ лѣтами; иной разъ она въ теченіе недѣли не рѣшалась подписать необходимой бумаги. Неудивительно, что по мѣрѣ того, какъ усиливались апатія и общее болѣзненное состояніе императрицы, при дворѣ возрастало вліяніе наслѣдника престола (великаго князя Петра Ѳедоровича) и его супруги, у которыхъ придворные всячески заискивали.

При молодомъ дворѣ безраздѣльно царствовала великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Своимъ умомъ, красотою и энергіей, очаровательная молодая женщина съумѣла сгруппировать вокругъ себя толпу приверженцевъ.

Когда Лопиталь явился первый разъ въ Лѣтній дворецъ, 10-го іюля н. ст. 1757 г., его приняла и привѣтствовала Екатерина. Дворъ былъ въ полномъ сборѣ и за отсутствіемъ императрицы великая княгиня занимала первое мѣсто. Окруженная блестящей свитою изъ 400 придворныхъ дамъ, она выслушала привѣтствіе французскаго посланника и любезно отвѣчала на него. Еще не стемнѣло, когда начался балъ; Екатерина подала руку маркизу и пригласила его протанцовать съ нею минуэтъ. Императрица все еще не появлялась; наконецъ, распахнулись двери внутреннихъ покоевъ и Елисавета Петровна вошла въ залу, окруженная двумя рядами блестящихъ мундировъ. На ней былъ эффектный парадный костюмъ. Высокаго роста, напудренная, въ большихъ фижмахъ и діадемѣ изъ драгоцѣнныхъ камней, она могла еще назваться красавицей: блескъ наряда увеличивалъ ея природную красоту. Позабывъ на короткое время свои страданія, съ улыбкою на устахъ, она обходила группы придворныхъ, обращаясь къ нимъ съ тою привѣтливостью и благосклонностью, которыя составляли ея отличительную черту. Когда маркизъ Лопиталь подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку, она дружески заговорила съ нимъ и выразила свое удовольствіе по поводу того, что она видитъ наконецъ при своемъ дворѣ посланника французскаго короля. Ея мысль тотчасъ перенеслась къ Людовику XV, она заговорила о немъ съ участіемъ, даже съ нѣжностью; получивъ незадолго передъ тѣмъ извѣстіе о злодѣйскомъ покушеніи Даміенса [1]), она выразила желаніе слышать всѣ подробности этого происшествія.

[1]) 5-го января (н. ст.) 1757 г. Даміенсъ нанесъ Людовику XV ударъ кинжаломъ въ тотъ моментъ, когда король садился въ карету во дворѣ Версальскаго замка, причинивъ ему легкую рану.

Ея присутствіе на балу было непродолжительно. Поднявшись на нѣсколько минутъ на хоры, чтобы съ грустью бросить оттуда взоръ на танцующихъ, коихъ удовольствіе императрица не могла раздѣлять, она удалилась въ свои покои. Хозяйкою вечера осталась Екатерина. За ужиномъ, къ которому былъ приглашенъ французскій посланникъ и весь дворъ, она сидѣла во главѣ стола и указала Лопиталю мѣсто по правую руку отъ себя и до конца вечера играла роль хозяйки, очаровавъ посланника своей остроумной бесѣдою [1]).

Великой княгинѣ, полумонархини, нужны были свои министры и фавориты; Елисавета Петровна оказывала довѣріе Воронцову, Екатерина приблизила къ себѣ Бестужева, имя котораго пользовалось еще извѣстнымъ обаяніемъ при дворѣ и въ войскѣ, хотя онъ уже не пользовался прежнимъ вліяніемъ. У Елисаветы былъ любимецъ Шуваловъ, у Екатерины—Понятовскій. Могъ ли кто-либо предугадать въ то время будущаго короля Польши въ этомъ красивомъ, 26-ти-лѣтнемъ молодомъ человѣкѣ. Назначенный по желанію великой княгини Екатерины Алексѣевны посланникомъ Польской республики при петербургскомъ дворѣ, Понятовскій игралъ видную роль въ политическомъ мірѣ.

Бестужевъ, Вилліамсъ и Понятовскій сдѣлались оракулами молодаго двора. Преданный Англіи, Бестужевъ продалъ, кромѣ того, свои услуги Фридриху II, не стѣсняясь запиской, составленной имъ противъ этого монарха нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

«Я старался, писалъ Вилліамсъ, привлечь канцлера на сторону короля прусскаго. Сначала онъ былъ непреклоненъ, но началъ сдаваться по мѣрѣ того, какъ я увеличивалъ размѣръ вознагражденія. Наконецъ, онъ протянулъ мнѣ руку, сказавъ: «съ этой минуты, я его другъ» [2]).

Чтобы доказать искренность своей преданности и заслужить свое жалованье, Бестужевъ старался поддержать въ великой княгинѣ симпатію къ Англіи и Пруссіи. До 1757 г. это ему вполнѣ удавалось.

Невольно рождается вопросъ, могла ли бы въ то время Франція съ своей стороны заручиться сочувствіемъ молодаго двора? Слѣпая преданность великаго князя Фридриху II, конечно, не допускала мысли о томъ, чтобы кто-либо могъ повліять на него въ этомъ смыслѣ; дѣло обстояло иначе относительно великой княгини. Она еще не успѣла въ то время выработать своей собственной политической системы, и стремилась къ власти инстинктивно, скорѣе изъ любви къ ней, нежели изъ желанія воспользоваться этой властью съ какой-либо опредѣленной цѣлью, поэтому ея образъ дѣйствій всецѣло могъ зависѣть отъ того лица, которое съумѣло бы пріобрѣсти на нее вліяніе. Если бы Франціи

---

[1]) Лопиталь, 27-го іюля (н. ст.) 1757 г. Также „La Messelière“, стр. 120 и сл.
[2]) Вилліамсъ, 28-го сентября (нов. ст.) 1756 года.

удалось измѣнить составъ ея приближенныхъ, то ея дѣло было бы выиграно.

Въ то самое время, когда маркизъ Лопиталь прибылъ въ Россію, сэръ Вилліамсъ выѣхалъ изъ Петербурга—Елисавета потребовала его отозванія. Французскій посланникъ, по желанію императрицы, помѣстился въ томъ домѣ, изъ котораго только что выѣхалъ англійскій посолъ [1]).

Бестужевъ, въ глубинѣ души, попрежнему оставался вѣренъ своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, но онъ скрывалъ свои «чувства», находя необходимымъ «плыть по теченію», какъ онъ говорилъ своимъ ближайшимъ друзьямъ.

Оставался одинъ Понятовскій, котораго Франціи было чрезвычайно важно привлечь на свою сторону. Собственно говоря, вся политика Екатерины и Понятовскаго сводилась къ тому, чтобы удержать послѣдняго въ Россіи; Екатерина прямо объявила, что будетъ поддерживать ту державу, которая своимъ вліяніемъ на Россію и Польшу съумѣетъ обезпечить дальнѣйшее пребываніе Понятовскаго въ Петербургѣ, гдѣ у него были враги; при томъ его не долюбливала сама императрица. Франціи слѣдовало не только не объявлять войны фавориту, но войти съ нимъ въ соглашеніе, стараться привязать его и, такимъ образомъ, найти путь къ сердцу Екатерины.

Было еще одно средство расположить къ себѣ молодой дворъ. Петръ и Екатерина искали денегъ. Австрія не пренебрегла ролью ихъ банкира, отнеслась къ нимъ какъ равный къ равному и обязалась, по особому соглашенію, заключенному съ ними, выдавать имъ ежегодно извѣстную субсидію. Лопиталю было приказано французскимъ правительствомъ сдѣлать подобное же предложеніе [2]). Въ инструкціяхъ, данныхъ этому посланнику, предлагалось, «сообразуясь во всемъ съ желаніями императрицы, стараться, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть какъ можно пріятнѣе великому князю и великой княгинѣ и внушить имъ чувства, соотвѣтствующія союзу, существующему между обѣими державами» [3]).

Двойственная игра, которую было поручено вести Лопиталю, въ надеждѣ на его ловкость и умѣнье, не была ему по вкусу и вовсе не соотвѣтствовала его способностямъ. Маркизъ не любилъ сложныхъ, запутанныхъ интригъ и не умѣлъ ихъ вести. «Свои собаки грызутся—чу-

---

[1]) La Messelière, стр. 21. „Елисавета Петровна выразила желаніе, чтобы французскій посланникъ оставилъ свой отель и занялъ домъ, въ которомъ жилъ сэръ Вилліамсъ. Этотъ домъ дѣйствительно былъ просторнѣе, красивѣе и лучше расположенъ".

[2]) Берни—Лопиталю 17-го іюля (н. ст.) 1757 г.

[3]) Инструкція, данная Лопиталю передъ его отъѣздомъ.

жая не приставай», говорилъ онъ, избѣгая вмѣшиваться въ чужія дѣла [1]). Онъ игнорировалъ умышленно добрую половину своихъ инструкцій и ограничился чисто пассивной ролью. Чрезвычайно довольный лестнымъ пріемомъ, который ему былъ оказанъ Елисаветою, онъ старался поддержать благосклонность къ нему императрицы, а въ отношеніи къ молодому двору ограничивался только должной вѣжливостью и допустилъ, чтобы враги Франціи удержали въ своемъ лагерѣ Екатерину и Понятовскаго. Такимъ образомъ, молодой дворъ продолжалъ держать сторону Англіи и Пруссіи; это дало себя особенно почувствовать въ главномъ штабѣ войскъ, которыя были двинуты въ Пруссію.

Мобилизованная съ большимъ трудомъ армія Апраксина умышленно шла впередъ какъ нельзя болѣе медленно, проходя въ день не болѣе двухъ-трехъ миль, тогда какъ ей слѣдовало идти съ удвоенной скоростью.

«Апраксинъ, писалъ о главнокомандующемъ англійскій посланникъ,— человѣкъ чрезмѣрно тучный, изнѣженный, лѣнивый и развратный» [2]); многіе прямо упрекали его въ трусости. Онъ никогда не видалъ вблизи непріятельской арміи и не особенно спѣшилъ помѣриться силами съ Фридрихомъ. Когда его войско уже выступило въ походъ, онъ все еще медлилъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Въ то время Елисавета была больна и ему не хотѣлось ѣхать въ армію, ибо онъ зналъ, что война непріятна молодому двору и канцлеру. Онъ даже присылалъ спрашивать великую княгиню—ѣхать ли ему или оставаться, и получилъ въ отвѣтъ, что если останется, то это будетъ знакомъ его преданности къ ней [3]). Между тѣмъ, необъяснимыя для постороннихъ лицъ проволочки русскаго генерала приводили въ отчаяніе сторонниковъ Франціи и смущали вѣнскій и версальскій кабинеты. Въ то же время нѣкоторые изъ сановниковъ, убѣжденные въ выгодахъ, которыя представлялъ союзъ съ Франціей, рѣшили добиться отставки неспособнаго Апраксина и составили съ этой цѣлью заговоръ. Лопиталь не только не принималъ въ этомъ заговорѣ ни малѣйшаго участія, но даже не подозрѣвалъ, что эти тайные происки едва не увѣнчались успѣхомъ въ то время, когда онъ прибылъ въ Россію. Личности, добивавшіяся устраненія Апраксина отъ командованія арміей, выражали желаніе, чтобы на его мѣсто былъ назначенъ принцъ Конти, извѣстный своей храбростью и энергіей, притомъ занимавшій столь высокое общественное положеніе, что его назначеніе командующимъ войсками ни въ комъ не могло бы возбудить зависти.

---

[1]) Лопиталь, 23-го мая (н. ст.) 1758 г.

[2]) Вилліамсъ, 18-го сентября (н. ст.) 1756 г.

[3]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 961 и 963.

Двоюродный братъ французскаго короля, принцъ Луи Конти, съ раннихъ лѣтъ создалъ себѣ выдающееся положеніе въ ряду принцевъ крови. Побѣда, одержанная имъ при Кони, когда ему было 27 лѣтъ отъ роду, доставила ему боевую славу. Съ тѣхъ поръ ему не приходилось участвовать въ сраженіяхъ, но онъ пріобрѣлъ извѣстность своимъ краснорѣчіемъ въ парламентѣ. Счастливыя природныя способности, развитыя серьезными научными занятіями, и живой умъ сулили ему блестящую будущность.

Несмотря на несходство характеровъ, Людовикъ XV былъ весьма друженъ съ принцемъ; подозрительный монархъ не любилъ ни съ кѣмъ разговаривать и ни съ кѣмъ не былъ откровененъ, но охотно бесѣдовалъ со своимъ кузеномъ о дѣлахъ государственныхъ и цѣнилъ его взгляды на дѣла внѣшней политики. Отличительною чертою принца Конти было безмѣрное честолюбіе. Увлекаясь несбыточными мечтами, онъ строилъ самые смѣлые планы и, стремясь осуществить ихъ, обратилъ свои взоры на Россію. Осенью 1741 года, когда Елисавета Петровна еще не вступила на престолъ, онъ послалъ въ Петербургъ тайнаго эмиссара д'Авена (d'Avesnes), поручивъ ему вывѣдать намѣренія великой княжны относительно брака и подготовить почву для оффиціальнаго, съ его стороны, предложенія. Д'Авенъ обратился къ великой княжнѣ черезъ служившую при ней француженку. Елисавета Петровна отозвалась о принцѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, но заявила о своемъ намѣреніи никогда не вступать въ бракъ, который лишилъ бы ее независимости.

Принцъ возобновилъ свое домогательство послѣ вступленія на престолъ Елисаветы; во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ сохранилось нѣсколько собственноручныхъ его записочекъ къ кардиналу Флёри [1]), котораго онъ просилъ содѣйствовать осуществленію его проекта, но Флёри принялъ эту просьбу въ шутку и оставилъ ее безъ послѣдствій. Несмотря на свою неудачу, Конти не терялъ Россіи изъ вида; въ 1745 году онъ писалъ д'Аллиону, прося его сообщить ему самыя точныя свѣдѣнія о состояніи русскаго двора. Д'Аллионъ отвѣчалъ обстоятельной запиской, въ которой, сдѣлавъ оцѣнку политическаго положенія Россіи, онъ сообщилъ ему многія пикантныя подробности о нравахъ, господствовавшихъ при русскомъ дворѣ [2]). Принужденный отказаться отъ своей мечты, принцъ былъ этимъ чрезвычайно огорченъ.

Въ это именно время прибыла изъ Варшавы въ Парижъ депутація польскихъ магнатовъ, имѣвшая цѣлью повидать принца Конти и предложить свое содѣйствіе къ избранію его на польскій престолъ. Одн-

---

[1]) Отъ 15-го и 27-го января (н. ст.) 1742 г. и пр.

[2]) Письмо д'Аллиона отъ 4-го января (н. ст.) 1746 г

наково враждебно настроенные къ Россіи и къ саксонской династіи поляки желали усиленія въ Польшѣ французской партіи и полагали, что кандидатура принца изъ дома Бурбоновъ будетъ залогомъ возрожденія ихъ отечества и ихъ собственнаго благополучія. Изложивъ принцу свои планы и соображенія, они особенно настаивали на томъ, что Франціи необходимо поддержать Польшу; роль, которую они сулили при этомъ самому принцу, была слишкомъ соблазнительна, чтобы онъ не заинтересовался ихъ проектомъ [1]).

Со свойственнымъ ему увлеченіемъ онъ тотчасъ перенесъ свои надежды съ Россіи на Польшу, сообщилъ королю о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ и просилъ у него дозволенія изъявить посланнымъ свое согласіе. Людовикъ XV понялъ, какую пользу онъ могъ извлечь изъ честолюбивыхъ плановъ своего двоюроднаго брата, поэтому рѣшилъ поощрять ихъ все время, пока продолжится война за Австрійское наслѣдство, дозволилъ принцу войти въ непосредственныя сношенія съ поляками и принимать ихъ тайныхъ эмиссаровъ. Послѣ заключенія мира король поручилъ ему вести, подъ величайшей тайной, агитацію, имѣвшую цѣлью возстановить вліяніе Франціи въ Турціи, Польшѣ и Швеціи и освободить эти державы изъ-подъ вліянія Петербурга и Вѣны. Избраніе принца Конти на польскій престолъ должно было служить наградою за его труды и дать естественнаго главу коалиціи державъ, долженствовавшей бороться противъ деспотизма Россіи [2]).

Принцъ Конти принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ дипломатической кампаніи, открывшейся противъ Россіи, орудіями которой служили французскіе посланники въ Швеціи, Польшѣ и Турціи, назначенные изъ числа его друзей, и коимъ онъ покровительствовалъ. Между ними и ихъ вліятельнымъ покровителемъ весьма естественно возникла переписка, которая велась безъ вѣдома статсъ-секретаря французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, но постоянно просматривалась самимъ королемъ. Такимъ образомъ, возникла секретная корреспонденція Людовика XV, такъ долго интриговавшая потомство [3]).

---

[1]) D'Argenson. Mémoires, т. V, стр. 48.

[2]) Correspondance secrète de Louis XV. Publiée par Boutaric d'après les originaux conservés aux Archives nationales. Paris 1863. T. II, стр. 404—405.

[3]) Оправдательная записка, представленная гр. де-Брольи послѣ кончины Людовика XV, напечатана у Бутарика въ „Correspondance secrète", II, стр. 460. Инструкціи, которыя посылались отъ имени короля посланникамъ, ихъ отвѣты, собственноручныя письма Людовика XV, словомъ всѣ документы, относящіеся до этой секретной корреспонденціи, хранятся въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Большая часть документовъ, относящихся до секретной корреспонденціи съ Россіей, изъ коей здѣсь приводятся многія выдержки, за весьма малыми исключеніями, не были до сихъ поръ изданы.

Такъ протекло около десяти лѣтъ. Въ 1756 году принцъ Конти оставилъ на время свои притязанія на польскій престолъ и въ его душѣ возгорѣлись давно забытыя мечты. Онъ снова обратилъ свои взоры на Россію и вновь искалъ сближенія съ Елисаветой Петровной. Если она отказалась раздѣлить съ нимъ русскій престолъ, то она располагала другой, хотя менѣе блестящей, короной, которую она могла предоставить ему, если бы пожелала—она владѣла герцогствомъ Курляндскимъ. Конти надѣялся, что Елисавета дастъ ему инвеституру на это герцогство и тѣмъ предоставитъ ему мѣсто среди коронованныхъ особъ, что составляло его всегдашнюю мечту. Впрочемъ, скромное герцогство не вполнѣ удовлетворяло ненасытное честолюбіе принца, онъ мечталъ добиться одновременно командованія русскими войсками, дѣйствовавшими противъ Пруссіи со званіемъ генералиссимуса. Получивъ возможность выказать свои военныя дарованія, онъ собирался помѣриться силами съ первымъ полководцемъ своего времени и, вступивъ побѣдителемъ въ Берлинъ, получить въ этомъ городѣ корону Польши изъ рукъ благодарныхъ Австріи и Россіи.

Когда императрица Елисавета обратилась, въ 1755 году, къ французскому двору съ предложеніемъ заключить союзъ, и Людовикъ XV затруднялся въ выборѣ лица, на которое можно было бы возложить это порученіе, то его вывелъ изъ затрудненія принцъ Конти, рекомендовавъ ему для этой цѣли одного изъ своихъ protégés, сера Макензи Дугласа, дипломатическая миссія котораго увѣнчалась, какъ мы видѣли, полнымъ успѣхомъ. Онъ получилъ инструкціи не только изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но также изъ отеля du Temple, въ которомъ обиталъ Конти; по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ велъ съ нимъ секретную корреспонденцію, въ которую былъ посвященъ молодой д'Эонъ. Король не только зналъ объ этой перепискѣ, но даже прочитывалъ всѣ письма Дугласа.

Живя въ Петербургѣ, Дугласъ не позабылъ возложеннаго на него секретнаго порученія и вскорѣ порадовалъ принца Конти пріятными извѣстіями. Не довѣряя способностямъ своихъ генераловъ и подчиняясь совѣтамъ Воронцова, Елисавета была готова ввѣрить командованіе войсками принцу, человѣку испытанной энергіи и доблести. Подписавъ, въ началѣ 1757 года, актъ о присоединеніи Россіи къ союзному договору, заключенному Франціей съ Австріей, Елисавета Петровна намѣревалась начать съ Людовикомъ XV переговоры о способахъ выполненія этого договора, когда въ Петербургѣ было получено упомянутое нами выше письмо отъ французскаго короля къ «его дорогой сестрѣ и другу» касательно подписанной Дугласомъ секретной декларації. Въ этомъ письмѣ король упоминалъ не только о туркахъ, прося пощадить ихъ, но, вспомнивъ весьма кстати о дружескомъ расположеніи, какое оказывала ему

постоянно Елисавета, онъ предлагалъ ей вести съ нимъ личную, интимную переписку, цѣль которой была бы упрочить союзъ между ихъ державами. Людовикъ называлъ это «proposer un petit commerce» [1]). Необходимо припомнить, что это письмо было написано королемъ по совѣту и настоянію статсъ-секретаря Рулье и что Людовикъ послалъ его къ Рулье незапечатаннымъ. Но, дѣйствуя, по обыкновенію, не вполнѣ искренно, оставаясь вѣренъ своему всегдашнему недовѣрію къ своимъ оффиціальнымъ совѣтникамъ, подозрительный монархъ тогда же сообщилъ Дугласу, секретно, черезъ Терсье, свои истинныя намѣренія относительно помянутой корреспонденціи, а именно—онъ желалъ, чтобы переписка шла исключительно при посредствѣ Дугласа и Воронцова и оставалась тайною для статсъ-секретаря Рулье [2]).

Еще болѣе удивительно, что онъ предписывалъ Дугласу соблюдать тайну даже по отношенію къ принцу Конти, который до тѣхъ поръ пользовался его полнымъ довѣріемъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что между Людовикомъ и принцемъ Конти произошло въ это время охлажденіе, вслѣдствіе того, что принцъ отказался подчиниться нѣкоторымъ требованіямъ фаворитки, г-жѣ Помпадуръ. 29-го (18-го) января 1757 года король писалъ Терсье, что «при томъ положеніи, въ какое себя поставилъ принцъ Конти, корреспонденція съ Россіей не можетъ долѣе идти черезъ его руки».

Такимъ образомъ, между Парижемъ и Петербургомъ завязалась въ это время троякаго рода, совершенно независимо одна отъ другой, корреспонденція: принцъ Конти продолжалъ посылать письменныя инструкціи Дугласу, послѣдній получалъ приказанія непосредственно отъ самого короля и, наконецъ, Людовикъ XV предложилъ Елисаветѣ Петровнѣ вести съ нимъ секретную и безпосредственную переписку, которая началась, однако, какъ увидимъ, только годъ спустя.

Императрица и графъ Воронцовъ не подозрѣвали мелочныхъ интригъ, происходившихъ въ это время въ версальскомъ дворцѣ между фавориткою короля и его ближайшими совѣтниками. Тѣмъ не менѣе, ихъ удивило, что Людовикъ XV не довѣрилъ тайну секретной корреспонденціи принцу Конти, своему любимцу; поэтому Елисавета Петровна рѣшила изъявить свое согласіе на назначеніе принца главнокомандующимъ русскими войсками не иначе, какъ съ одобренія французскаго короля. Графу Воронцову велѣно было разузнать, дастъ ли Людовикъ XV, какъ монархъ и глава королевскаго дома, своему двоюродному брату позволеніе принять командованіе русской арміей.

---

[1]) Correspondance secrète de Louis XV. Le roi à Tercier 24-го февраля 1757 г. Boutaric I, 219.

[2]) Mémoire de Tercier.

Воронцовъ не рѣшался довѣрить это важное письмо почтѣ, за которой постоянно слѣдили и съ которой обращались довольно безцеремонно полицейскіе агенты его коллеги—Бестужева; онъ сталъ подыскивать надежнаго и ловкаго человѣка, которому можно было бы вполнѣ довѣрить; его выборъ палъ на молодаго человѣка, котораго во французскомъ посольствѣ и во дворцѣ называли не иначе какъ «маленькій д'Эонъ».

Д'Эонъ находился уже цѣлый годъ въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ скорѣе въ качествѣ туриста и писателя, нежели дипломата. Желая изучить Россію преимущественно со стороны бытовой и художественной, онъ разсчитывалъ, благодаря своему оффиціальному званію, проникнуть во многія мѣста, недоступныя простымъ путешественникамъ, между прочимъ въ оффиціальные кружки и вернуться въ Парижъ съ какимъ нибудь пикантнымъ описаніемъ нравовъ Россіи, которая представлялась французамъ страною любопытной и мало-извѣстной. Однако, проживъ въ Россіи нѣсколько мѣсяцевъ, д'Эонъ измѣнилъ свое намѣреніе. Поработавъ подъ руководствомъ Дугласа надъ щекотливыми дипломатическими переговорами и надъ секретной перепиской, онъ пристрастился къ дѣламъ, рѣшилъ окончательно посвятить себя дипломатической карьерѣ, надѣясь обратить особое вниманіе своего министерства обширнымъ трудомъ о политическомъ состояніи Россіи и о тайнахъ ея правительства, надъ которымъ онъ работалъ [1]).

Занимаясь научными трудами, молодой человѣкъ не пренебрегалъ въ то же время и свѣтскими удовольствіями. Сначала онъ привелъ въ восторгъ, а затѣмъ заинтриговалъ своей личностью весь дворъ. Его бойкій умъ и самоувѣренныя манеры не соотвѣтствовали его женственной наружности и скромности, которая всѣхъ поражала, при разнузданности общества въ XVIII вѣкѣ. Съ мужчинами д'Эонъ былъ веселъ и оживленъ; смѣлый наѣздникъ онъ прекрасно владѣлъ оружіемъ и былъ весьма самолюбивъ въ вопросахъ чести; съ женщинами онъ былъ вѣжливъ, любезенъ—и только; въ общемъ, онъ производилъ впечатлѣніе личности довольно загадочной. Его пріятная бесѣда и личныя качества дѣлали его всюду желаннымъ гостемъ; онъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ въ кругу придворныхъ фрейлинъ; быть можетъ какое нибудь пикантное приключеніе или совершенное въ шутку переодѣваніе послужили поводомъ къ легендѣ, въ которой д'Эонъ охотно признавалъ себя впослѣдствіи героемъ. Благодаря удивительному счастью, легкіе успѣхи д'Эона въ обществѣ не вредили его репутаціи серьезнаго и дѣльнаго молодаго человѣка. Бестужевъ побаивался его, а Воронцовъ, въ домѣ котораго онъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ, удостоивалъ его особымъ довѣріемъ. Весною 1757 г., услыхавъ, что д'Эонъ отправляется во Фран-

[1]) Корреспонденція д'Эона съ Терсье, 1-го янв. (н. ст.) 1757 г.

цію по дѣламъ службы, Воронцовъ поручилъ ему, подъ величайшей тайной, повидать принца Конти и предложить ему герцогство Курлянское и командованіе русской арміей, если на это послѣдуетъ согласіе короля.

До тѣхъ поръ Елизавета Петровна мало интересовалась д'Эономъ; но она выразила одобреніе по поводу выбора, сдѣланнаго графомъ Воронцовымъ.

— Когда уѣзжаетъ секретарь г. Дугласа? спросила она нѣсколько дней спустя и велѣла передать ему отъ своего имени 300 дукатовъ.

Д'Эонъ, человѣкъ не богатый, былъ въ восторгѣ отъ этой высочайшей милости; въ своихъ письмахъ къ Дугласу, съ дороги, онъ неоднократно выражаетъ свое удовольствіе по этому поводу и упоминаетъ о томъ, что это была первая милость, оказанная ему государыней. Этими словами еще разъ опровергается роль, приписанная ему извѣстной легендой въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Франціей, ибо въ противномъ случаѣ Елизавета конечно не преминула бы вознаградить его за эту услугу съ своей обычной щедростью.

«Сидя вчера въ моей дорожной каретѣ и предаваясь мечтамъ, писалъ д'Эонъ изъ Риги, я говорилъ самъ себѣ вслухъ: съ той поры какъ я живу на свѣтѣ, я жилъ всегда на свой счетъ, я не получалъ денегъ ни отъ министровъ, ни отъ вельможъ, хотя знаю многихъ изъ нихъ. Какъ лестно для меня, что я могу вписать въ свое завѣщаніе слѣдующія слова: моя философія заставляла меня всегда избѣгать тѣхъ случаевъ, когда можно было заработать деньги; мой добрый геній заставилъ кавалера Дугласа узнать и полюбить меня; онъ перенесъ меня въ новый міръ, который заставилъ меня позабыть все прежнее, и въ этомъ новомъ мірѣ, проникнутый чувствомъ долга и съ почтительной признательностью, я принялъ благодѣяніе отъ императрицы всея Россіи. Я считаю эту эпоху счастливѣйшей въ моей жизни, и если когда либо буду вынужденъ жениться, то передамъ это воспоминаніе своему маленькому потомству. Но уже одно слово — потомство пугаетъ меня, скромнаго философа, ибо я слишкомъ презираю жизнь, чтобы передать ее другому существу. Я найду въ своей литературной карьерѣ тысячу случаевъ воспѣть добродѣтель, величіе и щедрость ея императорскаго величества и мои похвалы, будучи нелицепріятны, будутъ сочтены истинными и заслужатъ болѣе вѣры у потомства» [1]).

Пріѣхавъ въ Парижъ, д'Эонъ первымъ дѣломъ хотѣлъ исполнить порученіе къ принцу Конти, но прежде нежели отправиться въ отель du Temple онъ заѣхалъ къ Терсье. Съ первыхъ же его словъ д'Эонъ понялъ, что ссора, происшедшая между Людовикомъ XV и его двоюроднымъ братомъ, обязывала его дѣйствовать какъ можно осторожнѣе;

[1]) Письмо д'Эона изъ Риги Дугласу отъ 21-го апрѣля (н. ст.) 1757 г.

принцъ Конти не былъ болѣе посвященъ въ тайну секретной корреспонденціи короля и слишкомъ горячее участіе къ его интересамъ могло не понравиться монарху. Поведеніе д'Эона въ этомъ случаѣ было въ высшей степени корректно. Онъ далъ понять Терсье, что намѣренъ исполнить свое порученіе не иначе какъ съ согласія и дозволенія короля.

Людовикъ далъ это позволеніе крайне неохотно.

«Такъ какъ г. д'Эону, писалъ онъ Терсье, поручено графомъ Воронцовымъ лично повидать принца Конти, то онъ долженъ его увидѣть, но пусть онъ сообщитъ вамъ въ точности отвѣтъ принца» [1]).

Предложенія, переданныя д'Эономъ принцу Конти, были имъ приняты съ восторгомъ. Сблизиться вновь съ королемъ, заставить его позабыть прошлое и заручиться его дозволеніемъ на принятіе предложеній императрицы—такова была съ этого момента единственная мечта принца Конти. Но онъ не принялъ въ разсчетъ извѣстную злопамятность Людовика XV, которую поддерживала оскорбленная принцемъ фаворитка. Король не простилъ своему бывшему любимцу того, что онъ на него «дулся» [2]). Переговоры между ними продолжались два мѣсяца, съ конца іюля по конецъ сентября, при посредничествѣ Терсье, который то и дѣло разъѣзжалъ изъ Версаля въ отель Temple и въ l'Isle-Adam, лѣтнюю резиденцію принца Конти. Отъ него Терсье доставлялъ королю объемистые пакеты, привозя ему въ отвѣтъ отъ короля лаконическія записочки [3]). Людовикъ XV обѣщалъ дать свое согласіе, когда дѣло будетъ окончательно улажено, а до тѣхъ поръ не хотѣлъ помочь принцу ни словомъ, ни строчкой, которая могла бы быть принята за согласіе съ его стороны и была бы въ состояніи разсѣять сомнѣнія Елисавета Петровны. Онъ объяснялъ это необходимостью убѣдиться сначала въ намѣреніяхъ Россіи и боязнію скомпрометировать себя.

— Если русская императрица дѣйствительно предложитъ принцу Конти принять командованіе ея войсками, говорилъ онъ, и пожелаетъ дать ему Курляндію, въ ожиданіи лучшаго, то я буду этимъ весьма доволенъ, но въ настоящее время я не могу принять въ этомъ дѣлѣ непосредственнаго участія; я ограничусь пока тѣмъ, что не буду противъ этого и дамъ свое согласіе, когда за нимъ будетъ остановка [4]).

Нѣсколько дней спустя онъ подтвердилъ свои слова: «Когда я буду имѣть нравственную увѣренность въ томъ, что русская императрица готова ввѣрить принцу Конти командованіе войскомъ, писалъ

---

[1]) Correspondance secrète de Louis XV. Король—Терсье 20-го іюля (н. ст.) 1757 г., напеч. у Boutaric'a т. I, стр. 222.

[2]) Король графу де Брольи, 21-го декабря (н. ст.) 1756 г.

[3]) Письма принца Конти къ Терсье 1757.

[4]) Король къ Терсье 15-го сентября (н. ст.) 1757 года. Boutaric I, 224.

онъ Терсье, и предоставить ему Курляндію, я дамъ на это свое согласіе и разрѣшеніе, котораго отъ меня требуютъ. До тѣхъ поръ я не могу на это согласиться, боясь сдѣлать ложный шагъ, который скорѣе повредитъ намъ, нежели принесетъ пользу» [1]).

Рѣшеніе короля было неизмѣнно; Конти поневолѣ пришлось отпустить д'Эона съ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, что въ свою очередь неизбѣжно должно было повести къ прекращенію всякихъ переговоровъ между нимъ и петербургскимъ дворомъ. Людовикъ XV выразилъ желаніе прочитать отвѣтное письмо принца и нашелъ, что въ немъ «нельзя было ничего ни убавить ни прибавить» [2]).

Неудача, постигшая планы принца Конти, нанесла непоправимый ущербъ дѣлу коалиціи.—Апраксинъ никакъ не могъ разстаться съ русской границей и, повинуясь внушеніямъ своихъ петербургскихъ покровителей, дѣйствовалъ наперекоръ требованію союзныхъ державъ.

Согласно плану военныхъ дѣйствій, утвержденному державами съ вѣдома и согласія Варшавскаго правительства, русскія войска должны были выступить изъ Смоленска къ Двинѣ, оттуда черезъ Вильно къ Нѣману въ Восточную Пруссію, въ то время какъ другой корпусъ предполагалось двинуть на Варшаву, чтобы угрожать Силезіи или Бранденбургу. Но эти планы остались въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мертвою буквою, главнокомандующій никакъ не рѣшался перейти границу и вступить въ прусскія владѣнія какъ слѣдовало согласно обязательству, принятому на себя Россіей. Онъ не торопился походомъ и ограничился тѣмъ, что вступилъ на польскую землю.

Восьмидесяти-тысячный корпусъ русскихъ войскъ велъ себя въ Польшѣ какъ въ странѣ завоеванной. Реквизиціи, злоупотребленія властью со стороны начальствующихъ лицъ, военныя экзекуціи—все это пришлось испытать полякамъ со стороны союзниковъ. Этотъ порядокъ вещей грозилъ затянуться на долго, такъ какъ русскіе устраивали въ Польшѣ магазины и располагали тамъ свои гарнизоны. Незаконные поборы вывели изъ себя поляковъ; многочисленная, такъ называемая патріотическая партія предлагала принять самыя энергичныя мѣры; дѣло было близко къ возстанію. Во время политическихъ кризисовъ, которые переживала эта страна, патріотическая партія имѣла обыкновеніе обращаться за помощью и содѣйствіемъ къ французскому посланнику въ Варшавѣ и встрѣчала обыкновенно съ его стороны поддержку и поощреніе. Могъ ли этотъ посланникъ, при существовавшихъ обстоятельствахъ, отнестись къ жалобамъ поляковъ съ прежнимъ вниманіемъ?

---

[1]) Письмо къ Терсье отъ 21-го сентября (н. ст.).

[2]) Correspondance secrète. Людовикъ XV къ Терсье 2-го сентября (н. ст.) 1757 г. Boutaric I, 225.

Рѣшившись слѣдовать новой системѣ, которая привела къ заключенію двухъ Версальскихъ трактатовъ съ Австріей и заставила его согласиться на присоединеніе къ этимъ важнымъ дипломатическимъ актамъ петербургскаго двора, Людовикъ XV понималъ, что первымъ условіемъ прочнаго союза съ Россіей было отреченіе отъ какого бы то ни было участія въ польскихъ дѣлахъ. Какъ ни была тяжка для самолюбія короля необходимость пожертвовать старинными союзниками, на это надобно было рѣшиться, иначе Франціи угрожали въ будущемъ безчисленныя затрудненія. Будучи союзницей Россіи, Франціи немыслимо было поддерживать антирусскую партію въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что Россія, не думая въ то время присоединять Польшу къ своимъ владѣніямъ, не допускала однако мысли, чтобы какая нибудь другая держава пріобрѣла на нее преобладающее вліяніе.

— Къ чему вамъ мѣшаться въ наши распри съ поляками, говорили французамъ министры Елисаветы Петровны, когда мы ни мало не заботимся о распряхъ, которыя вы можете имѣть съ швейцарскими кантонами.

Если французскій король, изъ чувства человѣколюбія, готовъ былъ смягчить страданія поляковъ во время оккупаціи ихъ страны русскими войсками, то ему слѣдовало дѣйствовать крайне осторожно и, не разжигая взаимной вражды между поляками и русскими, ограничиться дружественными представленіями по адресу русскаго правительства.

Министры Людовика XV вполнѣ понимали необходимость слѣдовать сдержанной и миролюбивой политикѣ; аббатъ Берни, ставшій съ конца іюня 1757 г. во главѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, придавалъ чрезвычайно важное значеніе главной цѣли, которую преслѣдовали державы, заключая союзъ, т. е. униженію Пруссіи, поэтому всякія иныя соображенія блѣднѣли передъ этимъ въ его глазахъ. Но французскій король и тутъ дѣйствовалъ втайнѣ наперекоръ своимъ министрамъ, придерживаясь тѣхъ принциповъ, которые руководили всей его политикой, начиная съ 1748 г., т. е. враждебнымъ отношеніемъ къ обоимъ императорскимъ дворамъ и преимущественно къ петербургскому. Не имѣя смѣлости дѣйствовать прямо и рѣшительно, что составляло главный недостатокъ его характера, Людовикъ XV самъ противодѣйствовалъ втайнѣ той политической системѣ, которой онъ держался оффиціально. Допустивъ временно союзъ съ Россіей и согласившись воспользоваться войскомъ Елисаветы Петровны, чтобы наказать Фридриха, онъ не отказался вмѣстѣ съ тѣмъ отъ мысли противодѣйствовать Россіи въ Польшѣ и не хотѣлъ отказаться отъ присвоеннаго имъ права быть верховнымъ покровителемъ Польской республики.

Французскимъ посланникомъ въ Варшавѣ былъ въ то время герцогъ де-Брольи, возвратившійся, по приказанію короля, къ своему посту изъ довольно продолжительнаго отпуска, 1-го іюля (н. ст.) 1757 г., въ тотъ

ный моментъ, когда русскіе батальоны дошли до береговъ Нѣмана.

первый взглядъ кажется страннымъ, что Франція, которой слѣдо-
ло бы по меньшей мѣрѣ быть внимательной къ петербургскому двору,
слала въ Польшу дипломата, прославившагося своимъ антагонизмомъ
Россіи. Еще болѣе удивительно содержаніе секретныхъ инструкцій,
ных ему Людовикомъ XV; ему было предписано «обращать пред-
итительное вниманіе на интересы Польши въ томъ случаѣ, если ока-
гся невозможнымъ согласовать осторожность, которую приходилось
блюдать по отношеніи къ Россіи, съ тѣми чувствами, какія король
галъ постоянно къ Польшѣ» [1]).

Отъ министра иностранныхъ дѣлъ графъ де-Брольи получилъ
къ разъ противоположныя приказанія: ни мало не колеблясь, онъ
шилъ дѣйствовать наперекоръ имъ, сообразуясь вполнѣ съ приказа-
ми самого монарха. Вернувшись въ Польшу онъ принялъ на себя
ль мстителя за обиды, нанесенныя Польшѣ, и не только выслушивалъ,
даже «вызывалъ» жалобы поляковъ [2]), передавалъ ихъ королю, при-
авляя ядовитыми комментаріями и диктуя угрожающія ноты по
ресу петербургскаго кабинета. Ему удалось этимъ задержать движе-
е русскихъ войскъ, которыя шли впередъ съ величайшей осторож-
стью, опасаясь возстанія, и дали такимъ образомъ пруссакамъ время
ганизовать свои силы. Де-Берни старался умѣрить непонятный для
го задоръ французскаго посланника, а Терсье со своей стороны по-
дрялъ графа къ подобному образу дѣйствій отъ имени короля [3]); мало
го, обязанный по своему служебному положенію редактировать
фиціальную корреспонденцію, онъ старался, въ просматриваемыхъ
имъ депешахъ, если не извратить, то по крайней мѣрѣ ослабить при-
занія министра иностранныхъ дѣлъ.

«Я постараюсь, сообщалъ онъ графу, не писать вамъ ничего, что
ротиворѣчило бы повелѣніямъ короля, дабы вамъ было удобнѣе дѣй-
вовать» [4]).

Де-Брольи не ограничился тѣмъ, что онъ указывалъ съ запальчи-
стью на безпорядки и злоупотребленія оккупаціонной арміи; узнавъ
томъ, что Россія, въ случаѣ кончины Августа III, намѣрена предло-
ить сейму избрать его старшаго сына, онъ старался возстановить
ротивъ этой кандидатуры все польское дворянство, агитируя вмѣстѣ
ъ тѣмъ въ пользу втораго сына короля. Наконецъ аббатъ Берни поте-
ялъ всякое терпѣніе и сдѣлалъ посланнику строгій выговоръ.—Брольи
отчасъ написалъ королю, прося его подтвердить или отмѣнить полу-

[1]) Correspondance secrète. 1757 г.
[2]) Secret du Roi, I, 257.
[3]) Correspondance secrète Терсье къ Брольи 2-го декабря (н. ст.) 1757 г.
[4]) Тамъ-же. Письмо отъ 21-го октября (н. ст.) 1757 г.

ченныя имъ секретныя инструкціи [1]). Положеніе Людовика XV было въ высшей степени затруднительно; онъ опасался, чтобы его тайна не была обнаружена, и поэтому рѣшилъ отмалчиваться.

«Весьма жаль, писалъ графъ къ Терсье, что его величество не можетъ удѣлить хотя бы $^1/_4$ часа въ день на дѣла».

Этимъ не ограничилась непослѣдовательность французской политики. Въ то время какъ Лопиталю велѣно было дѣйствовать въ Петербургѣ какъ можно осмотрительнѣе относительно великой княгини Екатерины Алексѣевны и ея фаворита Понятовскаго, въ Варшавѣ графъ Брольи всѣми силами старался добиться отозванія изъ Петербурга молодаго посланника, полагая, что его присутствіе при дворѣ, какъ племянника Чарторыйскихъ, стоявшихъ во главѣ русской партіи, угрожаетъ опасностью свободѣ Польши. Графъ дѣйствовалъ такъ настойчиво и искусно, что ему удалось на этомъ настоять. Можно себѣ представить какъ отнеслась къ этому извѣстію великая княгиня Екатерина Алексѣевна и какъ она возненавидѣла виновниковъ ея огорченія. Этой двойственной и необдуманной политикой Франція выказала себя вѣроломной союзницей и давала своимъ противникамъ въ руки оружіе противъ себя.

Между тѣмъ въ Петербургѣ были чрезвычайно недовольны дѣйствіями фельдмаршала Апраксина. Канцлеръ Бестужевъ, значеніе котораго въ это время видимо падало, опасаясь что враги припишутъ его внушеніямъ медленность фельдмаршала, убѣдилъ великую княгиню Екатерину написать ему собственноручное письмо, въ которомъ она просила Апраксина болѣе не медлить [2]). Дѣлать было нечего. 17 мая 1757 г. Апраксинъ перешелъ Литовскую границу, и несмотря на то что 19 іюня почти вся армія была за Нѣманомъ, фельдмаршалъ все еще медлилъ вступить въ прусскія владѣнія. 15 (26) іюля Бестужевъ писалъ ему:

«Безпредѣльная моя къ вашему превосходительству откровенность не позволяетъ мнѣ отъ васъ скрыть, коимъ образомъ здѣсь генерально весьма сожалѣютъ, что недостатокъ провіанта вашему превосходительству воспрепятствовалъ въ непріятельскую землю и въ дѣло съ нимъ до сихъ поръ вступить, которымъ обстоятельствомъ г. Левальдъ [3]) пользуясь, уже ретироваться началъ. Сіе сожалѣніе умножается еще и тѣмъ опасеніемъ, чтобъ онъ между тѣмъ и совсѣмъ не ушелъ, что было бы такою утратою, которая завоеваніемъ Кенигсберга и цѣлой

---

[1]) Correspondance secrète. Брольи королю, 5-го сентября (н. ст.) 1757 г.
[2]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 287.
[3]) Прусскій фельдмаршалъ.

Пруссіи награждена быть не могла-бъ и отчего Богъ знаетъ какія толкованія произошли-бъ» [1]).

Недовольствуясь личнымъ со своей стороны внушеніемъ, Бестужевъ, будучи въ Царскомъ Селѣ, просилъ государыню, для побужденія фельдмаршала къ скорѣйшему маршу и операціямъ, хотя строчки двѣ высочайшею своею рукою отписать.

«Ея императорское величество вышедъ въ залу, передаетъ Бестужевъ Апраксину въ томъ же письмѣ, за отсутствіемъ другихъ, ко мнѣ, къ князь Никитѣ Юрьевичу, къ Александру Борисовичу и къ князь Михаилу Михайловичу съ великимъ неудовольствіемъ отзываться изволила, что ваше превосходительство такъ долго въ Польшѣ мѣшкаетъ» [2]).

Три дня спустя, 18 (29) іюля, канцлеръ вновь писалъ Апраксину: «Должность истинно преданнаго друга требуетъ отъ меня вашему превосходительству хотя съ крайнимъ сожалѣніемъ и въ такой же конфиденціи не скрыть, что, несмотря на всю строгость изданнаго въ народъ въ вашу пользу запретительнаго указа [3]), медлительство вашего марша, слѣдовательно и военныхъ операцій, начинаетъ здѣсь уже по всему городу вашему превосходительству весьма предосудительныя разсужденія производить, кои даже до того простираются, что награжденіе обѣщаютъ, кто бы россійскую пропавшую армію нашелъ».

Такъ какъ подобныя превратныя толкованія могли повредить доброму имени Апраксина, то Бестужевъ совѣтовалъ ему, «преодолѣвая по возможности случающіяся трудности, маршемъ и операціями ускорять и тѣмъ самымъ выше изображенныя толкованія пресѣчь и всѣмъ ротъ запереть» [4]).

20-го іюля главная армія перешла наконецъ прусскія границы и послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ съ непріятелемъ вступила съ нимъ въ сраженіе при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфѣ, на берегахъ Прегеля, гдѣ одержала побѣду надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ. Въ этомъ жаркомъ и кровопролитномъ дѣлѣ пруссаки потеряли до 5.000 убитыми; потеря русскихъ была не менѣе велика, но благодаря своему численному превосходству они остались хозяевами на полѣ битвы.—Къ сожалѣнію Апраксинъ не воспользовался своей побѣдой и, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать разбитаго непріятеля, онъ, какъ будто раскаяваясь или извиняясь въ невольно имъ одержанной побѣдѣ, не только переправился обратно черезъ Прегель, но пере-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. 4, стр. 95.

[2]) Тамъ же стр. 96.

[3]) Этимъ указомъ воспрещалось критиковать дѣйствія арміи и главнокомандующаго.

[4]) Архивъ князя Воронцова, кн. 4, стр. 97.

шелъ обратно Нѣманъ и очистилъ Пруссію [1]). Посылая въ Петербургъ журналъ военнаго совѣта, на которомъ было рѣшено отступить за Нѣманъ [2]), Апраксинъ объяснялъ свое отступленіе тѣмъ, что суровое время года и недостатокъ провіанта и фуража, изнуренная кавалерія и изнемогшая пѣхота были главными причинами, которыя побудили его на отступленіе.

Непонятное поведеніе Апраксина до сихъ поръ не вполнѣ выяснено; былъ ли причастенъ въ послѣднемъ его рѣшеніи Бестужевъ или нѣтъ, опредѣлить трудно, такъ какъ всѣ бумаги, касающіяся до плановъ канцлера, были имъ сожжены. Зная, что великій князь Петръ Ѳедоровичъ дружески расположенъ къ Фридриху и что великая княгиня была также на его сторонѣ, Апраксинъ быть можетъ самъ отъ себя рѣшился внезапно отступить послѣ побѣды, такъ какъ въ это время имъ было получено отъ друзей извѣстіе, что императрица безнадежно больна. Отступая, Апраксинъ, думалъ вѣроятно сдѣлать угодное великому князю и не заботился о томъ, что онъ подвергнетъ этимъ русское войско горькимъ упрекамъ и насмѣшкамъ союзниковъ. Можно также предположить, что Бестужевъ, для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ, нуждался въ присутствіи войскъ въ столицѣ, ибо здоровье государыни все слабѣло [3]). Но какъ бы то ни было, получивъ отъ Апраксина извѣстіе объ одержанной имъ побѣдѣ и одновременно объ его отступленіи, канцлеръ чрезвычайно обезпокоился и, желая вѣроятно выгородить себя и снять съ себя всякій упрекъ въ томъ, что онъ хотя сколько нибудь виновенъ въ этомъ отступленіи [4]), счелъ необходимымъ высказать фельдмаршалу свое порицаніе.

«На помянутое ваше писаніе (съ извѣстіемъ о побѣдѣ) иного отвѣтить не имѣю, пишетъ Бестужевъ, кромѣ того, что я крайне сожалѣю, что армія подъ командою вашего превосходительства, почти во все лѣто недостатокъ въ провіантѣ имѣя, наконецъ хотя и побѣду одержала, однакожъ принуждена, будучи побѣдительницею, ретироваться. Я собственному вашего превосходительства глубокому проницанію предаю,

---

[1]) Свое отступленіе онъ объяснилъ необходимостью быть „ближе къ магазинамъ, лежащимъ по р. Нѣману, дабы, тамъ оставя больныхъ и прочія въ походѣ обезпокоивающія тягости, вновь съ лучшимъ успѣхомъ продолжать свои операціи". Соловьевъ, т. XXIV, стр. 995.

[2]) Тамъ же стр. 996.

[3]) Осьмнадцатый вѣкъ, кн. 2, стр. 541.

[4]) По связи Бестужева съ Апраксинымъ гадали, что сей послѣдній отступилъ вслѣдствіе письма, писаннаго къ нему Бестужевымъ, который, страшась гнѣва наслѣдника престола, убѣдилъ его отступить, но доказательствъ этому нѣтъ; вѣроятно его письмо было уничтожено, также и письма Апраксина къ нему по сему поводу. Вейдемейеръ. Царствованіе Елисаветы, ч. II, стр. 9 и 12.

какое оттого произойти можетъ безславіе какъ арміи, такъ и вашему превосходительству, особливо же когда вы непріятельскія земли совсѣмъ оставите» [1]).

Это внушеніе не возъимѣло на Апраксина никакого дѣйствія; онъ продолжалъ отступать.

Когда во Франціи, до полученія о томъ оффиціальнаго извѣстія, узнали изъ голландскихъ вѣдомостей объ отступленіи Апраксина послѣ одержанной имъ побѣды, то это извѣстіе показалось до такой степени мало вѣроятнымъ, что всѣ положительно отказались ему вѣрить.

«Мы во всю недѣлю были въ великомъ безпокойствѣ [2]), писалъ русскій повѣренный въ дѣлахъ, Ѳ. Д. Бехтѣевъ графу Воронцову; послѣ 19-го августа писемъ изъ Петербурга не имѣли, а изъ Голландіи такія получали вѣдомости на двухъ почтахъ, что только объ нихъ подумать, такъ ужасъ беретъ. По несчастію и здѣшній дворъ отъ маркиза Лопиталя не имѣлъ новыхъ извѣстій; однако были къ оному письма изъ Гданска отъ здѣшняго резидента, который писалъ, что наша армія въ Пруссіи отступила назадъ въ лагерь, въ коемъ она стояла прежде баталіи, pour se rapprocher des magazins, и какъ многіе да и нѣкоторые изъ чужестранныхъ министровъ уже стали было за подлинно вѣрить разглашенію голландскихъ вѣдомостей объ насъ то г. графъ Бернисъ въ прошлый вторникъ нарочно всѣмъ послалъ показывать оное здѣшняго резидента письмо и всѣхъ накрѣпко увѣрялъ, что оныя вѣдомости не основательны, а господину послу и мнѣ сказалъ, что то богомерзкая политика прусская, объявя притомъ причины нѣкоторыя, для которыхъ король прусской разглашалъ всѣмъ оныя вѣдомости. Между тѣмъ засвидѣтельствовалъ онъ, сколько они сами безпокоились до полученія изъ Гданска писемъ и что его величество король, кромѣ политическихъ резоновъ, по персональной своей къ ея величеству дружбѣ и почтенію крайне опечаленъ.

«Весь городъ наполненъ былъ симъ дурнымъ слухомъ; ко мнѣ и къ г. послу прислали уже навѣдываться о томъ, а нѣкоторые нарочно въ Версаль ѣздили. Мнѣ отъ вѣрныхъ людей сказано, что у г-жи маркизы Помпадуръ сильно о томъ спрашивали, но она первая начала опровергать оное, сказавъ, что то вымышленная ложь» [3]).

И такъ во Франціи были увѣрены, что слухъ объ отступленіи русской арміи распускался пруссаками, но когда этотъ слухъ подтвердился оффиціальными сообщеніями, то негодованію противъ Апраксина не

---

[1]) Письмо Бестужева отъ 13 (24) сентября 1757 г. Архивъ князя Воронцова, кн. 4, стр. 98.

[2]) Относительно болѣзни императрицы.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, кн. 6, стр. 210 и сл.

было границъ и всеобщее ожесточеніе противъ него увеличивалось съ каждымъ днемъ. Чтобы побѣдить нерѣшительность своихъ союзниковъ и заставить ихъ перейти въ наступленіе, французамъ оставалось одно средство — самимъ одержать надъ королемъ прусскимъ рѣшительную побѣду. Время не терпѣло отлагательства. Австрійцы сражались съ нимъ побѣдоносно съ самаго начала года, но ихъ силы начинали истощаться. Весною 1757 г. французы перешли Рейнъ; маршалъ д'Эстре разбилъ вскорѣ ганноверцевъ при Гастембекѣ, между тѣмъ какъ вторая французская армія, вступивъ въ Саксонію, искала встрѣчи съ самимъ Фридрихомъ и дала ему сраженіе при Росбахѣ. Извѣстенъ печальный исходъ этого сраженія. Пятидесяти-тысячное французское войско бѣжало передъ 25-ю тысячами пруссаковъ, почти не обмѣнявшись съ ними выстрѣлами, бросивъ оружіе, пушки, знамена. Фридрихъ могъ бы окончательно уничтожить остатки французской арміи, но предпочелъ направить свои силы противъ австрійцевъ, которые приближались къ Силезіи.

5-го декабря нов. ст., ровно черезъ годъ послѣ сраженія при Росбахѣ, прусскій король разбилъ армію маршала Дауна при Лиссѣ, отбросивъ ее въ Моравію, а фельдмаршалъ Апраксинъ, воспользовавшись въ это самое время ухудшеніемъ въ состояніи здоровья императрицы Елисаветы Петровны, самовольно отступилъ со своимъ войскомъ обратно въ Курляндію и размѣстилъ его на зимнія квартиры.

Такимъ образомъ кампанія окончилась побѣдою Фридриха, тогда какъ при болѣе согласномъ и единодушномъ дѣйствіи союзниковъ, она легко могла повести къ его погибели.

VII.

Равнодушіе парижанъ и огорченіе Елисаветы по поводу пораженія французской арміи. — Смѣна и арестъ Апраксина. — Паденіе канцлера Бестужева. — Указъ объ его преступленіяхъ. — Желаніе Елисаветы сблизиться съ Франціею. — Начало секретной переписки. — Объяснительная записка Терсье. — Вопросы, которыхъ касалась секретная переписка. — Присылка въ Петербургъ французскаго доктора Пуассонье. — Просьба императрицы прислать ей французскихъ актеровъ. — Вопросъ о крестинахъ. — Политика Франціи враждебная Россіи. — Кампанія 1758 г. и ея результаты.

Сраженіе при Росбахѣ удовлетворило одновременно ненависть враговъ и зависть союзниковъ Франціи. Марія-Терезія была озлоблена неудачной кампаніей, но въ то же время видѣла съ тайнымъ злорадствомъ, какъ рушилось прежнее обаяніе французскаго войска, которое своими побѣдами не разъ унижало Австрію. Къ довершенію бѣдствія для

Франціи, чувство національной чести въ ней дремало. Въ Парижѣ публика отнеслась къ неудачѣ своихъ войскъ безучастно, какъ посторонній зритель; всегда готовые рукоплескать удачѣ, французы восторженно отзывались о Фридрихѣ и встрѣчали своихъ побѣжденныхъ солдатъ свистками и насмѣшками. Въ эту грустную для Франціи пору, она почти ни въ комъ не встрѣтила участія. Но въ то время, какъ Парижъ сталъ на сторону ея враговъ, и Вольтеръ сочинялъ стихи въ честь короля прусскаго, на другомъ концѣ Европы сердце женщины и монархини обливалось кровью при вѣсти о бѣдствіи, подстигшемъ Францію. Извѣстіе о злосчастномъ сраженіи при Росбахѣ искренно опечалило Елисавету Петровну; она просила французскаго посланника увѣрить Людовика XV въ самомъ сердечномъ ея участіи.

— Прошу васъ, говорила она Лопиталю, передать королю, что я постоянно о немъ думаю; я испытываю это во всѣхъ случаяхъ, которые его близко касаются.

Говоря эти слова, прибавляетъ маркизъ, она прижала руку къ сердцу [1]).

Когда за пораженіемъ при Росбахѣ послѣдовали новыя неудачи, и Франція потеряла, въ началѣ 1758 г., одинъ за другимъ, Ганноверъ и Вестфалію, царица удвоила вниманіе къ Лопиталю. Когда она замѣчала, что французскій посланникъ пріѣзжалъ во дворецъ болѣе озабоченный, чѣмъ обыкновенно, когда бюллетени непріятельской арміи или газетныя корреспонденціи возвѣщали въ преувеличенномъ видѣ о какой либо новой побѣдѣ Фридриха, она подходила къ посланнику и, взявъ его за руку, говорила:

— Любезный посланникъ, не огорчайтесь особенно, прошу васъ; подождемъ подробностей, газеты всегда преувеличиваютъ [2]).

Къ огорченію, въ душѣ императрицы примѣшивалось раскаяніе; не падала-ли на нее нѣкоторая отвѣтственность за общее бѣдствіе въ томъ отношеніи, что она допустила своихъ генераловъ безнаказанно ослушаться ея приказаній и сыграть въ руку непріятелю своимъ бездѣйствіемъ? Вопли французскаго и австрійскаго пословъ противъ Апраксина заставили послать ему грозные указы, которые привели его «въ трепетъ и отчаяніе». Наконецъ Росбахъ и Лисса какъ будто вывели императрицу изъ оцѣпенѣнія: въ январѣ мѣсяцѣ, среди зимы, не взирая на стужу и снѣга, она послала строгое приказаніе возобновить военныя дѣйствія, перейти Нѣманъ и идти на Кенигсбергъ. Апраксинъ, уволенный отъ командованія войскомъ и замѣщеный генераломъ Ферморомъ, былъ

---

[1]) Лопиталь, 10-го марта (н. ст.) 1758 г.

[2]) Депеша 19-го іюля (н. ст.) 1758.

арестованъ [1]) и отвезенъ, подъ надежнымъ конвоемъ, въ Петербургъ, гдѣ ему пришлось дать отвѣтъ въ его поведеніи, но Елисавета Петровна понимала, что истинныхъ виновныхъ слѣдовало искать выше и ближе къ ней. Гибель Бестужева была рѣшена; она только выжидала для этого удобнаго предлога.

— Потерпите, говорила Елисавета австрійскому посланнику, когда онъ жаловался ей на Бестужева,—мы съ нимъ скоро раздѣлаемся.

Изъ бумагъ Апраксина, захваченныхъ во время его арестованія, выяснилось, что однимъ изъ виновниковъ въ медленности дѣйствій русской арміи былъ Бестужевъ. Убѣдившись въ этомъ, императрица рѣшилась удалить его.

14-го (25) февраля 1758 г., когда Бестужевъ входилъ въ Зимній дворецъ, караульные, вмѣсто того, чтобы отдать ему честь, окружили его: онъ былъ арестованъ [2]) и отведенъ подъ карауломъ въ свой собственный домъ, гдѣ содержался подъ строгимъ надзоромъ; въ его комнатѣ день и ночь стояли двое часовыхъ.

Объ устраненіи графа Бестужева отъ дѣлъ, иностранные министры, въ Петербургѣ находившіеся, были извѣщены оффиціальной нотою, въ коей говорилось, что императрица уже нѣсколько времени имѣла основательныя причины сомнѣваться въ вѣрности канцлера гр. Бестужева и что она имѣла прискорбіе убѣдиться въ множествѣ его преступленій, козней, ужасныхъ поступковъ и злоумышленій противъ ея величества [3]).

О преступленіяхъ Бестужева вышелъ особый указъ, въ коемъ, между прочимъ, говорилось, что, снѣдаемый непомѣрнымъ честолюбіемъ, онъ вмѣшивался въ дѣла, до него не касавшіяся; что всякими незаконными путями старался увеличить свою власть, что онъ избѣгалъ исполнять высочайшія повелѣнія, когда они не согласовались съ его видами; скрывалъ отъ императрицы, ко вреду государства клонившіяся дѣйствія, старался внушать недовѣріе государынѣ насчетъ великаго князя Петра Ѳедоровича и его супруги и вмѣстѣ уменьшить въ нихъ почтеніе къ

---

[1]) Отставка Апраксина и назначеніе иноземца, Фермора, было встрѣчено въ войскѣ съ ропотомъ; „въ кои-то вѣки, говорили солдаты, Богъ насъ было помиловалъ, одаривъ благочестивымъ фельдмаршаломъ, да за наши грѣхи опять его отъ насъ взяли. А отъ нечестивыхъ нѣмцевъ какого добра ждать? Вѣдь одновѣрцы: воронъ ворону глаза не выклюетъ, гдѣ имъ такъ радѣть и стоять, какъ наши природные! Вѣдь и въ баталіи наши же православные, кои съ правдою и съ вѣрою всемилостивѣйшей нашей матушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ служатъ, убиты“.

Письмо къ канцлеру ассессора Веселицкаго (секретаря при генералахъ Апраксинѣ и Ферморѣ) изъ Либавы отъ 14 (25) ноября 1757 г. Архивъ кн. Воронцова, кн. 6, стр. 500.

[2]) Лопиталь, 13-го (24) марта 1758 г.

[3]) Вейдемейеръ, ч. II. стр. 10.

императрицѣ; что въ его бумагахъ найдены неоспоримыя доказательства замысловъ, вредныхъ и обширныхъ, недоброхотства къ государынѣ и намѣреній, посягавшихъ на безопасность ея; что хотя онъ и заслуживалъ бы смертную казнь за его преступленія, но что государыня, вмѣсто оной, приказала его сослать навсегда въ одну изъ деревень, дабы онъ, закоснѣлый въ преступленіи, не могъ быть вреденъ своимъ ближнимъ [1]).

Съ паденіемъ Бестужева партія молодаго двора была временно ослаблена; ея главные совѣтники мало-по-малу сошли со сцены. Вслѣдъ за Вилліамсомъ долженъ былъ удалиться Понятовскій. Апраксинъ былъ найденъ мертвымъ въ каретѣ, въ которой онъ возвращался въ Петербургъ. Званіе великаго канцлера вскорѣ послѣ паденія Бестужева получилъ графъ М. Л. Воронцовъ; въ его рукахъ сосредоточилось главное управленіе дѣлами. Великая княгиня уже не играла по прежнему при дворѣ первенствующей роли; что касается ея супруга, то онъ быстро утѣшился на этотъ счетъ, прибавивъ къ своимъ тремъ батальонамъ хоръ музыкантовъ.

Елисавета Петровна, взявъ въ свои руки власть, не воспользовалась ею для того, чтобы упрочить узы, связавшіе ее съ союзниками и преимущественно съ Франціей.

— Между королемъ и мною, говорила она Лопиталю, съ дѣтства существуетъ старинная симпатія, и вы можете его увѣрить, что я останусь та же, что я всегда буду давать ему несомнѣнныя доказательства моей дружбы и со своей стороны разсчитываю на его дружбу. Вы можете увѣрить короля, что я буду всѣми силами содѣйствовать его цѣлямъ, а равно, что я вполнѣ увѣрена въ томъ, что и онъ будетъ интересоваться моими намѣреніями.— Въ настоящій моментъ они ограничиваются нашими общими усиліями образумить короля прусскаго [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Елисавета предложила Людовику XV присоединиться къ конвенціи, подписанной ею 22 января 1757 г. съ австрійской императрицей, въ силу которой она обязалась содержать постоянную армію въ 80 тысячъ человѣкъ для защиты ихъ общаго дѣла [3]), и старалась разузнать взгляды французскаго двора на заключеніе съ нею непосредственнаго союза. Въ это именно время, между французскимъ королемъ и императрицею установилась наконецъ тайная переписка, которую они хотѣли начать годъ тому назадъ. Посредникомъ въ этой перепискѣ былъ кавалеръ д'Эонъ.

Этотъ молодой человѣкъ возвратился, какъ было сказано, въ Россію, въ исходѣ 1757 г., съ отвѣтомъ принца Конти. Совершенно иного

[1]) Вейдемейеръ, ч, II, стр. 10 и 11.

[2]) Лопиталь, 30-го октября (н. ст.) 1758 г.

[3]) Текстъ этого договора напечатанъ у Мартенса, стр. 202 и сл.

рода посланіе мечталъ онъ повергнуть къ стопамъ ея величества; зато Терсье постарался вознаградить юношу, положивъ въ его скромный багажъ экземпляръ Esprit des lois Монтескье, который въ глазахъ д'Эона былъ драгоцѣннѣе всего его остальнаго имущества. Переплетъ этой книги состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ листочковъ, изъ тонкаго кожанаго, и мраморной бумаги, склеенныхъ по краямъ и представлявшихъ на первый взглядъ одно неразрывное цѣлое. Искусная рука вложила между этими двумя листочками шифръ, который долженъ былъ служить для переписки Людовика XV и Елисаветы; къ шифру было приложено письмо отъ Терсье къ графу Воронцову въ коемъ возобновлялось, отъ имени короля, предложеніе завести секретную переписку [1]). Воронцовъ сообщилъ Терсье, что мысль о перепискѣ и самый способъ веденія ея заслужили въ принципѣ одобренія императрицы. Этотъ отвѣтъ былъ полученъ въ Версалѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1758 г. въ тотъ моментъ, когда совершилось паденіе Бестужева.

Императрица была не прочь тотчасъ начать переписку съ королемъ, но послѣдній уже охладѣлъ къ этой мысли и началъ колебаться. Взявъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, онъ не рѣшался приступить къ его выполненію, изъ боязни связать себя безповоротно съ Россіей. Король возложилъ на Терсье, своего постояннаго совѣтника въ подобныхъ дѣлахъ, обязанность составить и подать ему объ этомъ вопросѣ письменную записку, что Терсье исполнилъ какъ нельзя болѣе добросовѣстно, изложивъ въ этой запискѣ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ краткій историческій очеркъ секретной корреспонденціи, которая велась съ Россіей, и дополнивъ этотъ очеркъ своими собственными соображеніями. Этотъ трудъ выяснилъ весь недостатокъ той политической системы, которая, дѣйствуя полумѣрами и говоря полусловами, принимаетъ маленькія хитрости за глубокомысленные разсчеты и лишаетъ себя заслуги дѣйствовать прямодушно, не успѣвая никого обмануть.

«Нѣтъ возможности сомнѣваться, говоритъ Терсье въ этой запискѣ, въ искренности намѣреній русской императрицы и въ ея преданности особѣ его величества. Несомнѣнно ея отвращеніе къ Фридриху и даже нѣкоторое неудовольствіе, вызванное въ умѣ этой монархини различными поступками его величества, короля прусскаго. Она желаетъ его унизить и оказать покровительство королю польскому, но всякое рѣшеніе принимается ею чрезвычайно медленно; съ другой стороны, врожденная робость графа Воронцова мѣшаетъ ему, несмотря на его добрыя чувства, дѣлать императрицѣ нужныя представленія. Кромѣ того, онъ боится подвергнуться неудовольствію молодаго двора, преданнаго Англіи.

[1]) Эти подробности передаются въ письмѣ самого д'Эона отъ 17 (28) мая 1756 г., напечатанномъ у Gaillardet, гл. II, 23.

«Несмотря на сказанное о свойствахъ императрицы и ея министра, могутъ однако же случиться благопріятныя обстоятельства, когда возможно будетъ воспользоваться этой перепиской для того, чтобы передать этой монархинѣ нѣкоторыя вещи, которыя графъ Воронцовъ не пожелалъ бы самъ передать ей, увеличить ея симпатіи и предупредить все то, что враги его величества или люди злонамѣренные могли бы предпринять въ Петербургѣ во вредъ общему дѣлу.

«На этотъ предметъ эта корреспонденція можетъ быть полезна во время войны или при веденіи переговоровъ о мирѣ.

«Такъ какъ его величество постоянно обращаетъ свое вниманіе на дѣла Польши, ради сохраненія ея свободы или на случай избранія короля, то его собственная проницательность покажетъ ему, какую пользу можно будетъ извлечь, въ этомъ отношеніи, изъ этой переписки.

«Его величеству предоставляется судить о томъ, возможно ли, пользуясь этимъ средствомъ, склонить русскую императрицу пощадить Польскую республику, высказавъ ей все то, что она никогда не узнаетъ инымъ путемъ,—въ какой степени поведеніе ея генераловъ можетъ повредить ея собственнымъ интересамъ.

«Можно также раскрыть интриги графа Брюля съ Англіей относительно Россіи, не упоминая о молодомъ дворѣ, и этимъ предотвратить ихъ послѣдствія.

«Представивъ его величеству все то, что касается пользы этой переписки, должно также указать неудобства, кои могутъ отъ нея произойти.

«Повидимому, можно положиться на честность графа Воронцова, но можно ли довѣрять ей въ такой степени, чтобы положиться на нее безусловно? къ тому же, при дворѣ, столь терзаемомъ интригами и гдѣ враги его величества пользуются такою властью и такъ сильно интригуютъ, этотъ министръ можетъ впасть въ немилость, бумаги его могутъ быть захвачены и переписка обнаружена даже помимо желанія императрицы, не говоря уже о возможномъ случаѣ кончины этой государыни. Англія поспѣшила бы воспользоваться этимъ открытіемъ для своихъ цѣлей и представила бы эту переписку въ ложномъ свѣтѣ въ Вѣнѣ, Константинополѣ, Польшѣ и всюду, гдѣ бы она сочла это нужнымъ для своихъ происковъ.

«Представивъ всѣ сіи соображенія, самымъ по возможности безпристрастнымъ образомъ, намъ кажется, что вниманіе, коего заслуживаетъ желаніе русской императрицы вести эту переписку, выраженное ею черезъ министра, вынуждаетъ отвѣтить на него согласіемъ. Но, во избѣжаніе могущихъ отъ того произойти неудобствъ, я беру смѣлость сказать, что въ этой перепискѣ надлежитъ соблюдать вначалѣ чрезвычайную осторожность и сдержанность. Особенно надобно стараться не зайти слишкомъ далеко, употребляя въ то же время самыя

дружественныя выраженія. Весьма вѣроятно, что графъ Воронцовъ желаетъ проникнуть намѣренія его величества, точно также, какъ интересы короля требуютъ знать намѣренія не только самой императрицы, но и всего русскаго двора. Было бы весьма удобно повести дѣло такъ, чтобы вывѣдать тайну другихъ, не выдавая своей.

«Руководствуясь этимъ правиломъ, я счелъ нужнымъ ограничиться въ проектѣ отвѣтнаго письма графу Воронцову, которое я беру смѣлость представить на благоусмотрѣніе его величества, лишь самыми отмѣнными увѣреніями дружбы со стороны короля по отношенію императрицы и довѣрія къ ея министерству по общимъ дѣламъ, не входя ни въ какія частныя объясненія.

«Таковы соображенія, которыя я счелъ необходимымъ представить его величеству со всенижайшей просьбою обратить на оныя достодолжное вниманіе. Этотъ крайне щекотливый и вмѣстѣ съ тѣмъ важный вопросъ требуетъ самыхъ точныхъ приказаній».

Король безусловно одобрилъ предложенія Терсье, но дѣло о перепискѣ затянулось почти на годъ. Не получая долгое время на свое предложеніе окончательнаго отвѣта отъ императрицы, Терсье полагалъ, что дѣло о перепискѣ не уладится, и уже поручилъ д'Эону отобрать цифирный ключъ, посланный имъ Воронцову.

«Его величество надѣялся, писалъ онъ по этому поводу д'Эону [1]), что сія секретная и безпосредственная переписка могла бы современемъ быть полезна для службы какъ его величества, такъ и россійской императрицы. Еще въ свѣжей памяти у меня данныя мнѣ по сему случаю королевскія повелѣнія.

«Знатно поопасся графъ Воронцовъ, чтобъ оною перепискою не подвергнуть себя какому подозрѣнію, или не повѣрилъ онъ тому, что именемъ королевскимъ я къ нему писалъ. Великаго бы сожалѣнія достойно и весьма бъ непріятно было, ежели отозвался онъ о томъ маркизу Лопиталю.

«Необходимо нужно, чтобъ г. графъ Воронцовъ или принялъ предлагаемую ему со стороны его величества безпосредственную переписку, и которую только одинъ король читать будетъ, или чтобъ возвратилъ онъ вамъ цифирной ключъ и письмо, дабы всему тому и слѣду никакого не осталось, ибо весьма бы прискорбно было его величеству, когда бъ секретъ его извѣстнымъ учинился. Сего ради постарайтесь и употребите всѣ силы ваши, чтобъ сіе дѣло однимъ или другимъ образомъ окончено было, и выведите короля изъ сомнѣнія, въ которомъ его величество съ самаго отъѣзда вашего находится...

«Можете себѣ вообразить, съ какою нетерпѣливостью ожидаетъ его

---

[1]) 16-го сентября (нов. ст.) 1758 г.

величество извѣстія какъ отъ графа Воронцова, такъ и отъ васъ, а наипаче, чтобы получить оное весьма надежнымъ способомъ. Я увѣренъ, что вы сдѣлаете все, что въ возможности вашей состоять будетъ, чтобъ въ семъ случаѣ соотвѣтствовать особливой той повѣренности, которою его величество почтить васъ изволитъ» [1]).

Одновременно съ этимъ письмомъ Терсье было отправлено самому графу Воронцову письмо слѣдующаго содержанія [2]):

«Не получа отъ вашего сіятельства никакого отвѣта на письмо, которое, по повелѣнію короля моего государя, имѣлъ я честь писать къ вамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, и которое вручено вамъ господиномъ д'Эономъ, разсуждаю я, что имѣли ваше сіятельство особливыя причины, для которыхъ не изволили употребить того, что къ оному письму приложено было. И какъ тѣ причины, можетъ быть, и понынѣ еще настоятъ, слѣдовательно и все то уже безполезнымъ дѣлаютъ, то нижайше прошу ваше сіятельство (хотя г-ну д'Эону и неизвѣстно, что въ томъ пакетѣ было) приказать его къ себѣ призвать и сжечь въ присутствіи его какъ прежнее мое письмо купно съ приложенными двумя цифирными ключами, такъ и сіе, дабы онъ могъ меня о томъ увѣдомить. Сіе письмо не токмо показывалъ я королю, но и пишу оное къ вашему сіятельству съ апробаціи его величества. Именемъ королевскимъ мною напредъ сего сообщенное вамъ есть собственной его секретъ, и его величество не сомнѣвается, что ваше сіятельство оной такъ свято хранили, какъ я васъ о томъ просилъ. Я прошу г-на д'Эона, чтобъ онъ ко мнѣ отписалъ о томъ, что вашему сіятельству по сему учинить угодно будетъ. Если же за удобнѣе разсудить изволите отдать ему всѣ тѣ бумаги за печатью, то перешлетъ онъ ко мнѣ тотъ пакетъ при надежномъ случаѣ».

Изъ приведенныхъ писемъ видно, что Людовикъ XV придавалъ особенное значеніе тому, чтобы тайна переписки его съ Елисаветой Петровной не была обнаружена.

Проектъ отвѣтнаго письма на предложеніе Людовика XV былъ поднесенъ графомъ Воронцовымъ императрицѣ годъ тому назадъ, но высочайшей «апробаціей еще не былъ удостоенъ», такъ какъ Елисавета Петровна, несмотря на свое желаніе вести съ королемъ личную переписку, по своему обыкновенію все откладывала свое рѣшеніе [3]).

Прочитавъ вышеприведенныя два письма и доложивъ императрицѣ ихъ содержаніе, графъ Воронцовъ «всенижайше просилъ милостиваго

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 509–511.

[2]) Письмо Терсье къ канцлеру изъ Версаля отъ 15-го сентября (нов. ст.) 1758 г. Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 508.

[3]) Собственноручное примѣчаніе гр. Воронцова къ письму Терсье отъ 15-го сентября. Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 508.

повелѣнія, соизволено ли будетъ сію корреспонденцію производить или, по требованію Терсье, уничтожить и огню предать» [1]).

Императрица изъявила свое согласіе вести тайную переписку между ею и Людовикомъ XV, которая и началась въ томъ же 1758 году. Собственно говоря, монархи не обмѣнивались, какъ можно предположить, дружескими посланіями. Дѣло происходило иначе.

Раза четыре или пять въ годъ французскій посланникъ торжественно вручалъ императрицѣ собственноручное письмо короля, написанное оффиціальнымъ слогомъ и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ этикета. Добрую половину письма составляли соотвѣтственные титулы и формулы вѣжливости; вторая половина была посвящена церемоннымъ увѣреніямъ дружбы; между прочимъ, осторожно давался какой-нибудь полезный совѣтъ. Елисавета спѣшила отвѣтить въ томъ же духѣ, не менѣе высокопарнымъ слогомъ: подобнаго рода переписка могла долго продолжаться, не приведя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Зато графъ Воронцовъ препровождалъ Терсье подъ величайшею тайною, черезъ д'Эона, длинныя шифрованныя посланія, въ коихъ онъ излагалъ личные планы, желанія и чувства самой императрицы. Никто изъ русскихъ сановниковъ, исключая Воронцова и Олсуфьева, довѣреннаго секретаря Елисаветы Петровны, не принималъ участія въ отправленіи этихъ послѣднихъ писемъ; даже Шуваловъ былъ посвященъ въ эту тайну гораздо позже; также и Людовикъ XV не довѣрялъ этой тайны ни кардиналу Берни и никому изъ французскихъ министровъ [2]). До 1760 г. переписка эта велась въ тайнѣ даже и отъ обоихъ пословъ, русскаго въ Парижѣ и французскаго—въ Петербургѣ: только въ 1760 году, по желанію французскаго короля, для большаго удобства переписки, въ нее былъ посвященъ французскій посланникъ де-Бретейль [3]).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 508.

[2]) Собственноручное примѣчаніе графа Воронцова къ письму Терсье къ д'Эону отъ 5-го (16) сентября 1758 г. Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 509.

[3]) Мотивы, побудившіе короля открыться де-Бретейлю насчетъ переписки, учрежденной между ихъ величествами, изложены въ нижеслѣдующемъ письмѣ Терсье къ канцлеру Воронцову отъ 1-го апрѣля новаго стиля 1760 г.

„Письмо, которое передалъ канцлеру де-Бретейль, полномочный министръ французскаго короля, апробовано въ черномъ отпускѣ собственною его величества рукою. Его величество, по довѣренности своей къ благоразумію и ревности его, соизволилъ открыть ему объ учрежденной чрезъ посредство вашего сіятельства между его величествомъ и россійскою императрицею тайной перепискѣ. Натуральныя и неизбѣжныя затрудненія, препятствующія тому, чтобъ оная переписка такъ часто производилась, какъ бы король, для поданія ея императорскому величеству знаковъ искренней своей дружбы, того желать могъ, привели его на мысль, что она лучшій успѣхъ возъимѣетъ, когда министръ его, при дворѣ ея величества, объ ней свѣдомъ будетъ, и

Терсье препровождалъ получаемыя имъ письма королю, набросавъ проектъ отвѣтнаго письма, который Людовикъ прочитывалъ и нерѣдко исправлялъ собственноручно, но которое Терсье отправлялъ отъ своего имени и за своею собственною подписью Такимъ образомъ, Людовикъ XV и Елисавета Петровна переписывались подъ видомъ третьяго лица: они вдохновляли корреспонденцію, которая редактировалась ихъ довѣренными лицами.

Этимъ путемъ французское правительство легко могло бы давать петербургскому кабинету нужные совѣты и полезныя предостереженія и пріобрѣсти безраздѣльное вліяніе на умъ нерѣшительной Елисаветы Петровны. Къ сожалѣнію, французскій король, ведя эту переписку, руководствовался всецѣло тѣми принципами, подъ вліяніемъ которыхъ была составлена вышепомянутая записка Терсье. Боясь, главнымъ образомъ, скомпрометировать себя, онъ избѣгалъ входить въ объясненія по какому-либо вопросу; поэтому переписка, на которую онъ согласился какъ бы изъ любезности, ограничивалась одними общими мѣстами и безполезными подробностями. Отношенія между королемъ и императрицею приняли скорѣе характеръ дружбы, нежели характеръ политическаго союза, основаннаго на общности цѣлей, симпатій и интересовъ.

Елисавета Петровна сообщила напримѣръ королю о своихъ физическихъ недугахъ. Людовикъ XV тотчасъ послалъ ей своего придворнаго врача Пуассонье, пользовавшагося большой извѣстностью во Франціи. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Пуассонье былъ принятъ съ отмѣнной вѣжливостью императрицею и Шуваловыми и крайне недружелюбно русскими врачами, которые опасались его превосходства. Грекъ Кондоиди, пользовавшій обыкновенно Елисавету, объявилъ, что такъ какъ придворные врачи въ Россіи состоятъ въ чинѣ генералъ-лейтенантовъ, то онъ отказывается отъ консультаціи съ французомъ до тѣхъ поръ, пока

что въ той же тайности и съ тою же повѣренностью сообщая всегда вашему сіятельству то, что касаться можетъ болѣе до дружбы, нежели до авантажей обоихъ государей нашихъ, они симъ способомъ болѣе въ состояніи будутъ взаимными опытами изъявлять другъ другу сентименты свои, нежели употребленными донынѣ средствами.

„Сіе есть, милостивый государь, главная причина, побудившая къ тому его величество, по которой и впредь всегда поступать будетъ въ томъ, что касаться можетъ до ея величества россійской императрицы. Итакъ, можете ваше сіятельство откровенное сообщеніе имѣть съ г-номъ барономъ Бретейлемъ, который прямо доносить будетъ его величеству о томъ, что вы за нужно разсудите объявить ему отъ имени государыни вашей. Впрочемъ, сія переписка отъ всѣхъ министровъ королевскихъ непремѣнно сокровенною остается, слѣдовательно тайность оныя и взаимная повѣренность также непремѣнными пребудутъ“.—(Архивъ князя Воронцова, кн. VI, стр. 420—424).

тотъ не получитъ отъ своего короля, по крайней мѣрѣ, чинъ статскаго совѣтника [1]).

Елисаветѣ пришлось видѣться съ Пуассонье и пользоваться его совѣтами чуть не тайкомъ.

Въ тѣ моменты, когда императрица чувствовала себя лучше, она просила короля позаботиться объ ея развлеченіи. Страстная любительница театра, она всегда высказывала особое пристрастіе къ французскому репертуару и къ игрѣ французскихъ актеровъ. Грубыя и монотонныя развлеченія ея двора не удовлетворяли императрицу; она скучала и просила Людовика прислать ей первыхъ двухъ актеровъ французской комедіи—Лекена (Lekain) и дѣвицу Клеронъ (Clairon). Король нашелъ, что требованія высшей политики не позволяютъ ему исполнить желаніе государыни; онъ боялся возбудить неудовольствіе парижской публики, лишивъ столицу ея любимцевъ. Кардиналъ де-Берни взялъ на себя извиниться отъ имени своего монарха.

«Безъ сомнѣнія, не существуетъ той вещи, писалъ онъ въ Петербургъ, которую мы бы не сдѣлали, чтобы исполнить желаніе императрицы и содѣйствовать тому, что можетъ быть ей пріятнымъ. Я весьма желалъ бы имѣть возможность способствовать ея развлеченію, отправивъ въ Петербургъ г-на Лекена и дѣвицу Клеронъ, но это вещь положительно невозможная. Они принадлежатъ королю, который почелъ бы за удовольствіе предоставить ихъ на время русской императрицѣ, но они принадлежатъ также публикѣ, состоя въ трупѣ «Comédie française», коей они составляютъ лучшія силы. Увеселенія Парижа составляютъ такую статью, которая заслуживаетъ вниманія правительства; взять этихъ двухъ актеровъ изъ «Comédie française»—значило бы уронить ее. Если въ провинціальныхъ труппахъ найдутся актеры, способные доставить удовольствіе русской императрицѣ, то мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы послать ихъ въ Петербургъ, какъ во вниманіе къ самой государынѣ, такъ равно и для того, чтобы распространить въ чужихъ краяхъ любовь къ французскому театру» [2]).

Въ сношеніяхъ, установившихся между монархами, Елисавета дѣлала во всемъ первый шагъ; Людовикъ XV принималъ ея предложенія съ любезной предупредительностью, но не особенно спѣшилъ отвѣчать на нихъ. Правда, его августѣйшая корреспондентка выражала иной разъ довольно дорого стоющія желанія. Такъ, уже въ половинѣ 1757 г. она дала понять версальскому двору, черезъ Лопиталя, что всѣ ея желанія были бы удовлетворены, если бы она получала ежегодную пенсію (pensiоn) или если бы ей дали ссуду въ пять милліоновъ рублей;

---

[1]) Лопиталь, 3-го (14-го) октября 1758 г.

[2]) Де-Берни—Лопиталю, 25-го іюня (н. ст.) 1758 г.

императорская казна была пуста и кредитъ императрицы истощенъ. Интересы Франціи требовали удѣлить Россіи часть огромной субсидіи, которую она выдавала ежегодно Австріи, но король и его министры не нашли это удобнымъ [1]). Позднѣе Елисавета Петровна еще разъ возобновила эту просьбу въ своей секретной перепискѣ, но вновь получила отказъ.

Она болѣе не настаивала, такъ какъ въ это время ее занималъ другой предметъ, болѣе близкій къ сердцу. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна была беременна, и ей пришлось волей-неволей, несмотря на столкновеніе, которое она имѣла съ императрицей, просить ее быть воспріемницей ея будущаго ребенка. Елисавета Петровна изъявила на это свое согласіе, подъ условіемъ, что кумомъ будетъ французскій король. Дугласу, уѣзжавшему въ то время во Францію, было поручено сообщить королю конфиденціально о желаніи императрицы; между тѣмъ Воронцовъ открылся маркизу Лопиталю, поручивъ ему предупредить о томъ де-Берни, съ просьбою держать эту просьбу въ тайнѣ. Канцлеръ не скрылъ, что государыня придавала величайшее значеніе успѣху своей просьбы; и когда ей замѣтили, что въ случаѣ отказа Людовика XV можно будетъ обратиться къ одному изъ принцевъ австрійскаго дома, то императрица отвѣчала отказомъ:

— Нѣтъ,—говорила она съ досадой,—я не хочу ни съ кѣмъ крестить, кромѣ какъ съ королемъ [2]).

Согласившись быть крестнымъ отцомъ ожидаемаго младенца, король исполнилъ бы этимъ самое завѣтное желаніе Елисаветы. Притомъ родственныя отношенія между монархами имѣли въ ту пору такое значеніе, какое въ настоящее время трудно даже себѣ представить; младенецъ, котораго предстояло окрестить, могъ вступить современемъ на русскій престолъ и всегда бы помнилъ, что его воспріемникомъ былъ французскій король. Несмотря на все это, Людовикъ XV отвѣчалъ на предложеніе императрицы отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ не могъ быть крестнымъ отцомъ ребенка, который не будетъ окрещенъ и воспитанъ въ правилахъ католической вѣры.

Вотъ отвѣтъ, данный кардиналомъ де-Берни на письмо Лопиталя, коимъ тотъ сообщалъ ему о желаніи императрицы.

«Милостивый государь, я передалъ королю содержаніе письма, въ коемъ вы высказываете желаніе русской императрицы окрестить вмѣстѣ съ его величествомъ младенца, которымъ ея высочество великая княгиня имѣетъ въ скоромъ времени разрѣшиться отъ бремени. Набожность

---

[1]) Письмо Рулье отъ 24-го апрѣля (н ст.) 1757 г.

[2]) Лопиталь, 16-го сентября (н. ст.) 1757 г.

его величества всегда побуждала его смотрѣть на обязанности, какія принимаетъ на себя крестный отецъ, не какъ на простую формальность, но какъ на обязательство слѣдить по мѣрѣ возможности за тѣмъ, чтобы окрещенный ребенокъ былъ воспитанъ въ правилахъ католической вѣры. Такъ какъ русская императрица, великій князь и великая княгиня вѣроисповѣданія православнаго, въ коемъ, по законамъ страны, будетъ воспитанъ и ребенокъ, имѣющій родиться, то его величество находитъ неудобнымъ быть воспріемникомъ этого младенца. Онъ уже отказывалъ въ этомъ нѣсколькимъ коронованнымъ особамъ, просившимъ его о томъ. Вслѣдствіе этого, хотя его величество желалъ бы доказать Европѣ, что его чувства по отношенію къ русской императрицѣ неизмѣнны и что поведеніе фельдмаршала Апраксина никоимъ образомъ ихъ не измѣнило, онъ все-таки не можетъ исполнить желаніе государыни. Если съ вами объ этомъ будутъ говорить, то вы должны представить эти соображенія и дать понять, что принципы вѣры являются единственною причиною того, что его величество долженъ съ огорченіемъ отказаться отъ этого новаго сближенія съ русской императрицей. Самое благоразумное было бы устранить эту просьбу такимъ образомъ, чтобы императрица не была этимъ оскорблена» [1]).

Отказъ короля оскорбилъ Елисавету какъ женщину.

Французская политика вообще не щадила императрицу. Въ Польшѣ представитель Франціи продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ какъ прежде. Хотя де-Берни добился наконецъ отозванія де-Брольи, но графъ, уѣзжая изъ Варшавы, оставилъ въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ своего, такъ сказать, воспитанника на дипломатическомъ поприщѣ—Дюрана, которому онъ успѣлъ внушить свои взгляды. Къ тому же де-Брольи заступилъ мѣсто принца Конти и руководилъ съ тѣхъ поръ секретной дипломатіей. Въ своихъ письмахъ къ Дюрану онъ предписывалъ ему продолжать въ Польшѣ борьбу противъ русскаго вліянія. Въ то же время версальскій дворъ формальнымъ образомъ отказался присоединиться къ новому договору, заключенному обѣими императрицами, чѣмъ могли бы быть скрѣплены узы, связывавшіе Францію съ Россіей. [2]) Франція заключила, со своей стороны, съ Вѣною нѣкоторыя частныя обязательства, коими эти державы обезпечивали другъ другу извѣстныя территоріальныя выгоды въ случаѣ ихъ успѣха на полѣ брани. [3]) Эти условія были включены во второй Версальскій договоръ, въ видѣ секретныхъ ста-

[1]) Де-Берни—Лопиталю, 16-го октября (н. ст.) 1757 г. Этотъ документъ напечатанъ у Gaillardet, гл. V, 64.

[2]) Де-Берни—Лопиталю 11-го авг. и 8-го сент. (н. ст.) 1758 г.

[3]) Въ случаѣ, если бы Австріи удалось получить обратно Силезію, она обязалась уступить Франціи нѣкоторую часть Нидерландовъ, передавъ остальную одному изъ принцевъ дома Бурбоновъ.

тей, но не были сообщены Россіи, которая узнала о нихъ стороною и была удивлена оказаннымъ ей недовѣріемъ.

«Я долженъ вамъ сообщить, писалъ Лопиталь къ Берни, скорѣе какъ другъ нежели какъ посланникъ, содержаніе откровенной бесѣды, которую я имѣлъ съ графомъ Воронцовымъ и о которой онъ просилъ меня довести до вашего свѣдѣнія.

— Не скрою отъ васъ,—сказалъ онъ мнѣ,—что ея императорское величество узнала изъ разныхъ источниковъ о томъ, что Франція и вѣнскій дворъ согласились между собою относительно взаимныхъ преимуществъ и что Франція получитъ часть австрійскихъ владѣній во Фландріи. Такъ какъ эти извѣстія считаются достовѣрными и всѣмъ извѣстны, то не лучше ли было бы, чтобы вашъ дворъ сообщилъ дружественнымъ образомъ ея императорскому величеству содержаніе этихъ секретныхъ статей? Это было бы для императрицы доказательствомъ того довѣрія, какое питаетъ къ ней король.—Ея величество не только не употребитъ это довѣріе во зло, но безъ сомнѣнія одобритъ эти планы; если же, наоборотъ, все то, что ей выдаютъ за истину, ложно, въ такомъ случаѣ она будетъ въ состояніи смѣло опровергнуть всѣ эти слухи какъ несогласные съ истиною. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы обяжете насъ относиться съ такимъ же довѣріемъ и съ такой же спокойной увѣренностью къ тѣмъ планамъ, которые императрица могла бы имѣть въ моментъ заключенія мира. Однимъ словомъ, это было бы оружіемъ противъ тѣхъ лицъ, кои старались бы уменьшить столь драгоцѣнное довѣріе, которое необходимо не только поддержать, но и упрочить.

«Воронцовъ присовокупилъ, что ея императорское величество питаетъ искреннюю дружбу къ австрійской императрицѣ, но что ей будетъ непріятно предпочтеніе, оказанное королемъ этому двору, если, по заключеніи мира, мы обратились бы къ посредничеству Вѣны, вмѣсто того чтобы вести переговоры непосредственно съ ея министерствомъ». [1])

Франція отвѣчала на это предложеніе неопредѣленными увѣреніями дружбы, но не постаралась удовлетворить любопытство царицы и успокоить ее насчетъ своихъ намѣреній. Постоянная въ своихъ привязанностяхъ и антипатіяхъ, Елисавета Петровна искренно желала доставить своимъ союзникамъ энергическую помощь, чтобы сокрушить силы Фридриха, но, приступая къ выполненію своихъ плановъ, она постоянно колебалась.

Въ 1758 г. первые пушечные выстрѣлы были сдѣланы русской арміей. Генералу Фермору, тотчасъ по назначеніи его главнокомандующимъ, было приказано выступить въ походъ и вторгнуться въ Пруссію.

[1]) Лопиталь, 14-го мая (н. ст.) 1758 г.

Въ началѣ января русское войско перешло Нѣманъ по льду, вступило безъ сопротивленія въ Кенигсбергъ, и заняло его безъ боя; три гусарскихъ полка, девять эскадроновъ драгунъ, 2.500 казаковъ и 4 полка пѣхотныхъ съ полевою артиллеріею расположились въ городѣ.[1]) Ферморъ занялъ Восточную Пруссію и былъ назначенъ ея генералъ-губернаторомъ[2]). Императрица Марія-Терезія въ знакъ своего благоволенія за этотъ успѣхъ пожаловала ему графское Римской имперіи достоинство[3]).

Чтобы проникнуть далѣе, въ центръ прусскихъ владѣній, русскому войску приходилось снова вступить на польскую территорію, овладѣть Торномъ и Помераніей. Русскіе подвигались впередъ медленно, небольшими переходами. Скудныя средства страны быстро истощались, съѣстные припасы приходилось доставлять изъ магазиновъ, расположенныхъ верстъ за 100, въ мѣстности уже пройденной войскомъ.

Была еще причина, замедлявшая военныя дѣйствія. Изо всѣхъ державъ, составившихъ коалицію противъ Фридриха, только одна Россія дѣйствовала въ то время наступательно, не получая поддержки со стороны союзниковъ. На противоположномъ концѣ театра военныхъ дѣйствій, французы переходили въ безпорядкѣ Рейнъ, будучи оттѣснены принцемъ Брауншвейгскимъ, и потерпѣли (14 (25) іюня) при Крефельдтѣ такое же пораженіе какъ при Росбахѣ. Что касается Австріи, то Фридрихъ имѣлъ смѣлость напасть на нее въ ея собственныхъ владѣніяхъ, въ Моравіи. Фельдмаршалъ Даунъ отстаивалъ съ великимъ трудомъ крѣпость Ольмюцъ и ожидалъ, чтобы русскіе, одержавъ побѣду, освободили его, но въ іюнѣ мѣсяцѣ русскіе были еще въ Познани, въ іюлѣ они достигли наконецъ Бранденбурга и расположились эшелонами на берегахъ Одера. Узнавъ о вторженіи русскихъ войскъ въ Бранденбургъ, Фридрихъ принужденъ былъ отступить отъ Ольмюца и спѣшить на помощь Берлину, которому угрожали враги.

14-го (25) августа произошло сраженіе при Цорндорфѣ; послѣ долгой и упорной борьбы обѣ арміи ночевали на своихъ позиціяхъ. На слѣдующій день сраженіе возобновилось; лѣвое крыло пруссаковъ, выдержавшее въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сильнѣйшій натискъ непріятеля, было спасено кавалеріей генерала Зейдлица; вечеромъ русскіе отступили въ полномъ порядкѣ за версту отъ поля сраженія, а на слѣдующій день въ обоихъ лагеряхъ были большія празднества и слышались орудійные залпы—и русскіе и пруссаки приписывали себѣ побѣду.

Въ результатѣ, военныя дѣйствія окончились до нѣкоторой степени даже къ выгодѣ Фридриха, но цѣлость его монархіи пострадала въ эту кампанію. Восточная Пруссія осталась въ рукахъ его враговъ; русскіе

[1]) Письмо Фермора къ графу Воронцову. Арх. кн. Воронцова, кн. 6, стр. 337
[2]) Манифестъ, состоявшійся въ январѣ 1758 г.
[3]) Вейдемейеръ, ч. II, стр. 14.

въ ней такъ прочно утвердились, что казалось, ихъ будетъ трудно выжить оттуда.

Изъ этой кампаніи, богатой безрезультатными сраженіями и безполезнымъ кровопролитіемъ, Франція, Австрія и Россія могли вывести заключеніе, что силы Фридриха нельзя сокрушить однимъ ударомъ. Чтобы побѣдить его, было недостаточно пройти вдоль и поперекъ его владѣнія или даже нанести ему неоднократно пораженіе. Для этого надобно было завоевать одну за другою отдѣльныя провинціи, составлявшія его королевство, занять его крѣпости, укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ, предупредить возможность перехода непріятеля въ наступленіе и съуживать мало-по малу кругъ, въ которомъ прусская армія могла дѣйствовать, пополняя убыль, происходящую въ ея рядахъ. Быть можетъ эта задача была выполнима, но во всякомъ случаѣ это было дѣло не легкое; оно потребовало бы много времени и настойчивости, много денегъ и людей. Между тѣмъ изъ трехъ великихъ державъ, которыя дѣйствовали совмѣстно противъ Пруссіи, одна видимо уже была не въ состояніи продолжать борьбу; эта держава была Франція.—Продолжительная война съ Англіей и Германіей на морѣ и на сушѣ истощила ея силы; она жаждала заключить миръ съ Пруссіей.—Фридрихъ II также желалъ покоя; видя, что его армія таетъ, онъ предчувствовалъ что гибель близка. Марія-Терезія долго не соглашалась окончательно отказаться отъ Силезіи; наконецъ, побуждаемая настойчивыми требованіями Франціи, она согласилась начать переговоры съ королемъ прусскимъ. Въ безмолвномъ согласіи Саксоніи и Швеціи не могло быть сомнѣнія и оставалось только заручиться согласіемъ Россіи. Французскому правительству была извѣстна ненависть Елисаветы къ Фридриху, но оно знало также, что это чувство должно было уступить передъ ея болѣе христіанскимъ чувствомъ—отвращенія къ пролитію крови. Де-Берни разсчитывалъ также на содѣйствіе Воронцова, съ которымъ онъ уже велъ объ этомъ предметѣ переписку. Союзныя державы признали себя безсильными побѣдить геній одного человѣка.

Итакъ, осенью 1758 г. все предвѣщало мирное рѣшеніе вопроса, какъ вдругъ во Франціи произошла перемѣна министерства и ея иностранной политикой былъ призванъ руководить вмѣсто кардинала Берни графъ Шуазель-Стенвиль, горячій сторонникъ продолженія войны. Подъ его руководствомъ совершенно измѣнился характеръ французской политики.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Ив. Мартынова—Д. П. Руничу.

21-го января 1822 года.

По приказанію господина министра внесена будетъ въ ученый комитетъ на разсмотрѣніе моя программа о ежегодномъ изданіи достопамятныхъ событій въ нашемъ отечествѣ съ 1821 года, подъ заглавіемъ «Россійскій Временникъ».

Вчерашній день не успѣлъ я объясниться о семъ вашему превосходительству; но зная ваше ко мнѣ благорасположеніе, смѣю нынѣ покорнѣйше просить васъ, милостивый государь мой, принять въ дѣлѣ семъ участіе содѣйствіемъ вашимъ къ положенію скорѣйшаго рѣшенія, по обстоятельствамъ времени, какъ сами изволите усмотрѣть изъ программы, необходимаго. Льщусь надеждою, что изволите съ почтенными сочленами вашими подкрѣпить меня и пособіемъ, назначивъ сколько-нибудь экземпляровъ для училищныхъ библіотекъ. Я говорилъ о семъ дѣлѣ съ Михаиломъ Леонтьевичемъ (Магницкимъ), который, одобряя мое намѣреніе, не отрекается, или лучше, предлагаетъ важное вспоможеніе, по сообщеніи ему программы.

Въ случаѣ одобренія моего предпріятія, покорнѣйше прошу васъ какъ можно больше дѣлать [1]) и доставлять мнѣ достопамятныхъ дѣлъ, чтобы изданіе мое не было пусто и для читателей было бы занимательно.

Съ душевнымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и проч.

[1]) Такъ въ оригиналѣ.

А. С. ПУШКИНЪ и ЭСТЛЯНДЦЫ.

Въ текущемъ году, во время поѣздки въ Прибалтійскій край, мнѣ удалось познакомиться съ небольшимъ «дѣломъ» 1837 года, носящимъ заглавіе: «О раздачѣ билетовъ на полученіе сочиненій А. С. Пушкина желающимъ».

«Дѣло» возникло вслѣдствіе нижеслѣдующаго письма министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова къ эстляндскому губернатору П. Е. Бенкендорфу отъ 22-го мая 1837 года:

«Милостивый государь,
Павелъ Ермолаевичъ!

«Вашему превосходительству извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго года россійская словесность лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ талантовъ, ея украшавшихъ. Преждевременная кончина Пушкина поразила горестью друзей литературы и отечественной славы, и государь императоръ, первый покровитель всѣхъ высокихъ дарованій въ своемъ государствѣ, изъявивъ особенное милостивое участіе въ судьбѣ покойнаго, осыпалъ своими монаршими щедротами оставленное имъ въ сиротствѣ семейство [1]).

«Для усиленія всемилостивѣйше дарованныхъ оному пособій опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми умершаго поэта, приступила,

---

[1]) По полученіи извѣстія о кончинѣ А. С. Пушкина императоръ Николай въ собственноручной запискѣ А. С. Танѣеву писалъ 30 января 1837 г.:

„Министру финансовъ написать, что я приказалъ назначить вдовѣ Пушкина и дочери до замужества: ей—5.000 р., а дочери 1.500 р. въ пенсіонъ, а тремъ сыновьямъ до вступленія на службу на воспитаніе каждому по 1.500 р.“

„Ему же (т. е. министру финансовъ) послать къ дѣйств. статс. совѣт. Жуковскому 10.000 р. на погребеніе“. Ред.

съ соизволенія его императорскаго величества, къ изданію новаго полнаго собранія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочиненій его. Публика уже извѣщена о семъ ею; но я, съ своей стороны, зная сколь много творенія хорошихъ писателей способствуютъ совершенствованію языка, образованію вкуса и вообще возвышенію чувства изящнаго, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность, согласно съ изъявленнымъ мнѣ желаніемъ опеки, покорнѣйше просить ваше превосходительство принять участіе въ раздачѣ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ литературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія въ губерніи, высочайше вамъ ввѣренной. Кажется нельзя сомнѣваться, что русскіе всѣхъ сословій, всегда на поприщѣ славы и добра одушевляемые примѣромъ своего монарха, захотятъ и въ семъ случаѣ, почтивъ память великаго поэта, съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать и обезпеченію благосостоянія сиротъ-дѣтей его.

«Увѣренный въ благосклонномъ дѣятельномъ участіи вашего превосходительства въ семъ дѣлѣ, я поручилъ канцеляріи моей доставить къ вамъ нѣсколько билетовъ на собраніе сочиненій А. С. Пушкина.

«Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.».

Вслѣдъ затѣмъ, при отношеніи отъ 25-го мая того же года, къ эстляндскому губернатору изъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ было прислано десять билетовъ, для раздачи ихъ желающимъ пріобрѣсть сочиненія Пушкина. Въ билетахъ сообщалось, что изданіе выйдетъ въ шести томахъ въ 8-ю долю листа и что за печатаніемъ будутъ наблюдать: Василій Андреевичъ Жуковскій, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и Петръ Александровичъ Плетневъ. При первоначальной подпискѣ, до 1-го октября 1837 года, цѣна была назначена уменьшенная (на простой бумагѣ 25 руб. ассигнаціями, съ пересылкою 35 руб. ассигн., и на веленевой 40 р., а съ пересылкою 50 р. ассигн.), по истеченіи же подписнаго срока продажную цѣну рѣшено было возвысить на десять рублей.

Получивъ письмо и билеты, губернаторъ распорядился разсылкою послѣднихъ. При соотвѣтствующихъ «отношеніяхъ» билеты были посланы къ эстляндскому губернскому предводителю дворянства фонъ-Паткулю, ревельскому и гапсальскому магистратамъ, вышгородскому, везенбергскому и вейссенштейнскому фохтейнскимъ судамъ. Результатъ разсылки получился совершенно неожиданный. Предводитель дворянства, фонъ-Паткуль, возвращая билеты, увѣдомилъ, что такіе же билеты имъ получены непосредственно отъ министра, но что раздать ихъ ему не удалось; остальныя учрежденія отвѣтили единогласно, что желающихъ подписаться на сочиненія Пушкина не нашлось ни одного человѣка.

«Дѣло» было закончено; приходилось только послать соотвѣтствую-

щее «увѣдомленіе», и 19-го октября 1837 года П. Е. Бенкендорфъ писалъ въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ нижеслѣдующее:

«Во исполненіе предписанія его высокопревосходительства г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го минувшаго мая я предлагалъ г. предводителю эстляндскаго дворянства и разнымъ присутственнымъ мѣстамъ ввѣренной мнѣ губерніи содѣйствовать къ раздачѣ желающимъ 10 билетовъ на полученіе собранія сочиненій А. С. Пушкина, доставленныхъ ко мнѣ при отношеніи оной канцеляріи отъ 25-го минувшаго мая за № 1750.

«Нынѣ оный г. предводитель дворянства и другія присутственныя мѣста, возвратя мнѣ означенные 10 билетовъ, объяснили, что, при всемъ участіи съ ихъ стороны въ раздачѣ оныхъ билетовъ, подписчиковъ на упомянутыя сочиненія не явилось.

«Имѣя честь увѣдомить о семъ оную канцелярію, я препровождаю при семъ вышесказанные десять билетовъ, покорно прося о полученіи оныхъ почтить меня увѣдомленіемъ».

Пересылая обратно всѣ 10 билетовъ цѣликомъ, П. Бенкендорфъ, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, причислилъ и самого себя къ числу нежелающихъ пріобрѣсть сочиненія Пушкина.

Такъ кончилась попытка распространить произведенія великаго русскаго поэта среди эстляндскаго дворянства и бюргерства.

А. З. Мышлаевскій.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева—П. П. Свиньину.

28-го февраля 1825 г., Москва.

Чувствительно благодарю васъ за пріятное ваше письмо и великодушный пріемъ частыхъ докукъ моихъ. Сожалѣю объ Ландини и отъ всего сердца желаю долголѣтія молодому Крылову. Какъ бы я былъ вамъ благодаренъ естьли бы жилище мое украсилось подобіемъ моего благотворителя [1]), и точно въ томъ видѣ, какъ я желаю! Безъ вѣнка, отнимающаго сходство и противорѣчащаго высокому его смиренію, съ набросанною епанчею или мантіей на правомъ плечѣ, вмѣсто аграфа, императорскій гербъ съ Андреевскою на груди цѣпью. Съ передней стороны и боковъ безъ малѣйшей жилки и пятнышка на мраморѣ. При первомъ вашемъ увѣдомленіи о цѣнѣ, естьли она не превыситъ прежней, я прислалъ бы вамъ третью часть суммы въ задатокъ.

Я и самъ пожурилъ Полеваго за неправильныя его замѣчанія насчетъ вашего журнала, но впрочемъ, онъ, кажется, любитъ васъ и уважаетъ. Онъ уменъ и одаренъ умомъ авторскимъ, только еще не обтерся и не ознакомился съ приличіями свѣта. Прочихъ же предадимъ судьбѣ ихъ, и объ нихъ ни слова. Всякій безпристрастный отдастъ журналу вашему должную справедливость.

Съ покорнѣйшимъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашимъ покорнымъ слугою, Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) Императора Александра I.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

1818 годъ.

Путешествіе съ Александромъ I на ахенскій конгрессъ.

III [1]).

Станція Гейсъ.—Мнѣніе великаго князя Михаила Павловича о пруссакахъ.—Намюръ.—Обѣдъ и разговоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Баронъ Сердобинъ.—Русскіе иностранцы.—Страна битвъ.—Недовольство жителей Нидерландовъ. Валансьенъ.—Графъ М. С. Воронцовъ —Растопчинъ и Чичаговъ.—Обѣдъ у Веллингтона.—Пріѣздъ государя въ Валансьенъ.—Большой смотръ войскъ подъ Валансьеномъ —Распоряженіе Веллингтона.—Обѣдъ у князя Волконскаго.—Анекдоты про Кутузова и генерала Маркова.—Мобежъ.—Ланкастрская школа.—Остроты великаго князя Михаила Павловича.—Мѣсто Ватерлооской битвы.—Памятники на немъ.—Брюссель.—Прудъ Петра Великаго. Любезность принца Оранскаго.—Проектъ союза между державами.—Живописецъ Лауреисъ.—Портреты принца-регента и императора Александра.—Живописецъ Дау.—Какимъ образомъ онъ сдѣлался извѣстенъ государю и получилъ приглашеніе пріѣхать въ Россію.—Пребываніе императора Александра въ Парижѣ и его возвращеніе въ Ахенъ.—Дипломатическіе визиты и переговоры.—Графъ Каподистрія.—Образъ жизни императора Александра въ Ахенѣ.—Фанатикъ Брандтъ.

Въ полдень, 7-го октября я отправился съ княземъ Меншиковымъ изъ Ахена въ Валансьенъ, а государь намѣренъ былъ ѣхать туда же на другой день въ одной коляскѣ съ цесаревичемъ для смотра корпуса графа Воронцова. Ночью мы прибыли на станцію Гейсъ, гдѣ принуждены были ожидать лошадей до другаго утра. Въ седьмомъ часу пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ съ генералами Паскевичемъ и Алединскимъ; мы всѣ

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь, 1897 г.

вмѣстѣ пили чай и кофе, шутили и между прочимъ великій князь передразнивалъ короля прусскаго.

— Однажды, сказалъ онъ, король мнѣ съ часъ разсказывалъ о ландверѣ; признаюсь, что я ни одного слова не понялъ. Не правда ли,— продолжалъ онъ съ свойственною ему живостью,—что пруссаки къ намъ очень перемѣнились? чѣмъ болѣе я путешествую тѣмъ болѣе научаюсь цѣнить русскихъ.

Послѣ завтрака мы пустились въ путь вдоль романическихъ береговъ Мёзы и около обѣда пріѣхали въ старинный и обширный Намюръ, гдѣ застали великаго князя Михаила Павловича за столомъ. Онъ меня пригласилъ съ собою обѣдать и много со мною разговаривалъ. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ его.

— Трудно найти семейство, которое бы было столь дружно какъ наше.

— Чѣмъ бы улучшить положеніе Крыма и сдѣлать изъ него богатѣйшую губернію? спросилъ онъ меня.

— Образовать жителей,—сказалъ я ему,—есть первое средство.

— Къ чему имъ просвѣщеніе, отвѣчалъ онъ;—мужикъ долженъ знать столько, сколько крестьянину нужно, а не столько, сколько господину.

Я улыбнулся.

— Говори мнѣ правду,—сказалъ его высочество,—чего ты смѣешься?

— Я вамъ говорю всегда истину,—отвѣчалъ я;—просвѣщеніе могло бы дать несчастнымъ татарамъ способы завести издѣлія и усовершенствовать ихъ промыслы.

— Конечно въ этомъ смыслѣ вы правы,—прервалъ великій князь,— но я бы думалъ поселить тамъ иностранныя колоніи.

Послѣ сего разговоръ зашелъ о слѣдующемъ происшествіи, столь-же обыкновенномъ заграницею, сколь новомъ въ Россіи.

Года съ два тому назадъ, побочный сынъ извѣстнаго своею пышностію князя Александра Борисовича Куракина, баронъ Сердобинъ, женился на дочери богатаго французскаго генерала Луазона, поселился въ Нидерландахъ и просилъ на дняхъ позволеніе принять право гражданства въ Нидерландскомъ королевствѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ отказаться отъ подданства Россіи. Трудно описать, какое негодованіе поступокъ его произвелъ между всѣми нами; начиная отъ великаго князя, съ которымъ я объ этомъ говорилъ, до послѣдняго русскаго всѣ онымъ гнушаются. Въ Ахенѣ видѣлъ я подобную иностранку, рожденную княжну Голицыну, у которой отецъ, будучи русскимъ посланникомъ въ Голландіи, тамъ воспиталъ дѣтей своихъ и вселилъ въ нихъ столько любви къ нашему отечеству, что дочь не поѣхала обратно въ Россію, а сынъ отправился въ Америку въ званіи католическаго миссіонера.

Изъ Намюра мы поѣхали чрезъ Сомбрефъ въ Невиль, мимо поля

сраженія при Линьи и Катръ-бра. Въ Нидерландахъ нельзя сдѣлать шагу безъ того, чтобы не увидѣть какого нибудь достойнаго примѣчанія мѣста сраженія. Ватерлоо, Линьи, Катръ-бра, Флерусъ, Жемапъ, Денен, Фонтенуа, Рокруа, Стенкеркъ, и множество другихъ мѣстъ, славныхъ великими сраженіями, очень одно отъ другаго близки, такъ что можно слѣдить по нимъ за успѣхами военнаго искусства. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы увидѣть повсюду крестообразныя шпаги, означающія поля битвъ, не говоря уже объ лагерныхъ мѣстахъ и такихъ, которыя ознаменованы маршами, движеніями или осадами, дѣлающими эпоху въ военномъ искусствѣ.

Въ Нидерландахъ жители не довольны королемъ и говорятъ, что онъ не что иное какъ намѣстникъ короля англійскаго; жалобы ихъ естественны, потому что главная промышленность ихъ находится въ рукодѣліяхъ всякаго рода. Въ то время, когда они принадлежали къ Франціи, англійскія издѣлія были запрещены, и они могли возить свои произведенія по Германіи, Италіи, Испаніи и Швеціи, не платя за нихъ никакихъ пошлинъ, или по крайней мѣрѣ значительныхъ, потому что сіи земли болѣе или менѣе находились подъ владычествомъ Франціи; но нынѣшнее Нидерландское королевство стѣснено въ своихъ предѣлахъ и окружено со всѣхъ сторонъ таможнями. Сверхъ того, ихъ разоряетъ ввозъ англійскихъ товаровъ, съ которыми нидерландцы съ трудомъ могутъ содержать совмѣстничество, королю же ихъ нельзя отказать ни въ чемъ англичанамъ, потому что онъ обязанъ имъ политическимъ своимъ существованіемъ.

9-го октября. Ночью мы проѣзжали Монсъ, а въ девятомъ часу утра прибыли въ Валансьенъ. Переодѣвшись, я пошелъ къ графу Воронцову, котораго главная квартира находится за городомъ, въ деревнѣ Бильвекъ. Онъ одинъ изъ рѣдкихъ любимцевъ счастія, которое осыпало его необыкновенными дарами. Происходя отъ знатнаго рода, что̀ не оспоримо есть великое преимущество, онъ получилъ превосходное образованіе, которое развило отличныя умственныя и душевныя его способности; военное его поприще было блистательное: храбростію своею, благоразуміемъ и хладнокровіемъ онъ сталъ на ряду лучшихъ нашихъ генераловъ, а вѣжливымъ обращеніемъ съ офицерами, вниманіемъ къ нуждамъ ихъ и попеченіями своими и щедростію къ раненымъ онъ сдѣлался кумиромъ арміи. Можно сказать, что у насъ нѣтъ генерала, котораго бы любили столь много, какъ его; въ арміи и въ народѣ всѣ вообще превозносятъ его разумъ, безстрашіе, добрую душу, благородное употребленіе богатства его и великія способности, какъ государственнаго человѣка; а ежели присовокупимъ, что онъ достигнулъ до такой славы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ и при жизни отца своего, то нельзя

не согласиться, что онъ принадлежитъ къ весьма малому числу людей, особенно Провидѣніемъ покровительствуемыхъ.

Возвращаясь отъ графа Воронцова, я зашелъ къ Веллингтону, который меня пригласилъ къ себѣ на обѣдъ, въ ожиданіи коего я пошелъ домой, гдѣ засталъ моего стариннаго знакомца Старинкевича, который пріѣхалъ недавно изъ Парижа и между прочимъ разсказывалъ мнѣ, что онъ тамъ часто видѣлся съ графомъ Растопчинымъ и адмираломъ Чичаговымъ. Они оба рѣдко посѣщаютъ нашего посланника и порицаютъ Россію. Чичаговъ сочинилъ оправданіе поступковъ своихъ при Березинѣ и находится въ перепискѣ съ нѣкоторыми членами англійской оппозиціонной стороны. Лордъ Гренвиль писалъ къ нему о великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ слѣдующее: «какія понятія должны у нихъ быть о вольности народовъ, когда они были во Франціи во время междуцарствія и безначалія, въ Англіи, когда у принца-регента выбили стекла въ каретѣ, когда на избраніяхъ парламентскихъ едва не лишили жизни Максвеля и во время народныхъ собраній Гунта? когда учитель ихъ Шторхъ въ печатной книгѣ говоритъ, что для поддержанія свободы надлежитъ поручить исполнительной власти сильную армію, посредствомъ которой она можетъ дѣйствовать на людей, которые возмечтаютъ что либо предпринять?» Растопчинъ говорилъ Чичагову, который оспариваетъ у русскихъ всякія благородныя свойства, что, конечно, онъ отдаетъ справедливость патріотизму крестьянъ.

— И медвѣдица, отвѣчалъ адмиралъ, становится на заднія лапы, когда ее выгоняютъ изъ берлоги.

Въ четыре часа я пошелъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ обѣдать къ Веллингтону, гдѣ были принцъ Оранскій, фельдмаршалъ португальскихъ войскъ Бересфордъ и множество англичанъ съ выразительными лицами. Веллингтонъ пилъ только одно здоровье короля французскаго, потому что мы находимся въ его владѣніяхъ, но былъ въ нашей Андреевской лентѣ. Обѣдъ кончился въ восемь часовъ, послѣ чего мы пошли въ домъ, назначенный для императора, чтобы ожидать его величество. Государь вскорѣ прибылъ и принялъ напередъ Веллингтона, потомъ принца Оранскаго, а послѣ графа Воронцова, который былъ у него долго и вышелъ съ заплаканными глазами. Дай Богъ, чтобы это были слезы благодарности!

10-го октября. Въ девятомъ часу утра представлялись императору генералъ Дессоль, присланный отъ Людовика XVIII поздравить съ прибытіемъ во Францію, и разные другіе французскіе генералы, какъ-то: маркизъ Дотишампъ, принцы Брогліо, маркизъ Жумильякъ и Ростиньякъ. Послѣ мы поѣхали на смотръ корпуса графа Воронцова, коимъ государь былъ не совсѣмъ доволенъ, найдя, что выправка одиночная

солдатъ не доведена до требуемой у насъ степени совершенства; въ заключеніе былъ обѣдъ у Веллингтона.

Мобежъ. 11-го октября. Вчера въ Валансьенѣ мы поѣхали въ девять часовъ по утру на маневры союзныхъ войскъ, занимающихъ сѣверную часть Франціи съ 1815 года. Мы пробыли верхомъ на лошадяхъ до седьмаго часу по полудни и возвратились домой въ потемкахъ. Сперва войска были выстроены въ колоннахъ въ одну линію, справа стояли русскіе, а подлѣ нихъ саксонцы, ганноверцы, англичане и датчане. Они производили маневръ, состоявшій въ томъ, что русскій корпусъ обходилъ справа непріятеля, а прочія войска нападали на него съ фронта, продолжая атаки на пяти различныхъ позиціяхъ. Веллингтонъ самъ распоряжался маневромъ, и были, особенно къ концу, мастерскія движенія, наипаче выстроеніе арміи передъ занятіемъ четвертой позиціи. Генералъ Паскевичъ, съ которымъ я во весь этотъ день былъ неразлученъ, столько восхищался распоряженіями англійскаго полководца, что не находилъ словъ ихъ хвалить; мы съ нимъ ѣздили съ одного пригорка на другой, чтобы удобнѣе обозрѣвать маневръ, и на лицѣ его начертывалась радость, подобная той, которую ощущаютъ люди, занимающіеся науками, при чтеніи какого-либо изящнаго произведенія. Вопреки принятымъ вообще правиламъ, Веллингтонъ велъ атаки на возвышенныя мѣста и на батареи фронтомъ, а не колоннами. Послѣ маневра всѣ войска проходили мимо монарховъ, пѣхотныя въ взводныхъ колоннахъ, артиллерія по четыре орудія въ рядъ, а конница поэскадронно. Наша пѣхота шла въ головѣ и по обыкновенію хорошо, но я не видѣлъ въ ней ничего особеннаго, когда же появились за нею саксонскія, ганноверскія, англійскія и датскія войска, то я приведенъ былъ въ восхищеніе степенью совершенства, до которой наша пѣхота достигла; она отличилась отъ прочихъ, какъ орелъ отъ воробья. При семъ должно однакоже отдать справедливыя похвалы англійской конной артиллеріи, которую я нашелъ даже лучше нашей.

Датскія войска были самыя худшія; мнѣ разсказывали про нихъ слѣдующій анекдотъ. Когда они въ первый разъ за три года проходили мимо Веллингтона церемоніальнымъ маршемъ, то за каждымъ полкомъ слѣдовали служители офицеровъ, или по нашему деньщики, съ узлами, въ которыхъ находилось имущество и пожитки господъ ихъ, и почти у всякаго была въ рукѣ веревка, на которой привязана была собака; деньщики, поровнявшись съ Веллингтономъ, снимали шляпы и кланялись ему, что всѣхъ предстоявшихъ привело въ смѣхъ.

Послѣ маневровъ у Веллингтона былъ обѣдъ, а вечеромъ городъ давалъ балъ, но я такъ усталъ, что ни на тотъ, ни на другой не поѣхалъ, а обѣдалъ у князя Волконскаго. Онъ сверхъ своего обыкновенія былъ очень говорливъ и разсказывалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ

Аустерлицкаго сраженія; я при семъ случаѣ сдѣлалъ замѣчаніе, что военные охотнѣе всего говорятъ о томъ дѣлѣ, въ которомъ они въ первый разъ въ своей жизни были въ огнѣ. Когда австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Вейротеръ принесъ Кутузову для подписанія диспозицію къ бою, то сей сказалъ князю Волконскому: «Ты знаешь, что я баталіи не хочу давать, потому что она не можетъ быть намъ выгодна, но о н и сего требуютъ, итакъ я подписываю». Князь присовокупилъ, «что многіе упрекаютъ Кутузова, что онъ боится сраженія».

За симъ же обѣдомъ разсказывали слѣдующіе два анекдота: когда графа Платова женѣ дали орденъ Екатерининскій, то генералъ Евгеній Ивановичъ Марковъ сказалъ: «прежде были штатсъ-дамы, а теперь штатсъ-бабы».

Мы поѣхали съ княземъ Меншиковымъ въ одиннадцать часовъ изъ Валансьена въ Мобежъ, куда прибыли на разсвѣтѣ.

12-го о к т я б р я. Полумертвый отъ усталости бросился я на постель въ отведенномъ мнѣ домѣ мера Мартина. Въ два часа пополуночи прибылъ король Прусскій, потомъ принцъ Оранскій, а послѣ императоръ. Сперва мы осматривали военный госпиталь, а послѣ школу, учрежденную для обученія нашихъ солдатъ по методѣ Ланкастера; успѣхи воспитанниковъ были весьма значительны. Кажется, что великимъ сея земли понравилось тоже въ семъ училищѣ, что ученики дѣлаютъ все по воинскимъ командамъ и даже въ ногу переходятъ съ мѣста на мѣсто. Эта страсть къ мелочной воинской службѣ въ просвѣщенныхъ монархахъ, которые видѣли своими глазами войну и слѣдственно знаютъ, что она не состоитъ въ пустыхъ командныхъ словахъ и тому подобное, для меня есть психологическая задача. По возвращеніи былъ обѣдъ у графа Воронцова, на которомъ присутствовали, между прочимъ, оба монарха, принцъ Оранскій, Веллингтонъ и много прекрасныхъ англичанокъ. Обращеніе сихъ послѣднихъ удивляло меня, который никогда не видалъ столько британокъ вмѣстѣ: онѣ были то застѣнчивы, то говорливы, то краснѣли, то спорили, какъ члены парламента.

Вчера на маневрахъ великій князь Михаилъ Павловичъ, разговаривая со мною, сказалъ:—«Какъ бы я желалъ родиться въ такомъ званіи, чтобы могъ быть адъютантомъ какого-либо генерала». А сегодня, говоря со мною о воспитаніи, обратился онъ къ Чернышеву и сказалъ ему:

— Данилевскій со мною споритъ и хочетъ непремѣнно изъ солдатъ сдѣлать ученыхъ.

— Великая разница,—отвѣчалъ я ему,—между ученымъ и образованнымъ человѣкомъ.

Я упоминалъ, что онъ охотникъ до каламбуровъ, вотъ тому примѣръ. Великій князь разсказывалъ одному генералу, что въ гвардіи носятъ обшлага или отвороты.—«Ainsi toute la garde porte des revers» сказалъ

генералъ.—«Oui, отвѣчалъ его высочество, nous sommes tous malheureux dans la garde».

Вечеромъ былъ балъ, на которомъ со мною говорили императоръ, король прусскій, великій князь Михаилъ Павловичъ, принцъ Оранскій и принцъ Карлъ прусскій; я записываю таковыя подробности, потому что онѣ для меня лестны, ибо я самъ собою достигъ до сей чести. Между дамами была самая пригожая баронесса Тростъ. Король прусскій спросилъ меня по-нѣмецки, нравится ли она мнѣ, на что я ему отвѣчалъ:—«Wahrlih ein shöner Trost». Этотъ плоскій каламбуръ такъ ему понравился, что онъ хохоталъ, какъ ребенокъ.

13-го октября. Сегодня, въ семь часовъ, была обѣдня; послѣ оной государь отправился въ Седанъ, для смотра прусскихъ войскъ, а мнѣ приказано ѣхать прямо въ Ахенъ, чему я обрадовался, потому что тамъ проживу свободно нѣсколько дней. Я было хотѣлъ съѣздить въ Амстердамъ, однако же государь сего не позволилъ, сказавъ, что онъ очень скоро возвратится изъ Парижа, и присовокупилъ, что онъ расположитъ путешествіе свое слѣдующимъ образомъ: 13-го и 14-го пробудетъ въ Седанѣ, 15-го отправится въ Суассонъ, 16-го къ обѣду въ Парижъ, того-же дня на ночь въ Санлисъ и возвратится въ Ахенъ чрезъ Валансьенъ.

Я поѣхалъ изъ Мобежа съ княземъ Меншиковымъ около обѣда и мы прибыли часовъ въ восемь вечера въ городъ Невиль, гдѣ расположились ночевать, чтобы на завтра осмотрѣть поле сраженія при Ватерлоо. Вечеръ мы провели въ разговорахъ о походѣ 1812-го года, и, пробѣгая мысленно разные случаи, въ которыхъ въ то время отечество наше находилось на краю бездны, и изъ коихъ оно извлекаемо было неоднократно не искусствомъ полководцевъ нашихъ, но слѣпою фортуною, заключили тѣмъ, что весьма справедлива надпись на памятныхъ медаляхъ нашихъ: «не намъ, не намъ, а имени Твоему».

14-го октября. Мы встали въ шестомъ часу, сѣли въ коляску и взяли съ собою двухъ верховыхъ лошадей, чтобы объѣхать на нихъ поле Ватерлооскаго сраженія. Близъ Монплезира мы сѣли верхомъ, осматривали сперва возвышеніе при Гумонѣ, а оттуда поѣхали вдоль позиціи французской къ «Прекрасному Союзу» (la ferme de la belle alliance). На трактирѣ написано, что фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, встрѣтясь здѣсь, поздравили другъ друга съ побѣдою: se sont salués vainqueurs». Изъ «Прекраснаго Союза» мы направились на деревню Панелотъ и поворотили вдоль мѣста, на которомъ расположено было лѣвое крыло англійской арміи къ Лаге-Сентъ. Здѣсь находился центръ войскъ Веллингтона и здѣсь сей фельдмаршалъ стоялъ во время дѣла. Наполеонъ же былъ на серединѣ между «Прекраснымъ Союзомъ» и Лаге-Сентъ; отсюда онъ ободрялъ солдатъ своихъ, наступав-

шихъ на англійскія колонны и на батареи ихъ. Я видѣлъ также мѣсто, гдѣ генералъ Камбронъ произнесъ слѣдующее выраженіе, которое отзовется въ потомствѣ: «Старая гвардія умираетъ, а не сдается».

На полѣ сраженія находятъ по сихъ поръ много картечи, пуль, штыковъ и прочаго, чѣмъ торгуютъ здѣшніе жители. Я взялъ на память пуговицу, принадлежавшую французскому гвардейскому солдату, какъ значится по ея надписи. Одинъ англичанинъ купилъ за высокую цѣну дерево, близъ котораго Веллингтонъ находился во время сраженія; также поставлено нѣсколько памятниковъ, одинъ пруссаками, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они вступили въ дѣло, другой въ честь англійскаго офицера Гордона, третій въ память гановерскимъ войскамъ еще сооружается. Мы провели около двухъ часовъ, объѣзжая сіи классическія мѣста и продолжали путь верхомъ черезъ деревню Монъ-Сенъ-Жанъ и Суанійскій лѣсъ и нашли коляску нашу въ деревнѣ Ватерло, гдѣ была предъ сраженіемъ главная квартира британскаго главнокомандующаго. Въ трактирѣ, въ которомъ онъ тогда ночевалъ, сдѣлана слѣдующая вывѣска «Трактиръ главной квартиры герцога Веллингтона». Намъ разсказывали, что во время сраженія здѣсь все было въ великомъ смятеніи, потому что вскорѣ послѣ начала полагали оное уже проиграннымъ для англичанъ.

Отсюда мы поѣхали въ прекраснѣйшее осеннее утро и во фракахъ въ Брюссель. Заказавъ обѣдъ, мы пошли въ книжныя лавки, которыя тѣмъ любопытны, что по причинѣ свободнаго книгопечатанія, можно видѣть множество сочиненій, запрещенныхъ въ другихъ государствахъ; хотя я врагъ непросвѣщенія, но признаюсь, что запечаталъ бы сіи лавки, потому что нашелъ множество книгъ, служащихъ единственно къ бунту народовъ противъ царей и заключающихъ ругательства противъ многихъ коронованныхъ главъ.

Въ такъ называемомъ паркѣ, я видѣлъ прудъ, въ который упалъ Петръ Великій. Близъ онаго я встрѣтилъ принца Оранскаго, супруга великой княгини Анны Павловны, который мнѣ пенялъ самымъ дружескимъ образомъ, почему я къ нему не пріѣхалъ, и приглашалъ меня обѣдать: «если у васъ нѣтъ мундира, сказалъ онъ, то вы не безпокойтесь, пріѣзжайте во фракѣ». Я отклонилъ лестный для меня зовъ его подъ предлогомъ, что въ Ахенѣ меня ожидаетъ много дѣлъ. Принцъ Оранскій отвѣчалъ мнѣ шутя, что онъ будетъ жаловаться на меня государю за то, что вмѣсто того, чтобы явиться къ великой княгинѣ, я ходилъ по книжнымъ лавкамъ покупать запрещенныя въ Россіи сочиненія.

17-го октября. На конгрессѣ, передъ отъѣздомъ нашимъ въ Мобежъ, разсуждали, какимъ образомъ поддержать согласіе между державами, и предложили для сего заключить союзъ между Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею; но государь настаивалъ и успѣлъ, чтобы и Фран-

цію вмѣстили въ число державъ, которыя участвуютъ въ семъ союзѣ. На сіе долго не соглашались министры прочихъ державъ, но теперь они приступили къ мнѣнію государя, и дипломаты составляли во время нашего пребыванія въ Валансьенѣ декларацію въ семъ смыслѣ, подписаніемъ коей, по возвращеніи императора изъ Парижа, заключится конгрессъ. Возблагодарятъ ли французы государя, который сохранилъ ихъ столицу отъ гибели, а нынѣ отечеству ихъ даетъ мѣсто между первенствующими державами?

19-го октября. Въ ожиданіи возвращенія государя изъ Парижа, я провожу время довольно скучно; книжныя лавки бѣдны, погода дурная и мысль, что далеко отъ своихъ, терзаетъ; итакъ и я могу произнести слово с в о и х ъ, бывши во всю жизнь одинъ на землѣ; какъ это слово пріятно!

Я посѣщалъ англійскаго живописца Лауренса, который сюда присланъ отъ принца-регента, чтобы списать монарховъ и министровъ, уполномоченныхъ на конгрессѣ. Дарованія его необыкновенныя; но жаль, что онъ не былъ въ Италіи; я думаю, что для художника столь же необходимо видѣть своими глазами произведенія Рафаэля, Микель-Анжело и Тиціана, какъ для стихотворца чтеніе въ подлинникѣ Виргилія и Горація. У него отдѣланы совсѣмъ писанныя съ натуры изображенія Платова, Блюхера и принца-регента. Сей послѣдній написанъ во всѣхъ орденахъ, которые онъ имѣетъ и даже въ нашемъ Георгіевскомъ крестѣ, который онъ надѣлъ въ то время, когда государь прислалъ ему Андреевскую ленту, а принцъ-регентъ полагая, что съ симъ первымъ знакомъ отличія имперіи, сопряжено право носить и прочіе россійскіе кресты, велѣлъ написать себя съ военнымъ орденомъ. Портретъ нашего государя Лауренсу не удался, особенно нижняя часть лица вовсе не похожа. Лауренсъ разсказывалъ мнѣ, что въ то время, какъ онъ писалъ изображеніе государя, то его величество былъ скученъ, почему онъ повѣсилъ нѣсколько портретовъ англійскихъ красавицъ напротивъ императора, чтобы его развеселить. По окончаніи портрета, Лауренсу пожалованъ брильянтовый перстень цѣною въ три тысяти восемьсотъ рублей.

Въ это же время я познакомился съ живописцемъ Доу, который впослѣдствіи писалъ портреты съ генераловъ нашихъ, участвовавшихъ въ войнѣ, окончившейся Парижскимъ миромъ, и такъ какъ онъ въ Россіи увѣковѣчилъ имя свое, то я при семъ случаѣ разскажу, какимъ образомъ онъ сдѣлался извѣстенъ государю. Однимъ утромъ въ Ахенѣ приходитъ ко мнѣ англичанинъ, весьма собою не видный, и объявя, что онъ живописецъ, приглашаетъ въ свою мастерскую. Я отказался, имѣвъ весьма часто таковаго рода посѣщенія и знавши по опыту, что оныя кончались обыкновенно тѣмъ, что художники просили меня сдѣлать талантъ ихъ извѣстнымъ императору. Это былъ г. Доу, который,

видя, что я не соглашался идти къ нему, просилъ, наконецъ, позволенія принести ко мнѣ картины своей работы и оставить ихъ въ моей горницѣ на нѣсколько дней, дабы приходившіе ко мнѣ соотечественники наши могли ихъ видѣть и посредствомъ того его узнать.

Онъ мнѣ принесъ три или четыре портрета, коихъ сходствомъ всѣ были поражены, и между прочимъ, князь Волконскій, приходившій ко мнѣ въ сіе время, и который сказалъ, чтобы я къ нему прислалъ Доу для сниманія съ него портрета. Надобно знать, что изъ комнатъ государя была лѣстница, которая вела прямо къ князю Волконскому, и по которой императоръ сошелъ къ нему въ одно утро, какъ Доу князя писалъ, и государь былъ столь удивленъ необыкновеннымъ сходствомъ, что велѣлъ мнѣ сдѣлать предложеніе Доу пріѣхать въ Россію для снятія портретовъ съ нашихъ генераловъ, на что онъ, какъ легко можно вообразить, съ радостію согласился.

Вечеромъ, въ восьмомъ часу, возвратился государь въ Ахенъ. Его величество въѣхалъ въ Парижъ 16-го октября въ третьемъ часу пополудни въ одной коляскѣ съ цесаревичемъ; за заставою находилось довольное число экипажей и народа, чтобы встрѣтить императора, но толпа была не слишкомъ велика, конечно отъ того, что парижане не были предупреждены о прибытіи его величества. Государь остановился въ домѣ русскаго посольства, находящемся въ улицѣ Серюти, куда пріѣхали принцы крови, въ числѣ коихъ Людовика XVIII не было, и поставленъ былъ почетный караулъ. Чрезъ нѣсколько времени императоръ отправился къ королю прусскому и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ обѣдать въ Тюльерійскій дворецъ въ кавалергардскомъ мундирѣ и въ орденѣ Св. Духа. Было ли много зрителей у Тюльери, не знаю, потому что не у кого спросить, ибо въ сіе время съ его величествомъ не находилось никого изъ русскихъ, даже король французскій не пригласилъ къ столу и князя Волконскаго. Послѣ обѣда, государь провелъ нѣсколько часовъ наединѣ съ Людовикомъ; въ это время король прусскій поѣхалъ въ театръ. Въ девятомъ часу государь возвратился изъ Тюльери и въ десять выѣхалъ изъ Парижа на ночлегъ въ Санлисъ, 17-го ночевалъ въ Валансьенѣ, а 18-го въ Намюрѣ. Король прусскій и цесаревичъ остались на нѣсколько дней въ Парижѣ.

Такимъ образомъ, совершилось сіе кратковременное путешествіе императора въ столицу Франціи, куда государь ѣздилъ по усиленной просьбѣ тюльерійскаго кабинета. Посѣтивъ на нѣсколько часовъ Людовика XVIII, государь далъ почувствовать непріязненной партіи сего монарха, что онъ его защитникъ, и симъ, повидимому, маловажнымъ поступкомъ, утвердилъ его на тронѣ, ибо кто въ Европѣ осмѣлится сдѣлать что-либо вопреки Александра? Ришелье, которому поручено

было просить императора въ Парижъ, сказалъ мнѣ, что король французскій умретъ, ежели государь его не посѣтитъ.

По возвращеніи въ Ахенъ, государь немедленно поѣхалъ къ австрійскому императору, котораго засталъ играющимъ на скрипкѣ квартетъ. Обыкновенные его товарищи въ семъ музыкальномъ занятіи суть: генералъ-адъютантъ графъ Кучера и оберъ-гофмаршалъ Врбна, который всѣми вообще соотечественниками своими и иностранцами признается однимъ изъ честнѣйшихъ людей.

20-го октября. Вчера вечеромъ, пріѣхали сюда наслѣдный прусскій принцъ и братъ его принцъ Вильгельмъ, а сегодня поутру государь, не выждавъ ихъ визита, предупредилъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, а потомъ былъ у Веллингтона. Ежели бы возстали дипломаты прежнихъ лѣтъ, то они не повѣрили бы, что можно диктатору Европы, безъ униженія, устранять такимъ образомъ этикетъ, освященный вѣками. Въ одиннадцать часовъ утра былъ у нашего государя императоръ австрійскій, и вдвоемъ они провели болѣе часа, а съ Кастельреемъ, который послѣ пріѣхалъ, пробылъ его величество часа съ два. Послѣ Петра Великаго, Александръ—первый императоръ, который самъ ведетъ переговоры съ иностранными дипломатами; должно твердо быть увѣрену въ себѣ, чтобы лично заниматься важнѣйшими дѣлами съ первыми министрами своего вѣка.

— Отпустите ли вы насъ изъ Ахена 3-го ноября, какъ прежде назначено было? спросилъ я сегодня графа Каподистрія.

— Я васъ увѣряю, отвѣчалъ онъ, что дѣла къ сему времени окончатся, только надобно, чтобы государь рѣшительно объявилъ иностраннымъ кабинетомъ, что онъ хочетъ непремѣнно ѣхать 3-го числа, а безъ того они займутся пустяками еще четыре недѣли.

Каподистрія, по единодушному сознанію всѣхъ, есть одинъ изъ отличнѣйшихъ людей нашего времени и онъ будетъ имѣть ту честь, что управлялъ иностранною частію въ такое время, когда государь далъ политикѣ нашей ходъ твердый и открытый, приличной державѣ, какъ Россія, которую никакое государство устрашить не можетъ и которая находится въ томъ счастливомъ положеніи, что если правительство займется внутреннимъ ея устройствомъ, то оно принесетъ Россіи несравненно большія выгоды, нежели всякое завоеваніе. Каподистрія первый принялъ за правило снабжать посланниковъ нашихъ подробными наставленіями о томъ, какъ имъ надлежитъ поступать, и депеши, которыя онъ имъ сообщаетъ впослѣдствіи, не противорѣчатъ главному содержанію первоначальныхъ наставленій, имъ данныхъ. Лучшими его произведеніями почитаютъ инструкціи посланнику нашему при Оттоманской Портѣ, барону Строгонову и дѣло о денежныхъ расчетахъ съ разными державами.

— Если бы намъ случилось утратить наши тайные архивы, сказалъ онъ мнѣ, то не токмо сіе не было бы для насъ потерею, но послужило бы къ нашей пользѣ, потому что Европа усмотрѣла бы изъ оныхъ, съ какою чесностію и откровенностію мы поступаемъ.

Вліяніе графа Каподистрія весьма усилилось въ послѣдніе три года. Метернихъ старается увѣрять государя о существованіи повсемѣстныхъ будто бы заговорахъ въ Европѣ, распространенію коихъ способствуютъ, по его мнѣнію, вводимыя въ различныхъ государствахъ представительныя правительства, которыя вѣнскій кабинетъ желаетъ уничтожить. Графъ Каподистрія принялъ на себя важный трудъ противоборствовать Метерниху и доказывать неосновательность опасеній его насчетъ заговоровъ; времени предоставлено обнаружить, кто въ сей борьбѣ возметъ верхъ.

21-го октября Сегодня государь ѣздилъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ на встрѣчу вдовствующей императрицѣ, которая по прибытіи изволила кушать въ загородномъ домѣ, нанимаемомъ государемъ близъ Ахена. Послѣ обѣда императрица продолжала путешествіе свое въ Брюссель, а императоръ поѣхалъ провожать ея величество до Мастриха, гдѣ и будетъ ночевать.

Образъ жизни императора отмѣнно единообразный; онъ встаетъ въ Ахенѣ часовъ въ восемъ, вскорѣ потомъ приходитъ къ нему князь Волконскій, съ которымъ они читаютъ дневной приказъ по арміи и который ему представляетъ разныя мелочныя бумаги, касающіяся дво ра. Съ половины девятаго государь остается одинъ до половины втораго; въ это время происходятъ конференціи министерскія; иногда, но очень рѣдко, около полудня его величество даетъ аудіенцію знатнымъ иностранцамъ; я полагаю, что теперь оныя будутъ еще рѣже, послѣ случившагося съ генераломъ французскимъ Мезономъ (Maison), который напечаталъ въ газетѣ, подъ названіемъ «Le vrai libéral» разговоръ свой съ государемъ во время аудіенціи, которую онъ недавно имѣлъ. Нескромность таковаго поступка очевидна сама собою, но она еще становится важнѣе, когда кто знаетъ, что императоръ бываетъ очень откровененъ съ именитыми военными людьми. Въ заключеніи разговора напечатано, будто его величество сказалъ: «Croyez moi, parce que je suis un honnête homme» (Вѣрьте мнѣ, потому что я честный человѣкъ). Въ половинѣ втораго, государь ходитъ пѣшкомъ гулять, а чрезъ часъ кушаетъ или одинъ, или съ великими князьями, когда они бываютъ здѣсь, или же съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, котораго онъ очень отличаетъ, и который путешествовалъ съ нами по Крыму. Что происходитъ послѣ обѣда до шести часовъ— мнѣ неизвѣстно, но императоръ въ это время никуда не выходитъ; въ седьмомъ часу пріѣзжаютъ наши уполномоченные на конгрессѣ, графы

Нессельроде и Каподистрія, которые обыкновенно часовъ до одиннадцати просиживаютъ у его величества. Вообще, въ Ахенѣ занимаются дѣлами несравненно прилежнѣе, чѣмъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, къ чему не мало способствуетъ, что здѣсь нѣтъ женскихъ обществъ, какъ то было въ Вѣнѣ. Статсъ-секретари государя обязаны представлять ему въ подлинникѣ всѣ депеши, получаемыя ими не только отъ нашихъ министровъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ, но даже и отъ консуловъ, такъ что графы Каподистрія и Нессельроде не что иное какъ секретари его. Равнымъ образомъ исходящія бумаги пересматриваемы и исправляемы бываютъ императоромъ. Признано во всей Европѣ, что дипломатическія ноты ни при одномъ дворѣ такъ хорошо не пишутъ, какъ при нашемъ.

26-го октября. Время отъѣзда приближается, дипломаты работаютъ много, и черезъ два или три дня обнародуютъ декларацію общаго союза Европейскихъ главныхъ пяти державъ. Король прусскій возвратился вчера изъ Парижа, гдѣ онъ ежедневно ѣздилъ въ театръ и восхищался каламбурами Потье и Брюне. Одинъ австрійскій императоръ во все продолженіе конгресса никуда не отлучался; онъ почти ежедневно посѣщаетъ здѣшнія окрестности и фабрики, чѣмъ пріобрѣлъ любовь жителей, которые всѣ фабриканты. Они единодушно съ восхищеніемъ воспоминаютъ о французскомъ правительствѣ, особенно о Наполеонѣ, который запретилъ ввозъ англійскихъ товаровъ и одобрялъ необыкновеннымъ образомъ рукодѣлія; онъ часто осматривалъ ихъ лично, заказывалъ много издѣлій для двора своего, давалъ фабрикантамъ медали и ордена и входилъ въ положеніе ихъ и главныхъ производителей работъ, называемыхъ «maître ouvrier», которыхъ награждалъ пожизненными пенсіонами, нерѣдко значительными. Жители воспоминаютъ также, что онъ предполагалъ сдѣлать въ Ахенѣ много украшеній для города. Когда онъ бывалъ здѣсь, то давалъ ежедневно аудіенціи купцамъ и фабрикантамъ и бесѣдовалъ съ ними. Не говоря о настоящемъ упадкѣ мануфактуръ, одна изъ жалобъ обывателей на прусское правительство состоитъ въ томъ, что каждый гражданинъ долженъ служить въ военной службѣ около мѣсяца въ году, и на это время оставлять занятія свои и учиться военнымъ дѣйствіямъ. Конскрипція французская была для нихъ легче, потому что зажиточные люди имѣли право откупаться, которое теперь не существуетъ.

На сихъ дняхъ вошелъ ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ съ разстроеннымъ видомъ и сказалъ, чтобы я его выслушалъ, если мнѣ жизнь государя дорога. Легко можно представить мое удивленіе; я просилъ его объясниться. Онъ сказалъ, что онъ уроженецъ курляндскій и имя его Брандтъ, что, находясь съ годъ въ Швейцаріи, въ учебномъ заведеніи у

Песталоцци, узналъ тамъ о заговорѣ, который можетъ быть очень вреденъ для Россіи.

— Какого же рода сей заговоръ?—спросилъ я его.

— Я могу это объявить одному императору, отвѣчалъ мнѣ Брандтъ, но все, что мнѣ позволено сказать вамъ, это — что жребій Англіи въ моихъ рукахъ, что я одинъ въ состояніи покорить Англію, что до сихъ поръ не было еще Мессіи, что настоящій Мессія есть Песталоцци, что Богъ даровалъ мнѣ силы свыше, что всѣ тѣ, которые носятъ ордена, суть дѣти мрака и тому подобное.

Изъ сихъ словъ легко было видѣть, что этотъ молодой человѣкъ сумасшедшій или фанатикъ; но я, желая исполнить долгъ службы, отвезъ его къ князю Волконскому, который доложилъ о немъ его величеству, а государь велѣлъ допросить его Стурдзѣ, извѣстному мистическими сочиненіями. Брандтъ послѣ сего былъ у меня еще одинъ разъ, и между прочимъ, сказалъ, что Коцебу есть врагъ человѣческаго рода. Я смѣялся надъ сими словами и пренебрегъ ими, но когда черезъ годъ послѣ того Коцебу палъ отъ руки убійцы, то я, вспоминая ихъ, заключилъ, что Брандтъ принадлежалъ къ тайнымъ обществамъ, существовавшимъ въ Германіи. Политическій фанатизмъ студентовъ въ нѣмецкихъ университетахъ, или лучше сказать, сумасбродство ихъ достигло до такой степени, что дѣлаетъ извинительными мѣры строгости, предпринимаемыя противъ нихъ и ограничивающія свободу учащихся. Я бы не повѣрилъ, ежели бы не слышалъ отъ одного почтеннаго иностраннаго министра, что онъ самъ видѣлъ планы студентовъ учредить во всей Европѣ демократическія правленія и составленную ими карту нашей части свѣта, которую они для сего предмета раздѣлили на одиннадцать удѣловъ.

IV.

Отъѣздъ изъ Ахена.—Заговоръ противъ государя.—Мѣры предосторожности, принятыя для охраненія Александра.—Брюссель.—Представленіе королю и королевѣ Нидерландскимъ.—А. Л. Нарышкинъ.—Обѣдъ у принца Оранскаго и балъ.—Новыя опасенія за государя.—Камбасардъ.—Коленкуръ.—Анекдотъ о немъ.—Воспоминанія объ Ахенѣ.—Кобленцъ.—Король и королева Виртембергскіе.—Благодарность баденскаго населенія.—Количество золотой и серебряной монеты, отправленной въ Петербургъ Ротшильдомъ.—Уничтоженіе княземъ Волконскимъ письма Беннигсена къ государю.—Карлсруэ.—Принцъ Людвигъ.—Визиты къ царствующимъ особамъ.—Графъ Монкъ.—Разсказъ о принцѣ шведскомъ Густавѣ.—Разговоръ императрицы Елисаветы Алексѣевны съ княземъ Волконскимъ.—Простота домашней жизни императрицы.—Баденскій дворъ.—Анекдоты о маркграфинѣ Баденской.—Придворные порядки въ Карлсруэ. Королева Виртембергская Екатерина Павловна.—Изобрѣтенія доктора Кернера.—Разговоръ съ королевой Виртембергской.—Письмо государя къ принцу Евгенію.—Приключеніе съ графомъ Ожаровскимъ.

Предположено было, возвращаясь въ Россію, прежде ѣхать въ Веймаръ, оттуда въ Кобургъ, Брюссель и чрезъ Стутгардъ и Мюнхенъ въ

Вѣну, но сегодня перемѣнилось намѣреніе императора. Мы поѣдемъ изъ Франкфурта въ Бруксаль и Стутгардъ, а оттуда въ Веймаръ, изъ сего же города чрезъ Богемію въ Вѣну, такъ что въ Мюнхенѣ не будемъ, чему причиною дѣло о баденскомъ наслѣдствѣ, въ которомъ государь опровергнулъ несправедливыя требованія баварскаго двора.

Нѣкто изъ нашихъ соотечественниковъ, разговаривая съ однимъ иностраннымъ дипломатомъ, сказалъ ему, что въ Россіи всѣ служатъ, на что дипломатъ отвѣчалъ: si tout le monde sert chez vous qui servez vous donc? (Если у васъ всѣ служатъ, то кому же вы служите)?

Сегодня пріѣхалъ сюда герцогъ Ангулемскій, и былъ большой обѣдъ у короля прусскаго, послѣ котораго герцогъ провелъ у государя болѣе часа. Замѣтили, что онъ, пріѣзжая только на одинъ день на конгрессъ, гдѣ дѣло шло о томъ, быть ли Франціи въ числѣ первенствующихъ державъ или нѣтъ, не упустилъ однако же, не взирая на свое кратковременное пребываніе въ Ахенѣ, отслушать обѣдню въ католической церкви.

Брюссель. 6-го ноября. Третьяго дня мы отправились изъ Ахена въ Брюссель; въ первый день ночевали въ Тонгрѣ, а вчера императоръ сюда прибылъ къ обѣду и, благодаря Богу, благополучно, потому что передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ изъ Ахена открытъ заговоръ, въ которомъ было до шестисотъ отставныхъ французскихъ офицеровъ подъ начальствомъ Лаборда, бывшаго адъютанта Вандама, и сотоварищей его Пиже, Лакруа, Трукіеса и другихъ. Они намѣревались остановить государя дорогою изъ Ахена въ Брюссель и принудить его подписать манифестъ въ пользу сына Наполеонова. Теперь еще не всѣ соучастники пойманы, а потому и нельзя знать настоящей цѣли, равно и обширности ихъ злоумышленій; по сихъ поръ схвачено до тридцати заговорщиковъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Бухгольцъ, открылъ тайну заговора бургомистру брюссельскому, который извѣстилъ, между прочимъ, пребывающаго тамъ французскаго министра Латуръ-Дюпена, а сей написалъ немедленно въ Ахенъ къ дюку-де-Ришелье, который сообщилъ оную императору съ небольшимъ за часъ до отъѣзда его величества въ Брюссель. Государь принялъ сіе извѣстіе весьма равнодушно и ѣхалъ въ открытой коляскѣ въ трехугольной шляпѣ съ бѣлымъ перомъ, какъ будто нарочно для того, чтобы разбойники могли его узнать, хотя обыкновенно въ дорогѣ носитъ фуражку. Принцъ Оранскій распорядился во время сего пути такимъ образомъ, что отрядъ конницы слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи безъ вѣдома его величества за коляскою государя, дабы въ случаѣ нужды быть въ готовности подать помощь; другіе отряды поставлены были на станціяхъ. Нидерландскія войска, въ которыхъ находится много отставныхъ французовъ, были удалены съ большой дороги и замѣнены швейцарскими и множество

жандармовъ частью спрятаны были подъ мостами, во рвахъ и въ деревняхъ, а частью, переодѣтые въ крестьянскихъ платьяхъ, не теряли изъ вида коляски государя; верховыя лошади, назначенныя для императора въ чрезвычайномъ случаѣ, слѣдовали тоже вблизи; генералу Трипу поручено было отъ короля нидерландскаго, весьма испугавшагося заговора, сопровождать императора.

Сіе происшествіе не удивляетъ меня, ибо мысли въ Европѣ, а особенно въ Нидерландахъ, въ ужасномъ броженіи. Жители сей земли, двадцать лѣтъ принадлежавшіе Франціи, жаждутъ, такъ сказать, новыхъ переворотовъ; а свободное книгопечатаніе освѣжаетъ въ ихъ памяти прежнюю славу французскаго оружія, которая для самолюбія настоящаго поколѣнія представляла столь много надеждъ и мечтаній, остающихся неудовлетворенными. На окнѣ одной книжной лавки я насчиталъ девять сочиненій въ похвалу Наполеона и бывшей, такъ называвшейся, великой арміи. Какъ при таковыхъ обстоятельствахъ не воспламениться воображенію молодыхъ людей?

Я во всю дорогу старался сколько можно не отставать отъ императора, ибо извѣстіе о заговорѣ меня сильно поразило; я ѣхалъ не бобѣе, какъ въ верстѣ позади его величества и, какъ легко можно представить, всякій шумъ, слышанный иногда на дорогѣ, каждое подозрительное лицо, каждая видѣнная мною издали на встрѣчу къ намъ ѣхавшая повозка заставляли сильно биться сердце мое; какой русскій могъ бы на моемъ мѣстѣ оставаться равнодушнымъ въ Тонгрѣ, гдѣ былъ нашъ ночлегъ? Я не ложился спать и нѣсколько разъ ночью выходилъ осматривать караулъ, стоявшій вокругъ дома государева. Это были швейцарскія войска, но которыя однако же находились не задолго предъ тѣмъ во французской службѣ, а потому мнѣ казались ненадежными. На станціяхъ я встрѣчалъ дѣйствительно по нѣскольку отставныхъ французскихъ офицеровъ, которыхъ легко можно было узнавать по пріемамъ ихъ, по синимъ сюртукамъ и по красной орденской лентѣ, находившейся въ ихъ петлицѣ. Всѣ они имѣли болѣе или менѣе мрачный видъ, и на меня, пріѣхавшаго на почтовые дворы минутъ черезъ пять послѣ императора, смотрѣли косо и съ негодованіемъ. Зачѣмъ люди сіи стояли на каждой станціи? Конечно, любопытство видѣть государя могло быть тому причиною, но не были ли они собраны на станціяхъ для приведенія въ дѣйствіе своихъ замысловъ?

Мнѣ отвели въ Брюсселѣ квартиру въ домѣ англійскаго адмирала Гревеса; ихъ четыре брата и все четверо адмиралы. Вечеромъ болѣе часа я бесѣдовалъ съ его дочерями, милыми англичанками, которыя пригласили меня пріѣхать къ нимъ въ графство Девонширское. Здѣсь, въ Брюсселѣ находится вдовствующая императрица, великій князь Михаилъ Павловичъ и дѣти короля прусскаго.

7-го ноября. Вчера поутру я представлялся вдовствующей императрицѣ. Отъ нея я ѣздилъ представляться къ нидерландскому королю, который, какъ сіе въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, разговаривалъ со мною нѣсколько минутъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Едва я вышелъ отъ него, какъ встрѣтилъ императора, который ѣхалъ поздравлять королеву съ днемъ ея рожденія. Я послѣдовалъ за его величествомъ и нашелъ у королевы весь дворъ; онъ не пышенъ и придворные столь же не ловки, каковыми я ихъ видѣлъ за три года; можно даже сказать, что они не учтивы. Напримѣръ, ни одинъ изъ нихъ не спрашивалъ насъ русскихъ, гостей своихъ, какъ сіе обыкновенно водится, веселимся ли мы, нравится ли намъ Брюссель и тому подсбное. Тутъ же былъ и единственный нашъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, сей образчикъ баснословнаго почти для Россіи вѣка Екатерины, который не пропускаетъ ни одного дня, не сказавши какого-нибудь остраго слова. На вопросъ одного изъ насъ, поѣдетъ ли государь на разводъ, онъ отвѣчалъ: «въ Брюсселѣ нѣтъ другого развода, кромѣ того, что герцогъ... разводится съ своею женою».

Въ четыре часа пригласили насъ обѣдать къ принцу Оранскому, гдѣ находилось болѣе двухсотъ особъ, между прочимъ, герцогъ Веллингтонъ, который передъ отъѣздомъ изъ Ахена пожалованъ русскимъ фельдмаршаломъ и былъ въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ. За десертомъ раздавали французскіе печатные стихи, и я упоминаю о семъ обстоятельствѣ для того только, чтобы сказать, что стихи сіи были такъ дурны, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было смысла. Это доказываетъ, что нидерландское правительство не обращаетъ большаго вниманія на служителей музъ.

Вечеромъ былъ балъ, на которомъ вдовствующая императрица удивляла нидерландцевъ своею привѣтливостію. Мнѣ было пріятно смотрѣть на нее, когда, взявъ за руку великую княгиню, она подходила къ дамамъ и мужчинамъ и заставляла дочь свою называть по имени присутствовавшихъ тутъ будущихъ подданныхъ ея величества. Это послужитъ урокомъ для великой княгини. Я едва пріѣхалъ на сей балъ, какъ мнѣ за великую тайну сказали, что заговорщики, не успѣвъ задержать государя дорогою между Ахеномъ и Брюсселемъ, вознамѣрились произвести свое злодѣйство въ самомъ семъ городѣ, то-есть напасть на императора на улицѣ и увезти его. Что подобное покушеніе можетъ удасться, тому служитъ примѣромъ случившееся въ Варшавѣ съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ. Извѣстіе сіе побудило меня не спускать глазъ съ императора и когда я замѣтилъ, что онъ намѣревался уѣхать съ бала, ибо онъ, обыкновенно, дѣлывалъ сіе такимъ образомъ, чтобы никто не могъ его примѣтить, потому что уѣзжалъ всѣхъ ранѣе, то я тотчасъ пошелъ за нимъ. Государь сѣлъ въ карету, и такъ какъ

она ѣхала довольно тихо, то я бѣжалъ по сторонѣ улицы, дабы въ случаѣ нападенія быть готовымъ. Меня императоръ видѣть не могъ, по причинѣ темноты ночи, да и по сихъ поръ никто сего не знаетъ, но какая мнѣ въ томъ нужда, для меня довольно, что я дѣлалъ то, что мнѣ казалося священнымъ долгомъ. Слухи о покушеніи увезти императора въ городѣ, о которыхъ я выше упомянулъ, казались и нидерландскому правительству вѣроподобными; сіе доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что бѣжавши вблизи кареты государевой, когда онъ ѣхалъ съ бала, я видѣлъ, что въ разныхъ мѣстахъ по улицамъ, а особенно по угламъ оныхъ, разставлены были конные вооруженные солдаты. По прибытіи моемъ во дворецъ оберъ-гофмаршалъ нидерландскаго двора дюкъ-де-Гавръ подтвердилъ мнѣ объ опасеніи своего правительства насчетъ заговора, присовокупивъ, что подозрѣніе падаетъ на французскихъ выходцевъ и изгнанниковъ, проживающихъ въ Брюсселѣ.

Неоспоримая истина, что отъ жизни императора зависитъ спокойствіе Европы; война неизбѣжна съ той минуты, когда его не станетъ, потому что онъ одинъ, совершенно одинъ, который поддерживаетъ миръ и согласіе между монархами и испровергаетъ, съ одной стороны, коварные замыслы хитрыхъ министровъ, каковы Метернихъ и Кастельре, и непріязненныхъ къ Россіи вѣнскаго и лондонскаго кабинетовъ, а съ другой стороны, удерживаетъ въ уздѣ якобинцевъ и карбонаріевъ, коими Европа наполнена. Если есть какія-нибудь черты въ государѣ, за которыя мы, близкіе къ нему люди, не совсѣмъ бываемъ имъ довольны, то это капля въ морѣ противъ несчетнаго множества добра, которое онъ дѣлаетъ вселенной. Короля прусскаго сюда ожидали; но онъ не пріѣхалъ, остался въ Ахенѣ подъ предлогомъ зубной боли, и говорятъ, что онъ отложилъ сію поѣздку отъ страха, услышавъ о заговорѣ противъ государя.

Сегодня былъ фамильный столъ у принца Оранскаго, за коимъ находился онъ съ супругою, императрица Марія Ѳеодоровна, государь и оба великіе князья, а король, которой становится гораздо обходительнѣе, давалъ намъ большой обѣдъ. Сегодня была настоящая весенняя погода. Воспользовавшись оною я ѣздилъ къ первому живописцу въ свѣтѣ Давиду; но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Дорогой я встрѣтилъ бывшаго великаго канцлера французской имперіи Камбасареса, человѣка лѣтъ шестидесяти, съ весьма значительнымъ лицемъ, который здѣсь поселился вмѣстѣ со многими другими своими единоземцами, изгнаниыми изъ отечества ихъ. Потомъ я пошелъ смотрѣть выставку картинъ нидерландскихъ живописцевъ; произведенія ихъ кисти не достойны вниманія. Лучшая картина представляетъ сраженіе при Катръ-бра: кромѣ находящагося въ ней прекраснаго изображенія принца Оранскаго нѣтъ ничего примѣчательнаго, прочія группы очень дурны.

Послѣ, былъ я въ собраніи народныхъ представителей. Наконецъ, настало то время, что отъ Лиссабона до Нѣмана единственно говорятъ о представительномъ правленіи, и если кто возстаетъ противъ онаго, то неминуемо его почитаютъ врагомъ просвѣщенія и слѣдовательно человѣчества.

8-го ноября. Не взирая на довольно достовѣрные слухи, что Брюссель наполненъ заговорщиками, государь былъ по утру пѣшкомъ на гуляньи, на которомъ находилось нѣсколько тысячъ народа. Сегодня нидерландскій король пожаловалъ орденъ обоимъ великимъ князьямъ и князю Волконскому, и пріѣхалъ сюда Коленкуръ, котораго я встрѣтилъ въ пріемной комнатѣ государя, гдѣ онъ стоялъ у окна въ задумчивости. Онъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: — «кажется мы знакомы». Мнѣ совѣстно было напоминать любимцу Наполеона, что я съ нимъ познакомился въ замкѣ Бонди, въ 1814 году, часа за два до вступленія нашего въ Парижъ, когда онъ пріѣзжалъ къ государю съ предложеніями о мирѣ или, лучше, съ просьбою о пощадѣ и когда, между тѣмъ, какъ о немъ докладывали, мнѣ поручено было занять его разговорами. Я видѣлъ его сегодня столь грустнымъ, что неприлично было бы мнѣ растравлять раны сердца его, хотя онъ, вооруживъ всѣхъ въ Петербургѣ надменностію своею, есть одинъ изъ виновниковъ войны 1812 года. Вотъ достовѣрный анекдотъ о томъ времени, когда онъ былъ при нашемъ дворѣ посломъ Наполеона. Коленкуръ имѣлъ позволеніе пріѣзжать обѣдать къ государю, когда ему сего желалось, и онъ извѣщалъ о семъ поутру оберъ-гофмаршала графа Толстаго. Онъ приходилъ иногда во дворецъ не предувѣдомя никого и говорилъ графу Толстому: «доложите обо мнѣ государю, я имѣю надобность видѣться съ его величествомъ». Однажды, государь намѣренъ былъ ѣхать въ Финляндію; Коленкуръ сказалъ: «и я поѣду съ его величествомъ, потому что въ моихъ наставленіяхъ приказано мнѣ именно не отлучаться отъ государя»; вслѣдствіе сего отзыва поѣздка въ Финляндію была отмѣнена.

9-го ноября. Въ восемь часовъ утра мы выѣхали изъ Брюсселя и слѣдовали обратно по прежней дорогѣ чрезъ Лувенъ, Тирлемонъ, Тонгръ и Мастрихъ въ Ахенъ, куда прибыли около полуночи. До трехъ часовъ утра занимался я дѣлами и едва могъ уснуть часа съ два, потому что въ шестомъ часу меня разбудили и опять надлежало приниматься за дѣло; горница моя, по обыкновенію, наполнилась людьми всѣхъ состояній.

10-го ноября. Въ девятомъ часу я выѣхалъ наконецъ изъ Ахена съ тѣмъ, чтобы ночевать въ Андернахѣ на Рейнѣ близъ Кобленца. Воспоминаніе о пребываніи моемъ на семъ конгрессѣ мнѣ не будетъ очень пріятно, потому что вообще военные также мало у мѣста на конгрессѣ, какъ дипломаты на войнѣ въ день сраженія. Нельзя, однако же, мнѣ было

вовсе равнодушно оставить Ахена, потому что я провелъ въ немъ около двухъ мѣсяцевъ, сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ, привыкъ къ нѣкоторымъ гуляньямъ, всмотрѣлся въ городъ и былъ въ немъ не совсѣмъ чуждъ для тѣхъ, которые занимаютъ первыя мѣста въ Европѣ. Я велъ весьма однообразную жизнь, вставалъ въ шесть часовъ и занимался передъ каминомъ или дѣлами, или чтеніемъ до девяти часовъ; въ сіе время я ходилъ въ комнаты государя, куда собирались всѣ русскіе, находившіеся въ Ахенѣ; около полудня я возвращался въ свою комнату и принималъ различныхъ особъ, имѣвшихъ дѣло до нашего двора. Въ два часа я обѣдалъ со всѣми русскими за придворнымъ столомъ, потомъ ходилъ гулять по городу или по окрестностямъ онаго, а въ шестомъ часу вновь садился за работу и, обыкновенно, оставался дома весь вечеръ, ибо я зналъ, что мнѣ отвели комнату во дворцѣ для того, чтобы я никуда не отлучался и былъ, такъ сказать, на безсмѣнномъ дежурствѣ; по сему обстоятельству я принужденъ былъ отказаться отъ множества лестныхъ приглашеній иностранныхъ министровъ.

11-го ноября. Въ восемь часовъ утра я отправился изъ Андернаха по прелестнымъ мѣстоположеніямъ въ Кобленцъ, гдѣ переправился черезъ Рейнъ и ѣхалъ черезъ Висбаденъ въ Франкфуртъ; тутъ я остановился вмѣстѣ съ государемъ въ домѣ нашего посланника Аништета. Въ Кобленцѣ строятъ огромныя укрѣпленія подъ надзоромъ прусскихъ инженеровъ, находившихся прежде въ нашей службѣ; какъ жаль, что мы не удержали у себя сихъ искусныхъ офицеровъ.

12-го ноября. Сегодня по-утру я пошелъ въ комнаты императора. Вскорѣ пріѣхали король и королева виртембергскіе, и когда государь нѣсколько минутъ еще не выходилъ, потому что не былъ одѣтъ, то ихъ величества со мною разговоривали; я думаю, что симъ коронованнымъ главамъ не часто случается бывать въ переднихъ. Король разспрашивалъ меня объ укрѣпленіяхъ, дѣлаемыхъ въ Кобленцѣ и въ Эренбрейтштейнѣ, и говорилъ: «что онъ находитъ въ нихъ тотъ недостатокъ, что укрѣпленія не защищаютъ одно другое».

— Я думаю, сказалъ я королю, что не столько важны укрѣпленія, какъ то обстоятельство, что королю прусскому нужно для предупрежденія ропота народа, который при Наполеонѣ трудился на фабрикахъ, занимать его какими-либо другими работами, а крѣпостныя самыя выгоднѣйшія, потому что онѣ, не оставляя народъ праздными, приносятъ пользу правительству.

Король улыбнулся и отвѣчалъ:

— C'est bien malheureux, quand les souverains doivent composer avec leurs sujets... (весьма печально, когда государи должны входить въ сдѣлки съ своими подданными).

Кто это лучше вашего величества знаетъ, подумалъ я. Въ сію ми-

нуту вышелъ императоръ и пріѣхалъ король прусскій, и всѣ монархи отправились во внутреннія комнаты.

Мы получили извѣстіе отъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Карлсруэ, Струве, что тамошніе жители, узнавъ настоянія императора на Ахенскомъ конгрессѣ въ пользу герцога Баденскаго и нераздѣльности баденскихъ владѣній, непремѣнно желаютъ не токмо везти на себѣ экипажъ императора отъ Дурлаха до Карлсруэ, но нести оный на плечахъ. Вотъ собственныя слова, взятыя мною изъ депеши господина Струве: «La bourgeoisie manifeste le désir de s'atteler elle même à la voiture de sa Majesté; quelques uns parlent même de porter cette voiture en ville sur leurs épaules».

Извѣстный банкиръ Ротшильдъ, на котораго государь акредитованъ во время настоящаго путешествія, сообщилъ мнѣ слѣдующую записку о количествѣ золотой и серебряной монеты, отправленной имъ въ Петербургъ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ.

	Серебр. рублями.
Чрезъ Лефевра 50.000 червон.	138.667
» » 9.000 наполеондоровъ . . .	44.784
» Берлинъ 5.136 талеровъ.	7.412
» Кале 52 бочки серебра.	718.580
» брата своего 7.000 червонныхъ . . .	19.413
» Кале 25 бочекъ серебра.	248.800
» Лефевра 63 куска золота	382.053
» » 86.000 червонныхъ. . . .	238.507
» » 5.000 наполеондоровъ. . . .	24.880
» Салинга 50.000 наполеондоровъ . . .	248.800
» » 16.372 червонца	45.504
Изъ Франкфурта	1.566
Итого примѣрно серебряными рублями. .	2.118.966

	Ассигнаціями.
Что составляетъ на ассигнаціи, считая рубль серебромъ въ 3 руб. 81 коп.	8.052.070
Изъ оныхъ осталось въ Лондонѣ 19.157 піастровъ	87.000
Затѣмъ доставлено ассигнаціями	7.965.070
Сверхъ того, отправлены чрезъ Франкфуртъ въ разныя времена, золотомъ и серебромъ, суммы, которыя составятъ на ассигнаціи	491.521
Къ онымъ	823.826
Серебромъ 21.644 руб.	82.200
Итого ассигнаціями . .	9.362.617

Изъ сей суммы семь милліоновъ положены въ новый пятипроцентный заемъ, открытый въ Петербургѣ. Ротшильду весьма хотѣлось получить россійскій орденъ, какъ за сіе доставленіе въ Россію наличныхъ денегъ, такъ и за разныя услуги, оказанныя имъ въ 1814 году нашей арміи въ Гамбургѣ. Генералъ Беннигсенъ написалъ по сему поводу рекомендательное о немъ письмо къ князю Волконскому, который однакоже онаго не представилъ государю, а разодралъ при мнѣ смѣючись и съ досадою. Конечно, князю извѣстенъ образъ мыслей его величества, до сего предмета касающійся, и онъ долженъ быть твердо увѣренъ въ немилости, въ которой находится Беннигсенъ при дворѣ, чтобы такимъ образомъ поступать съ его письмами. Какъ не убѣдиться въ ничтожности службы, видя, что въ нашихъ глазахъ князь Волконскій, человѣкъ никакими заслугами неизвѣстный, раздираетъ отношеніе, по которому онъ обязанъ былъ доложить государю, писанное къ нему знаменитымъ мужемъ, бывшемъ нѣкогда оплотомъ Россіи, который вопреки нашихъ военныхъ зоиловъ останется украшеніемъ нашихъ лѣтописей.

Я не могъ оставить Франкфурта, не зайдя къ извѣстному банкиру Бетману, котораго гостепріимство въ разное время моего пребыванія въ Германіи я не забуду. Нынѣ же онъ меня очень обязалъ тѣмъ, что когда я намѣревался ѣхать изъ Ахена на нѣсколько дней въ Голландію, то онъ просилъ позволенія снабдить меня кредитивомъ къ амстердамскимъ банкирамъ Гопе.

13-го ноября. Въ восемь часовъ утра мы выѣхали изъ Франкфурта въ Карлсруэ по дорогѣ, по которой я ѣхалъ верхомъ въ походѣ 1813 года. Мнѣ крайне было жаль, что я не могъ посѣтить находившагося въ Франкфуртѣ и только что возвратившагося съ острова святой Елены, графа Лассказаса: я къ нему не пошелъ по той причинѣ, что когда государю доложили, что онъ во Франкфуртѣ, то императоръ промолчалъ. Въ полдень мы миновали Дармштадтъ, гдѣ государь остановился у великаго герцога, а въ пятомъ часу прибыли въ очаровательный своими окресностями Гейдельбергъ. Можно ли было мнѣ не вспомнить проведенное въ немъ время въ походѣ 1815 года, когда государь жилъ за городомъ въ домѣ англичанина Пикфорда, а я на берегахъ Неккара подлѣ него, и, будучи еще въ чинѣ капитана, одинъ изъ всей главной квартиры имѣлъ въ домѣ государя комнату для работы. Можно ли было мнѣ также равнодушно смотрѣть и на гейдельсбергскихъ студентовъ, напоминавшихъ мнѣ счастливую мою академическую жизнь. Въ одиннадцать часовъ вечера я пріѣхалъ въ Карлсруэ и остановился въ трактирѣ, подлѣ дома маркграфини, матери императрицы Елисаветы Алексѣевны, у которой отведена квартира государю. Встрѣча жителей была самая радостная; непритворная благодарность къ государю была написана на лицѣ каждаго изъ нихъ.

14-го ноября Такъ какъ день при маленькихъ германскихъ дворахъ начинается очень рано, то въ девятомъ часу утра я поѣхалъ къ принцу Людвигу, дядѣ владѣтельнаго великаго герцога и наслѣднику его престола. Я нашелъ его въ сюртукѣ, на лѣстницѣ; сей почтенный старикъ встрѣтилъ меня очень ласково, посадилъ и говорилъ со мною минутъ съ десять: «маркграфъ Вильгельмъ,—сказалъ онъ мнѣ,—весьма радуется вашему пріѣзду, онъ васъ очень любитъ». Послѣ я былъ у императрицы Елисаветы Алексѣевны; она меня очаровала, удостоивъ разспрашивать объ Ванѣ; этотъ дурачекъ не знаетъ еще, что супруга перваго монарха во вселенной уже извѣстна о его существованіи. Потомъ я посѣщалъ трехъ маркграфовъ, бывшихъ Гохберговъ, которые осыпали меня ласками; они выходили ко мнѣ на встрѣчу въ сѣни, сажали съ собою и отзывались съ душевною признательностію о покровительствѣ, оказываемомъ имъ императоромъ.

Я отъ нихъ поѣхалъ къ бывшей королевѣ шведской, супругѣ Густава IV-го, но такъ какъ въ сіе время былъ у нея государь, то мнѣ нельзя было войти къ ея величеству, почему я воспользовался симъ случаемъ, чтобы познакомиться съ сыномъ ея, котораго вѣроятно ожидаетъ шведскій престолъ, ибо фамилія Бернадота на немъ удержаться не можетъ; спокойствіе Европы требуетъ, чтобы права старинныхъ законныхъ монарховъ были неприкосновенны и не теряли силы свои отъ народныхъ мятежей. На конгрессѣ Вѣнскомъ и въ войнѣ 1815 года правила сіи торжественно признаны, а потому я полагаю, что оставляютъ покойно доживать вѣкъ свой Бернадота, которому Россія многимъ одолжена за бездѣйствіе его въ 1812 году; но что по смерти его, корона шведская возвращена будетъ сыну Густава IV. Я нашелъ въ семъ послѣднемъ молодаго человѣка девятнадцати лѣтъ, высокаго роста и привлекательной наружности; онъ кажется сначала серіозенъ, но огонь взгляда его обнаруживаетъ возвышенную и пламенную душу. Разговоръ нашъ начался обыкновенными маловажными предметами, но когда я сказалъ ему, что смотрѣлъ на него какъ на невинную жертву политики, когда онъ былъ еще ребенкомъ въ 1809 году въ проѣздъ его чрезъ Геттингенъ съ отцомъ его, то эти слова насъ какъ будто бы сблизили.

Оберъ-гофмейстеръ маркграфини баронъ Стеттенъ, предувѣдомилъ меня, что маркграфиня желаетъ, чтобы я былъ у нея передъ обѣдомъ. Въ три часа я пошелъ къ ней, представлялся ей и дочери ея, королевѣ шведской, одной изъ прекраснѣйшихъ женщинъ, каковыхъ я когда-либо видалъ, тутъ же находилась еще третья сестра императрицы, наслѣдная принцесса дармштадтская; вскорѣ пришелъ государь и разговаривалъ съ нами до обѣда, за которымъ находилось не болѣе тридцати человѣкъ. Въ числѣ гостей былъ графъ Монкъ, исправляющій долж-

ность гофмаршала при шведской королевѣ. Онъ не принялъ лестныхъ предложеній Бернадота, не остался въ отечествѣ своемъ, но послѣдовалъ въ изгнаніе за своими государями. Примѣры такихъ благородныхъ чувствъ весьма рѣдки. Онъ меньшой братъ Монка, живущаго въ Италіи, и о которомъ утверждаютъ, что онъ пользовался благосклонностію супруги Густава III. На немъ былъ русскій придворный мундиръ.

Послѣ стола я очутился возлѣ учителя принца Густава Полліе, человѣка умнаго, которому я сказалъ нѣсколько привѣтствій насчетъ образованія воспитанника его. Я помѣщаю здѣсь нѣкоторыя изъ словъ его: «природа одарила его большими способностями, онъ очень набоженъ и полагаетъ, что Провидѣніе устраиваетъ все къ лучшему. Онъ никакъ не отчаивается вступить когда нибудь на престолъ своихъ предковъ и отказалъ сдѣланное ему за три года предложеніе по сему предмету отцомъ его, объявивъ при семъ случаѣ (имѣя только пятнадцать лѣтъ отъ роду), «что если бы онъ находился посреди четырехъ штыковъ, то и тогда не отрекся бы отъ престола шведскаго». Впрочемъ онъ того мнѣнія, что лучше самому перетерпѣвать бѣдствія, нежели быть притѣснителемъ другихъ. Отецъ его въ Базелѣ; онъ помѣшанъ, рѣдко переписывается съ дѣтьми своими, но сынъ часто пишетъ къ нему. Принцъ недавно возвратился изъ Гейдельбергскаго университета, гдѣ онъ учился два года съ необыкновеннымъ прилежаніемъ. Королева говоритъ ему, что ей пріятнѣе, чтобы онъ никогда не царствовалъ, нежели видѣть его свергнутаго съ престола подобно отцу его. Онъ имѣетъ очень большую склонность къ войнѣ и желаетъ служить въ какой-нибудь арміи, чтобы пріучиться къ военному ремеслу».

Несчастный преемникъ нѣкогда знаменитой державы есть такая особа, на которую невозможно смотрѣть равнодушно, а потому слова учителя его и видъ принца, который стоялъ недалеко отъ меня, возбудили большое во мнѣ къ нему вниманіе. Полліе подошелъ къ нему и что-то сказалъ на ухо, послѣ чего черезъ нѣсколько минутъ принцъ приприблизился ко мнѣ и много со мною говорилъ; мнѣ казалось, что я слышалъ въ каждомъ словѣ его: «благодарю васъ за участіе, принимаемое вами во мнѣ». На немъ не было ни одного шведскаго креста; онъ былъ въ мундирѣ Мальтійскаго ордена и въ Андреевской лентѣ.

Вечеромъ я былъ на минуту въ театрѣ, гдѣ представляли италіанскую оперу «Танкредъ». По улицамъ горѣла довольно хорошая иллюминація, повсюду надписи въ честь государя. Возвратясь во дворецъ, я увидалъ тамъ совершенное подобіе того, что происходитъ обыкновенно въ частныхъ домахъ. Въ одной небольшой комнатѣ сидѣлъ на софѣ государь съ императрицею и двумя ея сестрами, а въ находящейся подлѣ оной залѣ наслѣдный принцъ шведскій съ большимъ вниманіемъ чи-

талъ газеты; въ другомъ углу, маркграфиня съ фрейлинами императрицы и двумя своими придворными дамами занимались рукодѣліемъ.

15-го ноября. Имѣя по утру много дѣлъ, я не велѣлъ никого принимать, ибо предполагалъ, что баденскіе придворные пріѣдутъ ко мнѣ съ посѣщеніями; между прочимъ былъ у меня и принцъ Густавъ. Я сохраняю на память визитную карточку потомка Густава Вазы и Карла XII-го. Вслѣдъ за нимъ, посѣтили меня три маркграфа баденскіе. Я обѣдалъ со всѣми русскими у министра иностранныхъ дѣлъ Берштета, который представляетъ совершеннаго вельможу. Подлѣ меня сидѣлъ нѣкто, вовсе мнѣ незнакомый, который, не взирая на то, что мы находились за званнымъ дипломатическимъ обѣдомъ, съ жаромъ распространялся о выгодахъ представительнаго правленія,—довольно сильное доказательство расположенія умовъ нашего вѣка. Въ девятомъ часу я пошелъ во дворецъ и нашелъ императрицу въ разговорѣ съ княземъ Волконскимъ. Ихъ было двое въ горницѣ, и такъ какъ я уже въ оную вошелъ, то неловко было возвратиться, и я слышалъ всѣ ихъ слова, касавшіяся императора. Она разспрашивала князя, какъ будто посторонняя, о подробностяхъ путешествія его величества, ночуетъ-ли онъ дорогою, когда располагаетъ быть въ Петербургѣ и тому подобное.

Послѣ сего я провелъ незабвенныхъ полчаса съ шведскимъ принцемъ, который началъ съ того, что сказалъ: «что онъ жалѣетъ, не заставъ меня, дома»; потомъ мы говорили съ нимъ о войнѣ, о флотѣ и другихъ подобныхъ предметахъ. Желая ему угодить, я старался брать примѣры изъ шведской исторіи и обращалъ рѣчь на Стокгольмъ и лѣта его дѣтства. Онъ говорилъ основательно; видно, что онъ имѣетъ много познаній, но примѣтна еще робость, происходящая или отъ возраста, или отъ тѣснаго круга карлсруйскаго двора, при которомъ онъ живетъ.

Завтра по утру въ девять часовъ мы отправимся въ Стутгардъ. Государь поѣдетъ чрезъ Раштадъ, чтобы увидѣться съ больнымъ Баденскимъ великимъ герцогомъ, а я поѣду прямо въ Стутгардъ. Его величество намѣренъ прибыть къ обѣду въ столицу Вюртембергіи; тамъ мы пробудемъ три дня.

16-го ноября. По утру я откланивался императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и встрѣтилъ сію обожаемую всѣми государыню въ легкомъ утреннемъ нарядѣ, вынимавшую собственными руками платье изъ шкафа, стоявшаго въ сѣняхъ столь узкихъ, что съ трудомъ можно было двумъ человѣкамъ разойтись въ оныхъ. Она, увидя меня, засмѣялась и простилась со мною чрезвычайно милостиво.

Проживя нѣсколько дней при баденскомъ дворѣ, я изображу его въ нѣкоторыхъ чертахъ: великаго герцога я не видалъ, потому что онъ живетъ, по причинѣ своей болѣзни, въ Раштадѣ. Отчаяваясь въ его вы-

здоровленія, супруга его, Стефанія, родственница Наполеона, отъ него не отходитъ; конечно, ей не остается, послѣ паденія всесильнаго владѣтеля Франціи, никакого другого средства, чтобы пріобрѣсти уваженіе въ Германіи, какъ строго исполнять супружескія обязанности. Министры ѣздятъ съ докладами въ Раштадъ, но герцогъ занимается только самыми необходимыми текущими дѣлами. Болѣе всѣхъ имѣетъ надъ нимъ вліянія бывшій сперва въ австрійской, а послѣ въ нашей службѣ, генералъ Тетенборнъ, котораго жизнь исполнена романическими и рыцарскими похожденіями. Онъ попеременно былъ то дипломатомъ, то военнымъ, блисталъ при петербургскомъ и тюльерійскомъ дворахъ и отличался храбростію, командуя венгерскими и нашими казаками.

Маркграфиня, мать великаго герцога и императрицы, почитается умною женщиною. Разсказываютъ много анекдотовъ о ея скупости; говорятъ, что трактирщики, у которыхъ въ домѣ помѣщены придворные служители императрицы, которымъ они платятъ за кушанье и напитки червонными, должны приносить ей сіи червонцы, которые она вымѣниваетъ на гульдены; сказываютъ также, что она охотно бесѣдуетъ съ сими трактирщиками и вывѣдываетъ отъ нихъ разговоры русскихъ придворныхъ служителей; прибавляютъ, что она въ кошелькѣ своемъ носитъ даже мѣдныя деньги. Вторая особа въ Карлсруэ—маркграфъ Людвигъ, дядя великаго герцога и наслѣдникъ престола. Онъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, умный и свѣдущій; владѣнія его, кажется, будутъ счастливы подъ его управленіемъ. Такъ какъ онъ не женатъ, то послѣ него престолъ перейдетъ въ родъ бывшихъ графовъ Гохберговъ, которыхъ трое. Они отличаются тѣлесною красотою, и, какъ говорятъ простолюдины, малые добрые. Изъ нихъ средній, принцъ Вильгельмъ, умнѣе другихъ и находился въ нѣсколькихъ походахъ съ французскою арміею. Вообще, дворъ сей мало значущъ самъ по себѣ, но имѣетъ важность отъ связей родства съ сильными державами и по пребыванію тамъ наслѣднаго шведскаго принца.

Я выѣхалъ изъ Карлсруэ въ полдень и, слѣдуя чрезъ Дурлахъ и и Форцгеймъ, пріѣхалъ въ Стутгардъ въ восемь часовъ вечера. Меня встрѣтилъ у подъѣзда придворный служитель, нарочно меня ожидавшій, и проводилъ съ величайшею вѣжливостію въ назначенныя для меня четыре великолѣпныя комнаты. Какая разница съ брюссельскимъ и баденскимъ и даже берлинскимъ дворами; тамъ нѣтъ и тѣни пышности и устройства, видимыхъ здѣсь и простирающихся до того, что Наполеонъ во время своей славы и всего блеска сен-клудскаго двора, присылалъ сюда чиновниковъ для изученія порядка. Всякій день по утру гоффурьеръ приходитъ къ иностранцамъ, помѣщеннымъ въ замкѣ и объявляетъ обо всемъ, что въ продолженіе дня имѣетъ быть при дворѣ, въ

которомъ часу и въ какой залѣ завтракъ, обѣдъ балъ или прогулка. Служители вѣжливы, одѣты прекрасно, чистота въ комнатахъ отмѣнная.

По пріѣздѣ, я переодѣлся и немедленно пошелъ представляться королю и королевѣ, которые приняли меня въ своемъ кабинетѣ и разговаривали со мною около получаса о заговорѣ, бывшемъ противъ государя въ Брюсселѣ, о конституціи, о Бурбонахъ и тому подобное. Невозможно соединять болѣе любезности и основательныхъ познаній вмѣстѣ какъ Екатерина Павловна; она разсуждаетъ какъ разумный мужчина о предметахъ политики и исторіи; если бы она была собою не красавица, а дурна, то можно бы было подумать, что она ловкостію и ученостію хочетъ замѣнить недостатокъ тѣлесной красоты, но будучи прелестна, какъ ангелъ, видно, что великій умъ ея не довольствуется обыкновенными занятіями ея пола, но стремится выше.

Въ десять часовъ вечера пріѣхалъ императоръ, который оттого опоздалъ, что долго пробылъ въ Раштадѣ у великаго герцога баденскаго. При государѣ назначены находиться кавалерами со стороны виртембергскаго двора генералъ-маіоръ Спинценбергъ и три адъютанта королевскіе, графъ Бисмаркъ, Гревенитъ и Клинкофстремъ.

17-го ноября. Сегодня воскресенье, а потому была обѣдня, передъ которою государь представлялъ насъ, русскихъ, королю и королевѣ, а ихъ величества представляли виртембергскихъ чиновниковъ. Императоръ до такой степени любитъ хорошее церковное пѣніе, что мы возимъ съ собою придворнаго пѣвчаго Берлинскаго, единственно для того, чтобы въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть наши церкви, какъ-то: въ Брюсселѣ, въ Веймарѣ и въ Вѣнѣ, учить пѣвчихъ пѣть по новымъ нотамъ; но когда Берлинскій ѣхалъ въ Стутгардъ, то императоръ велѣлъ мнѣ запретить ему учить пѣвчихъ Екатерины Павловны, чего еще никогда не случалося прежде. Кто знаетъ государя, тотъ догадается, что это особенный знакъ уваженія, оказываемаго имъ обожаемой сестрѣ его. Послѣ обѣдни былъ завтракъ, потомъ государь съ королевскою фамиліею ѣздилъ въ Лудвигсбургъ къ вдовствующей королевѣ, а я между тѣмъ гулялъ верхомъ въ одномъ фракѣ,—вотъ каковъ климатъ! Въ пять часовъ былъ у короля большой обѣдъ, болѣе нежели на пятьдесятъ особъ. Прекрасная музыка играла во весь обѣдъ, но къ удивленію я не слыхалъ ни одной русской пѣсни.

Послѣ стола былъ театръ, играли оперу подъ названіемъ «Италіанцы въ Алжирѣ». Вечеромъ я разбиралъ письма, которыя въ Стутгардѣ, какъ и вездѣ въ Германіи, подаютъ во множествѣ на имя государя, и между прочимъ нашелъ одного какого-то доктора Кернера, который предлагаетъ выдуманную и имъ усовершенствованную гильотину. По его опытамъ оказалось, что отрубленная голова на гильотинѣ, каковыя употребляются во Франціи, сохраняетъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ

чувство, а какъ законодатель не имѣетъ права, лишая живота преступника, продолжать страданія его послѣ казни, то посему Кернеръ изобрѣлъ новую гильотину, посредствомъ коей, послѣ отдѣленія головы отъ туловища, производится потрясеніе (?) въ первой и чрезъ то прекращается въ ней всякое чувство. Конечно, изобрѣтеніе человѣколюбивое, но подарокъ достоинъ Марата или Робеспіера.

18-го ноября. Императоръ и король ѣздили по утру на конскій заводъ, а я ходилъ гулять пѣшкомъ въ прекрасномъ образцовомъ саду, потомъ былъ фамильный столъ, а послѣ сего балъ. Я стоялъ въ толпѣ, королева подошла ко мнѣ и сказала:

— Votre modestie se plait à se cacher? (вы по скромности прячетесь?)

— Madame,—отвѣчалъ я,—je suis très bien placé et je vois tout le monde. (Государыня, мнѣ здѣсь очень хорошо и я вижу всѣхъ).

— Et vous êtes apperçu, monsieur (и вы, сударь, замѣчены),—отвѣчала она.

Потомъ продолжала нѣсколько минутъ со мною разговоръ о моей службѣ и, узнавъ, что я началъ оную въ 1812 году, сказала:

— Et moi j'ai joué alors un triste rôle; ah! si j'avais été dans une autre position! (а я играла тогда печальную роль; ахъ, еслибъ я находилась въ другомъ положеніи!)

Это выраженіе многозначущее. Послѣ сего ея величество пригласила меня съ собою танцовать, а потомъ я уѣхалъ съ балу ужинать къ банкиру Каулу съ моими бывшими двумя учителями Петровской школы, Борномъ и Рейнбекомъ, извѣстнымъ путешествіемъ своимъ по Россіи. Я провелъ съ ними въ воспоминаніяхъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ до втораго часа и, возвратясь во дворецъ, засталъ у себя камердинера государева, который, отдавая мнѣ собственноручное письмо государя къ великой княгинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ, сказалъ, что императоръ приказываетъ повѣрнѣе его отправить по эстафету; разумѣется, что я сію же минуту самъ поѣхалъ на почту. Въ семъ письмѣ императоръ назначалъ свиданіе ея высочеству въ городкѣ Мюнерштадтѣ.

Вчера государь получилъ письмо отъ бывшей королевы голландской Гортензіи, падчерицы Наполеоновой. По прочтеніи онаго императоръ сказалъ, что бывшій вице-король итальянскій Евгеній хочетъ выѣхалъ на встрѣчу его величества въ Мергентгеймъ и отправилъ къ нему съ отвѣтомъ находящагося при насъ французскаго курьера Вернета, бывшаго нѣкогда у Наполеона. На адресѣ было написано рукою его величества. «A son altesse» но слова «Imperiale» на ономъ не находилось.

19-го ноября. Отчего нѣтъ въ Стутгардѣ графа Ожаровскаго, спросилъ я сегодня Чернышева?

— Развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ онъ, приключенія его въ Вѣнѣ?

— Нѣтъ, сказалъ я.

— Вотъ что онъ сдѣлалъ: онъ влюбился, или по крайней мѣрѣ назвался влюбленнымъ въ великую княгиню Екатерину Павловну; не зная, какимъ образомъ объясниться, онъ рѣшился написать ей письмо и однажды на балѣ, когда съ нею танцовалъ, положилъ ей оное въ руку. Не догадываясь о страсти его, она уронила письмо, которое поднялъ австрійскій генералъ графъ Гардекъ и, съ торжественнымъ видомъ ей оное отдавъ, сказалъ: «ваше высочество уронили письмо». По прочтеніи она вручила оное государю, который на другой день призвалъ къ себѣ графа Ожаровскаго, въ присутствіи цесаревича Константина Павловича сдѣлалъ ему выговоръ, а сей послѣдній сказалъ ему: «если бы я не былъ цесаревичъ, а подданный, то я бы съ тобою дрался на поединкѣ».

Послѣ сего происшествія, сказалъ мнѣ Чернышевъ, «ты согласишься, что ему неловко пріѣхать сюда».

Сегодня по утру всѣ наши русскіе были на охотѣ, а я занимался весь день дѣлами въ своей прекрасной комнатѣ, откуда имѣю прелестный видъ на обширный садъ. Въ пять часовъ мы пошли обѣдать къ королю: насъ было человѣкъ тридцать.

— Я очень жалѣю, что вы скоро отъ насъ ѣдете, сказала мнѣ королева, еще болѣе жалѣю, что съ вами поздно познакомилась; въ Вѣнѣ я васъ часто видала, но разсѣянность была столь велика, тамъ было такъ много всякаго званія людей, что я не имѣла возможности узнать васъ короче.

За столомъ сидѣлъ возлѣ государя король, подлѣ него графиня Берольдингенъ, а подлѣ нея я, и по сему сосѣдству король нѣсколько разъ со мною начиналъ говорить.

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письмо Ѳ. В. Булгарина—Д. П. Руничу.

17-го іюня 1823 г.

Недѣли двѣ тому назадъ, какъ цензурный комитетъ препроводилъ къ вашему превосходительству на утвержденіе свое постановленіе въ разсужденіи литературныхъ прибавленій къ издаваемому мною «Сѣверному Архиву»; мнѣ бы хотѣлось начать съ полугода, т. е. съ 13-й книжки, а потому если чрезъ недѣлю не будетъ позволенія, то и планъ мой совершенно разстроится. Надѣясь на благорасположеніе вашего превосходительства, осмѣливаюсь прибѣгнуть съ покорнѣйшею просьбою о скорѣйшемъ разрѣшеніи сего дѣла. Присемъ осмѣливаюсь также донести вашему превосходительству, что санктпербургскій учебный округъ, не взирая на ваше предписаніе о выпискѣ «Сѣвернаго Архива», понынѣ, т. е. по прошествіи полугода, не взялъ ни одного экземпляра.

Портретъ извѣстнаго вамъ юноши честь имѣю препроводить.

Весь-гомъ.

(Сатира на кампанію 1807 года).

Въ строевомъ ученьи начала нынѣшняго столѣтія существовала команда: весь-кругомъ, и это движеніе фронтомъ назадъ дѣлалось медленно, въ три пріема съ командою: разъ, два, три, а потомъ стали исполнять въ два пріема и самая команда была сокращена и произносилась весь-гомъ. Эта послѣдняя команда была примѣнена къ оцѣнкѣ нашихъ дѣйствій въ кампанію 1807 года съ Наполеономъ.

Вскорѣ послѣ сраженія подъ Фридландомъ поручики Бѣлавинъ и Брозе написали помѣщаемое ниже стихотвореніе. Тогдашній военный министръ, графъ Аракчеевъ, отправилъ молодыхъ поэтовъ въ Финляндскую армію къ графу Каменскому безъ шпагъ, т. е. подъ арестомъ. При этомъ гр. Аракчеевъ предписалъ посылать ихъ «въ тѣ мѣста, гдѣ нельзя дѣлать весь-гомъ».

«Эти офицеры, пишетъ Ѳ. В. Булгаринъ въ своихъ воспоминаніяхъ (т. V, 187), были прекрасные, образованные молодые люди. Въ первомъ сраженіи гр. Каменскій прикомандировалъ ихъ къ передовой цѣпи, однако-жъ безъ шпагъ. Поэты отличились и, не смѣя прикоснуться ни къ какому оружію, потому что считались подъ арестомъ, вооружились дубинами и полѣзли первые на шведскіе шанцы. Графъ Каменскій, послѣ сраженія, возвратилъ имъ шпаги и писалъ военному министру, что «стихи ихъ смыты непріятельскою кровью». Графъ Аракчеевъ позволилъ имъ возвратиться въ полкъ, но они не согласились и остались въ корпусѣ гр. Каменскаго до окончанія кампаніи, отличаясь во всѣхъ сраженіяхъ».

Ред.

Гдѣ ты дѣвалась русска слава,
Гремѣвшая столь много лѣтъ?

апрѣля; позднѣе же будетъ излишне, потому что весь Петербургъ разъѣдется на дачи. Что если бы вы, вмѣсто вашего Лѣснаго Института, вздумали прогуляться къ намъ? Вы бы здѣсь отдохнули, оправились, а намъ бы доставили большую радость. Я еще буду бомбардировать васъ, и авось успѣшнѣе, чѣмъ союзники бомбардируютъ Севастополь. Я васъ извѣщу, когда мы найдемъ дачу и будемъ въ готовности переселиться въ нее. Равномѣрно поведу я осаду и противъ любезнаго нашего Николая Михайловича. Но когда, Богъ дастъ, вы пріѣдете къ намъ, то не встрѣтите уже болѣе одного лица, которое было почти домашнимъ у насъ. Бѣдный Ровинскій умеръ. Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ мы схоронили его.

Сколько, я думаю, теперь у васъ новостей, слуховъ, ожиданій! Дай Богъ, чтобы сбылись всѣ наши чаянія! Скажите, что̀ теперь цензура? Говорили, что предполагаются многія существенныя облегченія. Да, кстати: не время-ли теперь начать хлопоты о журналѣ? Я извѣщенъ, что въ Петербургѣ уже двѣ компаніи ищутъ права издавать журналы. Не начать ли хлопотать и мнѣ, чтобы потомъ не найти дверь замкнутою, какъ юродивыя дѣвы? Если вамъ не тягостно будетъ написать мнѣ объ этомъ нѣсколько строчекъ, очень бы обязали меня. Вы всѣхъ вѣрнѣе можете наставить меня въ этомъ дѣлѣ. Если признаки благопріятны, то я поспѣшилъ бы своею поѣздкою въ Питеръ.

Что дѣло Лясковскаго? Странно! Всѣ его требованія ограничиваются тѣмъ, что почти ежедневно дѣлается для другихъ. Вѣдь назначаютъ же не имѣющихъ докторской степени исправляющими должность экстраординарнаго профессора и даже ординарнаго? Отчего же на него не хотятъ распространить это правило. Это не милость, а право. Кто-нибудь въ министерствѣ вредитъ ему.

Прощайте, дорогой Александръ Васильевичъ, будьте здоровы и не забывайте всею душою любящаго и уважающаго васъ М. Каткова.

Получивъ удовлетворительное извѣстіе, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и подалъ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову двѣ докладныя записки: одну въ маѣ, а другую 10 іюня 1855 года [1]).—М. Н. Катковъ просилъ исходатайствовать ему высочайшее разрѣшеніе на изданіе журнала, подъ заглавіемъ «Русскій Лѣтописецъ».

---

[1]) Въ статьѣ покойнаго Н. А. Любимова, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1888 г. № 2, время подачи прошеній Катковымъ обозначено не вѣрно: первое прошеніе помѣчено 29 мая, а второе 10 іюля.—Въ подлинникахъ, хранящихся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, на первомъ прошеніи число не проставлено, а на второмъ обозначено 10 іюня.

«Въ нашемъ образованіи, писалъ онъ въ первой запискѣ, въ послѣднее тридцатилѣтіе, совершился многозначительный переворотъ. Просвѣщеніе, распространявшееся поверхностно и непосредственно изъ чуждыхъ источниковъ, теперь почувствовалось въ глубинѣ собственной нашей народности. Прекрасные проблески поэзіи и искусства возвѣстили міру присутствіе новаго духовнаго дѣятеля въ семьѣ человѣчества. Русское слово раскрыло свое богатство и разнообразіе; оно стало живымъ и гибкимъ орудіемъ творчества и знанія. Нѣтъ сферы мысли, которая оставалась бы ему недоступною. Образованное общество заговорило по-русски, и предѣлъ между живымъ и книжнымъ словомъ исчезаетъ непрерывно. Народное самопознаніе развивалось блистательно и быстро, и правительство не пощадило средствъ для открытія и обнародованія памятниковъ нашей древности.

«Должно желать, чтобы образованіе наше укрѣплялось въ этомъ направленіи; чтобы все болѣе и болѣе прояснялся собственно русскій взглядъ на вещи; чтобы русскій умъ такъ же свергъ съ себя иго чуждой мысли, какъ уже свергъ иго чужаго слова; чтобы наша литература, созрѣвая и обогащаясь, могла доставлять удовлетвореніе всѣмъ умственнымъ потребностямъ русскаго человѣка.

«Особенно важное значеніе могутъ имѣть въ этомъ отношеніи живые органы литературы, повременныя изданія. При юности нашей читающей публики и самой литературы, при недостаточномъ устройствѣ книжной торговли, повременныя изданія въ нашемъ отечествѣ, можетъ быть, еще болѣе необходимы, чѣмъ гдѣ нибудь. Соединяя въ себѣ все, что̀ можетъ быть полезно и занимательно для обширнѣйшаго круга читателей, они, съ другой стороны, вызываютъ способныхъ людей на трудъ и открываютъ имъ поприще для него. Очень нерѣдко значительные труды дремлютъ въ своихъ начаткахъ или прерываются по недостатку нравственной и матеріальной поддержки, какую могли бы находить они въ обширномъ и добросовѣстномъ литературномъ предпріятіи»..

Признавая, что однѣхъ запретительныхъ мѣръ недостаточно для огражденія умовъ отъ несвойственныхъ вліяній, Катковъ указывалъ на недостаточность у насъ періодическихъ изданій.

«Конечно, писалъ онъ, нельзя жаловаться на недостатокъ разнаго рода изданій въ нашей литературѣ, но къ сожалѣнію, по случайнымъ обстоятельствамъ, право издавать журналы и газеты стало какою-то исключительною привилегіею нѣкоторыхъ лицъ и почти превратилось въ монополію, хотя такая монополія никогда не была въ видахъ правительства.

«Извѣстно, что лица, владѣющія нынѣ органами нашей литературы, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не были къ тому предварительно избраны, а совершенно случайно очутились благодѣтелями русскаго слова. Не произносимъ суда объ относительномъ достоинствѣ существующихъ

у насъ изданій и о томъ, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуютъ они своей истинной цѣли; но нельзя не признать, что для этой цѣли необходимо допустить болѣе обширное соревнованіе. Лишь при взаимнодѣйствіи соревнующихъ стремленій возможна литература, не какъ слабый отпрыскъ иностранныхъ литературъ, но какъ коренное, своеземное, оригинальное развитіе».

Переходя за тѣмъ къ программѣ предполагаемаго изданія, онъ говорилъ.

«Въ настоящихъ обстоятельствахъ [1]), напоминающихъ великую эпоху двѣнадцатаго года, мы не имѣемъ ни одного изданія въ родѣ «Вѣстника Европы» и «Сына Отечества», съ которыми связано столько патріотическихъ воспоминаній.

«Умы всѣхъ заняты теперь великою борьбою, изъ которой Богъ поможетъ нашему отечеству выйти съ такою же славою, какъ и въ ту вѣчнопамятную эпоху. Было бы желательно, чтобы благородное одушевленіе, нынѣ господствующее въ нашемъ обществѣ, нашло особый органъ и въ литературѣ.

«Вслѣдствіе сего изданіе, предполагаемое въ Москвѣ, состояло бы изъ двухъ существенныхъ отдѣловъ, политическаго и литературнаго.

«Главная сила изданія будетъ заключаться въ журналѣ, который, смотря по способамъ и по хозяйственнымъ соображеніямъ редакціи, выходилъ бы книжкою еженедѣльно или ежемѣсячно, или два раза въ мѣсяцъ, подъ заглавіемъ «Русскій Лѣтописецъ».

«Но для успѣха изданія, въ настоящее время, необходимо, чтобы текущія извѣстія сообщались ежедневно. А потому при журналѣ предполагается «Листокъ», въ которомъ бы, немедленно по полученіи, печатались правительственныя постановленія и распоряженія, извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и событіяхъ въ политическомъ мірѣ, краткія замѣтки, литературныя и городскія новости, объявленія о выходѣ книгъ и т. п. Листокъ этотъ носилъ бы названіе «Текущихъ Извѣстій Русскаго Лѣтописца».

«Безъ такого ежедневнаго сообщенія извѣстій, ожидаемыхъ всѣми съ живымъ нетерпѣніемъ и участіемъ, вновь начинаемое изданіе не будетъ поддерживаться въ настоящее время.....

«Что же касается до патріотическихъ чувствованій и мыслей, возбуждаемыхъ текущими событіями, то онѣ могутъ быть излагаемы въ особыхъ, болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ. Подобнаго содержанія статьи будутъ, въ случаѣ надобности, подвергаться особой правительственной цензурѣ. Тонъ этихъ статей долженъ отличаться достоинствомъ и благородствомъ. Редакція должна блюсти, чтобы при всей живости

[1]) Геройская защита севастополя.

патріотическаго одушевленія, въ выраженіи его не было ничего излишняго и неприличнаго. Искренность убѣжденія должна составлять главное достоинство подобныхъ статей. По своему назначенію, какъ выраженіе чувства частныхъ лицъ, онѣ могутъ быть умѣстны только въ неоффиціальномъ изданіи, и вообще не должны носить оффиціальнаго характера».

При этомъ М. Н. Катковъ выражалъ увѣренность, что предполагаемое имъ изданіе ни въ какомъ случаѣ не нанесетъ ущерба редактируемымъ имъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Наладивъ дѣло и получивъ почти согласіе министра, М. Н. Катковъ уѣхалъ спокойно въ Москву, гдѣ вскорѣ узналъ, что просьба его издавать журналъ передана на разсмотрѣніе Московскаго университета и попечителя учебнаго округа. Они находили, что «Листокъ текущихъ извѣстій Русскаго Лѣтописца» непремѣнно нанесетъ ущербъ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Такое заключеніе заставило М. Н. Каткова принять противъ этого мѣры, и онъ писалъ А. В. Никитенко:

15.

7-го іюля 1855 г. Москва.

Отъ всей души благодарю васъ, дорогой мой Александръ Васильевичъ, за ваше участіе. Я не спѣшилъ отвѣчать на ваше письмо, потому что желалъ написать что-нибудь опредѣленное по моему дѣлу. Къ сожалѣнію, братъ мой не имѣлъ случая видѣться съ вами въ послѣднее время, чтобы сообщить вамъ нѣкоторыя извѣстія отъ меня. Вотъ положеніе дѣла: еще 20-го іюня пришелъ въ Московскій цензурный комитетъ запросъ отъ министра по моему дѣлу, запросъ оффиціальный, вмѣстѣ съ докладными моими записками и программою. Когда я узналъ объ этомъ, я не зналъ, что и подумать. Изъ Петербурга уѣзжалъ я въ полной увѣренности, что съ Москвою оффиціальнаго сношенія по моему дѣлу не будетъ: вышло совершенно напротивъ. Какъ это случилось— не понимаю. Какъ бы то ни было, дѣло мое оффиціально обсуждалось въ цензурномъ комитетѣ, гдѣ рѣшено препроводить его въ университетское правленіе съ тѣмъ, чтобъ оно обсудило, во-первыхъ, не будетъ ли ущерба университету отъ того, что редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» будетъ имѣть свое собственное изданіе; во-вторыхъ, не будетъ ли ущерба ему вслѣдствіе конкурренціи «Московскимъ Вѣдомостямъ» со стороны изданія, отчасти совпадающаго съ ними въ программѣ.

Изъ этого одного вы уже можете заключить, какъ благопріятно поведено здѣсь мое дѣло. Развѣ я прикованъ къ «Московскимъ Вѣдомо-

стямъ»? Вопросъ о томъ, выгодно ли будетъ университету, чтобъ я оставался при этомъ изданіи, когда у меня будетъ свое, умѣстенъ ли теперь? Неужели изъ-за редакторства «Московскихъ Вѣдомостей» я долженъ отказаться отъ надежды имѣть свое изданіе? Рѣчь идетъ о разрѣшеніи мнѣ издавать журналъ. Если-бъ я былъ крѣпостной человѣкъ университета, если-бъ я былъ обязанъ на вѣки вѣковъ быть редакторомъ его газеты, то, конечно, могъ бы естественно возникнуть этотъ вопросъ. Тогда имѣли бы право при самомъ началѣ сказать мнѣ: нѣтъ, ты не можешь издавать свой журналъ; твое дѣло издавать только «Московскія Вѣдомости»; ты будешь болѣе заботиться о своемъ изданіи въ ущербъ университетскому. Нѣтъ, тебѣ нельзя искать права издавать свой журналъ! Но, слава Богу, я не нахожусь въ такомъ положеніи. Что же теперь значитъ этотъ вопросъ? Иное дѣло, когда бы я получилъ разрѣшеніе издавать журналъ: тогда, и только тогда могъ бы возникнуть вопросъ о томъ, выгодно ли будетъ университету удерживать меня, издателя своего собственнаго журнала, при редакціи университетской газеты? Мнѣ могли бы отказать отъ редакціи ея, и имѣли бы на то полное право. Я самъ не захотѣлъ бы оставаться при ней, если-бъ возникло хотя малѣйшее сомнѣніе.

Все, чего бы я желалъ, было бы лишь только то, чтобъ мнѣ дали остаться на этомъ мѣстѣ до новаго года, съ котораго только я и могъ бы начать свое изданіе.

Что же касается до другаго вопроса, объ ущербѣ отъ соперничества, то я обращаюсь на судъ каждаго безпристрастнаго человѣка: можно ли ставить такой вопросъ, можно ли разсматривать дѣло съ этой точки зрѣнія? Если-бъ я захотѣлъ завести въ Москвѣ типографію, неужели слѣдовало бы обратиться съ запросомъ къ университету, не пострадаютъ ли отъ того его выгоды? Университетъ въ этомъ дѣлѣ партія, и можно ли спрашивать его мнѣнія объ немъ?

Это вопіющая несправедливость. Нѣтъ и тѣни такого узаконенія, въ силу котораго Московскому университету предоставлялось бы исключительное право издавать газеты и журналы. Само собою разумѣется, что всякій, занимающійся какимъ-нибудь дѣломъ, промысломъ и т. п., на вопросъ, выгодно ли ему будетъ, съ точки зрѣнія его матеріальныхъ интересовъ, чтобъ рядомъ съ нимъ занимались тѣмъ же еще и другіе, всякій будетъ отвѣчать: нѣтъ, съ этой точки зрѣнія—не выгодно! Не говорю уже о беззаконности такой ни на чемъ не основанной или, лучше, не существующей монополіи; но не значитъ ли, убить дѣло, если подчинить его такой точкѣ зрѣнія?

Съ попечителемъ я имѣлъ продолжительныя объясненія; но вы знаете уже, какъ мало положительнаго можно вынести изъ этихъ объясненій. Онъ рѣшительно протестуетъ противъ «Листка»; но что касается до самаго

журнала, то, повидимому, онъ расположенъ къ нему благопріятно. Во всякомъ случаѣ дѣло это, вѣроятно, долго затянется здѣсь. Прибывъ въ Москву 20-го іюня, оно еще и теперь находится въ правленіи (университета). Когда-то еще будетъ оно препровождено оттуда снова въ цензурный комитетъ, когда-то составится окончательное заключеніе въ комитетѣ, когда-то пойдетъ обратно въ Петербургъ, когда-то внесено будетъ въ главное управленіе цензуры и дойдетъ, наконецъ, до доклада государю. Между тѣмъ, какъ сказывалъ мнѣ попечитель, Авраамъ Сергѣевичъ (Норовъ) собирается въ началѣ августа въ Москву и отсюда поѣдетъ далѣе по нѣкоторымъ губерніямъ для осмотра учебныхъ заведеній.

Что скажете вы на все это, дорогой Александръ Васильевичъ? Не сочтете ли нужнымъ, чтобъ я написалъ Аврааму Сергѣевичу письмо, въ которомъ бы просилъ его или прекратить вовсе дѣло до будущихъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, или принять мѣры, чтобы оно не затянулось до такой степени, что и самымъ разрѣшеніемъ, если бы оно воспослѣдовало, я не могъ бы воспользоваться. При этомъ я могъ бы объяснить ему, что готовъ буду пожертвовать «Листкомъ», если съ этой стороны встрѣчаются затрудненія. «Листка» я просилъ себѣ, какъ поддержку на первое время. Безъ него изданіе будетъ дѣломъ очень труднымъ; но ужъ я рѣшился на всѣ лишенія и трудности. Зато, по крайней мѣрѣ, политическій отдѣлъ журнала и еженедѣльный выпускъ книжекъ—должны остаться непремѣннымъ условіемъ. Боюсь, что изъ Москвы изъ-за университетскихъ шанцевъ будетъ сдѣлано и на этотъ пунктъ нападеніе.

Что касается до того, чтобъ дать этому дѣлу видъ возобновленія «Сына Отечества», то я намекалъ на это и въ моихъ личныхъ объясненіяхъ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ, и въ докладной запискѣ моей. Я очень буду радъ написать и объ этомъ; но собственно говоря, нѣтъ никакой нужды формально возобновлять «Сынъ Отечества». Можно дать дѣлу такой оборотъ: въ продолженіе двухъ царствованій, съ двѣнадцатаго года, издавался у насъ журналъ «Сынъ Отечества» по такой-то программѣ; онъ прекратился недавно; желательно было бы, чтобъ подобное изданіе продолжалось и нынѣ подъ заглавіемъ «Русская Лѣтопись», какъ того желаетъ такой-то. Программа останется та же; будетъ издаваться журналъ съ политическимъ и литературнымъ отдѣломъ, еженедѣльно, подъ заглавіемъ «Русская Лѣтопись». Измѣнить названіе необходимо, во-первыхъ, потому, что «Сынъ Отечества» былъ компрометированъ редакціею передъ публикою; во-вторыхъ, во избѣжаніе разныхъ притязаній какъ со стороны прежнихъ владѣльцевъ этого журнала, такъ и со стороны бывшихъ подписчиковъ его, которымъ были не доданы книжки въ послѣдній годъ его существованія. Всего лучше, если-бъ вы, въ комъ я такъ же увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ, предварительно по-

говорили съ министромъ на основаніи этого письма моего. Между прочимъ можно было бы и упомянуть о явленіи очень поразительномъ: кто-то возымѣлъ мысль издавать въ Брюсселѣ журналъ въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи. Журналъ этотъ—«Le Nord». Во всѣхъ нашихъ государственныхъ людяхъ встрѣтила эта мысль поддержку. Акціи, проданныя въ Россіи, въ правительственныхъ кругахъ, доставили новому журналу значительное матеріальное пособіе. Для русскаго просвѣщенія журналъ этотъ не будетъ имѣть ровно никакого значенія. Вся польза отъ него будетъ состоять только въ томъ, чтобы по возможности сколько-нибудь знакомить съ нами иностранцевъ и сколько-нибудь располагать въ нашу пользу общественное мнѣніе. Но вотъ является человѣкъ съ просьбою позволить ему издавать русскій журналъ для русскихъ; программу его находятъ благонамѣренною и полезною; вмѣсто всякой поддержки онъ проситъ себѣ только право ежедневно извѣщать своихъ читателей о военныхъ дѣйствіяхъ, о распоряженіяхъ правительства, и что же? ему не только отказываютъ въ этой поддержкѣ, но затрудняются пустить въ ходъ его прошеніе объ изданіи самаго журнала, признавая въ то же время и способность, и благонамѣренность просителя; потому что, издавая «Московскія Вѣдомости» по порученію самого правительства, я думаю, что благонамѣренность и способность мои вполнѣ признаны [1]).

Итакъ, глубокоуважаемый Александръ Васильевичъ, если вамъ то не будетъ затруднительно, поспѣшите завести еще разъ рѣчь объ этомъ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ и также поспѣшите дать мнѣ о результатѣ этого переговора вѣсточку. Скажите, что я писалъ къ вамъ и просилъ васъ узнать отъ него, какъ прикажетъ онъ поступить мнѣ теперь.

Письмо это доставитъ вамъ мой братъ; онъ же пособитъ вамъ и прочесть его.

Обнимаю и цѣлую васъ отъ всей души. Жена моя поручаетъ мнѣ передать вамъ искреннѣйшія ея привѣтствія. Вашъ всею душою М. Катковъ.

16.

15-го августа 1855 г. Москва.

Дорогой мой Александръ Васильевичъ, въ ваше отсутствіе разъигрался первый актъ нашей комедіи. Бумаги мои, послѣ полуторамѣсячнаго разсмотрѣнія въ Москвѣ, отправлены наконецъ въ Петербургъ съ

[1]) Контрастъ между судьбою газеты „Le Nord“ и моимъ проектомъ не худо бы представить Аврааму Сергѣевичу повыразительнѣе и пояснѣе.

мнѣніемъ здѣшняго цензурнаго комитета, разумѣется вполнѣ неблагопріятнымъ. Протестуютъ не только противъ «Листка», но и вообще противъ политическаго отдѣла въ журналѣ, якобы угрожающаго соперничествомъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Здѣшняя тактика относительно меня состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе оборвать мою программу, какъ можно менѣе оставить въ ней условій благопріятныхъ для успѣха изданія, и воспользоваться случаемъ, чтобъ оттѣснить меня отъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», потому что, какъ вы уже догадываетесь, возникшій здѣсь вопросъ о возможности совмѣщенія редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» съ другимъ изданіемъ рѣшенъ отрицательно. Издавая свой журналъ, гласитъ приговоръ (редакція резолюціи принадлежитъ Шевыреву: можете понять какъ она должна быть благопріятна для меня), я не буду достаточно радѣть объ университетской газетѣ, а посему и т. д. Напрасно они такъ хлопочутъ объ этомъ: если бы мнѣ дано было разрѣшеніе издавать журналъ по представленной программѣ, то я самъ не хотѣлъ бы оставаться при «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Какъ бы ни было мнѣ тяжело въ первое время, но я бы долженъ былъ всего себя отдать журналу, и оставаясь редакторомъ «Вѣдомостей», я причинилъ бы ущербъ не университету (потому что «Вѣдомости» никакъ бы отъ этого не потеряли), а себѣ самому. Стало быть объ этомъ вопросѣ толковать нечего, но надобно, чтобъ министръ не встрѣтилъ въ немъ камня преткновенія. Я уже недѣли три назадъ собрался писать къ нему, какъ вдругъ въ Москву на вѣсколько дней пріѣхалъ графъ Блудовъ. Узнавъ отъ меня о моемъ рѣшеніи согласиться на нѣкоторыя уступки, онъ отсовѣтовалъ мнѣ писать къ министру и взялся самъ рѣшительно объясниться съ нимъ. Я передалъ ему записку, въ которой изложилъ положеніе дѣла послѣ здѣшняго обсужденія, и отвѣчалъ на сдѣланныя возраженія. Я знаю положительно, что графъ Блудовъ уже говорилъ съ министромъ, а записку мою, которая не должна была принимать оффиціальнаго хода, и въ подробности которой онъ не могъ вдаваться самъ въ разговорѣ съ министромъ, передалъ князю Вяземскому, чтобы онъ на основаніи ея говорилъ съ А. С. (Авраамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ) и блюлъ за ходомъ дѣла.

Князь Вяземскій человѣкъ весьма близкій къ графу Блудову и совершенно ему преданный. Не знаю, что̀ изъ этого выйдетъ. Считаю нелишнимъ послать вамъ брульонъ поданной мною графу Блудову записки. Можетъ быть и вамъ придется сказать что-нибудь на ея основаніи. Но главное—посылаю вамъ письмо къ министру. Если вы увидите, что дѣло плохо, то представьте ему это письмо (боюсь только, не слишкомъ-ли дурно оно каллиграфировано: особенно послѣдняя страница смущаетъ меня). Но прежде нужно было бы навести справки, не дано ли дѣлу движенія и безъ тѣхъ уступокъ, на которыя

*

я соглашаюсь въ письмѣ. Не худо было бы поговорить съ А. С. (Норовымъ) прежде, ничего не упоминая объ этомъ письмѣ. Я нарочно въ концѣ не выставилъ числа, такъ что вы можете поставить какое придется. «Листокъ» дѣло очень важное, и я очень бы хотѣлъ сохранить его, тѣмъ болѣе что мнѣ придется оставить «Московскія Вѣдомости». Хотя я увѣренъ къ конечномъ успѣхѣ предпріятія, но первое время будетъ тяжело. Вашей пріязни ко мнѣ, вашему благородству, вашему благоразумію поручаю я это послѣднее усиліе въ пользу замышленнаго предпріятія.

При докладѣ о моемъ письмѣ можетъ пригодиться вамъ прилагаемая при семъ моя записка. Объ ней упоминать, конечно, не нужно. (Боюсь я, чтобъ Вяземскій не отдалъ ее Авр. С. (Норову),—хотя въ ней нѣтъ ничего компрометирующаго, но не хорошо, если объ ней узнаетъ Назимовъ).

Кажется, дѣломъ болѣе всего въ министерствѣ заправляетъ Берте.

Назимовъ будетъ въ Петербургѣ къ 30-му августа. Хорошо, если бы дѣло перешло наконецъ въ ваши руки. Не увидитесь ли вы съ Вяземскимъ? Цѣлую васъ отъ всего сердца—передайте мое и жены моей привѣтствіе Казимірѣ Казиміровнѣ.

Вашъ всею душою М. Катковъ.

Прибытіе мое въ Петербургъ считаю дѣйствительно очень нужнымъ; но надобно, чтобы А. С. (Норовъ) самъ меня вызвалъ.

Я не очень хорошо знакомъ съ подробностями программы «Сына Отечества». Имѣетъ ли онъ право говорить о правительственныхъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ и печатать самые тексты? Не стѣсненъ ли какъ-нибудь литературный отдѣлъ?

Письмо М. Н. Каткова—Авр. Сер. Норову.

„ “ августа 1855 г. Москва.

Благосклонность, съ какою ваше превосходительство приняли проектъ мой объ основаніи новаго журнала, даетъ мнѣ смѣлость писать къ вамъ по этому дѣлу. Теперь, когда оно можетъ быть приближается къ окончательному рѣшенію, я полагаю, что нѣкоторыя объясненія съ моей стороны были бы не излишни, и потому осмѣливаюсь испрашивать у вашего высокопревосходительства разрѣшенія прибыть въ Петербургъ на два или на три дня единственно для того, чтобы лично услышать вашу волю и, согласно съ нею, внести, если потребуется, въ мою программу

точнѣйшія показанія или измѣненія, которыя могли бы облегчить дѣло и удовлетворить могущія возникнуть противъ него возраженія.

Хотя я просилъ о дозволеніи основать новый журналъ, однако въ сущности представленная мною программа совершенно совпадаетъ съ программою недавно прекратившагося «Сына Отечества». Я лишь потому не удержалъ названія этого изданія, почтеннаго по своему происхожденію и по патріотическимъ воспоминаніямъ двѣнадцатаго года, что небрежностью послѣдней редакціи своей оно потеряло довѣріе публики.

Но для упрощенія дѣла я былъ бы готовъ просить прямо о возобновленіи «Сына Отечества». Программа его уже извѣстна и не требуетъ особаго разсмотрѣнія. Я желалъ бы только, чтобы мнѣ представлено было право еженедѣльнаго изданія, какимъ первоначально былъ этотъ журналъ, и чтобы возобновленный «Сынъ Отечества» былъ огражденъ отъ всякихъ притязаній со стороны прежнихъ его издателей, а также и всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ на нихъ какіе-либо иски.

Я просилъ о дозволеніи мнѣ при журналѣ ежедневно сообщать своимъ читателямъ текущія извѣстія. Съ тѣми ограниченіями, которыя имѣлъ я честь изложить въ одной изъ докладныхъ моихъ записокъ, этотъ «Листокъ» отнюдь не имѣлъ бы значенія особой газеты. Въ случаѣ необходимости онъ могъ бы подвергнуться еще бо́льшимъ ограниченіямъ; такъ, я рѣшился бы ограничиться сообщеніемъ въ немъ только внутреннихъ политическихъ извѣстій, которыя въ Москвѣ печатаются не въ однѣхъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но и въ «Полицейской Газетѣ», слѣдовательно даже de facto не составляютъ предмета какой-либо исключительной привилегіи. Ежедневное сообщеніе текущихъ извѣстій, въ настоящее время, послужило бы пособіемъ и поддержкою новому изданію, которое, смѣю думать, было бы не безполезно для отечественнаго просвѣщенія. Въ крайности я отказался бы отъ этого пособія, сколь ни полагаю его важнымъ для успѣха новаго изданія при настоящихъ обстоятельствахъ, и ограничился бы еженедѣльнымъ журналомъ по представленной мною программѣ или по программѣ «Сына Отечества».

Что же касается до неудобства, находимаго университетскимъ начальствомъ совмѣстить въ однѣхъ рукахъ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» съ другимъ изданіемъ, то не мое дѣло рѣшать, въ какой мѣрѣ справедливы эти опасенія. Смѣю однако думать, что обстоятельство это не будетъ препятствіемъ для исходатайствованія мнѣ права на изданіе журнала. Отъ вашего высокопревосходительства будетъ зависѣть рѣшеніе, можетъ ли быть оставлена за мною редакція «Московскихъ Вѣдомостей», когда я приступлю къ новому изданію, и я безропотно покорюсь вашему рѣшенію.

Какъ относительно этихъ пунктовъ, такъ и другихъ, которыхъ я не

могу предусмотрѣть, но которые могутъ, если не вовсе повредить успѣху дѣла, то по крайней мѣрѣ замедлить его ходъ, я полагаю прибытіе мое въ Петербургъ необходимымъ. Но имѣя дѣло лично до вашего высокопревосходительства, я не могу предпринять эту поѣздку безъ особаго отъ васъ разрѣшенія.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и совершенной преданности, имѣю честь пребыть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою М. Катковъ.

Записка М. Н. Каткова.

Начальство Московскаго университета находитъ, что я, какъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», не имѣю права испрашивать себѣ разрѣшеніе издавать журналъ. Оно полагаетъ, что «Московскія Вѣдомости» пострадаютъ, если редакція ихъ будетъ находиться въ однѣхъ рукахъ съ редакціею другаго изданія. Сколько мнѣ извѣстно, проектъ мой подалъ поводъ здѣсь къ нѣкоторымъ неблагопріятнымъ обо мнѣ заключеніямъ. Находятъ страннымъ, что я, вмѣсто того, чтобы заботиться объ улучшеніи «Московскихъ Вѣдомостей», ходатайствую о правѣ издавать свой журналъ; удивляются, что я не испрашивалъ того для «Московскихъ Вѣдомостей», что находилъ нужнымъ внести въ проектъ своего изданія.

Считаю своимъ долгомъ оправдать себя и представить дѣло въ истинномъ свѣтѣ. Дѣятельность редактора открыта и подлежитъ общей оцѣнкѣ. Въ какой мѣрѣ удалось мнѣ содѣйствовать улучшенію «Московскихъ Вѣдомостей»—судить не мнѣ. Могу сослаться только на отзывы начальства и публики, на увеличеніе числа подписчиковъ, возраставшее съ каждымъ годомъ моей редакціи, несмотря на троекратное возвышеніе подписной цѣны, и достигшее въ текущемъ году до 15.000; приняты же мною были «Московскія Вѣдомости» только при 7.000 подписчиковъ. Но каковъ бы ни былъ успѣхъ моихъ трудовъ, я по крайней мѣрѣ могу съ чистою совѣстью сказать, что трудовъ не щадилъ. Долгое время я боролся съ величайшими трудностями, долженъ былъ нести на себѣ всю черную работу изданія и проводить ночи у типографскихъ станковъ. Съ расширеніемъ размѣровъ изданія требовалось увеличеніе и средствъ его, средства остались безъ измѣненія: то же число наборщиковъ, почти то же количество типографскихъ матеріаловъ, а газета отъ полутора и двухъ листовъ достигла, кромѣ объявленій, до трехъ съ половиною и четырехъ; газета получила литературный отдѣлъ, который сталъ существенною и постоянною ея частью. Послѣ долгихъ и тяж-

кихъ усилій мнѣ удалось организовать редакцію, такъ что при прежнихъ средствахъ изданіе идетъ правильнымъ порядкомъ, улучшаясь по возможности съ каждымъ годомъ въ своемъ внутреннемъ составѣ.

Но не будучи хозяиномъ изданія, я могъ заботиться объ улучшеніи его только въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» поставлена въ условія самыя неблагопріятныя. Она ничего не можетъ предпринять для расширенія способовъ изданія. Незначительнѣйшій проектъ ея долженъ проходить столько инстанцій и подвергаться столькимъ затрудненіямъ, что и самое горячее усердіе впадаетъ въ уныніе. Притомъ редакція находится въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ управленіемъ типографіи. Отъ редакціи непосредственно зависитъ только внутренній составъ «Вѣдомостей»; хозяйственная же сторона изданія, равно какъ и доставленіе его подписчикамъ, подлежитъ завѣдыванію конторы типографіи.

Но публика не знаетъ и не хочетъ этого знать, и всю отвѣтственность возлагаетъ на одного редактора. Я получалъ и безпрестанно получаю множество писемъ, наполненныхъ жалобами, обвиненіями и нерѣдко оскорбительными укоризнами по поводу дурной печати, возвышенія подписной цѣны и неправильнаго доставленія или даже просто недоставленія «Вѣдомостей».

Редакція не можетъ выписать какое-либо нужное ей изданіе, если на то потребуется лишній рубль противъ суммы, ассигнованной на этотъ предметъ; безъ особенныхъ ходатайствъ, нерѣдко безуспѣшныхъ, она не можетъ тиснуть для автора статьи, помѣщенной въ «Вѣдомостяхъ», особыхъ экземпляровъ ея; при безпрерывно возрастающей матеріальной цѣнности литературныхъ произведеній, она не можетъ выйти изъ своего скуднаго бюджета, чтобы вознаградить прилично автора какой-либо статьи, которая, по сужденію редакціи, могла бы придать интересъ ея изданію.

Въ прошедшемъ году, когда г. министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ желаніе, чтобы я остался при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», я, нераздѣльно съ ходатайствомъ объ улучшеніи собственнаго моего положенія, находившагося дотолѣ въ крайней неопредѣленности, просилъ объ увеличеніи суммы, опредѣляемой на плату за литературные труды, помѣщаемые въ «Вѣдомостяхъ». Министръ нашелъ доводы мои основательными и предложилъ университетскому начальству войти къ нему объ этомъ съ особымъ представленіемъ. Повидимому дѣло было рѣшено, и однакожъ оно не кончено и доселѣ.

Меня упрекаютъ, зачѣмъ я просилъ о дозволеніи издавать ежедневный «Листокъ»—для себя, а не для университета. Но начальству университета было бы всего естественнѣе и прямѣе самому ходатайствовать объ этомъ. Если бы я вздумалъ предупредить его, то отъ него же бы

подвергся укору за вмѣшательство не въ свое дѣло. Къ тому же я имѣлъ основаніе быть увѣреннымъ, что подобное усиленіе типографской дѣятельности по изданію «Вѣдомостей» не желалось самимъ начальствомъ университета. Зная, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидаютъ извѣстій съ театра войны, я, по общему обычаю, извѣстія, получаемыя по выходѣ нумера газеты, спѣшилъ печатать въ особыхъ прибавленіяхъ и разсылать подписчикамъ, а въ слѣдующемъ нумерѣ, помѣщая ихъ въ текстѣ газеты, объявлялъ о предварительной разсылкѣ ихъ особыми листками.

Вскорѣ посыпались на меня рекламаціи: подписчики не получали этихъ листковъ; по справкѣ оказалось, что начальство типографіи, не предупредивъ меня, запретило разноску особыхъ прибавленій, находя это невыгоднымъ для типографіи.

Такой урокъ долженъ былъ научить меня осторожности.

Что касается до «Листка», на который я испрашивалъ себѣ право, при изданіи предполагаемаго журнала, то, какъ подробно объяснено мною въ дополнительной докладной запискѣ, поданной г. министру народнаго просвѣщенія, «Листокъ» этотъ не имѣлъ бы значенія особой газеты, на полученіе его не было бы отдѣльной подписки, и получать его могли бы только подписчики журнала. Я и предлагалъ также, если бы то было угодно университетскому начальству, разсылать этотъ «Листокъ» желающимъ подписчикамъ «Московскихъ Вѣдомостей», такъ чтобы онъ былъ дополненіемъ столько же этой газеты, сколько и новаго журнала. Начальство университета не приняло этого предложенія, и вообще не желаетъ, чтобы мнѣ было дозволено издавать «Листокъ», находя, что онъ подорветъ «Московскія Вѣдомости».

Недоумѣваю, какимъ бы образомъ могъ этотъ «Листокъ» подорвать газету, имѣющую сто лѣтъ существованія, 15.000 подписчиковъ, удовлетворяющую, по своему содержанію, самымъ разнообразнымъ потребностямъ публики и пользующуюся весьма важною привилегіею относительно казенныхъ объявленій,—недоумѣваю тѣмъ болѣе, что «Листокъ» этотъ не былъ бы особымъ изданіемъ и служилъ бы только дополненіемъ журнала. Во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что такой взглядъ на дѣло не совсѣмъ основателенъ. Ни университетъ, ни какое-либо другое заведеніе не пользуется у насъ монополіею журналовъ и газетъ. «С.-Петербургскія» и «Московскія Вѣдомости», имѣютъ одну и весьма существенную привилегію, въ силу которой всѣ казенныя мѣста должны печатать свои объявленія исключительно въ этихъ двухъ газетахъ. Но этой привилегіи мой «Листокъ» не касается. Я испрашиваю для него, и то съ большими ограниченіями, лишь только то, что принадлежитъ всѣмъ газетамъ. Почему мой «Листокъ» можетъ угрожать университетской газетѣ, когда ей не страшно соперничество многихъ петербургскихъ изданій, выходящихъ ежедневно и предупреждающихъ ее для самой Москвы сообще-

ніемъ извѣстій? Какое существенное различіе въ томъ, что «Московскія Вѣдомости» выходятъ въ Москвѣ, а «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Сѣверная Пчела» выходятъ въ Петербургѣ? Да и въ Москвѣ недавно издавался (Дрѣшусовымъ) «Городской Листокъ», и нынѣ издается «Полицейская Газета», программа которыхъ отчасти совпадаетъ съ программою моего «Листка» и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ее.

Если существованіе университетской типографіи не препятствуетъ существованію другихъ типографій въ Москвѣ, то почему же «Московскія Вѣдомости» должны быть препятствіемъ къ основанію въ Москвѣ другихъ изданій?

Г. министръ, согласно съ цензурнымъ уставомъ, предписывающимъ, чтобы прошенія объ основаніи новыхъ изданій предварительно разсматривались въ цензурномъ комитетѣ, обратился съ запросомъ о моемъ проектѣ въ Московскій цензурный комитетъ, а не къ начальству университета.

Если бы при этомъ имѣлся въ виду вопросъ о соперничествѣ, то слѣдовало бы тоже спрашивать мнѣнія Академіи наукъ, отъ которой издаются «С.-Петербургскія Вѣдомости», редакціи «Русскаго Инвалида» и прочихъ выходящихъ у насъ изданій, которыя могли бы тоже протестовать противъ новаго изданія, могущаго вступить съ ними въ соперничество.

Что же касается до неудобства, находимаго университетскимъ начальствомъ, относительно соединенія редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и новаго изданія въ моихъ рукахъ, то обстоятельство это отнюдь не можетъ служить препятствіемъ въ моемъ исканіи. Какъ ни дорого цѣню я преимущества, дарованныя мнѣ министромъ по редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», я безропотно откажусь отъ ней, какъ только приступлю къ новому изданію. Увольненіе меня отъ редакціи тѣмъ легче, что я нахожусь на службѣ въ званіи не редактора «Московскихъ Вѣдомостей», а чиновника особыхъ порученій при министрѣ. Если г. министру угодно будетъ удержать меня при себѣ и возложить на меня другое порученіе, я приму это за особенную милость и ручаюсь за добросовѣстное и усердное исполненіе всякой обязанности, которая будетъ мнѣ по силамъ. Начальство же университета можетъ легко замѣнить меня, тѣмъ болѣе, что редакція при заведенномъ уже порядкѣ можетъ быть продолжаема успѣшно безъ особенныхъ усилій. Если бы не оказалось для меня при министерствѣ никакого другого порученія для удержанія меня на службѣ, то я просилъ бы только дозволить мнѣ докончить изданіе «Вѣдомостей» за текущій 1855 годъ, потому что въ октябрѣ сего года истекаетъ срокъ моему старшинству на производство въ слѣдующій чинъ. Къ тому времени я успѣлъ бы перемѣститься въ другое вѣдомство.

Попечитель на изданіе «Листка» положительно не соглашался, а изданіе журнала признавалъ возможнымъ, но не въ томъ видѣ, въ какомъ предполагалъ г. Катковъ, а съ ограниченіемъ программы журнала «только однимъ учено-литературнымъ отдѣломъ».

Такимъ образомъ дѣло приняло неблагопріятный оборотъ, и министръ народнаго просвѣщенія готовъ былъ подписать бумагу съ объявленіемъ М. Н. Каткову, «что дозволенія на испрашиваемое имъ новое періодическое изданіе дано ему быть не можетъ». Но за г. Каткова вступился тогдашній товарищъ министра князь П. А. Вяземскій.—Въ виду того, что министръ собирался въ Москву для осмотра московскаго учебнаго округа, князь Вяземскій предложилъ Норову взять съ собою всю переписку, такъ какъ безъ сомнѣнія Катковъ явится къ нему просителемъ. «Можетъ быть, писалъ кн. Вяземскій, на мѣстѣ и въ личномъ сношеніи легче будетъ оцѣнить, разсудить и рѣшить это обстоятельство.—Признаюсь съ своей стороны, хотя и нахожу *отчасти* права и опасенія университета заслуживающими вниманія, но не менѣе того нахожу справедливымъ и для общей пользы желательнымъ, чтобы оказано было и г. Каткову возможное удовлетвореніе по просьбѣ его» [1]).

Мнѣніе князя Вяземскаго оказало свое дѣйствіе, и по прибытіи Норова въ Москву, Михаилъ Никифоровичъ, 7 сентября 1855 г., подалъ министру докладную записку, въ которой просилъ раздѣлить его просьбу на двѣ части и рѣшить вопросъ о журналѣ независимо отъ вопроса объ ежедневномъ «Листкѣ». «Я желалъ бы, писалъ онъ, удержать избранное мною названіе «*Русскаго Лѣтописца*»; что же касается до вопроса, удобно-ли совмѣстить въ однѣхъ рукахъ редакцію «*Московскихъ Вѣдомостей*» съ другимъ изданіемъ, то смѣю думать, что обстоятельство это не будетъ препятствіемъ въ моемъ исканіи. Этотъ вопросъ рѣшать не мнѣ, и сколь ни дорого цѣню я преимущества и выгоды, сопряженныя съ настоящимъ моимъ положеніемъ, я безспорно откажусь отъ нихъ, если признано будетъ почему либо невыгоднымъ для университета оставить за мною редакцію «*Московскихъ Вѣдомостей*» при другомъ изданіи».

15 сентября 1855 г. министръ народнаго просвѣщенія писалъ изъ Ярославля своему товарищу, что, по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, онъ не встрѣчаетъ препятствій къ исходатайствованію Каткову дозволенія издавать журналъ, но безъ ежедневнаго «Листка».—Вмѣстѣ съ тѣмъ А. С. Норовъ считалъ весьма затруднительнымъ и неудобнымъ, чтобы Катковъ, издавая свой журналъ, оставался вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», а потому и поручилъ попечи-

[1]) Арх. министерства народнаго просвѣщенія.

телю московскаго учебнаго округа указать новаго редактора для послѣднихъ [1]).

На этомъ дѣло однакоже не остановилось; начались новыя формальныя проволочки и затрудненія. Главное управленіе цензуры рѣшило, что новое изданіе можетъ выходить одинъ или два раза въ мѣсяцъ, тогда какъ Катковъ просилъ разрѣшенія выпускать журналъ по своему усмотрѣнію отъ одного до четырехъ разъ въ мѣсяцъ.—Затѣмъ отъ издателя потребовали, чтобы предполагавшаяся лѣтопись политическихъ событій и военныхъ дѣйствій представляла собою, «безъ всякихъ разсужденій со стороны редакціи, лишь связный обзоръ извѣстій сего рода изъ періодическихъ изданій въ Россіи выходящихъ».

Такое ограниченіе заставило М. Н. Каткова отправиться въ Петербургъ. Въ запискѣ, поданной министру, онъ писалъ:

«Я отказался отъ ежедневнаго «Листка», въ которомъ видѣлъ пособіе для новаго литературнаго предпріятія.—Я, наконецъ, изъявилъ готовность принести этому дѣлу для меня важную жертву—мѣсто мое при «Московскихъ Вѣдомостяхъ», хотя и вполнѣ сознавалъ, что «Московскія Вѣдомости», оставаясь подъ моею редакціею, нисколько бы отъ этого не потерпѣли.—Послѣ такой жертвы я долженъ особенно дорожить всѣми условіями, которыя въ настоящее тяжелое время и при позднемъ разрѣшеніи изданія могутъ сколько нибудь благопріятствовать новому изданію и способствовать успѣху моегу труда».

Спустя нѣсколько дней, 21 октября 1855 года, Катковъ писалъ, что «при томъ измѣненіи, которое внесено въ программу предполагаемаго мною журнала, при разсмотрѣніи оной въ Главномъ управленіи цензуры, я полагаю приличнѣйшимъ вмѣсто прежняго названія «Русскій Лѣтописецъ» означить этотъ журналъ названіемъ «Русскій Вѣстникъ».

Министерство удовлетворило наконецъ просьбу Каткова, и 31 октября 1855 года ему было высочайше разрѣшено издавать журналъ.—Извѣстіе это не дошло еще до Москвы, когда Михаилъ Никифоровичъ, все еще сомнѣваясь въ благополучномъ исходѣ его дѣла, писалъ А. В. Никитенко:

---

[1]) Такимъ редакторомъ былъ назначенъ помощникъ Каткова, Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ.

17.

2-го ноября 1855 г.

На слѣдующій день по полученіи этого письма, дорогой Александръ Васильевичъ, будетъ, вѣроятно, рѣшено мое дѣло. Не откажите же мнѣ въ вашемъ содѣйствіи и помогите его благополучному исходу. Я отправляю сегодня письмо къ Евграфу Петровичу (Ковалевскому) и возобновляю въ его памяти это дѣло, подкрѣпляя его новыми доводами.

Я особенно боюсь того аргумента, что всѣ прочіе журналы пожелаютъ того же. Но если судить такъ, то нельзя было бы никому давать право на изданіе журнала изъ опасенія, что всѣ обитатели Россійской имперіи пожелаютъ того же. Къ тому же я столько же имѣю въ виду сокращеніе сроковъ моего изданія, сколько учащеніе ихъ. Желая издавать «Современную Лѣтопись» два раза въ недѣлю, я зато дѣлаю изъ двухъ книжекъ одну въ мѣсяцъ. Чтобы этотъ странный аргументъ имѣлъ силу, надобно, ради консеквентности, предложить другимъ журналамъ выходить сначала, подобно «Русскому Вѣстнику», въ двухъ книжкахъ.

Сходственно съ моимъ планомъ издавалось польское «Slowo» въ двухъ видахъ, какъ газета и какъ сборникъ статей. Точно также въ настоящее время издается Вернадскимъ «Экономическій Указатель» (два раза въ недѣлю, съ политическою программою) и при немъ «Экономистъ», особою книгою. Этотъ наглядный примѣръ очень важенъ, тѣмъ болѣе, что можно подписываться на «Экономическій Указатель» съ «Экономистомъ» и безъ «Экономиста».

Въ случаѣ если возникнетъ рѣчь о томъ, слѣдуетъ-ли обязывать редакцію не раздѣлять подписки на два отдѣла, то надобно устранить этотъ проектъ, какъ не подлежащій правительственному контролю. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи времени я найду удобнымъ открыть подписку на который-нибудь изъ двухъ отдѣловъ моего изданія особо, тогда мнѣ пришлось-бы снова входить съ просьбою въ главное управленіе цензуры и снова, можетъ быть, встрѣчать затрудненія и прослыть, вдобавокъ, за человѣка безпокойнаго. Объ этомъ, мнѣ кажется, не должно быть рѣчи въ главномъ управленіи цензуры.

Итакъ, сдѣлайте мнѣ дружбу, неоцѣненный Александръ Васильевичъ, поддержите меня въ вашемъ синедріонѣ. Душою преданный вамъ М. Катковъ.

18.

3-го января 1856 г.

Первая книжка «Русскаго Вѣстника» вышла въ январѣ, дорогой Александръ Васильевичъ! Теперь очередь за вами: высылайте намъ что-нибудь ваше.

Я страшно измучился хлопотами, чтобы выпустить книжку въ срокъ, и теперь еще не могу отдохнуть.

На оборотѣ прилагаю записку въ контору «Русскаго Вѣстника», по которой вамъ должны тамъ выдать билетъ на полученіе «Русскаго Вѣстника».

Впрочемъ я вспомнилъ, что у меня есть лишній билетъ, который и посылаю вамъ. Обнимаю васъ отъ всей души. М. Катковъ.

PS. Министръ желаетъ, чтобы я подавалъ въ отставку; на-дняхъ удовлетворю его. До 1-го января, какъ ему должно быть извѣстно, нельзя подавать просьбъ объ отставкѣ.

Сообщ. **С. А. Никитенко.**

Два письма А. С. Стурдзы къ А. Г. Тройницкому по случаю кончины графини Р. С. Эдлингъ.

I.

8-го февраля 1844 г.

Лишившись сестры и второй матери, опоры и украшенія всей моей жизни, я нахожу отраду въ сердечномъ участіи сограждавъ, знакомыхъ и друзей—постигающихъ мою горестную утрату. Какъ же не быть душевно благодарнымъ вамъ за тѣ страницы, которыя начертало перо ваше по внутреннему убѣжденію [1]). На всѣ ваши распоряженія, я спѣшу изъявить полное согласіе и только покорнѣйше прошу васъ, Александръ Григорьевичъ, не забудьте отдѣльныхъ оттисковъ вашего труда и Думы М. Л. Магницкаго [2]). Господь воздастъ вамъ за благое побужденіе вашего сердца!

Я позволилъ себѣ самыя мелочныя приписки.

Съ чувствами искренняго почтенія и признательности имѣю честь быть и проч.

II.

15-го февраля 1844 г. Одесса.

Опять спасибо вамъ отъ скорбящаго за помѣщеніе въ «Journal d'Odessa» двухъ статей, составившихъ такъ удачно нѣчто полное и цѣлое.

Имѣю честь препроводить при семъ и переводъ Думы М. Л. Магницкаго, о напечатаніи которой прошу покорнѣйше. Сдѣлайте милость, не забудьте оттисковъ всѣхъ этихъ правдивыхъ сказаній, которыми я долженъ подарить и почтить всѣхъ знавшихъ лично и любившихъ сестру мою.

Съ чувствомъ отличнаго почтенія и признательности неизгладимой, имѣю честь быть и проч.

Сообщилъ Г. А. Тройницкій.

---

[1]) Дѣло идетъ о некрологѣ, написанномъ А. Г. Тройницкимъ и напечатанномъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1844 г., № 12.

[2]) Написанной также по случаю кончины графини Р. С. Эдлингъ.

Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга.

ЧАСТЬ II [1]).

(1784—1796).

III.

Крушеніе Польши

Посолъ Сиверсъ снабдилъ меня письмомъ къ герцогу, въ которомъ отозвался обо мнѣ крайне лестно. По прочтеніи этого письма герцогъ повторилъ мнѣ то, что уже говорилъ ранѣе, а именно выразилъ сожалѣніе, что не послѣдовалъ моему совѣту. «Но, прибавилъ онъ, вы можете оказать мнѣ величайшую услугу. Въ Петербургѣ Говенъ подготовляетъ мнѣ въ данную минуту коварный ударъ. Послѣ того какъ онъ меня вынудилъ, такъ сказать, назначить его моимъ уполномоченнымъ для того, чтобы выхлопотать отъ моего имени и отъ имени дворянства согласіе на композиціонные акты, онъ мнѣ сообщаетъ черезъ Рюдигера, что я никогда не добьюсь такого согласія, если не дамъ ему, Говену, 100 тысячъ, Мирбаху 40 тысячъ, Рюдигеру 30 тысячъ талеровъ и т. д. Я сначала отклонилъ столь возмутительное предложеніе. Но когда Рюдигеръ, по порученію Говена, сообщилъ мнѣ, что я рискую потерять герцогство, если поссорюсь съ Говеномъ и не предоставлю въ его распоряженіе «суммъ, необходимыхъ для того, чтобы заручиться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ петербургскихъ лицъ, то, въ отчаяньи и смущенный коварными слезами и мольбами Рюдигера, я подписалъ обязательства на всѣ эти суммы. Между тѣмъ я оправился отъ перваго страха и

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь, 1897 г.

увидѣлъ, что Говенъ меня обманулъ недостойнѣйшимъ образомъ. Съ момента подписанія мною обязательствъ онъ сбросилъ маску, и теперь я узнаю, что онъ безъ зазора и совѣсти работаетъ противъ меня. Мое намѣреніе—Говена отозвать и возложить на васъ представительство при петербургскомъ дворѣ».

«Предложеніе меня испугало. Я зналъ, что для Говена не было ничего святаго, когда дѣло шло о наживѣ денегъ и объ униженіи герцога. Онъ не забывалъ, что герцогу удалось запереть его въ Дюнамюндскую крѣпость [1]).

«Это ему не мѣшало неоднократно принимать отъ герцога денежныя награды подъ видомъ «возмѣщенія расходовъ» и всякій разъ увѣрять его въ величайшей преданности и въ забвеніи прошлаго.

«Я просилъ герцога дать мнѣ сутки на размышленіе. Совѣщаясь съ друзьями я указывалъ имъ на преимущества, которыми пользовался Говенъ, уже заручившійся, путемъ всякихъ любезностей и денежныхъ подачекъ. Но, въ виду настоянія, я рѣшился принять предложеніе герцога на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Герцогъ обязуется формально не возлагать на меня порученій, противорѣчащихъ привилегіямъ и правамъ рыцарства.

2) Онъ не будетъ настаивать на обнаруженіи моего званія его уполномоченнаго, пока я не удостовѣрюсь въ томъ, что русскій дворъ изъявитъ на то свое согласіе.

3) Онъ не будетъ требовать, чтобы въ облегченіе переговоровъ я прибѣгалъ къ деньгамъ.

4) Онъ будетъ мнѣ писать, адресуя письма на имя своего агента, ст. сов. Крука.

«Меня снабдили инструкціей и вѣрительною грамотою, не проставляя въ послѣдней числа.

«Чтобы скрыть отъ публики цѣль моего пріѣзда, жена моя кому слѣдуетъ сообщила, что собирается провести нѣкоторое время у своей матери, такъ какъ я снова сталъ свободнымъ человѣкомъ. Она написала госпожѣ Де-ла-Фонъ, которая выхлопотала для насъ у императрицы разрѣшеніе поселиться въ небольшомъ деревянномъ домѣ, принадлежавшемъ институту.

«Мы прибыли въ Петербургъ 31-го декабря 1793 года; 1-го января

---

[1]) Русское правительство приказало арестовать Говена и содержать его въ строжайшемъ заключеніи; долгое время и несмотря на всякія просьбы, оно не соглашалось его освободить. Мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ указаній на то, какимъ образомъ Говену удалось добиться впослѣдствіи столь высокаго благоволенія того-же правительства.

(Примѣч. издателя записокъ).

1794 г. представились ко двору, при чемъ великій князь Павелъ соизволилъ принять меня особенно милостиво.

«По истеченіи нѣкотораго времени я имѣлъ возможность собрать кое-какія справки и о впечатлѣніяхъ моихъ написалъ герцогу.

«Крукъ, который, какъ мнѣ казалось, долженъ былъ-бы раздѣлять чувства герцога по отношенію къ Говену, не шелъ, повидимому, прямой дорогою; между тѣмъ герцогъ имѣлъ къ нему полнѣйшее довѣріе.

«Я нашелъ, что вице-канцлеръ графъ Остерманъ, у котораго я побывалъ, обошелся со мною чрезмѣрно холодно.

«Крукъ, которому я это передалъ, полагалъ, что Говенъ перетянулъ на свою сторону завѣдующаго отдѣленіемъ канцеляріи графа, секретаря Брискорна; послѣдній несомнѣнно настроилъ министра противъ меня.

«Я представился, какъ то дѣлали всѣ, фавориту князю Зубову, но онъ носился въ столь высокихъ сферахъ, что едва замѣтилъ какъ меня, такъ и всѣхъ прочихъ ему представлявшихся.

«Господинъ Марковъ, замѣтившій, что великій князь бесѣдовалъ со мною въ день новаго года, возымѣлъ противъ меня предубѣжденіе. Онъ былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ его императорскимъ высочествомъ и громко заявлялъ, что это ему весьма по душѣ.

«Графъ Безбородко былъ постоянно невидимъ, но я питалъ нѣкоторую надежду на него благодаря посредничеству госпожи О....вой, бывшей въ большой дружбѣ съ Солтыковою, пріятельницею и впослѣдствіи супругою генерала Пассека.

«Въ моемъ отчетѣ я представилъ герцогу точную картину тѣхъ затрудненій, которыя я всюду встрѣтилъ. Я убѣдительно просилъ его ничего не торопить и предоставить мнѣ необходимое время для оправданія во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Говенъ напомнилъ петербургскому двору о поведеніи герцога за время революціоннаго варшавскаго сейма, его отношенія къ берлинскому двору и его неблагодарность къ своей благодѣтельницѣ императрицѣ Екатеринѣ. Къ сожалѣнію факты эти были слишкомъ положительны и слишкомъ свѣжи въ воспоминаніи, чтобы ихъ можно было отвергать. Въ оправданіе герцога я указывалъ на то, что со времени подписанія композиціонныхъ актовъ его возрѣнія и чувства измѣнились кореннымъ образомъ. «Я боролся противъ него, говорилъ я всюду, когда онъ посягалъ на неоспоримыя права дворянства, покровительствовалъ союзу мѣщанъ, направленнаго противъ его собственной власти, и не питалъ должныхъ чувствъ къ Россіи. Теперь онъ увидѣлъ, что былъ не правъ, и согласился на всѣ требованія рыцарства. Было-бы недостойно курляндскаго дворянина получать арендныя имѣнія и денежныя награды и въ то же время втайнѣ ненавидѣть герцога и вредить ему. Поведеніе, которое себѣ

позволяетъ господинъ фонъ-деръ-Говенъ тѣмъ болѣе недостойно, что онъ заранѣе получилъ отъ герцога 10 тысячъ талеровъ и вынудилъ его подписать обязательство въ 100 тысячъ талеровъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что оказываетъ ему услуги при здѣшнемъ дворѣ, а въ то же время не перестаетъ его преслѣдовать».

«Объясненія эти мало производили впечатлѣнія на кого слѣдовало, но обратили на себя вниманіе великаго князя, который, черезъ довѣренное лицо, потребовалъ отъ меня подробнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Его императорское высочество соизволилъ прибавить, что возвратитъ мнѣ мою работу по ея прочтеніи. Я поспѣшилъ исполнить желаніе великаго князя и представилъ ему разныя записки по курляндскимъ дѣламъ вообще; цесаревичъ весьма милостиво отозвался о нихъ и о моемъ поведеніи вообще. Я считаю, что съ этого времени установилось благосклонное мнѣніе его обо мнѣ.

«Я продолжалъ соблюдать во всѣхъ моихъ поступкахъ величайшую осторожность. Къ неописуемому моему удивленію я получилъ однажды отъ Крука нижеслѣдующую записку: «только что прибыла отъ герцога эстафета съ письмомъ на имя ея величества императрицы, въ которомъ онъ жалуется на то, что Говенъ, Мирбахъ и секретарь Рюдигеръ вынудили его уплатить полмилліона рублей подъ предлогомъ, что эта сумма была необходима для полученія гарантіи императрицею композиціонныхъ актовъ, но такъ какъ онъ вполнѣ увѣренъ, что такой необходимости не могло быть, то онъ лишаетъ Говена званія уполномоченнаго и отзываетъ его назадъ въ Курляндію, гдѣ онъ и имѣетъ оставаться по своей должности оберъ-бургграфа».

«Крукъ сообщалъ мнѣ въ то же время, что такого-же содержанія письмо герцогъ отправилъ и вице-канцлеру съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ: «отзывая господина фонъ-деръ-Говена, утратившаго мое довѣріе, я поручаю впредь барону Гейкингу быть выразителемъ моихъ чувствъ благоговѣнія и преданности къ ея величеству императрицѣ, а равно и къ ея сановнымъ министрамъ».

«Этотъ неполитичный шагъ, послѣдствія котораго для себя я предвидѣлъ, разрушили всѣ мои планы. Императрица, возмущенная обвиненіемъ, которому подверглось ея министерство, приказала тотчасъ-же произвести разслѣдованіе. Ей рекомендовали для этого дѣла—что было весьма ловко—генерала Палена, бывшаго въ ту пору губернаторомъ Лифляндіи и жившаго въ Ригѣ.

«Паленъ съумѣлъ исполнить порученіе такъ ловко, что чиновники министерства остались ему благодарны, сами министры стали къ нему благоволить, а императрица изъявила ему свою признательность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

«Со всѣми данными имъ объясненіями герцогъ представился въ этомъ дѣлѣ Екатеринѣ лишь въ смѣшномъ видѣ.

«Говенъ, не повинуясь распоряженію, по которому онъ отзывался, утверждалъ, что онъ уполномоченный не только герцога, но и рыцарства и ждетъ приказа послѣдняго. Въ Петербургѣ-же министерство всему этому спору и неправильному образу дѣйствій Говена значенія, повидимому, не придавало...

«Тѣмъ временемъ въ Петербургъ прибыло нѣсколько креатуръ Говена, разсчитывавшихъ получить при его посредствѣ арендныя имѣнія, и немало всякихъ курляндцевъ вообще.

«Я объ этомъ ничего не зналъ, когда былъ 10-го апрѣля, какъ и всякое воскресеніе, при дворѣ.

«Вице-канцлеръ Остерманъ, выйдя изъ кабинета императрицы, имѣлъ видъ, что кого-то ищетъ; увидя Говена, онъ подошелъ къ нему и поговорилъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Такъ какъ называвшій себя уполномоченнымъ, казалось, благодарилъ, то, несмотря на разлившуюся по его лицу краску, я подумалъ, что ему была оказана какая-либо милость. Затѣмъ вице-канцлеръ сталъ еще кого-то искать, замѣтилъ меня, прямо подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «я имѣю приказаніе разъяснить вамъ отъ имени императрицы, что, имѣя резидента въ Митавѣ, она не нуждается здѣсь, въ Петербургѣ, ни въ представителѣ герцога, ни въ представителѣ рыцарства. Я заявилъ это г-ну фонъ-деръ-Говену, который, какъ и вы сами, можетъ откланяться завтра императрицѣ въ Таврическомъ дворцѣ».

— Хотя я не имѣю никакого официальнаго званія, возразилъ я, и нахожусь здѣсь скорѣе въ гостяхъ у моей тещи, тѣмъ не менѣе я буду повиноваться, какъ то повелѣваетъ мнѣ долгъ, приказанію государыни.

— Но развѣ герцогъ, съ раздраженіемъ сказалъ графъ Остерманъ, не указалъ въ своемъ письмѣ на васъ, какъ на одного изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, имѣющаго замѣнить Говена? Впрочемъ я вамъ лишь повторяю, что императрица никого не желаетъ здѣсь имѣть. Вы можете сказать это всѣмъ курляндцамъ, которыхъ къ вамъ направили и которые васъ держатся. Вы можете уѣхать.

— Ни одинъ курляндецъ ко мнѣ не направленъ, возразилъ я, и такъ какъ я знаю лишь немногихъ изъ тѣхъ, что сюда прибыли, то этого порученія исполнить не могу. Что касается лично меня, то я ограничусь лишь тѣмъ, что буду повиноваться.

На слѣдующій день графъ Безбородко представилъ сначала Говена. Императрица сказала ему: «желаю вамъ счастливаго пути». Мнѣ она не сказала ни одного слова. Лишь только она отъ насъ удалилась, я не могъ удержаться, чтобы не сказать: «ну что-же, пожеланіе добраго пути

достаточно ясно». — «Это мы посмотримъ», произнесъ Говенъ съ досадою.

«Подъ предлогомъ болѣзни Говенъ отсрочилъ свой отъѣздъ на недѣлю, я же выѣхалъ 15-го апрѣля 1794 г., оставивъ жену въ Петербургѣ у ея матери. Точное исполненіе мною приказанія императрицы понравилось великому князю, который былъ, впрочемъ, возмущенъ постигшею меня незаслуженною немилостью. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что принимаетъ величайшее во мнѣ участіе и что я могу во всякое время разсчитывать на его благоволеніе.

Въѣзжая въ Вольмаръ [1]) я увидѣлъ маіора князя Р.., вылѣзавшаго изъ кибитки; онъ съ величайшею поспѣшностью ѣхалъ въ Петербургъ. Я заговорилъ съ нимъ и освѣдомился о варшавскихъ новостяхъ.

— Тамъ случилось нѣчто ужасное,—проговорилъ онъ тихо, указывая на свою шляпу, прострѣленную пулею.—Игельстромъ насъ погубилъ. Бо́льшая часть нашего войска была въ пятницу перерѣзана; что осталось въ живыхъ—разбѣжалось, и Богъ знаетъ, какъ мы выберемся изъ такого положенія: вся Польша противъ насъ возстала.

«Онъ умолялъ меня не называть его и не показывать вида, что я что-либо знаю. Проѣхавъ еще нѣсколько станцій, я встрѣтилъ другую кибитку, въ которой ѣхалъ генералъ Николай Зубовъ [2]), ѣхавшій лишь съ лакеемъ. Наконецъ подъ самой Ригою мнѣ попался навстрѣчу подполковникъ Л..., какимъ-то чудомъ спасшійся во время рѣзни.

«Я былъ болѣзненно взволнованъ всѣми этими извѣстіями, когда представлялся герцогу. Въ бесѣдѣ, которую я съ нимъ имѣлъ, онъ мнѣ сознался, что лишь по совѣту стараго Фиркса онъ рѣшился отправить извѣстныя письма, имѣя въ виду понудить тѣмъ Говена выѣхать изъ Петербурга.

«Нѣсколько дней спустя по прибытіи моемъ въ Митаву, получены были извѣстія еще болѣе грозныя. Костюшко объявилъ себя главою вооруженной націи и роздалъ ружья и пики даже крестьянамъ Краковскаго палатината, обѣщавъ имъ въ награду свободу. Въ Вильнѣ произошла рѣзня на подобіе варшавской. Русскіе, избѣгнувшіе смерти, были взяты въ плѣнъ, а гетманъ Коссаковскій, генералъ-лейтенантъ русской службы, повѣшенъ.

«Всюду подымали возстаніе противъ Россіи; путемъ прокламацій и зажигательныхъ писемъ призывали всѣхъ жителей королевства, безъ различія званія и положенія, къ объединенію противъ народнаго врага.

---

[1]) Уѣздный городъ Лифляндской губерніи. А. Г.

[2]) Авторъ записокъ, повидимому, ошибается, называя генерала Зубова Николаемъ. Проживавшій въ Варшавѣ и поспѣшно выѣхавшій оттуда въ Петербургъ послѣ погрома русскаго гарнизона, Зубовъ былъ братомъ фаворита и назывался Валеріаномъ. А. Г.

Всякаго, кто еще колебался, объявляли измѣнникомъ, благодаря чему около сотни курляндскихъ семействъ, имѣвшихъ помѣстья въ Литвѣ, были поставлены въ величайшее стѣсненіе. Изъ опасенія быть ограбленными и видѣть свои дома разрушенными, многіе изъ этихъ дворянъ оказались вынужденными стать подъ знамя революціи.

«Вся Самогитія уже была въ броженіи и угрожала Курляндіи, въ случаѣ если послѣдняя не объявитъ себя за повстанцевъ.

«Герцогъ удалился въ Грюнхофъ и дѣлалъ видъ, что надвигавшейся грозы не боится.

«Рюкманъ [1]) потребовалъ отъ него, чтобы онъ увеличилъ свои войска, поселился въ Митавѣ и укрѣпилъ бы ее настолько, чтобы уберечься отъ внезапнаго нападенія. Герцогъ отвѣтилъ, что со своими четырьмя или пятьюстами людей ему невозможно оборонять всю литовскую границу, тѣмъ болѣе, что повстанцамъ нечего опасаться сопротивленія отъ Либавы и до Бауска, гдѣ они будутъ встрѣчены съ распростертыми объятіями. Дѣйствительно, польскіе инсургенты добрались до Либавы, гдѣ имъ были переданы всѣ запасы пороха. Распространился даже слухъ, что они собираются въ Митаву, гдѣ повторятъ кровавыя варшавскія сцены, наказывая всѣхъ враговъ «свободы и равенства». Многія семейства бѣжали въ Ригу и къ границѣ Лифляндіи.

«За время этихъ событій генералъ Паленъ прибылъ изъ Риги въ Митаву (18-го мая), имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Рюкманомъ и съ Мирбахомъ и около трехъ часовъ пополудни пришелъ ко мнѣ. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ сужденій о безумствахъ поляковъ, онъ сказалъ:

— Вы, конечно, видите, что, такъ какъ законный порядокъ въ Польшѣ уничтоженъ и конституція заброшена въ сторону, Курляндія не можетъ почитать себя подчиненною правительству не существующему. Говорю вамъ не какъ русскій генералъ, но какъ курляндецъ, имѣющій помѣстья въ нашемъ общемъ отечествѣ и тѣмъ болѣе заинтересованный въ его сохраненіи. Намъ остается лишь одно: искать защиты у императрицы, безъ чего вся наша провинція неминуемо сдѣлается добычею варварскихъ ордъ, все опустошающихъ и все разграбливающихъ. Я говорилъ уже объ этомъ съ Мирбахомъ, который меня увѣрилъ, что въ качествѣ уполномоченнаго страны (Landesbevollmächtigter) онъ приметъ всѣ необходимыя мѣры. Если же я вамъ передаю всѣ эти соображенія, то для того, чтобы побудить васъ переговорить объ этомъ съ герцогомъ, который имѣетъ глубокую вѣру въ вашу прозорливость [2]). Чѣмъ болѣе герцогъ проявитъ усердія въ призывѣ о по-

[1]) Русскій резидентъ въ Курляндіи. А. Г.

[2]) Паленъ прибавилъ еще немало лестныхъ отзывовъ, о которыхъ умалчиваю. Они ему ничего не стоили и онъ желалъ лишь добиться своего.

мощи императрицы, тѣмъ яснѣе онъ докажетъ свою вѣру въ доброту этой государыни, свою ненависть къ принципамъ возмутившихся поляковъ и свое настоятельное желаніе охранить Курляндію отъ неизбѣжныхъ золъ, которыя могутъ ее погубить.

«Я поблагодарилъ за откровенность и довѣріе и отвѣтилъ, что я самъ убѣжденъ былъ въ неизбѣжной необходимости этого шага, что я уже говорилъ съ герцогомъ и былъ увѣренъ въ томъ, что онъ готовъ его сдѣлать.

— Если вы побудите къ тому герцога,—замѣтилъ на это Паленъ,— то необходимо, чтобы онъ написалъ непосредственно императрицѣ, и я желалъ бы, чтобы мы сговорились о текстѣ письма.

«Тутъ же, въ присутствіи Палена, я проектировалъ письмо. Онъ одобрилъ его и увѣрилъ меня, что съумѣетъ выставить въ надлежащемъ видѣ мое усердіе, направленное къ спасенію Курляндіи путемъ столь же быстрыхъ, какъ и разумныхъ мѣропріятій.

«На другой день я былъ у герцога, который согласился съ моими доводами и подписалъ нижеслѣдующее письмо.

Madame!

Le renversement de tout ordre légal en Pologne, où une ligue séditieuse brise d'une main sacrilège tous les liens de la société, force la Courlande à prendre des mesures urgentes pour se mettre à l'abri de cette funeste insurrection.

La première et la plus importante de ces mesures est dans nos coeurs; c'est d'implorer Votre Majésté Impériale, comme la Divinité tutélaire de ces Duchés, de vouloir bien accorder à la Courlande Sa haute et puissante protection, jusqu' à ce que l'ordre et les vrais principes constitutifs de la Pologne soient replacés sur leurs bases anciennes.

En attendant qu'un acte général et commun avec l'ordre Équestre ait donné plus de développement à cette instante et respectueuse prière, Votre Majésté Impériale daignera recevoir avec bonté cet hommage présenté par un Prince, qui ne connait d'autre bonheur et de gloire que d'être avec un dévouement illimité et une soumission profonde etc. [1]).

---

[1]) (Переводъ): Ниспроверженіе всякаго законнаго порядка въ Польшѣ, гдѣ мятежный союзъ разрушаетъ святотатственной рукою всѣ общественныя узы, вынуждаетъ Курляндію принять неотложныя мѣры къ защитѣ себя отъ этого пагубнаго возстанія.

Первая и самая важная изъ нихъ въ сердцахъ нашихъ: это — умолять ваше императорское величество, какъ попечительное божество этихъ герцогствъ, благоволить оказать Курляндіи свое высокое и могущественное покровительство, пока порядокъ и истинные принципы государственнаго устроенія не будутъ возстановлены въ Польшѣ на своихъ прежнихъ основаніяхъ.

Въ ожиданіи акта, имѣющаго быть предпринятымъ совмѣстно съ рыцар-

«Вице-канцлеру графу Остерману герцогъ написалъ нижеслѣдующее:

Monsieur le Comte!

Je m'empresse d'envoyer mon Grand-Ecuyer, le Baron de Heyking, aux pieds de S. M. I., avec la lettre ci-jointe, dont le contenu ne laisse aucun doute sur les sentiments respectueux, que j'ai consacrés pour jamais à cette Auguste Souveraine.

Cet extrême empressement de mettre la Courlande sous les auspices glorieux et bienfaisants de l'Immortelle Catherine confondra le mieux ceux, qui ont osé calomnier mes principes, comme mes sentiments et le temps achevera de dissiper tous les nuages, qu'on a élevés à cet égard.

Je prends incessament les mesures les plus prononcées avec l'Ordre Equestre de Courlande et de Semgalle sur cet objet important, et j'aime à croire que S. M. I. daignera approuver les démarches successives qui seront faites à ce sujet.

J'ai l'honneur etc. [1]).

«По написаніи этихъ писемъ, герцогъ приказалъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ. Въ виду необходимости имѣть паспортъ отъ лифляндскаго генералъ-губернатора, я просилъ герцога дать мнѣ письмо къ князю Репнину. Несмотря на всѣ мои просьбы, онъ на это не согласился, такъ какъ князь Репнинъ имѣлъ безстыдство требовать, чтобы герцогъ называлъ его «Monseigneur» [2]), хотя никто изъ русскихъ людей значительныхъ не долженъ былъ, по существовавшимъ правиламъ, прибѣгать къ такому обращенію».

При помощи Палена Гейкингъ получилъ все, что нужно, паспортъ,

---

скимъ сословіемъ въ развитіе этой настоятельной и почтительной просьбы, ваше императорское величество соизволитъ милостиво принять настоящую дань почтенія, повергаемую предъ вами государемъ, который не знаетъ инаго счастья и иной славы, какъ быть съ безграничною преданностью и глубокою покорностью и пр.

[1]) (Переводъ): Спѣшу отправить моего оберъ-шталмейстера барона Гейкинга къ стопамъ ея императорскаго величества съ прилагаемымъ у сего письмомъ, содержаніе котораго не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно чувствъ почитанія, которыми я навсегда проникнулся къ этой августѣйшей монархинѣ.

Проявляемая чрезвычайная поспѣшность въ поставленіи Курляндіи подъ славное и благодѣтельное покровительство безсмертной Екатерины всего дѣйствительнѣе пристыдитъ тѣхъ, кто осмѣлились оклеветать мои чувства, а время окончательно разсѣетъ надвинувшіяся тучи.

Я не замедлю принять по этому важному предмету, совмѣстно съ рыцарствомъ Курляндіи и Семигалліи, самыя рѣшительныя мѣры, и хочу надѣяться, что ея императорское величество соизволитъ одобрить все, что будетъ по этому дѣлу предпринято.

[2]) Титулъ, съ которымъ обращаются къ принцамъ крови; на русскомъ языкѣ соотвѣтствующаго выраженія не имѣется. А. Г.

подорожную, и въ половинѣ мая выѣхалъ изъ Риги въ Петербургъ, куда прибылъ послѣ девяти-дневнаго путешествія.

«Не желая навлечь на себя упрека въ томъ, что я разыгрываю въ Петербургѣ роль посланника, я послалъ мои письма Круку съ записочкой, въ которой просилъ передать ихъ вице-канцлеру съ извиненіемъ, что я задержанъ нездоровьемъ.

«На другой день Крукъ вернулъ мнѣ письма и сообщилъ, что вице-канцлеръ желаетъ, чтобы я ихъ передалъ ему лично.

«Каково было мое удивленіе, когда графъ Остерманъ мнѣ сказалъ:

— Я очень удивленъ тѣмъ, что послѣ того, что я вамъ заявилъ отъ имени императрицы, вы все-таки прибыли въ Петербургъ съ письмами отъ герцога.

— Если ваше превосходительство ознакомитесь съ содержаніемъ писемъ, коихъ я податель, удивленіе ваше, быть можетъ, исчезнетъ. Я, впрочемъ, получилъ повелѣніе императрицы уѣхать, что и исполнилъ съ благоговѣйнымъ послушаніемъ; но она мнѣ не запретила вернуться, зная, что моя жена и теща живутъ здѣсь.

«Остерманъ наговорилъ всякой всячины, не желая открывать писемъ. Изъ его словъ я увидѣлъ, что онъ не былъ посвященъ [1]) въ дѣло и что его тщательно противъ меня предубѣдили.

— Вы думаете мнѣ неизвѣстно,—возразилъ онъ,—что герцогъ открылъ вамъ неограниченный кредитъ у многихъ банкировъ? Вы думаете я не знаю, что вы долгое время были противъ герцога? Здѣсь удивлены, что вы теперь за него?

— Я былъ противъ герцога, пока онъ не уважалъ согласныхъ съ узаконеніями правъ рыцарства. Но съ тѣхъ поръ, какъ подписаны композиціонные акты, гарантированные самой императрицей, я былъ бы достоенъ лишь порицанія, если дѣйствовалъ бы противъ него, точно такъ же, какъ если бы за него заступался, пока онъ былъ врагомъ нашихъ прерогативъ.

«Остерманъ закрылъ глаза [2]), возвысилъ голосъ и сказалъ:

— Я доложу императрицѣ, и вы узнаете ея волю.

— Я безъ опасенія ожидаю сообщенія о ея волѣ, такъ какъ императрица столь же справедлива, какъ и могущественна.

«Съ этими словами я вышелъ, возмущенный этой смѣшной сценой.

«Я опасался, что она все-таки будетъ имѣть для меня досадныя послѣдствія, а потому написалъ Зубову, сообщилъ все, что произошло и

---

[1]) Зубовъ, Марковъ, Репнинъ и Паленъ были единственными лицами, которыя были посвящены въ намѣренія императрицы относительно Курляндіи во всемъ ихъ объемѣ.

[2]) Что было его привычкою, когда онъ сердился.

просилъ выхлопотать для меня позволеніе остаться въ Петербургѣ для свиданія съ моей семьею. Зубовъ велѣлъ мнѣ передать, что я могу оставаться здѣсь совершенно спокойно.

«Императрица съ чувствомъ удовлетворенія прочла письмо герцога. Графъ Остерманъ поручилъ теперь Круку выразить мнѣ сожалѣніе о томъ, что онъ былъ раздражителенъ, и пригласить меня въ ближайшую пятницу къ себѣ обѣдать. Не упоминая ни однимъ словомъ о происшедшемъ, дураковатый старикъ былъ со мною очень вѣжливъ и далъ мнѣ даже копію съ отвѣта, который онъ, отъ имени императрицы, отправилъ герцогу.

«Привожу этотъ отвѣтъ:

Monseigneur!

Je suis chargé de témoigner à V. A. la satisfaction de l'Impératrice sur les sentiments, qu'Elle et la Noblesse de Courlande et de Semgalle ont manifestés à l'occasion des nouveaux troubles, qui viennent d'éclater avec tant de fureur en Pologne.

S. M. I. indépendamment du contentement personnel qu'Elle en a éprouvé, y a trouvé une preuve convaincante du prix, qu'on attache en Courlande au bon ordre, et de l'aliénation qu'on y professe contre les principes d'anarchie, qui se sont nouvellement répandus dans une bonne partie de l'Europe.

Je dois assurer en conséquence tant à V. A., que tout l'Ordre Équestre au nom de mon auguste Souveraine, qu'elle se fera un plaisir de contribuer de son côté au maintien de la paix et de la tranquillité générale en Courlande et de la préserver surtout de toute espèce de molestation de la part des insurgés polonais.

M. le Prince Repnine a reçu à cet effet les ordres les plus positifs de S. M. I. et c'est à la suite des instructions adressées à ce général en chef, que tant vous, Monseigneur, que la Noblesse de Courlande pouvez recourir hardiment à lui dans tous les cas de besoin et être persuadés d'avance de l'assistance et protection efficace, que vous éprouverez de sa part dans toutes les occasions.

Je suis etc. S-t Pétersbourg le 2 Iuin 1794 [1]).

---

[1]) Переводъ: Мнѣ поручено засвидѣтельствовать вашей свѣтлости удовольствіе, доставленное императрицѣ чувствами, которыя вы и дворянство Курляндіи и Семигалліи выразили по случаю новыхъ волненій, столь бѣшено охватившихъ Польшу.

Ея императорское величество, независимо отъ личнаго удовольствія, ею испытаннаго, нашла въ нихъ убѣдительное доказательство цѣны, которую придаютъ въ Курляндіи доброму порядку и отвращенію, тамъ испытываемому къ принципамъ анархіи, распространившимся въ доброй половинѣ Европы.

«Я отправилъ герцогу письмо, въ которомъ совѣтовалъ не останавливаться на половинѣ дороги. Послѣ того, какъ онъ объявилъ себя противъ польскихъ инсургентовъ, было необходимо созвать чрезвычайный ландтагъ (сеймъ) для спасенія отечества отъ бунтовщиковъ [1]). Герцогъ обѣщалъ послѣдовать этому совѣту, и въ то же время послалъ къ князю Репнину канцлера Людингаузенъ-Вольфа съ извѣщеніемъ о своемъ намѣреніи сформировать на собственныя средства отрядъ егерей въ 400 человѣкъ.

«Столь рѣшительный и открытый образъ дѣйствій герцога могъ быть лишь весьма кстати для генералъ-губернатора пограничной области, и князь Репнинъ представилъ о томъ своему двору весьма благопріятный для герцога докладъ.

«Говенъ, въ точности освѣдомленный о содержаніи прибывавшихъ въ Петербургъ депешъ о дѣлахъ Курляндіи и уже занимавшійся своимъ главнымъ проектомъ—вынудить курляндское рыцарство подчиниться безусловно, потребовалъ отъ Мирбаха, чтобы тотъ выслалъ ему въ Петербургъ Нергера [2]). Но Паленъ, столь же ловкій, какъ и Говенъ, желавшій прикарманить заслугу проведенія такого проекта, съумѣлъ, отказавъ въ паспортѣ, устроить такъ, что Нергеръ остался въ Митавѣ.

«... Дворъ проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, и я былъ очень радъ, оставаясь въ Петербургѣ, отдаться уединенію. Отъ времени до времени я бывалъ у графа Остермана, который, повидимому, уже не былъ болѣе предубѣжденъ противъ меня. Онъ все дѣлалъ черезъ Крука, а я дѣлалъ видъ, что ни во что не вмѣшиваюсь.

Считаю долгомъ, поэтому, увѣрить, какъ вашу свѣтлость, такъ и рыцарство, отъ имени моей августѣйшей повелительницы, что она рада будетъ, съ своей стороны, содѣйствовать сохраненію въ Курляндіи мира и общаго спокойствія и въ особенности предохранить ее отъ всякаго рода притѣсненій со стороны польскихъ инсургентовъ.

Князь Репнинъ получилъ на этотъ конецъ самыя положительныя приказанія отъ ея императорскаго величества, и въ силу отправленныхъ генералъ-аншефу приказаній, какъ вы, такъ и дворянство, можете смѣло прибѣгать къ нему въ случаѣ нужды и быть заранѣе увѣренными въ дѣйствительной помощи и покровительствѣ, которыя онъ вамъ окажетъ во всѣхъ случаяхъ.

[1]) Сеймъ собрался 30-го іюня (1794 г.) и былъ закрытъ 12-го іюля. Во второмъ, важнѣйшемъ, пунктѣ внесеннаго герцогомъ, оберъ-ратами и депутатами и принятаго сеймомъ предложенія значится:

„Ходатайствовать у ея императорскаго величества всея Россіи о принятіи насъ подъ ея высочайшее особое покровительство и защиту до возстановленія порядка въ Польшѣ и о сохраненіи намъ до сего времени существовавшаго государственнаго устройства“ (Справка издателя записокъ).

[2]) Довѣренное лицо Говена, съ которымъ онъ вмѣстѣ былъ въ свое время въ Варшавѣ. А. Г.

«Великій князь, которому я доставлялъ два раза въ недѣлю извѣстія о безпорядкахъ, какъ въ Польшѣ, Литвѣ, такъ и въ Курляндіи, милостиво выражалъ мнѣ свое удовольствіе по поводу точности представляемыхъ свѣдѣній.

«Между тѣмъ, императрица приказала соединить нѣсколько полковъ, подъ общимъ командованіемъ генерала Ферзена, а король прусскій пододвинулся съ войсками къ Варшавѣ. Князь Сергѣй Голицынъ, съ 6.000 человѣкъ, отправился къ Бауску для прикрытія Курляндіи и для наступательныхъ дѣйствій въ Литвѣ, тотчасъ по полученіи подкрѣпленій.

«Императрица вернулась въ городъ, и я узналъ, что Говенъ былъ при дворѣ. Такъ какъ мы оба должны были съ нимъ въ свое время уѣхать (чего онъ, вѣроятно, такъ и не сдѣлалъ), то я выразилъ притязаніе на такое же позволеніе явиться ко двору и для себя и получилъ отъ графа Безбородко, котораго осторожно запросилъ, утвердительный отвѣтъ.

«На первомъ же выходѣ, на который я отправился, ко мнѣ подошелъ великій князь Павелъ и громко сказалъ:

— Очень радъ снова васъ видѣть у насъ.

«О Говенѣ онъ не сказалъ ни слова. Все это было тотчасъ же передано императрицѣ, наблюдавшей въ ту пору за всѣми движеніями своего сына, съ которымъ была въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ.

«При дворѣ благосклонность ко мнѣ великаго князя рекомендаціей для меня не служила.

«Извѣстія изъ Польши были въ началѣ не вполнѣ удовлетворительны. Но генералъ Ферзенъ вскорѣ принялъ внезапное рѣшеніе, атаковалъ Костюшко, разбилъ его совершенно и самого взялъ, съ помощью казаковъ, въ плѣнъ. Съ потерею начальника инсургенты защищались уже слабо. Суворовъ, несмотря на малочисленность своего отряда, подошелъ къ Прагѣ, и въ одну ночь, путемъ страшной рѣзни, положилъ конецъ этой ужасной войнѣ. Его упрекнули въ этой бойнѣ. На эти упреки онъ отвѣтилъ:

— Если бы я далъ десять сраженій и въ каждомъ убилъ бы двѣ тысячи человѣкъ, едва ли о томъ бы говорили, и война, съ ея ужасами, тянулась бы два или три года. Я все покончилъ однимъ разомъ. Число убитыхъ меньше, чѣмъ то въ началѣ предполагали, и державы, какъ и сама Польша, успокоятся.

«Всѣ эти важныя извѣстія крайне обрадовали императрицу. Она чувствовала себя отомщенною за вынесенныя оскорбленія и готовилась присоединить къ своему государству столь же плодородныя, какъ и заселенныя, области.

«Непосредственно предстоявшая совершенная гибель страны, которую я любилъ, болѣзненно меня огорчала.

«Прослѣдивъ съ вниманіемъ событія въ Польшѣ со времени избранія

королемъ Станислава, нельзя не увидѣть, что искусственныя и въ то же время ложныя соображенія этого несчастнаго монарха ускорили крушеніе королевства. Онъ могъ бы надолго отсрочить ниспроверженіе своего престола, если бы постоянно оставался вѣрнымъ союзникомъ Россіи.

«Экзальтированный примѣрами, почерпаемыми въ римской исторіи, но не имѣвшій ни силы воли, ни здравыхъ сужденій, Станиславъ вообразилъ себѣ, что броженіе, временно охватившее его подданныхъ – мужество и геніальность. Затѣмъ ему хотѣлось играть въ Польшѣ крупную роль, упуская изъ виду, что его положеніе между тремя страшными державами, заботившимися лишь о собственныхъ интересахъ, мѣшало ему привести свои замыслы въ исполненіи. Прирожденной храбрости народа было недостаточно. Слабый и нерѣшительный, онъ не съумѣлъ управлять этимъ народомъ ни въ мирное время, ни во время войны.

«Станиславъ далъ въ Польшѣ толчекъ наукамъ, но въ то же время далъ доступъ той кажущейся мудрости, что выразилась въ равнодушіи къ религіи, въ пренебреженіи къ обычаямъ предковъ и въ той ребяческой суетѣ, съ которою всѣ стремились производить реформы. Всякій молодой польскій щеголь, возвращавшійся изъ Англіи или изъ Франціи, чувствовалъ въ себѣ призваніе законодателя. Глупое тщеславіе этихъ невѣжественныхъ, но притязательныхъ политическихъ атомовъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовало ускоренію крушенія ихъ отечества.

IV.

Подчиненіе Курляндіи Россіи.

Полное пораженіе Польши вынудило курляндскихъ бюргеровъ [1]) вернуться къ повиновенію долга. Они подчинились, хотя и неохотно, герцогу и правительству, которое только-что высказалось въ пользу удовлетворенія законныхъ притязаній ремесленнаго сословія. Послѣднее съ давнихъ поръ требовало права имѣть двухъ представителей въ магистратѣ города Митавы, противъ чего возставали купцы, считавшіе составленіе магистрата своимъ исключительнымъ правомъ.

«Совершенно усмиренный, хотя не уничтоженный, бюргерскій союзъ возлагалъ надежду на своего протектора Говена, обѣщавшаго ему всякія возмѣщенія, лишь только наступитъ предстоявшее устройство курляндскихъ дѣлъ. Ему посылали много денегъ, но всегда слишкомъ мало

[1]) Оставляемъ это слово не переведеннымъ, такъ какъ оно вѣрнѣе выражаетъ связанное съ нимъ понятіе, чѣмъ русское „мѣщанинъ“. А. Г.

для удовлетворенія его неисчерпаемыхъ потребностей. Онъ былъ должен въ Петербургѣ пятьдесятъ тысячъ рублей, занятыхъ подъ залогъ обязательствъ герцога (см. выше). Но такъ какъ герцогъ упорно отказывался исполнить обѣщанное, то Говенъ оказался въ величайшемъ затрудненіи. Чтобы выйти изъ такого положенія, онъ внезапно рѣшился прибыть въ Ригу и собрать вокругъ себя своихъ креатуръ изъ дворянъ, такъ и изъ бюргеровъ. Послѣ нѣсколькихъ тайныхъ совѣщаній онъ обратился къ странѣ съ deliberatorium'омъ [1]), въ которомъ курляндскому дворянству предлагалось заявить: «что Польша, нарушившая заключенные съ Курляндіею пакты (договоры) и утратившая существованіе какъ государства, не обладаетъ уже, ни по праву, ни на дѣлѣ, сюзеренитетомъ надъ Курляндіею, и что, поэтому, надлежитъ снарядить немедленно въ Петербургъ депутацію съ убѣдительною просьбою къ императрицѣ—взять Курляндію подъ свое владычество, даровавъ послѣдней высшій судъ и нѣкоторыя другія преимущества.

«Говенъ хорошо зналъ своихъ людей. Однимъ онъ обѣщалъ мѣста въ создаваемомъ мечтами судѣ, другимъ арендныя имѣнія, а бюргерамъ признаніе ихъ предполагаемыхъ привилегій. Онъ добился того, что въ приходахъ громко потребовали скорѣйшаго созыва сейма и назначенія его, Говена, главою депутаціи, имѣвшей отправиться въ Петербургъ.

«Герцогъ, удивленный этимъ неожиданнымъ делібераторіумомъ и убѣжденный, что предложеніе сдѣлано безъ вѣдома петербургскаго двора, написалъ графу Остерману, причемъ выразилъ ему свое крайнее удивленіе по поводу этого преждевременнаго шага. Курляндское правительство также представило министру, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, о неумѣстности этого делібераторіума.

«Императрица, никогда не поступавшаяся своимъ достоинствомъ, вполнѣ ясно чувствовала, что образъ дѣйствій Говена носилъ на себѣ отпечатокъ революціоннаго мѣропріятія противъ царствующаго въ странѣ и еще признаваемаго Россіею законнымъ монарха.

«Вслѣдствіе сего она приказала графу Остерману написать герцогу нижеслѣдующее письмо, которое служитъ свидѣтельствомъ того такта, который великая Екатерина всегда соблюдала въ своей политической дѣятельности.

Monseigneur!

J'ai mis sous les yeux de l'Impératrice la lettre, que Votre Altesse m'a fait l'honneur de m'écrire le 30 du mois passé et c'est par ordre exprès de Sa Majesté Impériale, que je m'empresse d'y répondre. La si-

[1]) Техническій терминъ для предложенія, которое обсуждалось въ приходахъ съ тѣмъ, чтобы ознакомить депутатовъ съ волею и инструкціями ихъ довѣрителей (избирателей).

tuation actuelle des affaires de Pologne justifie à tous égards aux yeux de l'Impératrice la sollicitude que V. A. vient de témoigner dans la lettre, et la demande de la noblesse de Courlande qui l'avait précédée. Aussi Sa Majesté Impériale a-t-Elle pesé dans sa sagesse l'indispensable nécessité de regler sans perte de temps un objet aussi important et de se concerter nommément avec V. A. sur tout ce qui pourra être relatif aux intérêts et au bien-être futur des Etats de Courlande et de Semgalle. Elle se rappelle à cette occasion que Vous-même, Monseigneur, avez désiré à differentes reprises de venir à sa cour. Sa Majésté Impérale vous invite en consequence de vous mettre le plutôt possible en route pour St. Pétersbourg, afin que l'on puisse discuter et arranger directement avec Votre Altesse cette importante affaire.

M. le Général et Gouverneur B. de Pahlen, qui aura l'honneur de Lui remettre cette lettre a déjà reçu les ordres et les instructions nécessaires pour la commodité de son voyage et c'est moi qui m'occupe à préparer à V. A. un hôtel, où Elle puisse mettre pied à terre en arrivant.

J'ai l'honneur etc.

S-t Pétersbourg le 20 decembre 1794 [1]).

«Къ этому оффиціальному извѣщенію графъ Остерманъ приложилъ частное письмо, въ которомъ извѣщалъ герцога, что приготовилъ для него и для его придворныхъ свой домъ на Невѣ и что и это извѣщеніе дѣлается по приказанію ея величества.

«Приступаю къ выясненію интриги Говена и его приверженцевъ. Единственно, чего они добивались—это извлеченія возможно бо́льшихъ

---

[1]) Переводъ: Я представилъ на воззрѣніе императрицы письмо, которое ваша свѣтлость сдѣлали мнѣ честь написать 30-го числа прошлаго мѣсяца, и спѣшу на него отвѣтствовать по личному приказанію ея императорскаго величества. Въ глазахъ императрицы настоящее положеніе дѣлъ въ Польшѣ оправдываетъ во всѣхъ отношеніяхъ заботливость, свидѣтельствуемую вашею свѣтлостью въ письмѣ и предшествовавшей сему письму просьбою курляндскаго дворянства. Ея императорское величество, въ своей мудрости, не преминула взвѣсить настоятельную необходимость безъ потери времени устроить столь важное дѣло и посовѣтоваться именно съ вашею свѣтлостью о всемъ томъ, что можетъ касаться пользы и благоденствія для будущаго Курляндіи и Семигалліи. По этому случаю она припоминаетъ, что вы неоднократно выражали желаніе прибыть къ ея двору. Вслѣдствіе сего ея императорское величество приглашаетъ васъ, какъ можно скорѣе, отправиться въ Петербургъ, дабы она имѣла возможность непосредственно съ вами обсудить и устроить это важное дѣло.

Господинъ генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, который будетъ имѣть честь вручить вамъ это письмо, уже получилъ приказанія и инструкціи, необходимыя для устроенія вашего путешествія съ удобствами, а я самъ занятъ приготовленіемъ для вашей свѣтлости дома, въ которомъ вы могли бы остановиться тотчасъ по прибытіи.

ыгодъ изъ обстоятельствъ, принужденія герцога къ заключенію предва-ительныхъ контрактовъ на арендныя имѣнія и выставленія на показъ ередъ русскимъ дворомъ усердія въ дѣлѣ скорѣйшаго и безуслов-наго подчиненія Курляндіи Россіи.

«Герцогъ, едва оправившійся отъ болѣзни, тронулся въ путь въ Пе-ербургъ, куда прибылъ 7-го февраля 1795 года. Въ его свитѣ были: анцлеръ баронъ Людингаузенъ-Вольфъ, ландмаршалъ Шёппингъ, лан-ратъ Фиркъ, старшій лѣсничій Дершау, подполковникъ Дризенъ, нѣ-ецкій секретарь и значительное число прислуги. Онъ приказалъ мнѣ акже перебраться въ домъ графа Остермана, чтобы быть у него, гер-ога, подъ рукою, если понадобится внезапно составлять ноты, письма, аписки и т. п. Хотя мнѣ это было весьма неудобно—отдѣльно отъ семьи омѣститься не безъ тѣсноты въ чужомъ домѣ,—я все-таки счелъ моимъ олгомъ исполнить требованіе герцога.

«Говенъ, опасавшійся присутствія герцога въ Петербургѣ, забѣгалъ передъ. жалуясь на то, что герцогъ все не хочетъ уплатить ему обѣщан-ыхъ ста тысячъ талеровъ. Но, въ этомъ отношеніи, открыто никто его не оддерживалъ. Тѣмъ не менѣе, я знаю, что Зубовъ косвенно, при по-редствѣ Маркова, одобрялъ проектъ Говена, обѣщавшаго содѣйство-ать добровольному и безусловному подчиненію Курляндіи Россіи.

«Это негласное одобреніе, о которомъ даже вице-канцлеръ графъ Остерманъ ничего не зналъ, объясняетъ всѣ тѣ видимыя противорѣчія, ь которыми встрѣчались герцогъ, здравомыслящая часть дворянства публика.

«Въ этомъ и кроется разъясненіе поведенія господина фонъ-деръ-Говена, которое доставило ему, съ одной стороны, прекрасное помѣстье ренцгофъ, съ другой—упрекъ въ томъ, что онъ продалъ Курляндію. Меня хотѣли пріобщить къ его славѣ [1]). Я ея не оспариваю, но ни въ акомъ случаѣ не желаю ее раздѣлять. Правда, я содѣйствовалъ под-иненію Курляндіи, но дѣлалъ я это лишь по приказанію и отъ имени ерцога. Что касается подчиненія Пильтена, то коллега мой фонъ-Корфъ олучилъ по этому поводу аллодіальное имѣніе Гавезенъ и чинъ тай-аго совѣтника, я же, какъ и другіе курляндскіе депутаты, лишь та-акерку.

«Быть можетъ спросятъ, почему русскій кабинетъ предпочелъ проектъ Говена предложеніямъ герцога и его правительства. Отвѣтъ весьма ростъ: герцогъ и его правительство говорили вначалѣ лишь объ услов-омъ подчиненіи, не давая ему того развитія, которое ему придалъ Говенъ. Послѣдній, въ представленномъ имъ секретномъ мемуарѣ, между

---

[1]) Авторъ записокъ указываетъ на книгу Массона: „Mémoires secrets sur a Russie“. А. Г.

прочимъ, говорилъ: если добровольное и безусловное подчиненіе Курляндіи будетъ предложено самимъ рыцарствомъ, прусскій дворъ не можетъ требовать отъ Россіи никакого эквивалента. Поэтому, прибавлялъ онъ, форма имѣетъ здѣсь существенное значеніе. Такое политическое соображеніе вполнѣ соотвѣтствовало воззрѣніямъ императрицы; но она и не думала показывать вида, что придаетъ ему какое-либо значеніе.

«Все это дѣло Зубовъ велъ черезъ Маркова на словахъ. и если Паленъ имѣлъ приказаніе дѣйствовать съ Говеномъ заодно, то ему въ то же время было поручено наблюдать за послѣднимъ.

«Между тѣмъ императрица приняла герцога съ величайшимъ отличіемъ. Великій князь Павелъ сдѣлалъ то же, пригласилъ его къ обѣду и пробесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей цѣлый часъ. Вернувшись съ обѣда, герцогъ казался восхищеннымъ, позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ:

— Какъ вы счастливы, что внушили его императорскому высочеству столь живую симпатію. Великій князь сказалъ мнѣ слово въ слово: «Поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы имѣете около себя такого человѣка, какъ господинъ фонъ-Гейкингъ; рекомендую вамъ слѣдовать его совѣту, такъ какъ онъ соединяетъ въ себѣ съ чистѣйшимъ усердіемъ разумъ и осмотрительность, столь необходимые для успѣха вашего дѣла при томъ критическомъ положеніи, въ которомъ вы находитесь.

«Я никогда не забуду этой милости великаго князя. Она шла отъ сердца; такой аттестаціи я у него не выпрашивалъ ни прямо, ни косвенно.

«Мирбахъ, руководимый Говеномъ, возбуждалъ рыцарство противъ герцога и хотѣлъ, чтобы оно сдѣлало нижеслѣдующее заявленіе: «Послѣ того, какъ сюзеренная власть Польши перестала существовать, рыцарство вступило въ свои коренныя права и можетъ поэтому подчиниться Россіи непосредственно, не имѣя нужды дѣйствовать совмѣстно съ герцогомъ».

«Узнавъ объ этомъ, герцогъ пришелъ въ сильное волненіе; по совѣщаніи съ Вольфомъ было рѣшено представить министерству особую записку [1]), составленіе которой было поручено мнѣ (въ ней главнымъ образомъ разоблачалась интрига Говена).

«По полученіи этой записки, графъ Остерманъ отвѣтилъ на словахъ приблизительно слѣдующее: «Ея величество приметъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, на которыя указываетъ его свѣтлость, и будетъ ожидать, чтобы мѣропріятія, которыя будутъ приняты въ Курляндіи, носили характеръ единодушія и законности».

[1]) Записка носила оффиціальный характеръ и была передана вице-канцлеру 21-го февраля 1795 г.

«Мы обратили вниманіе герцога на необходимость созыва чрезвычайнаго ландтага, на что онъ и согласился; но онъ непремѣнно требовалъ, чтобы Говенъ и его партія не входили въ составъ имѣвшей быть снаряженною въ Петербургъ депутаціи. Князь Зубовъ, которому было объ этомъ письменно передано, одобрилъ, какъ казалось, закономѣрное поведеніе герцога и любезно принялъ отъѣзжавшихъ въ Митаву Людингаузена-Вольфа и Шёппинга. Но послѣдніе, лишь только прибыли въ Ригу, узнали, что Паленъ получилъ отъ Зубова довѣрительное приказаніе отправиться въ Митаву и дѣйствовать тамъ въ пользу подчиненія по плану Говена и назначенія его главою курляндской депутаціи...

«Въ Пильтенѣ также былъ созванъ ландтагъ, но насколько пильтенскій ландтагъ былъ спокоенъ, настолько курляндскій прошелъ бурно».

Всѣ усилія противниковъ Говена не привели ни къ чему, и ландтагъ, «раздираемый интригами этого человѣка», по выраженію Гейкинга, постановилъ отправить въ Петербургъ депутацію, поставивъ во главѣ ея Говена.

«Депутація прибыла наконецъ въ Петербургъ, но манифестъ рыцарства былъ настолько обиденъ для достоинства герцога, что Вольфъ и Шёппингъ отказались его подписать. Говенъ не преминулъ очернить ихъ передъ петербургскимъ дворомъ, выставляя ихъ врагами Россіи; ихъ оправдалъ герцогъ, сообщившій ихъ декларацію князю Зубову и вице-канцлеру, и они впослѣдствіи получили отъ императрицы, какъ и прочіе делегаты Курляндіи и Пильтена, подарки.

«Депутаціи было поручено явиться въ полномъ составѣ къ герцогу и заявить, что узы присяги, связывавшія доселѣ герцога и рыцарство, силою высшихъ обстоятельствъ нынѣ порваны, что съ уничтоженіемъ сюверенитета Польши прекратилось и законное существованіе вассальнаго князя и т. п.

«Герцогъ, извѣщенный объ этой возмутительной декларації, рѣшилъ ее предупредить, и поручилъ мнѣ, не откладывая, написать проектъ отреченія съ тѣмъ, чтобы немедленно отправить послѣднее императрицѣ».

Проектированный Гейкингомъ актъ отреченія былъ предъявленъ вице-канцлеру для предварительнаго просмотра, затѣмъ подписанъ и препровожденъ къ нему при нижеслѣдующемъ письмѣ герцога [1]).

Monsieur le comte!

Mon indisposition, m'empêchant d'avoir l'honneur de remettre moi-même à V. E. l'acte ci-joint de l'abdication formelle de mes Duchés de Cour-

[1]) Текстъ этого акта приводится въ концѣ настоящей главы. А. Г.

lande et de Semgalle, j'ose la prier instamment de porter cet acte volontaire aux pieds de S. M. I., sûr que les bontés magnanimes de cette grande Souveraine m'assureront constamment à moi et à ma famille un sort heureux et tranquille et me mettront à l'abri de toute injustice et persécution. Je me livre d'avance à l'idée satisfaisante de ces jouissances douces que le calme seul peut me procurer désormais au sein de ma famille. Je conjure V. E. de faire agréer cet hommage à Sa Majésté Impériale et de recevoir en même temps l'assurance de l'inaltérable attachement, avec lequel etc. [1]).

«Едва это дѣло было устроено, какъ я получилъ, въ качествѣ оберъ-шталмейстера, записку отъ Говена, въ которой онъ просилъ его свѣтлость «назначить день для пріема курляндской депутаціи, которая въ послѣдній разъ засвидѣтельствуетъ ему свое почитаніе, и для удостовѣренія въ то же время, что всѣ существовавшія доселѣ между нимъ и герцогствами отношенія прекращены совершенно.

«Когда я доложилъ о томъ герцогу, онъ измѣнился въ лицѣ, но быстро оправился и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Отвѣтьте имъ, что я приму депутацію завтра въ 10 часовъ.

«Герцогъ съ хладнокровіемъ, которому я подивился, установилъ церемоніалъ аудіенціи. Онъ приказалъ своему камергеру Дершау и адъютанту Дризену встрѣтить депутацію внизу лѣстницы. Два пажа открыли боковыя двери и депутаты вошли. Герцогъ стоялъ, прислонившись къ мраморному столу, имѣя по лѣвую руку меня, а по правую—ландрата Фиркса въ синей лентѣ польскаго ордена. Говенъ, несмотря на свою смѣлость, поблѣднѣлъ; его охватила дрожь, и прошло нѣсколько минутъ, пока онъ оправился. Затѣмъ онъ возбужденнымъ голосомъ произнесъ свою рѣчь, которую окончилъ заявленіемъ герцогу, что «такъ какъ прекращеніе политическаго существованія Польши породило для Курляндіи иныя отношенія, рыцарство подчинилось славному скипетру императрицы, въ убѣжденіи, что его свѣтлость, воодушевленный тѣми же чувствами, шагъ этотъ одобряетъ и примѣру этому послѣдуетъ.

---

[1]) (Переводъ): Нездоровье препятствуетъ мнѣ имѣть честь лично вручить вашему превосходительству прилагаемый при семъ актъ формальнаго моего отреченія отъ моихъ герцогствъ Курляндіи и Семигалліи; осмѣливаюсь убѣдительно васъ просить повергнуть этотъ актъ къ стопамъ ея императорскаго величества, въ увѣренности, что великодушная благость этой великой монархини обезпечитъ за мною и за моимъ семействомъ счастливый и спокойный удѣлъ и охранитъ меня отъ всякой несправедливости или преслѣдованія. Я предаюсь заранѣе благодатной мысли о тѣхъ тихихъ наслажденіяхъ, которыя мнѣ отнынѣ доставитъ одно лишь успокоеніе въ лонѣ моего семейства. Убѣдительно прошу ваше превосходительство склонить ея императорское величество къ принятію этого дара и вѣрить неизмѣнной привязанности и пр.

«Во время чтенія этой рѣчи герцогъ имѣлъ гордое и презрительное выраженіе и тѣмъ лучше прочелъ свою отвѣтную рѣчь, что зналъ ее наизусть.

«Когда онъ кончилъ, Говенъ сказалъ по-нѣмецки:

— Дозвольте, ваша свѣтлость, въ послѣдній разъ поцѣловать руку бывшаго герцога.

«Герцогъ отъ этого не уклонился, наклоненіемъ головы привѣтствовалъ каждаго изъ шести депутатовъ и отпустилъ ихъ. Если когда-либо онъ прекрасно соблюлъ герцогское достоинство, то именно въ тотъ день, когда онъ пересталъ быть герцогомъ.

«Свой отвѣтъ депутаціи онъ тотчасъ-же послалъ съ Дризеномъ вице-канцлеру; графъ Остерманъ, внимательно прочитавъ этотъ отвѣтъ, поручилъ Дризену заявить герцогу, что онъ не преминетъ представить его на воззрѣніе ея величества.

«Получивъ актъ отреченія, императрица послала къ герцогу графа Остермана выразить ея удовольствіе по поводу того довѣрія, съ которымъ онъ, герцогъ, къ ней отнесся. Она приказала у него спросить, что онъ желаетъ для себя, для своего семейства и для всѣхъ тѣхъ, кто былъ ему привязанъ; для нея будетъ удовольствіе показать ему, какъ она относится къ тѣмъ, кто ей предается совершенно. Графъ Остерманъ посовѣтовалъ герцогу не откладывая представить подробную по сему предмету записку и возобновилъ увѣренія, что его желанія будутъ исполнены...

«Торжество преклоненія императрицѣ Курляндіи и Пальтена было назначено на 15-ое (26-ое) апрѣля; по приказанію ея величества оно состоялось въ Лѣтнемъ дворцѣ, въ обширномъ залѣ, гдѣ на большомъ возвышеніи былъ поставленъ роскошно убранный тронъ.

«Императрица возсѣдала на немъ съ короной на головѣ, окруженная сановниками имперіи, всѣми придворными въ блестящихъ мундирахъ и представителями первыхъ сословій государства.

«Насъ ввелъ оберъ-церемоніймейстеръ. Сначала подошелъ Говенъ во главѣ курляндской депутаціи; за нимъ шли секретарь, несшій актъ, и нѣсколько дворянъ. Затѣмъ былъ небольшой промежутокъ и за нимъ выступали мы, Корфъ и я рядомъ, а за нами секретарь и нѣсколько пильтенскихъ дворянъ.

«Депутатамъ было дозволено говорить по-нѣмецки; графъ Остерманъ отвѣчалъ отъ имени императрицы по-русски, послѣ чего мы допущены были къ цѣлованію ея руки.

«20-го апрѣля мы отправились въ сенатъ для торжественнаго принесенія присяги на вѣрность...

«Большинство моихъ соотечественниковъ, которыхъ я видѣлъ въ

*

Петербургѣ, были глубоко огорчены всею происшедшею перемѣною; и лишь въ самомъ тѣсномъ кругу рѣшались о томъ говорить.

— Ну вотъ, мы теперь лишь рабы,—воскликнулъ какъ-то старый Фиркс.

— Какъ государство, вставилъ я, мы доселѣ зависѣли отъ Польши, которая съ своей стороныя была въ совершенной зависимости отъ Россіи. Въ политическомъ отношеніи мы были, поэтому, рабами рабовъ, тогда какъ теперь принадлежимъ къ великой имперіи, повелѣвающей всѣмъ Сѣверомъ.

«На другой день по принесеніи присяги мы были приглашены къ обѣду у генералъ прокурора графа Самойлова, который передалъ намъ обычные подарки императрицы. Я получилъ красивую табакерку, украшенную брильянтами. Говенъ, желая пріобрѣсти друзей, за счетъ дворянства предложилъ намъ сдѣлать подарки оберъ-церемоніймейстеру Валуеву, господину Гурьеву, статскому совѣтнику Вейдемейеру и чиновникамъ канцеляріи графа Остермана. Несмотря на мое сопротивленіе Говенъ сдѣлалъ подарки на сумму до 20 тысячъ талеровъ, а Корфъ далъ отъ имени Пильтена, но изъ своего кармана, отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ. Всѣ заинтересованные хвалили благородство мыслей и поступковъ г.г. Говена и Корфа, а меня обвиняли въ мелочности, въ боязни отступить отъ буквы инструкцій и полномочій.

«Было ясно, чего желалъ Говенъ; онъ сѣялъ, чтобы пожинать. Когда онъ получилъ пожалованное императрицею прекрасное имѣніе Гренгофъ (Корфъ получилъ Гавезенъ), онъ пожиналъ...

«Паленъ, съумѣвшій своей ловкостью заручиться расположеніемъ Маркова и довѣріемъ Зубова, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Курляндіи.

«Великій князь Павелъ не переставалъ оказывать мнѣ знаки своего благоволенія. Когда онъ узналъ, что въ Курляніи вводится устройство на подобіе существующаго въ прочихъ русскихъ губерніяхъ, онъ поручилъ мнѣ сказать, что надѣется увидѣть меня президентомъ одного изъ судовъ.

«Генералъ Паленъ, потому-ли, что онъ зналъ, что великій князь принимаетъ во мнѣ участіе, или потому, что хотѣлъ показать, что онъ справедливъ ко мнѣ, или-же потому, что въ свое время онъ указалъ на предлогъ, при помощи котораго можно было лишить меня данной мнѣ герцогомъ пенсіи въ 2.000 талеровъ,—по чему-бы то ни было, но онъ предложилъ императрицѣ назначить меня президентомъ курляндской гражданской палаты. Мнѣ дали чинъ статскаго совѣтника, тогда какъ Говенъ и Вольфъ были сдѣланы тайными совѣтниками. Я умолчалъ тогда объ этой несправедливости, утѣшаясь мыслью, что могу быть полезенъ

моему отечеству и остаюсь на службѣ, которая могла меня двинуть впередъ.

«Герцогъ, весьма недовольный ходомъ своихъ дѣлъ, даже, попросту, безутѣшный, стремился покинуть не только Петербургъ, но и Курляндію. Онъ написалъ императрицѣ трогательное письмо, въ которомъ просилъ ея позволенія отправиться на воды; получивъ его онъ уѣхалъ, хотя былъ еще нездоровъ.

«Дурной исходъ своихъ дѣлъ герцогъ долженъ былъ приписать самому себѣ, а еще болѣе коварнымъ совѣтамъ Крука и образу дѣйствій Палена. Передъ Зубовымъ Паленъ и Говенъ ставили себѣ въ заслугу то, что все, что они отняли у герцога, досталось, какъ они говорили, казнѣ. Паленъ постоянно твердилъ герцогу черезъ Крука, что онъ можетъ быть покоенъ, что въ послѣдній моментъ все будетъ сдѣлано въ его пользу; а когда этотъ моментъ наступилъ, герцогъ долженъ былъ принять какъ милость все то, на что онъ имѣлъ, какъ онъ полагалъ, законное право. Кромѣ того онъ получилъ лишь часть того, что могъ бы получить безъ содѣйствія этихъ господъ.

«Теща моя была въ отчаяньи, что мы должны были оставить Петербургъ... Великій князь прислалъ ей, для передачи мнѣ, украшенную брильянтами цѣпочку для часовъ. Онъ сдѣлалъ болѣе. Палену, уже выѣхавшему въ Курляндію, онъ написалъ собственноручное письмо, въ которомъ заявлялъ, что мною интересуется, и что будетъ благодаренъ за все, что при новомъ порядкѣ вещей Паленъ, располагая столь многими средствами, для меня сдѣлаетъ.

«Я покинулъ Петербургъ 19-го іюня и прибылъ въ Митаву 24-го».

Актъ отреченія герцога курляндскаго Петра Бирона.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

«Божіею милостію, мы, Петръ Курляндіи и Семигалліи и пр., извѣщаемъ всѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что, постоянно воодушевленные отеческимъ попеченіемъ о нашихъ герцогствахъ Курляндіи и Семигалліи, мы сочли подходящимъ, лишь только въ Польшѣ обнаружилось упорное возстаніе, поставить себя, наше семейство и наши герцогства подъ высокую и могущественную защиту ея величества императрицы всея Россіи.

«Но послѣ того, какъ совершенное разложеніе Польши явилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой, достойной отвращенія, революціи и уничтоженіе политическаго существованія этого королевства прекратило

ленныя отношенія, связывавшія Курляндію съ этою республикою, мы сочли своимъ долгомъ созвать чрезвычайный сеймъ, для ускоренія безусловнаго и единодушно желаемаго преклоненія этихъ герцогствъ славному скипетру безсмертной Екатерины.

«А такъ какъ собравшіеся съ этою цѣлью депутаты, торжественнымъ манифестомъ отъ 18-го марта, не только отказались, по вышеприведеннымъ причинамъ, съ полнымъ на то правомъ и навсегда, отъ сюзеренитета Польши, но и сочли подходящимъ и полезнымъ (heilsam), путемъ втораго мотивированнаго манифеста, отречься отъ герцогскаго правительства съ тѣмъ, чтобы непосредственно, прямо и безусловно, войти въ составъ Русской имперіи, мы присоединяемся къ сему, столь важному для нашего отечества, акту и благоговѣйно просимъ ея императорское величество милостиво принять это безусловное подчиненіе, чтобы тѣмъ обезпечить Курляндіи прочное счастье, а намъ покой и тишину, единственную цѣль нашихъ желаній.

«Вслѣдствіе сего мы освобождаемъ всѣхъ жителей Курляндіи и Семигалліи отъ данной намъ присяги на вѣрность и полагаемъ къ стопамъ высокой повелительницы Россіи настоящій актъ нашего торжественнаго отреченія за себя и за нашихъ наслѣдниковъ въ ленѣ и отъ сего дня навсегда отказываемся отъ пользованія дарованныхъ въ силу диплома инвеституры на Курляндію и Семигаллію регаліями, какъ и отъ доходовъ лена, и отъ всего, что связано съ званіемъ герцога. Мы искренно убѣждены, что великодушная, справедливая и мудрая монархиня Россіи окажетъ намъ и нашему семейству то могущественное покровительство, которое направлено къ доставленію счастья тѣмъ, кто къ нему прибѣгаетъ.

«Въ удостовѣреніе чего мы собственноручно подписали этотъ добровольный, неотмѣнимый актъ отреченія и приложили къ нему нашу герцогскую печать.

«Совершонъ въ Петербургѣ 17-го (28-го) марта 1795 года».

А. А. Гирсъ.

КЪ ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I [1]).

(Указы, письма, замѣтки и воспоминанія).

Почетный опекунъ С. С. Кушниковъ. Секта подъ именемъ Аристовщины.—Рѣчь преосвященнаго Филарета, архіепископа московскаго, при вступленіи императора Николая I въ Успенскій соборъ въ день священнаго коронованія.—Рѣчь кіевскаго митрополита Евгенія, сказанная отъ всего духовенства императору Николаю I.—Гербъ Шервуда-Вѣрнаго.—Предъ Турецкою войною 1828—1829 гг. Письмо великаго князя Константина Павловича графу Сакену.

I.

Почетный опекунъ С. С. Кушниковъ.

1.

Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны московскому почетному опекуну Сергѣю Сергѣевичу Кушникову.

1-го марта 1826 г. Царское Село.

Сергѣй Сергѣевичъ! Подъ кровомъ глубочайшей тайны имѣю я объясниться съ вами по препорученію императора, любезнѣйшаго моего сына, и прошу васъ, не сообщая никому нималѣйше о семъ предметѣ, отвѣчать мнѣ съ совершенною откровенностію, по чести и совѣсти. Императоръ, отзываясь на вашъ счетъ съ отличною похвалою, изъявилъ мнѣ желаніе употребить васъ въ коммисіи, учреждаемой для окончанія извѣстнаго дѣла о заговорѣ; но зная притомъ, какія важныя дѣла возложены на васъ по Опекунскому совѣту, спрашивалъ у меня, можно ли отлучить васъ отъ нихъ недѣли на три въ отпускъ? А я обращаюсь къ вамъ съ полною къ праводушію вашему довѣренностью и прошу

---

[1]) См. «Рускую Старину», ноябрь 1897 г.

васъ, обдумавъ сіе дѣло съ всевозможнымъ вниманіемъ, сказать мнѣ по чистой совѣсти и по истинному душевному вашему убѣжденію, можете ли вы отлучиться на три недѣли отъ важныхъ занятій вашихъ по Опекунскому совѣту, не опасаясь вреда для оныхъ, и если почитаете вы возможнымъ пріѣхать сюда на означенное время, для предполагаемаго вамъ отъ императора препорученія, то кому полагаете вы наилучшимъ и полезнѣйшимъ ввѣрить дѣла ваши по Опекунскому совѣту, во время вашего отсутствія? Ожидая вашего отвѣта, я съ совершеннымъ довѣріемъ полагаюсь на извѣстный вашъ образъ мыслей и пребываю съ искреннимъ доброжелательствомъ вамъ благосклонною [1]).

2.

Всеподданнѣйшее письмо почетнаго опекуна С. С. Кушникова.

8-го марта 1826 г.

Высочайшій вашего императорскаго величества рескриптъ о всемилостивѣйшемъ государя императора желаніи употребить меня въ комисію, я имѣлъ счастіе получить сего марта 6-го числа. Не останавливаясь ни мало, осмѣливаюсь вашему величеству всеподданнѣйше донести, что высочайшая государя императора воля всегда была и будетъ священнымъ для меня закономъ, и повиноваться оной безмолвно есть первѣйшая моя обязанность. А потому, какъ въ тотъ же день, 6-го марта, я получилъ отношеніе министра юстиціи, съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія явиться мнѣ нынѣ же въ С.-Петербургъ, то вслѣдъ за симъ и буду имѣть счастіе повергнуть себя къ освященнѣйшимъ стопамъ государя императора и вашего величества.

Съ симъ вмѣстѣ на всемилостивѣйшій вопросъ вашего величества, могу ли я отлучиться на три недѣли отъ занятій, высочайше на меня возложенныхъ по Опекунскому совѣту, не опасаясь вреда для оныхъ, имѣю счастіе донести, что я уронилъ бы себя въ собственномъ своемъ мнѣніи, если бы осмѣлился помыслить, что отсутствіе мое отъ должности, причинитъ какой-либо вредъ дѣламъ Опекунскаго совѣта. Дѣла сіи по предначертаннымъ отъ вашего императорскаго величества правиламъ, идутъ своимъ порядкомъ, и директоры, завѣдывающіе оными, какъ равно и другіе чиновники по бухгалтеріи и казначейству, бывъ люди достойные и благонадежные, подъ надзоромъ почетнаго опекуна Саблина, который въ отсутствіе мое въ 1823 году управлялъ уже высочайше ввѣренными мнѣ частями, не упустятъ изъ вида наблюдаемаго въ дѣлахъ порядка и съ тою же дѣятельностью и усердіемъ будутъ продолжать служеніе свое, съ каковыми и нынѣ оное проходятъ. Въ семъ удостовѣреніи, какъ далѣе

[1]) Сообщ. П. М. Майковъ.

я не смѣю уже здѣсь оставаться за объявленнымъ мнѣ высочайшимъ повелѣніемъ, то впредь до всемилостивѣйшаго вашего величества утвержденія я сдамъ должность свою почетному опекуну Саблину.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и вѣчною вѣрноподданническою благодарностью есмь, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшій Сергѣй Кушниковъ [1]).

II.

Секта подъ именемъ Аристовщины.

1.

Записка неизвѣстнаго о сборищѣ раскольниковъ секты, называющейся Аристовщиною.

10-го іюня 1826 г.

Рождественской части, въ домѣ Корзинкина, по учиненнымъ точнымъ развѣдываніямъ, не имѣется никакихъ скопищъ. Въ домѣ семъ имѣютъ бо́льшею частію пристанище извозчики, и въ оном проживаетъ старикъ-раскольникъ, къ которому приходятъ иногда нѣкоторые единовѣрцы для чтенія духовныхъ книгъ.

Но неподалеку оттуда, Московской части, 4-го квартала, № 446, въ Казачьемъ переулкѣ, имѣется моленная секты раскольничей, именуемой «Аристовщиной», основанной первоначально здѣшнимъ купцомъ Василіемъ Аристовымъ, который умеръ.

Симъ моленнымъ домомъ и заведеніемъ управляетъ нынѣ здѣшній мѣщанинъ Василій Цепуринъ, при коемъ находится помощникомъ мѣщанинъ Солтыковъ. Въ семъ домѣ имѣется также нѣсколько квартиръ для призрѣнія престарѣлыхъ обоего пола раскольниковъ сей секты. Моленная устроена въ особомъ зданіи посреди двора, съ раздѣленіемъ на двѣ половины, на мужскую и женскую. Надъ сей моленной, въ чердакѣ, проживаетъ наставникъ секты, отставной казакъ Иванъ Ѳедоровъ, къ которому приходятъ часто служащіе казаки разныхъ командъ.

Собраніе въ моленной бываетъ съ вечера въ субботу на воскресенье. Сектаторы собираются съ 12-го часа вечера, ворота тщательно запираютъ, ставятъ изъ среди себя привратника и никого чужаго не впускаютъ. Въ моленную сію приходятъ иногда и солдаты разныхъ полковъ, но бо́льшею частію зимою.

Въ домѣ семъ проживаетъ также называющая себя греческою царевною Палеологъ-Македонской, которая ожидаетъ богатаго имущества

---

[1]) Сообщ. П. М. Майковъ.

отъ казны, между тѣмъ находится у какого-то купца близъ живущаго на содержаніи. Она выѣзжаетъ часто за городъ на Петергофскую дорогу.

2.

Отношеніе начальника главнаго штаба Дибича с.-петербургскому военному генералъ-губернатору.

10-го іюня 1826 г. № 1019, С.-Петербургъ.

Изъ прилагаемой при семъ записки ваше превосходительство изволите усмотрѣть, что въ Московской части, 4-го квартала, въ улицѣ подъ № 446 находится моленная раскольнической секты, именуемой «Аристовщиной», гдѣ бываетъ каждую недѣлю по субботамъ собраніе, въ которое никого чужаго не впускаютъ.

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ ваше превосходительство обратили особенное вниманіе на сіе сборище раскольниковъ и поручили бы оберъ-полиціймейстеру, чтобы онъ, не препятствуя раскольникамъ продолжать сіи сборища, смотрѣлъ бы строго подъ рукою, не дѣлается ли чего-либо противузаконнаго, какъ въ сихъ собраніяхъ, такъ и въ самомъ домѣ, гдѣ оное бываетъ и въ послѣдствіи нѣкотораго времени доложили бы государю императору, что по наблюденію сему замѣчено будетъ.

Сію высочайшую волю имѣю честь сообщить вашему превосходительству къ зависящему отъ васъ исполненію.

III.

Рѣчь преосвященнаго Филарета, архіепископа московскаго, при вступленіи императора Николая I въ Успенскій соборъ въ день священнаго коронованія.

23-го августа 1826 г.

«Благочестивѣйшій государь! Наконецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже ты предъ вратами святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для тебя твое наслѣдственное освященіе.

«Нетерпѣливость вѣрноподданническихъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто ты умедлилъ, если бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе твое намъ радость, такъ и предшествовавшее умедленіе твое, было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ ты явить намъ твою славу: потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты гря-

дешь наконецъ, яко царь, не только наслѣдованнаго тобою, но и тобою сохраненнаго царства.

«Не возмущаютъ ли при семъ духа твоего прискорбныя напоминанія? Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея (3 Царст. 11, 5—8): не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословленный. Въ царствованіи Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву: что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона? Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ.

«Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости твоей и нашей! Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ. Да начнетъ все множество хвалити Бога: благословенъ грядый Царь во имя Господне! Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести ѳиміамъ твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя царствующихъ на тебя и твое царство.

«Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный государь императоръ! знаменіями величества облеки свойства истиннаго величества. Помазаніе отъ святаго да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долготерпѣливымъ и вѣчнымъ».

IV.

Рѣчь кіевскаго митрополита Евгенія, сказанная отъ всего духовенства императору Николаю I.

24-го августа 1826 г [1])

«Благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь, императоръ всероссійскій!

«Среди общаго всея Россіи торжества о священнѣйшемъ вѣнчаніи и помазаніи твоемъ, православная россійская церковь, послужившая совершенію на тебѣ сего богоблагодатнаго таинства, предстаетъ предъ тебя паки съ радостнѣйшимъ привѣтствіемъ. Въ храмѣ Господни она тебя, яко благочестивѣйшаго первенца сыновъ Христовыхъ, срѣтала своими объятіями, и тебя, вѣнчаннаго на императорскомъ праотеческомъ престолѣ, помазаннаго елеемъ святымъ предъ входомъ во святилище Божіе, представила престолу Царя царей для соединенія тебя съ Нимъ таинствомъ спасительнаго тѣла и крови Его. Нынѣ въ чертогѣ твоемъ

[1]) Рѣчь эта была сказана въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

сама припадаетъ къ тебѣ съ преданностію и моленіемъ, да пріимеши ее въ твои монаршія объятія. Отъ тебя внимала она исповѣданіе православныя вѣры: нынѣ въ тебѣ исповѣдуетъ ея и свою подпору, покровъ и огражденіе. На тебя призывала она дары Духа Святаго: нынѣ отъ тебя несомнѣнно уповаетъ плода оныхъ къ благоденствію своему и всѣхъ твоихъ вѣрноподданныхъ. Среди убо сея радостныя надежды, привѣтствуя оною и тебя, богоизбранный и боговѣнчанный великій государь, и тобою благочестивѣйшую помощницу твою, вкупѣ съ тобою вѣнчанную и помазанную, и благочестивѣйшую матерь твою, вся церковь и Россія молитъ твоимъ же гласомъ благословляющаго царей и царства земныя Вседержителя, «да благодать Его святая изліется на тя и на царство твое, и да будетъ таинственное дѣйствіе вѣнчанія и помазанія твоего знаменіемъ и залогомъ благости Его къ тебѣ и печатію любве, соединяющей тебя съ вѣрными твоими подданными, коихъ счастіе признаешь самъ ты единою цѣлію твоихъ мыслей, исполненіемъ желаній, наградою трудовъ и верховною твоею обязанностію предъ Царемъ царствующихъ».

V.

Гербъ Шервуда-Вѣрнаго.

Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія и признательности къ отличному подвигу, оказанному л.-гв. Драгунскаго полка прапорщикомъ Иваномъ Шервудомъ противъ злоумышленниковъ, посягавшихъ на спокойствіе, благосостояніе государства и на самую жизнь Александра I, императоръ Николай Павловичъ, указомъ Сенату отъ 1-го іюня 1826 г., повелѣлъ къ фамиліи его, Шервуда, прибавить слово «Вѣрный», и какъ ему, такъ и потомству его именоваться: «Шервудъ-Вѣрный» [1]). Тѣмъ же указомъ государь поручилъ Сенату составить приличный для его фамиліи гербъ и представить его къ высочайшему утвержденію. Во исполненіе сего указа Сенатомъ былъ составленъ проектъ герба въ такомъ видѣ: Щитъ раздѣленъ на двѣ части. Въ верхней части щита, въ голубомъ полѣ, изображены двѣ руки, выходящія изъ облаковъ, между собою сжимающіяся, надъ ними парящій голубь. Во второй части, въ красномъ полѣ, бѣгущая собачка, которая несетъ печать, съ оттискомъ на ней государственнаго герба. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ, съ дворянскою на немъ короною и тремя страусовыми перьями. Наметъ на щитѣ голубаго и краснаго цвѣтовъ, подложенный золотомъ. Изображенныя въ первой части герба двѣ

[1]) См. „Русскую Старину“ 1896 г.

руки, между собою сжимающіяся, должны были обозначать вѣрность, а парящій надъ ними голубь—чистоту и непорочность. Изображенная во второй части собачка—также вѣрность, а несомая ею печать—тайну. Этими эмблемами имѣлось въ виду выразить слѣдующую мысль: вѣрность, вдохновенная чистыми намѣреніями, несетъ государственную тайну. Проектъ этотъ былъ представленъ министромъ юстиціи государю, который повелѣлъ составить другой гербъ, въ которомъ бы изображалось «въ верхней половинѣ, подъ россійскимъ гербомъ, вензелевое имя въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра I, въ лучахъ; въ въ нижней же—простертая кверху рука, со сложенными пальцами, какъ у присяги».

Вновь составленный по этимъ указаніямъ герольдіею гербъ 22-го августа 1826 года получилъ высочайшее утвержденіе и помѣщенъ въ общемъ гербовникѣ [1]).

VI.

Передъ Турецкою войною 1828—1829 гг.

1.

Указъ главнокомандующему 2-й арміею господину генералъ-фельдмаршалу графу Витгенштейну.

9-го ноября 1827 г., С.-Петербургъ.

Дошедшія извѣстія о совершенной побѣдѣ, одержанной флотами союзныхъ державъ надъ турецкимъ флотомъ подъ командою Ибрагима-паши, есть такое происшествіе, которое поставляетъ въ необходимость, впередъ до дальнѣйшихъ объясненій, обратить съ нашей стороны особенное вниманіе на дѣйствія турокъ. Хотя до сего времени я не получилъ еще достовѣрныхъ свѣдѣній о разрывѣ существующихъ между нами и Портою мирныхъ отношеній, но легко статься можетъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ турки, можетъ быть, рѣшатся перейти Дунай и разорить княжества Молдавіи и Валахіи, къ чему мы должны всемѣрно стараться не допустить ихъ, дабы сохранить сіи княжества, яко долженствующія служить главнымъ основаніемъ продовольствія войскъ при будущихъ дѣйствіяхъ нашихъ. Равномѣрно я не могу допустить какого либо оскорбленія со стороны турокъ послу нашему въ Константинополѣ, ниже кому-либо изъ пословъ союзныхъ державъ.

---

[1]) Сообщ. А. В. Безродный.

По симъ обстоятельствамъ посылается теперь же повелѣніе пребывающему въ Яссахъ консулу нашему дѣйствительному статскому совѣтнику Минчіаки, что коль скоро получитъ онъ оффиціальное извѣстіе о переходѣ турецкихъ войскъ чрезъ Дунай въ княжества, или что турки сдѣлали какое-либо оскорбленіе послу нашему въ Константинополѣ, либо которому нибудь изъ пословъ союзныхъ державъ, то чтобы объ ономъ въ то же время донесъ вамъ.

Вамъ же повелѣваю, по полученіи отъ консула Минчіаки таковаго оффиціальнаго донесенія, тотчасъ дать повелѣніе войскамъ, вамъ ввѣреннымъ, перейти черезъ Прутъ и занять княжества Молдавіи и Валахіи, сообразно тому плану, который прежде на сей случай предначертанъ и вамъ доставленъ, и въ то же время донести мнѣ о предпринятыхъ вами движеніяхъ.

Если все сіе, паче чаянія, совершится, въ такомъ случаѣ вы не оставите въ то же время принять всѣ нужныя мѣры, дабы учредить запасы продовольствія войскъ не только на мѣстахъ, кои займутъ онѣ въ княжествахъ, но и на тѣхъ пунктахъ, гдѣ оное будетъ необходимо для дѣйствій нашихъ за Дунаемъ.

Хотя я еще не теряю надежды сохранить мирныя согласія съ Портою, которыя до сего времени старался поддерживать, но если, напротивъ, обстоятельства принудятъ насъ къ войнѣ, и войска, вамъ ввѣренные, какъ выше сказано, должны будутъ вступить въ княжества, то я остаюсь увѣреннымъ, что они, подъ начальствомъ толь достойнаго предводителя, сохранятъ строжайшій порядокъ и дисциплину, что собственность и безопасность мирныхъ жителей будутъ ограждены и никакой случай, нарушающій общее между ними спокойствіе, не будетъ допущенъ. За малѣйшее же отступленіе отъ сей непремѣнной воли моей, поручаю вамъ подвергнуть виновныхъ примѣрному строжайшему наказанію, держась во всей силѣ учрежденія о большой дѣйствующей арміи.

2.

Письмо великаго князя Константина Павловича графу Сакену.

15-го февраля 1828 года, Варшава.

Графъ Фабіянъ Вильгельмовичъ!

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 24-го прошедшаго января при возвращеніи моемъ изъ С.-Петербурга, за которое приношу вамъ мою искреннѣйшую благодарность. Изъясненіе въ ономъ мнѣнія вашего относительно нынѣшняго политическаго положенія Европы есть совершенно согласное съ моимъ; при совокупляя къ сему, что я въ пребываніе мое въ С.-Петербургѣ, ни мало не

скрывая, откровенно и гласно изъявлялъ оное, начиная сіе предъ самимъ государемъ императоромъ, что имѣть намъ войну нѣтъ никакой въ виду пользы. Начать оную весьма легко; какой же будетъ конецъ, это одному только Богу извѣстно. Надѣяться на свою силу неможно. Наполеонъ показалъ надъ собою разительный примѣръ: при всемъ могуществѣ его, какія вышли послѣдствія! и хотя уничтоженіе его силъ приписывають не столько нашему оружію какъ морозамъ, то и съ нами не можетъ-ли подобнаго сему случиться отъ турецкихъ жаровъ. Турецкія дѣла представляютъ такую компликацію, что, начавъ съ турками войну, могутъ отъ оной возгорѣться такія послѣдствія, которымъ и конца предвидѣть не можно. Положимъ, чтобы мы заняли Царьградъ; но, не говоря уже о чрезмѣрныхъ пожертвованіяхъ, къ чему сіе ведетъ? Установить какую то пакостную Греческую республику, подобную какъ Американскіе штаты и полуденные американскіе же новые республики. Какую отъ сего ожидать для Россіи пользу? имѣть-ли такихъ себѣ сосѣдей или турокъ, въ этомъ кажется нѣтъ никакого сомнѣнія.—Я нашелъ въ С.-Петербургѣ весьма многихъ лицъ, которые согласно со мною судятъ и предвидятъ сіи обстоятельства, и я старался сколько мнѣ было возможно утушать огонь.

Изъяснивъ такимъ образомъ насчетъ теперешняго положенія мое мнѣніе и пользуясь симъ случаемъ, прошу вашего сіятельства принять увѣреніе совершеннаго моего къ вамъ особеннаго почтенія и уваженія, въ чемъ настоящее письмо служитъ достовѣрнымъ доказательствомъ.

3.

Указъ генералъ-фельдмаршалу графу Витгенштейну.

28-го февраля 1828 года, С.-Петербургъ.

Сопредѣльныя Россіи княжества Молдавія и Валахія, по единовѣрію и услугамъ, постоянно оказываемымъ намъ при всякомъ разрывѣ съ Оттоманскою Портою, пріобрѣли полное право на вниманіе наше и особенное попеченіе о ихъ благосостояніи. Право сіе утверждено даже трактатами, въ разныя времена съ Турецкою имперіею заключенными. Въ сихъ двухъ княжествахъ были всегда обезпечены въ военное время и главные магазейны дѣйствующей нашей арміи и гошпитали; сверхъ того почерпали мы въ оныхъ и многія другія выгоды. Справедливость и предусмотрительность побуждаютъ и нынѣ употребить съ пользою удобства, представляемыя землею, имѣя однако въ полномъ уваженіи, чтобы не отягощать оную безмѣрно, а сообразоваться съ настоящимъ состояніемъ, въ каковое она приведена потрясеніями 1821 года и воз-

никшимъ затѣмъ угнетеннымъ управленіемъ. Для достиженія сей благотворной цѣли, признаю нужнымъ начертать вамъ здѣсь главныя правила, относящіяся до внутренняго устройства упомянутыхъ княжествъ.

1) Нынѣшніе князья Молдавіи и Валахіи избраны изъ тамошнихъ бояръ безъ соучастія Россіи въ противность трактатовъ съ Портою. Хотя Аккерманскою конвенціею сіи князья нами не отвергнуты, но, пріемля во вниманіе, съ одной стороны, что срокъ ихъ правленія, трактатами положенный, скоро кончится, и что одинъ и другой поведеніемъ своимъ обратили на себя крайнее наше неудовольствіе, а съ другой, что тою же Аккерманскою конвенціею предназначены многія улучшенія для обоихъ княжествъ, къ коимъ однако и приступа не сдѣлано, и что самый важный законъ, долженствующій опредѣлить образъ и порядокъ будущихъ выборовъ на княженіе, еще не составленъ и не утвержденъ, — мы имѣемъ право взирать на нынѣшнее правленіе, яко временное, которое при появленіи нашихъ войскъ должно прекратиться. Въ слѣдствіе чего, вступивъ въ Яссы и потомъ въ Бухарестъ, имѣете удалить князей Стурдзу и Гику отъ управленія, предоставя имъ жить, гдѣ пожелаютъ въ княжествахъ, и пользоваться подъ защитою законовъ собственнымъ только своимъ родовымъ или благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Княжества же, до окончанія войны, будутъ управляться, подъ главнымъ начальствомъ вашимъ, на слѣдующемъ основаніи.

2) Хотя образъ правленія и внутренній распорядокъ въ княжествахъ не имѣетъ твердаго устройства, со всѣмъ тѣмъ всякая перемѣна, сколько бы ни представляла надежды на улучшеніе, не должна быть допущена въ военное время, въ которое одни токмо тѣ постановленія могутъ споспѣшествовать скорому исполненію всего требуемаго, къ коимъ и народъ и начальники его издавна пріобыкли. И такъ въ томъ и другомъ княжествѣ, за удаленіемъ одного токмо князя, все прочее да сохранится въ прежнемъ видѣ, доколѣ опытъ не представитъ вамъ необходимости учинить какія-либо измѣненія, о коихъ имѣете предварительно донести мнѣ.

Тяжебныя и уголовныя дѣла должны рѣшаться установленнымъ тамъ образомъ, а равно и всѣ предметы, до городской и земской полиціи касающіеся. Доходы, правительству присвоенные, надлежитъ собирать по мѣстнымъ обычаямъ и принятому порядку. Одно освобожденіе отъ нѣкоторой части оныхъ, какъ равно чрезвычайныя требованія, зависятъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія и разрѣшенія вашего.

3) Мѣсто и власть князя, въ послѣднюю войну, были присвоены предсѣдателю обоихъ диванов, императорскою властію избираемому; а какъ онъ всегда присутствовалъ въ Яссахъ, то въ Букарестъ былъ назначенъ вице-президентъ по выбору и утвержденію главнокомандующаго. Та же мѣра должна быть введена и нынѣ, съ однимъ только

измѣненіемъ, что президенту присвоится названіе полномочнаго президента, каковымъ избралъ я тайнаго совѣтника графа Палена, который неукоснительно къ вамъ явится для принятія предварительно вашихъ приказаній.

4) Чтобъ не затруднять васъ занятіями, относящимися до управленія княжествами, оное должно быть въ полной силѣ предоставлено предсѣдателю. Одно утвержденіе его тамъ, гдѣ прежде нужно было таковое господаря, достаточно для приведенія въ дѣйствіе всякаго рода постановленій безъ изъятія. Назначеніе чиновъ къ высшимъ мѣстамъ, по обычаямъ того края, равнымъ образомъ отъ него же должно зависѣть, какъ и самое удаленіе кого либо отъ должности по причинамъ, уваженія заслуживающимъ. По всѣмъ симъ предметамъ онъ будетъ снабженъ особою инструкціею, съ коей списокъ имѣетъ быть вамъ сообщенъ отъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

5) Предсѣдатель обязанъ доставлять вамъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія о количествѣ фуража, нынѣ имѣющагося въ разныхъ мѣстахъ означенныхъ областей, и сколько гдѣ таковаго удобнѣе и выгоднѣе пріуготовить лѣтомъ, а также сколько, въ случаѣ чрезвычайной надобности, получить можно провіанта мукою или зерномъ, и для сего, какія существуютъ удобства, оное смолоть, наконецъ какое количество овса или ячменя можетъ быть тамъ найдено для продовольствія кавалеріи и на другія потребности.

6) Обыкновенно въ землѣ, чрезъ которую проходятъ всѣ войска къ театру войны, гдѣ установлены магазейны, гошпитали, резервъ арміи и часто главная квартира, самая величайшая тягость, падающая на жителей, есть поставка подводъ. Дабы содѣлать сію повинность сколь можно легкою, нужна строжайшая справедливость и неусыпное наблюденіе, чтобъ подводъ наряжалось единственно то число, безъ коего признано будетъ совершенно невозможнымъ обойтись, и чтобъ отнюдь не позволяли себѣ какъ высшіе такъ и нижніе военные чины требовать оныхъ произвольно или самоуправно. Сія важная часть мѣстнаго управленія зависитъ отъ благоразумныхъ распоряженій вашихъ и отъ тѣхъ мѣръ строгости, кои будутъ вами приняты для охраненія жителей отъ всякаго притѣсненія. Въ особенности требуется бдительнѣйшій надзоръ, дабы, при существованіи казеннаго подвижнаго магазейна, отнюдь подводы земскія не были загоняемы на правый берегъ Дуная, когда армія туда перейдетъ, и купно съ тѣмъ, чтобъ не задерживали ихъ ни подъ какимъ предлогомъ, когда привезутъ сѣно или другія вещи по наряду, но чтобъ безъ отлагательства привезенное было отъ нихъ принимаемо и подводы отпускались обратно. При малѣйшей на противное тому жалобѣ, строго взыскивать съ виновныхъ, дабы тѣмъ самымъ, обезпечивъ посѣлянъ, заставить ихъ исполнять повинность свою съ усердіемъ: ибо

въ прежніе времена были примѣры, что они, не видя въ теченіе нѣсколькихъ дней окончанія пріема, и не имѣя средствъ къ прокормленію себя и воловъ своихъ или лошадей, бросали все и спасались бѣгствомъ, отчего земля постепенно истощевалась, пустѣла, и мы находили сугубыя затрудненія въ перевозкахъ.

7) Долголѣтняя опытность ваша показываетъ вамъ, что если для собственной пользы арміи нужно соблюденіе строгой дисциплины въ землѣ даже непріятельской, то всего болѣе оная необходима въ землѣ, которую мы признаемъ дружественною и намъ издавна преданною. Наблюденіе за симъ не оставите предложить на личную отвѣтственность каждаго начальства по его вѣдомству, взыскивая неослабно съ неисполнившихъ повелѣнія вашего.

8) Изложивъ такимъ образомъ волю мою въ отношеніи Молдавіи и Валахіи, при занятіи ихъ нашими войсками, не излишнимъ нахожу повторить вкратцѣ сущность всего вышеизложеннаго: земля управляется Диванами при полномочномъ предсѣдателѣ, который будетъ состоять подъ главнымъ начальствомъ вашимъ. Земля должна платить обыкновенныя подати, и какъ сіи, такъ и всѣ прочіе доходы, поступающіе въ казначейства княжествъ, имѣютъ быть употребляемы въ пользу арміи, на предметы, кои вы укажете. Сверхъ обыкновенныхъ доходовъ денежныхъ или въ замѣну оныхъ произведеніями земли, кои вы потребуете и коимъ раскладку по селеніямъ должно дѣлать гражданское начальство княжествъ, будетъ снабжать безденежно сѣномъ и необходимо нужнымъ числомъ подводъ, при переходѣ войскъ для перевозки больныхъ. Облегченіе въ податяхъ предоставляю вашему усмотрѣнію, ежели то по мѣстнымъ соображеніямъ признаете совершенно необходимымъ. Воспрещеніе также отпускать за границу тѣ изъ произведеній земли, кои по стеченію обстоятельствъ окажутся нужными для нашихъ войскъ, зависитъ отъ власти вашей, къ коей отношу равномѣрно, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и самой крайней необходимости, дѣлать и чрезвычайныя требованія, сколь бы оные ни были тягостны, если токмо отъ сего зависѣть будетъ успѣхъ въ военныхъ планахъ вашихъ, хотя я увѣренъ, что предусмотрительность ваша найдетъ средства избѣгнуть подобныхъ мѣръ, всегда и на долгое время потрясающихъ хозяйство поселянъ. Наконецъ съ полнымъ довѣріемъ возлагаю на васъ же какъ пресѣченіе всякихъ поводовъ къ злоупотребленіямъ нашихъ и мѣстныхъ чиновъ, такъ и неминуемое взысканіе съ каждаго виновнаго въ томъ.

Для переписки же вашей по части политической, назначаю къ вамъ служащаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фонтона, отличнаго по своему усердію и основательно знающаго языки восточные. Нахожденіе его при главнокомандовавшихъ въ послѣднюю турецкую войну, участіе въ заключеніи Аккерманской кон-

венціи, а равно недавняя поѣздка въ Константинополь, поставивъ сего чиновника въ ближайшую извѣстность о нашихъ отношеніяхъ къ Портѣ Оттоманской, содѣлаютъ его тѣмъ болѣе полезнымъ исполнителемъ вашихъ распоряженій въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Приложеніе.

Проектъ рескрипта тайному совѣтнику графу Палену.

Вступленіе войскъ нашихъ въ Молдавію и Валахію содѣлывало необходимымъ указать образъ и свойство управленія сими княжествами, долженствующими состоять во все продолженіе войны подъ высшимъ начальствомъ главнокомандующаго арміею въ тѣхъ краяхъ.

Важнѣйшія основанія управленія начертаны мною генералъ-фельдмаршалу графу Витгенштейну. Между оными объясниль я особенную пользу въ опредѣленіи полномочнаго предсѣдателя Дивана, выборъ коего предоставилъ я себѣ.

Пріемля во вниманіе отличное служеніе ваше и испытанное благоразуміе, я рѣшился назначить васъ къ занятію сего важнаго мѣста и, облегши васъ полною властію, ввѣрить попеченію вашему благосостояніе жителей помянутыхъ княжествъ, тѣсно сопряженное съ выгодами дѣйствующей арміи нашей.

Въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи находятся нынѣ князья правители оныхъ, и избранные изъ тамошнихъ бояръ по распоряженію Порты Оттоманской. Я поручилъ главнокомандующему арміею, при самомъ вступленіи въ сіи области, устранить ихъ отъ управленія, предоставя имъ жить, гдѣ пожелаютъ. Тогда вы примете на себя обязанности правителя, подъ названіемъ полномочнаго предсѣдателя Диванов Молдавіи и Валахіи, и устроите жительство ваше или въ Яссахъ или въ Букарестѣ, гдѣ вы признаете сіе удобнѣйшимъ. Всѣ другія учрежденія по мѣстному управленію должно сохранить неприкосновенными. Впрочемъ, главнокомандующему вмѣнилъ я въ обязанность доносить мнѣ предварительно о тѣхъ измѣненіяхъ, кои, по стеченію обстоятельствъ или по дознанной опытомъ неудобности, признано будетъ нужнымъ допустить, и ожидать на то моего разрѣшенія; слѣдственно по предмету сему вы можете также входить къ нему съ представленіемъ о мѣрахъ, какія вамъ покажутся полезными.

Изъ списка инструкціи, данной генералъ-фельдмаршалу графу Витгенштейну, каковой сообщитъ вамъ управляющій министеротвомъ иностранныхъ дѣлъ, вы усмотрите волю мою, чтобы оба княжества, управленію вашему ввѣряемыя, были охранены отъ всякаго угнетенія, доходы же тѣ самые, кои до вступленія нашихъ войскъ существовали, обращать на ихъ потребности, естьли не будетъ признано выгоднѣйшимъ, вмѣсто денежной подати, взять съ поселянъ по раскладкѣ гражданскаго начальства произведеніями земли, коихъ потребуетъ главнокомандующій. Ему одному предоставилъ я власть въ отношеніи оныхъ доходовъ, дѣлать уменьшенія или прибавки, сообразуясь въ первомъ случаѣ съ положеніемъ жителей, а во второмъ—съ крайнею пользою или неизбѣжною надобностію для арміи нашей. Благоразуміе требуетъ, дабы вы, доколѣ не ознакомитесь и съ лицами и съ дѣлами, оставили всякаго высшаго и нижняго чиновника при ихъ мѣстахъ. Остерегаясь крайне отъ свойственныхъ тамошнему дворянству искательствъ, внушеній и неосновательныхъ доносовъ, къ чему сдѣлало оно сильной навыкъ, по существующему тамъ обыкновенію смѣнять часто лица, дабы дать другимъ мѣста, кои всегда отрываютъ возможность злонамѣренными средствами обогащаться. Извѣстно, что и по судной части существуютъ несправедливости, но не въ той высокой степени, какъ по сборамъ и полиціи. Сіи двѣ послѣднія части внутри княжествъ состоятъ въ вѣдѣніи исправниковъ. Они часто въ селеніи показываютъ 20 дымовъ, гдѣ оныхъ 28 и доходъ съ утаенныхъ восьми обращаютъ въ свою пользу; они вмѣсто тысячи подводъ, требуемыхъ съ уѣзда, наряжаютъ самымъ дерзкимъ образомъ 2 т. и половинѣ позволяютъ откупаться довольно высокою цѣною; имѣнія лицъ, занимающихъ высшія должности, самовольно освобождаютъ отъ всякой повинности и тѣмъ самымъ обращаютъ всю тягость оной на другія имѣнія.

Таковыя дѣйствія, касающіяся и до чести нашего правленія и до пользы арміи, должно всемѣрно стараться истребить. Вы не оставите обратить самый бдительный надзоръ секретный и по временамъ публичную ревизію, наказавъ строго обличенныхъ въ лихоимствѣ, вы успѣете если не совершенно прекратить, то по крайней мѣрѣ уменьшить оное. Исправники всегда назначались великимъ вестіаромъ. Отъ усмотрѣнія вашего зависитъ, сохранить сей распорядокъ или ввѣрить Дивану опредѣленіе оныхъ по баламъ. Поелику вся отвѣтственность по управленію возлагается на васъ, то справедливость требуетъ не стѣснять васъ въ устройствѣ онаго. А потому разрѣшаю вамъ возстановить порядокъ, во время послѣдней войны съ Турціею существовавшій при предсѣдательствовавшихъ въ Диванахъ относительно исполнительной власти, или же сдѣлать перемѣны, кои покажутся вамъ съ настоя-

щимъ временемъ сообразными. Къ прискорбію должно сознаться, что въ обоихъ княжествахъ дворянство, хотя получило отъ частыхъ съ нами сношеній нѣкоторую степень просвѣщенія, но все гнѣздятся въ немъ пороки, свойственные турецкимъ подданнымъ. Не любовь къ отечеству, не понятія высокія о добродѣтели, но страсть къ стяжанію есть главная цѣль всѣхъ ихъ напряженій. При таковыхъ свойствахъ нужно имѣть внимательный надзоръ не только за низшими, но и за первоклассными боярами, внушая имъ, что одно нхъ благородное поведеніе и безкорыстіе можетъ воздержать отъ злоупотребленій исправниковъ уѣздныхъ и всѣхъ другихъ чиновъ. Но поелику управлять, а также судъ и расправу производить должно чрезъ ихъ посредство, то надлежитъ и вамъ всемѣрно потщиться пріобрѣсти ихъ уваженіе, преданность и довѣріе. Вступивъ въ управленіе княжествами и имѣя въ виду обезпеченіе арміи нашей всѣмъ зависящимъ отъ Молдавіи и Валахіи, вы озаботитесь узнать безъ замедленія о количествѣ сѣна, имѣющагося въ землѣ, и распорядите перевозку части онаго, потребной для войскъ нашихъ, къ тѣмъ пунктамъ, кои укажетъ главнокомандующій, и въ то же время займетесь собраніемъ вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о количествѣ всякаго рода хлѣба, который можно пріобрѣсти покупкою, а равно о числѣ и состояніи мельницъ, въ разныхъ уѣздахъ имѣющихся, и обо всемъ донесете главнокомандующему, дабы онъ былъ извѣстенъ о всѣхъ средствахъ, въ землѣ существующихъ для вящаго обезпеченія продовольствія войскъ.

Естьли бы главнокомандующій призналъ нужнымъ собрать съ поселянъ разнаго рода хлѣбъ, вмѣсто податей, то вы не оставите съ мѣстнымъ начальствомъ сдѣлать самую справедливѣйшую раскладку и употребите всѣ старанія ваши, чтобъ требованія были употреблены съ должною точностію. Вы удостовѣритесь также, откуда, сколько и по какой цѣнѣ можно получать рогатаго или мелкаго скота для мясной порціи солдатамъ, и примете мѣры, чтобъ во всѣ мѣста, гдѣ будутъ расположены полки, а особливо главная квартира, привозили обыватели всякіе жизненные припасы для продажи, и по всѣмъ симъ предметамъ вообще, какъ и по другимъ возложеннымъ на васъ отъ главнокомандующаго порученіямъ вы не оставите содѣйствовать всевозможнымъ усердіемъ и дѣятельностію вашею. Доходящія до васъ жалобы, противу войскъ нашихъ, доводите немедленно до свѣдѣнія главнокомандущаго, узнавъ предварительно основательность оныхъ, и въ то же время старайтесь повсюду соблюдать добрый порядокъ и тишину.

Для состава канцеляріи вашей, я поручилъ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ назначить къ вамъ чиновниковъ, въ нужномъ числѣ, изъ состоящихъ при константинопольской нашей миссіи и консульствахъ, и отличныхъ по своихъ способностяхъ, ибо по знанію ими

обычаевъ земли и языковъ, тамъ употребляемыхъ, они болѣе другихъ могутъ съ пользою заниматься дѣлами, отъ васъ на нихъ возлагаемыми.

Въ заключеніе долженъ я сказать, что по невозможности предусмотрѣть всѣ случаи, затруднительно также преподать вамъ подробныя на все наставленія; а предоставляю вамъ, подъ руководствомъ главнокомандующаго, слѣдовать внушеніямъ совѣсти вашей и благоразумной осторожности, имѣя всегда въ виду, во-первыхъ, пользу арміи нашей, во-вторыхъ, благосостояніе жителей ввѣряемыхъ вамъ княжествъ.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ III [1]).

ГЛАВА IX.

Служебный міръ.—Неопредѣленность моего положенія въ первое время.—Мои недоумѣнія.—Князь влюбился въ Ха—ова.—Основанное ими „Министерство прогресса“.—Громадное уголовное дѣло, порученное мнѣ княземъ.—Совокупная наша съ Крузенштерномъ битва противъ князя по другому уголовному дѣлу.—Майскій праздникъ чиновниковъ.—Мой дебютъ по части кутежей.—Сатгаръ, знаменитый персидскій пѣвецъ.—Первое знакомство съ тифлисскими жарами.—Туземные менестерли или импровизаторы.—Туземныя понятія о чистотѣ.—Появленіе холеры.—Рѣшимость моя переѣхать на дачу.

Мнѣ кажется, что я не только достаточно, но ужъ чрезчуръ много занимался портретами различныхъ личностей, съ которыми судьба свела меня на Кавказѣ. Все, что только было замѣчательнаго тамъ по этой части, по крайней мѣрѣ на мои глаза, выведено на сцену. Если же кто-нибудь и остался, противъ моей воли, за сценой, то надѣюсь, въ послѣдующихъ разсказахъ о тифлисской жизни и службѣ, вызвать и этихъ забытыхъ и пропущенныхъ на свѣтъ Божій; а теперь обращаюсь къ сферѣ административной, гдѣ мнѣ суждено было занять опредѣленное мѣсто.

Это опредѣленное положеніе занято мною далеко не съ перваго раза, напротивъ, первые мои шаги были очень неопредѣленны и не имѣли не только ничего блестящаго, но даже представляли много шаткаго, стѣснительнаго для моего самолюбія. Выше я сказалъ уже, что самъ князь, конечно, тончайшимъ образомъ, далъ мнѣ понять, что прежнія петербургскія интимныя наши отношенія должны быть сдержаны. Подъ влія-

[1]) См. „Русск. Старину“ ноябрь, 1897 г.

ніемъ этого намека я долженъ былъ скромно вступить въ мою вице-директорскую должность.

Когда я сталъ разбирать и узнавать, что дѣлали мои предшественники, прежніе вице-директоры, оказалось, что они почти ничего не дѣлали, по крайней мѣрѣ рѣшительно не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій и обязанностей. Я не хотѣлъ оставаться въ такомъ безличномъ состояніи и отдѣлилъ себѣ ясно ту часть занятій, которая принадлежитъ вице-директору по Своду Законовъ, о чемъ былъ составленъ и представленъ князю особый докладъ. При утвержденіи этого доклада князь выразилъ желаніе, чтобы вообще всѣ бумаги по канцеляріи проходили чрезъ мои руки. На этомъ основаніи я долженъ былъ, во-первыхъ, вскрывать и читать всю массу бумагъ, поступавшихъ въ канцелярію и, передавая ихъ Крузенштерну, высказывать по важнѣйшимъ изъ нихъ свое мнѣніе, во-вторыхъ, читать всѣ бумаги, заготовляемыя по канцеляріи, и передавать относительно ихъ также свой взглядъ Крузенштерну, и въ третьихъ, подписывать различныя подтвержденія и требованія, которыя принято посылать за подписью вице-директора.—Дѣятельность, очевидно, была закулисная, такъ сказать, непредставлявшая никакой рельефности и самостоятельности.

Такое положеніе продолжалось довольно долго, и не скажу, чтобы оно меня очень огорчало, скорѣе оно ставило меня втупикъ и большое недоумѣніе. Неужели, думалъ я, князь выписалъ меня, противъ моей воли для того, чтобы подписывать подтвержденія и быть, такъ сказать, суфлеромъ Крузенштерну. Соображая эти отзывы, самыя упорныя настоянія князя, чтобъ я перешелъ на Кавказъ, не менѣе упорныя настоянія, послѣ моего назначенія туда, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ, я полагалъ, что все это имѣетъ связь съ испрошеннымъ имъ правомъ преобразовать гражданское управленіе на Кавказѣ, для чего, дѣйствительно, онъ могъ имѣть настоятельную необходимость въ человѣкѣ, знакомомъ съ его государственными взглядами, съ общими основаніями нашей администраціи и особенно съ устройствомъ министерствъ и опытномъ въ законодательныхъ работахъ. Я такъ былъ увѣренъ въ непогрѣшимости моихъ предположеній, что рѣшительно высказывалъ ихъ, въ Петербургѣ, предъ моимъ отъѣздомъ на Кавказъ.

Какъ я сказалъ уже, съ моимъ пріѣздомъ въ Тифлисъ, они не осуществились; по крайней мѣрѣ не осуществились тотчасъ, какъ я ожидалъ. Этого мало. Въ то время, какъ я сидѣлъ въ канцеляріи и читалъ груды разнаго письменнаго вздору—въ мірѣ гражданскомъ стала пріобрѣтать большое значеніе, къ общему изумленію, такая личность, отъ которой никакъ нельзя было ожидать такой прыти. Личность эта была—Х. Его я зналъ еще нѣкогда въ Петербургѣ, хотя не былъ знакомъ съ нимъ лично. Онъ сдѣлался извѣстнымъ въ Петербургѣ по необычайной страсти къ пѣнію, которая побуждала его участвовать всюду, гдѣ только

участіе его было принимаемо. Служебное его положеніе въ Петербургѣ было неважное, вслѣдствіе чего, по собственнымъ его словамъ, онъ терпѣлъ большую нужду. Первоначально онъ служилъ въ какомъ-то изъ департаментовъ военнаго министерства, въ какомъ, ужъ не помню; когда я оставилъ мѣсто начальника отдѣленія въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, онъ, какъ самъ потомъ мнѣ разсказывалъ, сильно добивался этого мѣста, но безуспѣшно; потомъ ему удалось какъ-то пристроиться въ Кавказскомъ комитетѣ, подъ крыломъ добрѣйшаго изъ добрѣйшихъ Буткова. Осаждаемый различными недугами, онъ просто погибалъ въ петербургскомъ климатѣ, который, для спасенія его, требовалось во что бы то ни стало перемѣнить. Добрый Бутковъ, устроилъ такъ, что его отправили на Кавказъ управлять казенною палатою. Мѣсто это онъ какъ-то ухитрился скоро потерять, но потомъ, какъ-то поправился и опять занялъ его. Этихъ подробностей я ужъ не помню; дѣло въ томъ, что и князь и я по пріѣздѣ на Кавказъ нашли его предсѣдателемъ закавказской казенной палаты.

Два обстоятельства обратили на него вниманіе Барятинскаго: во-первыхъ, когда князь, только назначенный кавказскимъ намѣстникомъ, сильно слѣдилъ за впечатлѣніями, какія это назначеніе производило на Кавказѣ, ему сдѣлалось извѣстнымъ, что въ день полученія извѣстія объ этомъ въ Тифлисѣ, какая-то компанія, по какому-то случаю, гдѣ-то сильно пировала. Когда это извѣстіе раздалось среди этой подгулявшей компаніи, многіе изъ ея членовъ вышли на балконъ и торжественно пили здоровье князя; въ числѣ ихъ былъ и Х., который, кажется, спѣлъ даже какую-то кантату, приличную случаю. Этого было достаточно, чтобы выиграть въ глазахъ князя, точно такъ-же, какъ достаточно было извѣстной фразы, сказанной мнѣ графомъ Саллогубомъ въ Павловскѣ, чтобы предоставить ему при князѣ выгодное и почетное положеніе, точно такъ-же, какъ было достаточно для одного промотавшагося московскаго купца, попавшаго на Кавказъ, Б—ва, одной или двухъ востороженныхъ статей о новомъ намѣстникѣ, чтобъ получить выгодное положеніе редактора Кавказской газеты, которое онъ занималъ все время до моего отъѣзда съ Кавказа, къ общему неудовольствію, и моему въ особенности, потому что газета издавалась при одномъ изъ учрежденій, которыми я завѣдывалъ и именно при департаментѣ общихъ дѣлъ. Во-вторыхъ, отрѣшившись отъ всѣхъ министерствъ, князь задумалъ отдѣлиться и отъ министерства финансовъ, чтобы, самостоятельный во всѣхъ другихъ частяхъ администраціи, онъ имѣлъ возможность такъ-же самостоятельно распоряжаться и деньгами въ кругу своего намѣстничества. Для осуществленія этой идеи требовались различныя числовыя данныя: сколько край приноситъ доходу, какія статьи расхода можно обратить на этотъ доходъ съ правомъ независимаго ими распоряженія и наконецъ, по какимъ статьямъ должно приплачивать государственное казначейство? Какъ

ни былъ слабъ Х—въ въ обширномъ финансовомъ значеніи, все-таки онъ былъ единственный финансистъ на Кавказѣ, способный, худо ли, хорошо ли, отвѣчать на всѣ эти вопросы и вообще разработать основную идею князя. Онъ сталъ составлять безчисленныя вѣдомости, носить ихъ князю и восторгаться этою идеею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заявилъ князю, что при тѣхъ важныхъ занятіяхъ, которыми онъ лично удостоиваетъ его, онъ уже не въ состояніи заниматься палатою.

Я уже не разъ заявлялъ основную черту характера князя, что когда онъ задумаетъ провести какую-нибудь идею, то никакія препятствія его остановить не въ состояніи: онъ готовъ на все, чтобы побороть или устранить ихъ. Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ, если бы Х—въ заявилъ, что ему для продолженія этихъ занятій необходимо быть камергеромъ, кавалеромъ Георгія или построить особое зданіе, князь согласился бы на все, лишь бы дѣло, имъ задуманное, шло не останавливаясь. Само собою разумѣется, что князь и минуты не задумался освободить Х—ва отъ палаты, предоставивъ ему же образовать такое учрежденіе, въ которомъ бы разработывались собственныя идеи князя, и представивъ его въ то же время къ назначенію въ члены совѣта.

Х—въ образовалъ изъ своихъ пріятелей особое учрежденіе, которому и присвоилъ оригинальнѣйшее названіе: «Временнаго отдѣленія по дѣламъ гражданскаго устройства края». Въ то же время учрежденіе это носило другое, частное наименованіе, кажется, самимъ княземъ придуманное: «Министерства прогресса». Замашки этого учрежденія на первое время были страшно широки и величественны. Поставленное въ личныя отношенія къ князю, оно самоувѣренно смотрѣло на самую канцелярію намѣстника, по поводу чего произошло тотчасъ нѣсколько столкновеній. Оно потребовало отовсюду всѣ проекты и предположенія, какія только существовали гдѣ-нибудь. Князь нянчился съ Х—вымъ съ тою горячностью, съ которою онъ всегда привязывался къ нѣкоторымъ новымъ личностямъ. Х—въ былъ у него на первомъ планѣ. Я помню, когда, съ наступленіемъ страстной недѣли, намѣстникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ мы, приближенные, начали говѣть, князь, бывало, въ продолженіе церковной службы подзоветъ къ себѣ нѣсколько разъ Х—ва, который, поправляя свои очки, торжественно къ нему подлеталъ и столь же торжественно отъ него отлеталъ. Однимъ словомъ, Х—въ переживалъ тутъ лучшія минуты своего величія, и нѣтъ сомнѣнія, что никогда, ни прежде, ни послѣ, громадное тщеславіе его не находило болѣе полнаго удовлетворенія. На всю эту процедуру я смотрѣлъ съ сильнымъ недоумѣніемъ, хотя въ душѣ питалъ полнѣйшую увѣренность, что явленіе это недолговѣчно и что князь, такъ легко увлекаемый новизною, такъ же легко и разстается съ нею. Послѣдствія вполнѣ оправдали эту увѣренность.

Въ одно время съ учрежденіемъ этого «Министерства прогресса»

въ Тифлисѣ производило страшнѣйшій шумъ одно уголовное дѣло. Сущность его состояла въ томъ, что въ столицѣ Грузіи производились величайшія воровства и грабежи, страшные и замѣчательные потому особенно, что совершались съ неслыханною ловкостью и смѣлостью. Городъ былъ сильно взволнованъ. Никакія предосторожности не въ состояніи были обезопасить гражданъ. Ясно было, что образовалась какая-то огромная шайка самыхъ искуснѣйшихъ мастеровъ этого дѣла, предводительствуемая геніальнѣйшимъ мошенникомъ. Конецъ концовъ, однако-же, былъ тотъ, что нѣкоторые члены этого почтеннаго общества попались и выдали своихъ товарищей и своего начальника. Начальникомъ этимъ былъ знаменитый по всему Кавказу Іа-Швили, дворянинъ. На первыхъ же допросахъ этотъ художникъ показалъ, что все его общество организовано однимъ изъ членовъ полиціи, частнымъ приставомъ Дроздовскимъ, который постоянно и руководилъ имъ, а что онъ, Іа-Швили, и всѣ его товарищи были простыми исполнителями инструкцій Дроздовскаго. Все это было разсказано подробно, естественно и мѣстами даже драматически. Дроздовскій, разумѣется, посаженъ въ тюрьму. Началось громадное изслѣдованіе; одинъ слѣдователь замѣнялся другимъ; факты, выведенные однимъ слѣдствіемъ, опровергались фактами другаго слѣдствія. Потомъ пошло назначеніе слѣдственныхъ коммисій, изъ которыхъ предыдущая обвинялась послѣдующею; однимъ словомъ, исписаны были томы бумаги, которые представляли страшную чепуху и путаницу, что̀ и не было удивительно, если принять во вниманіе, что Дроздовскій былъ ловкій и умный человѣкъ, а Іа-Швили почти ежедневно давалъ различныя показанія, одно другому противорѣчащія, въ чемъ значительно подражали ему и достойные его сотоварищи. Наконецъ слѣдственное дѣло, состоящее изъ множества частей, пройдя всевозможныя мытарства, поступило на разсмотрѣніе совѣта намѣстника.

Тутъ произошло по истинѣ столпотвореніе вавилонское! Почти каждый членъ имѣлъ свой отдѣльный взглядъ на дѣло, и мнѣнія раздѣлились самымъ скандальнымъ образомъ. Одни обвиняли Дроздовскаго, другіе—Іа-Швили, третьи, наконецъ, слѣдователей и слѣдственныя коммисіи. Въ этомъ хаосѣ различныхъ мнѣній большинство, однако, держалось стороны спеціальнаго кавказскаго юриста, князя Георгія Мухранскаго, который находилъ, что виновникъ—Дроздовскій и что его именно надлежитъ вельми предать суду. Жители города волновались страшно, имѣя личныя связи со всѣми, кто, такъ или сякъ, былъ замѣшанъ или заинтересованъ въ этомъ достопамятномъ дѣлѣ. Сдѣлавшись тифлисскимъ гражданиномъ и однимъ изъ значительныхъ лицъ туземнаго гражданскаго міра, я не могъ быть чуждъ различныхъ толковъ по этому дѣлу, хотя, конечно, не имѣлъ никакихъ побужденій принимать ихъ близко къ сердцу. Когда говорили о разногласіи, суще-

ствующемъ въ совѣтѣ, мнѣ приходило въ голову, какъ трудно будетъ для князя, такъ мало знакомаго съ этими сложными слѣдственными дѣлами, рѣшить дѣло, обращающее на себя всеобщее вниманіе, когда оно будетъ представлено ему съ противоположными мнѣніями членовъ совѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ я думалъ, не попало бы это дѣло, въ заключеніе, въ мои руки?

Къ изумленію всего Тифлиса, это предположеніе тотчасъ оправдалось. Когда Крузенштернъ принесъ князю громаднѣйшую записку совѣта и доложилъ о совершенномъ раздѣленіи голосовъ, князь пригласилъ меня къ себѣ и передалъ мнѣ эту записку съ порученіемъ разсмотрѣть дѣло и сдѣлать ему докладъ. Я понималъ всю важность сдѣланнаго мнѣ порученія, и, не ограничиваясь переданною мнѣ запискою, вытребовалъ къ себѣ безчисленныя томы подлиннаго слѣдственнаго дѣла и заперся съ нимъ. Въ то же время я сталъ получать со всѣхъ сторонъ предложенія сообщить мнѣ различныя дополнительныя свѣдѣнія по этому дѣлу, бросающія на него особенно яркій свѣтъ, и просьбы лично выслушать того или другаго изъ представителей различныхъ партій. Само собою разумѣется, что всѣ эти просьбы и предложенія были мною устранены. При личномъ свиданіи съ личностями, которыя ихъ дѣлали, я старался наилюбезнѣйшимъ образомъ объяснить исключительность моего положенія, священную, можно сказать, обязанность поступить по совѣсти и по крайнему моему разумѣнію, для чего необходима мнѣ полнѣйшая независимость отъ всякаго предубѣжденія и посторонняго вліянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поставлялъ этимъ господамъ на видъ, что было бы недобросовѣстно и несправедливо съ моей стороны выслушать доводы только одной какой-либо стороны, а выслушивать всѣ стороны я не имѣю никакого права, и это было бы, такъ сказать, повѣркою всѣхъ произведенныхъ слѣдствій, что выходитъ вовсе изъ границъ сдѣланнаго мнѣ княземъ порученія.

Затѣмъ я буквально углубился въ сущность этого запутаннаго дѣла и старался изучить его во всѣхъ его подробностяхъ и видоизмѣненіяхъ, что оказалось совершенно необходимымъ потому, что когда я читалъ и перечитывалъ одну записку, у меня образовывалось одно мнѣніе, а когда сталъ изучать подлинныя слѣдствія, стало образовываться другое, совершенно противоположное. При этомъ я положительно убѣдился, что никто изъ членовъ совѣта и не заглядывалъ въ эти огромные томы и потому всѣ они имѣли, въ запискѣ, очень шаткую почву. Когда посредствомъ выметокъ, выписокъ, повѣрокъ, сличеній я окончательно уловилъ, такъ сказать, начало, связь, послѣдовательность этого необычайно сложнаго и темнаго дѣла, я рѣшился доложить князю, что я готовъ изложить ему исторію дѣла и мой взглядъ на него.

Никакого письменнаго доклада я не составлялъ и не представлялъ

ему. Это была, сколько припомню, вербная суббота. Князь съ обычною деликатностью сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ. Ожидаю вашего доклада съ нетерпѣніемъ. Когда же? Сегодня надо идти ко всенощной. Впрочемъ, и это будетъ богоугодное дѣло. Я готовъ сегодня же въ 6 часовъ. Не знаю какъ вы?

Разумѣется, я отвѣчалъ, что все зависитъ отъ его воли.

— Ну и прекрасно,—сказалъ князь,—приходите въ 6 часовъ. Я буду васъ ожидать.

Между тѣмъ, разсматривая это дѣло, я часто останавливался на той мысли, что у меня нѣтъ никакого юридическаго авторитета, а князю и подавно извинительно не имѣть никакой опытности въ подобныхъ дѣлахъ; между тѣмъ мы оба будемъ разбирать и рѣшать одно изъ замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Какъ бы справедливо ни рѣшили мы это дѣло, думалъ я, во всякомъ случаѣ, при множествѣ различныхъ взглядовъ на него и при существованіи различныхъ партій, на насъ неминуемо падутъ нареканія, что мы взялись не за свое дѣло и не могли дать вѣрнаго и справедливаго рѣшенія. Такія послѣдствія не могли быть пріятны ни для князя, ни для меня, и потому слѣдовало отвратить ихъ. Въ этихъ соображеніяхъ я сказалъ князю:

— Ваше сіятельство! я считаю долгомъ предупредить васъ, что мое мнѣніе совершенно противоположно мнѣнію большинства членовъ совѣта, а такъ какъ это мнѣніе основано на мнѣніи князя Мухранскаго, то не изволите ли признать полезнымъ, чтобы и онъ присутствовалъ при моемъ докладѣ. Изъ того, что мы будемъ оба говорить, ваше сіятельство тотчасъ увидите, на чьей сторонѣ правда!

Князь молча посмотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ, потомъ молча подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Очень, очень благодарю! Напишите князю, чтобы тоже былъ здѣсь въ 6 часовъ.

Очевидно было, что мысль эта чрезвычайно понравилась князю; можно даже думать, что онъ самъ имѣлъ ее, но изъ деликатности не рѣшался мнѣ ее высказать, опасаясь задѣть мое самолюбіе. Предложеніе мое пролагало ему вѣрный путь къ истинѣ, потому что никто такъ быстро не схватывалъ сущность дѣла, какъ онъ; для этого ему нужно было только прислушаться къ различнымъ толкамъ, а я здѣсь самъ шелъ на борьбу и даже съ самымъ сильнѣйшимъ оппонентомъ.

Въ назначенный часъ мы съѣхались у намѣстника съ княземъ Мухранскимъ и тотчасъ приглашены были къ нему въ кабинетъ. Сказавъ нѣсколько любезностей князю Мухранскому насчетъ предстоящей борьбы со мной, князь пригласилъ меня начать мой докладъ. Обложенный подлинными дѣлами на случай всевозможныхъ справокъ, я началъ

свои опроверженія фактовъ, изложенныхъ въ запискѣ совѣта; князь Мухранскій сталъ возражать; я направлялъ на него подлинныя показанія и другія свѣдѣнія. Бой загорался! Въ изложеніи своего доклада я долженъ былъ слѣдовать тому порядку, въ какомъ изложена записка совѣта; но порядокъ этотъ, понятный князю Мухранскому, вовсе не былъ удобенъ для того, чтобы намѣстникъ могъ ясно усвоить себѣ сущность дѣла. Послѣ нѣсколькихъ минутъ взаимныхъ нашихъ пререканій, гдѣ вся выгода была уже очевидно на моей сторонѣ, князь сказалъ:

— Все это прекрасно; но я желалъ бы, чтобы мнѣ въ сжатомъ видѣ было изложено главное существо дѣла, безъ этихъ подробностей. Только я не знаю: можно ли это сдѣлать?

— Я могу,—смѣло отвѣчалъ я и, съ обычною въ подобныхъ случаяхъ энергіею, изобразилъ князю самыя рельефныя черты этого дѣла и отношенія къ нему различныхъ личностей.

Рѣчь моя текла, какъ выученный урокъ, и прежде, нежели доведена была до конечныхъ результатовъ, князь, съ свойственною ему одному прозорливостью, схвативъ всѣ нити этой запутанной исторіи, остановилъ меня.

— Покорно васъ благодарю; я теперь совершенно понялъ сущность дѣла,—сказалъ онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обратившись къ князю Мухранскому, сталъ излагать ему уже свои выводы и соображенія, которыя мгновенно сложились въ его великолѣпной головѣ.

Надо было видѣть, съ одной стороны, свѣтлыя лучи, которыя онъ бросалъ на наиболѣе темныя части дѣла и развивалъ путаницу, въ которой оно казалось недоступнымъ пониманію, а съ другой—ту деликатность, съ которою онъ, разбивая мнѣніе, котораго держался князь Мухранскій и его единомышленники, ставилъ на мѣсто его взгляды, мною и имъ усвоенные. Съ той минуты, какъ князь сталъ самъ говорить, я сдѣлался, со всѣми моими томами, совершенно ненужнымъ; я только любовался выводами князя, сознаваясь внутренно, что я никогда не представилъ бы ихъ такъ блистательно, такъ неопровержимо, какъ это сдѣлалъ князь. Конецъ концовъ былъ тотъ, что на журналѣ совѣта князь написалъ именно то рѣшеніе, какое я считалъ справедливымъ. На основаніи этого рѣшенія, Дроздовскій и нѣкоторыя другія личности освобождались отъ суда и всякаго преслѣдованія.

Умный, ловкій, хитрый князь Мухранскій понималъ хорошо свое положеніе; раздѣлялъ или не раздѣлялъ онъ наши воззрѣнія, во всякомъ случаѣ онъ разыгралъ роль побитаго оппонента съ величайшимъ искусствомъ; не сдаваясь безусловно, онъ дѣлалъ нѣкоторыя возраженія, но такія любезныя и гибкія, что, по существу своему, они не только не затрудняли князя, но доставляли ему пріятную и несомнѣнную возможность тотчасъ опровергать ихъ; справедливость требуетъ сказать, однако,

что такая роль вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ князь Мухранскій находился къ дѣлу, ибо на первыхъ же порахъ обнаружилось, что онъ и не заглядывалъ въ подлинныя дѣла, а ограничивался одною запискою, составленною въ совѣтѣ, тогда какъ я, а за мною и князь, были сильны именно изученіемъ подлинныхъ фактовъ. Слѣдовательно, не имѣя этой твердой почвы, онъ долженъ былъ думать о томъ только, какъ бы отступить приличнѣе, безъ скандала.

Какъ бы то ни было, я никакъ не могъ разсчитывать, чтобы это первое служебное мое столкновеніе съ княземъ Мухранскимъ оставило въ немъ выгодное для меня впечатлѣніе и могло содѣйствовать доброму его ко мнѣ расположенію; но я объ этомъ мало заботился, и въ полнѣйшемъ торжествѣ возвратился домой, довольный, съ одной стороны, тѣмъ, что снова отличился предъ глазами князя, да еще въ такомъ спеціальномъ, довольно чуждомъ для меня дѣлѣ, а съ другой—тѣмъ, что побѣда неминуемо возвыситъ меня въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Я тотчасъ сообщилъ рѣшеніе князя главнѣйшимъ лицамъ изъ той огромной партіи, которую оно удовлетворило. На другой же день я былъ осыпанъ со всѣхъ сторонъ всевозможными поздравленіями, а Дроздовскій и другія личности, спасенныя мною, какъ я ни отбивался, горячо благодарили меня. Большинство, очевидно, было на моей сторонѣ; въ то же время я видѣлъ, что служебное мое значеніе сильно поднялось и обратило на меня общее вниманіе.

Здѣсь я позволяю себѣ привести другое подобное обстоятельство. Различіе состояло въ томъ только, что въ разсказанномъ мною дѣлѣ я дѣйствовалъ открыто и открыто боролся съ княземъ Мухранскимъ, имѣя защитникомъ и союзникомъ самого намѣстника; здѣсь же, напротивъ, надо было, оставаясь за сценой, бороться съ самимъ княземъ, выпуская противъ него Крузенштерна.

Дѣло состояло въ томъ, что какіе-то два Мирзоева вели страшную наслѣдственную вражду, одну изъ тѣхъ, которыхъ такъ много на Кавказѣ. Одинъ изъ этихъ Мирзоевыхъ умеръ и погребенъ съ приличнымъ торжествомъ; чрезъ нѣсколько дней оказалось, что могила его взрыта, тѣло вынуто и обезчещено тѣми способами и пріемами, какіе тамъ употребляются для этого. Возгорѣлось необъятное дѣло; слѣдствія слѣдовали одно за другимъ. Въ самомъ началѣ живой врагъ мертваго засаженъ въ тюрьму, гдѣ и страдалъ много лѣтъ; дѣло тянулось и, заключая множество поводовъ къ различнымъ подозрѣніямъ, не приводило ни къ чему ясному, фактическому. Наконецъ, при мнѣ уже, учреждена, по высочайшему повелѣнію, новая слѣдственная коммисія и предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Старицкій.

Дѣло это также производило страшный шумъ и толки въ городѣ, раздѣляя его на различныя партіи. Одни стояли за заключеннаго

Мирзоева и считали совершенно незаконнымъ томить его продолжительное время въ тюрьмѣ потому только, что правительство не умѣетъ разобрать: правъ онъ или виноватъ? Другіе были противъ него. При огромномъ родствѣ Мирзоевыхъ эти разнородные мнѣнія и взгляды волновали весь городъ. Волей-неволей и я долженъ былъ выслушивать ихъ. Мнѣ также казалось не совсѣмъ справедливымъ по одному только подозрѣнію держать нѣсколько лѣтъ человѣка въ тюрьмѣ, что само по себѣ составляетъ уже весьма тяжкое наказаніе. Поэтому у меня явилось желаніе направить это дѣло на болѣе законный путь.

Такъ какъ арестованіе или оставленіе на свободѣ лицъ, причастныхъ къ дѣлу, зависитъ отъ слѣдователей, то съ назначеніемъ Старицкаго предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи я обратилъ его вниманіе на этотъ предметъ и просилъ его предварительно удостовѣриться: можетъ ли Мирзоевъ быть освобожденъ изъ тюрьмы? Когда Старицкій далъ мнѣ утвердительный отвѣтъ, я повторилъ вопросъ мой оффиціально и, по полученіи отъ него также оффиціальнаго отзыва, предложилъ Крузенштерну представить князю докладъ объ освобожденіи Мирзоева. Докладъ былъ представленъ и утвержденъ княземъ, который или считалъ его совершенно справедливымъ или, вѣрнѣе, не обратилъ на него вниманія въ огромной массѣ другихъ бумагъ и докладовъ. Но едва только Мирзоевъ былъ освобожденъ, какъ князь, узнавъ объ этомъ, выразилъ Крузенштерну довольно непріятнымъ образомъ свое удивленіе и далъ суровое приказаніе вновь засадить Мирзоева.

Здѣсь-то и началась борьба наша съ княземъ. Я сказалъ уже, что у Мирзоева было много противниковъ. Къ числу ихъ принадлежала одна барыня, которую, ужъ не знаю за что и почему, всѣ называли «тетушкой». Эта тетушка была близка ко двору намѣстника и едва только узнала объ освобожденіи Мирзоева, какъ атаковала его своими бабьими слезами и жалобами на такое беззаконное распоряженіе. Эти преимущественно жалобы и были причиной суроваго приказанія князя. Апатичный, равнодушный Крузенштернъ, разумѣется, принялъ его къ обычному исполненію. Я смотрѣлъ на это обстоятельство совершенно иначе и старался объяснить Крузенштерну, сколько можно рельефнымъ образомъ, что здѣсь представляются два вопроса громадной важности какъ для князя, такъ и для насъ съ нимъ; первый вопросъ состоитъ въ томъ, желаетъ ли князь быть деспотомъ и свой произволъ ставить выше законовъ, такъ какъ освобожденіе Мирзоева сдѣлано на основаніи закона, а засадить его вновь предстоитъ чисто по одному произволу князя. Я убѣждалъ Крузенштерна, что представить этотъ вопросъ князю составляетъ нашъ прямой долгъ, какъ ближайшихъ его сотрудниковъ, тѣмъ болѣе, что онъ рѣшительно не знаетъ всей важности вмѣшательства административной власти въ область судебныхъ дѣлъ. Второй во-

просъ заключается въ томъ, дѣйствительно ли мы имѣемъ значеніе настоящихъ сотрудниковъ князя, на которыхъ лежитъ нѣкоторымъ образомъ часть моральной отвѣственности за законность и справедливость его дѣйствій, или въ глазахъ его мы ничтожныя пѣшки, искреннія убѣжденія которыхъ совершенно ничто сравнительно съ нелѣпой просьбой какой-нибудь бабы! Я убѣждалъ Крузенштерна, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ имѣетъ величайшую важность и для князя и для насъ съ нимъ, объяснивъ разъ навсегда наше положеніе и наши отношенія.

Крузенштернъ съ какимъ-то страдательнымъ видомъ слушалъ меня; ясно было, что, съ одной стороны, онъ признавалъ справедливость моихъ доводовъ и никакъ не могъ остаться равнодушнымъ къ нимъ, а съ другой, что задача, мною предлагаемая, превосходитъ его средства. Но мои настоянія были такъ сильны и энергичны, что онъ не могъ держаться противъ нихъ и далъ мнѣ слово переговорить съ княземъ.

Увы! переговоры эти произошли, но не только безъ успѣха, но съ большимъ пораженіемъ бѣднаго Крузенштерна. По его словамъ, князь ничего не хотѣлъ слушать, сердился, что его воля не тотчасъ исполнена, и подтвердилъ данное имъ приказаніе. Крузенштернъ былъ смущенъ въ высшей степени. Несмотря на это, сознавая правоту нашего дѣла, я старался пробудить его энергію и по опыту зная, какъ затруднительны личныя объясненія съ княземъ, когда онъ начнетъ капризничать и упорствовать, я предложилъ Крузенштерну написать энергическое письмо князю, съ изложеніемъ всей важности настоящаго вопроса. Крузенштернъ согласился на эту мѣру, избавлявшую его отъ новаго личнаго пораженія княземъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы я написалъ проектъ письма, который онъ переведетъ по-французски и пошлетъ князю. Такъ все и было сдѣлано.

Понятно, что подъ вліяніемъ сильныхъ убѣжденій я не могъ составить плохаго письма, такъ что Крузенштернъ съ очевиднымъ удовольствіемъ перевелъ его, подписалъ и отправилъ князю. Оба мы оставались въ довольно тревожномъ ожиданіи, чѣмъ разрѣшится затѣянная нами исторія? Разрѣшеніе вышло блистательное въ высшей степени. На другой или на третій день, возвратившись отъ доклада съ сіяющимъ лицомъ, Крузенштернъ повѣдалъ мнѣ, что князь, при самомъ входѣ его въ кабинетъ, обнялъ его и горячо благодарилъ за благородную настойчивость, съ которою онъ представилъ князю сущность и важность дѣла, и въ заключеніе сказалъ, что онъ совершенно соглашается съ доводами, ему представленными, и отмѣняетъ приказанія, имъ данныя. Такимъ образомъ несчастный Мирзоевъ спасенъ отъ новаго заточенія, а мы съ Крузенштерномъ воспользовались случаемъ проявить нѣкоторую самостоятельность и сказать князю нѣсколько смѣлыхъ словъ.

Обращаясь собственно къ канцеляріи намѣстника, въ комнатахъ которой я ежедневно засѣдалъ, я долженъ замѣтить, что въ составѣ ея я видѣлъ много великолѣпныхъ чиновниковъ, такъ что по числу и даровитости ихъ, этой канцеляріи могли бы позавидовать многіе и многіе изъ петербургскихъ департаментовъ. Сначала такое явленіе значительно удивляло меня, ожидавшаго найти тамъ и бѣдный составъ, и допотопные пріемы по части дѣлопроизводства; но потомъ мнѣ стало ясно, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ съѣзжались дѣловые люди на Кавказъ, явленіе это было совершенно естественно, ибо на Кавказъ отправлялись люди, увѣренные въ своихъ силахъ; для всякой бездарности подобный рискъ не былъ возможенъ. Первые даровитые люди, прибывшіе на Кавказъ, вытягивали изъ Россіи другихъ, тоже даровитыхъ людей; люди бездарные не могли тамъ имѣть успѣха и укрѣпиться. Такимъ образомъ, міръ чиновниковъ, который я нашелъ тамъ, можно безъ преувеличенія назвать блестящимъ; на первыхъ порахъ я не могъ ни имѣть на этотъ міръ особеннаго вліянія, ни войти съ нимъ въ близкія отношенія.

Сближеніе это произошло вдругъ, внѣ служебной сферы, по слѣдующему случаю. Канцелярія имѣла прекрасный обычай праздновать 1-е мая. Выбирались распорядители, имѣвшіе уже громадную опытность въ подобныхъ дѣлахъ; назначалось мѣсто, гдѣ долженъ происходить праздникъ; составлялась и обсуждалась программа его и затѣмъ дѣлались всѣ практическія распоряженія. Для меня все это было ново и въ высшей степени любопытно.

На этотъ разъ мѣстомъ праздника избранъ былъ Ботаническій садъ, мѣстность дикая, живописная, представляющая поэтическую смѣсь горъ и пропастей, въ которыхъ мѣстами разбросаны гроты, пещеры и тому подобныя искусственныя штуки. Въ общемъ ея видѣ мѣстность эта возвышалась надъ городомъ, такъ что изъ Ботаническаго сада, съ одной стороны его, виденъ былъ весь городъ внизу, а изъ города видна была эта часть сада или, вѣрнѣе сказать, каменная ея ограда. Когда во время пировъ, которые весьма часто совершаются въ Ботаническомъ саду, вся толпа пирующихъ появится на этой сторонѣ съ факелами, разноцвѣтными фонарями, музыкою, пѣснями, то все это представляетъ для города, расположеннаго внизу, такое зрѣлище, которое можетъ выдержать соперничество съ самыми затѣйливыми декораціями талантливаго Роллера, въ предѣлахъ Большаго театра производимыми.

Въ назначенный день и часъ я явился на праздникъ и былъ пораженъ своеобразнымъ изяществомъ внѣшней его обстановки. На платформѣ, едва-ли не единственной во всемъ саду, расположены были столы для обѣда, роскошно убранные зеленью, обремененные различными питіями; подлѣ этой платформы открывался обширный гротъ,

убранный и приготовленный на случай борьбы съ стихіями, если бы таковыя задумали атаковать насъ и нарушить нашъ праздникъ. И тамъ и здѣсь разсыпаны были веселыя толпы чиновниковъ, ожидающихъ пира; мѣстами являлись полковые музыканты, мѣстные музыканты, подъ названіемъ «зурначей», наконецъ знаменитый Саттаръ, туземный пѣвецъ, или вѣрнѣе сказать, персидскій, слава котораго, какъ увѣряли меня, гремѣла во всѣхъ частяхъ свѣта.

Дѣйствительно, въ пѣніи этого персіянина, какъ и въ пѣніи его послѣдователей и подражателей, если мало было, особенно для непривычнаго слуха, пріятнаго, то удивительнаго, просто непостижимаго было бездна. Общій характеръ этого персидскаго пѣнія былъ таковъ, что оно начиналось тихо, слабо, сдержанно и потомъ постепенно усиливалось, разгоралось и достигало самыхъ высокихъ и самыхъ звучныхъ нотъ. Что эти ноты не дешево доставались пѣвцу, можно судить по тому, что въ самой эффектной, энергической части своего пѣнія они всегда закрывали себѣ лицо бубномъ, тарелкой или чѣмъ-нибудь другимъ: неистовые крики, которые они издавали, не могли не безобразить ихъ физіономіи, заставляя ее кривляться и принимать различныя, большею частью отвратительныя, формы. Удивительное состояло въ томъ, что пѣвецъ могъ тянуть звукъ нескончаемымъ образомъ, производя всевозможныя вибраціи, и когда вамъ кажется, что звукъ этотъ, по законамъ дыханія, долженъ прерваться, онъ съ новою силою взовьется вверхъ, потомъ упадетъ, потомъ опять взовьется и такъ безъ конца.

Когда сформировалась въ Тифлисѣ итальянская опера, я часто подводилъ тамошнихъ артистовъ къ подобному пѣвцу и спрашивалъ ихъ отзывовъ объ этомъ своеобразномъ искусствѣ: «C'est ettonant, mais on ne peut rien comprendre!» отвѣчали они. Звуки этого пѣнія до такой степени изломаны, что по моему мнѣнію они совершенно не подчиняются законамъ нашей европейской музыки, что́ доказывается тѣмъ, что внѣ Кавказа мы вовсе не слышимъ туземной музыки. Одинъ только мотивъ этой музыки, представляя пріятную мелодію, способенъ къ уловленію въ обще-музыкальныя формы, это именно тотъ мотивъ, на который въ «Русланѣ и Людмилѣ» поетъ женскій хоръ въ чертогахъ волшебницы Наины; мотивъ страдальческій, щемящій за сердце, какъ и все вообще персидское пѣніе. Тотъ же мотивъ, но только въ болѣе оживленномъ видѣ, положенъ Штраусомъ въ основаніе такъ называемаго персидскаго марша, который въ свое время производилъ много эффекта въ средѣ павловской публики, а потомъ перешелъ и въ полковые наши хоры.

Обращаюсь къ празднику. Когда, наконецъ, всѣ съѣхались, данъ былъ знакъ къ обѣду, и всѣ заняли свои мѣста. Музыка загремѣла, зур-

начи запищали, Саттаръ началъ свои безконечныя рулады, кахетинское вино полилось рѣкой...

Кавказскіе пиры оттого-ли, что совершаются почти всегда подъ открытымъ небомъ, среди зелени, или по вліянію какихъ-либо другихъ мѣстныхъ условій, замѣчательны въ особенности тѣмъ, что они какъ-то сразу производятъ одушевленіе всѣхъ присутствующихъ, не задерживая этого одушевленія, какъ на петербургскихъ обѣдахъ и ужинахъ, къ концу пира.

Прежде нежели перемѣнили первое блюдо, веселье было уже въ полномъ разгарѣ; шумный говоръ, какъ прибой волнъ, стоялъ надъ столами. Я зналъ, что на Кавказѣ мало быть дѣловымъ и способнымъ человѣкомъ—надо было умѣть кутить; но новые товарищи мои познали, что если я не былъ слабъ въ сферѣ перваго рода, то сфера втораго рода для меня было тоже, что для рыбы вода. Я замѣтилъ общее желаніе подвергнуть меня испытанію по этой части, и зная свои силы, смѣло шелъ на это испытаніе. Я принималъ безъ всякихъ протестовъ всѣ предложенія, сопровождаемыя губительными для многихъ: «алла верды!» и атаковалъ самъ другихъ такими же предложеніями.

Операція эта происходитъ такимъ образомъ: если я хочу, напр., показать кому нибудь особенное расположеніе, дружбу, вниманіе, я долженъ взять стаканъ, бокалъ, азарпешу съ виномъ и, обратясь къ этой личности, сказать: «алла верды!» и въ то же время выпить вино. Избранная жертва должна, обязана непремѣнно взять свой бокалъ, или азарпешу, и, сказавъ: «яхчи іолъ!» также осушить то или другое. Понятно, что эти «алла верды» и «яхчи іолъ» сильнѣйшимъ образомъ содѣйствуютъ тому, что кавказскіе пиры, какъ я сказалъ уже, весьма быстро принимаютъ оживленный видъ.

Въ срединѣ обѣда начали провозглашать заранѣе условленные тосты. Когда превозглашено было мое имя, я отвѣчалъ очень удачнымъ спичемъ; меня схватили на руки и по извѣстному обычаю, который впрочемъ никогда мнѣ не нравился, начали качать.

Послѣ обѣда началась лезгинка, прерываемая русскими пѣснями, гдѣ я показалъ также значительную опытность, сформировавъ тотчасъ хоръ и взявъ его себѣ въ полнѣйшую команду, которой всѣ съ удовольствіемъ повиновались.

Съ наступленіемъ сумерокъ зажглась великолѣпная иллюминація, которую самая мѣстность дѣлала восхитительною. Вслѣдъ затѣмъ съ факелами, фонарями, музыкой, пѣснями все общество вышло на ту сторону сада, которая господствовала надъ городомъ.

Когда наша иллюминація начала гаснуть, музыка измучилась, пѣвцы охрипли—составлена программа возвращенія въ городъ. Рѣшено было всей процессіи съ огнями, музыкой, пѣснями—спуститься прямо съ горы

по скалистымъ тропинкамъ и такимъ же образомъ обойти весь городъ. Мирное и сонное населеніе Тифлиса, пробуждаясь отъ грома и треска, съ которымъ мы шествовали, высыпало на балконы, галлереи, крыши и апплодировало намъ. Обойдя главныя улицы города все общество направилось къ дому, гдѣ я жилъ, и, простившись со мною, окончило здѣсь свои похожденія.

Я сказалъ уже, что это было начало мая. Между тѣмъ еще въ апрѣлѣ тифлисскій климатъ давалъ уже себя знать и заставлялъ съ ужасомъ соображать: что же будетъ въ іюнѣ, іюлѣ и далѣе? Я помню, что въ апрѣлѣ былъ какой-то народный праздникъ у Давида. Церковь или даже монастырь св. Давида прилѣпленъ къ верху одной изъ высочайшихъ горъ, окружающихъ Тифлисъ. Церковь эта пользуется особеннымъ почетомъ у тифлисскихъ жителей и, независимо отъ древности, замѣчательна тѣмъ еще, что при ней находится могила Грибоѣдова. Къ церкви ведетъ узкая дорожка по отрогамъ горы. Въ этотъ день праздника весь городъ двинулся въ гору; я рѣшился тоже присоединиться къ толпамъ, ринувшимся туда, и сильно раскаялся. Обнаженная гора рѣшительно была затоплена палящими лучами солнца и подъ этими лучами надобно было взбираться все вверхъ и вверхъ; я страшно измучился и совершенно безплодно, потому что особенно интереснаго ничего не видѣлъ, за исключеніемъ развѣ народныхъ менестрелей, имѣющихъ сходство съ нашими нищими, распѣвающими «Лазаря» на ярмаркахъ и базарахъ. Большею частію слѣпые и старые, они помѣщались въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ, ведущей къ св. Давиду, и подъ звуки какого-то туземнаго инструмента, въ родѣ нашего пастушечьяго рога, распѣвали что-то самымъ монотоннымъ образомъ. Само собою разумѣется, что я не могъ понимать содержанія этихъ пѣсенъ, но судя по тому, что ихъ большею частію окружали народныя толпы и что на лицахъ слушателей было написано живое сочувствіе, нельзя было не заключить, что въ пѣсняхъ ихъ разсказывалось что-то весьма лестное и пріятное народу. И дѣйствительно, какъ мнѣ объяснили потомъ люди опытные, пѣсни эти говорили о славныхъ царяхъ Грузіи, о битвахъ, о богатыряхъ или джигитахъ, живущихъ въ памяти народа. Этого мало. Пѣвцы эти въ то же время были импровизаторы.

Я какъ теперь помню опытъ этой импровизаціи, при мнѣ и для меня собственно произведенный. Послѣ какого-то роскошнаго обѣда у князя Георгія Мухранскаго я и нѣкоторые изъ собесѣдниковъ вышли на балконъ; вмѣстѣ съ нами былъ самъ князь Георгій. Подъ балкономъ тотчасъ явилась партія этихъ пѣвцовъ, которыхъ спеціальное искусство требуетъ непремѣнно поспѣвать и являться туда, гдѣ пируютъ. Отнюдь не должно однако смѣшивать ихъ съ «зурначами», о которыхъ я выше говорилъ и которыхъ заранѣе нанимаютъ, какъ туземныхъ музыкантовъ, тогда какъ

эти пѣвцы—нищіе сами являются съ своими посильными услугами. Когда пѣвцы, стоявшіе подъ балкономъ, затянули свои пѣсни, чуждыя всего музыкальнаго, я нетерпѣливо сказалъ «да что они поютъ такое?»

— Да что хотите,—сказалъ князь.

— Какъ что хотите? возразилъ я,—вѣрно про царя какого!

Нѣтъ!—сказалъ князь,—теперь они про насъ поютъ!

— Вотъ вздоръ! что же они находятъ въ насъ достойнаго воспѣванія, когда совершенно насъ не знаютъ!

— Нѣтъ не вздоръ! сказалъ князь;—хотите они васъ лично будутъ воспѣвать, а я вамъ буду переводить. Давайте что нибудь.

Я вынулъ какую-то ассигнацію и отдалъ князю. Князь передалъ ее грузинамъ и, сказавъ имъ что-то по-грузински, указалъ на меня.

Грузины переглянулись между собою и одинъ изъ нихъ тотчасъ запѣлъ; чрезъ нѣсколько минутъ онъ остановился и запѣлъ другой и такимъ образомъ они чередовались до толѣ, пока князь не сказалъ имъ: довольно! Во всемъ этомъ пѣніи я слышалъ мое имя, часто повторяемое. Когда они остановились, князь съ помощью другихъ туземцевъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, заинтересованныхъ этимъ опытомъ, перевелъ мнѣ слово въ слово всю хвалебную пѣснь, во славу мою сочиненную и тутъ же исполненную. Подробностей я не помню; но помню только, что тутъ рѣчь шла о томъ, чтобы я былъ здоровъ, полюбилъ Кавказъ, какъ Кавказъ меня полюбилъ, былъ добръ къ бѣднымъ и несчастнымъ, чтобы дѣти мои походили на меня, чтобы Богъ хранилъ меня подъ своимъ Святымъ покровомъ. Однимъ словомъ, тутъ было все, что обыкновенно говорится во всѣхъ хвалебныхъ вещахъ, направленныхъ въ пользу избраннаго счастливца; но я былъ истинно пораженъ особенно складомъ всѣхъ этихъ фразъ, тѣмъ болѣе удивительныхъ, что онъ рождался во время самаго пѣнія, слѣдовательно безъ всякихъ предварительныхъ соображеній и обдумываній.

Я возблагодарилъ этихъ оригинальныхъ импровизаторовъ новою ассигнаціею и выразилъ моимъ товарищамъ полнѣйшее мое удивленіе, на что мнѣ замѣтили, что въ ряду этихъ артистовъ нѣкоторые отличаются дѣйствительно замѣчательнымъ талантомъ и пользуются вполнѣ заслуженною въ народѣ славою.

Возвратившись отъ св. Давида домой, страшно измученный, я не могъ не подумать о томъ, что Тифлисъ испытываетъ лѣтомъ, если еще въ началѣ весны являются уже сильнѣйшія жары? Несмотря, однакожъ, на эти неутѣшительныя соображенія я держался долго принятой мною рѣшимости провести все лѣто въ Тифлисѣ, рѣшимости, основанной на томъ, во-первыхъ, что я не перевезъ еще своего семейства и потому отъ дачной жизни не могъ ожидать ничего хорошаго и веселаго, и во-вторыхъ на томъ, что я былъ совершенно поглощенъ хозяйственными заботами и распоряженіями по отдѣлкѣ и устройству наслѣдованной

мною отъ князя Гагарина квартиры, представлявшей безпримѣрныя запущенность и безобразіе. Эти заботы и распоряженія представлялись тѣмъ болѣе сложными и обременительными, что всѣ части, сюда относящіяся: мебельная, малярная, обойная и т. п., находились въ Тифлисѣ въ самомъ младенческомъ состояніи, отличаясь только неслыханной дороговизной. Въ то же время надъ этими частями, какъ и надъ всѣмъ Тифлисомъ, царили азіатская лѣнь и безпечность

Въ теченіе моего довольно продолжительнаго пребыванія на Кавказѣ я пріобрѣлъ полнѣйшее убѣжденіе, что эти милыя свойства были главною причиною, что всевозможныя начинанія во всевозможныхъ родахъ, которыя предпринимались тамъ, совершенно не удавались. Никакой каретникъ, никакой портной не поручится, что такую вещь онъ вамъ сдѣлаетъ непремѣнно къ такому-то сроку, потому что онъ самъ въ полнѣйшей зависимости отъ своихъ туземныхъ рабочихъ, а эти рабочіе до костей пропитаны именно лѣнью и безпечностью. По части изящества, аккуратности, которыми такъ балуетъ насъ Петербургъ, и говорить нечего.

Вотъ случай, который разсказывалъ мнѣ Капгеръ, бывшій тифлисскимъ губернаторомъ. Предстояло учредить или перевести въ другое помѣщеніе городскую богадѣльню. Нанятъ и исправленъ одинъ изъ наиболѣе помѣстительныхъ домовъ. Капгеръ назначилъ одного грузина смотрителемъ и настрожайше приказалъ ему водворить и поддерживать въ заведеніи всевозможную чистоту, а ко дню открытія, когда заведеніе это долженъ посѣтить самъ намѣстникъ, купно со всею административною знатью, довести эту чистоту до высочайшей степени. Смотритель, сдѣлавъ все, что находилъ нужнымъ по своимъ понятіямъ, докладываетъ Капгеру, что достигъ своими неусыпными трудами поразительной чистоты. Капгеръ ѣдетъ и находитъ грязь повсюду. Снова объясняетъ бѣдному смотрителю, какъ и что нужно сдѣлать, внушая ему что то, что онъ считаетъ чистотою, далеко отъ дѣйствительной чистоты. Смотритель снова хлопочетъ, трудится и снова докладываетъ Капгеру, что теперь все чисто! Капгеръ ѣдетъ и опять находитъ грязь. Какъ умный человѣкъ, онъ не сталъ уже внушать туземцу понятія объ истинной чистотѣ, убѣдившись, что такія понятія совершенно ему недоступны, и прислалъ своихъ русскихъ людей привести въ порядокъ богадѣльню.

Здѣсь же, мнѣ кажется, кстати прибавить, для объясненія туземныхъ взглядовъ на комфортъ и чистоту, что во многихъ квартирахъ, считавшихся великолѣпными и занимаемыхъ знатнѣйшими изъ туземныхъ князей, вовсе нѣтъ переднихъ, такъ что вы прямо входите въ пріемную или гостиную, распоряжаясь съ вашимъ верхнимъ платьемъ, котораго впрочемъ у туземцевъ нѣтъ, по вашему благоусмотрѣнію.

Понятно было, что если я оставлю личное неослабное наблюденіе за всѣми подробностями устройства моей квартиры, то выйдетъ то же, что вышло у Каппера съ смотрителемъ. Опасность эта имѣла тѣмъ большее для меня значеніе, что жена моя, вообще предубѣжденная противъ переселенія нашего на Кавказъ, имѣла какую-то болѣзненную ненависть ко всему, что не представляло чистоты, порядка и аккуратности. Очевидно, что если въ приготовленномъ помѣщеніи она съ разу не найдетъ всего этого, то предубѣжденіе ея противъ Кавказа можетъ усилиться и отразиться на семейномъ нашемъ благополучіи.

Все это, какъ я сказалъ уже, побуждало меня остаться на лѣто въ Тифлисѣ, хотя мои знакомые и товарищи признавали это почти невозможнымъ и во всякомъ случаѣ чрезвычайно опаснымъ. Надѣясь на свою сильную натуру, я мало обращалъ вниманія не эти устрашающія замѣчанія; но когда стали приближаться іюньскія жары, когда я, вообще желтый, пожелтѣлъ окончательно, какъ лимонъ, потерялъ совершенно аппетитъ, когда языкъ мой покрылся сухой желтой корой—я сталъ сильно задумываться и внимательнѣе прислушиваться къ толкамъ о переселеніи на дачу; къ этому присоединилось одно особенно внушающее обстоятельство. Съ наступленіемъ жаровъ стали появляться и учащаться холерные случаи, которые произвели значительную моральную тревогу въ городѣ и сильно погнали изъ него всѣхъ, кто только имѣлъ какую-либо возможность переселиться на лѣто въ болѣе возвышенныя мѣста. Докторъ мой, одинъ изъ лучшихъ тифлисскихъ докторовъ, энергичный Пилецкій настоятельно требовалъ, чтобы я непремѣнно, если желаю избѣгнуть лихорадки, тифа, холеры, перебрался на дачу. Его сильныя настоянія, основанныя сколько на нѣкоторомъ знакомствѣ съ моею натурою, столько и на опытныхъ наблюденіяхъ многоразличныхъ случаевъ, бывшихъ съ новопріѣзжими во время тифлисскихъ жаровъ, поколебали мою рѣшительность, и, хотя противъ моего желанія, я согласился переѣхать на дачу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Александра I въ 1814 г.

14-го апрѣля 1814 года, по полученіи извѣстія о торжественномъ вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ, состоялось общее собраніе с.-петербургскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената [1]). Собраніе, разсуждая, что «столь знаменитые успѣхи оружія Россіи и ея союзниковъ, приближающіе вожделѣнный, какъ для Россійской Имперіи, такъ и для всей Европы, миръ, суть слѣдствія неутомимыхъ трудовъ и мудрой дѣятельности августѣйшаго монарха», пожелало принести его императорскому величеству, отъ лица всего вѣрноподданнаго россійскаго народа, изъявленіе всеподданнѣйшей благодарности и для того опредѣлило: «Въ тотъ самый день, когда назначено будетъ принести Господу Богу благодарственное молебствіе, по окончаніи онаго, для учиненія постановленія о семъ и о способахъ къ приведенію сего намѣренія Сената въ исполненіе, быть общему собранію и въ оное пригласить: Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Комитетъ министровъ, Государственный Совѣтъ и всѣхъ имѣщихъ право присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, предоставя сдѣлать таковое приглашеніе министру юстиціи И. И. Дмитріеву».

---

[1]) Началось въ 12 часовъ, окончилось въ 2 часа пополудни. Присутствовали сенаторы: М. И. Донауровъ, С. П. Хитрово, А. И. Карсаковъ, графъ И. А. Апраксинъ, графъ С. Н. Салтыковъ, гр. М. К. Ивеличъ, А. У. Болотниковъ, А. А. Бибиковъ, П. П. Митусовъ, гр. Д. И. Хвостовъ, Д. И. Резановъ, Н. А. Беклешовъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, М. П. Миклашевскій, И. С. Захаровъ, М. М. Бакунинъ, кн. Н. Л. Шаховской, П. С. Молчановъ, графъ В. В. Стройновскій, А. З. Хитрово, при министрѣ юстиціи И. И. Дмитріевѣ и оберъ-прокурорѣ П. Я. Титовѣ.

Такое собраніе состоялось 15-го апрѣля [1]), причемъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ внесли свои особыя письменныя мнѣнія по обсуждаемому предмету. Въ засѣданіи было единогласно постановлено: «1-е) принести государю императору, отъ лица торжествующей Россіи, всеподданнѣйшее поздравленіе и живѣйшую благодарность за всѣ великіе труды и знаменитые подвиги, подъятые и совершенные имъ для превозможенія непріятеля и усугубленія блеска и благоденствія его державы; 2-е) приложить къ священному имени его наименованіе, приличное великимъ свойствамъ души его; 3-е) исходатайствовать всемилостивѣйшее дозволеніе на сооруженіе во славу его памятника съ надписью, соотвѣтственною знаменитымъ его подвигамъ и великимъ происшествіямъ незабвенныхъ 1812, 1813 и 1814 г.г.; 4) все сіе изложить въ особомъ актѣ, для сочиненія коего составить коммисію изъ членовъ: Святѣйшаго Правительствующаго Синода—Серафима, архіепископа минскаго и литовскаго, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: графа Виктора Павловича Кочубея, Василія Степановича Попова и тайнаго совѣтника и сенатора Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго; 5-е) по составленіи проекта созвать вторичное чрезвычайное собраніе для разсмотрѣнія и утвержденія онаго; 6-е) вступившіе по сему случаю отъ нѣкоторыхъ особъ проекты препроводить въ ту же коммисію для соображенія оныхъ съ предметомъ возложеннаго на нее дѣла».

Проекты эти были слѣдующіе:

1.

Записка графа Кочубея.

1-е. Повергнуть къ стопамъ его императорскаго величества вѣрноподданическое поздравленіе Святѣйшаго Синода, Правительствующаго Сената и

[1]) Засѣданіе было открыто въ половинѣ перваго. Присутствовали въ немъ: Амвросій, митрополитъ новгородскій, Иринеи, архіепископъ псковскій, Серафимъ, архіепископъ минскій; духовникъ, протопресвитеръ Павелъ Криницкій; оберъ-священникъ Іоаннъ Державинъ, князь Н. Салтыковъ, кн. А. Куракинъ, П. Шепелевъ, В. фонъ-Дезинъ, С. Вязмитиновъ, кн. Лопухинъ, гр. В. Кочубей, М. Донауровъ, А. Тормасовъ, С. Хитрово, А. Карсаковъ, А. Саблуковъ, маркизъ И. Траверсе, царевичъ грузинскій Миріанъ, Д. Гурьевъ, П. Чичаговъ, В. Поповъ, И. Кушелевъ, И. Алексѣевъ, графъ Литта, гр. И. Апраксинъ, гр. А. Салтыковъ, гр. С. Салтыковъ, кн. А. Горчаковъ, А. Болотниковъ, Н. Кожинъ, С. Барщовъ, гр. Ивеличъ, кн. Салаговъ, М. Обресковъ, И. Неплюевъ, И. Тутолминъ, кн. П. Щербатовъ, Г. Качка, О. Козодавлевъ, А. Бибиковъ, П. Митусовъ, И. Вейдемейеръ, З. Карнеевъ, Д. Резановъ, гр. Хвостовъ, Н. Беклешовъ, И. Аршеневскій, Ю. Нелединской-Мелецкой, И. Захаровъ, И. Пестель, М. Миклашевскій, кн. А. Голицынъ, М. Бакунинъ, М. Толстой, Д. Ланской, баронъ Кампенгаузенъ, кн. Н. Шаховской, П. Молчановъ, гр. В. Стройновскій, А. Хитрово—при министрѣ юстиціи Дмитріевѣ.

всего россійскаго народа по случаю непрерывныхъ побѣдъ войскъ россійскихъ и соединенныхъ державъ и занятія столицы французской, изъясня, что величайшія предпріятія государя императора, мудрыя распоряженія его, политическія и военныя, покрываютъ его императорское величество безсмертною славою на вѣчныя времена; что они возвышаютъ народъ, который скипетру его счастливо повинуется; что подвиги его императорскаго величества превосходятъ все то, что лѣтописи намъ представляютъ, и что народъ россійскій никогда столь счастливъ не былъ, какъ нынѣ, когда имѣетъ онъ долгъ, каждому сыну отечества столь безцѣнный, принести глубочайшую благодарность и поздравленіе Александру великому, великодушному покровителю народовъ.

2-е. Принести государю императору всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи воздвигнуть ему памятникъ, изобразя на оном надпись:

Александру Великому,
императору всероссійскому,
великодушному народовъ покровителю
признательная Россія
1814 года.

3-е. Для составленія проекта государю императору поздравленія и изъясненія чувствъ вѣрныхъ подданныхъ его, избрать коммисію изъ членовъ Святѣйшаго Синода и сенаторовъ съ тѣмъ, чтобы они, разсмотрѣвъ тѣ бумаги, кои уже могли быть по сему случаю написаны, и сообразивъ приличіе столь важнаго акта, проектъ онаго представили общему собранію на утвержденіе.

2.

Записка сенатора Ивана Васильевича Тутолмина.

Въ ознаменованіе безсмертныхъ подвиговъ государя императора Правительствующій Сенатъ проситъ его императорское величество о принятіи титула Великаго, отца отечества и избавителя Европы, съ присоединеніемъ къ императорской коронѣ троякаго вѣнца: лавроваго, масличныхъ вѣтвей и дубовыхъ листьевъ, которые означать будутъ въ предыдущіе вѣки благодарному потомству россійскихъ народовъ знаменитое царствованіе императора Александра Великаго, доставившаго Россіи славу, величіе и прочное благоденствіе, всей же Европѣ избавленіе отъ порабощенія.

3.

Мнѣніе сенатора графа Стройновскаго.

Достопамятнѣйшимъ во вѣки въ лѣтописяхъ всероссійской имперіи пребудетъ сей день, въ который, по принесеніи всемогущему Богу горячѣйшихъ благодарственныхъ молитвъ за изліянныя чрезъ подвиги возлюбленнаго помазанника Его, нынѣ благополучно царствующаго государя императора Александра I, милости и щедроты на царство сіе, созвано общее собраніе Правительствующаго Сената и первѣйшихъ чиновъ государственныхъ для совѣщанія, какія изъявить чувствія благодарности и какую принести дань доблестямъ, славѣ и величію всемилостивѣйшаго нашего государя императора.

Поистинѣ предметъ таковаго дѣянія есть самый важный, ибо оно должно изъявить чувствованія и духъ всего великаго россійскаго народа.

Въ протекшихъ вѣкахъ можно опредѣлить двѣ знаменитѣйшія эпохи, приуготовившія Россію къ той высочайшей степени славы и могущества, которой она нынѣ достигла. Изъ нихъ первая—царствованіе Іоанна Васильевича, когда обширное уже царство Россійское, но раздѣленное на удѣльныя княжества, совокупилось во единое государство. Вторая—царствованіе Петра Великаго, преобразителя Россіи, который далъ извѣстнѣйшее бытіе политическому, церковному и гражданскому правленію, и сколько позволило время царствованія его, положилъ твердѣйшее основаніе могущества сей имперіи, доходамъ и народному домоводству оной.

Достойнѣйшій изъ пріемниковъ его, всемилостивѣйшій нашъ монархъ, со вступленія на престолъ въ 1801 году, до вѣроломнѣйшаго въ россійскіе предѣлы вторженія непріятеля въ 1812 году, прилагавшій неусыпное попеченіе о усовершенствованіи правленія полезными законами и объ усугубленіи пользы своего народа, безпрекословно ознаменовалъ. Третья эпоха—благоденствіе Россіи и великимъ именемъ своимъ запечатлѣлъ величіе и могущество ея, которое сохранятъ и будутъ уважать грядущіе вѣка.

Обративъ даже малѣйшее вниманіе на всѣ подвиги сего государя, особенно же въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и сравнивъ оныя съ предшествовавшими славнѣйшими царствованіями, какія только извѣстны доселѣ во всемъ свѣтѣ, мало было бы сравнить его съ прочими монархами. Онъ соединяетъ въ себѣ лучшія свойства и добродѣтели каждаго изъ нихъ прославившагося оными, а превосходитъ совмѣщеніемъ въ высшей степени благости, желанія добраго правленія и даже истинныхъ воинскихъ доблестей. Въ древности прославлено милосердіе Тита, но жестокосердіе войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ его при осадѣ Іерусалима, пока онъ еще не былъ императоромъ, при жизни отца своего, въ прочемъ такожде лучшаго изъ государей того времени, равномѣрно лютости, оказанныя многочисленному народу по взятіи онаго города, не могутъ заглажены быть кроткимъ, но весьма краткимъ двухлѣтнимъ его царствованіемъ. Всему же свѣту извѣстны человѣколюбивѣйшія повелѣнія всемилостивѣйшаго нашего монарха о плѣнникахъ даже такого врага, который, съ дерзновеннѣйшимъ умысломъ, нарушивъ святость договора, вторгнулся, съ многочисленными силами въ предѣлы сей имперіи; нагіе получили одежду, гладные пищу, больные призрѣніе и помощь, мертвые погребеніе, даже собственные подданные, ослѣпленные и увлеченные силою сего врага противъ своего монарха, всемилостивѣйше прощены. Въ продолженіе же всей войны, содержа изъ казны огромныя свои силы, онъ пощадилъ даже отъ обремененія народы, за коихъ цѣлость и свободу ведетъ сію войну, и которые сначала сами противу войскъ его подъяли свое оружіе. Никакой городъ, противившійся оружію его и покоренный силою или предавшій участь свою въ волю побѣдителя, не только не потерпѣлъ, но съ самой минуты покорности своей узрѣлъ участь свою благополучнѣйшею. Все сіе совершилось въ 12, 13 и 14 лѣта царствованія Александра I. Одиннадцать предыдущихъ лѣтъ благости и милосердія его благославляютъ не только подданные его, но прославляетъ весь свѣтъ. Титъ прославляемый доселѣ яко лучшій изъ государей, за свое милосердое двухлѣтнее царствованіе, могъ болѣе подать пріятную надежду, нежели достойно пріобрѣсть славу.

Оставившіе по себѣ имя великихъ государей своими завоеваніями и военными подвигами, если вникнуть въ дѣянія ихъ, снискали себѣ похвалы

болѣе отъ лести писателей и отъ страха; содѣянныя же ими всеобщія несчастія предали память ихъ позднему потомству. Въ числѣ величайшихъ завоевателей исторія наиболѣе прославляетъ Александра Македонскаго, котораго льстивые писатели наименовали великимъ, и сіе наименованіе, къ удивленію нынѣшняго просвѣщеннаго вѣка, многіе повторяютъ по одному преданію. Но въ чемъ состоитъ сіе величіе? Въ личной смѣлости и въ посредственномъ знаніи военнаго искусства (по нынѣшнему объ ономъ понятію), которому научилъ отецъ его, а самъ не могъ еще совершенно знать онаго, будучи первымъ въ древности учредителемъ и учителемъ строевыхъ (регулярныхъ) войскъ. Такое искусство его не можетъ быть иначе названо, какъ посредственнымъ, будучи первоначальнымъ. Онъ превзошелъ въ немъ тѣхъ, кои гораздо прежде его прославились войною и лишились сей славы, а въ его время, утопая въ роскоши, покорены были внезапнымъ его нападеніемъ. Онъ разорилъ Азію, прелестнѣйшую часть свѣта; разсѣялъ народы, коихъ даже не зналъ и едва объ нихъ слышалъ; ниспровергъ престолы безъ всякой цѣли, безъ достовѣрнаго слѣдствія, не вѣдая дать образъ правленія и пріобрѣсть отъ того истинную пользу. Льстецы, изыскивая для него похвалы, почерпали оныя наипаче изъ того, что онъ оказалъ довѣренность весьма извѣстному врачу своему, не взирая на невѣрный и весьма подозрительный доносъ, такъ же что изъявилъ знаки человѣколюбія роду Дарія, коихъ однако ни въ чемъ иномъ не видно, кромѣ въ пощадѣ женъ... Таковъ былъ и Аттила и Гангис-Ханъ (Чингисъ-ханъ) и прочіе истребители. Имъ предшествовали римляне, и которые до самодержавія Августа подъ личиною освобожденія свѣта, существенно же для насыщенія своего сребролюбія и гордости, разоряли оный. Менѣе счастливый въ защищеніи отъ нихъ Митридатъ заслуживалъ истинную славу. Магометъ оставилъ по себѣ имя лжепророка. Иные побѣдители прославились своею жестокостью. Даже Карлъ **великій**, судя съ безпристрастіемъ о покоренныхъ имъ земляхъ, принадлежитъ къ числу завоевателей, и слава соперника его (тутъ пропускъ), въ теченіе тридцати лѣтъ противившагося оружію и нападеніямъ его, гораздо блистательнѣе. Ближайшій къ нашимъ временамъ Карлъ XII, котораго также нѣкоторые льстецы уже намѣревались наименовать великимъ, и который имѣлъ такую же цѣль — ниспроверженіе престоловъ, истребленіе государствъ, но достойно наказанъ россійскимъ императоромъ Петромъ Великимъ, привелъ Швецію въ бѣдность и имѣя только отважность воина, когда уже не могъ продолжать своихъ предпріятій средствами почти потерянаго своего королевства, хотя подъ именемъ короля служилъ какъ бы генераломъ у своего побѣдителя, пока въ сей службѣ окончилъ безпокойную свою жизнь. Итакъ, въ чемъ состоитъ слава сихъ завоевателей? Первый въ ослѣпленіи гордости желалъ сопричтенъ быть въ число своихъ языческихъ боговъ, и если бы къ счастью его смерть не пресѣкла безразсудныхъ многосложныхъ его начинаній, то окончилъ бы дни свои, какъ скитающійся рыцарь, хотя и безъ того не только не воспользовался своими захваченіями, но даже не сохранилъ отеческаго наслѣдія законнымъ своимъ преемникамъ. Послѣдній, желая подражать ему, оставилъ владѣнія свои истощенныя рекрутскими наборами, угнетеніемъ же и разореніемъ доведенныя до нищеты. Людовикъ XIV, по пріобрѣтеніи толикихъ лавровъ, среди грома своего оружія, дорого стоившихъ собственнымъ его подданнымъ и многимъ европейскимъ державамъ, стяжанныхъ цѣною крови, смерти и угнетенія, по истеченіи пятидесяти лѣтъ царствованія своего узрѣлъ, что онъ не оставлялъ народа своего благополучнымъ. Такой же образъ истребителей и граби-

телей представляютъ прочіе нашественники во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ! Современный съ нами Фридрихъ II имѣлъ высшія дарованія героя, оказанныя въ Семилѣтней войнѣ, но исторія, его же перомъ начертанная, свидѣтельствуетъ, что онъ началъ войну занятіемъ чужой земли — Силезіи, что въ продолженіе оной предавался разнымъ отважностямъ потеря, не однажды подвергался отчаянію и лишенію всего... а владѣнія свои и подданныхъ, благоразумнымъ внутреннимъ хозяйствомъ отца своего обогащенныя, лишилъ благосостоянія и едва потомъ долговременнымъ миромъ, раченіемъ и даже покушеніями на предосудительныя сану своему средства, привелъ въ лучшее положеніе. Такія предпріятія, конечно, доказываютъ смѣлость и твердость духа, высшее познаніе военнаго искусства, составляютъ также качество великихъ полководцевъ, которое должно имѣть ведущему войну государю; и таковымъ прославившимъ себя необыкновенными подвигами приличны наименованія героевъ, какія пріобрѣли: Конде, Мальборугъ, Евгеній, освободитель Вѣны Собѣскій, Румянцовъ-Задунайскій, Суворовъ князь Италійскій, князь Кутузовъ-Смоленскій и прочіе разныхъ вѣковъ генералы. Но титло героя, жаждущаго крови милліоновъ людей, угнетенія и разоренія, не приличествуетъ государямъ, изъ коихъ каждый справедливѣе долженъ почитаться отцомъ и покровителемъ своего народа, а если по необходимости жертвуетъ частью онаго, то не иначе, какъ съ сердечнымъ прискорбіемъ. Итакъ, если существенно судить о вещахъ, то величіе государя разнствуетъ съ великою славою завоевателя, и истинно великій монархъ тотъ, коего дѣянія врачуютъ язвы народа, возбуждаютъ въ подданныхъ его чувства благодарности за приготовленныя имъ отрады и утверждаютъ наслажденіе прочнымъ благоденствіемъ, ибо таковыя дѣянія не проистекаютъ отъ личныхъ страстей, честолюбія и подобныхъ, какими вообще одушевляются знаменитѣйшіе завоеватели, но изображаютъ величіе истинной души и лучшаго сердца. Таково величіе военное даже россказа Александра I, которое (если бы исторія ничего болѣе не предала потомству, но только сохранила приказъ его войску, данный въ семъ 1814 г. по изгнаніи врага изъ предѣловъ своихъ до Рейна, и при вступленіи въ предѣлы Франціи) изображаетъ истинныя черты его, достойныя вѣчнаго почтенія народовъ и притомъ великій урокъ глубокой политики и проницательнаго ума для всѣхъ государей. Такое поведеніе его совершенно разнствуетъ не только въ намѣреніяхъ со всѣми тѣми, которые неправдою, угнетеніемъ и къ разоренію своихъ подданныхъ и другихъ народовъ вели войну, но и въ самыхъ военныхъ дѣяніяхъ. Здѣсь не мѣсто описывать исторію и исчислять несмѣтные случаи нынѣшней войны, которые будутъ изумлять потомство, но извѣстно свѣту, что храбростью мужества (пріемля оное въ самомъ дѣйствіи), какъ приличио предводителю великаго воинства и самодержцу великаго народа, никто изъ величайшихъ полководцевъ не превзошелъ Россійскаго Александра I, когда онъ повсюду изволилъ присутствовать высочайшею особою своею среди войскъ своихъ и союзныхъ, въ самыхъ опасныхъ сраженіяхъ, и ежедневно раздѣлялъ съ ними невыгоды, труды, опасности, одушевлялъ ихъ духомъ своимъ въ нуждѣ, утѣшалъ раненыхъ, награждалъ военные подвиги на самомъ мѣстѣ сраженія. А что Всевышній Промыслъ благоволилъ явно охранить драгоцѣннѣйшую жизнь его въ нѣсколькократныхъ важныхъ битвахъ съ непріятелемъ и въ извѣстныхъ всѣмъ опасныхъ случаяхъ, то сію небесную благодать должно признавать знаменіемъ грядущаго благоденствія Всероссійской Имперіи и даже прочихъ державъ.

Твердость сего государя въ предначинаніяхъ противу сильнѣйшаго врага

и въ теченіе двадцати лѣтъ побѣдоноснаго надъ всею почти Европою, являетъ то истинное величіе души Александра и тѣмъ вящшее, что оный врагъ, изгнанный изъ предѣловъ россійскихъ послѣ потери въ нихъ всѣхъ многочисленныхъ своихъ полчищъ, никогда уже не могъ впредь угрожать сей имперіи. И потому дальнѣйшее предпріятіе россійскаго Александра Великаго не было уже для него самого, но для общаго блага всей Европы и законныхъ ея государей. И сей то твердости, сего величія души его должно почесть плодами: возстановленіе престола римской имперіи—для Франца I, испанскаго королевства—для Фердинанда VII, возвращеніе папы римскаго, королей: португальскаго и сардинскаго въ ихъ столицы и владѣнія, освобожденіе Италіи, охраненіе независимости Прусской монархіи, политическаго бытія Голландіи и правъ Стадгудеръ, также Швейцаріи, княжества Гессенъ-Кассельскаго, Ольденбургскаго, Мекленбургскаго, Ганноверскаго и прочихъ владѣній, свобода вольныхъ городовъ, словомъ, возстановленіе разрушеннаго прежняго законнаго порядка во всей Германіи и иныхъ народовъ. Сіе бѣглое начертаніе главнѣйшихъ предметовъ представляетъ въ особенности великія вліянія, заключающія въ себѣ возведеніе однихъ государей на прародительскіе ихъ престолы, отъ коихъ они были отторгнуты насиліемъ, другихъ избавленіе отъ ига, возстановленіе во многихъ земляхъ уничтоженныхъ законныхъ правленій, освобожденіе всѣхъ отъ тягостнаго данничества и такъ сказать воскресеніе союза человѣческаго общества, который умерщвленъ и погребенъ былъ подъ уничтоженіемъ торговли и сообщенія, обремененныхъ злоухищренными пошлинами и налогами. Всѣ сіи благоуспѣшныя и отрадныя послѣдствія пріобрѣтены разбитіемъ силъ и усмиреніемъ надменнаго вождя, упоеннаго своею славою, искусившагося во бранѣхъ и имѣвшаго опытнѣйшее познаніе въ искусствѣ завоеванія. Здѣсь по справедливости должно воздать честь и славу россійскому воинству за его повиновеніе, мужество и преданность высочайшей волѣ монарха—главнаго своего повелителя и во всемъ томъ предводителя. Благоразумное отступленіе съ самаго начала главнокомандующаго Барклая-де-Толли для сохраненія войскъ, коихъ силу гораздо превышала сила непріятеля, и оттого соединеніе съ княземъ Багратіономъ, благоуспѣшное употребленіе обѣихъ армій княземъ Кутузовымъ и его политика, мужественная защита графа Витгенштейна при Полоцкѣ и его нѣсколькократныя побѣды, быстрое прибытіе генерала Чичагова съ арміею, коей переходъ чрезъ великое пространство съ береговъ Чернаго моря и отъ устья Дуная до вершины Днѣпра, при всей поспѣшности, можетъ служить примѣромъ порядка, справедливости и строгости, соблюденныхъ въ такомъ случаѣ на всемъ пути, и прочіе ревностные подвиги многихъ военачальниковъ увѣнчали славою все и вездѣ побѣдоносное россійское воинство.

Но если бы собрать дѣянія многихъ выше упомянутыхъ и прочихъ наступательныхъ завоевателей въ разныхъ вѣкахъ и народахъ, представлявшія разныя зрѣлища ужаса, какъ успѣшно, такъ и безуспѣшно, то можно бы доказать, что всѣмъ имъ подражалъ Наполеонъ. Его поведеніе было то же, такія же страсти владѣли его душою, а особливо онъ стремился къ одной съ ними цѣли неограниченнаго властолюбія. Для достиженія оной не взиралъ онъ также на нищету народовъ и даже на учрежденный нынѣ высшій порядокъ общества; намѣреніе его было все разорить, дабы только всѣмъ обладать. Такимъ же образомъ, какъ онымъ древнимъ нашественникамъ лесть многихъ писателей давала ему имя великаго, а самый страхъ болѣе и болѣе усугублялъ таковую низкую лесть. Но сіе величіе было ли заслужено, когда оное означаетъ только бѣдствіе народовъ, разрушеніе только народныхъ и

гражданскихъ связей и оставляетъ по себѣ только слезы, нищету и проклятіе. Нѣкоторыя дарованія и благопріятное стеченіе обстоятельствъ доставляли пищу страстямъ ихъ, коими нравственно унижается душа.

Но исторія доселѣ не представляетъ намъ никого изъ монарховъ безъ своекорыстія, безъ всякихъ другихъ видовъ посвятившаго себя для освобожденія народовъ отъ общаго ига, какъ Александръ I, который своею твердостью, своимъ мужествомъ, благостью и даже скромностью обратилъ въ ничто обширные замыслы прослывшаго покорителя и возвратилъ каждому собственность или охранилъ оную, а особливо плодъ попеченій своихъ довелъ до такой зрѣлости, что все вмѣстѣ можетъ послужить къ благоденствію царства его и подданныхъ. Имя всѣхъ завоевателей гремитъ несчастьями народовъ. Императоръ всероссійскій первый воюетъ для возвращенія благоденствія народамъ и для утвержденія онаго въ предѣлахъ своей имперіи. Воистину не только умъ всего любомудрія и витійства, но даже обильнѣйшее воображеніе поэзіи не могутъ изобрѣсть, что могло бы равняться съ величіемъ славы такого монарха, который, слѣдуя по природнымъ своимъ стезямъ справедливости, содѣлался общимъ мiродателемъ, воскресителемъ общаго политическаго бытія народовъ и законоположникомъ своей великой монархіи, а чрезъ то самое—творцомъ благоденствія и позднѣйшихъ потомковъ своихъ подданныхъ.

Императоръ Петръ I, прапрадѣдъ царствующаго Александра I, во второй эпохѣ славы Россіи, достойно такъ же пріобрѣлъ титло великаго государя, ибо сіе величіе доказываетъ существенно душу и умъ превыше всѣхъ въ свѣтѣ, предварившихъ его и современныхъ государей, коихъ память запечатлѣла исторія. Онъ достойно можетъ почитаться воскресителемъ и творцомъ столь пространной имперіи Всероссійской, когда, невзирая на всѣ предразсудки, препятствія и сопротивленія домашнія, внутреннія и внѣшнія, утвердилъ ея основанія. Если бы жизнь сего государя не была столь близка къ нашему времени, что дѣянія его царствованія извѣстны почти каждому по неустному преданію очевидныхъ свидѣтелей, то трудно было бы повѣрить, чтобъ самодержецъ столь огромнаго царства, въ коемъ законъ возбранялъ частному подданному преступать отечественные предѣлы, чтобы тотъ, которому все повиновалось слѣпо по образу правленія, учредивъ въ немъ порядокъ, и съ однимъ министромъ, въ видѣ частнаго, удалился изъ своихъ владѣній, дабы увѣрѣть, что происходитъ на свѣтѣ, дабы узнать, какъ управляются народы, какое у нихъ внутреннее хозяйство, и чтобъ два года употребилъ для познанія труднаго искусства мореплаванія, а собственныя руки для кораблестроенія, преодолѣвъ даже природное въ себѣ отвращеніе къ влажной стихіи. Кто былъ въ Саардамѣ, за двѣ мили водою отъ Амстердама, и еще видѣлъ тотъ деревянный домикъ, въ коемъ сей великій государь пребывалъ съ министромъ своимъ для достиженія своей цѣли, тотъ не можетъ не быть объятъ удивленіемъ и изумленіемъ. И если бы такой примѣръ нашли мы въ древности за нѣсколько вѣковъ, то сочли бы оный невѣроятнымъ и отнесли бы къ миѳологіи; но какъ онъ столь къ намъ близокъ, что почти предъ нашими глазами, то не остается болѣе ничего въ немъ видѣть, какъ величіе души, великую любовь его къ своему отечеству, стремленіе къ основанію благоденствія онаго чрезъ устройство правленія и домоводства, дабы въ пространной своей державѣ усугубить пользу отъ торговли водою, а притомъ основать морскую силу. По мѣрѣ великихъ его дѣяній царствованіе его было очень кратко. Но всѣ преемники по немъ россійскаго престола всегда почитали творческій чертежъ его и исполненіемъ онаго благоуспѣшно возводили Россію на верхъ ея славы и благоденствія. Благополучно цар-

ствующій потомокъ его въ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ народныхъ явилъ предъ свѣтомъ то же величіе души, ту же любовь къ отечеству и чести великаго престола, а намъ остается признать, что самоправящее вселенною Провидѣніе предызбрало его къ утвержденію величія, славы и счастья Россіи. Ибо кто читалъ высочайшій манифестъ, данный въ Полоцкѣ 6-го іюля 1812 года, по самомъ вѣроломномъ вторженіи врага въ россійскіе предѣлы, когда онъ съ силами изъ двадцати разныхъ европейскихъ народовъ, составившими число до 600.000 войска, занявъ уже часть бывшей Польши, обольщалъ и области ея, присоединенныя къ Россіи, какъ-то губерніи: Кіевскую, Подольскую и другія, а наипаче Волынскую, къ которой принадлежу я по помѣстью, и гдѣ сей врагъ, вторгшись съ нарочитою силою и вытѣснивъ уже всѣ власти гражданскія, не могъ поколебать вѣрности жителей. Когда онъ углублялся даже внутрь сей имперіи, кто сообразитъ притомъ всѣ послѣдствія, тотъ конечно признаетъ сію великую твердость духа въ нашемъ монархѣ и даже вдохновеніе свыше небесъ, если онъ изрекъ тогда предъ свѣтомъ съ толикою увѣренностью, что дотолѣ не положитъ оружія, доколѣ ни единъ врагъ не останется въ предѣлахъ Россіи. Россійское воинство соотвѣтствовало сему упованію, доказывая повсюду сильнымъ сопротивленіемъ своимъ непріятелю мужество и любовь къ государю и отечеству. Но не видима ли здѣсь явная благодать Всевышняго надъ самою священною особою Александра, когда, для скорѣйшаго исполненія предреченнаго имъ упованія на Бога, тьмы темъ силъ вражіихъ въ три ночи истреблены содѣйствіемъ самой природы подобно тому, какъ нѣкогда на истребленіе гордыхъ и многочисленныхъ силъ Сенна Хериба ниспосланъ былъ нощію ангелъ смерти. Одни бродящіе остатки враговъ изгнаны изъ предѣловъ, и самъ вождь ихъ, дотолѣ ужасавшій Европу, едва спасся постыднымъ бѣгствомъ; вдохновеніе и благодать небесъ, далѣе ведущія Александра, не менѣе того явны. Въ то же время главный предводитель войскъ его, князь Смоленскій, по изгнаніи непріятеля изъ Россіи, по волѣ своего монарха объявилъ всей Европѣ, что онъ идетъ возстановить въ ней первобытный порядокъ. Лестно было бы такъ изречь, если бы сіе изреченіе не сопрягалось съ величайшими трудностями. Однакожъ все сіе и еще болѣе подъ предводительствомъ самого Александра исполнено, какъ всѣмъ нынѣ извѣстно. Прибытіе его сначала къ своимъ войскамъ оживило ихъ безпримѣрнымъ мужествомъ и твердостью, доказанною во всѣхъ непрестанныхъ сраженіяхъ до перемирія въ половинѣ 1813 года. Личное присутствіе его и довѣренность къ его особѣ склонили всѣхъ государей къ соединенію съ нимъ силъ своихъ противу всеобщаго уже врага, который отвергъ предложеніе мира, для коего единственно преостановлены были счастливыя побѣды.

Здѣсь не позволяетъ ни время, ни мѣсто, исчислять всѣ благоуспѣшныя послѣдствія, увѣнчавшія безсмертными лаврами россійское воинство. Слава и исторія возвѣстятъ объ нихъ грядущимъ вѣкамъ. Александръ, всегда побѣдоносный, продолжая великій подвигъ съ непремѣнными правилами своего сердца для пощады человѣческой крови и народовъ отъ разоренія, еще не переставалъ предлагать миръ гонимому, но ожесточенному врагу, и съ оливковою вѣтвью вступилъ даже въ престольный градъ Франціи—Парижъ. Французы, хотя надменные двадцати-лѣтними своими побѣдами, наконецъ побѣжденные, узрѣли его въ стѣнахъ своей столицы, среди воинства своего, не яко покорителя оной и мстителя, но какъ своего избавителя, кротостью превысившаго всю славу своихъ лавровъ. Должно думать, что въ сіе самое

время сіи самые, какъ у насъ, клики радости раздаются во всей Франціи, и знаменитый прославившій ее родъ Бурбоновъ, родъ гонимый и даже вѣроломнѣйшимъ убійствомъ истребляемый, уже возводится на отечественный престолъ, испроверженный предъ симъ злостью, пропырствами и всякими неистовствами, да тако явится власть Вседержителя міра, который рано или поздно караетъ злодѣевъ, возстающихъ на законныхъ Его намѣстниковъ.

Сіе изображеніе слишкомъ краткое въ соразмѣрности съ великими таковыми дѣяніями показываетъ, что на долгое время утвердится нынѣ миръ Европы и свѣта, и что Россія, извнѣ уважаемая и внутри свободная по премудрымъ учрежденіямъ своего монарха, послѣдователя Петра Великаго, отнынѣ насладится прочнымъ благоденствіемъ. Сіе изображеніе также представляетъ, что Александръ I великъ личными добродѣтелями, великъ свойствами государя, великъ въ подвигахъ военной защиты, великъ въ истинной политикѣ, и все сіе купно содѣлало уже имя его великимъ.

Изъявленныя въ Правительствующемъ Сенатѣ мысли не творятъ величія сего монарха, но только возвѣщаютъ величіе, пріобрѣтенное имъ великими своими дѣлами.

На семъ я основываю мое мнѣніе, что не неприлично было бы повергнуть у престола всеподданнѣйшій докладъ съ испрошеніемъ всемилостивѣйшаго соизволенія, дабы народъ россійскій могъ имѣть сію славу, чтобъ сія имперія, поистинѣ великая, украсилась законнымъ возвѣщеніемъ имени своего монарха Великимъ. И какъ всѣ мнѣнія имѣютъ единую цѣль, то по моему мнѣнію, нужно было бы для исполненія сей цѣли назначить комитетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ для сочиненія вкратцѣ соотвѣтственнаго акта.

4.

Сенаторъ Миклашевскій предлагалъ просить императора принять наименованіе Великаго и поставить ему памятникъ съ надписью: „Божіею благостію славно царствующему Александру Великому—Отечества Отцу всеподданнѣйшая Россія, имъ прославленная“.

Онъ же предлагалъ выбить медаль, „приличную великимъ происшествіямъ“ и поднести ее его императорскому величеству.

5.

Сенаторъ Захаровъ писалъ, что „великій государь нашъ Александръ Первый великъ не завоеваніями, хотя и въ сихъ не оскудѣваетъ, но паче великъ спасеніемъ державы своей отъ многочисленныхъ силъ всепоглащающаго Наполеона Банапарте; великъ твердостью своею и упованіемъ на Господа, великъ мудростью въ средствахъ и крѣпостью въ мужествѣ, на отраженіе и, наконецъ, на совершенное низложеніе столь страшнаго супостата.

„Итакъ, титло Великаго принадлежитъ ему не только въ равносильной степени, но и вящше.

„Консулъ римскія республики, краснорѣчивый Цицеронъ, открывшій заговоръ Катилины и спасшій Римъ отъ великія напасти, первый получилъ отъ признательныхъ согражданъ своихъ титло Отца Отечества. Побѣдители соперниковъ своихъ Цезарь—Помпея, Августъ—Антонія и напослѣдокъ всѣ императоры римскіе, украсились симъ же наименованіемъ.

„Въ подражаніе онымъ поднесено было 1721 года титло сіе и Петру Великому. Благодарные сыны умолили его принять таковое, сколько за оказанныя отечеству воинскими подвигами благодѣянія, столько же и за гражданскія добродѣтели, осіявшія народъ его просвѣщеніемъ, образовавшіемъ имперію въ благоучрежденіе и силу и оградившіе мудрыми законами во вкушеніи всякаго блага.

„Великій Александръ, самодержецъ нашъ, при знаменитыхъ своихъ воинскихъ и гражданскихъ добродѣтеляхъ (ибо и законовъ изданіе по мудрому промыслу его совершается) оказалъ благодѣянія не одному своему народу, но всей, такъ сказать, вселенной: онъ спасъ Европу—сію просвѣщеннѣйшую и достоуважительную часть мира—отъ порабощенія всехищнаго Банапарте и исторгъ ее изъ челюстей ненасытнаго властолюбія и корысти!

„Слѣдовательно принадлежитъ ему титло не только отца отечества, но титло знаменитѣйшее и паче великое,—титло отца человѣчества. Pater humanitatis. Fater der Menchheit. Père de l'humanité!

„Святѣйшій Синодъ, Правительствующій Сенатъ и всѣ государственные чины, отъ имени своего и всего народа россійскаго, да поднесутъ его императорскому величеству священныя титла оныя и во взываніи своемъ да молятъ его величество неотступно и колѣнопреклонно о всемилостивѣйшемъ ихъ воспріятіи.

„Спасенный твердостью государя своего столичный градъ Санктпетербургъ да устроитъ на иждивеніе обитающихъ въ немъ всякаго состоянія, чина, пола и возраста жителей торжественныя врата побѣдителю Наполеона—съ подобающимъ благолѣпіемъ и съ приличными подвигамъ его эмблемами.

„Въ день прибытія его величества въ сію столицу, собравшіеся ко вратамъ тѣмъ чиноначальники, Святѣйшій Синодъ и Правительствующій Сенатъ, да просятъ смиренно-мудраго монарха своего удостоить проѣздомъ сквозь ихъ въ торжественномъ шествіи.

„Защищенная и препрославленная самодержцемъ своимъ вся Россія да совокупитъ желанія и иждивенія свои на воздвиженіе въ благодарность его императорскому величеству достоприличнаго памятника, представляющаго любезнѣйшій образъ его во всемъ величіи.

„Мѣсто поставленія ознаменуетъ его величества священная воля.

„Благодарность народная къ государямъ своимъ тогда только бываетъ истинна, когда будетъ вѣчною и непремолчимою. Во исполненіе сего да поклянется торжественно россійскій народъ за себя и за потомство, что въ знакъ безсмертной признательности своей будетъ онъ возобновлять повтореніемъ оную чрезъ каждое двадцатипятилѣтіе созданіемъ какого-либо знаменитаго и общеполезнаго памятника отъ всеобщаго иждивенія своего, состоящаго или въ молитвенномъ храмѣ Господу Богу, или въ училищѣ, или въ больницѣ, или въ домѣ призрѣнія, или въ какомъ-либо иномъ народномъ зданіи, посвящая каждый безсмертной памяти Александра Великаго, отца человѣчества.

„На совершеніе и содержаніе оныхъ зданій въ вѣчныя времена да назначается особый сборъ, не подъ именемъ подати или налога, но подъ наименованіемъ народнаго приношенія на созданіе заведеній человѣколюбивыхъ, въ прославленіе и благословеніе имени Великаго Александра.

„Тако да увѣдаютъ нынѣ и во всѣ вѣки народы вселенной, коль велики заслуги монарха нашего и сколь торжественна подданныхъ его благодарность"!

*

6.

Сенаторъ М. Бакунинъ предлагалъ „помѣстить въ гербѣ Россійскомъ два вѣнца—лавровый и масличный, кои вмѣстѣ съ державой и скипетромъ держать будетъ орелъ Россійскій. Въ первомъ начертать—Александру первому, а въ послѣднемъ—благодарная Россія въ 1814 году".

16-го апрѣля состоялось засѣданіе учрежденной чрезвычайнымъ собраніемъ коммисіи.

Разсмотрѣвъ полученныя бумаги и находя, что онѣ содержатъ многія мысли, коими при сочиненіи прошенія его императорскому величеству воспользоваться можно, коммисія положила: вручить ихъ сенатору Нелединскому-Мелецкому, избранному въ Правительствующемъ Сенатѣ для составленія акта сего, дабы онъ могъ изъ нихъ заимствовать все то, что, не стѣсняясь въ планѣ, для сочиненія его принятомъ, допущено быть можетъ, бумаги же сіи въ подлинникѣ представить при слѣдующемъ общемъ собраніи, для прочтенія оныхъ.

Признавая мысль сенаторовъ Тутолмина и Бакунина весьма счастливою, и что дѣйствительно дополненіемъ таковымъ герба россійскаго вѣнцами лавровымъ, масличныхъ вѣтвей и дубовыхъ листьевъ, съ означеніемъ 1814 года, существенно обозначена была бы въ потомствѣ эпоха величайшихъ происшествій, коммисія разсуждала, что «о таковомъ присоединеніи знаковъ вышеупомянутыхъ къ гербу россійскому удобно быть можетъ принести государю императору всеподданнѣйшую просьбу, когда, по благополучномъ совершеніи мира, его императорское величество изволитъ возвратиться въ столицу».

Обратившись потомъ къ положенію нѣкоторыхъ началъ для сочиненія прошенія государю императору и, согласясь въ существенныхъ онаго основаніяхъ, коммисія разсуждала съ тщательнымъ вниманіемъ, какой титулъ приличнѣе быть можетъ къ имени государя императора присоединить. Коммисія нашла, что «если бы она имѣла только, пройдя примѣры исторіи, избрать титулъ, который, по соображеніи великихъ дѣлъ и великихъ государей, ствойственъ государю императору быть можетъ, то не остановилась бы она въ изысканіяхъ своихъ, но затруднялась она не мало, имѣя непрерывно предъ глазами своими примѣры извѣстной скромности государя императора, которая въ личныхъ къ нему отношеніяхъ отвергаетъ самыя истинныя изреченія». Вслѣдствіе сего коммисія полагала, что «наименованіе, которое наиболѣе приличествовать можетъ великимъ подвигамъ государя императора, тѣмъ болѣе. что оные ознаменованы столь очевидно покровительствомъ Вышняго Промысла, есть наименованіе: «Благословенный»; [a] потому, утвердя для проекта своего титулъ сей, предоставила сенатору

Нелединскому-Мелецкому оный въ актѣ, имъ заготовляемомъ, употребить [1]).

Все новыя и новыя предположенія чествованія императора не переставали поступать въ коммисію. Такъ 17-го апрѣля получено было мнѣніе члена Государственнаго Совѣта графа Литты; 19-го апрѣля

---

[1]) Первоначальный проектъ сенатора Нелединскаго-Мелецкаго заключался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь!

Когда, при самомъ вступленіи твоемъ на престолъ, въ достопамятный день 2-го апрѣля, мы удостоились видѣть тебя въ торжественномъ собраніи нашемъ, возвѣщающимъ вѣрнымъ подданнымъ твоимъ достопамятныя твои постановленія, утверждающія благоденствіе и безопасность нашу, тогда уже Правительствующій Сенатъ дерзалъ испрашивать высочайшаго дозволенія предстать предъ лицемъ твоимъ, чтобъ возблагодарить тебя за толикія щедроты; но ты, государь, удержалъ усердіе наше и рекъ намъ: „Я на десять лѣтъ отлагаю принятіе благодарности вашей“. Хотя столь отдаленный срокъ не удовлетворялъ тогда нетерпѣливымъ желаніямъ нашимъ излить предъ тобою чувствія, кои ты возбудилъ въ насъ, но мы воздержали восторги наши. Теперь уже срокъ сей истекъ, и мы паки дерзаемъ воззвать къ тебѣ отъ лица всего великаго народа россійскаго, тобою, государь, нынѣ паче всѣхъ прославленнаго и превознесеннаго. Мы, во-первыхъ, благодаримъ тебя за твердость и непоколебимость, съ коими ты отвергнулъ миръ, врагами предлагаемый въ нѣдрахъ государства нашего, и за освобожденіе любезнаго отечества; благодаримъ еще и за спасеніе и освобожденіе державъ, союзомъ съ нами сопряженныхъ, коихъ бытіе необходимо для спокойствія Европы и собственнаго нашего огражденія; и наконецъ паки благодаримъ тебя за отмщеніе врагу, дерзнувшему вступить въ первопрестольный градъ Москву, побѣдоноснымъ вшествіемъ твоимъ въ собственную его столицу и за великодушіе, оказанное побѣжденнымъ избавленіемъ ихъ отъ мучительнаго ига. Но сколь сіе благодареніе ни явно и ни торжественно, однако мы не можемъ не ознаменовать его еще отличнѣйшимъ подвигомъ, болѣе соотвѣтственнымъ нашей къ тебѣ любви и преданности. И того ради приглашаемъ тебя, всемилостивѣйшій государь, отъ имени всѣхъ вѣрноподданныхъ твоихъ, воспріять наименованіе Великаго и защитника независимости народовъ. Ты не можешь, государь, отвергнуть просьбы нашей, мы не за однѣ побѣды и завоеванія предлагаемъ его тебѣ, но паче за благость твою и твое великодушіе. Ты доблестьми твоими, а не однимъ мечемъ, покорялъ отдаленные народы и пріобрѣлъ сердца сыновъ твоихъ. Когда и иноплеменные тебя выше всѣхъ превозносятъ, намъ ли не гордиться тобою. Да сподобимся въ скоромъ времени, посреди того самаго храма, куда столь часто поспѣшали мы приносить Всевышнему благодаренія наши за успѣхи оружія твоего и изливали предъ святымъ алтаремъ Его теплыя молитвы о сохраненіи тебя среди различныхъ опасностей, коимъ ты непрестанно подвергался, да сподобимся не безъ тебя, но уже въ присутствіи твоемъ и вмѣстѣ съ тобою, удостоясь увѣнчать тебя съ лавровымъ вѣнцемъ на челѣ и съ оливою въ рукахъ, громко возгласить предъ Всемогущимъ, явно по насъ поборающимъ: „слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ“.

отъ неизвѣстнаго коммисіи лица (въ формѣ прошенія и безъ подписи) и 20-го апрѣля отъ генерала Вязьмитинова.

1.

Мнѣніе графа Литты.

Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Синодъ въ общемъ засѣданіи своемъ назначили особенную коммисію для принятія отъ засѣдавшихъ въ семъ собраніи государственныхъ чиновъ мнѣнія о томъ самомъ предметѣ, по важности коего составлена сія коммисія. Вслѣдствіе чего, по долгу моего званія, имѣю честь представить:

1) О титулѣ Великій, на который большинство голосовъ оказалось согласнымъ. Смѣю изъяснить, что оный, многократно уже будучи употребляемъ, не можетъ соотвѣтствовать сколь единственной нынѣ, столь и навсегда достопамятной эпохѣ. А сверхъ того, по всѣмъ извѣстной врожденной кротости нашего всеавгустѣйшаго монарха, нельзя ожидать, чтобы сей титулъ могъ быть ему пріятенъ и имъ принятъ. Слѣдовательно надобно придумать такой титулъ, который, соотвѣтствуя сей единственной эпохѣ, былъ бы приличенъ, пріятенъ и отъ коего великій и кроткій государь не могъ бы отказаться.

Между многими, заключающимися въ богатомъ и выразительномъ славянскомъ слогѣ изреченіями, титуламъ приличиствующими, одно только можетъ изобразить желаемую въ семъ случаѣ цѣль, соединяемую вмѣстѣ съ качествами, подвигами, благодѣяніями и величіемъ государя императора:

„Благословенный“.

Сіе наименованіе имѣетъ и то преимущество предъ всѣми другими титулами, пріобрѣтаемыми геройскими подвигами, что въ ономъ заключается сверхъ всего того и ниспосланіе благодати Всевышняго.

2) Дабы предать дальнѣйшему потомству сію важнѣйшую и единственную для Россіи эпоху, непремѣнно нужно соорудить памятникъ и выбить медали съ надписью:

„Александру Благословенному
императору всероссійскому
великодушному царствъ возстановителю.
благодарная Россія“.

3) Для сооруженія сей достопамятности въ видѣ колонны, пирамиды или храма (такъ какъ не можно надѣяться, чтобы ваятельное изображеніе статуи могло быть одобрено его величествомъ), предоставить коммисіи, во-первыхъ, сдѣланіе программы, во-вторыхъ, выборъ по оной проекта, въ третьихъ, награду художникамъ и, въ четвертыхъ, приведеніе въ исполненіе по избранному проекту.

4) Суммы на сіе не надобно ни назначать, ни ограничивать и въ составленіи ея должны участвовать не только дворянство, но вообще всѣ сословія государства и даже каждый, кто по любви къ отечеству пожелаетъ только имѣть въ томъ участіе.

5) Желательно, чтобы коммисія сія составила проектъ для поднесенія всеподданнѣйшаго доклада его императорскому величеству и обнародовала бы

во всемъ государствѣ приглашеніе о принятіи участія къ приведенію въ исполненіе сего предположенія.

и 6) Для представленія его императорскому величеству проекта весьма бы прилично было избрать нарочитую депутацію, изъ нѣсколькихъ членовъ составленную.

2.

Записка неизвѣстнаго коммисіи лица.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій, благочестивѣйшій государь! Во слѣдъ твоего сердца твой народъ вознесъ преданныя тебѣ сердца къ Богу съ торжественнымъ благодареніемъ за неизреченныя благословенія, на твой скипетръ и мечъ ниспосланныя. Оттолѣ обращается онъ къ тебѣ и гласомъ Синода и Сената, какъ истиннымъ всеобщимъ своимъ органомъ, приноситъ тебѣ свою радость, признательность, удивленіе, славу и благословеніе твоей полвселенной предъ лицемъ другой половины вселенной.

Государь! всегда увѣренному о безпредѣльной къ тебѣ любви твоего народа, по собственнымъ отеческимъ къ нему чувствованіямъ, тебѣ не нужно истолкованіе настоящихъ нашихъ чувствованій, но для безпримѣрныхъ дѣлъ, которыя ты совершилъ и совершаешь, нужно нѣкое новое выраженіе нашего восхищенія.

Отъ священной столицы твоихъ предковъ, принесенной въ жертву за спасеніе отечества, до несчастной столицы врага народовъ, спасенной тобою отъ предуготовленной для нея участи быть жертвою мщенія, простирается великое поприще твоей славы, на которомъ каждый шагъ ознаменованъ то великими предпріятіями, то мудрыми предначертаніями къ ихъ исполненію, то вѣрными успѣхами, то твердостью въ опасностяхъ, то мужествомъ въ брани, то умѣренностью въ побѣдѣ, то великодушіемъ въ примиреніи, то единому тебѣ извѣстнымъ искусствомъ сліянія толь многихъ державъ и толь разныхъ народовъ въ одну силу и одинъ духъ, то благостію къ человѣчеству, то благочестіемъ къ Божеству, то видимыми благословеніями покровительствующаго тебѣ Провидѣнія, то громкими благословеніями избавленныхъ тобою народовъ.

Великое дѣло стать противъ совокупнаго нападенія десяти или пятнадцати народовъ и спасти отечество. Ты совершилъ сіе и потомъ еще возвращаешь отечество каждому изъ сихъ народовъ, ибо каждый изъ нихъ въ свою чреду потерялъ оное подъ властью иноплеменника.

Великодушное дѣло внести оружіе въ столицу врага и удержать мстительную руку! Ты—въ столицѣ врага, и являешься другомъ ея! Ты—въ столицѣ разрушителя твоей столицы, и хранишь оную какъ собственную столицу. Ты—въ столицѣ народа, поколебавшаго престолы Европы, и ты воздвигаешь въ ней престолъ, который онъ смѣлъ разрушить, но котораго не умѣлъ возставить.

Благословенный жребій быть покровителемъ и миротворцемъ народовъ! Ты самое сѣмя раздоровъ истребляешь, поражая рѣшительнымъ ударомъ гидру революціи, питавшуюся кровью и бѣдствіями народовъ.

Лѣтописи не имѣютъ примѣровъ толикаго величія и славы, толикихъ благословеній, небесныхъ и земныхъ, срѣтающихся въ одномъ лицѣ, какъ въ лицѣ

Александра Благословеннаго
Великодушнаго покровителя народовъ.

Государь! Твое безпримѣрное величіе безмѣрно возвышаетъ народъ россійскій. Онъ чувствуетъ все свое счастье, всю славу принадлежать твоему скипетру. И онъ желаетъ сказать сіе чувствованіе вселенной и потомству; и потому всеподданнѣйше проситъ не возбранять свободному его усердію въ вѣчное проповѣданіе твоей славы воздвигнуть памятникъ:

Александру Благословенному
великодушному народовъ покровителю
отъ признательной Россіи.

Знаемъ, государь, что твоя великая душа не желаетъ иныхъ памятниковъ, кромѣ счастья своихъ и чуждыхъ народовъ, и что ты, колико умѣешь быть, столько не любишь казаться великимъ. Но да не кажемся мы послѣдними изъ тѣхъ, которые благославляютъ и будутъ благословлять тебя, и да не скажетъ потомство, будто мы не довольно понимали безцѣнное благо, которое въ тебѣ намъ даровано!

3.

Мнѣніе генерала Вязмитинова.

Въ число предполагаемыхъ къ сооруженію разныхъ памятниковъ всемилостивѣйшему государю отъ спасенныя и превознесенныя имъ Россіи, а равно и сверхъ присвоенія высочайшему его имени проименованія, какое разсуждено будетъ для незабвеннаго сохраненія въ потомствѣ столь великихъ, едва имовѣрныхъ событій, каковы случились нынѣ, приличнo кажется увѣковѣчить и тотъ вожделѣннѣйшій день, въ который его императорское величество, при возвращеніи въ предѣлы владычества своего, благоволитъ ступить на отечественную землю. Память дня сего, толико всѣми ожидаемаго, ознаменовать построеніемъ въ С.-Петербургѣ храма Божія во имя праздника святаго или святой, память которыхъ тогда случится; включить тотъ день въ число большихъ празднествъ; сочинить на сей случай особую службу и производить каждогодно во вееь тотъ день повсемѣстно колокольный звонъ. На оном храмѣ, надъ входомъ съ западной стороны, учинить слѣдующую надпись: „кто Богъ великій, яко Богъ нашъ, ты еси Богъ, творяй чудеса“. Слова изъ священнаго писанія, помѣщенныя въ отзывѣ его императорскаго величества къ августѣйшей своей матери, ибо извѣстно всѣмъ и каждому, что его императорское величество и словомъ, и дѣломъ, съ твердою вѣрою христіанина и во всемъ полагающагося на Промыселъ Божій, не себѣ, но имени Всевышняго приписываетъ всю славу успѣховъ своихъ. На особой же доскѣ, въ приличномъ мѣстѣ храма, означить исторію сего событія.

Разсмотрѣвъ эти новые проекты, а также и ранѣе представленные коммисія заключила:

1) Проектъ прошенія отъ Святѣйшаго Синода и Правительствующаго Сената государю императору, присланный отъ неизвѣстнаго, представляется сочиненіемъ, написаннымъ лучшимъ слогомъ и заключающимъ отличныя мысли, а потому подлежитъ присоединенію къ

мъ бумагамъ, которыя при дѣлѣ представлены будутъ общему собранію.

2) Признавая, что всякое предположеніе, которое послужить можетъ къ ознаменованію предъ потомствомъ настоящей знаменитой эпохи и чувствъ глубочайшей признательности государю императору вѣрныхъ подданныхъ его, заслуживаетъ особеннаго уваженія, а наипаче предположеніе столь отличное, каково есть генерала-отъ-инфантеріи Вязмитинова, о сооруженіи храма Божія, коммисія положила: представить записку его, какъ заключающую новое предложеніе, общему собранію на разсмотрѣніе и опредѣленіе его, и

3) Сдѣлавъ уже свои о титулѣ государю императору заключенія и объяснивъ тѣ уваженія, кои при семъ случаѣ были приняты въ соображеніе, коммисія положила: записку графа Стройновскаго присоединить къ тѣмъ бумагамъ, кои въ общее собраніе внесены быть имѣютъ.

Затѣмъ, 24-го апрѣля 1814 г., состоялось окончательное засѣданіе коммисіи, въ коемъ:

I. Былъ выслушанъ проектъ прошенія государю императору, сочиненный и исправленный затѣмъ на основаніи предыдущихъ разсужденій коммисіи, тайнымъ совѣтникомъ Нелединскимъ-Мелецкимъ. Утвердя означенный проектъ, коммисія положила: представить его въ общее собраніе.

II. Въ виду того, что общее собраніе Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената опредѣлило воздвигнуть памятникъ государю императору, въ ознаменованіе на вѣчныя времена въ потомствѣ величайшихъ дѣлъ его императорскаго величества и благодарности вѣрныхъ подданныхъ его,—коммисія, включа въ прошеніе его императорскому величеству всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи соорудить оный, нужнымъ признала, для приведенія сего въ дѣйство, принять неотлагательно слѣдующія мѣры:

1-е) предложить посредствомъ г. министра народнаго просвѣщенія академіи художествъ, искуснѣйшимъ художникамъ и всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ, сочинить проектъ памятника, который бы передалъ дальнѣйшему потомству сію важнѣйшую и единственную для Россіи эпоху, принявъ для памятника надпись: «Александру Благословенному, императору всероссійскому, великодушному державъ возстановителю, отъ признательной Россіи»;

2-е) для сооруженія памятника употребить сумму, какая собрана быть можетъ по постановленіямъ дворянскихъ собраній и купеческихъ обществъ во всемъ государствѣ;

3) вслѣдствіе сего предписать всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, дабы они, созвавъ въ губерніяхъ, имъ ввѣренныхъ, дворянскія собранія и купеческія общества и сообща имъ объ упомянутомъ предположеніи

воздвигнуть памятникъ отъ благодарныя Россіи великому государю нашему, предложили имъ: назначить добровольно, дворянству отъ себя, а купечеству отъ сословія своего, тѣ суммы, какія они въ ревностномъ усердіи своемъ опредѣлить пожелаютъ. А дабы сколько можно способствовать удобности назначенія складокъ сихъ, то предоставить сумму, которая назначена будетъ въ каждой губерніи, собрать въ четыре года по равной части, начиная съ 1-го января 1815 года, дворянству изъ собственныхъ своихъ доходовъ, а купечеству по раскладкѣ на капиталы или какъ оно въ собраніяхъ своихъ за лучшее признаетъ.

III. Между предположеніями о средствахъ ознаменовать въ потомствѣ настоящую славу Россіи и изъявить государю императору ту дань признательности вѣрныхъ подданныхъ его, которая отъ нихъ зависѣть можетъ, признаваемо было нужнымъ выбить медаль.

Убѣдясь въ полной мѣрѣ о приличіи поднести государю императору медаль отъ благодарныя Россіи, коммисія полагала:

1-е) предоставить министру народнаго просвѣщенія, чтобъ составленъ былъ проектъ таковой медали, для чего сообщить ему и имѣвшійся въ распоряженіи коммисіи проектъ, какъ заключающій въ себѣ «мысль счастливую и настоящему случаю весьма приличную»;

2-е) медаль сію поднести государю императору отъ общаго собранія Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената совокупно;

3-е) медаль выбить въ большомъ и маломъ видѣ;

4-е) золотыя медали доставить отъ имени общаго собранія всѣмъ г.г. генераламъ, настоящую славную войну производившимъ, а серебряныя медали препроводить штабъ и оберъ-офицерамъ;

5-е) для сего заготовить: медалей золотыхъ большаго разбора 50 и малаго 500, а медалей серебряныхъ большихъ 3.000 и малыхъ 10.000;

6-е) сумму, какая на выбитіе и заготовленіе медалей сихъ въ упомянутомъ выше числѣ потребна быть можетъ, назначить изъ той самой, которая на сооруженіе памятника будетъ собрана; о чемъ предварить дворянскія собранія и купеческія общества посредствомъ гражданскихъ губернаторовъ, при случаѣ собраній ихъ для опредѣленія суммы на сооруженіе памятника. Въ заключеніе коммисія опредѣлила: «представить въ подлинникѣ журналы свои общему собранію, вмѣстѣ со всѣми другими въ оное поступившими бумагами, для разсмотрѣнія оныхъ и утвержденія того, что общимъ собраніемъ будетъ за благо принято».

Въ субботу, 25-го апрѣля 1814 г., въ 12 часовъ, состоялось вновь чрезвычайное собраніе высшихъ сословій [1]). Засѣданіе открылось раз-

[1]) Присутствовали: Амвросій, митроп. новгор.; Иринеій, архіеп. псковскій; Серафимъ, архіеп. минскій; духовникъ, протопресв. Павелъ Криницкій; оберъ-священникъ Іоаннъ Державинъ, кн. Н. Салтыковъ, гр. Н. Румянцевъ, кн. А.

смотрѣніемъ представленныхъ отъ коммисіи: 1) постановленія ея по возложенному порученію; 2) вступившихъ отъ разныхъ особъ предначертаній, и 3) сочиненнаго коммисіею проекта всеподданнѣйшаго прошенія его императорскому величеству отъ лица Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената, именемъ торжествующей Россіи (Текстъ прошенія помѣщенъ въ Полн. Собр. Закон., № 25, 629).

Собраніе, одобривъ оный проектъ во всей его силѣ, положило: 1-е) утвердивъ общимъ подписаніемъ всеподданнѣйшее прошеніе, по точнымъ словамъ проекта написанное, отправить немедленно къ его императорскому величеству депутатами господъ членовъ Государственнаго Совѣта: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса и кавалера князя Александра Борисовича Куракина, генерала-отъ-кавалеріи и кавалера Александра Петровича Тормасова и гофмейстера и кавалера графа Александра Николаевича Салтыкова, коимъ препоручить повергнуть къ высокомонаршимъ стопамъ сіе всеподданнѣйшее прошеніе; 2-е) согласно съ мнѣніемъ коммисіи, изложеннымъ въ журналѣ 24-го сего апрѣля, чтобъ для ознаменованія въ потомствѣ настоящей славы Россіи и признательности къ государю императору, выбить медаль и воздвигнуть памятникъ, буде воспослѣдуетъ на то высокомонаршее соизволеніе, съ надписью: «Александру Благословенному, императору всероссійскому, великодушному державъ возстановителю, отъ признательной Россіи», нынѣ же приступить къ исполненію сего предположенія. Вслѣдствіе чего, посредствомъ господина министра просвѣщенія, предложить академическимъ и прочимъ искуснѣйшимъ въ Европѣ художникамъ о изобрѣтеніи проектовъ памятнику и медали, которые бы достойны были предать позднѣйшему потомству сію славную и безпримѣрную для Россіи эпоху. Тогда же препроводить къ господину министру просвѣщенія и тотъ проектъ медали, который представленъ былъ

Куракинъ, П. Шепелевъ, В. фонъ-Дезинъ, С. Вязмитиновъ, кн. Лопухинъ, гр. В. Кочубей, бар. Ѳ. Колокольцовъ, М. Донауровъ, А. Тормасовъ, С. Хитрово, А. Карцаковъ, А. Саблуковъ, марк. И. Траверсе, Д. Гурьевъ, царевичъ грузинскій Миріанъ, П. Чичаговъ, В. Поповъ, гр. А. Разумовскій, И. Кушелевъ, И. Алексѣевъ, гр. Литта, гр. Г. Армфельдтъ, кн. А. Горчаковъ, И. Тутолминъ, гр. И. Апраксинъ, Н. Кожинъ, гр А. Салтыковъ, гр. С. Салтыковъ, А. Болотниковъ, С. Барщовъ, гр. Ивеличъ, царевичъ Давыдъ, кн. Салаговъ, М. Обресковъ, И. Неплюевъ, кн. П. Щербатовъ, Г. Качка, О. Козодавлевъ, А. Бибиковъ, П. Митусовъ, И. Вейдемейеръ, К. Модерахъ, З. Карнеевъ, Д. Резановъ гр. Хвостовъ, Н. Беклешовъ, К. Габлицъ, Г. Кондоиди, И. Аршеневскій, Ю. Нелединскій-Мелецкой, И. Захаровъ, И. Пестель, М. Миклашевскій, кн. А. Голицынъ, М. Бакунинъ, Д. Ланской, М. Толстой, М. Бороздинъ, бар. Кампенгаузенъ, П. Молчановъ, кн. Н. Шаховской, гр. В. Стройновскій, А. Хитрово, при министрѣ юстиціи Дмитріевѣ.

въ коммисію отъ господина сенатора графа Сергѣя Николаевича Салтыкова, а отъ оной въ общее собраніе; 3-е) относительно изыдженія, потребнаго на сооруженіе памятника и выбитія медали, нѣтъ сомнѣнія, чтобы всѣ сословія въ Имперіи не захотѣли содѣйствовать въ томъ съ равнымъ патріотическимъ усердіемъ, и потому предоставить господину главнокомандующему въ Санктпетербургѣ и управляющему министерствомъ полиціи отнестись о томъ къ господамъ военнымъ губернаторамъ, управляющимъ гражданскою частію, генералъ-губернаторамъ и гражданскимъ губернаторамъ, препоруча онымъ во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ открыть путь всѣмъ сословіямъ: дворянскому, посредствомъ губернскихъ предводителей и маршаловъ, купеческимъ обществамъ—чрезъ городскихъ головъ и бургомистровъ, прочимъ же—чрезъ городскую и земскую полиціи, къ добровольному пожертвованію изъ ихъ достоянія, по мѣрѣ усердія и возможности каждаго, для сооруженія сего памятника и выбитія медали, допустя къ сему похвальному соревнованію какъ государственныя волости, такъ и подвѣдомственныя департаменту удѣловъ, не отвергая ниже скуднѣйшаго, но не менѣе цѣннаго по усердію приношенія, отъ кого бы то ни было. Имена же таковыхъ помѣщать въ спискахъ наравнѣ съ прочими. Но дабы никакое сословіе, отъ избытка усердія, не могло стѣснить себя поспѣшнымъ отправленіемъ суммъ, какія будутъ отъ нихъ назначены, то господинъ главнокомандующій въ Санктпетербургѣ имѣетъ поставить на видъ губернскимъ начальствамъ, что таковыя суммы могутъ быть вносимы по равнымъ частямъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, считая съ 1-го января 1815 г. По полученіи же отъ всѣхъ сословій и состояній свѣдѣнія о добровольно-назначенныхъ суммахъ, донести общему собранію о полномъ количествѣ оныхъ и доставить притомъ списокъ учинившимъ частныя приношенія. На сей конецъ къ господину главнокомандующему въ Санктпетербургѣ, господину министру просвѣщенія и господину министру финансовъ препроводить посредствомъ господина министра юстиціи копіи съ сего журнала; 4-е) всѣ бумаги, внесенныя коммисіею, хранить въ оном собраніи при настоящемъ журналѣ вмѣстѣ съ послѣдовавшими по сему же предмету постановленіями; 5) когда получены будутъ отъ господина главнокомандующаго окончательныя свѣдѣнія о собранныхъ суммахъ добровольнаго приношенія, а отъ господина министра просвѣщенія вышеозначенные проекты, тогда имѣетъ быть вновь чрезвычайное собраніе для совѣщанія о мѣрахъ къ произведенію въ дѣйство вышеизъясненныхъ предположеній, равно и другихъ проектовъ, кои отъ разныхъ особъ поступили въ коммисію и внесены отъ оной въ сіе собраніе.

4-го мая 1814 года общее собраніе Правительствующаго Сената, пригласивъ избранныхъ 25-го апрѣля депутатами членовъ совѣта и кавалеровъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса князя Але-

ксандра Борисовича Куракина, генерала-отъ-кавалеріи Александра Петровича Тормасова и гофмейстера графа Александра Николаевича Салтыкова, вручило посредствомъ господина министра юстиціи старшему изъ нихъ, утвержденное всеобщимъ подписаніемъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената его императорскому величеству всеподданнѣйшее прошеніе о милостивомъ принятіи подносимаго отъ признательной Россіи въ лицѣ вышепомянутыхъ трехъ сословій титла: «Благословенный», и о дозволеніи въ незабвенное воспоминаніе въ грядущія времена благополучныхъ событій, нынѣ случившихся, и въ засвидѣтельствованіе позднѣйшему потомству чувствованій торжествующей Россіи и ея безпредѣльной преданности къ своему государю императору, соорудить въ престольномъ градѣ памятникъ, возложивъ на нихъ повергнуть къ освященнымъ стопамъ его императорскаго величества вышесказанное всеподданнѣйшее прошеніе, о чемъ постановило: записать въ журналъ, а дабы пребывающіе въ Москвѣ 6-й, 7-й и 8-й департаменты Правительствующаго Сената о всѣхъ по сему случаю постановленіяхъ чрезвычайныхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ собраній были извѣстны, сообщить въ нихъ вѣдѣніе.

А. В. Безродный.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Указъ императора Александра I тайному совѣтнику, сенатору, санктъ-петербургскому гражданскому губернатору Бакунину.

20-го апрѣля 1809 г.

Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ доставленный вами приговоръ С.-Петербургской палаты уголовнаго суда, по дѣлу о почталіонѣ Макаревскомъ, судимомъ за сдѣланіе на видъ пяти рублеваго достоинства ассигнаціи.

Разсмотрѣвъ оный, нахожу я почталіона Макаревскаго виновнымъ въ одной токмо шалости безъ всякаго умысла, поелику онъ, какъ и свидѣтели показали, писалъ при нихъ съ усмѣшкою и шутя на синей бумагѣ, которая похожа нѣсколько на настоящую пяти рублевую ассигнацію только цвѣтомъ, а въ прочемъ нѣтъ на ней ни штемпелей, ни поддѣлки подъ номеръ, и она существо свое ничтожное при первомъ взглядѣ всякому показываетъ, слѣдственно, если бы и сомнилъ онъ обмануть кого, то трудъ его былъ бы тщетенъ. По симъ основаніямъ, а также и потому, что онъ, по молодымъ его лѣтамъ, способенъ загладить сей проступокъ службою, повелѣваю, не производя надъ нимъ, Макаревскимъ, присужденнаго палатою тѣлеснаго наказанія, отослать его куда слѣдуетъ, для опредѣленія въ солдаты.

Поправки.

1) На страницѣ 392 ноябрьской книжки два раза напечатано: Любомірскій, слѣдуетъ читать: Любощинскій Маркъ Николаевичъ.

2) На стр. 419 той же книжки строка 12-я сверху напечатано: „неофиціальное поведеніе“, слѣдуетъ читать: „неожиданное поведеніе“.

Издатель С. Быковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1897 г.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Графъ М. М. Сперанскій и графъ А. А. Аракчеевъ (По воспоминаніямъ Г. С. Батенкова).	83—92
II.	Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга. Часть II. А. А. Гирса.	121—138; 405—424; 591—614
III.	Записки Василія Антоновича Инсарскаго. Часть III. Гл. IV—IX. . .	159—187; 425—445; 631—648
IV.	Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка (Окончаніе). Ф. Я. Лучинскаго. .	201—215
V.	Къ воспоминаніямъ объ А. А. Катенинѣ. Сообщилъ М. Галкинъ-Враской . .	217—221
IV.	Типы и картинки прошлаго В. А. Шомпулева	323—330
VII.	Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1818 годъ. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.	331—353; 539—567

Портреты.

I. Портретъ Николая Алексѣевича Милютина.
(При 10-ой книгѣ).

II. Портретъ Карла Ивановича Рабуса. Грав. К. Адтъ.
(При 11-ой книгѣ).

III. Портретъ Александра Лаврентьевича Витберга. Грав. К. Адтъ.
(При 12-ой книгѣ).

Исторія русской литературы.

1. Кто можетъ считать себя блаженнымъ въ жизни. Сообщ. Л. С. М—чъ 36
2 Сатира на три похвальныхъ слова Екатеринѣ II, сочиненныя Карамзинымъ, Захаровымъ и Храповицкимъ. Сообщ. Л. С М—чъ 306
3. Воспоминанія о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. А. И. Савельева. 374
4. Эпиграмма на Карамзина. Отвѣтъ на нее Дмитріева. Эпиграммы на Хомутова и Ханыкова 496
5. „Весь-гомъ". Сатира на кампанію 1807 г. Сообщ. Л. С. М—чъ . . . . . 569—570

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. На зарѣ крестьянской свободы (Матеріалы для характеристики общества). Гл. I—III. R. 5—35; 225—250; 449—476
II. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII в. Гл. IV—VIII. B. B. . . 37—63; 251—271; 497—533

СТРАН.

III. И. И. Дмитріевъ—П. П. Свиньину 15-го апрѣля 1829 года 64

IV. Россія и Персія (Эпизодъ изъ русско-персидской войны 1827 г.). И. А. Зиновьева . . . . 65—81

V. Запрещеніе привоза сочиненій Вольтера и пріѣзжающимъ французамъ оставаться въ Митавѣ. Сообщ. А. В. Безродный 82

VI. «Бранка» въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 г. А. С. 93—96

VII. Андрей Андреевичъ Жерве. П. М. Майкова. 97—120; 393—403

VIII. Н. А. Милютинъ и Редакціонныя коммисіи В. Е. Якушкина . . . . . 139—158

IX. Два указа Александра I отъ 15-го и 17-го марта 1807 г. 188

X. Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. А. Н. Попова. Сообщ. П. Н. Щуриковъ. . . . . 189—200

XI. П. Плетневъ—А. Г. Тройницкому 22-го ноября 1838 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій 216

XII. Рескриптъ Александра I—Д. А. Гурьеву отъ 9-го апрѣля 1811 г. 222

XIII. Бытовыя черты конца прошлаго вѣка. А. Слезскинскаго . . . . . 223—224

XIV. Оливковая вѣтвь Франціи на гробницѣ императора Александра III. Сообщ. Г. А. Тройницкій. 272

XV. А. В. Головнинъ и его отношенія къ А. И. Герцену. В. А. Цев . . . . . 273—277

XVI. Два распоряженія при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II. Сообщ. А. З. Мышлаевскій 278

XVII. Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ. II. . . . . 279—305

XVIII. Академикъ К. И. Рабусъ. Сообщила Н. К. Смирницкая. . . . . 307—321

XIX. Два предложенія князя А. Н. Голицына святѣйшему правительствующему синоду отъ 9-го и 14-го февраля 1807 года 322

XX. Надпись неизвѣстнаго къ гробамъ императора Петра III и императрицы Екатерины II . . . 354

XXI. М. Н. Катковъ какъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» и возобновитель «Русскаго Вѣстни-

		стран.
	ка» (Письма его къ Никитенко). Сообщ. С. А Никитенко. . . . . 355 – 373;	571—589
XXII.	Къ исторіи царствованія императора Николая I. 375 – 392;	615—630
XXIII.	Указъ объ отставкѣ 1762 года. Сообщ. К. А. Военскій.	404
XXIV.	Письмо А. Стурдзы—А. Г. Тройницкому отъ 27-го марта 1844 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій.	446
XXV.	Академикъ А. Л. Витбергъ и его письма къ А. И. Герцену	477—495
XXVI.	Письмо Ив. Мартынова — Д. П. Руничу отъ 21-го января 1822 г.	534
XXVII.	А. С. Пушкинъ и эстляндцы. Сообщ. А. З. Мышлаевскій.	535—537
XXVIII.	Письмо Ив. Ив. Дмитріева—П. П. Свиньину отъ 28-го февраля 1825 года	538
XXIX.	Письмо Ѳ. В. Булгарина — Д. П. Руничу отъ 17-го іюня 1825 года	568
XXX.	Два письма А. Стурдзы къ А. Г. Тройницкому по случаю кончины графини Р. С. Эдлингъ отъ 8 го и 15-го февраля 1844 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій.	590
XXXI.	Приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Александра I въ 1814 г. А. В. Безроднаго. .	649—669
XXXII.	Указъ императора Александра I тайному совѣтнику, сенатору, санктъ-петербургскому гражданскому губернатору Бакунину отъ 20 го апрѣля 1809 года	670

Библіографическій листокъ.

1. Исторія россійскаго флота въ царствованіе Петра Великаго. Переведъ съ неизданной англійской рукописи графъ Е. Путятинъ. Спб. 1897 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ октябрьской книги).
2. Записки Пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. I, вып. III. Основныя цѣли орогеологическаго строенія хребта Сихота-Алина. Д. В. Иванова. Г. Хабаровскъ, 1897 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ-же).

3. Іерархи Новгородской епархіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Краткіе біографическіе очерки. Составилъ архиваріусъ архива и библіотеки Святѣйшаго Синода. К. Я. Здравомысловъ. Новгородъ, 1897 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ-же).
4. Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть третья. Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія, Польша и Португалія.—„Сокращенное извѣстіе о взаимныхъ между россійскими монархами и европейскими державами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Московскомъ архивѣ съ 1481—1798 г. Часть III. Собранное и по алфавиту государствъ расположенное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ 1804 г.". Москва, 1897 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ ноябрьской книги).
5. Шпіонство при Наполеонѣ I. Карлъ Шульмейстеръ (Charles Schulmeister). Перевелъ съ французскаго генеральнаго штаба полковникъ В. Клембовскій. Съ портретомъ и 2-мя картами. Цѣна 1 р. Спб. 1897 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ-же).
6. Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая, изданная членомъ Саратовской ученой коммисіи и почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ, 1896 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ-же).
7. Записки состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича Уральскаго общества любителей естествознанія. Томъ XIX, выпускъ 1-й. Физическая организація школьныхъ дѣтей Пермской губерніи. Антропологическіе матеріалы. А. И. Смородинцева и Н. А. Русскихъ, дѣйствительныхъ членовъ Уральскаго общества любителей естествознанія. Съ 13 литогр. таблиц. Екатеринбургъ, 1897 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ декабрьской книги).
8. О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Н. Успенскій. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Москва. Н. И. Кашкадамова (тамъ-же).

Приложеніе.

Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. — Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны 1745—1748 гг. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ (при X, XI и XII книгахъ) . . . . . 193—240.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 89, 90, 91 и 92 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1897 года.

А.

Аббасъ-Мирза, персид. принцъ, род. 1783 г., † 1833 г., т. XCII, окт. 66—80.

Авенаріусъ, В., сообщ. „Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ“, т. LXXXIX, февр., 327 — 332, т. XCI, авг., 446 — 447, упом. т. XC, іюнь, 611—618, т. XCI, авг., 441 - 446.

Аврамовъ, полковн., команд. Казанск. пол. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 208, т. XC, апр., 32, 33.

Адеркасъ, полковн. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 107.

Адлербергъ, Александр. Влдм. мн-ръ двора съ 1872 — 1881 г., † 1888 г., т. XCI, сент., 667, т. XCII, нояб., 330.

Адлербергъ, гр., Владм. Ѳед, мин. двора, род. 1790 г., † 1884 г., томъ XCII, окт., 14, нояб., 230, декаб., 450.

Адлербергъ, Юлія Ѳед., начальница, Смольн. инст. 1809 г., т. XCI, сент., 516.

Аксакова, Вѣра Серг., т. XCII, декаб., 468.

Аксаковъ, Иванъ Серг., род. 1823 г., † 1886 г., т. LXXXIX, февр., 329, т. XCII, декаб., 455.

Алединскій, Александ. Павлов., т. XCII, окт., 116, нояб., 352, декаб., 539.

Александра Ѳеодоровна, императр., р. 1798 г., † 1860 г., т. LXXXIX, янв., 6, февр., 197, 275, 330, 387, 388, мартъ, 465, 486, 490, 493, т. XC, апр., 6, 50, іюнь, 506, т. XCI, іюль, 129, авг., 446, т. XCII, нояб., 327, 328.

Александренко, В. Н., профес. Варшавск. унив., т. XC, іюнь, 432, 441.

Александръ I, императ., р. 1777 г., † 1825 г., т. LXXXIX, янв., 5—48, февр., 193 — 220, 272, мартъ, 420 — 455, 459 — 477, 488, 493, 516, 524, 537, 578 - 580, 598, 606, т. XC, апр., 5 — 25, 28, 72, 120 — 126, 173, май, 212—233, 259, 424, іюнь, 452 — 497, 518 - 534, 557, т. XCI, іюль, 5 — 10, 28, 39, 44—102, 109—127, 164, авг., 292, 333 - 374, авг., 416, сент., 481 — 511, 592, 607 - 631, 672. 674, т. XCII, окт., 89, 90, 104, 107 - 120, 188 — 222, нояб., 279 — 382, декаб., 482. 488, 494, 495, 538—567, 620. 648 — 670.

Александръ II, императоръ, род., 1818 г., † 1881 г., т. LXXXIX, янв., 139 — 141, февр., 237, 281, 389, 391, т. XC, апр., 173, 176, май, 269, 371, іюнь, 500, 506, т. XCI, іюль, 134, 136, авг., 355, сент., 637, 664, 667, т. XCII, окт., 7, 139 — 154, 165, 202, 214, нояб., 228, 316, 330, 430, 434, декаб., 449—477.

Александръ III, импер., т. LXXXIX, янв., 141, 142, мартъ, 599, т. XCII, нояб., 272.

Александръ, герцог. Виртембергскій, генер. 1817 г., т. XC, іюнь, 456, т. т. XCII, нояб., 333.

Алексѣй Александровичъ, вел. кн., ген.-адм., т. LXXXIX, мартъ, 599.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, род. 1690 г., † 1718 г., томъ LXXXIX, янв., 57, 63, 65.

Алопеусъ, послан. въ Берлинѣ, 1817 г., т. XC, іюнь, 472, 473, т. XCII, окт., 111, нояб., 350.

Алсуфьевъ, секретарь Елисаветы Петровны 1758 г., т. XCII, декаб., 526

Алфимовъ, чинонач. 1793 г., т. LXXXIX, мартъ, 536.
Альбовскій, Евгеній, сообщ.: „Императоръ Павелъ I и митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ", т. XC, май, 279—282.
Альбединъ, гофмарш. 1818 г., т. XCII, нояб., 332.
Амбургеръ, банкиръ 1801 г., т. XCII, окт., 99.
Амвросій (Орнатскій), род. 1778 г., † 1827 г., т. LXXXIX, февр., 394.
Анастасія Романовна, царица, супруга Іоанна Грознаго т. XC, іюнь, 598, 599, 605, т. XCI, іюль, 194.
Анна Іоанновна, императрица, род. 1693 г., † 1740 г., т. LXXXIX, мартъ, 406—417, т. XC, іюнь, 427—436, 541, 567, т. XCI, авг., 225—246, 294, сент., 450—462.
Анна Леопольдовна, правительница, р. 1718 г., † 1746 г., т. XCI, авг., 241, 243, сент., 458—477.
Анна Павловна, вел. княг., въ супр. королева Нидерландская, р 1795 г., † 1865 г., т. LXXXIX, мартъ, 418, т XC, іюнь, 490, т. XCII, нояб., 348, 353, декаб., 546.
Анна Ѳеодоровна, вел. княгиня, супруга цесаревича Константина Павловича, † 1860 г., т. XCII, декаб., 566.
Анрепъ, ген.-лейт. 1807 г., LXXXIX, янв., 82, 102, 105, 107, февр., 267, т. XC, апр., 82, 83, 84, 100.
Антоновъ, В., сообщ.: „Картинки боевой жизни. Изъ зап. Ѳ. Э. Штоквича", т. XC, апр., 55—66.
Антоній, еписк. оренб. 1860 г., томъ LXXXIX, янв., 190.
Апраксина, гр-ня, Анна Павловна, рожд. гр. Ягужинская, т. LXXXIX, февр., 224.
Апраксинъ, гр., Петръ Ѳед., ген.-поруч., род. 1728 г., † 1811 г., томъ LXXXIX, февр., 224—227 прилож 33.
Апраксинъ, Степ. Ѳед., ген-фельдм., р. 1702 г., † 1758 г., т. XCI, авг., прилож., 190, т. XCII, декаб., 497—530, прилож., 226.
Апраксинъ, Ѳед. Матвѣев., ген.-адмиралъ † 1728 г., т. LXXXIX, янв., 62, 67, т. XCI, авг., 277.
Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., род. 1769 г., † 1834 г. т. LXXXIX, янв., 13—47, февр., 199, 203—217, мартъ, 417, 462—494, т. XC, апр., 12, 13, 28, 125, іюнь, 452, 521, т. XCI, іюль, 72—97, авг., 338, 343, т. XCII, окт., 36, 83—92, 110, 118, нояб., 293, 302, 332, декаб., 569.
Аргамаковъ, Алексѣй Мих., перв. директоръ Москов. унив. † 1757 г., т. LXXXIX, янв., 168.
Аргамаковъ, капит. 1751 г., т. XCII, декаб., прилож., 239.
Аргутинскій, ген.-ад., т. XC, апр., 62.
Арендтъ, Никол. Ѳед., лейбъ-мед., † 1859 г., т. XC, апр., 124.
Арнабольди, помощн. директ. театровъ 1792 г., т. LXXXIX, мартъ, 475, 476.
Арсеній, архіеп. 1747 г., т. XCI, іюль, 162, 163, 164.
Арсеньевъ, Ю. К. Олонецк. губернаторъ, т. LXXXIX, мартъ, 552.
Арсеньевъ, полковн. 1807 г., т. XC, май, 315, 316.
Архаровъ, Никол. Петровичъ, моск. об.-полиціймейст., р. 1742 г., † 1814 г., т. LXXXIX, мартъ, 534.
Арцимовичъ, Викт. Антон., сенат., т. XC, апр., 103—119.
Асхочинскій, издат. «Домашней Бесѣды» 1863 г., LXXXIX, мартъ, 502.
Ахвердовъ, арханг. гражд. губернат. 1798 г., т. XC, іюнь, 536.

В.

Бабичева, княг., томъ XCII, нояб. 325—328.
Багговутъ, Карлъ Ѳед., ген.-лейт., род. 1761 г., † 1812 г., т. LXXXIX, янв., 101—108, февр., 267, т. XC, апр., 79, 86, 93, 96, май, 309—311, т. XCI, авг., 364.
Багратіонъ, кн. Петръ Ив., р. 1765 г., † 1812 г. т. LXXXIX, мартъ, 526, 527, томъ XC, апр., 86, 93, 94, май, 299—313, іюнь, 455, 456, 463, 468, т. XCI, іюль, 110, 111, 117, сент., 620.
Багратіонъ-Мухранскій, кн., Георгій, 1856 г., т. XCI, сент., 582, томъ XCII, декаб., 635—639.
Багрѣева, рожд. Сперанская, т. XCII, окт., 89.
Вавенъ, полков. 1893 г., т. LXXXIX, мартъ, 536, 537.
Вакунина, Антонина Ксаверьев., см. Квятковская.
Вакунинъ, Мих. Александ., р. 1814 г., † 1876 г., томъ LXXXIX, февр., 389—393.
Вакунинъ, Мих. Мих., Спб. губернаторъ 1809 г., сенат., род. 1765 г., † 1826 г., т. XCII, декаб., 660, 670.
Валабинъ, 1831 г., т. XC, іюнь, 617.
Валатуевъ, кн. ген.-м. 1816 г., томъ XCI, іюль, 97.
Валашовъ, чл. Гос. Сов. 1825 г., томъ LXXXIX, мартъ, 483.
Валуѣвскій, Мих. Андреев., сенат.,

род. 1769 г., † 1848 г., томъ XCII, нояб., 400, 403.

Завтышъ-Каменскій, Дм. Николаев., писат., † 1814 г., т. XCI, авг., 395, 403.

Заровъ, сенат. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 483, т. XCII, ноб., 377—379,

Заратынскій, Евген. Абрам., поэтъ. † 1844 г., т. LXXXIX, февр., 273, 278.

Зарклай-де-Толли, кн., Мих. Богдан., род. 1761 г., † 1818 г., т. LXXXIX, янв., 85, 88, 91, 95, 100—107, февр., 267, т. XC, апр., 74—96, май, 301—315, іюнь, 464 — 531, т. XCI, іюль, 109—124, авг., 350—373, сент., 607—631, т. XCII, окт., 117, 119, 189—200, нояб., 332, 333.

Зарсовъ, Антонъ Алексѣев., профес., род. 1730 г., † 1791 г., т. XC, іюнь, 553—555.

Зарсовъ, Елпидиф. Васильев., археологъ, писатель, т. LXXXIX, мартъ. 574.

Зарудковъ, Никол. Платоновъ., писатель, т. LXXXIX, янв , 166, 167.

Зартеневъ, Юрій Никол., т. XCI, іюль, 104.

Зарятинскій, кн. Александ. Иван., фельдмарш., род. 1815 г., † 1879 г., т. XCI, сент., 561 — 591, т. XCII, окт., 159 — 187, нояб., 425, декаб., 631—648.

Зарятинскій, кн. Викт. Ив., т. XCII, нояб., 242.

Зарятинскій, кн. Влад. Ив., т. XCII, нояб., 2 42, 243.

Зарятинскій, кн. Ив. Петров., воевода 1668 г., т. XCI, авг., 377, 379, 391.

Зарятинскій, кн., Серг., капит. 1745 г., т. LXXXIX, янв., прилож., 9.

Васильковъ, адм. 1829 г., т. XCI, іюль, 132.

Вассевичъ, гр., голштинск. послан. въ Спб. 1722 г, т. LXXXIX янв., 64, 66.

Ватенковъ, Гавріилъ Степ. декабр. † 1867 г., т. XCII, окт., 83.

Ватюшковъ, Конст. Никол., писат., род. 1787 г., † 1855 г., т. LXXXIX, февр., 275.

Вахметева, Софія Ив., рожд. Дунина т. LXXXIX, мартъ, 515.

Вахметева. Софія Николаев., вт. зам. Герасимова, † 1885 г., т. LXXXIX, мартъ, 517, т. XC, май, 366—368.

Вахметевъ, Никол. Дм., т. LXXXIX, мартъ, 515, т. XC, май, 366.

Вахметевъ, намѣстникъ бессарабскій 1816 г., т. XCI, іюль, 78.

Вахтеряевъ-Ростовскій, кн., Влад. Ив., боярин., † 1616 г., т. XC іюнь. 610.

Вахтинъ. чл Госуд. Сов. 1865 г., томъ XC, май, 344.

Вашмановъ, камергеръ, Херсонскій губернат. 1860 г., томъ XCI, сент., 656, 657.

Вашуцкій. спб. коменд. 1825 г., томъ LXXXIX, февр., 198.

Вебутовъ. кн. Вас. Осип., геп. отъ инф., † 1858 г., т. XC, апр., 60—62, т. XCI, сент., 569 — 573, т. XCII, окт., 170.

Вевбородко, кн., Александ. Андреев., канцл. род., 1747 г., † 1799 г., томъ LXXXIX, февр., 232, мартъ, 534, 475, т. XCI, авг., 405, т. XCII, декаб., 593, 595, 603.

Вевродчый. А. В., сообщ.: «Собственноручная записка Екатерины II, объявленная сенату ген.-прокуроромъ кн. Вяземскимъ», т. LXXXIX, февр., 226, «Отданіе чести сенаторамъ», «Постановленіе Общ. Собр. сената о присутствованіи всѣмъ составомъ на погребеніи ген.-фельдм. кн. Н. И. Салтыкова», т. XC, апр., 26, «Сатира 1811 г. на Тверской бульваръ», 67—72, «Прошлый вѣкъ въ его нравахъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ», май, 283—298; «Описка въ имени императора Петра Великаго и ея послѣдствія», 380, «М. В. Ломоносовъ», іюнь, 535 — 538, «Желаніе Сената принести моленіе въ Казанскомъ соборѣ по случаю изгнанія непріятеля изъ Россіи», т. XCI, іюль, 164; «Блюститель нравственности. Рапортъ Казанск. губернск. прокурора Овцына министру юстиціи», 196, „Назначеніе кн. А. В. Суворова въ дѣйствующую армію въ 1760 г.», сент., 480; «О запрещеніи привоза сочиненій Вольтера. Письмо Лифляндскаго губернат. Рихтера къ Курлянд. губернат. Ламздорфу» и «Указъ Курляндскому губернатору, чтобы пріѣзжающіе французы не оставались въ Митавѣ 1798 г.», томъ XCII, окт., 82 «Гербъ Шервуда-Вѣрнаго», декаб., 620, 621.

Веклемишевъ, вице-губернат. Курляндск г. 1861 г., т. XCII, нояб., 239.

Веклемовъ, А. А. Москов. воен. губернат. 1805 г., т. LXXXIX, мартъ 598, т XC, май, 424, т. XCII, нояб., 305.

Вемъ, ген. 1830 г., т. XC, май, 398, 402, 403.

Венвендорфъ, гр. Александ. Христоф, шефъ жанд., род. 1783 г, † 1844 г., т. LXXXIX. янв., 84, мартъ, 474, 481, т. XC, апр., 20, май, 261, 262, 268, іюнь, 613, т. XCII, нояб., 313, 384, декаб. 491.

Венкендорфъ, Пав. Ермолаев., Эстляндскій губернат. 1837 г., т. XCII, декаб., 535—537.

Беннигсенъ, гр., Леонтій Леонтіев., генер., род. 1745 г., † 1826 г., томъ LXXXIX, янв., 81—110, февр., 253—272, томъ XC, апр., 73—102. май, 299—316, іюнь, 466, 469, 470, 519—526, т. XCI, іюль, 74, 79, 95, 109—124, авг., 357-373, сент., 607—631, т. XCII, окт., 190-200, декаб., 560.

Вергъ, коменд. Бобруйск. крѣпости 1817 г., т. XC, іюнь, 471.

Вердяева, Елена Никол рож. Бахметева, томъ LXXXIX, мартъ, 517, 519.

Вересинъ, профес., 1860 г., т. XCII, окт., 17.

Верже, Адольфъ Петров., предсѣдат. Кавказ. археографической комиссіи, † 1886 г., т. XCII, окт., 169.

Вестужевъ (Марлинскій), Александ. Александров., писат., декабристъ, р. 1797 г., † 1837 г., т. LXXXIX, февр., 204, 275.

Вестужевъ-Рюминъ, гр.. Алексѣй Петров., канцл., р. 1693 г. † 1766 г., томъ LXXXIX, янв, прилож., 24, февр. прилож., 49, мартъ, прилож., 65, т. XCI, авг., 242, 244, т. XCII, окт., 43, 52—54, 62, 63, нояб, 251—268, декаб., 498—522.

Вестужевъ-Рюминъ, Конст. Никол., акад., † 1897 г., т LXXXIX, мартъ, 599—605, т. XC, май, 377.

Вестужевъ-Рюминъ, декабр., † 13 іюля 1826 г., т. LXXXIX, февр, 219 мартъ, 481, 485, т. XCII, окт., 91.

Вехтѣевъ, Ѳ. Д., повѣренъ. въ дѣлахъ въ Парижѣ 1757 г.. т. XCII, нояб., 268, 293, декаб., 517.

Вецкій, Ив. Ив. д. т. сов., р. 1704 г., † 1795 г, т. XCI, авг., 245.

Вибикова, рожд. Донецъ-Захаржевская, во втор. бракѣ гр—ня Бенкендорфъ, т. LXXXIX, мартъ, 515.

Виронъ, герцогиня, рожд. княжна Юсупова, 1773 г., т. XCI, сент., 519,

Бибиковъ, Дм. Гавр., ген.-губернат., Ю.-З. края, потомъ мин. вн. дѣлъ, р. 1792 г., † 1870 г, т. XCI, сент., 579, 638, 647, 650, 656, т. XCII, окт., 7, 20.

Виништокъ, В., сообщ.: «Матеріалы по исторіи русской цензуры» томъ LXXXIX, мартъ, 581-597, т. XC, апр., 179—206, май, 341—355.

Виронъ, герцогиня, рожд. Мелемъ 1784 г., т. XCI, авг., 229, т. XCII, окт., 138.

Виронъ, принцесса Луиза Карловна, фрейлина 1809 г., томъ XCI, сент., 516.

Виронъ, Іоганъ-Эрнстъ, герц. Курляндскій, род. 1690 г., † 1772 г., т. LXXXIX, мартъ, 412—415, т. XC, іюнь, 434, т. XCI, авг., 230—300.

Виронъ, герцогъ, Карлъ, послѣдній герцогъ Курляндскій, т. XCI, авг., 296—308, т. XCII, окт., 137, нояб., 424, декаб., 591—614.

Виронъ, герцогъ, Петръ, 1760 г., т. XCI, авг., 302, сент., 520, 522, 524, 526.

Влаватскій, т. XCI, сент., 581.

Благовѣщенскій, Никол. Мих., профессоръ, ректор. Варш. унив. т. XCII, нояб., 367—369.

Блудовъ, гр., Дм. Никол., ст.-секр., род. 1785 г., † 1864 г., т. LXXXIX, мартъ, 493, т. XCI, сент., 675, томъ XCII, окт., 14, декаб., 451, 535, 579.

Блументростъ, Лаврентій Лаврентьев., лейбъ-мед. Екатерины I, т. LXXXIX, янв., 61, т. XCI, авг., 283.

Бобринскій, гр., 1825 г., т. LXXXIX, февр., 206, мартъ, 538, 539.

Богдановичъ, Ип. Ѳед., писатель, т. XCI, авг., 395.

Богдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. XC май, 211.

Богдановъ, Андрей Ив., помощникъ библіот. и архиваріуса академіи наукъ 1750 г., т. XCI, авг., 407, 408.

Боголюбовъ, худож. 1870 г., т. XCII, нояб., 226.

Бокъ, полковн. 1818 г., томъ XCII, нояб., 333.

Болгарскій, сенаторъ 1825 г., томъ LXXXIX, мартъ, 483.

Бонъ, ген.-лейт. 1801 г., т. XCII окт., 188.

Борисовъ, декабр., т. LXXXIX, февр., 211.

Борисъ-Годуновъ, царь, т. XC, іюнь, 602, 603.

Бородинъ, ген. 1812 г., т. XC, іюнь, 525

Бороздинъ, ген.-ад. 1825 г., томъ LXXXIX, февр., 204, 205, мартъ, 483, т. XCI, авг., 352.

Ботвинъ, Серг., Петров., лейбъ-мед., т. LXXXIX, янв., 140.

Врановицкая, гр—ня, т. XC, іюнь, 472, 473, т. XCII, нояб., 343.

Врановицкій, гр., ген. 1792 г., т. XCII. нояб., 406, 416.

Брауншвейгскій, герцогъ, супругъ Анны Леопольдовны, т. XCI, сент., 470, 477.

Брежинскій, его «Сатира на три похвальныя слова Екатеринѣ II, сочиненныя Карамзинымъ, Захаровымъ и Храповицкимъ», т. XCII, нояб., 306.

Бровѣ, поручикъ 1807 г., его стихотв. „Весь—гомъ", сатира на кампанію 1807 г., т. XCII, декаб., 569.
Брокъ, мин. финанс. 1860 г., т. XCII, окт., 14, 17.
Броунъ, рижск. ген.-губ. 1762 г., т. XCI, авг., 297, т. XCII, нояб., 278.
Брунновъ, бар. Ф. И., посолъ въ Лондонѣ, т. LXXXIX, фев., 378.
Брюловъ, Карлъ Павл., художникъ, р. 1799 г., † 1852 г., т. XCII, нояб., 308.
Брюсъ, графъ, Яковъ Александ., московск. главнокоманд. 1788 г., томъ LXXXIX, янв., 171, 172, томъ XC, іюнь, 546—549.
Будбергъ, бар., Андрей Яковл., мин. ин. дѣлъ 1807 г., † 1812 г., т. LXXXIX, янв., 86, 87.
Буксгевденъ, гр., Өед. Өед., ген., род. 1750 г., † 1811 г., т LXXXIX, янв., 82—109, февр., 254—262, мартъ 456, т. XCI, іюль, 79.
Булатовъ, полковн., 1825 г., томъ LXXXIX, мартъ, 466, 467.
Булатовъ, чиновн. особ. поруч. при А. И. Барятинскомъ 1860 г., т. XCII, окт., 180
Булацель, Вѣра Ильинична, см. Тройницкая.
Булгаковъ, послан. въ Константинопол., т. XCII, нояб., 408 - 414.
Булгари, гр., Андрей, т. LXXXIX, февр., 206.
Булгари, гр., Никол., декабр., томъ LXXXIX, февр., 203—211.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедикт., писатель, р. 1789 г., † 1860 г., т. XCII, окт., 64, декаб., 568, 569.
Булычовъ, И. Д., герольдмейстеръ 1853 г., т. LXXXIX янв., 111, 112.
Бунина, писат-ца 1812 г., томъ XCI, авг., 352.
Бурцовъ, полков., коменд. Тавриза 1828 г., т. XCII, окт., 80.
Бурцовъ, декабр., т. LXXXIX, февр., 208.
Буташевичъ-Петрашевскій, Мих. Вас., т. XC, май, 406.
Бутковъ, Владиміръ Петров., госуд. секр., р. 1813 г., † 1881 г., т. XC, май, 344, томъ XCII. окт., 14 — 18, декаб., 451, 633,
Бутурлинъ, Александ. Борис., ген.-ад. 1748 г., т. LXXXIX, янв., прилож., 31, 32, февр., прилож., 33 — 64, мартъ, прилож., 71—96, т. XC, апр., прилож., 102 — 127, май, прилож., 131—143, іюнь, прилож., 146 — 158, т. XCI, іюль, прилож., 162 — 176 авг., прилож., 177 — 192, т. XCI, окт., прилож., 193—208, нояб., прилож., 209—224, дек., прил., 225—240.
Бутурлинъ, Ив. Өед., 1721 г., томъ LXXXIX, янв., 60.
Бутурлинъ, Петръ Ив., князь—папа, 1721 г., т. LXXXIX, янв., 59.
Бутурлинъ, адъют. главноуправл. путями сообщ. 1856 г., т. XCI, сент., 568.
Бухарева, рожд. Родышевская, томъ LXXXIX, мартъ, 504.
Бухаревъ, Александ. Матвѣев., въ монаш. Ѳеодоръ, † 1871 г., томъ LXXXIX мартъ, 495—504.
Быкова, Марья Өед., † 1847 г., томъ LXXXIX, мартъ, 539.
Быкова, Наталья Ив., т. LXXXIX, мартъ, 535, 536.
Быковъ, Өед. Артамонов., помѣщикъ 1774 г., т. LXXXIX, мартъ, 535, 536, 539.
Бычковъ, Аѳанас. Өед., акад., сообщ.: „Письма Ламздорфа князю Платону Зубову", т. LXXXIX, янв., 80, февр., 280.
Вѣлавинъ, поруч. 1807 г., его стихотвореніе «Весь — гомъ», сатира на кампанію 1807 г., т. XCII, декаб., 569.
Вѣлинскій, Виссар. Григ., писатель, род. 1810 г., † 1848 г., т. XC, май, 375, 376,
Вѣлинскій, гр., маршалъ польскаго сейма 1793 г., т. XCII, нояб., 422.
Вѣлинскій, ген., 1830 г., т. XC, май, 391, 392.
Вѣлосельскій, кн., Алексѣй Конст., флотск. оф. 1749 г., томъ XC, май, прилож. 141.
Вѣлосельскій-Вѣловерскій, кн. Андр. Мих. т. XC, іюнь, 436.
Вѣльская, княг., Анна, 1526 г., томъ XCI, іюль, 192.

В.

Вадбольскій, кн., ген. 1817 г., т. XC, іюнь, 476, т. XCI, іюль, 118
Вадковскій, декабр., т. LXXXIX, февр., 203—209.
Валевская, т. XCI, сент., 498.
Валевскій, Тадеушъ, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. XC, май, 388.
Валуева, Екат. Петровна, фрейлина 1825 г., т. LXXXIX, янв., 12, томъ XCII, нояб., 332.
Валуевъ, гр., Петръ Александр., мин. внут. дѣлъ, род. 1815 г., † 1890 г., т. XC, май, 342, 344, 348, т. XCII, нояб., 231, декаб., 456.
Валуевъ, Петръ Степ., главноначальствующій мастерскою оружейн. палатою 1809 г., † 1814 г., т. LXXXIX, февр., 326.

Варнекъ, ген.-м. 1807 г., т. XC, май, 313.
Васильчикова, княг., 1831 г., томъ LXXXIX, февр., 332.
Васильчиковъ, кн., Иллар. Васил., предсѣд. гос. совѣта, род. 1777 г., † 1847 г., т. LXXXIX, мартъ, 483, 493, т. XC, апр., 52.
Васильчиковъ, кн., фл.-ад. 1846 г., т. XC, іюнь, 514.
Ваценко, директ. канц. нач-а главн. штаба 1825 г., т. LXXXIX, янв., 10.
Вейкартъ, чиновн. 1826 г., т. XCII, окт., 84.
Велепольскій, маркизъ, управл. гражд. частью въ Ц. Польскомъ 1862 г., т. XCII, окт., 93–96
Величко, надворн. сов. 1826 г., т. XCII, окт., 89.
Веневитиновъ, М. А., сообщ.: «Къ біографіи графа Н. П. Румянцева», т. LXXXIX, мартъ, 573—575, «Политика на почтовомъ листѣ бумаги», т. XCI, сент., 513—516.
Веревкинъ, Александ. Никитичъ, спб. коменд. † 1830 г., т. XC, апр., 37.
Веселовскій, церемоніймейст. 1751 г., т. XCII, декаб., прилож., 229.
Вилламовъ, Григ. Ив., капит. 1825 г., т. LXXXIX, янв., 10, февр., 196, 197, т. XC, апр., 17, 19.
Вилліе, баронетъ, Яковъ Васильев., лейбъ-медикъ, † 1854 г., т. LXXXIX, янв., 5—43, т. XC, апр., 13, май, 238, іюнь, 472, 474, т. XCI, іюль, 72, 82—98, т. XCII, ноябр., 335.
Вильде, Густавъ, чиновн. 1826 г., т. XCII, окт., 84, 86, 91.
Винценгероде, бар., ген. 1812 г., т. XC, іюнь, 518, 521, 522, т. XCI, іюль, 119.
Вистицкій, ген.-квартирмейст. 2-ой арміи 1812 г., т. XC, іюнь, 469.
Витбергъ, Александръ Лаврентьев., акад. † 1855 г., т. XCII, декаб., 477—495.
Витбергъ, Вѣра Александ., т. XCII, декаб., 480–488.
Витбергъ, Ф., сообщ.: «Къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ», т. XC, іюнь, 611—618, упом. т. XCI, авг., 441–446.
Витгенштейнъ, княгиня 1856 г., т. XCII, окт., 163.
Витгенштейнъ, свѣтл. кн., Людовикъ, ген.-фельдмарш., р. 1769 г., † 1843 г., т. XC, апр., 51, 52, т. XCI, іюль, 95, 128, т. XCII, окт., 109—113, декаб., 621—627.
Витгенштейнъ, кн., Эмилій, 1856 г., т. XCII, нояб., 437.
Витовтовъ, П., 1859 г., т. XCI, сент., 663—669.
Витте, начальн. отдѣл. въ экспедиц. госуд. имуществъ на Кавказѣ 1858 г., т. XCI, сент., 579–580.
Виттъ, гр., генер., начальн. военн. поселеній на Украйнѣ 1828 г., томъ LXXXIX, янв., 16, 20, февр., 204, 205, 208, т. XCI, іюль, 83.
Вишневскій, Ѳ. С., ген.-м. 1742 г., т. XCI, авг., 247, 248.
Владиміръ Александровичъ, вел. князь, т. LXXXIX, мартъ, 599.
Всеводскій, Аѳанасій, капит., 1749 г., т. XC, май, прилож., 137.
Военскій, К., сообщ.: «Указъ объ отставкѣ 1762 г.», т. XCII, нояб., 404.
Возжинскій, Никита Андреян., камергеръ 1749 г., т. XC, май, прилож., 141.
Войнаровскій, чиновн. 1847 г., т. XCI, сент., 648, 649.
Волковъ, генер., 1825 г., т. LXXXIX, февр., 198.
Волконская, княжна, Варвара Мих., камеръ-фрейл. 1825 г., т. LXXXIX, янв., 12, т. XCII, нояб., 332.
Волконскій, кн., Петръ Мих., министръ двора, фельдм., р. 1776 г., † 1852 г., т. LXXXIX, янв., 5—46, февр., 195, 212—218, 242, т. XC, апр., 5–19, май, 213, 238, іюнь, 461, 471—476, 5-6, т. XCI, іюль, 7—10, 24–102, т. XCII, окт., 116, 189, 190, 309, 313, 332—353, декаб., 543—563.
Волконскій, кн., 1811 г., т. XC, апр., 72.
Волынскій, Артемій Петров., кабинетъ-министръ, † 1740 г., т. XC, іюнь, 426.
Вольфъ, баронъ, 1847 г., т. XC, апр., 53, 54.
Воронцовъ, гр., Мих. Иллар., госуд. канцл. съ 1758 г., р. 1714 г., † 1767 г., т. XCI, авг., 246—253, сент., 467, 471, 476, т. XCII, окт., 54, 57, нояб., 256–268, декаб., 499–533.
Воронцовъ, кн., Мих. Сем., ген.-ад., Новорос. ген.-губ., намѣстн. кавказ., р. 1781 г., † 1856 г., т. LXXXIX, янв., 20, 21, 145, 146, 154, февр., 212, 378, 379, 382—388, мартъ, 506, т. XC, апр., 33, 34, іюнь, 501, т. XCI, іюль, 135, сент., 569—585, 633, 634, т. XCII, окт., 160, 162, нояб., 435—445, декаб., 539—544.
Воронцовъ, Романъ Иллар., камергеръ 1748 г., т. XC, апр., прилож., 104, т. XCI, авг., прилож., 180.
Воронцовъ, гр., Сем. Роман., посолъ въ Лондонѣ 1793 г., т. XC, іюнь, 565.
Воротынскій, кн., Ив. Мих., боярин., † 1627 г., т. XC, іюнь, 607.
Врангель, бар., Александ. Евстафьев., Шемахинск. воен. губерн. 1856 г.,

впосл. начальн. Прикаспійск. края 1859 г., т. XCI, авг., 419, т. XCII, окт., 186, нояб., 433—436.
Вревскій, бар., ген. 1856 г., т. XCII, нояб., 431.
Вунчъ, полковн., 1807 г., т. XC, апр., 83, май, 312, іюнь, 473.
Вѣтринскій, Ч., сообщ.: «Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина», томъ LXXXIX, мартъ, 603—605.
Вяземскій, кн., Александ. Алексѣев., ген.-прокур. р 1727 г., † 1793 г., т. LXXXIX, февр., 226, т. XCI, іюль, 108.
Вяземскій, кн., Петръ Андреев., товар. мн-ра народн. просв., писат., род. 1792 г., † 1878 г, т. XC, май, 405, 406, т. XCII, окт. 32, декаб., 536, 579, 580, 586.
Вязьмитиновъ, ген. 1814 г., т. XCII, декаб., 662—665.

Г.

Гавріилъ, митроп. Спб. 1770 г., т. XCI, авг., 413.
Гагарина, княжна, фрейлина 1748 г., въ зам. княг. Голицына, т. LXXXIX, февр., прилож., 48.
Гагарина, княг., Анна, 1798 г., т. XCII, ноябр, 314.
Гагаринъ, кн., Александ. Ив., Кутаисскій ген.-губернат. 1856 г., т. XCII, окт., 168, ноябр., 431, 432.
Гагаринъ, кн., Гр. Гр., вице-президент. акад. худож., т. XCII, окт., 161, 162.
Галаганъ, Григ. Павлов., попечит. Черниг. гимназ. 1858 г., т. XCII, окт., 26, 27, 29.
Гагаринъ, кн., Пав. Пав., чл. главн. комит. по крестьян. дѣламъ 1860 г., чл. Госуд. Сов. † 1872 г., т. XCII, окт., 14, 16, 149. декаб., 450, 451,
Гагаринъ, кн., Матвѣй, офиц., 1748 г., т. LXXXIX, февр., прилож., 53, 54, т. XC, апр., 115.
Гагаринъ, кн., камеръ-юнк. 1846 г., т. XC іюнь, 514
Гадкинъ, Враской, М., сообщ: «Къ воспоминаніямъ объ А. А. Катенинѣ», т. XCII, окт., 217—221.
Ганнибалъ, Ив. Абрамов., 1776 г., т. XC, май, 420, 422.
Ганъ, Елена Андр., рожд. Фадѣева, писат—ца, т. XCI, сент., 581.
Ганъ, помѣщ. 1856 г., т. XCII, нояб. 243.
Гартингъ, ген.-м. 1816 г., т. XCI іюль, 78.
Гацюскій, А С., предсѣд. нижегород. учен. архивн. комис., т. XCI, сент., 540.
Гвоздевъ, директ. департ. общихъ дѣлъ мин ва вн. дѣлъ 1857 г., т. XCII окт., 8.
Гейдэнъ, гр—ня, т. XCI, іюль. 140, 141, 144
Гейдэнъ, Логинъ Логинов., адм., чл. Госуд. Сов., т. XCI, іюль, 125, 132.
Гейкингъ, бар., Карлъ, сенат. † 1809 г., т. XCI, авг., 291—303, сент., 517—537., т. XCII, окт., 121—138, нояб., 281, 282, 285, 286, 405—424, декаб., 591—614.
Гейкингъ, рожд. де-ла-Фонъ, т. XCI, сент., 537.
Гейманъ, профес. 1854 г., т. XCII, нояб, 369, 372.
Гельфрейхъ, ген. 1851 г., т. LXXXIX, февр., 242
Герасимова, Софья Никол., см. Бахметева.
Герсдорфъ, ген.-м. 1807 г., т. XC, май, 306.
Герценъ, Александ. Ив., писат. и публицистъ, род. 1812 г., † 1870 г., т. XCI, сент., 605. т. XCII, окт., 24, 145, нояб., 227, 231, 273—277, декаб., 477—495.
Герценъ, Александ. Александ., проф., т. XCII, декаб. 491, 492.
Герценъ, Наталія Александ., т. XCII, декаб., 481—493.
Герштенцвейгъ, ген. 1846 г., т. XCI, іюль, 140, 141.
Гилленшмидтъ, генер. 1751 г., томъ LXXXIX. февр., 242.
Гиро, А. А. сообщ; „Изъ прошлаго Россійскаго консульства въ Яссахъ“, т. LXXXIX, февр., 315—325, „Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга“, т. XCI, авг., 291—308, сент., 517—537, т. XCII. окт., 121—138, нояб., 405—424, декаб., 591—614.
Глазуновъ, родонач. фирмы „Глазуновъ“, т. XC, іюнь, 561, 562.
Глинка, Серг. Никол., писатель, р. 1774 г., † 1847 г., т. XC, іюнь. 527, 529.
Глинка, Ѳед. Николаев., писатель, † 1880 г., т. XC, іюнь, 458—460, томъ XCI, іюль, 106, т. XCII, нояб., 309, 310, 315.
Глинская, Елена Васильев., княжна 1526 г., т. XCI, іюль, 191, 193.
Глѣбовскій, ген.-м. 1807 г., томъ LXXXIX, янв., 83, февр., 259, 260.
Говэнъ, Отто Оттов., тайн. совѣтн., сенат., род. 1740 г., † 1806 г., томъ XCII, декаб., 591—614.
Гоголь, полковн. 1807 г., т. XC, апр., 83, май, 312.
Гоголь, Никол. Васильев., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. LXXXIX, февр., 327—332, томъ XC, май, 351, 405, т.

XCI, іюль, 224., авг., 441—447, т. XCII, ноя., 229.
Годуновъ, Матв. Мих., боярин, † 1639 г., т. XC, іюнь, 608.
Голенищевъ-Кутузовъ, Ив., воевода 1668 г., т. XCI, авг., 389, 391.
Голенищевъ-Кутузовъ, см. Кутузовъ.
Голицына, княгин., Анна Александ., рожд. княжна Грузинская, по перв. браку Лицына, LXXXIX, мартъ, 526, 527.
Голицына, княг., А. А., гр. Остерманъ, сообщ: «Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго», томъ XC, іюнь, 499—514. т. XCI, іюль, 139—163, авг., 417—440.
Голицына, княжна, Анаст. Дмит., въ зам. княг. Кантемиръ, т. LXXXIX, мартъ, 495, 412.
Голицына, княг., Екатерин. Никол., рожд. Бахметева, томъ, LXXXIX, мартъ, 512—533,
Голицына, княг., Елена Александ. см. Салтыкова.
Голицына, княг., Марія Ильинич., рожд. княжна Долгорукова, во втор. бракѣ гр-ня Остенъ-Сакенъ, томъ LXXXIX, мартъ. 526.
Голицынъ, кн., Александ. Михаил, вице-канцл., генер.-фельдм., родил. 1723 г., † 1807 г., т. LXXXIX, февр., 226 - 230. т. XCI, авг., 228, сент., 521.
Голицынъ. кн., Александ. Николаев., мин. народн. просв., об.-прокур. синода, р. 1773 г., † 1844 г., томъ LXXXIX, янв., 6, 39, февр., 210, 211, мартъ. 460, 468, 469, 473, 489—493, 512, т. XC, апр. 46, май, 238, т. XCI, іюль, 16 30, 103—105, т. XCII, нояб., 322
Голицынъ, кн., Васил. Васильев., боярин, р. 1633 г., † 1713 г., томъ LXXXIX, янв., 53, т. XC, іюнь, 605, 608.
Голицынъ, кн., Дм., кап. л-гв. Изм. пол. 1748 г., томъ LXXXIX, янв., прилож., 32 февр., прилож., 33, 34, т. XCII, нояб. прилож., 213, декаб. прилож, 229, 230.
Голицынъ. кн.. Дм. Владим., москов. воен. губернат. 1825 г., р. 1771 г., † 1844 г., т. LXXXIX, февр.. 199, мартъ, 462, т. XC, апр., 12. 14, 15, 37, іюнь, 525, т. XC, сент. 611, 615.
Голицынъ, кн., Дм. Мих., р. 1665 г. † 1738 г., т. LXXXIX, февр., 229, мартъ, 404—406, 524, 577, т. XC, іюнь. 430, т. XCI, авг., 225.
Голицынъ, кн., Ив. Васил., боярин, † 1627 г., т, XC. іюнь, 608.
Голицынъ, кн., Мих. Алексѣев., т. LXXXIX, мартъ, 526.
Голицынъ, кн., Мих Мих., фельдм. 1675 г., † 1730, т. LXXXIX, мартъ, 524.
Голицынъ, кн., Мих. Михаил., ген.-аншефъ, сенат., род. 1685 г., † 1764 г., т. XCII, окт., прилож,. 199.
Голицынъ, кн Никол. Борисов., р. 1794 г., † 1866 годъ, томъ LXXXIX, мартъ, 524, 529, т. XCI, сент., 605.
Голицынъ, кн., Петръ, ген.-м. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 476.
Голицынъ, кн., Серг., ген. 1794 г., т. XCII, декаб., 603.
Голицынъ, кн., Серг., фл.-ад. 1812 г., т. XC, іюнь, 526, 532,
Голицынъ, кн., Серг. Мих., цензоръ въ Одессѣ 1851 г., † 1879 г., томъ LXXXIX, февр., 239.
Голицынъ, кн., Юрій Никол., композиторъ, † 1872 г., томъ LXXXIX, мартъ, 520—533, т. XC, апр., 159—178, май, 357—374, томъ XCI, сент., 593—606,
Голицынъ, кн , Ѳед. Григ., 1843 г., т. LXXXIX, мартъ, 532,
Голицынъ, кн., Ѳедоръ, 1747 г., т. XCI, іюль, 166.
Голицынъ, кн., ген.-лейт. 1807 г. т. LXXXIX, янв., 81, 85, 99, 109, февр. 254—259, 267, т. XC, апр., 73, 85—100, май, 301—316.
Голицынъ, кн., камергеръ 1748 г., т. LXXXIX, февр., прилож., 47, 48.
Головина, Марія Васил., рожд. Ломоносова, т. XC, іюнь, 537.
Головинъ, 1860 г, томъ XCII, декаб., 456, 457.
Головинъ, профес., 1728 г. т. XC, іюнь, 537.
Головины, бояре 1560 г., т. XC іюнь, 599.
Головнина. гр.-ня, рожд, гр. Шувалова, 1750 г., т. XCII, нояб. прилож., 217.
Головнинъ, гр., Гаврилъ Ив., канцл. 1720 г., род. 1660 г., † 1734 г., томъ XCI, авг., 265, 277.
Головнинъ, гр., Юрій Александ., т. LXXXIX, мартъ, 528.
Головнинъ, гр., камергеръ 1750 г., т. XCII, нояб., прилож., 217.
Головнинъ, Алексд. Вас., мин. нар. просв., род. 1821 г., † 1886 г., т. LXXXIX, мартъ, 583, 586, 594, томъ XC, май, 344, т. XCI, іюль, 155, 156. 158, 162, авг., 430—433, сент., 662, 673, 676, 679, т. XCII, окт. 273—277. декаб., 454, 475.
Голубовскій, П., сообщилъ: «Адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской 1792—1870 г.», т. XCI іюль, 125—138.
Голяткинъ. Кіевск. полиціймейст. 1842 г., т, XCI,. сент., 639.

Гончарова, Наталья Никол., въ зам. Пушкина: т. LXXXIX, февр., 328.
Горбатая-Шуйская. Евдокія Александ., княжна въ зам. Романова, † 1576 г., т. XC, іюнь, 599, 601.
Горголи, спб., полиціймейст. 1812 г., т. XCII, окт., 108.
Горловъ, Томскій вице-губернаторъ 1826 г., т. XCII, окт., 85.
Городецкій, Андр. Александ. вел.-князь, † 1304 г., т. XC, іюнь, 595.
Горскій, Александ. Васильев., ректмосковск., духовн. акад. 1862 г., т. LXXXIX, мартъ, 497—501, 504.
Горчаковъ, кн., Александ. Михаил., госуд. канц. род. 1798 г. † 1883 г., т. XC, май, 344. т. XCII, декаб. 450.
Горчаковъ, кн., Мих. Дм., главноком. крымск. армій, 1855 г., намѣстн. Царства Польскаго род. 1792 г , † 1861 г.. т. LXXXIX, февр., 207, 233, 235, 249, т. XCI, іюль, 74 т. XCII окт., 192.
Госнеръ, т. XCI, іюль, 21, 22, 24, 25, 30,
Гофманъ, маіоръ 1825 г , т. LXXXIX, февр., 206.
Грабе, гр., Мих. Павлов., ген.-м., † 1877 г, т XCII, окт., 185, 186.
Грабе, гр., Пав. Христоф., наказн. атам. донск. казаковъ, † 1875 г., т. XCII, окт., 183.
Грабовскій, ген. 1760 г., томъ XCI, авг., 306.
Грановскій, Тимоѳ. Никол., профес., † 1855 г. т. XCII, окт., 142.
Гревенцъ, спб. губернат. 1798 г., томъ XC, май, 296.
Гревсъ, Марія Ив., рожд. Дуннна, т. LXXXIX, мартъ, 515.
Грейгъ, Алексѣй Сам., адм., родился 1775 г., † 1845 г., томъ LXXXIX, янв., 22. т. XC, іюнь, 498, т XCI, іюль, 85, 88, 128, 130, 132.
Грейгъ, Юлія Мих., т. XCI, іюль, 128.
Гречъ, Никол. Иван., писатель, род. 1787 г., † 1867 г., т. XC, іюнь, 458. 459, т. XCII. нояб., 391—392.
Грибоѣдова, Нина Александ , томъ XCII, нояб. 445.
Грибоѣдовъ, Александ. Серг., писат., р. 1793 г., † 1829 г., т, XCII декаб., 645.
Григорій, спб. митроп. 1858 г., томъ LXXXIX, февр., 280.
Григорьевъ, Апол. Александ., писат., род. 1822 г , † 1864 г., томъ XCII, декаб., 456.
Григорьевъ, Васил Васил., профес. восточн. яз., 1862 г., т. LXXXIX, янв., 177, 184.
Гриммъ, Фридрихъ-Мельхіоръ, корреспондентъ им-цы Екатерины II, род. 1723 г.,† 1807 г., т. XCI, іюль,36.
Гротъ, Яковъ Карловъ., академ., р. 1812 г., † 1893 г., т. XC, май, 405—408, іюнь, 499, т. XCI, сент. 674.
Грохольскій, Каменецъ-Подольскій, вице-губернат., 1816 г., т. XCI, іюль, 75.
Грудзинскій, Михал., офиц. польск., войскъ 1830 г., т. XC, май, 385, 388.
Грузинскій, кн., Юрій Александ., т. LXXXIX, мартъ, 527.
Грузинскіе, князья, 1856 г., томъ XCII, окт., 172.
Гудовичъ, гр., Ив. Васильев.. московск главнокоманд. 1811 г., т. XC, апр. 72.
Гургушкинскій, ген.-лейт. 1806 г., т. XCI, сент.. 490.
Гурьевъ, Дм Александ. мин. финанс. 1812 г., т. XCII, окт., 112, 114 ,118, 222, нояб, 394 397, 400
Гурьевъ, гр., ген.-м. 1826 г., т. XC, апр., 28.
Гурьевъ, ген.-м. 1750 г., томъ XCII, окт., прилож., 208.

Д.

Давыдовъ, Денисъ Васильев., партизанъ, писат., род. 1784 г., † 1839 г., т. XCI, авг., 359.
Давыдовъ, кн., капит. 1749 г., томъ XCI, авг., прилож., 188.
Дадишкиліани, владѣт. князь Свапетіи 1856 г., т. XCII, окт., 168, 169, нояб., 433.
Дадьянъ, княг., Екатер. Александр., рож. княжна Чавчавадзе, т. XCI, сент., 574, т. XCII, нояб., 445.
Даль, Влад. Ив., писат.. род. 1801 г., † 1872 г., т. XCII, нояб., 386.
Данвасъ, генер., предсѣдат. гл. воен. суда, т. XCII, окт., 217.
Даниловскій, Александръ Семенов. 1831 г., т. XCI, авг., 442, 445.
Даниловъ, артил. поруч. 1748 г., т. XCI, іюль, 171.
Дашкова, княг., Екатер. Романов., рожден. Воронцова. р. 1743 годъ, † 1810 г., т. LXXXIX, февр. 232, т. XC, іюнь, 546—561.
Дверницкій, ген. польскихъ, войскъ 1830 г., т. XC, май, 382.
Дегуровъ, профес. 1823 годъ, томъ LXXXIX, мартъ, 512.
Дембинскій, генер. польскихъ войскъ 1830 г., т. LXXXIX, февр., 350.
Демидовъ, Деонисій Васильев., маіоръ по особ. поручен. при Нижегород. воен. губернат., 1858 г., томъ XCI, сент., 539.
Демидовъ,, кн. Санъ-Донато. II. II,, т. LXXXIX, мартъ, 561 - 564.

Демидовъ, ст. сов., т. LXXXIX, февр. прилож., 42.
Денъ, Влад. Ив., ген-лейт., сенат., р. 1823 г., † 1888 г., томъ LXXXIX, мартъ, 608.
Державинъ, Гавр. Романовичъ, род. 1743 г., † 1816 г., томъ LXXXIX, мартъ, 456, т. XC, іюнь, 544, т. XCI, авг., 414, сент., 674.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., род. 1785 г., † 1831 г., т. LXXXIX, янв., 10–42, февр., 193–246, мартъ, 481, 494, т. XC, апр., 8, 28–38, іюнь, 461, 473, т. XCI іюль, 128, 131, 132, авг., 350, сент., 632, т. XCII, нояб. 377–379, декаб., 618.
Дивова, фрейлина 1818., томъ XCII, нояб., 332.
Дивовъ, Василій, мичманъ, декаб., т. LXXXIX, мартъ, 483.
Дивовъ, Павелъ Гавриловъ., сенат., р. 1765 г., † 1841 г., его дневникъ, т. LXXXIX, мартъ, 457–494.
Дивовъ, секретарь рус. посольства 1793 г., т. XCII, нояб., 421.
Дмитріевъ, Ив. Иванов. мин. юстиц. 1811 г., т. XC, апр. 72, 120, т, XCI, іюль, 104, т. XCII, окт., 64, декаб., 496, 538, 649.
Дмитріевъ, Мих. Александров., об.-прокур., московск. сената, писат., † 1866 г., т. XCII, нояб., 317–321.
Дмитрій Константиновичъ, велик. князь, т. LXXXIX, мартъ, 599.
Доббертъ, придворный врачъ 1825 г., т. LXXXIX, янв., 36, 42, 43.
Долгово-Сабурова, Настасья Алекс., рожд. Попова, т. LXXXIX, мартъ, 538, 539.
Долгово-Сабуровъ, Степ. Григорьев., полковн. 1792 г., томъ LXXLIX, мартъ, 536, 538.
Долгово-Сабуровъ, Ив. Степановъ. † 1830 г., т. LXXXIX, мартъ, 538.
Долговъ, С. О. хранитель отд. рукописей Румянц. музея 1895 г., томъ LXXXIX, мартъ, 574.
Долгорукій, кн., Яковъ Ѳедор., род. 1639 г., †1720 г., т. XC, іюнь 435, 436.
Долгорукова, княг., Екат. Александ., рожд. Салтыкова, томъ LXXXIX, мартъ, 526.
Долгоруковъ, кн., Василій Андреев., воен. мин., шефъ жанд., р. 1804 г., † 1867 г., т. XC, май. 270, т. XCI, іюль, 157, 158, томъ XCII, окт., 14, нояб., 275, 276 декаб., 450, 451.
Долгоруковъ, кн., Серг. Григ., посл. во Франц. 1718 г., † 1739 г., т. XCI, авг., 262, 270, 271.
Долгоруковъ, кн. Никол. Андреев., харьков. ген.-губ. 1841 годъ, томъ LXXXIX, мартъ, 522.
Долгоруковъ. кн., Мих., ген.-ад., † 1808 г. т. XC, апр, 84, 85, 100–102, май, 301, 312.
Долгоруковъ, кн., Илья Андреев., т. LXXXIX, мартъ, 526.
Долгоруковъ, кн., Ив. Мих., Пензенскій вице-губернат. 1793 г., поэтъ, т. LXXXIX, янв., 71–79.
Долгоруковъ, кн., Ив. Григ., 1722 г., т. LXXXIX, янв., 66.
Долгоруковъ, кн., Влад. Тимофеев., боярин, † 1633 г., т. XC. іюнь, 609.
Долгоруковъ-Крымскій, Васил. Мих. москов.-главнокоманд. 1789 г. томъ LXXXIX. февр.. 230–232, т. XC, іюнь, 547–565, т. XCII, окт., 98.
Долгоруковъ кн. пензенск. вице-губернат. 1798 г., т. XC, іюнь, 566, 567.
Домашневъ, С. Г., писатель, т. XCI, авг., 395.
Домбровская, Елиз. Павл., въ зам. Тройницкая, † 1839 г.. т. LXXXIX, февр., 388.
Домбровскій, Ф. В., сообщ: „Жертва терроризма. Казнь княгини Розаліи Любомірской", т. XCI, авг., 309–332.
Домбровскій, ген. 1807 г., томъ XC, апр., 94, 95, іюнь, 470.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., кіевск. ген.-губернат., т. LXXXIX, мартъ, 561.
Дороховъ, ген. 1813 г., т. XC, май, 304, 314. т. XCI, іюль, 118, 122.
Достоевская, Анна Григорьевна т. XCI, іюль, 184.
Достоевскій, Ѳед. Мих., писатель, † 1881 г., т. XC, май, 352.
Дохтуровъ, ген-лейт. † 1816 г., томъ LXXXIX, янв., 82, 92, 102, 105, февр., 254–258, т. XC, апр., 96 май, 300, іюнь, 454–470.
Дрентельнъ, шефъ жанд. 1879 г., т. LXXXIX, янв., 125.
Дривенъ, бар., Н. В. сообщ: „Очерки театральной цензуры въ Россіи въ XVIII в"., т. XC, іюнь, 539–568.
Дроздовскій, частн. приставъ на Кавказѣ 1856 г., т XCII, декаб. 635.
Дружинина, М. А., рожд. Тулубьева. сообщ: „Изъ семейныхъ воспоминаній объ императорѣ Александрѣ I", т. XC, апр., 121–126.
Дубасовъ, ротмистръ 1733 г., т. XCI, авг., 226.
Дубельтъ, Леонтій Васил., ген.-лейт., нач. штаба корп. жанд., томъ XCI, іюль, 103, томъ XCII, ноябрь, 381, 385, 389–390.
Дубенскій Воронежск. губернаторъ 1812 г., т. XCI, авг.. 351, 352.
Дубовицъ, Розалія Ильинична, см. Колтовская.

Дубровинъ, Николай. Ѳед., акад., писат., ген-лейт., всѣ замѣтки, подписанныя „Ред.", принадлежатъ Н. Ѳ. Дубровину., упом. т. XCII, окт.. 67.

Дугласъ, Мэкензи, послан. въ Сбп. 1755 г., т. XCII, нояб.. 258—268, декаб., 506—509, 529.

Дунина, Марья Дм., рожд. Норова, фрейлина Екатерины II, томъ LXXXIX, мартъ, 514, 516, 517, 519, 522, 523.

Дунинъ, Ив. Петров., ген.-анш., т, LXXXIX, мартъ, 514.

Дунинъ-Вансовичъ, гр., адъютантъ Наполеона I, т. XCI, сент., 482.

Дьяковъ, ген.-ад. 1846 г., томъ XCI, іюль, 140, 141, 142, 143.

Дюкруаси, чл. совѣта, управл. таможен. частью на Кавказѣ, 1856 г., т. XCI, сент., 573, 574, 575, 576, 577.

Е.

Евгеній, Болховитиновъ, митропол. кіевскій, р. 1767 г., † 1837 г., томъ XC, іюнь, 557, т. XCII, декаб., 619.

Евгеній, герц. Виртембергскій, ген. отъ инф. русск. службы, р. 1783 г., † 1857 г., т. XC, іюнь, 455, 463.

Евдокимовъ, Л. В., дѣйств. член. Археол. инст. сообщилъ: „Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе имп. Елисаветы Петровны". т. LXXXIX, янв., февр., мартъ, прилож , 1—96, томъ XC, апр., май, іюнь, прилож.. 97—160, т. XCI, іюль, авг., 161—192, томъ XCII, окт., нояб., декаб , 193—240, „Парольное приказаніе" императора Павла I, т. LXXXIX, февр., 280.

Евдокимовъ, гр., Ник. Ив., ген. отъ инф., р. 1804 г., † 1873 г., т. XCII, нояб., 427, 428, 429, 430.

Евдокія, царица, перв. супр. Петра I, т. LXXXIX, февр., 371.

Ежовъ, Петръ, поэтъ 1850 г., т. XCII, нояб., 316.

Екатерина Іоанновна, герцог. Мекленбургская, † 1733 г., т. LXXXIX, мартъ, 415, 417.

Екатерина Павловна, вел. княг., въ зам. королева Виртембергская, р. 1788 г., † 1819 г., т. XC. іюнь, 490, 491, 494. 495, 497, 521, т. XCI, іюль, 74, т. XCII, нояб., 346, декаб., 565—567.

Екатерина I, императрица, р. 1679 г., † 1726 г., т. LXXXIX, янв., 53—68, февр., 371, мартъ, 401—404, т. XC, іюнь, 427, томъ XCI, авг., 277—289, сент., 449.

Екатерина II, императрица, род., 1729 г., † 1796 г., т. LXXXIX, янв., 77, 171—176, прилож.. 8, 18, февр., 221—232, 316, 322, прилож. 62, 63, мартъ, 475. 476, 480, 526, 575, 577, 598, т. XC, апр., 8, 124, май, 289, 297, прилож., 144 іюнь, 475, 480, 490, 534, 544—592, т. XCI, іюль, 35—39, 45, 64. 85, 87 авг., 295, 304, 408, сент., 512, 522, 525, 529, 532, т. XCII, окт., 52, 131—135, нояб. 278—288, 306, 354, 407—428, декаб., 498—514, 529, 292 - 614.

Елена Павловна, вел. княг., (принцесса Виртембергская). р. 1806 г., † 1873 г., т. LXXXIX, мартъ, 490, 493, т. XCII, окт., 22, 23, декаб., 451,

Елисавета Алексѣевна, императрица, р. 1779 г., † 1826 г., т. LXXXIX, янв., 5—48, февр., 197, 212, мартъ, 483, 492, т. XC, апр., 8—23, іюнь, 485, 486, 487, т. XCI, іюль, 73, т. XCII, окт., 114, нояб., 332, декаб., 560, 561, 563.

Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 г., † 1761 г., т. LXXXIX, мартъ, 415, т. XC, іюнь, 535, 541—543, 567, т. XCI, авг., 244—394, сент., 450—479, 512, т. XCII, окт., 37—63, нояб., 251—271, декаб., 497—533, и янв —декаб., прилож. 1—240.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., род. 1777 г., † 1861 г., т. LXXXIX, февр., 212, 213, 240, 241, мартъ, 487, 505—511, т. XC, апр., 36, 82, май, 311, 312, іюнь, 479, 519, 520, 522, 524, 533, т. XCI, іюль, 114, сент., 607—612, т. XCII, окт., 189.

Ермоловъ, Петръ, т. XC, іюнь, 479.

Еропкинъ, Петръ Дмитр., московск. главноком. 1790 г., род. 1724 г., † 1805 г., т. XC, май, 424, іюнь, 549, 552, 554.

Есиповъ, жанд. полковн. 1850 г., т. XCII, нояб., 330.

Ефимовичъ, подполковн. 1807 г., т. XC, май, 309.

Ефимовская, гр-ня, фрейлина 1749 г., т. XCI, авг., прилож., 182.

Ефимовскій, гр., Андр. Михаилов., гофмарш. двора в. кн. Петра Ѳедоровича. 1748 г., т. LXXXIX, февр., прилож., 48.

Ефремовъ, полковн. 1812 г., т. XCI, авг., 335.

Ж.

Жадера, полковн. 1830 г., т. LXXXIX, февр., 334.

Жандръ, А. А., адм. 1860 г., т. XC, іюнь, 500, 509—510.

Жандръ, лейтен. 1854 г., т. XCI, іюль, 150, 151.
Жемчужниковъ, М. Н., сенат. 1860 г., т. XCII, окт., 24.
Жерве, Андрей Андреев., чиновн. мин. ин. дѣлъ, род. 1773 г. † 1832 г., т. XCII, окт., 97—120, нояб., 393—403.
Жерве, Генрихъ, архитект. 1772 г., т. XCII, окт., 97.
Жерве, Софья Карловна, рожд. Амбургеръ, т. XCII, окт., 99.
Жеребцова, О. А., т. XCII, нояб., 292.
Жирардотъ, ген. 1859 г., т. XCI, сент., 668.
Жомини, бар., Генри, род. 1779 г., † 1869 г., писат., т. XCII, нояб., 348, 349.
Жуковскій, Степ. Мих., чл. редакціон. комис., ст.-секрет., р. 1818, † 1877 г., т. XCII, окт., 145, 155, нояб., 241.
Жуковскій, Васил. Андреев., писат., род. 1788 г., † 1852 г., т. LXXXIX, февр., 327—332, т. XC, май, 405, іюнь, 466, 612—618, т. XCI, авг., 443, 444, сент., 604, т. XCII, декаб., 536.
Журавскій, Д. П., статистикъ, † 1857 г., т. XCII, окт., 26.

З.

Западовскій, ген. 1830 г., т. XC, май, 391.
Завалишинъ, Дм. Иринархов., декабр., т. LXXXIX, мартъ, 483.
Завойко, адм., т. XCI, іюль, 125.
Загряжскій, ген. 1812 г., т. XCI, авг., 352.
Заіончковскій, А. М., сообщ.: „Оригинальный подписчикъ на журналъ", т. LXXXIX, янв., 70, „Воспоминанія о князѣ Варшавскомъ—графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Отрывокъ изъ дневника П. К. Менькова", февр., 233—252.
Закревскій, гр., Арсеній Андреев., мин. вн. дѣлъ, род. 1783 г., † 1865 г., т. LXXXIX, янв., 5, 44, 46, февр., 199, т. XCI, сент., 607, 664, т. XCII, окт., 8, 25.
Залѣсскій, Іосифъ, полковн. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXXI, февр., 348, 351, 352, т. XC, май, 382, 383.
Замойскій, гр., Владисл., т. LXXXIX, февр., 338, 341, 342, 354, 369, т. XC, май, 391.
Заматинъ, Дм. Никол., мин. юстиц., р. 1805 г., † 1881 г., т. LXXXIX, янв., 111, т. XC, май, 344, т. XCI, сент., 654.
Зарудный, Серг. Ив., ст.-секрет. сенат., р. 1820 г., † 1887 г., т. XC, май, 344.
Засъ, уполномоченный Курляндіи въ гроднен. сеймѣ 1784 г., т. XCII, окт., 121.
Засъ, ген.-м. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 206.
Засядко, полковн. 1817 г., т. XC, іюнь, 465.
Захаровъ, сенат. 1814 г., т. XCII, нояб., 306, декаб., 658.
Захарьинъ, Мих. Юрьев., боярин. † 1538 г., т. XC, іюнь, 598.
Захарьинъ, (Якунинъ) И. Н., сообщ.: „Мировой судъ въ Подоліи", т. LXXXIX, февр., 281—314, мартъ 541—572, т. XC, апр., 127—158, май 317—339, іюнь, 569—591, т. XCI, іюль, 165—188.
Захарьинъ, Романъ Юрьев., окольничій, 1525 г., т. XCI, іюль, 191.
Захарьины-Юрьевы, бояре, т. XCI, іюль, 191—194.
Зварыкина, Фанна Гаврил., помѣщица, † 1849 г. т. XCII, нояб., 323—330.
Зварыкинъ, Петръ Серг., т. XCII, нояб., 323—326.
Зиновьевъ Ив. Алексѣев., сообщ.: „Россія и Персія. Эпизодъ изъ русско-персидской войны 1827 г.", т. XCII, окт., 65—81.
Зоричъ, Семенъ Гаврилов. 1788 г., т. LXXXIX, янв., 175, 176, т. XCI, авг., 411.
Зотовъ, Кононъ Никитичъ, контръ-адм., † 1742 г., т. XCI, авг., 258.
Зубовъ, гр., Валеріанъ Александ., ген.-аншефъ 1796 г., т. XCII, декаб., 596—613.
Зубовъ, гр., Николай, 1796 г., т. XCII, нояб., 285.
Зубовъ, кн., Платонъ Александ., ген. отъ инф., шефъ 1-го кадет. корп., род. 1767 г., † 1822 г., т. LXXXIX, янв., 80, февр., 280, т. XC, іюнь, 556, т. XCI, іюль, 38, т. XCI, авг., 465, 416, т. XCII, окт., 98, нояб., 284, 294, декаб., 593.
Зуровъ, спб. градонач. 1878 г., т. LXXXIX, янв., 122, 123.

И.

Ивановъ, художн. профес. 1820 г., т. XCII, нояб., 308.
Ивановъ, Тульск. гражд. губернат. 1805 г., т. XC, май, 278.
Иванъ, Васильевичъ III вел. князь, т. XCI, іюль, 189, 190.

Ивашевъ, ген. 1812 г., т. XCI, іюль, 116.
Игельстромъ, ген. 1773 г., т. XCI, сент., 521, т. XCII, нояб., 420, декаб., 596.
Игнатьевъ, гр., спб. ген.-губернат. 1860 г., т. XCII, окт., 20, 142.
Измайловъ, Л. В., капит. 1722 г., т. XC, іюнь, 438.
Изловайскій, ген. 1812 г., т. XC, апр., 74, 100, т. XCI, авг., 349.
Ильинскій, Ив. Юрьев., секретарь молдав. господаря Дм. Кантемира, т. LXXXIX, янв., 49—69.
Инсарскій, Василій Антонов., его записки, т. XCI, сент., 561—591, т. XCII, окт., 159—187, нояб., 425—445, декаб., 631—648, упом. т. LXXXIX, мартъ, 607, 608.
Исавридъ, Мих., медикъ-грекъ 1826 г., т. XCII, нояб., 375.
Исидоръ, митроп. спб., т. XCII, декаб., 460.
Истоминъ, контръ-адм. 1854 г., т. XCI, іюль, 151.

I.

Іа-Швили, начальн. шайки на Кавказѣ 1856 г., т. XCII, декаб., 635.
Іоаннъ IV Грозный, царь, т. XC, іюнь, 598, 599, 600, 604, 605, т. XCI, іюль, 189—194.
Іоганна-Елисавета, принцесса голштинская, княгиня Ангальтъ-Цербтская, т. LXXXIX, янв., прилож., 7, 18, 27, 29.
Іустинъ, еписк. Владимірскій 1862 г., т. LXXXIX, мартъ, 501—503.

K.

Кабалеровъ, Влад. Ив., тов. прокур. Вятск. окружн. суда, т. XCII, декаб., 478.
Кавелинъ, Конст. Дм., профес. Спб. унив., писат., р. 1818 г., † 1885 г., т. XCII, окт., 16, 22, 23.
Кавелинъ, фл.-ад. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 474, 477.
Казадаевъ, А. В. 1828 г., т. XCII, нояб., 380.
Кайсаровъ, Паисій Серг., ген. 1830 г., т. LXXXIX, февр., 342, 349, 369, 370, т. XC, апр., 52, іюнь, 470, 526, т. XCI, сент., 615, 621, 623, 626, т. XCII, окт., 192.
Калерджи, г-жа, рожд. Нессельроде, во втор. бракѣ Муханова, т. XCII, окт., 94.
Калинникъ, спб. почтъ-директ. 1813 г., т. XCI, сент., 625.
Каменскій, гр., Мих; Ѳедотов., ген.-фельдмарш., р. 1738 г., † 1809 г., т. LXXXIX, янв., 96, 97, 100, 102, февр., 254, 256, 259, 263, 267, т. XC, апр., 78, май, 305, 306, іюнь, 480, т. XCI, сент., 616, т. XCII, окт., 192, декаб., 569.
Каменскій, Никол. Мих., ген., † 1811 г., т. XC, іюнь, 480.
Каменскій, гр. Серг. Мих., ген. отъ инф., † 1835 г., т. LXXXIX, февр., 349, 354, т. XC, іюнь, 480.
де-Кампредонъ, фр. послан. въ Россіи 1722 г., т. LXXXIX, янв., 50—66, т. XCI, авг., 264—288, сент., 450.
Канарскій, ген. польск. войскъ 1830 г., т. XC, май, 392.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., мин. финанс. съ 1823—1844 г., р. 1776 г., † 1845 г., т. LXXXIX, мартъ, 473, 478, т. XCII, нояб., 394, 395, 397, 400, 403.
Кантемиръ, княг., Анаст. Ив., см. Трубецкая.
Кантемиръ, княг., Агр. Як., см. Лобанова-Ростовская.
Кантемиръ, кн., Антіохъ Дм., писатель, р. 1663 г., † 1744 г., т. LXXXIX, янв., 49, 55, 67, мартъ, 401—416, т. XC, іюнь, 425—451, т. XCI, авг., 226—253.
Кантемиръ, Дмитрій, молдавскій господарь, † 1723 г., т. LXXXXI, янв., 49—69, мартъ, 401, 402.
Кантемиръ, княг., Кассандра, † 1713 г., т. LXXXIX, янв., 52, 53, 56.
Кантемиръ, кн., Конст. Дм., † 1747 г. томъ LXXXIX, мартъ, 401—416, т. XC, іюнь, 430—434, т. XCI, авг. 243—253.
Кантемиръ, кн., Матвѣй Дм., т. LXXXIX, мартъ, 401, 403, 405, 408, 409, 412, т. XC, іюнь, 431, 432, т. XCI, авг., 225—252.
Кантемиръ, княжна, Марія Дм., род. 1700 г., † 1757 г., т. LXXXIX, янв., 49—69, мартъ, 401—417, т. XC, іюнь, 425—451, т. XCI, авг., 225—253.
Кантемиръ, кн., Серг. Дм., т. LXXXIX, мартъ, 403, 405, 408, 409, т. XC, іюнь, 431, 432, т. XCI, авг., 227, 250, 251, 252.
Капнистъ, А. В., писат., т. XC, іюнь, 565, 566, т. XCI, авг., 412, т. XCII, нояб., 317.
Каподистрія, гр., Іоаннъ Ант., род. 1776 г., † 1831 г., т. XCII, нояб., 332, 446, декаб., 549, 550, 551.
Капцевичъ, ген. 1817 г., т. XC, іюнь, 473.

*

Карамзинъ, Никол. Мих., историо-графъ, р. 1766 г., †1826 г., т. LXXXIX, янв., 7, 14, 39, февр., 213. 214, 215, 217, 326, т. XCII, нояб., 306.
Карлъ-Фридрихъ, герцогъ голштинскій 1721 г., т. LXXXIX, янв., 64.
Карнѣевъ, попечит. Харьковск. унив. 1817 г., т. XC, іюнь, 477, т. XCII, нояб., 250.
Карцовъ, ген. 1850 г., т. XCII, нояб., 427.
Касаговъ, ген.-м. 1745 г., т. LXXXIX, янв., прилож., 12, мартъ, прилож., 84, т. XC, апр , прилож., 97–99
Касиновъ, Кіевск. предводит. дворян. 1861 г., т XCII, окт., 202, 204.
Катенинъ, Александ. Андреев., Оренб. ген.-губ. съ 1857 г., † 1860 г., т. LXXXIX, янв., 177—190, т XCII, окт., 217 221.
Каттеръ, Тифлис. губернат., 1856 г., т. XCII, декаб., 647.
Каткова, Софья Петровна, т. XCII, нояб, 273.
Катковъ, Мих. Никиф., т. XCII, окт., 31, 32, нояб., 273, 277, 355–373, декаб., 455, 571—587.
Каховскій, гр , Мих., 1798 г., т. XC, май, 297, 298, т. XCII, нояб., 417.
Каховскій, декаб., † 13 іюля 1826 г., т. LXXXIX, февр., 219, мартъ, 485.
Качеповскій, Карлъ, офиц. польскихъ войскъ, 1830 г., т. LXXXIX, февр., 354, 355
Кашкинъ, генер. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 104.
Кашкадамовъ, Нкл. Ив., титул. сов.,— его библіограф. лист. на оберткѣ каждой книги.
Квятковская, Антонина Ксаверьев., въ зам. Бакунина, т. LXXXIX, февр., 389.
Кейкуатовъ, кн., В. А., сообщ.: „Замѣтку по поводу біографіи М. А. Бакунина", т. LXXXIX, февр., 389–393.
Кеппенъ, П. И., акад. 1855 г., т. LXXXIX, февр., 387.
Кернъ, ген. 1817 г., т. XC, іюнь, 476.
Кикинъ, Петръ Андреев., ст.-секр. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 469, 481, т. XCI, іюль, 101.
Кикинъ, оф. 1813 г., т. XCI, сент., 610.
Кикинъ, помѣщ. 1856 г., т. XCII, нояб., 243.
Кишани, правитель дѣлъ Совѣта на Кавказѣ 1856 г., т. XCI, сент., 572, 582, 583.
Кирпичниковъ, А., сообщ.: „Разговоръ въ Тріанонѣ", т. LXXXIX, янв., 161–167, „Жуковскій и Дельвигъ въ изображеніи современника", февр., 273–279.
Киселевъ, гр., Пав. Дм., мин. госуд. имущ., р. 1788, † 1872 г., т. LXXXIX, янв., 160, февр., 207, 321, т. XCI, іюль, 74, сент., 579, 662, т. XCII, окт., 23, 28, 141, декаб., 450.
Клейнмихель, гр., Петръ Андреев., ген.-ад., † 1869 г., т. LXXXIX, янв., 16, 17, 19, 46, февр., 199, мартъ, 466, 471, 494, т. XCII, нояб., 377, декаб., 490.
Клеиовскій, полковн. 1813 г., томъ XCI, сент., 682.
Клушинъ, Херсонск. губерн. 1862 г., т. XCI, сент., 658.
Кнорринга, подполковн. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 101, февр., 262.
Князевичъ, Александ. Максимовичъ, мин. финанс. 1858 г., род. 1792 г., † 1872 г ,т. XCII, окт., 17, нояб., 228.
Князевичъ, ген. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 474.
Княжнинъ, Борисъ, ген., спб. об.-полиціймейст. 1826 г, т. LXXXIX, мартъ, 473.
Княжнинъ, Яковъ Борис., писатель, род. 1742 г., † 1791 г., томъ XC, іюнь, 544—561.
Кобыла, Андрей Ив., боярин, родонач. дома Романовыхъ, томъ XC, іюнь, 593—598.
Кобылинъ-Кошкинъ, Яковъ Захарьев., боярин, † 1511 г., т. XC, іюнь, 598.
Ковалевскій, Евгр. Петр., мин. народн. просв. 1858 г., т. XCI, сент., 576, т. XCII, декаб., 588.
Кожинъ, фл.-ад. 1807 г., т. XC, май, 316.
Ковачиковскій, ген. 1816 г., т. XCI, іюль, 79.
Кожинъ, д. ст. сов. 1837 г., т. XC, апр., 50.
Козловскій, кн., 1812 г., т. XCII, окт., 108, нояб, 425, 426.
Козляниновъ, вице-адм. 1790 г., томъ LXXXIX, мартъ, 457.
Козляниновъ, полковн., † 1863 г., т. XCII, окт., 96.
Козодавлевъ, Осипъ Петров., писатов. мин—ра вн. дѣлъ, род. 1752 г., † 1819 г., т. XC, іюнь, 557.
Козодаевъ, сенат. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 484.
Колокольцевъ, Матв. Григ., капит.-кручч. 1776 г., т. XC, май, 420.
Кокоревъ, Васил. Алексѣев., † 1889 г., т. XCII, нояб., 315.
Коленкуръ, фр. послан. въ Россіи 1808 г., т. XC, май, 288, іюнь, 484, 487, 491–497, т. XCI, іюль, 43–63, т. XCII, декаб., 557
Колоссовскій, капит. 1878 г., т. XC, апр., 66.

Колтовская, Марія Егор., въ замуж. Финкъ, т. XCI, іюль, 136.
Колтовская, Наталія Егор., т. XCI, іюль, 136.
Колтовская, Розалія Егор., см. Сталь.
Колтовская, Розалія Ильинична, рожд. Дубовикъ, т. XCI, іюль, 134, 135.
Колтовская, Софія Егор., въ зам. Сталь, т. XCI, іюль, 136.
Колтовской, Егоръ Егор., юристъ, род. 1855 г., т. XCI, іюль, 136.
Колтовской, Егоръ Ив., адмир., род. 1792 г., † 1870 г., т. XCI, іюль, 125—138.
Колтовской, Митрофанъ Егор., вице-адм., Керченск. градоначальн., † 1896 г., т. XCI, іюль, 134—137.
Комаржевскій, ген. 1784 г., т. XCII, окт., 124, 125.
Комаровскій, гр., ген.-ад. 1825., томъ LXXXIX, мартъ, 468, 483, т. XC, апр., 14, 15.
Комаровъ, подполковн. 1825 г., томъ LXXXIX, февр., 208.
Комовскій, Александ. Дм., ст.-секрет. 1856 г., т. XC, іюнь, 499—514, томъ XCI, іюль, 139—163, авг., 417—440, сент., 659—681.
Кондоиди, Анастасій, архимандритъ греческій 1711 г., т. LXXXIX, янв., 53, 54, 55.
Конисскій. Георгій, ректъ. Кіевской акад. 1750 г., т. XCI, авг., 394.
Коновницынъ, Петръ Петров., ген. 1817 г., т. XC, іюнь, 455—481, томъ XCI, іюль, 114, авг., 362, сент., 608—612.
Константинъ Константиновичъ, вел. князь, т. LXXXIX, мартъ, 599.
Константинъ Николаевичъ, великій князь, р. 1827 г., † 1892 г., т. XC, іюнь, 500—514, т. XCI, іюль, 145—163, авг., 417—434, сент., 662, 680, 681, т. XCII. окт., 21, 28, 153, декаб., 451.
Константинъ Павловичъ, вел. кн., цесаревичъ, р. 1779 г., † 1831 г., т. LXXXIX, янв., 28—47, февр., 193—220, мартъ, 459—473, 598, томъ XC, апр., 5—23, 39, май. 238, 243, іюнь, 477. 484, 486, т. XCI, іюль, 71—74, авг., 346, сент., 607, т. XCII, окт., 93, 94, нояб., 289, 352, 353, декаб., 539, 540, 566, 567, 622, 623.
Конти, принцъ 1757 г., т. XCII, декаб., 503—510, 521.
Коншинъ, Никол. Мих., литерат., род. 1794 г., † 1859 г., т. LXXXIX, февр., 273—279.
Корниловичъ, декабр., т. LXXXIX, февр., 205, т. XCII, окт., 91.
Корниловъ, Алекс. Алексѣев., 1838 г., т. XCII, декаб., 487.
Корниловъ, Владим. Алексѣев., ген.-ад., адмир., † 1854 г., т. XCI, іюль, 146, 150, 151, 153.
Корфъ, гр., Модестъ Андр., р. 1800 г., † 1876 г., т. XC, апр., 179—206, май, 341—355, іюнь, 499, т. XCI, сент., 673—675, т. XCII, окт., 14—18, 97, декаб., 450, 460.
Корфъ, бар., Ѳед. Карл., ген.-лейт., р. 1774 г., † 1823 г., т. LXXXIX, февр., 257, т. XC, май, 301.
Коршъ, Валент. Ѳед., журналистъ, род. 1828 г., † 1883 г., т. XCII, декаб., 587.
Космовскій, Янъ, польск. шляхтичъ, родонач. Комовскихъ, т. XC, іюнь, 499.
Коссаковскій, ген.-лейт. 1792 г., томъ XCII, нояб., 416, декаб., 596.
Коссовичъ, Каэтанъ Андреев., санскритологъ, р. 1815 г., † 1883 г., т. XC, май, 406.
Костровъ, Ермилъ Ив., писат., † 1796 г., т. XC, іюнь, 544.
Костылевъ, Александ. Никол., томъ XCII, нояб., 370.
Костюшко, Ѳаддей, главноком. въ Польшѣ, р. 1746 г., † 1817 г., т. XCI, сент., 491, 492, т. XCII, декаб., 596, 603.
Котляревскій, ген. 1812 г., т. XCII, окт., 65.
Коцебу, писат., т. XC, іюнь, 567.
Кочетовъ, капит. 1751 г., т. XCII, декаб., прилож., 227.
Кочетовъ, костромск. губернат. 1798 г., т. XCII, нояб., 297.
Кочубей, гр., Викт. Павл., р. 1768 г., † 1834 г., т. LXXXIX, мартъ, 493. т. XC, іюнь, 499, ст. XCI, іюль, 45, т. XCII, декаб., 650.
Кочубей, прокур. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 474.
Кошелевъ, Александ. Ив., земск. дѣятель, публицистъ, род. 1807 г., † 1883 г., т. XCII, окт., 16, 26, 27, 30, 32, 34.
Кошелевъ, Андр. Родіонов., полковн. 1839 г., т. XCI, іюль, 24, т. XCII декаб., 494.
Кошка, Ѳед. Андр., бояринъ, т. XC, іюнь, 594, 598.
Краевскій, Андрей Александ., издат. „Голоса", род. 1810 г., † 1889 г., т. XCI, іюль, 107.
Крапоткинъ, Харьковск. губернат., † 1879 г., т. LXXXIX, янв., 124, 125.
Красинская, гр—ня, 1760 г., т. XCI, авг., 307.
Красинскій, еписк. 1792 г., т. XCII, нояб., 409.

Краснинскій, гр., ген.-ад. 1816 г., т. XC. май, 382, т. XCI, іюль, 71.
Краснокутскій, Григ. Ив., костромск. вице-губернат. 1797 г., т. XC, май, 294, 295.
Краснокутскій, декабр., т. LXXXIX, мартъ, 469.
Крейцъ, гр., Кипріянъ Антонов., ген., р. 1779 г., † 1850 г., т. LXXXIX, февр., 255, т. XC, апр., 85.
Кривцовъ, инж., ген.-м., кіевск. губернат. 1848 г., т. XCI, сент., 650.
Кридинеръ, баронесса, Юліана, рожд. Фитингофъ, піетистка, род. 1766 г., † 1824 г., т. XCI, іюль, 17, 18, 20, 21, 25, 29.
Крузенштернъ, директ. канц. намѣстн. кавказск., т. XCI, сент., 565, 572, 574, 575, 576, 577, 578, 585, 589, т. XCII, окт., 162, декаб., 632, 636, 639—641.
Крузъ, вице-адм. 1790 г., т. LXXXIX, мартъ, 457.
Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, род. 1768 г., † 1844 г., т. LXXXIX, февр., 277, 278, т. XC, іюнь, 558.
Крыловъ, коллежск. сов. 1854 г., т. XCI, іюль, 151, 153.
Крюковъ, декабр., т. LXXXIX, февр., 205.
Кудашевъ, ген. 1813 г., т. XCI, сент., 615, 623, 626.
Кудрявскій, директ. деп. мин—ва ин. дѣлъ 1826 г., т. LXXXIX, мартъ, 486.
Кулишъ, капит. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 91, 92.
Куракинъ, кн., Александ. Борисов., мин. ин. дѣлъ, р. 1752 г., † 1818 г., т. XCII, декаб., 540, 667, 669.
Куракинъ, кн., Алексѣй Борисов., ген.-прокур. 1798 г., р. 1759 г., † 1829 г., т. LXXXIX, февр., 217, т. XC, май, 296—298, іюнь, 536, 592.
Куракинъ, кн., Андр. Петров., боярин, † 1615 г., т. XC, іюнь, 606, 607.
Куракинъ, кн., Борисъ Ив., дипломатъ, р. 1671 г., † 1727 г., т. XCI, авг., 259, 260, 281, 282.
Куракинъ, кн., Ив. Семен., боярин, † 1632 г., т. XC, іюнь, 608.
Куракинъ, кн., камеръ-юнк. 1751 г., т. XCII, декаб., прилож., 230.
Курисъ, рожд. Дунина, т. LXXXIX, мартъ, 515.
Курисъ, ген. 1809 г., т. LXXXIX, мартъ, 516.
Курута, ген., нач. штаба цесарев. Конст. Павл. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 193, 194.
Кутайсовъ, гр., сенат. 1825 г., томъ LXXXIX, мартъ, 483.
Кутузовъ, кн., Мих. Иллар., фельдмарш., род. 1745 г., † 1813 г., томъ XC, іюнь, 456—533, т. XCI, іюль, 47, 109—124, 357—373. сент., 607—631, 682, 683, т. XCII, окт., 111, 112, 190—200, нояб., 339, 344, декаб., 544.
Кутузовъ, дѣйст. ст. сов., камергеръ 1846 г., т. XCI, іюль, 139—144.
Кучковскій, ген. штаб-докт. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 194.
Кушелевъ, Егоръ Андреев., 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 459.
Кушелевъ, сенат. 1820 г., т. XCI, іюль, 7.
Кушниковъ, Серг. Сергѣев., почетн. опекунъ 1826 г., т. LXXXIX, мартъ, 482, т. XCII, декаб., 614—617.

Л.

Лабзинъ, Александ. Өед., вице-презид. акад. худож., 1812 г., мартинистъ, т. XCI, іюль, 24.
Лаваль, гр-ня, 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 471.
Лавровъ. сенат. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 483.
Лагарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспитат. имп. Александра I, р. 1754 г., † 1838 г., т. LXXXIX, янв., 47, мартъ, 524, т. XC, апр., 18, т. XCI, іюль, 5, т. XCII, нояб., 279, 288, 289.
Ладинскій, Влад., священ. 1862 г., т. XCI, сент., 677.
Лазарева. А. В., рожд. Студзинская, сообщ.: „Поправку къ запискамъ Инсарскаго", т. LXXXIX, мартъ, 607, 608.
Лазаревъ, полковн. 1827 г., коменд. Тавриза, т. XCII, окт., 74, 77.
Ламбертъ, гр., ген. 1812 г., т. LXXXIX, янв., 100, мартъ, 483, т. XC, апр., 10, май, 309, т. XCI, авг., 350, т. XCII, окт., 113, 114, нояб., 400.
Ламсдорфъ, гр. Матв, Ив., ген. отъ кав., р. 1745 г., † 1828 г., т. LXXXIX, янв., 80, февр., 280.
Ламсдорфъ, курлянд. губернат. 1798 г., т. XCII, окт., 82.
Ланжеронъ, гр., Александ. Өед., ген.-губ. Новорос. края съ 1814 г., род. 1763 г., † 1831 г., т. LXXXIX, февр., 376, мартъ, 482, т. XCI, іюль, 35—41, 80—88, авг., 347.
Ланской, Дм. Серг., сенат. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 462, т. XC, іюнь, 520.
Ланской, гр., Серг. Степ., мн.-вн. дѣлъ, род. 1787 г., † 1862 г., т. LXXXIX, мартъ, 473, т. XCII, окт., 7, 8, 9, 10, 14, 31, 142, 143, 154, декаб., 450,

451, 460, 461, 467, 469, 470, 472, 474, 476.
Ланжа-Горскій, декабр., т. LXXXIX, мартъ, 470.
Лантезъ, генер. 1807 г., т. LXXXIX, февр., 254.
Ласси, фельдмарш. 1740 г., т. XCI, сент., 471.
де-Лафонъ, г-жа, начальница Смольн. инст. 1784 г., т. XCI, сент., 537, т. XCII, декаб., 592.
Лачиновъ, В. П., сообщ.: „Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ", т. XC. май, 233–259, іюнь, 483—497, т. XCI, іюль, 51—68. „Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ", 405—406.
Лашкаревъ, Серг. Лазаревичъ, генеральн. консулъ въ Молд. и Валах. 1769 г., т. LXXXIX, февр., 316–321.
Лашкаревъ, подполковн. 1807 г., т. XC, апр., 83, 90.
Лебединцевъ, Арсеній Гаврилов., протоіерей, т. XCI, іюль, 125, 138.
Левашевъ, Васил. Яковл., ген.-аншефъ 1749 г., т. XC, май, прилож., 133.
Левашевъ, ген. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 468, 474.
Левенвольде, гр., Рейнгольдъ, об.-гофмарш. 1730 г., т. LXXXIX, мартъ, 410, 411.
Левенштернъ, бар., офиц. 1813 г., т. XCI, іюль, 109, 110.
Левицкій, ген. 1813 г., т. XCI, сент., 626.
Левшинъ, Алексѣй Ираклiев., тайн. сов., род. 1798 г., † 1879 г., томъ LXXXIX, февр., 378, 388, т. XCII, окт., 10–15.
Ледоховскій, Ив., каштелянъ 1830 г., т. LXXXIX, февр., 333—348.
Ленцъ, чиновн. геральдіи 1851 г., т. LXXXIX, янв., 112.
Лестокъ, гр., Іоганнъ-Германъ, лейбъ-мед. Елисаветы Петровны, р. 1692 г., † 1767 г., т. XCI, авг., 246, 248. сент., 463, 464, 466, 468, 471, 474, 475, 476, 477, т. XCII, окт., 39, 42, 46, 52.
Лестокъ, ген.-лейт. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 85—97, февр., 260–270, т. XC, апр., 73, 80, май, 301–316.
Лешковъ, В. Н., цензоръ 1850 г., т. LXXXIX, янв., 167.
Ливенъ, княгиня, статсъ-дама 1818 г., т. XCII, нояб., 382.
Ливенъ, гр., Карлъ Андреев., курат. дерп. унив., 1817 г., чл. Гос. Сов., р. 1767 г. † 1845 г., т. LXXXIX, мартъ, 483, т. XCI, іюль, 15—24.
Ливенъ, гр., Христоф. Андреев., посланн. въ Лонд. 1824 г., р. 1777 г., † 1838 г., т. LXXXIX, мартъ, 477, 478.
Лизогубъ, г-жа, А. А., т. XCII, окт., 98, 99.
Линденбаумъ, полковн. 1807 г., т. XC, май, 301.
Липовскій, камергеръ 1806 г., т. XCI, сент., 490.
Литке. Ѳед. Петр., адм., президент. акад. наукъ, род. 1797 г., † 1882 г., т. XC, май, 344.
Литта, гр., чл. Госуд. Сов. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 460, 492, т. XCII, декаб., 661, 662.
Литта, гр., Юлій 1797 г., т. XC, май, 279, 280.
Лихаревъ, декабр., т. LXXXIX, февр., 205.
Лобанова-Ростовская, княжна, Агр. Як., въ зам. княг. Кантемиръ, т. XCI, авг., 227.
Лобанова-Ростовская, княг., Екат. Ильинич., рожд. княж. Долгорукова, т. LXXXIX, мартъ, 526.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борисов., дипломатъ, † 1896 г.. т. LXXXIX, мартъ, 526–575.
Лобановъ-Ростовскій, кн., ген. 1813 г., т. XCI, сент., 682.
Лобановъ. кн., мин. юстиц. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 459—473.
Лобановъ, кн., Яковъ, 1825 г., томъ LXXXIX, мартъ, 473, 488.
Ловичъ, княгиня, Жанета Антонов., супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 г., † 1834 г., т. XXXIX, февр., 193, 251, мартъ, 461.
Ломакинъ, Гавр. Яким. † 1885 г., т. LXXXIX, мартъ, 528.
Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., т. XC, іюнь, 535–538, т. XCII, декаб., прилож., 227.
Лонгиновъ, Мих. Никол., библіографъ, р. 1823 г., † 1875 г., т. XC, іюнь, 546, 547, 555, 557.
Лонгиновъ, Никол. Мих., т. XCII, нояб., 402.
Лонгиновъ, ст.-секрет. 1825 г., томъ LXXXIX, мартъ, 494.
Лопатинъ, М. Н., помѣщ. 1850 г., т. XCII, нояб., 248.
Лопиталь, маркизъ, послан. въ Спб. 1757 г., т. XCII, декаб., 498—529.
Лопухина, княжна, 1798 г., т. XCII, нояб., 314.
Лопухинъ, кн., Петръ Васил., предсѣд. Госуд Сов, род. 1741 г., † 1827 г., т. LXXXIX. февр., 196, 201, 215, 217, мартъ, 485, т. XC, май, 294, 295.
Лопухинъ, ген.-м. 1747 г., т. XCI, іюль, прилож., 175, авг., прилож., 190.
Лопухинъ, сенат. 1770 г., т. XCI, авг., 345.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріелов. † 1888 г., т. LXXXIX, янв., 135.
Лужинъ, драматургъ 1796 г., т., XC, іюнь, 563.

Лучинскій, Феликсъ Яковл., сообщ.: „Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка“, т. XCI, сент., 633–658, т. XCII, окт., 201–215.

Лыковъ, кн., Борис. Мих., боярин, † 1646 г., т. XC, іюнь, 609.

Любецкій, кн., мин. финанс. Царства Польскаго 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 478, т. XCII, нояб., 396, 403.

Любомірская, княжна, Розалія, см. Ржевуская.

Любомірская, княг., Розалія, рожд. гр-ня Ходкевичъ, † 1794 г., т. XCI, авг., 309–332.

Любомірская, княг., 1784 г., т. XCII, окт., 123, 124, 125.

Любомірскій, кн., Александ., кастелянъ кіевскій 1790 г., т. XCI, авг., 309, 310.

Людовикъ XV, король Франціи, г. XCI, сент., 450–479, т. XCII, окт., 37–63, нояб., 251–271, декаб., 497–533.

Лясковскій, Никол. Эрастов., химикъ 1854 г., т. XCII, нояб., 369, 372, 373, декаб., 572.

М.

Магницкій, Мих. Леонтьев., попечит. Казанск. учеб. окр., род. 1778 г., † 1844 г., т. LXXXIX, мартъ, 462, т. XC, апр., 28–30, т. XCI, іюль, 24, 25, т. XCII, окт., 101, 103, 104, 231, декаб., 534, 590.

Майборода, капит. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 207, 208, 211.

Майковъ, Апол. Никол., поэтъ. род. 1821 г., † 1897 г., т. XC, май, 375–379.

Майковъ, Леонидъ Никол., сообщ.: „Княжна Марія Кантемирова“, т. LXXXIX, янв., 49–69, мартъ, 401–417, т. XC, іюнь, 425–451, т. XCI, авг., 225–253. „Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина“, рѣчь, читан. Л. Н. Майковымъ въ Собр. Акад. Наукъ 11 янв. 1897 г., т. LXXXIX, мартъ, 599–603.

Майковъ, П. М., сообщ.: „Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г.“, т. LXXXIX, янв., 81–110, февр., 253–272, т. XC, апр., 73–102, май, 299–316; „Герцогъ Ришелье въ Россіи“, т. XCI, іюль, 33–49; „Андрей Андреевичъ Жерве“, т. XCII, окт., 97–120, нояб., 393–403; „Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны московскому почетному опекуну Серг. Серг. Кушникову и всеподданнѣйшее письмо Кушникова“, декаб., 615–617.

Малаховскій, маршалъ 1806 г., т. XCI, сент., 490, т. XCII, нояб., 406, 409, 413.

Малиновскій, Алексѣй Ѳед., литерат. род. 1762 г., † 1840 г., т. LXXXIX, мартъ, 574.

Мальгинъ, секретарь герольдіи 1850 г., т. LXXXIX, янв., 111.

Мануэль, полковн. 1807 г., т. LXXXIX, февр., 262.

Маньянъ, повѣрен. въ дѣлахъ Франціи въ Спб. 1726 г., т. XCI, сент., 450, 451, 455.

Маринъ, Александ. Апол., 1837 г., т. XC, апр., 49–51.

Маринъ, Апол. Никифоров., поэтъ, т. XC, апр., 49–51, т. XCI, іюль, 50.

Маринъ, С. Н., его стихотв. „Эпиграмма на сочиненіе И. И. Дмитріева „О воинской наукѣ“, т. XCI, сент., 632.

Марія Александровна, императрица, род. 1824 г., † 1880 г., т. XCI, сент., 606, т. XCII, декаб., 450, 451.

Марія Александровна, вел. княжна, въ супр. герцогиня Эдинбургская, т. LXXXIX, мартъ, 599.

Марія Николаевна, вел. княг., въ супр. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1876 г., т. XCI, іюль, 150.

Марія Павловна, вел. княгиня, въ зам. вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. XCII, нояб., 343, 345.

Марія Ѳеодоровна, императрица, р. 1759 г., † 1828 г., т. LXXXIX, янв., 7, 28, 36, 40, 45, февр., 193–201, мартъ, 465–538; т. XC, апр., 13–20, май, 237, 238, іюнь, 469–497; т. XCI, іюль, 70, авг., 351, сент., 516, 537; т. XCII, нояб., 285, декаб., 550, 555, 615–617.

Марія Ѳеодоровна, имп-ца, 1881 г., т. LXXXIX, янв., 141.

Марковичъ, Ал., сообщ.: „Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ П. И. Чебышеву“, т. XCI, сент., 538.

Марковъ, гр., Аркадій Ив., послан. въ Парижѣ 1801 г., р. 1747 г., † 1827 г., т. XCI, іюль, 39, т. XCII, окт., 99–114.

Марковъ, Ев. Ив., ген. 1812 г., томъ LXXXIX, февр., 267, т. XC, апр., 74–86, май, 309–312, томъ XCII, декаб., 544.

Мартыновъ, Ив., 1822 г., томъ XCII, декаб., 534.

Марченко, В. Р., ст.-секрет. 1817 г., т. XC, іюнь, 472, 499, 511, т. XCI, іюль, 72, т. XCII, нояб., 332.

Масальскій, князь, еписк. виленскій 1792 г., т. XCII, нояб., 418.

Масловъ, жанд. ген. 1830 г., т. XC, май, 268.

Матюшкина, гр-ня, въ замуж. гр-ня Вielьгорская, т. XCI, сент., 521.
Меховъ, содержат. театра 1780 г., т. XC, іюнь, 547, 551.
Мевенцевъ, генер. 1818 г., т. XCII, нояб., 334.
Меллеръ-Закомельскій, ген. 1807 г., т. XC, апр., 100, май, 301.
Мелиссино, Ив. Ив., курат. москов. унив. 1782 г., р. 1718 г., † 1795 г., т. XC, іюнь, 554, т. XCI, сент., 534.
Мелиссино, П. И. 1793 г., т. LXXXIX, мартъ, 418.
Меншиковъ, кн., Александ. Данил., р. 1673 г., † 1729 г., т. LXXXIX, янв., 60, 62, 63, 65, томъ XCI, авг., 277—285.
Меншиковъ, кн., Александ. Сергѣев., морск. мин., род. 1787 г., † 1869 г., т. LXXXIX, мартъ, 493, т. XC, май, 232, 260, 270, іюнь, 500—526, т. XCI, іюль, 139—162, сент., 659 662, 675, т. XCII, нояб., 309, 332, 340, декаб., 453, 539, 544, 545.
Меньковъ, Петръ Кононов., ген.-лейт., редакт. „Воен. Сборн.", 1868 г., т. LXXXIX, янв. 70, февр., 233—252.
Месмеръ, т. XCII, окт., 126—131.
Мещериновъ, ген. 1816 г., т. XCI, іюль, 79.
Мещерскій, кн., Н. П., т. XCII, нояб., 273.
Мещерскій, кн., спб. об.-комендантъ 1749 г., т. LXXXIX, февр., прилож., 64, мартъ, прилож., 67, 77, т. XC, апр., прил., 100, 107, 116, іюнь, прил., 146, т. XCI, авг., прил., 187, 190, т. XCII, окт., прил., 198, декаб., прил., 232, 239.
Миклашевичъ, Г., 1856 г., т. XCII, нояб., 243.
Миклашевскій, сенат. 1814 г., т. XCII, декаб., 658.
Миллеръ, Орестъ Ѳед., историкъ, т. LXXXIX, мартъ, 604 605.
Миллеръ, шт.-кап. корп. фельдъег. 1864 г., т. XC, апр., 52.
Милорадовичъ, гр., Мих. Андреев., спб. ген.-губернат. съ 1813 г., род. 1770 г., † 14 дек. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 196—217, мартъ, 460—468, т. XC, іюнь, 466—482, т. XCI, іюль, 75—102, авг., 336, 338, 356, сент., 615, 622, 623, т. XCII, окт., 111, 191, 193, 197.
Милютинъ, Владим. Алексѣев., т. XCII, окт., 141.
Милютинъ, Дм. Алексѣев., воен. мин. 1864 г., т. XCI, сент., 575, 586, т. XCII, окт., 141, нояб., 427.
Милютинъ, Никол. Алексѣев., ст.-секрет., род. 1818 г., † 1872 г., т. XCII, окт., 22—35, 139—158, нояб., 236, декаб., 475.
Минихъ, гр. Бурхардъ Христофъ, ген.-фельдм., р. 1683 г., † 1767 г., т. XCI, авг., 232, 241, 242, 245, сент., 451, 454, 461, 476, т. XCII, окт., 37.
Минина (Шумская), Настасья Ѳед., домоправит-ца гр. Аракчеева, томъ LXXXIX, янв., 13, 19, 30.
Мирбоевъ, 1856 г., т. XCII, декаб., 639—641.
Михайловскій-Данилевскій, Александ. Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1848 г., его воспоминанія, т. XC, іюнь, 453—482, т. XCI, іюль, 69—102, авг., 333—356, т. XCII, нояб., 331—353, декаб., 539—567, упом. т. LXXXIX, янв., 22, 39, т. XC, апр., 5, 6.
Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, т. LXXXIX, февр., 287, томъ XC, апр., 56 65, т. XCII, нояб. 430.
Михаилъ Павловичъ, вел. князь, род. 1798 г., † 1849 г., т. LXXXIX, янв., 7, 27, февр., 193—220, мартъ, 462—486, т. XC, апр., 14, 16, 49, т. XCI, іюль, 139, т. XCII, окт., 116, нояб., 352, 353, дек., 542—554.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, род., 1596 г., † 1645 г., т. XC, іюнь, 596, 604 — 609, т. XCI, іюль, 191, авг., 257, 258.
Михельсонъ, М. И., сообщ.. «Просьба сенатора, ген.-лейт. Филипсона объ увольненіи его отъ должности попечителя спб. учебнаго округа», т. XC, май, 356.
Михельсонъ, Ив. Ив., ген., † 1807 г., т. LXXXIX, янв., 93, т. XCI, сент., 522—536.
Мишель, купецъ, 1755 г., т. XCII, нояб., 262—264, 267.
Мишо, полковн. 1812 г., т. XC., іюль, 517, 521, 523, 582.
Мнишекъ, гр-ня, рожд. гр-ня Брюль, во втор. бракѣ гр-ня Потоцкая, т. XCII, нояб , 417.
Мнишекъ, гр., маршалъ сейма 1792 г., т. XCII, 412, 423.
Модзалевскій, Б. Л., сообщ.: «Василій Григорьевичъ Рубанъ», т. XCI, авг., 393—415.
Можаровскій, Апол., сообщ.: «Замѣтка объ участіи Нижегородской семинаріи въ комплектованіи перваго курса Московскаго университета въ 1755г.", т. LXXXIX, янв., 168—170.
Моллеръ, адмир., т. LXXXIX. мартъ, 470.
Монсъ, Анна, т. LXXXIX, февр., 371, 372.
Монсъ, камергеръ 1724 г., т. LXXXIX, мартъ, 402, 403.

Мордвиновъ, капит. 1751 года, томъ XCII, декаб., прилож., 240.
Мордвиновъ, Никол. Семен., адмир. 1812 г., † 1845 г., т. XCI, авг., 342, томъ XCII, ноябрь, 381—383, 400, 403.
Морозовъ, Васил. Петров., бояринъ, † 1630 г., т. XC., іюнь, 610.
Морозовъ, Пав. Тимоѳ., редакторъ «Новорос. Календаря» съ 1831—1857 г., р. 1808 г., томъ LXXXIX, янв., 145—159, февр., 378, т. XCII, нояб., 446.
Мостовскій, графъ, 1792 г. т. XCII, нояб., 416.
Мофетъ, контръ-адмир. 1850 г., томъ LXXXIX, янв., 187, 188.
Мстиславская, Анастасія, княгиня, † 1540 г., т. XCI, іюль, 190.
Мстиславскій, кн., Ив. Ѳед., членъ верховн. боярск. думы, † 1586 г., т. XCI, іюль, 189—191.
Мстиславскій, кн., Ѳед. Ив., бояринъ, † 1622 г., т. XC, іюнь, 606.
Мстиславскій, кн., Ѳед. Мих., 1526 г., томъ XC., іюль, 606, т. XCI, іюль, 190, 191.
Муравьевъ, Александръ Николаев., декабр., ген.-лейт., нижегор. воен. губернат. съ 1856—1861 г., т. XCI, сент., 539—559.
Муравьевъ, Андрей Никол., писат., по церковн. исторіи, р. 1805 г., † 1876 г., т. XCI. сент., 605, 606.
Муравьевъ, гр., Мих. Никол., ген.-губ. Зап. края 1863 г., род. 1796 г., † 1866 г., томъ LXXXIX, янв., 14, мартъ, 608, т. XCII, окт. 14, нояб., 240, декаб., 451, 453, 466, 467.
Муравьевъ, Никита Мих., декабр., род. 1796 г., † 1843 г., т. LXXXIX, февраль, 204, 208, 211, мартъ, 480, 481.
Муравьевъ, Никол. Никол. Карскій, род. 1793 г., † 1867 г., т. XCI, сент., 583, 584, т. XCII, окт., 71, 170.
Муравьевъ, гр. Амурскій, Никол. Никол., томъ LXXXIX, февр., 392, 393, т. XCII, нояб., 429.
Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив., декабр., р. 1796 г., † 13 іюля 1826 г., т. LXXXIX, февр., 219, мартъ, 485.
Муравьевъ, спб. оберъ-полиціймейстеръ 1797 года, томъ, LXXXIX, мартъ, 456.
Мусина-Пушкина-Брюсъ, гр-ня, Екат. Яковл., 1802 г., т. LXXXIX, мартъ, 456.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., д. тн. сов. 1809 г., т. LXXXIX, февр., 326.
Муханова, М. К., рожд. гр-ня Сиверсъ, т. LXXXIX, мартъ, 518.
Муховъ, варшавскій оберъ-полиціймейстеръ 1862 года, томъ XCII, окт., 94.
Мухранскій, кн. Георгій, т. XCII, декаб., 635, 637—639.
Мышлаевскій, А. З., сообщ.: „Духовное завѣщаніе Анны Монсъ", т. LXXXIX, февр., 371, 372, „Секретный указъ императрицы Елисаветы о пріѣздѣ въ Ригу принцессы Цербтской", „Собственноручный указъ императрицы Екатерины II о высылкѣ шарлатана Каліостро изъ Россіи", т. XCI, сент., 512; „Два распоряженія при вступленіи на престолъ Екатерины II 1762 года", нояб., 278; «А. С. Пушкинъ и эстляндцы», томъ XCII, декаб., 535—537.

Н.

Набоковъ, Д. Н., мин. юстиц., томъ XC, май, 338.
Нагой, Андр. Александр., бояринъ, † 1618 г., т. XC, іюнь, 609.
Нагой, Мих. Александр., бояринъ, † 1618 г., т. XC, іюнь, 609.
Назимовъ, Влад. Ив., род. 1802 г., † 1874 г., т. XCII, окт., 11, нояб., 356—370, декаб., 467, 472, 474, 490, 580.
Назимовъ, кіевскій губерн. 1817 г., т. XC, іюнь, 472.
Наполеонъ I, т. LXXXIX, янв., 81—110, февр., 253—272, мартъ, 418—455, т. XC, апр., 73—102, май, 211—259, 299—316, іюнь, 483—497, томъ XCI, іюль 51—68, сент., 481—516.
Нарышкина, Е. А., рожд. княжна Куракина, т. LXXXIX, мартъ, 526.
Нарышкина, Марія Антонов., рожд. княжна Четвертинская, р. 1779 г., † 1854 г., т. XC, іюнь, 487.
Нарышкинъ, Алексд. Львов., об.-камерг., 1818 г. р. 1760 г., † 1826 г., т. XCII, нояб., 332, декаб. 555.
Нарышкинъ, Петръ Петров., 1749 г., т. XCI, авг., прилож., 181, 182.
Нарышкинъ, Семенъ Кирил., род. 1710 г., † 1775 г., томъ LXXXIX, янв., прилож., 17, т. XCI, сент., 455.
Нарышкинъ, капит. 1749 г., т. XC, май, прилож., 132.
Наталія Алексѣевна, вел. княг. супруга Павла Петровича, т. XCII, нояб., 283.
Наталія Алексѣевна, вел. княжна 1728 г., т. LXXXIX, мартъ, 404.
Наумова, Марія Николаевна, т. XC, іюнь, 436.

Аумовъ, Фед. Васил., генер.-лейт., спб. вице-губернат., 1738 г., † 1760 г., т. XC, іюнь, 434—436.
Ахимовъ, Пав. Степ., адмир., род. 1803 г., † 1853 г., томъ XCI, іюль, 134.
Ащокинъ, В. А., 1721 г., т. LXXIX, янв., 59.
Ащокинъ, П. В., т. XC, іюнь, 612, 613.
Оболенскій, Григ. Павл., чл. Госуд. Сов., т. XC, апр., 124.
Бейдгардтъ, Александ. Ив., генер. 1825 г., род. 1784 г., † 1845 г., т. LXXXIX, февр., 198, т. XCI, іюль, 115, т. XCII, нояб., 313.
Белюдовъ, капит. 1812 г., т. XC, іюнь, 525.
Бекрасовъ, Никол. Алексѣев., писатель, род. 1821 г., † 1877 г., томъ LXXXIX, янв., 114, т. XCII, окт., 157, нояб., 228, 229.
Белединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, сенат. 1814 г., томъ XCI, авг., 345, т. XCII, декаб., 650, 661, 665.
Белидова, Е. И., фрейлина 1784 г., т. XCI, сент., 537, т. XCII, нояб., 285.
Бенлюевъ, Никол. Ив., сенат. 1780 г., т. XCI, авг., 408.
Бессельроде, гр-ня, томъ LXXXIX, мартъ, 479.
Бессельроде, гр., Карлъ Васильев., канцл., р. 1780 г., † 1862 г., томъ LXXXIX, мартъ, 463 - 492, т. XC, май, 212—217, т. XCII, окт., 104—119, нояб., 249—400, декаб., 551.
Бибикенко, Александ. Вас., акад., род. 1804 г., † 1878 г., т. XC, май, 344, 345, 375, т. XCII, нояб., 355—373, декаб., 571—587.
Бибикенко, Софья Александровна, сообщ.: „М. Н. Катковъ какъ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и возобновитель „Русскаго Вѣстника“, т. XCII, нояб., 355—373.
Бибитинъ, прокур. сената 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 466, 467.
Биколаевъ, полк. л.-гв. казач. пол. 1825 г., т. LXXXIX, янв., 19, 30, февр., 205, 210, 211.
Биколаи, бар., А. П., нач. главн. управл. учебн. частью на Кавказѣ 1856 г., т. LXXXIX, мартъ, 590—597, т. XCI, сент., 576, 577.
Биколай Александровичъ, цесаревичъ, † 1865 г., томъ LXXXIX, янв., 160.
Биколай Николаевичъ, вел. князь, фельдмаршалъ, род. 1731 г., † 1891 г., т. LXXXIX, февр., 237, томъ XCII, окт., 214.
Биколай I, императоръ, р. 1796 г., † 1855 г., т. LXXXIX, янв., 6—48, 140, февр., 193 — 281, 369 — 389, мартъ, 459 — 494, 528, 530, т. XC, апр., 5—54, 170 — 173, май, 232, 260 - 269, 406, іюнь, 616, томъ XCI, іюль, 88, 93, 125—134, сент., 665, т. XCII, окт., 8, 15, 31, 66—116, нояб., 313, 330, 375—402, декаб., 535, 543, 615—630.
Биколь, Доминикъ-Шарль, аббатъ, первый директ. Ришельев. лицея, 1819 г., р. 1758 г., † 1835 г., томъ LXXXIX, февр., 375, 377, т. XCI, іюль, 44, 47.
Бовиковъ, Никол. Ив., писат., род. 1744 г., † 1818 г., томъ XC., іюнь, 544, 555.
Бовосильцевъ, адъют. моск. воен. губ. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 200.
Боровъ, Авраамъ Серг., мн-ръ нар. просв., † 1869 г., т. XC, май, 344, т. XCII, окт., 32, нояб., 356 — 362, декаб., 572—586.
Боровъ, харьк. губерн., т. LXXXIX, мартъ, 514.
Бостицъ, гр., команд. нижегородск. драгунск. полка, т. XCII, окт., 185.

О.

Обницкій, П. Н., его воспоминанія о В. А. Арцимовичѣ, т. XC, апр., 103—119.
Оболенскій, кн., Д., томъ XCII, дек., 475.
Оболенскій, кн., дек., т. LXXXIX, мартъ, 482.
Обручевъ, Н. Н., генер., томъ XCI, авг., 409.
Обручевъ, оренбург. ген.-губ. 1844 г., т. LXXXIX, янв., 181, 183.
Обрѣзковъ, рус. уполном. въ Персіи 1827 г., томъ XCI, іюль, 101, томъ XCII, окт., 78, 113.
Овцынъ, казанскій губерн., прокур. 1813 г., т. XCI, іюль, 196.
Отлобинъ, Н., сообщ.: „Ржевскій бунтъ 1701 года“, т. XC., май, 271—277; „Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ 1668—1669 гг., т. XCI. авг. 375—392.
Одоевскій, кн. Ив. Никит., боринъ, † 1616 г., т. XC, іюнь, 609.
Одоевскій, кн., декабр., т. LXXXIX, мартъ, 467.
Ожаровскій, гр., ген.-ад. 1817 г., т. XC, апр., 10, іюнь, 472, 474, томъ XCII, нояб. 332, дек., 566, 567.
Оверовъ, А. П., 1857 г., томъ XCI, авг., 430.

Оменцкій, маршалъ 1784 г., т. XCII, окт. 122.
Оворововъ, Васил. Ив., аренд. моск. унив. типогр. 1793 г., томъ XC, іюнь, 561.
Олоховъ, генер. 1870 г , томъ XCI, іюль 138.
Ольга Николаевна, великая княгиня, королева греческая, томъ XC, іюнь, 506.
Ольшевскій, Мелетій Яковл., ген., т. XCI, сент., 586, 587.
Омецинскій, Ив., оф. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXIX, февр , 334, 360, т. XC, май, 383, 394, 404.
Опочинина, Варвара, рожд. княжна Орбеліани, т. XCI, сент., 591.
Опочининъ, тифлис. коменд. 1858 г., т. XCI, сент., 590.
Опперманъ, ген. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 482.
Орбеліани, кн., Александръ, тифлисскій губерн. предводит. дворянства 1856 г., т. XCII, окт., 172.
Орбеліани, княг., Варвара, 1856 г., т. XCI, сент., 568, т. XCII, окт., 161.
Орбеліани, княжна, Варвара, смот. Опочинина.
Орбеліани, кн., Григ. Дм., ген. 1865 года, томъ XCII, нояб., 434 — 436, 444.
Орбеліани, княг., Марія Ив., томъ XCII, нояб., 444, 445.
Орбеліани, князья, томъ XCII, нояб., 444.
Орлова-Чесменская, графиня, Анна Алексѣевна, † 1848 г., т. XC, апр., 42—46, іюня, 499.
Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-аншефъ, р. 1737 г., † 1807 г., т. XC, іюнь, 534.
Орловъ, гр., впосл. кн., Алексѣй Өед., шефъ жанд. род. 1787 г., † 1862 г., т. LXXXIX, февр., 382, т. XCII, окт., 10—30, нояб., 327, 389, 390.
Орловъ, Васил. Петров., ген., атаманъ войска донскаго 1801 г., томъ XCII, нояб., 291, 292.
Орловъ, Мих , ген.-м 1825 г., томъ LXXXIX, февр., 204.
Орловъ, Мих. Өед., т. XCII, нояб., 309.
Орловъ, кн., Никол. Алексѣев., дипломатъ, р. 1827 г., † 1885 г., т. XCI, сент., 672 – 680.
Орловъ-Денисовъ, гр., ген.-ад. 1825 г., томъ XC, апр., 10—14, т. XCI, іюль, 118.
Орловъ, кн., предсѣдат. секретн. комитета по крестьянск. дѣламъ 1860 г., т. XCII, декаб., 450, 451, 453, 467.
Остенъ-Сакенъ, бар., ген.-м. 1827 г., т. XCII, окт., 80.
Остерманъ, гр., Андр. Ив., каб.-мин., род. 1686 г., † 1747 г., томъ LXXXIX, мартъ, 406, 411, 415, т. XC, іюнь, 426, т. XCI, авг., 242—277, сент., 449—477, томъ XCII, окт., 37.
Остерманъ, гр., Ив. Андреев., вице-канцл. 1794 г., р. 1725 г., † 1811 г., т. XCII, декаб., 593—611.
Остерманъ-Толстой, гр., ген. 1807 г., т. LXXXIX, янв , 81 — 107, февр., 267, т. XC, апр., 76, 90, іюнь, 480. 481, 525.
Офросимовъ, Мих., Алекс., московск. ген.-губернат., т. LXXXIX, мартъ, 607.
Офросимовъ, помѣщ. 1821 г., томъ LXXXIX, мартъ, 607.
Очинъ, Петръ Николаевичъ, секрет. фельдм. Паскевича 1851 г., томъ LXXXIX, февр., 246 – 248.

П.

Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. LXXXIX, янв., прилож. 3, февр., 214, 280, мартъ, 417, 458, 463—524, т. XC, апр., 26, 124, май, 279—297, 407, іюнь, 496, 538, 563—592, т. XCI, іюль 5, 38, 86, авг., 292, 342, сент., 491, 613, т. XCII, окт., 82, 137, ноябр., 279 – 315, декаб., 593—613.
Павелъ Александровичъ, вел. князь, т. LXXXIX, мартъ, 599.
Павлова, Анна Мих., рожд. Соковнина, т. XCI, сент., 603, 604.
Павлова, Каролина Карлов., рожд. Яниш, т. LXXXIX, янв., 161 – 167.
Павловскій, Каменецъ-Подольск. губернат. 1816 г., т. XCI, іюль, 75.
Павловъ, Ив. В., помѣщ. 1860 г., т. XCII, окт., 17, 18, нояб., 232 – 248, декаб., 468.
Павловъ, Никол. Филип., писат., т. LXXXIX, янв., 167.
Павловъ, офиц. кирасир. пол. 1813 г., т. XCI, сент., 610, 611.
Паленъ, гр. Петръ Алексѣев. спб. ген.-губернат., р. 1745 г., † 1826 г., т. LXXXIX, мартъ, 457, т. XC, май, 281, 282, т. XCII, окт., 188, нояб. 304, декаб., 594 – 612.
Паленъ, гр., Петръ Петров., род. 1777 г., † 1864 г., т. LXXXIX, янв., 99, февр., 253, 254, т. XC, апр. 84, 85, 100, т. XCII, декаб., 627.
Паленъ, подполковн. кирасир. пол. 1778 г., т. XCI, сент., 527, 528.

Палекъ, ген.-лейт. 1797 г., т. LXXXIX, февр., 280.
Панинъ, гр., Викторъ Никит., мин. юстиціи, род. 1801 г., † 1874 г., т. XCII, окт., 12, 146—153, нояб., 227, 392.
Панинъ, гр., Петръ Ив., ген.-аншефъ, р. 1721 г., † 1789 г., т. XC, іюнь, 546, т. XCI, авг., 409.
Панинъ, гр., 1777 г., т. XCI, сент., 522—530.
Панкратьевъ, Херсонск. губернат. † 1858 г., т. XCI, сент., 654, 656.
Панкратьевъ, ген. 1827 г., т. XCII, окт., 71.
Панчулидзевъ, полковн. 1807 г., т. XC. апр., 83.
Панютинъ, С. Ѳ. секретарь фельдм. Паскевича 1850 г., т. LXXXIX, февр., 234.
Панютинъ, жанд. офиц. 1850 г., т. XCII, нояб., 330.
Паниковъ, Таганрогск. градонач. 1812 г., т. XCI, авг., 547.
Пасевьевъ, спб. гражд. губернат. 1805 г., т. LXXXIX, мартъ, 606.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, графъ Эриванскій, Ив. Ѳед., род. 1781 г., † 1856 г., т. LXXXIX, февр., 233—252, 343, мартъ, 482. т XC, іюнь, 466, 467. 470, т. XCII, окт., 75—79, нояб., 352, декаб., 539, 543.
Пассекъ, Валеріанъ Васильев., ген-м. т. LXXXIX, янв., 70.
Пассекъ, Діомидъ Васильев., † 1845 г., т. LXXXIX, янв. 70.
Пассекъ, Петръ Богдановъ., ген.-аншефъ, 1800 г., т. LXXXIX, янв., 70, т. XCI, авг., 404, 411.
Паулуччи, маркизъ, рижск. губернат., 1820 г., т. XCI, іюль, 5—32, сент., 682, т. XCII, нояб. 334.
Пезаровіусъ, основатель газеты „Рус. Инвалидъ", т. XCI, іюль, 16, 19, 23, 24.
Пензерженскій, ген. 1836 г., т. XC, апр., 48.
Перовскій, гр., Василій Алексѣев., оренб. ген.-губернат., † 1857 г., т. LXXXIX, янв., 177, 180, 182, 183, т. XCII, окт., 221, нояб., 386—389.
Пестель, Ив. Борисов., ген.-губерн. Восточн. Сибири, род. 1765 г., † 1844 г., т. XC, апр., 27, т. XCII, окт., 36, 83, 84.
Пестель, Пав. Ив., полковн., декабр., † 1826 г., т. LXXXIX, февр, 204, 206, 208, 219, мартъ, 483, 485, т. XC, апр., 33.
Петрашевскій, Мих. Вас., т. XC, май, 406.
Петрушевскій, А. Ѳ., т. XCI, сент., 480.
Петръ I, императ., р. 1672 г., † 1725 г., т. LXXXIX, янв., 49—69, февр., 371, мартъ, 401—407, 524, т. XC, апр., 16, май, 271, 330, іюнь, 427, 438, 535, 540, 541, 567, т. XCI., авг., 258 - 293, 413, т. XCII, окт., 10, 61, нояб., 270, 286, 288, декаб., 546, 549, 652, 656, 659.
Петръ II, императоръ, † 1730 г., т. LXXXIX, янв., 57, 65, мартъ, 405, 406, т. XC, іюнь, 541.
Петръ III, императоръ, р. 1728 г., † 1762 г., т. LXXXIX, янв., прил., 3, 18, февр., прил., 45, 48, т. XCI. іюль, прил., 162, сент., 471—478, т. XCII, окт., прил., 194, нояб., 354, декаб., 498 - 520, прил., 231.
Петръ, Ибрагимовичъ, казанскій царевичъ 1529 г., т. XCI, іюль, 190
Пилецкій, докт. 1856 г, т. XCII, декаб., 648
Пилларъ, баронес., Варвара Ив., рожд. Дунина, т. LXXXIX, мартъ, 515.
Пилъ, псковск. губернат. 1788 г., т. XC, іюнь, 498.
Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ, род. 1800 г., † 1881 г., т. LXXXIX, февр., 301, т. XCI, іюль, 176.
Пироговъ, ген.-интенд. 1-ой арміи 1825 г., т. LXXXIX, февр. 208.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказной атам. войска донск. 1800 г., т. XC. іюнь, 467, т. XCI, іюль, 115, авг. 348, сент., 626, т. XCII, окт., 110, 190, 191, 192, декаб., 544, 547.
Платонъ, (Петръ Левшинъ), митроп. моск. 1787 — 1794 г., р. 1737 г., † 1812 г., т. LXXXIX, янв., 173, т XC, май, 407.
Плетневъ, Петръ Александ., акад., † 1864 г., т. LXXXIX, февр., 327—332, т. XC, май, 405—408, іюнь, 613, 614, 617, 618, т. XCI, авг., 444, 446, 447, т. XCII, декаб., 536.
Плещъ, ген. 1807 г., т. XC, май, 316.
Погенполь, редакт. газ. „Le Nord" 1860 г., т. XCII, декаб., 455, 457, 470, 471.
Погодинъ, Мих. Петров., акад., проф., род. 1800 г., † 1875 г., т. LXXXIX, янв. 167, т. XC, май, 351, 378, іюнь, 612, т. XCII, нояб, 371, 446, декаб., 456.
Поджіо, А. В., декабр., т. LXXXIX, февр., 392, 393.
Повенъ, помѣщ. 1760 г., т. XCII, окт., 27, 28, 29.
Полевой, Никол. Алексѣев., писат., р. 1796 г., † 1846 г., т. XCI, іюль, 103 107, т. XCII, нояб., 312, 385, декаб., 538.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣев., пи-

сатель род. 1801 г., т XCII, нояб., 311, 317.
Полетика, сенат. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 478.
Полѣновъ директ. канц. мин-ва ин. дѣлъ 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 479, 486.
Помяловскій, Ив. Васил., профес. спб. унив., т. XC, май, 409.
Поповъ Андр. Ник., историкъ, р. 1841 г., † 1881 г., его ст. „Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры", т. XC, іюнь, 515 — 533, т. XCI, іюль, 109 — 124, авг., 357 — 373, сент. 607 - 631, т. XCII, окт. 189—200.
Поповъ, Васил. Мих., директ. деп. дух. дѣлъ 1817 г., т. XCI, іюль, 16, 24.
Поповъ, Васил. Степ., ст.-секрет. Ек. II, т. XC, іюнь, 475, 479, т. XCII, декаб. 650.
Поповъ, Гавр. Степановъ, 1848 г., т. XCI, іюль, 103, 104, 105, 106, 107.
Поповъ, Мих. Максим., тайн. сов., старш. чиновн. III отд. собств. е. в. канц., † 1872 г., т. LXXXIX, янв., 71, сообщ.: „Къ характеристикѣ митрополита Григорія", февраль, 280.
Поповъ, кап.-лейт. 1854 г., т. XCI, іюль, 150, 151.
Порфирій, еписк. уфимск. 1859 г., т. LXXXIX, янв. 190.
Посниковъ, штальмейст. 1818 г., т. XCII, нояб., 332.
Посниковъ, костром. предвод. дворян. 1797 г., т. XC, май, 294.
Потаповъ, ген. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 196, 198.
Потемкина, Татьяна Бор., т. LXXXIX, мартъ, 512, т. XC, апр., 167, 168, т. XCI, сент., 604, 605.
Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ. Александ., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. LXXXIX, февр., 227, т. XC, май, 297, 298, іюнь, 475, т. XCI, іюль, 35, 36, 85, авг., 409—413, сент., 519—537, т. XCII, окт., 132, 133, нояб. 283, 294, 343.
Потоцкая, гр—ня, Марія Александ., рожден. Салтыкова, т. LXXXIX, мартъ, 526.
Потоцкая-Вансовичъ, гр—ня, рожд. гр—ня Тышкевичъ, 1806 г., род. 1775 г., т. XCI, сент., 481—511.
Потоцкая, гр—ня, т. XCII, нояб., 420.
Потоцкій, гр., Александръ, т. XCI, сент., 482.
Потоцкій, графъ, Игнатій, маршалъ Литвы 1784 г., т. XCI, сент., 536, т. XCII, окт., 122, 125, 133, 136, нояб., 407, 409, 411, 414.
Потоцкій, гр., Станиславъ, т. XCI, сент. 490, 491, 509, т. XCII, окт., 123, 125.
Потоцкій, гр., Феликсъ. 1792 г., т. XCII, нояб., 416, 417, 421.
Похвисневъ, цензоръ 1854 г., т. XCII, нояб., 361, 368.
Притвицъ, ген. 1807 г., т. LXXXIX, февр., 261.
Проворовскій, кн., Александ. Александр., ген.-фельдм., р. 1732 г., † 1809 г., т. XC, іюнь, 546, 552, 553, 560, 562, т. XCII, декаб., прил., 230.
Пугачевъ, Емельянъ, † 1774 г., т. LXXXIX, мартъ, 535, 536, 539, т. XCII, нояб., 283.
Путятинъ, гр., Евгеній Васильев., адм. мин. народн. просв., р. 1803 г., † 1883 г., т. XC, май, 356, т. XCI, іюль, 147, сент., 676, т. XCII, нояб., 446.
Пушкина, Наталья Николаевна, см. Гончарова.
Пушкинъ, Александ. Серг., поэтъ, род. 1798 г., † 1837 г., т. LXXXIX, февр., 274, 275, 278, 328—332, мартъ, 524, 525, т. XC, іюнь, 611—618, т. XCI, іюль, 224, авг., 441—447, т. XCII, нояб., 385, декаб., 535—537.
Пущинъ, Ѳед., боярскій сынъ 1668 г., т. XCI, авг., 382, 383, 384.
Пущинъ, декабр., т. LXXXIX, февр., 207.
Пѣтуховъ, Н. М., 1825 г., т. LXXXIX, янв., 10.

Р.

Работинъ, П. К., сообщ.: „Къ исторіи театральной цензуры. Всеподданнѣйшее письмо Нестора Кукольника 1864 г.", т. XCI, авг., 255, 256.
Рабусъ, Ив., субъ-инспект. акад. наукъ 1800 г., т. XCII, нояб., 307.
Рабусъ, Карлъ Ив., акад. художн. по ландшафтной живописи, род. 1800 г., † 1857 г., т. XCII, нояб., 307—321.
Радецкій, ген., 1814 г., т. XC, май, 213.
Радзивиллъ, кн., фл.-ад. 1836 г., т. XC, апр., 48.
Радищевъ, Александ. Никол., писат., род. 1749 г., † 1802 г., т. XC, іюнь, 555.
Раевскій, Никол. Никол., ген. 1813 г., † 1839 г., т. XC, іюнь, 465, 466, 467, 473, т. XCI, авг., 352.
Разумовская, гр—ня, Елисав. Кирил., въ монаш. Августа, † 1802 г., т. LXXXIX, февр., 224—226.
Разумовскій, гр., Алексѣй Григ., р.

1709 г., † 1771 г., т. LXXXIX, янв., прилож., 7, 25, мартъ, прилож. 70, т. XC, май, прилож. 134—136, іюнь, прилож., 150, 153, т. XCI, іюль, прилож., 170. 176, авг., 247, 248, т. XCII, окт., прилож., 194.

Разумовскій, гр., Алексѣй Кирил., т. XC, апр., 108.

Разумовскій, гр., Ив., команд. Малороссійск. полка 1796 г., т. XCI, іюль, 38.

Разумовскій, гр., Кириллъ Григ., ген.-фельдм., род. 1728 г., † 1783 г., т. LXXXIX, февр., 224—226, т. XC. апр., прил., 111, май, прил., 136, т. XCI, авг., прил., 181, т. XCII, нояб., прил., 211.

Растопчинъ, гр. Ѳ. В., см. Ростопчинъ.

Рахманиновъ, Аркадій Александр., помѣщ., т. XC, апр., 160, 163, 164.

Реадъ, Евг. Андреев., фл.-ад. † 1828 г., т. XC, апр., 6, 7, т. XCII, нояб., 435.

Рейнгольдъ, придворн. врачъ 1825 г., т. LXXXIX, янв., 42, 43.

Рейтернъ, Мих. Христ. мин. финанс. съ 1862 - 1878 г г., р. 1820 г., † 1890 г., т. XCII, декаб., 454.

фонъ-Рённе, Софія-Доротея, въ зам. Гейкингъ, т. XCI, авг., 293.

Ренненбергъ, мистикъ 1820 г., т. XCI, іюль, 29.

Репнина, княжна, фрейлина 1749 г., т. XCI, авг., 182.

Репнинъ, кн., Никол. Вас., ген.-фельдм., р. 1734 г., † 1801 г., т. LXXXIX, февр., 231, 315, т. XCI, іюль, прил. 166, авг., 304—308, сент., 518, 523—525, т. XCII, нояб. 408, 409, декаб., 599—602.

Репнинъ, кн., малороссійск. воен. губернат. 1816 г., т. XCI, іюль, 90.

Репнинъ, кн., ген.-ад. 1745 г., т. LXXXIX, янв., прилож., 5—29.

Ржевскій, Алексѣй Андреев., презид. медиц. коллег. 1775 г., т. XC, май, 291.

Ржевуская, гр—ня Розалія, рожд. княж. Любомірская, т. XCI, авг., 310, 329—332.

Ржевусскій, Флоріанъ, полковникъ 1830 г., т. LXXXIX, февр., 349.

Рибопьеръ, гр., послан. въ Константиноп. 1830 г., т. XCII, нояб., 308.

Ридигеръ, гр., Ѳед. Васил., ген.-ад., род., 1783 г., † 1856 г., т. LXXXIX, февр., 335, 337, 341—349, 364, т. XC, апр., 31, 32, т. XCII, окт., 166.

Римскій-Корсаковъ, Александ. Мих., ген. 1813 г., т. XCI, сент., 682, 683.

Римскій-Корсаковъ, Никол. Петров., т. XC, іюнь, 509.

Римскій-Корсаковъ, капит.-лейтен. 1854 г., т. XCI, іюль, 147.

Рихтеръ, лифлянд. губернат., 1798 г., т. XCII, окт., 82.

Ришелье, герцогъ, Арманъ-Эммануилъ, ген.-губ. Новорос. края, р. 1766 г., † 1822 г., т. LXXXIX, февр, 375, 376, т. XCI, іюль, 33—49, 87, 97, т. XCII, нояб., 350, 351.

Ришелье, герцогъ, т. XCI, іюль, 33—35, 80.

Родофиникинъ, тайн. сов., управл. мин—мъ ин. дѣлъ 1835 г., т. XC, апр., 46.

Розбергъ, М. П., профес. Ришельевск. лицея 1831 года, т. LXXXIX, янв., 146.

Розенъ, бар., Андрей Евгеніев., декабр., писатель, род. 1799 г., † 1889 г., т. LXXXIX, февр. 276.

Розенъ, ген. 1830 г., т. LXXXIX, февр., 257, 341, 342, 349, т. XC, май, 310.

Романовскій, редакт. „Рус. Инвалида", т. XCII, окт., 169—171.

Романовъ, Никита, боярин 1547 г., т. XC, іюнь, 600—605.

Романовъ, Ив. Никитичъ, боярин, † 1640 г., т. XC, іюнь, 609.

Романовы, бояре, ихъ родословіе, т. XC, іюнь, 593—610.

Россетъ, Александра Осипов., въ зам. Смирнова, т. LXXXIX, февр., 327—332, т. XC, іюнь, 611 618, т. XCI, іюль, 224, авг., 441—447.

Россетъ, докт. 1850 г., т. LXXXIX, февр., 250.

Ростовцевъ, Яковъ Ив., ген.-ад., р. 1803 г., † 1860 г., т. XCI, сент., 666, т. XCII, окт., 14—31, 144, 152,, 153, декаб., 450, 451.

Ростопчинъ, гр., Ѳед. Вас., москов. ген.-губернат., р. 1763 г., † 1826 г., т. LXXXIX, февр., 219, т. XC, іюнь, 452, 515, 524 — 527, 564, 565, т. XCI, сент., 613—631, т. XCII, окт., 189—200, нояб., 285, 290, 291, декаб., 542.

Ротъ, ген. 1856 г., томъ LXXXIX февр., 207, 208, 342, т. XCI, сент., 590

Рошфоръ, гр—ня, т. XCII, нояб., 325, 327, 328.

Рубанъ, Васил. Григорьев., писатель, род. 1742 г., т. XCI, авг. 393—415.

Рубанъ, Марѳа Васильев., см. Салтанова.

Рудзевичъ, ген.-лейт. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 205, 207, 212, т. XCI, іюль, 91.

Ружицкій, Карлъ, полковн. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXIX, февр., 333—370, т. XC, май, 383—404.

Ружицкій, Самуилъ, генер. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXIX, февр., 333—363, т. XC, май, 399—403.

Румянцева, М. Андреевна, супруга фельдмаршала, т. XCI, авг., 247.
Румянцевъ, гр., Александ. Ив., чл. сената, † 1749 г., т. LXXXIX, февр., прил., 57, т. XC, май, прил., 135.
Румянцевъ, гр., Никол. Петр., канц., р. 1754 г., † 1826 г., т. LXXXIX, мартъ, 573—580, т. XC, май, 238—259, 424, іюнь, 491—494, т. XCI, іюль, 43, 55—62.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александ., фельдм., родъ 1725 года, † 1796 г., т. LXXXIX, февр., 221—324, мартъ, 575, 598, т. XCI, іюль 38, сент., 520.
Румянцевъ, гр., Серг. Петров., р. 1755 г. т. LXXXIX, мартъ, 573.
Румянъ, Дм. Павл., попечит. спб. учебн. окр., † 1860 г., т. LXXXIX, мартъ, 512, т. XCII, декаб., 534, 568.
Русановъ, полковн. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 91.
Рыкачевъ, Кондр. Ѳед., поэтъ, род. 1796 г., † 13 іюля 1826 г., т. LXXXIX, февр., 204, 219, 275, мартъ, 470, 482, 483, 485, т. XCII, окт., 90.
Рылѣевъ, спб. об.— полицеймейст. 1790 г., т. XC, іюнь, 558.
Рѣпнинскій, Григ. Ковьмичъ, сенат., сообщ.: „Къ исторіи русской геральдики", т. LXXXIX, янв., 111, 112; „Къ исторіи благотворительности и домовъ призрѣнія. Рескриптъ тульскому гражд. губернат. д. ст. сов. Иванову. 1805 г.", т. XC, май, 278; „По поводу обращенія нѣкоторыхъ табельныхъ дней въ присутственные", 340, „Устройство Обводнаго канала въ С.-Пб.; рескриптъ графу Н. П. Румянцову", 424; „Памятникъ П. Д. Еропкину. Рескриптъ императ. Александра I москов. воен. губернатору А. А. Беклешову", 424; „Письмо А. С. Танѣева—графу В. Н. Панину о назначеніяхъ на должности. 1853 г.,", т. XCII, нояб., 392.
Рѣпнинскій, секретарь Сперанскаго, т. XCII, окт., 84, 90.
Рѣпнинъ, кн., малорос. воен. губер. 1817 г., т. XC, іюнь, 471.
Ризманъ, рус. резидентъ въ Курляндіи 1792 г., т. XCII, декаб., 597.

С.

Сабанѣевъ, генер., 1816 г., т. XCI, іюль, 78—80.
Сабининъ, Г., сообщ.: „Видѣнія артиста", т. XCI, авг., 254.
Саблинъ, почетн. опекунъ, 1826 г., т. XCII, декаб., 616, 617.
Саблуковъ, ген.-м., 1825 г., т. LXXXII, мартъ, 476.
Сабуровъ, Андрей Александр., мин. нар. просв., 1881 г., т. LXXXII, янв., 136.
Савиновъ, М. Н., сенат., т. XC, апр., 161.
Савеловъ, Л. М., сообщ.: „Записка, что исхарчено на рекрута 1770 г.", т. XCI, сент., 560.
Савельевъ, Ал. Ив., сообщ.: „Воспоминаніе о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ", т. XCII, нояб., 374.
Савенъ, кн., Фабіанъ Вильгельмовичъ, фельдм., родъ. 1752 г., † 1837 г., т. LXXXIX, янв., 81, 85, 100, 101, 166, февр., 212, мартъ, 607, т. XC, апр., 86—96, май, 307, іюнь, 473, 475, т. XCI, іюль, 83, т. XCII, окт., 71, декаб., 622—623.
Савенъ, К. И., 1777 г., томъ XCII, нояб., 284.
Савенъ, гр., полковн., 1850 г., томъ LXXXIX, февр., 233.
Саліасъ, гр-ня, т. XCII, декаб., 462.
Салвокубъ, гр., т. XCII, нояб., 437.
Саломка, А. Д., полковн., 1825 г., т. LXXXIX, янв., 10, 20.
Салтанова, Марѳа Васильев., во втор. бракѣ Рубанъ, т. XCI, авг., 394.
Салтыкова, Авдотья Ив., р. 1711 г., т. LXXXIX, мартъ, 409, т. XCI, авг., 225, 226.
Салтыкова, Анна Васил., фрейлина, 1748 г., т. LXXXIX, февр., прилож., 53, т. XC, апр., 115.
Салтыкова, княж., Елена Александ., въ зам. княг. Голицына, т. LXXXIX, мартъ, 524—526.
Салтыкова, княгиня, Н. Ю., томъ LXXXIX, мартъ, 525, 526.
Салтыковъ, Александ., 1796 г., томъ LXXXIX, янв., 79.
Салтыковъ, гр., Александ. Никол., т. XCII, декаб., 667, 669.
Салтыковъ, кн., Алексѣй Александ., т. LXXXIX, мартъ, 526.
Салтыковъ, Васил. Ѳедор., ген.-ад., 1745 г., т. LXXXIX, янв., прилож., 8, 9—11, 18—20, 28.
Салтыковъ, гр., Ив. Петров., генер.-фельдм., р. 1730 г., † 1805 г., томъ LXXXIX, февр., 223, т. XC, іюнь, 558.
Салтыковъ, Ив. Семенов., фельдмар. т. XCI, сент., 536, 537, 623.
Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евграф., писат., р. 1826 г., † 1889 г., т. XCII, нояб., 229—235.
Салтыковъ, гр., Никол. Ив., ген.-фельдм., р. 1736 г., † 1816 г., т. LXXXIX,

мартъ, 417, 524, т. XC, апр., 26, т. XCI, авг., 410, 411, т. XCII, окт., 108, 193, нояб., 294. 300, 365.
Салтыковъ, кн., П. И., новгородск. губернат., 1733 г., т. XCI, авг., 225.
Салтыковъ, гр., Семенъ Андр., московск. ген.-губернат., 1749 г., т. XC, май, прил., 144, іюнь, прил. 148, 149, т. XCI, авг., 226-231.
Салтыковъ, гр., Серг. Никол., сенат., 1814 г., т. XCII, декаб., 668.
Салтыковъ, кн., чл. Гос. Сов. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 483.
Салтыковъ, поруч., 1749 г., т. XC, май, прилож., 132, 141.
Сальдернъ, посолъ въ Варшавѣ, 1773 г., т. XCI, сент., 518.
Самаринъ, Мих. Мих., сенат., 1750 г., т. XC, іюнь, 436.
Самаринъ, Юрій Өед., писатель, род. 1819 г., † 1876 г., т. XCII, окт., 16, 19, 20, 25, 26, 142, 144, 147, 154, 155, нояб., 236.
Самойлова, гр-ня, фрейлина, 1818 г., т. XCII, нояб., 332.
Самойловъ, гр., Александ. Никол., ген.-прокур., 1795 г., т. LXXXIX, янв., 77, 79, т. XC, іюнь, 557—562, т. XCI, авг., 404, 410, т. XCII, декаб., 612.
Санковскій, В. Д., издат. журнала „Доброе Намѣреніе", 1764 г., т. XCI, авг., 396.
Сапѣга, кн., 1806 г., т. XCI, сент., 489, т. XCII, нояб., 406, 407, 410.
Сахаровъ, И. Ив., издат. „Сказаній рус. народа", т. XCI, іюль, 106. 107.
Свербѣевъ, Н. Д., 1856 г., т. XCII, нояб., 243.
Свиньинъ, Пав. Петров., изд. „Отеч. Зап.", т. XC, апр., 120, т. XCII, окт., 64.
Свистуновъ, декабр., т. LXXXIX, февр., 206.
Свѣшниковъ, Ив. Мих., офиц. † 1847 года, т. LXXXIX, мартъ, 505—511.
Северинъ, Дм. Петров., тайн. сов., послан. при Баварск. дворѣ, 1846 г., т. XCI, іюль, 139, 142, 143.
Седморацкій, ген., 1807 г., томъ LXXXIX, янв., 81 96, февр., 262, 263, т. XC, апр., 96.
Селецкій, Ив. Яковлев., херсонск. гражд. губернат., 1798 г., т. XC, май, 297, 298.
Селиверстовъ, капит., 1750 г., томъ XCII, нояб., прилож., 212, 221.
Селиверстъ, архіеп. спб., 1750 г., т. XCII, нояб., прилож., 214.
Семевскій, Мих. Ив., тайн. сов., р. 1837 г., † 1892 г., т. LXXXIX, февр., 371, т. XCII, декаб., 478.
Семеновъ, Ник. Петр., сенат., т. XCII, окт., 140-149.
Сенявинъ, адм., 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 470.
Серафимъ (Степ. Глаголевскій), съ 1821 г. митроп. спб. и новгородск., р. 1759 г., † 1843 г., т. LXXXIX, янв., 7, 8, т. XC, іюнь, 554.
Серафимъ, архіеп. минск. и литовск., 1814 г., т. XCII, декаб., 650.
Сергѣй Александровичъ, вел. князь, т. LXXXIX, мартъ, 599.
Сердобинъ, бар., 1818 г., т. XCII, декаб., 540.
Серединскій, Игнатій, лѣсничій, 1830 года, т. XCI, сент., 633.
Сестренцевичъ-Богушъ, Станисл., митроп. всѣхъ римско-католическ. церквей въ Россіи, род. 1731 года, † 1828 г., т. XC, май, 279—282.
Сибирскій, кн., ген., 1798 г., т. XCII, нояб., 302.
Сиверсъ, гр-ня, Елена Ив., рожд. Дунина, т. LXXXIX мартъ, 515.
Сиверсъ, Петръ Ив., адм., † 1740 г., т. XCI, авг., 265.
Сиверсъ, гр., Яковъ Ефимов., посолъ въ Варшавѣ 1792 г., род. 1731 г., † 1808 г., т. LXXXIX, февр., 231, мартъ, 457, т XCII, нояб., 420—424, декаб., 591.
Сиверсъ, камеръ-юнкеръ, 1745 г., т. LXXXIX, янв., прилож., 6, 7, т. XC, май, прил., 144, т. XCI, іюль, прил., 171, т. XCII, нояб., прил., 217.
Симеонъ Гордый, вел. князь москов. 1325—1353 г., т. XC, іюнь, 593.
Симолинъ, рус. резидентъ въ Митавѣ, т. XCI, авг., 296, т. XCII, окт., 126.
Синявинъ, лейтен., 1748 года, томъ LXXXIX, мартъ, прилож., 67, томъ XC, апр., 100, 102, 106, 107.
Склифасовскій, Херсонск. уѣздн. стряпчій 1860 г., т. XCI, сент., 654, 655.
Скопинъ-Шуйскій, кн., Мих. Васильев., † 1610 г., т. XC, іюнь, 602.
Скржинецкій, ген. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXIX, февр., 344, 361, т XC, май, 382.
Слевскинскій, А., сообщ.: „Бытовыя черты изъ жизни чиновника конца прошлаго столѣтія", т. XCII, окт., 223, 224.
Смирницкая, Н. К., рожд. Рабусъ, сообщ.: „Академикъ К. И. Рабусъ. Біографич. замѣтка", т. XCII, нояб., 307-321.
Смирновъ, Серг. Конст., ректъ Московск. духовн. акад. 1870 г., томъ LXXXIX, мартъ, 504.
Соболевскій, ген. 1862 г., т. XCII, окт., 95.

Соковнинъ, ген.-м. 1747 г., т. XC, іюнь, 159, т. XCI, іюль, прилож., 161, 163, 164.
Соловьевъ, Н., сообщ.: „Консисторскій судъ надъ А. М. Бухаревымъ", т. LXXXIX, мартъ, 495—504.
Соловьевъ, Яковъ Александр., чл. редакціон. коммис., † 1876 г., томъ XCII, окт., 145, 155, нояб., 230.
Соломонъ, П. И., директ. канц. опекунскаго совѣта 1849 г., т. XCII, нояб., 329.
Сомовъ, ген.-м., 1807 г., т. LXXXIX, янв., 105, февр., 267.
Сперанская, Елисавета Мих., т. XCII, окт., 111.
Сперанскій, гр., Мих. Мих., родился 1772 г., † 1839 г., т. LXXXIX, янв., 38, февр., 213, 214, мартъ, 476, 478, 483, 484, 493, т. XC, май, 238, іюнь, 485, т. XCI, сент., 672—674, томъ XCII, окт., 83—99, 107—120, нояб., 394, 400.
Спиридовъ, лейтен. 1750 г., т. XCII, нояб., 212, 214.
Спиро, гр., 1825 г., томъ LXXXIX, февр., 206.
Стааль, Александ. Гедеоновъ., морск. офиц., † 1861 г., т. XCI, іюль, 134.
Стааль, Розалія Егоровна, рожд. Колтовская, † 1871 г., т. XCI, іюль, 134, 136.
Стааль, Софія Егоровна, см. Колтовская.
Стааль, Ѳеодосій Казиміров., морск. офиц. 1852 г., т. XCI, іюль, 136.
Станиславъ-Августъ, король польскій, т. XCI, сент., 482.
Станиславъ Понятовскій, король польскій, томъ XCI, авг., 299—307, сент., 486, 497, 517, т. XCII, окт., 123—137, нояб., 405—423, декаб., 501—521, 555, 604.
Столыпинъ, атаманъ Урал. войска 1857 года, ген.-ад., об.-камергеръ, завѣд. придворн. частію въ Москвѣ 1897 г., т. XCII, окт., 218.
Стороженко, А. Я., директ. коммис. вн. и духовн. дѣлъ въ Царст. Польск. 1848 г., т. LXXXIX, февр., 248, 249.
Стофрегенъ, лейбъ-мед. 1825 г., т. LXXXIX, янв., 5, 12, 28, 30—33, 41, т. XC, апр., 8, 18.
Стрекаловъ, Степ. Ѳед., 1784 г., т. LXXXIX, февр., 232.
Стрекаловъ, директ. театровъ, томъ LXXXIX, мартъ, 475, 476.
Стрекаловъ, ген.-ад. 1825 года, томъ LXXXIX, февр., 200, мартъ, 460, 465, 466.
Стремоуховъ, Петр. Дм., нижегород. губерн. предводит. дворян. съ 1861 г., т. XCI, сент., 540.
Строгановъ, Александ. Григ. 1747 г., т. XC, іюнь, прил., 155.
Строгановъ, гр., Алекс. Григор., мин. вн. дѣлъ 1839 г., т. XC, іюнь, 514.
Строгановъ, П. А., 1857 г., т. XCII, окт., 25.
Строгановъ, Серг. Григ., камергеръ 1749 г., т. XC, май, 129, т. XCI, авг., 232.
Строгановъ, гр., Серг. Григ., попеч. Московск. унив., р. 1793 г., † 1882 г., т. XCI, сент., 664, т. XCII, нояб., 309.
Строгановъ, гр., ген. 1812 г., т. XC, іюнь, 525, 526.
Строгоновъ, бар., послан. въ Константинопь., т. LXXXIX, мартъ, 482, т. XCII, декаб., 549.
Стройновскій, гр., сенат. 1814 г., т. XCII, декаб., 651, 665.
Струковъ, Д., сообщ.: „Производство А. А. Аракчеева въ маіоры. Письмо Аракчеева къ Мелиссино", томъ LXXXIX, мартъ, 417. „О прическѣ дамъ. Ордеръ приставу Литейн. ч. Навроцкому, 1797 г.", 456.
Студенкинъ, Гавр. Ильичъ, т. XCI, іюль, 193.
Студзинскій, помѣщ. 1822 г., томъ LXXXIX, мартъ, 607, 608.
Ступишинъ, пензенск. губерн. 1798 г., т. XC, іюнь, 567.
Стурдза, Александ. Скарлат., писат., 1849 г., т. LXXXIX, янв., 149, февр., 388, томъ XCII, нояб., 446, декаб., 552, 590.
Суворова-Рымникская, княг., Варвара Ив., 1801 г., т. XCI, авг., 374.
Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александ. Вас., фельдмарш., р. 1729 г., † 1800 г., т. LXXXIX, мартъ, 457, т. XCI, іюль, 95, 101, сент., 480, т. XCII, нояб., 286, 289, 297, декаб., 603.
Сукинъ, коменд. спб. крѣп. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 460, т. XC, май, 309.
Сумароковъ, Александ. Петр., писат., директ. имп. театр., род. 1718 г., † 1777 г., т. XC, іюнь, 541, 563.
Сумароковъ, ген.-ад. 1750 г., т. XCII, окт., прилож., 194.
Сумароковъ, сенат. 1825 года, томъ LXXXIX, мартъ, 473.
Сумароковъ-Эльстонъ, гр., ген. 1856 года, т. XCII, нояб., 431.
Суховановъ, Никол. Онуфріев., воен. мин., 1859 г., т. XCI, сент., 665.
Сухтеленъ, гр., 1843 г., т. LXXXIX, мартъ, 532, т. XCII, окт., 221.

Т.

Талызинъ, ген. 1812 г., томъ XCI, авг., 353.

Таликовъ, Никол., сообщ: „Орловскіе разбойники въ 1765 г.“, т. LXXXIX, янв., 191, 192.

Танѣевъ, А. С., т. XCII, нояб., 392.

Тарасовъ, Дм. Клементіев., лейбъ-мед., род. 1792 г., † 1866 г., томъ LXXXIX, янв., 10-42, т. XC, апр., 10—17.

Тарновскій, полковн. 1825 г., томъ LXXXIX, мартъ, 474.

Тарновскій, В. В., 1857 г., т. XCII, окт., 26.

Татаринова, Екат. Филип., основ-ца секты, † 1856 года, т. XCI, іюль, 24, 25.

Татищевъ, гр., А. И., воен. министр. 1825 г., т. LXXXIX, февр., 197, 198, мартъ, 469—480.

Татищевъ, Серг. Павл., томъ XCII, окт., 115.

Тебеньковъ, подполковн. 1817 г., т. XC, іюнь, 465.

Тенишевъ, маіоръ 1807 г., томъ XC, май, 307.

Тергукасовъ, ген. 1878 г., томъ XC, апр., 64, 65.

Тернеръ, херсонск. коменд. 1798 г., т. XC, май, 298.

Теслевъ, ген. 1818 г., т. XCII, нояб., 334.

Тимашевъ, ген.-ад. 1860 г., т. XCII, окт., 14.

Тимофей Щербацкій, кіевск. митроп. 1750 г., т. XCI, авг., 394.

Толстой, гр., Алексѣй Константин., писат., р. 1817 г., † 1875 г., томъ LXXXIX, мартъ, 520.

Толстой, В. Н., 1860 г., томъ XCII, окт., 33.

Толстой, гр., Дм. Андреев., мин. нар. просв., род. 1823 г., † 1889 г. томъ LXXXIX, янв., 136, т. XCII, нояб., 446.

Толстой, гр., Петръ Александр., ген.-отъ-инф., 1828 г., † 1769 г., † 1844 года, т. LXXXIX, февр., 218, мартъ, 402.

Толстой, Петръ Андреев., рус. резидентъ въ Турціи 1711 года, томъ LXXXIX, янв., 54, 62, 63, 67—69.

Толстой, об.-гофмарш. 1808 г., т. XC, май, 238, т. XCII, декаб., 557.

Толстой, гр., рус. посолъ при франц. дворѣ 1808 г., т. XC, май, 234, 244, іюнь, 488, 492, 493.

Титовъ, ген. 1807 г., томъ LXXXIX, янв., 100.

Тимченко-Рубанъ, т. XCI, авг., 394.

Тимощукъ, В. В., сообщ.: „Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII вѣка“, т. XCI, авг., 257—289, сент., 449-479, т. XCII, окт., 37—63, нояб., 251—271, декаб., 497—533, перев.: „Всеподданнѣйшее письмо гр. П. Д. Киселева“, т. LXXXIX, янв., 160, „Записки Мих. Чайковскаго“, февр., 333—370, томъ XC, май, 381—404, состав. Алфавитный указатель, т. XCII, кн. декабрь.

Толстопятовъ, А., педагогъ, 1860 г., т. XCII, окт., 34.

Толь, гр., Карлъ Өед., ген.-лейт., род. 1777 г., † 1842 г., т. LXXXIX, февр., 212, т. XC, іюнь, 461—525.

Толь, гр., нач. штаба арміи 1851 г., т. LXXXIX, февр., 246—249, томъ XCI, іюль, 115, 120, авг., 356, 369, сент., 609, 624, т. XCII, окт., 189, 190.

Толь, московск. полиціймейст. 1788 года, т. LXXXIX, янв., 173, т. XCII, окт., 133—135.

Топильскій, Мих. Ив., директ. деп. мин-ва юстиц. 1861 г., томъ XCII, нояб., 227.

Тормасовъ, ген. 1812 г., т. XC, іюнь, 518, т. XCI, іюль, 117, т. XCII, нояб., 344, декаб., 667, 669.

Треповъ, спб. градонач. 1877 г., томъ LXXXIX, янв., 113.

Трескинъ, иркутск. губернат., томъ XC, апр., 27.

Трескинъ, кол. сов., 1826 г., т. XC, апр., 27.

Тройницкая, Вѣра Ильинична, рожд. Булацель, р. 1818 г., † 1893 г., т. LXXXIX, февр., 388.

Тройницкая, Елиз. Павл., см. Домбровская.

Тройницкій, Александ. Григ., тов. мин. вн. дѣлъ, 1857 г., † 1871 г., т. LXXXIX, янв., 145—159, февраль, 373—388, т. XCII, окт., 216, нояб., 446, декаб., 590.

Тройницкій, Г. А., сообщ: „Письма П. Т. Морозова къ А. Г. Тройницкому“, т. LXXXIX, янв., 145—159, „Письмо П. Плетнева—А. Г. Тройницкому 1838 г.“, т. XCII, окт., 216; „Оливковая вѣтвь Франціи на гробницѣ императора Александра III“, нояб., 272; „Письмо А. Стурдзы къ А. Г. Тройницкому“, 446; „Два письма А. Сгурдзы къ А. Г. Тройницкому по случаю кончины графини Р. С. Эдлингъ“, декаб., 590.

Тромповскій, 1856 г., т. XCII, окт., 166, 167.

Трощинскій, мин. юстиц. 1817 г., т. XCI, авг., 356.

Трубецкая, княжна, Анастасія Ив., въ замуж. княг. Кантемиръ, томъ LXXXIX, янв., 58, 61, 64, 69, мартъ, 402, 403, 405, т. XC, іюнь, 430, 432, 434, т. XCI, авг., 228, 245.
Трубецкой, кн., Андр. Васил., боринъ, т. XC, іюнь, 608.
Трубецкой, кн., Дм. Тимоф., бояринъ, 1608 г., т. XC, іюнь, 610.
Трубецкой, кн., Ив. Юрьев., генер.-фельдм. 1728 г., т. LXXXIX, янв., 58, мартъ, 405, 406, 408, т. XCI, авг., 245.
Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-прокур. 1749 г., т. LXXXIX, февр., прил., 35—47, мартъ. 407, 415, 416, т. XC, май, прил., 135, т. XC, авг., 244—248, прил., 181, 182, т. XCII, окт., прил., 208.
Трубецкой, кн., Никол. Ив., об.-гофмейст., † 1874 г., т. LXXXIX, февр., 218.
Трубецкой, кн., Петръ Никит., 1742 г., т. XCI, авг., 246.
Трубецкой, кн., Серг. Петр., декабр., р. 1790 г., † 1860 г., т. LXXXIX, мартъ, 482.
Трубецкой, кн., ген.-ад. 1818 г., томъ XC, апр., 7, т. XCII, нояб., 332.
Тулубьевъ, Александ. Дм., р. 1793 г., т. XC, апр., 124—126.
Тургеневъ, Александ. Мих., писат., р. 1784 г., † 1845 г., т. LXXXIX, янв., 171—176, т. XCII, окт., 12, 13, 26, нояб., 227, 302, 375—392.
Тургеневъ, Ив. Сергѣев., писат., р. 1812 г., † 1883 г., т. XCII, окт., 30, 156, 158, нояб., 228
Тургеневъ, Никол. Ив., т. XCI, сент., 679.
Турчестанова, княжна, фрейлина, 1818 г., т. XCII, нояб., 332.
Туртури, Георгій, 1826 г., т. XCII, нояб., 375.
Турчаниновъ, ген. 1798 г., т. XCII, нояб., 302.
Тутолминъ, ген.-м. 1780 года, томъ LXXXIX, февр., 231.
Тутолминъ, Ив. Васильев., сенат., 1814 г., т. XCII, декаб., 651, 660.
Тучковъ, Никол. Алексѣев., генер., † 1812 г., т. LXXXIX, янв., 82, 107, февр., 256, 257, 267, т. XC, апр., 86—97, май, 300, 313.
Тучковъ, Пав. Алексѣев., московск. ген.-губернат., р. 1803 г., † 1864 г., т. LXXXIX, янв., 43.
Тышкевичъ, гр., т. XCII, нояб., 423.
Тютчевъ, И. А., т. XCII, декаб., 462.
Тюфяевъ, вятскій губернат. 1837 г., т. XCII, декаб., 477.

У.

Уваровъ, ген.-ад. 1817 г., т. LXXXIX, янв., 99, т. XC, іюнь, 461, т. XCI, іюль, 72, 88, 94, 98, авг., 336, 351, сент., 611, т. XCII, нояб., 332.
Уиллячъ, докт., его дневникъ о занятіи Тавриза, 1827 г., т. XCII, окт., 68—79.
Улыбышева, Е. г-жа, т. LXXXIX, янв., 71—79.
Улыбышевъ, пензенск. предводит. дворян., 1793 г., т. LXXXIX, янв., 71—79.
Умковскій, фл.-ад., 1854 г., т. XCI, іюль, 147.
Ураковъ, полковн., 1807 г., т. XC, май, 306, 307.
Усовъ, Пав. Ст., редакт. „Сѣверн. Пчелы" 1862 г., т. XCII, нояб., 274, 275.
Успенскій, Н. П., сообщ: „Къ біографіи Ѳеодосія, архіеп. новгородскаго. Письмо ген. Ушакова—архимандриту Кириллo - Бѣлозерскаго монастыря 1732 г.", т. XCI, авг., 290.
Ушаковъ, гр., Андр. Ив., 1745 г., т. LXXXIX, янв., прилож., 12, 19, 27, 28, т. XC, іюнь, 542, т. XCI, іюль, прилож., 169.
Ушаковъ, генер. 1851 г., т. LXXXIX, февр., 235, 248.

Ф.

Фадѣева, рожд. княжна Долгорукова, т. XCI, сент., 580.
Фадѣевъ, ген., членъ совѣта на Кавказѣ 1857 г., т. XCI, сент., 578—583.
Фенишъ, ген. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 483, 484.
Фервенъ, ген. 1794 г., т. XCII, декабрь, 603
Ферморъ, гр, ген.-лейт. 1748 г., т. LXXXIX, мартъ, 87, т. XCI, авг., прил., 189, т. XCII, декаб., 519 520, 531, 532.
Фетхъ-Али, шахъ персидскій, 1827 г., т. XCII, окт., 65, 66.
Филаретъ, (Василій Дроздовъ), митр. москов., р. 1782 г., † 1867 г., томъ LXXXIX, янв., 39, 131, мартъ, 462, 468, 496, 504, т. XC, апр., 12, томъ XCI, іюль, 98, сент., 679. т. XCII, декаб., 483, 618.

Филаретъ Гумилевскій, еписк. рижск., архіеп. харьковск., потомъ черниговскій, р. 1805 г., † 1866 г., томъ LXXXIX, мартъ, 516, т. XC, май, 367.

Филаретъ, Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, патріархъ, р. 1550 г., † 1633 г., т. XC, іюнь, 600, 601 603, 605.

Филипсонъ, ген. л., сенат., попечит. спб. учебн. окр. 1860 г., т. XC, май, 356, т. XCII, нояб., 426, 427.

Философовъ, В. Д. герольдмейст. 1855 г., чл. Госуд. Сов., т. LXXXIX, янв., 112, т. XCII нояб., 392.

Фишъ, Марія Егор.. см. Колтовская.

Фитингофъ, тн. сов., мартинистъ 1820 г., т. XCI, іюль, 24.

Фонвизинъ, Денисъ Ив., писат., род. 1744 г., † 1792 г., т. XC, іюнь, 545, т. XCI, авг., 395.

Фонвизинъ, Пав. Ив., директ. Московскаго унив., т. XC, іюнь, 545, 562.

Форъ Феликсъ, президент. франц. республики, т. XCII, нояб., 272.

Фотій (Петръ Никитичъ Спасскій), архим., настоят. Новгород. Юрьев. монаст., р. 1792 г., † 1838 г., томъ LXXXIX, янв., 17, 29, 47, т. XC, апр., 12, 42—46.

Франкъ, Осипъ Егоров., т. XC, апр., 120.

Фредериксъ, полковн. 1825 г., томъ LXXXIX, янв., 12, февр., 202—211, мартъ 464.

Фрейтагъ, ген. 1850 г., т. LXXXIX, февр., 233.

Фришъ, ген.-м. 1827 г., т. XC, апр., 37.

Фундуклей, кіевск. гражд. губернат., 1847 г., т. XCI, сент., 645, 647.

Х.

Ханыковъ, Васил. Васильев., послан. при разн. дворахъ, т. XCII, нояб., 343, декаб., 498.

Хвостовъ, гр., Дм. Ив., об.-прокур. синода, писатель, р. 1757 года, † 1839 г., т. XCI, авг., 412, 413.

Хвощинская, Елена Юрьев., рожд. княжна Голицына, ея воспоминанія, т. LXXXIX, мартъ, 512—533, т. XC, апр., 159—178, май, 357—374, т. XCI, сент., 593—606.

Хвощинскій, Юрій, т. LXXXIX, мартъ, 526.

Хемницеръ, баснописецъ, т. XCI, авг., 414.

Херасковъ, Мих. Матв., писат., томъ XC, іюнь, 548, авг., 403.

Хилковъ, кн., секретарь вѣд-ва имп. Маріи, 1826 г., т. LXXXIX, мартъ 486, 487.

Хитрово, Алексѣй Андр., камергеръ 1748 г., т. XC, апр., 104.

Хитрово, об.-прокур. 1-го отд. 5-го деп. сената, 1812 г., т. LXXXIX, мартъ, 476, т. XCI, іюль, 164.

Хлопицкій, Іосифъ, польск. ген., 1830 г., р. 1771 г., † 1854 г., томъ LXXXIX, февр. 342, т. XC, май, 381.

Ховенъ, Романъ Ив. ген.-м., 1838 г., т. LXXXIX, мартъ, 509, 510.

Ховрина, Варвара Ив., въ зам. Романова, † 1552 г., т. XC, іюнь, 559, 600, т. XCI, іюль, 191.

Ховрины, бояре, 1560 г., т. XC, іюнь, 599.

Ходкевичъ, гр., Александр., совѣтн. литовск. конфедераціи † 1781 г., т. XCI, авг., 309.

Ходкевичъ, гр-ня, Розалія, р. 1768 г., т. XCI, авг., 309.

Ходкевичъ, ген.-м. 1825 г., томъ LXXXIX, мартъ, 474.

Хоментовскій, И., ген.-квартирм. арміи 1812 г., т. XCI, іюль, 115.

Хомынскій, маршалъ 1784 г., томъ XCII, окт., 123.

Хомутовъ, Григ. Аполлон. ген.-лейт. т. XCII, декаб., 492, 496.

Хомяковъ, Алексѣй Степ., профес. московск. унив., писат., † 1860 г., т. XCII, окт., 19, 20, нояб. 236.

Храповицкій, Матвѣй, генер.-ад. 1827 г.. т. XC, апр., 37—38, томъ XCII, нояб., 396.

Хржановскій, ген. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXIX, февр., 345.

Хрущевъ, капит., 1751 г., т. XCII, декаб., прилож. 228.

Хрущевъ, начальн. южн. посел. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 472.

Ц.

Цапля, ген.-м. 1807 г., т. LXXXIX, февр., 254.

Цвиленевъ, ген.-лейт. 1817 г., т XC, іюнь, 464.

Цейеръ, Францъ Ив., чинов. при Сперанскомъ 1812 г., т. XCII, окт., 84, 86, 109, 111, 112.

Цербтская, принцесса, мать Екатерины II, т. XCI, сент., 512.

Цеэ, Василій, сообщ: „А. В. Головнинъ и его отношенія къ А. И. Герцену", т. XCII, нояб., 273—277.

Цуриковъ, П. Н., сообщ: ст. А. Н.

Попова „Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры", т. XC, іюнь, 515—533, т. XCI, іюль, 109—124, авг., 357—373, сент., 607—631, т. XCII, окт., 189—200.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлев., масонъ, 1862 г., т. LXXXIX, янв., 161, февр., 242.

Чавчавадзе, княг., Анна, 1856 г., т. XCI, сент., 568, т. XCII, окт., 161.

Чайковскій, Мих. (Мехмедъ-Садыкъ паша), † 1886 г., его записки, томъ LXXXIX, февр., 333—370, т. XC, май, 381—404.

Чаплицъ, ген. 1807 г., т. LXXXIX, февр., 257.

Чарторыйскій, кн., Адамъ, томъ LXXXIX, февр., 344, 363, т. XC, май, 382, 386, 399, 400, т. XCI, авг., 301, 303, 304, сент., 483, 491, 492, 518, т. XCII, окт., 123, 125, нояб. 412, 416.

Чарушинъ, Д. Я., художн., т. XCII, декаб., 477, 478.

Чеботаревъ, Харитонъ Андр., проф. 1782 г., т. XC, іюнь, 545—552.

Чебышевъ, Петръ Петров., бригадиръ, оберъ-прокуроръ синода съ 1768—1774 г., т. XCI, сент., 538.

Чевкинъ, Конст. Владим., главноуправляющій пут. сообщ., р. 1803 г., † 1875 г., т. XCII, окт., 14, декаб., 451, 453.

Челищевъ, капит. 1836 г., томъ XC, апр., 47, 48.

Черепанова, Евдокія Ив., рожд. Дунина, т. LXXXIX. мартъ, 515.

Черкасовъ, бар., И. А., кабинетъ-секретарь 1740 г., т. LXXXIX, мартъ, 85, т. XCI, авг., 246.

Черкасская, княжна, Варвара Алексѣевна, въ зам. гр-ня Шереметева, т. LXXXIX, мартъ, 407—414, томъ XCI, авг., 230, 231, 233, 237, 240, 249.

Черкасская, княг., Марья Юрьев., рожд. княжна Трубецкая, томъ LXXXIX, мартъ, 407, 410, 413, томъ XCI, авг., 228, 230, 231, 232.

Черкасскій, кн., Алексѣй Мих., госуд. канцлеръ, р. 1680 г., † 1742 г., т. LXXXIX, мартъ, 406—415, томъ XC, іюнь, 432, 434, т. XCI, авг., 228—249, т. XCII, окт., 43.

Черкасскій, кн., Александ. Андреев., Смоленск. губернат. 1731 г. т. XC, іюнь, 427.

Черкасскій, кн., Влад. Александ. † 1878 г., т. XCII, окт., 26, 27, 144, 145, 155.

Чернышевъ-Кругликовъ, гр., адъют. А. И. Барятинскаго, т. XCII, окт., 179.

Чернышевъ, гр., Александ. Ив., ген.-ад. воен. мин., † 1852 г., томъ LXXXIX, янв., 26, 39, 41, февр., 208, 238, мартъ, 474, 480, т. XC, май, 232, т. XCII, нояб., 332—344, декаб., 544, 566, 567.

Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., ген.-прокур., москов. ген.-губ., р. 1722 г., † 1784 г., т. LXXXIX, февр., 228, 229.

Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., ротм. кавалергард. пол. 1825 г., томъ LXXXIX, февр., 205, 206, 211.

Чернышевъ, гр., камеръ-юнк. 1749 г., т. XCI, авг., прилож., 182.

Чернышевъ, 1846 г., т. XC. іюнь, 514.

Чертковъ, М. И., кіевск. ген.-губ., т. XC, іюнь, 573, т. XCI, іюль, 175.

Чертковъ, Воронежск. предводит. дворянства 1812 г., т. XCI, авг., 351.

Чижовъ, Оед. Вас., писат. 1860 г., т. XCII, окт., 26.

Чириковъ, капит. 1749 г., томъ XC, май, прилож., 140.

Чичаговъ, Пав. Васил., адм. 1802 г., команд. Молдавск. арміей 1812 г., р. 1762 г., † 1849 г., т. XCI, іюль, 116—119, авг., 350, 370, 371, т. XCII, окт., 109, 110, нояб., 344, декаб., 542.

Чоглоковъ, Никол. Наумов., камергеръ 1747 г., т. XC, іюнь, прил., 158, т. XCI, іюль, прил., 161, 171.

Чумбинскій, А., писат. 1841 г., томъ XCII, нояб., 312.

Чулковъ, М. Д., писатель 1770 г., т. XCI, авг., 395, 396.

Ш.

Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. XCI, сент., 568, 571, 578, 587, т. XCII, нояб., 427 429.

Шапцъ, адм., т. XC, май, 232.

Шарлеманъ, архитект. 1825 г., томъ LXXXIX, янв., 6.

Шатровъ, его эпиграма на Карамзина, т. XCII; декаб., 496.

Шафировъ, бар. Петръ Павл., вицепрезид. коллег. ин. дѣлъ 1718 года, род. 1670 г., † 1739 г., т. LXXXIX, янв., 60, т. XCI, авг., 265—268.

Шаховская, княг., рожд. графиня Віельгорская, т. XCII, нояб., 437.

Шаховской, кн., Александ. 1856 г., т. XCII, нояб., 437.
Шаховской, кн., Ив., офиц. 1748 г., т. XCI, іюль, прилож., 170.
Шаховской, кн., ген.-бригсъ комиссаръ 1760 г., т. XCI, сент., 480.
Шевлига, Өед. Ив., бояринъ, т. XC. іюнь, 593.
Шевыревъ, Степ. Петров., профес., род. 1806 г., † 1864 г., т LXXXIX, янв., 167, 170, т. XC, май, 375, іюнь, 612, т. XCII, декаб., 579.
Шейнъ, Мих. Борисовичъ бояринъ, † 1634 г., т. XC, іюнь, 609.
Шенигъ, Никол. Игнатьев., 1825 г., т. LXXXIX, янв., 43, 47.
Шенрокъ, Влад., сообщ: „Еще къ вопросу о началѣ знакомства Гоголя съ Пушкинымъ", т. XCI, авг., 441—446, упом. т. XC, іюнь, 611, 617.
Шеншинъ, ген.-м. 1825 г., томъ LXXXIX, февр., 207.
Шепелева, Мавра Егоров, въ зам., Шувалова т. XC, іюнь, 542.
Шепелевъ, Дм. Андреев., об.-гофмаршалъ, 1748 г., т. LXXXIX, янв., прил., 31, мартъ, прил., 66—84 томъ XC, апр., прил., 102, 105, т. XCI, іюль, прил., 161, 176, т. XCII, нояб., прил., 209, декаб., прил., 225.
Шептицкій, ген. 1830 г., т. LXXXIX, февр., 334, 335.
Шервудъ-Вѣрный, Ив. прапорщ. л. гв. Драгунск. пол. 1825 г., томъ LXXXIX, янв., 18—30, февр., 203—211, т. XCII, декаб., 620.
Шереметевъ, гр., Петръ Борисов., камергеръ, 1743 г., т. XCI, авг., 249.
Шереметевъ, Өед. Иванов., бояринъ, † 1650 г., т. XC, іюнь, 608.
Шереметевъ, начальн. Собствен. Его Велич. конвоя 1870 г, томъ XCII, окт., 176, 178.
Шестаковъ, П. Д., попечит. казанск. учебн. окр., † 1890 г., сообщ: „Тяжелые дни казанскаго университета", т. LXXXIX, янв., 113—144.
де-ла-Шетарди, маркизъ, Іоахимъ, фр. посолъ въ Спб. 1740 г., т XCI, авг., 228, 245, 247, сент., 455—479, т. XCII, окт., 38—63.
Шешковскій, Степ. Ив., нач. тайной канц., † 1794 г., т. XC, іюнь, 557, 568.
Шидловскій, А. Ѳ., сообщ: „Александръ Григорьевичъ Тройницкій". т. LXXXIX, февр., 373—388.
Шильдеръ, Никол. Карлов., ген.-лейт., воен. писат., историкъ, сообщ: „Таганрогъ въ 1825 г.," т. LXXXIX, янв., 5—18; „Междуцарствіе въ Россіи съ 19 нояб. по 14 дек. 1825 г.", февр., 193—220; „Кто истинный виновникъ войны 1812 г.", мартъ, 418—455; „Похоронный годъ", томъ XC, апр., 5—25, „Графъ Шуваловъ и Наполеонъ въ 1814 г.", май, 211—231; „Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго", іюнь, 453—482 т. XCI, іюль, 69—102, авг., 333—356, т. XCII, нояб., 331—353, декаб., 539—567: „Французы въ Варшавѣ въ войну 1806—1807 г.г.", т. XCI, сент., 481—511; упом. т. LXXXIX, мартъ, 458, т. XCII, нояб., 305.
Шиповъ, Серг. Павл., 1861 г., т. XCI, сент., 669—672.
Шишковъ, капит. 1825 года, томъ LXXXIX, февр., 205, 207, 212.
Шишковъ, Александ. Семенов., мн-ръ народн. просв., † 1841 г., LXXXIX, мартъ, 460, 473, т. XC, май; 409—423, іюнь, 619—632, т. XCI, іюль, 197—224, т. XCII, нояб., 279, 380.
Шкуринъ, ген.-м. 1826 г., т. XCII, нояб., 377.
Шлецеръ, историкъ 1809 г., томъ LXXXIX, февр., 326.
Шляпкинъ, И., сообщ: „Къ біографіи Н. А. Полеваго", т. XCI, іюль, 103—107.
Шомпулевъ, В. А., сообщ: „Изъ прошлаго Саратовской губерніи", т. LXXXIX, мартъ, 535—540, „Изъ дневника жандарма 30-хъ годовъ", т. XC, май, 261—269, „Типы и картинки изъ прошлаго. Изъ записокъ стараго помѣщика", т. XCII, нояб., 323—330.
Штакельбергъ, гр., послан. въ Варшавѣ 1773 г., въ Константинополѣ 1776 г., т. XCI, сент., 518—537, т. XCII, окт., 99, 121—137, нояб., 407, 408.
Штейнбокъ, офиц. 1825 года, томъ LXXXIX, февр., 207.
Штейнгель, ген. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 82, 107, февр., 260.
Штейнъ, тайн. сов. 1807 г., томъ LXXXIX, янв., 82.
Штоквичъ, Өед. Эдуард., царскосел. коменд., † 1826 г., т. XC, апр., 55—66.
Штоффельнъ, 1770 г., т. LXXXIX, февр., 221.
Шубертъ, ген., т. XCII, нояб., 309.
Шубинъ, капит. 1751 г., т. XCII, декаб., прил., 240.
Шувалова, гр-ня, Софія Александ., рожд. Салтыкова, томъ LXXXIX. мартъ, 526.
Шуваловъ, гр., Александ. Ив., ген.-ад. 1748 г., т. LXXXIX, февр., прилож., 37—64, мартъ, прил., 72—96, т. XC, апр., 103—128, май, прил., 129—142, іюнь, прил., 145—160, т. XCI, іюль,

прил., 162—175, авг., прил., 178, 192, т. XCII, окт., прил., 193—208, нояб., прил., 209—224, декаб., прил., 225—240.
Шуваловъ, гр., Ив. Ив., р. 1727 г., † 1798 г., т. LXXXIX, янв., 168, т. XCII, нояб., 263, декаб., 499, 501, 526.
Шуваловъ, гр., Пав. Андреев., ген.-ад., † 1823 г., т. XC, май, 211 231.
Шуваловъ, гр., Петръ Ив., ген.-лейт. 1748 г., т. XC, апр., прилож., 103—121, май, прил., 131—142, іюнь, прил., 147—159, т. XCI, іюль, прил., 164—174, авг., прил., 178—192, томъ XCII, окт., прил., 193—208, нояб., прил., 209—224, декаб., прил., 225—240.
Шуйскій, Ив. Васильев., бояринъ 1531 г., т. XCI, іюль, 193.
Шуйскій, кн., Ив. Ив., † 1638 г., т. XC, іюнь, 607.
Шуйскій, кн., Васил. Васил., бояринъ 1530 г., т. XC, іюнь, 606, томъ XCI, іюль, 190, 191, 194.
Шульгинъ, спб. об.-полиціймейст. 1824 г., т. LXXXIX, мартъ, 473, т. XCII, нояб., 391, 392.

Щ.

Щепинъ-Ростовскій, кн., декабр., т. LXXXIX, мартъ, 465.
Щепотьева, Варв. Мих., рожд. Свѣшникова, сообщ: „Встрѣча съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ". т. LXXXIX, мартъ, 505—511.
Щербатовъ, кн., москов., предводит., дворянства 1856 г., т. XCII, окт., 8.
Щербатовъ, кн., ген.-м., 1807 г., т. LXXXIX, февр., 257, т. XC, май, 315, т. XCI, сент., 621.
Щербатовъ, кн., ген.-ад. 1798 года, т. XCII, нояб., 301.
Щербининъ, М. П., предсѣдатель московск. цензурн. комит. 1862 г., т. XCII, нояб., 277.
Щербцовъ, кіевск. городничій 1842 г., т. XCI, сент., 639, 644. 645.

Э.

Эйлеръ, ген.-м. 1824 г., т. LXXXIX, янв., 14, 17.
Эйсмонтъ, ген. 1826 г, т. XC, апр., 32.
Эйхенъ, полковн. 1813 г., томъ XCI, сент, 610, 612.
Эльснеръ, Фанни, танцовщица, томъ XCII, нояб., 310.
Эммануэль, ген. 1817 г., т. XC, іюнь, 473.
Эмме, ген. 1817 г, т. XC, іюнь, 475.
Энгель, сенат. 1825 г., т. LXXXIX, мартъ, 483, 484.
Энгельгардтъ, бригадиръ 1783 года, т. XCI, сент., 536, 537.
Эонъ, кавалеръ 1758 г., т. XCII. нояб., 260, 261, 267, декаб., 526.
Эристовъ, кн., кутаисск. ген.-губ. 1856 г., т. XCII, нояб., 434.
Эристовъ, кн., ген. 1827 г., т. XCII, окт., 71, 72, 73, 75.
Эссенъ, ген. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 82—102, февр., 260—263, томъ XC, апр., 96, май, 300.
Эссенъ, бар., помѣщ. 1856 г., т. XCII, нояб., 249.

Ю.

Юдинъ, П., сообщ: „Изъ воспоминаній о А. А. Катенинѣ", томъ LXXXIX, янв., 177—190, „Мураніада", сатирич. стихи на А. Н. Муравьева", т. XCI, сент., 539—559, упом. т. XCII, окт., 217.
Юрьевскій, полковн. 1807 г., томъ LXXXIX, янв., 85, 95, т. XC, апр., 82, май, 311.
Юрьевы-Захарьины, бояре, т. XCI, іюль, 191—194.
Юсуповъ, кн., Никол. Борис., 1825 г., т. XC, апр., 12.
Юшковъ, помѣщ. † 1765 года, томъ LXXXIX, янв., 191, 192.
Юшневскій, ген.-интенд. 2-ой арміи. декабр., т. LXXXIX, февр., 207, 208.

Я.

Ягужинская, фрейлина, въ зам. гр-ня Ефимовская, т. LXXXIX, февр., прилож., 48.
Ягужинскій, Пав. Ив., ген.-прокур., впосл. кабинетъ министр., р. 1683 г., † 1736 г., т. LXXXIX, янв., 61, т. XCI, авг., 284, 287.
Языковъ, Никол. Мих., писат., род. 1803 г., † 1846 г., т. XC, май, 405.
Языковъ, ген., директ. уч. правовѣд., т. XC, апр., 161.

Яковлевъ, С. С., 1777 г., томъ XCI, авг., 412.
Якубовичъ, декабр., т. LXXXIX, мартъ, 465.
Якушкинъ, В, сообщ.; „Н. А. Милютинъ и редакціонныя комиссіи", т. XCII, окт., 139—158.
Ярастовъ, Ив., боярскій сынъ 1668 г., т. XCI, авг., 384.
Яхонтовъ, помѣщ. 1856 г., т. XCI, сент., 581.
Яшвиль, кн., ген. 1807 г., т. LXXXIX, янв., 85, т. XC, май, 314.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Степ. Степ., инж.-ген. 1818 г., род. 1763 г., † 1834 г., томъ XC, апр., 121—126.
Ѳедоровъ, ген.-лейт., н. д. новорос. и бессараб. ген.-губ. 1834 г., томъ LXXXIX, февр., 383, т. XC, іюнь, 501.
Ѳедоръ Кузьмичъ, старецъ, подвизавшійся въ Томск. губ. съ 1837 по 1864 г., т. XC, апр., 23—25.
Ѳедоръ Іоанновичъ, царь, т. XC, іюнь, 602, 605.
Ѳеоктистъ, еписк. Курскій 1794 г., т. XCI, авг., 411.
Ѳеодосій, архим. Кирилло-Бѣлозерск. монаст., впосл. архіеп. новгород. 1732 г., т. XCI, авг., 290.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіеп. новгородскій, т. LXXXIX, мартъ, 406, 407, т. XC, іюнь, 541, 542.

Указатель составила Вѣра Васильевна **Тимощукъ**.

29-й г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на иллюстрированный журналъ 1898 г.

НИВА

выходящій еженедѣльно, со многими безплатными приложеніями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1898 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

Полное собраніе сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА.

которое явится **первымъ** по полнотѣ содержанія: такъ какъ въ него войдутъ „Стихотворенія“ Тургенева, не помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ. Полное собраніе сочиненій Тургенева будетъ приложено къ «Нивѣ» въ теченіе одного 1898 года, въ 12 томахъ, отпечатанныхъ на хорошо глазированной бумагѣ, еще болѣе четко чѣмъ приложенія предыдущихъ лѣтъ, съ приложеніемъ автографа и портрета И. С. Тургенева, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ „Сборника Нивы“, по одному тому въ началѣ каждаго мѣсяца. Содержаніе отдѣльныхъ томовъ слѣдующее:

ТОМЪ I. Портретъ и факсимиле И. С. Тургенева. Предисловіе. Біографія И. С. Тургенева. Записки охотника. **ТОМЪ II.** Отцы и дѣти. Наканунѣ. **ТОМЪ. III.** Дымъ. Дворянское гнѣздо. **ТОМЪ IV.** Новь. Рудинъ. **ТОМЪ V.** Андрей Колосовъ. Бреттеръ. Три портрета. Жидъ. Пѣтушковъ. Дневникъ лишняго человѣка. Три встрѣчи. Муму. Постоялый дворъ. **ТОМЪ VI.** Два пріятеля. Затишье. Переписка. Яковъ Пасынковъ. Фаустъ. Поѣздка въ Полѣсье. Ася. **ТОМЪ VII.** Первая любовь. Признаки. Довольно. Собаки. Исторія лейтенанта Ергунова. Бригадиръ. Несчастная. Странная исторія. Степной Король Лиръ. **ТОМЪ VIII.** Вешнія воды. Стукъ...стукъ...стукъ! Пунинъ и Бабуринъ. Часы. Сонъ. Разсказъ отца Алексѣя. Отрывки изъ воспоминаній. Пѣснь торжествующей любви. **ТОМЪ IX.** Клара Миличъ. Стихотворенія въ прозѣ. Стихотворенія. **ТОМЪ X.** Вмѣсто предисловія. Неосторожность. Безденежье. Гдѣ тонко тамъ и рвется. Нахлѣбникъ. Холостякъ. **ТОМЪ XI.** Завтракъ у предводителя. Мѣсяцъ въ деревнѣ. Провинціалка. Разговоръ на большой дорогѣ. Вечеръ въ Соррентѣ. **ТОМЪ XII.** Литературныя и житейскія воспоминанія. Критическія статьи и рѣчи. Некрологи, письма. Переводы. Хронологическій и алфавитный указатель.

☛ Соч. Тургенева могутъ быть пріобрѣтены въ видѣ безплатнаго приложенія только въ теченіе 1898 г. и отдѣльно отъ «Нивы» не продаются. ☚

12 КНИГЪ **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“**, которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержатъ въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1898** г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Нивы“ со всѣми вышеозначенными приложеніями: Безъ доставки въ Спб. **5** р. **50** к. Съ доставкою въ Спб. **6** р. **50** к. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печковской) **6** руб. **25** к. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **7** руб. За границу **10** руб.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

1—1

14-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 г.** 14-й годъ изданія.

4 Р. на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ **4 Р.**

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

50 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№ въ годъ, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, П. Н. Каразинъ, К. М. Станюковичъ, Н. П. Боголюбовъ, А. Н. Гренъ, Э. Р. Циммерманъ, Ю. Кази-Бекъ, Н. А. Чоглоковъ, А. В. Павловъ, С. Л. Загорскій, К. В. Носиловъ (извѣстный путешественникъ) и др.

Кромѣ того, годовые подписчики, при доплатѣ одного рубля, получатъ **2 роскошныя преміи**, состоящія изъ 2-хъ большихъ художественныхъ картинъ (олеографій), размѣромъ 20¼ в. въ длину и 13½ в. въ ширину, исполненныхъ въ 28 красокъ въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ, съ оригиналовъ:

1) Проф. Ю. КЛЕВЕРА **„Зимній вечеръ въ деревнѣ“**. 2) Акад. К. ЛЕБЕДЕВА **„Отдыхъ на соколиной охотѣ“**. Оригиналы этихъ картинъ спеціально заказаны для премій 1898 года.

Всѣ подписчики получатъ **безплатно 12 томовъ** съ иллюстраціями лучшихъ заграничныхъ художниковъ собранія романовъ **ЖЮЛЯ ВЕРНА.**

Переводъ сдѣланъ съ полныхъ французскихъ подлинниковъ лучшими русскими переводчиками, безъ всякихъ измѣненій и сокращеній. Въ 1898 г. будутъ выданы слѣдующіе романы: **ПУТЕШЕСТВІЕ КАПИТ. ГАТТЕРАСА** 1 т., **ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЛУНУ** 1 т., **ВОКРУГЪ ЛУНЫ** 1 т., **ПЯТЬ НЕДѢЛЬ НА ВОЗДУШНОМЪ ШАРѢ** 1 т., **СТРАНА ПУШНЫХЪ ЗВѢРЕЙ** 2 т., **ЛЕДЯНОЙ СФИНКСЪ** 2 т., **ЧЕРНАЯ ИНДІЯ** 1 т., **ЮЖНАЯ ЗВѢЗДА** 1 т., **АРХИПЕЛАГЪ ВЪ ОГНѢ** 1 т., **ПАРОВОЙ ДОМЪ** 1 т., Форматъ приложеній съ 1897 г. значительно увеличенъ.

Подписчики, желающіе получить, кромѣ журнала „Вокругъ Свѣта“ съ приложеніями за 1898 г., еще собраніе романовъ соч. **Жюля Верна**, выданное въ 1897 г. и состоящее изъ 12 т., заключ. въ себѣ слѣдующіе романы: **80,000 верстъ подъ водою** 1 т., **Дѣти капитана Гранта** 3 т., **Таинственный островъ** 3 т., **Путешествіе къ центру земли. Зеленый лучъ. Вокругъ свѣта въ 80 дней. Воздушный корабль. Вверхъ дномъ**—доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ съ доставкою и пересылкою только **2 рубля.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: **НА ГОДЪ** съ собран. соч. **Жюля Верна**, съ доставкою и пересылкою **4** р. Допускается **разсрочка**: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р. За премію—при послѣднемъ взносѣ. Иллюстрированное объявленіе высылается безплатно.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Ильинскія ворота д. Титова.

Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержденнымъ Товариществомъ И. Д. Сытина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г.

ИЗДАЕТСЯ СЪ 1889.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

5 руб. безъ доставки въ Спб. **на годъ**; съ дост. и перес. во всѣ города Россіи **шесть** руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 рубля, къ 1 Февраля 1 руб., къ 1 Мая 1 руб. и къ 1 Іюля остальныя. **Пробный № высыл. за 7 к. марку.**

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№, каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 стран. плотной печати) заключаетъ въ себѣ разнообразное, интересное и полезное чтеніе. Девизъ журнала „польза и развлеченіе". *Редакція тщательно избѣгаетъ всего, что отзывается сухостью, всего, что можетъ наводить скуку на читателя.*

12 ВЫПУСКОВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ „ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ", сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго географа Ф. Гельвальда. Большаго формата, на лучшей бумагѣ, съ массою художественныхъ рисунковъ. Давая столь роскошное изданіе, Редакція увѣрена, что подписчики вполнѣ оцѣнятъ подобное приложеніе, которое въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 5 руб.

И КРОМѢ ТОГО НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ томовъ сочиненій

ФЕНИМОРА КУПЕРА

Объемомъ каждый отъ 200 до 240 стран., большаго формата, убористой печати.

1. Звѣробой. 2. Слѣдопытъ. 3. Послѣдній изъ могикановъ. 4. Піонеры. 5. Прерія. 6. Блуждающій огонь. 7. На сушѣ и на морѣ. 8. Хижина на холмѣ. 9. Краснокожіе. 10. Красный корсаръ. 11. Колонія на кратерѣ. 12. Пѣнитель моря.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: С.-Петербургъ, Стремянная, собств. домъ № 12.

Издатель П. Сойкинъ.—Редакторъ Ф. Груздевъ.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Издается съ 1885 г.

5 рублей безъ доставки. 6 рублей съ доставкой и пересылкой

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА

Подъ редакціею

А. И. Поповицкаго и при участіи

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ представляетъ собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1898 ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

52 иллюстрированныхъ №№ Каждый нумеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большаго формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художествен. рис.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на плотной бумагѣ объемомъ каждая 10—12 листовъ (160—200 стран.)

И КРОМѢ ТОГО НА МЕТАЛЛѢ **БЕЗПЛАТНО** ИСПОЛНЕННАЯ ВЪ 12 КРАСОКЪ

РАЗМѢРОВЪ 5×6 ВЕРШКОВЪ ВЪ РЕЛЬЕФНОЙ ЗОЛОЧЕНОЙ РИЗѢ

Копія съ чудотворной

ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ ВОГОРОДИЦЫ

Въ 12 книжкахъ «РУССКАГО ПАЛОМНИКА» будетъ дано:

1) **На каждый день.** Сказанія изъ жизни святыхъ православной церкви восточныхъ и русскихъ, народные обычаи, повѣрья, обряды, легенды и преданія, 1-е полугодіе, мѣсяцы январь—іюнь. И. Ф. Тюменева. 2) **Послѣдніе дни Іерусалима.** Историческая повѣсть Д. Л. Мордовцева. 3) **Книга бытія моего.** Извлеченіе изъ воспоминаній о Востокѣ епископа Порфирія Успенскаго. 4 и 5) **Аѳонскій подвижникъ.** Графини Багреевой-Сперанской 6) **По слѣдамъ апостола Павла.** Жизнь и дѣятельность великаго апостола языковъ. А. Александрова. 7) **На каждый день.** 2-е полугодіе мѣсяцы іюль—декабрь И. Ф. Тюменева 8) **Пророчица Соломея.** Историческая повѣсть изъ быта поволжскихъ раскольниковъ. С. Воронина. 9) **Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Москву въ XVII в.** Перев. съ арабскаго проф. Г. А. Муркоса. 10) **Защитники христіанства.** (апологеты). Проф. И. В. Реверсова. 11) **Паденіе Константинополя.** Историческій очеркъ Ѳ. Е. Шеляговскаго, 12) **Святыня Придѣпровья.** Очерки и разсказы изъ путешествій по св. обителямъ Юга. С. Л. Астафьева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ безъ доставки въ Спб. **ПЯТЬ** р. **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**

Съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи **ШЕСТЬ** руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 1 руб., къ первому іюня 1 руб. и къ 1-му августа остальные.

Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 7 коп. марку.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ.

3—1

Екатеринбургъ **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ** Пермской губ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„УРАЛЪ"

ГАЗЕТА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ — внутренней и внѣшней политики, мѣстнымъ, общественнымъ, *горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла.* 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ. 3) Дѣйствія и распоряженія правительства. 4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 5) *Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообще въ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этого дѣла* и всѣ касающіяся его извѣстія, какъ русскія, такъ и заграничныя. 6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7) Обозрѣніе событій общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. 8) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 9) Обозрѣніе газетъ и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библіографическіе отзывы о появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ. 10) Новости театра, музыки, искусствъ, ремеслъ и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ. 11) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фельетоны. 12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ. 14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. 15) Статьи и извѣстія по народному образованію. 16) Статьи и извѣстія о движеніи акціонерныхъ компаній, обществъ и разныхъ видовъ товариществъ. 17) Биржевыя извѣстія. Ярмарки и урожаи. 18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ. 19) Казенныя и частныя объявленія.

„Уралъ", кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской такъ и заграничной жизни, по скольку послѣдняя касается Россіи, будетъ посвященъ также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывать этими отдѣлами будутъ приглашены спеціалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты „Уралъ" будутъ получать Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми бюллетенями, иногороднымъ же подписчикамъ таковые же бюллетени будутъ высылаться со слѣдующимъ нумеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкою и пересылкою:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На полгода	4 р. — к.	На полгода	4 р. 50 к.
На три мѣсяца	2 р. 50 к.	На три мѣсяца	2 р. 75 к.
		На одинъ мѣсяцъ . . .	1 р. — к.

Допускается разсрочка—при подпискѣ — 3 руб., къ 1 мая — 3 руб., и къ 1 сентября— 2 руб. Цѣна отдѣльнаго нумера 5 коп.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ—въ конторѣ редакціи „Урала".

Издатель *В. Г. Чекинъ.* За редактора *П. И. Пѣвинъ.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

(Подписной годъ съ 1-го октября 1897 г. по 1-е октября 1898 г.)

Научно-литературный и политическій журналъ

НОВОЕ СЛОВО

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Редакція „НОВАГО СЛОВА“, кромѣ общихъ задачъ научно-литературнаго журнала, ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе явленій общественной жизни Россіи и сопоставленіе ихъ съ условіями и фактами жизни иностранной. Въ виду этого, помимо постоянныхъ отдѣловъ („Текущіе вопросы внутренней жизни“, „Факты и цифры изъ русской дѣйствительности“, „Изъ жизни провинціи“ и „Иностранное обозрѣніе“) въ журналѣ помѣщаются еще „Письма изъ провинціи“ и „Письма изъ-за границы“

Будучи свободной отъ мѣстныхъ вліяній и воздѣйствій и придавая серьезное значеніе освѣщенію различныхъ явленій провинціальной жизни, редакція „НОВАГО СЛОВА“ проситъ лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ журнала, оказать ей содѣйствіе въ развитіи провинціальнаго отдѣла какъ доставкою фактическаго матеріала такъ и присылкою корреспонденцій.

Редакція стремится давать въ библіографическомъ отдѣлѣ своевременные отзывы о всѣхъ выдающихся произведеніяхъ нашей литературы, и поэтому обращается съ просьбой къ издателямъ о присылкѣ вновь выходящихъ изданій.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

К. С. Баранцевичъ, проф. И. И. Боргманъ, С. Н. Булгаковъ, В. П. Быстренинъ, Ю. Н. Вагнеръ, В. Вересаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. В. Водовозовъ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій). М. О. Гершензонъ, М. Горькій (А. М. Пѣшковъ), И. А. Гурвичъ, А. Ельцова, А. М. Калмыкова, Л. Ф. Кржвицкій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, Г. А. Мачтетъ, проф. П. Н. Милюковъ, В. Г. Михайловскій, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. А. Никоновъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, А. В. Погожевъ, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, Д. Д. Протопоповъ, В. Я. Свѣтловъ, М. Н. Семеновъ, П. Б. Струве. В Л. Сѣрошевскій, М. И. Туганъ-Барановскій, В А. Фаусенъ, Максъ Форворнъ, (проф. Іенскаго унив.). Ив. Франко, проф. Н. А. Холодковскій, Е. Н. Чириковъ, Т. Цигенъ (Th. Ziehen, проф. Іенскаго унив.), А. С. Шабельская, О. А. Шапиръ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, А. И. Эртель, В. Я. Яковлевъ и др.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 р. на полгода 5 р. на три мѣсяца 2 р. 50 к.; безъ пересылки на годъ 9 р.; съ пересылкой за границу на годъ 12 р.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издатель М. Н. Семеновъ

8—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

XI-й годъ изданія „СѢВЕРЪ“ XI-й годъ изданія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ,

выходящій подъ редакціей А. А. Коринфскаго.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе: М. Н. Альбовъ, А. В. Амфитеатровъ, К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Е. Зиринъ, А. В. Круглевъ, М. А. Лохвицкая, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Михаловскій, проф. Н. А. Орловъ, И. Н. Потапенко, гр. Е. А. Салиасъ, В. Я. Свѣтловъ, К. К. Случевскій, проф. Н. В. Сорокинъ, Вл. А. Тихоновъ, кн. Э. Э. Ухтомскій, К. М. Фофановъ, Антонъ П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, Й. Л. Щеглевъ и др. извѣст. писатели,

Въ 1898 году подписчики журнала „Сѣверъ“ получатъ:

52 №№ богато иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ съ цвѣтными рис. извѣстн. русск. и иностранныхъ художн. **12 №№**

52 №№ еженедѣльной газеты **„СѢВЕРЪ“** (въ форматѣ газетнаго листа убористой печати).

12 томовъ Библіотеки „Сѣвера“, каждый томъ—объемомъ 160 до 240 стр. плот. шрифта, въ которомъ будетъ дано

СОБРАНІЕ НОВѢЙШИХЪ РОМАНОВЪ

ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА:

1) „БЕЗЪ ДОГМАТА“, ром. въ 3 ч. 2) „СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ“. ром. въ 2 ч. 3) „QUO VADIS?“ („Камо грядеши“?), историч. ром. въ 11 ч. 4) „КРЕСТОНОСЦЫ“, больш. историч. ром. Этими произведеніями знаменитый писатель создалъ себѣ во всемірной литературѣ громкое имя.

Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**, со множествомъ разнообразныхъ рисунковъ въ текстѣ.

12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваній, рукодѣлій, монограммъ, съ пояснительнымъ текстомъ, на отдѣльныхъ большихъ листахъ.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала **„ХОЗЯЙСТВО и ДОМОВОДСТВО“.**

КРОМѢ ВСЕГО ЭТОГО, ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ „СѢВЕРА“ ПОЛУЧАТЪ

БЕЗПЛАТНО

РОСКОШНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ:

48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій

ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

Къ альбому будутъ приложены: 1) портретъ И. С. Тургенева, 2) вступительная статья объ И. С. Тургеневѣ и 3) пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ. Литературно-художественная цѣнность этой главной на 1898 г. преміи журнала „Сѣверъ“ выпустившаго уже свои художественные альбомы къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится внѣ всякаго сомнѣнія.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями и преміями:

6 Р. на годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ | **7 Р.** съ достав. и перес. во всѣ города Россіи; за границу на годъ 11 р.

На 6 м. съ дост. и пер. 3 р. 50 к.
„ 3 „ „ „ „ 1 „ 75 „
„ 1 „ „ „ „ — „ 60 „

Подписка адресуется въ Главную контору журнала „Сѣверъ“ (СПБ., Екатерининская д. № 4) на имя издателя. Н. О. Мертца.

3—1

Открыта подписка на 1898 годъ.

30-й годъ изд.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Въ настоящее время „Всемірная Иллюстрація" занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ изданій Европы.

Всемірная иллюстрація даетъ въ годъ болѣе тысячи художественно выполненныхъ рисунковъ и болѣе трехъ тысячъ столбцовъ разнообразнѣйшаго текста.

Всемірная иллюстрація заручилась участіемъ извѣстныхъ писателей и художниковъ.

Годовая цѣна: въ С.-Петерб. безъ дост. 15 р., съ дост. 17 р., съ перес. во всѣ города имперіи 18 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій фирмы книгоиздательства Германъ Гоппе высылаются по требованію безплатно.

Превзошедшій всякія ожиданія успѣхъ экстренныхъ приложеній ко «Всемірной Иллюстраціи» прошлыхъ лѣтъ—Стихотвореній Кольцова, „Книги пѣсенъ", Гейне, „Пѣсенъ Беранже", „Сочиненій графа Л. Н. Толстого" и „Натана Мудреца" Лессинга—побуждаетъ ее предложить подписчикамъ на будущій—1898 г. два подарка какъ бы въ pendant къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ; «Всемірная Иллюстрація» дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ всемірной и русской литературъ:

«ФАУСТЪ»

трагедія І. В. Гёте съ многочисленными иллюстраціями первоклассныхъ германскихъ художниковъ въ стихотворномъ одобренномъ и исправленномъ самимъ Пушкинымъ, переводѣ Э. И. Губера и

ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

съ великолѣпными иллюстраціями выдающихся русскихъ художниковъ.

Въ это изданіе войдетъ около десяти крупныхъ произведеній Лермонтова. Такая премія должна много говорить сердцу русскаго человѣка, который готовъ перечитывать перлы поэзіи Лермонтова.

Кромѣ того „Всемірная Иллюстрація" даетъ:

ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: С.Петербургъ, Садовая 22.

3—1

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(35-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:			На города съ пересылкой:			За границу съ пересылкой:		
на 12	мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12	мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12	мѣсяцевъ	18 р. — к.
„ 6	„	5 „ 50 „	„ 6	„	6 „ — „	„ 6	„	9 „ — „
„ 3	„	3 „ — „	„ 3	„	3 „ 50 „	„ 3	„	4 „ 80 „
„ 1	„	1 „ — „	„ 1	„	1 „ 20 „	„ 1	„	1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 12 мѣсяцевъ 85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяцъ—1 руб. 2—1

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1898 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ Ѳ. Мищенко.

3—1

Открыта подписка на 1898 годъ на

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

журналъ литературно-научный и политическій.

Въ книжкахъ «Сѣв. В.» 1898 г. будутъ напечатаны повѣсти В. Микулича, В. Немировича-Данченко, О. Шапиръ; „СОВРЕМЕННАЯ НАУКА“ Карпентера, съ введеніемъ гр. Л. Н. Толстого, „О ГУБЕРНАТОРАХЪ“ прив.-доц. В. Гессена, „ПРОЕКТЪ УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ“ проф. И. Фойницкаго, „МИЦКЕВИЧЪ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО“ В. Чуйко, „РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ ЗАП. ЕВРОПѢ“ Н. Райхесберга и мн. др.; въ приложеніи къ журналу будетъ данъ переводъ книги проф. Штаммлера: „ХОЗЯЙСТВО И ПРАВО СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ“.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Арефьевъ, К. Бальмонтъ, проф. Ѳ. Батюшковъ, П. Боборыкинъ, П. Вейнбергъ, А. Волынскій, Н. Гереншгейнъ, прив.-доц. В. Гессенъ, П. Гнѣдичъ, М. Горькій, Н. Дружининъ, А. Каменскій, Н. Карабчевскій, В. Кареннинъ, проф. А. Кирпичниковъ, А. Коптяевъ, Б. Корженевскій, Котъ-Мурлыка, М. Лохвицкая, В. Льдовъ, Е. Лѣткова, В. Микуличъ, Н. Минскій, Вас. Немировичъ-Данченко, Вл. Немировичъ-Данченко, Ф. Нефедовъ, проф. Д. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Оршанскій, М. Петровъ, А. Рейнгольдтъ, Л. Салова, проф. В. Сергѣевичъ, С. Смирнова, В. Спасовичъ, А. Субботинъ, П. Тверской, гр. Л. Н. Толстой, проф. А. Трачевскій, М. Чайковскій, В. Чуйко, О. Чюмина, О. Шапиръ, В. Шенрокъ, А. Шеллеръ, проф. Л. Шепелевичъ, В. Ширковъ, проф. Е. Шмурло, проф. И. Фойницкій К. Фофановъ, проф. Н. Холодковскій, І. Ясинскій, А. Эртель. и мн. др.

Въ 1897 въ „Сѣв. В.“ напечатаны беллетристическія произведенія гг. П. Гнѣдича, М. Горькаго, Кота-Мурлыки, Вл. Немировича-Данченко, С. Смирновой, В. Ширкова, І. Ясинскаго и др., статьи гг. Н. Дружинина, Н. Карабчевскаго, проф. А. Кирпичникова, проф. Д. Овсянико-Куликовскаго, проф. И. Оршанскаго, проф. В. Сергѣевича, проф. А. Трачевскаго, М. Чайковскаго, В. Чуйко, проф. Л. Шепелевича, проф. Е. Шмурло и мн. др.

Начиная съ майской книги 1897 г., «Сѣверный Вѣстникъ» издается

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Съ облегченіемъ условій изданія, въ виду снятія съ журнала предварительной цензуры, редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ желаетъ расширить провинціальный отдѣлъ и проситъ лицъ, имѣющихъ къ тому возможность, доставлять матеріалы, пригодные для обработки въ областномъ отдѣлѣ, а также самостоятельныя замѣтки и корреспонденціи касательно явленій мѣстной жизни, текущихъ интересовъ мѣстнаго общества, народнаго образованія, дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, всевозможныхъ общественныхъ начинаній и т. п.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи. Главная контора: Спб., Б. Московская, д. 11, въ Москвѣ—въ конторѣ И. Печковской, Петровскія линіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.:	На 1 мѣс.
Для иногородныхъ съ перес.	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к.
» Въ СПБ. съ дост.	11 » — »	5 » 50 »	2 » 1 »	— » — »
» заграничныхъ....	14 » — »	7 » — »	4 »	

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка въ кредитъ (при подпискѣ въ Гл. Конторѣ); также и для частныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ—за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Пробный № высылается за 28 к. (марками). Новые подписчики получатъ безплатно первые части (напечат. въ 1897 г.) ром. Генр. Сенкевича «Крестоносцы“ который продолжится печатаніемъ въ 1898 г.

Редакторъ-издательница А. Я. Гуревичъ.

3—1

Подписка на 1898 годъ открыта

для ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ“ попрежнему будетъ стремиться, по мѣрѣ силъ, отвѣчать на запросы мѣстной жизни, ея злобъ дня въ области бытовой и экономической Увеличивающееся постепенно число читателей, возрастающее количество сотрудниковъ изъ мѣстной интеллигенціи, служащее доказательствомъ развитія общественной жизни и роста интеллигенціи провинціи, облегчаетъ задачу газеты: редакція съ удовольствіемъ и благодарностью будетъ принимать заявленія и письма читателей, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, стараясь давать имъ широкое распространеніе, въ интересахъ общественной жизни.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею обще-русскіе интересы — русское дѣло и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго отечества. Въ „Виленск. Вѣсти.“ читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя одновременно съ столичными газетами; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о нихъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I. ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія девяти губерніи Сѣверо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылаться БЕЗПЛАТНО.

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	4 р. — к.
На 3 »	1 р. 80 к.	На 3 »	2 р. 50 к.
На 2 »	1 р. 20 к.	На 2 »	1 р. 80 к.
На 1 »	—р. 70 к.	На 1 »	1 р. — к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

годовымъ подписчикамъ иногородн. при подпискѣ 3 р., 1 мая 3 р., и 1 сентября 2 р.
городскимъ 1 января 2 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 сентября 1 руб.
НАРОДНЫМЪ УЧИТЕЛЯМЪ: на 1 годъ 6 р.; 1 января 2 р., 1 мая 2 руб. и 1 сентября 2 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣсти.», на большой ул., д. Св. Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.-

Въ Минскѣ у М. К. Шеффера, Полицейская улица, въ Книжномъ магазинѣ Фрумкина и Френкеля, въ Ковнѣ, въ книжномъ магазинѣ Осовскаго.

Редакторъ-издатель П. БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

Съ приложеніемъ «Педагогическаго Листка» для родителей и учителей на 1898 г.

(ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Дѣтское Чтеніе“ разрѣшенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни; журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» помѣщаются: а) повѣсти, разсказы и сказки (оригинальные и переводные;) б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу-свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки игры и занятія; и) задачи, ребусы, шарады и проч.

При журналѣ «Дѣтское Чтеніе» издается „Педагогическій Листокъ“, выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 4-до 6 листовъ. Большая часть статей „Педагогическаго Листка“ посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и народному образованію.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ помѣщаются періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ всѣхъ выходящихъ книгъ для дѣтей, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и въ „Педагогическомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: Альбовъ М. Н.—Баранцевичъ К. С.—Вагнеръ М. П.—Вагнеръ В. А.—Величко В. Л.—Гиляровскій В. А.—Глинскій Б. Б.—Гольцовъ В. А.—Гославскій Е. П.—Дрожжинъ С. Д.—Ельницкій.—Ермиловъ В. Е.—Засодимскій П. В.—Зенченко С. В.—Ивановъ И. И.—Кашкинъ Н. Д.—Кивеветтеръ А. А.—Карелинъ М. Т. Коропчевскій Д. А.—Лавровъ В. М.—Ладыженскій В. Н.—Лукашевичъ К. В.—Маминъ-Сибиракъ Д. Н.—Мачтетъ Г. А.—Медвѣдевъ Л. М. Мечъ С. П. —Михаловскій Д. Л.—Михѣевъ В. М.—Мордовцевъ Д. Л. Невѣжинъ П. М.—Немировичъ-Данченко В. И.—Немировичъ Данченко Вл.И.—Николаева М. К.—Оболенскій Л. Е.—Ануфріевъ В. И.—Острогорскій Ал. Н.—Острогорскій В. П.—Потапенко И. Н.—Рубакинъ Н. А.—Семеновъ Д. Д.—Семенова С. Т.—Сергѣенко П. А.—Сизова А. К.—Скабичевскій А. М.—Слѣпцова М. Н.—Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А.—Станюковичъ К. М.—Свѣтловскій Е. В.—Чеховъ А. П.—Эвариицкій Д. И.—Ѳедоровъ-Давыдовъ А. А. Въ художественномъ отдѣлѣ: Бемъ Е. М.—Данковичъ М. М.—Андреевъ В. И.—Гугунава И. Г.—Конюсъ Ю. Э.—Коровинъ С. А.—Максимовъ В. М.—Чичаговъ К. И.—Степановъ А. С.—Хохряковъ др.

Въ 1898 году между прочимъ будутъ напечатаны:

большая повѣсть И. Н. Потапенко „Два таланта“; повѣсть П. А Сергѣенко „Сестра Милосердія“; Д. Н Мамина-Сибиряка „Свѣтлячка“. миніатюры изъ жизни природы; разсказы К. С. Баранцевича, К. М. Станюковича, Е. П. Гославскаго, И. И. Иванова «Вальтеръ Скотъ» біографическій очеркъ; Д. А Коропчевскаго историко-культурные и географическіе очерки; Б. Б. Глинскаго, историческіе очерки, и др.

Подписная цѣна на годъ:

Безъ доставки въ Москвѣ. **5 р.** | Съ доставкой и пересылкою во всѣ г. Россіи. **6 р.** | За границу **8 р.**

На полгода—3 руб., на четверть года—1 руб. 50 коп.

Плата за объявленія въ журналѣ: за страницу 20 р. за полстраницы 30 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская улица, д. Гирмана, кв. Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. (Книгопродавцы пользуются уступкой 30 к. съ экземпляра).

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) документы, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библіографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. И. Василенка, В. П. Горленка проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Лясковскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, Ѳ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И Петрова, Б. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Подписчикамъ 1896 и 1897 гг. будутъ разсылаемы, по мѣрѣ выхода изъ печати, листы 1 и 2-го тома „Малороссійскаго Словаря"

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 » 50 »
За границу.	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины" за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14,) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется Книжный Складъ преимущественно содержащій въ себѣ книги, касающіеся Юга Россіи. Подробный каталогъ будетъ приложенъ къ № 1 будущаго 1898 года.

3—1

Издатель К. М. ГАМАЛѢЙ. Редакторъ В. П. НАУМЕНКО.

Открыта подписка на 1898 годъ (V-й годъ изданія)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Наука, научная философія, литература, исторія культуры).

Составъ сотрудниковъ и характеръ журнала остаются прежніе: естественныя и общественныя науки, психологія и литературная критика, корреспонденціи изъ-за границы, относящіяся къ предметамъ науки, литературы и искусства. Цѣль журнала—слѣдить за движеніемъ науки, а также давать статьи научнаго характера. Редакція стремится совмѣстить строгую научность съ доступностью изложенія.

Въ 1898 году, кромѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей и корреспонденцій, будутъ напечатаны, съ особымъ счетомъ страницъ, одно переводное приложеніе и три оригинальныхъ: 1) Гельвальдъ. Исторія античной и средневѣковой культуры. Съ табл. рис. 2) Б. Львовъ. Соціальный законъ. Соціологія на исторической почвѣ. 3) А. Рязанцевъ. Опытъ элементарнаго изложенія новѣйшей теоріи электричества. 4) К. Трубецкой. Русская поэзія со временъ Некрасова. 5) Одинъ капитальный переводный трудъ.

Подписная цѣна: на годъ СЕМЬ руб. (за границу ДЕСЯТЬ руб.), на полгода ЧЕТЫРЕ руб. При обращеніи въ редакцію допускается разсрочка по рублю къ мѣсяцъ. Народнымъ учителямъ и учительницамъ, фельдшерамъ и фельдшерицамъ—уступка (пять рублей въ годъ, съ разсрочкой по желанію).

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Екатерининская ул., д. 6, кв. 8.

Редакторъ-издатель д-ръ философіи М. ФИЛИППОВЪ.

Открыта подписка на изданіе редакціи «Научнаго Обозрѣнія»

НАУЧНЫЙ СЛОВАРЬ

(Не менѣе 600 стр. убористой печати).

СЛОВАРЬ содержитъ подробное объясненіе терминовъ по естеств. и обществ. наукамъ, географическія и историческія имена, математическія и химическія формулы.

Выйдетъ всего 15 выпусковъ. № 1 появится 20-го января 1898 года, остальные послѣдуютъ приблизительно ежемѣсячно (исключая лѣтнихъ мѣсяцевъ), такъ что редакція обѣщаетъ закончить все изданіе въ теченіе 18 мѣсяцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для подписчиковъ «Научнаго Обозрѣнія» безъ перес. 2 р., съ пер . 3 р. Для постороннихъ лицъ безъ перес. 4 р., съ перес. 5 р. Допускает[ся] уплата въ два срока. Наложеннымъ платежемъ на 40 к. дороже. По з[а]крытіи подписки, цѣна будетъ повышена.

Подписка принимается въ редакціи «Научнаго Обозрѣнія». С.-Петер[бургъ], Екатерининская ул., д. 6, кв. 8.

Редакторъ-издатель д-ръ философіи М. ФИЛИППОВЪ.

1—1

ста и окружности груди пермских
ников по полу, возрасту их и по
сии их родителей, видно, что маль-
дѣти крестьянъ, имѣютъ грудь не-
шире полуроста, слѣдовательно вполнѣ
ьную; заводскія дѣти обладаютъ бо-
лабою грудью, а дѣти горожанъ—со-
узкою, въ особенности въ возрастѣ
5 лѣтъ. Дѣвочки всѣ узкогруди по от-
ію къ ихъ полуросту. Такимъ обра-
школа усиливаетъ ростъ и задержи-
развитіе грудной клѣтки *).
четвертой главѣ говорится объ
ности головы, а въ пятой, послѣд-
о цвѣтѣ волосъ и глазъ учащихся дѣ-
Пермской губерніи. Преобладающая
ка волосъ учениковъ—русая—въ круг-
цифрахъ 40%; темно-русыхъ 32%,
урыхъ 27%, незначительный процентъ
къ и черныхъ. Свѣтлая окраска глазъ
ладаетъ надъ темною: три четверти
—голубоглазыя, а только 22%—съ
ими глазами.
конечномъ выводѣ авторы приходятъ
лѣдующему заключенію: на сѣверѣ
ской губерніи—низкій ростъ и болѣе
ая окраска волосъ и глазъ въ сравне-
ъ югомъ губерніи; школа оказываетъ
е ускоряющее вліяніе на ростъ дѣ-
ростъ горожанъ и вообще дѣтей интел-
тныхъ выше роста крестьянъ, а завод-
дѣти составляютъ какъ бы переходную
нь; школа, ускоряя ростъ въ продоль-
направленіи, задерживаетъ ростъ по-
ный—ростъ грудной коробки, умень-
ёмкость груди отъ 10% до 25% и въ
нности у дѣвочекъ.
концѣ книги приложены различныя
ицы и карты Пермской губерніи, со-
енныя, на основаніи сдѣланныхъ изъ
ріаловъ выводовъ.
иги, подобныя разсмотрѣнной нами,
обствуютъ разъясненію вопроса о пра-
ой постановкѣ школьнаго дѣла, и имъ
я не пожелать самаго широкаго распро-
ненія.

Н. К-ш-ъ.

большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣ-
рскаго монастыря. Н. Успенскій.
ніе Императорскаго Общества исто-
и древностей Россійскихъ при Мо-
скомъ университетѣ. Москва.

сскіе монастыри, владѣя до 1764 года
нами и разными промыслами, есте-
но, нуждались во многихъ лицахъ, для
вленія своими дѣлами. Кромѣ настоя-
архимандрита, игумена, строителя), со-
точивавшаго въ своихъ рукахъ власть,
лавѣ древне-русской обители стояли
«соборные старцы», раздѣлявшіе съ
настоятелемъ дѣла управленія; это были келарь и казначей—второе и третье лицо въ монастырѣ.

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ существовалъ такой же порядокъ управленія, съ тою лишь особенностію, что вслѣдъ за настоятелемъ тамъ выдѣлялся особый соборный старецъ со своимъ кругомъ обязанностей. Этотъ старецъ сперва не имѣлъ для себя никакого наименованія и назывался просто старцемъ или государемъ-старцемъ; въ XVII вѣкѣ онъ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ **большаго строителя** или просто строителя, и, наконецъ, въ началѣ XVIII столѣтія получилъ титулъ намѣстника, который былъ удержанъ монастырскими штатами 1764 года и сохранился до настоящаго времени.

Г-нъ Успенскій въ своемъ очеркѣ, составленномъ на основаніи различныхъ архивныхъ матеріаловъ и состоящемъ изъ трехъ главъ, прежде всего даетъ общія свѣдѣнія о большихъ строителяхъ и устанавливаетъ фактъ существованія ихъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, а также опредѣляетъ кругъ ихъ дѣятельности.

Во **второй** главѣ авторомъ приведенъ списокъ большихъ строителей, въ которомъ указаны келари и казначеи, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ или другимъ строителемъ; здѣсь же перечислены и тѣ келари, которые проходили свою службу въ монастырѣ **безъ** большихъ строителей. Первымъ большимъ строителемъ былъ Ѳеогностъ **Старой**, при игуменѣ Игнатіи (1471—1475 гг.); это былъ, вѣроятно, тотъ самый старецъ, который 13-го мая 1422 года, по благословенію преподобнаго Кирилла, началъ писать книгу «Лѣствицу», сохранившуюся доселѣ.

Въ **третьей** главѣ г. Успенскій выясняетъ причины, вызвавшія существованіе большихъ строителей. По словамъ автора, необходимость имѣть замѣстителя настоятеля и такое лицо, которое сосредоточивало бы, въ видахъ удобства, въ однѣхъ рукахъ хозяйственное управленіе, раздѣленное по службамъ, выдвигала на первое мѣсто среди соборной братіи нѣкоего соборнаго старца, извѣстнаго въ XVII вѣкѣ подъ именемъ **большаго строителя** «Когда, подъ воздѣйствіемъ новаго отношенія правительства къ монастырю, исконный монастырскій укладъ властей рушился, эта должность, стоявшая, по своему характеру, въ противорѣчіи съ соборнымъ управленіемъ, послѣ недолгаго уничтоженія, была возстановлена въ началѣ XVIII в. подъ именемъ сначала казначея, а потомъ намѣстника, и была, наконецъ, признана преобразованіями 1764 года штатною въ монастыряхъ перваго класса».

Книга г. Успенскаго снабжена множествомъ подстрочныхъ примѣчаній, свидѣтельствующихъ, что автору, для составленія этого очерка, пришлось потратить немало труда и времени.

Н. К-ш-ъ.

*) Проф. Вирховъ приписываетъ заболѣ-
е грудныхъ органовъ среди учащихся—
мо вліянію школъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

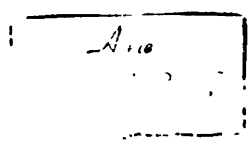
Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1897 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„М. И. СЕМЕВСКІЙ" основатель историческаго журнала „**Русская Старина**". Его жизнь и дѣятельность. 1837–1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевскаго и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины" **2** рубля.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.



THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
5 1986
CANCELLED
JUL 1 1996
Not 7/28

2044 099 719 015